

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

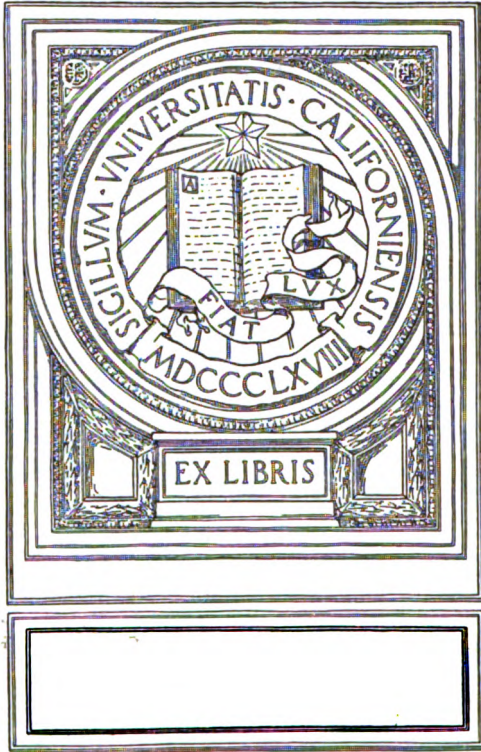
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WMM

26/28

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХVII.

1898.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о. Наб. Фонтанки, д. 95.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Синтактическія наблюденія . .	1
Г. В. Форстенъ. Опошенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648—1700) (<i>продолженіе</i>)	48
В. Н. Перетцъ. Изъ исторіи пословицы	104
В. О. Эйгорнъ. Дипломатическія сношенія московскаго прави- тельства съ правобережною Малороссіей въ 1673 году .	118
С. Е. Савичъ. О математическихъ трудахъ Конта	152

КРИТИКА И ВИБЛІОГРАФІЯ.

С. О. Платоновъ. Письма Константина Николаевича Бестужева- Рючина о Смутномъ времени. С.-Пб. 1898	170
С. О. Платоновъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Николая Бар- сукова</i> . Книга двѣнадцатая. С.-Пб. 1898	176
Ю. П. Вартеневъ. <i>В. А. Кожевниковъ</i> . Философія чувства и вѣра въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и критическая философія. Часть первая. Москва. 1897.	179
А. С. Архангельскій. Каталогъ собранія рукописей О. И. Бу- слаева, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ. Составилъ <i>И. А. Бичковъ</i> . С.-Пб. 1897.	194
С. А. Жебелевъ. Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпуски I—IV. Составилъ академикъ <i>В. В. Суслоевъ</i> . С.-Пб	214
— Книжныя новости	218
— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Казанскій уни- верситетъ въ 1896—1897 году	1
— II. Императорскій Юрьевскій университетъ въ 1897 году .	10
К. Нечаевъ. Порѣцкая учительская семинарія въ первые 25 лѣтъ ея существованія	16
А. Т. Письмо изъ Рима	39
Л. А.—ръ. Письмо изъ Парижа	48
А. Г. Вопросъ о гонорарѣ и профессорскомъ жалованьи въ Прусской палатѣ депутатовъ въ 1897 году	60

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Б. Фармаковскій. Вакхилидъ и аттическое искусство V вѣка . .	49
И. О. Анненскій. „Юныя жертвы, или Тесей“ Вакхилида	54
П. В. Накитинъ. Къ Вакхилиду	58
В. В. Майковъ. Два эпипики Пиндара	63
И. О. Анненскій. Посмертная „Ифигенія“ Еврипида	67
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Varia</i> (<i>продолженіе</i>)	84

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.
(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХVII.

1898.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ“ и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1898.

L451.
A4
v.317

TO THE
LIBRARY OF THE
CONGRESS

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (16-го февраля 1898 г.). *О закрытіи одного изъ существующихъ при Иркутской учительской семинаріи начальныхъ училищъ и объ учрежденіи взамѣнъ онаго приготовительнаго класса при этой семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о закрытіи одного изъ существующихъ при Иркутской учительской семинаріи начальныхъ училищъ и объ учрежденіи взамѣнъ онаго приготовительнаго класса при этой семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, о закрытіи одного изъ существующихъ при Иркутской учительской семинаріи начальныхъ училищъ и объ учрежденіи взамѣнъ онаго приготовительнаго класса при этой семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ начала 1898—1899 учебнаго года, при Иркутской учительской семинаріи приготовительный классъ съ интернатомъ для тридцати воспитанниковъ.

II. Учителю означеннаго класса (отд. I) присвоить содержаніе въ размѣрѣ *одной тысячи двухсотъ* рублей въ годъ (въ томъ числѣ жа-

1*

855880

лованья 650 р. и столовыхъ 550 р.), VIII классъ по чинопроизводству, VIII разрядъ по штыю на мундиръ и пенсію по учебной службѣ наравнѣ съ штатными учителями наукъ Иркутской учительской семинаріи.

III. Упразднить съ указаннаго въ отд. I срока одно изъ двухъ, существующихъ нынѣ при Иркутской учительской семинаріи, начальныхъ училищъ, съ сокращеніемъ числа казенныхъ воспитанниковъ оныхъ съ 65 до 30 и съ уменьшеніемъ числа ихъ учителей съ 4 до 2.

IV. Вызываемый настоящею мѣрою (отд. I) расходъ: въ 1898 г. въ количествѣ *двухъ тысячъ семисотъ* рублей (въ томъ числѣ 600 р. на вознагражденіе учителя и 2.100 р. на содержаніе интерната приготовительнаго класса) и, начиная съ 1-го января 1899 г., въ количествѣ *пяти тысячъ четырехсотъ* рублей ежегодно (въ томъ числѣ 1.200 р. на вознагражденіе учителя и 4.200 р. на содержаніе интерната приготовительнаго класса) отнести на сбереженія отъ упраздненія одного изъ начальныхъ училищъ при семинаріи (отд. III).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (23-го декабря 1897 г.). *Объ учрежденіи при Маріинской Воронежской женской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгениі Максимиліановны Ольденбургской.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 23-й день декабря 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, въ память посѣщенія Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцессою Евгениею Максимиліановною Ольденбургскою въ 1897 году состоящей подъ Ея Августѣйшимъ попечительствомъ Маріинской Воронежской женской гимназіи, стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества при названной гимназіи на счетъ процентовъ съ капитала въ *тысячу триста* рублей, собраннаго съ этою цѣлью нѣкоторыми лицами мѣстнаго общества.

3. (23-го декабря 1897 г.). *О включеніи въ составъ попечительскихъ совѣтовъ директоровъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 23-й день декабря 1897 года, Высочайше соизволилъ на включеніе въ число постоянныхъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ директоровъ среднихъ и низшихъ

техническихъ училищъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ начальниковъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

4. (23-го декабря 1897 г.). *Объ учрежденіи при Острогжской женской прогимназіи стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 23-й день декабря 1897 г., Высочайше соизволивъ на учрежденіе при Острогжской женской прогимназіи, въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, стипендіи Имени Ея Высочества на счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, собраннаго на означенный предметъ по добровольной подпискѣ.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

5. (23-го декабря 1897 г.). *О прекращеніи дѣятельности Издательскаго общества при постоянной комиссіи по устройству народнаго чтенія.*

Высочайше утвержденнымъ 30-го іюля 1882 года положеніемъ комитета министровъ учреждено при постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній издательское общество, съ цѣлью печатать и издавать одобренныя названною комиссіею книги и статьи для народнаго чтенія и распространенія ихъ въ народѣ по возможно дешевой цѣнѣ, не ограничиваясь объемомъ тѣхъ изданій, которыя предназначаются для публичныхъ народныхъ чтеній.

По истеченіи 15 лѣтъ, общество, по измѣнившимся обстоятельствамъ, изъявило желаніе прекратить свою дѣятельность, съ тѣмъ, чтобы возложенная на него задача была поручена постоянной комиссіи, которой и предполагается передать какъ принадлежащій обществу запасъ книгъ и брошюръ, такъ и капиталъ, съ наименованіемъ послѣдняго фондомъ имени учредителей общества графа П. С. Строганова и тайнаго совѣтника И. П. Хрущова.

За министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, признавая, съ своей стороны, изъясненное ходатайство издательскаго общества заслуживающимъ уваженія и въ виду изъясненнаго постоянною комиссіею народныхъ чтеній согласія принять на себя, вмѣстѣ съ имуществомъ общества, и продолженіе его дѣятельности на прежнихъ началахъ, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Император-

скаго Величества соизволеніе на упраздненіе издательскаго при названной комиссіи общества.

Государь Императоръ, въ 23-й день декабря 1897 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(13-го марта 1898 г.). *Назначаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ политической экономіи, статскій совѣтникъ *Ходскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ финансоваго права; экстраординарный профессоръ, исправляющій должность помощника ректора Императорскаго Московскаго университета, магистръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зепревъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права, съ 19-го мая 1895 г., съ оставленіемъ его въ исправляемой имъ должности; учитель С.-Петербургской 1-й прогимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Коробка*—исправляющимъ должность состоящаго при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспектора народныхъ училищъ губерній: Киевской, Подольской и Волынской.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, помощникъ почетнаго попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, коллежскій ассессоръ *Кузнецовъ*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чернай*, съ 6-го февраля, и ординарный профессоръ того же университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безсоновъ*, съ 22-го февраля.

(17-го марта 1898 г.). *Назначается* исправляющій должность помощника ректора и ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, магистръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зепревъ*—ректоромъ того же университета, на четыре года.

(20-го марта 1898 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со стар-

шинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Царицынской, *Яновлевъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и Вятской, *Сергеевъ*—съ 24-го сентября 1897 г. и реальныхъ училищъ: Сызранскаго: *Вильковскій*—съ 24-го октября 1896 г. и *Бронниковъ*—съ 6-го августа 1897 г. и Казанскаго, *Воздвиженскій*—съ 18-го августа 1897 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя: Петроковской мужской гимназій: *Аттеню*—съ 28-го сентября 1878 г. и *Людвиковичъ*—съ 11-го августа 1894 г., Ловичскаго реального училища, *Аванасьевъ*—съ 1-го августа 1897 г. и Холмской учительской семинаріи, штатный *Рклицкий*—со 2-го августа 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: по Казанскому учебному округу: учитель, исполняющій обязанности инспектора Вятской гимназій *Заболотскій*—съ 1-го августа 1897 г.; учителя: Вятской гимназій, *Бересневъ*—съ 1-го августа 1894 г. и Казанскаго реального училища, *Веретенниковъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; врачъ Казанской 2-й гимназій *Кремлевъ*—съ 9-го марта 1872 г.; по Варшавскому учебному округу: бухгалтеръ и казначей института Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Петруцинскій*—съ 1-го ноября 1897 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 5-й, *Войно*—съ 1-го августа 1897 г., Калишской: *Новакъ*—съ 8-го сентября 1894 г. и *Реуттъ*—съ 1-го августа 1877 г., Люблинской, *Еленевскій*, Холмской, *Свидерскій*, оба—съ 1-го октября 1897 г., Ловичскаго реального училища, *Архангельскій*—съ 1-го января 1898 г., женскихъ гимназій: штатные: Варшавской 1-й: *Соколовъ*—со 2-го ноября 1897 г. и *Трубицкиъ*—съ 1-го августа 1897 г., Кѣлецкой, *Царевскій*—съ 1-го сентября 1896 г. и Плоцкой, *Зубовскій*—съ 30-го октября 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Казанской 2-й: *Стратонитскій* и *Андреевъ*, оба—съ 1-го сентября 1896 г., Симбирской: *Агринскій*—съ 16-го августа 1895 г. и *Ламбергъ*—съ 16-го іюля 1895 г., Саратовской 1-й, *Кондопуло*—съ 20-го января 1898 г., реальныхъ училищъ: Камышинскаго, *Арбузовъ*—съ 18-го сентября 1890 г. и Сызранскаго, *Захарыинъ*—съ 30-го октября 1896 г., городскихъ училищъ: Царевскаго двухкласснаго (завѣдывающій) *Корневъ*—съ 31-го августа 1896 г. и Самарскаго 1-го четырехкласснаго, *Семеновъ*—съ 1-го августа 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: начальникъ отдѣленія канцеляріи попечителя *Степановъ*—съ 16-го февраля 1898 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 2-й: *Нарбековъ*—съ 24-го сентября 1896 г. и *Покровскій*—съ 23-го октября

1897 г., Варшавской 6-й: *Неру*—съ 20-го февраля 1888 г., штатный *Ровняковъ*—съ 1-го января 1897 г. и штатный *Тимашевъ*—съ 9-го октября 1897 г., Петроковской, *Зайцевъ*—съ 1-го января 1893 г., Радомской, *Истрингъ*—съ 1-го ноября 1896 г., Люблинской, *Новицкій*—съ 1-го января 1897 г., Варшавскаго реального училища, *Домбровский* и *Ростовцевъ*, оба—съ 1-го сентября 1897 г., Пултуской мужской прогимназіи, *Зиновьевъ*—съ 27-го ноября 1895 г., Люблинской женской гимназіи, штатный *Гиляровский*—съ 4-го августа 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Люблинской мужской гимназіи, *Зимченко*—съ 5-го мая 1885 г. и Ловичскаго реального училища *Чайко*—съ 1-го ноября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: по Казанскому учебному округу: инспекторъ Царицынскаго ремесленнаго училища *Воскобойниковъ*—съ 20-го октября 1893 г.; начальникъ Екатеринштадтскаго русскаго центрального училища *Федуловъ*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Ставропольскаго двухкласснаго (завѣдывающій) *Лебедевъ*—съ 13-го іюля 1894 г., Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, *Мордвикинъ*—съ 7-го августа 1896 г., Самарскаго 1-го четырехкласснаго, *Соколовъ*—съ 17-го августа 1895 г., двухклассныхъ: Кузнецкаго, *Антоновъ*—съ 12-го августа 1896 г. и Ставропольскаго, *Воронниковъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Царицынской гимназіи: *Лебяжьевъ*—съ 1-го января 1897 г. и *Елисеевъ*—съ 1-го февраля 1898 г., Вольскаго реального училища, *Ермоловъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; оставленный за штатомъ учитель бывшаго Николаевскаго уѣзднаго училища *Гиньвашевъ*—съ 18-го октября 1894 г.; по Варшавскому учебному округу: сверхштатный ординаторъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Кнастеръ*—съ 20-го марта 1895 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Сувалкской, *Изетковъ*—съ 15-го октября 1896 г., Маріампольской, *Миленскій*—съ 16-го августа 1897 г. и Ломжинской, *Винклеръ*—съ 15-го сентября 1897 г., Варшавскаго реального училища, *Косоротовъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Варшавской 2-й мужской прогимназіи, *Альбовъ*—съ 15-го сентября 1897 г.; учитель-инспекторъ Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Бакановскій*—съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи попечителя *Сущинскій*—съ 14-го октября 1897 г.; учитель приготовительнаго класса Радомской мужской гимназіи *Давидовъ*—съ 1-го ноября 1892 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: по Казанскому учебному округу: учитель-инспекторъ Ца-

рицынскаго трехкласснаго городского училища *Лазаревъ*—съ 28-го августа 1893 г.; архитекторъ Казанскаго учебнаго округа *Бечко-Друзинъ*—съ 5-го октября 1896 г.; завѣдывающій Самарской низшей ремесленной школой Кириллова *Дмитріевскій*—съ 27-го февраля 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Царицынскаго четырехкласснаго, *Егоршинъ*—съ 30-го октября 1894 г., Красноярскаго трехкласснаго, *Пуховъ*—съ 14-го марта 1894 г. и Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, сверхштатный *Акатьевъ*—съ 17-го сентября 1895 г.; по Варшавскому учебному округу: секретарь совѣта Императорскаго Варшавскаго университета *Капустинъ*—съ 1-го января 1898 г.; хранитель минералогическаго кабинета того же университета *Михайловскій*—съ 15-го октября 1897 г.; учителя: Люблинской мужской гимназій, *Лонацинскій*—съ 1-го августа 1886 г., женскихъ гимназій: Петроковской, *Вышеславцевъ*—съ 1-го октября 1897 г., Плоцкой, штатный *Ковалевскій*—съ 6-го ноября 1896 г. и Варшавской 3-й, штатный *Чирка*—съ 28-го января 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кѣлецкой мужской гимназій *Пархуновъ*—съ 1-го января 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Варшавской 5-й мужской гимназій *Шантай*—съ 1-го сентября 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Варшавскому учебному округу: учителя: мужскихъ гимназій: Петроковской, *Жемайтисъ*—съ 1-го октября 1887 г. и Люблинской, сверхштатный *Никольскій*—съ 1-го октября 1896 г., Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища, штатный *Данилевскій*—съ 1-го сентября 1897 г. и 8-го Варшавскаго однокласснаго городского начальнаго мужскаго училища *Михалевичъ*—съ 1-го августа 1897 г.; смотритель зданій и экзекуторъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Чановецъ*—съ 17-го апрѣля 1894 г.; письмоводитель Ловичскаго реальнаго училища *Случанскій*—съ 1-го ноября 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Казанскому учебному округу: учителя мужскихъ приходскихъ училищъ: Петровскаго 1-го, *Кутинъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Ядринскаго 1-го, *Крынецкій*—съ 1-го марта 1893 г. и Саратовскаго 1-го (бывшій), *Пемуровъ*—съ 11-го мая 1878 г.; по Варшавскому учебному округу: бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Жмакинъ*—съ 1-го февраля 1898 г.; канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя *Рязанкинъ*—съ 1-го сентября 1896 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*: по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Царицынской, *Горбатовъ*, Вятской, *Болотниковъ*—оба съ 1-го августа 1893 г.,

Казанской 2-й, *Оирсовъ*—съ 25-го августа 1893 г. и Самарской, *Шифнеръ*—съ 10-го сентября 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя мужскихъ гимназій: Петроковской, *Сиротининъ*—съ 3-го сентября 1890 г., Люблинской, коллежскій секретарь *Нечаевъ*—съ 31-го декабря 1896 г., Варшавской 2-й, *Гапріэлянуцъ*—съ 1-го сентября 1893 г. и Петроковской, *Орловъ*—съ 18-го ноября 1891 г.; *титულлярнаго совѣтника*: по Казанскому учебному округу: врачъ Ставропольскаго двухкласснаго городского училища *Ланковъ*—съ 31-го октября 1891 г., по степени лѣкаря; по Варшавскому учебному округу: сверхштатные ординаторы Императорскаго Варшавскаго университета при клиникѣ венерическихъ и накожныхъ болѣзней, *Уминскій*—съ 1-го мая 1891 г. и при діагностической терапевтической клиникѣ, *Френкель*—съ 9-го марта 1889 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Казанскому учебному округу: учителя четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Царяцынскаго, *Коровяковъ*—съ 1-го августа 1893 г., Камышинскаго, *Соколовъ*—со 2-го сентября 1892 г. и Самарскаго 1-го, сверхштатный *Солдатовъ*—съ 16-го іюля 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Астраханскаго реальнаго училища *Аеровъ*—съ 1-го октября 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета *Михайловъ*—съ 1-го іюня 1890 г., по степени кандидата Императорскаго университета, помощникъ классныхъ наставниковъ Люблинской мужской гимназій *Назаровичъ*—съ 1-го октября 1892 г.; *губернскаго секретаря*: по Варшавскому учебному округу: сверхштатные учителя: Варшавской 5-й мужской гимназій, *Ожелевъ*—съ 1-го сентября 1893 г., женскихъ гимназій: Радомской, *Сивичкій*—съ 1-го августа 1893 г., Варшавской 4-й, *Кудрявцевъ*—съ 16-го сентября 1893 г., всѣ трое по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; учитель Образцоваго училища при Андреевской учительской семинаріи *Михийловъ*—съ 1-го сентября 1893 г.; *коллежскаго регистратора*, по Казанскому учебному округу, помощникъ учителя Бугуруслапскаго четырехкласснаго городского училища *Гавриловъ*—съ 1-го августа 1893 года.

Переименовывается въ *коллежскіе секретари*, по Варшавскому учебному округу, письмоводитель бухгалтеръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, поручикъ запаса арміи *Орликовъ*.

(27-го марта 1898 г.). Впредь до назначенія товарища министра народнаго просвѣщенія, исполненіе обязанностей по сей должности поручается временно члену совѣта министра народнаго просвѣщенія,

тайному совѣтнику *Ренару*, съ правомъ присутствованія въ государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и правительствующемъ сенатѣ.

Назначаются: ординарный профессоръ и инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи, докторъ церковной исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Покровский*—директоромъ С.-Петербургскаго археологическаго института, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, докторъ ботаники *Вотчалъ*—профессоромъ того же института по физиологіи растений съ ученіемъ о микроорганизмахъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета магистръ римской словесности *Брокъ*—экстраординарнымъ профессоромъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, по римской словесности.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цѣхановецкій*, съ 28-го февраля.

(31-го марта 1898 г.). *Назначаются:* заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Богословскій* и экстраординарные профессора того же университета, доктора медицины: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бобровъ*, статскій совѣтникъ *Поспѣловъ*, статскій совѣтникъ *Филатовъ*, статскій совѣтникъ *Корсаковъ* и статскій совѣтникъ *Огневъ*—ординарными профессорами названнаго университета, изъ нихъ: Богословскій—по кафедрѣ фармакологіи. Бобровъ—по кафедрѣ хирургической факультетской клиники, Поспѣловъ—по кафедрѣ наклонныхъ и сифилитическихъ болѣзней, Филатовъ—по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, Корсаковъ—по кафедрѣ систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ и Огневъ—по кафедрѣ гистологіи; состоящій по главному горному управленію и откомандированный въ распоряженіе правленія богословскаго горнозаводскаго общества для техническихъ занятій, горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ баронъ *Клодтъ-фонъ-Юриенбургъ*—директоромъ турьянскаго горнаго училища, съ 1-го марта.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ турьянскаго горнаго училища, горный инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ауербахъ 1-й*—отъ занимаемой имъ должности, съ 1-го марта.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета док-

торъ политической экономіи, статскій совѣтникъ *Штеръ*, съ 11-го марта.

(3-го апрѣля 1898 г.). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевского университета, докторъ римской словесности *Крашенинниковъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы; наставникъ гатчинской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Макаревичъ*—директоромъ новочеркасской учительской семинаріи.

Утверждается, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондратьевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ ахтырской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

(11-го апрѣля 1898 г.). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи, статскій совѣтникъ *Тихомировъ*—помощникомъ ректора того же университета, на четыре года, съ 23-го марта; преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I. инженеръ-технологъ, надворный совѣтникъ *Ганешинъ*—адъюнктъ-профессоромъ того же института по механической технологіи; надворный совѣтникъ *Намьстникъ*—третьимъ почетнымъ попечителемъ кишиневской второй гимназіи на три года.

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фортуатовъ*—ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, съ 7-го марта, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; тайный совѣтникъ *Яновскій* и генераль-маіоръ запаса армейской кавалеріи графъ *Толстой*—вновь почетными попечителями: первый—калужскаго реальнаго училища и второй—лебедянской прогимназіи, а дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шmidtъ*—почетнымъ попечителемъ кишиневскаго реальнаго училища, всѣ трое, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, за болѣзнію, на основаніи ст. 573 уст. служб. прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.), исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевского университета, магистръ чистой математики *Берви*, съ 12-го января.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, ко дню Св. Пасхи, *медалями, съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Александровской:* потомственные почетные граждане. Тимофей *Назаровъ* и попечитель Романово-Борисоглѣбскаго 2-го начальнаго городского училища Егоръ *Классенъ*, попечитель Одесскаго общественнаго четырехкласснаго еврейскаго женскаго профессиональнаго училища, первой гильдіи купецъ Абрамъ *Бродскій* и попечительница Морозовскаго фабричнаго училища, близъ гор. Твери, Варвара *Морозова; Владимірской:* потомственные почетные граждане: курьеръ департамента народнаго просвѣщенія Сергій *Дневъ*, почетный попечитель Евпаторійскаго Александровскаго караимскаго духовнаго училища Берахъ *Шиманъ* и почетный смотритель Московскаго Солодовниковскаго городского училища Владиміръ *Мурашевъ* и второй гильдіи купцы: почетные смотрителя городскихъ училищъ: Орскаго Доримедовтъ *Швецовъ* и Петрозаводскаго трехкласснаго Иванъ *Тихоновъ* и попечитель Сопелковскаго начальнаго училища, Ярославскаго уѣзда, Николай *Полежаевъ; Аннинской:* почетный смотритель Новоторжскаго городского училища, потомственный почетный гражданинъ Александръ *Цылевъ*, наборщикъ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, сынъ прапорщика Вахитъ *Ахтямовъ*, второй гильдіи купцы: предсѣдатель попечительнаго совѣта Иваново-Вознесенской женской гимназіи Федоръ *Витовъ*, попечитель, Дорогобужскаго городского начальнаго училища Семень *Голыцовъ* и членъ попечительнаго совѣта Читинской женской гимназіи и попечитель Читинскаго 1-го приходскаго училища Степанъ *Красиковъ* и учредительница Родниковскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, имени В. М. *Красильщикова*, Елена *Красильщикова*, и *Станиславской:* завѣдывающій Харьковскимъ ремесленнымъ училищемъ, инженеръ-технологъ Иванъ *Хлановъ*, корреспондентъ главной физической обсерваторіи, завѣдывающій метеорологическою станціею въ Сагунахъ, потомственный почетный гражданинъ Георгій *Яковлевъ*, исполняющій обязанности учителя чистописа-

нія, изъ платы по найму, въ Смоленской женской прогимназіи, кандидатъ коммерціи, личный почетный гражданинъ Семень *Колошинъ*, попечитель Лупихинскаго земскаго начальнаго училища, Московскаго уѣзда, временной первой гильдіи купецъ Морицъ *Маркъ*, второй гильдіи купцы: почетный смотритель Ирбитскаго городскаго трехкласснаго училища Ефимъ *Константиновъ* и попечитель арсенальнаго женскаго начальнаго въ городѣ Тулѣ училища Василій *Земцовъ*, попечитель Рязанскаго Александровскаго 3-го женскаго городскаго приходскаго училища, Рязанскій купецъ Степанъ *Шемаевъ*, купеческіе сыновья: почетный смотритель Омскаго пансіона для русскихъ и киргизскихъ дѣтей Андрей *Пахотинъ* и членъ попечительнаго совѣта Весъегонской женской прогимназіи Василій *Иконниковъ* и машинистъ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, мѣщанинъ Ситдикъ *Ахметовъ*, и *серебрянниками, на лентахъ: Александровской* — попечитель Кимрскаго Александровскаго женскаго начальнаго народнаго училища, Корчевскаго уѣзда, купецъ Николай *Собцовъ*; *Аннинской*: почетный блюститель Салкуцкаго сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Бендерскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Петръ *Недовъ* и попечитель Павловскаго мужскаго училища, Оханскаго уѣзда, временный купецъ Діомидъ *Пьянковъ*, и *Станиславской*: попечители училищъ: Давыдовскаго начальнаго, Клинскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Александръ *Плюговъ* и Красносельскихъ мужскаго и женскаго начальныхъ народныхъ, Костромскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Михаилъ *Сорокинъ*, второй гильдіи купцы: почетные смотрители городскихъ училищъ: Мологскаго трехкласснаго Гавріиль *Масленниковъ-Столяровъ* и Краснохолмскаго Иванъ *Лапшинъ*; учителя, завѣдывающіе училищами: сельскими министерства народнаго просвѣщенія, Слизнево-Георгіевскимъ двухкласснымъ Василій *Никитинъ* и Богоявленскимъ однокласснымъ Павелъ *Яковлевъ* и Илекскимъ двухкласснымъ русско-киргизскимъ Георгій *Токмаковъ*, учителя училищъ: сельскихъ начальныхъ: Хохловскаго — Александръ *Соколовъ*, Силуяновскаго — Дмитрій *Пивоваровъ* и Прѣснецовскаго — Степанъ *Петровъ*, Чобручскаго сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія Терентій *Скробовъ* и Знаменскаго народнаго Камышловскаго уѣзда, Петръ *Кузовниковъ*; купеческіе сыновья: попечители училищъ: Рахмановскаго начальнаго народнаго Иванъ *Фирсановъ* и Оминскаго сельскаго, Гороховецкаго уѣзда, Иванъ *Бажтовъ*, служитель коллегіи Императора Александра II при Императорскомъ С. - Петербургскомъ университетѣ, отставной

фельдфебель Ефимъ *Антоновъ*, фельдшеръ Новинской учительской семинаріи, бывший старшій военный фельдшеръ Никаноръ *Сертвегъ*, служитель инспекціи студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, запасный старшій унтеръ-офицеръ Максимъ *Деметьевъ*, старшій служитель при Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и при Московскомъ музеѣ прикладныхъ знаній, безсрочно-отпускной унтеръ-офицеръ Иванъ *Крыловъ*; отставные унтеръ-офицеры: нижній служитель Орловскаго Александровскаго реальнаго училища Петръ *Меркуловъ*, швейцаръ при Псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ Климентій *Алафоновъ*, служитель инспекціи студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Осипъ *Русакъ* и нижній служитель при Бобровской прогимназіи Сергѣй *Кононовъ* и служитель при химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, запасный унтеръ-офицеръ Семень *Мироновъ*, и для ношенія на груди: золотыми, на лентахъ: *Аннинской*: попечитель Александровскаго въ дер. Мавриной сельскаго училища, Егорьевскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Антоновъ*, начальницы: Екатеринбургской женской гимназіи Софія *Тиме* и Тотемской Маріинской женской прогимназіи Анна *Кокорева*, почетная блюстительница Полотняно-Заводскаго образцоваго двухкласснаго училища, Медынскаго уѣзда, Ольга *Гончарова* и попечительница женскаго отдѣленія Одесскаго еврейскаго сиротскаго дома Розалія *Бродская* и *Станиславской*: почетный членъ попечительнаго совѣта Новочеркаскаго атаманскаго техническаго училища, торговый казакъ Николай *Леоновъ*, попечители начальныхъ училищъ: Клинскаго уѣзда: Обуховскаго народнаго временный второй гильдіи купецъ Григорій *Берягинъ* и Николо-Желѣзовскаго, мѣщанинъ Яковъ *Трифоновъ* и Дальне-Борщовскаго сельскаго народнаго, Калужскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Рыжовъ*, Горковскаго начальнаго, Дмитровскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Добряковъ* и Ленвенскихъ мужскаго и женскаго, Соликамскаго уѣзда, крестьянинъ Александръ *Плюснинъ* и почетный блюститель Ругозерскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Повѣнецкаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Иванъ *Самойловъ* и серебряными, на лентахъ: *Аннинской*: почетный блюститель Калитвенскаго приходскаго училища, Донской области. временный второй гильдіи купецъ Христофоръ *Муртовъ*, попечители училищъ: Уловскаго сельскаго, Суздальскаго уѣзда, временный московскій купецъ Петръ *Степановъ* и Алферьевскаго начальнаго, Клинскаго уѣзда, клинскій купецъ Иванъ *Кашиевъ*, отставные матросы

1-й статьи: швейцаръ Кронштадтской Александровской женской гимназіи Тимоеѣй *Данилинъ* и служитель коллегіи Императора Александра II, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Григорій *Булатовъ*, попечители училищъ: Матвѣйковскаго начальнаго, Серлуховскаго уѣзда, крестьянинъ Ларіонъ *Томовъ* и сельскихъ: Паршинскаго, Юрьевскаго уѣзда, крестьянинъ Аванасій *Торовъ* и Флоровскаго, начальнаго, крестьянинъ Александръ *Колесниковъ*, предсѣдательница, попечительнаго совѣта Крапивенской женской прогимназіи Александра *Астафьева*, начальница Трубчевской женской прогимназіи Анна *Семичева* и учительницы той же прогимназіи Марія *Булашевичъ* и Юлія *Покровская*, и *Станиславской*: служитель инспекціи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, потомственный почетный гражданинъ Евгеній *Попятскій*, почетные блюстители училищъ: Золотовскаго приходскаго, Донской области, второй гильдіи купецъ Александръ *Бугровъ* и Мунозерскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Петрозаводскаго уѣзда, купеческій сынъ Модестъ *Плоскиревъ*, попечители училищъ: Орудьевскаго начальнаго народнаго, временный купецъ Петръ *Ижвановъ* и Остречинскаго земскаго, Петрозаводскаго уѣзда, крестьянинъ, торгующій по свидѣтельству, второй гильдіи купецъ Иванъ *Поповъ*, надзиратель за учениками Мологскаго городского училища, имѣющій званіе учителя приходскаго училища Иванъ *Разумовскій*, учитель военной гимнастики Новоторжскаго городского училища, запасный фельдфебель Иванъ *Дергачевъ*; служители: инспекціи Императорскаго Московскаго университета: запасный писарь старшаго разряда Павелъ *Сарычевъ-Кулешовъ*, ветеринарный фельдшеръ Егоръ *Герасимовъ* и запасный старшій унтеръ-офицеръ Дмитрій *Дворняковъ* и при физическомъ кабинетѣ того же университета, отставной бомбардиръ Артамонъ *Тимофеевъ* и отставные канониры: Ярославской гимназіи Алексѣй *Елкинъ* и при домѣ Кронштадтскихъ приходскихъ училищъ Алексѣй *Ивановъ*; отставные рядовые: нижній служитель при канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Иванъ *Бузеровъ*, служителя: при медицинской химической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета Андрей *Степановъ*, при Новинской учительской семинаріи Тимоеѣй *Веселовъ* и при классахъ и церкви Орловскаго Александровскаго реальнаго училища Антонъ *Харитоновъ* и нижній служитель Бобровской прогимназіи Константинъ *Бздюкинъ*, служителя: при церкви Императорскаго Московскаго университета, запасный фельдшерскій ученикъ, изъ крестьянъ, Николай

Шукинъ и запасные рядовые: при кабинетѣ практической механики и географіи съ антропологіей Императорскаго С.-Петербургскаго университета Павелъ *Монаковъ*, при минералогическомъ кабинетѣ того же университета Мокей *Находько* и старшій служитель при зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго университета Іосифъ *Смоленъ*; разсылный при Ташкентскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ, зачисленный въ ратники ополченія, рядовой Тимошей *Шенелевъ*, вольнонаемный писецъ при канцеляріи Троицкой гимназіи, казакъ Яковъ *Григорьевъ*, членъ и преподаватель Московской школы мукомоловъ, учрежденной Высочайше утвержденнымъ товариществомъ Антона Эрлангеръ и К^о въ Москвѣ. Московской цеховой Николай *Канфъ*, старшій служитель при фармакологическомъ кабинетѣ и лабораторіи Императорскаго Московскаго университета, Московскій цеховой, Егоръ *Николаевъ*, членъ попечительнаго совѣта Мещевской женской прогимназіи, мѣщанинъ Василій *Паньшинъ*, служитель Императорскаго С.-Петербургскаго университета, мѣщанинъ Никифоръ *Александровъ*, попечитель Мысовскаго начальнаго народнаго училища, Оханскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Соснинъ*, преподаватели ремеслъ въ школѣ при богадѣльнѣ Садовникова и Герасимова въ С.-Петербургѣ: портняжнаго, мѣщанинъ Алексѣй *Силинъ* и сапожнаго, мѣщанинъ Павелъ *Кузнецовъ*, мастеръ-руководитель въ ремесленныхъ классахъ, состоящихъ при Ташкентскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ, мѣщанинъ Алексѣй *Байковскій*, служитель при Керченской гимназіи, мѣщанинъ Сергѣй *Мироненко*, наборщики типографіи Императорскаго Казанскаго университета: мѣщанинъ Юка *Павловъ* и мѣщанинъ Иванъ *Крыловъ*, почетные блюстители училищъ: одноклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда: Исерлійскаго, поселянинъ Илья *Бошковъ* и Селиогльскаго, поселянинъ Николай *Продановъ* и Владимірскаго приходскаго, Донской области, сельскій обыватель Иванъ *Подкопаевъ*, вольнонаемный писецъ департамента народнаго просвѣщенія, изъ крестьянъ. Иванъ *Григорьевъ*, служителя при химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, крестьянинъ Василій *Карновъ* и при ботаническомъ кабинетѣ того же университета, крестьянинъ Василій *Щеткинъ*, старшій служитель при лабораторіи неорганической химіи Императорскаго Московскаго университета, крестьянинъ Егоръ *Сидоровъ*, швейцаръ при Поливановской учительской семинаріи, крестьянинъ Александръ *Назаровъ*; попечители училищъ: Косьюковскаго сельскаго начальнаго, Дорогобуж-

уѣзда, крестьянинъ Максимъ *Сычевъ*, начальныхъ народныхъ: Солигаличскаго уѣзда: Лосевскаго, крестьянинъ Александръ *Волковъ* и Демьяновскаго, крестьянинъ Александръ *Романовъ*. Верхнемуллинскаго женскаго, Пермскаго уѣзда, крестьянинъ Николай *Верхоланцевъ*, Оханскаго уѣзда: Посадскаго, крестьянинъ Матвѣй *Пономаревъ* и Частинскаго, крестьянинъ Ѳедоръ *Кобелевъ* и Усть-Гаревскаго, крестьянинъ Терентій *Барановъ* и старшины: волостей: Гривской, Сычевскаго уѣзда, крестьянинъ Егоръ *Архитовъ* и Гостинской, Мещевскаго уѣзда, Михаилъ *Павловъ*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы ко дню Св. Пасхи, *серебряною медалью съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на груди на Александровской лентѣ: учителя приходскихъ училищъ: Аулеатинскаго мужскаго, титулярный совѣтникъ Иванъ *Русимовъ*, при Троицко-Савской сиропитательной школѣ Я. А. Нѣмчинова, коллежскій секретарь Петръ *Матіасевичъ* и губернскіе секретари: Локачевскаго однокласнаго фундушеваго, Владиміръ-Волинскаго уѣзда, Михаилъ *Степановъ*, Хмѣльническаго однокласнаго, Литинскаго уѣзда, Григорій *Кравченко* и втораго Воронежскаго городского Валеріанъ *Гиждеу* и старшій учитель Кабанскаго двухкласнаго сельскаго училища Николай *Красильниковъ*; немѣющіе чиновъ: учителя приходскихъ училищъ: Харьковскаго городского двухкласнаго мѣстнаго ремесленнаго общества Митрофанъ *Романикса*, втораго въ гор. Уфѣ Александръ *Мухачевъ*, Венденскаго уѣзда: Дростенскаго — Антонъ *Туллій* и Старо-Пебалгскаго — Яковъ *Паулитъ*, Твороговскаго — Николай *Байбородинъ*, Урульгинскаго — Иванъ *Звѣревъ*, Шерогольскаго — Константинъ *Щербаковъ*, Мангутскаго—Илья *Перфильевъ*, Татхомайскаго инородческаго—Поликарпъ *Махаловъ* и Ломовскаго—Алексѣй *Бѣлооловкинъ*; городскихъ: Великолуцкаго мужскаго—Иванъ *Звоначевъ*, Волчанскаго—Николай *Конваловъ* и Чалдаварскаго для дѣтей обоого пола — Гавріиль *Голубевъ*; учитель Старо-Арцизскаго церковно-приходскаго училища, въ бывшей нѣмецкой колоніи, Аккерманскаго уѣзда, Альбертъ *Маухъ*, завѣдывающій Стольненскимъ двухкласнымъ сельскимъ училищемъ, Сосницкаго уѣзда, Николай *Балыко*; учителя-завѣдующіе училищами: частнымъ еврейскимъ мужскимъ 2-го разряда доктора Гольда, въ гор. Одессѣ, Самуиль *Акрбойтъ*; двухкласными министерства народнаго просвѣщенія: Гаячештскимъ, Кишеневскаго уѣзда, Аноимъ *Гончаръ* и сельскими: Венденскаго уѣзда: Прекульскимъ — Яковъ *Озолъ* и Лубан-

скимъ — Отто *Бисенекъ*; старшіе учителя двухклассныхъ сельскихъ училищъ: Срѣтенскаго—Иванъ *Ивановъ* и Читканскаго—Михаилъ *Оминъ*; учителя двухклассныхъ училищъ: начальныхъ народныхъ: Котелевскаго, Ахтырскаго уѣзда, Іосифъ *Федченко* и Бѣлопольскаго, Сумскаго уѣзда, Яковъ *Стефановъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Борисоглѣбскаго — Николай *Барминовъ* и Бѣлорецкаго сельскаго, Верхнеуральскаго уѣзда, Алексѣй *Савицкій*, учитель приготовительнаго класса Звенигородскаго двухкласснаго городского училища Каллистъ *Модлинскій*; учителя одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ, Аккерманскаго уѣзда, Ивановско-Болгарскаго—Василій *Буруковъ*, Селиогльскаго—Георгій *Дмитріевъ*, Братутанскаго. Бѣлецкаго уѣзда, Зиновій *Даниловъ* и Бадожскаго, Вытегорскаго уѣзда, Дмитрій *Рыбаковъ*, учитель Понсевскаго русскаго класса, при медресе, Мензелинскаго уѣзда, Гарій *Абдреевъ*; учителя училищъ: Оренбургскаго 2-го городского Василій *Конинъ*, начальныхъ: Котельническаго уѣзда: Котельническаго — Александръ *Селезневъ*, Новоцарскаго—Алексѣй *Садыринъ*, Малмыжскаго уѣзда: Троицкаго—Владиміръ *Кушковъ*, Старо-Бурецкаго—Николай *Суходоевъ* и Салтинскаго—Николай *Стрижевъ*, и Тунгатаровскаго, русско-башкирскаго, Троицкаго уѣзда, Мухарремъ *Кальметевъ*; одноклассныхъ народныхъ Балтскаго уѣзда, Журянскаго—Василій *Стажорскій*, Савранскаго—Леонтій *Гуздовскій* и Ольгопольскаго уѣзда: Устьянскаго—Михаилъ *Длонсевскій*, Мясковскаго — Савастіанъ *Желтый* и Каменскаго — Сергѣй *Пилянкевичъ*; начальныхъ народныхъ: Лебяженскаго, Землянскаго уѣзда, Илья *Ульянскій*, Бобровскаго уѣзда: Бутурлиновскаго Крестовоздвиженскаго — Палладій *Краснопольскій* и Борисовскаго — Павелъ *Шакинъ*; Волчанскаго уѣзда: Екатерининскаго—Евграфъ *Нестеренко*, Дехтярнскаго—Спиридонъ *Помазановскій* и Юрченково-Хуторскаго—Иванъ *Молдавцевъ*, Алексѣевскаго, Зміевскаго уѣзда, Иванъ *Новиковъ*, Больше-Даниловскаго, Харьковскаго уѣзда, Иванъ *Токаревъ*, Бозловскаго уѣзда: Старо-Сеславинскаго—Нилъ *Иванушкинъ* и Вишневецкаго — Павелъ *Синцеровъ*; Усманскаго уѣзда: Верхне-Матренскаго — Иванъ *Авдаковъ* и Чамлыко-Тамицкаго — Василій *Пальминъ*. Хомутовскаго, Моршанскаго уѣзда; Василій *Ивановъ*, Сергіевскаго, Кирсановскаго уѣзда, Илья *Марковъ*; Донской области: Старосельскаго — Василій *Васильевъ*, Орѣховскаго — Иванъ *Воронковъ* и Большинскаго — Алексѣй *Автономовъ*, Шлыковскаго, Оханскаго уѣзда, Дмитрій *Бронинъ* и Кунгурскаго 3-го смѣшаннаго Иванъ *Андреевъ*; городскихъ начальныхъ: Ананьевскаго 1-го—Иванъ *Чернецкій*, гор.

С.-Петербурга: спасскихъ: перваго—Несторъ *Мясниковъ*, втораго—Алексѣй *Рождественскій* и восьмага—Павель *Скосаревскій*, Московскаго 3-го—Михаилъ *Рыловъ*; Рождественскихъ: четвертаго—Николай *Ильинскій* и седьмага—Николай *Некрасовъ*, Васильевскаго 1-го—Павель *Сперанцевъ*, Коломенскаго 2-го—Федоръ *Яковлевъ*, Выборгскихъ: втораго — Иванъ *Петровъ* и третьяго — Георгій *Клочковъ*, Больше-Охтенскаго — Иванъ *Василевскій* и Нарвскаго восьмага — Степанъ *Кунцевичъ*; Вытегорскаго городского начальнаго однокласснаго—Иванъ *Кикинъ*, Бишквинскаго однокласснаго народнаго, Лебедянскаго уѣзда. Александръ *Василевскій*, Кошницкаго сельскаго начальнаго, Тираспольскаго уѣзда, Никита *Саввинскій*, сельскихъ земскихъ: Ропотскаго, Лужскаго уѣзда, Николай *Абаза*, Чирскаго, Псковскаго уѣзда, Арсеній *Кляровскій*, Бѣжаницкаго, Новоржевскаго уѣзда, Дмитрій *Дедюжинъ*, Березниковскаго, Никольскаго уѣзда, Иванъ *Пановъ*, Усть-сысольскаго уѣзда, Визингскаго—Алексѣй *Вешняковъ* и Объячевскаго—Мелентій *Русановъ*; Вытегорскаго уѣзда: Замотскаго — Егоръ *Миндлинъ* и Мегорскаго—Константинъ *Николаевъ*, Новолодожскаго уѣзда: Загубскаго—Василій *Дядинъ* и Ильинскаго—Дмитрій *Казинцевъ*; иногородческихъ: Бирскаго уѣзда, Арзаматовскаго—Григорій *Нисскій*, Байтуровскаго—Николай *Таймурзинъ* и Тряпинскаго начальнаго, Стерлитамакскаго уѣзда, Дмитрій *Салтыковъ* и волостныхъ: Рижскаго уѣзда: Скриверскаго — Иванъ *Пурануке*, Штокманскаго — Петръ *Арнесъ* и Юнгфернскаго—Петръ *Ольте* и Венденскаго уѣзда: Кальцевскаго—Иванъ *Рудзитъ* и Фестенскаго—Андрей *Авотинъ*, учитель Никольской школы—Федоръ *Васильевъ*, помощникъ учителя Кокенгузенскаго приходскаго училища, Рижскаго уѣзда, Иванъ *Вульфъ*, бывшіе учителя училищъ: Каракулинскаго начальнаго, Сарапульскаго уѣзда, Яковъ *Памфиловъ* и Гвоздовскаго сельскаго, Ананьевскаго уѣзда, Иванъ *Шишкинъ*, классная надзирательница Севастопольской женской гимназіи — Вѣра фонъ-*Франценъ*; учительницы женскихъ гимназій: Николаевской — Дарія *Балъ* и Анна *Патенко*, Севастопольской — Алина *Вазовская*, и Нарвскихъ—Анна *Голубева*, Елизавета *Надпорожская* и Марія *Вальтеръ*, надзирательница Каневскаго двухкласснаго городского училища—Елизавета *Моргуно*, завѣдывающая Александро-Маринскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ въ гор. Стерлитамакъ—Марія *Добродѣева*, учительницы училищъ: двухклассныхъ приходскихъ: Александро-Маринскаго въ гор. Стерлитамакъ — Ольга *Борозна* и Маринскаго женскаго въ гор. Уфѣ—Вѣра *Кроткова*, Рижскаго городского четырехкласснаго Маринскаго женскаго—Серафима *Клопина*

и Анастасія *Титова*, приходскихъ: Тамирскаго—Татьяна *Марскевичъ*, Кударинскаго (казацкаго) — Екатерина *Милушина*, Малмыжскаго — Александра *Любимова* и Котельническаго мужскаго—Фелицата *Мыльникова* и Юлія *Корепанова* и городскихъ: Ахтырскаго—Елена *Зальская* и Троицкосавскихъ: Успенскаго—Таисія *Позднякова* и Никольскаго—Вѣра *Февралева*, учительница Чусовскаго двухкласснаго училища, Пермскаго уѣзда, Наталія *Чадова*, учительницы училищъ: Миритинскаго, Великолуцкаго уѣзда, Евдокія *Кудрявцева*, Кайгородскаго, Устьсысольскаго уѣзда, Анна *Вышеславова*, Накаряковскаго русскаго, Бирскаго уѣзда, Елисавета *Берестова*, Ильинскаго женскаго, Пермскаго уѣзда, Екатерина *Верещанина*, Кударинскаго крестьянскаго—Варвара *Корнакова*; одноклассныхъ женскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Ганчештскаго, Кишиневскаго уѣзда, Вѣра *Гончаръ* и Вытегорскаго сельскаго—Аполлиарія *Переведенцева*; начальныхъ: Котельническаго уѣзда: Тороповскаго—Екатерина *Зубарева*, Гостевскаго—Екатерина *Банникова*, Спасскаго—Надежда *Кириллова*, Архангельскаго—Елисавета *Яковлева* и Верхотульскаго—Софія *Бородина*, Малмыжскаго уѣзда: Воли-Пельгинскаго — Софія *Спаская*, Константиновскаго—Евдокія *Садовская*, Аджимскаго—Серафима *Танаевская*, Кизнерскаго—Клавдія *Воробьева*, Осинерскаго—Елена *Вершинина*, Сюмсинскаго—Александра *Несмѣлова* и Воздмонскаго — Анастасія *Назарьева*, села Мемуза, Стерлитамакскаго уѣзда, Агрипина *Перова* и Пермскаго Ольгинскаго—Евпраксія *Паршичева*; городскихъ начальныхъ: въ С.-Петербургѣ: Коломенскихъ: перваго—Ольга *Арнольди*, втораго—Вѣра *Золотарева*, третьяго—Марія *Лебединова*, четвертаго—Лидія *Цель*, пятаго—Анна *Галкина*, шестаго—Ольга *Борзенкова* и восьмаго—Серафима *Микрулева*; Рождественскихъ: втораго—Марія *Иванова*, третьяго—Евгенія *Некрасова* и Лидія *Анафонова*, четвертаго—Александра *Иванова* и Александра *Вельсовская*, пятаго—Прасковья *Кожъ* и Анна *Успенская*, седьмаго—Аделаида *Шанина*, восьмаго—Евгенія *Готтенъ*, девятаго—Татьяна *Скоротисова* и Лидія *Попова*, одиннадцатаго—Евдокія *Ошмина* и двѣнадцатаго—Агрипина *Образцова*, Петербургскихъ: перваго—Антонина *Афанасьева*, втораго—Варвара *Семенова*, третьяго—Анна *Головина*, четвертаго—Елисавета *Попова*, шестаго—Фанни *Андрезенъ* и Ольга *Антонова*, седьмаго—Софія *Блюмъ* и Ольга *Мартынова*, восьмаго—Варвара *Якубенко* и Александра *Коновалова*, девятаго—Вѣра *Евсехова*, десятаго—Евгенія *Каміони* и Зинаида *Тихрова*, одиннадцатаго—Екатерина *Аксенова* и Александра *Тутукина*, тринад-

цатаго—Анна *Михайлова* и пятнадцатаго—Елена *Тобольская*; Адмиралтейскихъ: перваго—Марія *Кочурова* и Надежда *Данилова*, втораго—Марія *Владыкина*, четвертаго—Наталія *Вахтерова* и Екатерина *Нилова* и пятаго—Евгенія *Марковина*; Спасскихъ: перваго—Наталія *Минцлова*, втораго—Софія *Яковлева*, третьяго—Софія *Дьячкова*, четвертаго—Вѣра *Карзова* и Ольга *Матафтина*, пятаго—Марія *Аверкіева* и Екатерина *Борисова*, шестаго—Анна *Черняю*, седьмаго—Елисавета *Крузе*, девятаго—Серафима *Яковлева*, десятаго—Анна *Егорова* и одиннадцатаго—Вѣра *Попова*; Выборгскихъ: перваго—Наталія *Мальцева* и шестаго—Софія *Квитковская*; Московскихъ: перваго—Елисавета *Потъхина*, третьяго—Глафира *Лебедева*, четвертаго—Ольга *Ковалева*, пятаго—Олимпиада *Онацевичъ* и Александра *Полянская*, шестаго—Анна *Рылова*, седьмаго—Валентина *Конозалова*, десятаго—Анна *Глазунова*, одиннадцатаго—Наталія *Кауль*, двѣнадцатаго—Елена *Соколова* и Ольга *Рождкова*, тринадцатаго—Татьяна *Кулашина* и Вѣра *Кирѣева*, пятнадцатаго—Августа *Никитина* и Елена *Берлинская* и шестнадцатаго—Наталія *Любичкая*; Литейныхъ: перваго—Марія *Васильева* и Александра *Власова*, третьяго—Ольга *Бѣликова* и Евгенія *Петрова*, четвертаго—Зинаида *Введенская*, пятаго—Лидія *Ускова* и Марія *Лапкина*, шестаго—Анна *Рождественская* и Евгенія *Алексѣева*, седьмаго—Марія *Орлова* и Александра *Воленсъ*, восьмаго—Марія *Беренсъ*, девятаго—Юлія *Боголюбская*, десятаго—Анна *Семичева*, Апоплинарія *Волкопялова*, одиннадцатаго—Елисавета *Панкратѣева*, двѣнадцатаго—Надежда *Соболевская*, четырнадцатаго—Любовь *Бунакова* и пятнадцатаго—Юлія *Левитская*, Гаваньскаго—Татьяна *Ташрова*; Васильевскихъ: перваго—Елена *Елпатовская*, четвертаго—Антонина *Манакина* и Анна *Румянцова*, пятаго—Марія *Бѣлая*, шестаго—Варвара *Фершмина* и Ольга *Стиринъ*, седьмаго—Марія *Перова*, восьмаго—Пелагея *Малинина* и Марія *Погрѣбова*, девятаго—Софія *Концевичъ* и Анастасія *Бурлакова*, одиннадцатаго—Анастасія *Рулева*, тринадцатаго—Вѣра *Андреева* и Евгенія *Манокурнетъ* и четырнадцатаго—Надежда *Любовникова*; Казанскихъ: втораго—Анна *Колокольцева* и Елисавета *Куртіянова*, третьяго—Ольга *Куцъ-Тулубовская*, четвертаго—Марія *Гинзбургъ*, седьмаго—Марія *Соколова* и девятаго—Марія *Кеневичъ*; Александро-Невскихъ: перваго—Августа *Кольдесинъ*, третьяго—Екатерина *Пилипенко* и Александра *Соковичъ*, четвертаго—Вѣра *Кобыльская* и Анна *Баркова*, шестаго—Варвара *Кедрова*, восьмаго—Александра *Петропавловская*, девятаго—Анна *Степанова* и десятаго—Вѣра *Колокольцева*; Александровскихъ: вто-

раго—Елена *Иванова* и третьяго—Марія *Шлотцауеръ* и Ольга *Зуева*; Нарвскихъ: перваго—Елена *Янковичъ*, втораго—Надежда *Ильина*, третьяго—Марія *Девель* и шестаго—Эмилія *Полоскова* и Любовь *Семенова* и Малоохтенскаго—Надежда *Лихачева*, Олонецкаго женскаго—Елисавета *Фортунатова* и Харьковскаго (Клеменовскаго) Анна *Семейкина*; начальныхъ народныхъ: Харьковскаго уѣзда, Больше-Проходскаго—Мавра *Кисуленкова*, Васишевскаго—Домнікія *Бобровницкая* и Оханскаго уѣзда: Дворецкаго—Екатерина *Шарова* и Дубровскаго—Елисавета *Предтеченская*; одноклассныхъ народныхъ: Балтскаго уѣзда: Переймскаго—Анна *Ельцова*, Голованевскаго—Надежда *Горловская* и Песчанскаго—Александра *Дунаевская*, Окнянскаго сельскаго начальнаго, Ананьевскаго уѣзда. Марія *Христофорова*; земскихъ: Мензелинскаго уѣзда: Старо-Михайловскаго—Аделаида *Пасмурова*, Ново-Никольскаго—Стефанида *Котельникова*, Ново-Спасскаго—Евгенія *Малафѣева*, Орловскаго—Инна *Ардашева*, Старо-Пьяно-Борскаго—Фанна *Павловская* и Тростинскаго—Елисавета *Миронова* и земскихъ сельскихъ: Кипшенъгскаго, Никольскаго уѣзда, Павла *Рыжкова*, Вильгортскаго, Устьсысольскаго уѣзда. Феоктиста *Забоева* и Новоладожскаго уѣзда: Подбережскаго—Людмила *Съверова*, Луженскаго—Ольга *Соловьева* и Немятовскаго—Марія *Краснотъвкова*; учительницы Харьковской частной женской воскресной школы: Евгенія *Алчевская*, Анна *Бекетова*, Елисавета *Гордѣева*, Марія *Гродецкая*, Зинаида *Дашкевичъ*, Любовь *Дашкевичъ*, Любовь *Заурская*, Александра *Иванова*, Неонила *Петю*, Александра *Павлова* и Марія *Хохлова*; помощницы учительницъ училищъ: Вильгортскаго земскаго сельскаго, Устьсысольскаго уѣзда, Фанна *Розова* и начальныхъ: Малмыжскаго уѣзда: Старозятцынскаго—Раиса *Двинянинова*, Аджимскаго—Лидія *Дмитріева*, Старобурецкаго—Клавдія *Цѣткова* и Больше-Жирновскаго—Александра *Брюхачева* и Пермскаго 4-го женскаго—Елисавета *Корзулина* и бывшая учительница Кукарскаго двухкласснаго училища, Яранскаго уѣзда, Аполлинарія *Ежова*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го марта 1898 года). *Циркуляръ 1. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Въ послѣднее время департаментомъ народнаго просвѣщенія часто получаютя отъ учебныхъ заведеній переводные билеты на раз-

ныя суммы, подлежащія причисленію къ спеціальнымъ средствамъ министерства.

Полученіе этихъ переводныхъ билетовъ вызываетъ необходимость въ изготовленіи двухъ бумагъ и въ командированіи чиновъ департамента для пріема денегъ изъ С.-Петербургской конторы государственнаго банка и для внесенія ихъ затѣмъ въ главное казначейство.

При этомъ не всегда является возможнымъ произвести объ эти операціи въ одинъ день и деньги поэтому хранятся нѣкоторое время въ департаментѣ.

Такимъ образомъ этотъ порядокъ пересылки суммъ нарушаетъ правила о единствѣ кассъ, согласно которымъ всѣ доходы должны поступать и храниться въ казначействахъ, и въ то же время, безъ необходимости, увеличиваетъ обязанности чиновъ департамента.

Въ виду сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить начальникамъ учреждений и учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа, не высылать впредь переводныхъ билетовъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а, подобно наличнымъ деньгамъ, высылать ихъ непосредственно въ главное казначейство при двухъ вѣдомостяхъ, адресованныхъ—одна на имя департамента народнаго просвѣщенія, а другая на имя главнаго казначейства, съ точнымъ обозначеніемъ въ этихъ вѣдомостяхъ отъ кого, за что и за какой срокъ поступили препровождаемыя суммы и въ какіе отдѣлы смѣты спеціальныхъ средствъ онѣ должны быть записаны на приходъ.

2. (8-го іюля 1897 г.). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Константина и коллежскаго совѣтника Ивана Федоровичей Островидовыхъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петромъ Діомидовичемъ Элпидовымъ, вдовою надворнаго совѣтника Павлою Федоровною Поповою и женою генераль-маіора Елисаветою Федоровною Шаровою, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендія имени покойныхъ родныхъ дядей и братьевъ жертвователей тайнаго совѣтника Константина и коллежскаго совѣтника Ивана Федоровичей Островидовыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся: 1) въ 4% облигаціяхъ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги на номинальную сумму въ *пять тысячъ пятьсотъ руб.* (5.500 руб.) съ купонами на срокъ 2-го января 1898 года и 2) въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на номинальную сумму въ *шесть тысячъ руб.* (2.500 руб.) съ купонами на срокъ 1-го сентября 1897 года, долженъ храниться въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіального капитала за годъ, за вычетомъ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіею могутъ пользоваться только студенты разряда физико-математическихъ наукъ физико-математическаго факультета и при томъ: а) православнаго вѣроисповѣданія, б) происходящіе изъ духовнаго званія и в) уроженцы Пензенской губерніи или получившіе предварительное образованіе въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній этой губерніи.

§ 5. Избраніе стипендіата производится правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ студентамъ университетовъ, съ соблюденіемъ требованій настоящаго положенія, при чемъ въ случаѣ отсутствія въ университетѣ такихъ кандидатовъ на стипендію, которые удовлетворяли бы вполнѣ пунктамъ а, б и в § 4 настоящаго положенія, правленію предоставляется отступать отъ требованія этихъ пунктовъ, но съ тѣмъ, чтобы стипендія ни въ какихъ случаяхъ не была назначаема лицамъ нехристіанскихъ исповѣданій.

§ 6. Съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ пунктовъ стипендія можетъ быть назначаема правленіемъ университета студентамъ перваго семестра.

§ 7. Суммы, могущія образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть, по усмотрѣнію правленія университета, выдаваемы или въ денежную награду за лучшія студенческія сочиненія по предметамъ разряда математическихъ наукъ, или въ пособіе бѣднымъ, способнымъ и трудолюбивымъ студентамъ физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго факультетовъ университета.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ по окончаніи курса въ университетѣ.

(18-го сентября 1897 г.). *Положеніе о пяти стипендіяхъ имени генералъ-лейтенанта П. Ф. Унтербергера при Владивостокской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 4.000 р., пожертвованныхъ китайскимъ общественнымъ управленіемъ въ г. Владивостокъ, учреждаются при Владивостокской мужской гимназіи пять стипендій имени генералъ-лейтенанта П. Ф. Унтербергера, бывшаго военнаго губернатора Приморской области и почетнаго гражданина г. Владивостока.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, заключается въ 4-хъ свидѣтельствахъ государственной 4^о/о ренты и хранится во Владивостокскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Доходъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ онаго 5^о/о государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляется на плату за ученіе 5 учениковъ гимназіи. Въ случаѣ возвышенія платы за ученіе, число стипендіатовъ можетъ быть по мѣрѣ необходимости сокращено.

§ 4. Когда число стипендіатовъ будетъ 5, то два ученика, а въ случаѣ сокращенія этого числа по § 3, по крайней мѣрѣ, одинъ ученикъ, долженъ быть китайскаго происхожденія, остальные должны быть изъ дѣтей служащихъ въ г. Владивостокъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. При отсутствіи учениковъ китайскаго происхожденія всѣ стипендіи могутъ быть заняты дѣтьми русскаго происхожденія, но съ упомянутымъ въ семъ § ограниченіемъ.

§ 5. Могушіе оказаться почему-либо остатки отъ процентовъ съ капитала употребляются на покупку учебныхъ пособій для стипендіатовъ, по усмотрѣнію директора гимназіи.

§ 6. Право назначенія стипендій принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, съ доведеніемъ до свѣдѣнія генералъ-лейтенанта Унтербергера именъ и фамилій стипендіатовъ его имени.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (1-го октября 1897 г.). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Ивановича Тюменева при Рыбинской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу сто руб-

лей, пожертвованнаго вдовою потомственного почетнаго гражданина Иродиою Капитоновною Тюменевой, учреждается при Рыбинской мужской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы, перваго почетнаго попечителя гимназіи, потомственного почетнаго гражданина Николая Іоновича Тюменева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Рыбинскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ обмѣниваются гимназіею на другія правительственныя, или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., назначаются на взносъ платы за право ученія стипендіата.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть только лицо русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, изъ мѣщанъ, уроженецъ города Рыбинска или Мышкина, если же окажется кандидатъ изъ родственниковъ Тюменева, то ему оказывается преимущество предъ другими.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, остатки отъ процентовъ причисляются къ капиталу для увеличенія размѣра этой стипендіи на случай повышенія платы за ученіе, или для образованія новой стипендіи.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса, или выхода его, по какимъ либо причинамъ изъ гимназіи, но во время пребыванія его въ гимназіи можетъ быть и лишенъ стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта, за неодобрительное поведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (1-го октября 1897 г.). *Положеніе о стипендіи имени Митрофана Ивановича Чуйкова-Оверина при Нижегородской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, завѣщаннаго семеновскимъ купцомъ Кириакомъ Ивановичемъ

Чуйковымъ, учреждается при Нижегородской мужской гимназiи одна стипендія имени покойнаго брата завѣщателя Митрофана Ивановича Чуйкова-Оверина.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 4⁰/₀ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ (вѣчный вкладъ), хранится въ нижегородскомъ отдѣленіи государственнаго банка. квитанція же отъ 2-го сентября 1897 г., за № 1.502 во взносѣ этого капитала въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназiи.

§ 3. Стипендіальный капиталъ остается неприкосновеннымъ, проценты же съ него, за удержаніемъ изъ нихъ 5⁰/₀ налога по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія въ продолженіе гимназическаго курса одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Нижегородской гимназiи, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, остающіеся же за взносомъ платы за ученіе проценты выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназiи, который объ избранномъ стипендіатѣ каждый разъ сообщаетъ сыну завѣщателя Александру Кириаковичу Чуйкову.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи или же выдаются стипендіату въ пособіе по окончаніи курса гимназiи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (18-го октября 1897 г.). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Григорія Ивановича Иванова при Вѣрненской мужской гимназiи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи пятьсотъ девяносто одинъ* рубль *сорокъ три* копѣйки, изъ коихъ 1.491 р. 43 к. образовались отъ сбереженій процентовъ съ капитала ранѣе учрежденныхъ двухъ стипендій при Вѣрненской мужской гимназiи, а 2.100 руб. отчислены изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ городскихъ средствъ, учреждается при сей гимназiи одна стипендія имени генералъ-лейтенанта Григорія Ивановича Иванова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственнаго банка, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спе-

ціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей пользуются исключительно дѣти недостаточныхъ гражданъ г. Вѣрнаго, обучающіеся въ названной гимназіи, которыя при одобрительномъ поведеніи имѣютъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право назначенія стипендіи принадлежитъ генераль-лейтенанту Григорію Ивановичу Иванову, а по смерти его, Вѣрненской городской думѣ.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія полнаго гимназическаго курса, но можетъ быть лишень права пользованія оной, если не будетъ удовлетворять условіямъ, указаннымъ въ 3-мъ параграфѣ сихъ правилъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу и могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію генераль-лейтенанта Г. И. Иванова, а впослѣдствіи Вѣрненской городской думы, на выдачу пособія тому же стипендіату, или на образваніе новой стипендіи.

7. (29-го октября 1897 г.). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Московскаго реальнаго училища, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Алексѣевича Кривоносова, учреждаемой при томъ же училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, собраннаго нѣкоторыми изъ бывшихъ учениковъ Московскаго реальнаго училища, учреждается при семъ училищѣ одна стипендія имени бывшаго директора названнаго реальнаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Алексѣевича Кривоносова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ числѣ другихъ специальныхъ средствъ Московскаго реальнаго училища въ московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какого либо изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ, взамѣнъ его должна быть приобрѣ-

тена другая государственная или правительствомъ гарантированная процентная бумага.

§ 3. Ежегодный доходъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго 5⁰/₁₀₀ сбора по закону 20-го мая 1885 г., обращается на уплату за право учения стипендіата.

§ 4. Стипендія назначается бѣднѣйшему ученику училища, православнаго вѣроисповѣданія и русскаго происхожденія, успѣвающему въ наукахъ и отличному по поведенію.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Алексѣвичу Кривоносову, а по смерти его—педагогическому совѣту училища.

§ 6. Основной стипендіальный капиталъ можетъ быть увеличенъ дальнѣйшими на сей предметъ взносами другихъ лицъ, а равно могущими оказаться свободными остатками отъ процентныхъ денегъ съ самаго капитала.

§ 7. Дальнѣйшее накопленіе стипендіальнаго капитала должно быть обращено на учрежденіе второй и слѣдующихъ стипендій того же имени и на условіяхъ настоящаго проекта положенія, но съ тѣмъ, чтобы каждая изъ стипендій была не менѣ суммы, требующейся для уплаты за право учения одного ученика въ годъ.

§ 8. Стипендіатъ лишается стипендіи за неодобрительное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ, если только малоуспѣшность произошла не отъ болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (12-го ноября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго секретаря Лариссы Дмитріевны Даниловичъ при Курскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, завѣщаннаго вдовою коллежскаго секретаря Лариссою Дмитріевной Даниловичъ, учреждается при Курскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4⁰/₁₀₀ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, или на выдачу ему единовременнаго пособія.

§ 4. Стипендія назначается, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, одному изъ бѣдныхъ учениковъ изъ дворянъ Курской губерніи, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Стипендіатъ избирается на одинъ годъ.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности, стипендіатъ можетъ быть лишень стипендіи и въ теченіе учебнаго года, которая въ такомъ случаѣ предоставляется другому ученику порядкомъ, указаннымъ въ § 4 сего положенія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія реальнаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендія передается въ сіе послѣднее, а въ случаѣ совершеннаго закрытія—въ одно изъ правительственныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній подобнаго же типа въ г. Курскѣ или ближайшей къ нему мѣстности, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

9. (29-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III-го при Бѣлгородской мужской гимназій.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1.200 руб., собраннаго по добровольной подпискѣ между родителями учащихъ и учившихся въ Бѣлгородской мужской гимназій, учреждается при этой гимназій стипендія имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III-го.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4-хъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, изъ которыхъ два—по 500 руб. и два—по 100 каждое, хранится въ Бѣлгородскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неотъемлемую собственность этой гимназій, и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Бѣлгородской гимназій.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора въ казну по закону 20-го мая

1885 г., выдаются полностью одному бѣдному и достойнѣйшему по поведенію и успѣхамъ ученику гимназіи, православнаго исповѣданія, безъ различія сословій, преимущественно изъ дѣтей коренныхъ жителей г. Бѣлгорода и Бѣлгородскаго уѣзда.

§ 5. Въ случаѣ неуспѣшности занятій или неодобрительнаго поведенія стипендіата, онъ можетъ быть лишенъ стипендіи педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала выдаются стипендіату по окончаніи имъ полнаго курса гимназіи по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (4-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской при Воронежской Маріинской женской гимназіи.*
(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го декабря 1897 года, на счетъ съ процентовъ капитала въ *тысячу триста* рублей, собранныхъ по подпискѣ, учреждается при Воронежской Маріинской женской гимназіи стипендія имени Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, августѣйшей попечительницы сей гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ % государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ или въ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на плату въ гимназію за право ученія одной стипендіатки, а могущіе засимъ образоваться ежегодные остатки—на выдачу стипендіаткѣ въ пособіе.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ Ея Императорскому Высочеству принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ Ольденбургской или предоставляется съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендія предоставляется одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ гимназіи православнаго исповѣданія изъ уроженокъ Воронеж-

ской губерніи, отличнаго поведенія и удовлетворительно успѣвающей въ наукахъ.

§ 6. Если бы стипендіатка перестала удовлетворять требованіямъ, указаннымъ въ § 5, то она лишается права на стипендію, съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества по особому постановленію попечительнаго совѣта гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія гимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

11. (4-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны при Острожской женской прогимназій.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го декабря 1897 года, при Острожской женской прогимназій учреждается въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны стипендія Имени Ея Высочества на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ капитала въ *пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключающійся въ пяти свидѣтельствѣхъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Острожской женской прогимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются для взноса платы за право ученія достойнѣйшей ученицы прогимназій изъ числа бѣдныхъ жителей города Острожска, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ педагогическому совѣту Острожской женской прогимназій.

§ 5. Могущіе оказаться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, могутъ расходоваться на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для стипендіатокъ, или причисляться къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ упраздненія прогимназіи стипендіальный капиталъ передается въ другое женское учебное заведеніе министерства народнаго просвѣщенія, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

12. (6-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени двѣнадцатилѣтней статскаго совѣтника Александра Антипьевича Пьянкова при Вятской Маріинской женской гимназій.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1885 года и 26-го мая 1897 года, учреждается при Вятской Маріинской женской гимназій стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Антипьевича Пьянкова на проценты съ капитала въ *шестьсотъ пятьдесятъ* рублей, пожертвованнаго служащими въ судебныхныхъ и крестьянско-административныхъ учрежденіяхъ Вятской губерніи, въ память исполнившагося 15-го января 1898 г. пятидесятилѣтія государственной службы Пьянкова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ на 600 руб. и серіи государственнаго казначейства въ *пятьдесятъ* руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за право ученія въ гимназій стипендіатки.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ А. А. Пьянкову. по смерти же его попечительному совѣту гимназій, которымъ стипендія эта назначается одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ, изъ семействъ лицъ, служащихъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ Вятской губерніи.

§ 5. Если впослѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы за ученіе въ Вятской Маріинской женской гимназій или по какимъ-либо другимъ причинамъ, процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то таковая остается временно незамѣщенною, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты стипендіи.

§ 6. Стипендіатка пользуется стипендіею до окончанія курса и можетъ быть лишена ея только вслѣдствіе неодобрительнаго поведе-

нія или малоуспѣшности въ наукахъ по постановленію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи, вслѣдствіе незамѣщенія или по какой-либо другой причинѣ, присоединяются къ основному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія гимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

13. (6-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Таисіи Николаевны Шульгиной при Троицкосавской женской графа Муравьева-Амурскаго гимназій.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года учреждаются на счетъ процентовъ съ капитала въ *восемьсотъ тридцать восемь* руб., пожертвованнаго Н. Н. Шульгинымъ, при Троицкосавской женской графа Муравьева-Амурскаго гимназій стипендія имени покойной дочери его Таисіи Николаевны Шульгиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за право ученія и на покупку книгъ бѣднѣйшей ученицы гимназій изъ городскихъ обывательницъ, заслуживающей того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Могущіе почему-либо образоваться остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу и обращаются въ процентныя бумаги до тѣхъ поръ, пока составитя сумма, достаточная для учрежденія новой стипендіи.

§ 5. Право выбора стипендіатки, а равно и лишеніе ея стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій по соглашенію съ попечительнымъ совѣтомъ оной.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія гимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

14. (14-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Павла Карловича Тубенталя при Опочецкой женской прогимназій.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г. учреждается при Опочецкой женской прогимназій стипендія имени статскаго совѣтника Павла Карловича Тубенталя на проценты съ собраннаго по подпискѣ капитала въ *пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстѣ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій и остается навсегда непркосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1895 г., расходуются по полугодно на взносъ платы за право ученія одной стипендіатки въ прогимназій.

§ 4. Стипендіаткою избирается бѣдная ученица Опочецкой женской прогимназій, отличающаяся успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту Опочецкой женской прогимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются, для его увеличенія, къ сему послѣднему.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія прогимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

15. (10-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанки Ольги Гавриловны Васильевой при Конотопскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г. при Конотопскомъ двухклассномъ городскомъ

училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени мѣщанки Ольги Гавриловны Васильевой на счетъ процентовъ съ капитала въ *семьсотъ* рублей, отказаннаго ею съ этою цѣлю по духовному завѣщанію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращенію его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляетъ неприкосновенную собственность Конотопскаго двухкласснаго городского училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ, а образовавшіеся сверхъ того остатки процентовъ выдаются стипендіатамъ въ пособіе на покушку учебныхъ книгъ и форменной одежды.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣдныхъ учениковъ Конотопскаго двухкласснаго городского училища, отличающихся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, согласно завѣщанію жертвовательницы, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Конотопскаго двухкласснаго городского училища; ему же принадлежитъ право лишенія стипендіатовъ стипендій, въ случаѣ малоуспѣшности ихъ, или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

16. (27-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Юліана Ивановича Зубковича при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* руб., завѣщаннаго университету Св. Владиміра дворяниномъ Юліаномъ Ивановичемъ Зубковичемъ, учреждается при названномъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность университета и хранится въ кievскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ стипендіальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіального капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами имени Зубковича могутъ быть только студенты польскаго происхожденія католическаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій.

§ 5. Кандидаты въ стипендіаты предоставляются правленію университета душеприкащиками по духовному завѣщанію Зубковича: дворянами У. Ф. Раковскимъ, А. И. Полянскимъ и присяжнымъ повѣреннымъ М. Ѡ. Якушевскимъ, по взаимному между собой соглашенію, не позже 1-го сентября, и правленіе назначаетъ стипендію болѣе достойному изъ нихъ, руководствуясь общими правилами о назначеніи стипендій въ университетахъ. Для сношеній съ правленіемъ душеприкащики избираютъ изъ своей среды уполномоченнаго, о чемъ и увѣдомляютъ правленіе. Еслибы на запросъ правленія университета относительно кандидатовъ на стипендію, который дѣлается въ маѣ мѣсяцѣ, отвѣтъ не былъ полученъ до 1-го сентября того же года, то правленіе имѣетъ право самостоятельно избрать стипендіата, удовлетворяющаго требованіямъ § 4 сего положенія.

§ 6. Въ случаѣ смерти всѣхъ трехъ душеприкащиковъ избраніе стипендіата производится правленіемъ университета, но съ точнымъ соблюденіемъ условій 3, 4, 7 и 8 пп. сего положенія.

§ 7. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть выдаваемы въ единовременное пособіе стипендіату по окончаніи имъ курса университета.

§ 8. Пользованіе стипендіей имени Зубковича не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (6-го марта 1898 года). *Положеніе о пользованіи капиталомъ имени вдовы профессора Юли Ивановны Виноградовой на содержаніе за границею готовящихся на университетскую кафедру по медицинскому факультету Императорскаго Казанскаго университета:*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Вдова профессора Императорскаго Казанскаго университета

Юлія Ивановна Виноградова по духовному завѣщанію назначила въ неприкосновенный капиталъ Императорскаго Казанскаго университета 10.000 руб., проценты съ которыхъ чрезъ каждые четыре года должны быть выдаваемы какъ пособіе на поѣздку за границу готовящемуся на университетскую кафедру по медицинскому факультету.

§ 2. Командируемыми могутъ быть воспитанники Казанскаго университета или состоящіе на службѣ въ ономъ безъ различія по спеціальностямъ.

§ 3. Командируемый долженъ быть въ званіи привать-доцента или по крайней мѣрѣ имѣть степень доктора медицины.

§ 4. Срокъ командировки опредѣляется въ одинъ годъ.

§ 5. Сумма выдаваемая на командировку, не должна превышать процентовъ съ капитала и проценты на проценты по четырехлѣтней сложности. Въ случаѣ незамѣщенія вакансіи, образующіеся за это время (свыше 4-хъ лѣтъ) проценты съ основнаго капитала присоединяются къ этому послѣднему съ тѣмъ, чтобы имѣющая накопиться, вслѣдствіе отчисленія процентовъ, сумма образовала въ будущемъ достаточный капиталъ для командированія другаго лица съ выдачею командировочныхъ денегъ въ томъ же первоначальномъ размѣрѣ.

§ 6. Лицо командируемое избирается медицинскимъ факультетомъ.

§ 7. Командируемый долженъ выполнить программу, предложенную факультетомъ и по возвращеніи изъ командировки обязанъ представить подробный отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ въ клиникахъ, лабораторіяхъ и проч. и долженъ представить какую-нибудь работу по своей спеціальности.

§ 8. Капиталъ именуется „капиталомъ вдовы профессора Императорскаго Казанскаго университета Юліи Ивановны Виноградовой“.

18. (6-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени ординарнаго профессора Николая Андреевича Виноградова при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юліи Ивановны Виноградовой, при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждаются стипендіи имени бывшаго ординарнаго профессора Николая Андреевича Виноградова, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго Ю. И. Виноградовой капитала въ суммѣ 45.800 рублей.

§ 2. Стипендіи опредѣляются въ размѣрѣ $\%$ съ капитала въ 10 тысячъ рублей каждая, то-есть, по 380 рублей, считая по 4 $\%$ годовыхъ и за исключеніемъ 5 $\%$ государственнаго налога съ процентныхъ бумагъ. Капиталь заключается въ свидѣтельствахъ 4 $\%$ государственной ренты и хранится въ государственномъ казначействѣ.

§ 3. Всѣхъ стипендій имѣеть быть четыре, на капиталъ въ 40.000 рублей. Въ случаѣ успѣшной продажи недвижимаго имущества жертвовательницы число стипендій, согласно буквѣ завѣщанія, можетъ быть увеличено на тѣхъ же условіяхъ и основаніяхъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ студентамъ медицинскаго факультета, преимущественно происходящимъ изъ духовнаго званія, православнаго вѣроисповѣданія, хорошо окончившихъ средне-учебное заведеніе и отличнаго поведенія.

§ 5. Избраніе стипендіатовъ производится медицинскимъ факультетомъ безъ различія семестровъ, утвержденіе же ихъ предоставляется правленію университета, согласно съ дѣйствующими въ университетахъ правилами о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 6. Пользующіеся стипендіями именуется во время пользованія ими „стипендіатами бывшаго профессора Николая Андреевича Виноградова“ и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіями не подлежатъ.

§ 7. Остающійся за учрежденіемъ стипендій капиталъ менѣе 10 тысячъ рублей считается также неприкосновеннымъ. Проценты съ него выдаются какъ пособіе бѣднымъ студентамъ медицинскаго факультета, также преимущественно православнымъ, происходящимъ изъ духовнаго званія, согласно представленію медицинскаго факультета.

19. (6-го марта 1898 года). *Положеніе о пользованіи капиталомъ имени вдовы профессора Юліи Ивановны Виноградовой на преміи за лучшія сочиненія по медицинскому факультету Императорскаго Казанскаго университета.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Вдова профессора Императорскаго университета Юлія Ивановна Виноградова по духовному завѣщанію назначила въ неприкосновенный капиталъ Императорскаго Казанскаго университета 4.000 рублей, проценты съ которыхъ должны быть выдаваемы по усмотрѣнію университетскаго совѣта какъ премія за лучшее сочиненіе по медицинскому факультету.

§ 2. Премія должна быть выдаваема каждыя три года.

§ 3. Въ случаѣ неприсужденія преміи, проценты съ капитала за время свыше трехъ лѣтъ причисляются къ суммѣ преміи, имѣющей быть выданной въ слѣдующій срокъ; если же сумма преміи съ теченіемъ времени будетъ больше первоначальной въ два раза, то она можетъ быть выдаваема двумъ лицамъ.

§ 4. Работы, представленныя къ соисканію преміи, произведенныя не однимъ лицомъ, совмѣстно премируются какъ одно сочиненіе.

§ 5. Премія присуждается воспитаннику Казанскаго университета или состоящему на службѣ въ ономъ, при чемъ профессора медицинскаго факультета не могутъ быть претендентами на полученіе преміи.

§ 6. Сочиненія представляются въ медицинскій факультетъ, который разсматриваетъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству; отзывъ этотъ препровождается въ совѣтъ, который, согласно воли завѣщательницы и присуждаетъ премію.

§ 7. Медицинскій факультетъ имѣетъ право назначать темы для сочиненій, которыя однако необязательны, но въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій, равныхъ по научному достоинству, дается предпочтеніе написанному на факультетскую тему.

§ 8. Объявленія о преміи дѣлаются своевременно какъ въ медицинской, такъ и въ общей прессѣ.

§ 9. Премія именуется „премією вдовы профессора Императорскаго Казанскаго университета Юліи Ивановны Виноградовой“.

20. (25-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Павла Алексѣевича Зеленаго при Одесскомъ городскомъ 6-ти классномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года утверждается при Одесскомъ городскомъ 6-ти классномъ училищѣ одна стипендія имени генералъ-лейтенанта Павла Алексѣевича Зеленаго на проценты съ капитала въ тысячу рублей, обр аннаго по подпискѣ между членами Одесской городской полиціи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Одесскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., расходуются на уплату за право ученія одного изъ учениковъ упомяну-

таго училища, принадлежащаго къ бѣднѣйшему семейству, отецъ котораго служилъ и умеръ на службѣ, или служить въ Одесской городской полиціи.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется пожизненно генераль-лейтенанту П. А. Зеленому изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища, а затѣмъ это право переходитъ къ Одесскому градоначальнику, или лицу его замѣняющему.

§ 5. Пользованіе стипендіею никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ не налагаетъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ % со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему.

§ 7. Въ случаѣ упраздненія Одесскаго городского 6-ти класснаго училища, капиталъ передается въ какое либо другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію попечителя Одесскаго учебнаго округа, для употребленія по назначенію.

21. (25-го марта 1898 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ подъ наименованіемъ „Константино-Варваринскихъ“ при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Московскомъ учительскомъ институтѣ учреждаются двѣ стипендіи подъ наименованіемъ „Константино-Варваринскихъ“ на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью почетнымъ попечителемъ института, потомственнымъ дворяниномъ, мануфактуръ-совѣтникомъ Константиномъ Владиміровичемъ Третьяковымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность института и хранится въ числѣ его специальныхъ средствъ въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, выдаются въ пособіе двумъ избраннымъ стипендіатамъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ изъ числа окончившихъ курсъ воспитанниковъ института, кореннаго русскаго происхожденія, отличавшихся во все время пребыванія въ институтѣ безукоризненнымъ поведеніемъ, принадлежитъ педагогическому совѣту института.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Профессора *Генриха Друммонда*. Сокращенный переводъ *Л. Никифорова*. Петроградъ. 1896. 134. Цѣна 60 коп.“—допустить въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи *Д. Божана*. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. 78. Цѣна 25 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „*Джонъ Локкъ*. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ *А. Н. Савина*. М. 1898. Изданіе Кушнарера. XVI+736. Цѣна 3 р.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „*Карль Крепелинъ*. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго *Н. А. Холодковскій*, профессоръ императорской военно-медицинской академіи. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1897. II+184. Ц. 1 р. 50 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растений *Павла Вольногорскаго*. Съ 137 рисунками въ текстѣ и отдѣльной раскрашенной таблицей. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1897. 399. Цѣна 2 р. 75 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „*В. Федченко* и *А. Флеровъ*. Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, ди-

корастущихъ въ средней Россіи. Изданіе авторовъ. Съ 32 фотоцинографіями. М. 1897. 63. Цѣна 40 коп.“—одобрить для пріобрѣтенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки реальныхъ училищъ, въ качествѣ пособия при экскурсіяхъ, а также и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки означенныхъ училищъ.

— Брошюру: „*А. Θ. Флеровъ и В. А. Федченко*. Краткое руководство къ собиранію растений и составленію научнаго гербарія. Изданіе авторовъ. М. 1896. 23. 10 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Элементарный курсъ нѣмецкаго языка. (Erstes deutsches Lesebuch)*. Составилъ *Л. К. Яковсонъ*. С.-Пб. 1898. 152. Цѣна 70 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Ю. Елецъ*. Императоръ Менеликъ и война его съ Италией. По документамъ и походнымъ дневникамъ *Н. С. Леонтьева*. С.-Пб. 1898. III+302. Цѣна 2 р.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, для бібліотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читалень.

— Книжку: „*М. А. Литвиновъ*. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи („Общепользная бібліотека“. Изданіе *М. В. Ключина*). М. 1897. 368. Съ тремя портретами. Цѣна 1 р. 25 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: „*Д. П. Янковскій*. Личность Императора Николая I и его эпоха. Юбилейная рѣчь по случаю столѣтія со дня рожденія 25-го іюня 1796 года. Варшава. 1897. 69. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „*Рѣчь Цицерона о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ*. Объяснилъ *Августъ Гобманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Пятое просмотрѣнное изданіе. Часть I: Текстъ. IV+21. Часть II: Комментарій. 78. С.-Пб. 1898. Изданіе *К. Л. Риккера*. Цѣна за обѣ части 70 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „*Нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ*. I часть: *Этимологія*. Составилъ *К. С. Рега*, магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія, преподаватель С.-Пе-

тербургской 7-ой мужской гимназіи. Юрьевъ. 1898. VI+61. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Сочиненіе: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Казань. 1897. Томъ I. Стр. XLVII + (1—292) + VII.—Томъ II. Стр. IV + (293—616) + XII.—Томъ III. Стр. IV + (617—974).—Томъ IV. Стр. 201. Съ рисунками и планами. Цѣна за всѣ 4 тома 9 р.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для бесплатныхъ читаленъ.

— Книжку: „Ляръ, Луи. Англійскіе реформаторы логики въ XIX вѣкѣ. Переводъ съ 3-го французскаго изданія Н. Давыдова. С.-Пб. 1897. 201. Цѣна 75 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „А. Быкова. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ семью рисунками въ текстѣ и съ географической картой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 1896. V+201. Цѣна не обозначена.“—Одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „В. И. Маноцковъ. Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ. Съ приложеніемъ карты и таблицъ. Изданіе книжнаго магазина М. Г. Шашковской. Архангельскъ. 1897. 191. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Французская грамматика для русскихъ. Основы этимологіи и синтаксиса. Составилъ преподаватель VI и IX С.-Петербургскихъ гимназій П. Г. Мижусевъ. С.-Пб. VIII+144. Цѣна 60 к.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени Императора

Петра Великаго. Выпускъ второй. М. 1897. IV. +967. Цѣна 3 р. 30 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также одобрить для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книги: 1) „Иванъ Андреевичъ Крыловъ, историческое, общественное и литературное его значеніе и языкъ басень. Н. М. Терновскаго. Воронежъ. 1896. II+279. Цѣна 85 коп.“—2) „Н. М. Терновскій. Историко-литературные очерки. Житомиръ. 1898. IV+225. Цѣна 60 коп.“ — допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книгу: „Князь Дм. Голицинъ (Муравлинъ). „У синя моря“. Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автотипіями, исполненными по фотографическимъ снимкамъ его свѣтлости князя Мирко Черногорскаго, В. А. Хрщоновича, А. П. Матвѣевскаго и др. С.-Пб. 1898. 163 in 4°. Цѣна 6 руб. (Для библиотекъ учебныхъ заведеній, при выпискѣ книги непосредственно изъ конторы государственной типографіи въ С.-Петербургѣ, цѣна 5 руб. съ пересылкою)“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ тѣхъ же учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книжку: „Краткія свѣдѣнія изъ минералогіи для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и учениковъ городскихъ училищъ. Сост.

В. Сумскій. М. 1898. 71. Цѣна 30 коп.—допустить къ классному употребленію въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ, а равно въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: „Историческія свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной-вселенской и въ частности русской церк-вахъ. Составилъ учитель пѣнія священникъ *М. Ѳ. Коневскій*. Нижній-Новгородъ. 1897. 55. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книги, составленныя *А. В. Кругловымъ* и изданныя *В. С. Спиридоновымъ*: 1) „Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты. (1890—1896). М. 1897. 409. Цѣна 1 р. 50 к.“ — 2) „Деревенскія модницы. Разказъ. М. 1897. 35. Цѣна 15 к.“—допустить первую въ учительскія бібліотеки низшихъ и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а вторую въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Листки и брошюры, изданныя Ставропольскимъ Андреевско-Владимірскимъ братствомъ, подъ общимъ заглавіемъ: „*Ставропольскій Листокъ*“—№№ 3—5, 7—11, 15, 17—24, 27, 29—32, 34—39 и 46 допустить въ ученическія бібліотеки и читальни, а №№ 12, 16, 25—26, 28, 33, 40 и 42—43 въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданія Троице-Сергіевой лавры: „*Троицкіе листки*“, „*Троицкая народная бесѣда*“, „*Цвѣтки*“ и „*Троицкая бібліотека*“ — включить въ „Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ и для публичныхъ народныхъ чтеній“ и въ „Каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ“.

— Книжки и брошюры, изданныя Императорскимъ православнымъ палестинскимъ обществомъ: 1) „Къ животворящему Гробу Господню. Разказъ *В. Н. Хитрово*. 9-е изданіе, съ 75 рисунками. С.-Пб. 1896. 115. Цѣна 50 коп.“ — 2) „То же. Изд. 10-е, съ 76-ю рисунками и 2-мя хромофотографіями. С.-Пб. 1896. 115. Цѣна 60 коп.“—3) „Чтенія о Святой Землѣ. Выпускъ 45-й: Историческія судьбы Святаго Града Іерусалима. *И. В. Виноградова*. С.-Пб. 1897. 19. Цѣна 15 к.“—4) „То же. Выпускъ 46-й: Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ. *М. М. Осипова*. С.-Пб. 1897. 32. Цѣна 15 коп.“—5) „То же. Выпускъ 47-й: Вноземъ и его окрестности. Протоіерея *Н. Н. Трипольскаго*. С.-Пб. 1897. 22. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки сред-

нихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книжки, составленныя *Николаемъ Блиновымъ*: 1) „Сельская общественная служба, бесѣды старосты-крестьянина. Изд. 4-е, испр. и дополн. (К. И. Тихомирова). М. 1897. 235. Цѣна 50 коп.“—2) „На нивѣ народной. Крестьянскій годъ. М. 1895. 72. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую изъ нихъ также и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданіе книгопродавца М. О. Вольфа: „Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть. Русская исторія, начатая *А. Разинимъ*, продолжаемая *В. Липинымъ*. I. Славяне и варяги. II. Цареградская гроза. III. Денница спасенія. IV. Добрыня Малковичъ. V. Святополькъ окаянный. VI. Королевна Ингигерда. VII. Изъяславъ Скиталець. VIII. Кровавыя слезы. IX. Мономахова кручина. X. Кучково на Москвѣ. XI. Улита Кучкова. XII. Полкъ Игоревъ. XIII. Изгой. XIV—XV. Послѣдняя богатырская дружина. Ако и Вампо. XVI. Татарскій погромъ. XVII. Смиреніе побѣдоносца. XVIII. Два короля. XIX—XX. Московская лисица. Три вѣры. XXI. Мамаево побоище. XXII. Краденый поясъ. XXIII. Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? XXIV. Византійская царевна. XXV. Дядя и племянница. XXVI. Несчастное дитя. XXVII. Попремъ или отсидимся. XXVIII. Осада Пскова. XXIX. Покореніе царства Сибирскаго. XXX. Во славу Божию. XXXI. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! XXXII. Воровскія дѣла. XXXIII. Голутвенные и земскіе люди. XXXIV. Казацкій батько. XXXV. Патріархъ — великій государь. XXXVI. Ревнитель отеческихъ преданій. XXXVII. Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. XXXVIII. Орленокъ расправляетъ крылья. XXXIX. Въ гостяхъ и дома. XL. Первый урокъ. XLI. Окно въ Европу. XLII. Въ Парадизѣ. XLIII. Преславная викторія. XLIV. Отецъ отечества. XLV. Ихъ мало побѣдить. XLVI. На явную смерть. С.-Пб.—Москва. Цѣна каждой книжкѣ 15 коп., всѣмъ выстѣ—6 р.“—допустить для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, выпуски же IX, XVI, XVII, XXI и XLVI и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги, изданныя книгопродавцемъ М. В. Ключинымъ: 1) „*П. В.*

Засодимскій. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспоминанія и разказы. (Содержаніе: Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Изъ далекаго прошлаго. Гришина милостыня. Разбита чашка). Съ рисунками въ текстѣ. М. 1894. 109. Цѣна 60 коп.“ — 2) „*М. Васильевъ*. Изъ дѣтства. Воспоминанія и разказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1897. 64. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книжку: „*Н. Я. Некрасовъ*. Послѣ азбуки вторая книга для класснаго чтенія. 2-й годъ обученія. С.-Пб. 1898. 110. Цѣна 25 к.“ — допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособия, въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Катехизическія бесѣды на Символь вѣры. Діакона *Александра Георіевскаго*. С.-Пб. 1898. 272+IV. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: „*К. Шиндлеръ*. Изъ практики для практики. Земледѣльческія орудія и машины. I. Плугъ. М. 1897. 77. Цѣна 15 к.“ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

ВІІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Составленную преподавателемъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Варинимъ* книгу, подъ заглавіемъ: „Элементарный курсъ общаго земледѣлія, въ пяти частяхъ. С.-Пб., 1897. Изданіе *А. Ф. Девріена*“ — рекомендовать, въ качествѣ учебнаго пособия, для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленную инженеромъ, тайнымъ совѣтникомъ *В. М. Вер-*

ховскимъ книгу, подъ заглавіемъ: „Сельскія огнестойкія постройки С.-Пб., 158 стр., въ 8-ку, съ рисунками. Цѣна 1 рубль“—допустить въ учительскія бібліотеки и народныя читальни.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Одесскаго учебнаго округа, 10-го февраля сего года въ с. Шабо, Бессарабской губерніи, открыто двух-классное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 92 учащихся.

— По донесенію начальства Оренбургскаго учебнаго округа, 19-го минувшаго февраля состоялось открытіе школы для дѣвочекъ магометанокъ въ дер. *Давлекановой*, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при 20 учащихся.

— Начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа разрѣшено открыть въ г. Владикавказѣ женскую прогимназію, въ которую 25-го января сего года принято по испытанію 212 учениць.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ Общемъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 27-го декабря 1897 года, возобновленъ конкурсъ на преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга, учрежденныя 11-го мая 1893 года.

Преміи присуждаются и выдаются, на основаніи особаго Положенія, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

А) *Премія въ 3.000 рублей* тому, кто представитъ *сжатый, но обстоятельный* основанный на возможно полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, *очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ*, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до нашихъ дней. — въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п., при чемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокаго слѣда въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи.

Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи.

Б) Въ случаѣ, если бы не было представлено ни одного сочиненія, заслуживающаго вышеупомянутой преміи въ 3.000 рублей, таковая можетъ быть раздѣлена на *шесть премій*, по *500 рублей* каждая; преміи эти могутъ быть присуждены и выданы тѣмъ авторамъ, кои представятъ нижеуказанныя части очерка исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, во всемъ составленныя согласно п. А сего объявленія, а именно очерки исторіи: 1) *Болгаръ*, 2) *Сербовъ*, 3) *Хорватъ*.

товъ, 4) *Славинцевъ*, 5) *Словаковъ*, 6) *Чехо-Мораванъ*, 7) *Поляковъ* или *Ляховъ* и вообще польской группы и 8) *Полабскихъ славянъ*, какъ вымершихъ, такъ и живущихъ. За каждый очеркъ исторіи одной изъ этихъ восьми группъ или народовъ, удовлетворяющій требованіямъ п. А сего объявленія, выдается одна премія въ 500 рублей ¹⁾).

В) *Премія въ 1.000 рублей* выдается тому, кто представитъ обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ — политическомъ, религіозномъ и экономическомъ (за послѣднее время) и пр., при чемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой — и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію должна быть приложена карта заграничной Руси.

Г) Въ случаѣ, если бы не было представлено ни одного сочиненія на тему, указанную въ п. В, которое заслуживало бы вышеупомянутой преміи въ 1.000 рублей, — можетъ быть удостоено половинной преміи въ размѣрѣ 500 рублей такое сочиненіе, которое, хотя и не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ п. В, но все же обладаетъ достаточными научными достоинствами.

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 14-го февраля 1901 года, съ обозначеніемъ полнаго имени автора или (по его желанію) съ обозначеніемъ его девиза, помѣщеннаго какъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи пакетѣ (вмѣстѣ съ именемъ), такъ и на самой рукописи.

По присужденіи Совѣтомъ Общества, въ Торжественномъ Общемъ Собраніи членовъ Общества 14-го февраля 1902 года, премій за лучшія сочиненія, кои окажутся достойными такового присужденія, преміи эти будутъ выданы авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но не из-

¹⁾ Недостающіе для сей цѣли 1.000 рублей пополняются изъ общей суммы капитала А. Ө. Гильфердинга.

дателямъ и не книгопродавцамъ, отнюдь не позже мѣсяца спустя по ихъ присужденіи.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1.200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору ¹⁾, сохраняющему право на всѣ послѣдующія изданія своего труда.

¹⁾ По соглашенію съ Совѣтомъ Общества, авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1.200 экземпляровъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденного 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлю содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первые должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непримированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ комитета.

СИНТАКТИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ¹⁾).

II.

Составное сказуемое съ знаменательною (конкретною) связкою (verb. fin.) и причастіемъ настоящаго (и будущаго) въ роли 1) предикативнаго атрибута и 2) предикативной аппозиціи.

Наблюденія надъ различными типами составнаго сказуемаго съ знаменательною (конкретною) связкою и причастіями (не только настоящаго, но и другихъ временъ) приводятъ насъ къ необходимости различать *два оттънка* въ синтактической постановкѣ этихъ причастій. Это именно тѣ оттънки, на которые указываетъ *Потебня*, на 182-й стр., „Изъ зап. по русской граммат.“ (изд. 2-е), различая причастія 1) „атрибутивныя въ тѣсномъ значеніи слова“ и 2) причастія аппозитивныя.

Пояснимъ это слѣдующими примѣрами изъ Гомера. Од. XIII. 187—189: *ὁ δ' ἔγρετο δῖος Ὀδυσσεὺς εὔδων ἐν γαίῃ πατρίῃ, οὐδέ μιν ἔγνω ἦδη δῆν ἀπεών*—букв. „и онъ *проснулся* божественный Одиссей *спящій* на отечественной землѣ, и *не узналъ* ея уже долго *отсутствующій*“.—Если *ἔγρετο* значить „проснулся“, а *εὔδων*—„спящій“, то-есть—*продолжающій спать*, то сочетаніе *ἔγρετο εὔδων*, казалось бы, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, даже бессмыслицу: нельзя проснуться, продолжая спать. Однако, *никакой бессмыслицы тутъ нѣтъ*,—*ея нѣтъ именно потому*, что причастіе *εὔδων* употреблено здѣсь не *аппозитивно*, а *атрибутивно* (не переставая быть предикативнымъ, то-есть, частью предиката). Иными словами: не выходя изъ сферы сказуемаго, не превращаясь въ простое опредѣленіе подлежащаго,

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, май 1897 г.

оно, однако же, связано съ этимъ послѣднимъ болѣе тѣсными узами, чѣмъ тѣ, которыми связывается съ нимъ причастіе аппозитивное, тяготящее больше къ глаголу-связкѣ, чѣмъ къ подлежащему, съ которымъ оно соединено лишь формально—согласованіемъ. Вотъ именно это отвлеченіе причастія εἶδων отъ глагола εἴρητο, убыль его тяготѣнія къ послѣднему и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе его тяготѣнія къ подлежащему, то-есть, избытокъ въ немъ атрибутивности,—и являются причиною того, что противорѣчіе между εἴρητο и εἶδων исчезаетъ изъ сознанія говорящаго. Само положеніе причастія εἶδων непосредственно вслѣдъ за Ὀδυσσεύς косвенно подтверждаетъ (или даже усиливаетъ) его атрибутивный характеръ. Равнымъ образомъ предикативно-атрибутивно и причастіе ἄπειν. Еслибы это была аппозиція, то фраза значила бы, что Одиссей не узналъ родной земли въ то время, когда отсутствовалъ. Очевидно, ἄπειν стоитъ *внѣ сферы ближайшаго тяготѣнія* къ εἴρω и отвлекается отъ послѣдняго въ направленіи къ подлежащему, для котораго оно и служитъ атрибутомъ, не переставая, однако, составлять часть сказуемаго. Этотъ отѣнокъ мы можемъ выразить, усиливая степень атрибутивнаго тяготѣнія причастія къ подлежащему черезъ передачу оборота такъ называемымъ *отредьлительнымъ* придаточнымъ предложениемъ: онъ, *столь долго отсутствующій*, не узналъ... или: онъ, который такъ долго отсутствовалъ...

Въ качествѣ образчика для употребленія причастія въ роли предикативной *аппозиціи* возьмемъ слѣдующій примѣръ, съ причастіемъ аор., *Οδ.* XIII, 226: τῆν Ὀδυσσεύς ἤθησεν ἰδών—Одиссей обрадовался, увидѣвъ ее. Буквально—„увидѣвшій“, то-есть, мы имѣемъ здѣсь причастіе, формально согласующееся съ подлежащимъ, но столь тѣсно примыкающее къ глаголу-связкѣ ἤθησεν, что дополненіе τῆν, которое спеціально относится къ ἰδών, могло быть поставлено въ началѣ фразы, какъ будто бы оно составляетъ дополненіе къ цѣлому ἤθησεν-ἰδών. И дѣйствительно, здѣсь глаголъ съ причастіемъ образуетъ *цѣлое*, которое могло бы быть разсматриваемо, какъ особый родъ ἐν-δια-δοῦν. Въ составномъ сказуемомъ ἤθησεν ἰδών апперценировано два момента (обрадоваться и увидѣть), изъ коихъ одинъ (увидѣть) во времени предшествуетъ другому, и оба образуютъ цѣльный предикатъ,—гораздо компактнѣе, чѣмъ при предикативномъ атрибутивѣ, ибо ἰδών такъ сильно тяготеетъ къ ἤθησεν, что его связь съ подлежащимъ ограничивается формальнымъ согласованіемъ. Его аппозитивность обнаруживается также въ томъ, что оно легко поддается превращенію въ

ному атрибуту *единъ* отвѣчаетъ въ греческомъ и готскомъ обстоя-
 тельственное выраженіе (нарѣчіе)—*καταμόνας, sundro*.

Зограф. 104: *і обратъ са* къ оученикомъ *единъ рече*—*καὶ στρα-
 φείς πρὸς τοὺς μαθητὰς κατ' ἰδίαν εἶπε* (Лук. X, 23). Готское: *jah ga-
 vandips du siroþjam seinaim sundro qar*.—Въ греческомъ и готскомъ
 мы находимъ здѣсь составныя сказуемыя изъ *знаменательныхъ* свя-
 зокъ (*εἶπε, qar*) и причастій прошедшаго (*στραφείς, gavandips*), обра-
 зующихъ *аппозицію*; въ славянскомъ, гдѣ вмѣсто греческаго и гот-
 скаго обстоятельного выраженія (*κατ' ἰδίαν, sundro*) стоятъ при-
 лагательное *единъ*, получилось какъ бы двойное составное сказуемое—
 изъ знаменательной связки (*рече*), *аппозиціи* (*обратъ са*) и преди-
 кативнаго атрибута (*единъ*).

Зограф. 57: *придѣте* вы сами въ мѣсто *едини*—*ἑσθε ὁμοίς αὐτοῖς*
κατ' ἰδίαν εἰς ἔρημον τόπον... (Марк. VI, 31). Въ готскомъ нѣтъ.

Зограф. 57: *і тши* отъ всѣхъ градъ *тшиа* тамо—*καὶ περὶ τῆ ἀπό-
 पासῶν τῶν πόλεων συνέδραμον ἔχεῖ...* (Марк. VI, 33). Опять *прилага-
 тельное* (предикативный атрибутъ) въ славянскомъ поставленъ на
 мѣсто нарѣчія (обстоятельного) въ греческомъ (*περὶ*). Въ готскомъ
 нѣтъ.

Зограф. 117: ... *весела са* (чкъ етеръ богатъ) на в'сѣкъ днь
свѣтъла—... *εὐφραίνόμενος κατ' ἡμέραν λαμπρῶς* (Лук. XVI, 19).
 Готское: ... *vaila visands daga wamneh bairhtaba*. Въ греческомъ и
 готскомъ взяты нарѣчія (*λαμπρῶς, bairhtaba*); причастія настоящего
 (*εὐφραίνόμενος, vaila visands*) присоединяются къ предшествующимъ
verba finita (*ἦν*, при коемъ *πλούσιος, и ἐνεδιδόσκητο* съ дополненіями
πορφύραν καὶ βύσσον; vas, при коемъ *gabigs, и gavasids vas* съ допол-
 неніями) въ качествѣ *аппозицій*. Въ славянскомъ, кромѣ *аппозиціи*
весела са, имѣется еще предикативный атрибутъ *свѣтъла*, замѣняю-
 щій греческое и готское обстоятельство. Если въ переводѣ на со-
 временный русскій захотимъ удержать прилагательное, то придется
 превратить *аппозицію* въ *verb. finitum*, а изъ прилагательнаго сдѣ-
 лать простой (непредикативный) атрибутъ: ... *облачался въ порфиру*
и—свѣтлый—веселился. Въ Остромировомъ евангелии (л. 96, на обо-
 ротѣ) прилагательное уже замѣнено нарѣчіемъ (какъ въ греческомъ
 и готскомъ): *весела са на в'сѣкъ днь свѣтъло*.

Изъ греческаго приведу слѣдующіе примѣры.

Херод. *Сурор.* VII, 1, 3: *βροντὴ δεξιὰ ἐφθέγγετο*.—VII, 1, 25
 ... *ἐστράφησαν πάντες ἀντιπρόσωποι τοῖς πολεμίοις*.—*Herod.* IV, 53,
 9 ... *ῥέει τε καθαρὸς* (Борисоень). V, 18, 17—18: *αἱ δ' ἐπέειτε* (го-

ναίτας) καλεόμεναι ἦλθον (составное сказуемое с̄ аппозицией), ἐπετῆς ἀντίαι ἴζοντο τοῖαι Πέρσησι.—*Хенорф. Анаб.* II, 1, 16: ἐγὼ τε ... ἀσμενος ἐώραχα...

Изъ Гомера: *Π.* IV, 21: πληοῖαι αἶ γ' ἦσθην (Гера и Λωνна). *Π.* IV, 133: ... ὅθι ... καὶ διπλόος ἦντετο θώρηξ. *Π.* XXI, 456: νῶι δὲ τ' ἄφορροι χίομεν... (Но *Π.* IV, 152 уже нарѣчіе ἄφορρον, и сказуемое здѣсь—простое). *Π.* IV, 171: καὶ κεν ἐλέγχιστος... Ἄργος ἰχοίμην. *Π.* V, 12: τῶ οἱ ἀποκρινθέντε ἐναντίω ὀρμηθήτην, гдѣ имѣемъ: 1) знаменательную связку (ὀρμηθήτην), 2) аппозицію—ἀποκρινθέντε и 3) предикативный атрибутъ—прилагательное ἐναντίω.—*Π.* V, 13 ... ὁ δ' ἀπό χθονός ὤρνυτο πεζός. *Π.* V, 15 ... πρότερος προίει ... ὕστερος ὤρνυτο ... *Π.* V, 28: ἦριπε δὲ πρηνής. *Π.* VIII, 23: ἀλλ' ὅτε δὴ καὶ ἐγὼ πρόφρων ἐθέλοιμι ἐρόσσαι ... *Π.* VIII, 175 ... πρόφρων κατένευσε Κρονίων... *Π.* VIII, 488 ... αὐτὰρ Ἀχαιοὶς ἀσπασίη τρίλλιστος ἐπήλυθε νύξ ἐρεβυνή. *Π.* VIII, 508—509: ὡς κεν παννύχιοι μέσφ' ἠοῦς... καίωμεν πορά... 554 ... εἶατο παννύχιοι... μὴ μὲν ἀσπουδί γε νεῶν ἐπιβαίειν ἔκηλοι... (гдѣ наряду с̄ предикативнымъ атрибутомъ ἔκηλοι стоитъ и нарѣчіе ἀσπουδί—почти его синонимъ, такъ что выходитъ родъ плеоназма). *Π.* X, 152—153: ἔγχεα δὲ σφιν ὄρθ' ἐπὶ σαυρωτῆρος ἐλήλατο... *Π.* X, 263—265: ἔκτοσθε (снаружи шлема) δὲ λευκοὶ ὀδόντες ... ὕς θαμέες ἔχον (sc. αὐτήν—κυνήν, шлемъ) ἔνθα καὶ ἔνθα εὖ καὶ ἐπισταμένως (здѣсь рядомъ с̄ предикативнымъ атрибутомъ θαμέες стоятъ и нарѣчія εὖ и ἐπισταμένως, такъ что данное предложение представляетъ собою родъ компромисса между болѣе древнимъ типомъ—составнаго сказуемаго с̄ предикативнымъ атрибутомъ въ формѣ прилагательнаго—и новымъ—простого сказуемаго с̄ нарѣчіемъ). *Π.* X, 290: ὅτε οἱ πρόφρασσα παρέστης. *Π.* XI, 67—68: οἱ δ' ὡς τ' ἀμητῆρες ἐναντίοι ἀλλήλοισι ὄγμον ἐλαύνωσιν... *Π.* XI, 75—76: ἀλλὰ ἔκηλοι σοφοῖσιν ἐνὶ μεγάροισι καθείατο (θεοί)... *Π.* XI, 94: ἦ τοι ὄ γ' ἐξ ἵππων καταπάλμενος ἄντιος ἔσθη. Здѣсь двойное составное сказуемое: 1) с̄ аппозицией καταπάλμενος и 2) с̄ предикативнымъ атрибутомъ ἄντιος. *Π.* XI, 144: ὁ δ' ὕπτιος οὐδε ἐρείσθη. 179: πολλοὶ δὲ πρηνεῖς τε καὶ ὕπτιοι ἔκπεσον ἵππων... *Π.* XI, 216: ... στάν δ' ἀντίοι (Но 219 уже нарѣчіе: ἀντίον ἦλθεν, между тѣмъ какъ—) 231: ἀντίος ἦλθεν. *Π.* XII, 77—78: ... ἐπώμεθ' ἀολλέες. *Π.* XIII, 124—125: Ἐκτῶρ δὲ παρὰ νηοῖ βοήν ἀγαθὸς πολεμίζει καρτερός. Уже самое положеніе послѣ глагола отчасти намекаетъ на то, что καρτερός не стоитъ на одной доскѣ с̄ βοήν ἀγαθός, то-есть, что оно не простое опредѣленіе, а *предикативный* атрибутъ. Также,

думаю, и XIII, 126—127: ἴσταντο φάλαγγες χαρτεραί... *П.* XIII, 133: ὡς πυκνοὶ ἐφέστασαν ἀλλήλοισιν. *П.* XIII, 136: Τρωῆς δὲ προὔτωσαν ἀολλέες. *П.* XIII, 488: πλησίοι ἐστήσαν. *П.* XV, 99: εἴ περ τις ἐτι νῦν δαίνυται εὐφρων. *П.* XXIII, 271: ... στῆ δ' ὀρθός (ср. у Поттебни обороты, какъ *εγστα простъ*, „Изъ записокъ“², стр. 172, и нижеприводимые санскритскіе). *П.* XVIII, 65—66: αἶ δὲ σὺν αὐτῇ δακρυόεσσαί ἴσαν. *П.*, XVIII, 209: οἱ τε πανημέριοι στογερῶ κρίνονται ἄρη... *П.* XVIII, 211: ... πυρσοὶ τε φλεγέθουσιν ἐπήτριμοι... *П.* XVIII, 277: πρῶι δ' ὑπηροῖσι... στησόμεθ' ἄμ πόργους. Также XXIII, 303—304. *Od.* XIII, 138: ... εἰπερ ἀπήμων ἦλθα... *Od.* XIII, 226 ... ἐναντίος ἦλθεν. *Od.* XIII, 423—424: ... ἀλλὰ ἔκμηλος ἦσται ... *Od.* XIV, 54 ... ὅτι με πρόφρων ὑπέδεξο. *Od.* XIV, 64 ... εὐθυμος ἔδωκεν. *Od.* XIV, 257: πεμπαῖοι (на пятый день) δ' Αἴγυπτον... ἰκόμεσθα. *Od.* XIV, 344: ἐσπέριοι (вечеромъ) ... ἀφίκοντο. *Od.* XIV, 457—458: ὅε δ' ἄρα ζεὺς πάννοχος... (всю ночь). *Od.* XV, 108: ἔχευτο (πέπλος) δὲ νεῖατος ἄλλων—лежалъ (плащъ) послѣднимъ, крайнимъ изъ всѣхъ (ниже другихъ, на днѣ ящика). *Od.* XV, 160: ... ἐπέπτατο δεξιὸς ὄρνις. 164: δεξιὸς ἦξε... *Od.* XV, 184: οἱ δὲ (ἴπποι) πανημέριοι (весь день) σεῖον ζυγόν... *Od.* XIX, 149: ἔνθα καὶ ἡματιῆ (днемъ) μὲν ὑφαίνεσχον μέγαν ἰστόν...

Такой предикативный атрибутъ въ *формѣ прилагательнаго* можетъ имѣть при себѣ *причастіе отвлеченной или полузнаменательной* связки, въ силу чего онъ, получая нѣкоторую прибавку предикативной силы, приравнивается къ предикативному атрибуту въ *формѣ причастія*. Напримѣръ.

П. XI, 230: αὐτὰρ ὁ πεζὸς ἐὼν εἰς Ἴλιον εἰληλούθει.—*П.* XIII, 118—119: ὃς τις πολέμοιο μεθειῆ λυγρὸς ἐὼν.—При *полузнаменательной* глагольной связкѣ наличность такого причастія при прилагательномъ представляется, повидимому, болѣе настоятельной, чѣмъ при связкѣ вполне конкретной, напримѣръ: *Herod.* IV, 41, 7: πλατέα τυγχάνει εἰοῦσα ἡ ἀκτὴ... Равнымъ образомъ, роль этого причастія въ экономіи фразы выступаетъ съ большею отчетливостью въ томъ случаѣ, когда въ составъ предложенія входятъ союзы, союзнарѣчія, сравнительныя, раздѣлительныя, усиливающія частицы. Напримѣръ, *Herod.* III, 25, 6—7: οἷα δὲ ἐμμανῆς τε ἐὼν καὶ οὐ φρενῆρης ... ἐστρατεύετο. Нарѣчіе-частица οἷα вноситъ въ фразу такой оттѣнокъ, который какъ бы требуетъ усиленія предикативной тяжести прилагательныхъ, что и достигается помощью причастія ἐὼν. Съ тѣмъ вмѣстѣ такое нарѣчіе содѣйствуетъ какъ бы сохраненію нѣкотораго

подобія составнаго сказуемаго и въ новыхъ языкахъ: „сражался, словно безумный и не владѣющій разсудкомъ“. Говорю „нѣкотораго подобія“, потому что мы не даромъ привыкли ставить запятую передъ „словно“ и другими этого рода частицами; запятую мы отбѣняемъ нашу склонность понимать прилагательное (и причастіе), не какъ часть составнаго сказуемаго, а какъ простой аттрибутъ, относящійся къ подлежащему, но выдѣленный изъ даннаго предложенія въ другое, зачаточное, предложеніе, неправильно называемое „сокращеннымъ“ (придаточнымъ) предложеніемъ. Въ греческомъ и другихъ старыхъ языкахъ оно не выдѣляется и образуетъ, несмотря на присутствіе частицы, неотъемлемую часть составнаго сказуемаго. Въ ряду такихъ частицъ замѣтимъ пер: *И. I, 131—132: μή δ' οὕτως ἀγαθός* пер *ἐάν, θεοείκελ' Ἀχιλλεῦ, χλέπτε νόφ...* *И. V, 94: ... οὐδ' ἄρα μιν μίμνον* колѣес; пер *ἄόντες*. Какъ извѣстно, причастіе отвлеченной связки присоединяется, въ этого рода сочетаніяхъ, къ прилагательному не только тогда, когда оно есть часть сказуемаго (предикативный аттрибутъ), но и тогда, когда оно—простое опредѣленіе, какъ, на примѣръ, *И. III, 201: ὃς τράφη ἐν δῆμῳ Ἰθάκης κραιναῆς* пер *εὐούσης...*

Не трудно видѣть, что наличность причастія, усиливая предикативный вѣсь прилагательнаго, въ то же время можетъ значительно повліять на его синтактическую постановку въ предложеніи. Если это причастіе — аппозитивно, то оно способно сдѣлать таковымъ и прилагательное, или, лучше сказать, сочетание прилагательнаго съ аппозитивнымъ причастіемъ, рассматриваемое какъ одно цѣлое, образуетъ аппозицію. Таковъ случай *Хенорф. Сурор. II, 1, 1: ἐπεὶ δὲ αὐτοῖς ἀετὸς δεξιὸς φανεῖς προηγεῖτο*. Здѣсь причастіе аор. страд. *φανεῖς*, несомнѣнно, аппозитивное, является причиною того, что сочетание *δεξιὸς φανεῖς* уже не можетъ быть рассматриваемо, какъ предикативный аттрибутъ, а составляетъ аппозицію, что въ переводѣ можетъ быть передано либо черезъ дѣепричастіе (появившись справа), либо черезъ *verb. fin.* (появился справа и летѣлъ впереди).

Въ санскритѣ въ этого рода сочетаніяхъ мы находимъ разнообразныя именныя формы, прилагательныя, существительныя и такія, которыя занимаютъ середину между ними и могутъ быть понимаемы, и какъ прилагательныя, и какъ существительныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ сочетанія съ прилагательнымъ.

1. Сочетанія съ *ūrdhva*—высокій, высоко-стоящій, высоко-поднятый гр. *ὄρθος*. Сюда относятся выраженія, аналогичныя слав. *вста простъ* и греческимъ какъ *στῆ δ' ὄρθος* и т. п., на что указалъ еще Грасс-

манъ (Wörterbuch z. R̥gveda, s. v. ūrdhva). R̥v. I, 36, 13: *ūrdhvā ū śú na ūtāye tiṣṭha...* „высокіи (то-есть, высоко) стой намъ на благо (въ помощь)“.—R̥gv. I, 36, 14: *ūrdhvō naḥ pāḥy āphaso...* „высокіи (высоко, съ высоты) охраняй насъ отъ бѣдствія (утѣсенія)“.—R̥v. V, 1, 2:... *ūrdhvō agnīḥ sumāpāḥ prātár asthāt* — „высокіи (то-есть, высоко) благосклонный, Агни утромъ поднялся“.—R̥v. VI, 63, 4: *ūrdhvō vām agnir adhvarésv asthāt...* „высокіи (то-есть, высоко) для васъ двухъ Агни въ жертвоприношеніяхъ поднялся“.—R̥v. IV, 6, 1: *ūrdhvā ū śú po... ágne tiṣṭha...* „высокіи (то-есть, высоко) для насъ, о Агни, стой“... —R̥v. VIII, 27, 12: *úd* и *śyá vaḥ savitā... asthād ūrdhvō...* „вотъ этотъ вашъ Савитаръ... всталъ (поднялся) *высокіи* (высоко)“...—*Ait.-Brahm.* II, 1: *yaḥṇena vai devā ūrdhāḥ svargam lokam āyan* — „именно жертвою (силою культа) боги взошли *высокіе* (то-есть, высоко) на небо“.—*Ait.-Br.* *ibid.*: там (у́раи) *avācīnāg-gam nimityordhvā udāyan...* *tadyadyūra ūrdhvo nimlyate*—„утвердивъ (воздвигнувъ, строявъ) его (столбъ) вершиною внизъ, (они, боги) *высокіе* (то-есть, высоко) поднялись (взошли)... Это (и есть) то (та причина), почему (жертвенный) столбъ воздвигается *высокіи* (то-есть, высоко)“.

2. Сочетанія съ терминами на— *añc*, каковы: *arvāñc* — обращенный лицомъ сюда, къ намъ. R̥v. I, 177, 5: *á... yāhy... arvāñ...* „прийди (обращенный лицомъ) сюда“.—R̥v. I, 35, 10: *yātv arvāñ* — „да придетъ (обращенный лицомъ) сюда“.—R̥v. I, 157, 3: *arvāñ... rátho... yātu...* „(обращенная лицомъ) сюда... колесница... да грядетъ“...—R̥v. II, 18, 5, 6: *á... yāhy... arvāñ...* [Съ полузнаменательною или почти отвлеченною связкою: R̥v. II, 26, 6: *arvāñco adyā bhavata...* „(обращенные лицомъ) сюда нынѣ будьте“...]. Но весьма нерѣдко употребляется и нарѣчіе *arvāk*.

pratyañc—обращенный лицомъ къ, по направленію къ.—R̥v. I, 50, 5: *pratyāñ devānām viśaḥ pratyāññ úd eṣi śāpuṣān...* „ты восходишь (о солнцѣ—*sūryaḥ*) обращенный лицомъ къ селеніямъ боговъ, обращенный лицомъ къ людямъ“... —R̥v. V, 28, 1:... *pratyāññ usāzam ugvīyā ví bhāti*—„обращенный лицомъ къ Зарѣ (навстрѣчу Зарѣ) широко сіяетъ (Агни)“.—R̥v. I, 92, 9: *viśvāni devī bhūvanābbhicaṣyā pratici sāksur ugvīyā ví bhāti*—„созерцающая всѣ существа, богиня (Зара), обращенная лицомъ къ (нашему) взору, широко сіяетъ“.—R̥v. VII, 39, 1:... *praticī jūgrīḥ devātātīm eti* — „пламя (Огня) идетъ (обращенное) къ (навстрѣчу) сонму боговъ“.

prūñc—обращенный (лицомъ) впередъ, прямо, на востокѣ.—R̥v. V,

28, 1:... *éti prâci* (Uṣāḥ)—„шествуетъ впередъ (Заря)“. Rv. V, 45, 5:... *âyāta prâncō yājamaṇam ācha*—„мы пришли *прямо* (буквально обращенные лицомъ прямо) къ жертвующему.

arāñc—обращенный (лицомъ) назадъ, на западъ. Rv. I, 164, 38: *ārañ prâñ eti*... идетъ (обращенный) назадъ, (идетъ обращенный) впередъ...

ūdañc—обращенный (лицомъ) вверхъ, находящийся наверху, направляющийся на сѣверъ. Rv. X, 86, 22: *yād ūdañcō... gṛhām... ajagantana*... „когда вы вошли въ домъ (направляясь) наверху“...

Приведу еще изъ *Ait.-Brahm.* примѣры для *pratyāñc* (см. выше), *parāñc* (обращенный лицомъ назадъ) и *anvāñc* (находящийся позади, слѣдующій вслѣдъ за): I, 7: *tasmāt pratīyo 'ruāro bahvyaḥ syandante*—„потому многія рѣки текутъ *на западъ* (буквально обращенныя къ западу или даже просто „западные“)“.—III, 36: *tāḥ (prajāḥ) srstāḥ parācya evāyaṇ*—„тѣ (твари) созданныя ходили обращенныя лицомъ назадъ“.—III, 37: *tasmād anīcī patnī gārhapatyam āste*—„потому супруга (домохозяина) сидитъ за (позади, находящаяся позади) Огнемъ—Gārhapatya“.

Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить. Ограничимся приведенными, которые достаточно иллюстрируютъ занимающій насъ оборотъ, и замѣтимъ, что рядомъ съ этими прилагательными употребляются и соотвѣтственныя нарѣчія (отъ тѣхъ же темъ,—*grāk*, *pratyak* и т. д.).

3. Сочетанія прилагательныхъ въ родѣ, на примѣръ, *adhara*—низкій, нижній. *dhruva*—прочный и т. п. съ глаголами движенія и пребыванія, на примѣръ, Rv. III, 53, 21:...*yó no dvēsty ādharah sās padīsta*—„кто насъ ненавидитъ, тотъ да падетъ *низкій* (то-есть, низко, ниже.—да будетъ поверженъ, порабощенъ)“.—Rv. X, 173, 2: *dhruvās tistha*—„*прочный* (то-есть, прочно) стой“.

4. Кромѣ этихъ оборотовъ съ прилагательными направленія, мѣста, а также качества, при глаголахъ движенія и пребыванія, укажемъ еще на случаи другаго рода, гдѣ прилагательное либо имѣетъ близкое къ причастию значеніе, либо стоитъ рядомъ съ причастиемъ, или наконецъ приравнивается къ причастию черезъ присоединеніе причастія отвлеченной или знаменательной связки, какъ въ вышеприведенныхъ греческихъ образчикахъ.

Rv. V, 59, 2: *dūredh̄ṣo yé (marutaḥ) citāyanta* (то-есть, *citāyante*) *étabhiḥ*... „которые (Маруты) обнаруживаются (замѣтны; распознаются) на путяхъ (своихъ, въ своемъ шествіи) *далеко видны*“... *Say-*

ana поясняетъ: *dūredr̥ṣo dūre dṛṣuamañā api ye marut aemabhir ga-*
manaic̣ cītaunte jñāunte, то-есть, „хотя и *dūredr̥ṣaḥ*—далеко усма-
триваемые, Маруты (однако) *cītaunte* — узнаются по (ихъ) ходу“, —
онъ хочетъ сказать, что уже издали, едва показавшись, Маруты без-
ошибочно узнаются по свойственному имъ способу движенія. Для насъ
здѣсь не лишена значенія передача *dūredr̥ṣaḥ*—далековидные прича-
стиемъ *dūre dṛṣuamāñāḥ*. И дѣйствительно, сложные прилагательныя
этого типа (съ глагольнымъ корнемъ на концѣ) имѣли значеніе весьма
близкое къ причастному.

Rv. V, 52, 2: ... *bhūmir̥ ejati naṁr̥ nā rignā kṣarati vyáthir̥ yatī*—
„земля дрожить (колеблется), подобно тому какъ полная (наполненная
грузомъ) лодка колеблется *валкая идущая*“, то-есть, валкая, шатаю-
щаяся на ходу. *Sūyana* поясняетъ: *sā* (наṁḥ) *yathodakamadhye kṣa-*
gati salati vyathir̥ vyathitā yatī gacchantī, то-есть, „подобно тому какъ
она (лодка) среди водъ *kṣarati*—качается *vyathih̥*—колеблемая (шата-
ющаяся) *yatī*—идущая“ (на ходу). Здѣсь интересующее насъ при-
лагательное *vyathih̥* (тема *vyathi*)—пояснено причастиемъ (*praet. pass.*)
vyathitā, что указываетъ на близкое къ причастному значеніе при-
лагательнаго. Въ нашей фразѣ составное сказуемое заключаетъ въ
себѣ: 1) знаменательную связку, *verb. fin.*, *kṣarati*—качается, 2) пре-
дикативный атрибутъ въ формѣ прилагательнаго *vyathi*—валкій, ко-
леблющійся и 3) причастіе наст. *yatī*—идущая, которое можетъ, смо-
тря по точкѣ зрѣнія говорящаго, быть понято и какъ предикативный
атрибутъ, и какъ аппозиція. Оно—предикативный атрибутъ въ томъ
случаѣ, если служить для характеристики лодки вообще, поскольку
она представляется движущейся,—оттѣнокъ, который въ новыхъ язы-
кахъ передается простымъ опредѣленіемъ: движущаяся лодка, а равно
и — въ томъ, если *yatī* является здѣсь причастною знаменательною
связкою при *vyathi*—вмѣсто отвлеченной: *vyathir̥ yatī* вмѣсто *vyathih̥*
satī—„валкая сущая“;—оно — аппозиція, если значить: „когда дви-
жется“, что мы передаемъ обстоятельствомъ выраженіемъ „на
ходу“. Последнее вѣроятнѣе.

Rv. I, 127, 7: *dvitā yád im̥ kistáso abhidyavo namasyánta iravó-*
canta bhrgavo... „когда издревле пѣвцы Бргхавы воззвали къ нему
(Агни) *стремящійся къ небу, поклоняющійся*“... — Здѣсь причастная
форма *namasyantaḥ* и рядомъ съ нею стоящее прилагательное *abhi-*
dyavaḥ образуютъ части составнаго сказуемаго, коего связка есть
глаголь *iravocanta*. Прилаг. *abhidyu* — „стремящійся къ небу“¹⁾

¹⁾ *Sūy.* даетъ другое значеніе: *abhito dyotamāñāḥ*—вверху сіяющие.

нѣтъ нѣкоторый оттѣнокъ причастнаго значенія (о чемъ будетъ рѣчь ниже).

Rv. II, 42, 2: *kānikradat sumāṅgālo bhadravādī vadeha*—„громко крича, приносящій счастье, возвѣщающій благое, вѣщай здѣсь“ (обращеніе къ птицѣ). Также, *ibid.*, стихъ 3-ій: *āva krandā dakṣiṇatō gṛhāṇām sumāṅgālo bhadravādī* ṣakunte—„кричи справа отъ дома, о птица, возвѣщая счастье, вѣщая благое“. Въ первой фразѣ причастіе *kanikradat* и прилагательныя *sumāṅgalaḥ* и *bhadravādī* — не опредѣленія, а предикативныя атрибуты, части составнаго сказуемаго, коего связка (знаменат.) есть глаголь *vada* (вѣщай, пой); во второй фразѣ находимъ тѣ же прилагательныя въ той же роли предикативныхъ атрибутовъ (только нѣтъ причастія). Оба эти прилагательныя отмѣчены несомнѣннымъ причастнымъ характеромъ. первое, *sumāṅgalaḥ*, въ качествѣ сложнаго *bahuvrīhi*¹⁾, второе, *bhadravādīn*, — въ силу отглагольнаго (или, можетъ быть, приглагольнаго) характера термина—*vādīn* (глаголь *vad*), входящаго въ его составъ.

Rv. X, 173, 1... *tiṣṭhāvīcācaliḥ*—„стой недвижимый (непоколебимый)“. Прилагательное *avīcācalī*—недвижимый—носитъ довольно ясно выраженный причастный оттѣнокъ — въ силу наличности глагола *cal* (двигаться, колебаться, дрожать), при чемъ удвоеніе въ прилагательномъ. подходящее по долготѣ гласнаго къ типу удвоенія интенсивныхъ глаголовъ, еще болѣе оттѣняетъ эту связь съ глаголомъ, этотъ характеръ „приглагольности“...

Предполагая въ послѣдствіи пополнить число такихъ образчиковъ, ограничусь пока приведенными, чтобы перейти къ тѣмъ формамъ. гдѣ въ качествѣ предикативнаго атрибута является *существительное* при *знаменательной* связкѣ. Образчикомъ можетъ служить — *Зограф. ев.* 139: вѣмъ тако отъ бга *пришьль еси оучитель*—οἰδαμεν ὅτι ἀπό θεοῦ ἐλήλυθας διδάσκαλος. (Въ гот. нѣтъ).

Изъ Гомера:

II. X, 286: ὅτε τε πρό 'Αχαιῶν ἄγγελος ἦει (Τυδεύς). — II. XI. 49—50: αὐτοὶ δὲ πρὸς ἑς οὐκ ἐπὶ τεύχεσσι θωρηθέντες ῥώοντο. Здѣсь *πρὸς ἑς*—часть предиката: а сами устремились пѣшими воинами (пѣхотой, въ качествѣ пѣшихъ).—II. XIII. 449: ὄφρα ἴδῃ οἶος ζηνὸς γόνος

¹⁾ Въ лингвистико-психологическую природу этихъ *composita* входятъ довольно ясно чувствующійся элементъ *предикативности*; они суть какъ бы сжатыя предложенія и легко разлагаются на таковыя: *bahuvrīhi* — тотъ, у котораго много рису, *manigrīva* — тотъ, у котораго на шеѣ ожерелье. Вотъ именно этотъ предикативный ингредиентъ и придаетъ этимъ сложнымъ причастнымъ характеръ.

ἐνθάδ' ἰκάνω. Здѣсь предикативный атрибутъ выраженъ существительнымъ γόνος, при коемъ, какъ его опредѣленіе, стоитъ мѣстоим. οἶος.—II. XVIII, 2: Ἀντίλοχος δ' Ἀχιλῆϊ πόδας ταχὺς ἄγγελος ἦλθε (πόδας ταχὺς можетъ относиться, въ качествѣ опредѣленія, къ подлежащему Ἀντίλοχος, какъ думаетъ, между прочимъ, La Roche; предикативный атрибутъ — ἄγγελος: пришелъ вѣстникомъ, въ качествѣ вѣстника; дѣло, конечно, не измѣняется, если отнесемъ под. тах. къ ἄγγελος).—Od. XIX, 549—550: ἐγὼ δὲ τοι αἰετός ὄρνις ἦα πάρος, νῦν αὖτε τείος πῶσις εἰλήλουθα.

Санскритскіе примѣры:

Къ типу ἄγγελος ἦει, *пришель еси учитель* относится—*Ait.-Brūhm.* IV, 7: tasyai (sūgyāyai) sarve devā varā āgachan — „къ ней (къ богинѣ Sūgyā) всѣ боги приходили *женухи* (то-есть, женихами, въ качествѣ жениховъ)“.

Особливо важны и многочисленны случаи, гдѣ предикативнымъ атрибутомъ является существительное съ суфф.—*tar*. Таковы къ особенности термины, обозначающіе различныя разновидности жреческаго сословія, — *hotar*, *potar*, *pravaktar* и др. Напримѣръ. Rv. IV, 9, 3: sā sādma pari niyate hotā... utā potū ni śidati — „онъ (Агни) обносится (его носятъ) кругомъ жилища (храма, Sāyana: yajñagṛham) [какъ] *hotar* (въ качествѣ жреца *hotar*'а, совершавшаго возліанія и провозносившаго извѣстныя воззванія къ богамъ); [какъ] *potar* (въ своемъ качествѣ жреца *potar*'а — очистителя, между прочимъ, напитка Сомы) онъ садится (возсѣдаетъ—на алтарѣ)“.—Sāyana отгѣняетъ предикативный характеръ этихъ существительныхъ, перифразируя: agniḥ hotāsa bhavati utāpica potā san niśidati—Агни и *hotar*'омъ становится, и также будучи *potar*'омъ садится (yajñagṛha uraviçati—вступаетъ въ храмъ).—Rv. IV, 9, 5: *vesi* hy ādhvanyatām *pravaktā* jānānam | havuā sa mānuṣānām — „ибо ты вкушаешь (или: любишь) [какъ] *pravaktar* ¹⁾ людей, стремящихся къ жертвоприношенію, жертвенные дары людей“ — Rv. I, 14, 11: tvām *hotū* manurhitō 'gne yajñeṣu śidasi—„ты, о Агни, сидишь (пребываешь) въ жертвоприно-

¹⁾ Особый родъ жрецовъ (можно, пожалуй, условно перевести „запѣваго“). Sāyana, ссылаясь на авторитетъ *Apastamba*, опредѣляетъ роль этого жреца такъ: *pravaktā sarveṣām karmaṇāmavaikalyārthamupadraṣṭā vā sadasyo 'si | sa hi zar-tadaçah karmaṇāmupadraṣṭā bhavatiṭyūrastambenoktatvāt* „ты—*pravaktar* или зритель всѣхъ жертвенныхъ дѣйствій, для полноты,—*sadasya*; ибо этотъ (то-есть, *sadasya*, особый жрецъ) является 17-мъ (въ числѣ другихъ)—въ качествѣ зрителя (или блюстителя) обрядовъ,—такъ по словамъ *Apastamba*“.

шеніяхъ [какъ] жрецъ—hotar, людьми поставленный“.—Rv. I, 26. 2: *ní* по *hótā*... *sádā*... „садись (о Агни) нашъ жрецъ (нашимъ жрецомъ—hotar'омъ), садись у насъ жрецомъ“... Здѣсь есть неясность: *Sāyana* понимаетъ *sádā*, какъ нарѣчіе *saṅvadā*—„всегда“, но тутъ же онъ дополняетъ фразу глаголомъ *pi-ṣīda*—садись, возсѣдай, при чемъ. вѣроятно, эта глосса была внушена ему тѣмъ же *sádā*; наконецъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ *sada* было нарѣчіе, все-таки глаголь *sada* или *sīda* здѣсь долженъ подразумѣваться, чтó ясно изъ присутствія *praeverbium ní* въ началѣ стиха.—Rv. IV, 16, 8... *śá* по *netā* *vājam ā darsi bhūrim*“... „[какъ] *томъ вождь* отверзи намъ обильную добычу“... Здѣсь предикативный атрибутъ, какъ это бываетъ нерѣдко, не просто *netā*, но *sa netā*, то-есть, при существъ. „вождь“ стоитъ еще мѣстоим. указ. *sa*, которое, какъ увидимъ ниже, и само по себѣ, безъ существительнаго, могло быть предикативнымъ атрибутомъ.—Rv. I, 129, 11: *pāhī* на *indra sustuta sridhò 'vayātā sādām id durmatīnām devāh, san durmatīnām | hantā rāpāsya raksāsas trātā vīgrasya māvataḥ*—„охраняй насъ, о достохвальный Индра, [какъ] *усмиритель* врага, всегда [усмиритель] злоумышленниковъ, *будучи богъ*, — [усмиритель] злоумышленниковъ, [какъ] *убійца* злого ракшаса (демона), [какъ] *хранитель* жреца, подобнаго мнѣ“... Здѣсь предикативные атрибуты—*avayātar, hantar, trātar*, а также и *deva*—богъ; при коемъ стоитъ причастіе отвлеченной связки (*san*).

Эти сочетанія съ именами на — *tar* (*nomina agentis*), а равно и съ нѣкоторыми другими именными формами, о которыхъ—ниже, представляютъ ту особенность, что въ нихъ предикативная тяжесть атрибута значительно больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ составныхъ сказуемыхъ съ существительными. Дѣло въ томъ, что имена на — *tar* (то-есть, собственно *nomina agentis*, а не тѣ, которыя обозначали родственныя отношенія, какъ *pitār*—отецъ, *mātār*—мать и пр.) были сами по себѣ въ известной мѣрѣ предикативны; они стояли близко къ глаголу и могли играть роль причастій; въ послѣднемъ случаѣ они отличались отъ тѣхъ же формъ, удерживавшихъ чисто-именную функцію, тѣмъ, что имѣли удареніе на корнѣ, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственныхъ именахъ оно падало на окончаніе. Причастный характеръ формъ съ удареніемъ на корнѣ обнаруживается въ томъ, что они управляютъ винительнымъ падежомъ прямаго дополненія, въ то время какъ чисто-именныя формы на — *tar* управляютъ родительнымъ падежомъ (*Brugmann, Grundriss, zweiter Band, стр. 355—356*). Напримѣръ, Rv. VI, 23, 3: *pātā*... *indro artu sōtam*—да будетъ Индра

пьющій (пьющимъ) Сому... *kārtā virāya... ulokām...* дѣлающій просторъ (благо) для героя... *dātā vasu...* дающій благо; *ib.*, 4:... *ṣrótā havam...* слышашій воззваніе (также VI, 24, 2). Другіе случаи этого рода: VI, 44, 15; VIII, 2, 26, 32, 35, 36; X, 55, 6; I, 129, 2 и др. Это различіе по мѣсту ударенія, повидимому, не было проведено съ полною послѣдовательностью и отнюдь не означало, чтобы формы съ удареніемъ на окончаніи были лишены предикативности. Вотъ два мѣста, гдѣ формы съ удареніемъ на окончаніи управляютъ винительнымъ падежемъ: VII, 57, 2: *nicetāro hī marūto grñāntam pranetāro yājamaṇasya mānma* — „ибо Маруты (суть) блюстители поющаго, (суть) споспѣшествующіе гимну (или: проводники гимна) жертвователя“. VIII, 93, 21: *abhi sū nas tvam rayim... prayantā bodhi dācūse* — „будь ты у насъ дарующій богатство благочестивому“. Очень возможно также, что въ первомъ изъ этихъ стиховъ (VII, 57, 2) имена на *tāg* — съ причастнымъ характеромъ являются самостоятельными предикатами безъ подразумеваемаго *sapti* (суть).

Эту предикативность и эту близость къ причастию *nomina agentis* на—*tag* раздѣляютъ съ нѣкоторыми другими именными образованиями, о которыхъ затруднительно было бы категорически сказать, существительныя ли они, или прилагательныя; они—и то, и другое, а болѣе всего они—родъ причастныхъ формъ, въ томъ смыслѣ, что примыкаютъ къ глагольнымъ темамъ, раздѣляя извѣстныя ихъ признаки, въ особенности удвоеніе (въ большинствѣ случаевъ не того типа, который свойственъ темамъ настоящаго, а скорѣе—того, который свойственъ перфекту). Таковы *babhri* (глагол. *bhaḡ, bhḡ* — нести; тема настоящаго *bibharti*)—несущій; *papi* (глагол. *pā*—пить; тема настоящаго *piba-ti*)—пьющій; *dadi* (гл. *dā*—давать; настоящ. *dadāti*)—дающій. Всѣ три слова находятся въ стихѣ VI, 23, 4 рядомъ съ именами на—*tag* (*gantag*—идущій, *kartag*—дѣлатель, *ṣrotag*—слушатель), гдѣ они управляютъ прямыми дополненіями (вин. п.): *babhrīr vājraḡ*—несущій палицу, *papīr yōtam*—пьющій Сому, *dadīr gāḡ*—дарующій коровъ. Также *ūdadi*—получающій, „достигающій, добывающій (съ вин. *havuāni*—возлянія, въ ст. I, 127, 6; съ вин. *svaḡ*—свѣтъ, въ ст. VIII, 46, 8), *parūdadi*—отдающій, передающій, вручающій (также съ вин. I, 81, 2), *jaghni*—убивающій (гл. *haḡ*—убивать, перф. *jaghāna*), *sasni*—добывающій, стяжающій (гл. *saḡ*—добывать, одолѣвать)—оба въ ст. IX, 61, 20 съ винительнымъ (*jaghniḡ vṛtram*—убійства Вртры, убивающій Вртру, *sasniḡ vājam*—стяжающій добычу).

Столь же предикативны и близки къ причастіямъ были имена на—*ика*—, каковы цитируемыя Дельбрюкомъ (Syntakt. Forsch. III, 6) *keduka*—стягающій, получающій, *damṣuka*—кусающій, *hāruka*—пожирающій, *kāmika*—любящій, *grāhuka*—схватывающій. Корни этихъ именъ совпадаютъ съ сильными формами корней соотвѣтственныхъ глаголовъ. Всѣ они управляютъ винительнымъ падежомъ прямаго дополненія. Примѣры Дельбрюка взяты изъ *Saitt.-Samh.*, 5, 1, 5, 5, 3; 5, 2, 9, 6; 5, 6, 4, 5; 6, 1, 6, 6; 6, 4, 1, 1. Приведу для образчика: *tasmād āro'gnim hārukāh* — *desshalb verzehren die Wasser das Feuer* (букв. „пожирающія огонь“); *kāmikā enam striyo bhavanti yo evaṃ veda* — *den lieben die Weiber, der diese Kenntniss hat* (бук. „того женщины суть любящія, кто такъ знаетъ“).

Несомнѣнно, стало быть, что этого рода именныя образования (какъ *dadi*—и т. д., на *ика*—и *nomina agentis* на—*tag*, а также и нѣкоторыя другія, какія можно было бы еще найти, напримѣръ, на—*ика*—) стояли очень близко къ причастіямъ на—*nt*, именно, по своимъ синтактическимъ свойствамъ, по своей предикативности, а потому и составныя сказуемыя съ этими именами особливо пригодны для освѣщенія природы занимающаго насъ оборота съ причастіемъ на—стоящаго.

Прилагательное или существительное, само по себѣ не обладающее предикативною силой, становится въ извѣстной мѣрѣ предикативнымъ черезъ присоединеніе къ нему причастія настоящаго отвлеченной связки, какъ это мы видѣли выше на греческихъ примѣрахъ и на одномъ санскритскомъ (*devāḥ sán Rv. I, 129, 11*). Вспомнимъ теперь вышеприведенный стихъ *Rv. IV, 9, 3: sá sādma pári niyate hótā* — „онъ (Агни) обносится кругомъ храма [какъ] жрецъ — *hotar*“ и сопоставимъ съ нимъ стихъ. *Rv. IV, 15, 1: Agnir hótā* по *advare vāji sán pari niyate* — Агни вокругъ обносится въ нашемъ жертвоприношеніи [какъ] жрецъ — *hotar*, [какъ] конь (букв. „конь сущій“, будучи конемъ) ¹⁾. Оба стиха совершенно параллельны (тотъ же глаголъ — знаменательная связка и тотъ же предикативный атрибутъ *hotar*). Но во второмъ есть еще и другой предикативный атрибутъ *vāji*

¹⁾ „Конь“ въ данномъ случаѣ *vājīn* — собственный „боевой конь“, одинъ изъ частыхъ эпитетовъ Агни. *Sāyana* въ комментаріи къ нашему стиху поясняетъ: *vāji śighragāmi voḥāṣva iva taḥā devebhyo havirvāhakaḥ san pari niyate...* „*vāji* (конь) — рьяно бѣгущій словно упряжной конь — такъ онъ богамъ, будучи поставщикомъ (доставителемъ) жертвованнаго дара (или возліянія), кругомъ обносится...“

san. Не трудно видѣть, что причастіе отвлеченной связки *san* относится специально къ *vājī*, что *hōtā* этого стиха въ немъ не нуждается, какъ это видно изъ примѣра стиха перваго, гдѣ мы находимъ *ā*, и гдѣ совсѣмъ нѣтъ *san*. Замѣчу вообще, что я не помню случая (въ Ригъ-Ведѣ), гдѣ бы при помен *ag. na—tag* стояло причастіе отвлеченной связки (оно встрѣчается при именахъ родства *na—tag*, какъ *pitag* и др.). Итакъ, изъ сопоставленія этихъ двухъ стиховъ мы можемъ заключить, что въ синтактическомъ отношеніи и по силѣ предикативности терминъ *hotar* равняется термину *vajī san* (а не одному *vajī*). Оттуда выводъ, что синтактически и съ точки зрѣнія предикативности *hotar* больше, чѣмъ *vajī*, и что этотъ избытокъ его соизмѣряется и уравнивается формальнымъ значеніемъ причастія *san*. И наоборотъ: прилагательныя и существительныя, какъ въ данномъ случаѣ *vajīn*, становятся синтактически и предикативно *больше* и приравняются къ *nomina agentis na—tag* силою того, что приносится въ ихъ формальное значеніе причастіемъ *san*. При всемъ томъ есть оттѣнокъ, отличающій синтактическую постановку въ предложеніи предикативнаго атрибута въ формѣ имени *na—tag* отъ синтактической роли другихъ именъ, соединенныхъ съ причастіемъ отвлеченной связки. Это различіе сводится къ тому, что, сколько я могъ замѣтить, имена, подкрѣпленныя причастіемъ *sant*—, сравнительно рѣдко являются предикативными атрибутами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, такъ, чтобы они составляли интегральную часть составнаго сказуемаго, и чтобы глаголь этого сказуемаго былъ для нихъ связкою, — между тѣмъ какъ имена *na—tag* такую именно роль и играютъ въ изучаемыхъ здѣсь оборотахъ. по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Въ вышерассмотрѣнномъ стихѣ Rv. IV, 15, 1 существенный *vajī* съ причастіемъ *san* занимаютъ въ фразѣ то же самое мѣсто предикативнаго атрибута, какое принадлежитъ и термину *hotar*. Но это наблюдается рѣдко. Обыкновенно эти имена съ причастіемъ *sant* — тянутъ къ подлежащему въ большей степени, чѣмъ это приличествуетъ предикативному атрибуту, и, не тяготѣя къ глаголу, образуютъ какъ бы самостоятельное предикативное цѣлое, родъ „приложенія“ къ подлежащему, и въ переводѣ на новые языки ихъ можно разложить на цѣлое придаточное приложеніе. Напримѣръ: Rv. I, 165, 3: *kūtas tvām indra māhinaḥ sām̐ éko yāsi...* „откуда ты, о Индра, (букв.) великій *сушій*, идешь одинъ?.. Здѣсь глаголь—знаменательная связка *yāsi*—идешь имѣетъ при себѣ предикативный атрибутъ *ekaḥ*—одинъ, а *māhinaḥ sām̐*, что можно пе-

ревестя: „(ты) которыи (такъ) великъ“, стоять внѣ сферы тяготѣнія къ глаголу, и для него (для *śāhinaḥ san*) этотъ глаголь (*yāsi*)—не связка. Rv. I, 170, 3: *kīm* по *bhṛatar agastya śākha śānn āti ma-puase*... „что ты, о братъ Агастья, (букв.): *друзь суцїи*, презираешь насъ?...“—Здѣсь нѣтъ составнаго сказуемаго: глаголь *ati*—*ma-puase* образуетъ не связку, а простое глагольное сказуемое, и сочетание *śākha san*, которое можно перевести: „(ты) которыи являешься нашимъ другомъ“, не есть предикативный атрибутъ, какъ часть сказуемаго. Оно опять родъ „приложенія“. Rv. VI, 47, 20:... *urvī satī bhūmīr aṃhūgaṇābhūt* — (букв.) *широкая суцїя* земля стала тѣсною. Здѣсь составное сказуемое съ полуотвлеченною связкою (*abhūt*) *aṃhūgaṇā* *abhūt* (стала тѣсна), а *urvī satī* (широкая суцїя,—которая (такъ) широка) стоять внѣ сферы этого сказуемаго и образуетъ самостоятельное цѣлое, ближайшимъ образомъ примыкающее къ подлежащему. Не будучи „предикативными атрибутами“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы согласились употреблять этотъ терминъ, эти сочетанія однако не могутъ быть названы простыми (непредикативными) атрибутами, ибо въ нихъ заключенъ извѣстный предикативный моментъ, могущій быть развитъ въ цѣлое придаточное предложеніе. Если нужно подобрать для нихъ названіе, я бы назвалъ ихъ, въ отличіе отъ предикативныхъ атрибутовъ, атрибутами *предѣцирующими*, иначе, *самостоятельно—предикативными*, то-есть, они сами, безъ содѣйствія глагола-связки, *предѣцируютъ*, не переставая быть атрибутами ¹⁾.

Теперь разсмотримъ два-три случая, гдѣ такое сочетаніе стоять въ косвенномъ падежѣ.

Rv. VIII, 43, 14: *tvām hy āgne agnīnā vipro vipreṇa śān satā śākha śākhyā samidhyase*—„ибо ты, о Агни, возжигаешься огнемъ, жрецъ жрецомъ (букв.): *суцїи суцїимъ*, другъ другомъ“. Смыслъ фразы: одинъ священный огонь воспламеняется отъ другаго священнаго огня. Оба они—жрецы (*virga*—одинъ изъ излюбленныхъ эпитетовъ Агни) и друзья (людей,—обычная квалифікація Агни). Можно перефразировать: ты возжигаешься, о Агни, другимъ огнемъ; ты, являющійся нашимъ вдохновеннымъ жрецомъ, возжигаешься другимъ Агни, которыи—также вдохновенный жрецъ; другъ,—ты возжигаешься другомъ“.—Rv. IV, 36, 3... *jivri yāt śántā pitāgā sanajūrā pūnar qūvānā*

¹⁾ Чтобы не повторяться, ограничусь приведенными примѣрами и только уважу другія мѣста этого рода въ Rv. III, 32, 12; VII, 28, 2; IX, 19, 3; IX, 96, 17; I, 110, 4; IV, 5, 5; IV, 12, 5; X, 117, 9; IV, 3, 9 и др.

carāthāya takṣatha (vājāḥ—gbhavaḥ)—„...что вы (о Рибху) сдѣлали вновь юными (и способными) къ движению двухъ престарѣлыхъ родителей, дряхлыхъ *сущихъ*“. Можно передать *jivṅī santā* черезъ: „которые были такъ дряхлы“. Rv. I, 36, 3: ...*mahās te satō vī caranty aṅśāyo...* „расходятся лучи твои (букв.: [y]) *тебя великаю сущаю...*“, то-есть, [y] тебя, который такъ великъ.

Не трудно видѣть, что въ этихъ сочетаніяхъ (именъ въ косвенномъ падежѣ съ причастіемъ отвлеченной связки), какъ и въ соотвѣтственныхъ греческихъ и славянскихъ, заключенъ нѣкоторый *предикативный моментъ*, который можетъ легко обнаружиться съ полною ясностью—именно въ томъ случаѣ, когда такое сочетание развертывается въ особое (придаточное) предложение, какъ это мы сдѣлали выше въ предложенныхъ нами перифразахъ („дряхлыхъ сущихъ“—которые были такъ дряхлы и такъ даѣе).

Оттуда между прочимъ явствуетъ, что не слѣдуетъ отождествлять *понятія предикативности* съ *понятіемъ предиката* (сказуемаго). Первое гораздо шире второго.

Мы разсмотрѣли употребленіе прилагательныхъ и существительныхъ въ качествѣ предикативныхъ атрибутовъ. Теперь, въ дополненіе къ этому, укажемъ на случаи, когда въ той же роли выступаютъ *мѣстоименія*, именно указательныя, вопросительныя и относительныя.

II. X, 82: τίς δ' οὗτος κατὰ νῆας ἀνὰ στρατὸν ἔρχεται οἷος;—букв.: „кто (вотъ) *этотъ* у кораблей черезъ войско *идеши ты одинъ?*“—Здѣсь подлежащее—*ты*; сказуемое—*составное* изъ: 1) знаменательной связки ἔρχεται—*идеши* и 2) двухъ предикативныхъ атрибутовъ: а) οἷος—*одинъ* и б) мѣстоименнаго τίς δ' οὗτος, образующаго родъ ἐνδιδά-δοοῖν—изъ вопросительнаго мѣстоименія τίς и указательнаго οὗτος. II. XI, 62: οἷος δ' ἔκ νεφέων ἀναφαίνεται οὐλίος ἀστὴρ παμφαίνων, τότε δ' αὖτις ἔδω νεφέα σκιοέοντα, ὣς Ἐκτωρ... букв. „какова (какая) изъ тучъ *появляется* гибельная (возвѣщающая гибель) звѣзда *ярко-сіяющая*, а потомъ опять погружается въ мрачныя тучи, такъ Гекторъ...“. Здѣсь составное сказуемое *слагается* изъ: 1) знаменательной связки ἀναφαίνεται и 2) двухъ предикативныхъ (атрибутовъ: а) причастія παμφαίνων и б) мѣстоименія οἷος, которому въ главномъ предложении отвѣчаетъ нарѣчіе ὣς вмѣсто указательнаго прилагательнаго мѣстоименія τοῖος.—II. XIII, 298—305: οἷος δὲ βροτολοῖγός Ἄρης πόλεμόνδε μέτεται, τῷ δὲ Φῆβος... ἔοπετο, τοῖσι Μηριόνης τε καὶ Ἴδομενεύς... ἦσαν ἐς πόλεμον... букв.: „каковъ Аресъ вступаетъ въ войну, за нимъ же слѣ-

дуетъ Страхъ..., *такое* (такими) Меріонъ и Идомея... или на войну...“—Здѣсь въ первомъ, подчиненномъ, предложеніи составное сказуемое слагается изъ знаменательной связки *μετα* и предикативнаго атрибута, выраженнаго или, лучше сказать, замѣщеннаго ¹⁾ мѣстоименіемъ относительнымъ *οἷος*; во второмъ, главномъ, оно состоитъ изъ знаменательной связки *ἦσαν* и мѣстоименія указательнаго *τοῖοι* въ роли предикативнаго атрибута.—Стихъ II. XIII, 449, гдѣ при знаменательной связкѣ *ἰχάνω* стоитъ предикативный атрибутъ, выраженный существительнымъ *γόνος* и къ нему относящимся мѣстоименіемъ относительнымъ *οἷος*, былъ уже приведенъ выше.

Такое употребленіе мѣстоименій есть излюбленный приемъ стиля гимновъ Веды, гдѣ весьма нерѣдко находимъ указательное мѣстоименіе *sa* при глаголахъ во 2-мъ лицѣ. Rv. I, 7, 6: *sá* по... *amít* саgít... *ápā vrdhi*—„(какъ) *таковой* ты *отверзи* намъ тотъ сосудъ...“. Здѣсь, какъ и въ другихъ, нижеприводимыхъ, примѣрахъ, мѣстоименіе *sa*, *sā*, *tađ* употреблено не въ своемъ обычномъ значеніи *онъ*, *этомъ*, *томъ*, а въ значеніи, напоминающемъ греческое *τοῖος* (какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ II. XIII, 298—305). Нашъ переводъ „какъ таковой“ (и соотвѣтственные обороты у Людвига, напримѣръ, *als solcher*) лишь приблизительно и условно передаетъ смыслъ и конструкцію подлинника, намекая на то, что мѣстоименіе *sa* ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ глаголу, а не къ подлежащему. Это, стало быть, не тотъ случай, который разсматриваетъ Дельбрюкъ въ § 138 (стр. 211) *Altindische Syntax*, гдѣ (*tá* in Verbindung mit anderen Pronominibus) нѣкоторые примѣры дѣйствительно показываютъ, что *sa*, *sā*, *tađ* ставилось при мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица для противоположенія ихъ другому лицу, для усиленія момента, ими представляемаго, (въ родѣ нашей частицы—*то*: меня-то, тебѣ-то), чтò въ особенности ясно въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстоименіе 1-го или 2-го лица, къ которому присоединено *sa*, стоитъ въ формѣ энклитической. Таково, въ числѣ примѣровъ Дельбрюка, мѣсто Rv. I, 23, 23: *tám mā* саm sṛja vārcasā—*mich*, *den genannten* (такъ отгѣняетъ Дельбрюкъ значеніе мѣстоименія *tám*), *versieh mit Glanz*,—„меня-то и снабди блескомъ“. Или (чтобы взять именительный падежъ при знаменательномъ глаголѣ въ сказуемомъ): *yádi tvaitát rū-*

¹⁾ Еще точнѣе: мѣстоименіемъ замѣщенъ не самъ предикативный атрибутъ, а то имя прилагательное или существительное, которое мыслится или могло бы мыслиться въ роли даннаго предикативнаго атрибута.

nar brāvataḥ sá tvám brūtāt (Çatap.-Brāhm. 4, 1, 5, 10)—wenn sie dir das wieder sagen werden, so magst du ihnen dann sagen. Здѣсь, конечно, нѣтъ составнаго сказуемаго—изъ глагола brūtāt и мѣстоименія sā; сказуемое здѣсь—простое, brūtāt—„говори“, и мѣстоименіе sā ближайшимъ образомъ относится къ подлежащему tvám—„ты“: „а вотъ ты-то“, „ты-же“. „ты съ своей стороны“.—Но тамъ, гдѣ нѣтъ яснаго противопоставленія одного лица другому, гдѣ не видно намѣренія отгѣнить, усилить моментъ, представляемый 1-мъ или 2-мъ лицомъ, черезъ присоединеніе къ нему мѣстоименія sa,—мы въ правѣ понимать его скорѣе, какъ часть составнаго сказуемаго,—какъ замѣну мыслимаго, возможнаго, извѣстнаго. наконецъ въ данный моментъ же оказавшагося (если можно такъ выразиться) въ распоряженіи говорящаго имени прилагательнаго или существительнаго: если замѣнить мѣстоименіе этимъ именемъ, то оно было бы предикативнымъ атрибутомъ.—Такъ понимаю я роль мѣстоименія sa и въ слѣдующихъ примѣрахъ: Rv. I, 12, 10: sá naḥ pāvaka didivó 'gue deván ihá vaḥa... „(какъ) таковой намъ, о очиститель, свѣтлый Агни, боговъ сюда привози...“—11: sá na stāvāna á bhaga gāyatrēna náviyasa | gauṣ... „(какъ) таковой намъ восхваляемый новѣйшимъ гимномъ приноси богатство...“—Здѣсь, въ первомъ стихѣ, составное сказуемое слагается изъ 1) знаменательной связки á-vaḥa—привози и 2) предикативнаго атрибута въ формѣ мѣстоименія sá: ты (подлежащее) привози (связка) таковой. какъ такой, какъ надѣленный такими-то, намъ извѣстными, качествами (предикативный атрибутъ). Самыя эти качества, то-есть, конкретный признакъ, ступешанный или замаскированный въ мѣстоименіи sa, можетъ быть, раскрыты или косвенно указаны звательными pāvaka и didivas: „о ты, свѣтлый очиститель Агни! Какъ таковой (въ этомъ своемъ качествѣ) привози сюда боговъ!“—Во второмъ стихѣ имѣемъ составное сказуемое изъ: 1) знаменательной связки á-bhaga—принеси и 2) предикативнаго атрибута изъ: а) мѣстоименія sá и б) причастія stāvānaḥ—восхваляемый, прославляемый, съ дополненіемъ. Возможно, что это причастіе и раскрываетъ конкретное содержаніе представленія, скрытаго въ мѣстоименіи sá: „мы тебя прославляемъ,—какъ таковой, какъ предметъ нашихъ славословій, приноси намъ богатство“.—Rv. I, 16, 9: sématḥ naḥ káshatḥ á rṇpa góbbhir ácvañh... „(какъ) таковой исполни (удовлетвори) наше желаніе коровами, конями...“—Rv. I, 25, 20: tvám vícvasya medhira divássa gmaśsa gājasī sá yámani práti cṛudhi—„ты, о мудрый, властвуешь надо всѣмъ, (надъ) небомъ и землею: какъ таковой,

внемли (намъ) на пути (нашемъ)“. Здѣсь конкретное содержаніе, мыслимое при мѣстоименіи *sa*, дано въ первой половинѣ стиха, и если извлечь его оттуда и отлить въ форму имени существительнаго, то несомнѣнно получится предикативный атрибутъ: „внемли намъ (какъ) властитель неба и земли“, то-есть, это было бы составное сказуемое того же типа, какъ „пришолъ еси оучитель“, ἄγγελος ἦεις и такъ далѣе.—Rv. I, 36, 12: ...tvam vājasya ṣrūtyasya gājasī sá po mṛla... „ты властвуешь надъ славною добычей,—(какъ) таковой будь милостивъ къ намъ...“—Rv. I, 44, 6: hótāgam... sám hí tvā viṣa indháte sá ā vaha... agne devān ihá... „тебя общины возжигаютъ жрецомъ (въ качествѣ жреца-hotar'a): (какъ) таковой (то-есть, какъ жрец-hotar) привози, о Агни, боговъ сюда...“—Въ первой половинѣ стиха мы имѣемъ *второй винительный* (hótāgam). Извѣстно, что, если преобразовать фразу съ глаголомъ, требующимъ прямого дополненія, такъ, чтобы первый винительный перешолъ въ именительный (вмѣсто: *тебя* зажигаютъ—*ты* зажигаешься), то на мѣсто *второго винительнаго* станетъ *второй именительный*, то-есть, иначе, *предикативный атрибутъ*: tvām samindhate hotāgam превратится въ tvam samidhyase hotā—„ты зажигаешься жрецъ (жрецомъ, въ качествѣ жреца)“. Вотъ именно этотъ постулируемый второй именительный и образуетъ конкретное представленіе, мыслимое при мѣстоименіи *sá*, которымъ начинается второе полустипіе, что даетъ смыслъ: привози боговъ *такой*, въ этомъ твоёмъ качествѣ жреца, возжигаемаго общинами, то-есть, получается составное сказуемое съ предикативнымъ атрибутомъ, выраженнымъ мѣстоименіемъ, замѣщающимъ существительное hotā—жрецъ—hotar.—Rv. I, 79, 6: ...sá... rakṣāso dāha prāti—„(какъ) таковой сжигай ракшасовъ (демоновъ)“.—Rv. I, 48, 10: viṣvasya hí rgāpanam jīvanam tvé ví yád uchāsī sūnari | sá po ṣrudhi... hāvam—„ибо въ тебѣ (о Заря)—одушевленіе, оживленіе всего, когда ты сіяешь, о прелестная: (какъ) таковая... услышь нашъ зовъ“.

Это сочетаніе мѣстоименія указательнаго съ глаголомъ во второмъ лицѣ, понимаемое нами, какъ составное сказуемое, заставляетъ насъ думать, что и во многихъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ глаголъ стоитъ въ *третьемъ* лицѣ, мѣстоименіе *sa, sā, tad* должно быть также понимаемо, какъ часть предиката, какъ предикативный атрибутъ, а не какъ простое опредѣленіе подлежащаго. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ 13-мъ того же гимна (I, 48), изъ котораго взять былъ послѣдній примѣръ, непосредственно вслѣдъ за аналогичнымъ выраженіемъ стиха 12-го (sāsmāsu dhās... (какъ) таковая дай намъ...),—читаемъ: sá po gauṣm...

uzá *dadātu* — „(какъ) *таковая* намъ богатство... Заря да даетъ...“. Этотъ оборотъ мы склонны понимать, по образцу предыдущихъ, какъ составное сказуемое, то-есть, мы приписываемъ мѣстоименію *sa* роль предикативнаго атрибута при знаменательной связкѣ *dadātu*.—Rv. I, 20, 7: *té* по *rátnāni dhattana*... „(какъ) *таковые* доставляйте намъ сокровища...“—Rv. I, 106, 2: *tá ādityā á gata*... „(какъ) *таковые*. о сыны Адити, придите...“.

Если при этомъ есть еще придаточное предложение съ относительнымъ мѣстоименіемъ *yas, yā, yad*, то указательное *sa, sā, tad*, находящееся въ главномъ, является какъ бы отзвукомъ относительнаго мѣстоименія, а это приводитъ къ тому, что оно уже не тяготѣетъ къ сказуемому и становится простымъ опредѣленіемъ подлежащаго, указывая на ту квалификацію его, которая дана въ придаточномъ предложеніи. Напримѣръ, Rv. V, 46, 7: ...*yāh pártihivāso yá arāṁ ári vgraté tá* по *devih*... *śarma yachata*—„*которыя* земныя, *которыя* также въ обители водъ, *тѣ*, о богини, защиту намъ даруйте“, то-есть, вы всѣ, какъ тѣ, которыя живете на сушѣ, такъ и тѣ, которыя живете въ водахъ.

Теперь мы можемъ подвести нѣкоторый итогъ всему вышеизложенному.

Этотъ итогъ будетъ—пока—состоять въ томъ, что всѣ приведенные нами образчики составныхъ сказуемыхъ съ предикативнымъ атрибутомъ, выраженнымъ именами существительными и прилагательными (и мѣстоименіями, какъ ихъ замѣнами), должны быть разбиты на два разряда: 1) тотъ, гдѣ имена, входящія въ составъ сказуемаго, сами по себѣ *непредикативны*; таковы, напримѣръ, *единъ* рече, *δεξιὰ ἐφθέρξατο*, *ῥέει καθάρως*, *yāhu arvān*, *ūrdhvās tistha*, *σῆ δ' ὀρθός*, *пришль еси оучитель*¹⁾, *ἐλήλυθας διδάσχαλος*, *varā agacchan*, *ἄγγελος ἦλθε*, *dhruvās tistha* и др., гдѣ имена, выступающія въ роли предикативнаго атрибута, заимствуютъ свою долю предикативности отъ глагола-связки; поэтому предикативность, которую они проявляютъ въ составномъ сказуемомъ и которой они лишены внѣ его, можетъ быть названа *отраженною*; только когда къ нимъ присоединяется причастіе отвлеченной связки (*сы, ѡв, ёѡв, сан*), они приобретаютъ собственную предикативность, образуя вмѣстѣ съ этимъ причастіемъ какъ бы одно выраженіе, равносильное соотвѣтственному *partic. praes.* (если тако-

¹⁾ Возможно впрочемъ, что въ слав. имена на—*тель* обладали нѣкоторою долею предикативности.

вое есть въ языкѣ), напримѣръ, ἐμμανής ἄων=μαινόμενος; 2) тотъ разрядъ, гдѣ имена, входящія въ составное сказуемое, сами по себѣ обладаютъ извѣстною (иногда довольно значительною) *предикативностью*, кромѣ той ея доли, какую они заимствуютъ отъ глагола-связки; таковы именно санскритскія вышеприведенныя формы на—*tar* (nomina agentis, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ удареніе на корнѣ и управляютъ прямымъ дополненіемъ), далѣе имена (полусуществительныя, полуприлагательныя) съ явнымъ причастнымъ значеніемъ, какъ *papi, dadi, hāruka* и др., а также и сложныя съ глагольными или отглагольными темами на концѣ, какъ *dūredrç, bhadravādin* и пр., наконецъ composita bahuvrīhi. Вотъ именно этотъ *второй разрядъ* и образуетъ какъ бы переходъ къ сочетаніямъ съ *причастіемъ настоящаю*, которое нѣкогда было такимъ же *прилагательнымъ именемъ* съ *собственною предикативностью*, какъ только-что указанныя именныя формы.

Самобытная предикативность этого причастія на—*nt*¹⁾ (въ старыхъ языкахъ) наглядно обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно стоитъ вмѣсто глагола. Сюда между прочимъ относится такъ называемый „*именительный самостоятельный*“, образчики котораго приводитъ Потербня на стр. 196—197 „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“²⁾: *А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити.* Новг. I, 1; *но мы присно... грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, злое... творнице* по вся дни,—того ради... глаголетъ къ намъ... (Поуч. Θεод. Печ. о казняхъ). Поясняя этотъ оборотъ, Потербня оспариваетъ мнѣніе, что это—неправильность, непослѣдовательность, ἀνακολουθία. „Причина (говорить онъ, 196), по которой причастіе въ древнемъ языкѣ скорѣе можетъ имѣть свое особое подлежащее, чѣмъ въ новомъ, можетъ заключаться въ томъ, что причастіе въ древнемъ языкѣ болѣе сходно съ глаголомъ, чѣмъ въ новомъ; что оно, присоединившись къ подлежащему, хотя и не вполне заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый роздыхъ, намѣчаетъ собою дѣленіе предложенія на двѣ части...“—Съ своей стороны я приведу слѣдующіе случаи изъ *Zograff. ev.*: стр. 6, ...просмраждаѣште бо лица своѣ да биша..., гдѣ причастіемъ наст. переданъ греч. глаголъ: ἀφανίζουσι γὰρ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὅπως... (Мате. VI, 16); въ гот. стоитъ, какъ и въ греч., глаголъ: *fravardjand* auk andvairþja seinā... Стр. 128: *í* вси людьє *í*з

¹⁾ И соответствующихъ ему по значенію медіальныхъ формъ,—санскр. на—*māna*—, ἀπα—, греч.—μενο—.

оутра приходаште къ нему въ црѣковь послушать его—καὶ πᾶς ὁ λαὸς ᾤρθριζε πρὸς αὐτὸν ἐν τῇ ἱερῇ ἀκοῦσιν αὐτοῦ (Лук. XXI, 38). Въ гот. нѣтъ.—Стр. 112: í се жена дѣхъ íмѣшти недѣжньъ 16 (18?) лѣт̄ í бѣ слѣка í не могѣшти вѣсклонити са отьнѣдъ—καὶ ἰδοὺ, γυνὴ ἦν πνεῦμα ἔχουσα ἀσθενείας ἔτη δέκα καὶ ὀκτώ, καὶ ἦν συγχύπτουσα καὶ μὴ δυναμένη ἀνακόψαι εἰς τὸ παντελές (Лук. XIII, 11). Въ гот. нѣтъ.—Здѣсь первое причастіе íмѣшти не имѣеть при себѣ verb. fin., оно само—предикативно, между тѣмъ какъ въ греч. оно имѣеть при себѣ отвлеченную связку ἦν. Изъ Гомера укажу: II, III, 211: ἄμφω δ' ἐζομένω, γεραιώτερος ἦεν Ὀδυσσεύς—„оба сидящіе (то-есть, сидятъ).—почтеннѣе (Менелая) былъ Одисей“. II, X, 224: σὺν τε δὲ ἐρχομένω καὶ τε πρὸ ὁ τοῦ ἐνόησεν—„двое вмѣстѣ идущіе (то-есть, идутъ) и одинъ за другаго думаетъ“. (Цитировано въ „Синтактическихъ замѣткахъ“ М. А. Маслова, „Записки Харьк. Univ.“ 1896 г., кн. 3). Изъ санскрита приведу: Rv. II, 11,13: syāma té ta indra, yé ta ūtí avasyāva ūrjān vardhāyantaḥ—„да будемъ мы для тебя, о Индра, такими, которые съ твоею помощью, желая получить помощь, (твою?) силу увеличивающіе (вм. vardhayanti — увеличиваютъ, подкрѣпляютъ)“.—Rv. II, 27,15: ubhé asmoī pirayataḥ samśí divō vṛstīm subhāgo nāma puṣyan—„оба (небо и земля) вмѣстѣ утучняютъ (дѣлаютъ обильнымъ) ему дождь съ неба; онъ процвѣтающій (вм. процвѣтаетъ) подъ именемъ счастливаго“.—Rv. II, 11, 4: śubhrām nú te śuśmatṁ vardhāyantaḥ vājraṁ bāhvōg dadhānāḥ—„благую твою силу увеличивающіе (вм. увеличиваютъ), палицу въ руки влагающіе (вм. влагаютъ; тебѣ)“¹⁾.—Rv. II, 11,19: śānema yé ta ūtībhis tāranto viṣvāḥ spṛdha āruṇa dāsyūn—„да побѣдимъ мы, которые твоею помощью одолюющіе (вм. одолюемъ) всѣхъ враговъ, арийцемъ (собираательно—арійцами, силами, полчищами арийцевъ) дасью (вин. мн. враждебныя племена неарійскаго происхожденія). Я отношу āruṇa dasyūn къ śānema, а мѣстоименіе ye — къ 1-му лицу множественнаго числа глагола śānema. Иначе Sāyana: онъ беретъ śānema въ значеніи стяжать и вставляетъ (послѣ śānema) tān puruṣān (тѣхъ мужей, людей), куда и относятъ ye, переводя: „да приобрѣтемъ мы тѣхъ мужей, которые съ твоею помощью одолювають и т. д.“.—Въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково при-

¹⁾ Причастія *vardhayantaḥ* и *dadhānāḥ* не примыкаютъ къ глаголу предыдущаго стиха (предложеніе: *etāḥ... grā... śigate ná śubhrāḥ*) уже потому, что подлежащее этого глагола—женск. р., а наши причастія—муж. р. (собст. первое. а второе—какъ параллельное первому).

частіе *tarantah*—предикативно и стоять вмѣсто глагола,—и Sāyana перефразируетъ его черезъ *himsanto bhavanti*—являются (становятся, суть) побѣждающіе.

Если такимъ образомъ это причастіе было само по себѣ въ значительной степени предикативно, то оно должно было замѣтно увеличивать предикативную тяжесть составнаго сказуемаго, часть котораго оно составляло. Этотъ избытокъ предикативности въ составномъ сказуемомъ съ причастіемъ наст. и послужилъ, какъ я думаю, *одною изъ главнѣйшихъ пружинъ дальнѣйшей эволюціи разсматриваемой синтактической формы*—въ направленіи усиленія *глагольности* предложения и, параллельно съ этимъ, въ направленіи тенденціи распредѣлять запасъ предикативной силы между главнымъ предложеніемъ и примыкающими къ нему придаточными (причастными и дѣепричастными, извѣстными подъ неправильнымъ названіемъ *сокращенныхъ*). Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ тутъ два аналогичныхъ процесса,—*два способа утилизаціи предикативной энергіи, заключенной въ составномъ сказуемомъ съ причастіемъ наст.*: первый способъ есть *стущеніе этой энергіи въ глагол-сказуемое* (типичнѣйшій образецъ даютъ сочетанія съ отвлеченною связкою: бѣ оуча—училъ),—второй это—*распаденіе составнаго сказуемаго*. Въ нижеслѣдующемъ мы будемъ наблюдать различные случаи примѣненія и того, и другаго способа. Исходнымъ пунктомъ нашихъ наблюденій будетъ различіе сочетаній съ причастіемъ предикативно—аттрибутивнымъ съ одной стороны и сочетаній съ причастіемъ аппозитивнымъ—съ другой. Такое различіе представляется необходимымъ, потому что уже а priori несомнѣнно, что тяжесть предикативности, да и самый ея характеръ, въ сочетаніяхъ этихъ двухъ сортовъ должны были быть различными.

Разсмотримъ сперва рядъ примѣровъ оборота съ причастіемъ *предикативно-аттрибутивнымъ*.

Зограф. 89: яко же *прѣста* гѣа—ώς δὲ ἐπαύσατο λαλῶν (Лук. V, 4)—гот. rap *gapanfida rodjands*. Новый оборотъ: „когда онъ *пересталъ говорить*“. — Причастіе гѣа (лаλῶν, rodjands), составляя часть предиката, примыкаетъ, конечно, къ глаголу-связкѣ *прѣста* (ἐπαύσατο, gapanfida), но ихъ отношенія далеко не тѣ, какія имѣютъ мѣсто при аппозиціи, когда мы ясно различаемъ оба предикативные момента въ ихъ раздѣльной совмѣстности, какъ я старался показать это выше (на примѣрѣ γῆθησεν ἰδών) и какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ. Причастіе въ данномъ случаѣ не можетъ быть превращено въ другой verb fin., какъ это зачастую можно сдѣлать съ аппозиціей

(γῆθησεν ἰδὼν — увидѣлъ и обрадовался); нельзя также при переводѣ на современный языкъ передать его дѣепричастіемъ, этимъ главнѣйшимъ наслѣдіемъ старыхъ аппозицій („пересталъ говоря“ — невозможно и было бы абсурдомъ). Еслибы въ нашемъ примѣрѣ причастіе было аппозитивно, то оно находилось бы въ противорѣчїи съ глаголомъ-связкою: нельзя перестать (говорить), продолжая быть говорящимъ. Ясно, стало быть, что мы имѣемъ здѣсь не аппозицію, а *предикативный атрибутъ*. Его участіе въ сказуемомъ ограничивается вкладомъ туда своей доли предикативности; эта доля въ сложениіи съ предикативностью связки даетъ общую сумму предикативной силы предложенія, и въ этой суммѣ даже трудно разобрать, сколько дано связкою, сколько причастіемъ, а потому послѣднее не поддается выдѣленію въ особый предикативный моментъ, то-есть, преобразованію въ verb. fin.—Другой случай того же рода: *Зограф.* 86: си же отъ нѣлиже внидѣ *не прѣста* обლობызашшти ¹⁾ ногоу моею—αὐτῆ δέ, ἀφ' ἧς εἰσῆλθον, οὐ διέλιπε χαταφιλοῦσά μου τοὺς πόδας (Лук. VII, 45). Также и въ *Остром. ев.*, л. 223, на оборотѣ: си же отъ нѣлиже внидохъ *непрѣста* обლობызашшти нозѣ мои. Готскій переводъ на этотъ разъ даетъ намъ другой оборотъ—съ *инфинитивомъ*, то-есть, тотъ самый, который въ этого рода сочетаніяхъ (съ глаголами *перестать*, *начать* и т. п.) является господствующимъ въ новыхъ языкахъ: *if si fram þammei inna tiddja ni svoif bikukjan fotuns meinans.*

Зограф. 149: i се не обינוуѣса глѣть — καὶ ἴδε παρρησία λαλεῖ (Иоан. VII, 26). *Готскій jah sai audagioba rodeiþ.*—*Зограф.* 157: тогда рече имъ ис обינוуѣса — τότε οὖν εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς παρρησία (Иоанна. XI, 14). *Готскій þanuh þan garþ du im iesus svikunþaba.*—Здѣсь въ греческомъ и готскомъ сказуемыхъ *простыя* изъ одного verb. fin. (λαλεῖ, rodeiþ; εἶπεν, garþ), при коемъ стоитъ обстоятельное слово (дат. παρρησία и настоящія нарѣчїя въ готскомъ audigaba и svikunþaba). Въ славянскомъ же взять другой, болѣе архаическій, оборотъ, именно наше составное сказуемое съ причастіемъ наст. не обינוуѣса, въ силу чего глаголъ становится связкою (глѣть, рече). Это причастіе играетъ здѣсь, очевидно, роль *предикативнаго атрибута*, а не аппозиции: его нельзя представить себѣ въ видѣ особаго глагольнаго момента, присоединеннаго къ тому, который данъ въ связкѣ,—нельзя разложить сочетаніе „говорилъ не обинующійся“ на „говорилъ и не обинивался“ (или что нибудь въ

¹⁾ Въ подлинномъ ошибочно: обლობызашште.

на обстоятельства, при которыхъ осуществилось бы то, что выражено глаголомъ, служить въ то же время — и въ особенности — для характеристики субъекта. Все мѣсто 275—294 подробно описываетъ разницу между трусомъ и храбрымъ. Не лишено интереса въ данномъ случаѣ само лектическое значеніе слова *πονεόμενος*: это выраженіе образное, слово съ такъ называемою внутренней формой (*трудиться, работать* вм. *сражаться*), а такія слова, если они причастія, скорѣе пригодны служить атрибутомъ, чѣмъ аппозиціей. Аппозиція указываетъ на фактъ, атрибутъ даетъ характеристику: слово съ внутренней формой, разъ оно прилагательное или причастіе, даетъ своимъ *представленіемъ* (въ данномъ случаѣ — „трудящійся“) именно характеристику, квалификацію субъекта, совершающаго то, что обозначено *значеніемъ* слова („сражающійся“). Принимая во вниманіе этотъ оттѣнокъ, мы могли бы приблизительно передать атрибутивность нашего предикативнаго причастія такъ: „если ты, доблестно и честно трудящійся на полѣ брани, будешь раненъ, то...“ .—Нужно имѣть въ виду также и то, что лицо (Меріонъ), къ которому обращена вся эта рѣчь Идомея, заранѣе рекомендовано намъ, именно какъ храброе, доблестно сражающееся (*ὄϊδ' ἀρετῆν οἴος ἔσσι*, говоритъ ему Идомея въ самомъ началѣ своей реплики).

II. XIII. 420—423: τὸν μὲν (раненнаго Гипсенора) ἔπειθ' ὑποδόντε (подъ щитъ, которымъ Антилохъ прикрылъ Гипсенора) δῶω... ἑτάροις (Мекистевсъ и Аласторъ)... φερέτην βαρέα στενάχοντε. Здѣсь предикативно-атрибутивный характеръ причастія *στενάχοντε* оттѣненъ противоположнымъ, предикативно-аппозитивнымъ характеромъ причастія аор. *ὑποδόντε*, образующаго часть все того же составнаго сказуемаго (*ὑποδόντε—φερέτην—στενάχοντε*). Прич. *ὑποδόντε* даетъ новый моментъ, вносить свой вкладъ въ „матеріальное“ (если можно такъ выразиться) содержаніе сказуемаго (Мекистевсъ и Аласторъ, во-первыхъ, *нырнули* подъ щитъ и, во-вторыхъ, *несли* раненнаго Гипсенора). Прич. *στενάχοντε* своего вклада — въ этомъ смыслѣ — не дѣлаетъ (было бы смѣшно: 1) нырнули подъ щитъ; 2) несли раненнаго и 3) тяжело стонали), — оно только, присутствуя въ сказуемомъ, характеризуетъ подлежащее. При передачѣ этого оттѣнка мы можемъ поступить двояко: 1) либо еще болѣе усилить (подчеркнуть) атрибутивный характеръ причастія и сдѣлать изъ него простое опредѣленіе подлежащаго: тяжело-стонущіе Мекистевсъ и Аласторъ, нырнувъ подъ щитъ, несли...; 2) либо, отправляясь отъ синтактической принадлежности причастія къ сказуемому, замѣнить его обстоятельствомъ-

нымъ выраженіемъ, которымъ между прочимъ можетъ служить и дѣепричастіе: „несли съ тяжкимъ стономъ“, или „тяжко стеная“.

П. XV, 1—2: Ἀτὰρ ἐπεὶ διὰ τα σκόλοπας καὶ τάρφρον ἔβησαν φεύχοντες... ib., 3: οἱ μὲν δὲ παρ' ὄχεσφι ἐρητύοντε μένοντες. Здѣсь причастія почти плеоназмы, и составныя сказуемыя могутъ быть отнесены къ типу тавтологически (ἐν διὰ δύοῖν). Стало быть, эти причастія весьма мало прибавляютъ къ матеріальному содержанію предиката, но зато они важны для характеристики подлежащихъ; въ новыхъ языкахъ эта характеристика можетъ быть сдѣлана либо прямо опредѣленіями (въ томъ числѣ и придаточными опредѣлительными предложеніями), напримѣръ, „когда они, обращенные въ бѣгство, перешли черезъ частоколь и ровь...“, либо косвенно — обстоятельствомъ выраженіями („бѣгомъ“).

П. XVIII, 126: μηδὲ μ' ἔρουε μάχη φιλέουσα пер. Фразы этого рода были, какъ я думаю, предикативно-аттритивны, а не аппозитивны: имѣлось въ виду *качество* лица (субъекта), а не его дѣятельность. Переводъ: „не удерживай меня отъ битвы, какъ бы ты меня ни любила“, думаю, дальше отстоятъ отъ подлинника, чѣмъ: „ты, которая такъ меня любишь, все-таки не удерживай меня отъ битвы“.

Od. XV, 128: οὐ δέ μοι χαίρων ἀφίκοιο ὄκνον... Здѣсь причастіе χαίρων, какъ бы мы ни передали его на новыхъ языкахъ, нарѣчіемъ ли, дѣепричастіемъ ли, обнаруживаетъ то специфическое тяготѣніе къ субъекту, которое и придаетъ ему характеръ предикативнаго атрибута, а не аппозиціи. Также, ib., 130:... ὁ δὲ δάξατο χαίρων. Переводя нарѣчіемъ въ родѣ *весело, радостно*, мы беремъ оборотъ, который предполагаетъ болѣе древнюю или архаическую конструкцію съ *прилагательнымъ* (какъ „веселѣсь *свѣтѣль*“). Вотъ именно греч. χαίρων, оставаясь причастіемъ, однако весьма близко подходило къ прилагательному, отвѣчая скорѣе на вопросъ: какой?—чѣмъ на вопросъ: что дѣлающій? Оно едва ли могло служить аппозиціей.

Аттрибутивность предикативнаго причастія не подлежитъ сомнѣнію въ оборотахъ, какъ Od. XI, 584: σταῦτο διψῶν — „онъ являлъ видъ человѣка, мучимаго жаждою“, буквально „онъ представлялся жаждущій“, а равно и въ сочетаніяхъ съ λήθω, λανθάνω, напримѣръ, Od. VIII, 532: ἐνθ' ἄλλους μὲν πάντας ἐλάνθανε δάχρυα λείβων... Od. XIX, 91--92: οὐ τί με λήθεις ἔρδουσα μέγα ἔργον...

Наконецъ были и такія сочетанія, которыя, будучи взяты отдѣльно, могли быть понимаемы, и какъ предикативно-аттритивныя, и какъ

аппозитивныя. Таковъ случай II. IV, 56: οὐκ ἄνωσ φθονέουσα. Понятая аппозитивно, фраза значить: я (ничего) не достигну, *если буду противорѣчить* (тебѣ, — говоритъ Гера Зевсу). Но если обратимъ вниманіе на контекстъ, то легко убѣдимся, что тутъ φθονέουσα — не аппозиція. Гера говоритъ выше, что у нея три любимыхъ города (Аргось, Спарта, Микена), но что если Зевсъ пожелаетъ ихъ разрушить, то она, Гера, при всемъ своемъ огорченіи, не дерзнула бы выступить на защиту ихъ и противорѣчить Зевсу. Почему? что—(ст. 55—56) εἴ περ γάρ φθονέω τα καὶ οὐκ εἰὼ διαπέροαι, οὐκ ἄνωσ φθονέουσα' ἐπαὶ ἧ πολὺ φέρτερός' ἐσσι—„еслибы я стала противорѣчить и не допускала разрушить (ихъ), то я, *противорѣчащая* (въ этомъ своемъ противорѣчіи), (ничего) не достигла бы, такъ какъ ты гораздо сильнѣе меня“. Вотъ именно, въ силу наличности въ предыдущей фразѣ (ст. 55) глагола φθονέω,—его причастіе φθονέουσα (въ составномъ сказуемомъ οὐκ ἄνωσ φθονέουσα), являясь повтореніемъ предыдущаго, указаніемъ на соотвѣтственный, раньше данный глаголь, служить только для характеристики Геры (субъекта) въ данный моментъ (какая она?—Она—φθονέουσα, что явствуетъ изъ εἴ... φθονέω), а не для обогащенія содержанія предиката особымъ предикативнымъ моментомъ. Для матеріальнаго содержанія предиката это причастіе ничего *новаго* не даетъ,—оно могло бы совсѣмъ отсутствовать: εἴ... φθονέω,—οὐκ ἄνωσ—„если буду противорѣчить, ничего не достигну (ничего не подѣлаю)“. Разъ оно съ точки зрѣнія предиката—лишнее, родъ плеоназма,—оно не можетъ быть аппозиціей. Но еслибы не было предыдущаго, еслибы мы не знали, чего именно Гера не достигаетъ, и это наше незнаніе и было бы устранено причастіемъ φθονέουσα,—вотъ тогда то оно было бы несомнѣнно аппозитивнымъ,—и съ тѣмъ вмѣстѣ было бы произнесено съ большимъ удареніемъ (какъ бы подчеркнваніемъ), чѣмъ—когда оно предикативно-аттрибутивно; въ послѣднемъ случаѣ логическое удареніе падаетъ на οὐκ ἄνωσ.

Rv. X, 164, 3: yād āśāsa niḥśāsbhīśasopāritā jāgrato yāt svarāntaḥ ... букв. „ежели мы *бодрствующіе*, ежели мы *спячіе* прегрѣшили желаніемъ, порицаніемъ, проклятіемъ ...“. Здѣсь причастія jāgrataḥ и svarāntaḥ имѣютъ постановку предикативно-аттрибутивную, а не аппозитивную, ибо они не присоединяютъ къ моменту, данному въ глаголь-связкѣ, какого либо другаго момента, которымъ было бы обогащено матеріальное содержаніе предиката, а только указываютъ на состояніе субъекта (состояніе бодрствованія и сна). Такъ понимаетъ и Sāyana, комментирруя: jāgrato (бодрствующіе) jāgarāṇavast-

byaam vartamāna vaṇam ... (—въ состояніи бодрствованія находящіеся мы...), svarantaḥ (спящіе) svarnāvasthām grārtāh... (достигшіе состоянія сна, пришедшіе въ состояніе сна). Атрибутивный характеръ этихъ причастій въ нашемъ стихѣ сказывается въ томъ, что ихъ можно было бы принять за простыя опредѣленія къ подлежащему „мы“, какъ я—по неволѣ—сдѣлалъ это въ своемъ переводѣ. Если же желательно выставить на видъ тотъ фактъ, что они здѣсь не простыя атрибуты, а предикативныя и, стало быть, входятъ въ сферу сказуемаго, то остается только превратить ихъ въ категорію обстоятельства и передать черезъ „бодрствуя“ (или „наяву“) и „во снѣ“.

Rv. IX, 96, 1: grā senānīḥ śūgo āgṛe rāthānām gavyāniti... „полководецъ-герой (или лучше: онъ, Срома, какъ полководецъ-герой) во главѣ колесницъ желающій добычи идетъ...“. Причастіе атрибутивно (не переставая быть частью предиката) уже потому, что оно—родъ эпитета героевъ, вонновъ, воинственныхъ боговъ и, будучи отъименною формацией (отъ go—корова, волъ; gavyān—собственно желающій (завоевать, добыть) коровъ, воловъ), стоитъ одиноко, безъ соотвѣтственныхъ формъ verbī bhūti. Возможно, что въ данномъ мѣстѣ и аналогичныхъ gavyān взято, какъ *прилагательное* въ значеніи kampflustig, какъ переводятъ его Роттъ (С.-Петербургскій словарь, s. v.) и Грассманъ (Wörterbuch zum Rgv., s. v.). Sāyana поясняетъ: gavyān—ṣatrūpām gā icchan („желающій коровъ неприятелей“) yadvā yajamānām raṣvādīkamīcchan („или же желающій [раздобыть] для жертвующихъ [для заказчиковъ требы] мелкій скотъ и проч.“).

Rv. IV, 17, 10: ayām ṣṛṇve adha jāyanti utā ghnanti ... „онъ (Индра) славенъ, какъ побѣдитель и убійца...“. Атрибутивно-предикативный характеръ причастій jāyanti и ghnanti (побѣждающій и убивающій) въ этомъ стихѣ не подлежитъ сомнѣнію и переданъ мною помощью замѣны причастій существительными. Еслибы они были употреблены аппозитивно, то стихъ значилъ бы: „онъ—славенъ, когда (или такъ какъ) побѣждаетъ и убиваетъ“. Но такого смысла стихъ, очевидно, не имѣетъ, что видно также и изъ комментарія Саяны: jāyanti—ṣatrūpānjāyanti („побѣждающій—враговъ побѣждающій“) ṣṛṇve—ṣṛṇvate sarvatra prakhyāto bhavati („славенъ—слыветъ, всюду становятся знамениты“) ghnanti—ṣatrūpānhiṣanti („убивающій—враговъ уничтожающій“) sarvatra ṣṛṇvate („всюду слыветъ“). Еслибы Саяна понималъ эти причастія, какъ аппозиціи, онъ отгѣнилъ бы это въ

своёмъ комментарий такъ или иначе, напримѣръ, предпославъ ихъ объясненію вопросъ: *kim kurvaṇ*—что дѣлающій?

Rv. IX, 29, 4: *viçvā vāsūni samjāyaṇ pavasva soma dhāraya*— „(какъ) завоеватель всѣхъ благъ, теки, о Сомы, струею“. Едва ли здѣсь причастіе *samjāyaṇ* (завоевывающій) могло быть взято аппозитивно, въ смыслѣ: „теки и (съ тѣмъ вмѣстѣ) завоевывай“, „теки, завоевывай“ и т. п. Стихъ принадлежитъ къ разряду многочисленныхъ „формулъ“, произнесеніемъ которыхъ сопровождалась процедура приготовления (очищенія, процѣживанія) священнаго напитка Сомы; въ нихъ воззваніе *pavasva*—теки (и очищайся) есть общее мѣсто, техническій терминъ, обыкновенно сопровождаемый различными квалификаціями и эпитетами Сомы. Наше причастіе и имѣетъ здѣсь значеніе такой квалификаціи Сомы—въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, указывающей на его воинственность и на то, что онъ доставляетъ своимъ поклонникамъ добычу и всяческія блага. Другаго пониманія фразы нельзя вывести и изъ комментарія Саяны, который, поясняя причастіе *samjāyaṇ*, ограничивается вставкою *asmadarthaṃ*—„для насъ“ (завоевывающій всѣ блага). Чтобы отъѣнить *аттрибутивную* постановку предикативнаго причастія, я въ своемъ переводѣ замѣнилъ его существительнымъ.

Rv. IX, 80, 2: *maghōnām āyuḥ pratirān māhi çrāva indrāya soma pavase vṛsā madaḥ*—„удлиняющій вѣкъ (и) великую славу щедрыхъ дарителей, Сомы течетъ (очищается) для Индры,—геройское опьяненіе“.—Сомы течетъ (очищается) не потому, что (не послѣ того какъ, не въ виду того, что и т. д.) удлиняетъ вѣкъ и славу щедрыхъ; онъ очищается и течетъ для Индры, который будетъ пить его; продленіе жизни и славы смертныхъ, которые щедро сдаряютъ жрецовъ, это—одно изъ обычныхъ благодѣяній, одно изъ качествъ Сомы, это—его атрибутъ, параллельно которому стоитъ здѣсь и другой—*vṛsā madaḥ* (на этотъ послѣдній нужно смотрѣть такъ же, какъ на часть предиката). Мы могли бы передать наше причастіе существительнымъ въ родѣ „продлитель жизни“,—мало того: въ самомъ подлинникѣ мы могли бы представить себѣ соответственное помен *agentis*—*prata. ītar*, каковое мы читаемъ въ ст. X, 100, 5 съ тѣмъ же дополненіемъ, что и тутъ (*āyus*—вѣкъ, жизнь): *prataritāsy āyusaḥ*—„ты—продлитель вѣка“ (отнесено къ *Bṛhaspati*). Изъ перафраза Саяны нельзя вывести другаго пониманія текста.

Rv. II, 29, 6: *ā vo hārdi bhāyatāno vyayeyam*—буквально „да укроюсь я боящійся (въ страхѣ) у вашего сердца“ (или: „да при-

бѣгну я къ вашему сердцу...“). Здѣсь bhāyamaṇaḥ—не простое опредѣленіе подлежащаго, а предикативный атрибутъ. Аппозиціей оно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы на него падало логическое удареніе, и оно противопоставлялось другому термину. Тогда мы перевели бы его черезъ: „когда я боюсь“, „когда я въ страхѣ“. Перифразъ Саяны не даетъ ничего, что говорило бы въ пользу аппозиціи.

Rv. I, 48, 5: ā ghā yōṣeva sūnāgy uṣā yāti prabhūjati jarāyanti vṛjāpaṁ... „словно прелестная женщина, приходитъ Заря услаждая (причастіе: услаждающая), заставляя старѣть (причастіе: заставляющая старѣть, приближающая къ старости) окрѣту...“. Это обычная квалифікація Зари (uṣāḥ), что она съ одной стороны услаждаетъ, охраняетъ (Sāyana объясняетъ prabhūjati черезъ prakarṣeṇa saḅvām rālayanti—все охраняющая), а съ другой все живое приближаетъ къ смерти, заставляетъ старѣться (Sāyana объясняетъ jarāyanti черезъ jagāṁ grārayanti—заставляющая достигать старости). Въ своемъ комментарий Саяна, пояснивъ глаголь ā—yāti черезъ pratidinamāgacchati—„ежедневно приходитъ“ и обращаясь къ истолкованію значенія причастій, предпосылаетъ вопросъ: kīdṛṣṭuṣāḥ—„какая Заря?“ На что и отвѣчаютъ наши причастія, понимаемая, стало быть, какъ предикативные *атттрибуты*. Еслибы они были аппозитивны, то вопросъ Саяны звучалъ бы: kim kurvati—„что дѣлающая?“

Rv. V, 41, 18: sā naḥ sudānur mrlāyanti devī prati drāvanti suvitāya gamyāḥ буквально—„эта богиня, подательница изобилія, милосердная, прибѣгающая, да придетъ намъ во благо“. Sāyana понимаетъ причастія mrlāyanti—милосердствующая и drāvanti—бѣгущая, прибѣгающая—какъ эпитеты, равносильные термину sudānuḥ (который онъ объясняетъ черезъ ṣobhanadānā—обладательница или подательница прекрасныхъ даровъ) и предпосылаетъ ихъ истолкованію фразу: seddevatā viṣesyate—„это-то божество ближе опредѣляется“ (то-есть, нижеслѣдующими терминами). Отсюда, думаю, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы Саяна понималъ эти причастія, какъ простыя опредѣленія субъекта: и въ самомъ текстѣ, и въ толкованіи Саяны это—не простыя опредѣленія, а предикативныя, и вышеприведенныя слова комментатора говорятъ лишь то, что для него это—не аппозиціи.

Ограничиваясь этими образчиками предикативно-атттрибутивного сочетанія и прежде чѣмъ перейти къ аппозитивному, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о синтактическомъ характерѣ разсматриваемой формы.

1. Мы знаемъ, что наше причастіе было само по себѣ въ значи-

тельной степени *предикативно*, такъ что могло замѣнять глаголь. Обладаніе собственною предикативною мѣшаетъ ему быть въ предложениі простымъ опредѣленіемъ: оно поневолѣ становится опредѣленіемъ предидирующимъ и тянетъ къ сказуемому. Присоединяя къ предикативности глагола и свою, оно значительно увеличиваетъ общій запасъ предикативной силы, собранной въ сказуемомъ. Этотъ запасъ приблизительно равенъ тому, какой мы находимъ въ составныхъ сказуемыхъ съ именами, обладающими собственною предикативною (санскритскія *poṣina agentis* на *-tag* и др.), и гораздо больше того, который данъ въ сочетаніяхъ съ именами, лишенными собственной предикативности.

2. Это скопленіе предикативной энергіи въ сказуемомъ, дающее ему рѣшительный перевѣсъ надъ подлежащимъ, *отчасти умѣряется* тѣмъ *тяготѣніемъ* причастія (и предикативнаго имени) къ подлежащему, какъ *его атрибута*, которое образуетъ специфическую черту предикативно-атрибутивного сочетанія въ противоположность аппозитивному. На это тяготѣніе я неоднократно указывалъ выше. Атрибутивность можетъ быть уподоблена здѣсь силѣ, дѣйствующей въ направленіи, противоположномъ предикативности. Мысля атрибутивное отношеніе причастія къ подлежащему, субъектъ отвлекаетъ часть своего вниманія отъ апперцепціи предикативной роли этого причастія. Въ сочетаніи аппозитивномъ либо совсѣмъ нѣтъ такого отвлеченія части вниманія отъ сказуемаго къ подлежащему, либо эта часть доведена до минимума.

3. Прежде чѣмъ пойти дальше въ этомъ направленіи, то-есть, въ попыткѣ психологическаго изученія данныхъ формъ синтаксиса, необходимо сперва отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую группу признаковъ мыслимъ мы подъ терминами „предикативность“ и „атрибутивность“. Это—основныя грамматическія понятія, безъ которыхъ въ синтаксисѣ нельзя ступить шагу, и которыя, вѣроятно, по этой причинѣ и считаются какъ бы „самоочевидными и неразложимыми или не нуждающимися въ сведеніи къ другимъ психологическимъ понятіямъ. Начнемъ съ *предикативности*.

Предикативность принадлежитъ къ сферѣ мысли, она—умственный актъ. Этотъ актъ не есть, какъ извѣстно, монополія языка: онъ образуетъ столь же неотъемлемую принадлежность *сужденій психологическаго* и *логическаго*, какъ и грамматическаго предложенія. Поэтому мы должны сперва отвѣтить на вопросъ: каковы общіе основныя признаки предикативности, какъ умственнаго процесса, взятаго

независимо отъ его постановки въ языкѣ? Къ какимъ психологическимъ элементамъ можемъ мы свести явленіе предикативности, все равно — грамматической ли, психологической ли (доязычной), или логической (надъязычной)? Когда предизирующій субъектъ беретъ извѣстное представленіе въ качествѣ предиката для другаго представленія, то, прежде всего, самое *содержаніе* перваго (служащаго предикатомъ) *выступаетъ въ сознаниі* (въ „свѣтлой точкѣ“ сознаниа) *съ болшею отчетливостью, съ болшею яркостью, чѣмъ это бываетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, съ представленіями, которыя берутъ на себя другія роли въ сужденіи* ¹⁾. Далѣе, предизирующій субъектъ *тратитъ извѣстную часть того умственнаго усилія и того вниманія, какія вообще потребны для фиксаціи представленій въ свѣтлой точкѣ сознаниа, на апперцепцію специфическаго отношенія даннаго представленія, какъ предиката, къ его подлежащему*: говоря, напримѣръ, „свѣтъ—бѣлы“, я держу въ сознаниі не только само представленіе бѣлизны, но и спеціальное отношеніе его къ подлежащему „свѣтъ“,—я сознаю, я какъ бы отдаю себѣ отчетъ въ томъ, каково это отношеніе, какую именно роль въ предложеніи (или сужденіи) играетъ представленіе бѣлизны. Наконецъ, третьихъ, въ предизирующемъ субъектѣ *возвѣщаетъ родъ умственнаго самочувствія или самосознанія*: предизируя—онъ сознаетъ или „мысленно ощущаетъ“ свое „я“, какъ виновника этого акта („свѣтъ бѣлы“ собственно значить: я думаю, знаю, вижу, чувствую, утверждаю и т. д., что представленіе бѣлизны можетъ или должно быть отнесено къ представленію свѣта, какъ его предикатъ). Укажу здѣсь также на то, что этимъ признакомъ явленіе предикативности и отличается отъ явленія атрибутивности: въ послѣднемъ умственное самочувствіе субъекта доведено до минимума, который можетъ считаться равнымъ нулю („бѣлы свѣтъ“ значить только, что если дано представленіе свѣта, то дано и представленіе его бѣлизны). Этотъ родъ мысленнаго самоощущенія, это невольное обращеніе къ „я“ субъекта, которое такъ или иначе даетъ себя чувствовать во всякомъ актѣ предизированія, можетъ

¹⁾ Условія, внутреннія и внѣшнія, вліяющія на степень яркости, съ какою представленіе проявляется въ сознаниі, разнообразны до безконечности. Предполагая ихъ въ данный моментъ одинаковыми для данныхъ представленій (напримѣръ, свѣта и бѣлизны), мы найдемъ, что ярче выступить въ сознаниі то изъ нихъ, которое будетъ взято въ качествѣ предиката: въ сужденіи „свѣтъ—бѣлы“ ярче представленіе бѣлизны, чѣмъ представленіе свѣта; въ сужденіи „то бѣлое (что я вижу вонъ тамъ) есть свѣтъ“ ярче представленіе свѣта.

быть понимаемо, какъ *гомологъ волевого акта*: тому, что въ сферѣ психики проявляется въ формѣ волевого акта, въ болѣе тѣсной и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей ея области—умственной, отвѣчаетъ актъ предцированія. Какъ гомологъ волевого акта, процессъ предцированія отличается отъ другихъ, какіе только участвуютъ въ образованіи сужденія, тѣмъ, что требуетъ болѣе усилій мысли, большей затраты умственной энергіи.

4. Всѣ разсмотрѣнные признаки предикативности приводятъ насъ ко взгляду на нее, какъ на процессъ затраты умственной энергіи, а не какъ на процессъ ея сбереженія. Актъ предцированія есть затрата умственной энергіи именно потому, что онъ протекаетъ въ сознаніи, сопровождается умственнымъ самочувствіемъ и есть усиліе мысли, активный процессъ, гомологъ волевого. Попытка приложить понятіе траты энергіи къ сознательнымъ психическимъ процессамъ и понятіе ея сбереженія къ бессознательнымъ сдѣлана профессоромъ *И. Г. Оршанскимъ*¹⁾. Въ области лингвистической, то-есть, въ изученіи природы грамматическаго мышленія, это положеніе было уже намѣчено *Потебней*, который указывалъ на то, что *грамматическая форма* проникаетъ въ сознаніе лишь въ очень слабой степени и ео ipso не тратитъ, а сберегаетъ энергію. „На мышленіе грамматической формы (читаемъ на страницѣ 27-й „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“), какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе, значить систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, обходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находить себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова“.—Становясь на эту точку зрѣнія, мы по-

¹⁾ Популярное изложеніе результатовъ своихъ изслѣдованій въ этой области, основанныхъ на изученіи механики нервнаго процесса, онъ далъ въ статьѣ „Законъ экономіи въ умственномъ трудѣ“ (*Свердловскій Вѣстникъ* 1897, №№ 11 и 12).

лучимъ слѣдующую постановку вопроса, насъ занимающаго: 1) главное отличіе предикативности въ языкѣ (предицированія грамматическаго) отъ предикативности въ сужденіяхъ психологическомъ и логическомъ сводится къ тому, что въ языкѣ предикативность дана вмѣстѣ съ грамматическою (синтактической) формою; 2) актъ предицированія—самъ по себѣ—есть процессъ затраты умственной энергіи,—сопровождающая его грамматическая форма есть, напротивъ, процессъ ея сбереженія; 3) стало быть, актъ предицированія въ грамматическомъ мышленіи есть процессъ двойственный или двухсторонній: въ одно и то же время онъ и тратитъ, и сберегаетъ энергію; 4) степень формальности синтактическихъ формъ бываетъ различна, она то больше, то меньше; чѣмъ она больше, тѣмъ менѣе проникаетъ она въ сознаніе, тѣмъ дальше отстоитъ отъ его „порога“, и тѣмъ больше сберегаетъ энергіи. Сбереженіе энергіи, сопутствующее акту грамматическаго предицированія, прямо пропорціонально степени формальности грамматическаго выраженія, служащаго для апперцепціи предиката.

5. Теперь мы можемъ возвратиться къ изучаемому нами обороту. Постараемся опредѣлить степень формальности сочетанія предикативно-аттрибутивнаго. Для этого намъ нужно имѣть въ своемъ распоряженіи какое нибудь мѣрило. Таковымъ послужать намъ тѣ обороты, въ которыхъ формальность доведена до высшаго предѣла, — формы, которыя въ живой рѣчи совсѣмъ не проникаютъ въ сознаніе, становясь доступными ему только тогда, когда мы подвергаемъ ихъ ученому анализу. Изъ числа такихъ формъ, достигшихъ предѣла формальности¹⁾ и потому являющихся превосходнымъ орудіемъ сбереженія умственной энергіи, мы возьмемъ здѣсь такъ называемыя сложные времена, образующія, какъ извѣстно, не составное сказуемое, а простое, напримѣръ, есмь взялъ, бѣхъ далъ, je suis venu, bin gekompen и т. д. Въ этихъ формахъ, столь свойственныхъ новымъ языкамъ, причастіе сохраняетъ развѣ только тѣнь своей былой *аттрибутивности*; оно не образуетъ особаго момента въ сознаніи; глаголь не мыслится отдѣльно отъ причастія въ качествѣ связки, какъ это имѣетъ мѣсто въ составномъ сказуемомъ; оба термина образуютъ одно неразлагающееся въ мысли синтактическое цѣлое, и если ихъ провести въ сферу сознанія,—они отразятся тамъ, какъ одинъ моментъ,

¹⁾ Предѣла, конечно, относительнаго и не окончательнаго: это предѣлъ—съ точки зрѣнія даннаго состоянія языка.

а не два. Замѣтимъ тутъ же, что причастія, вошедшія въ эти формы (по крайней мѣрѣ русскія на—ль, какъ это установлено изслѣдованіями Потемби), принадлежали къ числу наиболѣе *предикативныхъ* (и наименѣе *аттрибутивныхъ*). Имѣя это мѣрило, мы можемъ опредѣлить степень формальности нашего предикативно-аттрибутивного сочетанія слѣдующимъ образомъ: въ немъ мы имѣемъ глаголь—связку (и при томъ — знаменательную, то-есть, отражающуюся въ сознаниіи своимъ содержаніемъ, лексическимъ значеніемъ), и этотъ глаголь образуетъ особый предикативный моментъ, то-есть, проникаетъ въ сознаниіе—тратитъ энергію; мы имѣемъ причастіе, надѣленное собственною предикативностью,—и оно образуетъ предикативный моментъ, то-есть, также проникаетъ въ сознаниіе—тратитъ энергію. Далѣе, оно не только предикативно, но и *аттрибутивно*. Выше я сказалъ, что его атрибутивностью умѣряется скопленіе предикативной силы въ сказуемомъ; теперь я къ этому добавлю, что, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, атрибутивность отнюдь не уменьшаетъ *количества* этой силы, а только оттягиваетъ часть ея подлежащему и какъ бы содѣйствуетъ ея распределенію на всемъ пространствѣ предложенія. Стало быть, количество (или интенсивность) предикативной энергіи остается та же (сумма глагольной и причастной) и только затрачивается съ извѣстною постепенностью. Наконецъ, моментъ атрибутивности причастія съ своей стороны, проявляясь въ сознаниіи, содѣйствуетъ увеличенію траты. Здѣсь будетъ умѣстно отдать себѣ отчетъ въ томъ, каковы основные признаки атрибутивности. Атрибутивность есть ослабленная, смягченная предикативность. Умственный актъ, въ силу котораго извѣстное представленіе (напримѣръ, красоты, пользы, цвѣта и т. д.) относится, какъ *аттрибутъ*, къ другому представленію (красивая роза, полезная книга, бѣлый снѣгъ), можетъ быть понятъ, какъ отголосокъ или результатъ другаго, раньше сдѣланнаго, болѣе труднаго, болѣе энергичнаго акта—*предицированія* (эта роза—красива, эта книга—полезна, снѣгъ—бѣлъ). Если предицированіе есть гомологъ волевого акта, то мы скажемъ, что атрибутивность относится къ предицированію, какъ заученное движеніе, совершаемое безсознательно или полусознательно, во всякомъ случаѣ съ небольшою тратой вниманія, относится къ сознательному волевому акту, впервые приведшему къ данному движенію. Но, однако же, какъ бы ни была незначительна сознательность и энергичность атрибутивности сравнительно съ тѣми, которыми характеризуется предикативность, — все-таки актъ апперцепціи одного представленія, какъ атрибута другаго, протекаетъ въ сознаниіи, тре-

буетъ нѣкотораго вниманія и является по своему затратою, а не сбереженіемъ энергіи. Все это, вмѣстѣ взятое, рисуетъ намъ изучаемый оборотъ съ причастіемъ предикативно-атттрибутивнымъ, какъ форму, требующую сравнительно-большой затраты умственной энергіи и сберегающую весьма малую долю ея. Это станетъ нагляднѣе, если сопоставимъ его съ такими формами, какъ *есмы взялъ, бѣхъ далъ, смисъ емъ* и т. д. Въ нашемъ оборотѣ глаголь есть настоящая связка и тратитъ энергію, — въ этихъ послѣднихъ формахъ *есмы, бѣхъ, смисъ* и проч.—вовсе не связки и сами по себѣ энергіи не затрачиваютъ; ихъ можно назвать, пожалуй, связками *фиктивными* или фикціями прежнихъ связокъ. Причастіе въ нашемъ оборотѣ требуетъ двойной затраты—и какъ предикативное, и какъ атттрибутивное.—въ сложныхъ временахъ причастіе вмѣстѣ съ глаголомъ есть только предикатъ, его атттрибутивность равна нулю и можетъ быть названа *фиктивной*. Фиктивность грамматической (синтактической) формы, въ томъ и состоитъ, что мысль говорящаго не останавливается надъ формою съ тѣмъ вниманіемъ, какое необходимо для отчетливаго проявленія ея въ сознаніи,—что на апперцепцію самой формы затрачивается минимумъ энергіи, и она оттѣсняется за порогъ сознанія: она становится все болѣе и болѣе формальною. Путь къ наибольшей формальности идетъ черезъ фиктивность. Въ сложныхъ временахъ *есмы взялъ, бѣхъ далъ* фиктивность связки *есмы, бѣхъ* привела къ тому, что эти глаголы (въ этихъ сочетаніяхъ) стали чистою формою, безъ содержанія, отодвинулись далеко отъ порога сознанія и въ современномъ русскомъ совѣмъ исчезли изъ сферы послѣдняго; такимъ путемъ и возникли наши прошедшія: *взялъ, далъ*. Фиктивность, какъ и формальность, есть процессъ мысли, сберегающій энергію ¹⁾).

Предполагая въ одномъ изъ дальнѣйшихъ этюдовъ сдѣлать попытку классификаціи всѣхъ разновидностей изучаемаго здѣсь сочетанія съ причастіемъ и съ именами, при знаменательной, полуотвлеченной и отвлеченной связкѣ, въ порядкѣ ихъ эволюціи,—я ограничусь здѣсь слѣдующею схемою, которая поможетъ намъ ориентироваться въ вопросѣ о степени формальности и о затрачиваемой и сберегаемой энер-

¹⁾ Въ области высшей мысли (въ наукѣ, въ искусствѣ, въ философіи), а также и въ сферѣ явленій *соціальной* психологіи, напримѣръ, въ *правѣ*, въ *этикѣ*, мы находимъ разнообразныя виды *фикцій*. Ихъ изученіе съ вышенамѣченной точки зрѣнія, какъ психическихъ процессовъ, сберегающихъ энергію, представляется мнѣ задачею весьма заманчивою и благодарною для психолога.

гн въ трехъ важнѣйшихъ типахъ оборота съ причастіемъ предикативно-аттрибутивнымъ.

1. *Связка знаменательна*: прѣста глагола, прилежахъ въпрашахште, ἐπαύσατο λαλῶν, ἐπέμεινον ἐρωτῶντες, приде видѣ, ἦλθε βλέπων βλεῖο πορευόμενος, φερέτην σταναχοντα, urāgima jāgrataḥ, gavyann eti и т. д. Въ сознаниі отражается не только лексическое значеніе глагола, но и его роль, какъ связки. Мысль схватываетъ то и другое, не какъ фикцію, а какъ положительное содержаніе умственнаго акта. Причастіе мыслится, и какъ часть предиката, и какъ атрибутъ. Форма оборота, находясь въ гармоніи съ его содержаніемъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ проникаетъ въ сознаніе. Трата энергіи сравнительно велика, содержаніе незначительно.

2. *Связка полузнаменательна*: вѣста ἰεκοушаѣ, ἀνέστη ἐκπεράζων, ustof fraisands, τύχησε ἐρχομένη, φρονέουσα καθέζοις, γινώσκειται ῥέων, grasidann eti и т. д. Глаголь выступаетъ въ сознаниі яснѣе, рельефнѣе въ своей роли—связки и блѣднѣе—въ своемъ лексическомъ значеніи. Послѣднее сбивается на фикцію и получаетъ характеръ формальности, условности. На мышленіе лексическаго значенія тратится весьма мало энергіи; сбереженная часть ея идетъ на усиленіе предикативнаго толчка въ сознаниі, представляемаго моментомъ связки. Причастіе отражается въ мысли, какъ предикатъ и какъ атрибутъ, но уже съ замѣтнымъ перевѣсомъ въ сторону предикативности: матеріальное (лексическое) содержаніе предиката сосредоточено въ немъ, а не въ связкѣ.

3. *Связка отвлеченна*: бѣ оучѣ, бѣ проповѣданѣ, ἦν κηρύσσων, vas merjands, ἦν δυναμένη, suāma tagantaḥ и т. д. Лексическое значеніе глагола, въ силу своей отвлеченности, является чисто-формальнымъ; сбереженная на этомъ пунктѣ энергія идетъ на усиленіе предикативнаго толчка, на болѣе отчетливое сознаваніе глагола, какъ связки. Причастіе, сохраняя свою атрибутивность, въ то же время ярче выступаетъ въ сознаниі, какъ предикатъ, какъ тотъ моментъ, въ которомъ дано само содержаніе сказуемаго.

Эта схема показываетъ, что *усиленіе предикативной функціи причастія идетъ въ ногу съ развитіемъ формальнаго момента связки.*

Остановимся пока на этомъ выводѣ и перейдемъ къ разсмотрѣнію примѣровъ составнаго сказуемаго съ причастіемъ наст. (и буд.) въ роли *аптозиціи*.

Въ качествѣ образчиковъ аппозитивнаго сочетанія приведу слѣдующіе.

Зобраф. ев. 46: наоучите всѣ ѿзѣки крѣстѣште ѿ (въ подлинникѣ стоитъ крѣстѣштѣ) — μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη βαπτίζοντες αὐτούς... (Матѣ. XXVIII, 19). Въ гот. нѣтъ.—Формально крѣстѣште и βαπτίζοντες ничѣмъ, конечно, не отличаются отъ предикативныхъ атрибутовъ въ формѣ прич. наст. Но поскольку они тѣснѣе примыкаютъ къ глаголамъ-связкамъ наоучите и μαθητεύσατε, образуя при нихъ особый предикативный моментъ, который можно передать не только дѣспричастіемъ (научите крестя), но и глаголомъ (научите и крестите),—постольку они должны быть признаны *аппозиціями*.

Зобраф. 58: аште не оумыванѣтъ рѣкоу тѣрѣште ¹⁾—ἐὰν μὴ ποῦμῃ νίψονται τὰς χεῖρας. [Гот. *niba ufta rvaħaħd handus* своимъ нарѣчіемъ *ufta*—часто, oft—предполагаетъ другое чтеніе—съ *poħvá* вмѣсто *poħmḥ*]. Здѣсь аппозитивный характеръ предикативнаго атрибута едва ли требуетъ поясненій. Въ греческомъ текстѣ совѣмъ нѣтъ причастія, и славянское тѣрѣште передаетъ въ формѣ причастія греческое дополненіе или обстоятельство *ποῦμῃ*, указывая такимъ образомъ на то *дѣйствіе*, которое слѣдуетъ представить себѣ при *ποῦμῃ* и которымъ дополняется смыслъ глагола-сказуемаго (*νίψονται*).

II. XI, 73: ἐρε δ' ἄρ' ἔχαίρε πολύστονος εἰσορόωσα—„радовалась, глядя“. Здѣсь *εἰσορόωσα* не является атрибутомъ, который бы тяготѣлъ къ подлежащему и служилъ бы для его характеристики (какъ, напримѣръ, *πολύστονος*); онъ лишь указываетъ на *дѣйствіе*, въ данный моментъ совершаемое этимъ подлежащимъ, — дѣйствіе, находящееся въ ближайшей связи съ тѣмъ, чтó выражено глаголомъ-связкою. Въ переводѣ можно оба момента передать глаголами: *смотрѣла* и *радовалась*. Такимъ переводомъ мы только рѣзче отѣняемъ относительную равноправность причастія и глагола-связки, съ точки зрѣнія ихъ предикативной функціи. Этотъ терминъ „относительная равноправность“ есть только другое выраженіе для понятія аппозитивности причастія.

II. XI, 153—154: ἀτὰρ χρεῖων Ἀγαμέμνων ἀνὲν ἀποκτείνων ἔπετ Ἄργείοισι κελεύων—„слѣдовалъ, убивая (и) командуя“, или: „слѣдовалъ, убивалъ, командовалъ“.—II. XIII, 91: ...ἦλθε κελεύων (съ прям. доп.)—„пришелъ, призывая“ (Тевкра и друг.).—II. XV, 175... ἦλθον... φέρουσα (ἀγγελίην)—„пришла и принесла (вѣсть)“...—Od. XIII, 407—410: ...αἰ δὲ (σὺς) νέμονται παρ Κόρακος κέτρῃ ἐπὶ τε κρήνῃ Ἀρεῖούσῃ ἔσθουσσι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ πίνουσσι... „*пасутся у*

¹⁾ Уже было цитировано въ статьѣ 1-ой.

скалы ... и возлѣ источника ... (и) *пдытъ* желудка ... и *пютьъ* ... воду...“ — *Od.* XIV, 76: *ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων παρέθηκ' Ὀδυσσῆι* — „сжаривъ, принесъ и поставилъ...“ — Здѣсь аппозитивное причастіе аор. *ὀπτήσας* еще болѣе отдѣняетъ таковой же (аппозитивный) характеръ причастія наст. *φέρων*. Последнее не имѣетъ ближайшаго отношенія къ субъекту, ничуть не служить для его характеристики, — оно остается въ сказуемомъ, воспроизводя одинъ изъ трехъ его моментовъ. — *Od.* XIX, 98: *ἄφρα καθεζόμενος εἶπεν ἔπος ἦδ' ἐπακούσθη ὁ ξείνος ἐμέθεν* — „чтобы гость *стлз* и *сказалъ*... и *выслушалъ*...“ — *Od.* XIX, 100: *ἦ δὲ μάλ' ὀτραλέως κατέθηκε φέροσα* — „принесла и поставила“.

Rv. V, 3, 4: *hótāgam agnīm mānuṣo ni śedur daśasyāntaḥ* — „люди посадили Агни (Огонь) [какъ] жреца *почитая* (поклоняясь ему, совершая его культъ)“ — *Sāyana* комментируетъ *niśedur mānuṣaḥ* перифразомъ *raṅgarantu ṛvijāḥ* — „жрецы служатъ (совершаютъ культъ)“ — послѣ чего ставитъ вопросъ: *kim kurvantāḥ?* — „что дѣлающіе?“ и отвѣчаетъ поясненіемъ причастія *daśasyāntaḥ* черезъ *havir vi tarantāḥ* — „доставляя (ему) жертвенный даръ (возліяніе и пр.)“.

Rv. IX, 90, 1: *Prā hinvāno janitā ródasyo rátho ná sanīṣyānt ayāsīt | indram gāchan āyudhā samçīcāno vīçvā vásu hástayoḥ ādadhānaḥ* — „устремляемый (приводимый въ движеніе, погоняемый жрецами, совершающими обрядъ очищенія напитка Сомы) родитель двухъ міровъ (Сома), какъ колесница, *потекъ* (двинулся, пошелъ), *чтобы стлзжаты* (причастіе будущее) добычу (или пищу), *шестюя* (причастіе) къ Индрѣ, *изошряя* (причастіе) оружія, *держа* (причастіе) всѣ блага въ рукахъ“ — *Sāyana* отдѣняетъ аппозитивный характеръ причастій *gāchan*, *samçīcānaḥ* и *ādadhānaḥ* тѣмъ, что резюмируетъ ихъ выраженіемъ *evam kurvan* — „такъ дѣлающій (такъ дѣлая)“¹⁾.

Rv. IX, 25, 5: *aguṣo janāyan gīraḥ sōmaḥ pavata āyusāk | indram gāchan kavīkratuḥ* — „ярко-свѣтлый Сома, *пораждая* пѣсни (звуки), *течетъ* (и очищается) бодро, *шестюя* къ Индрѣ, мудрый“ — *Sāyana*:... *somo gīraḥ çabdāñjanayan pavate kṣarati kim hurvan... indram gacchan vūṛṇivan...* „Сома, рождая голоса (пѣсни), то-есть, звуки, течетъ—что

¹⁾ Глаголь *prāyāsīt* Саяны передаетъ черезъ *prāyaschati* — „даруетъ“, очевидно производя его отъ *pra-yaś*. Это невѣрно: мы имѣемъ здѣсь глаголь *uṣ* (итти) съ частицею *pra*. Причастіе будущее *sanīṣyān* (долженствующій или стремящійся стлзжаты добычу) могло бы быть отнесено, какъ опредѣленіе, къ *rāthoḥ* — колесница; оно не было бы тогда частью составнаго сказуемаго. Вѣрнѣе однако, что оно вмѣстѣ съ остальными причастіями входитъ въ это сказуемое, относясь къ подлежащему. Такъ понимаетъ и *Sāyana*.

дѣлая?... шествуя къ Индрѣ, то-есть, достигая Индры...“ — Здѣсь отмѣненъ посредствомъ вопроса *kim kurvan* — что дѣлающій? (что дѣлая?) аппозитивный характеръ второго причастія (*gachan*). Мы не ошибемся, приписывая таковой же и первому.

Rv. IV, 14, 2: *ūrdhvaṃ ketum savitā devō aṅreḥ jyōtir vīcvasmai bhūvanāya kṛṇvān*— „высокій свѣточъ богъ Савитаръ воздвигъ, дѣлая свѣтъ всему міру“. Здѣсь само лексическое значеніе причастія *kṛṇvān* (дѣлающій) указываетъ на его аппозитивный характеръ. Формула Саяны *kim kurvan* какъ бы дано въ самомъ текстѣ.

Rv. VII, 78, 5: ... *vi bhāhy úṣo devī pratirāntī na āyuh | iṣam sa no dadhatī*— „сіяй, заря, богиня, удлиняя нашъ вѣкъ и даруя намъ обиліе“. *Sāyana*: ... *kim kurvatī no 'asmākamāyurāyuṣyam pratirantī vardhayantī*... *no 'asmabhyamisamca... dadhatī vibhāhīti*— „...что дѣлающая? (что дѣлая?)—нашъ вѣкъ удлиняя, то-есть, увеличивая... и намъ обиліе... даруя сіяй“.

Rv. I, 75, 1: *juṣasva... vāso... havuḥ juhvāna āsāni*— „кушай... пѣснь... приемя въ уста (въ ротъ) возліянія“. Аппозитивность причастія *juhvānaḥ* (отъ *hu*—лить) отмѣчена въ комментарий Саяны вопросомъ: *kim kurvan?* (что дѣлая?) и также перифразомъ: *tavāsyē* (въ твой ротъ) *havīṃṣi* (жертвенные дары) *prakṣīpan* (бросающій, устремляющій).

Rv. III, 32, 3: *yé te śuśman yé táviṣīm āvardham arcanta indra marútas ta ójah...* *piba rudrēbhīḥ saganāḥ* ¹⁾... „пей вмѣстѣ съ Марутами, которые, воспѣвая (причастіе настоящее) твою силу, о Индра, усугубили (взростили) твою мощь, твое могущество“. Здѣсь причастіе *arcantaḥ* аппозитивно. *Sāyana* комментируетъ его перифразомъ *stavantāḥ santāḥ*, гдѣ сочетаніе двухъ причастій, одного отъ глагола *sti*—восхвалять (синонимъ глагола *arc*), а другаго отъ *as*—быть (причастіе отвлеченной связки), усиливая предикативность атрибута, отмѣняетъ его аппозитивный характеръ. Нашъ стихъ не хочетъ сказать, что „поюще Маруты увеличили силу Индры“, — онъ хочетъ сказать, что „Маруты увеличили силу Индры тѣмъ, что воспѣвали его (силою пѣнія)“.

Rv. I, 85, 2... *ārcanto arkām janāyanta indriyām ādhi śriyo da-*

¹⁾ Въ главномъ предложеніи *piba rudrēbhīḥ saganāḥ* мы имѣемъ также составное сказуемое, но не съ причастіемъ, а съ прилагательнымъ *saganā*—„составляющій компанію съ...“, „окруженные сонмомъ (Марутовъ)“. Въ переводѣ оно можетъ быть замѣнено обстоятельствомъ выраженіемъ.

dhire r̥c̥nimātaḥ — „воспѣвая (пол, причастіе настоящаго) гимнъ, производя мощь, стяжали блескъ (царственное величіе) сыны Пршњи (Маруты)“, то-есть, Маруты стяжали величіе именно тѣмъ, что пѣли гимнъ и (этимъ пѣніемъ) порождали мощь (очевидно Индры, какъ понимаетъ и Саяна). Смыслъ причастій *arcantaḥ* и *janayantaḥ* съ ихъ дополненіями Саяна поясняетъ такъ: *arkamarcaniyamindramarcantaḥ puḥayanta indriyamindrasya liṅgamvīryam janayantaḥ prahaga bhagavo jahī vīryasvetevamarupeṇa vākyenotpādayantāḥ* — „воспѣвая достойнаго воспѣванія Индру ¹⁾, порождая его мужескую силу, (его) геройство, то-есть, производя (эту силу и геройство) слѣдующаго рода гимномъ: рази (бей), о блаженный, убивай, мужайся (проявляй свою мужественную силу)“. — Все это несомнѣнно указываетъ на то, что Саяна понимаетъ наши причастія въ данномъ случаѣ, именно какъ аппозицію. Отсутствие формулы *kim kurgantaḥ* съ избыткомъ восполняется подробнымъ изложеніемъ того, что дѣлали Маруты, при чемъ приводится даже текстъ гимна, который они пѣли. Аппозитивный характеръ причастій можетъ быть и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, отгнѣненъ превращеніемъ ихъ въ глаголы: Маруты пѣли гимнъ и этимъ порождали силу Индры и сами стяжали себѣ величіе.

Причастія будущаго времени представляются мнѣ пригодными преимущественно для аппозитивнаго сочетанія, хотя и не буду отрицать возможности ихъ примѣненія и для выраженія предикативнаго атрибута въ тѣсномъ смыслѣ.

Образчиками аппозиции въ формѣ причастія будущаго могутъ служить:

II. VIII, 409: ...ῶρτο δὲ Ἴρις ἀελλόπος ἀγγελέουσα.—II. X, 450—451: ἤτε καὶ ὕστερον εἰσθα θεὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν ἢ διοπτεύσων ἢ ἐναντίβιον πολεμίζων... II. XI, 101: αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' Ἴσον τε καὶ Ἄντιφον ἐξεναρίζων... II. XIII, 208—209: βῆ δ' ἰέναι παρὰ τε κλισίας καὶ νῆας Ἀχαιῶν ὀτρυνέων Δαναοῦς... II. XIII, 256—257: ἔρχομαι... οἰσόμενος. Od. XIII, 412—413: ὄφρ' ἄν ἐγὼν ἔλθω Σπάπτην ἐς καλλιγύναικα Τηλέμαχον καλέουσα ²⁾. Od. XX, 503—504: γρη῏ς... διὲκ μεγάροιο βεβῆκειν οἰσομένην ποδάνπιτρα... Od. XIX, 506—507: αὐτὶς ἄρ' ἄσσοτέρω πυ-

¹⁾ Тутъ Саяна даетъ искусственное и неправильное толкованіе слова *arka*—гимнъ, понимая его въ значеніи *gerundiv* отъ глагола *arc*—пѣть.

²⁾ Въ данномъ случаѣ это должно быть причастіе будущаго, такъ какъ, вромѣ *kaléōw*, есть еще форма будущаго *kaléōw*.

ρὸς ἔλκετο δίφρον Ὀδυσσεὺς θρασυόμενος... Od. XIX, 596: Ὀδυσσεὺς
φῦγετ' ἐποφόμενος Κακοίλιον...

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ причастіе будущаго времени воспроизводитъ такой предикативный моментъ, который служить не для характеристики субъекта, а для указанія на то, что онъ будетъ дѣлать, на его дѣйствіе. Какъ причастія прошедшаго времени (аор.), употребленныя *аппозитивно*, указываютъ на дѣйствіе (или состояніе) субъекта, предшествующее тому, которое воспроизведено въ глаголѣ-связкѣ, такъ причастія будущаго указываютъ на дѣйствіе, хронологически слѣдующее за дѣйствіемъ, изображеннымъ въ связкѣ. Мы переводимъ эти причастія инфинитивами, большею частью съ *чтобы*, съ *тѣмъ чтобы*, съ *намѣреніемъ*: пошелъ, чтобы ободрить..., иду, чтобы принести..., пошла, чтобы принести..., пошелъ съ намѣреніемъ убить и такъ далѣе. Ясно, что эти причастія будущаго времени выражаютъ другой предикативный моментъ, присоединяющійся *аппозитивно* къ моменту связи.

Изъ санскрита приведу:

Rv. IX, 90, 1: *pra... sanīṣyānt ayāsīt...* „пошелъ (двинулся), чтобы стяжать добычу“ (уже было цитировано выше).

Rv. IX, 113, 1:... *bālam dādḥāna ātmāni karīṣyān vṛyān mahād ndrāyendo rāgi sava* — „приобрѣтая силу въ себѣ самомъ, теки, о Инду (Сома), для Индры съ тѣмъ, чтобы сдѣлать (ему) великій геройскій подвигъ“. Саяна понимаетъ стихъ иначе: онъ относитъ оба причастія (*dadhāna* и *karīṣyān*) не къ Соми, а къ Индрѣ, имя котораго образуетъ подлежащее первой половины стиха:... *sōtam indraḥ rībatu*—„Сому Индра да пьетъ“...; въ такомъ случаѣ составное сказуемое будетъ: *rībatu... dadhāna... karīṣyān*—„да пьетъ, получая силу... съ тѣмъ, чтобы совершить геройскій подвигъ“. Причастіе *dadhānaḥ* Саяна понимаетъ атрибутивно, предпосылая ему вопросъ *ki-dṛṣaḥ*—какой? Не думаю, чтобы такое пониманіе распространялось и на *karīṣyān*. — Rv. IV, 26, 3:... *tvām śīgo amagmānaḥ pārahān atīhigvāya śamsyam karīṣyān*—„ты (Индра) отсѣкъ голову неуязвимаго (Вргры) съ тѣмъ чтобы совершить (или доставить) достойное прославленія для Атитхичвы“.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, постараемся уловить духъ оборота съ точки зрѣнія вышенамѣченныхъ понятій фиктивности, формальности и траты (resp. сбереженія) энергіи.

1. *Причастіе*, будучи аппозиціей, сохраняетъ только *формальные* признаки атрибута; оно не мыслится, какъ атрибутъ; оно мо-

жетъ быть названо атрибутомъ *фигтивнымъ*. На этомъ пунктѣ несомнѣнно получается сбереженіе энергій.

2. *Глаголь* не есть связка въ подлинномъ смыслѣ; онъ только несетъ обязанность связки. Онъ отражается въ сознаниі, во первыхъ, со стороны своего лексическаго значенія и, во вторыхъ, какъ предикать, или лучше какъ половина предиката (другая половина — причастіе). Что эта глагольная часть предиката играетъ въ предложеніи роль связки, это только слегка чувствуется, вскользь, мимоходомъ отиѣчается сознаниемъ и такимъ образомъ не является моментомъ, который бы затрачивалъ энергію. Роль глагола, какъ связки, можно назвать фиктивною или формальною, — и на этомъ пунктѣ получается сбереженіе энергій.

3. Предикативность сосредоточена въ сказуемомъ, которое состоитъ изъ двухъ почти равносильныхъ предикативныхъ моментовъ, глагольнаго и причастнаго. Этимъ сосредоточеніемъ аппозитивное сочетаніе рѣзко отличается отъ сочетанія предикативно-атттрибутивнаго съ знаменательною связкою. Въ послѣднемъ только при отвлеченной связкѣ достигается подобная концентрація, такъ что съ этой стороны формы *бъ оучѣ* и т. д. почти приравняются къ обороту съ причастіемъ аппозитивнымъ. Въ формахъ, какъ *бъ оучѣ* и пр., это достигается отвлеченностью связки, то-есть, сведеніемъ къ минимуму или къ фикціи ея лексическаго значенія, — въ формахъ съ аппозиціей это достигается сведеніемъ къ минимуму или къ фикціи атттрибутивнаго характера причастія. Какъ увидимъ въ свое время, сосредоточеніе предикативности въ сказуемомъ есть явленіе прогрессивное, важный шагъ впередъ въ эволюціи глагольности предиката.

Столь же прогрессивнымъ представляется и развитие разсмотрѣнныхъ здѣсь оборотовъ *въ направленіи убывающей атттрибутивности* второго именительнаго. Съ этой точки зрѣнія ихъ можно расположить въ слѣдующей схемѣ:

1. Сочетанія съ именами, не имѣющими собственной предикативности: *единъ рече, вста простъ, ст᳚ ḍ'orḍas, ūrdhvas tiṣṭha* и др. Второй именительный есть прежде всего *атттрибутъ*, только вовлеченный въ сферу сказуемаго и воспринявшій долю предикативности, отраженной отъ связки, которая здѣсь знаменательна.

2. Сочетанія съ именами, обладающими собственною предикативностью и приближающимися къ причастію, каковы извѣстныя намъ санскритскія формы. Предикативность имени тянетъ его къ глаголу и

уменьшаетъ его атрибутивную постановку въ предложеніи. При этомъ связка знаменательна.

3. Сочетанія съ причастіемъ предикативно-атрибутивнымъ, при знаменательной связкѣ. Атрибутивность ясно чувствуется, но уравновѣшивается тяготѣніемъ причастія къ связкѣ.

4. Сочетанія съ причастіемъ предикативно-атрибутивнымъ при отвлеченной связкѣ. Атрибутивность сохраняется скорѣе, какъ форма или фикція, чѣмъ по существу.

5. Таковы же сочетанія съ причастіемъ аппозитивнымъ при знаменательной связкѣ.

6. Особую постановку получила *атрибутивность именъ* (въ особенности прилагательныхъ) въ оборотахъ со вторымъ именительнымъ *при отвлеченной связкѣ*, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

Д. Овсяннико-Шуликовскій.

СНОШЕНИЯ ШВЕЦИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА (1648—1700) ¹⁾.

Освобожденія, отпуска шведскихъ пословъ изъ Москвы требоваль и Делагарди въ своей перепискѣ съ Нащокиномъ. Онъ убѣждалъ Нащокина содѣйствовать прекращенію войны, соглашался на посредничество герцога курляндскаго, но ставилъ условіемъ какихъ бы то ни было переговоровъ отпускъ шведскихъ пословъ изъ Москвы; какъ скоро это случится, пусть Нащокинъ назначаетъ время и мѣсто для переговоровъ о перемиріи. Карлъ X уполномочилъ Делагарди взять на себя это дѣло, назначены уже и дипломаты для переговоровъ о мирѣ съ русскими. Какъ скоро Нащокинъ дастъ свое согласіе и побѣщаетъ свое содѣйствіе къ освобожденію пословъ—шведы тотчасъ же прекратятъ военныя дѣйствія. Къ Нащокину въ январѣ 1657 года отправленъ былъ Глинтцъ. Ему данъ былъ очень пространный меморіаль. Передавъ поклонъ царскому воеводѣ, Глинтцъ долженъ былъ просить его—предварительно высказаться о прелиминаріяхъ о мѣстѣ и времени переговоровъ, далѣе — отъ имени Делагарди—обѣщать прекращеніе военныхъ дѣйствій со стороны шведовъ, начиная съ понедѣльника 10-го января на шесть недѣль; за это время, Делагарди увѣренъ въ этомъ, Нащокинъ успѣетъ уже узнать намѣренія своего государя и высказаться объ окончательномъ мирѣ.

Дабы воевода убѣдился въ искреннемъ желаніи со стороны шведовъ мира, Делагарди отпускаетъ къ нему нѣсколькихъ русскихъ

¹⁾ *Продолженіе. См. апрѣльскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за текущій годъ.*

пльнниковъ. Заканчивается инструкція просьбою освободить шведскихъ пословъ въ Москвѣ ¹⁾).

¹⁾ Дезагарди къ Нащокиву, 5 января 1657 г.: Wolgeborner H. Woywod Offonassej Nasszokyn. Auss des Herrn Woyw. Schreiben und des H. Bylowen mündlichen Berichte habe Ich mit mehrem vernommen, wass d. H. Woywod wegen einer zuesammenkunfft mit mir bey Ihr Fürstl. Hoheit den Fürsten in Churlandt zue Auffrichtung eines Stillstandes der Waffen begehret; wie Ich nun nicht ungeneyget bin einen gevollmächtigen an meine Statt dahin nach der Mytaw abzueschicken unnd was geschlossen werden möchte selber hernach zue unterschreiben auch desswegen albereit an Ihrer Fürstl. Hoheit den Fürsten in Churlandt geschrieben habe; also wolle d. H. Woyw. auss dem Schreiben, so der Herr Bylow auff mein befehl Ihnen anitzo schreibet, mit mehrem vernehmen, wass wegen eines Anstandes der Waffen meine meynung ist. Werdet Ihr nun nicht gerne ferner Blut vergiessen sehen wollen wie ich verhoffen will, sondern lieber zue einen christlichen Frieden gesinnet seyn, solches werdet Ihr damit beweysen, wan Ihr Ihr K. M. grosse Gesandten ohne ferneren Auffenthalt werdet loss lassen, und Euch wegen des Orts unnd der Zeit, da die Friedens—tractaten können angefangen werden, erklären werdet, massen hievon auch Ihre Churf. Durch. zue Brandenburg an Ihrer Zaar. M. ausführlichen geschrieben; an unserem Orte haben Ihre K. M. uns mit gneugsahmer Vollmacht zue solchen Friedens—tractaten auch die Personen albereit verordnet, welche von Ihrer K. M. Seyte denselben beywohnen sollen, also, das an solchem christlichen Gott woll gefälligem Wercke nichts übriges, als das, wie obgesaget, Ihrer K. M. grosse Gesanten zueforderst freygestellet, hernach Ort unnd Zeit bestimmt werden mögen, wo unnd wan die grosse Gesandten von beyden Theilen zuesammen kommen mögen; so bald obige Erklärung von Ewerer Seyte einkommen wirdt, soll alsofort mit den Waffen von unser seyte eingehalten werden; hierauff unnd was der H. Bylow dem H. Woywode ausführlichen geschrieben, erwarte Ich Seine Erklärung; sonsten habe Ich auch gerne von gedachten Herrn Bylowen vernommen, wessen der Woywode sich wegen des reussischen Handels erklärt hat, damit Er nun ferner unsere meynung hievon wissen unnd Ich seine Erklärung auch hierüber gründlichen vernehmen möge. Als habe Ich Bringern dieses Hans Glintz, Ihr K. M. Unterthan zue dem H. Woywode abschicken wollen, mit welchem Er die Sache wegen des Reussischen handels überlegen unnd mir seine meynung ferner wissen lassen wolle. Diesen meinen Abgeschickten zweiffle ich nicht der H. Woywode in guter sicherheit wieder anhero verschaffen wirdt. Riga 5 jan. 1657. Съ этимъ письмомъ: *Memoriale für den Herrn Assessoren Bylawen.*

Ess wirdt der H. Bylow sich zum Woywoden Nasszokyn begeben, unnd vermittelst unserem Gruss demselben antragen, wie das wir zwar gerne gesehen hätten das seiner gerühmbten Vollmacht nach Er aufs wenigst die praeliminaria zue denen Friedens Tractaten nemblich de loco et tempore tractatum hätte verabreden unnd schliessen sollen; weilen Er aber vermeynet gehabt, hierüber Ihr Z. M. Erklärung einzuziehen, sich alsofort dahin zue begebenn, als müssen wir uns bis dahin gedülden; weilen aber gedachter Woywode sich anerböhten, das Er immittelst seinen leuten von aller Feindtseligkeit wieder die Unserige einzuhalten verbieten wolte, wan wir bey den Unserigen dessgleichen thuen wolten, als kan

Нащокинъ, вообще враждебно относившійся къ шведамъ, довольно сурово отнесся и къ Глинтцу. Шведы, сказавъ онъ, цѣлыхъ шесть недѣль языкомъ общаются перемиріе, на дѣлѣ же продолжаютъ проливать христіанскую кровь. Воевода отправилъ своего сына, двадцать второго января, въ Москву со всѣми письмами и инструкціями Деллагарди. О шведскихъ послахъ, задержанныхъ въ Москвѣ, Нащокинъ сказалъ, что судьба ихъ въ рукахъ царя, лишь онъ воленъ ихъ отпустить; къ обмѣну плѣнныхъ онъ—Нащокинъ—уже приступилъ ¹⁾.

der Herr Assessor in Unserm Nahmen sich darauff dahin erklären, das wir allen Ihr K. M. Kriegsleuten alsofort anbefehlen wollen, das sie in den nechsten 6 Wochen vom künftigen Montag wirdt sein der 10 Ianuarij dieses lahres anzuerechnen, sich an Ihr Z. M. nicht vergreifen, sondern in selbiger zeit einen Stillstandt der Waffen zwischen beyden Parteyen gehalten werden soll, mit dieser versicherung das der Woywode solches zuehalten allen Ihr. Z. M. Kreigsleuten auch anbefehlen werde, unnd stehen wir in fester Hoffnung, das immittels der H. Woywode mit einer Friedbegierigen resolution von Ihr Z. M. wieder zuerück kommen werde, wie nun der H. Assessor diesen 6 wochigen Stillstandt mit dem H. Woywoden bis zue seiner Wiederkunfft gänzlich verabreden wirdt. Also daferne Er der Woywode selber zue reden anfänget von dem wie es mit dem Fouragiren und Statien einholen interim zuehalten sey, kan es bey dem verbleiben, das alle die persohnen, so S. Z. M. geschworen, auch diese 6 Wochen dahin contribuiren mögen, doch, das auff andere annoch unbeäydigte in diesem oder jenem Gebiete es nicht verstanden, sondern dieselben ungemolestiret uns gelassen werden müssen.

Damit auch der Woywode würcklich spüren möge, wie man Ihm seinem Begehren gerne gratificiren will; als werden die 2 Dörptische Bürger gegen die andere 2 unserigen hiemit lossgegeben; wegen der andern Gefangenen will man auch an den H. General Gouverneuren in Ingermanland schreiben, unnd sich derer beschaffenheit hierinnen erkündigen; immittelst wolle der H. den brieff an den Woywoden unnd was darinnen des weckfels wegen gedacht ist bessermassen recommendiren, auch auff die Erlassung der H. Gesandten, als ein nohtwendiges ding zue den künftigen Friedens tractaten fleissig treiben. Womit etc. Riga, den 16 Ian. 1657. Magnus Gabriel De la Gardie.

¹⁾ Донесеніе Глинтца о его пребываніи у Нащокина сохранилось въ подлинникѣ, но очень попорченномъ и трудно читаемомъ. Донесеніе отъ 25-го января 1657 г., Laus Deo. Anno 1657. den 25 Ian. Riga. Es hadt mir Ihr Gnaden der guerneur gebetten dass Ich sollte meine meinung aufsetzen, was ich zu Kokenhausen von den Woywodde Affnas Nasschocken gehöret, als ich ihm den 22 (?) dieses den briff überlifferte, muste ich strachs beschuldigung hören, dass wir 6 wochen mit der Munde ein Stilstandt begherten, aber mit den Hertenzen Krig oder bludt vorgissen wolten, welches zu argeln wehre den 18—19 geschen, wolte sich nicht ja oder nein auff den 6 wochischen Stilstandt resoluiren, meines erachtens oder wich ich von Ihm vor stunde, wirdt alle sein schreibendt wass Er vor diesen gedahn, lautter bedruch sein, undt Er von das geringste kein volmacht gehabt, sondern seinen sohn den 22 dieses nach seinen Grossfürsten mitt alle

На на одинъ вопросъ Делагарди Нащокинъ не далъ прямого отвѣта, отдѣлывался общими заявленіями, въ которыхъ просвѣчивало все его недовѣріе къ шведамъ. Делагарди укоряетъ его въ этомъ, но тѣмъ неменѣе проситъ его высказаться опредѣленно, сказать да или нѣтъ; онъ шлетъ къ нему новаго гонца, майора Христиана Тумба, пространно доказываетъ ему великую пользу для его отечества отъ мира съ Швеціей, подчеркиваетъ ненадежность польскихъ обѣщаній и проситъ выполнить требованіе о шведскихъ послахъ, безъ чего невозможно никакое перемиріе ¹⁾).

die briffe so vor diesen an ihm geschrieben undt Ich Ihm vberlifferde unnd auss copiret strack mit gegeben, wass der nuhn wirdt guttes zurucke holen, wirdt die Zeit lernen, sonsten meines erachtens werden sie nicht baldt auss Kockenhausen auss fallen, sie musten den gutten nachricht von den bauern haben, dass selbe mahl ist auch dem 23 dieses banko sein starost zu Kokenhausen einkommen undt den Woywodden berichtet dass nuhr 50 schwedische Reitter zue Ergeln vorhanden wehren, wohrauff der Woywodde zur stundt 5 fahnen ausscommandiret, als dass sich E. G. L. woll hadt vor zu sehen der Bauhren voradt, was anlangt der 4000 R. die da solten unsern grossen Gesandten in Musskau per wexsel gegeben werden, so hadt Er es an seinem Sohn geschrieben, Er aber kahn das geringste nicht duhn, es muss dahn deus grossfürsten sein wille sein, die gefangen, so er bey sich hatte, hadt er nach Pleskau gesandt, aldahr mitt die so jn Narwa seindt auss zutauschen, den Einen aber nahmens Wilhelm Buch habe ich aussgebehten undt Ihm mih mir nach Riga geholet, wahr auch schon mitt auff den wege, wordt 2 meille von letzen wieder zurücke geholet, wegen den Herren Bilau wolte der Woywodde Naschocken an Goncesski schreiben, vormeinet Ihm woll loss zu kriegen sonsten wirdt E. G. L. auss den Briff von Naschocken mehr vornehmen, hie-mitt in Gottes schutz befohlen. I. B. L. Vtd. Hans Glintz.

¹⁾ Делагарди Нащокину 11 февр.: Auss meinen durch H. Bylawen dir überschicktem schreiben unnd Puncten vom 7 Januarij, wie auch auss denen durch Hans Glintz dir jüngst eingehändigten Memorialen has tu überflüssig vernommen, wie sehr wir unsers orts umb ferner blutvergiessen zue vermeyden zum christlichen Frieden unnd zue dessen beforderung auch zue einem vorhergehendem Stillstande geneuyget seyn, der gewissen hoffnung du würdest dich auch willig dazue erweisen unnd auf meine dir zuegeschickte Puneta ohne welche kein stillstandt seyn kan, also deutlich unnd richtig mit Ia oder Nein dich erkläret habenn, dass wir dadurch zue Auffrichtung eines Stillstandes, unnd daw ferner zue einem Anfange der Fridens-Tractaten desto leichter unnd geschwinder hätten gelangen könnenn; weiln du aber in deinen beantwortungen auff keinen einzigen Punct dich richtig unnd deutlich erklären, sondern nur mit zwei felhaftigen, dunckelen unnd ungereimten worten mich herumb zue führen unnd zue verleyten suchen thuest; als kanstu leichtlich erachten, dass so lange wegen solcher Puncten keine richtige Abrede unnd Schluss unter uns gemacht ist, auch kein Stillstandt unter uns seyn kan unnd mag; damit ich aber deine gründliche Erklärung unnd eygen-

Пункты, на которые Делагарди требовалъ категорическаго да или нѣтъ. были слѣдующіе семь: 1) имѣеть ли Нащокинъ полномочіе переговариваться съ Делагарди; если имѣеть, то не можетъ ли онъ его переслать къ нему. 2) Поручится ли Нащокинъ, что шведскіе послы будутъ отпущены изъ Москвы, ибо безъ этого Делагарди не можетъ ни на что рѣшиться. 3) Не находятъ ли Нащокинъ удобнымъ объявить перемиріе со дня отпуска шведскихъ пословъ на шесть мѣсяцевъ; или онъ предпочитаетъ начать его раньше? 4) Не распространить ли это перемиріе на всѣ земли обоихъ государствъ ¹⁾. 5) Не согласится ли царь и безъ Польши заключить мирный договоръ со шведами. 6) Черезъ сколько времени онъ, Нащокинъ, можетъ извѣстить Делагарди о времени и мѣстѣ переговоровъ ²⁾. 7) Можетъ ли Нащокинъ поручиться, что государь его дѣйствительно серьезно желаетъ мира, такъ какъ только въ такомъ случаѣ перемиріе имѣеть нѣкоторый смыслъ ³⁾.

dliche Gemüths-meynung möge wissen, darauss deine Friedens Begierde verspüren unnd mich darauff verlassen könnenn; als habe ich dir nochmals etzliche wenige Puncten durch bringers dieses Kön. Majoren unnd Commend. auff Roneburg Christian Thumb überschicken unnd dabey von dir begehren wollen, dass dir auff einen jeden Punct wo nicht mit mehrem dich erklären, doch nur mit schlechtem ja oder nein antworten woltest, wie ich selber ohn eyinig bedencken gerne thuen will, wan du dessgleichen von mir begehren wirst; ausser dem habe ich meinen Abgeschickten befohlen, mit dir von einem unnd andern, so zue wiederbringung christlichen Friedens, dienlich zue reden, unnd dich dabey unter andern zue versichern, dass durch wieder auffrichtung eines beständigen Friedens unnd conjungirung dieser beyden hohen Potentaten waffen Ihrer Z. M. nicht allein die von der Crohn Pohlen abgenommene Lande sicherlich behalten, sondern auch noch andere grössere Ihren Unterthanen erspriesslichere Vortheilen erlangen köntenn. Dagegen Du dich versichern wollest, dass die Crohn Pohlen unnd andere, wass sie auch für grosse hoffnung Ihrer Z. M. machen lassenn, sie endlich doch verleyten werden, welches Ihr Z. M. mit ihrem schaden aber zue späte erfahren werden; bey der Crohn Schweden Freundschaft hat sich die Muscov allewege sicher unnd woll befunden, Ihre Feindschaft aber ist Euch Moscovitern allezeit übel ausgeschlagenn, hiemit ich dich der Göttlichen obhut empfehle. Geschrieben in Ihr K. M. meines Allernädigsten Königs unnd Herren Festem schlosse bey der grossen unnd festen Königl. Stadt Riga, den 11 febr. Anno 1657. Magnus Gabriel De la Gardie.

¹⁾ Ob nicht solcher Stillstandt auff alle der beyden hohen Potentaten Lande unnd leute sich erstrecken soll?

²⁾ Ob unnd wie baldt Er unss wegen des Orts unnd der Zeit der Tractaten bescheidt unnd gewissheit schaffen könne unnd wolle?

³⁾ Weilln auch der Stillstandt allein zu dem ende heliebet werden kann, damit dadurch die Friedenstractat befördert werden mögen, ob unss der Woywode

Эти же вопросы повторяются въ письмѣ къ Нащокину, отправленномъ ему ассессоромъ Бюловымъ.

Изъ донесенія Thumb'a и Бюлова видно, что Нащокинъ не особенно торопился удовлетворить желанію Делагарди.

Первому онъ говорилъ, что до полученія отвѣта отъ царя на отправленные ему пункты перемирія, онъ не можетъ приступить къ переговорамъ съ нимъ. Передъ вторымъ распространился о виновности самихъ шведовъ въ начавшейся войнѣ.

Въ началѣ апрѣля Делагарди узналъ, что Нащокинъ получилъ полномочіе отъ царя начать мирные переговоры со шведами. 8-го апрѣля онъ просилъ Нащокина доставить ему копію съ царскаго полномочія— ибо, писалъ онъ, такъ всегда водятся при дипломатическихъ сношеніяхъ отдѣльныхъ государствъ между собою. Нащокинъ отказалъ. Сынъ его посѣтилъ шведскихъ пословъ въ Москвѣ, писалъ онъ, они здоровы и ни въ чемъ не нуждаются. Въ концѣ письма онъ соглашается приступить къ переговорамъ съ королевскимъ комиссаромъ Павломъ фонъ Гельмерсеномъ, но предпочелъ бы лично свидѣться съ Делагарди. Пусть Делагарди приѣзжаетъ въ Вольмаръ, а онъ будетъ въ Adsel'ъ ¹⁾.

Бюлову Нащокинъ заявилъ, что не можетъ согласиться собраться въ другомъ мѣстѣ, какъ въ Митавѣ: здѣсь рѣшено было уже раньше собрать конгрессъ, безъ согласія царя онъ не можетъ принять другаго пункта. Затѣмъ Нащокинъ не допускалъ перемирія безъ участія въ немъ Польши; въ будущемъ мирномъ конгрессѣ, по его мнѣнію, также должны были участвовать представители этого королевства. Съ другой стороны и полякамъ нельзя будетъ заключить мира съ Швеціей безъ вѣдома и противъ желанія царя, такъ какъ царь избранъ многими въ короли Польши (sic). О титулахъ, продолжалъ Нащокинъ, царь спорить не станетъ: не тому стыдно, чей титулъ умаляютъ, а тому, въ титулъ котораго входятъ территоріи, которыми на дѣлѣ онъ не владѣетъ. Перемиріе, если оно только будетъ заключено, должно быть распространено не на одну только Ливонію, а на всѣ земли по сю сто-

dahin versichern kann unnd will, dass Ihre Z. M. die Friedenstractaten durch Ihre Gesandten ernstlich anzutretten gemeinet sein unnd versichern dass sie sich enden sollen.

¹⁾ Сначала Нащокинъ требовалъ, чтобы Гельмерсенъ приѣхалъ къ нему въ Кокенгузенъ; Делагарди отвѣчалъ на это требованіе слѣдующими словами: solches ist ein unbilliges begehren, unnd will der hohe respect der beyden hohen Potentaten nicht zuelassen, dass ein Deputirter zue dem andern in die Festung kommen unnd alda mit demselben tractiren soll.

рону моря. Продолжительность перемирія можетъ быть опредѣлена въ шесть мѣсяцевъ. На съѣздѣ необходимо опредѣлить и коммерческія отношенія; новгородцы и псковичи давно уже жалуются на то, что торговля стала. О времени и мѣстѣ мирнаго трактата Нащокинъ обѣщала переговорить еще съ царемъ; недѣли черезъ четыре онъ надѣется уже получить отвѣтъ царя. До этого—русскія войска будутъ воздерживаться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, если только шведы съ своей стороны не вызовутъ ихъ къ возобновленію войны ¹⁾).

¹⁾ *Relation was der Woywod Nassokin dem H. Assessoren Bülow auff die uberreichte Punckten mündlich geantwordtet den 11 Jan. 1657.*

Er verwundere sich nicht wenig *das der hertzog aus Churlandt die zusahmenkunfft zue Mytawe mit ansetzung eines gewissen termini nicht befondere, er hatte sich bey Irher Zaar. M. darzu anerbotten und hatte es hoch angefangen und itzo liess er es stecken, es wifd ihm solches vbel aussgeleget werden, Er Naschokin konte keine andere zusahmenkunfft ansetzen, den er seines Zaaren befehl und volmacht nach leben muste, weil dieser termin nicht fortginge muste er selber zum Zaaren hinreisen und andere Volmacht und order holen, Seiner Z. M. wehre ein selbst Erhalter und Regirer Ihrer herschaften und lender und niemandt konte Ihm vorbiten oder hindern was er thun wolte. Ein Stülstandt konte ohn beisein polnischer deputirten gemacht werden, aber bei den friedens tractaten müssen Ihre Commissarii mit dabei sein, den Ihnen mit den unsrigen friede zu tractiren ohne die pohlen konte nicht sein, so konten auch die Pohlen mit den Schweden nicht friede schliessen ohne S. Z. M. wissen und willen und wehre Ihr Zaar Erwehlter König in Pohlen.*

Seine Volmacht habe er dem hertzoze in Churlandt zugesandt auff der zusahmenkunfft wolle er nicht allein eine Copia sondern das original vbergeben und hingegen unsere volmacht empfangen.

Die H. Gesandten werden auss der Moscau erlassen werden, wan Ihre K. M. ein Schreiben an Seiner Z. M. schreiben werde, des Tytuls halben wehre nicht gross gelegen sein Zaar beehrte den Titul nicht, Es wehre dem keine schande der iemands eines Titul zuschrieben, sondern dehm der einen Tytul beehrte und hette solche lender nicht unter sich, die Königin Christina hette vor wenig Jahren sich erstlich vber Pommern, Bremen und Verden geschrieben, Ihr Zaar hette nicht gefraget wie sie zu solchen lendern kommen und habe Ihr den Titul zugeschrieben, wofern der H. Graff Magnus an die H. Gesandten schreiben senden wolte, wil er es mitnehmen undt antwordt zuruck bringen, aber einem gonielt ohne des Koniges schreiben konte er keine Pass geben. Der Stülstandt muss nicht allein auff Liefflandt sondern auff alle zusahmenstehende lender mit Ihnen gemacht werden.

Auff 6 Mohnat ein Stülstandt zuschliessen wehre billig und ob schon ein Mohnat mehr oder weniger geschlossen wurde konte nichts hindern.

Wie weit er die Guarnison zu geniesen haben solte wüste er selber noch nicht, den er sich dessen nicht erkundiget die Bauren so Ihme geschworen und vnter Ihrem Schutz wehren, konte er nicht abstehen vormeinert das von Koken-

Миролюбивое настроеніе Московскаго царя ярко сказалось въ апрѣль 1658 года въ томъ, что онъ наконецъ отпустилъ шведскихъ

hausen nach Riga hin zue linker handt die unsrigen, was aber zue rechten nach das Ewige Erbe halten muste.

Wie die *comertien sicher getrieben konten* werden muste auff der *Zusammenkunft* verabredet werden Ihre *kauffleute insonderheit die Plescowiter vnd Naugar-* der beklagten sich sehr darüber das *sie keinen handell* hetten, er muste seinem Zaaren davon vollkommenen bericht thun, den der Krieg mit den vnsrigen nicht lang konte getrieben werden.

Wegen des *Termins wan und wo die Tractaten Ihren anfang nehmen konten*, wolte er sich bei seinen Zaaren erkundigen vnd mit guttem bescheide *in 4 wochen zurück kommen*, jmittelst wolte er von seiner seiten nichts feindtsehliges wieder die vnsrigen thun lassen, die Parthei so er nach Adsel gesandt wolte er zuruck fordern, die unsrigen solten so lange auch still halten.

Die Gefangene Dorptische burger begehrt er zu entlassen, den Ihre weiber zu dorpt eingezogen wehren alss wolte er Wilhelm Bock vnd des Obst Funcken amptman loss lassen ond wan Ihre Gr. Exc. nur schreiben mochte das Ihre Gefangene so zue Narve sein solten loss gelassen werden, so wolte er alle gefangene auch loss geben.

Albrecht von Bülow.

Письмо Аванасія Ордывъ-Нащюкина губернатору Ризи, ⁷¹⁶⁸/₁₆₅₈ 5-го іюля (копія).

Von Gott dem allmächtigen wunsche ich dem Herrn Gubernatoren gute gesundheit, demnach habe ich aus eurem schreiben von 5 Junij welches mir durch Hans Glintzen zugesent verstanden, vnd eurem Hanss Glintz habe ich auch bescheidt vndt antwort gegeben, vndt mit diesem meinem schreiben thue ich kundt, dass du der gesandten abrede in Moscau seinde halten willst, und dass ist auch nothwendig. Und dass Du die beschaffenheit vnd worauff es bestehet zu wissen beghrest, so habe ich dir in deinen brieffen geschrieben, das die hostilitet in Lieffland von beiden theilen, bist zu der beiden gross gesanten zusammenkunft solten eingehalten werden, vnd was sie kunfftig schliessen vnd thun werden, da wirdt es bey bleiben müssen. Undt Euch wirdt es unmuglich sein, die liththauische Volcker, welche mit unsern Reuschen zusammen sein in Lieffland zu scheiden, vder von einander zu trennen, und ist in Lieffland der vorgedachte termin zu beobachten dass von d. 21 May sich alle feindseligkeiten stillen und aufhören möchten, ond die eroberte vnd von euch abgekommene Stäte biss wass die Gesanten schliessen werden nicht zu attaquiren noch wieder an euch zu bringen. Wir verbuten das starck, vnd wollen die Liththouische Volcker in vnsern schutz nehmen, wie sie sich mit vnss fur eins ergeben und so ist es annoch und weiln ich von meinem allergnedigsten Hern S. Z. M. kein befehl habe ist es mir unmuglich den gefangenen commandanten zu euch zu senden ond loss zugcben biss die gross gesanten kommen vnd darein was thun werden, Dass E. Wolgeboricheit sich gefallen lassen mir die Soldaten zu zusenden, der guten sache bin ich froh und dass es sich kunfftig besser mehre (!) möge, vnd alle harte und wiedrige sachen auffhören möchten, und über diesem habe ich Hans Glintzen muntlich mehr befohlen. Nach dem will ich E. Wolg. Gotlicher Obacht ergeben. Gegeben in des Printzen Dmitrefa Stadt ermes allergnädigst S. Z. M. Grentze Vestung.

пословъ и назначилъ комиссаровъ для пограничнаго съѣзда съ шведами о соглашеніи. То былъ моментъ, когда уже Карлъ, по собственнымъ словамъ его, рѣшилъ лично явиться въ Ливонію, чтобы заставить русскихъ пойти на миръ. — Только въ концѣ года, 20 декабря, заключено было трехлѣтнее перемиріе въ Валіесари, въ четырехъ миляхъ отъ Нарвы. Представители обѣихъ державъ съѣхались въ первый разъ 5 октября; 10 ноября подписаны были уже preliminаріи. Русскіе не желали заключать мира иначе, какъ получивъ территориальное приращеніе: или Нотебургъ съ погостами по ту сторону Невы или Ивангородъ съ землей между Наровой и Ньюеномъ. Такъ какъ шведы упорствовали и не соглашались ни на какія территориальныя уступки, рѣшено было пока заключить только перемиріе; срокъ его положенъ былъ въ три года, считая съ 20 декабря 1658 года.

По Валіесарскомъ перемирію занятые русскими города оставались за ними до заключенія окончательнаго мира. Торговья сношенія объявлены были свободными и безпрепятственными. Шведамъ разрѣшалось сохранить свои торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, русскимъ—въ Стокгольмѣ, Выборгѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Нарвѣ. Плѣнные выдавались съ обѣихъ сторонъ. Титулы обоихъ государей должны были впредь писаться такъ, какъ въ обычаѣ у каждого изъ нихъ; если бы одинъ изъ нихъ приобрѣлъ завоеваніемъ новую область, онъ въ правѣ внести и ее въ свой титулъ, такъ, однако, чтобы отъ этого не было никакого „prejudice“ другому. Для установленія новой границы слѣдовало собраться къ 1 іюня 1659 г. въ какомъ нибудь мѣстѣ между Ригею и Кокенгузенемъ.

Во все время перемирія государя взаимно обязываются не поддерживать своихъ враговъ, въ особенности же не оказывать помощи Польшѣ. Проектировался даже союзъ Россіи съ Швеціей противъ послѣдней.

Въ Валіесари разсматривался и вопросъ о Курляндіи. Герцогъ Яковъ во все время войны держался нейтралитета, не приставалъ ни къ одной изъ сторонъ. „Политика его была политикою конъюнктуръ“, что было совсѣмъ не по сердцу Карлу X, мечтавшему о полномъ протекторатѣ надъ Курляндіей. Герцогъ во всемъ слѣдовалъ политикѣ своего родственника—великаго курфюрста.

Когда началась шведско-русская война, Яковъ принялъ сторону Россіи. Карлъ тогда отдалъ приказаніе своему фельдмаршалу Дугласу вторгнуться въ Курляндію и взять въ плѣнъ герцога, что тотъ и исполнилъ, занявъ внезапно Митаву. Герцогъ былъ отвезенъ въ

Ригу.—Русскіе въ Валіесари вступились за Курляндію, требуя чтобы король призналъ ея нейтралитетъ, но добиться этого не могли. Единственно, что они могли провести, это рѣшеніе не воевать въ предѣлахъ Курляндіи; вопросъ о нейтралитетѣ былъ предоставленъ королю.

Вотъ главные пункты заключеннаго между Россіей и Швеціей Валіесарскаго перемирія.

Шведы никогда не могли рассчитывать на такую уступчивость со стороны русскихъ. Не даромъ же одинъ изъ шведскихъ комиссаровъ заявилъ: „русскіе съ зрящими глазами оказались слѣпными и не сумѣли воспользоваться представившимся случаемъ для собственной выгоды“. И король въ письмѣ къ Шлиппенбаху заявляетъ, что „перемиріе съ Россіей такъ ему пріятно, что онъ даже не находитъ словъ выразить свою радость. Это перемиріе принесетъ намъ въ Польшѣ больше выгодъ, чѣмъ все французское краснорѣчіе“¹⁾.

Вслѣдъ за заключеніемъ Валіесарскаго перемирія между Россіей и Швеціей Карлъ X отправилъ въ Москву секретаря Адриана Мюллера съ тѣмъ, чтобы согласиться относительно мѣста и времени будущаго мирнаго конгресса, для возобновленія полного согласія между обѣими сосѣдними державами. 31-го мая Мюллеръ выѣхалъ изъ Нарвы, 20-го іюня онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ черезъ два дня состоялась его первая аудіенція у царя. Шведскій *envoyé* оставилъ любопытный журналъ о своей поѣздкѣ въ Москву и о своемъ въ ней пребываніи, сохраняющійся въ Стокгольмскомъ архивѣ, а, кромѣ того, мы имѣемъ еще и рядъ донесеній Мюллера изъ Москвы²⁾.

Передъ аудіенціей Алмазовъ подробно спрашивалъ Мюллера, въ чемъ собственно состоитъ его миссія, имѣетъ ли онъ передать царю кромѣ королевской грамоты еще какія-нибудь порученія и т. д. Мюллеръ отвѣтилъ, что главною цѣлью его миссіи является вопросъ о будущемъ мирномъ конгрессѣ, но что у него есть и еще рядъ вопросовъ, которые онъ желалъ бы передать на разсмотрѣніе царскимъ совѣтникамъ³⁾.

¹⁾ Ср. Carlsson, I, 396.

²⁾ *Underthänige Relation über meine Moschowische Reisse, zum Grossfürsten in Reusslandt.*—15 страницъ in folio—мелкаго четкаго текста.

³⁾ *Antworttete, dass vermöge dess Walliessaarschen Stillstandes Contracts krafft Ihr K. M. meines allergnädigsten Königs vndt Herrn Instruction, Ich mitt Ihr Z. M. ministris zu reden befehl hätte wegen die Zeitt vndt den ohrt, wenehr vndt woehr beidenseits grossen Potentaten grosse undt vollmächtige Gesantten mitt*

Алмазовъ заинтересовался затѣмъ узнать, непосредственно ли Мюллеръ ѣдетъ отъ короля или же онъ получилъ свою инструкцію уже по отъѣздѣ изъ Швеціи, и гдѣ въ настоящее время находится король. Мюллеръ отвѣтилъ, что инструкцію онъ получилъ отъ короля въ Нарвѣ, изъ Ландскроны; гдѣ король въ настоящее время—Мюллеръ не знаетъ. Далѣе слѣдовали вопросы о томъ, намѣтилъ ли уже король мѣсто новаго конгресса, кого онъ назначилъ изъ своихъ совѣтниковъ къ участию въ немъ и снабдилъ ли онъ ихъ уже какою-нибудь инструкціей до отправления его, Мюллера, въ Москву.

О мѣстѣ съѣзда Мюллеръ не могъ сказать ничего опредѣленнаго, а избраны пока слѣдующія лица: баронъ Бенгтъ Горнъ, глава посольства, Спарре и нѣкоторые другіе.

Очень обстоятельно доносить Мюллеръ о самой аудіенціи у царя, состоявшейся 22-го числа.

Царь имѣлъ по правую сторону отъ себя Бориса Ивановича Морозова, по лѣвую Илью Даниловича Милославскаго. Царь слегка приподнялся и, не обнаживъ головы, спросилъ о здоровьи своего съѣзда и друга короля Швеціи. Въ отвѣтъ на это Мюллеръ передалъ царю королевскую грамоту, вынувъ ее изъ голубой тафты, въ которой она была положена. „Король въ добромъ здравіи“, сказалъ онъ при этомъ, и повелѣлъ передать его письмо въ собственные руки его „царскаго величества“¹⁾.

Царь допустилъ посла до своей руки, послѣ чего онъ чрезъ канцлера справлялся и о его здоровіи и спросилъ, имѣетъ ли онъ еще какія-нибудь дѣла для устной передачи. Мюллеръ отвѣтилъ утверди-

deren grossen Potentaten Confirmations brieffe auff den getroffenen 3-jährigen Stillstandt sich einander begegnen vndt ein iedweder anverordneten ohrt reisen möchte; zu dehme hätten Ihr K. M. in einen absonderlichen brieff noch einige andere guette sachen zu proponiren mir allergnädigst anbefohlen, wenn mir eine geheime Conferentz wirdt gestatten werden.

¹⁾ ...Darauff der grossfürst sich ein wenig auff seinen Stuhl erhob, dass Haupt aber nicht entblössete vndt selber fragte, wie es seinem nachbahren vndt freunde dem Könige in Schweden erginge. Wohrauff Ich J. K. M. brieff auss dess tolken handt nahmb, der denselben biss dahin gefuhrett hatte vndt in blawen taftt neben mir hieltte, dem Grossfürsten andworttete, als dieser des Grossmächtigsten meines allergnädigsten Könings vndt Herrn brieff vndt ordre an mich seindt abgelassen worden, sein J. K. M. dazumahlen, Gott lob, annoch in guetten gesundheit gewesen vndt haben allergnädigst mir anbefohlen, diesen, J. K. M. freundlichen brieff in dess grossen Herrn, E. Z. M. eigen vndt in keines anderen Hände zu liefern, vndt eine freundliche antwortt dahrauff zu erwarten.

тельно и отъ имени короля просилъ назначить для разсмотрѣнiя ихъ конференцію. Царь пожаловалъ посланника своимъ царскимъ столомъ, послѣ чего аудiенція окончилась ¹⁾).

23-го числа Мюллера позвали въ „канцелярiю“, въ приказъ, гдѣ онъ засталъ царскихъ совѣтниковъ, которые при входѣ его встали и каждый протянулъ ему руку. Мюллеръ называетъ въ своемъ донесенiи боярина и намѣстника Муромскаго князя Федора Федоровича Волконскаго, окольничаго и намѣстника Кашинскаго Ивана Аонасьевича Гавренова, канцлера Алмаза Ивановича и подканцлера Ефима Юрьева.

Мюллеръ обстоятельно выяснилъ задачу своей миссiи, говорилъ о миролюбiи своего государя, который для заключенiя вѣчнаго мира имѣеть въ виду прислать на пограничный съѣздъ своихъ великихъ пословъ, просить объ этомъ же царя и просить назначить время и мѣсто для съѣзда.

Алмазъ Ивановичъ прервалъ его рѣчь вопросомъ, получена ли уже конфирмаціонная грамота короля и готовы ли уже къ отъѣзду вели-

¹⁾ ...Baltt drauff saegte der Cantzler, Ich solte an dess Grossfürsten handt gehen; darnach fragette er, wie viel Ich auffwarten hätte? Der Grossfürst begnadigte sie auch an seine handt zu kommen, saegte 4 mitt den Tollmettscher, die alle nach ein ander Ihme die hände küssetten; wie sie sich an Ihren ohrtt wieder gestellet hatten, stieg der Cantzler ein wenigh zum Grossfürsten, kahmb wornach zu mir vndt sagte, Ihr Zahrschen M. liessen mich fragen, wie es mir vndt meinen leutten auff die reise ergangen? vndt ob wir wohl vndt gesundt überkommen wehren? Ich bedanckte J. Z. M. für guette beforderung vndt dass wir Gott lob wohl anhero kommen; darnach stieg der Cantzler wieder zum Grossfürsten, vnd dan wieder zu mir, sagende, Ihr Z. M. liessen mich fragen, ob von J. Kön. M. Ich einige ordre hätte was mündlich zu proponiren? Resp.: Es hätte der Grossmächtigste mein allergnädigster Königh vndt Herr mir in gnaden beuohlen einige andere guette sachen in einer geheimen Conferentz mündlich vorzutragen vndt beehrte, der Grosse Herr, J. Z. M. wolte geliebie, iemands auss dero vertrauten zu beordnen die meine rede anhören, Seiner Z. M. solche antragen vndt mir bescheidt vndt andtwortt drauff geben möchten, wiederumb stieg der Cantzler zum Grossfürsten vndt strax zurücke, sagende, weil J. Z. M. Ihr K. M. brieff von mir empfangen, wollten sie denselben übersetzen, sichs vobrliesen vndt J. K. M. eine freundliche andtwortt drauff werden lassen; dass ich auch vmb eine geheime Conference gebethen, wollten sie auff eine andere Zeitt einige Ihrer Rächte verordnen, die meine worte an horen vndt raport davon thun sollten, vndt mir andtwortt dahrauff geben lassen; stieg dahrnach noch einmahl zum Gross Fürsten vndt kabmb balt wieder an seinen ohrtt vndt saegte, wie J. Z. M. mich mitt dero Tisch begnadigten, vndt nachdehme Ich gebuhrender maessen dafür gedancket, mein reverence für den Grossfürsten, Grosse Herrn vndt Rächte gemacht hatte, gingk Ich wieder hinauss mitt meinen Pristafen vndt selben wegk zurücke и т. д.

кіе послы, затѣмъ намѣтилъ ли уже самъ король какое-нибудь мѣсто для конгресса и уполномоченъ ли Мюллеръ о такомъ говорить съ царскими комиссарами. Ему Мюллеръ отвѣтилъ, что въ Ревелѣ еще не получили конфирмаціонной грамоты короля, но ждутъ ее со дня на день, а что касается до мѣста и времени сѣзда, то король представилъ и то и другое царю.

За этимъ стали перебирать разные пункты, гдѣ бы было удобно сѣхаться; Мюллеръ называлъ Плюсу или какую-нибудь мѣстность около Дерпта и полагалъ возможнымъ сѣхаться уже къ началу сентября; такой срокъ царскіе комиссары нашли слишкомъ позднимъ и предложили какъ крайній срокъ половину августа ¹⁾.

За этимъ Мюллеръ выступилъ и съ вопросомъ, о которомъ въ королевскомъ письмѣ ничего не говорилось, но о которомъ ему поручено было устно переговорить съ царскими совѣтниками, именно о выдачѣ всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, какой бы націи и сословія они ни были, и не только тѣхъ плѣнныхъ, которые заключаются въ общественныхъ тюрьмахъ, но и тѣхъ, которые въ заключеніи у частныхъ лицъ ²⁾. Канцлеръ Алмазь отвѣтилъ, что изъ царскихъ тюремъ

¹⁾ ...Darnach fraegte Almas, was mein anbringen wehre? Drauff Ich wieder auffstandt, dass sie auch thaten, so lange beider Potentaten minderen tittul recitirete vndt vnss dan wieder setzende saegte, welcher gestalt denen guetten Herrn nicht vnbewust wehre, wie dass in dem 20 Dec. negst verflossenen 1658sten Jahres von beiden seits grossen Potentaten volmächtigten Gesantten, in Walliessaar getroffenem vndt geschlossenem, sambt mitt eydt vndt Creutzküssungh, befästigtem 3 jährigen Stillstands Contract, im 18 punct, ist beliebett vndt verabscheidett worden, dass zwischen den Grossmächtigsten Herrn, Jhr K. M. vndt den grossen Herrn, Jhr Z. M. Abgesante vndt Posten, mitt freundliche schreiben erstlich sollen geschicket werden, vmb zeitt, ohrtt vndt stelle zu berahmen, wanehr vndt woehr beider Grossen Potentaten grosse vndt vollmächtige Gesandten mitt die Confirmations brieffe, auff best. Stillstands Contract sich einander begegnen vndt zusammenkommen können...

²⁾ Darnach proponirete Ich, was maessen der grossmächtigster mein allergnädigster Köningh vndt Herr, I. K. M. ausserhalb meiner Instruction durch einen absonderlichen gnädigen brieff mir allergnädigst anbefohlen, bey der Grossen Herrn, Ihr Z. M. anzuhaltten dass alle Swedische gefangene, wass nation, standt vndt würden die auch sein können, nicht alleine diejehningen, welche in dess Grossen Herrn I. Z. M. publique gefängknusse gefangen bewahret werden, oder sonsten auss andere vhrsachen arrestiret vndt angehaltten worden seindt, sondern auch alle die, welche die Grosse Herrn Bajoren sambt particulier persohnen, wieder I. Z. M. wissen vndt willen, vndtergeschlagen haben, vndt heimlich bey sich behalten, mögen loss gelassen vndt ausgeantworttet werden, welches dan nicht mehr als billich undt den Walliessaarschen Stillstands pacten,

уже выпущены всё плѣнные, и что царь строго повелѣлъ и всёмъ частнымъ лицамъ отпустить находящихся у нихъ плѣнныхъ ¹⁾).

Мюллеръ продолжалъ указывать на большое число крестьянъ, принявшихъ православіе, которыхъ, несмотря на все ихъ желаніе вернуться на родину, не отпускаютъ. Многие дѣлали даже попытку тайно бѣжать, за что тяжко заплатились ²⁾. И это отвергалъ Алмазь, говоря, что всёхъ желающихъ вернуться въ Швецію отпускаютъ, но требуютъ, чтобы они были снабжены паспортами ³⁾. Если не отпускали вдову резидента де Роде, то потому только, что за ней были большіе долги.

Въ заключеніе Мюллеръ отъ имени короля просилъ, чтобы какъ только великіе послы придутъ къ русскимъ границамъ, имъ бы дали возможность—безъ замедленія—продолжать свой путь къ тому пункту, который будетъ избранъ мѣстомъ съѣзда царскихъ и королевскихъ комиссаровъ.

im 10 und 11 punct endthaltten, conform ist; wan dan hier in Reusslandt noch vnzehlich viele der Chronen Schweden vnderthane gefangene zu finden seindt, Ich auch etzlicher nahmen auff dem Wege erfahren, wie die Liste (so Ich vberreichte) aussweisett, als begehrete der Grossmächtigste Herr, Ihr K. M. der grosse Herr I. Z. M. wolle solchem Stilstands Contract zu folge, so woll diese auffgesetzte, vnumbgetauffte und umb welcher willen bey den tractaten viel geredet undt angehaltten worden vndt sich gehrne nach Ihre vohrige, wohnstätte wiederumb begeben wollten, auch keine lust hier im lande zu bleiben haben, auffsuchen undt frey heraus ziehen lassen, welches dan eine bessere vertrawligkeit zwischen beide grosse Potentaten, auch die wiederbringungh dess gewvnachten Ewigen friedens, so viel zu mehr wirdt veruhrsachen undt befodern helfen.

¹⁾ Woher auff der Almas geandworttet, was diejehnige gefangene belanget so in I. Z. M. publike gefängknusse gesessen, wehren die nunmehr alle loss-gelassen, so viel man deren gehabt undt hätten I. Z. M. ein scharffes Edict lassen ausgehen, wegen die, so die Bojaren vndt particuliere an sich gebracht, das sie sie ohne einige wiederrede angegeben undt aussandtworten sollen, behalben die umbgetauffte deren man sich in den tractaten vohrbehalten.

²⁾ Weiter redete Ich wegen die Bawren undt andere, die vntter I. K. M. juridiction den Russischen glauben gehabt undt Ihnen solches nit benommen gewesen, wohrumb man den diejehnigen nicht liesse frey nach Ihre vohrige wohnstellen ziehen, dahrhin sie mitt schmerzen verlangen, müssen sich heimlich auss Reusslandt ausstehlen, deren dan viele ertappet, dess Ihrigen beraubett, vbell tractiret auch wohl gahr thodt geschlagen worden.

³⁾ Respondebat Almas: diejehnigen, so den russischen glauben zu vohr vntter die Chronen Schweden gehabt, denen seys erlaubet nach Ihre vohrige wohnstellen wieder zu ziehen, daferne sie keine lust zu bleiben hätten, alleine dass sie sich bey die woywoden angeben undt salvos conductos von Ihnen nehmen als dan sie von niemandt wurden molestiret werden..

Алмазъ просилъ дать ему письменное изложеніе всѣхъ пунктовъ, о какихъ имѣлъ Мюллеръ порученіе переговорить на конференціи, что Мюллеръ и исполнилъ на слѣдующій день.

До слѣдующей конференціи Мюллеръ занятъ былъ собираніемъ всякаго рода новостей, которыя доставлялись ему какимъ-то грекомъ и евреемъ. Всего болѣе пришлось ему слышать съ театра войны съ поляками и татарами; онъ нѣсколько разъ говорить о пораженіи Трубецкаго, потерявшаго болѣе 50.000 чел., сообщаетъ рядъ свѣдѣній о судьбѣ шведскихъ плѣнныхъ (со словъ еврея), о запрещеніи шведамъ выходить въ городъ — изъ опасенія, какъ бы они не прослышали о неудачахъ русскихъ въ войнѣ и т. д. Перваго іюля Мюллеръ услышалъ отъ своего грека о намѣреніи царя отправить гонца въ Венецію, съ цѣлью побудить республику продолжать войну съ султаномъ, который сталъ грозить и Москвѣ.

5-го іюля Мюллеру обѣщали, что онъ снова будетъ допущенъ до аудіенціи у царя, чтобы получить отъ него отпускъ, послѣ чего онъ немедленно долженъ будетъ возвратиться въ Швецію. И дѣйствительно 5-го іюля состоялась его прощальная аудіенція у Алексѣя Михайловича. Канцлеръ сообщилъ ему, что царь прочиталъ королевскую грамоту и шлетъ ему отвѣтъ.

Послѣ этого Алексѣй Михайловичъ всталъ и повелѣлъ Мюллеру передать его привѣтъ королю Швеціи Карлу Густаву; затѣмъ, взявъ у канцлера свой отвѣтъ королю, вручилъ его посланнику. Кончилась аудіенція, по обычаю, цѣлованіемъ царской руки и пожалованіемъ посланнику царскаго стола.

Мюллеръ получилъ къ вечеру этого дня еще и подарокъ отъ царя — прекрасныхъ соболей, оцѣненныхъ въ 160 риксдалеровъ; соболя были пожалованы и его переводчику и слугамъ.

6-го числа приставъ напомнилъ Мюллеру, что такъ какъ миссія его исполнена, ему не зачѣмъ долѣе оставаться въ Москвѣ, онъ долженъ спѣшить своимъ отъѣздомъ. Мюллеръ просилъ дать ему еще нѣсколько дней для улаженія собственныхъ своихъ дѣлъ, указалъ и на то, что онъ еще не получилъ никакого отвѣта на свою пропозицію, переданную имъ царскимъ комиссарамъ на конференціи. Когда новый приставъ явился къ нему съ тѣмъ же напоминаніемъ — скорѣе покинуть Москву, Мюллеръ выразилъ сожалѣніе, что послѣ такого дружественнаго приѣма его теперь выпроваживаютъ, какъ какогонибудь шпіона. Ему и свитѣ его въ послѣдніе дни не позволяли даже выходить. Какъ оказалось, причиною всего этого было опасеніе, какъ бы

Мюллеръ не былъ свидѣтелемъ ужасныхъ потерь, понесенныхъ русскими въ войнѣ съ крымскими татарами: въ Москву ожидались остатки войска, раненые и убитые ¹⁾). Польскаго посланника пана Масальскаго держали въ еще большемъ уединеніи отъ всѣхъ.

7-го числа Мюллеръ получалъ отвѣтъ на свою пропозицію; ему обѣщали также возвратить всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ. Теперь уже повода оставаться въ Москвѣ не было, и Мюллеръ сталъ собираться спѣшно въ путь. Въ тотъ же день къ вечеру онъ уѣхалъ.—Изъ писемъ его къ королю видно, что онъ не совсѣмъ-то былъ доволенъ своею миссіей; онъ не довѣрялъ русскимъ и боялся, что они своего обѣщанія о плѣнныхъ не выполнятъ ²⁾). Въ день отъѣзда Мюллеръ узналъ слѣдующія подробности съ театра войны: Выговскій, съ многочисленнымъ войскомъ венгровъ, татаръ и нѣмцевъ, перешелъ Днѣпръ, осадилъ Конопатово и наголову разбилъ Трубецкаго; collega послѣдняго Пожарскій палъ; Шереметевъ запертъ въ Кіевскомъ кремлѣ, городъ занятъ Выговскимъ, который успѣлъ и Ромодановскаго обратить въ бѣгство у Лубна. Куракину онъ преградилъ путь къ соединенію съ Трубецкимъ. Разбитъ, по слухамъ, и князь Петръ Лобановъ-Ростовскій у Могилева. Дорога къ Москвѣ такъ затруднена, что курьерамъ нѣтъ возможности проникнуть въ Смоленску ³⁾).— Въ виду такого пораженія своей арміи ⁴⁾, Московское правительство

¹⁾ Dadurch vnserer Principalen zu andere gedanken bringen.

²⁾ Wegen die Gefangene vmb welcher wille meinen höchsten fleiss gethan, auch deren nahmen so hin undt wieder aussforschen können, vbergeben, habe am grossfürstlichen hoffe eine grosse unbestendigkeit, der Reussischen angebohrnen ahrt nach, gespühret, alldieweil man mir anfangs verheissen, alle diejehnigen so man bekommen könnte, mitt mir wegk zulassen, beyrn abzuege aber mir nicht einen einzigen folgen lassen wollen, sondern dieselben nachzusenden belobett, auff welcher leutte zusage aber wenig zu bawen stehett.

³⁾ Und sey der wegk nach der Moskow demmassen versperret, das keine Courier von oder zu den Reussischen generalen durchkommen können.

⁴⁾ Wie disse zeittungk für meinem abreisen in Moskow erschollen, der effect es auch aussgewiesen, nachdemahn zwo furnehmer reussischer Generalen, als der Knäsen Poscharsckij undt Prosorofskoy todte Cörper nebenst anderer furnehmen erschlagenen herrn, dess morgens frühe, als ich vohrigen abendts meinen abscheitt bekommen, in der taegungh eingeholett wurden, ist ein grosses Lamentiren undt perplexitet hiedurch entstanden. Es seindt auch 2 tage zuvohr alle Herren im Rahte gewesen, undt den gantzen taegh consilia geschmiedet, wie diesen vbell zu wehren stünde, wohrauff drey Regimente oder Prikasen Moskowsche Streltzen untter Dolgoruka undt Bogdan Matfewitz Gytroof zum secours verordnet, zu welchen auss allen stätten die Völker so in bereitschaft gefunden worden, stossen sollen undt wirdt de novo der flunfte man eylends durch gantze landt auffgebotten.

напрягаетъ всѣ силы къ новому походу; въ Москвѣ боятся, какъ бы шведы, прослышавъ о страшномъ пораженіи русскихъ войскъ, не измѣнили своему намѣренію. Правительство ничего такъ не желало, какъ твердаго мира съ Швеціей, и надѣется, что отъ Швеціи получить Ингрію и Карелію взамѣнъ тѣхъ городовъ, которые они — русскіе—занимали въ Ливоніи и готовы очистить для шведовъ ¹⁾).

Одновременно съ пребываніемъ Мюллера въ Москвѣ въ Стокгольмъ отправленъ былъ русскій посланникъ Михайлъ Майровъ. 10-го апрѣля онъ прибылъ въ Стокгольмъ. Король былъ въ Кроноборгѣ, гдѣ и принялъ Майрова 9-го мая. 25-го числа онъ получилъ уже отпускъ. 1-го іюля—онъ вернулся въ Москву; въ письмѣ царя къ королю заключались слѣдующіе вопросы: гдѣ, по мнѣнію короля, всего удобнѣе съѣхаться представителямъ обоихъ государствъ и когда. Царь называлъ въ своемъ письмѣ и лицъ, назначенныхъ имъ для будущей конференціи. Во второмъ письмѣ царя заключалась просьба—освободить изъ плѣна герцога курляндскаго и даровать герцогству нейтралитетъ. Король отвѣтилъ отдѣльно на каждое письмо царя. На первое — что имъ уже избраны и назначены лица для участія въ конгрессѣ, который онъ полагалъ бы всего удобнѣе созвать между Ригою и Кокенгузеномъ. Во второмъ письмѣ король пояснялъ царю, что не можетъ исполнить его просьбу относительно нейтралитета Курляндіи и освобожденія герцога.

Пограничный съѣздъ для установленія новой границы открылся 13-го іюля въ деревнѣ Томсдорфъ ²⁾). Здѣсь возникли споры о количествѣ территоріи, долженствующей быть уступленной Россіи на время перемирія. Рѣшено было, для разрѣшенія сомнѣній, обратиться съ запросами къ Горну и Ордынъ-Нащокину. Шведы, между тѣмъ, въ виду опасности, какую представлялъ Томсдорфъ отъ набѣговъ поляковъ, ушли въ Руммельшанцъ, расположенный ближе къ Ригѣ.

Переговоры о границахъ возобновились 1-го августа. Шведы предлагали считать 21-го мая исходнымъ пунктомъ, то-есть все, чѣмъ русскіе владѣли до этого числа, считать за ними, но не больше. Русскіе требовали себѣ земли вокругъ Кокенгузена, какъ принадле-

¹⁾ Mitt den schweden haben die Reussen grosse inclination nicht alleine den getroffenen dreijährigen stillstandt vnverbrüchlich zu halten, sondern auch den ewigen frieden wiederumb zu vernewen, doch restitutione Ingriae et Careliae, hingegen die in Liefelandt occupirete stätte wieder abzutretten undt alle die dhrtter von Ihrer seite zu quitiren.

²⁾ Ср. Nordwall, 26.

жавшія къ этой крѣпости, и не желали отъ этого требованія отступать. Въ половинѣ августа и шведы, и русскіе покинули Томсдорфъ, не достигнувъ здѣсь никакихъ результатовъ.

Въ 1659 г. Карлъ X снарядилъ великое посольство къ царю для передачи послѣднему своей ратификаціи Валесарскаго перемирія и для переговоровъ о заключеніи мира. Посольство состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Бенгта Горна, Банера, Вестринга и Вальвика. Съ русской стороны послами явились Афанасій, Ордынъ-Нащокинъ, Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьяки Дохтуровъ и Юрьевъ.

Инструкція шведскихъ пословъ состояла изъ 22-хъ §§. Въ ней заключались и условія, при которыхъ король считалъ возможнымъ миръ съ Россіей. Первымъ условіемъ—*conditio sine qua non*—было возвращеніе шведамъ всѣхъ занятыхъ русскими шведскихъ земель и Динабурга. Далѣе — король требовалъ себѣ и сатисфакцію за потери, понесенныя имъ въ войнѣ, начатой по винѣ Россіи. Первоначальный проектъ сатисфакціи прямо поражаетъ своею громадностью; король требовалъ уступки ему такъ называемой Польской Ливоніи, занятой русскими въ войнѣ съ поляками, затѣмъ Кексгольмской области и русской части Лапмаркена, Каргополь, Онежское озеро, земли между Онегой и Ладогой и воеводства Полоцкое и Витебское. Посламъ разрѣшалось „торговаться“ и уступить, стоять надлежало лишь на уступкѣ польской Ливоніи, за которую король готовъ былъ даже заплатить до 380.000 риксдалеровъ. Секретный ультиматумъ гласилъ: послы должны добиться того, чтобы Россія навсегда оставила притязанія на всю Ливонію, то-есть включая сюда Курляндію и Семигаллію, чтобы она гарантировала за Швеціей ту часть Ливоніи, которую она отвоевала у Польши. Наконецъ, въ инструкціи посламъ высказано и желаніе выяснитъ всѣ *gravamina*, какія шведы еще въ 1655 году изложили въ особомъ меморіалѣ. Въ особенности послы должны были настаивать на правѣ свободной торговли для шведовъ въ Россіи.

Въ августѣ шведскіе послы были въ Ригѣ, русскіе въ Кокенгузенѣ; между ними завязалась оживленная переписка относительно мѣста съѣзда; русскіе предлагали Ленварденъ, Шведы-Рённебургъ. Только въ половинѣ сентября согласились собраться въ томъ же мѣстѣ, гдѣ собирались пограничные комиссары, то-есть въ Томсдорфѣ. 26-го сентября происходила первая конференція. Ордынъ-Нащокинъ полагалъ, что цѣлью конференціи должно было быть сличеніе ратификаціонныхъ грамотъ, а затѣмъ переговоры о мирѣ. Горнъ съ этимъ не согласился; для переговоровъ о мирѣ Томсдорфъ, по его мнѣнію, со-

вершено не подходящее мѣсто. а затѣмъ до всякихъ переговоровъ о мирѣ — такъ гласила инструкция короля — ему, Горну надлежало передать царю ратификаціонную грамоту своего государя. Когда затѣмъ Нащокинъ просилъ Горна высказаться относительно условій мира, онъ также отказался. На слѣдующихъ конференціяхъ занялись разсмотрѣніемъ копій полномочій той и другой стороны.

Новыя попытки Ордынъ-Нащокина въ Томсдорфѣ же начать переговоры о мирѣ оказались совершенно неудачными. Рѣшено было сойтись для послѣдней цѣли въ другомъ мѣстѣ, между Дерптомъ и Гельметомъ, и испросить у своихъ государей новыя полномочія.

При разставаніи Горнъ и Нащокинъ увѣряли другъ друга, что ни Швеція, ни Россія не воспользуются союзомъ, предлагаемымъ Польшей, во вредъ другъ друга.

Новый съѣздъ шведскихъ и русскихъ представителей состоялся въ октябрѣ и ноябрѣ 1659 г. въ селеніи Пюхестекюлэ. Горнъ какъ разъ въ это время получилъ отъ Карла X новое письмо, въ которомъ король настоятельно убѣждаетъ его добиться мира съ русскими. Первая конференція открылась 27-го октября. Рѣшено было, что каждая сторона представить свой проектъ мира; первые представили свою пропозицію русскіе. Въ ней миръ признавался возможнымъ лишь при условіи, что Швеція уступить Россіи завоеванныя ею области, затѣмъ Ингерманландію и ту часть Корелии, которая еще оставалась у шведовъ. Шведы въ своей пропозиціи предлагали, чтобы все оставалось такъ, какъ было до войны, чтобы русскіе уступили шведамъ свою часть Корелии, Лапмаркенъ и Каргополь. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ сдѣланы были уступки тою и другою стороною: русскіе оставили требованіе шведской Корелии, шведы не настаивали болѣе на уступкѣ имъ русской Корелии. Затѣмъ, русскіе, соглашаясь на сохраненіе status quo, требовали, чтобы исходною точкою его былъ не Столбовскій миръ, а Тязинскій (о первомъ русскіе говорили съ большимъ неудовольствіемъ), другими словами они требовали себѣ Ингерманландію.

За уступку Ингерманландіи, сказалъ Нащокинъ, царь готовъ помочь Швеціи противъ Польши, готовъ заплатить значительную сумму денегъ. Ужь если не всю Ингерманландію, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ уступить Россіи Ивангородъ и Ямъ съ ихъ округами, заявилъ русскій дипломатъ.

Шведы также оставили требованіе Каргополя, но это была ихъ послѣдняя уступка, сказалъ Горнъ. Однако на слѣдующей пятой конфе-

ренціи онъ уже согласился на миръ, при условіи возстановленія *status quo ante bellum*. Это былъ ультиматумъ шведовъ. Если такъ, сказалъ Нащокинъ, миръ невозможенъ.

Конференція была окончена. Такъ какъ мира не могли заключить, оставались при Валіесарскомъ перемиріи. Русскіе уѣхали въ Дертъ, шведы въ Ревель.

Въ началѣ слѣдующаго 1660 года (13-го февраля) умеръ Карлъ X. Полномочія пословъ потеряли теперь свою силу, ихъ слѣдовало возобновить. 17-го марта регенты отправили посламъ и пограничнымъ комиссарамъ новыя инструкціи. Въ Москву для извѣщенія о смерти Карла X отправленъ былъ Эберсъ. Какъ разъ въ это же время — начало 1660 года — Московское правительство отправило въ Стокгольмъ дьяка Григорія Богданова. Въ маѣ онъ прибылъ въ Стокгольмъ, 17-го числа онъ принятъ былъ въ аудіенціи регентами. Онъ передалъ молодому королю грамоту царя Алексѣя, датированную 16-го декабря 1659 года.—Письмо написано было вслѣдъ за полученіемъ вѣсти объ исходѣ сѣзда въ Пюхестеколя. Царь высказываетъ желаніе, чтобы переговоры продолжались на новомъ сѣздѣ въ маѣ 1660 года

5-го іюня Богдановъ получилъ отпускъ; въ письмѣ къ царю регентовъ — послѣдніе винили русскихъ въ замедленіи переговоровъ и въ свою очередь высказывали готовность продолжать ихъ.

Весною 1660 года въ Москву отправленъ былъ Адольфъ Эберсъ; онъ долженъ былъ извѣстить царя о смерти Карла X и о вступленіи на престолъ сына его; затѣмъ, указавъ на мирный договоръ, заключенный Швеціей въ Оливѣ съ Польшей и Бранденбургомъ, ходатайствовать о скорѣйшемъ назначеніи мирнаго конгресса въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ—русскихъ или шведскихъ—для замѣны перемирія прочнымъ миромъ ¹⁾).

23-го апрѣля Эберсъ прибылъ въ Ревель. Генераль-губернаторъ Ревеля далъ знать тотчасъ же новгородскому воеводѣ, чтобы онъ приготовилъ все необходимое для шведскаго комиссара, отправляющагося въ Москву къ царю—по порученію своего государя. Только 22 мая получили отвѣтъ отъ воеводы: оказалось, что онъ долженъ былъ послать нарочнаго въ Москву и только по его возвращеніи могъ дать посланному генераль-губернатора отвѣтъ. 31-го мая Эберсъ

¹⁾ См. въ Стокгольмскомъ архивѣ—*Commissarien Adolf Ehbbers Journal 1660.*

двинулся въ путь изъ Нарвы. Его на границѣ встрѣтилъ приставъ ¹⁾).

Приставъ заявилъ Эберсу, что уполномоченъ псковскимъ воеводою Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ принять его, снабдить всѣмъ нужнымъ ²⁾ и сопровождать до Новгорода.

Оказалось, въ приставѣ Эберсъ нашелъ стараго знакомаго; они дружески разговорились, при чемъ разговоръ вели по русски (Эберсъ зналъ этотъ языкъ). Приставъ неоднократно заявлялъ, что всѣ въ Россіи жаждутъ мира, что во всей войнѣ *виновенъ одинъ Нацокинъ* ³⁾.

¹⁾ Sara Metrofanowitz Kusetzkoï... lag aber über den fall undt ich vnter den fall, biss dess andern tages wie ich über den fall wahr, sante ich meinen tolcken auff der ander seiten zu ihn hinüber vndt liess Ihm fragen, ob er order hatte mich zu empfangen, wohrauff der tolck wieder zurück kahn, vndt brachte bescheidt, ja er wehre derselbe vndt wehre schon vohr 4 tagen aldahr angekommen. Er wolte mich auff den kleinen Eylandt welcher mitten in der Luga Strohm wehre empfangen, vndt wolte alsobaldt sich dahin begeben, wen ich mich auch dahin verfügen wolte, welches recht wohl kahn, sonstn solte er mich mitten auffm Strohm haben entgegen genommen, Also gingen wier beyder seites vom lande ab vndt kahmen auff dem Eylande zusahmen, vndt kahn er ehe auff den Eylandt mit einen schreiber vndt 5 streltzen vndt nahm sein Mütz auch ehe ab vndt gab mier die handt, Ich gedachte er würde mier erst anreden, aber er stundt vohr mier vndt schwieg gantz still, darauff fing ich anzureden.

²⁾ Вотъ содержаніе, какое отпускалось посланнику и его свитѣ: wart also vohr mier gegeben auff einer tag 1 copeck weiss vndt 1 kopek roggen brodt, 1 Huen, 1 stuck rindt vndt 1 stk. schaffs fleisch, 8 Eiger, $\frac{1}{2}$ pf. butter.—An getrenk 4 schalen dubelten brendtwein, 2 stopf Medht vndt 2 stopf biehr, vohr meine 5 vohrnehmste leute als 3 Hoffjuncker, ein schreiber vndt tolck auff einen tag auff einen jglichen 1 weiss vndt 1 Roggen broht, vohr 2 Persohn 1 st. rindt vndt 1 st. schaffs fleisch vndt 5 Eyer auff die man, an getrencke a man 3 schalen schlechten brantwein, 1 stopf biehr, 1 stopf Medht den tag, an meine 6 st. diener vndt jungens einen jglichen ein weiss vndt roggen brodt den tag zu ein copek. 3 Persohn ein stuck rindt fleisch, getrencke ein jeden 2 schalen schlechten brandtwein, vndt 1 stopf biehr auff einen gantzen tag. Welches gahr zu wehning wahr, belobeten zu Nougorodt zu verbessern. Noch bekahmen wier essig, saltz, grütz, honig, zwiebeln, knoblauch so viehl wier nötig.

³⁾ ...den Ihre leute wehren schon dess krieges über driessig, vndt gott vergebens den jenigen, welche die beyde Potentaten hetten zusahmen gebracht, Ich antwortete negst gottes hülffe bekommen die beyden Potentaten wohl mit einander frieden. Wohrzu Ihr K. M. schon vohr ein geraume zeit Ihr grosse H. H. gesandten vmb den Ewigen frieden zu tractiren vndt wehre zu wünschen dass sie von Ihrer seiten es so trewlich zum frieden gemeint hetten, als die unssrigen, so hetten wier vielleicht schon den lieben frieden gehabt, der Pristaff day bog mier vndt sagte mier sachte ins ohr, Naschockin winowat ist schuldig daran.

10 іюня Эберсъ прибылъ въ Новгородъ; онъ остановился на Любекскомъ дворѣ. И въ Новгородѣ всѣ высказывали желаніе скорѣйшаго мира со Швеціей. Въ Новгородѣ не осталось вовсе войска: все оно отправлено было къ польскимъ границамъ ¹⁾. Эберса спрашивали здѣсь объ отношеніяхъ Швеціи къ Голландіи, Польшѣ и Даніи; когда переводчикъ Роситень узналъ, что со всѣми этими державами уже заключены мирные договоры, онъ какъ будто не повѣрилъ; въ особенности обнаружилъ онъ недовѣріе къ соглашенію, достигнутому будто бы съ Даніей ²⁾.

Воевода отнесся къ Эберсу съ большимъ гостепріимствомъ, что Эберсъ неоднократно отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ. Онъ выразилъ желаніе закупить въ Швеціи мѣди въ количествѣ ста шифпундовъ, но предлагалъ за шифпундъ всего 50 рублей. За эту цѣну ему не купить мѣди, отвѣтилъ Эберсъ, впрочемъ онъ напишетъ о его желаніи въ Нарву одному изъ шведскихъ комиссаровъ ³⁾.

14-го іюня Эберсъ уѣхалъ изъ Новгорода. 27-го онъ былъ въ Москвѣ. Предъ вѣздомъ въ столицу новый приставъ представился посланнику шведскаго короля ⁴⁾.

29-го іюня Эберсу дана была аудіенція, на которой онъ передалъ царю королевскую грамоту. До аудіенціи онъ имѣлъ продолжительный разговоръ въ приказѣ съ думнымъ дьякомъ, который предложилъ ему рядъ вопросовъ о его миссіи, о времени прибытія великихъ пословъ и такъ далѣе. И онъ, и подъ-канцлеръ распространились предъ Эберсомъ о пораженіи, нанесенномъ русскими татарами:

¹⁾ In Nougrod ist gantz kein volck, seint mächtig bange vohr die schweden vndt wünschen alle leute den frieden, haben mier überall unter wegs gefragt ob ich mit gute sachen an Ihr Z. M. abgefertiget wehre, Ich sagte—ja freylich, auch sagten sie gott gebe vnss frieden mitt die Ewrigen. Ich antwortete da wehre nicht an zuzweifeln, sie haben alle Ihre fólcker von Olonetz vndt auss dem Onegischen weg gegen den Pohlen gesandt, dass also dass landt mächtig von Volck entblósset ist.

²⁾ Rositen fragte mier ob es gewiss mit Polen friede wehre, vndt wie es mit Hollandt undt Denmarcken stunde, gab ihm wass nötig wahr zur Antwort, als dass wier nicht allein mit Polen, sondern auch mit dem Rómischen Keyser vndt Cuhrfursten von Brandenburg vndt den Hollendern schon Friede hetten, vndt mit Denmarcken wehre es auch schon mehrentheilss klahr, schüttelt mit den Kopf vndt sagte wie kan dass móglich sein. Ich sagte, ja dass ist móglich vndt auch wahr.

³⁾ Подробности въ „Журналѣ“ Эберса.

⁴⁾ О встрѣчѣ ихъ забавныя подробности въ „Журналѣ“...

Хмѣльницкій вынудилъ Витовскаго отступить и взялъ въ плѣнъ его жену.

Царь, принявъ отъ Эберса грамоту короля, передалъ ее думному дяку, затѣмъ вставши, спросилъ о здоровіи короля ¹⁾. За этимъ слѣдовало обычное цѣлованіе царской руки и пожалованіе посланника царскимъ столомъ.

На аудіенціи шведскаго посланника царь имѣлъ по правую руку отъ себя Стрѣшнева, по лѣвую Салтыкова. Его окружали 16 совѣтниковъ—всѣ съ непокрытыми головами ²⁾.

Письмо короля передано было переводчику для перевода его на русскій языкъ. Эберсу обѣщали скоро дать отвѣтъ.

Эберсъ и его свита пользовались ббльшей свободой, чѣмъ обыкновенно выпадало на долю иностранныхъ епоуе; такъ они могли выходить по двое и по трое въ городъ, закупать тамъ все имъ нужное. Эберсъ пользовался такою свободою, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ въ Москвѣ: слухъ о пораженіи Хованскаго подтверждался; готовились къ новому походу; въ Москвѣ небывалая дороговизна. Четверть ржи стоила 2 рубля, овса — рубль 20 коп. Цѣны поднялись на всѣ жизненные продукты вдвое и втрое ³⁾. Часто къ Эберсу заходилъ его приставъ; тутъ разговоры были самые разнообразныя. Вспоминали событія послѣдней войны, неудачу подъ Ригой и др. ⁴⁾.

¹⁾ Darnach nahm ich den Kön. brieff vndt machte mein Reverentz vndt ging recht zum zaaren vndt praesentirte es Ihm welcher es mitt seinen Eigenhenden angriff vndt stundt der dumnoj diak nahe dabey, welcher dass schreiben geschwinde empfang vndt legte es mit den taft auffs fenster vndt lieff wieder eilents zu den zaarn, darauff stundt der zaar auss seinen Troon recht auff vndt fragte Der Konig zu schweden Carell vnsser Nachbahr lebet er noch gesundt vndt darauff setzte er sich...

²⁾ Bey den Zahren stundt auff der rechten handt sein mutterbruder Reichsraht Simmon Lukianowitz Stresnof vndt hielt Ihm seine handt, auff der lincken seiten Michaila Michalowitz Soltikof, Reichsrähte sasen 16 Persohn alle ohn bedeckten heuptern, wahrunter Knes Iwan Simmonowitz Prosorofskij auch wahr, welcher gesanter zu Walesar wahr, vohr Ihm stunden 4 okolnitzen mit grosen beylen zu jeder seiten 2, alwor wier sämptlich müsten durch gehn, vndt wahren viehl von seinen stolnichen alls junge Herren mit im Sahl.

³⁾ In Moscou ist alles unerhörlich tewr als en Zetfert rogen 2 Rubell. Dito Maltz 150 kopek, haber 120 kopek, vhor ein bressum 2 Rubell, vohr ein schaff 70 a 80 kopek. Rindtfeisch dessgleichen tewr vndt alle andere sachen 3 dubbelt gegen dass vohrige.

⁴⁾ Sagte sie hetten Riga wohl bekommen, aber vohr die Statts graben wehren sie bange gewesen, hetten auch Ihre leute dess Nachtes aussgehabt, welche die graben gemessen wie tief sie, wehren.

Приставъ сообщилъ Эберсу о значительной поддержкѣ, какую поляки получаютъ отъ императора, распространялся о неискренности миролюбивыхъ заявленій поляковъ ¹⁾. Въ одно изъ посѣщеній пристава Эберсъ заявилъ ему, что король выразилъ желаніе, чтобы онъ Эберсъ занялъ въ Москвѣ мѣсто де-Роде въ качествѣ шведскаго комиссара и чтобы въ его вѣдѣніе передали шведскій дворъ. Эберсъ просилъ пристава заявить объ этомъ думному дьяку. Безъ комиссара шведская торговля не можетъ успѣшно развиваться. Желательно было бы также и въ Новгородѣ регулировать торговныя сношенія съ шведами ²⁾.

Приставъ все это замѣтилъ себѣ для памяти и заявилъ, что, по его мнѣнію, эти вопросы не могутъ быть рѣшены до заключенія окончательнаго мира. Онъ обѣщаль однако сообщить обо всемъ думному дьяку ³⁾.

3-го іюня приставъ отъ имени думнаго дьяка заявилъ Эберсу, что

¹⁾ Berichtet auch weiter dass Ihre gesandten, audofskoj vndt almas zwar nach Borissof nach den Polnischen tractaten wehren verweist gewesen, weilen sie aber der Pohlen Ihre falscheit gesehen, vndt dass sie gemercket dass sie nur, von Ihnen auff gehalten wurden, so lange biss sie eine arme zusahmen brachten, also haben die rusche gesandten sich wieder zuröcke gezogen vndt seindt jtz in Smolensko alwo sie biss weiter order verbleiben sollen.

²⁾ Also fing ich an vndt sagts dem Priestafen das Ihr K. M. an Ihr Z. M. vmb meine Persohn hetten geschrieben dass mier solte der Swedische Hoff eingewiesen werden vndt dass ich in dess schl. Commissarie de Rodes stelle solte auff selben hoff Commissarius bleiben. Also wolle der Priestaff wohl tuhn vndt wolle solches dem dumnoi diaken anbringen dass ich hier vmb auff Ihr Königl. befehl anhalte, dass mier der Schwedische handelsshoff möge, laut den Walisarischen Vertrag im 6 vndt 7 Capit: eingewiesen werden, vndt dass ich vor Ihr K. M. befehl auff selben hoff wegen der handlung alss Commissarius zu verbleiben, umb den handell zu befodern, den so lange keiner von Ihr K. M. (umb den handell zu befodern) auff den hoff ein gesetzt were darffte auch niemandt von andern Schwedischen Kauffleuten dahin kommen, die Ihren handell da könten führen. Von den Nougredtischen hoff gedachte ich auch dass der auch möchte eingewiesen werden, weilen einer dahin wegen dess handelss verordnet wehre.

³⁾ Der Priestaff beehrte feder vndt bläck vndt zeichnet alles auff wass ich ihm gesagt, sagte aber wie kan dass gescheen so lange es nicht recht friede ist, wen es recht friede wurde, so wurden die höfe vnss woll wieder eingereumet werden. Ich antwortete es wehre ja auff 3 Jahren ein Stillstant geschlossen, vndt stunde expres im Walisarischen vertrage dass die handelss höffe solten nach dem vohrigen verbleiben. Der Priestaff sagte es wehre guht er wolte alles dem dumnoi diaken vuterlegen welcher es weiter bey Ihr Z. M. könte anbringen vndt wolte mier bescheidt darauff schaffen vndt baht Ihm er möchte mir baldt bescheidt darauff schaffen. Ritte vort vndt wass er vohr bescheidt von den dumnoi diaken bekehme davon wolte er mier baldt bescheidt bringen.

въ королевской грамотѣ дѣйствительно упоминалось о востановленіи въ Москвѣ должности комиссара, но что въ Валіесарскомъ перемиріи объ этомъ нѣтъ ни слова: говорится въ немъ только о передачѣ шведскими купцамъ ихъ дворовъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Въ подтвержденіи этого онъ привелъ и выдержки изъ перемирія—§§ 6 и 7 ¹⁾.

Эберсъ отвѣчалъ: да вѣдь комиссарій—тотъ же купецъ, которому его государь предписываетъ слѣдить за торговлей и всѣми мѣрами содѣйствовать преуспѣянію ея ²⁾. Слѣдовательно ему и долженъ быть предоставленъ торговый дворъ. Когда приставъ далѣе указалъ на то, что въ Швеціи нѣтъ русскихъ комиссаровъ, Эберсъ возразилъ, что это всецѣло зависитъ отъ царя; но что многіе русскіе по году и болѣе проводятъ въ Швеціи, Ревелѣ и Нарвѣ, устранивая тамъ свои торговыя дѣла ³⁾. Не тѣ ли же это комиссары, наивно ставилъ вопросъ

¹⁾ Den 3 dieses kahn der Priestaff wieder auss der Priekass brachte bescheidt ss er laut begehren alles dem dumnoi diaken hette angebracht, woher auff der dumnoi diak geantwortet, Ihr K. M. zu Schweden hetten zwar wegen Adolph Ehbers geschrieben dass Ihm der Schwedische handelss hoff solte eingewiesen werden vndt dass er wegen der handlung solte in dess sehligen Iohan de Rodes stelle Commissarius auff dem hoff verbleiben aber solches wehre dem Walisarischen frieden nicht gemess, sondern da stunde dass den Kauffleuten solte ein freyer handelshaus in Moscou wie auch in Nougrodtt vndt Plesscow frey gelassen vndt eingegeben werden, aber da stunde von keinen Commissario in, vndt habe er in gegenwart dess Priestawen den 6 vndt 7 Cap. in Walisarischen schluss durchgelesen vndt aussschreiben lassen.

²⁾ Darauff antwortte ich dass ein Commissarius, der von Ihr K. M. verordnet wehre den Hoff zu wohnen nicht anders wehre als ein Kauffman, den er wehre dar zu verordnet, dass er dem handell befodern solte, vndt Ihr K. M. vntersassen als Kauffleute in Ihr Z. M. lande bey Ihr Z. M. befoderlich zu sein, vndt sie in Ihrer rechmessigen Sachen zu recht verhelffen vndt wurde ich darumb auch nicht stille sitzen, ob ich schon den Nahmen von einen Commissarie führte, sondern den handel eben woll, als andre Kauffleute vort stellen, darumb hette ich den Nahmen Commissarii, weilen Ich alle Zeit zur Stelle müste sein, vndt müste ja einer von Ihr K. M. sein welchen der Hoff müste eingewiesen werden.

³⁾ Darauff antwortete der Pristaff, wen Kauffleute von Eich kommen, so sollen Ihnen der Hoff eingewiesen werden. Ich sagte K. M. wurden nicht eben durch Kauffleute an Ihr Z. M. solches schreiben. Der Pristaff sagte weiter Ihr Z. M. hetten ja keinen von Ihrer Seiten in Schweden. Ich antwortte dass stunde Ihr Z. M. frey wen sie wolten könten sie Ihre leute dar auch halten, vndt wüste ich viel russen, welche unterweilen über ein Jahr in Stockholm legen, wie auch in Rewall vndt nun noch in Narwa hetten sie einen, der wegen dess Kupfers auffkauff schon über ein Jhar alldahr gelegen, dass würde Ihnen woll vergünt vndt gantz nicht verdacht vndt hette alle woche 2 à 3 Poste nach Russlandt vndt wieder zurück.

Эберсъ. Приставъ обѣщаль и эти мотивы Эберса передать думскому дьяку.

До слѣдующаго свиданія съ приставомъ Эберсу удалось собрать рядъ свѣдѣній о пораженіи Хованскаго, объ иностранныхъ офицерахъ, служившихъ у русскихъ — шотландцахъ и нѣмцахъ, о числѣ павшихъ и т. д. ¹⁾.

5-го іюля Эберсъ получилъ отвѣтъ отъ думнаго дьяка по вопросу о торговыхъ привилегіяхъ и о комиссарѣ. Онъ—дьякъ доложилъ объ этомъ царю и вторично заявляетъ Эберсу, что въ договорѣ о перемиріи не упоминается о комиссарахъ и что отъ послѣднихъ много было вреда и неприятностей, одни изъ нихъ вели контрабандою торговлю табакомъ и водкою,—шведы ссорились съ русскими, производили беспорядки на улицахъ; другіе собирали всякаго рода корреспонденціи, многіе же и до сихъ поръ въ долгу; Эберсъ просилъ доказательствъ, утверждалъ, что комиссары никогда контрабандной торговли не вели; если между шведами и русскими происходили ссоры, то виновниками ихъ были русскіе и т. д. Пришлось, однако, совершенно отказаться отъ надежды возстановить въ Москвѣ должность комиссара. Шведскимъ же купцамъ обѣщали открыть торговые дворы и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ ²⁾.

¹⁾ Den 5 Juli wahr der translator Zimmerman bey mier, sagte es wehren etzliche offtzier von Riga vber Kokenhusen in Moscou angekommen, welche vber schotten wehren vndt hatten der Chron Schweden vohr diesem gedient, der eine hiess Jacob Ree, Mayor, der ander Jacob Otterecht Capitain leutnant, der dritte Duglaas auch ein Mayor. Der ander Ihre Nahmen wüste er nicht. Sagte auch wie es wehre zugangen mit der schlacht vnter lechowitz, chowanskoy hette viehl volck schon im Sturm verlohren, hernacher hette er sein läger vohr der Statt geschlagen vndt mit etzliche 1.000 man auff der anderseiten Lechowitz gegangen, in dehm komt Zirnitzki vndt Polubinski über Ihn, vndt schlagen Ihm gantz dass er selbst kaum mit 5 Persohn darvon gekommen, auss Lechowitz seint sie in selben auch auff dass leger auss gefallen, vndt gantz geschlagen, viehl deutsche offtzier geblieben, Chowanskoi soll über 40.000 Man starck sein gewesen vndt die Pohlen sollen auch ein stattliche arme haben. Die russen geben vohr es wehren so viehl nicht geschlagen, sie hetten sich geritteriert vndt wehren schon 13.000 Man zu Polotzko angekommen, welche darvon seint kommen ist ein sprung von 60 Meilen. Nun seint 12.000 Man auss Moscou wieder gegen den Pohlen gesandt vndt nehmen viel Volck auss der Okraine weg alls von Zirremissen, Mordwa vndt Cassimofskij tattern vndt senden die dahin welchs ein ellend volck ist, der Zaar will selber auch vort biss Wiasma.

²⁾ Den 5 Juli nach Mittag kahn der Priestaff Gregori Wlasowitz Ostafiof zu mier vndt brachte mier bescheidt wegen dess Swedischen Hoffes, sagte der dumnoj diak wehre hinauss bey den Zaarn gewesen vndt Ihm all dass jenige so Ich

Съ 6-го іюля въ журналъ Эберса цѣлый рядъ данныхъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, о ходѣ войны съ Польшей, о внутреннихъ дѣлахъ Московскаго государства, о царскихъ совѣтникахъ, о частныхъ дѣлахъ посланника.

„Вся бѣда Московскаго государства въ томъ, что у царя нѣтъ хорошихъ безкорыстныхъ людей; всѣ эти совѣтники его—или мало, что понимающіе, или проводящіе время въ пьють и ѣдѣ: gott weiss Jhr Zaar. M. haben keine kluche oder verstendige rähte bey oder vmb sich, die etwan dess Reichs wohlfart solten beobachten, als allein da ist der Boris Jwanowitz Morozof, die andern lassen es alles so hin gehen, vndt bringen Jhr Zeit mit sauffen vndt fressen zu“.

Ihm befohlen vohrgebracht, woher auff der Zaar dem dumnoj diaken soll zur Antwort gegeben haben, dass solches nicht in den frieden vertrag stunde, zum andern kehm gross vnheil von den Commissarien, sie handelten mit Toback vndt brandtwein dess Commissarie seine leute hetten viehl streit vndt Parlement auff Strassen angerieht, in dem sie baldt einen russischen herren Alexei Nikititz Trubetzkoj der den hoff, vorbey geritten baldt mit einen degen hetten erstochen, solche vndt dergleichen auss rede sie vohrwanten, ess sitzt Ihnen aber nicht dahr, sondern seint wegen dess Corespondentzes bange, dass man Ihnen bey dieser Zeit etwan auff Ihrer action wurde zu genaw achtung geben. Ich antwortete dass könnte ja niemahls erwiesen werden, auch wehre ja niemahls bey dem Commissarie Toback oder auch brandtwein gefunden oder auss genommen worden, den wen man einen beschuldigen wollte, so müste man auch bewaiss beybringen. Hier mit meinten sie die Resiedenten, als Peter Krusbiorn vndt Carl Pommerennek, wesswegen auch nach dem reich an die Königin Christina damahls geschrieben vndt geklagt worden als solten Krusbiörnss leute mit toback gehandelt haber, über Pommereinek aber dass er bey nächtlicher Zeit wie er den H. Miloslawskoi dess Zaren Schwieger vatter begegnet, die licht mit dem fuss vohr Ihm entzwey soll geschlagen haben. Der Priestaff antwortet ja, wer darff auff den schwedischen Hoff kommen vndt solches bey Ihm aussnehmen, sondern man wiss es ohn dass wohl. Ich sagte dass stunde Ihnen frey zu reden, aber es müste auch erwiesen werden, wie auch wegen dess Perlementes hette ich wenig gehört solte gescheen sein, wen Ihre eigene leute sie hetten auff der gassen zu frieden gelassen, so wurde es auch nicht gescheen. Priestaff sagte, der Commissarius der hette so viehl wahren auss dess Zahren schatz erhandelt welches noch alles vnbezahlt wehre; ich antworste wen der Krieg nicht eingefallen wehre, so möchte solches nun schon lengst seine richtigkeit haben. Also sagte mier der Priestaff wegen einweisung dess schwedischen Hoffes vndt wegen der Commissarie dienste im Nahmen dess dumnoi diaken lo-vian Demitriwitz Lapuchin auff Ihr Z. M. befehl gantz ab, vndt solte ich mit allem baldt abgelassen werden. Wie die grosse H. gesanten wurden zusamen kommen, wurde dess wegen weiter vohrabredet werden. Wen aber nun unterdessen Schwedische Kauffleute kehmen, so solte Ihnen der Swedische Hoff so wohl hier in Moscou, als in Nougrodt eingewiesen werden.

Любопытенъ разказъ Эберса о визитѣ къ нему русскаго купца Федора Силина. Среди разныхъ разговоровъ перешли и къ политикѣ, къ войнѣ съ Польшей; Эберсъ говорилъ, что настоящая борьба на сѣверѣ вызвана интригами Габсбургскаго дома, императоръ поднялъ противъ шведовъ Данію, Бранденбургъ и Голландію. Силинъ, выслушавъ Эберса, отвѣтилъ: что же касается до войны Россіи съ Швеціей, то въ ней виновенъ одинъ только патріархъ; онъ выставялъ на видъ передъ царемъ тяжелое и прискорбное положеніе православныхъ подданныхъ шведскаго короля, у которыхъ нѣтъ ни духовенства, ни церквей, они терпятъ сильныя преслѣдованія; онъ указалъ и на то, сколько славныхъ русскихъ крѣпостей подъ властью шведовъ¹⁾.

Всѣ русскіе теперъ желаютъ скорѣйшаго заключенія вѣчнаго нерушимаго мира со шведами; ихъ встревожили вѣсти о скопленіи большихъ военныхъ силъ у Нарвы и въ Финляндіи: *undt wehre desswegen vnter die russen gross furcht gekommen*. Быть можетъ этою неувѣренностью русскихъ въ мирномъ настроеніи шведовъ объясняется и исканіе царемъ алліанса съ Даніей противъ молодаго короля Швеціи²⁾.

Царь ищетъ союзниковъ и противъ Поляковъ, и противъ Крымскихъ татаръ: противъ послѣднихъ онъ ищетъ содѣйствія у калмыковъ.

24-го іюля Эберсъ былъ на аудіенціи у царя и принялъ отъ него отвѣтную грамоту на письмо короля. Царь стоя просилъ Эберса передать вмѣстѣ съ грамотою и поклонъ его королю. Переводчикъ на-

¹⁾ Den 13 Juli wahr ein russ Fedor Sillin ein Kauffman bey mier, kahmen zu discoriren, alss vom Krieg mit den Pohlen, hernacher mit Ihr Zaar. M. vndt wie solches durch dess römischen Keyzers gesanten alles gepracticirt worden. Dass wier hernacher den denmarcker, Hollender vndt brandenburger dar zu auffm halsse bekhommen. Dieser russ schwur darauff, dass er solches von vohrnehme H. aus ruschen hoff gehört, dass Niemand anders, alls der Patriarch an diessen vnheil so mit schweden vohrgangen schuldig wehre. Hette vohrgegeben die russen so vnter die schweden wehren litten grosse Noht wegen der Religion, hetten keine Priester, vnnt werden gantz vnterdruckt, vndt wie Ihr Z. M. dass leiden könnten dass solche stättliche russische festungen vnter der schweden verbleiben solten vndt wass dess dingess mehr gewesen.

²⁾ Den 19 iuli wart mier von einen glaubwürdigen man Buchling berichtet, dass der Zaar hette vmbtrent vohr 8 tagen einen Abgesandten über Archangell nach den König in Denmarcken abgeschicket vmb Aliantz gegen Schweden mit Ihm auffzurichten, sagte auch nun wirt zeit auff die Russen loss zu gehen, weilen sie vor die Sweden mächtig bang wehren, insonderheit weilen sie schon ohn Ihnen drey feynde hetten. (послѣднія строки—шифрованы).

чалъ было переводить слова царя, но царь прервалъ его, сказавъ: чего ты переводяшь, онъ отлично понимаетъ и самъ то, что я говорю ¹⁾). Какъ и на первой аудіенціи Эберсъ удостоился поцѣловать руку царя; послѣ аудіенціи его пожаловали царскимъ столомъ — по обычаю. 26-го іюля Эберсу принесли и царскій подарокъ—соболья.

Устроилъ Эберсъ и свои частныя дѣла. Его миссія была окончена, онъ ждалъ отпуска. До отъѣзда онъ внесъ въ свой журналъ еще рядъ подробностей о ходѣ войны, о польскихъ дѣлахъ и др. Пристава выдвигали свое расположеніе къ Шведамъ и общее желаніе вѣчнаго мира съ ними. Однажды приставъ—полуофициально — попросилъ Эберса заявить въ Швецію о расположеніи царя къ королю и о желаніи его, чтобы между обоими государствами былъ вѣчный миръ ²⁾). Пусть Эберсъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее для послѣдняго, и онъ заслужить себѣ общую похвалу и признательность. Если же мира не будетъ, его будутъ считать виновникомъ этого.

Эберсъ разказываетъ, что въ Москвѣ всѣ единодушно стоятъ за миръ съ Швеціей, потому что сознаютъ какъ нельзя лучше свою неподготовленность къ войнѣ. Если бы король не согласился продлить перемирія и возобновилъ войну, русскіе не въ состояніи были бы защищаться, всѣ силы ихъ на польскихъ и татарскихъ границахъ ³⁾).

¹⁾ Darauff stundt der Zaar auff vndt sagte Adolph Ehbers wen du in Schweden komst, so grüsse König Caroll der Schweden vnssern lieben nachbahren vndt dass geschahе ins stehend, richtet sich auss seinem Trohn auff, Darauff fing der translator Wiborg an zu tolcken, der zaar aber sprach selber, Wass tolckestu, er verstehts woll selber wass ich rede, jedoch fuhr der translator mit reden vort.

²⁾ Diesser Priestaff fing oft mit mier an, undt scheidnt *woll dass es Ihm befohlen wahr*, sagte du must nu Ihr K. M. zu rühmen, *welches Ihr Zaar. M. alles umb lieb vndt freundschaft mit Ihr K. M. zu haben, getahn*. Du must auch nichts anders reden alss wass recht ist vndt alles so vohr bringen, *dass keine Uneinigkeit* zwischen beyden reichen entstehe, *sondern viel* mehr liebe vndt *der ewige friede* möge getroffen werden. — Ich antwortete so baldt ich in Schweden kommen werde ich vohr Ihr K. M. Ihr Zaar. M. gegen mier erwiesene guhthaft wissen högst zu rühmen. vndt solte mich gott davohr bewahren dass ich solte vnheil suchen zwischen beyden reichen an zu richten, sondern viel mehr alles so anbringen, wass recht wehre, dass es beyden reichen zu nutzen vndt frieden erreichen möchte, sagte er dass wehre kluch vndt löblich von mier getahn.

³⁾ ...vndt fing er all wieder seine alte rede an, zog mich an die seite, sagte *Nu stehe zu rede alle dinge zum besten*, wen du in Schweden komst, dass wier friede mögen bekommen, so wirstu noch berühmt werden, solte es aber zum kriege kommen, so wirstu übell nach rede bekommen, vndt würde man wohl nicht anders gedencken, alss dass du mit darzu hettest geholffen. Ich sagte, gott gebe beyden grossen Potentaten friede, es würde mein raht oder angeben hierzu nichts helfen,

29-го іюля Эберсъ уѣхалъ изъ Москвы. 6-го августа ему навстрѣчу попалась почта изъ Дерпта отъ Нащокина; послѣдняго также смутило скопленіе военныхъ силъ въ Эстляндіи и Ливоніи и онъ доносилъ объ этомъ въ Москву. Обращался Нащокинъ по этому же вопросу къ рижскому губернатору, который отвѣтилъ ему, что войска, ненужныя теперь королю, заключившему миръ со всѣми своими недавними врагами, возвращаются на свои обычные квартиры. Ни о какихъ военныхъ предпріятіяхъ король и не думаетъ ¹⁾.

Приближаясь уже къ Нарвѣ, Эберсъ узналъ о намѣреніи Россіи возобновить договоръ съ Стюартами ²⁾.

Ich möchte zum frieden oder zum Kriege rahten, so würde es doch nicht wie ich, sondern wie gott vndt die hohe obrigkeit es haben wolte vndt führ guht vndt bestes erfinde, geschehen müssen, zweiffelte auch nicht, sondern dafern sie sich selber nur bequemen wolten sie baldt den gewünschten ewigen frieden mit Ihr K. M. zu schweden zu haben allss sie dass leben haben, vndt würden woll ein guht teilh Ihres schatzes darumb geben, dass sie Ihn schon hetten, weilen sie von den Pohlen vndt tatern hart gedrunge werden: vndt haben die Pohlen Ihnen grossen schrecken durch die letzte schlacht so sie gewonnen eingejagt vndt dass ganze landt von Moscou, wohr ich durch gereist, wünschen die leute frieden mit vnss, sagen gott vergebe es den jenigen die Uhrsach dar zu sein dass mit schweden der Krieg ist angefangen vndt geben alle dem Patriarchen schuld vndt seindt greulich bange das Ihr K. M. zu schweden den 3 jährigen Stilstant nicht werden halten, solte von der schwedischen seiten Ihnen bey itziger zeit wass zu stossen, so wehre es mit Ihnen gethan, den sie haben ganz kein volck an den Ohrtern bey Nougrodt, die Meiste vom Adell alls Nougrodtische, Plesskouske, auch die torsocksche seint mit Chowanskoi gewesen vndt mehrentheills alle geblieben vndt gefangen.

¹⁾ Selben tag begegnete mier ein Post von Dorpt von Naschokin, 6 tag von dahr, der soll vohr meinen Priestawen berichtet haben, dass Naschokin hette vernommen, dass viehl kriegsvolck sich in Wolmer versamlet hette, Wahrumb Naschokin an den Gouverneuren zu Riga soll geschrieben haben, vmb zu vernehmen, wahrumb man so viehl volck an den ohrt brechte vndt wurde wunderlich davon geredt, alls wolten die Cron Schweden den Stilstant mit den Zaaren nicht halten, welches er müste den Zaren wissen lassen, wohrauff aber der H. Gouverneur Ihm geantwortet, er solte sich von bösen leuten nichts zu dem Ende sondern weilen sie mit etzlichen von Ihren feinden frieden erhalten, also kehmen die fölker wieder in Ihre vohrige quartiren, vndt wurde man darumb vort keinen krieg anfangen, sondern der Gross Gesandter Ihr Excell. H. Bengt Horn wurde ehstes auss Schweden erwartet, vndt sich wieder zu den tractaten einstellen vmb den ewigen frieden zu tractiren.

²⁾ . . . fragte mich (der russische Kauffman Maximo Woskoboynitgof) vmb Engellandt ob der König wieder in sein Reich gesetzt wehre vndt sagte vnser Zaar hatt Ihm viehl gutes getahn, ich merckte hier etwaas als wen sie gross zuverlässig zu Engellandt hetten vmb alliantz mit ein ander zu machen.

21-го августа Эберсъ былъ въ Нарвѣ, 28-го въ Ревелѣ, 10-го сентября въ Стокгольмѣ.

Первая конференція въ Кардисѣ состоялась 30-го марта. Начали съ разсмотрѣнія представленныхъ каждою стороною условій мира. Ордынъ-Нашокинъ доказывалъ Горну, какъ необходима царю Ингерманландія и заявилъ, что Швеція гораздо выгоднѣе получить въ лицѣ царя расположеннаго къ себѣ друга, чѣмъ удержать клочекъ земли. Вторая конференція, 3-го апрѣля, прошла такъ же бесплодно. Послѣ этого шведскіе и русскіе послы разѣхались.

Между тѣмъ Швеція въ апрѣлѣ и маѣ успѣла заключить два мирныхъ трактата, которые въ значительной степени обезпечивали ея внѣшнее положеніе и давали возможность энергичнѣе стать по отношенію къ Россіи. 23-го апрѣля заключенъ былъ миръ въ Оливѣ съ Польшей, Бранденбургомъ и Австріей, 27-го мая—въ Копенгагенѣ между Швеціей и Даніей. Оставались невыясненными лишь отношенія къ Россіи. „Русскій вопросъ“ становится на первомъ мѣстѣ во внѣшней политикѣ Швеціи. Слышались голоса, требовавшіе тѣснаго союза съ Польшей противъ Россіи, чтобы заставить послѣднюю принять предложенныя ей условія мира. За польскій алліансъ въ особенности стоялъ Делагарди. Но большинство все-таки было за сохраненіе перемирія съ Москвою; часть военныхъ силъ рѣшено было оставить „на всякій случай“, остальную же часть распустить. Рѣшено было снарядить новое посольство къ царю; условіемъ мира рѣшено было поставить возвращеніе Швеціи русской Кореліи и Лапландіи, озера Пейпуса, мѣстности подъ Гдовомъ до Плюсы и деньгами милліонъ талеровъ или 10 бочекъ золота. Но изъ этого намѣренія ничего не вышло, посольство рѣшено было отложить. На риксдагѣ 1660 года постановлено было во чтобы то ни стало добиться мира съ Россіей; широкія притязанія, заключавшіяся въ инструкціи проектируемаго посольства въ Москву, были оставлены. Обсуждался на риксдагѣ и вопросъ о тѣснѣйшемъ союзѣ съ Польшей. За необходимость этого союза говорили слѣдующія соображенія: на русскихъ никогда нельзя положиться; если они теперь и заключать миръ, то они въ будущемъ снова выступятъ съ своими притязаніями на Балтійскія гавани. Допустить полное поглощеніе Польши Россіей Швеція не можетъ, не должна она допустить и австрійскаго протектората надъ Польшей. Было, однако, немало и противниковъ сближенія съ Польшей; они

говорили, что если Россія узнаеть о проектирующемся альянсѣ, она поспѣшитъ предложить Польшѣ выгодный миръ, чтобы только не быть вынужденной дѣйствовать противъ коалиціи Швеція и Польши.

Если Швеція возобновить войну съ Россіей, этимъ тотчасъ воспользуются Данія и императоръ. Полагаться на Францію также нельзя было: она подала уже не мало примѣровъ своего равнодушія къ судьбамъ Швеціи.

Сошлись на томъ, чтобы, продолжая мирные переговоры съ Россіей, завязать сношенія и съ Польшей. Три мѣсяца — сентябрь, октябрь и начало ноября — разсматривался и рѣшался на разные лады „русскій вопросъ“. Выработаны были новыя инструкціи для пословъ, назначенныхъ въ Москву и для Шлиппенбаха, отправляемаго въ Польшу. Въ инструкціи посламъ въ Москву говорилось, чтобы они, если найдутъ русскихъ склонными къ миру, поспѣшили заключить его; если же нѣтъ, задержали переговоры и сообщили объ этомъ Шлиппенбаху, который сообразно съ ходомъ мирныхъ переговоровъ съ русскими поведетъ свою миссію въ Польшѣ. Какъ извѣстно, Шлиппенбахъ на пути къ Данцигу утонулъ, его мѣсто занялъ Стенъ Бьелькэ, отъѣздъ котораго задержался до февраля новаго года. Какъ разъ въ это время въ Стокгольмѣ прибылъ посланникъ отъ Алексѣя Михайловича Василій Ивановъ.

18-го января была его аудіенція; письмо царя, переданное имъ королю, было отмѣчено 22-го ноября 1660 г.; въ немъ царь проситъ прислать ему извѣщеніе о смерти Карла X; послы, которые будутъ съ этою цѣлью снаряжены въ Москву, могли бы въ Москвѣ же возобновить переговоры о мирѣ. Царь ничего не имѣлъ бы и противъ того, чтобы шведскіе послы приступили къ переговорамъ о мирѣ, не ѣздя въ Москву; онъ съ своей стороны пошлетъ тотчасъ же пословъ, если на это послѣдуетъ согласіе короля.

Странное по содержанію своему письмо царя показывало все-таки, какъ сильно было желаніе его добиться окончательнаго мира съ шведами.

Въ Стокгольмѣ стали теперь высказываться такія мнѣнія, что ради мира съ Москвою слѣдуетъ отказаться отъ всякой сатисфакціи; достаточно будетъ добиться возстановленія *status quo ante bellum*.

9-го февраля русскій посолъ представлялся королю на прощальной аудіенціи. Въ отвѣтной грамотѣ короля выражено было желаніе немедленно же приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ.

Съ Польшей рѣшено было переговариваться лишь о дефензивномъ

алліансъ. Для переговоровъ съ шведами назначены были съ русской стороны Иванъ Семеновъ Прозоровскій, Барятинскій, Прончичевъ, Дохтуровъ и Юрьевъ. Шведы были какъ нельзя болѣе довольны тѣмъ, что въ слискѣ лицъ, доставленномъ имъ въ январѣ въ Ревель, не было Ордына-Нащокина. Горнъ высказалъ увѣренность, что переговоры теперь пойдутъ значительно успѣшнѣе ¹⁾).

Переговоры возобновились въ Кардисѣ въ мартѣ ²⁾. Они начались съ взаимныхъ обвиненій въ намѣренномъ затягиваніи переговоровъ, умаленіи титуловъ и т. д. Шведы настаивали на „реституціи“ всего завоеваннаго русскими и на „сатисфакціи“—русская Корелія и 500.000 дукатовъ.

Шведы мало-по-малу спускали свои требованія; сначала оставлены были претензіи на Корелію, затѣмъ на денежную сатисфакцію.

Рядъ уступокъ дѣлали и русскіе. Уступая шведамъ все завоеванное, они до послѣдней минуты надѣялись на возможность удержать хотя бы одинъ Нейгаузенъ, но и это имъ не удалось.

Къ 18-му іюня миръ былъ подписанъ. Шведы цѣловали евангеліе, русскіе крестъ; за этимъ произошелъ обмѣнъ мирныхъ актовъ.

Шведы сохранили свою позицію на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Русскимъ пришлось еще разъ вернуться къ ненавистному Столбовскому миру.

Послѣ мирныхъ договоровъ съ Даніей, Бранденбургомъ и Россіей внѣшняя политика Швеціи стремилась тѣснѣе скрѣпить свои отношенія съ этими державами, чтобы въ нихъ найти опору противъ Австріи и Польши. Вопросъ о польской коронѣ съ этихъ поръ становится однимъ изъ важнѣйшихъ въ политикѣ Швеціи.

Регенты готовы были всѣми силами поддержать французскаго кандидата противъ Габсбургскаго. Это стремленіе ихъ проглядываетъ отчасти и въ отношеніяхъ къ Россіи, какъ они установились послѣ 1661 года.

По Кардисскому миру всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими—то есть Дерптъ, Кокенгаузенъ, Адзель, Нейгаузенъ, Нарва и другія—должны были быть возвращены шведамъ восемь недѣль по заключеніи мирнаго договора. Восеминедѣльный срокъ показался шведамъ

¹⁾ *Nordwall*, 100—124.

²⁾ *Ibid.*, 124 и д. по актамъ Стокгольмскаго архива.

слишкомъ продолжительнымъ и, относясь съ недоувѣріемъ къ русскимъ, они усматривали въ такомъ условіи какія то козни своихъ недавнихъ враговъ. Но всякія подозрѣнія были напрасны: 22-го августа правительству донесли, что всѣ завоеванные города и крѣпости уже возвращены русскими. Швецы съ большою энергіей принялись водворять въ возвращенныхъ городахъ свои порядки; усматривая въ своихъ остзейскихъ владѣніяхъ важныя форпосты противъ русскихъ, они стали подумывать о возстановленіи въ нихъ генераль-губернаторскаго поста. 10-го іюня 1662 г. на этотъ постъ назначенъ былъ Бенгтъ Оксеншерна.

Второй вопросъ, выдвинутый мирнымъ договоромъ, касался торговыхъ сношеній обоихъ народовъ; договоръ заключалъ въ себѣ значительныя гарантіи для свободной и безпрепятственной торговли шведовъ съ русскими и тѣмъ не менѣе именно этотъ торговый вопросъ вызвалъ всего больше споровъ. Вина падаетъ въ одинаковой степени какъ на шведское, такъ и на русское правительства: первое запрещало вывозъ мѣди, сдѣлавъ ее своей монополіей, второе — вывозъ льна и конопли; покупать эти товары можно было только у царскихъ факторовъ, какъ мѣдъ у королевскихъ.

Третій спорный вопросъ шелъ изъ за пограничныхъ погостовъ въ Кексгольмской и Нотебургской областяхъ; жалобы раздавались съ обѣихъ сторонъ.

Послѣдній вопросъ касался плѣнныхъ, которыхъ условлено было выдать съ обѣихъ сторонъ.

Въ виду столькихъ спорныхъ вопросовъ необходимо было обмѣняться посольствами. Шведское правительство занялось вопросомъ о снаряженіи въ Москву посольства еще въ іюлѣ; во главѣ посольства должны были стать Банеръ, Вальвикъ и Вильгельмъ Ульрихъ. Слухъ о посольствѣ достигъ Польши и въ правящихъ сферахъ ея дѣлались попытки остановить ратификацію договора шведскимъ правительствомъ; мирныя отношенія Швеціи съ Москвою были менѣе всего желательны Польшѣ, еще воевавшей съ русскими. Мысль о польско-шведскомъ договорѣ противъ Москвы, такъ часто выдвигавшаяся польскими дипломатами въ XVII вѣкѣ, теперь снова всплывала наружу. Но всѣ попытки Польши въ такомъ направленіи разбивались о твердое желаніе Швеціи какою бы то ни было цѣною укрѣпить свои отношенія къ восточному сосѣду. Въ виду имѣли не только торговые вопросы, но — какъ мы сейчасъ увидимъ изъ инструкціи пословъ — и комбинаціи чисто политическія. Личный составъ посольства измѣнился: мѣсто

Банера занялъ Бенгтъ Горнъ, а Ульриха замѣнилъ Гастферъ. Вальвику поручено было составить „меморіалъ“, въ которомъ должны были быть отмѣчены всѣ пункты посольской миссіи. Отъѣздъ посольства замедлялся вслѣдствіе разныхъ причинъ. Прибытіе въ Стокгольмъ въ сентябрѣ царскаго гонца Григорія Котошихина послужило стимуломъ къ скорѣйшему отправленію посольства. 23-го сентября Котошихинъ передалъ правительству письмо царя отъ 7-го августа; въ немъ говорилось, что царь уже снарядилъ пословъ для переговоровъ съ шведскими комиссарами; къ 30-му сентября они будутъ у Нейгаузена. Котошихину обѣщали немедленно отправить пословъ въ назначенный пунктъ. Сборы, составленіе инструкцій, деньги и подарки — все это потребовало времени и только въ ноябрѣ вышеназванные шведскіе послы прибыли въ Эстляндію. Инструкціи, какими снабжены были послы, весьма любопытны; кромѣ главной инструкціи, имъ даны были еще два меморіала, одинъ на имя всѣхъ пословъ, второй—секретный—на имя одного только Бенгта Горна. Главная инструкція заключаетъ въ себѣ рядъ подробностей чисто формальныхъ и церемоніальныхъ; затѣмъ шли §§ о торговлѣ, о титулахъ, о будущихъ посольствахъ, о плѣнныхъ. Всего подробнѣе трактуется въ инструкціи вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ обоихъ народовъ. Послы должны были выставить предъ царскими совѣтниками на видъ, что ленъ и конопля всегда считались „свободными“ предметами, то-есть ими каждый могъ торговать, между тѣмъ Московское правительство объявило эту торговлю своею монополіей. Затѣмъ—русскіе понастроили вездѣ „проѣздныя таможни“, много затрудняющія свободную торговлю. Слѣдуетъ особенно настоять на отмѣнѣ таможни на товары, идущіе вверхъ по Двинѣ отъ Кокенгузена до Динабурга. По Кардисскому миру шведы выговорили себѣ право имѣть свои складочныя мѣста въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ; въ первыхъ двухъ городахъ они уже имѣли свои дворы, поэтому посламъ предписывалось ходатайствовать о постройкѣ такихъ же дворовъ во Псковѣ и Переяславлѣ и о правѣ имѣть въ нихъ своихъ факторовъ. Попытки Шведскаго правительства водворить своихъ факторовъ Эберса и Боркгузена въ Москвѣ и Новгородѣ оказались тщетными; поэтому оба фактора должны были слѣдовать съ посольствомъ въ Москву и по разрѣшеніи царя занять назначенные имъ посты въ двухъ названныхъ городахъ. Факторовъ желательно имѣть и въ Псковѣ, и въ Переяславлѣ. За этими вопросами шло ходатайство Шведскаго правительства о дарованіи шведамъ права торговать не только съ русскими, но и съ

иностранными торговцами, въ особенности же съ персидскими, татарскими и другими, прїѣзжавшими съ своими товарами въ Нижній-Новгородъ, Астрахань и др. города.

Такая привилегія была давно уже завѣтной мечтой шведскихъ королей; теперь регенты снова выдвинули этотъ вопросъ, надѣясь на уступчивость Алексѣя Михайловича; они съ своей стороны разрѣшали русскимъ во-первыхъ торговать съ иностранными купцами въ Ревель, Нарвѣ и Нюенѣ, затѣмъ отъ шведскихъ королей пользоваться правомъ свободнаго проѣзда во все Балтійскіе порты. Такая привилегія была очень значительной. Русскіе такъ давно и съ такимъ упорствомъ стремились къ морю, теперь имъ разрѣшалось свободное плаваніе по немъ.

Если бы мечты шведскаго правительства осуществились, взаимныя торговыя отношенія обоихъ сѣверныхъ народовъ, по справедливому замѣчанію Нордвалля, значительно бы измѣнились и, надо сказать, повліяли бы на всю сѣверную балтійскую торговлю. Наиболѣе смѣлый ударъ палъ бы на англичанъ и голландцевъ, привилегіи которыхъ въ Россіи всегда были тяжелы и неприятны шведамъ. Роли перемѣнились бы и шведскій торговый доминать покоился бы на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Изъ политическихъ вопросовъ, намѣченныхъ въ инструкціяхъ шведскимъ посламъ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить желаніе шведскаго правительства взять на себя посредничество для примиренія Москвы съ Польшей.

Поляки съ благодарностью приняли шведское посредничество, говорилось въ инструкціи, поэтому и царю слѣдовало бы его принять.

Шведское правительство желало совершенно вытѣснить Австрію изъ сѣверныхъ событій, ослабить ея вліяніе и самой взять въ руки равновѣсіе между двумя сосѣдними славянскими державами ¹⁾.

Присутствіе императорскихъ пословъ въ Москвѣ сильно безпокоило Стокгольмъ; все были увѣрены, да такъ оно было и на дѣлѣ, что агенты Леопольда I отсовѣтовали московскому правительству заключать миръ съ Швеціей; предлагая свое посредничество для примиренія Алексѣя Михайловича съ Польшей, Леопольдъ, а въ особенности его министры, мечтали о наступательномъ союзѣ противъ шведовъ, съ цѣлью изгнать ихъ изъ Германіи. Пугали шведовъ и слухи о томъ, будто императорскіе послы переговариваются съ царемъ о раз-

¹⁾ Nordwall, 249.

дѣлѣ Польши и Литвы. „Такія мины австрійцевъ требовали контръ-минъ“ и веденіе ихъ рекомендовалось въ секретной инструкціи Бенгту Горну. Послѣдній долженъ всякими средствами развѣдать намѣренія австрійскихъ пословъ и по мѣрѣ надобности выставить всю своекорыстную политику Австріи, сдержатъ которую удалось до сихъ поръ только благодаря усиленнымъ стараніямъ Франціи и Швеціи; не успѣвъ подчинить себѣ всей Германіи, императоръ теперь простираетъ свои жадные взоры на польскую корону. Польша съ королемъ изъ габсбургскаго дома будетъ не безопасна какъ Швеція, такъ и Россія; оба государства должны стараться сохранить Польшу въ прежнемъ ея видѣ, то-есть, съ избирательной формой правленія; пока власть будетъ подѣлена между королемъ, сенатомъ и всадническимъ сословіемъ (*inter regem, senatum et equestrem ordinem*), Польши опасаться нечего. Габсбургскій король все это измѣнить, водворить въ странѣ единоедержавіе и католичество и примется преслѣдовать православныхъ и протестантовъ

Если возникнетъ вопросъ о кандидатахъ на польскій престолъ. Горнъ долженъ соблюдать величайшую осторожность и воздержаться отъ опредѣленнаго отвѣта. Онъ можетъ указать на то, что шведское правительство всего охотнѣе отложило бы весь вопросъ до смерти короля и подчеркнуть рѣшительное намѣреніе Франціи не допустить утверждения на престолѣ какого нибудь габсбургскаго принца.

Если бы царскіе совѣтники завели разговоръ о формальномъ союзѣ съ Швеціей противъ Польши, то Горну слѣдовало высказать свое одобреніе такому проекту, но вмѣстѣ съ тѣмъ указать и на неимѣніе полномочій къ окончательному рѣшенію вопроса.

Цѣлью всѣхъ стараній Швеціи Горнъ долженъ былъ, разумѣется, выставить заботливость ея объ общемъ благѣ — *pro publico bono et aequilibrio Europae conservando*: лицемѣрный дипломатическій приемъ, которымъ всѣ европейскіе государи надѣялись прикрыть свои честолюбивые замыслы.

Чтобы скрыть отъ австрійскихъ пословъ такую враждебную имъ дипломатическую агитацію, Горну и др. посламъ предписывалось въ сношеніяхъ съ русскими соблюдать всевозможную вѣжливость; они должны были быть въ высшей степени предупредительны, при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживать свое дружелюбіе и т. д. Это все общепринятыя дипломатическіе рецепты XVII вѣка.

Когда шведскіе послы прибыли въ Ревель, царскіе уполномоченные уже находились во Псковѣ, откуда они должны были, перегово-

ривши съ шведскими комиссарами, двинуться въ Швецію. 2-го декабря имъ дали знать о прибытіи главы шведскаго посольства Горна. Началась переписка о мѣстѣ, гдѣ собраться для переговоровъ; обѣ стороны остановились на Плюсѣ. 4-го января 1662 шведскіе послы двинулись въ путь изъ Ревеля; 11-го они были въ Нарвѣ.

До отправленія обоихъ посольствъ на мѣсто ихъ назначенія, представители ихъ рѣшились свидѣться и столковаться о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ. Въ виду того, что ратификаціонныя грамоты, которыя тѣ и другіе послы должны были передать своимъ правительствамъ, могли въ какихъ либо §§ расходиться съ мирнымъ договоромъ, имѣлось въ виду на сѣздѣ заняться, между прочимъ, и сличеніемъ, провѣркою ихъ. Этимъ устранялись разнаго рода затрудненія, какія непременно бы возникли, если бы разногласія обнаружались только въ Стокгольмѣ или Москвѣ. Затѣмъ на сѣздѣ слѣдовало еще согласиться о формулировкѣ той клятвенной записи, которую тѣ и другіе послы должны были получить отъ правительствъ, къ какимъ отправлялись, шведскіе отъ царя, русскіе отъ регентовъ ¹⁾).

15-го января была первая встрѣча шведскихъ и русскихъ пословъ; показаны были оригиналы ратификаціи, а затѣмъ послы обмѣнялись копіями съ нихъ. На слѣдующихъ сѣздахъ разсматривались наброски клятвенной записи, тамъ же подымался вопросъ и о разныхъ пограничныхъ спорахъ шведовъ съ русскими. Когда 18-го января дѣло дошло до сличенія ратификаціонныхъ грамотъ, то съ обѣихъ сторонъ указано было на множество ошибокъ и искаженій; шведы тутъ же хотѣли исправить ихъ, русскіе же настаивали на томъ, чтобы для этой цѣли собрались еще разъ; послѣ недолгихъ споровъ шведы согласились. 21-го января долго спорили объ „ошибкахъ“, допущенныхъ въ ратификаціяхъ, въ концѣ засѣданія рѣшено было исправить ихъ. 23-го января оба посольства перешли границу: Горнъ съ товарищами направился къ Москвѣ, русскіе послы въ Швецію.

Ошибки, вкравшіяся въ ратификаціонныя грамоты, какъ мы видѣли, были исправлены. Неисправленнымъ и невыясненнымъ осталось лишь крупное различіе въ редакціи 20 пункта мирнаго договора. На это различіе первый обратилъ вниманіе шведскій ученый Нордвалль; оно очень важно и послужило причиною долгихъ несогласій и недоразумѣній между шведами и русскими.

§ 20 трактуеть объ обмѣнѣ плѣнныхъ; въ шведской редакціи мы

¹⁾ Такая запись называлась „ändtelig fullbordansskrift“.

читаемъ, что плѣнные какого бы они положенія не были, къ какой бы націи не принадлежали, должны быть все возвращены; но тѣмъ, кто бы самъ пожелалъ остаться въ Швеціи или въ Россіи. это не возвращалось. Въ русской редакціи встрѣчаемъ замѣчательную прибавку: исключая тѣхъ, кто въ Россіи добровольно принялъ православіе. Эта оговорка не могла быть допущена шведами и изъ за нея, мы увидимъ, не мало было споровъ, не мало дипломатическихъ ссоръ. И дѣйствительно, русскіе имѣли полную возможность насильно обращать въ православіе или сманивать шведовъ къ перекрещенію разными подарками, подкупами, обѣщаніями, а затѣмъ утверждать, что они все добровольно приняли православіе и поэтому возвращены въ Швецію быть не могутъ.

Какъ могло возникнуть такое различіе въ ратификаціяхъ? Нѣкоторые современники обвиняли въ этомъ Горна, будто бы подкупленнаго русскими, но такое обвиненіе не можетъ быть доказано никакими документами. Вѣроятно же всего, Горнъ допустилъ знаменитую оговорку только въ виду полной невозможности добиться мира безъ нея, а миръ былъ необходимъ тогда Швеціи и, допустивъ разногласіе, Горнъ надѣялся впоследствии на ея отступу. Любопытно одно: шведское правительство не было извѣщено о разногласіи, не имѣло никакихъ свѣдѣній о немъ; въ протоколѣ Кардисскаго мира ни однимъ словомъ не упоминалось даже о возникновеніи споровъ изъ за разногласія.

Шведскіе послы, съ Горномъ во главѣ, съ многочисленною свитою до 200 человекъ, прибыли въ концѣ января въ Новгородъ; въ половинѣ февраля они были уже въ Москвѣ. Ихъ ауденція состоялась 24-го февраля ¹⁾. На ней шведскіе послы передали царю свой кредитивъ и ратификаціонную грамоту. 6-го марта царь Алексѣй Михайловичъ торжественно подтвердилъ мирный договоръ крестнымъ цѣлованіемъ.

Для переговоровъ съ послами назначенъ былъ Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и думный дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. Горнъ выдвинулъ прежде всего вопросъ о посредничествѣ Швеціи въ польско-русскомъ конфликтѣ. Это посредничество русскіе въ очень вѣжливой формѣ отклонили, сказавъ, что царь рѣшилъ еще разъ завязать съ Польшей мирные переговоры, о результатѣ которыхъ не преминетъ извѣстить Стокгольмскій дворъ. Затѣмъ перешли къ разсмотрѣнію остальныхъ

¹⁾ Объ этомъ посольствѣ есть печатное донесеніе, см. Lönbom, Historiska märkvärdigheter, ч. III. Ср. Nordwall, II, 108 и д.

пунктовъ шведскаго меморіала, а главнымъ образомъ тѣхъ, которые касались торговли. Шведы требовали себѣ права свободной торговли въ Россіи какъ съ русскими, такъ и съ иностранными купцами, ходатайствовали о постройкѣ торговыхъ складовъ въ Псковѣ, Новгородѣ и Переяславлѣ. Далѣе разсматривался вопросъ о плѣнныхъ. Отвѣтъ, данный посламъ царскими совѣтниками, заключалъ въ себѣ мало опредѣленнаго; по всѣмъ пунктамъ ссылались на Кардисскій договоръ. Въ вопросѣ о плѣнныхъ силу сохраняла русская формулировка 20 §. Шведы были недовольны тѣмъ, что отвѣтъ русскихъ былъ составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ „in generalibus terminis“. Пятая и послѣдняя конференція пословъ съ царскими совѣтниками состоялась 15-го марта. Русскіе передали здѣсь шведамъ свою резолюцію. Горнъ энергично протестовалъ противъ нея. Резолюція—не евангеліе, говорилъ ему въ утѣшеніе одинъ изъ приставовъ, она можетъ быть исправлена и видоизмѣнена въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ. Шведы представили русскимъ новую протестацію, въ которой указывали на измѣненія, какія по ихъ мнѣнію надлежало сдѣлать въ „резолюціи“. Наступила страстная недѣля и Пасха (30-го марта). Только 5-го апрѣля шведы получили новую резолюцію отъ царскихъ совѣтниковъ; но она почти не разнилась отъ первой, и шведы отказались ее принять. Горнъ и его товарищи отвѣтили новымъ торжественнымъ протестомъ. Русскіе взяли обратно свою „новую“ резолюцію. Въ третьей присланной ими резолюціи—стиль былъ измѣненъ, какъ того желали шведы, но содержаніе оставлено то же. Въ торговыхъ привилегіяхъ, какихъ себѣ требовали шведы, имъ было отказано; азіатскій рынокъ не былъ открытъ имъ. Торговые дворы разрѣшалось строить въ Новгородѣ и Переяславлѣ, а во Псковѣ только за городскою стѣною. И относительно плѣнныхъ русскіе стояли на томъ, чтобы приняшіе православіе оставались въ Москвѣ. Одинъ пунктъ въ миссіи Горна слѣдуетъ еще отмѣтить, а именно желаніе Горна не дать осуществиться посредничеству Австріи въ польско-русской войнѣ и вообще подорвать въ русскихъ довѣріе къ Габсбургской дипломатіи. Горнъ увѣряетъ, что эта миссія его удалась, что австрійскіе послы ничего не могли добиться и т. д. На дѣлѣ же—русскіе провели Горна; давая ему обѣщаніе, что царь не приметъ австрійскаго посредничества, они, по отъѣздѣ Горна, съ особеннымъ вниманіемъ относились къ императорскому послу.

10-го апрѣля шведскіе послы покинули Москву, добившись только подтвержденія царемъ Кардисскаго мира.

Успѣшнѣе была миссія русскихъ пословъ въ Стокгольмѣ.

Русскіе послы 23-го января вступили на шведскую территорію. Въ Стокгольмѣ занялись приготовлениями къ приему ихъ; все посольство состояло изъ 120 человекъ. Въ Стокзундъ отправили 18 яхтъ, на которыхъ русскіе и должны были совершить вѣздъ въ столицу. 19-го марта послы были въ Стокзундѣ. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Швеціи при приемѣ пословъ не обходилось безъ споровъ изъ за формальностей и церемоній. Любопытныхъ поглядѣть на московскихъ пословъ собралось при вѣздѣ ихъ въ Стокгольмъ не мало. Бярятинскій и другіе члены посольства остались очень недовольны отведеннымъ имъ помѣщеніемъ; жалоба ихъ на тѣсноту и на скудость содержанія были болѣе нежели справедливы, и шведы должны были улучшить и то, и другое.

Приставами у русскихъ пословъ были Удде Эдла (Ödla) и Петръ Гольтцгузенъ; переводчикомъ служилъ Брандтъ. За послами слѣдили также внимательно, какъ и въ Москвѣ, повсюду сопровождали ихъ пристава; установленъ былъ строгій надзоръ за ними. Одинъ подозрительный русскій на время пребыванія въ Стокгольмѣ московскихъ пословъ былъ перевезенъ въ Упсалу и тамъ заключенъ: опасались, какъ бы онъ не вошелъ въ переписку со своими земляками и не открылъ чего либо „*prejudicerligt*“.

Ближайшей цѣлью миссіи Бярятинскаго было передать королю ратификаціонную грамоту своего государя и быть свидѣтелемъ клятвенной присяги короля—нерушимо сохранять мирный договоръ, заключенный въ Кардистѣ.

Послы желали еще до аудіенціи переговорить съ совѣтниками короля; имъ это разрѣшили. Предметомъ этихъ предварительныхъ переговоровъ снова были незначительныя формальности¹⁾.

8-го апрѣля послы были допущены до аудіенціи. Рядомъ съ молодымъ королемъ занимала мѣсто и вдовствующая королева—мать. Послы передали свой кредитивъ, ратификаціонную грамоту и подарки. За аудіенціей слѣдовала обѣда съ королевскаго стола, какъ это дѣлалось и въ Москвѣ; за обѣдомъ обычные споры о мѣстахъ и о порядкѣ официальныхъ тостовъ.

Коммиссарами для переговоровъ съ русскими послами назначены были Бенгтъ Шитте, Кнуть Куркъ, Густавъ Поссе и Іоаннъ Гюллен-

¹⁾ *Nordwall*, II, 126.

шерна. Переговоры происходили 10-го и 12-го апрѣля въ маленькомъ ратсзалѣ.

Главною темою переговоровъ служилъ знаменитый 20 § королевскаго договора и различныя редакціи его. Послы объявили комиссарамъ, что недавно ими получено очень важное извѣстіе, а именно: когда шведскіе послы передали въ Москвѣ царю свою ратификаціонную грамоту, въ ней нашли значительное разногласіе съ русскою редакціей: въ пунктѣ о плѣнныхъ недоставало нѣсколькихъ словъ, находившихся въ русской редакціи. Царь въ виду этого и поручилъ своимъ посламъ добиться отъ шведскаго правительства исправленія вкравшейся въ шведской редакціи ошибки.

Такое требованіе русскихъ пословъ было вполне законно, такъ какъ въ Кардисѣ и русскіе и шведскіе послы согласились, чтобы 20 § въ томъ и другомъ—шведскомъ и русскомъ спискѣ—былъ формулированъ согласно русской редакціи; въ удостовѣреніе этого Бенгтъ Горнъ передалъ русскимъ набросокъ договора съ требуемою формулировкою 20 § и обѣщаль такую же формулировку его внести и въ чистовой экземпляръ. Но Горнъ своего обѣщанія не сдержалъ и въ шведской редакціи опущены были слова „исключая тѣхъ плѣнныхъ, которые добровольно перешли въ православіе“. При сличеніи обѣихъ редакцій совѣтъ большой переводчикъ различія не замѣтилъ. И при Плюсѣ совѣтъ обошли это различіе. Въ Москвѣ только ошибка раскрылась, и Барятинскій настойчиво требовалъ исправленія ея, показавъ комиссарамъ набросокъ Горна¹⁾.

Русскіе, такимъ образомъ, совершенно иначе объясняли возникновеніе ошибки, чѣмъ шведы.

Послѣ непродолжительныхъ споровъ, шведское правительство согласилось внести поправку, требуемую русскими; въ особомъ письмѣ, данномъ посламъ, оно выразило свое согласіе и одобреніе—и спорный 20 § получилъ извѣстную намъ уже формулировку.

Оставалось теперь уже только официально, въ церкви, присягою подтвердить мирный договоръ. 22-го апрѣля происходила торжественная присяга. Зрѣлище было великолѣпное; желаніе увидѣть церемонію привлекло въ Большую церковь (Storkyrkan) массу народа. Русскіе послы заняли мѣсто противъ вдовствующей королевы и молодого короля. Послѣ краткой проповѣди Клингстедтъ прочелъ мирный до-

¹⁾ Nordwall, II, 128—129.

говоръ, за этимъ началась присяга, сначала королевы, за тѣмъ высшихъ сановниковъ королевства. Актъ закончился пѣніемъ „Te Deum“. Изъ церкви пословъ повели въ рыцарскую залу, гдѣ они получали рекредитивъ правительства. Затѣмъ слѣдовалъ банкетъ. 1-го мая послы покинули Швецію.

Барятинскій съ товарищами могли быть довольны своею миссіей, имъ удалось добиться своего и теперь московское правительство, требуя исполненія 20 §, могло сослаться на санкціонированіе его самими шведами.

Шведскіе послы, покинувшіе Москву 10-го апрѣля, прибыли 30-го въ Новгородъ; здѣсь имъ пришлось провести нѣсколько дней для своихъ торговыхъ дѣлъ: слѣдовало устроить Боркгузена въ его должности шведскаго фактора. Воеводѣ дали знать объ этомъ, ему сказали и о результатахъ, достигнутыхъ въ Москвѣ, о свободной торговлѣ шведовъ въ Новгородѣ, о выдачѣ плѣнныхъ, о факторахъ и пр.

Воевода отвѣчалъ на всѣ заявленія шведовъ, что не получалъ еще никакихъ заявленій изъ Москвы; ему не вѣрится, чтобы тамъ дали согласіе на выдачу перешедшихъ въ православіе плѣнныхъ; противъ же занятія Боркгузеномъ торговаго склада шведовъ воевода ничего не возражалъ. Шведскіе послы не захотѣли оставлять Боркгузена въ Новгородѣ при такомъ положеніи дѣлъ и, взявъ его съ собою, 3-го мая продолжали путь. Они раздѣлились на три группы; одна направилась къ Пскову, другая къ Нарвѣ, а глава посольства къ Ниену.

Желаніе Горна встрѣтиться съ возвращавшимися изъ Швеции русскими послами не исполнилось. На пути къ Ревелю Горнъ узналъ, что новгородскій воевода получилъ изъ Москвы указанія относительно торговыхъ сдѣлокъ со шведами. Въ Псковѣ повторилось то же, что раньше въ Новгородѣ: и тамъ отказались выполнить требованія шведовъ на томъ основаніи, что изъ Москвы не было получено никакихъ инструкцій.

Въ Стокгольмѣ Горнъ съ неудовольствіемъ принялъ вѣсть о результатахъ миссіи Барятинскаго.

Въ февралѣ 1663 года Olaf Вагскхусенъ извѣстилъ свое правительство, что принялъ отъ воеводы Ивана Борисовича Рѣпина отведенный шведамъ торговый дворъ; но дворъ оказался настолько запущеннымъ, что для поправки его потребуются большіе расходы; многіе дома безъ крышъ, другіе—совершенныя развалины. Обѣщаніе

воеводы все это исправить на счетъ царя до сихъ поръ не выполнено. Приѣзжающимъ въ Новгородъ шведамъ разрѣшено свободно торговать съ русскими. За то послѣдніе въ своихъ сношеніяхъ съ шведскими торговцами очень стѣснены: каждый, кто пожелаетъ продать свои товары шведамъ или перевести ихъ за шведскія границы, обязанъ уплатить 20% стоимости товара; продающіе же свои товары царю и его казнѣ—свободны отъ всякой обязательной пошлыны. Такое стѣсненіе создаетъ рядъ практическихъ неудобствъ и для шведовъ. Но этимъ дѣло не ограничивается: теперь русскіе желаютъ, чтобы шведы, закупающіе у русскихъ товары *en gros* или *en minute*, давали знать о количествѣ купленнаго на таможи и называли имена русскихъ купцовъ, отпустившихъ имъ товаръ. Если шведы этого не исполняютъ, они сами должны будутъ заплатить требуемую съ русскихъ пошлыну, чтобы не теряла царская казна ¹⁾.

Въ своемъ донесеніи отъ мая того же года Боркгузенъ говорилъ, что русскими властями постановлено при торговлѣ съ шведами и другими иностранцами исключительно употреблять серебряную монету—талеры, рубли, дукаты и др., мѣдная монета совершенно выводится. Въ этомъ же донесеніи говорится о новомъ обѣщаніи воеводы на счетъ царской казны исправить всѣ дома и складочные магазины на швед-

¹⁾ Hwilcket (дворъ) vojewoden—hafwer mig wäl läthit inrymma, medh dee Logementer, som till förenne derpå ständit hafwa, allenast att samma Logemen; ter äre nu största deelen taaklöse, förfalne och een godh deel heelt förderfwadehafwer fuller vojewoden lätit sigh förlüda att bem-te handelshuset alt hwod derpå förfallit är, skall igen repareras medh Tzarens bekostnaadt, hwilcket lykwäl till Dato ey efterkommit är. Elliest äre E. K. M. undersäthere och nägre kiöpmän af dee närmaste omliggjande Swänske Gräntze städer hyt anlände, hwilcke tillätes wäl fritt att handla medh alle Tzarens undersäthare om allehanda wahrur, men deremoht hafwer Ryssen infört een ny owahnligh Toll uppå alla sine undersäthere, att dee som handla wele medh E. K. M. undersäthere eller ock föhra sine wahrur öfwer swenske grentzen, skole derforre gifwa toll 20 procento, men dee som försellia sine wahrur till tzaren och hans skatt, skole derforre altzingen Toll betahla, hwilcket är een stor praktisk förhinderung uthi handeln, och alle Tzarens undersäthare afskrecker att försellia nägre wahrur till dee swenske, warurne derigenom förstegras, så att man inthet mechtar något till sigh handla. Wele och Rysserne, att E. K. M. undersäthere detta derhos observera. att enär dee upkiöpa nägre wahrur af Rysserne, antingen i gross eller minut, skole dee dett angifwa opå tollen, och namngifwa förselliaren; elliest hwar dee sädant ey i acht taga wele, uthan dermed förtyga, mäste dee samma toll erleggja, på dett att Tzarens toll derigenom icke försnillat blifwer, som dee föregifwa.

скомъ дворѣ ¹⁾). Обѣщаніе было отчасти выполнено въ слѣдующемъ году, когда воевода передалъ въ руки Боркгузена 150 рублей, отпущенныхъ изъ царской казны на исправленіе шведскаго двора. Хотя этой суммы и не хватило, но Боркгузенъ тотчасъ же принялся за дѣло, писалъ объ этомъ королю и просилъ доставить средствъ для совершенной поправки домовъ ²⁾).

Для шведскаго резидента въ Новгородѣ было въ высшей степени важно получить доступъ въ приказъ, чтобы лично передавать желанія своего правительства и лично ходатайствовать за интересы шведскихъ торговцевъ; онъ цѣлый годъ хлопоталъ объ этомъ передъ воеводою, но тщетно. Онъ просилъ Эберса поднять этотъ вопросъ въ Москвѣ съ царскими совѣтниками, но и тамъ результатъ былъ отрицательный ³⁾).

По отъѣздѣ шведскихъ пословъ изъ Москвы представителемъ Швеціи въ ней остался Адольфъ Эберсъ съ титуломъ королевскаго комиссара; онъ жилъ на шведскомъ дворѣ, внимательно присматри-

¹⁾ 24-го мая 1663: Uthi handelen på denne orten är nu mechta slett bestelt och hafuer woivoden här för några dagar sedan lätit E. K. M. undersäther och andre uthländare förkunna och seya, att dee ey skola betahla Tollen här i landet medh copar denningar, ey heller skola rysserne försellia något gods till E. K. M. undersäthere och andre fremmande för copar denningar, uthan för Riksdal., (Rublar), ducater och sölfuer denningar hwaraf mechta litet på denne orten till seendes bekomma står.—I går lätt woivoden migh ankunna, att numehra fullenkombligh order från Tzaren uthur Musko kommen är, att E. K. M. och dett swenske handelshuset här i Nougarden skall numehra med Tzarens omkästnad fullenkomblighen reparerat blifwa och i fullo esse stellas, säsom dett för feigden warit hafwer, hwilcket och han nu straxt härefter läfwade uthi sielfwa wärcket fullbringa. Въ этомъ же письмѣ любопытное упоминаніе о большихъ денежныхъ расходахъ иностранныхъ офицерамъ; это сдѣлано было русскимъ правительствомъ, дабы вознаградить ихъ за то время, когда они получали жалованье мѣдными деньгами: Dee uthländske officerare, så många här äro, bekomma alle i desse dagar uthom deres ordinarie löhn een serdeles benädigung heller discretion uthaf Tzaren. Een obrister bekom 70 R. specie och dee andre alle efter proportion som dee bekläda officia till, och alle in specie bekommit, efter dee hafwe warit något otälige, som förnimmes öfwer dee koppar denningarne dermed dee till förenn ware belönte.

²⁾ Въ письмѣ отъ 29-го августа 1664 г.

³⁾ Elliest har iag esomoftast anhollit, att migh måtte här tillätit blifwa inkomma uthi pricaset uppå släthet, och muntligen föredraga E. K. M. undersätheres wärf och älligiande eftersom dee genom längligh tyds förspillan och stor bekostnadt knapt bekomma någon god resolution, men till dato dett icke än erholla kunnat, alt derföre skrifwit till Commissarien Ehbers uthi Moschou, han derom der widh hofwet än ytermehra anholla wille, förmodeligit att derpå een godh resolution föllier.

вался ко всему, что дѣлалось въ Москвѣ, сближался съ иностранными агентами. Онъ оставался комиссаромъ съ 1662 по 1666 годъ и за эти годы отправилъ своему правительству рядъ любопытнѣйшихъ донесеній. оригиналы которыхъ хранятся въ Стокгольмскомъ архивѣ—*Moscovitica*.

Первымъ дѣломъ новаго комиссара было добиться права приступить къ реставраціи шведскаго двора, пришедшаго въ ветхость. Когда шведскіе послы 10-го апрѣля уѣхали изъ Москвы, Эберсъ отправился въ посольскій приказъ и тамъ поднялъ вопросъ о торговлѣ и размѣнѣ плѣнныхъ. Думный дякъ заявилъ ему, что уже отправилъ по всеѣмъ городамъ свои грамоты о томъ, чтобы шведамъ предоставлено было свободно торговать въ нихъ, согласно постановленіямъ вѣчнаго мира, и чтобы плѣнные безо всякой задержки были отпущены на свободу¹⁾.

Часто заходилъ Эберсъ также и въ челобитный приказъ, куда ежегодно приходили плѣнные; тамъ записывались имена ихъ, околичничій подробно допрашивалъ ихъ и въ заключеніе ставилъ вопросъ, желаютъ ли они остаться на службѣ у царя или вернуться на свою родину. Многие шведы, успѣвшіе уже забыть свой родной языкъ,— въ Россію они пріѣхали совсѣмъ молодыми—, предпочитали остаться въ Москвѣ, бѣльшая же часть выражала желаніе уѣхать, несмотря на все заманчивыя предложенія русскихъ; бывали случаи, что принявшіе православіе женатые разводились—мужъ уѣзжалъ въ Швецію, жена оставалась въ Россіи. „Въ приказѣ иногда собиралось до 150 плѣнныхъ; между ними есть и такіе, которые захвачены русскими у поляковъ, — и они добивались отпуска домой, но въ приказѣ говорили, что отпустить ихъ, не переговоривъ предварительно съ польскимъ правительствомъ, нельзя; слѣдуетъ выждать мира съ Польшей. а тамъ уже можно поднять вопросъ объ этихъ плѣнныхъ“. На это Эберсъ отвѣчалъ ссылкой на Карла X, который вернулъ въ Россію не мало русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ имъ въ Польшѣ. Околичничій Иванъ Михайловичъ Милославскій, услышавъ это, похвалялъ поведеніе короля и обѣщалъ донести объ этомъ царю²⁾.

¹⁾ Dass nach Stätten brieffe wehren auff Ihr Z. M. befehl abgangen, dass ein freyer handell laut den ewigen frieden solte zu gelassen werden. Auch dass alle gefangene solten auss dem gantzen reich ausgeliefert werden, solches wehre nach allen örtern geschrieben vndt bey lebens straff anbefohlen, keinen gefangenen zu verhenden.

²⁾ Ich bin auch etzliche tage nacheinander in der Zolobitnoj Pricas gegangen, allvor die gefangenen täglich eingebracht werden, Ihre Nahmen verzeichnet, vndt von den darzu verordneten Okolnitz geexameniret vnd hernacher jn meiner ge-

29-го апрѣля 144 шведскихъ плѣнныхъ двинулись изъ Москвы въ Новгородъ, а отсюда къ шведскимъ границамъ; знатные получали по 10 коп. въ день, остальные по 5. За этой группой двинулась другая въ 40 человѣкъ.

Вопросъ о плѣнныхъ болѣе не поднимался. Гораздо сложнѣе былъ вопросъ о торговлѣ и торговыхъ привилегіяхъ шведовъ. Шведскій комиссаръ констатируетъ прежде всего небывалую дороговизну на всѣ продукты; цѣны на хлѣбъ выше чѣмъ когда-либо. Въ Вологдѣ дороговизна вызвала возстаніе народа; пострадали многіе крупные торговцы хлѣбомъ и монастыри ¹⁾. На бѣду сгорѣлъ Псковъ, погибло множество царскихъ товаровъ. Нѣкоторые предметы, напримѣръ, соболя, сдѣланы царскою регаліей; торговля ими запрещена для обыкновенныхъ купцовъ ²⁾.

gegenwart gefragt ob sie wieder nach Ihr vaterlandt oder vnter den Zaaren verbleiben wollen, einige die jung ins landt seint kommen, vndt Ihre Muttersprache vergessen, dass sie anders nicht als reussisch verstehn, bleiben lieber hier, der meiste teil aber die vast bey jahren sein, geben sich an vmb auss dem lande zu gehn, wie woll die reussen heimlich viehl darumb tuhn, vmb selbe zu überreden vmb alle hier zu bleiben, es seint viehl gefangene so vmb getaufft sein, vndt sich mit reussen verheurahtet, solches aber alles vngeachtet, steht es ihnen frey von einander sich zu scheiden vndt davon zu ziehen, welches auch oft schon ju meiner gegenwart sich zugetragen, dass mann vndt weib sich geschieden, vnd von einander gezogen, es seint hier jetzt beynahe 150 gefangene verhanden, ohn die so noch täglich eingebracht werden, welche mit ersten sollen nach der grenzen abgelassen werden, es seint einige gefangene so die Pohlen von die Croen schweden bekommen, die Reussen sie wieder von den Pohlen gefangen genommen, welche auch frey auss dem lande begehren, kan keine resolution von den reussen darüber bekommen, sagen sie können sie nicht ehe freygeben, biss sie mit Pohlen frieden haben, wohrauf ich ihnen geantwortet, dass wier so wohl mit Pohlen als mit jhnen frieden hetten, könten auch die selbe gefangenen weilen es gebohrne schweden wehren keines wegес vns verhalten vndt remonstrirte Ihnen darbey dass der Sehl. König glorw. gedechtniss König Carl Gustaf jns Polnischen krieg damahls viehl Moscovitersche gefangenen so die Pohlen gefangen hielten, loss vndt frey nach Moscou abgelassen, wie sie dass höreten, belobete der okolnitze Iwan Mihailowitz Miloslawskoj solches bey den zaaren an zubringen vndt mir bescheidt zu schaffen.

¹⁾ Vohr etzliche tagen kahn zeitung dass der gemeine Pöpel in Wologda wegen der grossen teurung vndt hungers vnterschiedtliche klöster vnd reiche Kauffleute höffe bestreiffet vndt mit gewalt korn heraus genommen, weilen vmbtrent ein Stockholmsch tonne Roggen allda gieldt 28. 30 Rubell kupfer gieldt, tuttt Riksd. 7¹/₂.

²⁾ Den Zobell handell haben Ihr Z. M. nun gantz an sich gebracht, ist hart verbohten dass niemandt ausser halb dess Zahren ein kauffers noch zubürgen reisen dörrf vmb zobeln zu kauffen, sollen alle wahr dem zahren bleiben.

Шведское правительство добивалось для своихъ подданныхъ исключительнаго права на свободную торговлю въ Россіи и не скрывало своего намѣренія и желанія лишить другихъ иностранцевъ ихъ привилегій. Но въ стремленіи монополизировать русскую торговлю оно потерпѣло такую же неудачу, какъ англичане и ганзейцы.

Эберсъ узналъ отъ нѣкоторыхъ русскихъ, что съ перваго сентября открыта будетъ свободная торговля для всѣхъ иностранцевъ, что повышены будутъ и таможенные сборы. Только въ Новгородѣ и Псковѣ за шведами сохранять ихъ исключительныя привилегіи на свободную торговлю ¹⁾).

Въ письмахъ Эберса много подробностей о возстаніи, начавшемся въ 1662 году изъ-за мѣдныхъ денегъ. Кромѣ самихъ русскихъ недовольны и иностранные офицеры; они рѣшились всѣ вмѣстѣ обратиться къ царю съ просьбою отпустить ихъ домой, или по прежнему уплачивать ихъ жалованье серебряною монетою ²⁾. Введеніе мѣдныхъ денегъ затрудняетъ и торговцевъ.

25-го іюля Эберсъ пишетъ, что и въ Москвѣ началось сильное возстаніе. На городскихъ воротахъ появились „паквильныя воззванія“, въ которыхъ читалось: пусть поляки спѣшать въ Москву, въ ней мало войска, мало съѣстныхъ припасовъ, солдаты терпятъ голодъ изъ-за уменьшенія имъ жалованья (выдача мѣдныхъ денегъ), взять Москву полякамъ будетъ очень легко. Нѣсколько тысячъ солдатъ двинулось въ село Коломенское, гдѣ жилъ царь съ своею семьей, подняли крикъ, показывали экземпляры паквилей, требовали наказанія измѣнниковъ—Илья Даниловича Милославскаго, Федора Михайловича Ртищева, Бог-

¹⁾ Erfahre ich dass man wegen der freyen handlung innerhalb 2, 3. tag wirt aus ruffen lassen, dass der handell mit den schwedischen vntersassen vndt mit keinen andern soll frey sein, sondern die andern frembden sollen alles aus des zaren schatz kaufen. 25-го іюля: mit der freyenn handlung steht es so hin, wollen die schwedische vntersassen handeln, so steht es ihnen frey, aber die leute da man mit handeln will, tragen scheu vndt furchten sich, dörffen nicht recht öffentlich handeln oder einige güter so sie verkauffen, lieberrn. Wie die Russen all in gemein berichten, so soll von *künfftigen ersten Sept.* ein gantz freyer handell mit allen Ausslender zu gelassen werden, vnd der Zaar will alsdan höhere zollen lassen nehmen, sonst ist der Handell zu Nowgrodt vndt Plescow vohr den schwedischen vntersassen frey, vnd wirt den andern ausslendern aldahr nicht anders als auss dess Zaaren schatz frey gestattet zu handeln.

²⁾ Es ist gross lamentiren alhier über dass leichte Kupfergeldt wohrüber viel leute zu grunde gehn, jnsonderheit die ausslendische offtzierer welche alle einhellig mit einander an den Zaaren gesupliciret entweder sie wollen silber geldt haben, oder jhren abscheidt.

дана Матвѣевича Хитрово, Ивана Андреевича Милославскаго. Симона Заборовскаго, думнаго дьяка въ разрядѣ, и многихъ другихъ богатыхъ и знатныхъ. Царь просилъ солдатъ выбрать изъ своей среды нѣсколько человекъ, съ которыми онъ и обсудить все дѣло. Царь общалъ все разслѣдовать, просилъ только изъ-за этого не поднимать безпорядковъ. Шумъ, однако, все усиливался; требовали немедленной выдачи измѣнниковъ. 2.000 стрѣльцовъ окружили возставшихъ, 400 человекъ было убито, многіе утонули въ Москвѣ, 600 человекъ было взято въ плѣнъ, остальные бѣжали. Сначала думали, что и горожане виновны въ возстаніи, но оказалось, что оно было поднято только солдатами и нѣкоторыми обѣднѣвшими дворянами. Пока разказанное событіе происходило въ Коломенскомъ, началось возстаніе черни въ Москвѣ; народъ ворвался въ домъ Василя Schuripa и друг. богатыхъ людей, все разграбили, что могли унести съ собою. Отсюда чернь кинулась на шведскій дворъ, но къ счастью подоспѣли стрѣльцы и защитили его. Стража была поставлена и у домовъ всѣхъ знатныхъ, противъ которыхъ возстановлена была чернь; стрѣльцамъ удалось арестовать до 600 человекъ. 400 человекъ нѣмецкихъ офицеровъ по приказанію царя были отведены въ Коломну; царь наградилъ ихъ, положивъ каждому по мѣсячному жалованью. На второй день по Москвѣ повсюду разставлены были висѣлицы, повѣшено было 40 человекъ изъ партіи зачинщиковъ, столько же въ Коломенскомъ.

Ильей Милославскимъ возставшіе были недовольны за то, что онъ не выдавалъ солдатамъ жалованья; Ртищевымъ за то, что онъ слишкомъ дорого продавалъ хлѣбъ и соль; Хитрово, вѣдавшій аммуниціонную часть, обвинялся въ томъ, что не давалъ солдатамъ оружія; Иванъ Андреевичъ Милославскій, какъ оказалось, не отпускалъ имъ лошадей, а Заборовскій не доводилъ о нихъ до свѣдѣнія царя, почему приостановилось всякое производство ¹⁾).

¹⁾ Ein grosser tumult vndt Auffruhr, solcher Gestalt, als das sie an etzlichen hiesiger Stadtsforten pasquillen angeschlagen gefunden, wohrin geschriben stunde, als wan einige reusche herren vndt Gosten solten an dem feinde dem Pohlen geschriben haben dass die Pohlen sich io ehe vndt lieber solten mit ihren armee nach Moscau begeben, den wenig kriegesvolck vorhanden were vndt sey wenig vohrraht an lebens mittel in der Moscau, das die gemeine Soldaten müssen hunger sterben wegen des geringen kupfer Geldess, dass sie bekommen, dass sie die Stadt nicht lange halten könnten, sie solten nuhr cito kommen, dieses haben die gemeine geworbene rusche Soldaten gepracticiret, welche vnter Commando von rus-

Дипломатическія новости, сообщаемыя Эберсомъ, въ высшей степени интересны. Онъ имѣлъ возможность близко сойтись со многими иностранными дипломатами, пріѣзжавшими въ Москву и у нихъ онъ развѣдывалъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ правительствъ къ Москвѣ.

che officirer in die 6000 mann starck, darneben seint auch die arme rusche vom Adell welche vor reuter dem Zaaren von Ihren gütern solten dienen, weiln sie aber durch vielen travailen verarmet vndt jhre Güter nichts einbringen, hatt der Zaar Jhnen jahr gelder verordnet, vndt dass in silber geldt werden aber mit kupfer denningen gegen silber zurechnen bezahlet. Darauff haben sich die gemeine Soldaten so viel 1000 Menschen versamlet vndt sich nach den Zaaren (weiln der Zaar mit seiner Gemahlin eben vor 8 oder 10 tagen zuvor nach einen von seinen lust häuser Colomenskoj genandt ausserhalb der Stadt 7 werst vorreiset gewesen) begeben, vndt wie rasende und dolle Menschen aldar geruffen undt geschrien undt die postquillen gezeuget, man solte Ihnen die verräther herausgeben, nemlich des Zaaren schwieger Vatter Pii Danielowicz Miloslafskoj, Fedor Michalowitz artissosf, Bogdan Matfewiz Chitrof, Iwan Andrewiz Miloslafskoj, Simon Soborofskoj, ein Dumnoi Diak in der Roserad wie auch etzliche grosse vndt reiche kaudleute, als Wassili Scheurin, Simon Sudorin oblasof, Wasili Stojjanof, den sie verräther weren; der Zaar antwortet Ihnen, sie möchten auss Ihren Mitteln die vornemsten ausskiesen, die Ihr beschwer bey den Zaaren anbringen möchten, so solten sie wohl gehöret werden vndt gut antwort bekommen, vndt solte alles untersucht werden, sie solten aber desswegen kein rebellion aufangen; es half aber nichts, wolten sich darmit nicht vergnügen noch abweisen lassen, sondern riefen allezeit weiter, mit aufgerichteten halben Mahnen, in den händen haltende, man solte Ihnen die verräther aussgeben; weiln nuhn der Zaar viele herren mit Ihre diener vndt wohl ein tausend Mann zwey streltzen bey sich gehabt, woe zu als balt noch 2000 man streltzen aus der Stadt darzu kahmen, die jetzt dem Zaaren vor andere, durch bessere accommodation trew seint, haben diese zu sahmen auff des zaaren befehl auf gedachte rebellers lossgeschlagen, sie vmbringet, in grosser furij übertallen vndt über 400 Mann niedergemacht mit dehnen so ins wasser i die Mosskausche bache gelauffen, über 600 Man gefangen lassen nehmen, vndt der Rest darvon gelauffen. Man hette vermeinet, das die bürger diesen Aufruhr angestellt hetten, ist aber keiner von Ihnen darbey, noch bey derer bosen vornehmen gewesen, ist alles durch die arme Soldaten vndt arme Edelleute gepracticiret worden. Solange auch diese nach dem Zaaren seint, ist eine andere lose Partey vom geringsten volck etzliche tausendt starck in der Stadt, so von dieser aufruhr gehöret, die fallen in des gosten Wasili Schurin vndt des gosten Sodorin häuser, rauben vndt strauben alles weg, säufen sich voll, tragen alle weg wo hr sie überkommen, machen ein gross schrecken in der Stadt, hetten auch vorgedachte Schw. höfe wollen plündern. wen nicht die Streltzen sobaldt gekommen wehren, welche alle so sie betroffen, so etwas geraubet, ordere hetten alsobaldt festzunehmen vndt worden in die 600 Menschen dahmals von der Partey auch fest gesetzet vndt wardt auf allen Ecken in der Stadt wie auch vor alle die beschuldigte herren höfe starcke wacht gestelt, damit kein grösser gewalt geschehen möchte; nachmittag nahmen die arme Edelleute auch zu dem Zahren hinauss vndt bahten

Весною 1662 года въ Москву прибыли послы отъ императора Леопольда; ихъ приняли съ особенными отличіями: царь давно уже добивался союза съ императоромъ противъ Польши и надѣялся на возможность скорого его осуществленія. Онъ въ это же время поднималъ противъ Турціи персидскаго шаха, съ цѣлью лишить польскаго короля помощи султана.

26-го іюня въ Москву возвратились изъ Стокгольма московскіе послы; они остались очень довольны своимъ пребываніемъ въ шведской столицѣ; можно было ожидать совершеннаго упроченія взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи, что было очень желательно въ виду вражды съ Польшей. Въ виду Польши Алексѣй Михайловичъ поддерживалъ дружескія отношенія къ Курляндіи. Герцогъ часто присылалъ въ Москву своихъ пословъ то по торговымъ дѣламъ, то по политическимъ.

8-го октября, разказываетъ Эберсъ, изъ Курляндіи прибылъ Іоһанъ Дополтъ (или Doppoltzen) съ просьбою къ царю—разрѣшить поданнымъ герцога свободную торговлю съ русскими ¹⁾. Самъ герцогъ адре-

Ihre Zaarische M. möchte Ihnen durch ein gut unterhalt verordnen, sie konten nicht zu dienst gehen vor solche eine schlechte gage, der Zaar boht Ihnen die handt vndt versicherte Ihnen sie solten gute satisfaction bekommen, darauff bedanckten sie sich vndt ritten davon vndt wiederfuhr Ihnen nichtes. Alle deutsche Officirer wahren auch auf des Zaaren befehl in die 400 perssonen starck, alsobaldt nach Columnetz gefodert, welche cito dahin giengen, welches der Zaar gar wohl aufgenommen, Ihnen bedancket, dass sie auff sein ordere bereit gewesen, begnadigte sie davohr mit ein monat solde vndt solten kunftig noch grössere gnade von Ihm zuerwarten haben, weiln Er ihre trewe gespüret. Dess anderen tages frühe wahren an unterschiedlichen Ortern galgen aufgerichtet undt über 40 Persohnen in Moscow von dehnen so die höffe bestraubet, gehencket, dorauffen zu Columenskoj auch über 40 persohnen; dass diese herren beschuldiget werden, soll die vrsach sein, dass Ilia Danielowitz Miloslafskoj den soldaten sein geldt will geben, Her Artissof hat das Korn vndt Saltz unter handen, da beschworen sie sich, wie auch über die gosten, dass solches Ihnen zu teur vndt hoch wirdt angegeben, über Chitrof welcher über die amunition, dass er Ihnen kein gewehr lest aussgeben, über Iwan Andrewitz Miloslafskoj welcher über die Jamtzigken, dass er Ihnen keine pferde lest geben, und über Sobrofskoj unter welchen alle Edelleute, dass Er sie bey Ihrer Z. M. nicht befodert. Hierauss mercket man gnugsahm, dass die rusche kaufleute mit den Soldaten nicht intressiret seint, sonsten hetten sie den Radiwon Matfewitz Stresnof, welchen über den handel zu disponiren hat, auch inn die postquille gesetzt, welcher den freyen mechtig verhindert hatt.

¹⁾ vohr Ihre vntertahnen bey diesen Kriegeszeiten einen freyen handell auff Russlandt zuhaben; ist auch ein Schreiben an hiesigen dumnoj diaken oder Reichscantzler von den Fürsten, welchen er alles recommandiret zu befodern, damit sein abgeschickter baldt gutt spedition möge bekommen.

совался къ думному дьяку или рейхсканцлеру съ ходатайствомъ какъ можно скорѣе выслушать его посла и довести до свѣдѣнія царя о его прибытіи.

Царь рѣшилъ отправить къ герцогу Нащокина; отъ герцога онъ долженъ былъ отправиться въ Бранденбургъ и Польшу. Просьбу герцога о торговлѣ рѣшено было исполнить, въ другой же просьбѣ—объ уступкѣ ему Дюнамюнде—отказать.

22-го ноября Эберсъ пишетъ въ Стокгольмъ, что туда явился русскій шпионъ, присылающій въ Москву свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается при шведскомъ дворѣ; письма его то на шведскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, всегда безыменныя ¹⁾. Не отъ него ли пришло извѣстіе о большихъ военныхъ сборахъ, дѣлаемыхъ въ Финляндіи? Это извѣстіе сильно встревожило русскихъ ²⁾.

Лѣтомъ 1663 года въ Москву ожидался датскій посоль. Его миссія была очень странною: такъ какъ Московское правительство *мамымъ образомъ подстрекало* датскаго короля начать послѣднюю войну съ шведами, то Алефельтъ (такъ звали посла) и долженъ былъ перечислить передъ царемъ всѣ крупныя территоріальныя потери, какія Данія понесла ³⁾. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ посольство Алефельта тогда лѣтомъ не состоялось. Григорій Нащокинъ, вернувшійся 26-го іюня изъ Даніи, привезъ съ собою очень дружественное письмо Фридриха III, въ которомъ послѣдній называетъ царя своимъ братомъ и шлетъ ему благодарность за 10.000 бочекъ ржи и 500 шифф. конопли, доставленныхъ ему во время шведской войны.

Въ рѣдкомъ изъ писемъ Эберса не заключается какихъ-либо данныхъ о русско-польскихъ отношеніяхъ; то читаемъ мы въ нихъ о движеніи польскихъ военныхъ силъ, то о царскихъ смотрахъ, цѣлью которыхъ—какъ говоритъ Эберсъ—было вызвать тревогу среди противниковъ ⁴⁾, то о походахъ самого царя, то о численности войска

¹⁾ ein Spion, welcher alles dessen ohrtes Zustandt an hiesigen hoff advertiret, die briefe seint in schwedisch vndt vnterweilen in teutsch geschrieben, ist kein nam im brieffe als nebenstehendes NB.

²⁾ Kommer Ryssen för öronen, att K. M. folck i Finlandh samblar sigh, hwilket giör store ögon och kommer dem fremmet före.

³⁾ Soll er order haben, alles zu pretendiren, wass die dähnen an Schweden abgetreten vndt verlohren, weilen die dähnen von die russen damahls gegen Schweden auffgereizet worden vndt darnach von Ihnen verlassen worden.

⁴⁾ Express dass es bey den Pohlen vndt andern ein gross geschrey soll geben.

московскаго государя и польскаго короля ¹⁾); рядомъ съ чисто военными событіями—шведскій резидентъ повѣствуетъ и о дипломатическихъ интригахъ обѣихъ сосѣднихъ державъ. Такъ 8-го января 1664 года Эберсъ говоритъ, что въ Москву прибылъ польскій епвоуэ, съ предложеніемъ отъ своего короля—устроить пограничный съѣздъ для переговоровъ о мирѣ. Этого епвоуэ въ Москвѣ считали просто за шпиона, а потому за нимъ строго слѣдили и успѣшили отправить его обратно въ Польшу. Всякая вѣсть о дипломатическихъ переговорахъ Швеціи съ Польшей вызывала беспокойство и опасеніе, какъ бы эти два государства не соединились противъ Москвы. 23-го іюня Эберсъ пишетъ въ Швецію: здѣсь—въ Москвѣ—вполнѣ увѣрены, что поляки получаютъ помощь отъ шведовъ.

Неоднократно возобновлявшіеся переговоры русскихъ съ поляками обыкновенно кончались безъ всякихъ результатовъ; между тѣми и другими не было никакого довѣрія. Эберсъ въ цѣломъ рядѣ писемъ прекрасно иллюстрируетъ эту взаимную вражду русскихъ и поляковъ; собственныя симпатіи резидента лежали на сторонѣ поляковъ; къ русскимъ онъ самъ не питалъ довѣрія и постоянно примѣняетъ къ нимъ эпитетъ—лживый, варварскій и др. Не ускользали отъ вниманія Эберса и внутреннія дѣла Московскаго государства; на сколько могъ, онъ и о нихъ собиралъ свѣдѣнія и дѣлился ими со своимъ правительствомъ.

12-го августа онъ пишетъ, что среди русскихъ начинаетъ обнаруживаться недовольство вслѣдствіе слишкомъ высокихъ пошлинъ; многіе недовольные даже переходили на сторону поляковъ. Одинъ писецъ (шрейберъ), бѣжавшій въ Польшу, увезъ съ собою много цѣнныхъ секретныхъ бумагъ.

По заключеніи шестилѣтняго перемирія съ Польшей 28-го августа Московское правительство снова принялось и за переговоры съ Швеціей, чтобы окончательно выяснить свои отношенія къ ней.

И въ 1664 году, какъ видно изъ донесеній Эберса, въ Москвѣ были заняты исключительно польскими дѣлами; ради нихъ пересылались съ Англіей, Даніей и Бранденбургомъ; искали надежныхъ по-

¹⁾ На генеральномъ смотру войска 3-го февраля въ Москвѣ оказалось конницы и пѣхоты 25.000—alle voll gemundiget; артиллеріи—120 орудій.—8-го января Эберсъ писалъ, что изъ Польши пришли вѣсти о соединеніи при Черниговѣ 1.600 королевскаго войска съ двумя отрядами Любомірскаго—въ 15.000 и Сапѣги въ 20.000 чел.

средниковъ къ полному примиренію съ западною союдами. Всегѣ болѣе надѣялись на Англію и Бранденбургъ. Вообще, изъ всѣхъ иностранныхъ державъ Англія пользовалась въ Москвѣ наибольшимъ вѣсомъ, хотя о прежнихъ уступкахъ англичанамъ больше не было и рѣчи.

11-го января, пишетъ Эберсъ, состоялась аудіенція англійскаго посла Charles Houward, Eule of Carleyll. Аудіенція и переговоры длились долѣе двухъ часовъ; посоль передалъ царю цѣнные подарки.

Англійскому послу поручено было добиться безошливной торговли для англійскихъ купцовъ въ Россіи. Эберсъ сомнѣвается въ успѣхѣ его миссіи. Швеція было бы крайне выгодно, если бы русское правительство не исполнило этой просьбы Англіи, такъ какъ тогда англійскіе купцы по неволѣ пріѣзжали бы въ ливонскія гавани.

24-го февраля Эберсу разрѣшили сдѣлать визитъ англійскому послу.

Самъ Эберсъ не передаетъ намъ содержанія своихъ переговоровъ съ Houward'омъ, но, въ качествѣ комиссара Швеціи, онъ, безъ сомнѣнія, не преманулъ выдвинуть комерческіе вопросы; излюбленная тема о перенесеніи стапеля изъ Бѣлаго моря въ Балтійское также была поднята опытнымъ агентомъ шведскаго правительства. Визиты къ иностраннымъ посламъ рѣдко ограничивались одною формальностью; ими пользовались для развѣдыванія намѣренія тѣхъ правительствъ, отъ которыхъ приходили послы, ими пользовались почти всегда для дипломатическихъ дѣлъ.

Отъ Алмаза Эберсъ уже зналъ, что русскіе на Houward'a возлагали надежду, между прочимъ, какъ на посредника ихъ отношеній съ Швеціей.

Но Houward отклонилъ всякія просьбы до разрѣшенія своей миссіи о безошливной торговлѣ для англичанъ. Уже четвертый мѣсяць какъ прибылъ Houward въ Москву, пишетъ Эберсъ въ апрѣлѣ, а дѣло его ни на шагъ не подвинулось впередъ. Русскіе категорически объявили ему, что до окончанія войны съ Польшей о безошливной торговлѣ иностранцевъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи; по заключеніи мира съ Польшей можно съизнова поднять этотъ вопросъ. Посоль пригрозилъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній Англіи съ Россіей и потребовалъ выплатить англійскимъ купцамъ всѣ долги; въ Россіи онъ не оставитъ болѣе ни одного купца—sondern müssten alle mit ihm vort.

17-го мая Houward получилъ письмо изъ Лондона, въ которомъ

ему поручалось ѣхать домой черезъ Швецію, чтобы уладить взаимныя отношенія къ ней Англіи. Узнавъ объ этомъ, въ Москвѣ забили тревогу: стали опасаться союза Англіи съ Швеціей противъ Россіи. Въ виду этого, думаетъ Эберсъ, англійскому послу едва ли разрѣшать уѣхать черезъ Ливонію.

14-го іюня посольскій посланникъ былъ отпущенъ; онъ отказался принять пожалованные ему царемъ подарки; тогда и ему возвращены были подарки, переданные царю на первой аудіенціи. Въ виду недружелюбнаго окончанія переговоровъ съ Нонвард'омъ, мысль о порученіи ему посредничества для примиренія съ Швеціей и Польшей была оставлена—*hat er keine Commission wegen Schweden noch Pohlen bekommen.*

Въ августѣ московское правительство тѣмъ не менѣ снова предлагаетъ Польшѣ обратиться къ посредничеству Англіи ¹⁾.

Миссія голландскаго посольства, прибывшаго въ Москву въ томъ же 1664 году, была столь же неудачною, какъ и англійскаго. Цѣлью голландскаго посольства было добиться новыхъ торговыхъ привилегій. „Съ голландскими купцами, писалъ Эберсъ 1-го декабря, обращеніе самое суровое“; „такъ какъ въ Голландіи свирѣпствовали заразные болѣзни, то голландцевъ далѣе Вологды не пускали и тамъ всѣ ихъ товары провѣтривали“.

Голландскій посланникъ (envoyé) прибылъ въ Москву 1-го декабря; его сначала не хотѣли допускать до аудіенціи, рѣшено было взять его письма и сообщить содержаніе ихъ государю. Но посланникъ съ большою твердостью заявилъ, что скорѣе положить жизнь, чѣмъ передать кому либо, кромѣ царя, письмо своего правительства. 9-го декабря онъ былъ допущенъ до аудіенціи и лично передалъ царю письмо штатовъ. Въ письмѣ говорилось о скоромъ прибытіи въ Москву голландскихъ пословъ и испрашивалось разрѣшеніе послать ѣхать въ Москву черезъ Ливонію. Просьбу штатовъ рѣшено было исполнить. Оставшись съ царскими совѣтниками, голландскій envoyé заявилъ неудовольствіе своего правительства по поводу умаленія титула его; русскіе пропускали въ титулѣ слово „*Hochmogende*“.

10-го января 1665 года въ Москву прибыло великое голландское посольство. Цѣлыхъ двѣ недѣли оно ожидало аудіенціи; стрѣльцы во все это время старательно оберегали пословъ, такъ какъ опасались предварительныхъ сношеній ихъ съ другими иностранцами. 23-го числа

¹⁾ Къ концу 1664 г. рѣшено было уплатить всѣ долги англійскимъ купцамъ: *den englischen Kaufleuten favorisiren sie hier jetzt sehr.*

состоялась аудіенція пословъ. Въ Москвѣ прошелъ слухъ о возможности голландскаго посредничества между русскими и поляками.

Эберсъ употреблялъ всѣ средства, чтобы проникнуть въ настоящія намѣренія голландскаго посольства. Онъ узналъ лишь одно, что вслѣдствіе нарушенія русскими полнаго титула штатовъ, миссія посольства не двигалась впередъ. Два визита Эберса къ посламъ также мало выяснили дѣло. Прощальный визитъ состоялся 8-го мая. Главный посолъ былъ въ очень дурномъ настроеніи, жаловался на русское правительство и жалѣлъ, что взялъ на себя настоящее посольство ¹⁾. Въ Голландіи, сказалъ посолъ въ заключеніи, русскимъ отплатятъ тою же монетою.

Изъ писемъ Эберса видно, что русское правительство со всѣми иностранными послами подымало вопросъ о посредничествѣ между Россіей и Польшей. 1-го декабря шведскій резидентъ писалъ, что изъ Москвы отправили нарочнаго (eine Post) къ папѣ, прося и его посредничества для примиренія съ Польшей. Изъ за польскихъ дѣлъ московское правительство искало сближенія съ Бранденбургомъ ²⁾ и съ Даніей.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Wahr gahr Malcontent vndt beschwerte sich zum höchsten über der Reusen ihrer schlechten abfertigung vndt wünschet dass er niemahls anhero gekommen were.

²⁾ Для сношеній Москвы съ Бранденбургомъ во второй половинѣ XVII вѣка много матеріалу сгруппировано въ VII томѣ Urk. und Briefen zur Gesch. des grossen Kurfürsten. Свой матеріалъ, заимствованный изъ Берлинскаго архива, мы въ ближайшемъ будущемъ издадимъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛОВИЦЫ.

Историко-литературныя замѣтки и матеріалы.

Въ послѣднее время въ ученой литературѣ опять возникъ интересъ къ пословицѣ, выразившійся въ появленіи ряда работъ, посвященныхъ разсмотрѣнію этого рода произведеній, по своему происхожденію едва-ли могущихъ (по крайней мѣрѣ въ степени не особенно значительной) претендовать на принадлежность къ „народной устной словесности“.

Въ 1896 году въ Харьковскомъ Сборникѣ Историко-филологическаго общества появилась статья проф. *Н. Θ. Сумцова* „Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ“, вышедшая затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ (Харьковъ 1896, 11 стр.).

Въ книгѣ проф. *В. П. Владимірова* „Введеніе въ исторію русской словесности“ (Кіевъ, 1896) на стр. 128—137 читаемъ главу о пословицахъ, составленную по старымъ и новымъ изслѣдованіямъ, кратко, но содержательно, съ привлеченіемъ новыхъ данныхъ.

Осенью 1897 г. мы получили трудъ г. *И. Е. Тимошенко*: „Литературныя первоисточники и прототипы трехъ-сотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ“ Кіевъ, 1897 (стр. XXV+170+4 нен.).

Въ 3-ей кн. II-го тома Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (1897 г.) находимъ статью г. *Е. А. Ляцкого*: „Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ“ I—V (также и отд. С.-Пб. 1897. 39 стр.).

Наконецъ въ XXXII кн. Этнографическаго Обзорнія 1897 г. кн. 1, стр. 158—163) напечатано интересное сообщеніе г. *М. В. Довнар-Затольскаго*: „Сборникъ польскихъ пословицъ XVIII в.“.

Если къ названнымъ трудамъ прибавимъ сборникъ *М. И. Михельсона* „Ходячія и мѣткія слова“, вышедшій 3-мъ изданіемъ въ томъ же 1897 году, то будемъ вправѣ сказать, что рѣдкій годъ давалъ до сихъ поръ такой обильный урожай работъ посвященныхъ пословицѣ.

Книга г. Тимошенка, хотя по словамъ автора и написана „не для специалистовъ, а вообще для читателей, интересующихся научными вопросами и любителей пословицъ“—тѣмъ не менѣе является далеко не случайнымъ наборомъ накопившагося матеріала, а результатомъ солидной начитанности автора въ сочиненіяхъ, посвященныхъ древнимъ, преимущественно греческимъ и византійскимъ пареміографамъ. Правда, не всѣ выраженія, какія пытается пояснить авторъ, привлекая ряды параллелей—могутъ быть признаны за пословицы и поговорки, несмотря на растяжимость послѣдняго термина (таковы выраженія: донть козла, *Виргил.*; голая истина, *Горац.*; закусить удила, *Эсхилъ* и др.); далеко не всегда удачно сгруппированы и объясняющія русскую пословицу параллели. Однако большинство пословицъ объяснено удачно и навсегда останется на пользу послѣдующимъ поколѣніямъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ судебъ пословицы.

Однимъ изъ главныхъ—если не самымъ крупнымъ—недостаткомъ названной книги является, несмотря на ея повидимому историческій характеръ, полное отсутствіе исторической перспективы. Дѣло въ томъ, что авторъ, давая рядъ параллелей изъ области латинской и греческой литературы, въ сущности только ставитъ тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены. Намъ кажется, что слишкомъ мало—ограничиться лишь указаніемъ на сходство пословицъ—по смыслу и даже по формѣ; необходимо дать еще и разъясненіе, какими путями передавалась данная пословица, какія измѣненія претерпѣвала она на пути передачи и кто былъ послѣднимъ на этомъ пути, отъ кого непосредственно получили мы данную пословицу. Кое-гдѣ, правда, авторъ пытается дать отвѣтъ на подобные вопросы; но возможно ли это при полномъ пренебреженіи тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который частью хранится въ старой литературѣ еще не вышедшей изъ рукописныхъ собраній, частью—уже напечатанной въ недавно появившихся трудахъ, о которыхъ ниже идетъ рѣчь. Старая русская пословица, какъ извѣстно—дошла до насъ почти въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей литературы: въ Начальной Лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ Моленіи Даниила Заточника. Пословица—выраженіе сравнительно новое и первоначально для обозначенія этого вида произведеній въ старой литературѣ употреблялось слово „притча“. Еще при Максимѣ

Грекѣ, въ XV—XVI в. слово „пословица“ соответствовало нашему — „выраженіе“, или чему либо въ этомъ родѣ. „Смущаются о мнѣ нѣцци *пословицею сею*: Господи, прибѣжище былъ еси намъ“, пишетъ св. Максимъ Грекъ въ толкованіи на псаломъ Ѳц, обращаясь къ нѣкоему Григорію, въ отвѣтъ на „оглаголаніе тверского епископа“ (должно быть Акакія) Синод. библ. рукоп. № 191 (по Горск. и Невостр.) л. 164 об.; то же, но нѣсколько въ иной формѣ читаемъ въ спискѣ Троице-Сергіевой Лавры: „слышалъ есми стороною, что господарь нашъ владыка тверской смущается о мнѣ *пословицею сею*...“

Когда въ русскомъ языкѣ слово „пословица“ пріобрѣтаетъ характеръ термина для извѣстнаго рода произведеній? Самый этотъ вопросъ требуетъ пока разъясненій. Но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что такое пріуроченіе этого значенія совершилось уже въ концѣ XVII—началѣ XVIII в., не ранѣе, а можетъ быть и позже.

Что до отношенія современной русской пословицы къ древней и классической по отношенію къ содержанію, то этого же вопроса касается и г. Сумцовъ въ названной выше статьѣ... Первая часть ея — мало интересная, дающая лишь общія соображенія, основанныя на статьѣ г. Тимошенка въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1894—1895 г. „Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ“, насъ не занимаетъ. Гораздо болѣе интересна вторая половина статьи (съ стр. 7-й), гдѣ авторъ пытается собрать изъ старой малорусской литературы оригиналы, къ коимъ можно возвести отчасти и современную пословицу. Не мало пословичныхъ выраженій находится въ „Рѣчи Ивана Мелешки“ (см. *Кіевская Старина* 1894 г.), въ сочиненіяхъ Іоанна Вишенскаго (о немъ см. брошюру проф. Сумцова). Полемика разгорѣвшаяся между католиками и православными въ XVII в. нерѣдко уснащалась пословицами—ихъ читаемъ въ „Obronie“ Смотрицкаго 1621 г., въ „Ехатеніе obrony“ 1621, въ *Elenchu piśm uszczypliwych* 1622, въ „Перестрогѣ“, „Апокрисисѣ“ Христофора Филалета 1597 г. и др. болѣе позднихъ памятникахъ южнорусской литературы.

Далѣе проф. Сумцовъ приводитъ рядъ пословицъ выбранныхъ имъ изъ сочиненій Лазаря Барановича (70-е годы XVII в.) и этимъ заканчиваетъ свою статью.

Въ дополненіе къ даннымъ проф. Сумцова добавимъ слѣдующее. У Лазаря Барановича, при его склонности облекать мысль въ форму сжатого двустишія, заключающаго весь смыслъ стихотворенія или цѣлаго разсужденія (см. напримѣръ въ его *Lutnie Apollinowej* 1671 г.,

въ книгахъ: *Żywoty Świątych* 1670, *Nowa Miara starey wiary* 1676 и 1679 и другихъ)—мы встрѣчаемъ много пословичныхъ выраженій; порою же онъ употребляетъ и народныя пословицы. Такъ, въ соч. *Nowa Miara* на 4-й нумерованной страницѣ „Przydatka“ Л. Барановичъ, говоря о тѣхъ, кто возвеличиваетъ св. Петра, умаляя значеніе св. ап. Іоанна (=считаетъ римскую церковь выше восточной) — „Takiego śmiałka potka u pałka“. Въ книгѣ *W wieniec Bożej Matki S.S. O.O. kwiatki* читаемъ: „Czemu nie szyty billyt—zawtra Wielki deń (=Narodzenie Pańskie, стр. 46 2-й нумераціи).

Какъ бы въ дополненіе къ этому списку польско-малорусскихъ пословицъ — и къ тому, что напечатано Брюкнеромъ въ *Wisła* 1896. t. X, zes. 3. str. 600 — 619, М. В. Довнаръ-Запольскій въ своемъ сообщеніи далъ значительное количество польскихъ пословицъ¹⁾, могущихъ намъ объяснить происхожденіе многихъ малорусскихъ. Что до происхожденія нѣкоторыхъ этихъ великорусскихъ пословицъ, которыхъ нельзя возводить прямо къ византійскимъ оригиналамъ — то на ихъ происхожденіе можетъ быть хоть отчасти пролить свѣтъ изученіемъ старыхъ „Апоетегматъ“ и „Фацецій“, въ различныхъ передѣлкахъ обощенныхъ въ европейскія литературы. Соотвѣтственно измѣненію разказа, могла мѣняться и вытекающая изъ него морализація, и такимъ образомъ пословица, являющаяся сжатымъ выраженіемъ послѣдней, также могла претерпѣвать соотвѣтственныя измѣненія.

Проф. Сумцовъ на стр. 8-й своей статьи лишь вскользь упоминаетъ о Фацеціяхъ, какъ объ источникѣ пословицъ, заимствованныхъ русскими—южными и сѣверными—у поляковъ; весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ заимствованія могло и не быть: было лишь случайное совпаденіе, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ обойти факта, имѣющаго на нашъ взглядъ немалое значеніе въ исторіи русской пословицы.

Обратимся къ Фацеціямъ. „*Faciese Polskie*“ 1624 г.²⁾—если только вѣренъ годъ изданія — дали г. Сумцову только одну пословицу, но ихъ гораздо больше. Вотъ онѣ. Цитирую по экземплярамъ С.-Пб. Публичной бібліотеки и Московской Типографской — оба неполные и

¹⁾ Къ сожалѣнію г. Довнаръ-Запольскій не указалъ, какія изъ пословицъ живутъ и теперь—хотя бы справившись по извѣстному монументальному труду Adalberga „*Księga przysłów*“, а равно не сообщилъ, чьею рукописью онъ пользовался.

²⁾ Ими пользовался, равно какъ и *Lutnia* Барановича Адальберга: *Ks. Przysłów polskich* 1894 года.

другъ друга отчасти дополняютъ. Каждый разказъ (faceseu) заключается двустилиемъ, но мы выписываемъ лишь тѣ, въ которыхъ есть намекъ на пословичное ихъ употребленіе.

С.-Пб. Публ. библ.:

№ 15. Przeto ieden dobrze radzi: „Miey się na pieczy, mow o swey rzeczy“.

№ 58. „Kto sobie nie woli—tego głowa boli“;
Jabym tak rzekł:

„Bądź sobie wprzod dobry—potym komu szczodry“.

Моск. Типогр.:

№ 1. Dobrze napisał ieden:

Pijany człowiek co czyni,
We wszem podobien do swini.

№ 4. Dawna pszypowieść. Ztemu nigdy nie wierz, do tego
Na tym handlu traci,
Kto się z dyablem zbraci.

№ 5. *Pospolicie* mówią: Nie z każdego żaka ksiądz, bo prawda:
Nie karmią łyszką nauk w Krakowie
Kto tam ma dziatki snadno się dowie.

№ 14. „Non omni spiritu credas“—*a polacy zaś powiedaią*—
— „Przypatrz się mowie, gdyż co kto powie“.

Кромѣ того отмѣтимъ еще нѣсколько выраженій пословичнаго склада въ тѣхъ же фацеціяхъ.

№ 5. Leczą czasem i błaznowie, a nie tylko doktorowie.

№ 6. Zawsze do zdrowia dobrego, trzeba serca wesołego.

№ 8. Nie bywa tam chacha, kto padnie na stracha.

№ 9. Do sieci wpadnie, kto z błaznem kradnie.

№ 11. Już temu bięda, kto prosi żyda.

№ 13. Ze złym gościem rada—zła bywa bie siada.

№ 15. Żak szkolny—iak wilk głodny.

№ 17. Czasem z przygody trafisz na gody.

№ 18. Snadno o przyczynę uderzyć chudzinę.

№ 22. Na niecnocie każdy traci, bowiem się złe zadwsze płaci.

№ 27. Zły tam kiermasz bywa, gdzie żona swarliwa.

№ 28. Dla marnego złota dziurawieie cnota.

№ 30. Niezbyty gość — biedy z nim dość (=незванный гость хуже татарина).

№ 36. Przysięgać snadnie temu co kradnie.

- № 38. Nie gnieway pana—stracisz barana.
- № 41. Dawne to są obyczaje: zdrada zdradą się oddaje.
- № 44. Często się to przyda—sam się głupi wyda.
- № 48. Nie patrz na to, że płaszcz ubogi: może tam być rozum drogi
(ср. по одежкѣ встрѣчаютъ).
- № 59. Nie ładaj pierno, piy wino mierzno.
- № 72. Bies tam nie dowiedzie, gdzie baba dojedzie (= гдѣ чортъ не
сможетъ—бабу пошлетъ).
- № 82. Drogie imenie—dobre ćwiczenie (=ученье свѣтъ...).
- № 83. Jano się kto z kim obchodził — wzajem mu się to nagrodzi
(=какъ аукнется, такъ и откликнется).
- № 106. Jako ogień bywa z wodą, tak staremu z żoną młodą.
- № 113. Utrata wieczna niewlasta wszeteczna.
- № 121. Kto na kogo sidło pokrywa — sam czasem w nim odpczywa
(=не рой другому яму, самъ попадешь).
- № 137. Nie potrzeba rady niewieście do zdrady.
- № 138. Nie szukaj złota kędy jest snota.

Ограничимся пока хотя этими примѣрами. Въ числѣ пословицъ, напечатанныхъ М. В. Довнаркомъ-Запольскимъ по рукописи XVIII в. мы встрѣчаемъ нѣсколько, напримѣръ №№ 29, 38, 42, 43, 92, 107, 111, 115, 147—которыя по своему построению, рѣмѣ и складу всецѣло соотвѣтствуютъ приведеннымъ нами: № 29: Brzuch tłusty łeb ma pusty; № 92: Wle mów hur, aż przeskoczysz (ср. Апоетегмата). Въ концѣ XVII и за сямъ въ XVIII вѣкѣ были сдѣланы переводы этихъ фацецій, при чемъ сохранена таже форма разказа: послѣ изложенія какого-нибудь забавнаго анекдота слѣдуетъ, какъ бы вытекающее изъ него правоученіе, общая мысль, которую можно вывести изъ даннаго случая. Въ русскомъ переводѣ (цитирую по рукописи С.-Петербургской Императорской Публичной библиотеки Q XVII № 12), который представляетъ не сплошной переводъ, а лишь выборку изъ польскихъ фацецій—находимъ переводъ нѣкоторыхъ пословицъ почти послѣ каждаго разказа, напримѣръ

- № 19. (л. 14) „поелику і како кто с кѣмъ ся обьходить взаємно се
оному наградитъ“,
что является буквальнымъ переводомъ выше цитированнаго № 83 польскихъ фацецій.
- № 34. (л. 23 об.) Тамо не бываетъ ха ха:
Кто дойдетъ до великаго страха—ср. выше польск.

- № 46. (л. 33) Обычно сему быти всегда чимъ заемяють;
Симъ и возвращають—ср. польск. № 83.
- № 47. (л. 34) Ни кто же коли приобретаеть;
Иже з дияволомъ торгъ свой слагаетъ—соотвѣтствуетъ
польск. № 4.
- № 50. (л. 36) ..Бѣдникъ той і в кую ни обратится страну кто имѣеть
злую і язычную жену—ср. польск. № 27.
- № 60. (л. 41 об.) Не потребуеть рады
Жена до зрады—буквально польск. № 137.
- № 62. (л. 42 об.) Не ищи много злата;
Но аще гдѣ великая цнота—польск. № 138.
- № 64. (л. 44 об.) ...Ни дѣмонъ сего разумѣеть,
Что женская плоть умѣеть—польск. № 72.
- № 14. (л. 10 об.) Не гнѣвай иана,
Потеряешь барана—польск. № 38.

Послѣдній примѣръ показываетъ намъ, что порой пословицы—
двустипшія переводились буквально и точно; нѣкоторые изъ указанныхъ
выше—что переводъ дѣлался лишь приблизительно; что до третьихъ—
то тутъ прямо попадаютъ невѣрные переводы, напримѣръ. *Faceseu*
polskie № 100. *Na Gardego*...

Dworzanin gardy.
Gerst między smardy —

передано въ русскомъ переводѣ такъ:

Дворанинъ гордый;
Смердъ голодный;—(№ 2, л. 3).

Такая манера снабжать коротенькими выводами въ формѣ посло-
виць, принесенная къ намъ съ Запада ¹⁾, привилась: въ XVIII вѣкѣ
въ стихотворномъ переводѣ шутливыхъ повѣстей или жартъ читаемъ
также рядъ такихъ же пословичныхъ или поговорочныхъ выраженій,
напримѣръ (цитирую по сборнику такихъ жартъ, рукопись Импера-
торской Публичной библиотеки Q XIV, № 133, XVIII вѣка).

Послѣ разказа о господинѣ и мужикѣ, читаемъ выводъ—

- № 3 (л. 2 об.) Не сообщайся съ рабой,
Не сравниешь съ собой—

¹⁾ Ср. средневѣковые и относящіеся къ эпохѣ Возрожденія сборники вроде *Wendunmuth'a* и проч.

—выводъ который представляетъ собою уже значительное удаленіе отъ частнаго случая, разказаннаго раньше.

- № 4 (л. 3 об.) Кто себя не охраняетъ
Тотъ явно себя теряетъ.
- № 7 (л. 5 об.) Сирадь бываетъ не изъ тучи,
Но изъ навозной кучи.
- № 13 (л. 9 об.) Говоритца пословица неложно
Природы переменить не можно.
- № 17 (л. 11 об.) Когда тонемъ топоръ сулимъ,
А вытащать—топорнища не дадимъ.
- № 20 (л. 14 об.) Кто злую привычку имеетъ,
Чтобъ отъ тово отстать не разумеетъ.
- № 21 (л. 14 об.) На што старому женитца
Лутче богу молитца.

Что до другихъ разказовъ этого сборника, то они заключаются также двустипіями, но уже не имѣющими характера пословицъ, а относящимися лишь къ данному разказу въ самомъ тѣсномъ смыслѣ.

Въ судьбѣ рукописныхъ сборниковъ XVIII вѣка мы можемъ подмѣтить слѣдующее явленіе: содержаніе ихъ, традиціонное, привычное народнымъ массамъ, постепенно переходитъ въ печать, въ такъ называемую лубочную литературу. вмѣстѣ съ лицевыми житіями, чудесами, появляются и забавные листы съ „притчами“—и здѣсь то мы встрѣчаемся съ жартами и фацеціями, а равно и съ тѣми пословичными выраженіями, которыя являются ихъ моралью, выводомъ. Этимъ то путемъ въ XVIII столѣтіи и переходили въ массы пословицы, порою заимствованныя, главнымъ образомъ, какъ мы видѣли изъ митературы польской и южно-русской, бывшей связующимъ звеномъ между литературой европейской и московской.

Примѣрами могутъ служить хотя бы тѣ данныя, которыя находимъ въ трудѣ Д. А. Ровинскаго (Русскія народныя картинки, 1881). Здѣсь находимъ, на примѣръ, картинку о подъячемъ и смерти, извѣстную уже въ началѣ XVIII в. (позже 2-е изд. 1830—1840-хъ г.); текстъ ея; „Змея хотъ умираетъ, а зелья всё хватаетъ. Пословица есть у людей: скажу въ примѣръ и сказку кней“...—слѣдуетъ разказъ о подъячемъ-взятчикѣ, при видѣ смерти безсознательно протягивающемъ къ ней руку за взяткой,—и завершается повтореніемъ сюжета, основной мысли: „збылась пословица: змея хотъ умираетъ а зелья всё хватаетъ“ (Ров. I, № 216, стр. 447).

Тамъ же читаемъ фацецію: мужъ въ наказаніе привязываетъ глупой женѣ на спину кошку, которая вбивается въ нее, когда мужъ начинаетъ стегать кнутомъ. На просьбу жены снять кошку, мужъ отвѣчаетъ: „Глупая, кошку за блудни бьютъ. А жене глупой потачки не даютъ (Ров. I, № 154, стр. 381, половины XVIII в.)—сравнимъ съ этой пословицей польскую: „pieska bio a lewku pawieszczky daią“ (по ркп. 1726 г. Имп. Публ. библ. Разнояз. Q. XVII, 260) или современную—„кошку бьютъ, а невѣсткѣ—намѣстку даютъ“ (Новгор. запис. мною 1893 г.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ лубочной картинкѣ мы имѣемъ лишь иллюстрацію извѣстной пословицы; такова у Ровинскаго № 132 (I, стр. 354) тоже половины XVIII в., старая пословица: „седина в бороду—бесъ в ребро“.

Обратимся теперь еще къ одному памятнику переводной литературы XVII вѣка, имѣвшему большую извѣстность; переводъ его (правда въ иной редакціи, чѣмъ въ рукописяхъ) находимъ уже напечатаннымъ при Петрѣ Великомъ и выдерживающимъ втеченіи XVIII вѣка нѣсколько изданій.

Это—„Апоетегмата“, то-есть изреченія знаменитыхъ людей и мудрецовъ съ краткими анекдотическими подробностями ихъ жизни и изложеніемъ ихъ философскаго ученія или просто житейскихъ правилъ, преподанныхъ ими.

И въ переводѣ „Апоетегматъ“—немало найдемъ пословицъ. Приводя случаи изъ жизни мудрецовъ и великихъ людей древней Греціи и Рима, авторъ сообщалъ и ихъ наиболѣе важныя изреченія. Переводчикъ и польскій, и русскій, передавая латинскія пословицы и поговорки, прибавляли со своей стороны свои, еще болѣе поясняющія смыслъ даннаго мѣста. Вотъ что удалось намъ найти въ рукописи „Апоетегматъ“ Публичной Библиотеки Q. XV, № 15 (=Толст. II, 92), писанной полууставомъ конца XVII — начала XVIII в. и озаглавленной: „Ноетма“ (Сходный сборникъ съ массой полонизмовъ—Публ. Библ. Q. XV, № 12=Толст. II, 64).

- л. 13 не к селу ни к городу (на полѣ глосса: „не благостройно“).
 л. 43 ...а поляне: не гѣи гой, гой, даже прескочиши.
 л. 44 об. послѣ разсужденія о томъ, что старость безъ знанія—ничто, читаемъ: ...откуда уросло слово: не пытай стараго, токмо бывалаго.
 л. 52 об. ...слово, егда изуздается, нельзя поправить.
 „ тѣмъ же (яко глѣть лучши перекусивъ глѣти;—сравнимъ

известное: „слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь“, и „спорить надо поѣвши“ (объ упрямомъ и несговорчивомъ).

1. 54 Терентіи (Terentius) глѣть: „безъ хлѣба и вина любовь студена“.
1. 66 об. кто грозить той оберегаетъ.
1. 89 ... глѣють поляне: „дано кокошу шестокъ, а онъ башни хочетъ“, ср. „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“.
1. 94 об. Александръ Великій говоритъ: „едина слеза матерня многи грамоты сострѣти можетъ“.
1. 95 ...добри глѣють поляне: „не клади перста межъ двери“.
1. 113 об. Древле глѣють: „во время брани молчать уставы“ (=inter arma silent leges).

Часть приведенныхъ здѣсь пословичныхъ выраженій отличается именно тѣми основными чертами того рода творчества, который мы называемъ пословицей: въ однихъ мы имѣемъ образъ—это по терминологіи г. Ляцкого поэтическая пословица (стр. 2), въ другихъ лишь прозаическое сужденіе при отсутствіи образа. Но всѣ они—что самое главное—являются какъ бы краткимъ резюме, завершающимъ разказъ, каждое позади себя предполагаетъ какой либо разказъ, случая изъ жизни, конечнымъ пунктомъ котораго оно и является. И здѣсь—„изъ конкретнаго жизненнаго случая возникаетъ мѣткое выраженіе, являясь въ оболочкѣ разказа, характеризующаго время, мѣсто и дѣйствующія лица событія. Затѣмъ конкретный случай забывается, разказъ становится ненужнымъ и отпадаетъ, и выраженіе въ силу своей изобразительности, мѣткости или звучности западающее въ память и примѣняемое къ цѣлому ряду другихъ конкретныхъ случаевъ, становится пословицей и начинаетъ свою самостоятельную жизнь“ (*Е. Ляцкий*. Нѣсколько замѣчаній... стр. 7)—этотъ то „процессъ сжиманія разказа въ пословицу“ по выраженію *А. Потемки* (Изъ лекцій по теоріи словесности, стр. 96) намѣчается нами въ образованіи выписаннаго ряда пословичныхъ выраженій, взятыхъ изъ старой польской и русской анекдотической литературы.

Въ исторіи пословицы, ея образованія и распространенія имѣетъ большое значеніе тотъ путь, какой она прошла. Мы знаемъ, что источникомъ многихъ русскихъ пословицъ послужили изреченія мудрецовъ классической древности: но въ какой формѣ и откуда проникли они къ намъ? Часть—дала намъ *Пчела* (см. изд. Семенова въ

Сборн. 2 отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 54), часть—проникла изъ позднихъ переводовъ съ польскаго и латинскаго—уже въ XVII и XVIII в.

Вліяніе Пчелы было какъ непосредственное, такъ и чрезъ сборники, заключающіе въ себѣ рядъ выписокъ изъ Пчелы, а равно и изъ иныхъ источниковъ. Къ числу подобныхъ сборниковъ, какъ намъ кажется, можно отнести и позднюю рукопись Имп. Публ. библ. О. I, № 427, гдѣ (л. 141) подъ заглавіемъ „Книга Изморагдъ“ (нач.: „иже бо кто не повнѣтъ откуду что взято доброе, подобенъ есть цсу“...)—сочиненіе не имѣющее ничего общаго съ извѣстнымъ древне-русскимъ сборникомъ, носящимъ то же названіе. Здѣсь читаемъ: „лучче пьяна мудра слышати, нежели трезва безумна“ л. 147. (Ср. „пьянъ да уменьъ—два угодыя въ немъ“ и т. п.) и цѣлый рядъ выраженій, сходныхъ съ „Моленіемъ Данила Заточника“.

Но не было ли еще какихъ нибудь путей, какими проникали на Русь и входили въ оборотъ народной рѣчи (кромя устной традиціи) пословицы изъ переводныхъ польскихъ повѣстей? Тѣ же сборники XVII—XVIII дадутъ намъ отвѣтъ. Укажемъ хотя бы на сборникъ Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 220, относящійся къ половинѣ XVII вѣка, написанный несомнѣнно южно-русскомъ. Здѣсь на об. л. 2—л. 10 вперемежку съ коротенькими виршами находимъ и достаточное количество пословичныхъ выраженій и народныхъ пословицъ, напримеръ: „На лакомого. Досталесь маетности, маешь надеръ (слишкомъ) всего; трудно ся маешь оухоронить припадку злого“.

„Оу бѣдахъ терпѣти треба на свѣтѣ конечно,

„На тамтомъ свѣтѣ бы не терпѣти вѣчне“

или:

„Зѣ потомъ робота, коли при ней цнота, безъ ключа въ небо
намъ отворяеть ворота“.

„Не будетъ, якъ свѣтъ свѣтомъ, русинъ полякови братомъ“
(очевидно польскаго происхожденія: рѣмуютъ *światem*—*bratem*)

„Русине, и ляху и влоху, быть тобѣ треба въ проху“.

„Узду на коня и удила дано, рядить (gzaǰić) розумомъ людемъ
приказано“.

„Русине и ляху, варуйтеся грѣху“.

„Не могу грѣховъ покимъ живъ оплакать, а неба трудно смѣ-
хомъ ся доскакать“.

...„Грѣхъ есть болото (błato), цнота—злото“.

„Безъ господара домъ плаче, при господарѣ заскаче“.

„Хоть (слѣд. читать хортъ — гончая собака) на заяца, а чортъ на человѣка годить: коли богъ з человѣкомъ, нѣчего ему не-
зашкодишь“.

„Осень, листопада—людемъ бѣда“ (biada)

„Гды дощъ у осени—хлопъ робить ся лени“

„Не помогутъ намъ нашѣ маетности, гды Христось почне ка-
рати за нашѣ злости“.

„Згдою речь ся посполетая множить, а за незгдою гинеть
(=concordia res parvae crescunt....)

„Кждому умерти придется человѣку; бы жилъ наибольше—не
переживеть вѣку“.

Малоруссамъ обязаны своимъ существованіемъ многіе сборники, подобные тому, изъ котораго мы выписали только что рядъ примѣ-
ровъ. Разсмотрѣніе, болѣе детальное и внимательное, можетъ намъ
показать пути переноса многихъ пословицъ на великорусскую почву
и едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ исторіи развитія рус-
ской пословицы во многихъ случаяхъ имѣло мѣсто тоже явленіе, что
и при образованіи духовныхъ стиховъ, въ возникновеніи и развитіи
которыхъ виршевая поэзія XVII вѣка сыграла значительную роль
(напримѣръ, таковы духовные стихи о Борисѣ и Глѣбѣ или извѣст-
ный стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, имѣющій своимъ прото-
помъ вирши въ „Анеологіонѣ“ изданномъ въ Москвѣ 1660 г. Арсе-
ніемъ Грекомъ (ср. Тихонравовъ. Собраніе сочиненій, Москва. 1898,
т. II, 5).

Намъ кажется умѣстнымъ обратить здѣсь вниманіе и на много-
численные сборники вопросоотвѣтовъ, давшихъ начало многимъ за-
гадкамъ, а порою, возможно, и пословицамъ. Такіе вопросо-отвѣты
принадлежать или приписываются многимъ отцамъ и учителямъ цер-
кви, напримѣръ св. Епифанію (рпк. Толст. III, 70, л. 414), св. Ава-
насію Александрійскому (Толст. II, 254, л. 320), Анастасію Синаиту
(тамъ же, л. 322; рпк. XVI в.), Никитѣ Ираклійскому (Толст. II,
254, л. 387) и цѣлому ряду другихъ, а равно-извѣстныхъ и ано-
нимныхъ авторовъ, напр. Толст. II, 140, л. 958—963, II, 442, л. 376,
Погод. 1606, л. 83—92, Собр. Вяземскаго: F, IX, л. 135, 141; Q.
CCXLVI посл. страницы и CCLXXVIII; O. IX и 166 и др.

Указанія эти совершенно случайны: всякій, хоть сколько нибудь
занимавшійся древне-русской рукописной литературой, часто натал-
кивался на подобныя произведенія, бывшія весьма распространен-

ными и любимыми въ нашей старинной литературѣ. Здѣсь, вѣроятно, могли получить начало тѣ пословицы, которыя отличаются, такъ сказать, отвлеченнымъ характеромъ.

Что до двучленной формы и „изобразительныхъ средствъ“ русской пословицы (см. *Ляцкий* op. cit. стр. 17 и слѣд.), то двучленность и риму мы встрѣчаемъ въ наиболѣе популярныхъ произведеніяхъ старой проповѣднической переводной литературы; такъ въ Словѣ Іоанна Златоустаго „о гордости“ читаемъ: „какъ садъ не ѡтереплѣ ѡ хвороста не можетъ рости, такъ и члкъ грѣдый не можетъ са сѣти“. Измарагдъ XV в. Кіево-Михайловскаго монастыря № 1646 (по Петрову 448) л. 4.

Двучленная форма, въ нѣсколько иномъ, правда, видѣ наблюдается въ пословицахъ типа: „съ сильнымъ не борись—съ богатымъ не тяжись (resp. не вяжись, не судись)—ср. ея прототипъ въ книгѣ Премудрости Іисуса С. Сирахова гл. VIII, 1: „не бранись члкъ силныѣ. бойса абы еси не оупалъ в рѣцѣ егѡ. не свариса с моужѣ богатыѣ. абы не накоупилъ на тебе сѣдоу“. по ркп. Имп. Публ. Библ. XV в. F. I, № 4, л. 109 об.

Классическія вліянія могли ийти какъ со стороны древне-русской Пчелы и однородныхъ сборниковъ, такъ и чрезъ переводы южно-руссовъ, заимствовавшихъ какъ непосредственно изъ классическихъ (латинскихъ) авторовъ, такъ и изъ польскихъ переводовъ и обработокъ. Такъ въ рукописи того же, Кіево-Михайловскаго монастыря № 1748 (526) л. 42—70 читаемъ выписки изъ Марціала;—о Марціалѣ же читаемъ въ „*Żwierzycu*“ Reja z Nagłowic 1562 г. (стр. 259, wyd. г. 1895, Bibl. pisarzyw polskich).

Суммируя все сказанное, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ. Прежде всего—изученіе пословицъ должно быть историческимъ. Результатомъ такого изученія явится возможность: 1) выдѣленія изъ массы подлежащаго анализу матеріала—не народныхъ, а литературныхъ пословицъ; 2) изучая пословицу мы будемъ въ состояніи возсоздать, хотя бы пока въ самыхъ общихъ чертахъ, исторію ея эволюціи, чего нельзя, какъ намъ кажется, сдѣлать только на основаніи чисто апіорныхъ соображеній. Методъ такого изученія требуетъ обстоятельнаго ознакомленія не только съ древней классической и византійской пословицной литературой, а съ цѣлымъ рядомъ тѣхъ послѣдовательныхъ литературныхъ ступеней по которымъ подвигалась и передавалась къ намъ пословица, главнѣйше — литературы пословицъ польскихъ, сохранившихся какъ въ живомъ говорѣ, такъ и въ памятникахъ старой пись-

менности. Эти послѣдніе помогутъ намъ установить пути традиціи пословицъ и породившихъ ихъ—разказовъ. Наряду съ этимъ имѣютъ значеніе работы по изслѣдованію формальной стороны пословицъ, въ родѣ статьи г. Ляцкаго; но всестороннее изученіе и теорія пословицы возможна при изслѣдованіи ея историческихъ основъ и отношеній, связывающихъ ее съ ея источниками.

В. Черетцъ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СЪ ПРАВОБЕРЕЖНОЮ МАЛОРОССІЕЙ ВЪ 1673 ГОДУ.

Въ записныхъ книгахъ Малороссійскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи за №№ 21 и 24, заключается нѣсколько сотъ документовъ, касающихся сношеній московскаго правительства съ гетманомъ правобережной Малороссіи Петромъ Дорошенкомъ въ 1673 году. Документы эти представляютъ значительную долю интереса: иллюстрируя приемы московской дипломатіи, они также заключаютъ въ себѣ хотя и краткое, но все таки довольно обстоятельное изложеніе политическихъ и социальныхъ стремленій одного изъ видныхъ представителей малороссійскаго казачества и указываетъ на то, какія затрудненія создавали сами Малороссіяне московскому правительству, когда оно рѣшалось исправить андрусовскій договоръ и возстановить цѣлость Малороссіи.

Сношеніе московскаго правительства съ Дорошенкомъ еще болѣе подтверждаютъ давно уже высказанную мысль¹⁾, что упреки московскому правительству за андрусовскій договоръ болѣе чѣмъ неосновательны. Объ указанныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ С. М. Соловьевъ, писавшій не мѣстную исторію Малороссіи, а общую исторію Россіи, упоминаетъ только вкратцѣ; впрочемъ, и Костомаровъ въ своей специальной монографіи „Руина“ даетъ объ этихъ сношеніяхъ московскаго правительства съ Дорошенкомъ краткія, сбивчивыя и невѣрныя свѣдѣнія, что слѣдуетъ объяснить отсутствіемъ въ „Руинѣ“

¹⁾ Разборъ мнѣній объ андрусовскомъ договорѣ см. въ нашей статьѣ о Малороссійскомъ духовенствѣ (*Ученія въ Московскомъ Общ. Ист. и Дрегн. за 1894 г. кн. 3, стр. 420, прим. 206*).

ссылку на документы записной книги Малороссійскаго Приказа № 21¹⁾. Въ настоящей замѣткѣ излагаются наиболѣе любопытные изъ этихъ документовъ.

I.

Андрусовское перемиріе, которое слѣдуетъ считать „вѣчнымъ миромъ“, такъ какъ оно опредѣлило отношенія Россіи къ Польшѣ почти на сто лѣтъ, по словамъ одного современника, обратило на себя вниманіе всей Европы²⁾, а по мнѣнію С. М. Соловьева³⁾ послужило одною изъ граней между древнею и новою Россією: со времени заключенія этого перемирія Россія получила возможность заняться рѣшеніемъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія.

Неудивительно, если андрусовскимъ перемиріемъ недовольны были въ Польшѣ, которая должна была по этому договору лишиться значительной части своей территоріи; понятно также, хотя и вполнѣ неосновательно, негодованіе, вызванное вѣстью о заключеніи перемирія въ Малороссіи, гдѣ многіе показывали видъ, что не могутъ уяснить себѣ, почему московское правительство признало необходимымъ поступиться, наконецъ, тою частью Украйны, которая со времени измѣны Юрія Хмельницкаго не была уже подъ рукою великаго государя. Но въ высшей степени страннымъ казалось автору договора Ордину-Нащокину то, что и въ Москвѣ недовольны были достигнутыми имъ успѣхами, тогда какъ до войны, какъ писалъ Ординъ-Нащокинъ, въ Московскомъ государствѣ „и въ мысли того не бывало, что Смоленскомъ владѣть, не только что Черниговымъ и всею сѣвѣрною землею“⁴⁾.

¹⁾ Въ сочиненіи А. Попова „Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—77 г.г.“. О сношеніяхъ Московскаго Правительства съ Дорошенкомъ въ 1673 г. упомянуто только въ нѣсколькихъ словахъ.

²⁾ *Сѣверный Архивъ* за 1826 г. стр. 312.

³⁾ *Исторія Россіи*, т. XI, изд. 1861 г. стр. 261.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 245. Эти слова Ордина-Нащокина показываютъ, что знаменитый дипломатъ плохо зналъ исторію сношеній московскаго государства съ Польшею особенно при Іоаннѣ III, Василіи III и Іоаннѣ IV (Сравни. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. Т. XLI, № 98, стр. 533—534; Т. XXXV, № 73, стр. 358, № 85, стр. 512; Т. LIX № 18, стр. 278).

Однако въ Москвѣ были, дѣйствительно, недовольны договоромъ. Въ первый же день послѣ возвращенія Ордина-Нащокина изъ Андрусова въ столицу, государь сказалъ ему, что Кіевъ, который по договору оставленъ за Россією только на два года, необходимо навсегда присоединить къ Московскому государству ¹⁾. Въ виду столь ясно выраженной воли государя Ординъ-Нащокинъ, поставленный тогда во главѣ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ съ титуломъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, долженъ былъ все свои усилія направить къ тому, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ полякамъ по истеченіи указаннаго въ договорѣ двухгодичнаго срока. Для того, чтобы при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ можно было предъявить полякамъ требованіе объ оставленіи Кіева за московскимъ государствомъ, Ординъ-Нащокинъ считалъ нужнымъ вызвать въ правобережной Малороссіи сочувствіе къ Москвѣ и вступилъ въ сношенія съ гетманомъ правобережной Украины Дорошенкомъ. Хотя эти сношенія велись въ тайнѣ, однако о нихъ узналъ гетманъ лѣвобережный Брюховецкій и, опасаясь, чтобы московское правительство не отдало его урядъ Дорошенку, поднялъ возстаніе противъ Москвы. Возстаніе Брюховецкаго считалось въ Москвѣ величайшимъ бѣдствіемъ, однако именно благодаря этой смутѣ московское правительство получило возможность не отдать Кіева полякамъ въ назначенный срокъ, въ апрѣлѣ 1669 г.; на происходившемъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя посольскомъ съѣздѣ въ Андрусовѣ Ордину-Нащокину удалось отсрочить на полгода разрѣшеніе вопроса о возвращеніи Кіева полякамъ, но при этомъ посольскихъ дѣлъ оберегатель долженъ былъ присягнуть въ томъ, что о „приведеніи въ совершеніе, неисполненныхъ еще статей андрусовскаго договора“, а слѣдовательно и статьи о возвращеніи полякамъ Кіева, должно состояться постановленіе въ шестимѣсячный срокъ.

Все попытки Ордина-Нащокина создать новыя препятствія къ принятію Кіева польскимъ правительствомъ оказались неудачными. Не удалось также Ордину-Нащокину перевести кіевское духовенство изъ подъ благословенія константинопольскаго патріарха подъ послушаніе патріарха московскаго, хотя посольскихъ дѣлъ оберегатель считалъ эту мѣру необходимою для возвращенія современемъ государству Московскому Кіева послѣ того, какъ придется этотъ городъ согласно андрусовскому договору отдать полякамъ. Открыто же начать съ польскимъ правительствомъ переговоры объ отмѣнѣ статьи

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Польск. 1669 г. № 8.

андрусовскаго договора о Кіевѣ, Ординъ-Нащокинъ не считалъ возможнымъ ¹⁾).

Итакъ, съ одной стороны польское правительство требовало, чтобы Кіевъ, согласно данной Ординымъ-Нащокинымъ въ мартѣ 1670 г. присягѣ, былъ возвращенъ Польшѣ, съ другой стороны царь Алексѣй Михайловичъ; на основаніи докладовъ новаго своего любимца А. С. Матвѣева, считалъ невозможнымъ возвратить Кіевъ полякамъ: Матвѣевъ, которому передано было отнятое у Ордина-Нащокина завѣдываніе Малороссійскимъ Приказомъ, безпрестанно выслушивалъ заявленія вліятельныхъ малороссіянъ, утверждавшихъ, что возвращеніе Кіева полякамъ вызоветъ возстаніе въ той части Малороссіи, которая оставлена была подъ властью московскаго государя. При такихъ обстоятельствахъ Ординъ-Нащокинъ, продолжавшій еще завѣдывать посольскими дѣлами, не только долженъ былъ просить отставки отъ управленія посольскимъ приказомъ, но и вовсе отказаться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и удалиться въ монастырь.

Преемникомъ Ордина-Нащокина по управленію Посольскимъ приказомъ назначенъ былъ также А. С. Матвѣевъ, къ которому еще раньше перешло управленіе малороссійскимъ приказомъ. Новый начальникъ посольскаго приказа призналъ возможнымъ предложить польскому правительству добровольно отказаться въ пользу московскаго государства не только отъ Кіева, но и отъ всей половины Малороссіи по правую сторону Днѣпра (правобережной), которая по андрусовскому договору признана была принадлежащею Польшѣ. Предложеніе это сдѣлано было великимъ и полномочнымъ посламъ польскимъ Яну Гнинскому съ товарищи, прибывшимъ въ Москву для переговоровъ о „совершеніи еще неисполненныхъ статей андрусовскаго договора“.

Само собою разумѣется, что польскіе послы наотрѣзъ отказались отъ измѣненія въ пользу Москвы андрусовскаго договора ²⁾, тѣмъ не менѣе новому начальнику Посольскаго приказа, какъ и Ордину-Нащокину въ 1669 г., удалось въ виду угрожавшей польскому правительству войны съ Турціей, еще разъ отсрочить разрѣшеніе вопроса о возвращеніи Кіева полякамъ; на этотъ разъ отсрочка дана была болѣе продолжительная, почти двухлѣтняя до 1674 г. ³⁾. Но еще за-

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 г. № 11, стр. 98, 105, 141, 115 и 151 нашей статьи объ Ординѣ-Нащокинѣ.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Польск. Стат. Списки, № 141, л. 644, 808; Сравни. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № III, ст. 367.

³⁾ Полн. Собр. Зак. Т. I, № 513, стр. 879, п. 3; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки, № 141, л. 854.

долго до истеченія этой отсрочки, Матвѣевъ призналъ возможнымъ принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы не только сохранить за Московскимъ государствомъ Кіевъ, но и всю правобережную Украину опять принять подъ высокую руку великаго государя.

Въ то самое время когда выѣзжали изъ Москвы польскіе послы ¹⁾ начиналась война Польши съ Турціей. Война кончилась крайне неудачно для Поляковъ: они вынуждены были по бучацкому договору отказаться отъ власти надъ правобережною Україною, признать года за три передъ тѣмъ состоявшееся подчиненіе гетмана этой страны Дорошенка турецкому султану ²⁾. Такимъ образомъ польское правительство отдало туркамъ ту страну, которую отказывалось уступить Москвѣ.

При первомъ извѣстии о томъ, что поляки отказались отъ власти надъ Западной Малороссіей, Матвѣевъ рѣшилъ, что московское правительство уже не связано относительно этой страны андрусовскимъ договоромъ. По четвертой статьѣ этого договора московскій царь обязывался не принимать подъ свою руку подданныхъ польскаго короля, но послѣ бучацкаго договора въ Москвѣ стали смотрѣть на правобережную Украину, какъ на страну, принадлежащую Турціи, и гетмана этой страны Дорошенка, какъ турецкаго подданнаго, московское правительство считало возможнымъ принять подъ государеву руку безъ нарушенія андрусовскаго договора ³⁾.

Въ согласіи Дорошенка оставить недавно принятую турецкую протекцію московское правительство не сомнѣвалось, такъ какъ въ апрѣлѣ 1671 г. Дорошенко сообщалъ въ Москву, что поддался агарянину на время и желаетъ быть подъ высокою рукою великаго государя; еще въ 1669 г. митрополитъ кіевскій Юсифъ Тукальскій, добиваясь отъ московскаго правительства разрѣшенія поселиться въ Кіевѣ, писалъ государю о готовности Дорошенка быть его подданнымъ ⁴⁾. Уже черезъ три мѣсяца послѣ заключенія бучацкаго договора, Матвѣевъ черезъ довѣренныхъ людей наводитъ справки о томъ, не „скачаетъ ли Дорошенко отъ того, что поддался турецкому салтану, отъ турецкихъ людей той стороны Днѣпра людямъ утѣшенія какова не было-ль и не ищеть-ли того Дорошенко, какъ бы ему отъ турецкаго султана

¹⁾ Ibid. гл. 920, 971. Сравни. *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 131; *Костомаровъ*, Историч. моногр. и изслѣд. Т. XV, изд. 1882, стр. 411.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, с. 219.

³⁾ Ibid. № 57, ст. 204—205.

⁴⁾ Ibid. Т. VIII, № 30, стр. 132—134; т. IX, № 93, ст. 390—391.

отлучиться и какое его намѣреніе о отлученіи и у кого быть въ подданствѣ желаетъ“¹⁾).

Изъ справокъ оказалось, что Дорошенко дѣйствительно разочаровался въ турецкой протекціи и не прочь подчиниться московскому царю²⁾. Въ пересылки съ Дорошенкомъ московское правительство уже входило въ концѣ 1667 г. и такъ какъ тогда эти сношенія велись безъ вѣдома лѣвобережнаго гетмана, то вызвали возстаніе Брюховецкаго. Опасаясь вновь вызвать такую же смуту, какая была въ 1668 г. при Брюховецкомъ, Матвѣевъ въ началѣ 1673 г. поручилъ вести сношенія съ Дорошенкомъ самому лѣвобережному гетману Ив. Самойловичу. Но Самойловичу очень не понравилось рѣшеніе московскаго правительства вступить въ сношенія съ Дорошенкомъ: хотя эти сношенія не скрывались отъ лѣвобережнаго гетмана, но онъ не могъ освободиться отъ мысли, что его лишатъ гетманства для Дорошенка; Самойловичъ наотрѣзъ отказался исполнить порученіе Матвѣева и предложилъ московскому правительству вмѣсто того, чтобы начинать переговоры съ Дорошенкомъ, послать въ правобережную Малороссію большое войско и занять эту страну; тогда Дорошенко пропадетъ, а западная Малороссія подчинится великому государю³⁾.

Самойловичъ опасался, чтобы московское правительство, не вошло безъ его содѣйствія въ сношенія съ Дорошенкомъ и успѣшилъ послать въ Москву нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича съ порученіемъ сдѣлать подробный докладъ о томъ, какъ слѣдуетъ воспользоваться положеніемъ, которое явилось слѣдствіемъ бучацкаго договора. Протопопъ нѣжинскій, получивъ аудіенцію, доложилъ государю, что для предупрежденія угрожающей со стороны Турціи войны полезнѣе всего предпринять походъ противъ Крыма, но „великій государь указалъ такой способъ до времени отставить“. Тогда „по приказу господина Артамона“, то-есть Матвѣева, Адамовичъ „словесно предложилъ государю, буде не укажетъ идти на Крымъ, то указалъ бы домашняго своего непріятеля, а подданнаго турецкаго салтана, Дорошенка со всѣми его людьми и городами подвести въ подданство ему великому государю, а если того Дорошенко не похочетъ, и на него-бъ итти войною“.

¹⁾ Ibid. Т. XI, № 55, ст. 157—158.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 1. Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 105, л. 638.

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 55, стр. 160.

Предложенный государю протопопомъ планъ дѣйствій представляя уже нѣкоторую уступку требованіямъ московскаго правительства, такъ какъ Адамовичъ не настаивалъ на томъ, что для подчиненія великому государю западной Малороссіи, необходимо начать съ военныхъ дѣйствій, а допускалъ предварительные переговоры съ Дорошенкомъ. Неизвѣстно, была-ли предусмотрѣна такая уступка изустнымъ наказомъ Самойловича протопопу, но за сдѣланное Адамовичемъ предложеніе великій государь изволилъ милостиво похвалить гетмана и „со всеѣмъ синклитомъ разсудилъ“, что надъ Дорошенкомъ нужно будетъ немедленно, не испустя зимняго времени, промыслъ чинить, если онъ несогласится подчиниться государю добровольно. Затѣмъ постановлено было, что въ западной Малороссіи, когда она подчинится великому государю, будетъ особый гетманъ, а на восточной сторонѣ останется гетманомъ по прежнему Самойловичъ ¹⁾. Такое рѣшеніе было принято для того, чтобы успокоить Самойловича, но, какъ оказалось впоследствии, оно не только не успокоило Самойловича, но вызвало въ немъ сильное неудовольствіе.

Такъ какъ промыслъ у Дорошенка рѣшено было чинить спѣшно, до прихода къ нему турокъ, то Малороссійскій приказъ еще до отъезда изъ Москвы протопопа нѣжинскаго успѣшилъ сообщить Самойловичу о рѣшеніяхъ, принятыхъ по поводу представленій Адамовича. 11-го марта, на другой день послѣ „сидѣнія царскаго съ синклитомъ“ послана была къ Самойловичу государева грамота съ извѣстіемъ о томъ, какой состоялся указъ относительно промысла у Дорошенка ²⁾, а 16-го марта уже посланы были къ воеводѣ бѣгородскому князю Гр. Гр. Ромодановскому и къ гетману подробныя инструкціи о томъ, какъ вести переговоры съ Дорошенкомъ. Расчетывали, что Дорошенко, въ началѣ 1671 г. просившійся въ подданство великому государю, охотно согласится на предложеніе перейти подъ царскую высокую руку изъ подъ турецкаго подданства; предусматривалась, впрочемъ, возможность упорнаго со стороны Дорошенка отказа подчиниться великому государю и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось Самойловичу и Ромодановскому открыть военныя дѣйствія противъ чигиринскаго гетмана ³⁾.

¹⁾ Моск. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 10; Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, лл. 56—60.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 11; Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, лл. 71—73.

³⁾ Аяты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 56.

Уѣзжая изъ Москвы, Адамовичъ совѣтовалъ Матвѣеву „отписать къ преосвященному архіепископу черниговскому Лазарю Барановичу, чтобы онъ писалъ отъ себя къ митрополиту Тукальскому и къ Дорошенку, милостью великаго государя обнадеживая“ ¹⁾. Очевидно, протопопъ нѣжинскій не очень надѣялся на то, что переговоры Самойловича и Ромодановскаго съ Дорошенкомъ будутъ имѣть слѣдствіемъ подчиненіе чигиринскаго гетмана великому государю; посредничество черниговскаго архіепископа считалось необходимымъ потому, что враждебно настроенный къ Дорошенку Самойловичъ могъ даже не сообщить своему сопернику о милости къ нему государя.

Только въ половинѣ апрѣля возвратился Адамовичъ въ Малоросію ²⁾, гдѣ въ это время Самойловичъ и Ромодановскій сговорились уже о томъ какъ дѣйствовать по отношенію къ Дорошенку ³⁾. Согласно инструкціи ⁴⁾, посланной 16-го марта къ Ромодановскому и Самойловичу, они должны были, соединивъ свои войска, идти къ Днѣпру и, расположившись лагеремъ на лѣвомъ берегу, послать двухъ человѣкъ „досужихъ людей“ на правую сторону съ присланными вмѣстѣ съ инструкціей государевыми милостивыми грамотами къ митрополиту Тукальскому, Дорошенку и ко всѣмъ правобережнымъ полковникамъ. Въ грамотѣ государевой, къ Дорошенку, писали, что, хотя въ 1671 г. онъ и просился въ подданство великому государю, но не былъ принятъ, такъ какъ былъ подданнымъ союзника государева короля польскаго, нынѣ же государь изволяетъ принять его изъ подъ ига агарянскаго и общааетъ отъ турокъ оборонять, если же онъ, Дорошенко, не перейдетъ въ подданство великому государю, то противъ него послано будетъ войско. Предлагая Дорошенку перейти въ подданство великому государю, московское правительство слагало съ себя отвѣтственность за андрусовскій договоръ: въ грамотѣ государевой писали Дорошенку, что не великій государь уступилъ полякамъ въ 1667 г. Западную Малоросію, а сами малоросіянне добровольно поддались еще раньше королю польскому.

Въ грамотѣ, посланной къ Тукальскому, сообщали о рѣшеніи государя принять, наконецъ, Дорошенка подъ свою высокую руку изъ

¹⁾ Моск. Арх. Мнн. Юст. Малоросс. Првк., кн. № 21, лл. 196—197.

²⁾ Ibid., кн. № 105, л. 593.

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XI, изд. 1862 г., стр. 140.

⁴⁾ Моск. Главн. Арх. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г., №№ 11, 12, лл. 51 и 48. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 56, ст. 198, № 58, ст. 208.

подъ ига агарянскаго, напоминали митрополиту о томъ, что еще въ апрѣлѣ 1669 г. онъ писалъ къ государю, просилъ для себя разрѣшенія жить въ Кіевѣ и управлять всею митрополіею и въ то же время увѣрялъ, что вся правобережная Малороссія съ радостью подчинится великому государю, если онъ приметъ ее въ подданство; въ заключеніе, Тукальскому предлагали вспомнить судъ Божій, отлучиться отъ непріятели Креста Господня и быть въ подданствѣ у великаго государя, который обѣщаетъ держать ихъ въ милости и жалованьѣ безъ нарушенія ихъ правъ и вольностей ¹⁾).

II.

Московское правительство рассчитывало, что со стороны Дорошенка и Тукальскаго встрѣтитъ полную готовность отлучиться отъ бусурманъ и что такимъ образомъ безъ всякаго кровопролитія присоединена будетъ западная - Малороссія къ восточной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Великой Россіи. Въ Москвѣ опасались только, что не исполнить инструкціи Самойловичъ, высказавшійся противъ мирныхъ сношеній московскаго правительства съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ ²⁾, Чтобы помимо Самойловича дать знать Дорошенку о милости къ нему государя, посланы были къ нему, по распоряженію изъ Москвы, два чернеца вѣрныхъ, кажется, изъ Кіево-Печерскаго монастыря и „велѣно имъ про все гетману Петру Дорошенку извѣстить тайно“ ³⁾.

Изъ Москвы отписали къ Барановичу, чтобы онъ писалъ отъ себя къ Тукальскому и склонилъ его дѣйствовать въ пользу московскаго правительства. Къ архіепископу черниговскому посланы были также государевы ⁴⁾ милостивыя грамоты для Тукальскаго и Дорошенка. Барановичъ исполнилъ указъ государя, но письмо его съ государевыми грамотами не дошло до Тукальскаго, такъ какъ было перехвачено Самойловичемъ, съ согласія Ромодановскаго ⁵⁾.

Тогда московское правительство рѣшило обратиться къ содѣй-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 57, ст. 203—207.

²⁾ Сравни. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 55, ст. 160.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 12, лл. 26—29.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик., кн. № 21, лл. 226 — 232 (государевы грамоты Барановичу 9-го апрѣля 1673 г.).

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 352.

ствію архимандрита Кіево-Печерской лавры Иннокентія Гизеля, къ которому 5-го іюня 1673 г. была послана государева грамота съ указомъ „радѣніе свое къ великому государю показать и къ митрополиту Тукальскому отписать, чтобы онъ самъ, отложя всякое свое сомнѣніе, къ государственной милости приклонился и Петра Дорошенка, и полковниковъ и старшину и всѣхъ жителей привелъ къ такому же добру“. Гизелю разрѣшала обнадѣжить Тукальскаго, что московское правительство признаетъ его митрополитомъ, если онъ склонитъ Дорошенка къ подданству государю ¹⁾. Но прежде чѣмъ архимандритъ печерскій получилъ государеву грамоту и въ западной, и въ восточной Малороссіи произошли событія, которыя сильно измѣнили къ худшему благоприятное по отношенію къ московскому правительству настроеніе Тукальскаго и Дорошенка.

Такъ какъ польское правительство вскорѣ послѣ удаленія турецкаго войска рѣшило не соблюдать статей бучацкаго договора, касавшихся западной Малороссіи ²⁾, то, лишь только въ Польшѣ узнали о намѣреніи московскаго государя склонить Дорошенка при содѣйствіи Тукальскаго къ соединенію съ Великою Россією, на вальномъ сеймѣ въ Варшавѣ состоялось, 13-го апрѣля 1673 г., постановленіе, по которому рѣшено было „къ успокоенію Украины и къ приведенію Дорошенка къ послушанію и вѣрности употребить велебнаго о. Іосифа Шумлянскаго, львовскаго владыку, его же вѣрность королю его милости весьма есть похвалена“. Шумлянскому поручено было увѣрить Дорошенка, о. Тукальскаго, что если они подчинятся королю, то получать все, чего желаютъ, между прочимъ „булава его милости гетману, митрополія же о. Тукальскому до живота его привиліями отдана будетъ“. Далѣе, согласно инструкціи, данной Шумлянскому 15-го апрѣля 1673 г. „отъ радъ духовныхъ и свѣтскихъ обоихъ народовъ“, львовскій владыка долженъ былъ сообщить Дорошенку, что „Москва хочетъ его искушать и въ особые съ нимъ вступать договоры, но тому да не имать дати вѣры, то убо все на пагубу его“ ³⁾. Уже въ апрѣлѣ 1673 г. Шумлянскій прибылъ въ западную Малороссію ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. т. 291—292.

²⁾ Сибирскій Сборн. Малоросс. Дѣла, № 36, стр. 41, № 39, стр. 43.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 377 — 380; 375—377. Срав. Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Коронн. Метр., кн. № XXV, л. 522.—„Plenipotencia Oycu Szumlanskiemu do kozakow“, а 1673, XIII kwietnia.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 257.

Само собою разумѣется, что Дорошенко, узнавъ о рѣшеніи польскаго правительства не соблюдать бучацкій договоръ и домогаться обладанія западною Малороссіей, не могъ уже сохранить явившуюся у него въ началѣ 1673 г. особенно сильную склонность къ Московскому государю, который, повидимому, опять оказался связаннымъ четвертою статьею андрусовскаго договора. Съ другой стороны гетманъ Самойловичъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы охладить склонность Дорошенка къ Москвѣ. Узнавъ о начавшихся сношеніяхъ поляковъ съ Дорошенко, Самойловичъ сговорился съ Ромодановскимъ дѣйствовать по отношенію къ чигиринскому гетману совѣмъ не такъ, какъ это требовалось въ присланной отъ великаго государя инструкціи. Самойловичу удалось какимъ-то способомъ убѣдить Ромодановскаго, что Дорошенко самъ по себѣ не представляетъ никакой силы, держится онъ только серденятами, то-есть, наемными войсками, а масса населенія западной Малороссіи—на Дорошенка бичъ Божій; лѣвобережный гетманъ утверждалъ, что нужно прямо перейти съ войскомъ на правую сторону Днѣпра, не посылая предварительно государевыхъ обнадеживательныхъ грамотъ къ Тукальскому, Дорошенку и полковникамъ: и безъ этой посылки весь народъ добьетъ челомъ великому государю лишъ только великороссійскія войска покажутся на правой сторонѣ Днѣпра. Врядъ ли Самойловичъ рассчитывалъ на успѣхъ экспедиціи, но военная неудача меньше страшила его, чѣмъ мирныя сношенія московскаго правительства съ Дорошенко.

Самойловичъ и Ромодановскій открыли военныя дѣйствія; однако отрядъ, посланный Самойловичемъ и Ромодановскимъ за Днѣпръ, потерпѣлъ неудачу и возвратился на лѣвый берегъ. Тогда оба военачальника, ничего не сдѣлавъ и вызывая насмѣшки въ Малороссіи, возвратились во-свояси ¹⁾.

Когда въ Москвѣ узнали о противныхъ наказу дѣйствіяхъ Ромодановскаго, къ нему послана была государева грамота съ строгимъ выговоромъ за то, что онъ и Самойловичъ, не переславшись съ Дорошенко, отправили за Днѣпръ отрядъ войска. Особенно ставилъ государь на видъ Ромодановскому то, что вмѣстѣ съ Самойловичемъ онъ запретилъ Барановичу послать отъ себя письма къ Тукальскому

¹⁾ Акты Южн и Зап. Россіи, т. XI, № 110, ст 360—кошевой Иванъ Сѣрко говорилъ генеральному есаузу Алексѣю Черняченку: „кому вы мужику дали гетманство: онъ .. по Днѣпру попласталъ и поволочился и, иначе добраго не учиня, назадъ возвратился“. Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прак. Кн. № 21, лл. 318—319.

и Дорошенку. „То вы бояринъ нашъ и воевода“, писано было въ государевой грамотѣ: „наипаче учинили не гораздо, сами нашъ, великаго государя, указъ презрили и архіепископу наши великаго государя милостивыя грамоты ко обращенію послать запретили“ ¹⁾). Послана была также государева грамота съ выговоромъ и къ гетману, которому напоминали, что въ такихъ дѣлахъ даже Богданъ Хмельницкій не дерзаль поступать вопреки указу, не описався предварительно съ государемъ ²⁾!).

На Самойловича не подѣйствовалъ царскій выговоръ. Гетманъ приказывалъ своимъ казакамъ захватывать Дорошенковыхъ людей и угонять его скоть. Чтобы вернуть захваченное, Дорошенко послалъ къ Гизелю письмо, въ которомъ просилъ архимандрита сообщить духовне кому признаеть нужнымъ о дѣйствіяхъ заднѣпрскаго гетмана ³⁾). Жалобы Дорошенка не помогли. Самойловичъ продолжалъ противодѣйствовать стараніямъ московскаго правительства обнадѣжить Дорошенка милостью великаго государя, какъ это видно, между прочимъ, изъ поступка его съ Сенкевичемъ, котораго Дорошенко послалъ въ Крымъ. Возвращаясь изъ Крыма, Сенкевичъ былъ схваченъ запорожцами и присланъ въ Москву, гдѣ далъ такія важныя показанія о склонности Дорошенка къ подданству великому государю, что правительство московское рѣшило освободить Сенкевича и послать его съ государевою милостивою грамотою къ Дорошенку. 31-го мая Сенкевичъ отпущенъ былъ изъ Москвы, но, проѣзжая черезъ лѣвобережную Малороссію, былъ схваченъ по приказанію Самойловича, который не пропустилъ его съ государевою грамотою къ Дорошенку ⁴⁾).

Въ то самое время, когда Самойловичъ всячески старался возстановить Дорошенка противъ московскаго правительства, Гизель получилъ государеву грамоту съ указомъ начать сношенія съ Тукальскимъ о склоненіи Дорошенка въ подданство великому государю и уже 25-го іюня послалъ іеромонаха Кіево-Печерской лавры Серапіона Полховскаго ⁵⁾ съ письмомъ ⁶⁾ къ митрополиту. Въ письмѣ къ Тукаль-

¹⁾ Ibid., лл. 351—352.

²⁾ Ibid., л. 362.

³⁾ Ibid., лл. 395—398.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 105, лл. 670, 673—675; Акты Южи. и Зап. Россіи, т. XI, № 86, ст. 285.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 21, л. 380.

⁶⁾ Письмо Гизеля къ Тукальскому напечатано въ Актахъ Южи. и Зап. Росіи, въ XI т. подъ № 81, но редакція Актовъ не указываетъ на то, что это —

скому, Гизель объяснилъ, что въ 1671 г. государь на основаніи андрюсовскаго договора не могъ исполнить просьбы Дорошенка и Тукальскаго о принятіи ихъ подъ крѣпкую царскую руку. Все это, писалъ Гизель, заставило Дорошенка потерять надежду на милость царскаго величества и побудило его „ошукати протекціи у такого пана, который имя Христа Спасителя нашего хулить, кровью Его дражайшею искупленный народъ тирански мучить, церкви Его святыя превращаетъ въ мечети, въ бани и въ стоила. О времена, о плачевныя времена, когда христіани вслѣдствіе внутренняго несогласія и раздѣленія замѣтно слабѣютъ, а бусурманы усиливаются и берутъ верхъ надъ христіанами“. Послѣ такого трогательнаго вступленія Гизель переходитъ къ самому дѣлу и, по обычаю своему, для того, что лучше убѣдить, говоритъ гораздо больше, чѣмъ ему было поручено и этимъ скорѣе повредилъ дѣлу, чѣмъ помогъ.

Гизель писалъ Тукальскому, что „его царское пресвѣтлое величество, слыша о великомъ утѣсненіи христіанскомъ въ тѣхъ (малороссійскихъ) городахъ, въ которыхъ находятся турки и, какъ истинно-христіанскій монархъ, собогъануя такому несчастію малороссіянъ, добился отъ короля согласія на то, чтобы и правобережная Малороссія была подъ его, царскою „протекціей“, только бы отреклась отъ протекціи турецкой. Сообщая Тукальскому свѣдѣнія, совершенно не соответствовавшія дѣйствительности ¹⁾, Гизель писалъ, что „король зъ охотою позволилъ“ царю принять правобережную Малороссію, „жичачи, абы рачей царь православный владѣлъ надъ православными христіанами, а нежели салтанъ турецкій“. Поэтому, писалъ Гизель, государь принимаетъ въ подданство Дорошенка, обѣщаетъ предоста-

письмо Гизеля и называетъ напечатанный ею документъ „письмомъ духовной особы“; между тѣмъ даже при поверхностномъ просмотрѣ этого письма лицу знающему съ событіями исторіи Малороссіи 1669—1673 гг. легко признать въ этомъ документѣ письмо Гизеля. Впрочемъ, для опредѣленія, кѣмъ было написано это письмо не нужно было редакціи даже обладать спеціальнымъ знакомствомъ съ исторіей Малороссіи, стоило только сдѣлать то, безъ чего невозможно издавать „Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, стоило только просмотрѣть *все* относящіяся къ 1673 г. книги Малороссійскаго Приказа, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. При такомъ просмотрѣ обнаружилось бы, что въ кн. № 21, на л.л. 400—404 помѣщенъ списокъ съ затруднившаго редакцію Актовъ письма съ указаніемъ на то, что это письмо Гизеля.

¹⁾ Сравн. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 111, ст. 370; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 81.

вить ему такія вольности, какихъ только онъ пожелаетъ, и оборонять его отъ турокъ.

Полховскій подалъ ¹⁾ Тукальскому письмо Гизеля въ Каневѣ 27-го іюня. Прочитавъ письмо, Тукальскій сказалъ: „уже не во время царское величество съ тѣмъ отозвался, не хотѣлъ онъ тогда насъ къ себѣ принять, когда о томъ Дорошенко самъ царскому величеству билъ челомъ“. Тукальскому было хорошо извѣстно содержаніе инструкции, съ которою незадолго до того пріѣзжалъ въ Чигиринъ львовскій епископъ Шумлянскій и въ которой поляки предостерегали чигиринскаго гетмана, чтобы онъ не вѣрилъ предложеніямъ московскаго правительства, такъ какъ они дѣлаются ему на *пагубу*; поэтому митрополитъ сказалъ Полховскому: „понеже царское величество полякамъ, хитро-обманчивымъ людямъ довѣряетъ, то не на пагубу ли намъ чинить, чтобы, насъ выразумѣвъ, полякамъ вѣстно учили, а они турку“. Не смотря на это Тукальскій не отказался сообщить Дорошенку о предложеніяхъ, сдѣланныхъ московскимъ правительствомъ черезъ Гизеля и въ тотъ же день отправилъ Полховскаго въ Чигиринъ къ гетману со своимъ и Гизеля письмами.

28-го іюня посланецъ Гизеля пріѣхалъ въ Чигиринъ и въ тотъ же день вечеромъ былъ у Дорошенка. Прочитавъ присланныя Тукальскимъ письма и зная отъ Шумлянскаго, что поляки и не думаютъ отказываться отъ западной Малороссіи, не смотря на бучацкій договоръ, Дорошенко отнесся, какъ и слѣдовало ожидать, крайне недовѣрчиво къ миссіи Полховскаго. „Не вѣдомо для чего то царское величество чинить“, сказалъ Полховскому Дорошенко: „не хотятъ-ли съ королемъ польскимъ меня изловить и съ сего свѣта искоренить. Я, впрочемъ, о своей жизни не забочусь, но будетъ-ли оттого царскому величеству лучше? Вѣдь моимъ промысломъ Заднѣпріе въ тишинѣ стоитъ“. Затѣмъ Дорошенко сказалъ, что такъ какъ государь не принялъ его въ подданство въ то время, когда онъ просилъ объ этомъ, то пусть уже не имутъ гнѣву, если онъ съ отчаянія отдался подъ турецкую протекцію, теперь же онъ, гетманъ, боится, что Москва вступаетъ съ нимъ въ переговоры только для развѣдыванія и огласки.

Когда Полховскій замѣтилъ, что теперь государь истинно желаетъ принять правую сторону Днѣпра и отъ бусурманъ оборонять,

¹⁾ Докладъ Полховскаго о его первой побѣдѣ къ Тукальскому и Дорошенку, см. въ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросск. Прик., кн. № 21, лл. 380—388.

то Дорошенко отвѣтилъ, что онъ только въ томъ случаѣ согласится подчиниться царю московскому, если самъ государь присягнетъ соблюдать договорныя статьи о вольностяхъ, которыхъ онъ, Дорошенко, потребуетъ; самъ же онъ „вѣрю, душою и сердцемъ хочетъ быть желателемъ царскому величеству, яко государю православному. Предлагають ему и поляки заключить съ ними договоръ, но онъ польской обманъ гораздо разумѣетъ“; что же касается турецкаго подданства, то отъ него легко будетъ избавиться; нужно только, чтобы переговоры съ царскимъ величествомъ велись въ полнѣйшей тайнѣ; а когда договоръ съ царемъ будетъ уже заключенъ и можно будетъ надѣяться на великороссійскую помощь, онъ, Дорошенко, тотчасъ покинетъ турецкую протекцію, къ чему и предлогъ у него готовъ: турки, вопреки договору, съ нимъ заключенному, церкви и костелы обратили въ мечети; впрочемъ, война съ турками теперь ему не страшна, выразумѣлъ онъ, какъ съ турками воевать.

Дорошенко разказалъ Полховскому о лестныхъ предложеніяхъ, которыя были ему сдѣланы польскимъ правительствомъ черезъ Шумлянскаго и, повторивъ, что не желаетъ заключать договора съ поляками, приступилъ къ изложенію тѣхъ условій, на которыхъ могло бы состояться подчиненіе его великому государю и сразу показавъ, что опасенія Самойловича были вполне основательны. Во-первыхъ, сказалъ Дорошенко Полховскому, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра долженъ быть одинъ гетманъ и я готовъ сдать гетманство, если найдется кто лучше меня, который бы царское величество не завелъ и себя съ Украйною не погубилъ. Меня Господь Богъ за мои тяжкіе грѣхи тѣмъ гетманствомъ посѣтилъ, понеже никогда покою не имѣю и на каторгѣ невозможно пуцаго лиха терпѣти, яко на семъ хлопотливомъ гетманствѣ терплю: никогда не имѣю дня, ни часа свободна, потребно всегда мыслить, какъ бы себя и того угла Украйны не потерять.

Начиная переговоры съ московскимъ правительствомъ, Дорошенко не забылъ о вольностяхъ и сказалъ Полховскому: что касается вольностей, какихъ казаки себѣ требуютъ, то объ этомъ нечего много распространяться, упомяну только о слѣдующемъ: царское величество будетъ казаковъ защищать, а начальствовать ими будетъ гетманъ, который за ту защиту будетъ во всякое время готовъ на услугу царскаго величества. Если, Богъ дастъ, вся Украйна соединится, то царское величество будетъ получать милліонъ и болѣе дохода отъ этой страны, а не такъ будетъ, какъ теперь въ лѣвобе-

режвой Малороссіи происходить, откуда въ казну государеву никакихъ доходовъ не поступаетъ. „Для чего бы, продолжалъ гетманъ, купецъ и всякой мѣщанинъ въ городѣхъ... податей не давали“. Что касается сельскихъ жителей, то изъ нихъ, по мнѣнію Дорошенка, только тѣ должны платить въ государеву казну, которые „не работаютъ на господина“.

Дорошенко указалъ въ общихъ чертахъ, какія, по его мнѣнію, должны быть отношенія между центральнымъ правительствомъ и Малороссіей, при чемъ пошелъ еще дальше гетмана Брюховецкаго въ педрыхъ обѣщаніяхъ выгодъ государевой казнѣ отъ Малороссіи ¹⁾. Но Петръ Доросеевичъ остановился не только на отношеніяхъ Малороссіи къ великому государю, а представилъ также картину того внутренняго строя Малороссіи, который, какъ онъ полагалъ, необходимо установить въ странѣ. „Въ такомъ строеніи“, говорилъ Дорошенко: „Украина пребывать должна: буде когда казакъ,—лошадь и ружье на войну доброе имѣлъ и готовъ былъ, посполити же люди *господину* на его потребу и на защиту свою для чего не имѣютъ давати“ ²⁾. Таковъ былъ идеалъ Дорошенка, который, по словамъ Костомарова ³⁾, только и мечталъ объ осуществленіи національныхъ стремленій казаковъ, о самобытности своего отечества; при ближайшемъ разсмотрѣніи идеалъ этотъ оказывается далеко не самобытнымъ, а близкимъ къ польскому шляхетному строю, что, впрочемъ, казаки и доказали, подчинивъ себѣ вполнѣ нѣсколько десятилѣтій спустя въ экономическомъ отношеніи этихъ „посполитыхъ людей“ ⁴⁾ и при ступивъ затѣмъ къ ихъ закрѣпощенію ⁵⁾. До какой степени Дорошенко былъ почитателемъ польской системы управленія видно изъ того, что онъ возстановилъ бывшія при польскомъ господствѣ и ненавистныя народу малороссійскому еврейскія аренды ⁶⁾.

¹⁾ Сравни *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.*, за 1893 г., кн. 2, нашей статьи о Малоросс. духовенствѣ, стр. 287.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 385 об.

³⁾ Историч. моногр. и исслѣд., т. XV изд. 1882 г., стр. 175 и 187. Что подъ самобытностью Костомаровъ понималъ не политическую независимость, а своеобразный, національный общественный и политическій строй, видно изъ другаго мѣста Руины (*ibid.*, стр. 512).

⁴⁾ Ср. *Дазаревскаго*, Малоросс. посполитые крестьяне. Черняговъ, 1866 г. стр. 39.

⁵⁾ Ср. *Русское Бюлетство* за 1894 г., № 3, стр. 204 — 206, статьи В. А. Мясотина: „Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи“.

⁶⁾ Сибирскій Сборникъ, Дѣла Малороссійскія, № 108, стр. 119.

Объявивъ Полковскому главнѣйшія условія, на которыхъ возможно подчиненіе западной Малороссіи московскому государю, Дорошенко просилъ, чтобы съ докладомъ объ этихъ условіяхъ посланъ былъ къ государю гонецъ, который ѣхалъ бы днемъ и ночью, чтобы отвѣтъ изъ Москвы былъ полученъ какъ можно скорѣе. Кромѣ того необходимымъ условіемъ начала переговоровъ съ московскимъ правительствомъ Дорошенко ставилъ безусловную ихъ тайну и прежде всего требовалъ, чтобы никто изъ жителей восточной Малороссіи не узналъ о начавшихся между государемъ и гетманомъ западной Малороссіи сношеніяхъ.

Записавъ для памяти всѣ рѣчи Дорошенка и получивъ отъ него письмо къ Тукальскому, Полковскій 29-го іюня уѣхалъ изъ Чигирина въ Каневъ къ митрополиту. Прочитавъ письмо Дорошенка, Тукальскій заговорилъ съ Полковскимъ уже не такъ сурово, какъ за два дня передъ тѣмъ, и высказалъ пожеланіе, чтобы благополучно совершилось начатое государемъ дѣло подчиненія западной Малороссіи.

Подобный докладъ о рѣчахъ Дорошенка и Тукальскаго съ Полковскимъ вмѣстѣ со спискомъ съ инструкціи, данной королемъ и сенатомъ Шумлянскому, Гизель переслалъ 3-го іюля къ воеводѣ кievскому Трубецкому, который того-же 3-го іюля отправилъ всѣ присланныя къ нему Гизелемъ бумаги въ Москву ¹⁾.

III.

Докладъ Полковскаго о пребываніи его въ Чигиринѣ и другіе документы, касавшіеся сношеній Гизеля съ Дорошенкомъ, были получены въ Москвѣ 14-го іюля и немедленно доложены государю, который повелѣлъ написать свои указы на каждое изъ заявленныхъ Дорошенкомъ и Тукальскимъ требованій желаній и замѣчаній. Эти указы ²⁾ были раздѣлены на 16 статей, изъ которыхъ приведемъ важнѣйшія. Дорошенко и Тукальскій выразили неудовольствіе по поводу того, что государь не принялъ ихъ въ подданство тогда, когда они просили о томъ и кромѣ того высказали опасеніе, что сдѣланное имъ черезъ Гизеля предложеніе учиниться подъ рукою великаго государя, подобно сдѣланному въ то-же самое время черезъ Шумлянскаго предложенію короля польскаго подчиниться Рѣчи Посполитой,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 370.

²⁾ Ibid., лл. 425—431.

имѣть цѣлью *погубить* ихъ, Дорошенка и Тукальскаго; митрополитъ прямо высказывалъ Полховскому, опасеніе, что московское правительство не имѣетъ серьезнаго намѣренія принять въ подданство западную Малороссію, а старается втянуть ихъ въ переговоры только для того, чтобы вмѣстѣ съ королемъ польскимъ выставить ихъ измѣнниками передъ ихъ новымъ государемъ — султаномъ турецкимъ. Что бы успокоить чигиринскихъ друзей, указано было объявить имъ, что прежде они не могли быть приняты въ подданство государемъ согласно андрусовскому договору, какъ подданные короля польскаго, а теперь ихъ принять можно, потому что недавно самъ король писалъ государю, что Дорошенко учинился подданнымъ султана.

Въ указѣ государя не было никакого упоминанія объ изъявленномъ будто бы польскимъ королемъ согласіи на принятіе государемъ западной Малороссіи подъ свою руку, о чемъ писалъ Тукальскому Гизель. Такое разногласіе между государевымъ указомъ и словами лица уполномоченнаго московскимъ правительствомъ войти въ сношенія съ правобережною Малороссіей, не могло не внушить нѣкотораго недовѣрія Дорошенку, хотя въ указахъ государевыхъ и старались его увѣрять, что великій государь принимаетъ ихъ подъ свою высокую руку для церквей Божіихъ и жалѣя ихъ, а не на *пачубу*, изъ подданства султана, а не короля польскаго и ссылаться съ польскимъ королемъ на искорененіе Дорошенка у великаго государя и въ мысляхъ никогда не будетъ, напротивъ, принявъ Дорошенка въ подданство, государь будетъ оборонять его своими войсками.

По поводу сдѣланнаго Дорошенкою заявленія, что онъ только въ томъ случаѣ учинится подъ рукою великаго государя, если самъ государь присягою обезпечитъ ненарушимость вольностей казацкихъ, состоялся такой указъ: если Дорошенко учинится въ подданствѣ, то великій государь учнетъ ихъ держать въ жалованіи и призравніи по ихъ правамъ и вольностямъ, которыя никогда нарушены не будутъ, какъ былъ Богданъ Хмельницкій и иные и какъ теперь Ив. Самойловичъ пребываетъ, а чтобы указы на ихъ челобитье государь подтверждалъ своею особою того николи и при прежнихъ гетманахъ не бывало и нынѣ некоторыми мѣрами тому быть невозможно, а когда они склонятся въ подданство великому государю, то прислали бы въ Москву нѣсколько человекъ самыхъ добрыхъ, умныхъ и знающихъ, которые умѣли бы читать русское и латинское письмо, съ челобитьемъ и тѣ присланные воспримутъ указъ о томъ, какими мѣрами тѣ статьи „ствержены“ будутъ.

Требованіе Дорошенка, чтобы въ Малороссіи, когда обѣ стороны Днѣпра будутъ подъ рукою великаго государя былъ одинъ гетманъ, встрѣтило рѣшительный отказъ: „великій государь указалъ быть на той сторонѣ Днѣпра гетманъ ему, Петру Дорошенку, а на сей сторонѣ Ивану Самойловичу и править каждому своя сторона, а наступать непріатели,—и отпоръ давать сообща“. Что касается проектовъ Дорошенка относительно внутренняго строя Малороссіи, то въ Москвѣ, очевидно, не сочувствовали аристократическимъ стремленіямъ послѣдователя Выговскаго ¹⁾ и отвѣтили ему, что западная Малороссія, подчинившись великому государю, будетъ пользоваться тѣми правами и вольностями, какія были при прежнихъ гетманахъ и на основаніи которыхъ управляетъ восточною Малороссіей Самойловичъ.

Помня печальную судьбу финансовыхъ проектовъ Брюховецкаго ²⁾, московское правительство не выказало охоты согласиться на предложенную Дорошенкомъ систему окончательнаго подчиненія посполства казакамъ, хотя Петръ Дороеевичъ и обѣщалъ, что при такой системѣ Малороссія будетъ доставлять въ государеву казну болѣе милліона; указъ на это предложеніе состоялся такой: доходы (то-есть, налоги) въ западной Малороссіи должны быть *до времени* таковы, каковы на сей сторонѣ, а буде что и добавить доведется и о томъ учинить раду, а на радѣ о сборѣ тѣхъ доходовъ учинить постановленіе. На просьбу Дорошенка отпустить Сенкевича отвѣтили, что онъ уже отпущенъ съ государевою милостивою обнадеживательною грамотою къ Дорошенку.

Вслѣдствіе многократно повторенной Дорошенкомъ и Тукальскимъ просьбы о томъ, чтобы начинающіеся между ними и московскимъ правительствомъ переговоры велись въ строжайшей тайнѣ и чтобы никто изъ Заднѣпрянъ о нихъ не узналъ, въ Москвѣ дали такое обѣщаніе: „объ этихъ переговорахъ будутъ знать только кн. Ю. П. Трубецкой и Гизель, изъ Заднѣпрянъ никому о тѣхъ дѣлахъ объявлено не будетъ, а на Москвѣ то дѣло ствержено будетъ при ближнихъ вели-

¹⁾ Въ то самое время, когда начались переговоры московскаго правительства съ Дорошенкомъ, и польское правительство послало въ Чигиринъ епископа львовскаго Юсіфа Шумлянскаго съ предложеніемъ возвратиться въ подданство королю на подгаецкихъ статьяхъ, но Дорошенко соглашался подчиниться только на гадяцкихъ статьяхъ Выговскаго (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г., № 1).

²⁾ Введенныя въ Малороссіи при Брюховецкомъ новыя подати не мало содѣйствовали возникновенію малороссійской смуты 1668 г.

каго государя людахъ, въ томъ бы Дорошенко на милость великаго государя былъ надеженъ“. Указъ съ этимъ торжественнымъ обѣщаніемъ вести дѣло въ тайнѣ не успѣли еще доставить Дорошенку, а московское правительство сочло уже необходимымъ нарушить данное чигиринскому гетману обѣщаніе и сообщить о начатыхъ переговорахъ именно тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ Дорошенко просилъ скрывать съ особенною тщательностью.

Подьячій Малороссійскаго Приказа Щеголевъ, которому поручено было отвезти къ Гизелю указы государевы на требованія Дорошенка, долженъ былъ по пути захватить къ Самойловичу и сообщить объ этихъ указахъ не только ему, но и вліятельному протопопу нѣжинскому Симеону Адамовичу. Самойловичъ благодарилъ государя за присылку къ нему Щеголева ¹⁾, но въ сущности онъ былъ очень недоволенъ сношеніями московскаго правительства съ чигиринскимъ гетманомъ и хотя отпустилъ Сенкевича по настоянію Щеголева, но въ то же время отписалъ государю ²⁾, что, какъ выразумѣлъ онъ, гетманъ, съ протопопомъ, Дорошенко, вступая въ переговоры о подданствѣ, только хитритъ, такъ какъ не только турецкихъ пословъ постоянно съ честью принимаетъ, но и съ ляхами сносится и несомнѣнно хочетъ великаго государя такъ же обмануть, какъ уже обманулъ и къ пораженію привелъ польскаго короля.

Самойловичъ обѣщаль сообщенныя ему свѣдѣнія хранить въ тайнѣ, но указаль московскому правительству на то, что самъ Дорошенко не скрываетъ своихъ сношеній съ Москвою, такъ что ему, Самойловичу, было извѣстно объ этихъ сношеніяхъ еще до пріѣзда въ Батуринъ Щеголева, но только онъ доходившимъ до него слухамъ не вѣрилъ, полагая, что Дорошенко нарочно ихъ распускаетъ, чтобы вызвать смуту въ лѣвобережной Малороссіи.

Самойловичъ, не смотря на оказанное ему довѣріе, опасался чтобы переговоры московскаго правительства съ Дорошенкомъ не имѣли слѣдствіемъ передачу ему и лѣвобережнаго гетманства. Поэтому Самойловичъ не только въ отпискѣ отъ 3-го августа просилъ государя, чтобы въ Батуринъ доставлялись свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ Дорошенкомъ, но даже отправилъ въ Москву черниговскаго полковника Василя Борковскаго бить челомъ о томъ, чтобы Дорошенка не принимали въ подданство, если же онъ долженъ быть принять, то

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик., кн. № 21, л. 490.

²⁾ Ibid., л. 479—482.

чтобы ему не предоставляли даже правобережнаго гетманства, хотя это было обѣщано указомъ, посланнымъ въ Чигиринъ. Если Дорошенко, говорилъ въ Москвѣ посланецъ Самойловича, получить гетманство на правомъ берегу, то сейчасъ же захочетъ быть гетманомъ и на лѣвой сторонѣ, а какъ обѣ стороны захватить, то захочетъ быть „самовладѣтелемъ Украины“.

Собственно Самойловичъ не особенно возставалъ противъ подчиненія государю правобережной Украины, но только не желалъ, чтобы дѣло это было устроено Дорошенкою и предсказывалъ, что принятіе этого человѣка въ подданство можетъ быть причиною многихъ бѣдствій¹⁾). Для того, чтобы успокоить Самойловича, въ Батуринъ посланъ былъ гонецъ съ грамотою, въ которой гетману писали, что сообщать ему о всѣхъ новыхъ переговорахъ съ Дорошенкою; если же Дорошенко пошлетъ посланцевъ къ государю, то пусть и Самойловичъ отправитъ съ ними въ Москву *Симеона Адамовича* и другихъ посланцевъ добрыхъ и умныхъ, умѣющихъ честь по-латыни, для прислушиванья тѣхъ дѣлъ, которыя будутъ объявлены Дорошковыми посланцами²⁾).

Въ то время, какъ Самойловичъ безуспѣшно ходатайствовалъ передъ московскимъ правительствомъ о прекращеніи начатыхъ сношеній съ Дорошенкою, Щеголевъ прибылъ (7-го августа) въ Кіевъ и передалъ воеводѣ Трубецкому указныя статьи и государевы грамоты для Дорошенка, Тукальского и Гизеля³⁾). Въ грамотѣ къ Гизелю заключалось порученіе послать съ вѣрными своими посыльщиками наскоро къ Дорошенку и Тукальскому присланныя съ Щеголевымъ государевы грамоты и указныя статьи, а также и отъ себя отписать къ Дорошенку, чтобы онъ отъ турокъ отсталъ для вѣры Христовой и былъ въ подданствѣ у великаго государя, который станетъ ихъ держать въ милостивомъ жалованьѣ и призравніи по ихъ правамъ и вольностямъ, которыя никогда нарушены не будутъ.

Такъ какъ при первой своей посылкѣ къ Дорошенку Гизель уже превысилъ данныя ему полномочія, то теперь, въ посланной къ нему грамотѣ писали, чтобы онъ съ посланцами Дорошенка не вступалъ ни въ какія дѣла сверхъ указныхъ статей, а сказалъ бы этимъ посланцамъ, что для разрѣшенія такихъ дѣлъ они должны отправиться въ Москву⁴⁾).

¹⁾ О посольствѣ Борковского въ Москву см. *ibid.* кн. № 24, лл. 86—128.

²⁾ *Ibid.*, кн. № 21, лл. 508—512.

³⁾ *Ibid.*, лл. 491—496.

⁴⁾ *Ibid.*, лл. 408—413.

Въ государевой грамотѣ къ Дорошенку ¹⁾ заключались тѣ же самыя увѣщанія и обѣщанія, которыя по порученію московскаго правительства долженъ былъ изложить Гизель въ своемъ письмѣ къ чигиринскому гетману. Въ грамотѣ къ Тукальскому высказывалось пожеланіе, чтобы „его святительство по должности христіанской гетмана Петра Дорошенка и все посольство приводилъ къ тому, чтобы они отстали отъ ига бусурманскаго и учинились въ подданствѣ у великаго государя“ ²⁾. Полученныя отъ Трубецкаго для пересылки къ Тукальскому и Дорошенку бумаги Гизель отослалъ въ Чигиринъ 10-го августа съ Полховскимъ, которому поручилъ отвезти и свои собственныя письма къ митрополиту и гетману.

Около того времени, когда Полховскій прибылъ въ Чигиринъ, произошли такія событія, которыя не могли внушить Дорошенку охоты проявить уступчивость въ своихъ требованіяхъ. Во-первыхъ, возвратился отъ короля Іосифъ Шумлянскій съ обѣщаніемъ предоставить казакамъ, если они опять подчинятся королю, устройство по гадяцкому договору ³⁾ и ходили слухи, что Дорошенко уже готовъ былъ на то согласиться ⁴⁾. Съ другой стороны Самойловичъ продолжалъ поступать враждебно по отношенію къ Дорошенку ⁵⁾, который поэтому не особенно снѣшилъ съ дѣломъ подчиненія государю и, когда Полховскій прибылъ, наконецъ, съ государевыми указами въ Чигиринъ, прѣдержалъ его у себя почти три недѣли ⁶⁾.

Дорошенко и Тукальскій встрѣтили ⁷⁾ Полховскаго весьма любезно; „гетманъ и митрополить, передъ иконами крестъ на себя положе, присягались, что истинно вправду хотять быть царскаго величества подданными“, но прежде чѣмъ это сдѣлать, требовали точнаго указанія на то, какія будутъ присланы силы для защиты ихъ про-

¹⁾ Ibid., лл. 420—423.

²⁾ Ibid., лл. 418—420.

³⁾ Ibid., лл. 471—474. Сравн. выше стр. 136. Малороссія, по Гадяцкому договору 1658 г., должна была, какъ извѣстно, получить почти полную самостоятельность и аристократическое устройство на подобіе польскаго.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. кн. № 17, л. 553.

⁵⁾ Ibid., кн. № 21, лл. 518—519.

⁶⁾ Во второй разъ Полховскій былъ отпущенъ изъ Кіева въ Чигиринъ 10-го (ibid., лл. 491 — 496), возвратился въ Кіевъ 3-го сентября (ibid., кн. № 24, л. 26).

⁷⁾ Отчетъ о второй поѣздкѣ Полховскаго въ Чигиринъ см. Моск. Арх. Мин. Юст. Прик. кн. № 24, лл. 40 — 60; изложеніе этого доклада въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малоросс. 1675 г., № 13, лл. 5—16.

тивъ турокъ, при этомъ Дорошенко заявилъ, что войска противъ султана нужно много, а именно пѣхоты московской, калмыковъ и казаковъ, да и казаковъ городскихъ будетъ недостаточно, придется изъ Москвы прислать полковниковъ и сформировать сорокатысячный корпусъ наемныхъ казаковъ; въ противномъ случаѣ турки разорять эту страну, а въ такомъ случаѣ и еще кому-нибудь достанется, если же будетъ достаточно войска. то ближайшею весною можно будетъ выступить въ походъ и напасть на поганскую землю прежде, чѣмъ бусурмане придутъ въ Малороссію. Если турки потерпятъ неудачу, то противъ нихъ возстанутъ волохи, муляне, сербы, македоняне, арнауты и даже ногаи. Вообще, онъ, Дорошенко, знаетъ много „способовъ“ очень полезныхъ при войнѣ съ турками и сдѣлаеть о нихъ докладъ, когда получитъ милость у государя. Кромѣ того Дорошенко просилъ: „пусть царское величество дастъ казакамъ Кіевъ, выведетъ отсюда своихъ ратныхъ людей и прикажетъ сдать кіевскія укрѣпленія, а казаки дадутъ государю другое мѣсто для сооруженія крѣпости“. Это свое требованіе Дорошенко объяснялъ тѣмъ, что государь, утверждая андрусовскій договоръ; присягнулъ отдать полякамъ Кіевъ, а онъ, Дорошенко со всею западною Малороссіею хочетъ сдѣлаться подданнымъ государя не на время, а на всегда. Новаго требованія Дорошенка не могъ одобрить даже Полховскій и сказалъ: „Невозможно, чтобъ царское величество повелѣтъ имѣть людей съ города Кіева свестъ“. Дорошенко отвѣтилъ: „если нельзя добиться отдачи Кіева казакамъ, то пусть государь по крайней мѣрѣ обнадежитъ, что городъ этотъ не будетъ отданъ полякамъ“. Здѣсь Тукальскій вмѣшался въ разговоръ.—„Отче Полховскій“, сказалъ митрополитъ: „панъ гетманъ вовсе не хочетъ, чтобы царскія войска были выведены изъ Кіева, только проситъ обнадеживанья его царскаго величества, что полякамъ Кіевъ не будетъ отданъ, а говоритъ объ отдачѣ этого города казакамъ для того, чтобы впослѣдствіи, когда дѣло уладится и будетъ объявлено о подданствѣ западной Малороссіи государю, всѣ казаки знали о прилежномъ радѣніи пана гетмана“. Наконецъ, Дорошенко требовалъ, чтобы точно опредѣленъ былъ рубежъ съ Польшей и въ предѣлы управляемой гетманомъ страны включены всѣ земли бывшихъ воеводствъ кіевского, брацлавскаго и черниговскаго.

На требованіе, чтобы и впредь обѣ половины Малороссіи имѣли особыхъ гетмановъ, Дорошенко наотрѣзъ отказался согласиться. На обѣихъ сторонахъ Днѣпра, говорилъ онъ, долженъ быть одинъ гетманъ, который будетъ пожизненно управлять и казаками и посмоль-

ствомъ и будетъ какъ бы подаремъ подъ протекціей царскаго величества; великій государь не долженъ допускать непостоянства нѣкоторыхъ людей украинскихъ. вслѣдствіе котораго бывало по нѣскольکو гетмановъ, за то гетманъ постоянно будетъ готовъ на услугу его величества; запорожцы во всемъ должны повиноваться гетману, потому что тамъ порядку мало, гдѣ домовитовъ много.

Стараясь доказать, что гетманъ въ Малороссіи долженъ быть одинъ, Дорошенко указывалъ также на то, что неспособенъ быть гетманомъ Самойловичъ, не настоящій казакъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ онъ, Дорошенко, который и военное дѣло знаетъ и съ разными монархами сносился. „Если царское величество“, продолжалъ Дорошенко: „истинно желаетъ подданства моего съ сею стороною, то пусть учинить, какъ я прошу; я буду ему желательнымъ подданнымъ и не заведу его, а услужу. Что же касается Самойловича, то, можетъ быть я вскорѣ, на его счастье, умру, какъ и желаю этого. сражаясь за вѣру въ поганской землѣ; тогда онъ, Самойловичъ, можетъ спокойно начальствовать, а не такъ хлопотливо, какъ придется мнѣ теперь. Пока Самойловичъ будетъ на сторонѣ гетманомъ, мнѣ царскаго величества подданнымъ невозможно будетъ сдѣлаться. Самойловичъ не допуститъ этого, какъ можно видѣть изъ поступка его съ Сенкевичемъ: государь отпустилъ ко мнѣ Сенкевича съ своею милостивою грамотою, а Самойловичъ его схватилъ, противясь государеву указу и съ государевою грамотою посадилъ въ тюрьму. Да и не одинъ Самойловичъ помѣшаетъ принять меня въ подданство и протопопъ нѣжинскій на то доброе дѣло не позволитъ, тогда бы пришлось имъ бояться бдящаго пастыря (то-есть Тукальскаго), а теперь, что хотять, то и творять“.

Дорошенко, требуя устранения Самойловича и Адамовича, если великій государь желаетъ принять его въ подданство, хотѣлъ въ то же время затянуть переговоры съ московскимъ правительствомъ и не только задержалъ на три недѣли въ Чигиринѣ Полховскаго, но также отказался отправить въ Москву своихъ посланцевъ, какъ это требовалось указными статьями, присланными отъ имени государя. говоря, что Самойловичъ перехватитъ его посланцевъ, какъ захватилъ Сенкевича, и что такимъ образомъ о переговорахъ узнаютъ не только въ Малороссіи, но и въ Турціи. Чтобы показать, до какой степени опасно разглашеніе переговоровъ, Дорошенко сказалъ Полховскому, что за сношенія съ Шумлянскимъ ему уже досталось отъ турокъ и что въ Кіевъ присланы султаномъ лазутчики греки, по этому онъ напи-

шесть Гизелю письмо въ выраженіяхъ, враждебныхъ московскому государю: турки только и спрашиваютъ его, Дорошенка, не сносится ли онъ съ московскимъ царемъ, такъ недурно было, если бы объ этомъ письмѣ къ Гизелю узналъ каменецкій паша.

Какъ Дорошенко сказалъ, такъ и сдѣлалъ; отпуская Полховскаго, онъ далъ ему для передачи Гизелю письмо, въ которомъ написано было, что онъ, Дорошенко, проситъ архимандрита не смущать его не подходящими предложеніями о подданствѣ царю московскому, который, принявъ въ 1654 г. Малороссію, не защищалъ ее отъ поляковъ, а затѣмъ раздѣлилъ; теперь онъ, Дорошенко, подчинился такому царю, который ихъ защищаетъ и будетъ защищать, царь же московскій не принялъ ихъ, когда они о томъ его просили и даже не выхлопоталъ у короля того, чтобы вѣра ихъ не преслѣдовалась ¹⁾). Для доставленія государю Дорошенко передалъ Полховскому, во-первыхъ, „статейки для памяти предложить кому надлежитъ ²⁾“—краткое изложеніе главнѣйшихъ условий, на которыхъ Дорошенко соглашался перейти въ подданство государю; во-вторыхъ, письмо ³⁾ къ государю съ благодарностью за милостивое великаго государя слово и съ изъявленіемъ готовности подчиниться на условіяхъ, изложенныхъ отчасти *письменно* въ данныхъ Полховскому „статейкахъ“, отчасти *изустно* во время переговоровъ съ тѣмъ же Полховскимъ

3-го сентября 1673 г. Полховскій возвратился въ Кіевъ; такъ какъ никакихъ посланцевъ отъ Дорошенка съ нимъ прислано не было, то Трубецкой отослалъ въ Москву привезенные Полховскимъ документы съ запросомъ, какъ продолжать переговоры съ Дорошенкомъ ⁴⁾).

IV.

Отправленные въ Москву Трубецкимъ „статейки“ Дорошенка и записанный Полховскимъ „словесный наказъ“ гетмана вмѣстѣ съ отписками Дорошенка и Тукальского къ государю получены были въ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Пр. книга № 24, лл. 34—37.

²⁾ Ibid., л. 39.

³⁾ Ibid., лл. 29—30. Такимъ образомъ Полховскій получилъ отъ Дорошенка нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ отписку къ государю и изложеніе своихъ требованій; поэтому невѣрнымъ сказывается мнѣніе Костомарова, который полагаетъ (Ист. Мон. и изслѣд. Т. XV; изд. 1882 г., стр. 452), будто „Серапионъ не получилъ отъ Дорошенка ничего писаннаго“.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик. кн. № 24, лл. 40, 67, 26—28.

Малороссійскомъ Приказѣ 17-го сентября ¹⁾). Между тѣмъ Самойловичъ непрестанно писалъ въ Москву, что съ Дорошенкомъ не слѣдуетъ вести переговоровъ, такъ какъ онъ только обманываетъ государя и о всѣхъ своихъ тайныхъ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ сообщаетъ въ Турцію султану и въ Польшу королю. посоль котораго епископъ львовскій уже во второй разъ успѣлъ побывать у Дорошенка ²⁾).

Не смотря на всѣ доносы Самойловича, въ Москвѣ не считали нужнымъ прерывать сношеніе съ чигиринскимъ гетманомъ, но указъ ³⁾ на его „статейки“ вполне соответствовалъ указнымъ статьямъ на первый докладъ Полховскаго. Во-первыхъ, въ Москвѣ по прежнему требовали, чтобы Дорошенко, если учинится подъ рукою великаго государя, былъ гетманомъ только въ западной Малороссіи, а восточная чтобы оставалась подъ управленіемъ Самойловича, при чемъ, согласно желанію Дорошенка, подтверждалось, что гетмановъ старшины смѣнять не будутъ, но если гетманъ, объявится своевольнымъ, то о томъ должны писать государю, отъ котораго о томъ будетъ указъ.

На увѣренія Дорошенка, что въ Украинѣ неслыханное дѣло, чтобы на лѣвой сторонѣ былъ особый гетманъ, изъ Москвы отвѣтили, что еще Богданъ Хмельницкій неоднократно просилъ, чтобы было два гетмана, одинъ въ Гадичѣ, другой въ Чигиринѣ и чтобы они всегда пребывали въ городахъ для страха, а на войну посылали бы наказныхъ гетмановъ; тогда великій государь не согласился на исполненіе этой просьбы, но теперь одному гетману быть нельзя, потому что на лѣвой сторонѣ уже есть гетманъ Самойловичъ.

Въ отвѣтъ на всѣ укоризненные рѣчи Дорошенка о Самойловичѣ чигиринскому гетману указано было объявить, что эти рѣчи великому государю въ подавленіе: пусть вспомнить Дорошенко, знатной ли фамиліи были прежніе гетманы, кромѣ Богдана Хмельницкаго, только избраны они были вольными голосами, а укоризненныхъ словъ на Самойловича говорить ему, Дорошенку, не годилось; если Самойловичъ съ монархами не договаривался, то это потому, что онъ поданный великаго государя, на котораго и полагается въ договорахъ его съ монархами. Какъ Дорошенко своими договорами Украину успо-

¹⁾ Ibid., л. 71.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 43; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 94, ст. 297—298; № 86, ст. 283—284.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик. Кв. № 24, лл. 159—196.

коня, это всему свѣту извѣстно, а гетманъ Самойловичъ и все войско на лѣвой сторонѣ въ покоѣ живутъ. На требованіе Дорошенка, чтобы Кіевъ отданъ былъ казакамъ отвѣтили, что этотъ городъ не только что казакамъ, но и королю польскому никогда отданъ не будетъ.

На предложеніе Дорошенка о сформированіи въ Малороссіи корпуса наемныхъ казаковъ съ полковниками, присланными изъ Москвы сказано было, что заводить такого войска нельзя, потому что великій государь не хочетъ ломать войсковыхъ правъ, а пусть служатъ казаки, какъ обыкли и если онъ, Дорошенко, будетъ вѣрно служить, то великій государь будетъ его оборонять и противъ турокъ, и противъ татаръ. На утвержденіе Дорошенка, будто протопопъ нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ „не позволитъ“ принять его, Дорошенка, въ подданство великому государю; указано было отписать Дорошенку, что „нѣжинскому протопопу вступать въ тѣ дѣла и не позволять невозможно, понеже онъ въ подданствѣ у великаго государя во всякой его царскаго величества волѣ и въ повелѣніи, и ему, гетману Петру Дорошенку, отъ протопопа въ тѣхъ дѣлахъ спасенія никакова имѣть не для чего“. Такимъ образомъ московскому правительству приходилось какъ бы отрекаться отъ того двоевластія въ Малороссіи, которое поддерживалось Малороссійскимъ Приказомъ. Дорошенку писали, что Адамовичу „невозможно вступать“ въ дѣло о переходѣ его, Дорошенка, въ подданство государю, а между тѣмъ только за два мѣсяца передъ тѣмъ состоялся указъ о томъ, чтобы документы, касающіеся переговоровъ о Дорошенковѣ подданствѣ были сообщены не только гетману Самойловичу, но и протопопу нѣжинскому.

Указныя статьи и грамоты для Дорошенка и Тукальскаго ¹⁾ посланы были къ Трубецкому и Гизелю съ подъячимъ Малороссійскаго Приказа Михаиломъ Савинимъ, которому указано было ѣхать въ Кіевъ черезъ Батуринь. вмѣстѣ съ Савинимъ посланъ былъ въ Батуринь стольникъ Бухвостовъ, которому, между прочимъ, поручено было „вычестъ“ Самойловичу всѣ посылаемые къ Дорошенку указы, а также дать отвѣтъ на тѣ представленія о невозможности принять въ подданство Дорошенка, которыя сдѣланы были въ Москвѣ посланцами Самойловича.

¹⁾ Ibid., лл. 142—147. О двоевластіи въ лѣвобережной Малороссіи съ 1661 г. см. въ нашей статьѣ о малороссійскомъ духовенствѣ (*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Дрегн.* за 1894 г. кн. III, стр. 570).

Прочитавъ Самойловичу посылаемыя къ Дорошенку указныя статьи, Бухвостовъ сказалъ гетману, чтобы онъ положилъ упованіе на великаго государя и на то былъ надеженъ, что если Дорошенко принять будетъ въ подданство, то гетманства на лѣвой сторонѣ не получить, всегда будетъ два гетмана. Но Самойловичъ упорно держался своего мнѣнія и говорилъ, что отнюдь не слѣдуетъ принимать въ подданство чигиринскаго гетмана, такъ какъ ни онъ, ни Тукальскій не думаютъ объ истинномъ подданствѣ, а только баламутятъ по обычаю своему, умышляя такимъ способомъ отлучить Кіевъ изъ подъ державы царскаго величества и привратить подъ державу султана. Поэтому то Дорошенко предлагаетъ способы войны съ турками, чтобы такимъ льстивымъ договоромъ получить обѣщаніе объ уступленіи изъ Кіева государевыхъ ратныхъ людей и смуту учинить такую, какую учинилъ при Брюховецкомъ и Многогрѣшномъ.

— „Если бы Дорошенко“, говорилъ Бухвостову Самойловичъ, „дѣйствительно хотѣлъ учиниться подъ рукою великаго государя, то не держалъ бы резидентовъ со многими казаками при султанѣ и въ Каменцѣ, не сносился бы съ поляками, а просто просилъ бы въ видахъ прощенія, принятія въ подданство и обороны. Но если бы даже Дорошенко дѣйствительно желалъ учиниться подъ рукою великаго государя, то какъ быть двумъ гетманамъ? Когда Малороссія была подъ властью короля польскаго, то всегда былъ одинъ гетманъ, а что Богданъ Хмельницкій просилъ учинить двухъ гетмановъ, то очевидно это онъ хотѣлъ сдѣлать для какого нибудь изъ своихъ сродичей, только невзвѣстно, лучше бы то было или хуже. Впрочемъ, еще можно было говорить о двухъ гетманахъ при Хмельницкомъ: въ то время войско на обѣихъ сторонахъ было многое, а теперь на правой сторонѣ малолюдство, по старому захочетъ Дорошенко сею стороною славенъ быть и проискивать надо мною“. На это Бухвостовъ, согласно данному ему наказу, отвѣтилъ, что если Дорошенко станетъ желать чего нибудь не по Божіей волѣ, то ничего не получить, на сей сторонѣ гетманомъ никогда не будетъ.

Уѣзжая изъ Батурина, Бухвостовъ спросилъ Самойловича: „если Дорошенко будетъ упорно стоять на томъ, чтобы ему быть гетманомъ на обѣихъ сторонахъ, то объяви способъ, какъ Дорошенка отъ салтана отлучить, войною или какими *иными мѣрами?*“. Невзвѣстно, какого отвѣта ожидало московское правительство на этотъ вопросъ, врядъ ли ожидали, что Самойловичъ великодушно отречется отъ гетманства, но онъ предпочелъ уклониться отъ отвѣта и сказалъ Бухво-

стову: „способы о томъ, какъ поступить съ Дорошенкомъ подамъ тогда, когда онъ дастъ отповѣдь на посылаемыя ему указныя статьи“. За эту отповѣдью Савинъ отправился въ Кіевъ, а Бухвостовъ возвратился въ Москву ¹⁾.

Въ Кіевъ Савинъ прибылъ 19-го октября; 20-го числа было у Трубецкаго съ Гизелемъ совѣщаніе, на которомъ рѣшили не замочавъ послать съ указомъ и грамотами къ Дорошенку и Тукальскому того же Полховскаго. 24-го октября архимандритъ отпустилъ Полховскаго въ Чигиринъ, поручивъ ему передать Дорошенку и Тукальскому кромѣ государевыхъ грамотъ также письма отъ него, Гизеля. Въ письмѣ къ Дорошенку Гизель указывалъ на то, что нѣкоторые его статьи весьма затрудняютъ дѣло подчиненія его государю. Архимандритъ увѣщевалъ Дорошенка немедленно прислать посланцевъ для окончательныхъ переговоровъ о подданствѣ и положиться во всемъ на волю государя, который сохранитъ казакамъ всё вольности подобно тому, какъ это сдѣлано на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

По прибытіи въ Чигиринъ Полховскій немедленно былъ принятъ Дорошенкомъ и Тукальскимъ „въ митропольѣ домѣ“. Дорошенко прежде всего высказалъ Полховскому негодованіе по поводу того, что о переговорахъ, которые онъ просилъ вести въ величайшей тайнѣ, объявлено всему Заднѣпровью; поэтому и онъ, Дорошенко, уже не можетъ вести переговоровъ тайно и отъ себя посланцевъ къ государю отправлять, но, сослався со всею старшиною, пошлетъ явно посольство отъ всего войска и то только въ томъ случаѣ, если будетъ исполнено главное его требованіе о предоставленіи ему гетманства на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Полховскій отъ себя замѣтилъ, что теперь невозможно исполнить это требованіе, но если весною войска обѣихъ сторонъ, вышедши въ поле, захотятъ его имѣть единственнымъ гетманомъ по правамъ своимъ казацкимъ, то государь его утвердитъ. „Это неподлинная вещь“, отвѣтилъ Дорошенко: „потому что на это извѣстные люди не хотятъ позволить и если я дамъ себя провести неподлинными вещами, то потомъ не будетъ мнѣ съ кѣмъ отъ турокъ и татаръ обороняться, потому что Самойловичъ, оставшись на той сторонѣ гетманомъ, по недружбѣ не станетъ мнѣ помогать“. Полховскій опять замѣтилъ, что трудно царскому величеству того гетмана „отмѣнять“, но Дорошенко возразилъ, что царь, если пожелаетъ можетъ и отнять гетманство у Самойловича, которому и досталась эта

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик. Кн. № 24 лл. 86—128, 202—226.

честь по милости государя, минуя заслуженнѣйшихъ людей, такъ какъ на радѣ казаки принуждены были избрать его по требованію Ромодановскаго.

Дорошенко, настаивая на томъ, что гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра должно быть предоставлено ему одному, продолжалъ увѣрять, что не отказывается все таки отъ подданства государю; гетманъ указывалъ на то, что, имѣя подъ своею властью всѣхъ казаконъ, онъ будетъ въ состояніи унять поганство и покорить государю татаръ, но въ то же время предъявилъ новое требованье: „чтобы великій государь явно о томъ объявилъ и совершенно утвердилъ, какимъ бы способомъ польскому королю Малороссію не отдалъ, понеже царское величество полякамъ монаршескимъ словомъ своимъ обѣщалъ и они обѣщаютъ себѣ, что Кіевомъ и Заднѣпріемъ будутъ вскорѣ владѣть и его, Дорошенка, къ тому же привлекають“. Дорошенко не довольствовался обѣщаніемъ, что Кіевъ полякамъ отданъ не будетъ и требовалъ, чтобы ему указано было, какъ осуществлено будетъ это обѣщаніе. Тукальскій тоже замѣтилъ, что „о неотданіи Малороссіи полякамъ надобно нѣчто отъ основанія новаго начать и нынѣ способы могли бы быть“. Полховскій полюбопытствовалъ узнать, какіе это митрополитъ имѣетъ „способы о неотданіи“ полякамъ Кіева и Малороссіи, но Тукальскій напустилъ на себя таинственность и сказалъ: „не можно того нынѣ объявити, но если бы царское величество по прошенію гетманскому учинилъ, тогда бъ то было и то имѣло-бъ въ великой тайнѣ быти“. При этомъ Полховскому дали понять, что Дорошенко опять въ большой чести у поляковъ, съ которыми дружить, обманывая турокъ.

Отпуская Полховскаго съ письмами къ государю, къ кіевскому воеводѣ и къ Гизелю, Дорошенко повторилъ, что не отказывается отъ подданства, если исполнены будутъ его требованія, а Тукальскій сказалъ „гетмана, который только и думалъ о томъ, чтобы умереть въ бусурманской землѣ, воюя на славу царскаго величества, я въ томъ дѣлѣ утвердилъ было милостью великаго государя, но въ нынѣшнихъ указахъ великая отмѣна и мы желали бы иныхъ, милости-вѣйшихъ; если безъ волокиты тщетной получимъ такіе указы, то примемъ подданство, лишь только явятся великаго государя войска, а я съ своей стороны царскому величеству обѣщаю, что всѣми силами, покаместъ Богъ здоровья подаетъ, служить буду великому государю яко единому подъ солнцемъ православному монарху, свѣту милостивому“.

Въ письмахъ, которыя были переданы Тукальскимъ и Дорошенкомъ 30-го октября 1673 г. Полховскому для доставки въ Кіевъ, заключались увѣренія въ томъ, что, хотя требованія Дорошенка не исполнены, однако онъ не откажется отъ своего намѣренія быть подъ рукою великаго государя. если на прошенія свои получить милостивый указъ; что же касается предложенія московскаго правительства прислать посланцевъ для окончательныхъ переговоровъ, то ихъ можно будетъ послать лишь послѣ того, какъ состоится о томъ совѣщаніе его, Дорошенка, съ старшиною ¹⁾). Въ письмѣ Тукальскаго къ Трубецкому ²⁾ особенно ясно были выражены требованія Дорошенка. Митрополитъ писалъ боярину, что гетманъ тоскливо ожидаетъ милости и указа великаго государя и согласенъ быть въ подданствѣ, если „раздранное“ на части войско Запорожское будетъ соединено милостью *обоихъ* найяснѣйшихъ монарховъ царя московскаго и короля польскаго и одному гетману вручено“, а на вымыслы „бунтовныхъ людей“ не будетъ обращено вниманія.

Только 6-го ноября 1673 г. возвратился Полховскій въ Кіевъ изъ третьей своей поѣздки въ Чигиринъ. Согласно присланному изъ Малороссійскаго приказа распоряженію. Трубецкой самого Полховскаго со всѣми привезенными имъ письмами отправилъ въ Москву, приказавъ заѣхать предварительно въ Батуринь и объявить тамъ Самойловичу объ „отповѣди“ Дорошенка на указныя статьи великаго государя ³⁾). Съ Полховскимъ послалъ отписку къ государю и Гизель ⁴⁾, сообщая о томъ, что по указу царскому три раза писалъ къ Дорошенку и Тукальскому, чтобы они оставили турокъ и были подъ рукою великаго государя. „Какъ вижу“, писалъ Гизель государю: „изъ его писемъ, онъ уготованное на то имѣетъ сердце, но, очевидно, считаетъ меня лицомъ не столь важнымъ для договора въ такомъ дѣлѣ и ждетъ какой нибудь именитой особы отъ вашего величества, присылку же посланцевъ отъ себя отложилъ до совѣтованія со старшиною“. Очевидно, Гизель понималъ, что Дорошенко въ виду заявленныхъ имъ требованій не можетъ быть принятъ государемъ въ подданство, но архимандриту не хотѣлось признаться, что порученное ему дѣло кончилось такъ неудачно.

¹⁾ Ibid. л.л. 337—340; 348—350.

²⁾ Ibid. л.л. 350—372.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малоросс. 1673 г. № 43.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. вн. № 24, л.л. 362—365.

12-го ноября Полховскій прибылъ въ Батуринъ и объявилъ Самойловичу о результатахъ сношеній Гизеля съ Дорошенкомъ. Самойловичъ сказалъ Полховскому, что Дорошенко жетъ, увѣряя, будто хочетъ учиниться подъ рукою великаго государя; поддерживая сношенія съ поляками, онъ, Дорошенко, ихъ также увѣряетъ въ дружественныхъ намѣреніяхъ относительно Польши. Если великій государь приметъ подъ свою руку Дорошенка, то онъ, учиня смуту, перебѣтъ старшинъ лѣвобережныхъ и передастъ города туркамъ. Указавъ на то, что съ Дорошенкомъ нужно вести не переговоры, а войну, Самойловичъ изложилъ самый планъ этой войны, но совѣтовалъ прежде всего напасть на Крымъ, предоставляя впрочемъ, все усмотрѣнію государя. Наконецъ, Самойловичъ обращалъ вниманіе на то, что необходимо особенно стараться о недопущеніи союза Польши съ Турціей, такъ какъ, въ случаѣ соединенія этихъ державъ, Московское государство потеряетъ Кіевъ. 14-го ноября Самойловичъ отпустилъ Полховскаго, который прибылъ въ Москву 24-го числа ¹⁾.

Сообщенія Полховскаго окончательно убѣдили московское правительство въ томъ, что Дорошенко не согласится добровольно подчиняться государю на тѣхъ условіяхъ, какія предлагались ему Малороссійскимъ приказомъ. Но еще до допроса, учиненнаго Полховскому въ Малороссійскомъ приказѣ, произошло другое неблагоприятное для Дорошенка обстоятельство; въ первыхъ числахъ ноября 1673 г. пріѣхалъ въ Москву присланный епископомъ львовскимъ Іосифомъ Шумлянскимъ игуменъ львовскаго Ивановскаго монастыря Іосифъ Творинскій. Этотъ Творинскій разказалъ о лукавствѣ Дорошенка, который изъявлялъ Шумлянскому готовность подчиниться королю польскому въ то самое время, когда Гизеля увѣрялъ, что желаетъ быть подъ рукою царя московскаго ²⁾. Поэтому еще 20-го ноября 1673 г. состоялся великаго государя указъ: писать къ князю Ромодановскому и къ гетману Ивану Самойловичу, чтобы они, не теряя времени выступили немедленно со всѣми войсками противъ Дорошенка; если онъ согласится учиниться въ подданствѣ у великаго государя, то писать о томъ въ Москву наскоро; объ условіяхъ, на которыхъ можно было принять Дорошенка Малороссійскій приказъ обѣщалъ вскорѣ прислать

¹⁾ Ibid. л.л. 322—337; кн. № 25, л. 200.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1673 г. № 34; Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик. Кн. № 25, л. 199 об. Сравн. Симб. Сборн. Малоросс. Дѣла, стр. 26—27.

„статьи“¹⁾). Согласно этихъ статей, посланныхъ 2-го декабря 1673 г., не воспрещалось предоставить гетманство на правой сторонѣ Днѣпра Дорошенку. если онъ согласится учиниться подъ рукою великаго государя; только въ случаѣ нежеланія правобережныхъ казаковъ имѣть гетманомъ Дорошенка. предоставлялось имъ право избрать иного гетмана, человѣка „добраго и досужаго, а наипаче вѣрнаго“²⁾).

Самойловичъ и Ромодановскій поняли присланныя имъ „статьи“ такъ, какъ имъ хотѣлось, и объявили, что великій государь вовсе не желаетъ оставлять гетманомъ Дорошенка³⁾). Поэтому вскорѣ началась война съ Дорошенкомъ, которая перешла затѣмъ въ войну съ Турціей. Эта война оказалась неудачною и попытка московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ не имѣла послѣдствій: въ 1686 г. заключенъ былъ договоръ между Московскимъ и Польскимъ государствами, по которому условія Андрусовскаго перемирія перешли въ вѣчный миръ съ тою лишь разницею, что Кіевъ съ окрестностями былъ уступленъ Московскому государству не на два года, а на всегда.

Сдѣланная Московскимъ правительствомъ въ 1673 г. попытка исправить Андрусовскій договоръ и осуществить политическую программу царя Алексѣя Михайловича⁴⁾ не удалась по винѣ тѣхъ самыхъ казаковъ, которые такъ возмущались тѣмъ, что въ 1667 г. московское правительство признало себя вынужденнымъ признать совершившійся фактъ раздѣленія Малороссіи. Нельзя, конечно, настаивать на томъ, что въ случаѣ осуществленія въ 1673 г. проекта Матвѣева, московскому правительству удалось бы удержать за собою всю правобережную Малороссію; во всякомъ случаѣ, гораздо больше было основанія рассчитывать на прочность соединенія этой страны съ великой Россіей при содѣйствіи Дорошенка, чѣмъ при упорномъ его сопротивленіи: когда три года спустя Дорошенко, наконецъ, подчинился Москвѣ, правительство московское не могло прочно утвердиться на правомъ берегу, такъ какъ, благодаря вызванному Дорошенкомъ въ 1674 г. турецкому нашествію, страна была страшно опустошена и совершенно обезлюдѣла⁵⁾).

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Малоросс. Прик. Кн. № 24, л.л. 301—310.

²⁾ Ibid лл. 424—432.

³⁾ Собраніе Госуд. Грам. и Догов. Ч. IV № 93, стр. 302—303; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 118, стр. 388.

⁴⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XI, изд. 1861 г. стр. 226: „собагѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго“.

⁵⁾ *Костомаровъ*, Историч. моногр. и изслѣдов. т. XV, изд. 1882 г. стр. 512, 509.

Достойно примѣчанія то, что ровно сто лѣтъ спустя послѣ составленія Матвѣевымъ проекта присоединенія правобережной Малороссіи къ великой Россіи, составленъ былъ въ 1773 г. подобный проектъ выборными отъ жителей этой страны подъ руководствомъ мѣстнаго православнаго духовенства, но тогда уже само русское правительство не дало хода этому проекту ¹⁾.

Виталій Эйнгорнъ.

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1872 г. № 9, стр. 80—81, ст. М. О. Колловича.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТРУДАХ КОНТА ¹⁾.

Огюсть Контъ былъ математикъ по образованію; преподаваніе математики было долгое время его главной профессіей.

Математическое образованіе онъ получилъ сперва въ лицей въ Монпелье, въ старшихъ классахъ коего главное вниманіе было обращено на предметы математическіе, а засимъ въ Политехнической школѣ, которая въ то время, какъ и нынѣ, являлась разсадникомъ математическихъ знаній во Франціи.

Исключенный со старшаго курса школы за нарушеніе правилъ дисциплины, Контъ, хотя и былъ допущенъ къ окончательному экзамену, но не воспользовался своимъ правомъ.

По оставленіи школы долгое время уроки математики составляли если не главное занятіе Конта, то почти единственный его заработокъ. По отзывамъ нѣкоторыхъ изъ его учениковъ онъ преподавалъ съ большою любовью и умѣлъ внушить имъ интересъ къ предмету. Это обстоятельство создало ему репутацію опытнаго и искуснаго преподавателя и въ 1832 г. Контъ, по рекомендаціи профессора Навье, былъ принятъ въ Политехническую школу въ качествѣ репетитора.

Черезъ 4 года, по смерти Навье, Контъ временно читалъ за него лекціи въ школѣ и выступилъ въ числѣ соискателей на освободившуюся послѣ Навье кафедру трансцендентнаго анализа и рациональной механики, но совѣтъ школы отдалъ предпочтеніе Дюгамелю; вскорѣ однако Конту было предоставлено мѣсто экзаменатора, считавшееся весьма важнымъ въ виду той сильной конкуренціи, которой подверга-

¹⁾ Рѣчь, читанная въ засѣданіи Философскаго общества при С.-Пб. университетѣ 7-го марта 1898 г.

лись и подвергаются еще и нынѣ молодые люди, желающіе попасть въ Политехническую школу.

Контъ оставался однако экзаменаторомъ относительно недолго—въ 1844 г. онъ потерялъ это мѣсто, а засимъ въ 1852 г. онъ вынужденъ былъ совсѣмъ оставить школу.

По отзывамъ современниковъ Контъ въ молодые годы обнаруживалъ блестящія математическія способности; профессоръ лицея въ Монпелье Анконтръ (Epcoutre) возлагалъ на него большія надежды. Въ Политехническую школу онъ поступилъ въ числѣ первыхъ четырехъ изъ наиболѣе преуспѣвшихъ на экзаменахъ, при чемъ выше его стояли Гишаръ, Дюгамель и Лямэ, составившіе себѣ впоследствии, особенно послѣдніе два, громкую извѣстность среди математиковъ.

Контъ обладалъ даромъ изложенія, при веденіи экзаменовъ обнаружилъ много изобрѣтательности и находчивости и пользовался среди своихъ учениковъ такою популярностью, что однажды (именно въ 1840 г.), когда въ школѣ имѣлась свободная профессорская кафедра, которую Контъ желалъ занять, ученики школы выбрали депутацію, въ лицѣ Бертрана и Оссіана Боннэ, чтобы ходатайствовать передъ членами совѣта о назначеніи Конта ¹⁾.

Но, по выходѣ изъ школы, Контъ, увлеченный своими философскими работами, оставилъ спеціальныя занятія математикой и потому, несмотря на свои выдающіяся способности, скоро отсталъ отъ товарищей и даже учениковъ своихъ—этимъ обстоятельствомъ главнымъ образомъ и объясняются указанные неудачи его преподавательской дѣятельности.

Изъ математическихъ трудовъ Конта, кромѣ тѣхъ частей его философскихъ сочиненій, которыя посвящены изложенію основаній наукъ математическихъ, былъ напечатанъ только курсъ аналитической геометріи (*Traité élémentaire de Géométrie analytique*, 1844).

Введеніе, основныя положенія и опредѣленія и общая система изложенія аналитической геометріи представляетъ повтореніе, съ нѣкоторыми дополненіями, высказанныхъ Контомъ въ курсѣ позитивной философіи взглядовъ на этотъ предметъ (главы 12, 13 и 14 тома I); такимъ образомъ самостоятельнаго научнаго интереса этотъ учебникъ не имѣетъ.

Изъ философскихъ сочиненій Конта математикѣ посвящены первый

¹⁾ Совѣтъ, однако, избралъ профессоромъ Штурма — математика, весьма известнаго своими трудами.

и часть второго тома его курса позитивной философіи (первый напечатанъ въ 1830 г., а второй—въ 1835 г.) и первый томъ субъективнаго синтеза (*Synthèse Subjective*), имѣющій подзаголовокъ — система позитивной логики или трактатъ о математической философіи.

Второе сочиненіе Конта написано въ 1856 г. и относится къ послѣднему періоду его дѣятельности, направленному на пропаганду религіи человѣчества. Оно заключаетъ главнымъ образомъ указанія Конта о томъ, какъ должно быть поставлено преподаваніе математики въ системѣ энциклопедическаго образованія, въ позитивныхъ школахъ, состоящихъ при храмахъ человѣчества (*dans les écoles positives annexées aux temples de l'Humanité*—стр. VII предисловія).

Подъ влияніемъ мистическаго настроенія, въ которомъ находился въ то время Контъ, онъ связывалъ вопросы преподаванія математики съ задачами позитивной политики и морали. Изученіе ариметики должно способствовать, говоритъ онъ, развитію чувства униженія (*humilité*) и подчиненія (*soumission*), такъ какъ даетъ почувствовать существованіе порядка во вселенной; онъ видитъ слѣды фетишизма въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ ариметики и господство теократіи въ дальнѣйшемъ ходѣ ея. Логическіе доводы въ пользу того или иного порядка изложенія математическихъ наукъ настолько переплетаются съ соображеніями мистическаго или этическаго характера, что отдѣленіе ихъ потребовало бы труда большаго и кромѣ того неблагодарнаго, такъ какъ собственно въ большинствѣ случаевъ онъ повторяетъ основныя положенія курса позитивной философіи, иногда впрочемъ и противорѣча имъ. При этомъ онъ относится съ совершеннымъ презрѣніемъ ко всѣмъ успѣхамъ математики, достигнутымъ ею въ XIX вѣкѣ.

Трактатъ о математической философіи даетъ грустную картину ума уже большаго; поэтому въ дальнѣйшемъ, говоря о математическихъ трудахъ Конта, я ограничусь изложеніемъ главныхъ положеній указаннаго выше курса позитивной философіи.

Контъ высоко ставилъ научное значеніе математики; онъ говорилъ даже, что математика скорѣе есть основаніе (*base fondamentale*) позитивной философіи, чѣмъ часть ея. Для человѣчества драгоценны свѣдѣнія, входящія въ составъ математики, но главное ея значеніе состоитъ въ томъ, что она является самымъ могущественнымъ средствомъ изъ всѣхъ, которыя только умъ человѣческій создалъ для нахождения законовъ явленій.

При настоящемъ уровнѣ знаній, математика представляется вмѣстѣ

съ тѣмъ и наиболѣе совершенною изъ наукъ, ибо—говоритъ Контъ,—цѣль науки есть координація фактовъ, а изъ всѣхъ отраслей знанія математика наиболѣе приблизилась къ этой цѣли. Высшая простота, общность и независимость математическихъ знаній ставятъ ее во главѣ іерархіи позитивныхъ наукъ, предложенной Контомъ.

Основная цѣль математики, по мысли Конта, есть измѣреніе величинъ, но не прямое или непосредственное, а косвенное—опредѣленіе однихъ величинъ съ помощью другихъ, на основаніи точныхъ соотношеній, существующихъ между ними.

Содержаніе математическаго изслѣдованія какого нибудь класса явленій заключается слѣдовательно въ установленіи и изученіи связей между величинами, уже измѣренными, извѣстными, и величинами, подлежащими измѣренію, еще неизвѣстными.

Привести опредѣленіе всѣхъ возможныхъ величинъ, относящихся къ данной группѣ явленій, къ непосредственному измѣренію возможно меньшаго числа изъ этихъ величинъ представляетъ основное desideratum математическаго знанія; иначе этотъ desideratum можно формулировать еще такъ—съ помощью даннаго числа имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя величинъ извѣстныхъ измѣрить возможно большее число другихъ величинъ, относящихся къ тому же классу явленій.

Изъ самаго опредѣленія цѣлей математики вытекаетъ, по мнѣнію Конта, естественное дѣленіе ея на двѣ части—на конкретную и абстрактную математику.

Первая часть—математика конкретная—имѣетъ цѣлью установить точныя связи, зависимости между величинами измѣренными, извѣстными и величинами неизмѣренными. или другими словами, установить связи между постоянными и независимыми (произвольными) переменными съ одной стороны, и зависимыми переменными—съ другой.

Абстрактная математика изслѣдуетъ установленныя уже связи между извѣстными и неизвѣстными величинами, независимо отъ природы явленій, къ коимъ онѣ относятся.

Для правильнаго пониманія существа математики необходимо, однако, по мнѣнію Конта, нѣсколько ограничить предшествующія общія опредѣленія. Не всѣ связи между величинами могутъ быть предметомъ математическаго изслѣдованія, а только тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ всевозможныя комбинаціи нѣкоторыхъ простѣйшихъ зависимостей между величинами. Эти простѣйшія зависимости выражаются операціями сложенія, вычитанія, умноженія, дѣле-

нія, возвышенія въ степень и извлеченія корня; къ нимъ же относятся еще и функціи показательныя, логарифмическія, тригонометрическія и круговыя.

Контъ, не рѣшаясь отрицать возможность введенія въ анализъ другихъ простѣйшихъ зависимостей, относится къ этому вопросу совершенно скептически и во всякомъ случаѣ считаетъ, что при современномъ ему состояніи математическихъ знаній задача конкретной математики заключается въ установленіи зависимостей, выражающихся всевозможными комбинаціями указанныхъ простѣйшихъ, а изслѣдованія такихъ зависимостей составляетъ предметъ абстрактной математики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Контъ находитъ, что вводимое имъ ограниченіе, весьма серьезное съ философской точки зрѣнія, не имѣетъ столь существеннаго практическаго значенія, такъ какъ вслѣдствіе абстрактности и общности приведенныхъ выше основныхъ зависимостей они имѣютъ безграничное поле приложеній.

Главный предметъ абстрактной математики—разсмотрѣніе уравненій—то-есть связей между величинами измѣренными и подлежащими измѣренію, выраженныхъ указанными 10 операціями, распадается на двѣ части—*calcul des valeurs* и *calcul des fonctions*—исчисленіе отдѣльныхъ значеній неизвѣстныхъ величинъ и исчисленіе общихъ зависимостей между извѣстными и неизвѣстными величинами.

Исчисленіе отдѣльныхъ значеній (*calcul des valeurs*) имѣетъ цѣлью дать способы опредѣлять, для каждой отдѣльной системы численныхъ значеній величинъ извѣстныхъ, соответственное численное значеніе неизвѣстныхъ зависимыхъ величинъ. Это есть арифметика, въ общемъ смыслѣ этого слова, которая, по мнѣнію Конта, имѣетъ несомнѣнно неизмѣримо меньшее философское значеніе, чѣмъ вторая часть—исчисленіе общихъ зависимостей.

Эта вторая часть—*calcul des fonctions*—въ свою очередь представляетъ двѣ различныя области, которыя отличаются между собой главнымъ образомъ по характеру уравненій, связей между величинами извѣстными и неизвѣстными, которыя онѣ изслѣдуютъ.

Прямое исчисленіе функцій (*calcul des fonctions directes*) занимается тѣми уравненіями, въ которыхъ дана непосредственная зависимость между извѣстными величинами и подлежащими измѣреніями. Это есть алгебра—общая теорія обыкновенныхъ уравненій. Второй отдѣлъ исчисленія функцій (*calcul des fonctions indirectes*) имѣетъ дѣло съ такими уравненіями, въ которыхъ кромѣ извѣстныхъ и не-

известных, а иногда и вместо них. входят другія величины— вспомогательныя. Эти вспомогательныя величины суть приращенія— именно бесконечно малыя приращенія—известных и неизвестных величинъ. Исключить вспомогательныя величины, найти прямыя зависимости между известнымъ и неизвестнымъ и такимъ образомъ привести дальнѣйшее изслѣдованіе къ первой части исчисления функций — въ этомъ и заключается задача косвеннаго исчисления функций (*calcul des fonctions indirectes*). Оно составляетъ такъ называемый трансцендентный анализъ, или дифференціальное и интегральное исчисленіе.

Установивъ общее дѣленіе исчисления функций, Контъ засимъ излагаетъ современное ему положеніе вопроса объ алгебраическомъ рѣшеніи уравненій—главнаго вопроса прямаго исчисления функций (гл. V), воззрѣній Лейбница, Ньютона и Лагранжа на основныя понятія трансцендентнаго анализа (гл. VI) и засимъ знакомитъ съ состояніемъ этого анализа (гл. VII и VIII). Глава IX посвящена еще теоріи конечныхъ разностей и интерполированію.

Конкретная математика, имѣя цѣлью установить связи, уравненія между величинами, относящимися къ различнымъ классамъ явленій, естественнымъ образомъ распадалась бы на столько отдѣловъ, сколько существуетъ для насъ различныхъ категорій или группъ явленій.

Однако, соотношенія между величинами, характеризующими различные классы явленій, вслѣдствіе своей сложности, не выражаются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, черезъ комбинаціи тѣхъ простѣйшихъ зависимостей, которыя входятъ въ составъ изслѣдуемыхъ абстрактною математикой уравненій. Приложеніе абстрактной математики къ изученію этихъ соотношеній становится невозможнымъ и потому огромное большинство явленій не только органической, но даже и неорганической физики не можетъ пока составить отдѣловъ конкретной математики, а въ настоящее время только два класса явленій—явленія геометрическія и явленія механическія—входятъ въ область конкретной математики.

Явленія геометрическія проще и отвлеченнѣе явленій механическихъ и могутъ быть изучаемы независимо отъ нихъ, поэтому геометрія должна быть первою частью конкретной математики, а механика—второю.

Для построенія геометріи анализъ понятія о пространствѣ не играетъ никакой роли; для позитивной философіи пространство есть неопредѣленная среда, заключающая въ себѣ всѣ тѣла вселенной.

Отпечатокъ (l'empreinte), который тѣла оставляютъ въ пространствѣ, независимо отъ ихъ физическаго строенія, и есть предметъ геометрическаго изученія.

Остальныя геометрическія протяженности, какъ то поверхности, линіи и точки, представляются намъ тоже какъ тѣла, у которыхъ одно, два или всѣ три измѣренія такъ малы, что не могутъ сосредоточить на себѣ нашего вниманія. Возможность самостоятельнаго изученія ихъ основана на присущей человѣку способности думать продолжительно (d'une manière permanente) о протяженности, не принимая во вниманіе одного, двухъ или даже трехъ ея измѣреній.

Задача геометріи заключается въ измѣреніи объемовъ, площадей и длинъ; всѣ геометрическія изслѣдованія, прямо или косвенно, направлены къ этой цѣли. Измѣреніе объемовъ, площадей и длинъ линій не могло быть разсматриваемо, съ философской точки зрѣнія, какъ равносильныя задачи—въ то время какъ въ основаніи измѣренія линій лежитъ непосредственное ихъ сравненіе (наложеніе), объемы и площади никогда не сравниваются непосредственно, и на измѣреніе приводится къ изслѣдованію длинъ линій, опредѣляющихъ величину объема или площади.

Теорія линій служитъ основаніемъ геометріи; поверхности и тѣла являются уже второю и третьею степенями геометрическаго знанія.

По методу Контъ дѣлитъ геометрическія изслѣдованія на двѣ части: геометрію частную (геометрія древнихъ) и геометрію общую, или новую, или Декарта.

Геометрія древнихъ, говоритъ Контъ, занимается изученіемъ отдѣльныхъ классовъ линій, поверхностей и такъ далѣе, новая же геометрія останавливается на разсмотрѣніи свойствъ, общихъ всѣмъ линіямъ и другимъ протяженностямъ. Огромное преимущество новой геометріи Контъ видитъ въ томъ, что въ то время, какъ рѣшеніе отдѣльнаго вопроса въ геометріи древнихъ не давало возможности извлечь изъ него что либо для другихъ протяженностей, даже самыхъ близкихъ къ разсмотрѣнному, въ геометріи новой всякій шагъ впередъ даетъ возможность получить выводы, относящіеся ко всѣмъ кривымъ, или ко всѣмъ поверхностямъ. Такъ какъ, съ другой стороны, всѣ геометрическіе вопросы, имѣющіе научный интересъ, можно ставить сразу относительно всѣхъ линій, или поверхностей и такъ далѣе, то отсюда слѣдуетъ, что съ появленіемъ геометріи Декарта, геометрія древнихъ утратила свое значеніе. Въ одномъ только отношеніи геометрія древнихъ сохраняетъ свой *raison d'être* — простѣй-

шія геометрическія формы должны быть изучены самостоятельно, независимо отъ разсмотрѣнія общихъ свойствъ геометрическихъ протяженностей. Начальная или такъ называемая элементарная геометрія служитъ не только основаніемъ древней геометріи, но и необходимымъ введеніемъ въ новую, такъ какъ она даетъ тѣ основныя соотношенія между геометрическими величинами, съ помощью коихъ могутъ быть составлены связи или уравненія между измѣренными и неизвѣстными величинами.

Теорія прямой линіи, многоугольниковъ и многогранниковъ составляетъ необходимые предметы занятій начальной геометріи, всѣ же остальные геометрическіе вопросы входятъ уже въ область новой геометріи.

Первая задача, надъ которою останавливается новая геометрія—это приведеніе всѣхъ вопросовъ о положеніи и формѣ геометрическихъ протяженностей къ установленію отношеній между величинами; другими словами — замѣна изученія качествъ протяженностей изслѣдованіемъ количества.

Но форма протяженностей зависитъ отъ взаимнаго расположенія элементовъ ея (напр. форма кривой опредѣляется положеніемъ всѣхъ ея точекъ); остается слѣдовательно установить приемъ, коимъ вопросъ о положеніи элементовъ геометрическихъ протяженностей приводился бы къ измѣренію нѣкоторыхъ величинъ. Для этого, въ свою очередь, достаточно положеніе каждой точки въ пространствѣ разсматривать по отношенію къ нѣкоторымъ совершенно опредѣленнымъ протяженностямъ (напр. принимать во вниманіе положеніе точки относительно трехъ опредѣленнымъ образомъ выбранныхъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостей). Измѣривъ тѣ геометрическіе элементы, коими исполнѣ опредѣлится положеніе точки въ пространствѣ относительно избранныхъ протяженностей (въ указанномъ выше примѣрѣ—разстоянія точки до всѣхъ трехъ плоскостей), мы и приведемъ вопросъ о положеніи точки, а засимъ и всѣхъ геометрическихъ протяженностей, къ изслѣдованію соотношеній между величинами.

Если тѣ геометрическіе элементы (разстоянія, углы и такъ далѣе), которые опредѣляютъ положеніе каждой точки пространства относительно нѣкоторыхъ опредѣленныхъ протяженностей, назвать координатами точки, то задача новой геометріи и будетъ состоять въ установленіи связей, уравненій между нѣкоторыми извѣстными величинами и координатами точекъ, принадлежащихъ кривой или поверхности, и въ изслѣдованіи ихъ по правиламъ абстрактной математики.

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи Контъ останавливается на тѣхъ общихъ вопросахъ, которые можно поставить относительно всѣхъ линий (гл. XIII) или поверхностей (гл. XIV): такими вопросами, по отношенію къ кривымъ, являются опредѣленіе числа точекъ, необходимыхъ для полнаго опредѣленія кривой, касательныя къ кривымъ, асимптоты, центръ и діаметры кривыхъ, соприкосаніе и подобіе ихъ, вычисленіе длинъ дугъ и площадей криволинейныхъ фигуръ. Глава XIV перваго тома посвящена разсмотрѣнію подобныхъ же вопросовъ относительно поверхностей.

По тому же плану составленъ Контомъ и упомянутый выше курсъ аналитической геометріи; отличается онъ только болѣе широкимъ примѣненіемъ алгебраическихъ знаковъ и снабженъ примѣрами, поясняющими общую теорію.

Механика—вторая часть конкретной математики—изслѣдуетъ обстоятельства движенія тѣлъ. Вопросъ о причинѣ движенія—то-есть о силахъ, производящихъ движеніе, не входитъ въ область механики, и относится къ физикѣ; механика считаетъ силы тождественными, если при одинаковыхъ условіяхъ онѣ производятъ одно и то же движеніе.

За основные законы механики, дающіе возможность установить связи, уравненія между величинами, относящимися къ обстоятельствамъ движенія, Контъ принимаетъ слѣдующіе три принципа, на которыхъ со времени Ньютона и до настоящаго времени строится научное изложеніе механики:

а) Законъ инерціи—свойство тѣлъ сохранять состояніе покоя или равномернаго прямолинейнаго движенія.

б) Законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія—дѣйствіе двухъ тѣлъ одно на другое всегда равны и направлены противоположно.

и в) Законъ независимости и сосуществованія движеній—относительное движеніе частей системы не измѣняется, если всей системѣ будетъ сообщено нѣкоторое движеніе.

Четвертый законъ, пропорціональность силъ движенію (или ускоренію, какъ говорится обыкновенно теперь въ курсахъ механики) Контъ считаетъ лишь слѣдствіемъ третьяго.

Прилагая эти законы къ различнымъ обстоятельствамъ движенія и къ различнымъ тѣламъ, механика, по мнѣнію Конта, естественнымъ образомъ дѣлится сперва на статику—или науку о равновѣсіи тѣлъ—и динамику—или науку собственно о движеніи тѣлъ. Каждая изъ нихъ въ свою очередь распадается на отдѣлы, изучающіе равновѣсіе и движеніе тѣлъ твердыхъ и тѣлъ жидкихъ.

Установивъ дѣленіе механики, Контъ переходитъ къ изложенію основныхъ приѣмовъ и теоремъ статики и динамики; послѣдній отдѣлъ (динамика) является наиболѣе слабымъ въ той части курса позитивной философіи, которая посвящена наукамъ математическимъ; я не буду, однако, останавливаться на разъясненіи недосмотровъ или ошибокъ, вкравшихся въ этотъ отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что они довольно подробно рассмотрѣны въ статьѣ французскаго математика Бертрана, напечатанной въ прошломъ году въ *Revue de deux mondes*. Я укажу только на самое элементарное заблужденіе Конта.

Въ настоящее время болѣе или менѣе извѣстно, что разумѣется подъ кинетической и потенциальной энергіей тѣла или системы точекъ.

Въ механикѣ доказывается, что если силы внѣшнія и внутреннія, дѣйствующія на систему точекъ, удовлетворяютъ нѣкоторымъ условіямъ, то сумма кинетической и потенциальной энергіи остается постоянною; при измѣненіи положенія системъ приращенія кинетической энергіи покрывается соответственнымъ уменьшеніемъ потенциальной и на оборотъ. Эта теорема носитъ названія закона постоянства энергіи.

Контъ неправильно формулировалъ этотъ законъ — онъ считалъ, что постоянною остается одна кинетическая энергія. По мнѣнію Бертрана эта ошибка, въ связи съ другими недосмотрами его динамики, была главною причиною тѣхъ неудачъ Конта при соисканіи кѣедры трансцендентнаго анализа и рациональной механики, о которыхъ упомянуто выше.

Большая часть втораго тома курса позитивной философіи (9 главъ) посвящена Контомъ астрономіи. Это, говоритъ Контъ, есть единственная наука, въ которой умъ человѣческій совершенно освободился отъ вліянія метафизики и теологіи. Въ ней съ особенною ясностью можно видѣть, въ чемъ должно состоять, съ точки зрѣнія позитивной философіи, объясненіе явленій природы помимо бесплодныхъ изслѣдованій первичныхъ ихъ причинъ, въ ней же наилучшимъ образомъ выясняется и научное значеніе гипотезъ.

Задача астрономіи—изученіе законовъ геометрическихъ и механическихъ явленій, происходящихъ среди небесныхъ свѣтилъ. Соответственно этому астрономія дѣлится на небесную геометрію и небесную механику. Обѣ части астрономіи основаны на наблюденіи, поэтому устройства инструментовъ, коими производятся астрономическія наблюденія, и поправки, вносимыя теоріей въ наблюденія, представляютъ необходимое введеніе въ астрономію. Останавливаясь на этомъ предметѣ, Контъ послѣдовательно излагаетъ постепенныя улучшенія и со-

временное устройство инструментовъ, измѣряющихъ время, углы и другія необходимыя элементы. и на теоріи рефракцій, паралакса и т. д. Контъ при этомъ и каталогъ звѣздъ разсматриваетъ какъ одно изъ средствъ, приемовъ астрономическихъ наблюдений.

Небесная геометрія изслѣдуетъ величину и форму небесныхъ тѣлъ, взаимныя ихъ разстоянія и расположенія, вращательное и общее ихъ движеніе, независимо однако отъ причинъ, обуславливающихъ это движеніе.

По каждому изъ этихъ пунктовъ Контъ излагаетъ главнѣйшіе результаты, достигнутые къ его времени астрономіей; съ особеннымъ вниманіемъ и подробностью останавливается на извѣстныхъ законахъ движенія планетъ, открытыхъ Кеплеромъ.

Исторія открытій Кеплера даетъ, по мнѣнію Конта, наиболѣе поучительный примѣръ тѣхъ благотворныхъ результатовъ, которые приносятъ правильная, съ точки зрѣнія позитивной философіи, комбинація наблюдений и научныхъ гипотезъ.— Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ Контъ исторію этихъ открытій.

Пока число наблюдений было ограничено и обстоятельства движенія планетъ мало извѣстны, предположеніе о равномерномъ движеніи ихъ по кругу было вполне естественнымъ и съ точки зрѣнія позитивной философіи; затѣмъ, когда болѣе обстоятельныя наблюдения заставили измѣнить гипотезу, то введеніе эпицикловъ—то-есть тѣхъ вспомогательныхъ круговъ, центры коихъ двигались бы равномерно по кругамъ, и по нимъ засимъ тоже равномерно двигались бы планеты. само по себѣ не можетъ быть признано ненаучнымъ. Дальнѣйшее же нагроможденіе все новыхъ и новыхъ эпицикловъ, съ цѣлью согласовать теоріи съ наблюдениями, было слѣдствіемъ метафизическихъ утвержденій о совершенствѣ міра и совершенство круговаго движенія. Главная заслуга Кеплера состоитъ въ томъ, что онъ отрѣшился отъ этихъ двухъ метафизическихъ принциповъ, и обратился къ разсмотрѣнію другихъ простѣйшихъ гипотезъ о законахъ движенія планетъ. Прежде всего Кеплеръ, отбросивъ условіе равномерности движенія свѣтила, поставилъ цѣлью провѣрить, соблюдается ли одно изъ слѣдствій равномернаго движенія по кругу, которое однако можетъ имѣть мѣсто и при другой орбитѣ и при неравномерномъ движеніи—именно пропорціональны ли времени площади, описываемыя радіусъ—векторомъ, проведеннымъ изъ солнца къ планетѣ.

Получивъ изъ обработки имѣвшихся у него наблюдений подтвержденіе такого предположенія, Кеплеръ обратился къ повѣркѣ другой

гипотезы—не представляют ли орбиты планет простѣйшихъ послѣ круга кривыхъ—именно эллипсовъ. Такъ какъ наблюденія подтверждали и это предположеніе и такъ какъ съ другой стороны нѣкоторыя элементарныя соображенія указывали заранѣе, что солнце не могло быть въ центрѣ эллипса, то Кеплеръ долженъ былъ испытать слѣдующее простѣйшее предположеніе—а именно, не находится ли оно въ фокусѣ; получивъ изъ наблюденія ясное удостовѣреніе правильности послѣдней гипотезы, Кеплеръ могъ формулировать законъ о движеніи планетъ по эллипсамъ.

Что же касается третьяго закона, именно, что квадраты времени обращенія планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстоянія до солнца, по мнѣнію Конта, Кеплеръ получилъ его послѣдовательнымъ испытаніемъ двухъ предположеній—что времена пропорціональны разстояніямъ и что времена пропорціональны квадратамъ разстоянія; убѣдившись, что оба предположенія невѣрны, при чемъ при первомъ предположеніи возрастаніе времени обращенія оказывается слишкомъ медленнымъ, а при второмъ—слишкомъ быстрымъ, Кеплеръ долженъ былъ естественнымъ образомъ прійти къ испытанію среднего между этими предположеніями—именно—что времена пропорціональны разстоянію въ степени $\frac{3}{2}$; наблюденіе засимъ опять подтвердило гипотезу.

Эмпирическіе законы Кеплера были связаны въ одно цѣлое въ духѣ позитивной философіи открытіями Ньютона.

Первый законъ Кеплера далъ Ньютону возможность доказать, что сила, движущая планету, направлена по прямой, соединяющей солнце и планету.

Законъ Гюйгенса о центробѣжной силѣ и третій законъ Кеплера должны были привести Ньютона къ предположенію о томъ, что эта сила должна быть обратно пропорціональна квадратамъ разстоянія планеты отъ солнца. Тѣ блестящія познанія по абстрактной математикѣ, которыми обладалъ Ньютонъ, дали ему возможность окончательно формулировать законъ всемірнаго тяготѣнія. Это и есть тотъ общій фактъ, который въ связи съ законами предъидущихъ двухъ наукъ—геометріи и механики—даетъ объясненіе всѣхъ обстоятельствъ движенія небесныхъ свѣтилъ.

Доказательствомъ этого закона заканчивается и задача небесной геометріи; небесная механика изслѣдуетъ движеніе свѣтилъ какъ слѣдствія закона всемірнаго тяготѣнія.

Послѣдняя глава астрономическаго отдѣла позитивной философіи посвящена космогоніи.

У позитивнаго философа, говорить Контъ, не можетъ возникать вопроса о происхожденіи или созданіи міра; его можетъ интересовать только исторія послѣдовательныхъ измѣненій вселенной. Представляетъ ли настоящее состояніе вселенной какія либо данныя о иномъ строеніи ея въ прошломъ и возможно ли уловить характерныя черты этого прошлаго—вотъ задача позитивной космогоніи. Но и такую задачу позитивная космогонія можетъ ставить себѣ только относительно солнечнаго міра, а не относительно вселенной, ибо говорить Контъ, звѣздный міръ намъ неизвѣстенъ; мы не знаемъ рѣшенія даже простѣйшаго вопроса—разстоянія звѣздъ отъ насъ; ихъ физическое строеніе навсегда должно остаться скрытымъ отъ насъ. Распространеніе на вселенную закона всеобщаго тяготѣнія, доказаннаго для солнечнаго міра, совершенно произвольно и можетъ быть допущено только какъ гипотеза, повѣрка которой едва ли даже возможна. Итакъ, позитивная космогонія сводится къ изслѣдованію, какимъ могло быть предшествующее состояніе солнечной системы, которое влекло бы за собою современное ея состояніе, какъ естественное слѣдствіе дѣйствія тѣхъ силъ, которыя мы можемъ наблюдать и нынѣ.

Съ этой точки зрѣнія наиболѣе простою и вѣроятною Контъ считаетъ гипотезу Лапласа, тѣмъ болѣе, что кромѣ тепла и всеобщаго тяготѣнія никакихъ другихъ факторовъ она не принимаетъ во вниманіе. Онъ излагаетъ даже основаніе математической повѣрки этой гипотезы и указываетъ, что въ особомъ мемуарѣ, представленномъ въ Академію наукъ онъ излагаетъ новые доводы въ пользу ея состоятельности. Мемуаръ этотъ не былъ напечатанъ.

Оканчивая на этомъ обзоръ взглядовъ Конта на науки математическія, считаю не бесполезнымъ дополнить его нѣкоторыми замѣчаніями.

Первое обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе, это нѣкоторое несоотвѣтствіе Контовскаго изложенія содержанія наукъ чисто математическихъ съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ позитивная философія къ такому изложенію и которыя Контъ проводитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ по отношенію къ механикѣ и астрономіи.

Привести всѣ частныя свѣдѣнія, относящіяся къ извѣстной группѣ явленій, къ возможно меньшему числу общихъ фактовъ или понятій—вотъ задачи позитивной философіи по отношенію къ каждой наукѣ. Точное установленіе этихъ общихъ фактовъ или понятій является по необходимости первымъ предметомъ философскаго изложенія науки.

Так и поступает Контъ, говоря о механикѣ и астрономіи—разъясненію основныхъ законовъ движенія въ механикѣ и закона всеобщаго тяготѣнія въ астрономіи дано много мѣста въ соотвѣтственныхъ частяхъ его курса. Но при изложеніи содержанія анализа и геометріи онъ отступаетъ отъ такого порядка. Такъ, напримѣръ, весь математическій анализъ построенъ на понятіи о числѣ; послѣдовательное расширеніе этого понятія, начиная съ цѣлаго положительнаго числа на числа дробныя, ирраціональныя, алгебраическія, трансцендентныя, на отрицательныя, мнимыя и т. д., и изслѣдованіе зависимостей между всѣми вводимыми въ анализъ числами составляетъ исходный пунктъ математическаго анализа. Съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Контъ, онъ могъ отрицать научное значеніе изслѣдованія генезиса первоначальнаго понятія о цѣломъ положительномъ числѣ, но не долженъ былъ исключать послѣдовательнаго самою наукою выработаннаго обобщенія его. Совершенно также, съ точки зрѣнія позитивной философіи, Конту не было надобности останавливаться на происхожденіи понятія о пространствѣ. Но тѣ свойства, которыя геометры приписываютъ пространству, безъ допущенія коихъ его доказательства окажутся не строгими, нельзя было исключать изъ философскаго изложенія основъ геометріи даже съ точки зрѣнія позитивной философіи. Я не буду подробно развивать это замѣчаніе—я хочу здѣсь только указать, что по отношенію къ математическому анализу и геометріи вниманіе Конта было сосредоточено не на формулировкѣ основныхъ понятій и методовъ этихъ наукъ, а на указаніи цѣлей математическаго изслѣдованія явленій; систематизація, группировка накопившагося въ наукѣ къ его времени матеріала интересовала его гораздо болѣе, чѣмъ стройное логическое развитіе основныхъ идей математики.

Обращаясь теперь къ выработанной Контомъ классификаціи математическихъ знаній, и принимая даже основное его дѣленіе математики на абстрактную и конкретную, едва ли засимъ возможно согласиться на дѣленіе конкретной математики только на двѣ части—геометрію и механику. Предметы могутъ быть изучаемы съ точки зрѣнія ихъ геометрическихъ свойствъ и обстоятельствъ движенія ихъ; но есть еще одна точка зрѣнія, съ которой они становятся объектами математическаго изслѣдованія—это множественность ихъ. Число есть изобрѣтитель такого свойства известной группы предметовъ—(множественности), которое не имѣетъ никакого отношенія къ геометрическимъ или механическимъ свойствамъ ея. Послѣдовательное обоб-

шеніе понятія о числѣ, установленіе связей между различными числами и классами чиселъ и т. д. есть самостоятельная часть математики. Изслѣдованіе свойствъ числа, пространства и движенія представляетъ предметъ изученія трехъ частей конкретной математики—общей ариметики (то-есть ариметики, теоріи чиселъ и общей теоріи функций), геометріи и механики.

Необходимость такой поправки подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ установленной Контомъ схемѣ нѣтъ надлежащаго мѣста теоріи чиселъ. Контъ упоминаетъ о ней, какъ о вспомогательной наукѣ, относящейся къ численному рѣшенію уравненій. Математикамъ хорошо извѣстно, что при численномъ рѣшеніи уравненій теорія чиселъ имѣетъ совершенно второстепенное значеніе и приурочить ее къ этому отдѣлу математическаго анализа значитъ совершенно исказить ея научное значеніе.

Въ схемѣ Конта нѣтъ мѣста еще одному отдѣлу математическаго анализа—теоріи вѣроятностей, о которой въ первомъ томѣ даже не упоминается совсѣмъ. Во 2-омъ томѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи, Контъ объясняетъ (стр. 255) свое умолчаніе ничтожнымъ практическимъ значеніемъ этой теоріи, которая можетъ найти себѣ приложение только по отношеніи къ азартнымъ играмъ. Это объясненіе даже самъ Контъ едва-ли считаетъ удовлетворительнымъ, такъ какъ онъ самъ признаетъ, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ вопросъ о непосредственной пользѣ долженъ быть оставленъ въ сторонѣ; средства, которыми мы располагаемъ для нахождения истины, говоритъ Контъ, настолько слабы, что если мы при этомъ стѣснимъ свободу своихъ изслѣдованій требованіями практической пользы, то мы никогда не познаемъ и истины.—По той схемѣ, которая установлена Контомъ, теорія вѣроятностей должна бы составить особый отдѣлъ конкретной математики, какъ такая отрасль математическаго знанія, которая имѣетъ цѣлью установить нѣкоторыя связи, уравненія между величинами, относящимися ко всѣмъ тѣмъ классамъ явленій, которыя не слѣдуютъ никакому закономерному порядку, а подчиняются одному только случаю.

Неправильнымъ представляется мнѣ также и ограниченіе относительно характера тѣхъ связей между величинами измѣренными и подлежащими измѣренію, которыя могутъ являться предметомъ математическаго изслѣдованія: связи эти, говоритъ Контъ, должны выражаться черезъ различныя комбинаціи десяти простѣйшихъ зависимостей—суммы, разности и т. д.

Здѣсь весьма существенное значеніе имѣеть вопросъ о томъ, конечно или бесконечно велико число этихъ комбинацій. Контъ, повидимому, допускалъ бесконечное повтореніе извѣстныхъ комбинацій, ибо онъ говоритъ о бесконечныхъ рядахъ, о функціяхъ, выражаемыхъ рядами Фурье и т. д., то-есть о такихъ зависимостяхъ, которыя заключаютъ бесконечно большое число нѣкоторыхъ простѣйшихъ зависимостей. Но въ такомъ случаѣ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ имъ зависимостей не нужны, такъ какъ они въ свою очередь выражаются съ помощью бесконечнаго числа повтореній нѣкоторыхъ простѣйшихъ операций (напримѣръ функція тригонометрическія могутъ быть представлены или въ видѣ произведенія бесконечно большаго числа рациональныхъ множителей, или въ видѣ суммъ бесконечно большаго числа рациональныхъ слагаемыхъ). Если же предположить, что Контъ, вводя указанное ограниченіе, имѣлъ въ виду конечное повтореніе простѣйшихъ операций, то непонятно, какъ онъ могъ исключить изъ числа простѣйшихъ функцій эллиптическія, хорошо уже изученныя и въ то время, или напримѣръ выраженія связей между величинами измѣренными и неизвѣстными черезъ опредѣленные интегралы и т. д.

Крайне узкимъ представляется мнѣ и взглядъ Конта на геометрію; онъ приводитъ всю геометрію къ вычисленію и устраняетъ совершенно основную задачу геометріи и вмѣстѣ съ тѣмъ и главный ея методъ—построеніе. Изслѣдованіе формы и положенія геометрическихъ протяженностей могутъ быть приведены къ математическому анализу—но несомнѣнно также, что они могутъ быть изучаемы и самостоятельно, съ помощью чисто геометрическихъ приѣмовъ. Кромѣ того и самая задача аналитической геометріи не ограничивается только приведеніемъ геометрическихъ вопросовъ къ алгебраическимъ; самъ творецъ аналитической геометріи Декартъ смотрѣлъ на вопросъ иначе. Объясняя суцность своего метода рѣшенія геометрическихъ задачъ, Декартъ указывалъ на три составные элемента его: прежде всего, говорилъ онъ, нужно на основаніи геометрическихъ свойствъ протяженностей, входящихъ въ задачу, составить соотношеніе между величинами извѣстными и неизвѣстными. Эти соотношенія, уравненія надо изслѣдовать и разрѣшить съ помощью тѣхъ приѣмовъ, которые для этого выработаны анализомъ;—а за симъ—полученныя въ результатѣ формулы построить вновь, дабы имѣть такимъ образомъ геометрическое рѣшеніе геометрической задачи.

Такимъ образомъ, построеніе, какъ самостоятельный методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ и какъ окончательная цѣль даже

аналитическаго ихъ разсмотрѣнія, совершенно исключены Контомъ изъ его опредѣленія содержанія геометріи.

Нельзя согласиться также и съ дѣленіемъ геометріи на древнюю и новую по тому признаку, который принятъ Контомъ; по мнѣнію Конта первая геометрія изучаетъ отдѣльныя кривыя, поверхности и т. д., а вторая наоборотъ — изслѣдуетъ отдѣльныя свойства, общія всѣмъ кривымъ, поверхностямъ и т. д.; приложение анализа въ новой геометріи является уже второстепеннымъ признакомъ отличія. И въ этомъ отношеніи мысль Декарта, который указывалъ именно на приложение аналитическихъ приѣмовъ, какъ на существенное отличіе его геометріи отъ прежнихъ геометрическихъ изслѣдованій, повидимому гораздо правильнѣе. Новая геометрія не можетъ ограничиться изученіемъ общихъ свойствъ всѣхъ кривыхъ (или поверхностей); отдѣльные геометрическіе элементы (касательныя, діаметры, центры и т. д.) кромѣ свойствъ, общихъ всѣмъ кривымъ, обладаютъ еще особенностямъ, зависящими отъ частныхъ свойствъ тѣхъ протяженностей, къ которымъ они относятся. Изслѣдованіе этихъ особенностей по необходимости входитъ въ содержаніе новой геометріи также какъ и древней, и слѣдовательно изученіе классовъ кривыхъ, поверхностей и т. д. является столь же необходимымъ въ новой геометріи, какъ и древней.

Я не буду останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ Контовскаго изложенія основаній математики, которыя вызывали бы нѣкоторыя возраженія (напримѣръ, на его взглядахъ на основанія метода бесконечно малыхъ, на алгебраическое рѣшеніе уравненій и т. д.), вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго характера относящихся сюда вопросовъ.

Контъ, можетъ быть, и не выполнялъ по отношенію къ математикѣ той программы, которую онъ ставилъ относительно философскаго изложенія наукъ; увлекшись главнымъ образомъ внѣшнею систематизаціей современныхъ ему математическихъ знаній, онъ не всегда правильно устанавливалъ отношеніе между различными отдѣлами математики и не всѣ методы математики изложилъ съ одинаковымъ вниманіемъ.

Но признавая даже эти обстоятельства, нельзя не указать, что общая задача, которую Контъ ставилъ себѣ — ввести основныя понятія и методы математическихъ наукъ въ общую систему нашихъ знаній и наоборотъ, освѣтить философски эти методы и понятія — заслуживаетъ глубокаго вниманія и сочувствія. Нельзя также скрыть, что эта задача, очень трудная и въ настоящее время, во время Конта была еще труднѣе, такъ какъ тогда въ математической литературѣ

не были установлены съ надлежащею простотою, ясностью и точностью нѣкоторыя весьма существенныя понятія (напримѣръ, основанія метода безконечно-малыхъ, значеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ аксіомъ и т. д.). Кромѣ того Контъ не имѣлъ предшественниковъ въ принятомъ имъ трудѣ.

Такимъ образомъ, имя Конта, какъ мыслителя, поставившаго очень трудный и важный въ научномъ отношеніи вопросъ и давшаго powerful для себя отвѣтъ на него, должно быть, независимо даже отъ общаго значенія его курса философіи, съ благодарностью воспоминаемо всѣми, кто интересуется успѣхами философскихъ знаній.

С. Савичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ.
С.-Пб. 1898.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны письма (числомъ 91) покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву, писанныя въ 1892—1896 годахъ по поводу предпринятаго графомъ изслѣдованія о личности такъ-называемаго „перваго самозванца“. Результаты своихъ изысканій въ матеріалахъ, относящихся къ исторіи Московской смуты, графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ К. Н. Бестужеву въ формѣ писемъ („разсужденій“, какъ иногда выражался Бестужевъ), а послѣдній отзывался на сообщенія графа различными критическими замѣчаніями и въ свою очередь указывалъ на ту или иную фактическую подробность, на то или иное научное мнѣніе, которыя должны были быть приняты во вниманіе при изученіи эпохи. Покойный ученый не стѣснялся формою писемъ; въ сжатыхъ фразахъ, иногда намеками высказывалъ онъ свои мысли о фактахъ и лицахъ смуты, о существующихъ взглядахъ и теоріяхъ. Живою обмѣнъ извѣстій между корреспондентами исключалъ возможность послѣдовательности въ обсужденіи темъ, дѣлалъ ненужными подробности. Тому, кто будетъ читать письма Бестужева, не зная хорошо эпохи, которой они посвящены, и не зная писемъ графа С. Д. Шереметева (они, къ сожалѣнію, остаются неизданными), — тому многое въ рѣчахъ Бестужева останется темнымъ и непонятнымъ. За то знакомый съ дѣломъ чловѣкъ будетъ очень заинтригованъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ ведутъ рѣчь корреспонденты. Онъ встрѣтитъ здѣсь много свѣжаго и новаго въ смыслѣ пониманія эпохи, много интереснаго въ

намекать на добытые графомъ новые матеріалы, много неожиданнаго въ домыслахъ и предположеніяхъ, въ оцѣнкахъ лицъ и вліяній, партій и отношеній Смутной эпохи. Но не одинъ разъ и онъ пожалѣеть о томъ, что письма оставлены безъ всякихъ поясненій и примѣчаній: вѣдь эти примѣчанія могли бы быть составлены такъ, чтобы объяснять прямой смыслъ писемъ безъ преждевременнаго обнаруженія всего того, что составляетъ детали будущей монографіи.

Оба корреспондента вѣрятъ тому, что „названный царь“, „разстрига“, царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія, былъ настоящій сынъ Грознаго, спасенный изъ Углича куда-то на сѣверъ, а оттуда въ Литву. Руководительство имъ они приписываютъ московскимъ боярамъ, совершенно не принимая теоріи г. Иловайскаго о литовской интригѣ. Кровавое происшествіе въ Угличѣ 15-го мая 1591 года представляется имъ, какъ убійство подмѣненнаго ребенка, допущенное или устроенное Нагими (стр. 14 — 15, 17 и др.). Спасенный царевичъ предназначался своими руководителями не только къ тому, чтобы свергнуть Годуновыхъ, но и къ тому, чтобы служить русскому дѣлу въ Литвѣ (18, 23). Въ его католичество поэтому корреспонденты не вѣрятъ, полагая, что онъ просто обманывалъ и іезуитовъ и короля (4, 18). Все это, или почти все въ нашей литературѣ высказывалось и прежде, но какъ разъ эти мнѣнія казались наименѣе обоснованными. Теперь же за ними стоитъ новая аргументація, дающая имъ сравнительно большую силу.

Исслѣдованіе о личности Дмитрія, въ той постановкѣ, какую ему даютъ наши корреспонденты, захватываетъ широкій кругъ лицъ и отношеній не только въ самую смутную пору, но много ранѣе и много позже. Это „исслѣдованіе назадъ и впередъ“, какъ выражается Бестужевъ (4), на первомъ мѣстѣ ставитъ „взаимныя отношенія дѣятелей, разумѣется, на основаніи общихъ условій времени“ (8, 12). Изъ группировки лицъ по родственнымъ связямъ и инымъ отношеніямъ исслѣдователи надѣются узнать составъ и настроеніе партій, придворныхъ и политическихъ, и такимъ образомъ „слѣдить за теченіями жизни“ (21). Эти „теченія жизни“ интересуютъ ихъ всего болѣе: свойства и взгляды того или другаго лица, программы и симпатіи той и другой семьи или политической группы составляютъ главный предметъ бесѣды. Общія условія, то-есть, „политическое, экономическое, умственное и нравственное состояніе страны“ (12) — на второмъ планѣ. Для исторіи массъ изъ „писемъ“ нельзя извлечь ничего опредѣленнаго; за то для характеристики отдѣльныхъ дѣятелей

и руководящихъ кружковъ есть много интересныхъ частности. Остановимся на нѣкоторыхъ.

Федора Никитича Романова Бестужевъ считаетъ важнѣйшимъ дѣятелемъ смуты. „Да, люди XVI и XVII вѣковъ умѣли вести интригу и, конечно, въ этомъ дѣлѣ самымъ большимъ мастеромъ явился человекъ, едва ли не самый умный,—Феодоръ Никитичъ“, говорится въ одномъ письмѣ (26). „Первенствующую роль въ событіяхъ Смутнаго времени“ — пишетъ Бестужевъ позднѣе — „охотно признаю за Федоромъ Никитичемъ, но не считаю его роль особенно славною“ (37). Феодоръ Никитичъ — „человекъ умный, но безпринципный; онъ жертвовалъ не только людьми, но и правдой“ (36, 37). Такъ, въ 1606 году онъ принялъ участіе въ канонизаціи царевича, въ Угличское убіеніе котораго не вѣрилъ (36). По мнѣнію Бестужева, Феодоръ Никитичъ былъ посвященъ въ тайну спасенія царевича: „вѣдь безъ Федора Никитича ничего не могло обойтись (пишетъ онъ): мнѣ сдается, что онъ болѣе другихъ дѣятелей замѣшанъ въ событіяхъ“ (11); „съ самаго момента событія 1591 года онъ уже слѣдитъ за дѣломъ“ (15). И не только въ Угличскомъ дѣлѣ, но и во всѣхъ перипетіяхъ смуты Ф. Н. Романовъ принималъ участіе: „во всѣхъ событіяхъ той эпохи такъ или иначе сказалася рука *царя Федора Никитича*“, говоритъ Бестужевъ, вспоминая надпись на одномъ изъ портретовъ патріарха Филарета (50, 60, 22). Покойному ученому какъ будто представлялось вѣсское возраженіе, что „царь Феодоръ Никитичъ“ не могъ вліять непосредственно на ходъ дѣла уже потому, что постоянно былъ внѣ Москвы—то въ ссылкѣ, то на митрополи въ Ростовѣ, то въ плѣну тушинскомъ и польскомъ: въ одномъ изъ писемъ (стр. 33) находимъ замѣчаніе, что Феодоръ Никитичъ „и изъ плѣна руководилъ всѣмъ“. Во всѣхъ этихъ отзывахъ, конечно, много произвольнаго, но они очень любопытны какъ выраженіе общаго взгляда на отношенія эпохи, взгляда, имѣющаго свои основанія.

Патріархъ Гермогенъ представляется Бестужеву „простымъ русскимъ человекомъ“ (99), „ревнивымъ оберегателемъ преданій“ (27); „это, можетъ быть, человекъ былъ неглубокаго ума, но патриотъ несомнѣнно“ (21). Онъ поневолѣ „принялъ горькую необходимость признать Владислава, но и то съ его, Гермогена, условіемъ: принять православіе... Спорить ему было нельзя, но и тутъ онъ сначала защищалъ Шуйскаго, потомъ предлагалъ своихъ кандидатовъ и только по нуждѣ призналъ Владислава“ (32—33). Бестужевъ не понимаетъ, почему Гермогенъ стоялъ за В. В. Голицына (37), и ищетъ объясне-

нія въ томъ, что Гермогенъ, если не принадлежалъ къ роду Голицыныхъ, то былъ изъ ихъ дома (21, 28, 31). Такимъ образомъ, онъ не вѣритъ преданію, что Гермогеномъ въ иночествѣ былъ названъ князь Ермолай Голицынъ. Въ этомъ невѣріи его могло бы укрѣпить одно извѣстіе, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ нашимъ корреспондентамъ. По надписи на одной изъ вятскихъ иконъ, „святѣйшій патріархъ Гермогенъ“ благословилъ въ 1607 году образомъ „зятя своего Корнилія Рязанцева“. Врядъ ли бы могла княжна Голицына выйти замужъ за одного изъ обычныхъ посадскихъ людей, какими были „москвитины“ Рязанцевы на Вяткѣ.

Князя Д. М. Пожарскаго Бестужевъ считаетъ на сторонѣ В. В. Голицына—на основаніи извѣстныхъ его словъ, сказанныхъ въ 1612 году, что Голицынъ такой „столпъ“, за который бы „всѣ держались“, еслибъ онъ не былъ въ плѣну (9). Бестужевъ „готовъ даже повѣрить, что вопросъ (кто долженъ быть царемъ): Романовъ или Голицынъ? отдѣлялъ бояръ отъ Пожарскаго“, такъ какъ бояре въ междоцарствіе „берегли Москву для Романова“, а Пожарскій желалъ Голицына (40). Эти рискованныя положенія, впрочемъ, не выдаются за доказанныя. Оцѣнка личныхъ свойствъ Пожарскаго у нашего историка не высока. „Я не считаю Пожарскаго человѣкомъ гениальнымъ (пишетъ онъ) и въ особенности не думаю, чтобы онъ былъ великимъ дипломатомъ... Пожарскій въ крайности и присягнувъ бы тушинскому вору, ибо онъ признавалъ всѣ установившіяся правительства и никогда не вель интриги. Это былъ человѣкъ средній, можетъ быть, но весьма почтенный“ (18). Въ одномъ мѣстѣ склонность Пожарскаго „признавать власть, признанную всей Россіей“, называется даже „безпринципностью“ (37). Университетскимъ слушателямъ Бестужева давно знакомъ этотъ мало благосклонный взглядъ Бестужева на Нижегородскаго воеводу, взглядъ, основанный на отзывѣхъ Соловьева о Пожарскомъ, какъ о человѣкѣ „мелкочинномъ“ и скромномъ. Теперь, когда мы лучше знаемъ организацію ополченія 1612 года и общественныя отношенія той эпохи, мы не будемъ стоять за этотъ взглядъ: фигура Пожарскаго кажется гораздо крупнѣе съ болѣе правильно взятой точки зрѣнія.

Такъ же опредѣленны, хотя и менѣе подробны и обстоятельны, отзывы „Писемъ“ и о другихъ лицахъ смутной эпохи: о В. В. Голицынѣ, Нагихъ, Мининѣ, Д. Т. Трубецкомъ, Шуйскихъ и т. д. Интересны замѣчанія о боярскихъ кружкахъ, которые представляются какъ достаточно организованныя партіи, о духовенствѣ, кото-

рое называется „сильною партией“, о „торговыхъ людяхъ“, которымъ усваивается политическое значеніе (17, 19 и др.). Всего достойнаго упоминанія не перечесть. Хорошее знакомство съ эпохою, тонкая наблюдательность, живость изложенія придаютъ интересъ каждой строкѣ „Писемъ“.

Интересны также отзывы и запросы Бестужева по поводу историческихъ документовъ, о которыхъ заходила рѣчь между корреспондентами. Такъ, о „слѣдственномъ дѣлѣ“ 1591 года касательно смерти царя Димитрія Бестужевъ предлагаетъ рядъ вопросовъ (стр. 29), изъ коихъ ясно, что ему было неизвѣстно дѣйствительное состояніе этого документа. Онъ спрашиваетъ, каково начало этого „дѣла“, предполагая, что оно сохранилось, но не напечатано. На самомъ дѣлѣ его нѣтъ, и дѣло напечатано цѣликомъ, какъ уцѣлѣло. Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе: „любопытно, что черныякъ (этого дѣла) не истребленъ, когда онъ выдаетъ работу составителей“. Поводомъ къ такому замѣчанію послужили „помарки и вставки“ въ дѣлѣ. Но эти помарки и вставки никакой „работы составителей“ не выдаютъ, потому что онѣ—обычныя помарки и вставки приказныхъ черныяковъ: „дѣло“ дошло до насъ въ столбцѣ, который склеенъ изъ подлинныхъ „рѣчей“, челобитныхъ и другихъ документовъ слѣдствія. Если здѣсь и будетъ обнаруженъ когда либо подлогъ, то не въ видѣ простыхъ „помарокъ и вставокъ“. Такъ же рискованно предположеніе, что „дѣло Романовыхъ“ „не такъ ветхо, какъ можно было бы заключить по точкамъ издателя“ (29). Павловъ, который пустилъ въ ходъ это заявленіе, ничѣмъ, какъ извѣстно, его не доказалъ. Очень любопытно указаніе на „синодикъ Макарьевскаго монастыря“, въ которомъ встрѣчается имя „инока Леонида“ среди, если не ошибаемся, царскихъ именъ конца XVI и начала XVII вѣка (27, 51). Не менѣе интригуютъ и упоминанія объ „свѣдѣніяхъ австрійскихъ“ (6). Кое-что указано изъ этихъ свѣдѣній въ *Historisk Tidskrift* за 1883 годъ. Если „Письма“ разумѣютъ что либо еще болѣе интересное, то, разумѣется, свѣдѣнія эти важны. Наконецъ, на стр. 45, Бестужевъ сообщаетъ, между прочимъ со словъ пишущаго эти строки, что „Пирлингъ нашелъ нѣсколько документовъ, касающихся Разстриги, и намѣренъ ихъ печатать. Говорятъ, что онъ близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ. Впрочемъ, Платоновъ, получившій отъ него письмо, говоритъ, что Пирлингъ ставитъ такъ вопросъ, что эти бумаги укажутъ, если не то, кто былъ Разстрига, то по крайней мѣрѣ то, какъ онъ о себѣ говорил“. Ужъ если сообщеніе отца П. Пир-

лента попало въ печать независимо отъ его или моего желанія и вѣдома, то необходимо возстановить его точную форму. Въ письмѣ о. Пирлинга изъ Мантуи отъ 28/10 марта 1894 г. стоятъ слѣдующія строки: „У меня всего въ виду 2—3 документа. Замѣчательны они тѣмъ, что исходятъ они отъ ближайшихъ сторонниковъ Дмитрія. Если это не самая истина, то это по крайней мѣрѣ то, что Дмитрій выдавалъ за истину“. Только что вышедшее въ Парижѣ изданіе о. Пирлинга „Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII“ обнародываетъ именно такой документъ, который содержитъ „то, что Дмитрій выдавалъ за истину“. Это собственноручное письмо („entièrement autographe“), писанное по-польски названнымъ царевичемъ 24-го апрѣля 1604 г. и заключающее въ себѣ краткій разказъ о его спасеніи „napred w samym państwie moskwieskiem między czierncamą do czasu piwniego, potem w granicach polskych“. Но этотъ документъ еще не устанавливаетъ подлинно царскаго происхожденія Разстриги, а въ предисловіи къ документу о. Парлингъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, что на основаніи этого письма Разстрига онъ „близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ“.

Для любителей собирать и отмѣчать личные мнѣнія замѣчу, что на стр. 53-й „Писемъ“ не точно передано, будто я „не могу отречься отъ Отрепьева“. Въ любомъ литографскомъ изданіи моего курса русской исторіи, начиная съ 1883 года, можно найти ясныя свидѣтельства того, что я не стою за тожество Гришки Отрепьева и царя Дмитрія Ивановича. Въ бесѣдѣ съ покойнымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ я могъ высказать только ту мысль, что доказывать тожество Разстриги съ настоящимъ царевичемъ труднѣе, чѣмъ доказывать его тожество съ Отрепьевымъ. Пока не получили извѣстности доказательства, убѣдившія нашихъ корреспондентовъ въ спасеніи малютки Дмитрія, до тѣхъ поръ легенда объ Отрепьевѣ будетъ существовать. На стр. 48-й Бестужевъ признаетъ правильною дилемму: „если не Отрепьевъ, то настоящій, а такъ какъ несомнѣнно не Отрепьевъ, то..... но для необуѣжденныхъ это все-таки надо доказать“. Необуѣжденный же можетъ повернуть дилемму и такъ: если не настоящій (что не доказано), то Отрепьевъ. Третье можетъ быть только одно: неизвѣстно кто. Если не держаться этого третьяго и искать непременно имени, то скорѣе придется къ Отрепьеву, чѣмъ увѣруешь въ чудесное спасеніе отъ недоказаннаго убійства. Только это и могъ я высказывать, не будучи введенъ въ кругъ тѣхъ доказательствъ, которыми былъ убѣжденъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Изданіе писемъ сдѣлао тщательно. Извѣстный по неразборчивости почеркъ покойнаго историка прочтенъ въ общемъ хорошо. Можетъ быть, на стр. 23-й (строка 3 снизу) вмѣсто непонятной „неряной роли“ слѣдуетъ читать: *невидной*, а на стр. 40-й (строка 4 сверху) вмѣсто „за которыми“ должно быть „за которыми“. На стр. 25-й польскій текстъ искаженъ: вмѣсто, на примѣръ, „miasteczkach“ стоятъ „mia eszkich“, вмѣсто „szegíse“—„szegíu“; было бы нетрудно выписать приводимыя въ письмѣ фразы со стр. 177 — 178 доступнаго всѣмъ перваго тома изданія г. Прохазки „Archivum domus Sarpiehanae“. Есть промахи и въ „Указателѣ“: смѣшаны митрополитъ Діонисій и архимандритъ Діонисій; въ цифрахъ у имени кн. Д. М. Пожарскаго пропущена цифра 9. Подъ словомъ „Разстрига“ указано „см. Отрепьевъ“; между тѣмъ въ „Письмахъ“ терминомъ Разстрига означается именно не Отрепьевъ, а названный царевичъ.

С. Платоновъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга двѣнадцатая. С.-Пб. 1898.

Новая книга Н. П. Барсукова обнимаетъ событія отъ начала 1852-го до начала 1854 года и отличается такими же общими свойствами, какъ и предшествовавшіе томы безпримѣрной по объему біографіи Погодина. Мы отмѣтили эти свойства въ рецензіи на одиннадцатую книгу (въ іюньской книжкѣ *Журнала* за прошедшій годъ) и не будемъ возвращаться къ этой темѣ. Замѣтимъ только, что высказанный нами автору легкій упрекъ въ недостаткѣ спокойной объективности неприменимъ къ послѣднему тому: по самому содержанію его авторъ не имѣлъ поводовъ раздражаться и полемизировать.

Главный предметъ одиннадцатаго тома—„молодая редакція“ *Москвитянина*—мало занимаетъ мѣста въ новой книгѣ. Авторъ слѣдитъ за литературною дѣятельностью отдѣльныхъ ея членовъ, въ особенности А. Н. Островскаго; но отношенія всего кружка къ журналу остаются безъ полнаго освѣщенія, если не считать эпизода съ письмомъ къ Погодину А. А. Григорьева (стр. 291). Въ сварливомъ тонѣ обращается критикъ къ редактору съ жалобами на редакторское самоуправство и скупость, съ обличеніями, которыя онъ „считалъ обязанностью высказать вашему превосходительству (то-есть, Погодину) передъ наступленіемъ великаго поста“. Молодая редакція, очевидно,

считала за собою право слѣдить за составомъ книжекъ журнала, въ которомъ работала, и не пускать въ журналъ „старый хламъ и старья тряпки“; а издатель, съ своей стороны, считалъ себя одного хозяиномъ дѣла и не стѣснялся интересами своихъ молодыхъ друзей. Дневникъ Погодина отражаетъ въ своихъ лаконическихъ строчкахъ гнѣвъ и досаду Погодина на „молодыхъ байбаковъ, изъ которыхъ ни одинъ пособить не вызывается“ (стр. 465, 294 и др.). Бѣда *Москвитянина* заключалась именно въ томъ, что въ его редакціи не было ни согласія, ни даже взаимнаго пониманія. Признавая въ спокойныя минуты другъ за другомъ и достоинства и заслуги (о чемъ свидѣтельствуютъ письма къ Погодину Писемскаго и Алмазова, стр. 205, 212), обѣ стороны очень легко впадали въ недовольство и озлобленіе при малѣйшихъ и частыхъ недоразумѣніяхъ и переставали понимать другъ друга. Погодинъ печатно высказывалъ свое несогласіе съ мнѣніями сотрудниковъ; а сотрудники „зорко и подозрительно“ слѣдили затѣмъ, чтобы въ номеръ журнала „не проскочило“ что-либо имъ противное. Могъ ли идти журналъ при постоянномъ междоусобіи его руководителей?

Изъ другихъ подробностей книги особенно любопытна исторія предпринятаго И. А. Аксаковымъ *Московского Сборника* (стр. 109—151), вызвавшаго цензурное запрещеніе и административное разслѣдованіе объ „обществѣ славянофиловъ“ въ Москвѣ. Провозглашаемое *Московскимъ Сборникомъ* начало народности признано было рискованнымъ. „Хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть односторонне и безусловное“, писалъ по поводу *Сборника* министръ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ (стр. 131). А генералъ Дубельтъ былъ того мнѣнія что „московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ“, и что славянофиламъ должно „воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія“ (145). Хотя это предложеніе и не было принято, однако *Сборникъ* былъ запрещенъ, его участники были поставлены подъ наблюденіе, а надъ ихъ сочиненіями (въ томъ числѣ и надъ сочиненіями С. М. Соловьева) тяготѣла особенная цензурная строгость. „Подъ такою-то опалою—говорить Н. П. Барсуковъ (стр. 151)—находились вплоть до самаго воцаренія императора Александра II люди, сѣявшіе доброе сѣмя на селѣ своемъ“.

Въ личной жизни Погодина за годы 1852—1854 главное значе-

не имѣла продажа его древлехранилища государству. Императоръ Николай I, приобрѣта все древнехранилище за 150 тысячъ рублей серебромъ (или „полмилліона ассигнаціями“), повелѣлъ печатныя книги, рукописи и эстампы обратитъ въ Императорскую Публичную Библиотеку, а всѣ прочіе предметы сложитъ въ Эрмитажѣ. Извѣщая Погодина о томъ, что продажа состоялась, директоръ Публичной Библиотеки баронъ М. А. Корфъ, считалъ нужнымъ прибавить для свѣдѣнія Погодина: „ни теперъ, ни послѣ ни одна печатная строка не должна говорить объ этомъ событіи, ни въ *Москвитянинѣ*, и нигдѣ, иначе какъ съ моего предварительнаго просмотра и согласія“ (стр. 335). Погодину, огорченному тѣмъ, что его древлехранилищу не суждено было остаться въ Москвѣ, какъ онъ ни хлопоталъ объ этомъ, оставалось лишь частными письмами оповѣстить близкихъ о томъ; что, по тонкому выраженію И. И. Давыдова, „счастье насильно врывается подъ уединенный его кровъ“ (стр. 336). Для публички извѣстіе о поступленіи коллекціи Погодина въ казну было составлено А. Ѳ. Бычковымъ и напечатано въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ* 1852 года. Обстоятельная статья эта „прошла черезъ руки царя, исправившаго въ ней три мѣста“ (стр. 346 — 354), и вызвала много толковъ. „Длинныхъ и острыхъ языковъ въ Петербургѣ весьма много“, писалъ А. Ѳ. Бычковъ Погодину: „они вытягиваются и правятся объ ваше древлехранилище“. Пошла молва, что собраніе Погодина вообще неважно и не стоитъ денегъ, за него заплаченныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ несправедливымъ мнѣніемъ всего лучше можно было бы бороться литературнымъ путемъ; но онъ то и былъ заказанъ. Утомленный трудами по описи и перевозкѣ вещей въ С.-Петербургъ, огорченный необходимостью съ ними разстаться, „разбогатѣвшій академикъ“ (такъ называлъ Погодина Давыдовъ) былъ утѣшенъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и возможностью поѣхать за границу лѣтомъ 1853 года. Описаніемъ этого путешествія и заканчивается двѣнадцатая книга г. Барсукова.

Трудно перечислить всѣхъ лицъ и всѣ эпизоды, вошедшіе въ изложеніе нашего автора. Слѣдя за сношеніями и дѣятельностью Погодина, г. Барсуковъ ведетъ читателя отъ славянофильскаго кружка къ университетскому кругу, изъ университета въ гостиную гр. Уварова и гр. Блудова, отсюда—на пожарище Большаго театра, на благословенные берега Рейна и Неккара, въ Царяжъ и Нормандію. Предъ читателемъ проходятъ толпою русскіе дѣятели отживавшаго поколѣнія и люди, еще только начинавшіе свою дѣятельность. Ря-

домъ съ извѣстіями о смерти Гоголя, Жуковскаго, Загоскина, К. П. Брюллова, читаемъ интересныя письма Прозоровскаго, С. И. Пономарева, о. Белюстина, Лѣствицына, сообщенія о Тихонравовѣ, П. И. Бартенева, А. А. Потѣхинѣ, гр. А. С. Уваровѣ и пр., и пр. Какимъ бы вопросомъ изъ исторіи нашей общественности середины вѣка ни занимался изслѣдователь, онъ долженъ неизбѣжно справляться съ трудомъ г. Барсукова. Здѣсь онъ найдетъ обильную по матеріаламъ хроникѣ общественной жизни того времени.

Изъ научныхъ работъ Погодина за 1852 и 1853 годы отмѣтимъ его участіе въ разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ погребенія кн. Дм. Мих. Пожарскаго. Замѣчательная его статья по этому вопросу до сихъ поръ не утратила научнаго значенія, хотя самъ Погодинъ и не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ, на какіе даетъ право собранный имъ матеріалъ. А затѣмъ Погодинъ продолжалъ трудиться надъ своими „Изслѣдованіями, замѣчаніями и лекціями“, разрабатывая „формулярные списки“ русскихъ князей до монгольскаго ига. Въ пылу работы, онъ заперся въ кабинетѣ и, рѣшившись никого не принимать, уморительно объявилъ объ этомъ въ своемъ *Москвитянинѣ* (стр. 378—380).

С. Платоновъ.

В. А. Кожеевниковъ. Философія чувства и вѣра въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и критическая философія. Часть первая. Большая 8-ва. XXVIII+757 стр. Москва. 1897. 300 экз. Цѣна 2 р. Выручка поступаетъ въ пользу Воронежскаго губернскаго музея.

XIX-й вѣкъ по справедливости гордится своими успѣхами въ работкѣ наукъ историческихъ и общественныхъ, но лишь методы и направленія въ исторіи философіи являются всецѣло плодомъ усилій ученыхъ изслѣдователей нашего столѣтія. Только въ 1804 году появилась первая попытка написать исторію философіи съ философской точки зрѣнія (*I. M. Degérando: Histoire comparée de l'histoire de la philosophie, Paris, 305*); попытка была неудачна; авторъ, сторонникъ эмпиризма и сенсуализма, не могъ безпристрастно отнестись ко многимъ его точкѣ зрѣнія противоположнымъ ученіямъ; но съ тѣхъ поръ взглядъ на исторію философіи рѣзко переимѣнился, она перестаетъ быть наборомъ критически непровѣренныхъ разказовъ, обрывковъ и цитатъ, въ ней начинаютъ видѣть постулательное движеніе мысли, въ смѣнѣ философскихъ ученій начинаютъ прозрѣвать

нѣчто закономѣрное. Въ настоящее время послѣдовательность и преемственность системъ прекрасно изучена, источники критически провѣрены, отдѣльнымъ направлениямъ философствующаго ума и развитію нѣкоторыхъ проблемъ посвящены прекрасныя монографіи, сдѣланы блестящія попытки представить исторію внутренняго развитія выдающихся философовъ, но этого мало; все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе историковъ философіи убѣжденіе въ томъ, что исторія философіи должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь съ исторіей культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, что философскія системы возникаютъ не по логической, а по психологической необходимости, представляя изъ себя систематическую переработку вопросовъ, поставленныхъ самою жизнью, и являются такимъ образомъ не столько продуктомъ одной личной гениальности, сколько отображеніемъ всей общественной и духовной жизни своего времени. Такъ должна быть написана исторія философіи, и, однако, до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одной работы, соответствующей вышеизложеннымъ требованіямъ.

Трудъ W. Windelband'a (*Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Cultur und den besondern Wissenschaften. Leipzig. 1878 — 1780. 2 Bde*), главнаго провозвѣстника вышеизложенныхъ взглядовъ, совершенно не соответствуетъ своему, широкою кистью написанному, предисловію. Виндельбандъ ограничился поверхностнымъ изложеніемъ событій изъ политической и литературной жизни того времени, когда возникала излагаемая имъ въ данномъ случаѣ система, съ явною произвольностью указывая на зависимость философовъ отъ общаго духовнаго настроенія эпохи.

Но въ совершенно печальномъ состояніи находится та отрасль философіи, которая называется „философіей вѣры и чувства“ (*Gefühls- und Glaubensphilosophie*); ей особенно не посчастливилось; она не удостоилась до сихъ поръ отдѣльной монографіи, нѣсколько страничекъ, крайне несочувственно написанныхъ, въ общихъ исторіяхъ философіи—вотъ почти все, что мы имѣемъ объ этомъ несомнѣнно важномъ и глубококомъ проявленіи философской мысли. Такая холодность объясняется отчасти справедливымъ убѣжденіемъ въ томъ, что эта философія неспособна къ систематическому научному развитію, и явно несправедливымъ предубѣжденіемъ, что она является движеніемъ регрессивнымъ, а на самомъ дѣлѣ причину пренебреженія надо искать все въ томъ же неумѣнны взглянуть на вопросъ съ широкой историко-культурной точки зрѣнія; а въ данномъ случаѣ она-то и

необходима, такъ какъ философія вѣры и чувства никогда не замыкалась въ узкихъ предѣлахъ ученыхъ специалистовъ, колыбелью своею имѣла не кабинетъ ученаго и не университетскую аудиторію, а выросла непосредственно изъ практическихъ запросовъ самой жизни и являлась отвѣтомъ на широкую потребность общественнаго сознанія.

Съ великимъ любопытствомъ и, признаемся, съ явнымъ предубѣжденіемъ взяли мы за книгу г. Кожевникова; неизвѣстный писатель, никакого отношенія къ официальной учености не имѣющій, конечно, не съумѣетъ справиться съ многотрудною задачею, думали мы; маленькая книжка—„Безцѣльный трудъ не дѣланіе или дѣло“, написанная противъ „кумировъ“ нашего времени Зола и гр. Л. Толстаго, 2—3 статьи въ *Русскомъ Архивѣ* и *Русскомъ Вѣстникѣ* и нѣсколько стихотвореній—все, правда, написанное очень талантливо и вдумчиво и оригинально—вотъ въ чемъ проявилъ себя до сихъ поръ г. Кожевниковъ.

Съ первыхъ же страницъ пришлось намъ убѣдиться, что авторъ—мастеръ своего дѣла, а не новичекъ, что онъ владѣетъ въ высокой степени способностью поставить вопросъ ясно и рѣшительно, умѣетъ въ разнороднѣйшихъ явленіяхъ найти руководящую идею, обладаетъ обширными познаніями и работаетъ всегда по первоисточникамъ. Не только все изслѣдованіе построено на основаніи самостоятельно обработаннаго матеріала, но порою автору приходилось самому добывать этотъ матеріалъ и дѣлать библиографическія открытія. Напримеръ, при изслѣдованіи о германскихъ еженедѣльныхъ нравственныхъ журналахъ, игравшихъ такую важную роль при переходѣ отъ старой церковной ортодоксіи къ умѣренному раціонализму, авторъ воспользовался нѣкоторыми изданіями, которыя остались неизвѣстными специалистамъ-библиографамъ этого вопроса (Beck и Milberg).

Но детальныя историко-библиографическія разслѣдованія отнюдь не суживаютъ кругозора г. Кожевникова; для него „философія вѣры и чувства является отвѣтомъ на глубокую духовную потребность своего времени, внутренне-необходимымъ моментомъ развитія преобладающаго направленія новой философской мысли, безъ котораго послѣдняя не выяснила бы себѣ должнымъ образомъ ни своихъ силъ и стремленій, ни своихъ правъ и обязанностей... Запросы ея примѣнны и къ нашему времени, такъ какъ конечная задача философіи—синтезъ вѣры и знанія, объединеніе нравственныхъ силъ человѣка съ его познавательными способностями для направленія про-

свѣщеннаго ума, облагороженнаго чувства и энергичной воли на общечеловѣческое дѣло—еще не рѣшена и по сію пору“ (стр. 6).— „Въ настоящее время, говоритъ г. Кожевниковъ, когда философія быстро стала оправляться отъ своего упадка, представителямъ философской науки надлежитъ задать себѣ вопросъ: отвѣтила ли новѣйшая философская мысль на тѣ естественные, простые, старыя, но не умирающіе запросы человѣческаго сердца, которые въ лицѣ философіи чувства и вѣры предъявляла къ ней сама жизнь уже во времена Канта и Якоби?.. а если отвѣта еще нѣтъ, если его все ждетъ отъ знанія многострадальное человѣческое сердце, не умѣющее жить однимъ знаніемъ, безъ вѣры и надежды, то не пора ли, по слову старика Гаманна, не забывая изъ-за благороднаго *cogito* еще болѣе благороднаго *sint*, подумать о согласованіи задачъ знанія съ требованіями жизни, подумать о томъ, что надо сдѣлать для того, чтобы философія изъ предмета ученой любознательности превратилась въ могучую, нравственную, жизненную силу“ (стр. 7).

Желаніе оживить вниманіе къ столь важному вопросу, побудить ученыхъ поработать надъ его рѣшеніемъ побудило достопочтеннаго автора обнародовать свой трудъ.

Первая часть книги В. А. Кожевникова раздѣлена на три отдѣла:

1) Подготовка и общее культурно-историческое значеніе философіи чувства, (стр. 9 — 45), 2) Ф. Гемстергюи (стр. 46 — 132), 3) I. Г. Гаманнъ (133—757).

Прежде всего изслѣдуемое философское движеніе г. Кожевниковъ отнюдь не признаетъ за ретроградное, напротивъ онъ утверждаетъ и доказываетъ, что поворотъ въ сторону чувства и вѣры былъ настоящимъ прогрессомъ, такъ какъ онъ имѣлъ своею цѣлью не возстановленіе отжившаго міровоззрѣнія, а воплощеніе въ новыхъ, свѣтскихъ, гуманистическихъ формахъ тѣхъ вѣчныхъ стремленій человѣческой природы, которыя были временно отодвинуты на задній планъ и ослаблены раціонализмомъ.

Философія чувства и вѣры не уничтожила результатовъ предшествовавшаго хода европейской культуры, а только дополняла ихъ.

Реакція противъ разсудочнаго просвѣщенія ведетъ свое происхожденіе отъ Руссо; онъ первый рѣшился авторитету принципа разумности противопоставить авторитетъ нравственнаго чувства, однако доказательности не было въ его блестящей защитѣ нравственнаго начала, и хотя его вліяніе было очень широко (оно, напримѣръ „вызвало Канта на правильный путь“), но все же Руссо нельзя назвать

учителем философіи нравственнаго чувства, а скорѣе вдохновеннымъ ея провозвѣстникомъ. Не въ этомъ, однако, видятъ г. Кожевниковъ недостатокъ Руссо; чтобы движеніе было плодотворно, надлежало не ограничивать чувство однимъ только нравственнымъ назначеніемъ, а 1) возвести его и въ познавательное начало, 2) поставить его въ тѣснѣйшую связь съ развитіемъ личности и съ расширеніемъ индивидуальной свободы до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Первая задача могла быть разрѣшена или посредствомъ систематическаго критическаго анализа познавательныхъ способностей человѣка (что и сдѣлалъ Кантъ), или посредствомъ возвышенія начала нравственнаго до значенія начала религіознаго (что и предприняли Гаманнъ съ Якоби). Разрѣшеніе второй задачи было тѣмъ важнѣе, что XVIII вѣкъ желалъ признавать лишь общія свойства „общечеловѣческаго разума“. Какъ скоро рационалистическимъ моралистамъ казалось, что найдены нравственныя или религіозныя идеи, будто общепонятныя для каждаго человѣка, онѣ признавались и за общеосуществимыя, слѣдовательно и за общеобязательныя, — и литература просвѣщенія обогащалась новою „системою всемірной нравственности“. А космополитическій характеръ этихъ идей получался, именно благодаря тому, что въ нихъ не было ничего жизненнаго, самобытнаго; не подходя ни къ чему реальному, онѣ оказывались бесплодными фантазіями, всякій разъ какъ пробовали примѣнить ихъ къ дѣйствительной жизни. И до самаго конца XVIII вѣка руководители общественной мысли съ одной стороны проводили исключительно объективныя начала, давая духу виѣшней нравственной дисциплины рѣшительный перевѣсъ надъ свободнымъ индивидуальнымъ развитіемъ личности, съ другой упорно не понимали необходимости самостоятельнаго, чисто-субъективнаго убѣжденія, смѣшивая его съ настоящимъ фанатизмомъ. Руссо и Дидро принадлежитъ честь почина въ разрѣшеніи этой задачи, но они оставили начатое ими дѣло въ очень несовершенномъ и отрывочномъ видѣ; для полнаго рѣшенія слѣдовало вывести нравственныя начала изъ самыхъ основъ человѣческаго организма, доказать его независимость отъ его интеллектуальнаго элемента и, убѣдившись въ его самостоятельности, сообщить ему первенствующее значеніе въ дѣятельной жизни человѣка, для чего естественное внушеніе совѣсти должно было облечься въ форму настоящаго нравственнаго долга, а инстинктивное стремленіе къ нравственному — превратиться въ сознательную и добровольную обязанность субъекта, свободно имъ признаваемую. Но раньше такого научнаго рѣшенія приходилось выполнить два

другихъ условія: 1) расширить чисто-этическое начало до всеобъемлющаго и 2) поставить его въ тѣсную связь съ развитіемъ субъективной свободы, что и было выполнено въ до-Кантовскій періодъ.

Въ это время совершился великій моментъ въ исторіи свѣтскаго развитія (секуляризаціи) морали. До сихъ поръ весь ея ходъ клонился къ тому, чтобы выработать „чистую человѣчность“ (*reine Menschlichkeit*), и все церковное легкомысленно выбрасывалось за бортъ; но по мѣрѣ такого облегченія стала образовываться зловѣщая пустота, — „пробѣлъ, отъ котораго вѣяло леденящимъ холодомъ смерти“, по словамъ Якоби, — она должна была быть заполнена, и вотъ явилось возрожденіе чувства, омертвѣвшаго въ вѣкъ узко-разсудочнаго рационализма. Для выполненія сей задачи чувство должно было расшириться, облагородиться, возвыситься до сліянія съ началомъ религіознымъ. Философія чувства должна была стать философіей вѣры. Борьба предстояла трудная, ибо нигдѣ не выразилось въ такой степени преобладаніе отвлеченнаго мышленія, какъ въ религіозной области.

Религіозность изъ всеобъемлющей жизненной потребности, вліявшей нѣкогда на весь складъ чувствъ, страстей, воли и характера, выродилась въ узкую только діалектическую потребность, въ частный вопросъ отвлеченнаго знанія, обойти который не находили удобнымъ по соображеніямъ преимущественно теоретическаго свойства; полное равнодушіе царствовало по отношенію къ практическому значенію религіи, а между тѣмъ деисты и апологеты положительной религіи гордились тѣмъ, что никогда основы религіозныя не были болѣе прочно установлены и ясно доказаны. Убѣжденность въ основахъ религіи слабѣла пропорціонально заботамъ объ ихъ укрѣпленіи на почвѣ рационалистической полемики, и во Франціи переходъ къ матеріализму и атеизму совершился съ необычайною легкостью и удивительною быстротой. А въ піэтистической средѣ, опирающейся на церковныя преданія и духовныя потребности народныхъ массъ, происходилъ въ это время сложный и болѣзненный процессъ выработки религіозно-этического идеала, болѣе свободнаго, чѣмъ школьно-богословскій, болѣе живаго и дѣятельнаго, нежели философскій. Піэтизмъ рѣшительно сталъ на сторону чувства; уже Шпенеръ девизомъ своей плодотворной дѣятельности поставилъ слова фонъ-Гельмонта „перенеси голову въ сердце“; еще рѣшительнѣе дѣйствовали въ этомъ направленіи Франке и Ланге, а широкообразованный Диппель попросту называетъ разумъ „ядовитую змѣю, архиретникомъ, величайшимъ врагомъ Бога и его истины“. Въ чувствахъ видятъ единственную надежную основу

религии обновители религиозной жизни XVIII вѣка, Винцендорфъ и Джонъ Веслей. Но просвѣщеніе XVIII вѣка находило во всемъ этомъ духовномъ подъемѣ лишь взрывъ старыхъ „предразсудковъ“, и легкомысленная часть философской церкви еще болѣе убѣждалась въ необходимости *écraiser l'infâme*, а серьезная продолжала развивать серію разумныхъ доказательствъ основъ религии. Вольфіанская философія сочла своею обязанностью „доказать истину теологии такъ, чтобы она не допускала никакого противорѣчія“, и вся Германія переполнилась произведеніями бездарныхъ послѣдователей Вольфа; тутъ были и „Разумныя мысли о христіанскихъ догматахъ вообще и о святой Троицѣ въ особенности“, „Разумныя мысли о природѣ Бога и его нравственныхъ и натуральныхъ совершенствахъ“, „Вѣчность адскихъ мукъ, доказанная разумными основаніями“, и проч. и проч. И однако эта безконечная литература не остановила потока сомнѣній и невѣрія. Философское благочестіе, „долженствовавшее быть добродѣтелью, болѣе возвышенною, нежели благочестіе обыкновенныхъ людей“, не оправдало надеждъ, на него возлагавшихся. Франке молилъ Бога объ избавленіи „отъ этой великой силы тьмы, перешедшей въ открытое исповѣданіе безбожія“; университеты Галльскій, Тюбингенскій, Іенскій, Виттенбергскій осудили вольфіанизмъ; ревностный защитникъ основъ религии (Вольфъ) былъ признанъ за „адскаго волка“, а его ученики за „послѣдователей чорта“. Валентинъ Лёшеръ, чловѣкъ многосторонняго образованія, послѣ десятилѣтняго добросовѣстнаго изученія вольфіанизма, громко заявилъ, что „религія не можетъ терпѣть надъ собою власть никакой философіи..., она не можетъ существовать безъ непостижимыхъ догматовъ, и потому несогласима съ философіей, претендующей на математическую точность доказательствъ“. Тѣмъ не менѣе „разумныя доказательства религии“ изъ аудиторіи перешли на церковную кафедру, и многіе пасторы въ родѣ Рейнбека, вольфіанскаго Златоуста, произносили проповѣди, представлявшія „непрерывную цѣпь умозаключеній“, но это была та теология, которая, по опредѣленію Баумгартена, есть „наука о Богѣ, поскольку она можетъ быть познана безъ вѣры“, *la religion des honnêtes gens*, какъ тогда выражались. А религиозное отрицаніе все росло и росло, и Джонъ Веслей грустно заявляетъ въ разрѣзъ съ раціоналистическими апологетами, что „сердце каждаго чловѣка, предоставленнаго самому себѣ, безнадежно испорчено и въ самомъ корнѣ исполнено вражды къ Богу..., атеизмъ природная болѣзнь наша“.

Изъ приведеннаго выше обзора религіознаго броженія XVIII вѣка видно, какъ постепенно зарождалась существенная потребность возстановить чувство въ его правахъ. Философіи чувства предстояла трудная борьба, и представители ея, правильно понявъ взятую на себя задачу, избрали наиболѣе цѣлесообразный путь; всѣ они единодушно сознали необходимость возврата того положительнаго религіознаго начала, которое было временно ослаблено или совсѣмъ утрачено въ скептическихъ волнахъ стремительнаго потока односторонняго раціонализма.

Движеніе это—переломъ въ секуляризаціи культуры: явилось сознание, что пріобрѣтенія достигнуты путемъ слишкомъ дорогихъ утратъ, и что ихъ надо или вернуть или возмѣстить.

И замѣчательно, что моментъ этотъ совпадаетъ съ не менѣе энергическимъ переворотомъ въ области историческаго пониманія; въ лицѣ Лессинга и Гердера является стремленіе конгеніально постигнуть прошлое человѣчества, при чемъ истолкованіе значенія религіознаго элемента выдвигается на первый планъ. Совпаденіе (врядъ ли случайное, замѣчаетъ г. Кожевниковъ) этихъ реформъ спасло отъ упадка начала свѣтски-гуманистическаго просвѣщенія. Замѣчательно, что болѣе двухъ вѣковъ понадобилось для того, чтобы начало разсудочнаго просвѣщенія успѣло достигнуть преобладанія надъ остальными потребностями интеллигентнаго человѣка новаго свѣтскаго типа, а въ какую-нибудь четверть вѣка назрѣлъ энергическій протестъ противъ нарушенія правъ чувства и совершилось возстановленіе ихъ.

Движеніе это отличалось выдающеюся энергіей, и не удивительно: оно касалось непосредственно жизненныхъ интересовъ и захватило широкою волною различные слои общества. Приведемъ дословно заключеніе г. Кожевникова о свойствѣ всего изслѣдуемаго имъ направленія: „оно было жизненно, но не научно; какъ только оно отвлекалось отъ дѣйствительности, отъ данныхъ личнаго опыта и пыталось объяснить и обосновать себя теоретически, оно запуталось въ противорѣчійхъ и притомъ не по неумѣнью истолкователей, а по внутреннимъ своимъ свойствамъ, потому что хотѣло дать больше, нежели сколько оно могло дать. Способъ теоретическаго оправданія практическаго нравственнаго начала былъ, въ то время уже указанъ Кантомъ. Но философія чувства и вѣры, въ лицѣ своего талантливѣйшаго выразителя, Якоби, усмотрѣла въ критической философіи не союзника, а противника, осудила систему, и Канта, и его преемниковъ, отчаялась въ силахъ какой бы то ни было философіи и разсѣкла рѣшительнымъ ударомъ

узель, ее душивший: не находя примирения своихъ потребностей съ знаніемъ, она отрекалась отъ знанія, чтобы сберечь свои завѣтные идеалы. Такимъ образомъ въ своей конечной неудачѣ виновата она сама. Но ея высокая заслуга представляется внѣ всякаго сомнѣнія; философія вѣры и чувства безповоротно обличила несостоятельность догматическаго рационализма до-Кантовской эпохи, уяснила слабости самого критическаго рационализма, энергически заявила о необходимости выполненія широкаго пробѣла, оставшагося въ новомъ свѣтскомъ гуманистическомъ сознаніи общества XVIII вѣка и, насколько было въ ея силахъ, попыталась восполнить этотъ недостатокъ, не отрекаясь, въ сущности, отъ основнаго начала того же міровоззрѣнія, того начала, которое люди прошлаго вѣка любили называть „чистою человѣчностью“ (*reine Menschlichkeit*)“.

Глава о Францискѣ Гемстергюи является тѣмъ болѣе цѣннымъ вкладомъ въ историко-философскую литературу, что въ Россіи его ученіе совсѣмъ неизвѣстно, да и въ западной библиографіи имѣется лишь одно цѣнное изслѣдованіе по данному вопросу (*Grucker: Fr. Hemsterhuis, sa vie et ses oeuvres. Paris. 1866*).

Автору предстояла труднѣйшая задача систематизировать взгляды писателя, отличавшагося своею неопредѣленностью и неустойчивостью; съ нею онъ блестящимъ образомъ справился, благодаря широкой постановкѣ вопроса, благодаря тому, что онъ съумѣлъ рассмотреть ученіе „батавскаго Платона“ въ связи съ родственными теченіями того времени.

Гемстергюи сдѣлалъ попытку согласить философію чувства съ сенсуализмомъ и рационализмомъ XVIII вѣка, но онъ лишь намѣтилъ запросы и стремленія философіи чувства, разрѣшить же ихъ не съумѣлъ вслѣдствіе непривычки къ систематическому мышленію. Его заслуга состояла въ признаніи чувства за основное начало не только нравственное и религіозное, но и познавательное, недостатки же коренились въ неувѣренности и непослѣдовательности въ проведеніи своихъ убѣжденій, въ несоотвѣтствіи тогдашнему стремленію къ индивидуалистической этикѣ, въ блѣдности и неопредѣленности его религіозныхъ воззрѣній. Недостатки эти были восполнены Иоганномъ Георгомъ Гаманномъ.

Главѣ о „сѣверномъ магѣ“, какъ представитель философіи вѣры и чувства въ ея полемическихъ отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка, посвящена большая часть книги г. Коженикова (стр. 133—757). Не обинуясь скажемъ, что подобнаго

изслѣдованія намъ еще не приходилось видѣть, что эта часть книги почтенѣйшаго автора будетъ необходима для всякаго желающаго серьезно ознакомиться съ исторіей духовнаго развитія прошлаго столѣтія, что она является „путь пролагающею“ работою и можетъ служить блестящимъ образцомъ того, какъ надо писать исторію философіи, и чѣмъ она должна быть.

Хотя интересъ къ Гаманну очень распространенъ въ западной литературѣ, и ему, кромѣ капитальныхъ работъ Gildemeister'a (Hamman's. des Magus im Norden, Leben u. Schriften. Gotha. 1857—1873 6 Bde) и Poel'я (Hamman, der Magus im Norden. Sein Leben u. Mittheilungen aus seinen Schriften. Hamburg. 1874—1876. 2 Bde) посвящено много мелкихъ специальныхъ сочиненій,—взгляды и мнѣнія объ немъ крайне противорѣчивы. Это объясняется опять-таки неправильною постановкою вопроса о его значеніи. Гаманнъ въ наше время представляетъ цѣнность лишь культурно-историческую: чтобы понять его, надо оживить ту среду, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, а такъ какъ Гаманнъ отличался разносторонностью своихъ интересовъ и былъ въ сношеніяхъ со всѣми замѣчательными людьми своего времени, то надлежало представить почти всю умственную жизнь XVIII столѣтія. Г. Кожевниковъ не остановился передъ такою колоссальною работою, и выполнилъ ее самобытно и самостоятельно.

Охарактеризовавъ Гаманна, какъ человѣка, мыслителя и писателя, показавъ отношеніе къ нему современниковъ и объяснивъ причину ихъ увлеченія его личностью, г. Кожевниковъ излагаетъ ученіе о *гениальности*, коего начинателемъ былъ нашъ философъ. Это даетъ автору поводъ сдѣлать цѣнные экскурсы въ области народной поэзіи и отношеній XVIII вѣка къ классицизму. Затѣмъ идетъ изложеніе эстетическихъ взглядовъ Гаманна и вліянія оныхъ на современниковъ. Подробно и живо, по поводу воздѣйствія Гаманна на нравственную сторону періода бурныхъ стремленій, излагается перемѣна во взглядахъ на нравственную свободу личности и на значеніе чувствъ и страстей; экскурсы о развитіи назидательной литературы и морализирующаго романа, о Геллертѣ и реакціи противъ него, отношеніи „просвѣщенія“ къ развитію этического индивидуализма, о возникновеніи юмористическаго взгляда на жизнь, характеристики Фильдинга, Стерна, Юнга, Клопштока написаны съ глубокимъ знаніемъ дѣла и мастерствомъ. Противники Клопштокова идеализма, галльскіе и гальберштадтскіе поэты, геттингенскій кружокъ и Виландъ воочію проходятъ передъ читателемъ, но особенно ярко обрисованъ представи-

тель крайняго эпикуреизма Гейнзе. Послѣ него явилась необходимость оградить этический индивидуализмъ отъ злоупотребленія имъ. и вотъ возникаетъ ученіе о „прекрасной душѣ“; изъ этого ученія произошли два направленія: сентиментальность и штюрмерство. Вертеру Гете авторъ посвятилъ нѣсколько глубоко-вдумчивыхъ страницъ, показавъ, въ какой степени легкомысленно было осужденіе „мировой“ скорби новѣйшею критикой. Совершенною новостью даже и для западной науки является изслѣдованіе о крайней сентиментальности въ лицѣ ея представителя Миллера.

Давъ яркую характеристику Клингера, одного изъ самыхъ выдающихся штюрмеровъ, и изложивъ исторію самого штюрмерства, авторъ указываетъ, какъ оно пришло къ результатамъ, до извѣстной степени сходнымъ съ воззрѣніями философіи чувства; оно признало въ человѣкѣ присутствіе противорѣчій матеріальнаго съ духовнымъ, но отчаялось въ возможности примирить эти начала, тогда какъ философія чувства обратилась къ вѣрѣ, отыскивая въ чудѣ объясненія того, что недоступно разуму.

Борьбою Гаманна съ рационализмомъ своего вѣка, его отношеніемъ къ философскимъ ученіямъ и его религиозными убѣжденіями заканчивается книга г. Кожевникова. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести почти цѣликомъ оцѣнку значенія „сѣвернаго мага“, тѣмъ болѣе что этотъ мыслитель у насъ мало извѣстенъ, и заключительныя слова книги, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои взгляды на назначеніе науки и философіи; они проведены черезъ всю работу, нисколько не мѣшая автору оцѣнивать воззрѣнія совершенно съ ними несогласныя; соединеніе критическаго безпристрастія съ самостоятельнымъ, энергическимъ убѣжденіемъ рѣдко встрѣчается, и въ этомъ отношеніи работа г. Кожевникова является отраднымъ исключеніемъ.

„Гамантъ не былъ ученымъ философомъ и не оставилъ послѣ себя законченной системы міросозерцанія... Видя задачу философіи въ правильномъ истолкованіи жизни, онъ первую обязанностью философа считалъ всестороннее и безпристрастное, наблюдательное изученіе жизни. И вотъ такимъ наблюдателемъ человѣческой природы и современнаго ему духовнаго развитія общества былъ онъ самъ и притомъ въ такой степени, что въ этомъ отношеніи съ нимъ нельзя сравнить никого изъ его современниковъ. Какъ Гёте, это личность, которую можно назвать центральною для ея эпохи; въ ней сходятся почти всѣ главные лучи тогдашняго нравственнаго и умственнаго развитія, не для

того только, чтобы отражаться въ ней, какъ въ зеркалѣ, но и чтобы находить оригинальное освѣщеніе, критическую провѣрку и оцѣнку. Гёте неизмѣримо превосходилъ Гаманна въ силѣ творческой, но уступалъ ему въ способности къ безпристрастному наблюденію, Гаманнъ же былъ созданъ для роли наблюдателя и критика; въ свои наблюденія вносилъ онъ живость чувства, свѣжесть впечатлѣнія, а иногда и увлеченія страсти. Прежде чѣмъ судить о явленіи, онъ старался понять его во всей его полнотѣ, прочувствовать его какъ можно живѣе. сродниться съ нимъ самымъ близкимъ образомъ..., но это не мѣшало ему относиться къ обсуждаемому съ безпристрастною ясностью рефлексіи; ею обладалъ онъ въ высокой степени: съ необыкновенною быстротой ориентировался въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ и мнѣніяхъ, вѣрно опредѣлялъ ихъ наиболѣе существенныя характерныя черты, и, стремительно минуя промежуточные звенья, разсужденія, пронизательно указывалъ на конечныя, рѣшающія слѣдствія высказанныхъ положеній, надъ которыми онъ и ставилъ свой приговоръ, всегда остроумный и почти всегда богатый указаніями для дальнѣйшаго развитія затронутаго вопроса. Но, кромѣ того, въ душѣ Гаманна ярко горѣла любовь къ прошедшему. отсюда являлось столь цѣнное и столь противоположное тогдашней поверхностной критикѣ требованіе родственнаго пониманія прошлаго. требованіе — оживлять прошлое, „воскрешать милыхъ древнихъ“. Въ распространеніи этого отношенія къ прошедшему, въ усиліяхъ возстановить органическую связь прошедшаго съ настоящимъ, наконецъ въ указаніи, что только на почвѣ этой родственной связи возможно и дальнѣйшее плодотворное развитіе человѣчества въ будущемъ, — въ этомъ заключается крупная воспитательная и образовательная роль Гаманна.

„И въ области философіи конечною цѣлью его дѣятельности было возстановленіе утраченнаго, оживленіе вымершаго или вымирающаго, сочетаніе разрозненныхъ силъ и потребности человѣческаго организма воедино для поднятія его жизнеспособности и жизнѣдѣтельности. Среди всеобщаго увлеченія одностороннимъ, поверхностнымъ рационализмомъ, среди идолопоклонственнаго служенія отвлеченному разуму, Гаманнъ смѣло возвысилъ свой грозный голосъ для обличенія вреда деспотической власти разсужденія надъ остальными силами и способностями человѣческой природы. Но съ такою же пронизательностью и съ такимъ же безпристрастіемъ предостерегалъ онъ (въ лицѣ Якоби и штюрмеровъ) философію чувства отъ противоположнаго заблужденія, отъ подавляющаго перевѣса чувства и чувственности надъ чистымъ мыш-

леніємъ... Противорѣчію между разумомъ и вѣрой онъ противопоставлялъ психологическій идеалъ внутренняго единства человѣческихъ силъ и способностей, органическое, гармоническое сочетаніе разнороднаго, объединеніе противоположнаго въ цѣльной, всеобъемлющей человѣческой личности. Не умѣя точно формулировать въ научно-философскомъ смыслѣ этотъ идеалъ единства, Гаманнъ по крайней мѣрѣ съ пользою трудился для устраненія препятствій къ его осуществленію, для восстановленія нарушеннаго равновѣсія силъ и способностей и для оживленія тѣхъ изъ нихъ, къ которымъ относились съ пренебреженіемъ или враждебно. ...Такой же объединяющій, восстанавлиющій, оживляющій характеръ имѣеть дѣятельность Гаманна и въ области эстетики...

„Къ сожалѣнію, онъ не распространилъ своего плодотворнаго взгляда на все знаніе. Равнодушный къ естествознанію, онъ не оцѣнилъ его научной важности... Ключъ къ тайнамъ природы онъ искалъ въ назидательномъ объясненіи ея священнымъ Писаніемъ примѣнительно къ нравственнымъ потребностямъ человѣка. Онъ не понялъ, что конечное назначеніе всякаго знанія и всей науки есть не просто любознательное, но и проективное и активное, такъ что конечною цѣлью не одного только историко-филологическаго знанія (какъ предполагалъ Гаманнъ), но и всего знанія является дѣятельность восстанавливающая, оживляющая, воскрешающая и объединяющая. Высшимъ назначеніемъ философіи онъ считаетъ скромное объясненіе жизни, а не регуляцію и измѣненіе ея сообразно съ высшими стремленіями человѣчества. Онъ констатируетъ несовершенства человѣка въ его настоящемъ состояніи, обнаруживаетъ вопіющія противорѣчія въ немъ, но не думаетъ объ устраненіи такого порядка вещей, узаконяя даже существующее несовершенство, какъ неизбежное. И здѣсь-то обнаруживается, до какой степени самъ Гаманнъ былъ проникнутъ натуралистическимъ, пассивнымъ міровоззрѣніемъ своего времени... Единственнымъ надежнымъ регуляторомъ человѣческой природы и ея дѣятельности онъ признавалъ религію, но даже и при такомъ исходѣ его гуманизмъ не обогащался элементомъ активнымъ: даже и религіозный процессъ совершенствованія носилъ у Гаманна характеръ пассивный (—751).

„Такимъ образомъ далѣе субъективнаго самосовершенствованія Гаманнъ не идетъ и не считаетъ нужнымъ идти. Къ началу коллективному, въ его матеріальномъ и нравственномъ значеніи, онъ глухъ и нѣмъ, какъ и большинство его современниковъ... Подобно всему

своему вѣку, Гаманнъ преувеличивалъ надежду на умственные и нравственные ресурсы отдѣльной человѣческой личности; онъ не понималъ, что совершенство свойственно только совокупному, цѣлому, а не частному, разрозненному... (стр. 753). Реализація истины, справедливости, красоты и счастья — возможна лишь для сознательныхъ, цѣлесообразныхъ, добровольныхъ и дружныхъ усилій всего человѣчества. Послѣднимъ и высшимъ словомъ этики, слѣдовательно, будетъ не натуралистическій и гуманистическій и даже не религиозный индивидуализмъ, не полноправіе и широкая свобода отдѣльныхъ личностей, а всеобщая добровольная солидарность, согласіе всѣхъ сыновъ человѣческихъ какъ въ общихъ правахъ, такъ и въ общихъ обязанностяхъ... въ особенности въ общемъ всечеловѣческомъ дѣлѣ водворенія мира и счастья на землѣ не посредствомъ однѣхъ юридическихъ и экономическихъ реформъ, неспособныхъ устранить естественныя причины неравенства и вытекающую изъ него вражду между людьми, а посредствомъ разумной регуляціи природы для превращенія ея смертоносныхъ силъ въ живоносныя, для возстановленія утраченнаго,... для установленія правильныхъ отношеній между людьми, отношеній не искусственныхъ (юридическихъ и политическихъ) и не отвлеченныхъ (гуманистическихъ и космополитическихъ), а естественныхъ и реальныхъ, то-есть, родственныхъ, сыновнихъ и братскихъ, сообразно съ указаніями и завѣтами истиннаго христіанства (стр. 754).

„Первоначальныя причины небратскаго состоянія міра коренятся во всеобщей рабской зависимости всѣхъ людей отъ неразумно, стихійно дѣйствующихъ силъ природы—слѣдовательно для устраненія вражды между людьми надо начинать съ измѣненій отношеній людей къ природѣ... Раболѣпному, пассивному преклоненію передъ силами природы долженъ быть положенъ конецъ! Начавшееся еще въ дни сѣдой древности, узаконенное античнымъ міросозерцаніемъ и обновленное современнымъ матеріализмомъ обоготвореніе неразумныхъ силъ природы... должно быть замѣнено активнымъ отношеніемъ къ ней, то-есть, сознательною и планомерною регуляціей ихъ на благо человѣчества и самой природы, которая, иначе, при неумѣломъ, неряшливомъ или грубо-эксплуататорскомъ обращеніи съ нею, въ предѣлахъ земнаго міра, настолько же можетъ истощаться, насколько она способна и совершенствоваться при осмысленномъ и цѣлесообразномъ обращеніи съ нею. Тайны природы едва начинаютъ раскрываться передъ пытливымъ взоромъ науки... несомнѣнно, что каждое новое открытіе въ области естествовѣдѣнія широко раздвигаетъ предѣлы

силъ природы, а вмѣстѣ съ ними и могущество человѣка. Насколько это могущество возростетъ... нельзя заранѣе и предположить, но пока не доказано противоположное, никто не въ правѣ называть дерзостью надежду на то, что человѣчеству, *такъ* относящемуся къ природѣ, удастся... избавиться отъ несовершенствъ физическаго и духовнаго развитія, отъ голода, болѣзней, а, можетъ быть, и отъ смерти (стр. 755).

„Пусть, говорить г. Кожевниковъ, не называютъ эти мечты неразумными; неразумно отреченіе отъ разума, а не вѣра въ силы разума, знанія и дружной, ими направляемой воли человѣчества. Пусть не называютъ ихъ праздными, когда въ нихъ данъ проектъ дѣла всеобщаго, дѣйствительно общепользнаго, общечеловѣческаго дѣла! Пусть наконецъ не называютъ ихъ несбыточными, когда едва сдѣланы первые, несовершенные приступы къ ихъ осуществленію!... Наука будущаго поставитъ своею высшей, конечною задачею регуляцію силъ природы для обезпеченія, укрѣпленія и возстановленія жизни. Воспитаніе, общественная нравственность, искусство и религія сплотятся въ могучій союзъ для того, чтобы въ области чувствъ и страстей возжечь святую любовь къ тому, въ чемъ разумъ познаетъ свою конечную цѣль, и чтобы сообщить волѣ должную энергію и выправку для воплощенія стремленій мысли и чувствъ въ общемъ дѣлѣ. Разъясненіе же этого послѣдняго, выработка проекта его и средствъ къ его осуществленію, установленіе правильнаго взгляда на природу и человѣка и опредѣленіе ихъ существующихъ и долженствующихъ быть отношеній составить верховную задачу философіи будущаго, той, которая, послѣ столькихъ фантастическихъ блужданій философіи отвлеченнаго мышленія и всѣхъ непроизводительныхъ порывовъ философіи чувства, должна стать наконецъ реальною и общепользною философіей *дѣла*“,—такими знаменательными словами заключаетъ авторъ свою книгу; пожелаемъ, чтобы во второй части онъ болѣе подробно и ясно изложилъ свое міровоззрѣніе, въ вышеприведенныхъ строкахъ лишь слегка намѣченное. Стараясь какъ можно болѣе познакомить читателя съ замѣчательною работою г. Кожевникова, мы пока ничего не сказали о ея недостаткахъ; главный изъ нихъ—отсутствіе внѣшней стройности въ конструкціи книги: для уясненія подготовки философіи чувства и для подробной характеристики среды, въ которой она возникла и распространялась, авторъ часто дѣлаетъ перерывы въ изложеніи ученій разбираемыхъ имъ мыслителей и вдается въ обширные экскурсы, представляющіе слишкомъ про-

должительныя отступленія отъ главной темы, хотя и существенно-необходимыя для ея полнаго культурно-историческаго освѣщенія и всегда сообщающія новыя данныя относительно нѣкоторыхъ мало обследованныхъ явленій духовной жизни XVIII вѣка. Итакъ за эти отступленія надо быть только благодарнымъ автору.

Въ положительный недостатокъ мы ставимъ г. Кожевникову то, что свѣдѣнія о жизни и произведеніяхъ своихъ героевъ онъ даетъ, такъ сказать, въ разбродъ, попутно при изложеніи ихъ дѣятельности и ученія. Проще и полезнѣе было бы замѣнить такой приемъ изложенія болѣе сосредоточенными биографическими очерками и подробнымъ перечнемъ трудовъ изучаемыхъ мыслителей тѣмъ болѣе, что самъ авторъ (совершенно справедливо) указываетъ на недостаточное знакомство съ ними даже людей, специально занимающихся исторіей философіи.

Въ изданной, первой части своего труда г. Кожевниковъ даетъ лишь изслѣдованіе о возникновеніи философіи чувства и вѣры и о ея историческихъ отношеніяхъ къ преобладающимъ теченіямъ умственной и нравственной жизни прошлаго вѣка. Изложеніе систематическаго, доктринальнаго развитія философіи чувства и вѣры (въ лицѣ Якоби) должно, повидимому, составить содержаніе 2-й части труда.

Ждемъ этой части съ нетерпѣніемъ. Надѣемся, что эту важнѣйшую (но уже не самую трудную) половину своей работы г. Кожевниковъ выполнитъ столь же успѣшно, какъ и первую, по тому же широкому культурно-историческому методу, въ примѣненіи котораго къ изслѣдованію философскихъ ученій мы видимъ полную самобытность и выдающееся достоинство работы г. Кожевникова.

Юрій Бартеневъ.

Каталогъ собранія рукописей *Ф. И. Буслая*, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ. Составилъ *И. А. Бычкова*. С.-Пб. 1897.

Всякій, занимающійся изученіемъ древней русской письменности не можетъ не отнестись съ особымъ интересомъ къ книгѣ, заглавіе которой мы выписали. Собраніе рукописей покойнаго *Ф. И. Буслая* давно уже было извѣстно въ наукѣ, какъ одно изъ наиболѣе важныхъ и цѣнныхъ рукописныхъ собраній; въ своихъ изслѣдованіяхъ Буслаявъ нерѣдко ссылался на рукописи своей библіотеки. Только что появившійся трудъ *И. А. Бычкова* подробно и въ полномъ объемѣ знакомитъ

насъ съ названнымъ собраніемъ. Подъ скромнымъ названіемъ „Каталога“ передъ нами—чрезвычайно тщательное описаніе всей коллекціи рукописей, съ подробнымъ указаніемъ содержанія каждой рукописи, съ точнымъ приведеніемъ начальныхъ строкъ каждой отдѣльной въ ней статьи, указаніемъ мѣстами имѣющихся въ печати извлеченій изъ той или другой описываемой рукописи или отдѣльной статьи, печатныхъ упоминаній и т. п. Кромѣ того, описателемъ сполна приводятся имѣющіяся въ рукописяхъ различныя записи и приписки писца, или владѣльца, иногда цѣлаго ряда бывшихъ владѣльцевъ, имѣющихся въ рукописи миниатюрь, рисунковъ и т. п. Тщательность и подробность составленнаго описанія тѣмъ цѣннѣе, что самыя рукописи представляютъ своимъ содержаніемъ особую научную важность.

Собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева особенно цѣнно для характеристики нашей литературы переходнаго времени, XVI, XVII, начала XVIII вѣковъ. Оно хорошо рисуеъ намъ и общій консервативный характеръ этой литературы,—неразрывную связь ея со старою, болѣе раннею письменностью, и тѣ новыя теченія, которыя все сильнѣе стали обнаруживаться въ нашей литературѣ къ концу XVII вѣка. Въѣстѣ съ тѣмъ, собраніе рукописей Буслаева даетъ намъ и вообще любопытныя данныя для сужденій о нашей неофициальной, такъ сказать, литературѣ, до сихъ поръ еще въ значительной долѣ продолжающей жить вмѣстѣ и рядомъ съ литературой официальной, печатною, о той нашей литературѣ, которая нерѣдко продолжаетъ до сихъ поръ еще питать низшую читающую массу народа и вообще стоять къ послѣдней еще очень близко... Въ спискахъ XVIII, иногда даже XIX вѣка, мы нерѣдко встрѣтимъ въ разсматриваемомъ собраніи произведенія нашей письменности XVII, XVI,—даже XIV, XII вѣковъ!..

„Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева“ (С.-Пб., 1897) есть собственно извлеченіе изъ только что вышедшаго „Отчета Императорской Публичной бібліотеки за 1894 годъ“ (С.-Пб., 1897), гдѣ онъ представляетъ собой одно изъ „приложеній“. Эти, сдѣланныя за послѣднее время обычными, „приложенія“ къ бібліотечному „Отчету“ — сами по себѣ являются нерѣдко весьма обширными и, по своему содержанію, весьма цѣнными научными трудами — дающими или обстоятельныя описанія поступившихъ въ Библіотеку рукописныхъ коллекцій или извлеченія изъ самыхъ рукописей, наконецъ различныя бібліографическія матеріалы и т. п. Таковы болѣе ранніе труды И. А. Бычкова, относящіеся и къ старой и къ новой нашей литературѣ: „Бумаги В. А. Жуковскаго“ (С.-Пб., 1894), „Краткій обзоръ собранія

рукописей, принадлежащихъ преосв. Порфирію“ (С.-Пб., 1885), „Каталогъ собранія славянорусскихъ рукописей П. Д. Богданова, вып. 1-й“ (С.-Пб., 1891), „Каталогъ собранія славянорусскихъ рукописей П. Д. Богданова, вып. 2-й“ (С.-Пб., 1893), „Бумаги А. А. Краевского“ (С.-Пб., 1893)...

Въ предисловіи къ „Каталогу рукописей Буслаева“ составитель описанія о характерѣ своего труда и описываемомъ собраніи замѣчаетъ: „Въ настоящемъ каталогѣ описаны рукописи собранія Ѳедора Ивановича Буслаева, приобретенныя въ 1893 году Императорской Публичной бібліотекою на Всемилоствѣйше отпущенныя ей въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ III средства.

Собирать рукописи Ѳ. И. Буслаевъ началъ съ пятидесятихъ годовъ и продолжалъ обогащать свое собраніе до конца восьмидесятихъ годовъ. Общее число рукописей собранія Ѳ. И. Буслаева доходило до 150 нумеровъ. Въ Императорскую Публичную бібліотеку оно поступило не въ полномъ составѣ; всѣхъ рукописей приобретено Библиотекою девяносто восемь, относящихся къ XV—XIX вв. Объясняется это тѣмъ, что нѣсколько рукописей Ѳедоръ Ивановичъ пожертвовалъ въ 1883—1885 годахъ Московскому Публичному Музею для составленія собранія въ память покойнаго хранителя отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Алексѣя Егоровича Викторова; нѣкоторыя же изъ имѣвшихся въ собраніи рукописей впослѣдствіи были промѣнены на новыя, при чемъ иногда за одну цѣнную рукопись было отдаваемо нѣсколько рукописей меньшаго значенія.

Къ „Каталогу“ присоединены четыре приложенія. Въ первыхъ двухъ напечатаны найденныя въ одномъ Прологѣ собранія Ѳ. И. Буслаева неизвѣстное поученіе Ростовскаго епископа Іоанна, жившаго въ XIV вѣкѣ, и автобіографическія записки преп. Мартирія Зеленецкаго, въ полномъ видѣ доселѣ еще неизданныя. Въ третьемъ приложеніи помѣщенъ перечень находившихся въ собраніи Ѳ. И. Буслаева рукописей, которыя не поступили въ Императорскую Публичную бібліотеку; рукописи, пожертвованныя Ѳ. И. Буслаевымъ Московскому Публичному музею и описанныя въ „Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ“ за 1883—1885 годы, въ этомъ перечнѣ не показаны. Этотъ перечень извлеченъ изъ рукописнаго охраннаго инвентаря рукописей Ѳ. И. Буслаева, по которому онѣ были приняты Библиотекою. Наконецъ въ четвертомъ приложеніи напечатанъ составленный помощникомъ бібліотекаря рукописнаго отдѣ-

ленія А. Т. Кайдаловымъ списокъ русскихъ гравированныхъ изданій, поступившихъ въ Библиотеку съ рукописями собранія Ѳ. И. Буслаева“.

По своему внѣшнему составу, описанное собраніе состоитъ а) изъ нѣсколькихъ рукописей *богослужебнаго* содержанія, или вообще церковнаго (№№ 8—13, 43—44), при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣбются вставленными статьи и общаго литературнаго характера; б) нѣсколько *прологовъ* (№№ 15—17); в) *Скитскій Патерикъ* (№ 14); г) *Лѣствица* Іоанна Лѣствичника (№ 7); д) рядъ *лицевыхъ апокалипсисовъ* (№№ 1—6.46, 38—41.67); е) *Синодики* (№№ 38—41.67); ж) нѣсколько рукописей *лѣтописнаго* характера (№№ 73—75.88); з) одинъ *Азбуковникъ* или *Алфавитъ* (№ 72); и) два *Цѣтника* (№№ 52—60); и) два *Лѣчебника* (№№ 78—79); к) *Ариометика* (№ 80); л) двѣ *Азбуки* (№ 84—85). Вся остальная часть собранія представляетъ собою рукописи *общелитературнаго*, преимущественно легендарнаго и вообще повѣствовательнаго содержанія,—относится по содержанію памятниковъ къ той области нашей литературы XVI—XVII—начала XVIII в., которой покойный Ѳ. И. Буслаевъ съ особенною любовью посвящалъ свои научныя изученія. Въ отношеніи къ нашей литературѣ этихъ столѣтій разсматриваемое собраніе является особенно богатымъ и цѣннымъ. Бѣльшею частью, съ внѣшней стороны, эти рукописи собранія являются различнаго рода „сборниками“. Изъ рукописей разсматриваемаго собранія, заключающихъ въ себѣ произведенія болѣе ранней нашей письменности, особенно важна рукопись XVI в. № 17 (Прологъ), въ которой между прочимъ И. А. Бычкову встрѣтился памятникъ, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ; это—*Поученіе въ недѣлю цѣтную священно-епископа Іоанна ростовскаго къ правовѣрнымъ крестьянамъ* (л. 11—14). Поученіе обращено „ко всѣмъ христіолюбивымъ людямъ, живущимъ въ области ростовскыя епископья“. Слово повидимому было произнесено во время великаго поста: авторъ говоритъ о важности покаянія, особенно „въ сія святаыя дни постныя“; отличается простотой и сердечностью изложенія. „Не ва покой пришелъ есмь, замѣчаетъ о себѣ авторъ поученія въ самомъ началѣ, обращаясь къ „чадамъ своимъ“, пасомымъ, но на воспоминаіе вамъ духовнаго ученія,—долженъ есмь, стереча вашего спасенія, о всемъ поминати вамъ, сыномъ своимъ... Не мозѣмъ точію словомъ крестьяне быти, но дѣломъ...“ Имя автора указывается не только въ заглавіи, но и въ самомъ памятникѣ: „Азь смиренный епископъ *Іоаннъ* поручаюся...“ Время жизни автора, г. Бычковъ относитъ къ первой половинѣ XIV вѣка. „Епископовъ ростовскихъ, носившихъ имя

Іоанна, извѣстно два: одинъ въ концѣ XII—началѣ XIII вѣка, а другой въ XIV столѣтіи. Этотъ послѣдній былъ поставленъ въ епископа ростовскаго въ 1346 году изъ архимандритовъ Московскаго Спасскаго монастыря. Сообщая подъ 6838 (1330) годомъ объ основаніи этого монастыря, лѣтопись говоритъ, что великій князь Иванъ Даниловичъ Калита „приведе ту перваго архимандрита *Іоана* именемъ, мужа честна, сказателя книгамъ, разумна и словесна и сановита суща“, и добавляетъ, что „за премногую его добродѣтель послѣди епископомъ ростовскимъ поставленъ бысть, и тамо добръ упасе порученное ему стадо“. Скончался онъ 12-го апрѣля 1356 года. По всему вѣроятію, именно этому епископу Іоанну и принадлежитъ настоящее поученіе“.

Рядомъ съ старыми произведеніями, какъ прологъ, патерикъ, сочиненія отцевъ церкви и т. п., которыя перенесены были въ московскую литературу XVI—XVII вѣка какъ бы цѣликомъ, являясь въ ней какъ бы стереотипными изданіями, — въ этой литературѣ мы видимъ рядъ литературныхъ предпріятій, которыя, по своему содержанию и составу тѣсно примыкая къ старой письменности, въ то же время, какъ произведенія литературныя, были явленіями совершенно новыми и самостоятельными, возникшими уже въ значительной степени подъ вліяніемъ позднѣйшихъ литературныхъ теченій... Между прочимъ, къ такого рода фактамъ московской литературы XVI—XVII вѣка относились, — помимо другихъ, — *Лицевые Апокалипсы*, *Синодики*, *Азбуковники*, разнаго рода *Травники* и т. п. Нѣкоторыя изъ этого рода рукописей въ разсматриваемомъ собраніи являются особенно цѣнными. Таковы напимѣръ двѣ рукописи Лицеваго Апокалипсиса, по нумераціи „Каталога“, №№ 46 и 1. Какъ установлено изученіями преимущественно самого О. И. Буслаева, — русскіе *Лицевые Апокалипсисы* XVI, XVII, отчасти XVIII и даже XIX вѣка по своему характеру, не только произведенія литературныя, но выѣстъ и памятники древнерусскаго искусства. Какъ произведеніе литературное, русскій лицевой Апокалипсисъ XVI—XVII вѣка весьма существенно отличается отъ тѣхъ древнѣйшихъ нашихъ Толковыхъ Апокалипсисовъ, рукописи которыхъ идутъ съ XIII—нач. XIV вѣка „Русскій Лицевой Апокалипсисъ, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, не есть только часть Новаго Завѣта: по своему типу Толковаго Апокалипсиса, это есть особая священная книга, обставленная „Хожденіемъ Іоанна Богослова“, „Словомъ Паладія мниха о второмъ пришествіи“, „Повѣстью о славіи небесной“, „Словомъ блаженнаго Ипполита о скончаніи міра и объ антихристѣ“, „Житіемъ Андрея Юродиваго“, „Жи-

тѣмъ Василя Новаго“, „Пророчествомъ Давида“. Иллюстраціи Апокалипсиса служатъ дополненіемъ къ его толкованію или прямо изъ него взяты.; связь съ текстомъ тѣснѣйшая и неразрывная“... Миниатюры Лицеваго Апокалипсиса стремятся передать въ образахъ каждую строку св. Писанія и нерѣдко приписываютъ реальный смыслъ даже риторическимъ уподобленіямъ... Лицевые апокалипсисы являются однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ московской литературы, — гдѣ область собственно литературная неразрывнымъ образомъ переплетается съ областью древнерусскаго искусства. Миниатюры Апокалипсисовъ представляютъ собой чрезвычайное разнообразіе, которое съ трудомъ подводится даже къ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ редакціямъ или типамъ. По изысканіямъ Буслаева, всѣ эти редакціи безъ исключенія сложились такъ или иначе *на русской почвѣ*; признаки редакціи состоятъ „въ выборѣ извѣстныхъ сюжетовъ и въ способѣ ихъ представленія, въ отношеніи ихъ къ тексту и наконецъ въ самомъ количествѣ миниатюръ или гравюръ, а иногда и въ формѣ“... Наиболѣе распространеннымъ типомъ русскаго Лицеваго Апокалипсиса изслѣдователями признается такъ называемая *Филаретовская редакція* (описаніе принадлежащихъ къ ней списковъ см. въ трудѣ Буслаева: Сводъ изображеній изъ Лицевыхъ Апокалипсовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка, М., 1884). „Редакція эта преимущественно передъ всѣми другими полюбилась нашимъ предкамъ, и въ теченіе послѣднихъ двухъсотъ лѣтъ вплоть до настоящаго времени, оставалась господствующею въ литературѣ Лицевыхъ Апокалипсовъ... Редакція обязана такимъ предпочтеніемъ и безусловнымъ преобладаніемъ надъ прочими своей благочинной простотѣ и довольно строго выдержанному характеру византійскаго русскаго стиля, какъ въ выборѣ сюжетовъ, за устраненіемъ у нихъ всего посторонняго, несогласнаго съ текстомъ писанія, такъ и въ соблюденіи основныхъ преданій православной иконографіи, впрочемъ, съ одной стороны, нѣсколько усложненныхъ немногими западными наносами и нововведеніями въ костюмѣ и утвари“... Двумя другими, также весьма часто встрѣчающимися, типами или редакціями нашего Лицеваго Апокалипсиса являются двѣ названныя выше рукописи разсматриваемаго собранія—рукопись начала XVII вѣка № 46 („Кат.“, стр. 129—130) и рукопись XVI вѣка юсовая № 1 („Кат.“, стр. 1—2). Обѣ—драгоценнѣйшія рукописи не только для исторіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса, но и вообще для исторіи всей русской иконографіи. Первая, нач. XVII вѣка № 46, представляетъ, по мнѣнію изслѣдователей, на-

и болѣе раннюю редакцію Лицеваго Апокалипсиса, первоначальное происхождение которой нужно относить ко времени отъ XIV до середины XV вѣка. Предполагаютъ, что этотъ древнѣйшій типъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ шель изъ Новгорода: своеобразный характеръ миниатюръ довольно близко стоитъ къ иконописи новгородскаго письма и носить на себѣ весьма замѣтные слѣды западнаго вліянія. Рисунки этой редакціи въ пропорціяхъ фигуръ, въ малосложности сценъ и деталяхъ рѣзко напоминаютъ собой средневѣковые барельефы... Совершенно иного рода редакція Лицевыхъ Апокалипсисовъ, находящаяся въ другой названной сейчасъ рукописи разсматриваемаго собранія,—

№ 1. Рукопись, по мнѣнію изслѣдователей, особенно замѣчательная. „Здѣсь нѣтъ ничего средневѣковаго; это русскій ренесансъ на византійской основѣ, но скомпонованный по своему и самостоятельно... Что мастеръ пользовался отличными византійскими образцами, можно заключить изъ того, что въ изящномъ стилѣ этихъ образцовъ умѣетъ соединять символическія и стилизованныя формы съ натурализмомъ, какъ это постоянно встрѣчается въ византійскихъ миниатюрахъ лучшей эпохи. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ подъ руками и матеріалы западныя,—какъ это замѣтно относительно нѣкоторыхъ подробностей въ полатномъ письмѣ и въ орнаментахъ... Самое видное качество миниатюръ этой рукописи состоитъ во множествѣ мелкихъ фигуръ и разныхъ подробностей, но причина этой сложности сюжетовъ состоитъ уже не въ одномъ стремленіи возможно полно передать текстъ и толкованіе, но и проявить свое художественное творчество. При изящной работѣ миниатюръ и ихъ строгой иконографической композиціи рѣзко выступаетъ стремленіе къ натурализму въ подробностяхъ и обстановкѣ. Это не тотъ, однако, наивный средневѣковой натурализмъ, проникающій собой главные образы сюжета, это—оживленіе шаблоннаго, но священнаго сюжета въ деталяхъ, въ жанровыхъ подробностяхъ... Рукопись представляетъ собой, по всей вѣроятности, копию съ оригинала; но за отсутствіемъ этого оригинала блестящія свойства копій, ея изящное полатное письмо въ стилѣ византійскомъ и западномъ средневѣковомъ, ея горные ландшафты византійскаго характера дѣлаютъ изъ этой рукописи памятникъ такой же важности, какъ иные византійскіе кодексы. Олицетворенія земли и пустыни (пустыни горной, какая извѣстна христіанскому востоку и византійской миниатюрѣ) и энтузіастическій жанръ ихъ типовъ и жестовъ напоминаютъ ближе всего „Лѣствицу“ Климакса и подобныя монашескаго происхожденія

византійскія рукописи XIII вѣка. Миниатюра отошла здѣсь далеко отъ своего прежняго народно-наивнаго характера; она стала дѣломъ книжной иконописной премудрости; изъ такихъ произведеній трудно почерпнуть точныя свѣдѣнія о символикѣ, такъ какъ многія схемы лишены здѣсь дѣйствительнаго смысла и внутренней необходимости. За то здѣсь, какъ въ извѣстномъ бревиаріѣ Гримона, мы встрѣчаемъ любопытнѣйшія сцены жанра, и въ этомъ отношеніи трудно было бы выбрать что-либо лучшее, что-либо болѣе характерное. Въ сценѣ паденія Вавилона града великаго, у городскиихъ стѣнъ совершается безчинное пиршество: за длиннымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ вавилонской любодѣйцы направо полуобнаженные валятся другъ на другъ пьяницы. Ко главѣ XVIII детальная сцена жизни и торговли Вавилона: корабли и возы съ товарами, носильщики, выгружающіе кяпы, купцы и мѣнялы со столами и торговый рынокъ на берегу; эта миниатюра, по всей вѣроятности, копируетъ западный рисунокъ XV столѣтія. Еще любопытнѣе миниатюра 30-я рукописи къ Апокалипсису VIII, 10, 11, со сценою паденія въ воду звѣзды и отравы ею рѣкъ: всюду разбросаны умирающіе и умершіе въ разнообразныхъ позахъ, представленныхъ иногда въ замѣчательномъ ракурсѣ“... (Кондаковъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, іюль стр. 136—138).

Отличительная черта литературы Московскаго государства XVI, XVII, начала XVIII вѣковъ—*усиленіе переводовъ съ Запада*, наплывъ западно-европейской переводной литературы. Переводная западно-европейская литература быстро приобретаетъ господствующее положеніе, оттѣсняя старую, византійскую. Въ связи съ переводами появляются *слабые опыты оригинальныхъ произведеній* того же свѣтскаго повѣствовательнаго характера,—появляются первые опыты самостоятельной свѣтской повѣсти, зачатки беллетристики, въ литературу проникаетъ направленіе сатирическое и т. д. Эти и подобныя произведенія представляли въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ явленіе особенно любопытное и важное: довольно замѣтное развитіе такого рода произведеній обнаруживало весьма значительный ростъ, сдѣланный къ этому времени нашею литературой,—указывало на значительное расширеніе вкусовъ читающаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно опредѣляетъ намъ тѣ вліянія, которыя теперь, съ XVI вѣка, начали все сильнѣе сказываться на этихъ вкусахъ. Не говоримъ о томъ, что появленіе и относительное усиленіе въ нашей письменности XVI—XVII вѣковъ произведеній свѣтскаго характера

наиболѣе могущественнымъ образомъ подготовляли почву для упроченія того направленія нашей литературы, который она получила съ эпохи Петра Великаго и особенно дѣятельности Ломоносова... Отдѣлъ подобныхъ произведеній является господствующимъ въ разсматриваемомъ собраніи рукописей и дѣлаетъ его особенно цѣннымъ. Передъ нами здѣсь почти всѣ важнѣйшіе памятники нашей переводной беллетристической литературы XVI—XVIII вѣковъ: *Басни Эзопа* (сборникъ конца XVII — начала XVIII вѣка, № 77, л. 116 sqq.) въ переводѣ Гозвинскаго; *Зрѣлище житія человеческого* (ib., № 77, л. 2—73), „вновь“ переведенное съ нѣмецкаго языка „во общую пользу, въ царствующемъ градѣ Москвѣ“,—*Великое Зерцало* (рук. конца XVII вѣка, № 37; сборникъ конца XVII, л. 126—236),—*Кринны селные или цвѣты прекрасные* (рук. конца XVII вѣка, № 36; ср. рук. библиотеки С.-Петербургской Дух. Ак. XVII—XVIII вѣковъ, № 196. Родосскій, „Описаніе 432-хъ рук.“, стр. 213—214),—*Звѣзда Пресвятая* (рук. конца XVII вѣка, № 50, л. 2—126).—Отдѣльныя произведенія и извлеченія изъ тѣхъ же или подобныхъ же произведеній, напримѣръ: *Повѣсть о Удонѣ епископѣ Мандебургскомъ*, „повѣсть трепетная и умилительная“, пользовавшаяся у насъ особенной популярностью (Сборникъ перв. полов. XVIII вѣка, № 61, л. 327 sqq.; Цвѣтникъ втор. полов. XVIII вѣка, № 60, л. 117 sqq.; сборникъ XVIII вѣка, № 94, л. 101 sqq.; сборникъ конца XVIII вѣка, № 65, л. 109 sqq.), извлеченная изъ „Великаго Зеркала“,—и др. Особою популярностью пользуются *Страсти Господни* (рук. кон. XVII—нач. XVIII вѣка, № 31; рук. нач. XVIII вѣка, № 32; сборникъ перв. полов. XVIII вѣка, № 54, л. 2 sqq.; сборникъ перв. пол. XVIII вѣка, № 93, л. 430 sqq.; сборникъ XVIII вѣка, № 56, л. 2 sqq., сборникъ XVIII вѣка, № 59, л. 2 sqq.; сборникъ конца XVIII вѣка, № 63, л. 5 sqq.; сборникъ нач. XIX вѣка, № 67, л. 60 sqq.: „Опис.“, стр. 68, 157, 165, 178, 199—200, 211, 309). Къ „Страстямъ Господнимъ“ въ разсматриваемыхъ спискахъ иногда присоединяется апокрифическое *Сказаніе неложно, отъ мужа праведна и свята, Западныя церкви великаго учителя, Иеронима, о Иудѣ, бывшемъ предателѣ Господа нашего Иисуса Христа списанное* (Сборникъ XVIII вѣка, № 59, л. 4—8), встрѣчающееся и отдѣльно (Цвѣтникъ конца XVII—нач. XVIII вѣка, № 52, л. 297 sqq. „Опис. стр. 153, 178).

Особенно важное значеніе переходившей къ намъ съ XVI вѣка западно-европейской свѣтской литературы состояло въ томъ, что своимъ содержаніемъ она, какъ сейчасъ замѣчено было, оказала значительное

вліяніе на развитіе нашей собственной *оригинальной повѣсти*. Исторія послѣдней была довольно сложною. Область литературы повѣствовательной, весьма замѣтно увеличивающаяся у насъ въ XVII вѣкѣ, чаще всего является еще тѣсно связанною съ старой, болѣе раннею нашей „повѣстью“,—преимущественно историческою или житійною. Господствующій характеръ ея духовный, полуцерковный; иногда ее трудно отличить отъ легенды, „житія“. Если она затрогиваетъ новые сюжеты, то на первыхъ порахъ обрабатываетъ ихъ еще совершенно по старому, въ прежнемъ полуцерковномъ стилѣ. Нерѣдко повѣсть вращается и на старой почвѣ демонологіи. Указанныя черты болѣе раннихъ опытовъ нашей оригинальной повѣсти выдерживаются однако не вездѣ, и въ нѣкоторыхъ образчикахъ значительно варьируются. Особенно быстро развивается въ отдѣльныхъ произведеніяхъ свѣтскій элементъ, преимущественно сатирическій; повѣсть быстро переходитъ даже на почву пародіи и т. п. Рукописи собранія О. И. Буслаева представляютъ всѣ эти, быстро слѣдовавшія одна за другою, весьма часто сливающимися между собой, различныя стадіи и черты нашей самостоятельной повѣсти XVI—XVII вѣковъ. Едва ли даже названное собраніе эту сторону нашей литературы переходнаго періода,—литературы XVI, XVII—начала XVIII вѣковъ—не представляетъ лучше, богаче, чѣмъ какое-либо другое, изъ извѣстныхъ по „описаніямъ“...

Древнерусская повѣсть-легенда на первыхъ порахъ довольно замѣтно сохраняетъ *мѣстный, областной* характеръ. Въ значительной степени такой областной характеръ носила и вся наша древнѣйшая письменность. Первые памятники нашей начальной литературы разомъ возникаютъ въ различныхъ центрахъ начальной удѣльной Руси,—появляясь здѣсь вмѣстѣ съ первыми зачатками христіанства и гражданственности; первые административные центры удѣльной Руси—въ то же время и первые, наиболѣе ранніе центры христіанскаго просвѣщенія и письменности. На этотъ областной характеръ нашей начальной литературы,—сохраняющійся въ извѣстной степени до самыхъ послѣднихъ годовъ XV вѣка, вплоть до окончательнаго объединенія всѣхъ удѣловъ около Москвы — впервые указалъ Буслаевъ. „Наша древняя и народная словесность, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Очерковъ“—возникла и образовывалась по различнымъ мѣстностямъ, подчиняясь ихъ условіямъ. Первоначально не было и не могло быть словесности вообще русской, а были преданія, сказанія или пѣсни *киевскія, новгородскія, муромскія, рязанскія, ростов-*

скія, смоленскія и т. д. Даже Москва, коренившаяся на преданіяхъ *суздальскихъ* и *владимірскихъ*, сначала является въ литературѣ съ своими мѣстными, исключительными интересами, и только съ половины XVI вѣка начинаетъ поглощать въ своей энергической дѣятельности мѣстныя особенности старыхъ городовъ. Еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка древняя національность новгородская давала себя чувствовать Москвѣ, уже возвысившейся политической силою, но все еще бѣдной преданіями старины, несмотря на то, что уже со времени основанія Троицкаго Сергіева монастыря все болѣе и болѣе забирала она нравственно-религіозное вліяніе на сѣверо-востокѣ, чрезъ посредство многочисленныхъ выходцевъ изъ этого монастыря, строившихъ себѣ обители по разнымъ мѣстамъ, и вмѣстѣ съ собою разносившихъ славу о новыхъ московскихъ святыняхъ. Отбирание монастырей отъ удѣльныхъ князей и присоединеніе ихъ къ Москвѣ болѣе и болѣе усиливало ея нравственное вліяніе. Но чѣмъ болѣе мы поднимаемся отъ XVI вѣка въ старину, тѣмъ яснѣе и рѣзче обозначаются передъ нами мѣстныя особенности въ развитіи нашей литературы, по городамъ и областямъ. Уже самое существованіе житейниковъ и мѣстныхъ сборниковъ—Кіево-Печерскаго, Новгородскаго, Владимірскаго, Муромскаго, Ростовскаго и другихъ,—убѣждаетъ насъ, слѣдую преданіямъ нашихъ предковъ, излагать исторію древне-русской литературы по областямъ, по мѣстностямъ“ („Истор. оч.“, II, 108—109). Мѣстныя сказанія одновременно и разомъ возникаютъ въ различныхъ пунктахъ древней Руси — Кіевѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и т. д. Сказанія главнымъ образомъ, если не исключительно, сосредоточиваются вокругъ мѣстныхъ святынь. Мѣстныя древне-русскія сказанія — чаще всего сказанія о мѣстныхъ подвижникахъ, житія мѣстныхъ святыхъ, сказанія о чудесахъ, сказанія о мѣстныхъ церквяхъ, иконахъ и т. п. Областной характеръ этихъ нашихъ древнихъ сказаній хорошо сознается авторомъ извѣстнаго агіографическаго труда, явившагося у насъ въ XVIII вѣкѣ — *Книги глаголемой о Россійскихъ святыяхъ, гдѣ въ коемъ градѣ, или области, или въ монастырѣ, или въ пустыни поживетъ и чудеса сотвори, всякаго чина святыяхъ*. Согласно развитію древне-русской литературы, книга расположена по мѣстностямъ, городамъ и областямъ... Также, по городамъ и областямъ, располагаются изображенія русскихъ святыхъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ *Подлинниковъ*.

Какъ справедливо указывалъ уже Буслаевъ,—культурное развитіе до XV вѣка, а можетъ быть, и нѣсколько позднѣе, въ Новгородѣ

стояло гораздо выше, чѣмъ какое было въ это время въ Москвѣ. И въ XV и въ XVI вѣкахъ на Москвѣ мы видимъ довольно замѣтныя вліянія болѣе высокой новгородской умственной жизни... „Москва не только въ XIV. но даже въ XV вѣкѣ, въ отношеніи литературномъ, несравненно ниже стояла Кіева или Новгорода XII столѣтія... Въ Новгородѣ, Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ просвѣщеніе „не только не пало въ XIV вѣкѣ, но быстро шло впередъ и даже распространилось въ массахъ, чему свидѣтельствомъ служить зарожденіе духа пытливости и критики“... Въ сферѣ искусства западная новизна появляется въ Новгородѣ съ XV вѣка. Уже въ концѣ XV вѣка въ Новгородѣ ходятъ по рукамъ старопечатныя латинскія изданія. Новгородскій архіепископъ Геннадій (умеръ 1506) и его помощники, при составленіи своего библейскаго кодекса, пользуются Вульгатой и нѣмецкою библіей. Около Геннадія мы видимъ кружокъ дѣятельныхъ образованныхъ людей, знакомыхъ и съ западною жизнью и съ литературой, — какъ напримѣръ извѣстный Дмитрій Герасимовъ. Лучшие люди временъ Ивана Васильевича Грознаго, Сильвестръ и Макарій, — обязаны своимъ образованіемъ Новгороду. Здѣсь же, въ Новгородѣ въ половинѣ XVI и началѣ XVI вѣка впервые съ небывалою дотолѣ ревностью начинается обрабатываться и литература *мѣстныхъ легендъ, сказаній*, имѣвшихъ для Новгорода особое мѣстно-національное значеніе. Со второй половины XV вѣка въ Новгородѣ обнаруживается замѣтное стремленіе вызвать въ памяти, собрать воедино мѣстныя преданія, старую славу „великаго Новгорода“, — какъ бы для того, чтобы противопоставить это умственное, духовное богатство притязаніямъ Москвы, еще бѣдной такою духовною жизнью... Такovy новгородско-патріотическіе литературные труды и заботы новгородскихъ архіепископовъ Евфимія (1430—1458) и Іоны (1458—1471). Литературная дѣятельность серба Пахомія Логофета, вызваннаго въ Новгородѣ архіепископомъ Іоною, — посвящена главнымъ образомъ закрѣпленію священныхъ преданій Новгорода. Кромѣ сказаній о *Варлаамѣ Хутынскомъ и о чудесахъ* отъ его мощей, *житія новгородскаго угодника Саввы Вишерскаго* (ум. 1461), *житія новгородскаго архіепископа Евфимія*. — Пахоміемъ составляются два канона иконъ *Знаменія Пресвятой Богородицы*, — конечно, „потому, что съ этимъ знаменіемъ, или чудомъ, новгородцы соединяли память о самой блистательной эпохѣ въ своей исторіи изъ временъ архіепископа Іоанна“... Нѣкоторыя изъ Сказаній о чудесахъ преподобнаго Варлаамія Хутынскаго ярко рисуютъ тяжелыя времена, пере-

живавшіяся новгородцами въ концѣ XV—началѣ XVI вѣка, вслѣдъ за окончательнымъ подчиненіемъ ихъ свободы Москвѣ. Однимъ изъ наиболѣ раннихъ новгородскихъ сказаній, хорошо рисующимъ политическія отношенія Новгорода къ Москвѣ, является *Повѣствованіе объ осадѣ Новгорода и о знаменіи отъ иконы Богородицы*. Сказаніе имѣетъ своимъ предметомъ событіе 1169 — 1170 года. Чрезвычайно интереснымъ по содержанию — и въ отношеніи непосредственно литературномъ и въ отношеніи къ исторіи древне-русскаго искусства—является новгородское *Сказаніе о Щиловѣ монастырѣ въ великомъ Новгородѣ*. Въ *сказаніи о новгородскомъ архіепископѣ Моисей* выражается рѣзкій протестъ Новгорода противъ Москвы,—равно съ другой стороны и презрѣніе послѣдней къ новгородскимъ преданіямъ и святынямъ: великій новгородскій святитель для епископа-москвича является „смердяимъ сыномъ“... Тотъ же протестъ Новгорода противъ московскихъ притязаній скрывается въ *Сказаніи о чудѣ отъ мощей Варлаама Хутынскаго*... Глубокимъ мѣстно-новгородскимъ элементомъ проникнуто превосходное *Сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Ионѣ*. Составленное въ Новгородѣ, сказаніе „отличается мѣстнымъ національнымъ колоритомъ и по множеству подробностей столь же важно для исторіи гражданской и церковной, какъ и для исторіи литературы“... Около этого же времени, конца XV — первыхъ лѣтъ XVI вѣка, является извѣстная *Повѣсть о новгородскомъ блгоумѣ клобукѣ*, имѣвшая цѣлью указать духовное преимущество Новгорода надъ покорившею его Москвой... Ту же цѣль преслѣдуетъ начавшая распространяться въ это же время новгородская *Повѣсть о Тихвинской иконѣ Богоматери*. Къ циклу новгородскихъ сказаній тѣсно примыкаетъ *Соловецкій Патерикъ*, составленный въ концѣ XV — началѣ XVI вѣковъ, при участіи новгородскаго архіепископа Геннадія. Этотъ Патерикъ, или собственно Житіе Зосима и Савватія,—„предлагаетъ намъ любопытныя поэтическія подробности о паденіи новгородской старины, облекая разказъ объ этомъ событіи обаяніемъ чудеснаго видѣнія, которое вызываетъ передъ нами не туманные призраки мистическаго воображенія, а жизненные интересы эпохи, ея симпатіи и антипатіи. Зосима Соловецкій (ум. 1478) уже стоялъ за Москву и былъ противъ Марѣы, посадницы новгородской... Старина новгородская, съ ея вѣковыми преданіями, и грозная Москва, вооруженная татарскими силами, притѣсненія пустынному монастырю на далекомъ островѣ отъ окрестныхъ жителей и предприимчивость благочестиваго подвижника, который неволью сталъ прорицателемъ вели-

маго переворота въ землѣ русской—вотъ тѣ чувствительныя струны, которыхъ такъ ловко касается это сказаніе, возникшее въ смутныхъ перепутанныхъ условіяхъ дѣйствительности, и возведшее эту дѣйствительность до идеала, подчинивъ ее вѣщему видѣнію и прорицанію Соловецкаго пришельца“...

Два сборника разсматриваемаго собранія № 27 и № 28, оба XVII вѣка, являются особенно драгоцѣнными въ отношеніи къ этой литературѣ мѣстныхъ новгородскихъ сказаній и легендъ, развивающихся у насъ въ періодъ XIV—XV вѣковъ. Оба сборника, очень близкіе по содержанію, представляютъ собой цѣлый цикл мѣстныхъ легендъ, сказаній, житій святыхъ, сказаній о чудесахъ и т. п., сосредоточивающихся около Новгорода. Сборники заключаютъ въ себѣ почти всѣ названныя сейчасъ произведенія нашей новгородской литературы XV—началъ XVI вѣковъ и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ.

Съ конца XV — половины XVI вѣка подобныя мѣстныя сказанія начинаютъ группироваться и около Москвы. Въ центрѣ этихъ московскихъ сказаній XVI—XVII вѣковъ могутъ быть поставлены: *Сказаніе о великихъ князяхъ Владимірскихъ*, *Посланіе о Мономаховомъ сынѣ Спиридона—Саввы*, *Родословецъ великихъ князей русскихъ*, разказъ о мономаховыхъ утваряхъ, цѣлый рядъ пересказовъ этихъ же сказаній въ современныхъ московскихъ лѣтописяхъ и сводахъ, Степенной книгѣ, Синописяѣ и т. п., — тѣсно связанными съ которыми являются читаемыя въ рукописяхъ разсматриваемаго собранія *Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* (Сборн. перв. четв. XVIII вѣка, № 92, л. 233—246; „Кат.“, стр. 295 — 296. Изд. по этому списку въ „Пам. стар. русской литературы“, II, 311—315 и въ „Русскихъ былинахъ старой и новой записи“, стр. 47—53), — *Повѣсть града Вавилона* (Сборникъ перв. четв. XVIII вѣка, № 92, л. 310—318; „Кат.“, 297. По этому списку изданіе въ „Пам. стар. русск. лит.“, II, 391—398) и *Сказаніе о Вавилонскомъ градѣ, како посылалъ царь Ливуѣ, нареченный во св. крещеніи Василій, греческій, досмотрити святыхъ трехъ отроковъ: Ананіи, Азаріи и Мисаила, и взяти у нихъ знаменіе, и досмотрити великаго змія, како обогнулъ кругъ всего града Вавилона* (Сборникъ перв. пол. XVIII вѣка, № 61, л. 446 — 456; въ другой редакціи—Сборникъ нач. XVIII вѣка, № 91, 228—238); „Кат.“, стр. 191—192, 280—281¹⁾)).

¹⁾ Превосходный анализъ сложныхъ отношеній и взаимныхъ историко-литературныхъ связей всего цикла названныхъ сказаній сдѣланъ проф. И. Н. Ждановымъ.

Съ конца XVI — начала XVII вѣка въ московской повѣствовательной литературѣ обнаруживаются первыя нерѣшительныя попытки затронуть въ формѣ неискusstvenнаго повѣствованія, разказа, нѣкоторые общественныя вопросы. Къ этого рода памятникамъ московской литературы принадлежатъ читаемыя въ рукописяхъ разсматриваемаго собранія—извѣстная *Бесѣда и вѣдѣніе преподобныхъ отецъ Сергія и Германа Валаамскаго монастыря начальниковъ* (Сборникъ средины XVIII вѣка, № 49, л. 178 sqq.; „Кат.“, стр. 138; въ послѣднее время памятникъ вполне научнымъ образомъ изданъ въ „Лѣт. занятій Археологической комиссіи“, кн. X, стр. 29 — 32; ср. Буслаева, „Ист. Оч.“, II, 307—308) и любопытное *Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турецкомъ Маиметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія* (Сборникъ средины XVIII вѣка, № 96, л. 3 sqq.; Сборникъ XVIII вѣка, № 75; „Кат.“, стр. 228, 323; изд. Добровольскимъ, — „Уч. Зап. Каз. Унив.“, 1865, I, стр. 21—30, и Поповымъ, „Изборникъ“, стр. 163—167).

Къ области нашей чисто свѣтской сатирической повѣсти XVI — XVII вѣковъ, отчасти еще связанной съ литературою переводною и областью литературы странствующихъ разказовъ, отчасти чисто русскаго происхожденія, — въ рукописяхъ разсматриваемаго собранія относятся:

а) *Судъ Шемьякинъ* — Сборникъ перв. четв. XVIII вѣка, № 92, л. 324 sqq.; „Кат.“, стр. 298. Изд. Буслаевымъ, Истор. Христ., стр. 1443—1446. Спеціальная монографія Сухомлинова: *Повѣсть о судѣ Шемьяки*. (Сборникъ II отд. А. Н., X, С.-Пб., 1873).

б) *Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался леуцъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рыкахъ* — Сборникъ перв. четв. XVIII вѣка, № 92, л. 111 sqq.; „Кат.“, стр. 293. Ср. *Повѣсть сказуемаго Ерша Ершова, сына Щетинника и Ябедника*—Сборникъ перв. четв. XVIII вѣка, № 92, л. 267 sqq.; „Кат.“, стр. 286.

в) *Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею* — Сборникъ, № 92, л. 283 sqq.; „Кат.“, 296.

г) *Челобитная монаховъ Калязина монастыря тверскому архіерею на архимандрита того монастыря* — Сборникъ, № 92, л. 220

смы въ изслѣдованіи: *Повѣсть о Вавилонѣ и Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ*. С.-Пб. 1891 (первоначально въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891; позднѣе переиздано въ книгѣ: *Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы* С.-Пб., 1895, стр. 1—151). Изложеніе научныхъ выводовъ см. у *Пятниа*, — *Вѣстникъ Европы* 1894, январь, стр. 270—288.

sqq.; „Кат.“, 295. Изд. въ „Русск. Архивѣ“, 1873, стр. 1776 — 1782. Ср. Буслаева, Ист. Очерки, I, 516—517. Ровинскаго, Русск. нар. карт., I, 406—409. „Упоминаемый въ челобитной тверской архіепископъ Симеонъ былъ тверскимъ архіереемъ съ 1776 по 1782 гг.; около этого же времени управлялъ Калязинымъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ“. „Кат.“, стр. 295.

д) *Стисокъ съ челобитной* (Нач.: „Господину моему судѣ-свинѣ бѣть челомъ и плачетца и за печь прячетца“...),—Сборникъ № 92, л. 273 sqq.; „Кат.“, 296.

е) *Челобитная къ боярамъ*—Сборникъ, № 92, л. 287 sqq. „Кат.“, 297. Изд. Буслаевымъ, „Ист. Христ.“, стр. 1447—1448.

ж) *Ростисъ о приданомъ* (Нач.: „Въ началѣ восьмиъ дворовъ крестьянскихъ, промежъ лебеда, ни на старой Резани, ни доѣзжая Казани“ и т. д.)—Сборникъ, № 92, л. 275 sqq.; „Кат.“, стр. 296. Ср. Ровинскаго, „Русск. нар. карт., I, 367—371.

з) *Повѣсть о поплъ Савы, о великой ево славъ* (Нач.: „Послушайте міряне и всѣ православныя христіане, что учинилось, великое чудо совершилось надъ глупымъ попомъ“...) — Сборникъ, № 92, л. 302 sqq.; далѣе слѣдуютъ *Тропарь попа Савы, гласъ 6*,—*Сонъ попа Савы, большія славы*,—и *Кондакъ попа Савы*. „Кат.“, стр. 297.

и) *Сказаніе, какъ волка грамотъ учили* (Нач.: „Ты волку молвишь: азъ да буки; а волкъ: козы да бараны“...)—Сборникъ, № 92, л. 304—306; „Кат.“, 297.

і) *Какъ баба діавола обманула* (Нач.: „Баба нѣкая вдова, въ горѣ жила“...)—Сборникъ, № 92, л. 306—310; „Кат.“, стр. 297.

к) *Повѣсть о куръ и о прекрасной лисицъ* (Нач.: „Жилъ чело-ловѣкъ нѣки, жилъ долги вѣки“...)—Сборникъ, № 92, л. 133—144; „Кат.“, 294.

л) *Слово о бражникъ, како внидъ въ рай*, — Сборникъ, № 92, л. 158 — 162; „Кат.“, 294. Изд. въ „Пам. стар. русской литер. II, 477—478.

м) *Повѣсть о Ермъ съ Ѡмой*—Сборникъ, № 92, л. 279—282; „Опис.“, 296.

Начавшая развиваться въ московской литературѣ XVI — XVII вѣковъ свѣтская оригинальная повѣсть около этого времени въ своемъ содержаніи получаетъ значительное подкрѣпленіе между прочимъ съ двухъ сторонъ: со стороны *старыхъ апокрифовъ*, занимавшихъ такое выдающееся мѣсто во всей нашей древней письменности, и—со стороны стоявшей до сихъ поръ совершенно изолированно отъ книжной

литературы *устной безыскусственной народной поэзіи*. Старые апокрифы въ московской литературѣ XVI — XVII вѣковъ, забывая о своемъ прежнемъ, строго церковномъ характерѣ, нерѣдко превращались въ народный разказъ, шутовую повѣсть, сказку. Таковы читаемая въ рукописяхъ разсматриваемаго собранія, сказки-повѣсти: *Сказаніе о потопѣ и о Ноевѣ ковчегѣ и о столбовѣ сотвореніи по потопѣ* (Сборникъ нач. XVIII вѣка, № 92; „Кат.“, стр. 293. Ср. А. О. Бычкова: „Опис. слав. и русск. рук. сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки“, I, стр. 482—483), — *Сказаніе вкратцѣ о Давидѣ пророцѣ, како царствова во Иерусалимѣ и отъ коего роду бысть* (Сборникъ, № 43; рук. XV—XVI вѣковъ, № 44 „Кат.“, стр. 102—106), — *О премудрости Соломона и о прелюбодѣлницѣ жены его, како изведеса отъ Соломона къ кипрскому царю* (Сборникъ XVIII вѣка, № 94; „Кат.“, стр. 319. Ср. акад. Веселовскаго, „Разысканія въ области русск. духов. стиховъ“, III—V, стр. 143—147). — *Повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости* (тамъ же; „Кат.“, стр. 321. Ср. „Пам. стар. русск. лит.“, III, стр. 66), — *Повѣсть царя Давида и сына его Соломона* (Сборникъ, нач. XVIII вѣка, № 92; „Кат.“, стр. 294. Ср. Пам. стар. русск. лит.“, III, 63—70), — *Сказаніе о царѣ Агѣѣ* (Сборникъ, XVIII — нач. XIX вѣковъ, № 97i „Кат.“, стр. 336; ср. Веселовскаго, „Разысканія“ и проч., III—V, стр. 147—150), — *Царя Соломона о плавивихъ женахъ* (Сборникъ пер. пол. XVIII вѣка, № 93; „Кат.“, стр. 306. Ср. „Пам. стр. русск. лит.“, III, 56; „Пам. отреч. русск. лит.“, I, стр. 264—267) и нѣк. др. Одновременно съ этимъ, какъ мы сейчасъ замѣтили, фактическое содержаніе возникающей повѣсти обогащается притокомъ произведеній устной безыскусственной поэзіи. Произведенія устнаго народнаго творчества начинаютъ проникать въ книжную литературу, сюжеты народной поэзіи дѣлаются сюжетами книжныхъ произведеній, перелагаются въ повѣствовательную форму, варьируются и т. п.; одновременно съ тѣмъ, въ книжную литературу входитъ масса народныхъ пословицъ, поговорокъ различныхъ полукнижныхъ полународныхъ притчъ и т. д. Рядомъ съ рукописями Императорской Публичной Библіотеки, собраній Тихонравова, Забѣлина, Ундольскаго (большая часть ихъ издана въ книгѣ Тихонравова и Миллера: „Русскія былины старой и новой записи“. М., 1894), — разсматриваемое собраніе рукописей представляетъ нѣсколько драгоценныхъ подобныхъ произведеній нашей книжной литературы XVI — XVII—начала XVIII вѣковъ. Отмѣтимъ *Былину о Ставрѣ Годиновичѣ*

(Сборникъ перв. четверти XVIII вѣка, № 92; „Кат.“, стр. 293), — *Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ* (тамъ же; „Кат.“, стр. 297—298), — упоминавшееся уже нами *Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* (тотъ же Сборникъ, № 92; „Кат.“, стр. 295). Изъ загадокъ, пословицъ, притчъ, поговорокъ и т. п., встрѣчающихся въ рукописяхъ собранія О. И. Буслаева, отмѣтимъ по „Каталогу“, стр. 3, 41, 97, 195, 195—196, 254, 255, 257, 258, 282, 282, 284, 307, 319, 322.

Любопытную сторону рукописей разсматриваемаго собранія представляютъ имѣющіяся на очень многихъ изъ нихъ *записи* и разныя *помятки* переписчиковъ, а также бывшихъ владѣльцевъ рукописей или даже цѣлаго ряда этихъ владѣльцевъ, и вообще читателей. Эти записи и помятки сполна приводятся составителемъ „Каталога“, — и хорошо рисуютъ передъ нами и образъ древне-русскаго грамотника и вообще судьбы нашей старой книги. Иногда замѣтка на поляхъ рукописи, сдѣланная древнимъ читателемъ, является необыкновенно яркою иллюстраціей быта... Такъ въ одной рукописи, на поляхъ статьи „о злыхъ женахъ“, гдѣ говорится, что злая жена „и ехидна, и скорпія, и похоть несытая и неправдамъ кузнецъ, и грѣхамъ пастухъ, и наконецъ, б... словія гостинница“ и т. д. — противъ этихъ названій рукою какого-то читателя-супруга замѣчено: „Подобное оной заповѣди моя жена Пелагія, во всемъ сходство имѣется“; и въ другомъ мѣстѣ, противъ слова: „скорпія“ — новая отмѣтка: „И сія подобна во всемъ“... Приписки и замѣтки, читаемыя на рукописяхъ разсматриваемаго собранія, довольно разнообразны по своему содержанию. Многія изъ нихъ, принадлежащія переписчикамъ отличаются обычнымъ смиреніемъ и заключаютъ въ себѣ обращеніе къ читателю „не клясти, но исправити“... Нѣкоторыя, помимо этихъ обычныхъ просьбъ о снисхожденіи, выражаютъ взглядъ на обязанности писца, переписчика, набрасываютъ передъ нами вскользь какъ бы современный идеалъ хорошо написанной рукописи; такъ въ одной читаемъ: „Аще кто захочетъ изъ васъ прочести книжицу сію, или переписовати, и аще что обрящете въ ней погрѣшено въ книгѣ сей — въ словесѣхъ или въ рѣчѣхъ, или гдѣ что-либо не усмотрѣвъ, ради посѣшенія пропущено, *рѣчь* или *слово* едино, или *точки*, или *заятыя* или *силы* не поставили, или гдѣ поставили не противъ разуму рѣчи оной, и вы то сами“. Любители иногда сами занимались списываніемъ книгъ, иногда поручали это другимъ; на рукописи № 94 читаемъ въ двухъ мѣстахъ: „Сія книга Ярославскаго *кунца* Михайла

Аеонасьева сына Осминина. Писалъ своеручно...“; „Сія тетрять Ярославскаго купца..., писалъ своеручно“. На рукописи № 73 читается приписка, едва ли не обличающая наемное лицо: „Книга Ондreja Ивановича Загрязскаго, а прежь сего была в *вашихъ* родителей Загрязскихъ“. Иногда приписка писца выражала собою какъ бы дарственную, которою переписанная книга дарилась писцомъ другому лицу; на Сборникѣ № 89 читаемъ: „Марта въ 9 день государей нашихъ именитыхъ людей... Строгоновыхъ человекъ ихъ Гаврилко Гогунинъ *дарилъ тѣми тетрати* Очерскаго горотка стретенскаго попа Василья Фитнева.. Подписалъ Гаврилко Гогунинъ своею рукою. Никому дѣла нѣтъ“, — нѣсколькими же листами выше указывается и самъ писецъ рукописи: „Писалъ Гавря Гогунинъ“. Иногда книгой благословляя; на сборникѣ № 93 читаемъ: „Сія книга государственной вотчинной калегіи канцеляриста Ивана..., а благословилъ ево церкви Преображенія... іерей... на памяновѣннѣ души его“... Иногда приписки выражаютъ настроеніе писца или читателя. заключаютъ въ себѣ размышленія о смерти и вообще суетности міра, или полны лирическаго чувства; такъ на поляхъ одного Синодика (№ 41), при разсматриваніи находящихся въ немъ рисунковъ, читатель дѣлаетъ замѣтку: „Душа моя и тѣло въ руцѣхъ господнихъ; егда добро сотворить на земли, а въ будущей жизни получить сіе неуспешное райское блаженство небеси. О, душе моя! Зри великолѣпной сей *портретъ* (sic) сладчайшаго небеснаго вечнаго блаженства, и берегись злоковарныхъ поступковъ.“... Иногда приписки на книгахъ заключаютъ въ себѣ отиѣтку о какомъ либо семейномъ событіи или вообще о чемъ-либо достойномъ памяти; такъ на рукописи № 71 читаемъ приписку о кончинѣ „баушки Марѣы Евсѣвой“, — и здѣсь же другою рукою, другую замѣтку о томъ, сколько заплачено за „пачпортъ“ въ 1761 и 1762 гг. Или на другой рукописи: „1747 году, октября 20 дня, ехалъ я изъ Москвы нижъ“... (запись обрывается) и т. д. Иногда читатель въ своей припискѣ здѣсь же, на книгѣ, благодаритъ владѣльца рукописи за то, что тотъ одолжилъ ему книгу для прочтенія, „для его надобности“ („Кат.“, стр. 104—105) и т. д. Большинство надписей и приписокъ болѣе серьезны по содержанію, говорятъ вообще о важности чтенія или, въ частности о важности, предлагаемой книги. На рукописи ариметики № 80 читаемъ: „Аще кто хоцетъ сію ариметику изучить, то не леностію и не лестію, но несумненномъ умомъ да навькнетъ, и ниже некто отъ неразумливыхъ и ленивыхъ, лености ради своея, сію многочисленную (sic)

премудрую ариметику презирають, и уподобящися некая птицы, нарицаемая тумана (sic), она бо не хоцеть светлости солнчныя никако зрети; тако презирающия премудрость. На сие апостоль рече: Ищите премудрости и живи будите. Къ тому же и псаломъ рече: Начало премудрости страхъ Господень. Аще ли же кто сию ариметику изучить твердо, то уподобится золотому бисеру. Брате! аще прочитаешъ, недоуменному моему начертанию не презри: отвержень есмь отъ чрева матере моя летъ 20. Написалъ Андрей Тютютинъ. 1772 года декабря".—Любопытны показанія записей относительно *владѣльцевъ рукописей*. Владѣльцами рукописей, находящихся въ разсматриваемомъ собраніи, были люди, принадлежавшіе преимущественно къ низшему классу народа,—помимо духовныхъ лицъ, „купцы“, „купецкіе сыновья“, „мѣщане, посадскіе люди“, крестьяне, государственные крестьяне, „дворовой челоувѣкъ“, „земскихъ делъ подіачей“, „канцелярии духовной дикастеріи копеистъ“, „копеистъ государственной юсть-коллеги“,—въ одномъ случаѣ писцомъ рукописи является „зимогорскаго яму емщикъ“ (см. „Кат.“, стр. 3, 7, 36, 65, 69, 97, 158, 184, 193, 218, 232, 243, 250, 269, 273, 274, 276). Иногда владѣльцами разсматриваемыхъ рукописей были и люди весьма именитые; напримѣръ, на Лечебникѣ № 78 значится: „Сей Лечебникъ князь Александръ князь Михайловъ сынъ Волконской купилъ въ Москвѣ 11 июня 1776 году далъ два рубли 50 коп.“ Приписки послѣдовательныхъ владѣльцевъ иногда указываютъ длинную судьбу, испытанную книгой. Такъ на рукописи № 54 читаемъ слѣдующія помѣтки: „Сія книга страсти... дьячка Ѳедора. . подписалъ онъ, дьячекъ, своею рукою“... Далѣе, новой рукою: „А благословилъ сею (книгою) архимандритъ Варсанофій служителя Михайла“... Далѣе: „Куплена Веси Егонской (sic) мещаниномъ“... Затѣмъ, новою рукою: „Сія книга крестьянина деревни Песья Михайла Ѳедорова. Михайло Ѳедоровъ руку приложилъ“. Наконецъ, на послѣднемъ листѣ: „Сія тетрять... города Веси Егонской истари живущаго въ здешнемъ города купца Василья Фирсанова. А куплена въ скитахъ области богоспасаемая. А естли кто ее возметъ безъ ведома и утайтъ, не буди на немъ Божіе благословеніе“ („Кат.“, стр. 158). Или на другой: „Книга, глаголемая Цетьникъ (sic) скорописной, села Павлова крестьянина...“. Далѣе: „Сія книга Цветникъ села Василева жителя Екима...“, и въ концѣ: „Сей Цвѣтникъ Василья Андреева...“ („Кат.“, стр. 193). Или: „Сія книга пчела хазаина (sic) Кузмы Силанева (sic) кузнеца, посацкаго челоувѣка. Господи Боже, содетелю всея

твари! вразуми мя и научи мя книжнаго писанія. Сямъ увѣмъ твоя хотѣнія, яко да славлю тя во вѣки. Аминь“. Далѣе: „Сія книга Івана Иванова сына кузнеца“. Наконецъ: „Сія Пчела Павла Сергеевича Галактионова“. Книга вообще представляла собою видную наслѣдственную собственность въ семьѣ; на одной рукописи (№ 17) читаемъ: „Сія книга, глаголемая Прологъ, Ивана Ѳедорова сына (фамилія стерта)“...; далѣе: „Переплелъ и обновилъ сію книгу Прологъ *внукъ* его Ѳадѣй Сергѣевъ“... Или, на другой: „Сія книга досталась по наслѣдству дѣдушки Ѳедора Кяриловича“... и т. д.

Почти всѣ рукописи разсматриваемаго собранія—*лицевыя*, то-есть, иллюстрированы рисунками, миниатюрами,—что дѣлаетъ собраніе еще болѣе цѣннымъ.

А. Архангельскій.

Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпуски I—IV. Составилъ академикъ В. В. Суслловъ. С.-Петербургъ. 1895—98. In fol.

Императорская Академія Художествъ, заботясь о сохраненіи и изученіи памятниковъ отечественной старины, съ двадцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія, начала посылать наиболѣе талантливыхъ своихъ воспитанниковъ — архитекторовъ въ различныя губерніи Россіи для собиранія древностей и воспроизведенія въ рисункахъ выдающихся древнихъ памятниковъ искусства. Съ теченіемъ времени составилось обширное собраніе рисунковъ: Рихтера, Горностаева, Мартынова, Даля, Леонова, Веселовскаго, Павлинова, Сусллова, Соловьева, Преображенскаго, Авдѣева, — всего 800 листовъ слишкомъ, не считая альбомныхъ рисунковъ. Только незначительная часть этого богатаго матеріала была опубликована до сихъ поръ, отчасти въ періодическихъ изданіяхъ (*Зодчій*, Труды археологическихъ съѣздовъ), отчасти въ отдѣльныхъ трудахъ В. В. Сусллова (Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, С.-Пб. 1889 и др.), М. Т. Преображенскаго (Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи, С.-Пб. 1891), покойнаго А. М. Павлинова (Исторія русской архитектуры, М. 1894).

Идя на встрѣчу пробуждающемуся все болѣе и болѣе въ нашемъ обществѣ интересу къ отечественной архитектурѣ и желая сдѣлать доступнымъ для большинства хранящейся въ академическихъ собра-

ніяхъ обширный художественно-археологическій матеріалъ, Академія Художествъ предприняла, съ 1895 года, капитальное изданіе „Памятниковъ древняго русскаго зодчества“. Въ это изданіе, выходящее въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, должны войти: каменные и деревянные церковныя сооруженія и частныя постройки, стѣнная церковная иконопись, орнаментальная роспись, раскраски изразцовъ и архитектурныхъ частей зданій. До сего времени вышло четыре выпуска „Памятниковъ“ подѣ непосредственнымъ руководствомъ академика В. В. Сулова, всего 70 листовъ (26+14+15+15), съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ, касающимся лишь фактическихъ свѣдѣній объ издаваемыхъ памятникахъ.

Всѣ изданные до сихъ поръ памятники могутъ быть распредѣлены на двѣ главныя группы: постройки *каменные* и *деревянные*. Къ числу каменныхъ построекъ относятся: I. *Церковныя* постройки: 1) Церковь Казанской Божіей Матери въ селѣ Марковѣ, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда, средины XVII в. (вып. I, листы 1—7), относящаяся, по своему плану, по конструктивнымъ и художественнымъ формамъ, къ эпохѣ полного расцвѣта самобытнаго русскаго зодчества. 2) Церковь Преображенія Господня въ селѣ Вяземахъ, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, XVII в. (II, 1—3). 3) Церковь Воскресенія Христова въ Ростовѣ, XVII в. (II, 6—11, III. 4. IV, 10). 4) Церковь св. Троицы въ Кіево-Печерской лаврѣ (III, 1), основанная, въ 1106 году, черниговскимъ княземъ Николаемъ Давидовичемъ Святошею, возобновленная иждивеніемъ Мазепы и въ настоящее время, вслѣдствіе наружной архитектурной переработки, потерявшая свой первоначальный видъ; авторъ издаваемыхъ рисунковъ, М. Т. Преображенскій, снялъ всѣ общіе и детальныя размѣры церкви и представилъ проектъ ея реставраціи въ первоначальномъ видѣ. 5) Церковь Рождества Пресвятой Богородицы въ Суздальѣ (III, 2. 3. 5. IV, 9), построенная въ 1222 г. и перестроенная въ 1528 г., по повелѣнію великаго князя Василя Ивановича. 6) Церковь св. Петра митрополита въ Переяславлѣ Залѣскомъ, XVI в. (III, 6). 7) Церковь свв. Зосима и Саватія, въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, 1635—37 гг. (III, 7). 8) Входъ въ церковь Благовѣщенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, близъ Ростова, и детали оконъ церкви Спаса Нерукотвореннаго въ Балахнѣ и церкви свв. Космы и Даміана въ Москвѣ, XVII в. (III, 8. 15). 9) Детали Свято-Троицкаго собора въ Соликамскѣ, конца XVII в. (III, 9). 10) Детали Троицкаго собора въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ въ Александровѣ, Владимірской губерніи, временъ

Іоанна Грознаго (IV, 4). 11) Церковь св. Троицы и Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ изъ эпохи Алексѣя Михайловича (IV, 5—8). 12) Часовня Никитскаго мужскаго монастыря близъ Переяслава Залѣскаго, XVII в., теперь разрушенная, но за два года до разрушенія, по счастью, изслѣдованная В. В. Суслowymъ (I, 8). 13) Часовня Феодоровскаго монастыря близъ Переяслава Залѣскаго, XVII в. (III, 10). 14) Колокольная церкви св. Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ, въ Ярославлѣ, XVII в. (I, 9. 10). 15) Колокольная церкви св. Николая Чудотворца, что въ Пыжахъ, въ Москвѣ, XVII в. (I, 11). 16) Колокольная церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ, XVII в. (II, 4. 5). 17) Колокольная въ Спасо-Евѣиміевскомъ монастырѣ въ Суздаль, XVII в. (III, 11). 18) Колокольная въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ въ Александровѣ, Владимірской губерніи, эпохи Іоанна Грознаго (IV, 2. 3). 19) Св. ворота въ монастырѣ „Ризы Господней“ въ Суздаль, XVII в. (I, 12).

II. *Военныя* сооруженія. „Гербовыя“ ворота въ Московскомъ Кремлѣ XVII в., нынѣ не существующія (IV, 1).

III. *Частныя* постройки: 1) Домъ Зелейщикова въ Чебоксарахъ, конца XVII в. (I, 19). 2) Келья въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ въ Александровѣ, Владимірской губерніи, и галерея при кладовыхъ въ Прилуцкомъ монастырѣ, близъ Вологды, XVII в. (II, 14). 3) Два каменные строения въ Чебоксарахъ и три дома въ Гороховцѣ, Владимірской губерніи, конца XVII—начала XVIII в. (III, 14. IV, 14).

Изданныя въ „Памятникахъ“ *деревянныя* постройки распадаются на слѣдующіе отдѣлы.

I. *Церкви и колокольни*: 1) Церковь Воскресенія Лазаря въ Муромскомъ монастырѣ, Олонецкой губерніи, Пудожскаго уѣзда, XVI в. (I, 13). 2) Церковь св. Параскевы, въ селѣ Шуѣ, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, XVII в. (I, 14. 15). 3) Церковь св. Троицы въ посадѣ Уна, Архангельской губерніи, XVII в. (I, 16. 17). 4) Церковь Успенія Божіей Матери въ селѣ Черевковѣ, Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда, XVII в. (II, 12. 13). 5) Церковь Успенія Божіей Матери, въ Кеми, Архангельской губ., начала XVIII в. (III, 12. 13). 6) Церковь Вознесенія Господня въ селѣ Кутерѣцкомъ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда, 1668 г. (IV, 13). 7) Колокольная въ Нижне-Уфтюгскомъ погостѣ, Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда и 8) Колокольная въ селѣ Унежмѣ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда, XVII в. (I, 18).

II. *Частныя* постройки: 1) Изба Вологодской губ.. Кадниковскаго

уѣзда, въ селѣ Воробьевскомъ (I, 20, 21). 2) Части жилыхъ строеній въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ (IV, 15).

Къ особой группѣ могутъ быть отнесены слѣдующіе памятники: 1) Желѣзные двери въ башнѣ Макарьевского монастыря, Нижегородской губ., и въ церкви св. Николая Нижняго въ Казани, XVII в. (I, 22). 2) Деревянный порталъ въ церкви свв. Константина и Елены въ Заборьѣ, Вологодской губ., и киотъ въ Успенскомъ соборѣ въ Кемі, XVII в. (I, 23). 3) Части панели и галлерей въ церкви Николая Мокраго въ Ярославлѣ, XVII в. (I, 24). 4) Царское мѣсто въ той же церкви (I, 25. 26). 5) Детали карниза въ церкви св. Григорія Неокесарійскаго, въ Москвѣ, окно церкви апп. Петра и Павла въ Ярославлѣ, окно и карнизъ церкви св. Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ, отдѣльные изразцы церкви Благовѣщенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, близъ Ростова, XVII в. (III, 15).

Изъ этого краткаго перечня содержанія появившихся 4-хъ выпусковъ „Памятниковъ древняго русскаго зодчества“ ясно видно, какой богатый, какой важный и разнообразный матеріалъ въ нихъ заключается. Какъ справедливо замѣтилъ Н. В. Султановъ, „самый существенный интересъ въ изданіи представляется, конечно, для современныхъ архитекторовъ“, и „въ виду того серьезнаго интереса, который обнаруживается къ русскому стилю въ новыхъ сооруженіяхъ, изданіе Академіи Художествъ должно стать настольною книгой архитектора и художника въ его мастерской“. Не менѣе важное, однако, значеніе имѣетъ рассматриваемое изданіе и для русской археологической науки: оно, мало-по-малу, подготовитъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи русской архитектуры, являясь „наглядною лѣтописью художественной дѣятельности нашихъ предковъ“. Наконецъ, изданіе памятниковъ древняго русскаго искусства сослужитъ не малую пользу и въ чисто-практическомъ отношеніи—при реставраціи памятниковъ. Имѣя въ рукахъ такое пособіе, реставраторъ найдетъ для себя въ немъ вполне надежный источникъ вдохновенія.

Сопровождающій изданіе памятниковъ пояснительный текстъ, составленный В. В. Сусловымъ, освѣщаетъ ихъ, какъ съ художественно-конструктивной и технической сторонъ, такъ и въ отношеніи историческомъ. Несмотря на свою относительную краткость, текстъ этотъ содержитъ въ себѣ съ любовью собранныя всѣ извѣстныя историческія данныя о томъ и о другомъ памятникѣ, и для будущаго историка русской архитектуры текстъ этотъ на-много облегчитъ работу, избавивъ его отъ необходимости производить отдѣльныя разысканія въ

историческихъ документахъ и дѣлать справки въ тѣхъ или другихъ, иной разъ мало извѣстныхъ и трудно доступныхъ, пособіяхъ.

Внѣшняя сторона изданія прямо-таки великолѣпна. Памятники съ окраской изданы хромолитографіей, остальные памятники исполнены геліографіей; сверхъ того и въ текстѣ не мало рисунковъ.

С. Жебелевъ.

Книжныя новости.

Кв. Гораций Флакъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями. П. Порфирова С.-Пб. 1898.—Эта небольшая книга (меньше 4 печатныхъ листовъ) представляетъ очень пріятное явленіе среди другихъ переводныхъ книгъ. Горацию вообще мало счастливилось въ нашей поэзіи. Хотя г. Порфировъ и замѣчаетъ, что „Пушкинъ любилъ Горациа“, но очень осторожно не упоминаетъ о томъ, насколько Пушкинъ Горациа понималъ; на односторонность же взгляда Батюшкова переводчикъ нашъ прямо указываетъ. Переводъ Фета не сдѣлался классическимъ, какъ вообще ни одинъ изъ его переводовъ, благодаря по моему, главнымъ образомъ, особымъ переводческимъ принципамъ нашего даровитаго поэта: онъ не переводилъ, онъ *калькировалъ* чужія поэтическія произведенія. Г. Порфировъ не старался, во чтобы то ни стало, сбросить размѣръ подлинника, что слѣдуетъ признать весьма благоразумнымъ, такъ какъ художественность выражается въ различныхъ ритмическихъ формахъ, въ зависимости отъ языка произведенія; даггги хотя бы стихотвореній Некрасова звучатъ несомнѣнно иначе, чѣмъ они звучали въ гекзаметрѣ у Гомера. Удачнымъ слѣдуетъ назвать, по моему, въ книгѣ г. Порфирова переводъ слѣдующихъ одъ: IV, XX, XXII, XXIII; особенно хорошо переведена послѣдняя. Синтаксисъ у г. Порфирова страдаетъ сравнительно очень мало, и если онъ не создаетъ новыхъ словъ или семемъ, то зато не злоупотребляетъ и высокими архаическими реченіями. Примѣчанія составлены толково и рассчитаны на людей совершенно чуждыхъ классическому міру: такъ, напримѣръ, разъясняется даже, кто былъ легендарнымъ отцомъ Ромула и Рема. Относительно версификаціи я бы упрекнулъ г. Порфирова, во-первыхъ, въ нѣкоторомъ злоупотребленіи шестистопнымъ ямбомъ: это зачастую лишаетъ стихъ Горациа его подвижной гибкости: такъ 8-я ода I кн. *Ludia dic per omnes* почти сплошь передана важнымъ александрийскимъ стихомъ. Во-вторыхъ, г. Порфирову надо бы избѣгать строкъ въ родѣ слѣдующей: О, дочь, прекраснѣйшая матери прекрасной (I, XVI, 1)—въ этой строкѣ нѣтъ никакого ритма.

Записки Петра Кононовича Менькова. Въ трехъ томахъ: т. I. Дунай и нѣмцы (восточный вопросъ 1853—1855 г.), т. II. Дневникъ и т. III. Сборникъ статей. Изданіе *Березовскаго*. С.-Пб. 1898.—Лежащія предъ нами три тома „Записокъ“ П. К. Менькова, какъ по содержанію, такъ и по изложенію предста-

являютъ интересъ и въ историческомъ и общественномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что они захватываютъ продолжительную эпоху отъ 1831 г. до конца 1870-хъ гг. и что авторъ ихъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ многихъ важнѣйшихъ событий. Начинается первый томъ біографіей автора „Записокъ“, составленную А. Заюнчковскимъ; вслѣдъ за ней тотъ же авторъ въ „предисловіи“ объясняетъ происхождение „Записокъ“. Последнія составлялись П. К. Меньковымъ въ продолженіе всей его службы, хранились по смерти его въ Севастопольскомъ музеѣ, который и поручилъ въ 1895 г. разсмотрѣніе и изданіе ихъ г. Заюнчковскому. Изъ всѣхъ „Записокъ“ г. Заюнчковскій нашелъ приготовленными Меньковымъ къ печати „Дунай и нѣмцы. Восточный вопросъ въ 1853—1855 г.“, что и составило I т. „Записокъ“. Въ 1853—1855 г. Меньковъ состоялъ при главной квартирѣ князя Горчакова и велъ журналъ военныхъ дѣйствій; въ то же время онъ составлялъ свои собственные записки или „правдивыя сказанія“, которыми хотѣлъ „обличить ошибки предковъ, открыть глаза на природенныя намъ недостатки“... Хотя въ этихъ „Сказаніяхъ“ мало новаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго, но довольно интересны характеристики нѣкоторыхъ дѣятелей — военачальниковъ, указаніе на господство въ войскахъ вѣщевъ и крайнюю неспособность нѣкоторыхъ изъ нихъ; затѣмъ, въ нихъ ярко отмѣчается наша отсталость отъ культуры западной и заблужденія тогдашняго нашего высшаго правительства относительно внѣшняго могущества. Наконецъ, остроумный, мѣстами злой, языкъ дѣлаютъ еще болѣе интереснымъ чтеніе „Записокъ“. Здѣсь встаетъ замѣтить, что часть ихъ, напечатанная въ 1858 г. въ Лейпцигѣ, безъ разрѣшенія автора, повлекла за собой для П. К. Менькова непріятныя послѣдствія. Послѣ послѣдней четвертой части „Записокъ“ приложено: дополненіе къ перепискѣ князя М. Д. Горчакова съ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ во время Крымской войны; стихотворенія, относящіяся къ севастопольской эпохѣ и нѣкоторыя другія мелкія записки и стихотворенія. Второй томъ — „Дневникъ“ П. К. Менькова, составленный изъ отдѣльныхъ короткихъ замѣтокъ, къ которымъ присоединены копии нѣкоторыхъ писемъ и бумагъ. Начинаются эти замѣтки съ 1833 г. и представляютъ наибольшій интересъ при описаніи мыслей и впечатлѣній по поводу венгерской компаніи, въ которой участвовалъ авторъ, по поводу мѣръ по освобожденію крестьянъ, объ общественномъ настроеніи того времени, о столкновеніи съ цензурой и другихъ затрудненіяхъ при изданіи „Военнаго Сборника“, котораго Меньковъ былъ сдѣланъ главнымъ редакторомъ въ 1859 г., о военномъ министрѣ Н. О. Сухозанетѣ, о дѣятельности гр. Д. А. Милютина, и проч. Къ „Дневнику“ приложены: „программа военной исторіи Малороссіи“, которую когда-то хотѣлъ составлять П. К. Меньковъ, и „Всеподданнѣйшая докладная записка о смотрахъ 3-го и 4-го корпусовъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ 14-го августа 1851 г.“. Наконецъ въ третій томъ вошли: Краткій журналъ графа К. Ѳ. Толя о пребываніи его въ арміи во время польской войны 1831 г.; Очерки польской кампаніи князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго (то и другое было уже напечатано въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1859 г., т. I 1867 г., т. II); Біографія. Фрейтага, составленная Меньковымъ; Отрывокъ изъ путешествія по Петербургу (статья эта, составленная Меньковымъ еще въ 1859 г., по поводу ходившихъ въ городѣ толковъ на

счетъ пожалованія солдатамъ послѣ крещенскаго парада по 25 коп. вмѣсто прежняго рубля, была тогда признана „неудобною“ къ печатанію); Севастопольскія рѣчи Менькова; Киргизскія степи (здѣсь помѣщено содержаніе письма къ Менькову одного изъ членовъ киргизской „комисси“ А. К. Гейса, въ которыхъ описывается довольно подробно и область распространенія киргизовъ и ихъ современная жизнь и управленіе); Матеріалы, относящіяся къ венгерской войнѣ 1849 г. (хотя они принадлежатъ перу П. К. Менькова, но какъ исправленные и дополнены княземъ Варшавскимъ, служатъ выраженіемъ взгляда на эту компанію исключительно самого князя Варшавскаго; кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ не появлялись еще въ печати, и между прочимъ довольно подробно рисуютъ отношенія между графомъ Бергомъ и княземъ Варшавскимъ), и Матеріалы къ польскому возстанію 1863—1864 г. Въ нихъ вошли письма А. К. Гейса и Н. О. Козлянинова къ П. К. Менькову, наиболѣе характерно, по мнѣнію г. Заюнчковскаго, рисующія положеніе дѣлъ въ краѣ и личные взгляды на возстаніе ихъ авторовъ.

DIE ZAHL IM KRIEGE. Statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte in graphischer Darstellung von Otto Berni, K. u. H. Hauptmann im Generalstats-Corps. Wien. 1897.—Въ изданіи этомъ въ началѣ графически изображено число военныхъ и мирныхъ годовъ для каждаго государства Европы за 95 л. XIX столѣтія, при чемъ оказывается по расчету автора—(въ собраніе приняты лишь войны въ Европѣ), что Россія вела войны въ теченіе 24 л., Франція въ теченіе 27, Германія—13, Пруссія—12, Австро-Венгрія—17, Англія—21, Турція—37, Испанія—31 и т. д.; изъ всѣхъ государствъ, существующихъ съ начала XIX вѣка, Данія вела войнъ наименьшее число лѣтъ, именно всего 9. Затѣмъ на таблицахъ же изображено, сколько въ какой годъ европейскихъ государствъ находилось въ войнѣ, сколько въ мирѣ; по расчету автора видно, что въ 1813 г. воевала вся Европа; затѣмъ по количеству участниковъ въ войнѣ годы распределяются такъ: 1812, 1807 и 1809, 1805 и 1809 (по 9-ти и болѣе) 1806, 1810 и 1811 (по 8-ми), 1801, 1843, 1849, 1897 (по 6-ти) и т. д. Таблицы 18—64 содержатъ графически выраженные данныя о числѣ войскъ, дѣйствовавшихъ съ той и другой стороны во всѣхъ войнахъ XIX вѣка и въ отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ сраженіяхъ и осадахъ, съ показаніемъ потерь каждой стороны убитыми и ранеными; таблицы 67—69 являются къ нимъ дополненіемъ, показывая точныя цифры убитыхъ и раненыхъ, процентное отношеніе потерь нижними чинами и офицерами. Нѣкоторыя свѣдѣнія о войнахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали русскіе, нѣсколько отступаютъ отъ общераспространенныхъ у насъ; не рѣшаемся высказаться за ту или другую цифру,—для рѣшенія разногласія нужны, конечно, спеціальныя изслѣдованія. Далѣе рассмотрѣны продолжительность значительнѣйшихъ войнъ и размѣры театра военныхъ дѣйствій: на 15-ти картахъ нанесены схематически пути армій, и присоединено самое краткое обзорѣніе хода войны. Въ заключеніе на 50-ти страничкахъ въ связномъ изложеніи повторены всѣ тѣ данныя, которыя находятся въ раньше указанныхъ таблицахъ. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что его цѣль—распространить правильныя понятія о самой сущности войны и содѣйствовать разъясненію неправильныхъ мнѣній о прошломъ и будущемъ войны. Онъ придерживается

взгляда, безспорно правильнаго, что численность и вообще вѣдѣнная матеріальная сила не играетъ на войнѣ рѣшающей роли, но что важнѣйшее значеніе имѣетъ психическій элементъ. Мы не имѣемъ нисколько въ виду разсматривать эти взгляды автора по существу, ни даже касаться вообще этихъ вопросовъ самихъ по себѣ—мы отмѣчаемъ только эту книгу, какъ нелишнее и не безынтересное пособие для занимающихся исторіей; свѣдѣнія того рода, какія собраны въ этой книгѣ, нерѣдко бываютъ необходимы и не специально-военному историку, и разсматриваемое изданіе ихъ представляетъ въ достаточной полнотѣ и съ достаточною, вообще говоря, точностью.

Въ теченіе апрѣлѣ мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Кайтеревъ, Н.* Сношенія иерусалимскихъ патриарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844). (Православный палестинскій сборникъ. Томъ XV. Выпускъ I). (Продолженіе). Изданіе Императорскаго палестинскаго общества). С.-Пб. 1898.

— *Сперанскій, Николай.* Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. М. 1898.

— *Шумиловскій, Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. (1758—1839). (Очеркъ изъ исторіи императора Павла). С.-Пб. 1898.

— *Г. К.*—Памяти Александра Сергѣевича Князева. Одесса. 1898.

— На память о протоіереевѣ Михаилѣ Сергѣевичѣ Князевѣ. С.-Пб. 1897.

— Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министра иностранныхъ дѣлъ составилъ *Ф. Мартенсъ*, непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ. Томъ XII. Трактаты съ Англіею. 1832—1895. С.-Пб. 1898.

— *Покровский, Н. В.*—Сійскій иконописный подлинникъ. Выпуски III и IV. С.-Пб. 1897. (Памятники древней письменности СХХII и СХХVI).

— *Волковъ, Н. В.*—Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель. С.-Пб. 1897. (То-же, СХХIII).

— *Сперанскій, М. Н.*—Памяти Ф. И. Буслаева. Рѣчь, прочтенная въ заведеніи Императорскаго общества любителей древней письменности 28-го ноября 1897 г. С.-Пб. 1-92. (То-же, СХХV)

— *Пылинъ, А. Н.*—Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсень. С.-Пб. 1898. (Тоже, СХХVII)

— Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1896—1897 году съ приложеніемъ денежнаго отчета и бюджета. С.-Пб. 1897. (Тоже, СХХIV).

— Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Шилкина въ Воронежѣ и отдѣленія въ городѣ Бобровѣ за 1897 годъ. 34-й годъ существованія. Воронежъ. 1898.

— Отчетъ о состояніи Саратовской городской публичной библіотеки въ 1897 году. 66-й годъ существованія. Саратовъ. 1898.

— Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки. (26-го сентября 1886 г.—26-го сентября 1896 г.). Харьковъ. 1898.

— Отчетъ Кишиневской городской общественной библіотеки за 1897 годъ. Кишиневъ. 1898.

— Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда имени Императора Александра III къ январю 1898 г. С.-Пб. 1898.

— Уставъ общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Витевской губерніи. Витебскъ. 1897.

— Открытіе общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Витевской губерніи. Витебскъ. 1898.

— Положеніе народнаго образованія въ Саратовской губерніи за время существованія въ ней земскихъ учрежденій за 1895 г. (1868—1895). Вып. II. Петровскій уѣздъ. (Труды комиссіи по народному образованію).

— Сообщенія Императорскаго православнаго палестинскаго общества. Томъ VIII. Приложенія. С.-Пб. 1898.

— *Хитрово, В. Н.* Русскіе паломники Святой Земли. (Чтенія о Святой Землѣ. Изданіе Императорскаго православнаго палестинскаго общества. Чтенія 41 и 44). С.-Пб. 1898.

— *Шумаковъ, Сергій.* МАТЕРІАЛЫ для исторіи Рязанскаго края. Вып. I. Обзоръ рязанскихъ актовъ. 1356—1757 гг. Рязань. 1898.

— *Сельчиковъ, К. И.* Рѣшеніе философскаго вопроса о достовѣрности существованія въ насъ души и тѣла. Самостоятельное философское изслѣдованіе. Сарануль. 1897. 19°. 79 стр.

— *Сельчиковъ, К. И.* О Богѣ и о протяженныхъ сущностяхъ. Самостоятельное философское изслѣдованіе. Сарануль. 1898. 16°. 114.

— *Новодумъ, Н.*, докторъ. Новый международный языкъ. „Прометей—Просвѣтитель“. Выпускъ первый. Кіевъ. 1896. 16 стр.

— *Гурицъ, Евгений*, докторъ. Новый международный языкъ. „Прометей—Просвѣтитель“. Выпускъ второй. Кіевъ. 1898. 20 стр.

— *Гурицъ, Евгений*, докторъ. Новый способъ и новыя задачи скорого и легкаго изученія иностранныхъ языковъ. Выпускъ первый. Изученіе словъ и словаря. Кіевъ. 1898. 26 стр.

— *Piekońński, Fr.* Rycerstwo Polskie wieków średnich. Tom. I. O dynastycznym szlachte polskiej pochodzeniu. Wydanie drugie poprawione. W Krakowie. 1896. Tom. II, obejmuje dwanaście pierwszych pocoleń rycerstwa polskiego wieków średnich. W Krakowie. 1896.

— Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom. XI. Ogólnego zbioru tom trzydziesty szósty. W Krakowie. 1897.

— SCRIPTORES REERUM POLONICARUM. Tomus XVI. Continet: *Stanislaw Temberski*. Annales. 1647—1656. W Krakowie. 1897.

— ACTA RECTORALIA ALMAE UNIVERSITATIS STUDII CRACOVENSIS inde ab anno MCCCCLXIX. Editionem curavit Dr. *Wladislaw Wislocki*. Tomi I fasciculus 4 et ultimus. Cracoviae. 1897.

— SITZUNGSEBRICHTE DER GELEHRTEN ESTNISCHEN GESELLSCHAFT. 1897. Jurjew. 1898.

— ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. 1898 годъ. Книга вторая. 185-я. Содержаніе: Акты XIII—XVII вѣковъ, представленныя въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмены мѣстничества. Съ предисловіемъ *А. И. Юшкова*.—Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ.—Очерки по исторіи грузинской словесности. *А. С. Хазанова*.—Смѣсь.

— *C. Iulian*, EXTRAITS DES HISTORIENS FRANÇAIS DU XIX SIÈCLE. Paris, Hachette, 1897.

Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ апрѣльской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ надо исправить слѣдующія опечатки:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Должно читать:
444	9—10 сверху	крѣпчан изъ *крѣпчкѣи	крѣпчачи изъ *крѣпчкѣи
449	20 сверху	бъ	бы
„	12 снизу	исемь	исемь
453	10 „	одъ	хотъ

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

А. А. Пыльневъ. Краткій русскій синтаксисъ. I. Отдѣлъ теоретическій: ученіе о предложеніяхъ, знаки препинанія, вопросникъ. II. Отдѣлъ практическій: задачи, упражненія въ разборѣ, диктантъ. Изд. Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1897. IV+141. Цѣна не обозначена.

Книга г. Пыльнева имѣетъ характеръ преимущественно практической. Авторъ довольно отчетливо выяснилъ его въ предисловіи, исходя изъ опредѣленія главнѣйшей цѣли изученія синтаксиса въ средне-учебномъ заведеніи. По его мнѣнію, она состоитъ въ томъ, чтобы „сообщить учащимся сознательное отношеніе къ чужой рѣчи и научить ихъ свободно владѣть литературнымъ языкомъ, въ особенности при письменной передачѣ мыслей“.

Въ книгѣ, какъ видно изъ самого заглавія,—два отдѣла: *теоретическій* и *практический*; но первый имѣетъ лишь „второстепенное значеніе“ и потому, если исключить „вопросникъ“ (стр. 37—46), которымъ онъ заканчивается, занимаетъ въ книгѣ почти втрое меньше мѣста (стр. 4—36), чѣмъ послѣдній, состоящій изъ 50 видовъ различныхъ задачъ (стр. 47—107) и примѣровъ для диктанта на знаки препинанія (стр. 108—141). Научныя положенія въ теоретическомъ отдѣлѣ изложены, большею частію, хотя и ясно, но не всегда вѣрно, какъ увидимъ ниже. Примѣры въ практическомъ отдѣлѣ подобраны для каждаго параграфа предыдущаго отдѣла удачно; мѣстами, впрочемъ, попадаются примѣры неподходящіе къ учебнику, предназначаемому для учащихся въ низшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній; какъ, напримѣръ, „кто не знаетъ того, что съ доброю женою

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

живется какъ то веселѣй!“ (стр. 89) или: „мужъ любилъ ее сердечно, въ ея затѣи не входилъ. во всемъ ей вѣровалъ безопасно“ (стр. 108). „Она сидѣла у стола съ блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы“ (стр. 110); на стр. 138, прим. 29: слова Демона Тамарѣ изъ поэмы Лермонтова: „Лишь только ночь своимъ покровомъ верхи Кавказа осѣнить и пр.... къ тебѣ я стану прилетать, гостить я буду до денницы и на шелковыя рѣсницы сны золотые навѣвать“ и др. Но особенно не хорошо то, что какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отдѣлѣ примѣры, взятые преимущественно изъ стихотворныхъ произведеній Пушкина, Лермонтова и Крылова, напечатаны въ прозаической формѣ. Этого нельзя допускать въ учебникахъ по русскому языку. Прозаическая рѣчь—не тоже, что стихотворная: что хорошо въ стихахъ, то можетъ быть худо въ прозѣ; напримѣръ, стихи: „Тебя я сонну застаю, когда свершиютъ судъ свирѣпный“ (стр. 115) взятые изъ поэмы Пушкина „Полтава“ въ прозаической формѣ теряютъ всю свою прелесть; или, напримѣръ, „Людмила къ водопаду шла умыться *хладною* струею“ (стр. 51); или: „*Бразды* пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая“ (стр. 113, 121) и др. А между тѣмъ, привыкнувъ читать въ прозаической формѣ языкъ стихотворной рѣчи, ученики могутъ утратить способность различать поэтическое выраженіе мысли отъ прозаическаго; понимать, какая форма слова свойственна болѣе прозѣ, чѣмъ поэзіи, и — соблюдать надлежащій порядокъ словъ при изложеніи своихъ мыслей.

Въ теоретическомъ отдѣлѣ встрѣчаются невѣрныя въ научномъ отношеніи положенія и такія нововведенія, которыя никакъ не могутъ быть признаны удачными.

На стр. 4-й въ § 1 г. Пыльневъ такъ опредѣляетъ предложеніе: „Предложеніемъ называется сужденіе, выраженное въ правильныхъ грамматическихъ формахъ“. Опредѣленіе неудовлетворительное: во-первыхъ, предложенію не всегда соответствуетъ сужденіе: вопросъ, напримѣръ, можетъ быть предложеніемъ, но не можетъ быть сужденіемъ; во-вторыхъ, терминъ „сужденіе“ взятъ изъ логики, которая преподается только въ восьмомъ классѣ гимназіи; слѣдовательно, въ опредѣленіи одно неизвѣстное (предложеніе) объясняется другимъ неизвѣстнымъ (сужденіемъ), чего, конечно, не должно быть въ учебникѣ. Далѣе говорится, что „подлежащее ни отъ чего не зависитъ; сказуемое *зависитъ отъ подлежащаго*“; а на стр. 10, въ § 12 читаемъ: „*независимыми* словами въ предложеніи бываютъ: 1) подлежащее и 2) *сказуемое въ безличныхъ предложеніяхъ*. Сказуемое въ

личныхъ предложенійхъ и всѣ остальные члены предложенія являются зависимыми“. Итакъ, сказуемое то зависитъ отъ подлежащаго и слѣдовательно является словомъ зависимымъ, то не зависитъ отъ подлежащаго и слѣдовательно является словомъ независимымъ въ предложеніи. Словомъ зависимымъ бываетъ сказуемое въ личныхъ предложеніяхъ, а независимымъ—въ предложеніяхъ безличныхъ. Почему же? г. Пыльневъ такъ опредѣляетъ на стр. 9, въ § 11 безличное предложеніе: „*Безличнымъ* называется такое предложеніе, въ которомъ подлежащаго нѣтъ, и оно не можетъ быть подразумѣваемо. напримѣръ: Свѣтаетъ. Разсвѣло. Бываетъ хуже. Въ ухахъ у гостя затрепало“ и пр. Ясно, слѣдовательно, что сказуемое можетъ обходиться и безъ подлежащаго. Какимъ же образомъ оно можетъ зависѣть отъ подлежащаго? На этотъ вопросъ у г. Пыльнева есть слѣдующій отвѣтъ: „зависимость выражается двумя способами: *согласованіемъ* и *управленіемъ*“ (стр. 10, § 12); а такъ какъ сказуемое *согласуется* съ подлежащимъ, то, значить, оно и зависитъ отъ подлежащаго. Въ этомъ и ошибка. Согласованіемъ двухъ или нѣсколькихъ словъ въ флексивномъ языкѣ, каковъ русскій, выражается не *зависимость*, а, такъ сказать, *соприсущность* дѣйствія или признака предмету, то-есть, что предметъ съ своимъ дѣйствіемъ или признакомъ въ дѣйствительности существуютъ нераздѣльно, составляютъ одно цѣлое, представляютъ единство. Этому единству предмета съ своимъ дѣйствіемъ, или признакомъ въ природѣ и соответствуетъ грамматическое единство относительно лица, рода, числа и падежа двухъ, или нѣсколькихъ словъ въ предложеніи, обозначаемое ихъ окончаніями.

Извѣстно, что дѣйствіе можетъ проявляться въ предметѣ совершенно независимо и даже противъ воли послѣдняго, а между тѣмъ въ природѣ и предметъ и дѣйствіе, проявляющееся въ немъ независимо, составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Въ языкѣ, каковъ русскій, это ихъ единство и выражается согласованіемъ слова, выражающаго въ предложеніи сказуемое, съ словомъ, выражающимъ подлежащее, въ лицѣ, числѣ и родѣ; напримѣръ, *я краснѣю* отъ стыда, или *я покраснѣлъ* отъ стыда, или *вы краснѣете* отъ стыда и т. п. Въ этихъ примѣрахъ, состоящихъ изъ личныхъ предложеній, дѣйствіе *краснѣть*, занимающее въ нихъ мѣсто сказуемаго, проявляется въ предметѣ, имѣющемъ значеніе подлежащаго, независимо и даже противъ воли лица дѣйствующаго. Итакъ, согласованіемъ, между какими бы то ни было членами предложенія: главными ли, второсте-

пенными ли, выражается не *зависимость* ихъ между собою, а такая связь, или такое тѣсное отношеніе ихъ между собою, какое въ предложѣ проявляется въ единствѣ предмета съ своимъ дѣйствіемъ, или признакомъ. Слѣдовательно, въ безличныхъ предложеніяхъ сказуемое не зависитъ отъ подлежащаго; потому что оно не зависитъ отъ подлежащаго и въ личныхъ предложеніяхъ. Во флексивныхъ языкахъ, въ которыхъ существуютъ склоненія, какъ въ русскомъ, зависимость между членами предложенія, или словами, выражается формами косвенныхъ падежей безъ предлоговъ и съ предлогами, то-есть, такъ называемымъ, *управленіемъ словъ*. Въ согласованіи же словамъ бываетъ свойственна и форма прямого падежа, *именительнаго*.

На той же стр. въ § 2, опредѣляется *подлежащее* слѣдующимъ образомъ: „*Подлежащее* — слово, означающее предметъ, о которомъ высказывается сужденіе“. Слѣдовательно, *подлежащее* должно пониматься внѣ сужденія?

Напрасно авторъ старается перечислять всѣ вопросы, на которые могутъ отвѣчать главные и второстепенные члены предложенія. Это обиліе вопросовъ можетъ только сбивать съ толку учащихся, когда они видятъ, что на одинъ и тотъ же вопросъ, напримѣръ, на вопросъ: „*сколько?*“ отвѣчаютъ разные члены предложенія, какъ въ данномъ случаѣ, по ученію г. Пыльнева, и *подлежащее*, и *дополненіе*. При объясненіи синтаксическаго значенія какого либо главнаго, или второстепеннаго члена предложенія необходимо указать лишь на такіе вопросы, которыми характеризуется само значеніе отвѣчающаго на нихъ члена въ предложеніи и которые не повторяются, въ качествѣ отличительныхъ, въ объясненіяхъ другихъ членовъ. У г. Пыльнева „*подлежащее*“ отвѣчаетъ на вопросы: *кто? что? сколько?* (стр. 4, § 2) и *дополненіе* отвѣчаетъ также на вопросъ „*сколько?*“ кромѣ вопросовъ косвенныхъ падежей. Очевидно, что вопросомъ „*сколько?*“ не характеризуется ни подлежащее, ни дополненіе; слѣдовательно, онъ — совершенно лишній. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно *вопросовъ*, указанныхъ г. Пыльневымъ для другихъ членовъ предложенія.

На стр. 7-й (§ 5) для объясненія *обстоятельства качества* приведенъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: „Она попробовала было пройти по двору *босая*“, въ которомъ слово „*босая*“ нельзя разбирать *обстоятельствомъ* *словомъ*, какъ учитъ г. Пыльневъ: уже сама грамматическая *ф. именительнаго падежа* не позволяетъ этого, а своимъ согласованіемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ съ подлежащимъ

слово „босая“ прямо указываетъ, что оно относится къ подлежащему и служить для него опредѣленіемъ на вопросъ „какая?“, а не къ глаголу *пройти* на вопросъ „какъ“? Въ послѣдней случаѣ слѣдовало бы сказать: „на босу ногу“, или „босикомъ“.

На стр. 22-й (§ 22) точно также невѣрно объясненъ примѣръ: „*Одѣтый молніей и туманомъ*, я шумно мчался въ облакахъ“. Г. Пыльневъ говоритъ: („*одѣтый*—будучи одѣтъ): причастіе не опредѣлительное и потому считается за предложеніе“. Непонятно, почему причастіе *одѣтый* не опредѣлительное слово къ подлежащему я на вопросъ „какой“? я, *одѣтый*, то-есть, *который былъ одѣтъ*.

На стр. 29-й (§ 30): „Если частица *не* сливается съ слѣдующимъ понятіемъ въ одно цѣлое, то пишется она слитно“ (съ чѣмъ? съ понятіемъ?). О сліяніи частицы *не* съ понятіемъ и рѣчи быть не можетъ. Слѣдовало сказать: если частица *не* съ слѣдующимъ за нею словомъ выражаютъ одно отрицательное понятіе, то она пишется слитно. Нельзя одобрить и слѣдующее положеніе: „Если сказуемое отрицается черезъ *не*, то *остальные члены*, относящіяся къ сказуемому, *выражаютъ свое отрицаніе* черезъ *ни*, напримѣръ: *Не* оставалось у сиротъ *ни* бѣдной хижинки, *ни* поля“. Члены предложенія не могутъ выражать своего отрицанія. Чего проще было сказать: „если сказуемое отрицается черезъ *не*, то остальные члены и пр. отрицаются черезъ *ни*“?

Перехожу теперь къ нововведеніямъ, на которыя указываетъ самъ авторъ на 2-й страницѣ своего предисловія. Изъ нихъ я разберу два или три, которыя, по моему мнѣнію, болѣе важны и потому заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ предисловіи авторъ говоритъ, напримѣръ: „*Приложенія* поясняютъ у меня не только имена существительныя, но также и прилагательныя, глаголы и нарѣчія“. Это нововведеніе объясняется на стр. 8-й, въ § 7-мъ подъ заглавіемъ: „*Пояснительные члены, или приложенія*“ слѣдующимъ образомъ: „Отъ одинаковыхъ членовъ слѣдуетъ отличать, такъ называемые, *пояснительные* члены, которые вмѣстѣ съ другими членами предложеній обозначаютъ *одинъ и тотъ же* предметъ или признакъ, одно и то же дѣйствіе или обстоятельство, съ большей только ясностію или точностію, напримѣръ, Онѣгинъ, *добрый мой пріятель*, родился на берегахъ Невы (пояснительное подлежащее). Здѣсь паузятся, то-есть, *разгружаются*, барки (пояснительное сказуемое). Удѣльный, то-есть, *относительный* вѣсъ ртути=13,50 (пояснительное опредѣленіе). Льву, *кесарю мѣсовъ*, Богъ сына даровалъ (пояснительное дополненіе). Въ

аулѣ, *на своихъ порогахъ*, черкесы праздные сидятъ (пояснительное обстоятельство мѣста). Въ Среду, *въ 10 часовъ вечера*, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому (пояснительное обстоятельство времени). Такіе пояснительные члены называются также *приложеніями*“. Очевидно, этимъ нововведеніемъ авторъ совершенно искажаетъ понятіе о грамматическомъ приложеніи. Обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется такой членъ предложенія, который выражается непременно именемъ существительнымъ и относится къ другому существительному въ предложеніи, какъ опредѣлительное слово, согласующееся съ своимъ опредѣляемымъ. Логическая связь этихъ словъ, то-есть, приложенія, или опредѣлительнаго существительнаго, съ своимъ опредѣляемымъ обуславливается взаимнымъ отношеніемъ выражаемыхъ ими понятій *по объему*, то-есть, понятіе, выражаемое приложеніемъ, связано съ понятіемъ, которое выражается словомъ опредѣляемымъ, или, какъ видъ съ своимъ родомъ, или, какъ родъ съ своимъ видомъ. Поэтому-то при собственныхъ именахъ лицъ приложеніе выражается именемъ существительнымъ нарицательнымъ, а при нарицательныхъ именахъ прочихъ предметовъ (то-есть, не лицъ) приложеніе можетъ выражаться и именемъ существительнымъ собственнымъ. Такъ, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, при собственномъ имени „Онѣгинъ“ приложеніе выражено именемъ нарицательнымъ „пріятель“, а при нарицательномъ имени „Льву“ приложеніе выражено именемъ существительнымъ собственнымъ „Кесарю“. Во всякомъ случаѣ отношеніе между приложеніемъ и опредѣляемымъ имъ словомъ обуславливается связью выражаемыхъ ими понятій по объему: одно понятіе видовое, а другое по отношенію къ первому родовое. Ясно, что приложеніемъ не можетъ быть никакая другая часть рѣчи, кромѣ имени существительнаго. При томъ приложеніе служитъ не къ поясненію главныхъ и второстепенныхъ членовъ предложенія, а къ опредѣленію предмета по отношенію къ его виду, или роду. Ничего подобнаго не могутъ выражать ни прилагательныя, ни глаголы, ни нарѣчія.

Подобно „пояснительнымъ словамъ“ г. Пыльневимъ введены въ синтаксисъ „пояснительныя предложенія“, какъ особая категорія предложеній. Онъ говоритъ въ предисловіи, что у него „изъ придаточныхъ предложеній выдѣлены *въ особую категорію* предложенія пояснительныя“. Это нововведеніе объясняется авторомъ на стр. 14-й, 16-й и 17-й, въ §§ 17-мъ и 19-мъ такимъ образомъ: „члены предложенія“, говоритъ г. Пыльневъ, „нерѣдко выражаются указательными

нарѣчіями (*тамъ, туда, оттуда, тогда, такъ, потому, затѣмъ* и т. п.), или указательными мѣстоименіями (*тотъ, такой, таковъ и столько*). Въ силу своей неопредѣленности, эти члены обыкновенно поясняются цѣлымъ предложеніемъ, напримѣръ: *Смѣлый тамъ найдетъ, здѣ робкій потеряетъ*. Трудился такъ крестьянинъ мой, *что градомъ потъ съ него катился* и т. п. Предложеніе, которое поясняетъ какой либо членъ другого предложенія, *выраженный указательнымъ мѣстоименіемъ, или нарѣчіемъ, называется пояснительнымъ*⁴. И тутъ же читаемъ далѣе: „Указательныя мѣстоименія и нарѣчія могутъ иногда и не быть на лицо“. А если „могутъ и не быть на лицо“, то въ опредѣленія пояснительнаго предложенія слова (членъ), *выраженный указательнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ, какъ обозначающія собою существеннаго признака пояснительнаго предложенія, представляются совершенно лишними*. Выпустивъ же ихъ, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе *пояснительнаго предложенія*: „Предложеніе, *которое поясняетъ* какой либо членъ другого предложенія, называется *пояснительнымъ*“ (!). Опредѣленіе, поистинѣ, курьезное! Но пойдѣмъ далѣе: „Пояснительныя предложенія получаютъ свое частное названіе отъ поясняемаго ими члена: если они поясняютъ подлежащее, то называются предложеніями *подлежащаю*, если они поясняютъ сказуемое, то называются предложеніями *сказуемаю*“ и пр. Поэтому, въ слѣдующемъ примѣрѣ, приводимомъ самимъ авторомъ: „Мы—тѣ, *которые питаемъ васъ*“ предложеніе „*которые питаемъ васъ*“ будетъ *пояснительнымъ предложеніемъ сказуемаю*, а не *придаточнымъ опредѣлительнымъ*, какъ обыкновенно думаютъ. Далѣе на стр. 16-й, въ § 19-мъ авторъ объясняетъ различіе между *пояснительными предложеніями* и *придаточными*. Онъ говоритъ: „Придаточныя предложенія представляютъ переходную ступень отъ пояснительныхъ къ *сочиненнымъ* (?): они не поясняютъ никакого члена въ другомъ предложеніи, и, хотя ихъ нельзя считать вполнѣ равносильными главному предложенію, все же они связаны съ нимъ не такъ тѣсно, какъ пояснительныя: въ примѣрѣ: Трудился такъ крестьянинъ мой, *что градомъ потъ съ него катился*—пропускъ пояснительнаго предложенія вызываетъ неопредѣленность и даже непонятность рѣчи (трудился такъ крестьянинъ мой...), между тѣмъ какъ при пропускѣ придаточнаго, напримѣръ: Въ мягкихъ муравахъ у насъ пѣсни, рѣзвость всякій часъ, такъ-что голову вскружило — рѣчь своей опредѣленности и понятности не теряетъ (Въ мягкихъ муравахъ у насъ пѣсни, рѣзвость всякій часъ).. Изъ предыдущихъ примѣровъ видно,

что если какое либо указательное слово (мѣстоименіе, или нарѣчіе), *теряя свое удареніе*, переходитъ изъ главнаго предложенія въ пояснительное и сливается тамъ съ подчинительнымъ союзомъ въ одно реченіе, то пояснительное предложеніе дѣлается придаточнымъ: Мнѣ грустно *потому, что* весело тебѣ — послѣднее предложеніе пояснительное. Мнѣ грустно, *потому что* весело тебѣ — послѣднее предложеніе придаточное“.

„Указаннымъ путемъ изъ пояснительныхъ предложеній образовались придаточныя: 1) *обстоятельствѣнная времени*, 2) *обстоятельствѣнная качества*, 3) *обстоятельствѣнная причины* и 4) *обстоятельствѣнная цѣли*. Сверхъ того къ придаточнымъ предложеніямъ должны быть отнесены еще предложенія 5) *условныя* и 6) *уступительныя*“.

Итакъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ; во первыхъ, что *пояснительныя* предложенія бываютъ *предложеніями подлежащаго, сказуемаго, опредѣлительными, дополнительными и обстоятельствѣнными*; во вторыхъ, что *пояснительныя предложенія* находятся въ болѣе тѣсной связи съ главнымъ, чѣмъ *придаточныя*, несмотря на то, что эти послѣднія представляютъ переходную ступень отъ пояснительныхъ къ главному (что, конечно, представляетъ изрядную путаницу); въ третьихъ, что придаточныя предложенія образуются изъ пояснительныхъ путемъ утраты ударенія на указательномъ словѣ, и въ четвертыхъ, что придаточныя предложенія бываютъ въ сущности только трехъ разрядовъ, а именно: *придаточныя обстоятельствѣнная, придаточныя условныя и придаточныя уступительныя*. Слѣдовательно, только *обстоятельствѣнная предложенія* могутъ быть и *пояснительными* и *придаточными*; всѣ остальные разряды подчиненныхъ предложеній распределены г. Пыльневымъ между пояснительными и придаточными предложеніями. Спрашивается: необходимо ли въ самомъ дѣлѣ выдѣлять изъ придаточныхъ предложеній особую синтактическую категорію пояснительныхъ предложеній, или нѣтъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ рассмотреть то *основаніе*, на которомъ г. Пыльневъ построилъ свое выдѣленіе. Достаточнымъ основаніемъ для выдѣленія пояснительныхъ предложеній въ особую категорію изъ придаточныхъ предложеній послужило г. Пыльневу *присутствіе или отсутствіе ударенія на указательномъ мѣстоименіи или нарѣчій*, словомъ, *логическое удареніе*. Это видно изъ вышеприведенныхъ словъ г. Пыльнева, въ которыхъ онъ объясняетъ процессъ образованія придаточныхъ предложеній изъ пояснительныхъ. Въ примѣрѣ: „мнѣ грустно *потому, что* весело тебѣ“ — послѣднее предложеніе „*что* весело тебѣ“

пояснительное, потому что въ главномъ предложеніи „мнѣ грустно потому“ удареніе падаетъ на указательное слово „потому“; а въ примѣрѣ: „мнѣ грустно, потому что весело тебѣ“—последнее предложеніе „потому что весело тебѣ“—придаточное, потому что указательное слово, утративъ удареніе, перешло изъ главнаго предложенія въ пояснительное и слилось съ подчинительнымъ союзомъ „что“. Спрашивается: какое синтактическое значеніе въ примѣрѣ „мнѣ грустно потому, что весело себѣ“ имѣетъ слово „потому“, имѣющее на себѣ логическое удареніе? то-есть какой это членъ предложенія? Какими именно словами выражается въ данномъ примѣрѣ пояснительное предложеніе: словами ли „что весело тебѣ“, или словами „потому что весело тебѣ“? Если это пояснительное предложеніе есть предложеніе обстоятельствоваго; то какое именно обстоятельствоваго: обстоятельствоваго ли причины, или дѣли, или чего другаго? Если это пояснительное предложеніе есть предложеніе обстоятельствоваго причины; то какими именно словами выражается это обстоятельствоваго отношеніе причины: однимъ ли словомъ „что“ или словами „потому что“? Если же въ примѣрѣ „мнѣ грустно потому, что весело тебѣ“ пояснительное предложеніе есть предложеніе обстоятельствоваго причины и выражается словами „потому, что весело тебѣ“, а не словами „что весело тебѣ“, съ логическимъ удареніемъ на указательномъ словѣ „потому“, и если въ примѣрѣ „мнѣ грустно, потому что весело тебѣ“ придаточное предложеніе есть также обстоятельствоваго причины и выражается тѣми же словами, какъ и въ пояснительномъ предложеніи, то-есть словами „потому что весело тебѣ“, но безъ логическаго ударенія на указательномъ словѣ „потому“; то ясно, что логическое удареніе не можетъ имѣть никакого вліянія на синтактическое значеніе членовъ предложенія, а слѣдовательно, и на синтактическое значеніе самихъ предложеній. Въ самомъ дѣлѣ, какое иное синтактическое значеніе можетъ имѣть каждый членъ въ предложеніи, на примѣрѣ, *вчера я видѣла брата*, если на него будетъ падать въ рѣчи логическое удареніе, кромѣ того значенія, которое онъ имѣетъ по своей грамматической формѣ въ связи съ другими членами? Слово „я“ въ данномъ предложеніи останется подлежащимъ во всякомъ случаѣ: будетъ ли падать логическое удареніе на него, или на какойнибудь другой членъ въ предложеніи. Точно также и слово „былъ“ останется сказуемымъ, будетъ ли, или не будетъ падать на него логическое удареніе; тоже слѣдуетъ сказать и объ остальныхъ словахъ въ данномъ примѣрѣ. Ясно, что логическое удареніе не

играетъ и не можетъ играть никакой роли относительно синтактическаго значенія какъ отдѣльныхъ членовъ въ предложеніи, такъ и цѣлыхъ предложеній; слѣдовательно, оно не можетъ быть признано и достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы строить на немъ особыя синтактическія категоріи. Поэтому и выдѣленіе изъ придаточныхъ предложеній новой особой синтактической категоріи пояснительныхъ предложеній на основаніи логическаго ударенія представляется дѣломъ совершенно напраснымъ и бесполезнымъ. и притомъ такимъ, которое не упрощаетъ, а осложняетъ синтаксисъ языка и только увеличиваетъ число научныхъ терминовъ безъ всякой надобности.

Наконецъ разсмотрю еще одно нововведеніе, о которомъ г. Пыльневъ въ предисловіи выражается такъ: „Въ статьяхъ о сокращеніи предложеній ученику дается понять, что *причастія* и дѣепричастія могутъ быть относимы не къ одному какому нибудь, а къ любому изъ трехъ временъ“. Это нововведеніе, относящееся собственно только къ употребленію причастій, объясняется на стр. 18-й въ § 20 и объясняется невѣрно. Въ этотъ весьма значительный промахъ авторъ, вѣроятно, былъ вовлеченъ ученіемъ объ употребленіи причастныхъ формъ въ древнихъ языкахъ (греч. и латин.) съ такимъ значеніемъ времени, какого онѣ сами по себѣ вѣ соотношенія съ временною формою *verbi finiti* не имѣютъ. Г. Пыльневъ на стр. 18-й учитъ, что причастіе „получившій“ можетъ замѣнять собою выраженія: „*который получилъ*“ и „*который получитъ*“ въ слѣдующихъ примѣрахъ: „*тотъ* ученикъ, *который получилъ* награду, обрадовалъ своихъ родителей— ученикъ, *получившій* награду, обрадовалъ своихъ родителей“ и „*тотъ* ученикъ, *который получитъ* награду, обрадуетъ своихъ родителей— ученикъ, *получившій* награду, обрадуетъ своихъ родителей“. Это— совершенно невѣрно. Въ послѣднемъ примѣрѣ форма *получившій* замѣняетъ точно такъ же, какъ и въ первомъ, выраженіе „*который получилъ*“, и никто, услышавъ ее въ устной рѣчи, не пойметъ ее въ смыслѣ выраженія „*который получитъ*“. Подобнымъ же образомъ и форма *получающій*, никогда не значить „*который будетъ получать*“, а всегда понимается въ смыслѣ выраженія „*который получаетъ*“; слѣдовательно, примѣръ: „*тотъ* ученикъ, *который будетъ получать* награды, будетъ радовать своихъ родителей“ вовсе не равенъ выраженію: „ученикъ, *получающій* награды, будетъ радовать своихъ родителей“ какъ учитъ г. Пыльневъ.

Совсѣмъ иное явленіе представляетъ собою въ русскомъ языкѣ *дѣепричастіе*. Оно, дѣйствительно, будучи по формѣ прошедшаго

или настоящаго времени, можетъ имѣть значеніе и будущаго времени, если служить обстоятельствомъ словомъ къ такому глаголу, который выражаетъ дѣйствіе будущаго времени, напримѣръ „*пріѣзжай* въ Оренбургъ, я явлюсь къ генералу“=когда я *пріѣду* въ Оренбургъ, то явлюсь къ генералу“; или: „*пріѣзжая* въ Оренбургъ я буду являться къ генералу“=когда я *буду пріѣзжать* въ Оренбургъ, я буду являться къ генералу“. Подобнымъ же образомъ дѣепричастіе въ формѣ настоящаго времени можетъ имѣть значеніе прошедшаго несовершеннаго дѣйствія, напримѣръ „*пріѣзжая* въ Оренбургъ, я являлся къ генералу“. Причина такого существеннаго различія въ синтаксическомъ употребленіи между причастіями и дѣепричастіями въ русскомъ языкѣ заключается въ томъ, что причастіе, какъ форма прилагательная, всегда въ качествѣ опредѣлительнаго слова стоитъ въ непосредственной связи съ именемъ существительнымъ, какъ съ своимъ опредѣляемымъ словомъ, которое само по себѣ не имѣетъ никакого временнаго значенія и потому временное значеніе, присущее самой формѣ причастія, и остается при этомъ послѣднемъ безъ измѣненія; напротивъ того, дѣепричастіе, какъ отглагольное нарѣчіе, всегда въ качествѣ обстоятельнаго слова стоитъ въ непосредственной связи съ глаголомъ, который, имѣя въ рѣчи опредѣленное временное значеніе, и оказываетъ вліяніе на временное значеніе дѣепричастія, какъ своего обстоятельнаго слова. Слѣдовательно, ученіе г. Пыльнева „о сокращеніи предложеній“ въ § 20, введенное въ учебникъ съ цѣлью „дать понять ученику, что причастія и дѣепричастія могутъ быть относимы не къ одному какому нибудь, а къ любому изъ трехъ временъ“, оказывается наполовину несостоятельнымъ.

DEUTSCHES LEBEBUCH FÜR DIE MITTLEREN UNTERRICHTSANSTALTEN RUSSLANDS VON
Ernst Westermann, Oberlehrer der deutschen Sprache. Zweites und drittes Jahr. Riga 1897. Стр. VIII+163. Цѣна 1 руб.

Нынѣ вышедшая въ свѣтъ вторая часть книги г-на Вестермана, заключающая въ себѣ матеріалъ для втораго и третьяго года обученія, отличается тѣми же хорошими качествами, на которыя уже подробно было указано въ рецензій о первой части. Матеріалъ, предлагаемый для чтенія и перевода съ нѣмецкаго языка на русскій и наоборотъ, довольно богатый и составленный съ соблюденіемъ строгой системы. Всѣ статьи—69 нѣмецкихъ и 14 русскихъ—должны служить не только для обогащенія лексическихъ знаній учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для практическихъ упражненій, имѣю-

щихъ цѣлью полное и основательное усвоеніе грамматическихъ правилъ, какъ этимологіи, такъ и синтаксиса нѣмецкаго языка. Сверхъ того къ каждой статьѣ прибавлены примѣчанія, заключающія въ себѣ большею частію весьма дѣльные указанія на грамматическія особенности нѣмецкаго языка, встрѣтившіяся въ данной статьѣ.

За такими примѣчаніями, послѣ каждой статьи, слѣдуетъ еще цѣлый рядъ вопросовъ, которые, какъ это было указано и по отношенію къ первой части книги, представляютъ прекрасный и весьма богатый матеріалъ для упражненія учащихся въ разговорной рѣчи. Съ тою же цѣлью при нѣкоторыхъ статьяхъ дается также весьма удачно составленная парафраза ихъ, что должно имѣть особое значеніе въ томъ случаѣ, если самая то статья стихотвореніе, а вслѣдствіе этого менѣе доступна полному пониманію учащихся.

Для письменныхъ упражненій, а также и устной передачи учениками читанной статьи въ болѣе короткой и простой формѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ дается и краткій планъ, заключающій въ себѣ главныя части даннаго въ соотвѣтствующей статьѣ разказа. Кромѣ указаннаго числа статей въ книгѣ г-на Вестермана даются еще два словаря: довольно подробный и хорошо составленный и достаточно полный алфавитный для нѣмецкихъ статей, между тѣмъ какъ для русскихъ статей, число которыхъ, какъ уже выше указано, не особенно велико,—ихъ всего только 14,—слова даны въ началѣ каждой статьи. Было бы, по нашему мнѣнію, лучше въ слѣдующемъ изданіи соединить эти слова, пополнивъ ихъ немного, въ алфавитномъ порядкѣ и приложить къ книгѣ въ видѣ особаго алфавитнаго русско-нѣмецкаго словаря.

При разсмотрѣніи первой части учебника г-на Вестермана было указано, что печать какъ словаря, такъ и грамматической части книги, слишкомъ мелка. Этотъ недостатокъ книги во второй ея части совершенно устраненъ: печать вездѣ безукоризненна; кромѣ того бумага хороша, опечатокъ мы не нашли.

Друцкіе Ехтемровалеи. Систематическія упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на нѣмецкій. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель II Московскаго Николаевскаго кадетскаго корпуса. Москва. 1897 г. Стр. VI+79. Цѣна не обозначена.

По заглавію вышепоименованной книжки: „Систематическія упражненія въ переводѣ съ *русскаго* языка на нѣмецкій“ мы имѣли бы право ожидать, что предлагаемый въ ней матеріалъ состоитъ исключительно изъ хорошо приспособленныхъ къ грамматическому курсу

русских статей, которые могли бы служить для устных и письменных упражнений с целью основательного и вполне сознательного усвоения всех правил немецкой грамматики, насколько это требуется при изучении немецкого языка в наших средних учебных заведениях, для которых автор предназначает составленные им *Deutsche Extemporalien*. Но, открывая книгу, мы видим, что первые две статьи, помещенные на первой же страницѣ,—статьи не русскія, а *нѣмецкія*. И это не единственные нѣмецкія статьи въ книжкѣ, предлагаемой подъ заглавіемъ „Систематическія упражнения для перевода съ *русскаго* языка“. Такія же нѣмецкія статьи встрѣчаются еще и въ другихъ мѣстахъ книги, какъ на стр. 2 (три статьи) и на стр. 12, 13 и 14 (5 статей).

Далѣе, мы не можемъ себя выяснитъ, для какихъ именно классовъ авторъ предназначаетъ свои „практическія упражненія“.

Первые три статьи подъ заглавіями: *Bestimmung der Declination* и *Pluralbildung* относятся къ самымъ первоначальнымъ свѣдѣніямъ изъ этимологіи, а уже 4-я статья: „Органы человѣческаго тѣла“ требуетъ для правильнаго перевода не мало синтаксическихъ знаній, относящихся далеко не къ первымъ частямъ этого отдѣла грамматики, какъ уже видно изъ 29 выноски подъ текстомъ, гдѣ мы читаемъ: *sieh Synt. § 48*. Такъ статьи 28 и 29, на стр. 73, заключающія въ себя матеріалъ для упражненій въ употребленіи „временъ и наклоненій“ немецкаго глагола, а, въ особенности, статьи 30 и 31, въ которыхъ отъ учениковъ требуется прямую рѣчь обратить въ косвенную (статья 30) и косвенную—въ прямую (статья 31), безспорно относятся къ самымъ труднымъ статьямъ немецкаго синтаксиса. Послѣ этихъ весьма трудныхъ статей, и трудныхъ не только для русскихъ, но даже для немецкихъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, слѣдуютъ опять статьи, предлагающія матеріалъ для упражненій въ такихъ отдѣлахъ немецкой грамматики, которыхъ нельзя не признать довольно легкими, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ вышеуказанными отдѣлами. Къ этимъ статьямъ мы относимъ статьи 32, 33 и т. д. до 48 статьи, которые должны служить для упражненія въ употребленіи предлоговъ, члена и въ правильной разстановкѣ словъ въ главныхъ и придаточныхъ предложенияхъ. Потомъ, однако, мы опять, подъ 48 статью читаемъ заглавіе: „*Ueber den Gebrauch der Zeiten und Modi*“, между тѣмъ какъ объ употребленіи залоговъ нигдѣ рѣчи нѣтъ, хотя есть статьи, которые заключаютъ въ себя относящійся къ нимъ матеріалъ, какъ статьи 28 и 29.

На стр. 27 мы читаемъ слѣдующее заглавіе: „Musterstücke aus Schriftstellern“, а подъ нимъ другое заглавіе: „Ueber die übrigen Regeln“. Статьи эти, теперь уже всё русскія, начинаются съ № 57. и продолжаются до конца книги. то-есть до статьи подъ № 115, на страницѣ 53, и такимъ образомъ составляютъ ровно половину содержанія предлагаемой книги, не считая конечно постатейнаго словаря.

Эти статьи, заимствованныя большею частью изъ разныхъ сочиненій образцовыхъ русскихъ писателей, какъ Пушкина, Карамзина и другихъ, предназначаются для упражненій въ нѣмецкой грамматикѣ и при этомъ не для упражненія въ примѣненіи всѣхъ правилъ этой грамматики, но только тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ авторъ книги самъ не счумѣлъ или не желалъ составить необходимыя упражненія. Нѣтъ такой приѣмъ представляется крайне страннымъ. Мы не можемъ понимать, какимъ образомъ случилось, что г. Мей, составитель большаго числа учебниковъ по нѣмецкому языку и обладающій, слѣдовательно, по этому дѣлу, безъ сомнѣнія, большою опытностью, при составленіи нынѣ разбираемой книги такъ совершенно могъ опустить изъ виду вполне точное и опредѣленное требованіе объяснительной записки къ министерской программѣ по нѣмецкому языку, „чтобы переводы съ русскаго языка на изучаемый языкъ исключительно служили къ усвоенію учениками грамматическихъ правилъ (см. Министерскія программы для гимназій, изданіе 1890 года, стр. 161) и съ этою цѣлью были вполне приурочены къ курсу грамматики (см. Министерскія программы для реальныхъ училищъ, изданіе 1895 года, стр. 31). А едва ли можно допустить, чтобы образцовыя сочиненія нашихъ русскихъ классиковъ въ какихъ либо своихъ частяхъ были приурочены грамматическому курсу нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но это не единственный недостатокъ разбираемой книги. Вообще въ ней не замѣчается никакой строгой системы, какъ уже видно изъ выше нами приведеннаго. Перемѣшаны нѣмецкія статьи съ русскими статьями и наоборотъ, хотя по заглавію книги можно ожидать только русскіихъ статей. Послѣ статей, предлагающихъ матеріалъ для упражненій въ вполне легкихъ и элементарныхъ правилахъ грамматики, непосредственно слѣдуютъ статьи на весьма трудныя правила, а послѣ нихъ, наоборотъ, предлагаются опять статьи противоположнаго характера.

Кромѣ того, есть и другія стороны книги, указывающія на большую торопливость при ея составленіи.

Такъ, напримѣръ, на первой страницѣ книги есть общее заглавіе „Etymologie“, а соотвѣтствующаго ему заглавіа „Sintaxis“ мы напрасно искали во всей книжкѣ. Такъ, для нѣмецкихъ статей, на первой же страницѣ, заключающихъ въ себѣ отдѣльныя слова, нѣтъ русскаго ихъ значенія, и для русской (3-й) статьи не приведено значенія русскихъ словъ. Далѣе нужно еще замѣтить слѣдующее: къ первымъ 33-мъ статьямъ слова даются подъ текстомъ, но далеко не всѣ; такъ, напримѣръ, въ статьѣ 4-й: работать, рука, ходить, нога, зубы,—въ 5-й статьѣ: спросить, старый, отвѣтить и другія остались безъ перевода. Такимъ же образомъ и въ постатейномъ словарѣ, приложенномъ къ остальнымъ статьямъ, пропущено не малое число словъ, о которыхъ нельзя предполагать, что они непременно должны быть извѣстны ученикамъ. Этотъ недостатокъ книги дѣлается еще болѣе чувствительнымъ вслѣдствіе того обстоятельства, что алфавитнаго словаря въ ней вовсе не имѣется. Неудобны также постоянныя ссылки на грамматику автора; а чтобы ссылки эти можно было бы оставить безъ вниманія, трудно предполагать, такъ какъ авторъ въ предисловіи къ своему труду самъ говорить, что при помощи этихъ ссылокъ младшіе его товарищи (*die jüngeren Herrn Collegen*) легко будутъ въ состояніи приготовиться къ урокамъ. Если онѣ, ссылки эти, слѣдовательно авторомъ считаются необходимыми даже для гг. учителей, такъ едва ли мы имѣемъ право считать ихъ лишними для учениковъ.

„Das AMULETT von K. F. MEYER“. Bearbeitet von E. Mittelsteiner. Oberlehrer an der Realschule Masing u. dem Elisabeth- und Katharineninstitut zu Moscau. Москва. 1897. Стр. XV+162. Цѣна 60 коп. въ папкѣ.

Вышепоименованная книжка составляетъ первый томикъ предполагаемаго изданія новой коллекціи нѣмецкихъ учебниковъ подъ общимъ названіемъ: *Sammlung moderner deutscher Autoren für russische Lehranstalten*.

Цѣлью новаго изданія, какъ мы читаемъ въ предисловіи къ разбираемой книжкѣ, — выполнить существующій, по мнѣнію издателя, въ нѣмецкой учебной литературѣ весьма чувствительный пробѣлъ, заключающійся въ томъ, что въ настоящее время почти нѣтъ въ этой литературѣ сочиненій, которыя могли бы служить переходомъ отъ чтенія хрестоматіи въ низшихъ классахъ къ чтенію образцовыхъ сочиненій нѣмецкихъ классиковъ, какъ Гете, Шиллера, Лессинга и др., въ высшихъ классахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и, въ особенности, нашихъ гимназій.

А тѣ немногія изданія, которыя до сихъ поръ появились въ печати съ цѣлю удовлетворить такую потребность, по мнѣнію г. Миттельштейнера, представляютъ слишкомъ скудный матеріалъ, какъ напри- мѣръ: Jaesche's „Lichtenstein“, Fischers „Siegfried“, „Gudrun“, „Percival“, „Peter Schlemihl“, и „Egmont u. Oranien“, а сочиненія Шиллера „Geschichte des dreissigjährigen Krieges“ и „Der Geister- seher“ „по языку вполне устарѣлому и слишкомъ періодическому мало доступны нашимъ русскимъ юношамъ“.

Таково мнѣніе г. Миттельштейнера. Но мы позволяемъ себѣ сомнѣ- ваться въ томъ, что указанная имъ потребность въ предполагаемомъ изданіи дѣйствительно такъ велика, какъ она ему представ- ляется. Въ виду незначительнаго количества времени, назначеннаго для изученія нѣмецкаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заве- деніяхъ и, въ особенности, въ нашихъ гимназіяхъ, а съ другой сто- роны, принимая во вниманіе и то обстоятельство, что не только вы- шеуказанныя самимъ авторомъ изданія Jaesche's и Fischers, и при- веденныя тамъ же сочиненія Шиллера: „Des dreissigjährige Krieg“ и „Der Geisterseher“, а также и каждая хорошая нѣмецкая хресто- матія, предлагаютъ богатый матеріалъ для чтенія и перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, мы, напротивъ, думаемъ, что ученики среднихъ классовъ нашихъ гимназій едва-ли нуждаются въ какихъ бы то ни было особо для нихъ приспособленныхъ изданіяхъ, но даже, не познакомившись съ вышепоименованными сочиненіями, какъ: Lichten- stein, Siegfried, Gudrun, Percival, имѣющими слишкомъ специальный интересъ, безъ всякаго ущерба для своихъ знаній по нѣмецкому языку и общаго развитія, могли бы перейти отъ чтенія въ низшихъ и среднихъ классахъ избранныхъ статей болѣе общаго интереса, предлагаемыхъ хрестоматіею, прямо къ чтенію образцовыхъ сочине- ній классическаго періода нѣмецкой литературы въ высшихъ клас- сахъ. Такая комбинація освободила бы учениковъ и отъ лишняго рас- хода по покупкѣ новаго учебника, на что тоже нельзя не обратить вниманія. Но если оставить въ сторонѣ послѣднее соображеніе, то мы, несмотря на вышесказанное, конечно, не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что было бы весьма пріятно имѣть какъ можно большій выборъ учебныхъ пособій какъ по другимъ языкамъ, такъ и по нѣмец- кому языку, въ видѣ образцовыхъ литературныхъ произведеній, хо- рошо приспособленныхъ для классаго употребленія и какъ по формѣ изложенія, такъ, въ особенности, по содержанію вполне соответству- ющихъ возрасту и развитію тѣхъ учениковъ, для которыхъ они пред-

назначаются и вообще и въ другихъ отношеніяхъ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ педагогики.

Но, къ сожалѣнію, весьма трудно будетъ ожидать именно такихъ пособій отъ предполагаемаго новаго изданія, если позволено судить по книжкѣ, и представляющей въ настоящее время первый томикъ названной коллекціи.

Разказъ К. Ф. Мейера: „Das Amulett“, изданный книжнымъ магазиномъ К. И. Тихомирова въ Москвѣ и приспособленный къ школьному употребленію преподавателемъ Е. Миттельштейнеромъ, совершенно не соотвѣтствуетъ своему назначенію и ни одному изъ вышеприведенныхъ нами требованій не удовлетворяетъ.

Языкъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ трудный для учениковъ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, въ особенности въ среднихъ классахъ, изложеніе отчасти темное и тяжелое, какъ напримѣръ на стр. 7, строчки 5 — 15; стр. 13, строчки 10 — 25; стр. 33, строчки 10 — 30 и стр. 34, строчки 1 — 10; стр. 38, конецъ и 39 начало и во многихъ другихъ мѣстахъ. А хорошаго комментарія, который отчасти, по крайней мѣрѣ, могъ бы парализовать трудность языка, въ книгѣ вовсе не имѣется. такъ какъ данные въ изобилии подъ текстомъ синонимы, не всегда особенно удачны, не въ состояніи его замѣнить и облегчить учащимся пониманіе содержанія и переводъ нѣмецкаго текста на хорошій русскій языкъ. Эту работу ученикамъ въ высшей степени затруднить и крайне неудачно составленный словарь, котораго нельзя не называть ни постатейнымъ, ни алфавитнымъ. Слова даются по страницамъ текста, но не въ томъ порядкѣ, въ которомъ они встрѣчаются въ текстѣ, но безъ всякой системы, безъ всякаго порядка. Такъ, напримѣръ, на первой страницѣ словаря (стр. 101 книги) въ первомъ (лѣвомъ) столбцѣ слово „der Sitz“ помѣщено какъ предпоследнее, между тѣмъ какъ въ текстѣ оно стоитъ какъ второе слово второй строчки; такъ между словомъ „Holländerin“ и словомъ „gund“, которыя въ текстѣ стоятъ рядомъ, въ словарѣ помѣщены 19 другихъ словъ; и этотъ странннй порядокъ господствуетъ во всемъ словарѣ, съ первой до послѣдней страницы.

Однако, все вышесказанное далеко не имѣетъ того значенія, какое слѣдуетъ приписать другому недостатку разбираемой книжки, который употребленіе ея въ школѣ дѣлаетъ невозможнымъ. Недостатокъ этотъ заключается въ самомъ содержаніи разказа, предлагаемаго первымъ томикомъ новаго изданія.

Сюжетъ разказа очень простой и весьма невинный:

Два молодыхъ швейцарца отправляются изъ своей родины въ Парижъ; одинъ изъ нихъ, чтобы поступить въ швейцарскую гвардію короля, другой, чтобы сдѣлаться секретаремъ адмирала Колиньи, въ то время главы гугенотовъ. Познакомившись случайно во время пути, очень скоро дѣлаются хорошими друзьями и оказываютъ другъ другу разные услуги, хотя уже при первой ихъ встрѣчѣ выяснилось, что одинъ изъ нихъ усердный католикъ, другой — такой же протестантъ-кальвинистъ. Время разказа — междоусобная война между католиками и протестантами, развязка происходитъ въ вароломеевскую ночь, во время которой католикъ спасаетъ жизнь своему другу-протестанту и молодой его женѣ, племянницѣ адмирала Колиньи, при чемъ самъ падаетъ жертвой разъяренной толпы, преслѣдующей гугенотовъ. Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго; сюжетъ весьма простой и вполне доступный пониманію учениковъ среднихъ классовъ, для которыхъ издателемъ предназначается этотъ разказъ...

Но бѣда въ томъ, что, несмотря на такую простоту фабулы, все-таки въ книгѣ встрѣчается довольно большое число мѣстъ, которыя, по своему содержанію, крайне неудобны для чтенія въ классѣ, и въ особенности на урокахъ, въ которыхъ участвуютъ ученики всѣхъ исповѣданій: не только православные, но и католики и протестанты.

Дѣло въ томъ: лишь только встрѣчаются оба друга, то сейчасъ же между ними происходятъ самые горячіе религіозные споры: каждый хвалитъ догмы и обряды своего исповѣданія и яростно нападая на догмы исповѣданія своего друга, издѣвается надъ ними въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ и вообще въ столь неприличной формѣ, вовсе не идущей къ серьезному дѣлу, что этими мѣстами книги не можетъ не оскорбляться религіозное чувство учениковъ, и не только учениковъ католиковъ и протестантовъ, но также и всѣхъ другихъ, не принадлежащихъ ни къ тому, ни къ другому исповѣданію. Особенно большое число такихъ мѣстъ мы находимъ въ 3-й главѣ книги, гдѣ, напримѣръ, на стр. 23 относительно „ученія о предопредѣленіи Божьемъ“ католикъ обращается къ кальвинисту съ слѣдующимъ вопросомъ: Und einen solchen *Unsinn* mutet Ihr der höchsten Weisheit zu? а на стр. 24, гдѣ рѣчь идетъ о почитаніи святыхъ и въ особенности Богородицы, кальвинистъ восклицаетъ: „Dieser *alberne* Ma-

riendienst“... при чемъ слова „albern“ въ примѣчаніяхъ подѣ текстомъ объясняется еще слѣдующими синонимами: dumm, thöricht, unsinnig, lächerlich... Такія и подобныя мѣста встрѣчаются и въ другихъ частяхъ разказа въ не маломъ числѣ.

Встрѣчается въ разказѣ и нѣсколько мѣстъ зротическаго характера, какъ напримѣръ, на стр. 46, 25—30 и стр. 47, 1—5; далѣе, на стр. 67, 11 — конца. Есть въ книгѣ и сцены довольно буйнаго характера, какъ напримѣръ, на стр. 15, гдѣ мы читаемъ: „Jetzt entstand ein sinnloses Getümmel, aus welchem Godillard mit zerschlagenem Kopfe weggetragen wurde und ich mich mit blutender, vom Wurf eines Glases zerschnittener Wange, zurückzog.“

Титъ Ливій. Книга XXII. Событія второй Пунической войны 217 и 216 гг. до Р. X. Съ введеніемъ, примѣчаніями и географическимъ указателемъ. Составилъ *Ив. Виноградовъ*. Часть I: Текстъ. Стр. IV+68. Часть II: Комментарій. Стр. 126. С.-Пб. Изданіе *К. Л. Риккера* 1898. Цѣна за обѣ части 1 руб. 20 коп.

Красиво, изящно, и даже роскошно изданная фирмою К. Л. Риккеръ 22 книга Ливія въ обработкѣ для русскихъ читателей г. Виноградова, представляетъ собою трудъ весьма добросовѣстно исполненный, при которомъ авторъ, г. Виноградовъ, имѣлъ пособіемъ превосходныя нѣмецкія комментированныя изданія: Вейсенборна-Мюллера и Вѣльффлина. Для большаго удобства читателей текстъ Ливія разбитъ на отдѣлы, краткое содержаніе которыхъ указывается издателемъ при ихъ началѣ. Съ тою же цѣлью въ печатный текстъ введено нѣсколько шрифтовъ, которыми обозначаются косвенная рѣчь, рѣчь зависящая, которая уже своею внѣшностью указываютъ юному читателю на свое синтактическое значеніе. Къ тексту присоединенъ краткій географическій указатель, въ которомъ отмѣчены мѣстности, упоминаемыя Ливіемъ въ 22-й книгѣ. Указатель этотъ составленъ полно и обстоятельно; мы не нашли въ немъ лишь области „Pupinia“, упоминаемой въ примѣчаніи къ 23-й главѣ, стр. 74. Что касается примѣчаній, то они составлены съ знаніемъ дѣла и дѣйствительно способствуютъ болѣе легкому и правильному пониманію латинскаго текста, обращая одинаковое вниманіе и на его изложеніе и на тѣ бытовыя подробности, о которыхъ въ немъ упоминается.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, которыя, быть можетъ, пригодятся г. Виноградову при новой обработкѣ его прекрасной книжки: стр. 16

„Lanaeque inter imbrem cadentis“, „и казалось будто шерсть стала падать среди дождя, съ дождемъ“; прибавка: „съ дождемъ“ излишня. Стр. 17. Излишне приводится пословица: „Отъ козла ни шерсти ни молока“, стр. 20: „По Варрону Феронія богиня вольноотпущенниковъ, въ храмѣ которой заслужившіе рабы получали знакъ свободы“. Что значить здѣсь слово: заслужившіе, неясно. Тамъ-же говорится, что въ храмѣ Сатурна въ Римѣ находилась государственная казна. Правильнѣе было бы сказать: близъ храма. Стр. 36 „Преувеличивать (въ другихъ изданіяхъ „haustum“ почерпать свѣдѣнія). Это одиночное указаніе на разночтеніе представляется довольно страннымъ. Стр. 38. „Contio“, собиралось обыкновенно по созыву должностнаго лица, напримѣръ, диктатора, консула, трибуна. Но были contiones собиравшіеся часто и не должностными лицами. На стр. 42 сказано, что диктатора избиралъ не народъ, а одинъ изъ консуловъ, уполномоченный на это сенатомъ, а на стр. 43 читаемъ, что народъ избралъ диктатора въ центуриатскомъ собраніи подъ предсѣдательствомъ претора. Стр. 48 говорится о какой-то квининальской общинѣ, объ которой мы дальнѣйшихъ указаній не встрѣчаемъ. На стр. 50 имѣемъ указаніе на терминъ „Trienastalis“, врядъ-ли вѣрное. Стр. 57, напечатано ошибочно: „Callicula, Rocca, Monfina, Massicus и рѣками. „Sava и Vulturinus“ вмѣсто „Callicula, Rocca Monfina, Massicus и рѣками „Savo и Volturnus“. Стр. 77, объ уравненіи правъ, полномочій, но не самой „Imperium“, которой не имѣлъ „Magister Equitum“. То заявленіе, что „Magister Equitum“ не имѣлъ „Imperium’a“ врядъ-ли безспорно. Стр. 80. Почетныя должности, сперва такъ называемыя „Magistratus minores“ (Tribunus plebis, aedilis plebeius), а затѣмъ „Magistratus maiores“, первую ступень къ которымъ была квестура. Строго говоря терминомъ „Magistratus minores“ назывались члены коллегіи 20—26 мужей, а народные трибуны и плебейскіе эдилы считались въ Римской табели о рангахъ выше квесторовъ. Стр. 94 „Patera“ сосудъ безъ ручекъ и ножки съ выпуклостью по срединѣ дна, иногда снабженный рукояткой. Объясненіе недостаточно вразумительное. Стр. 111, по закону Овиніеву цензоры должны были принимать въ Сенатъ только лицъ, отправлявшихъ курульныя должности. По свидѣтельству Феста, передающаго намъ недошедшій текстъ Овиніева закона, цензоры принимали въ Сенатъ „Ex omni ordine optimum quemque“. Стр. 120, „Toga praetexta“ не точно объясняется какъ обшитая пурпуровою полосою: по-

лоса была не нашита, но заткана, и терминъ „*toga praetexta*“ буквально соответствуетъ славянской „препрядѣ“. Всѣ сдѣланныя замѣчанія не настолько важны, чтобы умалить достоинства изданія г. Виноградова и оно вполне заслуживаетъ рекомендаціи въ качествѣ учебнаго пособия въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій, гдѣ читается латинскій текстъ Ливія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ИМПЕРАТОРСКІЙ КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1896—1897 ГОДУ.

Къ началу академическаго 1896—1897 года въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ состояли: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 7 оставленныхъ на службѣ, на основаніи 105 ст. университетскаго устава) 51, экстраординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 1 оставленный на службѣ, на основаніи 105 ст. университетскаго устава) 14, преподавателей восточныхъ языковъ въ званіи экстраординарнаго профессора 2, лекторовъ новыхъ языковъ 3, привать-доцентовъ 45, всего 116.

Въ теченіе академическаго года въ личномъ составѣ профессоровъ и преподавателей произошли слѣдующія перемѣны: деканъ историко-филологическаго факультета ординарный профессоръ по кафедрѣ греческой словесности Д. Θ. Бѣляевъ по случаю тяжелой и неизлѣчимой болѣзни, согласно прошенію, уволенъ въ отставку; доцентъ Юрьевскаго университета, магистръ философій, надворный совѣтникъ Е. А. Бобровъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Казанскаго университета по кафедрѣ философій; привать-доцентъ Казанскаго университета, магистръ международного права П. Е. Казанскій назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета по кафедрѣ международного права, а на его мѣсто въ Казанскій университетъ перемѣщенъ при-

вать-доцентъ Харьковскаго университета по кафедрѣ международнаго права М. И. Догель тѣмъ же званіемъ; помощникъ прозектора университета св. Владимира докторъ медицины И. Г. Савченко назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ общей патологии Казанскаго университета; консультантъ Тифлискаго военнаго госпиталя, докторъ медицины И. А. Праксинъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по кафедрѣ госпитальной хирургической клиники; привать-доцентъ Варшавскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи Г. В. Вульфъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи; лаборантъ Севастопольской биологической станціи, докторъ зоологіи А. А. Остроумовъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи; прозекторъ Томскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Н. А. Геркенъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ оперативной хирургіи; сверхштатный экстраординарный профессоръ Казанскаго университета по кафедрѣ ботаники В. К. Рстертъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ въ Харьковскій университетъ; экстраординарный профессоръ по кафедрѣ физики и физической географіи Д. А. Гольдгаммеръ перемѣщенъ тѣмъ же званіемъ на кафедру физики; г. министромъ народнаго просвѣщенія магистръ фармаціи Н. И. Кромеръ назначенъ привать-доцентомъ по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи Казанскаго университета.

Скончались въ минувшемъ учебномъ году: ординарный профессоръ по кафедрѣ физики, докторъ физики, статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Слугиновъ—10-го февраля 1897 года; хранитель кабинета при астрономической обсерваторіи кандидатъ математическихъ наукъ Яковъ Петровичъ Корнухъ-Троцкій—28-го іюля того же года и діаконь Университетской церкви на вакансіи псаломщика Александръ Егоровичъ Сперанскій—1-го іюля 1897 года.

За перечисленными измѣненіями къ началу 1897—1898 учебнаго года численность преподавательскаго персонала были слѣдующая: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 9 оставленныхъ на службѣ, на основаніи 105 ст. университетскаго устава) 54, экстраординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 1 оставленный на службѣ, на основаніи 105 ст. университетскаго устава) 14, преподавателей восточныхъ языковъ въ званіи экстраординарнаго профессора 2, лекторовъ новыхъ языковъ 3, привать-доцентовъ 45, итого 119.

Изъ числа почетныхъ членовъ университета въ теченіи 1896—1897 академическаго года скончались: профессоръ въ Берлинѣ Эмиль Дюбуа-Раймондъ (скончавшійся 4 (26) декабря 1896 года); заслуженный ординарный профессоръ Императорской Военно-медицинской академіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Ѳеодоровичъ Здекауэръ (скончавшійся 15-го января 1897 года); академикъ и профессоръ Берлинскаго университета Карлъ Вейерштрассъ (скончавшійся 8 (20) февраля 1897 года); тайный совѣтникъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (скончавшійся 8-го марта 1897 года); ординарный академикъ, тайный совѣтникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Буслаевъ (скончавшійся 31-го іюля 1897 года); бібліотекаръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Іосифъ Ѳеодоровичъ Готвальдъ (скончавшійся 7-го августа 1897 года) и высокопреосвященный Владиміръ архіепископъ казанскій и свѣяжскій (скончавшійся 2-го сентября 1897 года).

Вновь избраны въ почетные члены университета: Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, завѣдующій химическимъ отдѣломъ экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ профессоръ Маркеллъ Вильгельмовичъ Ненцкій, основатель Неаполитанской зоологической станціи профессоръ Антонъ Дорнъ и членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ астрономіи Василій Павловичъ Энгельгардтъ.

Въ минувшемъ учебномъ году, въ Казанскомъ университетѣ на одну недѣлю приходилось 662 лекціи; въ одинъ учебный день, считая его въ 6 часовъ—110 лекцій, а на каждый часъ—18 лекцій. За исключеніемъ изъ этого количества четырехъ лекцій по православному богословію, не приуроченныхъ къ одному какому нибудь факультету, остальное число лекцій распредѣляется по факультетамъ такимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ читалось въ недѣлю 115 лекцій, на физико-математическомъ 198, на юридическомъ—85 и на медицинскомъ 260, причемъ въ счетъ лекцій входило и значительное число часовъ, назначенныхъ по росписанію для практическихъ упражненій.

На историко-филологическомъ факультетѣ были практическія занятія по русской словесности и русскому языку, по всеобщей исторіи и географіи, по русской исторіи и географіи, по латинскому и греческому языкамъ; на юридическомъ факультетѣ по римскому и гражданскому праву; на факультетахъ физико-математическомъ и особенно медицинскомъ преподаваніе почти всѣхъ предметовъ стояло въ бли-

жайшей связи съ практическими занятіями. Ученая дѣятельность профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета выразилась кромѣ того въ свыше чѣмъ 210 отдѣльныхъ трудовъ, статей, докладовъ и проч.; въ командировкахъ съ ученою цѣлью были въ Россіи и за границей двадцать человѣкъ изъ числа профессоровъ и преподавателей.

Въ минувшемъ году въ ученую степень магистра совѣтомъ университета возведены: Н. А. Богословскій въ степень магистра минералогіи и геогнозіи, по защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „Рязанскій горизонтъ“ и дополненія къ нему „Верхне-юрскія и нижне-мѣловыя отложенія Европейской Россіи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“ и Е. В. Васьковскій въ степень магистра гражданскаго права, по защищеніи диссертациі: „Организація адвокатуры“. Въ степень доктора совѣтомъ университета возведены: И. П. Филевичъ—въ степень доктора русской исторіи, по защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „Исторія древней Руси. Т. I. Территорія и населеніе“, С. Ѳ. Глинка—въ степень доктора минералогіи и геогнозіи, по защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „Химическій составъ и оптическія свойства альбитовъ изъ русскихъ мѣсторожденій“, А. Н. Карножицкій—въ степень доктора минералогіи и геогнозіи, по защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „Евгеніе-Максимиліановскія минеральныя копи и нѣкоторыя другія новыя или малоизслѣдованныя мѣсторожденія минераловъ въ области Средняго Урала“ и Н. К. Бржескій въ степень доктора финансоваго права, по защищеніи диссертациі подѣ заглавіемъ: „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ“. По медицинскому факультету возведены въ степенъ доктора: А. К. Плошко, А. А. Элинсонъ, А. М. Ребровскій, Н. Ф. Виноградовъ, Б. И. Воротынский, І. А. Клячкинъ, Л. П. Комаровичъ и Н. Ѳ. Тюмянцевъ. Кромѣ этихъ высшихъ ученыхъ степеней Совѣтомъ университета въ 1896 году утверждены: въ званіи уѣзднаго врача 16, въ степеніи провизора 12, аптекарскаго помощника 52, дантиста 4 и въ званіи повивальной бабки 157.

Студентовъ университета къ 1 января 1896 года числилось 804; въ 1896 году поступило 219, выбыло 200 (до окончанія курса 56 и по окончаніи онаго 144); къ 1 января 1897 года числилось всего студентовъ 823, больше предыдущаго года на 19 человѣкъ. Распредѣленіе студентовъ по факультетамъ къ 1 января 1897 года представлялось въ слѣдующемъ видѣ: на факультетѣ историко-филологическомъ состояло студентовъ 39, на физико-математическомъ: разряда

математическихъ наукъ 47, разряда естественныхъ наукъ 96, на юридическомъ 159, на медицинскомъ 482, итого 823.

Къ 1 ноября сего 1897 года всѣхъ студентовъ состоитъ 864. въ томъ числѣ вновь поступившихъ 234. Всѣ они распредѣляются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому 32, по физико-математическому: разряда математическихъ наукъ 49, разряда естественныхъ наукъ 117, по юридическому 178, по медицинскому 488. Сравнительно съ числомъ студентовъ къ 1 ноября 1896 года студентовъ въ текущемъ году болѣе на 27 человекъ.

Постороннихъ слушателей въ Казанскомъ университетѣ къ 1 января 1896 года состояло 84 человекъ; въ 1896 году вновь поступило 38, а вышло 23; къ 1 января 1897 года ихъ состояло 99 человекъ.

Окончили курсъ: по историко-филологическому факультету 10, по физико-математическому: разряда математическихъ наукъ 10, разряда естественныхъ наукъ 11, по юридическому 21, по медицинскому 104, итого 156.

За сочиненія представленныя на заданныя факультетами темы, въ истекшемъ году награждены были золотыми медалями: студентъ Николай Внуковъ, за сочиненіе на тему: „Олигархія четырехсотъ и пяти тысячъ въ Аѳинахъ“, Михаилъ Романовъ—за сочиненіе на тему „Строеніе и развитіе стекловиднаго тѣла“ и Алексѣй Панинъ, за сочиненіе: „Значеніе серо- и бактерио-терапии при лѣченіи злокачественныхъ новообразованій“; серебряною медалью Гершовъ Хаимъ, за сочиненіе на тему „Центральныя связи двигательныхъ черепныхъ нервовъ“ и почетнымъ отзывомъ студентъ Владиміръ Фрейбургъ.

Въ 1896 году было выдано стипендій 201 студенту на сумму 42.904 р. 49 к. Общая сумма этихъ стипендій распредѣлялась между стипендіатами: казенными (16.130 р. 68 к.), стипендіатами разныхъ вѣдомствъ и учреждений (10.194 р. 70 к.) и стипендіатами на пожертвованные капиталы (16.579 р. 11 к.). Самыя большія стипендіи доходили размѣромъ до 446 р. 30 к. (имени бывшаго камергера двора Его Императорскаго Величества П. А. Сиверса) и самыя малыя (имени тайнаго совѣтника Н. Н. Ахматова и полковника Я. П. Яковлева) въ 114 р.

Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій по свидѣтельствамъ о бѣдности 177 студентовъ, изъ коихъ въ той и другой половинѣ года не вносили плату 66 студентовъ. Кромѣ того не вносили плату за слушаніе лекцій казенные стипендіаты, стипендіаты имени Н. М. Карамзина и медики стипендіаты казачьихъ войскъ,

коихъ въ первой половинѣ года было 61, а во второй 65 и затѣмъ, съ особаго разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, было освобождено въ осеннемъ полугодіи отъ взноса по 25 р. въ пользу университета 40 студентовъ.

Выдано пособій студентамъ: а) изъ суммы ассигнованной на стипендіи и пособія студентамъ 250 студентамъ 6.955 р. и б) отъ разныхъ лицъ, вѣдомствъ и учрежденій 198 студентамъ 9.041 р. 30 к. Всего въ теченіи 1896 г. употреблено на стипендіи и пособія студентамъ 58.900 р. 79 к.

Кромѣ того изъ особой суммы, ассигнованной на студенческую больницу, употреблено на покупку лѣкарствъ, на комиссаріатскіе припасы для студентовъ и на пособія имъ же 1.500 руб.

Затѣмъ изъ суммы, ассигнованной на стипендіи и пособія студентамъ, было употреблено 930 р. на содержаніе оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

Общество вспомошествованія бѣднымъ студентамъ Казанскаго университета за 1896 г. выдало ссудъ 30 студентамъ, на сумму 200 р. и внесло въ университетъ за слушаніе лекцій за 85 студентовъ 3.072 р. 50 к., а всего употребило 3.272 р. 50 к.

Лицъ, готовящихся къ профессорскому званію въ университетѣ въ минувшемъ году состояло 17 человекъ. По факультетамъ они распредѣлялись такимъ образомъ: при историко-филологическомъ факультетѣ состояло 3, при физико-математическомъ 5, при юридическомъ 7 и при медицинскомъ 2. Изъ этого числа получали стипендіи 13 человекъ и оставались при университетѣ безъ стипендіи 4 человекъ.

Денежныя средства университета достигали въ 1896—1897 академическомъ году до 550.670 р. Сумма эта составила слѣдующимъ образомъ: изъ государственнаго казначейства по штату и дополнительнымъ кредитамъ на удовлетвореніе обычныхъ потребностей университета отпущено было 418.740 р.; процентовъ съ принадлежащихъ университету благотворительныхъ капиталовъ (простирающихся почти до 564.000 р.)—получено было 24.000 р.; сборовъ за слушаніе лекцій поступило 34.375 р., да оставалось этихъ же суммъ 28.490 р.; доходовъ съ университетской типографіи 44.151 р. и отъ продажи растений изъ ботаническаго сада—917 р. Изъ нихъ израсходованы—штатная сумма сполна, а изъ специальныхъ средствъ университета—74.340 р. и изъ доходовъ съ благотворительныхъ капиталовъ—24.800 р.—итого 517.880 р. Кромѣ того отпущено было изъ государственнаго казначейства 129.625 р. на постройку новыхъ зданій

для клиникъ и на устройство астрономической обсерваторіи и бактериологическаго института. Благотворительныя капиталы университета увеличились на 16.100 р. и съ остаткомъ отъ 1896—1897 г. достигли 579.188 р.

При Императорскомъ Казанскомъ университетѣ состояли по прежнему слѣдующія ученыя общества: 1) Общество естествоиспытателей, 2) Общество физико-математическое. 3) Общество врачей, 4) Общество археологів, исторіи и этнографіи, 5) Общество невропатологовъ и психіатровъ и 6) Юридическое общество. Въ отчетномъ году обществомъ естествоиспытателей были организованы пять экскурсій съ ученою цѣлью. Въ истекшемъ году общество имѣло, кромѣ годичнаго собранія, 1 засѣданіе совѣта и 7 общихъ собраній, посвященныхъ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ и выслушанію научныхъ сообщений. Въ этихъ засѣданіяхъ были заслушаны 15 научныхъ сообщений. Въ отчетномъ году обществомъ издано 9 выпусковъ „Трудовъ“ (3—6 вып. вып. XXIX-го тома и 1—5 вып. XXX тома). Въ томъ же 1896 г. общество издало 27-й томъ протоколовъ своихъ засѣданій, въ приложеніяхъ къ которымъ, кромѣ программъ предполагавшихся въ 1896 г. экскурсій, напечатаны 8 статей ученаго содержания. Сношенія общества съ различными учеными обществами и учреждениями продолжали расширяться; оно высылало свои изданія 165 учреждениямъ и обществамъ (105 обществамъ и учреждениямъ Россіи и 60—Западной Европы, Азіи, Америки, Австраліи и Африки). Библіотека общества въ истекшемъ году значительно пополнилась главнымъ образомъ путемъ такого обмѣна изданіями и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 3.050 названій книгъ и періодическихъ изданій.

Физико-математическое общество къ 1-му января отчетнаго года состояло изъ 214 членовъ; къ 1-му января 1897 г. общество считало 216 своихъ членовъ; изъ нихъ одинъ почетный, три пожизненныхъ, мѣстныхъ 46 и иногороднихъ 170. Въ отчетномъ году общество имѣло 9 засѣданій; изъ числа ихъ торжественное засѣданіе 1-го сентября по поводу открытія памятника Н. И. Лобачевскому почтили своимъ присутствіемъ многочисленныя представители интеллигентной части городскаго общества. На засѣданіяхъ было сдѣлано 29 сообщений 18-ю лицами. По примѣру предыдущаго года въ истекшемъ году были организованы публичныя лекціи по физико-математическимъ наукамъ, успѣхъ которыхъ хотя и былъ далеко не такъ блестящъ, какъ предыдущихъ, обнаружилъ тѣмъ не менѣе полное сочувствіе и интересъ къ нимъ казанскаго общества,

выразившійся поданными въ Физико-математическое общество прошеніями разныхъ обществъ о предоставленіи льготъ относительно входной платы ихъ членамъ, которыя были всѣ уважены. Въ теченіе первыхъ шести недѣль великаго поста было прочтано 30 лекцій. За истекшій годъ выпущены: четвертый выпускъ V-го тома и два выпуска VI-го Извѣстій. Въ настоящее время общество обмѣнивается съ 98-ю учеными обществами, учрежденіями и редакціями, изъ коихъ 45 въ Россіи и 53 за границей—въ томъ числѣ 42 въ Европѣ, 10 въ Америкѣ и 1 въ Азій. За годъ поступило отъ 72-хъ обществъ 629 номеровъ періодическихъ изданій и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ.

Общество врачей въ отчетномъ году имѣло въ своемъ составѣ: 12 почетныхъ членовъ, 163 дѣйствительныхъ и 5 членовъ сотрудниковъ. Научная дѣятельность общества выразилась въ одномъ годовичномъ, 6 очередныхъ и 4 экстренныхъ собраніяхъ, на которыхъ было сдѣлано до 30-и докладовъ. Для обнародованія результатовъ своей дѣятельности общество располагаетъ печатнымъ органомъ „Дневникъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ“, который въ теченіе минувшаго года вышелъ въ количествѣ двухъ выпусковъ.

Общество археологій, исторіи и этнографіи, къ 18 марта 1897 г. общество имѣло 182 члена: 14 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 99 дѣйствительныхъ членовъ и 65 членовъ-сотрудниковъ. Въ этомъ числѣ съ 17-го марта 1896 г. вновь избрано: 6 дѣйствительныхъ членовъ и 2 члена-сотрудника. За время съ 17-го марта 1896 г. по 18-е марта 1897 г. было 10 засѣданій совѣта, 1 экстренное публичное собраніе, 1 экстренное общее собраніе, посвященное памяти К. О. Фукса и 5 общихъ собраній. На общихъ собраніяхъ были сдѣланы 25 докладовъ. За текущій годъ общество высылало свои изданія за границу въ 23 мѣста и въ Россіи 133 мѣста. Кромѣ того общество разсылало свои „Извѣстія“ бесплатно: всѣмъ почетнымъ членамъ и членамъ-соревнователямъ, а также и членамъ, внесшимъ годовой взносъ, и сотрудникамъ „Извѣстій“.

Общество невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ существуетъ шестой годъ. Къ 1-му января 1897 года общество состояло изъ 66 членовъ; въ томъ числѣ членовъ-учредителей 17, почетныхъ членовъ 6, дѣйствительныхъ членовъ 42 и 1 членъ-сотрудникъ. Изъ общаго числа членовъ мѣстныхъ 36 и иногороднихъ 30. Вновь поступило въ отчетномъ году 2 дѣйствительныхъ члена. Въ отчетномъ 1896 году было 8 засѣданій, въ томъ

числѣ одно годовое и семь очередныхъ. Въ очередныхъ научныхъ засѣданіяхъ сдѣлано 14 сообщеній.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ первое мѣсто занимаетъ главная университетская бібліотека. Къ 1-му января 1896 г. въ ней состояло книгъ, рукописей, картъ и плановъ 153.751 (64.078 названій); въ теченіи года поступило — 2.027 названій, а томовъ, картъ и т. д. — 3.161 и къ 1-му января 1897 г. состоитъ 156.922 (названій 66.105), на сумму свыше 470.000 р. Кромѣ того существуютъ еще бібліотеки: студенческая, бібліотека юридическаго факультета и бібліотека классической филологіи, имѣющія свыше 9.000 томовъ. Затѣмъ при университетѣ состоятъ еще музей отечествовѣдѣнія, музей древностей и искусствъ, нумизматическій музей, астрономическая обсерваторія, метеорологическая и магнитная обсерваторіи и кабинетъ физической географіи, кабинеты: минералогическій, геологическій, физическій, два физиологическія (физико-математическаго факультета и медицинскаго факультета), агрономическій, географическій, практической механики, геометрическо-чертежный, судебно-медицинскій, общей патологіи, гигиеническій, гистологическій и кабинетъ хирургической патологіи и терапіи; кабинеты съ лабораторіями: зоологическій, зоотомическій, техническій, фармакологическій, фармакогностическій, ботаническій кабинетъ съ музеемъ, лабораторіи: органической химіи, неорганической химіи, механическое заведеніе, ботаническій садъ, музей физиологической анатоміи и патологической анатоміи, клиники факультетская съ семью отдѣленіями, и госпитальная съ семью же отдѣленіями; стоимость различныхъ приборовъ, коллекцій и пр. въ этихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ опредѣляется приблизительно въ 500.000 руб. Кромѣ того, при Казанскомъ университетѣ состоятъ собственная типографія, литографія и словолитня, которая содержится на собственные средства, безъ всякаго пособія отъ казны; инвентарь ея оцѣнивается приблизительно въ 61.000 р.; годовою оборотъ ея — около 40.000 р.

Выразителемъ научно-литературныхъ трудовъ личнаго состава Казанскаго университета продолжалъ служить и въ минувшемъ году печатный университетскій органъ „Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета“. Въ 1896 году этого изданія выпущено 10 книжекъ, изъ коихъ двѣ лѣтнихъ по числу листовъ двойныя, въ 520 экземплярахъ. Они распределены такимъ образомъ: 18 экземпляровъ каждой книги поступили въ университетскій архивъ на храненіе, отъ 85 до 100

экземпляровъ выдавались профессорамъ и преподавателямъ университета, различнымъ учреждениямъ и лицамъ 119, отдѣльному цензору 10 экземпляровъ, завѣдующему типографіями чиновнику 1 экземпляръ, въ обмѣнъ на журналы и газеты 125 экземпляровъ, за границу въ академіи, университеты, ученые общества 86 экземпляровъ, подписчикамъ 18 экземпляровъ, всего 477 экземпляровъ. Остается въ университетскомъ архивѣ около 50 экземпляровъ каждой книжки.

Въ обмѣнъ на Ученыя Записки получено въ редакціи 136 изданій, на сумму приблизительно 1.200 руб.; сверхъ этого какъ русскія, такъ и иностранныя изданія поступали въ университетскую бібліотеку непосредственно, помимо редакціи, или чрезъ правленіе университета. Большую цѣнность для университета имѣютъ многочисленныя заграничныя изданія. Изъ числа поступающихъ въ редакцію изданій, передаваемыхъ своевременно въ университетскую бібліотеку, 92 названія помѣщались въ профессорской читальнѣ. Отъ подписчиковъ и за отдѣльныя книжки Ученыхъ Записокъ получено въ теченіи года 109 руб., которые по полученіи сдавались въ казначейство.

При посредствѣ Ученыхъ Записокъ Казанскій университетъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ высшими учебными заведениями, въ правительственными и общественными учреждениями русскими и иностранными, съ учеными обществами и редакціями періодическихъ изданій.

II.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЮРЬЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1897 ГОДУ.

Къ 1-му января 1898 г. личный составъ Императорскаго Юрьевского университета было слѣдующій: 1 профессоръ православнаго богословія, 35 ординарныхъ профессоровъ, 20 экстраординарныхъ профессоровъ, 7 доцентовъ, 1 преподаватель началъ архитектуры (университетскій архитекторъ), 1 астрономъ-наблюдатель, 2 прозектора, 8 приватъ-доцентовъ, 3 лектора, 1 учитель гимнастическихъ упражненій, всего 79 служащихъ по учебной части и кромѣ того 73 служащихъ по административной части.

Въ теченіе 1897 г. вышли изъ состава преподавателей: ординарный профессоръ по кафедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины Рудольфъ Кобертъ, уволенный отъ службы по прошенію, сверх-

штатный экстраординарный профессор по кафедрѣ гинекологіи Леонгардъ Кесслеръ, за выслугою срока, ординарный профессор по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней Александръ Губаревъ—перемѣщенный въ Московскій университетъ, въ качествѣ сверхштатнаго экстраординарнаго профессора по кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней и оставленный, по выслугѣ 25-ти лѣтъ по учебной части, при Юрьевскомъ университетѣ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, бывший ординарный профессор по кафедрѣ всеобщей исторіи Рихардъ Гаусманъ — перемѣщенный въ Новороссійскій университетъ, въ качествѣ ординарнаго профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи.

Назначены преподавателями въ Юрьевскій университетъ экстраординарными профессорами: по кафедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины—лаборантъ Московскаго университета, докторъ медицины Станиславъ Чирвинскій, и по кафедрѣ древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей — привать-доцентъ Новороссійскаго университета, магистръ греческой словесности Александръ Никитскій, доцентомъ древне-классической филологіи—привать-доцентъ по сему предмету Александръ Придикъ. Совѣтомъ университета допущены къ должности привать-доцента: бывший ассистентъ медицинской клиники, докторъ медицины Алексѣй Крупецкій—по специальной патологіи и клиникѣ, и магистръ римской словесности Артуръ Брокъ—по римской словесности.

Назначены: ректоромъ университета—ординарный профессор по кафедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій Будиловичъ, вновь на четыре года, деканами: богословскаго факультета—исправляющій должность ординарнаго профессора по кафедрѣ систематическаго богословія Іоаннъ Керстенъ и физико-математическаго факультета—исправляющій должность ординарнаго профессора по кафедрѣ минералогіи Францъ Левинсонъ-Лессингъ, оба на второе четырехлѣтіе.

Умеръ на службѣ заслуженный ординарный профессор по кафедрѣ ботаники Эдмундъ Руссовъ.

Вакантны въ настоящее время: кафедра мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, кафедра полицейскаго права (нынѣ замѣщена доцентомъ), кафедра акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, доцентура философіи права, доцентура финансоваго права (нынѣ замѣщена привать-доцентомъ), 4 изъ 10 штатныхъ доцентуръ (изъ коихъ 3 замѣщаются нынѣ экстраординарными профессорами), должность ученаго аптекаря.

должности лекторовъ итальянскаго и англійскаго языковъ, должности учителей рисованія и музыки, должность лаборанта фармаціи, должность ассистента фармакологическаго института и должность третьяго сверхштатнаго ассистента хирургической клиники, всего 17 должностей.

Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія учреждены при университетѣ должности сверхштатнаго ассистента при химическомъ, геологическомъ и физиологическомъ институтахъ и при госпитальной клиникѣ и должность втораго сверхштатнаго ассистента при судебно-медицинскомъ институтѣ.

Ежедневно въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ читали лекціи и происходили практическія занятія въ теченіе 522 часовъ. На историко-филологическомъ факультетѣ занято въ теченіи недѣли лекціями и практическими занятіями 83 часа, на юридическомъ—86, на богословскомъ 40, на физико-математическомъ 134 и на медицинскомъ 160; кромѣ того 6 часовъ читалось православное богословіе и 13 часовъ — языки французскій, латинскій, эстскій и финскій. На историко-филологическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета сохраняется преподаваніе политической географіи и государствовѣдѣнія, и существуютъ практическія упражненія въ технику статистики; изъ произведеній классической литературы въ теченіе года изучаемы были: Фукидида исторія, Лукіана „Анахарсисъ“, письма Цицерона, „Miles gloriosus“ Плавта и произведенія Веллія Патеркула. Поѣздки съ научною цѣлью предприняты были: профессорами — Квачаю, Зебергомъ, Красноженомъ, Рельманомъ, Рауберомъ, Дегио, Васильевымъ, Мукке, Пѣтуховымъ, Шмурло, Мальмбергомъ, фонъ-Кеннелемъ, Кнезеромъ, Тамманомъ, Миклашевскимъ, Кривцовымъ, Кондаковымъ, Хлопинымъ, Крашенинниковымъ, Ясинскимъ, Алексѣевымъ, Игнатовскимъ, Курчинскимъ, Левинсономъ-Лессингомъ, Левицкимъ, Кузнецовымъ и Андрусовымъ и доцентами Берендтсомъ и Придикомъ.

Студентовъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ числилось къ 1-му декабря 1897 года 1.026; по факультетамъ они распредѣлялись такъ: на богословскомъ было 155, юридическомъ 202, медицинскомъ 73, историко-филологическомъ 22 и физико-математическомъ 74. Кромѣ того слушателей по фармаціи 299, всего студентовъ и слушателей по фармаціи 1.325, постороннихъ слушателей состоитъ 9. Въ теченіе года присуждены слѣдующія званія и ученые степени: званіе дѣйствительнаго студента по факультетамъ: богословскому 19-ти лицамъ, юридическому 8, историко-филологическому 1, физико-математическому 9, всего 37. Степень кандидата по факультетамъ: богослов-

скому 12-ми лицамъ, юридическому 4, историко-филологическому 1, физико-математическому 7; всего 24. Степень магистра по факультетамъ: богословскому 1, физико-математическому 1, всего 2. По медицинскому факультету приобрѣли: званіе врачебнаго инспектора 1, званіе уѣднаго врача 3, степень доктора медицины 8, степень лѣкаря 118, степень магистра фармаціи 2, степень провизора 125, званіе зубнаго врача 3, званіе дантиста 22, званіе аптекарскаго помощника 58, званіе повивальной бабки 41, всего 381. Итого присуждены академическія и медицинскія званія и ученые степени 444 лицамъ.

Изъ числа слушателей университета въ 1897 г. награждены: студентъ богословскаго факультета Іоаннъ Вальтеръ—серебряною медалью за проповѣдь на тему предложенную факультетомъ, Митрофанъ Ткаченко—золотою медалью, за сочиненіе на тему „Выдача преступниковъ на основаніи международныхъ договоровъ Россіи“, Николай Корниловичъ—золотою, медалью за сочиненіе на тему „Микро—и—макроскопическое изслѣдованіе окоченѣнія сердца“, Николай Пановъ—золотою медалью за сочиненіе „Круглая язва желудка“, Михаилъ Бялобржекій—золотою медалью имени Креславскаго за работу надъ сравненіемъ геминновъ, полученныхъ двумя различными способами. Карлъ Касперсонъ—золотою медалью за сочиненіе „Экономическая характеристика тростниковыхъ и сфагновыхъ болотъ Россіи“ и Маркъ Бунимовичъ—серебряною медалью, за сочиненіе на тему „О примѣненіи барометрическихъ наблюденій горныхъ станцій“. Одно сочиненіе награды не удостоено. Для соисканія наградъ въ 1898 г. предложены слѣдующія темы: отъ богословскаго факультета: „*Ὁ οὐκ εἶσθε θεοὶ*“, „Церковная дисциплина въ древне-католическомъ вѣкѣ“ (вторично). Проповѣдь на текстъ Евангелія отъ Матѳея, гл. 5, ст. 8 (съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозиціею). Отъ юридическаго факультета: „Ноксальная отвѣтственность по римскому праву“, „Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность“. Для соисканія медали сенатора фонъ Брадке: „Древнѣйшія новгородскія писцовыя книги“. Отъ медицинскаго факультета: „Рѣка Эмбахъ, какъ источникъ для водоснабженія населенныхъ мѣстъ“ (экспериментальное изслѣдованіе); „Явленія въ ядрѣ кѣтки, сопутствующія процессу фиброплазіи“, „Объ образованіи сахара въ организмѣ подъ вліяніемъ фармакологическихъ средствъ“. Для соисканія медали князя Суворова: „Химическое изслѣдованіе косяна“. Для соисканія медали Креславскаго: „Химиче-

ское изслѣдованіе фаликсовой кислоты". На 1899 годъ: для соисканія медали князя Суворова: „Подвергнуть критическому разбору литературу о составныхъ частяхъ спорыньи и провѣрить выводы изъ него экспериментально-химически“. Для соисканія медали Креславскаго: „Изслѣдованіе продуктовъ распада сантонина, получаемыхъ при окисленіи“. Отъ историко-филологическаго факультета: „Политическіе и общественные идеалы и литературно-критическія возрѣнія А. С. Пушкина“ (вторично); „Нравственныя и политическія возрѣнія Еврипида“ и отъ физико-математическаго факультета: „Экологическая характеристика какой нибудь растительной формация или мѣстности Россіи на основаніи данныхъ литературныхъ и личныхъ наблюденій“; „О полусходящихся разложеніяхъ Бесселевскихъ функций съ произвольнымъ индексомъ“.

При Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ состоятъ слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: бібліотека, въ которой 1-го декабря 1896 г. состояло 192.180 томовъ, 122.851 диссертация, а къ 1-му декабря 1897 г.—сочиненій 196.459 томовъ и 127.699 диссертаций. При ней находится академическая читальня, которая была посѣждаема во II полугодіи 1896 г.—170 и въ I полугодіи 1897 г.—180 лицами, которыя уплатили по 3 р. за полугодіе всего 1.050 р. Выписаны были 70 журналовъ и 17 газетъ, всего 87 періодическихъ изданій, на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ и эстонскомъ языкахъ. Изъ числа журналовъ около 38 были строго научнаго содержанія по всѣмъ отраслямъ науки. Израсходовано было въ теченіе отчетныхъ двухъ полугодій 1.244 р. 95 коп.

Кромѣ того при университетѣ состоятъ: музей изящныхъ искусствъ, музей отечественныхъ древностей, астрономическая обсерваторія, фармацевтическій институтъ, кабинеты: химическій, физическій, математическій, экономическій съ лабораторіею для сельско-хозяйственной химіи, минералогическій, геологическій, зоологическій музей, ботанический садъ, метеорологическая обсерваторія, институты: анатомическій, сравнительной анатоміи, физиологическій, патологическій, гигиенический кабинетъ, фармакологическій институтъ, судебно-медицинскій институтъ, коллекція предметовъ по библейской и церковной археологій профессора Квачала, статистическій кабинетъ, кабинетъ оперативной хирургіи.

При университетѣ существуютъ издавна ученія общества—эстонское—для изученія мѣстной археологій и этнологіи и естествоиспытателей; въ теченіе 1897 г. открыто еще новое „Учено-литератур-

ное общество“, имѣющее своей цѣлью разработку и распространіе знаній, относящихся къ области наукъ историческихъ, филологическихъ и юридическихъ, а также установленіе болѣе тѣсной связи между лицами, которыя интересуются этими науками въ средѣ университетской и въ мѣстномъ образованомъ обществѣ.

ПОРЪЦКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРІЯ ВЪ ПЕРВЫЯ 25 ЛѢТЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

19-го ноября прошлаго 1897 года исполнилось 25 лѣтъ со времени открытія Порѣцкой учительской семинаріи. Какъ ни малъ подобный періодъ въ жизни не отдѣльнаго человѣка, а цѣлаго учрежденія, все же онъ не безынтересенъ, тѣмъ болѣе, что всѣ учительскія семинаріи возникли именно въ это 25-тилѣтіе и сложились въ одинъ строго опредѣленный типъ.

Село Порѣцкое, гдѣ открыта 19-го ноября 1872 г., учительская семинарія, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Суры въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ 40 верстахъ отъ уѣзнаго города Алатыря. Съ высокаго холма (въ 50 с. высоты), занимаемаго селомъ, открывается широкій видъ на низменное луговое Засурье, ограниченное на краю горизонта сплошнымъ поясомъ хвойныхъ и липовыхъ лѣсовъ, на столько глухихъ и обширныхъ, что въ нихъ водятся не только медвѣди, но и лоси. Это тѣ самые лѣса, которыми шла при Иоаннѣ Грозномъ русская армія для завоеванія Казани, и гдѣ русскіе, по словамъ очевидцевъ, встрѣтили великое во всемъ изобиліе, „лоси являлись стадами, рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю предъ ними“¹⁾).

Слѣдъ этого пути сохранился доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ видѣ земляныхъ валовъ, по расположенію своему схожихъ съ укрѣпленную стоянку или лагеремъ. Тутъ дѣйствительно прямой кратчайшій путь на Свѣяжскъ, опорный пунктъ въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ враждебной Казани.

¹⁾ Карамзинъ, томъ VIII-й стр. 158.

Числомъ жителей (5.000) и стройкою Порѣцкое напоминаетъ небольшой уѣздный городокъ. Двухъэтажные дома съ покрашенными крышами, даже каменные, шесть церквей, изъ которыхъ одна, соборная съ колокольнею въ 32 сажени высоты, не заурядной архитектуры,—все это отличаетъ его отъ обыкновенныхъ сель великороссійскихъ. Это именно скорѣе городокъ или по крайней мѣрѣ посадъ. Таковы же и жители его, скорѣе по занятіямъ горожане, чѣмъ сельчане. Только меньшинство земледѣльцы; остальные занимаются торговлей, промыслами и ремеслами. Особенно много въ Порѣцкомъ кожевниковъ, столяровъ и мѣдниковъ. Отхожіе промыслы особенно въ Сибирь, для работъ на заводахъ, очень развиты; до 300 человекъ всегда находятся въ отлучкѣ; дома свои или вовсе заколачиваютъ или сдаютъ въ аренду. Часть Порѣцкой молодежи уже усвоила себѣ сюртуки и др. принадлежности городского одѣянія; порѣчанки сохранили до сихъ поръ золототканые парчевые сарафаны, тяжелые золотые кокошники, фаты и бусы и весь женскій костюмъ центральный великороссіи прошлаго вѣка. Костюмъ этотъ хотя и весьма дорогъ, но за то хранится десятки лѣтъ, переходя по наслѣдству отъ бабушекъ къ внучкамъ.

Въ Порѣцкомъ была барская усадьба графовъ Салтыковыхъ, а затѣмъ гг. Мятлевыхъ. Обширное, двухъэтажное съ мезониномъ каменное зданіе барскаго дома и послужило помѣщеніемъ семинаріи. Богатѣйшее это имѣніе въ 1860 гг. было куплено у гг. Мятлевыхъ удѣльнымъ вѣдомствомъ за 1 миліонъ рублей. Когда же возникъ вопросъ объ основаніи учительской семинаріи, то домъ и усадьба вмѣстѣ съ флигелями и службами, съ Высочайшаго соизволенія уступлены въ бесплатное пользованіе учительской семинаріи. Это и опредѣлило окончательно мѣсто открытія новой семинаріи, которая первоначально предполагалось къ открытію въ городѣ Сердобскѣ, Саратовской губерніи. При домѣ превосходный садъ. Этотъ садъ — драгоценное сокровище для семинаріи. Оправленный отъ запущенія, онъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ для семинаристовъ и наставниковъ. Здѣсь богатый цвѣтникъ, парники, питомникъ, красивая большая бесѣдка, годная даже для танцевъ и игръ, кегельбанъ, гимнастическіе снаряды, наконецъ, пасѣка, состоящая изъ 150-ти, преимущественно соломенныхъ ульевъ, изготовленныхъ семинаристами въ мастерскихъ семинаріи; эта пасѣка, а отчасти и весь садъ, служатъ учебнымъ цѣлямъ семинаріи.

Такъ какъ уступленныхъ удѣльнымъ вѣдомствомъ зданій было все-таки недостаточно для помѣщенія семинаріи въ полномъ ея составѣ,

да къ тому же они требовали значительныхъ исправленій и приспособленій, то симбирское губернское собраніе ассигновало 26 тысячъ руб. съ тѣмъ, чтобы на нихъ исправить примѣнительно къ удобствамъ учительской семинаріи уже существовавшія помѣщенія и выстроить для нея 2 деревянныхъ двухъэтажныхъ дома и одинъ одноэтажный флигель. Впослѣдствіи при окончательной передачѣ семинаріи министерству народнаго просвѣщенія на окончательную отдѣлку и ремонтъ зданій земство ассигновало еще 7 тысячъ рублей. Такимъ образомъ семинарія возникла благодаря совокупнымъ усиліямъ правительства и земства Симбирской губерніи, просвѣщенные представители котораго влагали даже свой личный трудъ по надзору за возведеніемъ и постройкою зданій.

Основанная вдали отъ значительныхъ центровъ и внѣ водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, семинарія встрѣчала первоначально многія препятствія въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ своихъ потребностей. Не было ни библіотеки, ни учебныхъ пособій, ни даже классной мебели; были только кое-какіе учебники, присланные изъ упраздненныхъ Пермскихъ педагогическихъ курсовъ. Приобрѣтать все остальное было крайне затруднительно. Классная мебель приобрѣталась, напримѣръ, изъ-за 200 верстъ изъ Нижняго и Симбирска. Оттуда же черезъ транспортныя конторы приходили, выписанныя со вѣтомъ семинаріи изъ магазиновъ и складовъ книги и учебныя пособия, но приходили такъ не исправно и съ такими задержками, что многія пособия получены были только въ третьемъ учебномъ году, а иные и совсѣмъ не были получены. Первое время требованіямъ семинаріи не довѣряли, ибо ея и не знали и самые заказы изъ какого то Алатырскаго уѣзда, пожалуй, принимали за мистификацію. Да и не удивительно: здѣсь была такая глушь, что не было даже почтовой станціи. Пришлось много поработать при устраненіи этихъ внѣшнихъ препятствій.

Одновременно съ тѣмъ начиналось и внутреннее устройство семинаріи, постановка въ ней учебно-воспитательнаго дѣла. Тутъ встрѣтились препятствія иного рода. Немногочисленному педагогическому составу, состоявшему только изъ одного наставника и директора съ законоучителемъ, пришлось имѣть дѣло, правда, пока съ однимъ только классомъ, но весьма многолюднымъ и по составу своему весьма необычнымъ въ сравненіи съ послѣдующими годами существованія семинаріи. По происхожденію это были на половину дѣти духовенства, а по образованію $\frac{2}{3}$ ученики уѣзнаго училища и $\frac{1}{3}$ духовныхъ се-

минарій и духовныхъ училищъ. Они были приняты въ семинарію не по экзамену. Это были 16-ти-лѣтніе юноши, крайне малоразвитые; свѣдѣнія ихъ по разнымъ предметамъ были весьма скудны и отрывочны, русскій языкъ они знали очень плохо, по исторіи же, географіи и естествовѣдѣнію почти совсѣмъ ничего не знали. Они были крайне застѣнчивы, скромны и боязливы въ отношеніи къ своимъ наставникамъ. Пришлось такимъ образомъ „вливать вино новое въ мѣха старые“. Результатъ отъ этого, конечно, не могъ получиться скоро и вполне удовлетворительно. Съ самаго начала педагогическій совѣтъ постѣпшилъ выработать программу того, что необходимо и возможно было пройти въ первомъ классѣ по различнымъ учебнымъ предметамъ. Онъ всячески старался искоренить въ воспитанникахъ ложный, чисто формальный взглядъ на учебныя занятія, выработанныя у нихъ старою школою. Поэтому, при обсужденіи вопроса объ оцѣнкѣ познаний воспитанниковъ баллами, совѣтъ нашель, что она излишня уже потому, что всѣ преподаватели поставлены слишкомъ близко другъ къ другу, ежедневно видятся между собой и весьма часто обмѣниваются замѣчаніями объ ученикахъ, опредѣляя причины ихъ малоуспѣшности и изыскивая средства помочь этому. Совѣтъ рѣшился замѣнить классный журналъ особою учебною вѣдомостью, въ которой за каждые два мѣсяца выставляются отмѣтки по успѣхамъ и поведенію учениковъ; директоръ объявлялъ воспитанникамъ о результатахъ ихъ занятій и объ оцѣнкѣ ихъ поведенія.

Чтобы убѣдиться, насколько хорошо и одинаково ли всѣми воспитанниками усваивается учебный матеріалъ, существовали кромѣ ежедневныхъ уроковъ, письменные отвѣты, которые назначались чрезъ опредѣленные промежутки времени. Разъ въ недѣлю вечеромъ воспитанники и наставники собирались вмѣстѣ. На этихъ собраніяхъ читались статьи педагогическаго и литературнаго содержанія, а также сочиненія самихъ учениковъ.

Эти мѣры не замедлили отразиться на воспитанникахъ весьма хорошими послѣдствіями; въ нихъ стала понемногу пробуждаться любознательность, исчезла прежняя робость и они стали довѣрчивѣе относиться къ наставникамъ.

Съ началомъ 1873—74 учебнаго года въ семинаріи былъ открытъ II-й классъ, въ учебный курсъ котораго введены новые предметы: педагогика, геометрія, физика; курсъ другихъ предметовъ значительно расширился. Контингентъ вновь принятыхъ въ I-й классъ учениковъ былъ гораздо лучше прежняго, такъ какъ они приняты

были по экзамену. Размѣръ требованій отъ вновь поступающихъ былъ опредѣленъ и выработанъ совѣтомъ семинаріи. Мало по малу устраивалась библіотека, получались изъ С.-Петербурга и Казани учебныя пособія; начались работы въ саду и мастерскихъ, открылась начальная школа. Работы въ саду и мастерскихъ имѣли цѣлю какъ сообщеніе ученикамъ полезныхъ практическихъ знаній по ремесламъ и сельскому хозяйству, такъ и то, чтобы по возможности улучшить физическое развитіе учащихся, чему особенно способствовали садовые работы и гимнастическія упражненія. Перешедшій во владѣніе семинаріи фруктовый садъ и огородъ на 6 десятинахъ доставляли эти работы въ изобиліи. Расчетка старыхъ, заросшихъ дорожекъ, устройство новыхъ, уборка мусора, камней, оставшихся отъ старыхъ когда-то существовавшихъ зданій; срываніе бугровъ и засыпаніе ямъ; подрѣзка яблоней, сливъ и вишенъ, пересадка, копанье грядъ для огородныхъ, цвѣточныхъ и плодовыхъ деревьевъ, наконецъ, разведеніе новаго плодоваго сада и питомника, — вотъ чѣмъ занимались ученики семинаріи въ послѣобѣденныя часы. Въ зимнее время эти часы посвящались столярному ремеслу. Работы эти происходили въ 2-хъ большихъ и высокихъ комнатахъ, свѣтлыхъ и правильно вентилируемыхъ.

Съ открытіемъ начальной школы воспитанники II-го класса ежедневно удѣляли одинъ часъ на ея посѣщеніе. Чтобы наблюденія надъ уроками въ школѣ не пропадали безслѣдно, педагогическій совѣтъ нашель нужнымъ предложить воспитанникамъ по очереди письменно составлять отчетъ о выслушанныхъ ими урокахъ въ школѣ.

Такъ какъ учениковъ было еще не очень много и наставники имѣли возможность составить вполне точныя понятія объ ихъ успѣхахъ и, вообще, степени познаній, то въ концѣ 1873—74 учебнаго года, при наступленіи срока испытаній, педагогическимъ совѣтомъ рѣшено было, лучшихъ воспитанниковъ перевести безъ экзамена въ слѣдующіе классы, худшихъ оставить въ томъ же классѣ; остальныхъ же подвергнуть экзамену по всѣмъ учебнымъ предметамъ.

Настоящая школьная практика, эта душа семинарской педагогики, началась для семинаристовъ только съ открытіемъ III-го класса. Учебный матеріалъ для уроковъ въ начальной школѣ выбирался и подвергался всестороннему обсужденію на предварительныхъ общихъ собраніяхъ директора и наставниковъ съ воспитанниками III-го класса. Лишь въ общихъ чертахъ намѣчался тотъ путь, которому необходимо было слѣдовать, а разработка урока въ подробностяхъ предоставлялась самимъ практикантамъ. Здѣсь не требовалось письменнаго изло-

женія программы (какъ это дѣлается теперь), она не подвергалась просмотру и исправленію, а каждый очередной практикантъ, обдумавъ дома свой урокъ давалъ его въ школѣ въ присутствіи директора, наставниковъ и товарищей. Предоставляя такой просторъ самодѣятельности семинаристовъ въ подготовкѣ практическихъ уроковъ, совѣтъ не ошибся, предположивъ, что этимъ самымъ вызвано будетъ соревнованіе между воспитанниками, стремленіе приготовиться какъ можно лучше. Уроки велись весьма удачно. Въ концѣ недѣли практическія упражненія подвергались на педагогической бесѣдѣ обсужденію семинаристовъ-товарищей подъ руководствомъ директора и преподавателей. Этимъ бесѣдамъ велись протоколы, составляемые по очереди воспитанниками старшаго класса.

Уча другихъ, воспитанники III-го класса продолжали учиться сами, успѣшно пополняя пробѣлы своего образованія. Кромѣ уроковъ по различнымъ предметамъ, которые требовали домашняго приготовленія, и кромѣ письменныхъ упражненій, задаваемыхъ чрезъ каждыя двѣ недѣли, воспитанникамъ этого класса давались темы для составленія курсовыхъ сочиненій по указаннымъ источникамъ. Темы давались больше методологическаго характера, соотвѣтственно поставкѣ предмета, по которому давалась тема, въ народной школѣ.

Въ концѣ мая 1875 г. прекратились уроки у воспитанниковъ III класса, а съ 3-го до 15-го іюня производились окончательныя испытанія. Воспитанники I и II опять не подвергались переводнымъ испытаніямъ. Лучшіе по годовымъ отмѣткамъ переведены были въ слѣдующіе классы, а худшіе оставлены въ тѣхъ же классахъ. Учебныя занятія въ этихъ классахъ продолжались до времени начала экзаменовъ въ III классѣ, то-есть до 3-го іюня. Съ этого времени воспитанники II класса посѣщали всѣ уроки образцовой школѣ; это было тѣмъ болѣе для нихъ необходимо, что до того времени имъ не удавалось видѣть цѣльный ходъ занятій въ начальной школѣ. А воспитанники I класса ежедневно занимались практическимъ землѣріемъ, садоводствомъ и нѣсколько разъ предпринимали съ наставниками экскурсіи въ лѣсъ и въ поле для ознакомленія съ мѣстною флорою; многіе изъ нихъ составляли для себя небольшіе гербаріи. Въ послѣдствіи составленіе гербарія для учениковъ II класса сдѣлалось обязательною практическою работою по ботаникѣ, задаваемою на вакаціонное время.

Воспитанники III класса подверглись окончательнымъ испытаніямъ изъ всего пройденнаго въ теченіе трехлѣтняго семинарскаго

курса. Кромѣ устныхъ отвѣтовъ по всеѣмъ предметамъ, они испытывались и письменно по педагогикѣ, русскому языку и ариметикѣ. Окончательныя эти испытанія произвели на членовъ педагогическаго совѣта весьма отрадное впечатлѣніе. Испытанія эти показали, что воспитанники свободно и правильно владѣютъ какъ устною, такъ и письменною русскою рѣчью, приобрѣли довольно много весьма полезныхъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ для будущей своей педагогической дѣятельности и сознательно усвоили ихъ. Въ самыхъ отвѣтахъ воспитанниковъ, въ тонѣ ихъ голоса не было слышно ничего заученнаго, тѣмъ болѣе зазубреннаго; ихъ отвѣты отличались выразительностію. Юные по годамъ, они, судя по отвѣтамъ, казались совершенно взрослыми. Въ ихъ разказахъ слышалось основательное и толковое знакомство съ тѣмъ матеріаломъ, который они передавали; видно было, что приобретенныя ими знанія сдѣлались ихъ полнымъ умственнымъ достояніемъ. Это были первые 12-ть учителей, выпущенные изъ нашей семинаріи. Этимъ же выпускомъ закончился первый и самый трудный періодъ организаціи внутренней учебно-воспитательной жизни заведенія. Мало по малу все входило въ обычную норму. Педагогическій составъ на 1876 годъ сдѣлался полнымъ. Къ этому же времени сильно разрослись кабинетъ учебныхъ пособій и бібліотека. Благодаря неполному размѣщенію стипендій, за первые годы получались большіе остатки, которые, съ разрѣшенія начальства, употреблялись на выпускъ книгъ и пособій. Въ настоящее же время со стороны учебной обстановки семинаріи могла бы позавидовать далеко не одна городская средняя школа. Въ бібліотекахъ фундаментальной, ученической и начальнаго училища находится 6.488 томовъ на сумму 10.594 руб., въ кабинетахъ и учебныхъ пособій 1.100 № на сумму 7.000 тысячъ рублей.

Въ дальнѣйшемъ устроеніи семинаріи важное значеніе имѣло открытіе при ней пригготовительнаго класса. Практика первыхъ трехъ лѣтъ жизни семинаріи показала, что она не обезпечена вполне пригоднымъ контингентомъ учениковъ, поступающихъ въ I классъ. Готовя учителей для сельской школы, естественно было остановиться на мысли, дать деревнѣ учителя такого, который близко зналъ бы крестьянскую жизнь и былъ бы чуждъ по своему воспитанію городскихъ привычекъ, довольствуясь скромною долей сельскаго учителя. Вотъ почему министерствомъ народнаго просвѣщенія было сдѣлано распоряженіе о пригготовленіи кандидатовъ въ воспитанники учительскихъ семинарій изъ учениковъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Для того же, чтобы уче-

ники этихъ школъ, оканчивающіе свое ученіе обыкновенно въ 13—14-лѣтнемъ возрастѣ, и предназначенные къ поступленію въ семинарію до 16-ти лѣтняго возраста не потеряли охоту къ дальнѣйшему ученію и не забыли бы своихъ познаній, приняты были мѣры къ специальной подготовкѣ такихъ кандидатовъ, для поступленія въ семинарію при двухклассныхъ народныхъ училищахъ подѣ непосредственнымъ руководствомъ учителей этихъ школъ. Но вслѣдствіи малаго числа двухклассныхъ школъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ семинаріей (въ Симбирской губерніи ихъ тогда не было еще ни одной), а равно и того, что учителя сельскихъ школъ иногда отказывались отъ продолженія занятій съ учениками-кандидатами въ семинарію по недостатку-ли собственнаго образованія или по недостатку времени при своихъ занятіяхъ въ многолюдныхъ школахъ—эти столь желательные ученики для I класса семинаріи рѣдко появлялись въ числѣ экзаменуемыхъ. Наѣзжало много разныхъ неудачниковъ изъ гимназій, реальныхъ училищъ, духовныхъ семинарій. Эти отбросы другихъ заведеній, конечно, рѣдко могли дать пригодные элементы для семинаріи. Пріѣзжало ихъ много, принимать приходилось мало, да и то часто сомнѣваясь въ ихъ будущемъ поведеніи и вообще добрыхъ качествахъ.

Вслѣдствіе всего этого по ходатайству совѣта разрѣшено было готовить кандидатовъ въ I классъ семинаріи изъ дѣтей сельскихъ сословій при самыхъ семинаріяхъ въ особыхъ приготовительныхъ классахъ. Открытіе такого класса въ Порѣцкой семинаріи послѣдовало съ началомъ 1876 — 1877 учебнаго года. Съ этого времени перевѣсъ крестьянъ въ составѣ учениковъ семинаріи дѣлается значительнѣе, ибо въ приготовительный классъ до послѣдняго времени могли быть принимаемы только дѣти крестьянъ. Кромѣ того ученики этого класса переходятъ въ I классъ семинаріи весною, по обычномъ годовомъ испытаніи. Слѣдовательно ими прежде всего замѣщаются свободныя вакансіи семинаріи. Это обстоятельство послужило причиной того, что доступъ въ семинарію для молодыхъ людей иной подготовки сдѣлался очень труденъ, тѣмъ болѣе, что наплывъ желающихъ изъ года въ годъ не только не уменьшается, но увеличивается. Отъ открытія приготовительнаго класса семинаріи несомнѣнно много выиграла, ибо составъ учениковъ I класса сталъ болѣе однороднымъ и лучше подготовленнымъ.

Дѣло внутренняго устройства семинаріи продолжалось и далѣе подобно назрѣвавшимъ потребностямъ.

Такъ 23-го апрѣля 1876 г. педагогическій совѣтъ составилъ пра-

вила о переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ; въ ноябрѣ и декабрѣ 1877 г. составилъ правила для воспитанниковъ семинаріи. 24-го марта 1878 г. совѣтъ разсматривалъ и утвердилъ правила храненія и выдачи книгъ изъ семинарской бібліотеки; 2-го іюня 1878 г. составлены правила для наставниковъ-наблюдателей; 1-го сентября 1878 г. составлены правила для дежурныхъ наставниковъ; 24-го ноября и 8-го декабря того же года составлены правила о взысканіяхъ съ учениковъ. 13-го марта 1879 г. совѣтъ семинаріи ходатайствовалъ о назначеніи особаго врача въ Порѣцкой учительской семинаріи; 12-го ноября 1879 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи должности врача въ семинаріи съ содержаніемъ по 800 руб. въ годъ. Врачъ при семинаріи сталъ преподавать анатомію съ физиологіей. Ему же были поручены три недѣльныхъ урока гигиены. Правильное преподаваніе этого предмета въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ учительскія семинаріи, несомнѣнно имѣетъ очень большую важность.

28-го апрѣля 1880 года возбуждено было ходатайство объ увеличеніи курса учительской семинаріи еще не одинъ годъ и о назначеніи особаго преподавателя специалиста по естествовѣдѣнію.

Степень умственнаго развитія и объемъ тѣхъ свѣдѣній, съ которыми въ большинствѣ случаевъ являются ученики въ учительскую семинарію, слишкомъ невелики для того, чтобы въ теченіе 3-хъ годичнаго ея курса вполне достичь даже тѣхъ скромныхъ результатовъ въ учебномъ отношеніи, какіе намѣчены въ инструкціи для учительскихъ семинарій. Поэтому открытіе IV класса при учительской семинаріи имѣло бы важное значеніе особенно еще и потому, что устранило бы необходимость для воспитанниковъ III класса во время практическихъ занятій въ школѣ въ теченіе цѣлаго учебнаго года еженедѣльно по очереди пропускать своихъ 19-ть теоретическихъ уроковъ. Опушеніе этихъ уроковъ, не можетъ, конечно, не отражаться весьма неблагоприятно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ воспитанниковъ, на успѣшности ихъ занятій. Съ открытіемъ же IV класса было бы вполне удобно расположить практическія и теоретическія занятія въ учительской семинаріи такимъ образомъ, что бы ни тѣ, ни другія не совпадали и поэтому не могли бы опускаться воспитанниками. Съ открытіемъ IV класса открылось бы болѣе простора для болѣе основательнаго, чѣмъ въ настоящее время, ознакомленія воспитанниковъ семинаріи съ естествовѣдѣніемъ и его прикладными сторонами — садоводствомъ, огородничествомъ и дру-

гими отраслями сельскаго хозяйства, знаніе которыхъ весьма полезно для дѣятельности сельскаго учителя.

Ходатайство это, впрочемъ, не увѣнчалось успѣхомъ, хотя съ тѣхъ поръ необходимость введенія въ курсъ учительскихъ семинарій сельскаго хозяйства сдѣлалось еще настоятельнѣе послѣ того, какъ 12-го мая прошлаго года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому (ст. 1-я) „училищамъ, представляющимъ необходимыя условія прочнаго существованія, могутъ быть отводимы земельные участки для хозяйственныхъ и педагогическихъ надобностей училища, а равно учащихъ и учащихся въ оныхъ“.

Весьма естественно теперь еще болѣе желать, чтобы, для вполне цѣлесообразнаго пользованія земельными при училищахъ участками, воспитанники Порѣцкой учительской семинаріи, какъ будущіе учителя начальныхъ сельскихъ училищъ были ознакомлены въ связи съ естественнѣдѣніемъ съ основами сельскаго хозяйства вообще, и съ садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ въ частности, какъ такими отраслями сельскаго хозяйства, которыя по мѣстнымъ условіямъ представляются наиболѣе важными.

Въ 1883 г. введено преподаваніе пчеловодства по одному уроку въ I и II классахъ семинаріи. Совѣтъ нашель, что пчеловодство, какъ отрасль сельскаго хозяйства, и по нѣкоторымъ мѣстнымъ условіямъ и по самому характеру и назначенію такихъ учебныхъ заведеній, каковы учительскія семинаріи, вполне достойно быть предметомъ класснаго преподаванія, занятіе пчеловодствомъ очень развито и во всей Симбирской губерніи. Село Порѣцкое представляетъ собою настоящій пчеловодный центръ. Только около села, въ окружающихъ его удѣльныхъ лугахъ и лѣсахъ, существуетъ 308 пчельниковъ. Поэтому было особенно желательно, чтобы сельскіе учителя, выпускаемые изъ Порѣцкой семинаріи, имѣли рациональныя свѣдѣнія по этой отрасли сельскаго хозяйства.

Завода при школахъ небольшія пасѣки, они могли внести свѣтъ въ эту область народнаго труда, гдѣ многое еще держится на темномъ преданіи и предрасудкахъ, вредныхъ для успѣховъ пчеловодства. И для самихъ учителей-семинаристовъ пчеловодство въ ихъ условіяхъ самое подходящее занятіе изъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. Оно не требуетъ ни земли, которой еще нѣтъ при большей части этихъ школъ, ни значительныхъ денежныхъ средствъ, которыхъ тоже нѣтъ у учителей.

Преподаваніе пчеловодства въ семинаріи приравнено во всемъ къ

другимъ предметамъ. Экзамены бываютъ какъ при переходѣ изъ класса въ классъ, такъ и при окончаніи курса изъ всего пройденнаго. Практическія занятія по пчеловодству ведутся въ лѣтнее время вмѣстѣ съ садовыми работами. Берется на пасѣку группа учениковъ по очереди, чтобы всѣ они имѣли возможность видѣть въ практическомъ приложеніи то, что узнали теоретически на урокахъ по пчеловодству.

Въ зимнее время практическія работы по пчеловодству ведутся въ мастерскихъ по отдѣлу учебника „Ульи и ихъ устройство“. Плетутся изъ соломы усовершенствованныя соломенные бездонки, какъ наиболѣе простыя и приспособленныя къ крестьянскому хозяйству, а потому и болѣе желательныя на пасѣкѣ народнаго учителя. Занятія эти очень интересуютъ учениковъ и они изготовляютъ ульи весьма хорошаго качества. Эти ульи имѣютъ обезпеченный сбытъ. тѣмъ болѣе, что семинарія продаетъ ихъ только по цѣнѣ стоимости матеріала. Со времени начала этого дѣла всего продано около 180 ульевъ, въ разныя губерніи Европейской Россіи. Изъ числа окончившихъ курсъ въ семинаріи, болѣе 20-ти человекъ уже завели пасѣки при школахъ; нѣкоторые изъ нихъ удостоились даже наградъ на выставкахъ за продукты своихъ пасѣкъ.

Въ 1891 году метеорологическая стѣть Европейской Россіи увеличилась на одну станцію; она открыта при Порѣцкой семинаріи. Наблюденія ведутся правильно и постоянно воспитанниками III класса. Кромѣ прямой пользы, приносимой этою станціей, она даетъ семинаристамъ практическія работы къ нѣкоторымъ отдѣламъ физики и географіи.

Въ 1893 году вслѣдствіе предложенія начальства учебнаго округа обсуждался вопросъ объ устройствѣ интерната для воспитанниковъ семинаріи. Вопросъ этотъ возбуждался впрочемъ неоднократно и ранѣе и педагогическимъ совѣтомъ подробно рассмотрѣны всѣ детали этого сложнаго дѣла. Но при всемъ этомъ, и при доказанной важности и необходимости его устройства, дѣло останавливалось всегда за недостаткомъ средствъ. По этой же причинѣ не разрѣшенъ и другой важный вопросъ, отчасти находящійся въ связи съ первымъ, именно вопросъ объ устройствѣ домовою церкви при семинаріи. Нужно впрочемъ, надѣяться, что въ будущемъ средства найдутся и важныя потребности семинаріи будутъ удовлетворены.

Текущимъ вопросомъ семинарской жизни можно считать вопросъ о назначеніи особаго учителя чистописанія, черченія и рисованія.

Въ ряду учебныхъ предметовъ семинарскаго курса черченіе и ри-

сованіе должны занимать видное мѣсто какъ по своему общеобразовательному значенію, такъ и потому, что основательное ознакомленіе съ этими предметами воспитанниковъ учительской семинаріи дастъ имъ возможность, какъ будущимъ учителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, вводить въ курсъ этихъ училищъ основы элементарнаго обученія черченію и рисованію. Правильная постановка этихъ занятій въ начальномъ училищѣ, помимо своего формальнаго образующаго значенія, развивааетъ въ ученикахъ такіа умѣнья и навыки, практическая примѣнимость которыхъ несомнѣнно обнаружится въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители преимущественно заняты ремеслами.

Такъ какъ кромѣ казенныхъ сорока стипендій семинаріа въ первые 15 лѣтъ своего существованія имѣла еще 20 стипендій Симбирскаго земства, то почти всѣ воспитанники были тогда стипендіатами. Въ настоящее время стипендій Симбирскаго земства въ семинаріи нѣтъ и почти половина учениковъ живутъ своекоштными. Условія жизни для тѣхъ и другихъ, впрочемъ, въ общемъ остаются одинаковыми; послѣдніе развѣ только побольше нуждаются въ одеждѣ и учебныхъ принадлежностяхъ. Самые бѣдные изъ своекоштныхъ получаютъ часто порядочныя временныя пособія изъ частныхъ пожертвованій и изъ сбора отъ платныхъ концертовъ и спектаклей.

Всѣ ученики живутъ на частныхъ квартирахъ въ крестьянскихъ домахъ и крайне простая и бѣдная обстановка ихъ не заключаетъ въ себѣ, однако, въ большинствѣ случаевъ ничего такого, что могло бы помѣшать ихъ занятіямъ. Квартиру занимаютъ обыкновенно 3—4 человѣка. Каждый изъ нихъ платитъ хозяйкѣ собственно за квартиру въ мѣсяць 1 р. 50 коп. съ тѣмъ, чтобы она готовила кушанье, чистила бѣлье и обезпечивала баней. Затѣмъ эта кучка уговаривается съ лавочникомъ и по особой книжкѣ забирается у него мясо, мука, картофель и проч. По истеченіи мѣсяца производится расчетъ, и оказывается большею частію, что на долю cadaго ученика причитается не болѣе 3 р. 50 к. или 4-хъ руб., что съ квартирною платою составитъ 5—6 рублей. Если ученикъ снимаетъ квартиру съ хлѣбами, то платитъ отъ 6 до 7 рублей и обѣдаетъ далеко роскошнѣ своихъ товарищей; но такихъ „гастрономовъ“ вообще мало. Такъ какъ стипендіа въ семинаріи десятирублевая (120 р. въ годъ), то у казеннокоштныхъ остатка хватаетъ и на одежду, и на письменныя принадлежности. Отъ родныхъ помощь получается рѣдко. Отецъ и мать получающаго стипендію сына считаютъ богачемъ, рассчитывая изъ его „жалованья“, по ихъ выраженію, скорѣе же урвать и себѣ ма-

люю толку. И случаи отсылки денегъ домой между экономными семинаристами весьма нерѣдки. Вѣдь 120 руб. дѣйствительно часто равны годовому заработку цѣлой крестьянской семьи!

Такой порядокъ домашней жизни и содержанія сохраняется до настоящаго времени. Разница только та, что въ послѣдніе годы семинаристъ-стипендіатъ не получаетъ въ руки ни копѣйки денегъ, а получаетъ ихъ его воспитатель-наставникъ, оплачивая ежемѣсячно предъявляемыя ему кредиторами воспитанника росписки. Каждый изъ наставниковъ беретъ подъ свое руководство какой либо классъ, посѣщаетъ ученическія квартиры, ведетъ упомянутые расходы и при окончаніи учениками этого класса курса представляетъ подробную характеристику каждаго своего воспитанника. Выѣкласная жизнь учениковъ, благодаря сельскимъ условіямъ, сложилась болѣе или менѣе однообразно, но не во вредъ ни развитію учениковъ, ни ихъ научнымъ занятіямъ; скорѣе же эти условія принесли огромную пользу и тому и другому. Классныя занятія вмѣстѣ съ работами въ саду или мастерскихъ продолжаются съ 8 часовъ утра до 5 вечера съ перерывомъ для обѣда въ 1½ часа. Затѣмъ слѣдуетъ вечерній чай и приготовленіе уроковъ и письменныхъ работъ къ слѣдующему дню. Только у болѣе даровитыхъ остается еще время на чтеніе; посредственные же, тѣмъ болѣе плохіе, едва успѣваютъ до времени сна исполнить обязательныя работы къ слѣдующему дню. Таковы будни семинариста. Въ праздничные же дни и наканунѣ ихъ онъ чувствуетъ себя нѣсколько свободнѣе. Совѣтъ семинаріи, желая отвлечь воспитанниковъ отъ грубыхъ развлеченій, старался устраивать для нихъ по праздникамъ литературно-музыкальные вечера; въ заявленіяхъ съ ихъ стороны о желаніи что нибудь прочесть или спѣть никогда не было недостатка. Читались по преимуществу лучшія произведенія нашей литературы, пѣлись народный гимнь и русскія пѣсни. Несмотря на то, что посѣщеніе этихъ вечеровъ было отнюдь необязательно, они постоянно привлекали всѣхъ воспитанниковъ. Вечера эти вполнѣдствіи очень оживились благодаря образованію семинарскаго оркестра. Семинарія имѣетъ 65 казенныхъ скрипокъ, двѣ виолончели, фисгармонику. Большая половина учениковъ играетъ на скрипкѣ. Занятіе это поощряется. Скрипка особенно пригодна при обученіи пѣнію въ элементарной школѣ, къ тому же ученикъ-скрипачъ часто бываетъ и хорошимъ пѣвцомъ, что такъ дорого въ школьномъ учителѣ. Семинаристы-скрипачи настолько порядочно исполняютъ музыкальныя піесы, даже такъ называемой классической музыки, что

на вечерахъ этихъ находили удовольствіе бывать сосѣдніе помѣщики и гости изъ ближайшаго города. Оказавшіе особенные успѣхи въ игрѣ на скрипкѣ, по окончаніи курса, получали казенныя скрипки въ видѣ награды. Случалось также не разъ, что оркестръ и хоръ изъ семинаристовъ давалъ платные концерты, проходившіе съ успѣхомъ, при чемъ выручка обращалась на вспомошествованіе недостаточнымъ воспитанникамъ семинаріи.

Въ Рождественскіе каникулы, когда времени свободнаго у учащихся очень много, а начинавшійся сельскій разгулъ становился опасенъ для учениковъ—крестьянскихъ квартирантовъ, назначались любительскіе спектакли; сложностью приготовленій они настолько поглощали вниманіе учениковъ, что эти опасные періоды въ сельской жизни проходили для нихъ безъ дурныхъ послѣдствій. Ставились больше пьесы Островскаго. Такъ, игрались: „Свои люди—сочтемся“, „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Не все коту масляница“, „Бѣшенныя деньги“ и много другихъ. Ставились также: „Ревизоръ“ и „Женитьба“ Гоголя, „Недоросль“ Фонвизина. Конечно, собственно игры, въ смыслѣ актерскомъ, часто тутъ было немного, но все же ученики, отвлекаясь отъ грубыхъ удовольствій, вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтали нѣкоторые полезныя для нихъ навыки, теряли угловатость и грубость манеръ, приобрѣтали нѣкоторую *людскость*, умѣнье держать себя въ обществѣ. Практика показывала, что ученики семинаріи, воспитанные въ бѣдныхъ крестьянскихъ семьяхъ, часто среди грубыхъ семейныхъ отношеній, не знаютъ, какъ поступить благоприлично въ самыхъ простыхъ случаяхъ и условіяхъ жизни и даютъ этимъ поводъ къ нареканіямъ на самое учебное заведеніе, ихъ воспитавшее,—то они настойчиво звонятъ въ семейный домъ члена земской управы въ седьмомъ часу утра; то вваливаются въ гостинную дворянскаго дома въ пальто и т. под. Литературные вечера и спектакли особенно цѣнны именно какъ практика для этихъ необходимыхъ въ жизни умѣній и привычекъ. Еще худшими опасностями чѣмъ святочные каникулы, грозили поведенію и нравственности учениковъ мѣсяцы октябрь и половина ноября. Это время свадебъ; бываетъ ихъ въ это время отъ 40 до 50-ти. Если считать, что кромѣ двухъ непосредственно заинтересованныхъ въ семейномъ событіи домовъ каждая семья еще имѣетъ хоть десять семей въ качествѣ родственниковъ и знакомыхъ, то можно сказать, что большая половина села гуляетъ, то-есть пьетъ брагу и водку. поетъ, шумитъ,

кричить и вообще находится въ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи. Хозяинъ, „находясь въ подпитіи“ и неожиданно возчувствовавъ всю силу и значеніе своей власти, врывается къ своимъ жильцамъ—семинаристамъ, шумить тамъ и при неудачномъ отвѣтѣ собесѣдниковъ или нелюбезномъ приѣмѣ гонить ихъ изъ своего дома, пока его не уведутъ и не успокоятъ его домочадцы. Въ худшемъ для семинаріи случаѣ — онъ иногда угощаетъ своихъ жильцовъ. Для семинаристовъ являлся большой соблазнъ побывать на свадебныхъ вечерахъ, уступая приглашеніямъ, часто очень настойчивымъ: на вечерахъ этихъ ловкіе, оборотливые люди бываютъ часто очень полезны и нужны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ свадебныя собранія постоянно представляютъ для семинаристовъ большую опасность, какъ мѣста излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ.

Происходя изъ крестьянскаго сословія, гдѣ взгляды на необходимость воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ крайне сбивчивы и даже извращены, съ дѣтства, въ самой своей семьѣ, видя примѣры разгула и даже похвалы этимъ, какъ молодечествомъ, юноши-семинаристы легко могли сбиться съ правильнаго пути въ подобныхъ случаяхъ. Начальство семинаріи всѣми мѣрами боролось противъ этого. По правиламъ, выработаннымъ педагогическимъ совѣтомъ, за употребленіе спиртныхъ напитковъ ученикъ исключается изъ семинаріи *за неодобрительное поведеніе*. Иной разъ приходилось примѣнять этотъ законъ правда съ болью въ сердцѣ, даже къ нѣсколькимъ ученикамъ. Такой единственный, впрочемъ, изъ всей 25-лѣтней жизни семинаріи, случай имѣлъ мѣсто въ 1882 г., когда было исключено сразу 10 человекъ. Единичные факты нетрезвости отдѣльныхъ учениковъ, не разъ, впрочемъ, наблюдались начальствомъ семинаріи и кромѣ этого случая, но положительно неизвѣстны ученики, которые предавались бы пьянству, какъ пороку. Строгое, не смотря ни на что, примѣненіе, въ подобныхъ случаяхъ, утвержденнаго совѣтомъ семинаріи правилъ, въ связи съ воспитательными мѣрами, разъясненіями и внушеніями, привело, однако, къ тому, что, когда по случаю исполняющагося 25-лѣтія существованія семинаріи собраны были свѣдѣнія отъ гг. инспекторовъ народныхъ училищъ о сельскихъ учителяхъ, изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, то изъ 300 человекъ оказался только 1 учитель „предававшійся спиртнымъ напиткамъ“. Этотъ фактъ конечно, лучше всего говоритъ о томъ, какъ строго въ Порѣцкой семинаріи относятся къ сохраненію воспитанниковъ отъ пьянства и какіе успѣхи достигнуты въ этомъ отношеніи.

Кстати здѣсь указать еще на одно явленіе въ жизни семинаріи. Оно замѣчено почти съ самаго ея основанія и неотступно сопровождаетъ ее до сего дня; избавиться отъ него даже не во власти и волѣ лицъ воспитывающихъ и руководящихъ. Это родъ какого-то антагонизма между семинаристами и крестьянской молодежью села, антагонизма переходящаго иной разъ въ какую-то кукольную войну, игру въ нашихъ и не нашихъ. Семинаристы больше все дѣти крестьянъ же; между ними много и дѣтей самихъ порѣчанъ. Какъ бы, кажется, не быть тутъ миру и согласію? А между тѣмъ антагонизмъ этотъ неистребимъ; и дѣти самихъ порѣчанъ не избавлены отъ него, лишь только они дѣлаются семинаристами. Крестьянннѣ не прочь обозвать и другихъ семинаристовъ „семишниками, свиньями“ (семинарія—свинарія—грубая игра словами) семинаристы, въ свою очередь чествуютъ крестьянъ презрительнымъ названіемъ „гужъ“. Дѣло доходить иногда до пинковъ, тычковъ и даже до драки. Само собой разумѣется, что далеко не всѣ сельчане способны поддерживать такую игру и участвовать въ ней; но молодежь и особенно такіе изъ ея среды, которые склонны бражничать и проказить и отъ которыхъ достается часто и кореннымъ жителямъ села, заботливо поддерживаютъ такія отношенія, перешедшія теперь въ традицію. Явленіе это, однако, много вредило семинаріи въ первые годы ея существованія, когда на нее были обращены десятки ревнивыхъ подозрѣвающихъ глазъ, готовыхъ истолковать все въ дурную сторону.

Впрочемъ, если смотрѣть на вышеуказанное явленіе, на этотъ антагонизмъ между молодыми крестьянами и семинаристами съ обыденной, житейской точки зрѣнія, то ему нечего удивляться; даже было бы странно, наоборотъ, если бы оно не возникло. И дѣло вовсе не въ поведеніи семинаристовъ, хотя, конечно, ученики семинаріи тоже не ангелы, и особенно видя недружелюбное отношеніе къ себѣ, могли иной разъ бравировать этимъ и задирать противную сторону. Они, хоть тоже часто крестьяне, но вторглись въ сельскую жизнь все же чужаками и вдобавокъ, эту чужаки сейчасъ же стали пользоваться нѣкоторыми привилегіями; у женской половины порѣцкаго общества, они давно пользуются вниманіемъ, какъ лучшіе кавалеры, какъ танцоры и музыканты. Одного этого даже слишкомъ достаточно чтобы послужить причиною зарожденія непріязненнаго чувства къ нимъ. То обстоятельство, что они крестьяне же, скорѣе усугубляло это чувство, а не смягчало. Къ первенству въ обществѣ дѣтей другихъ образованныхъ классовъ можно относиться, какъ къ чему то неизбѣж-

ному и необходимому, противъ чего бесполезно протестовать и съ чѣмъ нельзя конкурировать; къ этому привыкли. Иное дѣло, когда начинаетъ претендовать на такое положеніе свой же братъ крестьянинъ; тутъ, конечно, можно обидиться и вознегодовать. Къ тому же психологами и моралистами замѣчено еще давно, что когда въ обществѣ развитыхъ и образованныхъ людей случится быть человѣку необразованному, то онъ или увлекается безусловнымъ подражаніемъ или еще болѣе замыкается въ себѣ, презираетъ тѣ преимущества, которыхъ не имѣетъ самъ. Не здѣсь ли надо искать источникъ того якобы презрѣнія къ ученикамъ Порѣцкой семинаріи, о которомъ говорили нѣкоторые мѣстные дѣятели, слишкомъ поспѣшно обобщая отдѣльные факты? Не есть ли это только ничтожный эпизодъ изъ вѣковой борьбы свѣта и тьмы, культуры и дикости? Ошибаться, ставя крестьянъ на пьедесталъ какого то нелицепріятнаго трибунала въ нравственныхъ и даже умственныхъ вопросахъ жизни, можно вѣдь, впрочемъ и искренно. Въ наше время, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ теорій, такъ много людей, страдающихъ этимъ своеобразнымъ социальнымъ дальтонизмомъ. Имъ представляется, что подъ соломенными крышами, съ дымящею печью-мазанкой, непремѣнно уже живетъ само безпристрастіе и добродѣтель. Дѣйствительность говоритъ совсѣмъ не то; чѣмъ уже человѣкъ по своему развитію, тѣмъ менѣе, конечно, онъ можетъ имѣть широкій безпристрастный взглядъ на дѣло, тѣмъ склоннѣе онъ руководствоваться только своими узкими интересами и цѣлями въ жизни. Только въ будущемъ, когда все Порѣцкое сдѣлается грамотнымъ, когда пробудятся въ его жителяхъ интересы и потребности умственные, всѣ жители поймутъ значеніе такого, чисто народнаго учрежденія, какъ семинарія, поймутъ, насколько выиграло село отъ того, что такое учрежденіе возникло въ его нѣдрахъ. Ждать этого не долго; и теперь уже народилась потребность въ народной читальнѣ, открытой здѣсь 2 года назадъ и народныхъ чтеній, организуемыхъ нынѣ. До наступленія этого времени на вышеуказанное явленіе нужно смотрѣть просто, не связывая его ни съ учебнымъ, ни съ воспитательнымъ строемъ семинарія. Хотя бы облекъ семинаристовъ въ чисто крестьянскіе полушубки и кафтаны изъ верблюжьяго сукна, для пущаго слянія съ простонародьемъ, дѣлу этимъ помочь нельзя въ селѣ, гдѣ полугородской костюмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства.

За все 25-лѣтіе содержаніе семинаріи стоило казнѣ 390 тысячъ рублей, не считая единовременныхъ затратъ земства и стоимости подарен-

ныхъ семинаріи домовъ и усадебъ. Приготовленіе каждаго учителя, выпущеннаго семинаріей обошлась въ тысячу слишкомъ рублей. Если принять въ расчетъ ту пользу, какую принесетъ государству учитель, хотя бы только въ 15 лѣтъ своей дѣятельности, то едвали кто можетъ думать, что затраты очень велики, что онѣ несоразмѣрны съ цѣлями, которыя чрезъ нихъ достигаются. Затрачено на семинарію 390 тысячъ, а во что обходится государству народное невѣжество и бѣдность неразлучная спутница невѣжества? Во что обходятся всѣ эти эпидеміи, громадная дѣтская смертность, неслышанная ни въ одной просвѣщенной странѣ, пожары, содержаніе тюремъ и т. п. Еще Великая Екатерина II писала: „хотите ли уничтожить преступления? Сдѣлайте чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми“. Такъ всѣ печальныя явленія въ жизни народной дѣйствительно связаны съ невѣжествомъ народа и его бѣдностью; невѣжество ведетъ къ бѣдности, а бѣдность въ свою очередь обусловливаетъ и закрѣпляетъ невѣжество, потому что нищему не до грамоты, былъ бы кусокъ хлѣба. Этотъ кругъ, въ которомъ задыхается русскій геній, который дѣлаетъ малоплодными и даже невозможными многія мѣры, направленныя къ устроению русской жизни, можетъ быть прорванъ только въ одной сторонѣ — государство должно взять на себя всѣ расходы по содержанію и устроению народныхъ школъ и сдѣлать обученіе обязательнымъ. Мысль, что государственный расходъ на народное просвѣщеніе, есть самый производительный расходъ, — эта мысль, къ счастью, въ наше время сдѣлалась аксіомой для всякаго государственнаго дѣятеля и просто образованнаго человѣка. Опытъ старыхъ цивилизованныхъ націй запада какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и иллюстрируетъ эту мысль.

Самый большой выпускъ учителей изъ Порѣцкой семинаріи былъ въ 1889 году, когда окончилъ курсъ 24 человѣка; самый малый — въ 1878 году, когда выпущено только 7 человѣкъ. Среднее число окончивающихъ курсъ за всѣ годы существованія семинаріи равно 14 человѣкамъ въ годъ. Всего же въ 23 выпуска со времени основанія семинаріи вышло изъ нея 323 учителя; приняты же въ 1-й и пригготовительный классы были 597 человѣкъ. Такимъ образомъ окончилъ курсъ только 54⁰/₁₀₀ изъ общаго числа учившихся въ семинаріи. Этотъ результатъ былъ бы нѣсколько страненъ и даже печаленъ, если бы для правильнаго его пониманія не существовало вполне удовлетворительнаго, простаго объясненія. Учащіеся въ семинаріи въ большинствѣ дѣти бѣдныхъ родителей, которые не могутъ содер-

жать ихъ за свой счетъ. Всѣ они ѣдутъ учиться, рассчитывая на получение стипендіи. Занятія всѣхъ въ первые два мѣсяца по приѣмѣ могутъ быть прямо названы конкурентными на получения стипендіи. Но такъ какъ стипендій въ семинаріи только 40, а учащихся, съ пригготовительнымъ классомъ, болѣе ста, то занимавшіеся похуже стипендій не получаютъ и болѣею частію подаютъ прошенія объ увольненіи по неимѣнію средствъ содержаться на свой счетъ. Изъ 46% выбывшихъ до окончанія курса такихъ было 24%. По неуспѣшности же въ занятіяхъ выбыло только 13%; по болѣзни 2%; по случаю смерти исключено изъ списковъ 2%; за неодобрительное поведение исключено 3¹/₂%; по неявкѣ къ испытаніямъ и изъ отпуска 1%.

По происхожденію учившіеся въ семинаріи по большей части дѣти крестьянъ; такихъ около 79%. Духовнаго сословія 8% и мѣщанъ 9%. Если принять въ расчетъ, что различіе между крестьянами и мѣщанами небольшое, что мѣщане даже часто тѣ же крестьяне, только приписанные къ городамъ и занимаются земледѣліемъ, то безъ особой натяжки такихъ учившихся можно причислить къ крестьянскому сословію и тогда процентъ учениковъ-крестьянъ достигнетъ 88-ми. Всего менѣе, и это очень естественно, училось въ семинаріи дѣтей чиновниковъ и дворянъ—3%.

Такимъ образомъ Порѣцкую семинарію можно вполне назвать какъ бы крестьянскимъ университетомъ. Довести сына до окончанія курса здѣсь, добиться для него учительскаго званія—это такая же заманчивая мечта для крестьянина, какъ университетскій дипломъ для сына городского интеллигента.

Подобныя заведенія нельзя не считать настоящимъ благодѣяніемъ для крестьянства, особенно съ открытіемъ при нихъ пригготовительныхъ классовъ. Съ сельской школы, безъ всякаго воспитательнаго дѣйствія семьи, на которое впрочемъ она и не способна, при совершенно даровомъ обученіи и даже содержаніи, крестьянскій мальчикъ достигаетъ званія учителя, званія благороднаго и почетнаго и, пожалуй даже обезпеченнаго, по крайней мѣрѣ для крестьянина. Поэтому случаи недовольства ихъ своимъ положеніемъ крайне рѣдки. Если и покидаютъ они свои мѣста, измѣняютъ своему знамени, то развѣ только ради получения духовнаго сана. Такъ четверо изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи получили мѣста діаконовъ; двое священствуютъ; одинъ слушалъ курсъ миссіонерства при Казанской духовной академіи и получилъ мѣсто священника-миссіонера; впрочемъ измѣной знамени эти явленія и нельзя считать: сферы пастыр-

ства и учительства не только родственны, но и прямо совпадают одна съ другой, даже въ прямомъ смыслѣ, особенно съ умноженіемъ школъ грамоты и церковно-приходскихъ.

Съ усиленіемъ въ семинаріи преподаванія церковнаго пѣнія и церковно-славянскаго языка эти явленія можетъ быть даже участятся и будутъ только добрымъ показателемъ, что дѣло приготовленія учителей ведется подъ водительствомъ и благословеніемъ церкви, то-есть такъ, какъ и должно быть поставлено дѣло народнаго образованія, согласно Высочайше утвержденному положенію о народныхъ училищахъ (ст. 1-я).

Районъ размѣщенія окончившихъ въ семинаріи курсъ на учительскихъ мѣстахъ весьма обширенъ. Онъ обнимаетъ собою почти все среднее и нижнее поволжье, губерніи Нижегородскую, Вятскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую и Астраханскую. Особенно значительно число учениковъ Порѣцкой семинаріи, кромѣ Симбирской, въ Вятской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ размѣръ вознагражденія за трудъ для сельскаго учителя нѣсколько выше. Въ послѣднее время часть ихъ размѣщается въ Кубанской и Терской областяхъ; единицами они встрѣчаются въ губерніи Саратовской, Пензенской, Московской и даже Ковенской (2 учителя). Въ своей Симбирской губерніи они заняли только 98 учительскихъ мѣсть изъ 600 слишкомъ существующихъ въ Симбирской губерніи школъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи число ихъ очень мало; такъ въ Сенгилеевскомъ два учителя, въ Буинскомъ четыре, въ Корсунскомъ пять, въ Курмышскомъ девять. Объясняется это долго державшимся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предубѣжденіемъ противъ семинаріи, проводниками котораго были часто вліятельные мѣстные дѣятели. Иногда предпочитались имъ воспитанницы женскаго епархіальнаго духовнаго училища, такъ какъ существуетъ мнѣніе, что женщины по самой своей природѣ болѣе пригодны для воспитательнаго и учебнаго дѣла, почему учительница предпочиталась учителю. Существуетъ впрочемъ и болѣе общая причина малаго числа учителей изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи въ своей родной губерніи—это сравнительно низкіе оклады учительскаго содержанія. Только 5 учителей получаютъ оклады въ 400 р., да и то это только тѣ, которые служатъ при городскихъ училищахъ. Большинство же, именно 57 учителей изъ 98-ми, имѣютъ годовое содержаніе отъ 200 до 250 рублей. Есть даже два учителя, получающихъ только 120 р.—это размѣръ казенной стипендіи въ семинаріи. Что же мудренаго, что они идутъ туда, гдѣ имъ предлагаютъ лучшія усло-

вія службы? Такъ въ Астраханской губерніи учителей изъ воспитанниковъ Порѣцкой семинаріи 32 человекъ; *низшій* окладъ 240 р. получаютъ только 5 учителей, остальные отъ 300 р. до 330 при готовыхъ квартирахъ. Такимъ образомъ жалованье 240 р. въ годъ, что въ Симбирской губерніи нормальное явленіе тамъ является исключеніемъ. То же самое можно сказать о Вятской губерніи, гдѣ средній окладъ содержанія учителя отъ 330 и до 400 руб. Учителей вышедшихъ изъ Порѣцкой семинаріи тамъ 18 человекъ. Еще лучше обставлено матеріальное положеніе учителя въ Терской и Кубанской областяхъ гдѣ 8 человекъ изъ бывшихъ Порѣцкихъ семинаристовъ; тамъ нормальный, средній окладъ 400 р. при квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ. По размѣру вознагражденія всего болѣе къ Симбирской губерніи приближается Нижегородская, гдѣ учителей вышедшихъ изъ семинаріи 27 человекъ.

Нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи нашли мѣста службы въ школахъ съ специальнымъ назначеніемъ; такъ двое учителями въ Астраханской школѣ садоводства, одинъ занимаетъ мѣсто воспитателя въ исправительной колоніи въ той же губерніи и одинъ помощникъ класснаго наставника въ гимназіи. Навысшій окладъ получаютъ: одинъ—въ 650 р., двое по 600 р. и двое по 500 р. низшая норма вознагражденія 120 рублей.

Въ прошломъ 1897 году на многочисленныя предложенія мѣстъ сельскихъ учителей для воспитанниковъ семинаріи отъ гг. инспекторовъ народныхъ училищъ съ весьма выгодными условіями службы, пришлось отвѣчать отказомъ за быстрымъ размѣщеніемъ выпуска 1897 года. Уже одинъ этотъ большой запросъ на учениковъ Порѣцкой семинаріи, который она даже не въ силахъ удовлетворить вполне, долженъ успокоить воспитателей въ важномъ вопросѣ, насколько удовлетворительно подготовлены исходящіе отсюда для дѣятельности учительской и насколько результаты четверть-вѣковой жизни этого заведенія оказались не ниже тѣхъ надеждъ, съ которыми оно открыто.

Вспоминая теперь торжество открытія Порѣцкой семинаріи можно смѣло сказать, что оно было вмѣстѣ съ тѣмъ торжествомъ народной школы, народнаго образованія, на которомъ зиждется сила и могущество государства! Доводилось слышать, впрочемъ въ давнее время, нѣкоторыя нареканія, на учителей, вышедшихъ изъ Порѣцкой семинаріи,—они диктовались скорѣе партійностью и тенденціозностью; но и при всемъ томъ, развѣ кто-либо сказалъ когда нибудь, что они не-

знають методовъ и приемовъ обученія, плохо вообще ведутъ школьное дѣло? Такихъ отзывовъ никогда не было слышно. Теперь, послѣ протекшихъ 25-ти лѣтъ, можно говорить о учителяхъ вышедшихъ изъ Порѣцкой семинаріи не на основаніи слуховъ и нареканій, а на основаніи письменныхъ отзывовъ людей, которые по закону должны наблюдать надъ жизнью этихъ учителей и оцѣнивать ихъ педагогическую дѣятельность. Отзывы эти, отзывы гг. директоровъ и инспекторовъ, народныхъ училищъ, полученные ко дню исполнившаго 25-ти лѣтія жизни Порѣцкой семинаріи нисколько не подтверждаютъ вышеупомянутыхъ нареканій. На ряду съ краткими отвѣтами, что эти учителя „отличаются достаточною педагогическою подготовкою и усердіемъ къ дѣлу“ или что „учителями вполне доволенъ“ изъ нѣкоторыхъ дирекцій пишутъ о бывшихъ воспитанникахъ Порѣцкой семинаріи, что ихъ отличаетъ „прекрасная подготовленность къ учительскому дѣлу, стремленіе къ самоусовершенствованію, трудолюбіе и скромность, примѣрная религіозно-нравственная настроенность и отсутствие качествъ, свойственныхъ городскимъ жителямъ, франтовства, исканія пустыхъ развлеченій, знакомствъ“ и т. под.; или изъ другой губерніи пишутъ: „ведутъ себя безукоризненно, по спеціально педагогической части ознакомлены основательно, къ дѣлу относятся добросовѣстно, поддерживая тѣмъ честь учебнаго заведенія, давшаго имъ воспитаніе“.

Теперь все темное, смутное, неопредѣленное осталось у такихъ заведеній, какъ Порѣцкая семинарія, позади и они смѣло могутъ вступить во второе 25-ти-лѣтіе своего существованія. Теперь ли дѣятелямъ трудящимся у самыхъ корней дерева просвѣщенія унывать и опускать руки, когда съ высоты трона обращено вниманіе именно на образованіе народное, когда по слову Государя многія земства заняты вопросами о введеніи обязательнаго начальнаго обученія, когда новыя школы открываются десятками и когда уже теперь ощущается недостатка въ учителяхъ для этихъ школъ?! Еще недавно были глубоко осчастливлены скромные работники сельскихъ школъ всей Россіи словами Высочайшей отмѣтки на всеподданнѣйшемъ докладѣ Олонецкаго губернатора о проэктахъ введенія всеобщаго обученія въ губерніи: „Это меня радуетъ, лишь бы нашлось достаточное количество добрыхъ и честныхъ труженниковъ, учителей народной школы“. Бодро можно теперь продолжать этимъ труженникамъ свою обычную работу! Вѣдь впереди еще бездна труда, ибо, по крайней мѣрѣ 65% русскаго народа все еще безграмотны,

хотя тысячи фактовъ говорятъ уже за то, что народная масса поняла значеніе образованія, отношеніе къ школѣ родителей можно назвать безусловно сочувственнымъ и грамотность дѣлается такою же народною потребностью, какъ и рациональная медицинская помощь. Крѣпче такого фундамента для учительскихъ семинарій и быть не можетъ. Не о закрытіи этихъ училищъ можетъ быть рѣчь, какъ это было лѣтъ 8 назадъ, а развѣ объ открытіи новыхъ, ибо со введеніемъ, хотя бы и постепеннымъ, всеобщаго обученія число школъ должно удвоиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и нужда въ учителяхъ хорошо знающимъ свое дѣло.

Пусть же съ каждымъ новымъ выпускомъ изъ 65-ти учительскихъ семинарій Россіи растетъ армія дѣятелей народной школы, которая должна совершить великое дѣло вооруженія грамотностью нашего народа, оплодотворить знаніями мощный фундаментъ нашего государственнаго организма, да явится тогда Россія не только во всемогуществѣ внѣшней силы, но и въ озареніи высокой культуры, той новой культуры, которую еще суждено ей создать и провести въ жизнь.

К. Печасъ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Мартъ 1898 года.

Комиссія, назначенная министромъ народнаго просвѣщенія для разбора приобрѣтенныхъ рукописей Джіакомо Леопарди, отнеслась къ своей обязанности съ похвальнымъ стараніемъ и поручила сдѣлать отчетъ о своей дѣятельности своему предсѣдателю Джозуэ Кардуччи. Отчетъ этотъ необыкновенно кратокъ, такъ какъ не составляетъ даже и двухъ страницъ. Не имѣя возможности сказать много, отчетъ укладывается констатировать рѣшительно свое великое разочарованіе. Отчетъ Кардуччи подтверждаетъ, увы! что я былъ правъ. Но разумѣется, я предоставляю говорить самому составителю его.

„Рукописи, которыя мы позволяемъ себѣ называть неаполитанскими“ говоритъ Кардуччи, — „не представляютъ большихъ достоинствъ и не могутъ или почти не могутъ быть поставлены на ряду съ тремя томами сочиненій Джіакомо Леопарди; онѣ содержатъ въ себѣ однако много документовъ, знакомящихъ насъ съ его жизнью и возрѣніями, съ его знаніями и талантомъ и объясняющихъ, какимъ образомъ этотъ удивительно гениальный человѣкъ развилъ свои способности“.

„Начнемъ съ перваго и самаго обширнаго изъ документовъ: „Мысли философскія и филологическія“. Онъ состоитъ изъ 4.526 страницъ и сплошь тщательно переписанъ рукою самого автора; это бесѣда его съ самимъ собою о его жизни, чтеніяхъ, философіи, литературѣ, политикѣ, бесѣда, отличающаяся меньшимъ пессимизмомъ, чѣмъ его торжественно печальныя „Operette morali“ (изд. въ 1827 году). Сколь важное значеніе авторъ предавалъ этому документу, видно по составленному имъ обширному и весьма тщательному перечню его держанія, на подобіе нѣмецкихъ и голландскихъ изданій древнихъ

классиковъ. Почти каждая глава этой удивительной энциклопедіи носить точную дату. Документъ обнимаетъ собою періодъ съ 1817 года по 4-ое декабря 1832, преимущественно же съ 1817 по 1827 годъ, десять лѣтъ, наиболѣе плодотворныхъ и полныхъ труда, скорбной и страдальческой юности Леопарди! Намъ не хотѣлось бы однако обнадѣживать истинныхъ друзей литературы чрезвычайными ожиданіями. Въ рукописи встрѣчается много мѣстъ незрѣлыхъ и не имѣющихъ литературной формы, написанныхъ небрежно, лично для себя.

„Поэтому члены комиссіи долго обсуждали вопросъ о значеніи бумагъ Леопарди и одинъ изъ членовъ высказался рѣшительно противъ опубликованія ихъ. Ему замѣтили однако, что рукописи Леопарди, переданныя въ одну изъ государственныхъ библиотекъ, сдѣлаются общественнымъ достояніемъ, и весьма вѣроятно, будутъ все-таки изданы, но не такъ, какъ бы слѣдовало издать ихъ. По зрѣломъ обсужденіи комиссія сочла возможнымъ предложить правительству ввѣрить изданіе рукописи „Мысли философскія и филологическія“ одной изъ книгоиздательскихъ фирмъ, на опредѣленныхъ условіяхъ и согласно требованіямъ, установленнымъ самою комиссіей. Доступное по цѣнѣ, точное, вѣрное и приличное по внѣшности, изданіе это должно быть окончено по возможности скоро, такъ чтобы хоть одинъ томъ его вышелъ въ свѣтъ къ іюню 1898 года.

„Многочисленныя прочія рукописи, во многихъ отношеніяхъ также замѣчательныя, составятъ весьма цѣнный складъ матеріаловъ для будущихъ біографовъ, критиковъ и комментаторовъ сочиненій Леопарди; онѣ заключаютъ въ себѣ наброски сочиненій уже извѣстныхъ и отрывки изъ произведеній еще неизвѣстныхъ; діалоги, рѣчи, новеллы; дневникъ поэта изъ времени перваго его сердечнаго увлеченія, переводы съ греческаго въ прозѣ и стихахъ, цѣлую сатирическую поэму (capitolo) „Нововѣрующіе“, собственноручныя копии со всѣхъ его сочиненій въ прозѣ и со многихъ его прекрасныхъ стихотвореній, всѣ датированныя и съ весьма важными помѣтками, дающими понятіе, о томъ, какъ онъ работалъ. Кромѣ того, въ бумагахъ найдено около 200 писемъ, писанныхъ къ Леопарди, и изъ коихъ замѣчательны четыре письма Джоберти. Комиссія оставляетъ за собою право сдѣлавъ еще болѣе тщательный разборъ бумагъ Леопарди и предложить при удобномъ случаѣ издать избранные отрывки изъ всего имъ написаннаго“. „Теперь же эта комиссія предлагаетъ министру приступить къ составленію описательнаго, толковаго, хронологическаго и историческаго каталога ко всѣмъ прибрѣтеннымъ рукописямъ Леопарди и къ

составленію подобнаго же каталога къ его рукописямъ, бывшимъ нѣкогда собственностью Луи де-Синнера и въ настоящее время находящимся въ Національной бібліотекѣ во Флоренціи. Комиссія предлагаетъ и совѣтуетъ также министру просить согласія графа Джакомо Леопарди (племянника поэта) составить подобный же каталогъ къ рукописямъ, хранящимся въ его палаццо въ Реканати. Мы убѣждены, что составленіе и изданіе этихъ трехъ каталоговъ есть самая настоятельная и главная обязанность государства“.

Вотъ почти слово въ слово содержаніе представленнаго Кардуччи отчета комиссія. Надо прежде всего замѣтить, что легендарный мракъ, окружавшій всѣ не изданныя сочиненія Леопарди, нынѣ разсѣянъ. За исключеніемъ Раніери и одного неаполитанскаго нотариуса не литератора, никто не видѣлъ бумагъ Леопарди, а между тѣмъ о нихъ разказывали чудеса: онѣ-де заключаютъ въ себѣ все, что геніальный поэтъ, философъ и филологъ создалъ лучшаго и совершеннаго; это-де творенія оконченныя и готовые къ печати, но по какимъ-то тайнымъ причинамъ скрываемаыя отъ публики. Одни приписывали причину тайны его отцу, ханжѣ и человѣку упрямому, а другіе—Антоніо Раніери, унаслѣдовавшему рукописи по духовному завѣщанію. Что касается отца, то сохранилось и напечатано письмо, посланное въ Santo Uffizio, инквизиціонный судъ въ Римѣ; въ письмѣ своемъ графъ Мональдо осуждаетъ грѣховность религиозныхъ и философскихъ идей своего сына и требуетъ уничтоженія всѣхъ его бумагъ. Если бы Раніери не спасъ ихъ, бурбонское правительство Неаполя несомнѣнно исполнило бы приказаніе Santo Uffizio предать огню бумаги Леопарди. Раніери же осуждали за то, что онъ, по непонятнымъ и несомнѣнно недостойнымъ причинамъ, не исполнилъ воли своего друга.

Однако Кардуччи въ своемъ отчетѣ, хотя и не особенно настойчиво, высказываетъ въ пользу Раніери, какъ человѣка, такъ и писателя. Раніери не издалъ бумагъ Леопарди не по настоянію графа Мональдо, не по тайнымъ и недостойнымъ причинамъ, а потому только, что эти рукописи, какъ признаетъ и Кардуччи, не заключаютъ въ себѣ ничего, могущаго увеличить славу Леопарди, какъ поэта, мыслителя и ученаго. Раніери, какъ другъ, честно исполнилъ свой долгъ, напечатавъ въ двухъ томахъ всѣ оставленныя Леопарди сочиненія оконченныя и готовые къ печати. Если же онъ не издалъ въ свѣтъ не оконченныхъ сочиненій, отрывковъ и набросковъ, то это дѣлаетъ ему честь, тѣмъ болѣе, что, печатая эти старыя бумаги, онъ

могъ бы имѣть значительную выгоду, но предпочелъ отъ нея отказаться.

Возвратимся къ рукописи въ 4.526 страницъ въ листъ. Несомнѣнно, что такой поэтъ и мыслитель, какъ Леопарди, высказалъ въ ней не мало мыслей, полныхъ ума и глубины. Но фактъ, что одинъ изъ членовъ комиссіи, просмотрѣвъ эту исполнинскую рукопись, рѣшительно высказался противъ ея печатанія, ясно доказываетъ сомнительность и условность ея литературнаго достоинства. Трудно объяснить причину опасенія нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, что изданіе рукописи въ отрывкахъ удовлетворитъ читателей менѣе, чѣмъ изданіе ея цѣликомъ; да и Кардуччи умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ отчетѣ. Предположеніе, что эти 4.526 страницъ въ листъ составятъ отъ 280 до 300 печатныхъ листовъ въ 8-ку, слѣдовательно, 10 толстыхъ томовъ, вызываетъ вопросъ: какого мнѣнія комиссія объ италіанской публикѣ, покупающей и читающей книги? Въ настоящее время въ Италіи покупаютъ для чтенія газету цѣною въ су; но 10 толстыхъ томовъ это совершенно невозможная жертва, даже и для Леопарди!

Говорить пока о другихъ рукописяхъ Леопарди опасно и преждевременно; отчетъ, перечисливъ ихъ кратко, не даетъ литературной оцѣнки ихъ, но заявляетъ о безотлагательной необходимости новаго и болѣе строгаго пересмотра бумагъ. Я по прежнему боюсь, не есть ли это „литературные отрывки“, гдѣ въ массѣ простой соломы найдутся драгоценныя зерна, которыя впрочемъ не увеличатъ славу Леопарди, какъ поэта и мыслителя.

Намѣреніе комиссіи составить полные указатели всѣхъ рукописей Леопарди весьма важно. Обработанные и изданные съ знаніемъ дѣла и съ тщательностью, они будутъ лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы узнать сущность и объемъ литературной дѣятельности Леопарди. Тогда только будетъ возможно рѣшить, которыя изъ его рукописей достойны изданія въ свѣтъ, и которыя могутъ быть отданы на храненіе въ національныя бібліотеки Флоренціи и Неаполя, для пользованія ими и для изученія ихъ писателями. По моему мнѣнію, комиссіи слѣдовало бы вмѣсто печатанія рукописи въ 4.526 страницъ настаивать на скорѣйшемъ составленіи указателей, какъ, по ея же словамъ, на главной и важнѣйшей обязанности правительства. Издать ихъ къ столѣтнему юбилею не успѣютъ, и я боюсь, что когда онъ минуетъ, указатели преданы будутъ забвенію.

Одинъ неизвѣстный неаполитанскій издатель возмѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, счастливую мысль извлечь изъ флорентійскаго

изданія сочиненій Леопарди первыя 46 стихотвореній и напечатать ихъ въ маленькомъ форматѣ въ 32-ю д. л. Онъ поступилъ бы еще лучше, напечатать только первыя 34 пьесы, потому что эти 144 страницы содержатъ въ себѣ все, что дѣлаетъ Леопарди величайшимъ поэтомъ Италіи послѣ Данте, а славу его сохранить неуязвимою на вѣки. Съ такимъ же малымъ литературнымъ запасомъ Анакреонъ, Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій побѣдоносно пережили почти двадцать вѣковъ; то же можетъ случиться и съ именемъ Леопарди. Я думаю, что скромный неаполитанскій издатель оказалъ поэту болѣе существенную услугу, нежели комиссія, намѣревающаяся обременить его 10 или 12 большими томами изъ боязни, что Леопарди, мыслителю и ученому, окажетъ кто-нибудь добрую услугу, какую оказалъ ему, какъ поэту упомянутый выше издатель.

Я еще не писалъ вамъ о молодомъ италіанскомъ поэтѣ, которому посчастливилось найдти во Франціи восторженнаго поклонника въ лицѣ члена Французской академіи графа Мельхіора де-Вогюэ и сразу сдѣлаться знаменитымъ въ своемъ отечествѣ Италіи. Это поэтъ Габриель д' Аннунціо. Онъ не только пользовался нѣкоторою извѣстностью въ Италіи, но даже заставилъ много, даже слишкомъ много говорить о себѣ въ обществѣ и въ печати, похитивъ тайно дочь одного герцога въ Римѣ и разведясь съ нею послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака. Онъ воспѣлъ ея физическую красоту и свои любовныя похождения въ гармоническихъ, но до крайности вольныхъ стихахъ. Эти мелкія стихотворенія составляли усладу старыхъ кутиль и юношей жадныхъ до порнографической литературы. Д' Аннунціо сталъ популяренъ, но не надолго: его стихи прелестны, мелодичны, правильны, его языкъ необыкновенно красивъ, полонъ поэтическихъ и оригинальныхъ образовъ, риема — удивительная, но содержаніе произведеній его вызывало общее осужденіе. Защитникамъ его приходилось говорить: нельзя писать о всемъ, что дѣлаешь, а къ самому поэту стали относиться несерьезно.

Д' Аннунціо почувствовалъ это. Онъ удалился въ провинцію и пересталъ печатать стихи. Многіе приписывали это досадѣ. Но нѣсколько лѣтъ спустя онъ выпустилъ въ свѣтъ романъ, вскорѣ другой, затѣмъ третій. Первые романы читали изъ любопытства, но слѣдующіе — съ живымъ и все возроставшимъ интересомъ, послѣдніе — даже съ восторгомъ. Авторъ занялъ свое мѣсто въ современной литературѣ. Ни одинъ изъ италіанскихъ романистовъ не можетъ быть сравненъ съ д' Аннунціо по красотѣ языка, полнаго мелодіи, вкрад-

чивости, отдѣлкѣ, по множеству поэтическихъ образовъ и сравненій, по превосходству италіанскаго стиля, истиннаго наслажденія для слуха. Но не спрашивайте о внутреннемъ содержаніи этой блестящей оболочки. Положимъ, это любовныя похождения, но онѣ такъ пошлы и соблазнительны, что отталкиваютъ васъ, не смотря на очаровательную форму разказа.

Д'Аннунціо изучалъ Тургенева, Толстаго, Достоевскаго, Ибсена, Шопенгауэра и Нитче, а также произведенія французскихъ декадентовъ и символистовъ. Чтеніе это произвело хаосъ въ его мышленіи, отъ котораго онъ все еще не можетъ освободиться. Всѣ эти разнообразные предметы находятся въ его головѣ въ постоянномъ кипѣніи, задѣваютъ другъ друга, сталкиваются. Чтеніе это породило его романы, издѣвающиеся надъ логикой, здравымъ смысломъ и весьма часто надъ хорошимъ вкусомъ. Читая его романы: „Giovanni Episcopo“, „Il trionfo della Morte“, „Le Vergine della Rocce“, я удивлялся нагроможденію бессмыслицы, грязи и поэтическихъ красотъ; восхитительная и увлекательная форма разказа заставляетъ на мгновеніе забывать пустоту и ничтожество сюжета. Характерно то, что одна красота языка д'Аннунціо, вызвала къ нему сочувствіе французскихъ писателей и даже открыла ему двери въ святилище *Revue des deux Mondes*.

Недавно д'Аннунціо пытался завоевать театръ, написавъ двѣ пьесы, изъ которыхъ одну „Сонъ въ весеннюю ночь“ играла въ Парижѣ Дузе, а другую „Мертвый городъ“—Сара Бернаръ. Не смотря на уваженіе къ великимъ артисткамъ, пьесы потерпѣли полное фіаско. Д'Аннунціо слишкомъ понадѣялся на себя; драматическое произведеніе требуетъ сюжета, дѣйствія, которыхъ нельзя замѣнить фейерверкомъ остроумія. Въ Римѣ Дузе играла въ упомянутой пьесѣ, и публика, не смотря на все свое уваженіе къ великой артисткѣ, безъ жалости освистала автора и громко укоряла его за самонадѣянность, съ которою онъ поставилъ на сцену столь незрѣлое произведеніе. Д'Аннунціо не упалъ духомъ. Онъ задумалъ сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ и выставилъ свою кандидатуру въ парламентъ. Рѣчь сказанная имъ своимъ избирателямъ, исключительно крестьянамъ, конечно, не имѣетъ себѣ подобной въ парламентскихъ анналахъ всѣхъ странъ. Не возможно было напечатать ее. Въ теченіе двухъ часовъ д'Аннунціо говорилъ крестьянамъ объ эстетикѣ; онъ общалъ выступить среди ни на что не годныхъ парламентскихъ дѣятелей защитникомъ красоты въ человѣческой жизни. Крестьяне вос-

хищались имъ, не понявъ ни слова изъ его странной рѣчи, заставили его заплатить за подачу своихъ голосовъ наличными деньгами и виномъ и выбрали его депутатомъ. Однако при этомъ выборѣ обнаружилась нѣкоторая неправильность; соперникъ д'Аннунціо, потерпѣвшій неудачу, заявилъ протестъ, но д'Аннунціо все-таки явился въ палату и принесъ присягу. Оспариваемое избраніе должно было поступить на разсмотрѣніе въ повѣрочную комиссію палаты, и по выслушаніи обѣихъ сторонъ комиссія предложила палатѣ уничтожить выборъ д'Аннунціо, какъ основанный на подкупѣ избирателей, и потребовала судебного слѣдствія по этому дѣлу. Палата уничтожила избраніе злосчастнаго депутата красоты, который къ тому же, какъ осужденный за прелюбодѣяніе, и не могъ быть избираемъ. По этому случаю выяснилось, что имя Габріель д'Аннунціо есть лишь псевдонимъ, а настоящая его фамилія *Varagrossa*, малопозитивная, заставившая его выступить въ литературѣ подъ другимъ именемъ. Д'Аннунціо молодъ еще, и когда его большой талантъ созрѣетъ, онъ несомнѣнно займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной итальянской литературѣ.

На дняхъ Италія потеряла одного изъ своихъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей и поэтовъ. Феличе Каваллотти былъ убитъ на дуэли, вызванной совершенно ничтожною газетною полемикой. Дуэль состоялась 6-го марта, въ окрестностяхъ Рима, въ 3 часа пополудни. При третьемъ приступѣ Каваллотти, характера пылкого, если не необузданнаго, набросился съ открытымъ ртомъ на своего противника, покойно отражавшаго его ударъ, и наткнувшись на конецъ его сабли, разрѣзалъ себѣ языкъ и сонную артерію. Хлынувшую кровь не возможно было остановить, и черезъ двѣ или три минуты онъ захлебнулся ею. Въ городѣ узнали о случившемся вечеромъ; произошло большое волненіе, такъ какъ Каваллотти былъ главою крайней лѣвой парламента, состоящей изъ депутатовъ радикаловъ, республиканцевъ и социалистовъ, пользующихся огромною популярностью. На слѣдующій день президентъ палаты Біанкери, большой консерваторъ, произнесъ въ засѣданіи прочувствованную и горячую похвальную рѣчь о скончавшемся, а президентъ совѣта министровъ маркизь ди-Рудини, присоединилъ къ краснорѣчивому сожалѣнію Біанкери нѣсколько словъ отъ имени правительства. Въ знакъ общественной печали засѣданіе тотчасъ же было прервано, и флагъ надъ палатой положено держать въ теченіе восьми дней до половины спущеннымъ и затянутымъ чернымъ крепомъ. Похороны

Каваллотти отличались пышностью, не виданной въ Римѣ со дня погребенія короля Виктора-Эмануила. Кисти отъ погребальной колесницы держали президенты сената, палаты и совѣта министровъ, префектъ и мэръ города Рима. Погребальное шествіе состояло изъ депутатовъ, сенаторовъ и делегатовъ сотни политическихъ союзовъ съ ихъ значками впереди и около ста тысячъ рабочихъ. Итальянская демократія очевидно желала воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повѣрить свои силы, и успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе. Шествіе двигалось отъ дома, гдѣ жилъ покойный, до станціи желѣзной дороги (тѣло перевезено въ Миланъ) въ теченіе часа. Большая часть магазиновъ была закрыта. Погребеніе, состоявшееся въ Миланѣ, было столь же пышно. Смерть Каваллотти вызвала сильное осужденіе дуэли. Въ палату внесенъ законопроектъ, присуждающій за убійство на дуэли къ такому же наказанію, какъ за предумышленное убійство.

Но вы, можетъ быть, пожелаете знать причину такого официальнаго и народнаго торжества при погребеніи главы оппозиціонной партіи парламента. Разумѣется, это требуетъ должнаго разъясненія.

Каваллотти, какъ и старикъ Гарибальди,—типъ патріота пылкаго и безкорыстнаго. Въ 1860 году, 18 лѣтъ, онъ отправился съ фалангою Милле гарибальдійцевъ въ Сицилію; сражался подъ начальствомъ Гарибальди въ Тиролѣ въ 1866 году, въ 1867 году подъ Ментаной, и всегда съ отличіемъ. Окончивъ свое юридическое образованіе, прерванное этими походами, онъ сдѣлался журналистомъ; его статьи, всегда направленные противъ монархіи, производили волненіе, а многочисленныя осужденія за преступленія противъ законовъ о печати дѣлали его имя популярнымъ. Чтобы избавить его отъ тюремнаго заключенія, онъ былъ выбранъ депутатомъ. Онъ прославился безпощадною оппозиціей, краснорѣчіемъ легкимъ и изящнымъ, не смотря на свой рѣзкій и неприятный голосъ, и сталъ наконецъ во главѣ крайней лѣвой партіи, пестрой по составу, но все же дисциплинированной имъ и довольно долго подчинявшейся ему; въ послѣдніе годы онъ измѣнилъ себѣ, понявъ, что монархическое правленіе Савойскаго дома неизмѣримо полезнѣе для Италіи, чѣмъ крайнія теоріи его политическихъ друзей, и пересталъ нападать на королевскую власть.

Парламентская дѣятельность Каваллотти не могла, однако, доставить ему ту огромную популяриность, которою онъ пользовался. Онъ стоялъ впереди не только въ отечественную войну, но и во всѣхъ случаяхъ великихъ народныхъ бѣдствій. Разразилась ли холера въ Па-

лермо и въ Неаполѣ, вулканическое изверженіе въ Казамиччіола, великое наводненіе въ Веронѣ и въ Полезинѣ,—Каваллотти уже тамъ первый, по личному почину, созываетъ отрядъ добровольцевъ на помощь страждущаго населенія, устраиваетъ санитарную часть для пособія и охраны, платитъ всюду и всегда и удаляется безъ шума тотчасъ по окончаніи добровольно взятой на себя обязанности. Эта доблесть человѣколюбія сдѣлала его популярнымъ во всей Италиі; по смерти Гарибальди онъ сдѣлался кумиромъ народной толпы. Доказательствомъ этого и служить его похороны. Парламентъ и правительство не могли не воздать ему официальной почести, которой при жизни онъ, вѣроятно, и не принялъ бы.

Каваллотти не былъ государственнымъ человѣкомъ, но искуснымъ членомъ парламента, кромѣ того ученымъ и поэтомъ. Онъ страстно любилъ древнюю греческую литературу, языкъ и достоинства которой понималъ лучше большинства настоящихъ профессоровъ. Не долго до кончины онъ напечаталъ превосходный переводъ въ стихахъ стихотвореній Тиртея; сюжеты для своихъ драматическихъ произведеній онъ заимствовалъ большею частію, изъ древне-греческаго міра. Его драмы „Нищіе“, „Алкивіадъ“, „Пѣснь Пѣсней“, „Дочь Іефая“ составляютъ необходимую часть италіанскаго репертуара. Онъ не принадлежитъ къ первокласснымъ произведеніямъ, какъ его лирическія стихотворенія, но заслуживаютъ вниманія помимо личности самаго автора.

А. Т.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мартъ 1898 года.

I.

Со времени моего послѣдняго письма ничего особенно любопытнаго не произошло въ сферѣ высшаго и средняго образованія. Обсужденіе бюджета народнаго просвѣщенія въ палатахъ тоже не отличалось чѣмъ-либо выдающимся. Нѣкоторые изъ депутатовъ требовали созданія во Французской коллегіи новой катедры—колониальной науки. Но имъ возражали, что наука эта преподается съ точки зрѣнія права въ нѣкоторыхъ юридическихъ факультетахъ, а съ точки зрѣнія географіи—въ нѣкоторыхъ словесныхъ факультетахъ, и требованіе было отвергнуто. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ основана была колониальная школа, управляемая почтеннымъ человѣкомъ, бывшимъ морскимъ офицеромъ Эмонье. Со временемъ я сообщу вамъ о ней обстоятельныя свѣдѣнія.

Увеличеніе числа учениковъ высшихъ школъ, съ тѣмъ чтобы обезпечить подготовленіе хорошихъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, создало обыкновеніе выдавать изъ казенныхъ суммъ извѣстное число такъ-называемыхъ магистерскихъ стипендій студентамъ, готовящимся къ экзамену на высшія ученые степени. Къ сожалѣнію, это привело къ непредвидѣнному результату. Въ данное время число магистровъ оказалось больше, значительно больше, чѣмъ число учительскихъ вакансій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые тщетно ждутъ себѣ мѣста и просятъ его у правительства; давая будущимъ магистрамъ стипендіи, правительство какъ бы обезпечиваетъ имъ и вакансіи, смотря по заслугамъ. Молодые люди,

стремясь получить дипломъ, пренебрегаютъ всякимъ другимъ дѣломъ; они могли бы посвятить себя торговлѣ, земледѣлю, дѣятельности въ колоніяхъ; напрасно ищутъ они уроковъ, участія въ журналахъ и вообще какихъ-либо литературныхъ занятій. Нѣкоторые впадаютъ въ крайнюю нищету, другіе съ отчаянія дѣлаются анархистами или революціонерами. Въ этомъ кроется истинное общественное бѣдствіе. Очевидно, правительство и не брало на себя обязательства пристраивать этихъ молодыхъ людей, а они между тѣмъ клянутся его. Въ нынѣшнемъ году намѣревались сократить число этихъ стипендій и въ замѣнъ ихъ учредить степендіи для заграничныхъ командировокъ, стипендіи для питомцевъ профессиональныхъ, земледѣльческихъ и торговыхъ школъ. Не лучше ли было направлять этихъ молодыхъ людей въ колоніи, такъ какъ въ отечествѣ и ихъ дѣятельность, и ихъ умственные способности оказываются бесполезными? Къ несчастію, это не было сдѣлано, и мы въ настоящее время страдаемъ отъ излишка молодыхъ людей съ высшими учеными степенями. Надо подумать о будущемъ.

Франція имѣетъ за границей три большія научныя школы: въ Аѳинахъ, въ Римѣ и въ Каирѣ. Аѳинская школа должна была праздновать въ 1897 году пятидесятилѣтіе своего существованія, но по случаю бѣдствій, постигшихъ Грецію, это торжество отложено на неопредѣленное время. Школа въ Каирѣ, основанная лѣтъ двадцать тому назадъ, имѣла неудобное временное помѣщеніе. Наконецъ, 24-го октября 1897 г., она перешла въ зданіе достойное ея и самой науки, прославленной Шамполіономъ, Маріеттомъ и Масперо. Директоромъ ея состоитъ въ настоящее время Буріанъ. На постройку зданія, въ которомъ она помѣщается, французское правительство истратило не менѣе полумилліона франковъ; тутъ же находится и восточная типографія. Въ данное время одна только Франція имѣетъ въ Египтѣ такое превосходное учрежденіе. Учениками Каирской школы издано уже томовъ пятнадцать изслѣдованій по востоку. Она же дастъ и профессоровъ нашимъ новымъ университетамъ. Разсматривая программы этихъ университетовъ, удостовѣряешься, что представителей ориентализма въ провинціи мало или же совсѣмъ нѣтъ. Санскритскій языкъ и египтологія преподаются еще въ Лионѣ, а въ другихъ городахъ преподаваніе ихъ незначительно или совсѣмъ не существуетъ. Сравненіе окажется не въ пользу Франціи, если увидимъ, что происходитъ хотя бы въ маленькой Швейцаріи. Университетъ города Бордо положилъ начало движенію; онъ требуетъ у

правительства профессора-ориенталиста, напоминая, что таковой былъ у него до революціи. Вѣроятно, и другіе города послѣдуютъ его примѣру, у насъ же нѣтъ недостатка въ молодыхъ ученыхъ, требующихъ мѣстъ, но согласятся ли они оставить Парижъ?

II.

Профессоръ Французской коллегіи и консерваторіи искусствъ и ремеслъ, членъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, экономистъ, географъ и статистикъ Левассеръ путешествовалъ по Старому и Новому Свѣту и принималъ участіе во многихъ конгрессахъ; онъ занимается по преимуществу международною статистикой. Последнее сочиненіе, имъ написанное, носитъ слѣдующее заглавіе: „Начальное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ“ (Enseignement primaire dans les pays civilisés). „Для характеристики XIX вѣка“, говоритъ Левассеръ,—„предлагали нѣсколько названій, и многія изъ нихъ удачны по многообразію совершившихся въ теченіе его явленій; но названіе—*этика начальнаго образованія* всего болѣе имъ заслужено“. Левассеръ занятъ исторіей и общою характеристикой этого образованія. Онъ входилъ въ личныя сношенія со школьною администраціей почти всѣхъ государствъ, имъ описываемыхъ. Книга его есть въ своемъ родѣ officialный отчетъ. Трудъ дѣлится на двѣ части: первая посвящена подробному очерку начальнаго образованія въ каждой странѣ. Каждое государство Европы, каждое государство или колонія въ Африкѣ, Азій. Австралія и Америкѣ служатъ предметомъ особой статьи. Каждая глава специально изучаетъ исторію начальнаго образованія, юридическое положеніе и организацію управленія, финансовыя средства, родъ учебныхъ учреждений, статистику, изданія, посвященные ей, и результаты, ее подтверждающіе. Изъ государствъ особенно широко разработаны Франція, Соединенные Штаты и Пруссія. Вторая часть книги посвящена общему сравнительному изученію начальнаго образованія цивилизованныхъ народовъ. Авторъ, по собраннымъ въ первой части фактамъ, показываетъ успѣхи образованія и причины ихъ въ XIX вѣкѣ, сравниваетъ систему управленія общественныхъ и частныхъ школъ, отношеніе школы къ государству, религіи, политикѣ, бюджеты народнаго образованія въ различныхъ государствахъ. Къ книгѣ приложено большое количество статистическихъ таблицъ.

Всѣ интересующіеся исторіей наукъ и философіи сочувственно

встрѣтятъ новое изданіе твореній Декарта, первый томъ котораго только что вышелъ въ свѣтъ. Имъ воздвигнуть истинный памятникъ знаменитому философу. Изданіе Кузена, напечатанное въ Парижѣ въ 1824—1826 годахъ, давно уже изчезло изъ продажи; кромѣ того, оно имѣетъ тотъ недостатокъ, что напечатано только на французскомъ языкѣ, тогда какъ Декартъ много писалъ по латыни; по случаю истеченія трехъ столѣтій со дня его рожденія образовался комитетъ для изготовленія монументальнаго изданія его сочиненій, которое должно оставить далеко за собою всѣ прежде бывшія. Въ составъ этого комитета вошли: Ксавье Шармъ, членъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, Шарль Аданъ, деканъ словеснаго факультета въ Дижонѣ, Бутру, профессоръ исторіи философіи въ Сорбоннѣ, Брошаръ, его сослуживецъ, Дарбу, членъ Парижской академіи наукъ, Лиаръ, членъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, и Таннери, инженеръ. Въ изданіи, кромѣ того, принимаютъ участіе члены международнаго комитета, философы и ученые Франціи, Германіи, Англіи, Америки, Россіи, Швеціи, Швейцаріи. Оно составитъ двѣ части: первая—письма, вторая—сочиненія научныя и философскія. Всего отпечатано будетъ 650 экземпляровъ; цѣна каждаго тома 25 франковъ. Первый томъ, только что появившійся, заключаетъ въ себѣ переписку съ 1622 по 1638 годъ. Общественныя бібліотеки поступаютъ благоразумно, если начнутъ приобрѣтать это роскошное изданіе съ самаго появленія его въ свѣтъ; оно не замедлитъ сдѣлаться бібліографическою рѣдкостью.

Академикъ Брюнетьеръ уже давно обѣщалъ намъ „Исторію французской литературы“. Отрывки изъ нея онъ помѣщалъ во многихъ книжкахъ „Критическихъ этюдовъ“, въ „Опытѣ объ эпохахъ французскаго театра“. въ „Эволюціи лирической поэзіи“, въ „Эволюціи родовъ поэзіи“ и т. д. Онъ дѣлалъ изъ нея сообщенія въ театрѣ, въ Сорбоннѣ и въ Нормальной школѣ, но не придавалъ ей до сихъ поръ вида оконченнаго труда. Наконецъ этотъ трудъ появился подъ заглавіемъ: „Руководство къ исторіи французской литературы“, въ одномъ томѣ. Достаточно открыть книгу, чтобы тотчасъ же замѣтить главное отличіе этого сочиненія отъ подобныхъ же сочиненій другихъ авторовъ. Каждая страница, раздѣленная пополамъ, напечатана двумя шрифтами; въ верхней ея части Брюнетьеръ излагаетъ свои разсужденія о ходѣ и движеніи литературы; въ нижней помѣщаетъ всѣ біографическія подробности о писателяхъ и дѣлаетъ разборъ ихъ сочиненій. Первая часть труда написана тѣмъ нѣскольکو торжествен-

нымъ риторскимъ слогомъ, который свойственъ автору; вторая часть есть сводъ замѣтокъ, написанныхъ вовсе безъ заботы о стилѣ или композиціи. Такого рода распредѣленіе содержанія дѣлаетъ чтеніе книги нѣсколько утомительнымъ; книга Брюнетьера хороша для справокъ, но не для чтенія: онъ и самъ признаетъ ее въ своемъ введеніи скорѣе *программой исторіи литературы*, которую еще напишетъ. Онъ пытается однако ввести въ исторію нѣкоторыя нововведенія: вмѣсто изученія ее по столѣтіямъ и въ каждомъ столѣтіи по родамъ ея, онъ дѣлитъ литературу на эпохи. Не датируютъ же, говорить онъ, — періодовъ при изложеніи физики или химіи по переходу одного вѣка къ другому, ни по воцаренію извѣстнаго лица. Нѣтъ тогда повода датировать такимъ образомъ и ходъ литературы. Установивъ *литературные періоды*, онъ дѣлитъ французскую литературу на слѣдующіе: 1) Средніе вѣка; 2) отъ Виллона до Ронсара; 3) эпоха Возрожденія; 4) отъ изданія „Опытовъ Монтаня“ до изданія „Астреи“ Д'Юрфе; 5) отъ образованія *Société précieuse* до перваго представленія „*Précieuses ridicules*“; 6) отъ перваго представленія „*Précieuses ridicules*“ до полемики о древнихъ и новыхъ писателяхъ; 7) отъ этой полемики до изданія „*Lettres persanes*“; 8) отъ изданія „*Lettres Persanes*“ до изданія перваго тома „Энциклопедіи“; 9) „Энциклопедія и энциклопедисты“; 10) отъ „Энциклопедіи“ до изданія „*Génie du Christianisme*“. XIX вѣкъ дѣлится на три періода: 1) отъ изданія „*Génie du Christianisme*“ до перваго представленія „*Burgaves*“; 2) отъ этого представленія до „*Légende des siècles*“; 3) и послѣдняя эпоха заключаетъ въ себѣ развитіе натурализма, куда Брюнетьеръ относитъ Альфреда де Виньи, Теофила Готье и Леконтъ де Лиля. Эти парадоксальныя дѣленія вызвали уже серьезныя полемическія статьи, но поколебать Брюнетьера не легко. Онъ завоевалъ съ борьбою каѳедру въ Нормальной школѣ, кресло въ Академіи и редакторство въ *Revue des deux Mondes*. Въ настойчивости и терпѣннн недостатка у него нѣтъ.

Рене Думикъ, какъ и Брюнетьеръ, занимаетъ, въ критикѣ весьма почетное мѣсто. Я о немъ уже не разъ писалъ вамъ. Онъ менѣе сухъ, менѣе педагогиченъ, болѣе общедоступенъ, чѣмъ Брюнетьеръ. Если со временемъ онъ сдѣлается членомъ Французской академіи, то этому способствовать будутъ читательницы его произведеній; подъ заглавіемъ „*Études sur la littérature française*“ (вторая серія) онъ только что издалъ въ свѣтъ восьмой томъ своихъ статей. Въ нихъ онъ говоритъ преимущественно о современной литературѣ, о Шато-

бріанѣ, Альфредѣ де-Мюссэ, Жоржѣ Зандѣ, Франсуа Коппэ. Онъ разбираетъ вопросъ, сильно занимающій въ данное время наше общество, вопросъ о вольномъ стихѣ. Нѣкоторые изъ молодыхъ поэтовъ не признаютъ условій поэзіи, которыми руководствовались ихъ славные предшественники Расинъ, Корнель, Андре Шенье, Ламартинъ, Викторъ Гюго. Они уже не думаютъ о числѣ слоговъ, о цезурѣ; риму они замѣняютъ неяснымъ повтореніемъ одинаковыхъ слоговъ; наконецъ, находя здравый смыслъ стѣснительнымъ, они упраздняютъ его. Какъ образецъ поэзіи декадентовъ, Думикъ приводитъ слѣдующіе стихи:

Sur la même courbe lente,
 Implacablement lente,
 S'extasie, vacille et sombre
 Le présent complexe des courbes lentes.
 A l'identique automne les rauilles s'homologent.
 Analogue ta douleur aux soirs d'automne
 Et détonne la lente courbe des choses et tes brefs sautilléments.

Не знаю найдутся ли въ Россіи читатели, способные это понять; но мы, французы, тутъ ничего не понимаемъ. Къ сожалѣнію, ни Думикъ, ни многіе другіе не могутъ уничтожить эту литературную эпидемію, все болѣе и болѣе охватывающую молодое поколѣніе.

Съ начала XIX столѣтія французская литература обогатилась новымъ родомъ критики, имѣющимъ большое значеніе, именно критикой драматическою. Нѣкоторые изъ французскихъ писателей—изъ живыхъ, Сарсэ, напримѣръ — обязаны ему своею извѣстностью. Начало положилъ ему Жеффрау, родившійся въ 1743 году и умершій въ 1814; онъ велъ театральннй фельетонъ въ *Journal des Débats* съ 1800 по 1814 годъ. Всѣ эти фельетоны, собранные въ одно цѣлое подъ заглавіемъ: *Cours de Littérature morale et dramatique*, выдержали два изданія; ихъ теперь совсѣмъ не читаютъ, но иногда справляются съ ними и часто цитуютъ въ изданіяхъ нашихъ классиковъ. Парижскій профессоръ Дегранжъ задумалъ посвятить отцу драматической критики особую монографію: *Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire* (Жеффрау и драматическая критика во время консульства и имперіи). Въ этой книгѣ, страницъ 500, авторъ изучаетъ до мельчайшихъ подробностей жизнь и труды своего героя. Дегранжъ, что иногда случается при изученіи лица второстепеннаго, нѣсколько преувеличиваетъ его значеніе; иногда попадаютъ у него неточности. Книгу его можно было бы сократить

на треть: но все же появилась она во время, когда періоду имперіи посвящается такъ много сочиненій.

Одно изъ нихъ, наиболѣе основательное, „Юность Наполеона“ (Jeunesse de Napoléon); написано Шюкэ. Это—толстая книга убористой печати полна новыми данными. Шюкэ проводитъ свою жизнь въ архивахъ и всегда дѣлаетъ въ нихъ открытія, но на этотъ разъ ему особенно посчастливилось. Въ скоромъ времени онъ издастъ исторію войнъ Наполеона, которая заставитъ забыть исторію Тьера. Шюкэ—неутомимый труженикъ, всѣ его сочиненія очень дѣльны.

Недавно я писалъ вамъ о новомъ изданіи извлеченій изъ поэтическихъ произведеній Виктора Гюго, подъ редакціей Стега (Steeg). Онъ пополнилъ этотъ сборникъ томомъ избранныхъ мѣстъ изъ прозы Гюго. Все написанное Викторомъ Гюго равно по объему сочиненіямъ Вольтера. Онъ оставилъ 20 томовъ стихотвореній, 10 драмъ, 37 томовъ прозы. Конечно, какъ прозаикъ онъ уступаетъ поэту; у него есть длинноты, недостатокъ вкуса. Стегъ весьма искусно сдѣлалъ изъ этой колоссальной массы написаннаго Гюго выборъ для своей драгоценной антологіи. Онъ приводитъ отрывки изъ „Rhin“, „Notre-Dame de Paris“, „Misérables“, „Travailleurs de la mer“, „Homme qui rit“, „Quatre-vingt-treize“; воспроизводитъ предисловія, изъ коихъ нѣкоторыя были истинными манифестами, а также отрывки изъ сборника подъ заглавіемъ: „Actes et Paroles“ и изъ „Eloges académiques“. Всѣ эти извлечения весьма любопытны, но онѣ убѣждаютъ въ томъ, что Викторъ Гюго какъ прозаикъ не стоитъ поэта.

Ланглау и Шарль Сеньбозъ, профессора исторіи въ Сорбоннѣ, написали сообща „Введеніе къ изученію исторіи“ (Introduction aux études historiques). Это краткое повтореніе лекцій, читанныхъ ими студентамъ. Оба желали сообщить своимъ ученикамъ условія, приемы, характеръ, предѣлы историческихъ изслѣдованій. Какимъ образомъ узнають прошлое, что возможно и что важно знать изъ него? Что такое документъ? Какъ надо пользоваться документами для историческаго сочиненія? Что такое историческіе факты? Какъ группировать ихъ для извлеченія изъ нихъ выводовъ? Занимающийся исторіей имѣетъ дѣло съ болѣе или менѣе сложными вопросами критики; начинающіе изслѣдователи употребляютъ обыкновенно приемы, не всегда приводящіе ихъ къ открытію истины. Ланглау и Сеньбозъ желали написать понятный для нихъ опытъ о методѣ историческихъ наукъ и вполне въ этомъ успѣли. Книга изложена просто и ясно и даетъ спеціальныя библиографическія свѣдѣнія. Въ концѣ книги помѣщены

двѣ особы статьи о среднемъ и высшемъ преподаваніи исторіи во Франціи.

Много писали объ Альзасѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ утраченъ Франціей благодаря сумасбродной политикѣ Наполеона III; но строго ученыхъ сочиненій о немъ не много. Лучшее сочиненіе Легрелля: „Людовикъ XIV и Страсбургъ“ выдержало четыре изданія. Въ послѣднее время Рудольфъ Рейссъ предпринялъ полное и, такъ сказать, окончательное обслѣдованіе этого вопроса. Сынъ извѣстнаго альзаскаго теолога, Рейссъ—уроженецъ Страсбурга; онъ родился въ 1841 году и съ той поры до послѣднихъ лѣтъ не выѣзжалъ изъ своего родного города. Долгое время онъ состоялъ преподавателемъ въ протестантской гимназій и бібліотекаремъ. Онъ написалъ много сочиненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, все о дорогой ему родинѣ. Онъ и послѣ присоединенія Альзаса къ Германіи сохранялъ въ сердцѣ своемъ любовь къ Франціи. Когда его старшій сынъ достигъ совершеннолѣтія, отецъ не пожелалъ, чтобъ онъ служилъ въ нѣмецкой арміи. Тогда онъ оставилъ свое мѣсто, страну и поселился во Франціи, въ Версаля. Онъ получилъ мѣсто преподавателя исторіи Германіи въ школѣ высшихъ знаній. Написанное имъ сочиненіе: „Альзасъ въ XVII вѣкѣ“ есть плодъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго труда. Первый томъ его, пока вышедшій, былъ представленъ въ Парижскій словесный факультетъ для соисканія докторскаго званія: защита диссертациі была замѣчательная. Рейссу присудили званіе доктора словесности; можно быть увѣреннымъ, что это сочиненіе удостоится и академической преміи, и вполне заслуженно. Альзасъ въ XVII вѣкѣ не былъ еще объединенною областью, какъ теперь, но состоялъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ владѣній свѣтскихъ и духовныхъ. Рейссъ даетъ въ высшей степени ясное понятіе объ устройствѣ этихъ владѣній, ихъ отношеніяхъ къ церкви и имперіи, о состояніи въ нихъ земледѣлія, промышленности и торговли. Онъ рассказываетъ исторію войнъ, происходившихъ на территоріи этихъ владѣній, и говоритъ о дипломатическихъ сношеніяхъ, ими вызванныхъ. Книга заключаетъ въ себѣ весьма значительную бібліографію. Второй томъ, который скоро появится, посвященъ будетъ изученію мѣстнаго общества, умственной жизни, религіозныхъ вопросовъ того времени. Рейссъ пишетъ слогомъ твердымъ и сильнымъ, стараясь сохранять строгое безпристрастіе историка. Тѣмъ не менѣе онъ не скрываетъ своего влеченія къ Франціи, отказавшись отъ своего роднаго города и отъ положенія, которое занималъ въ немъ въ теченіе 35 лѣтъ.

Профессоръ Кіевскаго университета Лучицкій, занимающійся преимущественно исторіей Франціи, въ теченіе многихъ лѣтъ во время лѣтнихъ вакацій посѣщалъ архивы нашихъ департаментовъ для изученія документовъ. Онъ одаренъ необыкновенною способностью работать продолжительно; ему приходилось иногда часовъ двѣнадцать къ ряду переписывать документы въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, гдѣ онъ могъ провести не болѣе одного дня. При этомъ упорствѣ онъ собралъ огромный матеріалъ, который и резюмировалъ въ недавно вышедшей небольшой книжкѣ: „Мелкая собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ“ (*La petite propriété en France avant la Revolution et la vente des biens nationaux*). Въ ней онъ изслѣдуетъ экономическіе вопросы, мало извѣстные даже французскимъ историкамъ. Спеціальные журналы, напримѣръ, *Revue Historique*, издаваемый Моно, давно уже съ похвалою высказываются объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Лучицкимъ.

Я уже много разъ сообщалъ вамъ объ успѣхахъ, сдѣланныхъ французскою картографіей въ послѣдніе годы. Атласы Шрадера и Видаля-Лаблаша дѣлаютъ честь какъ ученымъ, надъ ними потрудившимися, такъ и издателямъ, печатавшимъ ихъ. Кажется, лучшее изданіе сдѣлать было бы трудно. Но книжная фирма Ларусса задумала иной планъ, который вполне удался. Подъ заглавіемъ: „Иллюстрированный атласъ Ларусса“ выйдетъ обширный атласъ въ шести томовъ, строго отличающійся отъ всѣхъ прежде выходившихъ. Посвящая каждой странѣ подробный текстъ, избавляющій отъ чтенія спеціальныхъ сочиненій, составители снабдили свое изданіе чрезвычайно ясными картами; нововведеніе сдѣланное ими, состоитъ, главнымъ образомъ, въ иллюстраціи текста фотографическими снимками. Превосходно исполненные, они размѣщены въ самомъ текстѣ, на каждой страницѣ. Первый томъ, уже вышедшій, посвященъ Франціи и ея колоніямъ; онъ заключаетъ въ себѣ 150 страницъ текста и гравюръ. 17 картъ и 450 безусловно превосходныхъ фотографій, помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ. Цѣна за каждый томъ 15 франковъ дѣлаетъ это изданіе въ высшей степени дешевымъ. Окончивъ это изданіе, фирма Ларусса воздвигнетъ искусству и географіи истинный памятникъ. Библиофилы со временемъ оцѣнятъ его. Подобнаго совершенства въ изданіи еще не достигали.

Адри Вейль, одинъ изъ ученнѣйшихъ нашихъ еллинистовъ, занимался преимущественно печатаніемъ текстовъ. Ему мы обязаны превосходными изданіями Демосеена и Эврипида. Собралъ въ одну книгу

изъ разныхъ сборниковъ свои статьи, онъ назвалъ ихъ „Этюдами о древней драмѣ“ (*Études sur le drame antique*). Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей хотя и устарѣли, но все же и теперь любопытны; сюда вошли этюды о древней трагедіи, объ Эсхилѣ и Эврипидѣ, и теоріи оправданія страстей, Геркулесъ и Антиопъ Эврипида, лирическихъ формахъ греческой трагедіи, правилъ о трехъ дѣйствующихъ лицахъ и пр. Эти этюды, печатавшіеся по большей части въ *Journal des Savants*, весьма любопытны для занимающихся древне-классическою литературой.

Любители словесности прочтутъ также съ интересомъ небольшую книжку Эмиля Дешана: „Въ странѣ Афродиты. Кипръ. Путевыя замѣтки одного путешественника“ (*Au pays d'Aphrodite. Chypre. Carnet d'un voyageur*). Я не знаю, кто такой Эмиль Дешанъ. Его не должно смѣшивать съ Гастономъ Дешаномъ, напечатавшимъ два любопытные тома о Греціи и Малой Азіи. Но онъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія. Серьезный путешественникъ, тщательно изучившій страну, довольно мало посѣщаемую французскими туристами, онъ обогатилъ свои разказы изящными набросками. Изъ нихъ мы видимъ, что современный Кипръ удивительно отличается отъ острова, полного въ сказаніяхъ древнихъ грековъ такихъ поэтическихъ легендъ. Современные кипріоты признательны иностраннымъ ученымъ, обратившимъ на нихъ свое вниманіе. Въ Ларнакѣ одна изъ улицъ названа въ честь французскаго ученаго Маслатри, написавшаго исторію Кипра въ средніе вѣка.

Бошэ написалъ весьма важное сочиненіе для изученія греческихъ древностей: „Исторія частнаго права Аѳинской республики“ (*Histoire du droit privé de la république Athénienne*). Оно составляетъ не менѣе четырехъ томовъ въ 8-ку. Первые два тома посвящены семейному праву, третій—праву собственности, четвертый—праву обязательствъ. Содержаніе книги хорошо распределено, но въ 4-мъ томѣ встрѣчаются повторенія. Изложеніе довольно тяжелое, иногда растянутое, хотя вполне ясное, правильное и методичное. Автору хорошо извѣстна библиографія его предмета; въ началѣ книги онъ помѣстилъ очень полный библиографическій указатель; кромѣ того, въ примѣчаніяхъ своихъ онъ даетъ множество указаній.

„Словарь греческихъ и римскихъ древностей“, предпринятый Даренбергомъ и Саліо, продолжаетъ выходить при содѣйствіи Потье, хранителя Луврскаго музея; прекрасныя сочиненія его о древней керамикѣ хорошо извѣстны. Выпускъ 24-й идетъ отъ слова *Hoplomacia*

до *Imago*. Лучшія статьи въ немъ слѣдующія: *Horae* Гильда, *Horologium* Ардальона, *Horreum* Теденà, *Hortus* Лафэ, *Hospitium* Лекри-вена, *Hostis* Кука, *Hydraulus* Рюзлля, *Hymnus* Теодора Рейнаха, *Hypocaustum* Теденà, *Hypotheca* Кука. *Illustres* Жюліана, *Imago* Курбо.

Профессоръ словеснаго факультета въ городѣ Э Эмиль Жоре предпринялъ печатаніе большаго сочиненія: „Растенія въ древніе и средніе вѣка. Исторія, обычаи и символика“ (*Les Plantes dans l'antiquité et au moyen âge. Histoire, usages et symbolismes*). Нѣмецкій ученый Викторъ Генъ посвятилъ шестидесяти растеніямъ цѣлое сочиненіе; Альфонсъ де Кандолль изучилъ съ глубокою эрудиціей происхожденіе 117 культивированныхъ растений. Но такого обширнаго труда, какъ трудъ Жоре, еще никто не предпринималъ. Исторія растений тѣсно связана съ исторіей цивилизаціи. Чтобы написать ее, надо быть ботаникомъ, историкомъ, лингвистомъ, фольклористомъ, хорошо знать исторію древней и новой литературы. Одинъ Жоре соединяетъ въ себѣ всѣ эти данныя. Въ первомъ томѣ онъ изучаетъ растенія классическаго Востока, Египта, Халдеи, Ассиріи, Іудеи. Главы, посвященныя Египту, проливаютъ совершенно новый свѣтъ на его цивилизацію, ибо растенія имѣли здѣсь весьма важное вліяніе на развитіе архитектуры. Полное сочиненіе составитъ три тома. Гастонъ Парисъ въ *Journal des Débats*, Масперо въ *Journal des Savants* уже написали о немъ въ высшей степени похвальные статьи. Жоре доказалъ, что и въ самомъ небольшомъ провинціальномъ городѣ можно создать истинно ученый трудъ.

Анатоль Леруа-Больё уже давно окончилъ свое обширное сочиненіе о Россіи. Время отъ времени онъ печатаетъ въ *Revue des Deux Mondes* этюды о Россіи, преимущественно о вопросахъ общественныхъ и политическихъ. Онъ собралъ свои опыты подъ названіемъ: „*Études russes et européennes*“; онъ говоритъ въ нихъ объ императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III, о сношеніяхъ Франціи съ Италіей, Германіей и Россіей. Серьезный и безпристрастный публицистъ, Леруа-Больё отлично знаетъ вопросы иностранной политики. Жаль, что обстоятельства воспрепятствовали вступленію его въ парламентъ. Онъ одаренъ способностями государственнаго дѣятеля.

Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ потеряла Барду, одного изъ своихъ членовъ, имѣвшаго большое политическое значеніе. Депутатъ національнаго собранія, позже сенаторъ, Барду былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 1877 по 1879 годъ. Онъ былъ

въ числѣ министровъ, содѣйствовавшихъ постановленію обязательнаго начальнаго образованія. Имъ написано нѣсколько книгъ по исторіи законодательства и французскаго общества. Это былъ умѣренный республиканецъ и разумный, превосходный патріотъ. Всѣ сожалѣютъ его. Мы оплакиваемъ также кончину нашего славнаго ориенталиста Шефера, директора школы восточныхъ языковъ. Благодаря своимъ ученымъ трудамъ онъ занялъ кресло въ Академіи надписей. Послѣ него осталось удивительное собраніе книгъ и восточныхъ рукописей.

Л. Л—ръ.

ВОПРОСЪ О ГОНОРАРЪ И ПРОФЕССОРСКОМЪ ЖАЛОВАНЬИ ВЪ ПРУССКОЙ ПАЛАТЪ ДЕПУТАТОВЪ ВЪ 1897 Г.

Господствовавшій въ Пруссіи до 1897—1898 года порядокъ вознагражденія профессоровъ университетовъ былъ таковъ: для каждаго университета назначалась въ государственной смѣтѣ известная сумма на вознагражденіе профессоровъ, рассчитанная по числу ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и среднему окладу сего вознагражденія для тѣхъ и другихъ. Сверхъ того въ распоряженіи министра народнаго просвѣщенія состоялъ общій для всѣхъ университетовъ фондъ въ дополненіе къ штатамъ отдѣльныхъ университетовъ. Жалованье каждаго профессора устанавливалось по взаимному соглашенію между нимъ и министромъ. Сверхъ того каждый профессоръ имѣлъ неоспоримое право на весь гонораръ, вносимый его слушателями, при чемъ размѣръ гонорара опредѣлялся самимъ профессоромъ. Эти средніе оклады профессорскаго жалованья (*Durchschnittsgehälter*) были различны по университетамъ, а именно, не считая квартирныхъ денегъ, для ординарныхъ профессоровъ 4.800 марокъ (Грейфсвальдъ, Киль, Марбургъ, Мюнстеръ), 5.100 м. (Боннъ, Геттингенъ, Кенигсбергъ, Бреславль, Галле) и 6.000 (Берлинъ) и на половину менѣе этихъ окладовъ для экстраординарныхъ профессоровъ соответственныхъ университетовъ. Профессора до конца жизни сохраняютъ за собою жалованье и квартирныя, хотя бы уже не были въ состояніи заниматься преподаваніемъ. Независимо отъ продолжительности службы умершаго, вдова ординарнаго профессора получаетъ пенсію въ 1.400 м.; вдова экстраординарнаго профессора 1 т. м., полный сирота получаетъ 600 м., каждый изъ слѣдующихъ за нимъ по 400 м., полусирота—400 м., и слѣдующіе за нимъ по 250 м.

При составленіи бюджета расходовъ на 1-й апрѣль 1897—1898 г. предположено было довершить давно уже предпринятое улучшеніе матеріальнаго положенія должностныхъ лицъ, распространивъ это улучшеніе на всѣхъ среднихъ и нѣкоторую часть высшихъ чиновниковъ съ помощью, между прочимъ, постоянныхъ періодическихъ прибавокъ къ жалованью по мѣрѣ возрастающаго числа лѣтъ службы (*Besoldung nach Dienstaltersstufen*). При этомъ однако же въ первоначальномъ проектѣ министерства этотъ принципъ возвышенія окладовъ жалованья въ соразмѣрности съ числомъ лѣтъ службы не было признано удобнымъ распространить на профессоровъ, а только возвысить средній окладъ ихъ жалованья: въ Берлинѣ до 6.500 м., а во всѣхъ прочихъ университетахъ одинаково до 5.500 м. для ординарныхъ профессоровъ, и до половины этихъ суммъ для экстраординарныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ принять нижеслѣдующія мѣры: 1) признать, что суммы, назначенныя на профессорское жалованье, могутъ быть переносимы изъ одного университета въ другой (за исключеніемъ Берлинскаго); 2) въ случаѣ превышенія суммою профессорскаго гонорара (за вычетомъ издержекъ по завѣдыванію этимъ дѣломъ и принимая отсроченные гонорары лишь за 60% нарицательной суммы) 2.400 м., а въ Берлинѣ 4.000 м., половина этихъ излишковъ обращается въ университетскую кассу и затѣмъ въ государственное казначейство въ совокупности до 185 т. м. ежегодно, остальное же затѣмъ количество вычтенныхъ гонораровъ составляетъ особый фондъ cadaго университета въ отдѣльности; 3) вышеозначенная сумма 185 т. служить къ увеличенію суммы, находящейся въ распоряженіи министра народнаго просвѣщенія на увеличеніе профессорскихъ окладовъ и простирающейся теперь до 175 т. м., и весь этотъ фондъ (въ 360 т. м.) получаетъ наименованіе „фонда для привлеченія и сохраненія отличныхъ преподавателей“, и 4) оставляемый въ университетскихъ кассахъ фондъ служить для возвышенія уровня средняго профессорскаго оклада, если только не окажется несомнѣннымъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

Въ этихъ мѣрахъ Прусское министерство народнаго просвѣщенія усматривало способъ избѣгнуть не имѣющихъ достаточнаго основанія различій въ размѣрахъ профессорскаго вознагражденія (*unberechtigte Verschiedenheiten in der Bemessung des Dienst Einkommens der Professoren*) и предоставить имъ, независимо отъ случайностей призыва ихъ въ другіе университеты, соответственное содержаніе (*ein angemessenes Einkommen*), а сверхъ того еще и „оберечь существующую

систему гонораровъ, *сохраненіе которой желательно въ интересахъ нашихъ университетовъ*, отъ направленныхъ противъ нея основательныхъ возраженій“.

Впрочемъ отъ самихъ состоящихъ уже на службѣ профессоровъ зависитъ согласиться или не согласиться на эти вычеты изъ ихъ гонораровъ, но въ послѣднемъ случаѣ они лишаются права участвовать въ предполагаемыхъ улучшеніяхъ профессорскаго содержанія.

Относительно этихъ мѣръ министерство не сочло нужнымъ выслушать предварительно мнѣнія самихъ университетовъ, и они освѣдомились объ этихъ предположеніяхъ только, когда они поступили на обсужденіе палаты депутатовъ, къ которой они, пользуясь правомъ, предоставляемымъ Прусскою конституціей всѣмъ подданнымъ, и обратились съ своими прошеніями. Первымъ выступилъ сенатъ соединеннаго Галле-Виттенбергскаго Фридрихова университета (16-го января 1897 года), за нимъ послѣдовали сенаты университетовъ Грейфсвальдскаго (18-го января), Марбургскаго (23-го января), Боннскаго (тоже), Берлинскаго, Кенигсбергскаго и Кильскаго (26-го января) и наконецъ, Бреславскаго (8-го февраля), который Впрочемъ обратился прямо къ министру народнаго просвѣщенія. Нынѣшняя система профессорскаго вознагражденія, по мнѣнію университета Галле, въ основахъ своихъ соотвѣтствуетъ историческому развитію, своеобразности (*Eigenart*) и современнымъ потребностямъ университетовъ. Но съ нею соединены недостатки, на которые давно уже обращено вниманіе правительства. Недостатки эти прежде всего заключаются въ чрезвычайно большомъ неравенствѣ профессорскихъ окладовъ, а также и въ томъ, что многіе ученые, оказавшіе важныя услуги наукъ и университетамъ, должны довольствоваться въ продолженіе всей своей жизни такими служебными заработками (жалованьемъ и гонораромъ), которые недостаточны для соотвѣтственнаго званію образа жизни.

И дѣйствительно, независимо отъ размѣровъ гонорара, получаемого различными профессорами, существуютъ громадныя различія между профессорскими окладами самаго жалованья въ среднемъ выводѣ, какъ для различныхъ факультетовъ, такъ и для профессоровъ одного и того же факультета, какъ на то указываетъ Кильскій университетъ. Такъ, въ Кенигсбергѣ окладъ жалованья ординарныхъ профессоровъ юридическаго факультета почти на 1.300 м. выше средняго оклада ординарныхъ профессоровъ философскаго факультета; въ Грейфсвальдѣ средній окладъ профессоровъ богословскаго факультета на 1.400 м. выше оклада профессоровъ философскаго факультета; въ Килѣ бого-

слова получаютъ на 1.100 м. больше юристовъ, и т. д. Въ предѣлахъ одного и того же факультета—напримѣръ, католическаго богословія въ Бреславлѣ—наибольшій окладъ почти въ три раза больше наименьшаго (6 т. м. противъ 2.100 м.), въ юридическомъ факультетѣ въ Марбургѣ слишкомъ въ три раза (6.017 м. противъ 1.800 м.), въ медицинскомъ факультетѣ въ Берлинѣ тоже (8.400 м. противъ 2.400), въ философскихъ факультетахъ Геттингена, Галле и Бонна болѣе чѣмъ въ три раза, въ 5-ть и въ 7-мь разъ (8.500 м., 9 т. м. и 10.500 м. противъ 1.500 м.). Средній окладъ жалованья пяти штатныхъ ординарныхъ профессоровъ юридическаго факультета въ Килѣ простирается до 4 т. м., и такимъ образомъ оказывается на 800 м. ниже назначеннаго для Киля средняго профессорскаго оклада; дѣйствительное же жалованье 4-хъ изъ этихъ пяти профессоровъ простирается всего до 3.600 м., то-есть, на 1.200 м. меньше положеннаго по штату для Киля средняго профессорскаго оклада, и это одинаково сокращенное жалованье получаютъ эти профессора не смотря на различную (отъ 1³/₄ до 12¹/₄ года) продолжительность ихъ службы. Сверхъ того одинъ состоящій уже три года на службѣ ординарный профессоръ долженъ довольствоваться жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Такимъ образомъ, заключаетъ сенатъ Кильскаго университета, „эта система среднихъ окладовъ жалованья ставитъ отдѣльнаго университетскаго профессора на всю его жизнь въ зависимость отъ усмотрѣнія королевскаго правительства“ и въ сущности отъ усмотрѣнія министра народнаго просвѣщенія и его совѣтника—докладчика по университетскимъ дѣламъ. „Мы же, продолжаетъ сенатъ, усматриваемъ въ той денежной независимости университетскаго профессора, какую можетъ дать только признанное закономъ право на извѣстное, закономъ установленное и съ званіемъ профессора сопряженное жалованье, существенное условіе для плодотворной научной дѣятельности. Неизбѣжными послѣдствіями дальнѣйшаго существованія такихъ порядковъ будетъ то, что: 1) обладаніе частнымъ имуществомъ, поставляющимъ въ независимость отъ жалованья, пріобрѣтеть совершенно не подобающее ему и даже опасное значеніе для университетской карьеры; 2) при повышеніяхъ и призывахъ на кафедру неминуемо будутъ возникать въ высшей степени тягостныя для обѣихъ сторонъ переговоры относительно опредѣленія размѣровъ жалованья и что, наконецъ, 3) подъ гнетомъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ легко могутъ развиваться въ профессорской средѣ такіа нравственныя качества, устраненія коихъ отъ

своего служилаго класса должно настоятельнѣйшимъ образомъ желать государство⁴.

Въ новомъ правительственномъ проектѣ прусскіе университеты усматриваютъ не устраненіе, а лишь усиленіе того зла, отъ котораго они нынѣ страдаютъ, хотя и признаютъ желаніе министерства улучшить матеріальное положеніе профессоровъ, выразившееся въ нѣкоторомъ возвышеніи средняго уровня профессорскихъ окладовъ (на 500 м. въ Берлинѣ и на 400—700 м. въ прочихъ университетахъ), и одобряютъ уравниеніе всѣхъ университетовъ между собою (кромѣ Берлинскаго), при чемъ Боннскій университетъ не усматриваетъ ни справедливости, ни цѣлесообразности въ томъ, чтобы Берлинскій университетъ былъ оставленъ въ своемъ привилегированномъ положеніи.

Весь проектъ, по ихъ мнѣнію, направленъ лишь къ увеличенію зависимости профессоровъ отъ личнаго произвола и усмотрѣнія министра и его докладчика. Если въ настоящее время только отдѣльные профессора и цѣлыя факультеты поставлены министромъ въ различное положеніе, то съ осуществленіемъ новаго проекта, вопреки предположенному сравненію всѣхъ провинціальныхъ университетовъ, одни изъ нихъ могутъ оказаться въ привилегированномъ, другіе, напротивъ, въ уничиженномъ положеніи, благодаря тому, что испрашивается возможность переноса суммъ, назначенныхъ на содержаніе ихъ профессоровъ, изъ одного университета въ другой, и такимъ образомъ ничто не помѣшаетъ въ дѣйствительности поставить средній профессорскій окладъ одного изъ провинціальныхъ университетовъ выше, а другой въ той же мѣрѣ ниже нормы. Такимъ образомъ и установленіе средняго профессорскаго оклада будетъ только фиктивнымъ, и всѣ суммы, назначенныя на содержаніе профессоровъ, обратятся въ фондъ, находящійся въ полномъ распоряженіи министра (Dispositionsfond), изъ котораго онъ будетъ награждать профессоровъ по личному своему усмотрѣнію, и самое увеличеніе среднихъ профессорскихъ окладовъ послужитъ лишь къ увеличенію этой произвольной власти министра, но вовсе не къ улучшенію положенія каждаго профессора въ отдѣльности, ибо для соблюденія новаго законодательнаго акта достаточно. чтобы для всѣхъ провинціальныхъ университетовъ средній профессорскій окладъ оказался равнымъ нормальному (5.100 м.), а при этомъ очень и очень многіе профессора могутъ быть поставлены даже въ худшее положеніе противъ нынѣшняго. Если и теперь различіе въ матеріальномъ положеніи профессоровъ нерѣдко оказывается поразительнымъ, то новый проектъ не

только не устраняетъ этого зла, но легко можетъ повлечь за собою значительное его увеличеніе, и это тѣмъ болѣе, что фондъ, состоящій и нынѣ въ полномъ распоряженіи министра „на привлеченіе и сохраненіе значительныхъ ученыхъ силъ“ (простирающійся до 175 т. м. ежегодно) предполагается еще увеличить на счетъ вычетовъ изъ гонораровъ до 360 т. м. Въ виду сего университеты Галле, Грейфсвальдъ, Марбургъ, Киль и Кенигсбергъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываются въ пользу того, чтобы для профессоровъ, такъ же какъ и для административныхъ и судебныхъ должностныхъ лицъ, были установлены твердо закономъ опредѣленные оклады жалованья, минимальные при началѣ службы, и опредѣленные къ нимъ прибавки чрезъ извѣстное опредѣленное число лѣтъ до достиженія сими окладами опредѣленнаго максимума. При установленіи этихъ окладовъ, необходимо имѣть въ виду доставленіе возможности безбѣднаго и беззаботнаго, приличнаго званію, существованія и тѣмъ профессорамъ, которые по свойству преподаваемыхъ ими наукъ не могутъ рассчитывать ни на сколько нибудь значительный гонораръ, ни на какіе-либо иные связанные съ ихъ службой источники доходовъ, а также необходимо, какъ замѣчаетъ Кенигсбергскій университетъ, установить профессорскіе оклады въ такихъ размѣрахъ, чтобы они соответствовали духовному значенію университетовъ для всей культурной жизни націи, трудности связанныхъ съ профессорскимъ званіемъ обязанностей, продолжительности и дороговизнѣ приготовления къ оному, при чемъ надобно имѣть въ виду, что не всѣ вступающіе на академическое поприще достигаютъ непремѣнно ординарной профессуры и что по достиженіи ея нѣтъ никакихъ видовъ на дальнѣйшее повышение, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ эти виды исчезаютъ лишь по достиженіи самыхъ высшихъ государственныхъ должностей.

Гораздо опредѣленнѣе высказывается на этотъ счетъ Бреславскій университетъ въ своемъ ходатайствѣ передъ министромъ отъ 8-го февраля 1897 г., а именно: 1) Наименьшій, первоначальный окладъ ординарнаго профессора долженъ быть не менѣе 4.000 м. (=1.880 р.), экстраординарнаго не менѣе 2.000 м. (=940 р.): исключеніе можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если вновь назначаемый профессоръ сохраняетъ при профессурѣ еще одну или нѣсколько другихъ оплачиваемыхъ жалованьемъ должностей; но ни молодой возрастъ вновь назначеннаго, ни частныя его средства или подобныя чистоличныя обстоятельства не должны быть поводомъ къ какимъ-либо

изъятіямъ въ этомъ отношеніи. 2) Прибавки, примѣрно чрезъ каждые три года, не должны зависѣть отъ личныхъ соглашеній при назначеніи профессора и не должны быть сокращаемы, а каждый профессоръ долженъ имѣть законное на нихъ право, при чемъ изъятія могутъ быть допущены, если профессоръ занимаетъ одну или нѣсколько другихъ оплачиваемыхъ должностей, если онъ временно освобожденъ отъ преподаванія (что случается въ Германіи, между прочимъ, въ виду предпринятыхъ профессоромъ какихъ-либо особыхъ ученыхъ работъ) или въ случаѣ особенной значительности получаемого имъ гонорара, и 3) максимальный окладъ для Бреславля долженъ быть не ниже 7.200 м. (=3.384 р.), такъ какъ на 6 т. м. (=2.820 р.), нельзя жить въ большомъ городѣ прилично профессорскому званію. При выполненіи всѣхъ этихъ условій предоставленіе министерству права переносить временно сбереженныя при одномъ университетѣ суммы въ другой университетъ окажется скорѣе даже полезнымъ, равно какъ и противъ предполагаемыхъ вычетовъ изъ гонорара Бреславскій университетъ ничего съ своей стороны не имѣетъ.

Наставляя на твердомъ опредѣленіи наименьшаго профессорскаго оклада и прибавокъ къ оному чрезъ извѣстное число лѣтъ, прусскіе университеты тѣмъ не менѣе высказываются въ пользу сохраненія нынѣшняго фонда (175 т. марокъ = 82.250 р.), который состоитъ въ распоряженіи министра и изъ котораго имъ назначается дополнительное жалованье тѣмъ профессорамъ, которыхъ желательно привлечь въ какой-либо университетъ или же сохранить въ немъ, такъ чтобы значительныя научныя заслуги, большой авторитетъ въ ученомъ мірѣ и отличныя преподавательскія способности могли и впредь быть особо вознаграждаемы: противъ такого неравенства въ вознагражденіи профессорскихъ трудовъ со стороны правительства прусскіе университеты ничего не имѣютъ, ибо во всякомъ случаѣ личное усмотрѣніе министра въ значительной мѣрѣ ограничивается господствующимъ въ ученомъ мірѣ мнѣніемъ о заслугахъ и достоинствахъ профессоровъ, пользующихся такимъ преимуществомъ.

Но за исключеніемъ лишь Бреславскаго университета, всѣ прочіе рѣшительно высказались противъ предполагаемыхъ нововведеній относительно гонорара, хотя нѣкоторые изъ нихъ и допускаютъ, какъ Галльскій университетъ, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, число коихъ впрочемъ не очень велико, нѣкоторые профессора пользуются чрезмѣрно большими гонорарами, въ каковыхъ случаяхъ измѣненіе нынѣшнихъ порядковъ можетъ быть оправдано, или какъ Кенигсберг-

скій университетъ, что система гонораровъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ во многихъ отношеніяхъ нуждается въ реформѣ, или какъ Бонскій университетъ, что „нынѣшняя система гонораровъ повела ко многимъ неурядицамъ“ (zu manchen Misständen) „и во многихъ отношеніяхъ нуждается въ реформѣ“. Прежде всего университеты находятъ, что въ формальномъ отношеніи нельзя примѣчаніемъ къ статьѣ бюджета на извѣстный годъ отмѣнить предоставленное профессорамъ статутами университетовъ несомнѣнное право назначать гонораръ за свои лекціи по собственному ихъ усмотрѣнію относительно размѣровъ онаго и получать его въ свою пользу безъ какихъ либо вычетовъ.

Затѣмъ, по существу дѣла, они находятъ, что несправедливо ограничивать предоставленное профессорамъ право безъ всякаго за то вознагражденія, что размѣры этого ограниченія слишкомъ значительны и произвольны и что въ особенности употребленіе, которое предполагается сдѣлать изъ этихъ вычетовъ, и несправедливо, и нецѣлесообразно, и не только не полезно, но скорѣе вредно.

Въ проектѣ, правда, предоставляется самимъ профессорамъ согласиться или не согласиться на предложенные вычеты изъ ихъ гонораровъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ они лишаются участія въ улучшеніи ихъ жалованья. Такимъ образомъ возвышеніе средняго профессорскаго оклада разсматривается какъ вознагражденіе за ограниченіе гонорара. На это справедливо замѣчаетъ, между прочимъ, Кильскій университетъ, что соглашаясь на вычеты изъ своего гонорара, профессоръ знаетъ, чего онъ лишается, но что онъ этимъ пріобрѣтеть, ему неизвѣстно, потому что болѣе высокій средній уровень профессорскихъ окладовъ можетъ быть достигнутъ назначеніемъ бѣльшаго жалованья не ему, а другимъ профессорамъ.

Назначеніе предѣльной суммы гонораровъ, свободной отъ всякихъ вычетовъ, въ 2.400 м. въ провинціальныхъ университетахъ и въ 4 т. м. въ Берлинскомъ, представляется случайнымъ и произвольнымъ, включеніе же въ эту сумму и отсроченныхъ гонораровъ, принимаемыхъ за 60%, буде подъ ними разумѣются не уплаченные дѣйствительно въ данный годъ гонорары, несправедливо, вычетъ же половины излишка противъ означенныхъ суммъ слишкомъ великъ и особенно обременителенъ при незначительномъ превышеніи означенныхъ суммъ. Если уже должны состояться предложенные вычеты, то должны считаться только поступившіе наличными деньгами гонорары, и съ нихъ должны быть установлены прогрессивно увеличивающіеся вычеты: чѣмъ въ значительнѣйшей мѣрѣ была бы устранена и нынѣшняя

неравномѣрность служебныхъ профессорскихъ доходовъ. Марбургскій университетъ предлагаетъ начинать вычеты съ суммы гонораровъ, превышающей для провинціальныхъ университетовъ 3 т. м., въ количествѣ 10% излишка, прибавляя по 10% на каждую дальнѣйшую тысячу марокъ излишка, при чемъ 60% вычета было бы послѣднимъ предѣломъ. Такъ, при 4 т. м. гонорара вычетъ простирается бы до 100 м., при 5 т.—до 400 м., при 6 т. до 900, при 7 т. до 1600 м., при 8 т. до 2500 м., при 9 т. до 3600 м., при 10 т. до 4200 м., при 20 т. м.—10200 м.

Слишкомъ большое сокращеніе доходовъ, доставляемыхъ профессорамъ гонораромъ,—замѣчаетъ означенный университетъ,—было бы отнюдь не въ интересахъ самихъ университетовъ, ибо представители тѣхъ наукъ, преподаваніе коихъ приносятъ наибольшіе гонорары—медики, юристы, естественники—имѣютъ возможность и внѣ университета пользоваться весьма значительными доходами въ качествѣ практическихъ врачей, адвокатовъ, общинныхъ и общественныхъ должностныхъ лицъ, химиковъ и т. д., и государство только потеряло бы, устранивъ самыхъ способныхъ изъ нихъ отъ академической карьеры, если бы она была поставлена въ менѣе благоприятныя условія чѣмъ другія карьеры.

Что же касается до предположеннаго употребленія этихъ гонорарныхъ вычетовъ, то увеличеніе ими прежде всего вдвое противъ нынѣшняго фонда, находящагося въ безотчетномъ распоряженіи министра на увеличеніе жалованья отличнѣйшихъ профессоровъ, коихъ желательно привлечь въ тотъ или другой университетъ или сохранить за нимъ, болѣе всего вызвало противъ себя возраженій, ибо оно клонилось бы только къ увеличенію зависимости профессоровъ отъ министра и было бы налогомъ на менѣе выдающихся, по мнѣнію министерства, профессоровъ, и слѣдовательно, болѣе слабыхъ въ экономическомъ отношеніи, въ пользу болѣе сильныхъ профессоровъ.

Повидимому, наименѣе еще были бы противъ этого нововведенія прусскіе университеты, если бы эти вычеты шли исключительно на улучшеніе матеріальнаго положенія тѣхъ профессоровъ, которые по самому свойству преподаваемыхъ ими наукъ не могутъ рассчитывать ни на значительный гонораръ, ни на какой-либо иной связанный съ ихъ профессорскою и ученою дѣятельностью доходъ; но такое употребленіе гонорарныхъ вычетовъ поставлено министерскимъ проектомъ совсѣмъ на задній планъ, и притомъ лишь для возвышенія средняго профессорскаго оклада и съ оговоркою, что и такое возвышеніе можетъ оказаться ненужнымъ.

Нѣкоторые университеты, какъ напр. Марбургъ, Грейфсвальдъ, указываютъ, что если дѣло должно дойти до гонорарныхъ вычетовъ. то собранныя такимъ образомъ суммы должны идти исключительно въ пользу того же университета, въ которомъ они собраны, будетъ ли то на улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ въ немъ лицъ или на улучшеніе научныхъ его пособій.

Боннскій и особенно Берлинскій университеты, не вдаваясь ни въ какія подробности по этому предмету, просили палату депутатовъ отказать правительству въ согласіи на представленный имъ проектъ, насколько онъ касается должностныхъ доходовъ профессоровъ и, какъ прибавляетъ Берлинскій университетъ, особенно содѣйствовать тому, чтобы право профессоровъ на гонораръ не подверглось никакому ущербу.

Общія соображенія по этому поводу Берлинскаго университета заслуживаютъ вниманія. „Тогда какъ, говоритъ онъ, нѣтъ и рѣчи о твердомъ установленіи наименьшихъ профессорскихъ окладовъ и о предоставленіи профессорамъ твердаго права на прибавки чрезъ извѣстные промежутки времени, имѣется въ виду глубокимъ вторженіемъ въ жизнь университетовъ устранить твердое право всѣхъ университетскихъ преподавателей на полученіе гонораровъ за ихъ лекціи. Этимъ была бы потрясена одна изъ основъ нашего университетскаго устройства и подвергнута опасности экономическая независимость профессоровъ, необходимая какъ ручательство за свободу преподаванія... На этой основѣ, проявляя здоровую жизнь, Берлинскій университетъ возросъ до нынѣшняго цвѣтущаго своего состоянія. Тамъ и сямъ могутъ оказаться неурядицы (Missstände), связанныя съ каждымъ чловѣческимъ установленіемъ, но они далеко не имѣютъ того значенія, чтобы ими можно было оправдать разрывъ съ испытанною основою и попытку такого нововведенія, для котораго нѣтъ образца. Установленіе закономъ правилъ относительно профессорскихъ окладовъ и гонораровъ, чему и университетскіе преподаватели охотно окказали бы съ своей стороны содѣйствіе, насколько ихъ пожелали бы выслушать,— могло бы дать въ подробностяхъ соотвѣтственныя цѣли улучшенія, если бы оно основывалось на дальнѣйшемъ развитіи существующаго нынѣ права. Но права на полученіе гонорара оно не можетъ коснуться, не подвергая риску преуспѣяніе университета въ будущемъ. Не въ интересъ только германскихъ университетовъ, а прежде всего также и въ ближайшемъ интересѣ самаго германскаго государства надлежитъ сохранить въ цѣлости испытанныя основы хозяйственнаго положенія профессоровъ. Ибо только независимые представители науки,

служеніе коихъ не исчерпывается однимъ лишь исполненіемъ чиновническихъ обязанностей, въ состояніи пріобрѣсти глубокое и прочное вліяніе на всю духовную жизнь народа. Что такіе люди могли дѣйствовать въ правительственныхъ университетахъ и могли на ихъ кафедрахъ стоять за свои убѣжденія даже и въ тѣхъ именно отрасляхъ знанія, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ соприкасаются съ публичною жизнью, это не разъ оказывалось благодѣяніемъ въ теченіе германской исторіи. Свою свободную силу и ими самими пріобрѣтенное вліяніе на духовную жизнь они успѣшно отдавали на службу германскаго государства и оказывались надежною опорю исторически-сложившагося порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями стремящейся впередъ народной мысли. Что они были на это способны, этимъ они были обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ условіямъ своего званія, которыя ставили ихъ и въ экономическомъ отношеніи въ независимость отъ преходящихъ милостей начальства и переищивыхъ настроеній дня и нѣкоторымъ изъ нихъ давали возможность создавать себѣ собственною силою такое внѣшнее житейское положеніе, которое обезпечивало за ними въ обществѣ равноправность съ выдающимися представителями практическихъ поприщъ дѣятельности по той же специальности. Профессора, которые были бы поставлены въ обычное положеніе чиновниковъ, не были бы въ состояніи оказать тѣхъ же услугъ обществу и государству. Они могли бы быть годными для государства орудіями, но не могли бы предоставить въ его распоряженіе самостоятельную, на наукѣ основанную, мощь. Германскіе университеты потерпѣли бы ущербъ въ своемъ высокомъ значеніи для національной жизни, — взглядъ на заграничные порядки дѣлаетъ это слишкомъ вѣроятнымъ. Вліяніе же, которое оказываетъ свободная мощь знанія, перенеслась бы на сферы совѣтъ иного рода. Государство наше едва ли бы выиграло при этомъ“.

Прошенія эти не остались безъ послѣдствій. Въ засѣданіи палаты депутатовъ 19-го января 1897 г. представитель министерства народнаго просвѣщенія докладчикъ министра по университетскимъ дѣламъ Д-ръ. *Альтгофъ* заявилъ, что между министерствами народнаго просвѣщенія и финансовъ состоялось соглашеніе относительно введенія опредѣленной системы окладовъ профессорскаго жалованья, при чемъ въ Берлинѣ наименьшій окладъ, начинаясь съ 4800 м., дойдетъ съ прибавками чрезъ каждые 4 года по 400 м. въ 24 года до 7200 м. для ординарныхъ профессоровъ, а въ прочихъ университетахъ, начинаясь съ 4000 м. съ таковыми же прибавками, но въ 20 лѣтъ, дой-

детъ до 6000 м., для экстраординарныхъ же профессоровъ въ Берлинѣ съ 2400 м. до 4800 м., въ прочихъ же университетахъ съ 2000 м. до 4000 м. Но это лишь минимальные оклады; правительство имѣетъ въ виду и впредь твердо держаться вполнѣ испытанной и оказавшейся благотворною системы индивидуальнаго вознагражденія профессоровъ съ вытекающими отсюда средними окладами профессорскаго жалованья. „Нельзя всѣхъ профессоровъ подвести подъ одну и ту же мѣрку, такъ какъ слишкомъ велико различіе въ ихъ значеніи: одни изъ нихъ какъ бы князья въ наукѣ, затѣмъ многіе—аристократы, патриціи и т. д. и наконецъ, обыкновенные смертные, почти такіе же какъ и всѣ другіе люди“. Подвести ихъ всѣхъ подъ одну и ту же мѣрку было бы совершенно несправедливо, и это не только въ университетахъ, но и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ художественныхъ академіяхъ. Такимъ образомъ показанные выше оклады имѣютъ значеніе только минимальныхъ, и они будутъ превышены не только для отличныхъ силъ, но и для другихъ профессоровъ, если окажутся на то средства. Сверхъ того приведенная выше система есть только правило, изъ котораго необходимы многія исключенія. „Есть профессора, которые, благодаря побочнымъ своимъ доходамъ, а именно, гонорару или врачебной практикѣ, получаютъ 5, 10, 20, 30 тысячъ марокъ и болѣе того: кому была бы въ такомъ положеніи навязана еще четырехлѣтняя прибавка въ 400 м., тотъ былъ бы самъ крайне изумленъ и получилъ бы весьма странное понятіе о стародавней прусской бережливости“. Но предполагаемое улучшение жалованья профессоровъ должно идти рука объ руку съ реформою системы гонораровъ: этой послѣдней реформѣ придается въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія большое значеніе до готовности даже, въ случаѣ неудачи задуманнаго теперь плана, взвѣсить вопросъ, не послѣдовать ли недавнему (въ концѣ 1896 г.) примѣру Австріи и сохранивъ систему гонораровъ во всей силѣ для студентовъ и для не получающихъ казеннаго жалованья экстраординарныхъ профессоровъ, приватъ-доцентовъ и прочихъ университетскихъ преподавателей, отмѣнить ее для состоящихъ на казенномъ жалованьи профессоровъ, хотя правительство и сознаетъ всю пользу сохраненія системы гонораровъ для университетовъ. Альтгофъ заявилъ при этомъ, что онъ предпочитаетъ подробно разсмотрѣть вопросъ о гонорарѣ въ бюджетной комиссіи палаты при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія на годъ съ 1-го апрѣля 1897 г. по 1-е апрѣля 1898 г.

Въ комиссіи этой, имѣвшей 15 засѣданій, начиная съ 26-го января 1897 г., въ основу всѣхъ сужденій и рѣшеній было положено то правило, что всѣ нынѣ дѣйствующія постановленія, обезпечивающія свободу научныхъ изслѣдованій и преподаванія, должны быть сохранены во всей силѣ; но затѣмъ при установленіи условій вознагражденія профессоровъ, сіи послѣдніе должны быть разсматриваемы какъ должностныя лица, опредѣляемыя на службу правительствомъ. Въ нынѣ дѣйствующей въ Пруссіи системѣ гонораровъ указаны были нижеслѣдующіе недостатки: 1) Профессорамъ предоставлено нынѣ право опредѣлять самимъ, безъ вѣдома и разрѣшенія правительственной власти, размѣръ гонорара за ихъ лекціи, что уже по существу дѣла представляется неправильнымъ, ибо профессоръ этотъ назначенъ отъ правительства, правительствомъ предоставлены ему и аудиторіи, и учебныя пособія—лабораторіи, кабинеты, клиники и т. д., правительствомъ же въ экзаменныхъ требованіяхъ на разныя званія и должности опредѣлено, считать ли его предметъ обязательнымъ или необязательнымъ, и правительство же назначаетъ его или не назначаетъ членомъ соотвѣтствующихъ испытательныхъ комиссій, — словомъ, правительство въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ привлеченію къ нему слушателей, и потому оно должно несомнѣнно участвовать и въ опредѣленіи размѣровъ гонорара, по крайней мѣрѣ въ установленіи предѣла, котораго не долженъ превышать гонораръ. Отсутствіе подобнаго правила повлекло за собою значительное увеличеніе гонораровъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ Берлинскомъ университетѣ общая сумма гонораровъ возрасла съ 477000 м. въ 1882—83 г. до 711000 м. въ 1892—93 г., то-есть, на 49%, тогда какъ общее число студентовъ увеличилось съ 4500 до 5500 ч., то-есть, на 22%. Увеличеніе это произошло, правда, не отъ возвышенія только размѣровъ гонорара, каковое въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительно доходило до 50%, но и отъ увеличенія числа лекцій, отъ распредѣленія того или другаго учебнаго курса на нѣсколько семестровъ; но если это не вызывается необходимостью, самимъ ростомъ науки, то это влечетъ для слушателей, кромѣ излишнихъ издержекъ, еще и потерю времени, и излишнее утомленіе. Впрочемъ, Берлинскій университетъ приведенъ здѣсь только для примѣра: въ сущности сравнительно съ другими университетами онъ не стоитъ впереди ихъ по увеличенію ни размѣра гонораровъ, ни числа лекцій, и возрастанію общей суммы собранныхъ въ немъ за 1892—93 г. гонораровъ содѣйствовали и нѣкоторыя другія обстоятельства, какъ

то: большее поступленіе въ этомъ году прежде отсроченныхъ гонораровъ, увеличеніе числа студентовъ-медиковъ, которымъ приходится платить большіе гонорары, и возрастающее число студентовъ-иностранцевъ, коимъ не дается отсрочка въ уплатѣ гонораровъ. Увеличеніе самого размѣра гонораровъ въ Берлинскомъ университетѣ падаетъ не столько на десятилѣтіе 1882—83 — 1892—93 г., сколько на два предшествовавшія десятилѣтія. Но такъ или иначе, неправильно предоставлять въ этомъ случаѣ произвольную власть лицамъ, непосредственно заинтересованнымъ въ увеличеніи прибыльности своего труда.

2) Въ связь съ этимъ кореннымъ недостаткомъ прусской системы гонораровъ была поставлена въ комиссіи неравномѣрность возрастанія числа слушателей различныхъ университетовъ и ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ нѣкоторымъ провинціальнымъ университетамъ; но связь эта не была достаточно выяснена и не была подтверждена соответственными данными, хотя, конечно, нельзя отрицать, что тамъ, гдѣ въ силу мѣстныхъ условій, какъ, напримѣръ, въ столицѣ, оказывается вообще большее число слушателей, весьма естественно профессора могутъ довольствоваться меньшими размѣрами гонораровъ, а это обстоятельство въ свою очередь можетъ увеличивать притокъ слушателей къ такимъ университетамъ: рѣшающаго значенія оно, конечно, имѣть не можетъ, и тѣмъ болѣе непонятно, что о неравномѣрномъ распредѣленіи студентовъ по университетамъ и вредныхъ его послѣдствій было не мало говорено въ комиссіи въ связи съ дѣйствующею въ Пруссіи системою гонорара. Указано было, что неравномѣрность эта влечетъ за собою необходимость значительныхъ расходовъ для государства на устройство новыхъ или на расширеніе существующихъ учебно-вспомогательныхъ установленій при тѣхъ университетахъ, которые особенно привлекаютъ къ себѣ слушателей, и что самый успѣхъ преподаванія терпитъ ущербъ отъ чрезмѣрнаго числа слушателей. Возможно ли, напримѣръ, съ пользою вести демонстраціи предъ 150 слушателями въ родовспомогательной клиникѣ? Предложенъ былъ даже проектъ резолюціи, которою палата депутатовъ уполномочивала бы министра народнаго просвѣщенія принять мѣры въ административномъ порядкѣ для установленія, сообразно съ мѣстными условіями, предѣльнаго числа слушателей тѣхъ или другихъ лекцій; но предложеніе это было отклонено министромъ финансовъ, который указалъ, что въ виду существующей въ Пруссіи и вообще въ Германіи свободы ученія и права студентовъ слушать

лекціи въ любомъ университетѣ, переходя изъ одного въ другой, ограниченіе числа слушателей по какому либо предмету повлекло бы за собою не болѣе равномѣрное распредѣленіе студентовъ по университетамъ, а только необходимость учрежденія въ излюбленныхъ университетахъ новыхъ профессорскихъ кафедръ и новыхъ учебно-вспомогательныхъ установленій.

3) Существенный вредъ происходитъ также отъ обычая отстрочивать уплату гонораровъ (*das Stunden der Nothgote*): обычай этотъ способствуетъ безрасчетному употребленію студентами денегъ въ пору ихъ студенчества и затѣмъ полагаетъ начало задолженности молодыхъ людей по окончаніи ими курса, — задолженности, продолжающейся иногда многіе годы. Поэтому было бы желательнѣе замѣнить отсрочку гонораровъ или совершеннымъ отъ нихъ освобожденіемъ въ случаяхъ необходимости, или же освобожденіемъ отъ извѣстной, опредѣленной части гонорара. Въ этомъ смыслѣ состоялся, отъ имени палаты депутатовъ, проектъ резолюціи, которою правительство уполномочивается установить наибольшіе размѣры гонораровъ за лекціи, а также взаимнѣе отсрочки гонораровъ ввести освобожденіе нуждающихся студентовъ отъ всего гонорара или же отъ извѣстной его части.

Но предложенная правительствомъ мѣра, относящаяся къ гонорарамъ, направлена, очевидно, не противъ вышеуказанныхъ неудобствъ, а противъ совсѣмъ другаго зла, если только считать зломъ слишкомъ большое неравенство въ экономическомъ положеніи профессоровъ, простирающееся отъ системы гонорара. Мѣра эта вызвана желаніемъ смягчить сколько нибудь это неравенство, уменьшивъ доходы однихъ профессоровъ и на ихъ счетъ увеличить доходы другихъ, и такимъ образомъ произвести между ними нѣкоторую нивеллировку.

Въ первоначальномъ проектѣ правительства, намѣреніе это не выступало еще слишкомъ рѣзко, ибо вычетами половины излишковъ гонораровъ, на сколько они превышаютъ въ Берлинѣ 4000 м., а въ прочихъ университетахъ 2400 м., имѣлось въ виду прежде всего довести до 360.000 м. нынѣшній 175-тысячный фондъ, находящійся въ распоряженіи министра народнаго просвѣщенія, и назвать этотъ фондъ фондомъ „для привлеченія и сохраненія отличныхъ преподавателей“, а затѣмъ уже остатки отъ этихъ вычетовъ употреблять на возвышеніе средняго профессорскаго оклада, если только не окажется несомнѣннымъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, до рѣшенія же этого вопроса остатки эти хранить въ университетскихъ кассахъ какъ особый фондъ.

Противъ сущности этихъ предположеній, то-есть, противъ вычетовъ изъ очень большихъ гонораровъ, бюджетная комиссія ничего не имѣла. Право правительства на эти вычеты правительственный комиссаръ основывалъ на соображеніяхъ, которыя уже приведены выше подъ п. 1, а именно, что значительностью своего гонорара каждый профессоръ обязанъ не себѣ только, а еще болѣе дѣйствіямъ, распоряженіямъ и денежнымъ расходамъ самого правительства, а потому оно и имѣетъ право на нѣкоторую долю гонорара. тѣмъ болѣе, что въ то же время, какъ бы въ возмездіе за эти вычеты, оно возвышаетъ профессорскіе оклады въ среднемъ выводѣ на 10%, а для хуже поставленной въ настоящее время одной трети всѣхъ профессоровъ—на 20 и даже на 30%, предоставляя съ тѣмъ вмѣстѣ уже опредѣленнымъ на службу профессорамъ на выборъ или согласиться на вычеты изъ гонораровъ и воспользоваться предположенными улучшениями относительно вознагражденія ихъ изъ казны, или же отказаться отъ этихъ улучшеній и продолжать пользоваться своими гонорарами полностью. Предположенные вычеты изъ гонораровъ касаются при томъ только 28% всѣхъ профессоровъ и нисколько не затрогиваютъ интересовъ 72%. Чтобы эту мѣрою могла быть стѣснена самостоятельность профессоровъ, это не можетъ быть доказано, ибо и теперь уже болѣе половины профессоровъ получаютъ гонораръ менѣе чѣмъ по 1000 м. въ годъ, и тѣмъ не менѣе никоимъ образомъ нельзя отрицать полной ихъ самостоятельности. Съ XV и до половины XVIII-го столѣтія профессора вовсе не пользовались гонораромъ, и едва ли отъ этого былъ какой либо ущербъ для ихъ самостоятельности и для свободы преподаванія. Вообще гонораръ былъ введенъ главнымъ образомъ по причинѣ недостаточности средствъ для назначенія профессорамъ надлежащаго жалованья изъ государственнаго казначейства.

При обсужденіи подробностей дѣла въ бюджетной комиссіи, рѣчь шла о размѣрахъ той суммы гонораровъ, которая должна подлежать вычетамъ, о размѣрахъ самихъ вычетовъ, о понужденіи профессоровъ къ согласію на эти вычеты и главное, о томъ, какое дать употребленіе имѣющимъ составиться этимъ путемъ суммамъ.

Относительно той суммы гонораровъ, которая должна подлежать вычетамъ, прежде всего было предложено: чтобы сумма эта была одинакова для всѣхъ университетовъ, и именно та, которая предположена для Берлинскаго университета, то-есть, чтобы излишки противъ 4.000 м. гонорара, гдѣ бы гонораръ этотъ ни былъ получаемъ про-

фессоромъ. на половину поступали въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія. Предложеніе это было однако же устранено замѣчаніемъ правительственнаго комиссара, что приравнивать въ этомъ отношеніи Берлинскій университетъ къ другимъ было бы едва-ли справедливо, ибо и при тѣхъ предположеніяхъ, на коихъ остановилось правительство (4.000 м. для Берлинскаго университета и 2.400 м. для всѣхъ прочихъ), на долю Берлинскихъ профессоровъ придется почти двѣ пятыхъ всей суммы вычетовъ изъ гонораровъ. Въ концѣ концовъ комиссія остановилась на томъ, чтобы сумма эта была повышена для Берлинскаго университета до 4.500 м., а для прочихъ до 3 тысячъ марокъ, и чтобы въ нее были включаемы изъ отсроченныхъ гонораровъ только тѣ суммы, которыя поступили въ счетный годъ, а также чтобы не были включаемы тѣ суммы, которыя не идутъ въ пользу самихъ профессоровъ, а вычитаются на покрытіе расходовъ по сбору и храненію гонораровъ.

При этомъ возникалъ существенно-важный вопросъ, какъ бы не пострадали при этой системѣ вычетовъ изъ гонораровъ такъ-называемыя научно-практическія занятія профессоровъ со студентами, особенно же связанныя съ письменными работами сихъ послѣднихъ: дабы оградить эти столь полезныя для студентовъ, но трудныя и утомительныя для самихъ профессоровъ, занятія, было предложено вовсе не примѣнять къ нимъ гонорарныхъ вычетовъ; но предложеніе это не вошло въ окончательныя постановленія комиссія.

Что касается до размѣровъ самихъ вычетовъ изъ гонораровъ, то было предложено ввести до нѣкоторой степени прогрессивный налогъ на гонорары, а именно чтобы въ университетскую кассу поступала половина гонораровъ, не превышающихъ 2.400—6.000 м. въ годъ. а въ Берлинѣ 3.600—9.000 м., и $\frac{3}{4}$ тѣхъ изъ нихъ, которые выходятъ за эти послѣдніе предѣлы. Но предложеніе это также не было уважено.

Нѣкоторые изъ членовъ комиссія находили, что было бы желательно не обязывать профессоровъ, не желающихъ подчиниться вычетамъ изъ гонораровъ, отреченіемъ отъ выгодъ новой системы жалованья. на что правительственный комиссаръ справедливо замѣтилъ, что тогда придется или ото всѣхъ равно требовать подчиненія вычетамъ изъ гонораровъ, или же примѣнять эту мѣру лишь къ тѣмъ, кто будетъ назначаемъ въ профессора послѣ того, какъ мѣра эта состоится, ибо трудно рассчитывать, чтобы многіе добровольно согласились пожертвовать частью своихъ доходовъ. Комиссія не нашла

нужнымъ измѣнять въ этомъ отношеніи первоначальный проектъ правительства.

Въ прошеніяхъ, поступившихъ въ палату депутатовъ отъ университетовъ, было не мало, какъ мы видѣли, возраженій противъ употребленія, которое предполагалось дать гонорарнымъ вычетамъ, такъ какъ они предназначались первоначально не на улучшеніе положенія получающихъ малый гонораръ профессоровъ, какъ, напримѣръ, преподавателей санскрита, а на привлеченіе отличныхъ преподавательскихъ силъ, то-есть, въ пользу конкурентовъ тѣхъ самыхъ профессоровъ, у которыхъ была бы отнята часть ихъ гонораровъ. Въ видахъ примиренія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ профессоровъ съ предположенною мѣрою, въ комиссіи было предложено, чтобы гонорарные вычеты употреблялись въ пользу того же университета, въ которомъ они были сдѣланы, и именно на улучшеніе его библіотекъ и другихъ научно-вспомогательныхъ его учреждений. Мысль эта встрѣчена была одобрительно какъ членами комиссіи вообще, такъ и правительственными комиссарами, на сколько она относилась къ увеличенію средствъ на библіотеки и научно-вспомогательныя учрежденія не того самого университета, гдѣ были сдѣланы вычеты, а университетовъ вообще, такъ какъ особенно желательно поддерживать не богатые средствами, а бѣдные и нуждающіеся университеты. Въѣсть съ тѣмъ было замѣчено, что въ сущности дѣло сведется къ тому же, къ чему направленъ и проектъ правительства: коль скоро потребности университетовъ относительно ихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений были бы удовлетворяемы отчасти изъ суммы гонорарныхъ вычетовъ, часть денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на эти учрежденія, могла бы пойти на привлеченіе лучшихъ преподавательскихъ силъ, а также на улучшеніе положенія профессоровъ, хуже поставленныхъ по самому свойству преподаваемыхъ ими предметовъ.

Послѣдняя цѣль все болѣе и болѣе была выдвигается впередъ при обсужденіи дѣла въ самой комиссіи. Такъ, предлагаемо было увеличить на 75 тысячъ марокъ фондъ на привлеченіе и сохраненіе отличныхъ университетскихъ профессоровъ не изъ суммы гонорарныхъ вычетовъ, а прямо изъ государственнаго казначейства; гонорарные же вычеты прежде всего употреблять на дальнѣйшее улучшеніе профессорскихъ окладовъ и отчасти на содержаніе институтовъ соответственнаго университета, при чемъ общей суммѣ этихъ вычетовъ дать наименованіе „фондъ для дальнѣйшаго улучшенія профессорскихъ окладовъ и частью на содержаніе университетскихъ институтовъ“ и

вносить оную ежегодно въ бюджетъ. Наконецъ, комиссія окончательно остановилась на нижеслѣдующемъ рѣшеніи этого вопроса: гонорарные вычеты должны составить особый „фондъ для ежегодныхъ прибавокъ штатнымъ профессорамъ, имѣющимъ небольшіе побочные доходы и прежде всего тѣмъ профессорамъ, коихъ должностные побочные доходы въ общей сложности не превышаютъ 600 м. въ годъ“; фондъ же, употребляемый и нынѣ для привлеченія лучшихъ преподавательскихъ силъ, долженъ получить соответственное его назначенію наименование „фонда для привлеченія и сохраненія отличныхъ доцентовъ“.

Тогда какъ такимъ образомъ гонорарные вычеты должны послужить къ нивелировкѣ до нѣкоторой степени матеріальнаго положенія профессоровъ, въ противоположность къ этому и комиссія вмѣстѣ съ правительственными комиссарами высказалась рѣшительно въ пользу сохраненія давнишней индивидуальной системы профессорскаго вознагражденія съ ея средними профессорскими окладами жалованья. Системѣ этой, по общему мнѣнію, Прусскіе университеты обязаны своимъ высокимъ значеніемъ, и она представляется единственно цѣлесообразною и справедливою по различію дарованій и ученаго значенія университетскихъ профессоровъ. При этомъ и гонорары, хотя и сокращаемые предположенными вычетами, когда они превышаютъ извѣстную сумму, останутся и впредь существеннымъ дополненіемъ къ жалованью. Меньшинство профессоровъ (28%), получающихъ гонорары, подлежащіе вычетамъ, конечно, при этомъ порядкѣ вещей, буде они пожелаютъ ему подчиниться, нѣсколько потеряютъ, но значительное большинство (72%) выиграетъ отъ того, что независимо отъ различныхъ окладовъ жалованья въ соответствии съ дарованіями и значеніемъ различныхъ профессоровъ, каждому изъ нихъ отнынѣ обеспечивается опредѣленное минимальное жалованье, а также и прибавки къ нему чрезъ каждые 4 года въ 6 сроковъ въ Берлинскомъ и въ 5 сроковъ въ прочихъ университетахъ, при чемъ однако же изъ послѣдняго правила предполагаются различныя изъятія, почему правительство и не рѣшилось придать этому проекту силу закона. Комиссія палаты депутатовъ находила однако же, что для такой важной перемѣны въ системѣ профессорскаго жалованья, которою, какъ видно изъ прошеній, дорожатъ всѣ университеты, недостаточно временнаго соглашенія между министерствами народнаго просвѣщенія и финансовъ, а необходимо утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ; но допуская тѣмъ не менѣе возможность нѣкоторыхъ изъятій изъ пра-

вила о прибавкахъ къ жалованью, она пыталась оговорить ее въ самомъ законѣ. При этомъ одни полагали, что изъятія эти могутъ быть предоставлены усмотрѣнiю самого правительства съ тѣмъ однако же, чтобы по прошествiи двухъ лѣтъ оно сообщило прусскому сейму тѣ уваженiя, коими оно руководствовалось при этихъ изъятiяхъ; другiе же указывали и тѣ случаи, въ коихъ прибавки къ жалованью не должны быть производимы, а именно, 1) если производимое профессору по особому съ нимъ соглашенiю жалованье превосходитъ наименьшiй окладъ онаго вмѣстѣ съ соответственными продолжительности службы прибавками и 2) если гонораръ за лекцiи профессора превышаетъ сумму въ 5.000 м. (2.350 р.), въ какомъ случаѣ излишекъ противъ этой суммы долженъ быть вычитаемъ изъ суммы прибавокъ къ жалованью. На первое изъ этихъ предложенiй правительственный комиссаръ изъяснилъ согласiе, но противъ второго замѣтилъ, что допускаемая изъятiя не исчерпываются двумя приведенными въ немъ случаями. Такъ, напримѣръ, слѣдуетъ допустить изъятiя и въ тѣхъ случаяхъ, когда доходность медицинской практики значительно и несомнѣнно возрасла по причинѣ правительственной рекомендацiи, заключающейся въ назначенiи этого медика профессоромъ, а также и въ тѣхъ, когда съ профессурою соединяются побочные должностные доходы, коими пользуются деканы факультетовъ, ректоры университетовъ, вообще профессора при возведенiи въ докторскую степень по ихъ каеэдрамъ, за участiе въ экзаменахъ и т. д. Само собою разумѣется, что при этомъ не должны быть принимаемы во вниманiе частные доходы и вообще проистекающiе изъ частной, чисто-научной дѣятельности профессоровъ. Напротивъ, подлежитъ дальнѣйшему обсужденiю вопросъ, не слѣдуетъ ли прекратить дальнѣйшее производство прибавокъ профессору, который при совершенной физической или умственной неспособности къ дальнѣйшему исполненiю своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе продолжаетъ пользоваться безъ всякаго сокращенiя прежнимъ своимъ жалованьемъ, такъ какъ профессора не подлежатъ въ Пруссiи увольненiю отъ службы. Комиссiя пришла по вопросу объ изъятiяхъ изъ правила о 4-лѣтнихъ прибавкахъ къ жалованью къ такому заключенiю, что изъятiя эти производятся правительствомъ смотря по обстоятельствамъ, что уваженiя, коими при этомъ будетъ руководствоваться правительство, должны быть сообщены сейму по истеченiи двухъ лѣтъ и что тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны основательными, должны быть сколь можно скорѣе (нѣкоторые предлагали: „въ слѣдующiй же бюджетный

годъ“) установлены примѣчаніемъ къ соотвѣтственной статьѣ бюджета (то-есть, законодательнымъ порядкомъ).

Другой, относящійся собственно къ системѣ профессорскаго жалованья вопросъ, вызвавшій довольно продолжительныя пренія въ комиссіи, касался предоставленія министерству права переносить изъ одного университета въ другой (за исключеніемъ только Берлинскаго университета) суммы, назначенныя въ бюджетѣ на содержаніе профессоровъ. Противъ этого правила, какъ мы видѣли, сильно возставали университеты изъ опасенія, что такимъ образомъ министерство можетъ оказаться пристрастнымъ къ тому или другому университету и можетъ перенести въ него изъ другихъ университетовъ цѣлыя профессорскіе оклады, учредить въ немъ новыя профессуры. Правительственный комиссаръ старался доказать полную неосновательность такихъ опасеній. Дѣло идетъ только о нѣкоторыхъ сбереженіяхъ по нѣкоторымъ профессорскимъ окладамъ, и предоставленіе министерству означеннаго права необходимо въ интересахъ именно болѣе нуждающихся университетовъ. Если бы въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на вознагражденіе профессоровъ суммамъ, было отпущено изъ казны еще 80.000 м., то министерство могло бы отказаться отъ этого права переносить суммы изъ одного университета въ другой, иначе же оно принуждено настаивать на предоставленіи ему этого права. Комиссія нашла, что коль скоро рѣчь идетъ только о сбереженіяхъ по нѣкоторымъ профессорскимъ окладамъ, то по существу дѣла рѣшительно все равно, будетъ ли дозволенъ переносъ этихъ сбереженій изъ одного университета въ другой, именно въ тотъ, въ которомъ отпускаемой по штату суммы на вознагражденіе профессоровъ оказывается недостаточно, или же сбереженія эти будутъ обращаемы сначала въ центральную кассу, а затѣмъ уже изъ нея будутъ вновь заимствуемы для вспоможенія нуждающимся университетамъ, и потому комиссія рѣшила допустить переносъ суммъ на жалованье профессорамъ изъ одного университета въ другой, что ускоритъ и облегчитъ удовлетвореніе дѣйствительныхъ университетскихъ нуждъ и что особенно важно при системѣ личныхъ соглашеній министерства со вновь назначаемыми профессорами относительно оклада ихъ жалованья, ибо при этой системѣ чаще могутъ оказываться какъ сбереженія, такъ и потребности университетовъ въ усиленіи денежныхъ ихъ средствъ на вознагражденіе профессоровъ.

По обсужденіи дѣла въ бюджетной комиссіи въ благопріятномъ вообщемъ для предположеній правительства смыслѣ стали чаще чѣмъ прежде

появляться благопріятные о нихъ отзывы въ печати. Въ офиціозной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* отъ 1-го апрѣля 1897 г. была напечатана довольно сильная передовая статья, направленная отчасти противъ поступившихъ въ палату депутатовъ университетскихъ прошеній и вообще противъ эгонистическаго и стѣснительнаго для вновь выступающихъ преподавательскихъ силъ образа дѣйствій факультетовъ и университетскихъ сенатовъ. Противъ предложенныхъ правительствомъ мѣръ,—говоритъ названная газета,—выставляютъ главнымъ образомъ то, что онѣ будто бы окажутся стѣснительными для свободы преподаванія, а между тѣмъ эта свобода стѣсняется интересами вліятельнѣйшихъ членовъ университетской корпораціи несравненно болѣе, нежели интересами государственными, и всякій начинающій доцентъ хорошо знаетъ, на сколько онъ долженъ прислушиваться къ голосу этихъ членовъ и въ выборѣ предметовъ для своихъ лекцій, и въ ихъ направленіи и методѣ, и въ примѣненіи тѣхъ или другихъ приѣмовъ полемики, и т. д., ибо отъ ихъ сужденія зависитъ въ значительной мѣрѣ его успѣхъ и его имя въ наукѣ. И въ литературѣ, и въ преподаваніи, ему прежде всего приходится сообразоваться съ мнѣніями и воззрѣніями этихъ членовъ подъ опасеніемъ не получить даже *veniam legendi* (права на чтеніе лекцій въ университетѣ). Извѣстнымъ направленіямъ, хотя бы въ философіи, въ высшей степени затруднительно проложить себѣ путь къ университетскому преподаванію благодаря отпору со стороны профессорскихъ коллегій, тогда какъ правительство не затрудняется опредѣлять въ учителя гимназій молодыхъ ученыхъ, которые держатся тѣхъ же направленій, при чемъ правительство, конечно, беретъ на себя наблюденіе за дѣятельностью этихъ лицъ, и учительская дѣятельность больше и легче поддается контролю нежели академическая, гдѣ личное убѣжденіе почти не можетъ быть отдѣлено отъ должностной дѣятельности. Какъ бы то ни было, но положеніе преподавателя какъ должностнаго лица, состоящаго на службѣ государства, менѣе стѣсняетъ свободу преподаванія, чѣмъ принадлежность къ академической корпораціи, особенно же для лицъ, только еще стремящихся стать полноправными ея членами, даже независимо отъ соображеній, относящихся къ гонорару. Кто близко знакомъ съ ходомъ университетскихъ дѣлъ, тому хорошо извѣстно, какъ равнодушны факультеты къ преуспѣванію молодыхъ силъ (*gegen das Emporkommen jüngerer Kräfte*), тогда какъ правительство большею частью вступается за нихъ и дѣлало бы для нихъ еще гораздо больше, еслибы его стрем-

ленія улучшить профессорское жалованье не встрѣчали сильнаго и преобладающаго отпора со стороны промышленнаго интереса привилегированныхъ профессоровъ. Члены факультета несмѣняемы; они нисколько не заинтересованы преуспѣяніемъ вновь выступающихъ силъ, особенно же если эти силы не принадлежать къ господствующему направленію, а бесплодность однихъ лишь нравственныхъ побужденій въ университетскомъ мірѣ давно доказана самими его представителями. Молодой доцентъ можетъ быть въ наилучшихъ общественныхъ отношеніяхъ съ каждымъ изъ членовъ факультета, но если онъ, выступая ихъ конкурентомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ идетъ собственнымъ своимъ научнымъ путемъ, то никто изъ этихъ членовъ не позаботится о немъ, и всѣ они безпощадно оставляютъ его гибнуть. Правительство, напротивъ, имѣетъ сравнительно съ факультетами гораздо большій интересъ поощрять молодые таланты, такъ какъ 1) для него конкуренція имѣетъ одни только пріятныя стороны, и оно всегда имѣетъ въ виду болѣе общее благо, нежели выгоды отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, и 2) представители правительства, министръ и его совѣтники, гораздо болѣе отвѣтственны и принуждены сколь можно болѣе устранять всякую несправедливость и всякій основательный поводъ къ неудовольствіямъ, тогда какъ многоголовая олигархія факультета покрываетъ вполнѣ отвѣтственность каждаго отдѣльнаго ея члена. И вотъ противъ правительственнаго проекта, направленнаго противъ этого зла, не замедлили выступить университетскіе сенаты, то-есть, ничтожное меньшинство членовъ каждаго университета, тогда какъ совокупности профессоровъ, и прежде всего заинтересованнымъ между ними, не дано было возможности сказать свое слово. Въ Берлинскомъ сенатѣ ничтожное большинство его оказалось въ пользу препровожденнаго отъ его имени въ палату прошенія, и прошеніе это не одобряется, быть можетъ, болѣе чѣмъ двумя третями всей профессорской коллегіи. Въ общемъ собраніи профессоровъ (*plenum*) дѣло вовсе не обсуждалось, какъ и вообще даже въ факультетахъ все рѣже и рѣже бывають полныя совѣщанія; при такихъ условіяхъ можетъ ли идти рѣчь о корпоративной свободѣ, которая была бы достойна нашего вѣка? Привилегированные монополисты, ради сохранения системы гонораровъ во всей ея неприкосновенности, систематически препятствуютъ улучшеніямъ профессорскаго жалованья, а эти улучшения несомнѣнно дали бы возможность многимъ профессорамъ, не извлекающимъ сколько-нибудь значительныхъ доходовъ отъ гонорара, своевременно развивать свой талантъ и приносить существенную

пользу ихъ наукѣ и слушателямъ. Правительство обвиняютъ въ томъ, будто бы оно имѣетъ въ виду своимъ проектомъ усилить зависимость отъ себя университетскихъ профессоровъ, сильнѣе подчинить ихъ своей власти, но какъ согласить таковыя стремленія съ намѣреніемъ установить нормальные наименьшіе оклады профессорскаго жалованья и опредѣленныя къ нимъ чрезъ каждые 4 года прибавки по 400 м., пока прибавки эти не составятъ половины наименьшихъ окладовъ. чѣмъ правительство несомнѣнно ограничиваетъ свои нынѣшнія права по собственному усмотрѣнію назначать профессорамъ жалованье и при случаѣ увеличивать его размѣры? Правительственный проектъ, по мнѣнію *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, направленъ вообще къ тому, чтобы облегчить появленіе и преуспѣваніе дѣльныхъ научныхъ силъ, хотя бы онѣ и не соответствовали господствующимъ въ профессорскихъ сферахъ направленіямъ.

И изъ профессорской среды были голоса въ пользу правительственнаго проекта, особенно съ тѣми измѣненіями, которыя были предложены въ прошеніяхъ университетовъ и были большею частью приняты бюджетною комиссіей. Такъ, бреславскій профессор Л. Эльстеръ, одинъ изъ редакторовъ „*Jahrbücher für Nationalökonomie u. Statistik*“, въ статьѣ, помѣщенной сначала въ этомъ журналѣ и вышедшей потомъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ „*Die Gehälter der Universitätsprofessoren und die Vorlesungshonorare*“ etc. прежде всего восхваляетъ прусское правительство за то, что оно не послѣдовало примѣру австро-венгерскаго правительства и сохранило за профессорами право на гонораръ. „Для меня,—говоритъ профессоръ Эльстеръ,—внѣ всякаго сомнѣнія то, что съ отмѣной гонорара за лекціи или же съ полнымъ его обращеніемъ въ казну университетское преподаваніе потерпитъ ущербъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Я не хочу этимъ сказать, что профессора исполняютъ свой долгъ только, когда получаютъ значительные доходы отъ гонораровъ; питать подобную мысль было бы ни съ чѣмъ несравнимою глупостью. Но тѣмъ не менѣе должно согласиться, что виды на болѣе значительный доходъ во многихъ случаяхъ побуждаютъ академическаго преподавателя съ совершенно особеннымъ усердіемъ предаваться своей преподавательской дѣятельности. А это несомнѣнно идетъ на пользу университетскому обученію. Поэтому я опасаюсь—продолжаетъ проф. Эльстеръ,—что австрійскіе университеты потерпятъ ущербъ отъ обращенія гонораровъ за лекціи въ государственное казначейство. Въ основательности этого опасенія убѣждаетъ опытъ

Венгріи. Въ ней уже въ 1890 г., сначала въ видѣ опыта, состоялась отмена гонорара, и вотъ Фельдешъ въ статьѣ о венгерскихъ университетахъ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. (1 Supplementband. Jena. 1895, стр. 786) указываетъ, что эта новая система понуждаетъ къ значительному увеличенію числа профессорскихъ кафедръ, такъ какъ теперь ббольшая часть профессоровъ ограничивается только чтеніемъ обязательныхъ для нихъ курсовъ. Авторъ могъ бы, кажется, сослаться и на примѣръ Франціи, гдѣ нѣтъ гонораровъ и гдѣ профессора обыкновенно ограничиваются двумя-тремя лекціями въ недѣлю и гдѣ для полноты преподаванія необходимъ огромный персоналъ. Такъ, въ словесномъ факультетѣ Парижскаго университета въ 1896—1897 учебномъ году было 48 преподавателей (профессоровъ, *chargés des cours, maîtres de conférences*), и изъ нихъ 4 имѣли по 1 лекціи въ недѣлю, 11 по 2 лекціи и 33 по 3 лекціи, и никто не имѣлъ болѣе трехъ лекцій, а на юридическомъ факультетѣ того же университета были въ то же время 33 профессора, и изъ нихъ только одинъ (*Henry Michel*) читалъ 3 лекціи по своему предмету—финансовому праву въ качествѣ профессора и 2 лекціи по административному праву въ качествѣ *chargé des cours*, то-есть, очевидно, за особое изъ казны вознагражденіе, а затѣмъ 17 имѣли только по 2 лекціи въ недѣлю, а остальные 15 по три.

Высказываясь самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу сохраненія системы гонорара въ самомъ существѣ ея, проф. Эльстеръ ничего не имѣетъ противъ нѣкотораго ея урегулированія. Такъ, онъ находитъ, что желательно было бы устранить слишкомъ большое различіе въ размѣрахъ гонорара въ различныхъ университетахъ. Напримѣръ, на евангелическо-богословскомъ факультетѣ, не представляющемъ наибольшихъ различій въ этомъ отношеніи, полугодовой курсъ по 4 часа въ недѣлю оплачивается въ Кенигсбергѣ, Грейфсвальдѣ и Галле 12-ью марками, въ Марбургѣ 15-ью, въ Бреславлѣ и Килѣ 16-ью, въ Берлинѣ 17-ью, въ Боннѣ 18-ью и въ Геттингенѣ 20-ью. На медицинскомъ факультетѣ различія эти вообще значительнѣе: за руководство анатомическими упражненіями студенты платятъ въ Бреславлѣ 36 марокъ, въ Геттингенѣ, Галле, Кенигсбергѣ и Марбургѣ 40, въ Грейфсвальдѣ 50, въ Боннѣ 60 и въ Берлинѣ 80. Одинъ и тотъ же учебный предметъ въ однихъ университетахъ прочитывается въ одинъ семестръ, въ другихъ же въ два семестра, при чемъ въ каждый изъ семестровъ назначается на него то же число лекцій (напримѣръ, экспериментальная физика въ Килѣ и Бреславлѣ въ одинъ семестръ за

24 и 25 марокъ съ каждыя слушателя, въ прочихъ университетахъ въ два семестра съ платою въ каждый семестръ въ Марбургѣ и въ Мюнстерѣ по 20 марокъ, въ Берлинѣ по 40, въ остальныхъ университетахъ по 25). Эти и подобныя различія подають поводъ къ нареканіямъ на профессоровъ и на университетскіе порядки. особенно же на систему гонорара, и сами профессора, по словамъ Эльстера, не могутъ не желать ограниченія въ этомъ отношеніи производа какою-либо законодательною мѣрою; но онъ не думаетъ, чтобы слѣдовало установить одинаковый размѣръ гонораря во всѣхъ университетахъ, по всѣмъ факультетамъ и кафедрамъ: необходимо при этомъ принять во вниманіе различныя мѣстныя и ныя условія, обстоятельства и установившіяся преданія.

Точно также онъ находитъ желательнымъ, какъ это нашла и бюджетная комиссія, чтобы отсрочиваніе гонорара мало по малу и постепенно было замѣнено для нуждающихся студентовъ или полнымъ ихъ освобожденіемъ отъ этого взноса или же освобожденіемъ отъ части онаго. Отсрочиваніе гонорарныхъ взносовъ до времени поступления студентовъ по окончаніи курса на государственную или общественную службу или вообще на какое-либо поприще дѣятельности, приносящее доходъ, имѣетъ совершенно различное значеніе для различныхъ университетовъ и факультетовъ. Такъ, Геттингенскій университетъ и теперь почти не допускаетъ никакихъ отсрочекъ; юридическіе факультеты допускаютъ ихъ вообще очень мало и рѣдко; напротивъ, на богословскихъ факультетахъ и отчасти на философскихъ, особенно же по классической филологіи, они очень распространены, такъ что въ Бреславлѣ, на примѣръ, на римско-католическомъ богословскомъ факультетѣ сумма отсроченныхъ гонораровъ значительно превышаетъ совокупность гонораровъ, уплачиваемыхъ наличными деньгами, и даже на нѣкоторыхъ медицинскихъ факультетахъ, на примѣръ, въ Килѣ, Галле, Бреславлѣ и особенно въ Грейфсвальдѣ, въ послѣднемъ впрочемъ на всѣхъ факультетахъ, обычай отсрочекъ болѣе или менѣе широко примѣняется, и было бы большою несправедливостью разомъ отмѣнить всѣ отсроченные и еще не уплаченные гонорары и даже разомъ вездѣ положить конецъ этому во многихъ отношеніяхъ неудобному обычаю. Для осуществленія резолюціи по этому предмету, принятой бюджетною комиссіей, необходимо, по мнѣнію проф. Эльстера, чтобы министерство народнаго просвѣщенія прежде всего выслушало профессорскія collegія и затѣмъ въ своихъ распоряженіяхъ сколь можно болѣе соображалось съ тѣми желаніями, которыя были бы ими заявлены.

Въ виду того, что бюджетная коммисія высказалась въ пользу составленія изъ гонорарныхъ вычетовъ особаго фонда для возвышенія окладовъ прежде всего тѣхъ профессоровъ, которые отъ гонорара получаютъ менѣе 600 марокъ въ годъ, а затѣмъ и вообще тѣхъ, которые имѣютъ отъ своей должности менѣе значительные доходы, Эльстеръ разсматриваетъ эти вычеты какъ мѣру уравнивающей справедливости. Притомъ же она касается сравнительно небольшого числа профессоровъ, а именно, какъ она была предположена первоначально правительствомъ, она не касалась бы въ Берлинѣ изъ 75 ординарныхъ профессоровъ 39 (52%) и изъ 40 экстраординарныхъ профессоровъ 38-и (95%), а въ прочихъ университетахъ (не считая Браунсбергской академіи) изъ 403 ординарныхъ профессоровъ 260 (64,5%), а изъ 120 экстраординарныхъ 107 (89,16%). Въ связи съ этимъ онъ сообщаетъ нижеслѣдующія не безынтересныя свѣдѣнія за 1894—1895 г. относительно распредѣленія профессоровъ по количеству получаемаго ими гонорара.

	Менѣе 300 м.	300—600.	600—1000.	1000—1500.	1500—2000.	2000—2400.	2400—3000.	3000—4000.	4000—5000.	5000—6000.	6000—8000.	8000—10000.	10000—12000.	12000—15000.	15000—20000.	Больше 20 т.
<i>Берлинъ.</i>																
Ординарныхъ . .	7	5	5	5	6	6	1	4	9	4	4	4	3	2	6	4
Экстраординарн.	11	7	6	7	3	—	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—
<i>Прочіе университ.</i>																
Ординарныхъ . .	79	51	44	43	33	10	21	32	20	26	23	10	5	5	1	—
Экстраординарн.	52	17	18	14	3	3	7	2	2	2	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	149	80	73	65	45	19	31	40	32	33	27	14	8	7	7	4

Относительно опредѣленія суммы гонорара, подлежащей вычету, Эльстеръ соглашается, чтобы сумма эта была нѣсколько выше для Берлинскаго университета, но не настолько, какъ было предположено въ первоначальномъ проектѣ (4 т. м. противъ 2.400 м.), ибо, по его

мнѣнію, правительство должно всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы подкрѣплять и усиливать средніе и малые университеты и нисколько не способствовать съ своей стороны и безъ того уже слишкомъ сильному наплыву учащихся въ Берлинскій университетъ. По его мнѣнію, сумма гонорара, подлежащая вычету, должна бы для провинціальныхъ университетовъ начинаться съ 3 т. м., какъ это и было постановлено бюджетною комиссіей, но при этомъ не слѣдовало, по его мнѣнію, возвышать эту сумму для Берлинскаго университета съ 4 т. до 4500 м.

Онъ, какъ и всѣ вообще профессора, привѣтствуетъ рѣшимость правительства опредѣлить точно наименьшіе оклады профессорскаго жалованья, равно какъ и всѣ послѣдующія къ нимъ прибавки, съ тѣми изъятіями, которыя окажутся нужными и которыя, сколь можно скорѣе, должны быть указаны въ законѣ.

Переносъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе профессоровъ провинціальныхъ университетовъ изъ одного университета въ другой, Эльстеръ вполне одобряетъ, указывая, что иначе всѣ сбереженія по этой части пропадали бы для университетовъ, ибо были бы обращаемы въ государственное казначейство и оттуда не безъ хлопотъ и потери времени и не всегда могли бы быть вновь извлекаемы на пользу университетовъ. А между тѣмъ, безъ малѣйшаго пристрастія министра и его докладчика, по однимъ университетамъ могутъ оказаться остатки, а по другимъ недостатокъ въ денежныхъ суммахъ. Можно установить совершенно одинаковые штаты для всѣхъ университетовъ, но нельзя уничтожить въ дѣйствительности существующаго между университетами различія и дѣленія ихъ, по числу студентовъ и размѣрамъ аудиторій и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, на большіе, средніе и малые, а при этомъ весьма естественно, что младшіе профессора сначала назначаются обыкновенно въ малые университеты. Такимъ образомъ въ Килѣ или Грейфсвальдѣ средній возрастъ профессоровъ и число лѣтъ ихъ профессорской службы окажутся ниже, нежели въ Боннѣ или въ Берлинѣ. Число минимальныхъ профессорскихъ окладовъ по этой причинѣ окажется большимъ въ малыхъ университетахъ, чѣмъ въ среднихъ и большихъ, и должны оказаться остатки отъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ на профессоровъ и исчисляемыхъ черезъ помноженіе ихъ числа на средніе профессорскіе оклады (по 5500 м. для ординарныхъ и по 2750 м. для экстраординарныхъ профессоровъ). Переносы эти не всегда будутъ клониться къ ущербу для малыхъ университетовъ, ибо въ этомъ отношеніи довольно быстро происходятъ перемѣны, и

одни университеты возвышаются, а другіе сравнительно понижаются при легкой въ Германіи подвижности учащейся молодежи.

Въ палатѣ депутатовъ вопросъ о профессорскомъ жалованьи и гонорарѣ обсуждался 3-го, 4-го и 10-го мая 1897 г. Но при этомъ Рѣчь шла больше объ общихъ интересахъ университетовъ, какъ-то: о необходимости при замѣщеніи кафедръ давать одинаковый просторъ всѣмъ строго-научнымъ направленіямъ по всѣмъ отраслямъ знанія, въ томъ числѣ и по наукамъ политическимъ и социальнымъ, о пользѣ перенесенія этихъ наукъ изъ философскаго факультета въ юридическій, какъ то уже сдѣлано въ Страсбургскомъ и нѣкоторыхъ южно-германскихъ университетахъ, о пользѣ привлеченія на эти кафедры людей практики, но съ основательнымъ научнымъ образованіемъ, каковое соединеніе впрочемъ весьма рѣдко встрѣчается, о томъ, можно ли терпѣть въ званіи университетскаго привать-доцента челоѣка, который, подобно д-ру Аронсу, читающему въ Берлинскомъ университетѣ два курса: 1) о примѣненіи дифференціального и интегрального исчисленія къ рѣшенію физическихъ и химическихъ задачъ и 2) объ электрическихъ и магнетическихъ измѣрительныхъ методахъ, по большей мѣрѣ 10-ти слушателямъ, въ то же время принимаетъ дѣятельное участіе въ социаль-демократической агитаціи своими рѣчами въ сборищахъ этой партіи и своими значительными денежными взносами въ пользу преслѣдуемыхъ ею цѣлей, и подлежатъ ли привать-доценты вѣдѣнію и власти только факультетовъ или же также и министра народнаго просвѣщенія; дозвоительно ли профессору держать предъ рабочими рѣчи, способныя возбуждать и питать въ нихъ духъ недовольства ихъ положеніемъ и ихъ работодателями, какъ то, по мнѣнію нѣкоторыхъ депутатовъ, дозволилъ себѣ проф. Адольфъ Вагнеръ въ Бохумѣ 31-го января 1897 г., а также объ учрежденіи новыхъ кафедръ на медицинскихъ факультетахъ по психіатріи, гидротерапіи, гомеопатіи, массажу и т. д. По вопросу о профессорскомъ жалованьи и гонорарѣ собственно говорили очень немногіе и немного, при чемъ еще менѣе было ими высказано какихъ-либо новыхъ соображеній. Знаменитый ученый профессоръ *Вирховъ*, принадлежащій къ партіи прогресса, особенно возставалъ противъ того, что правительство какъ бы вовсе не признаетъ существованія университетскихъ статутовъ и трактуеть все какъ сырой матеріалъ, который предстоитъ лишь впервые вновь оформить, вновь образовать, хотя бы при этомъ пришлось по-прать давно пріобрѣтенныя права и установившіяся условія. Въ силу такого непризнаванія статутовъ, въ бюджетной комиссіи профессора

подверглись тяжелымъ обвиненіямъ въ произволъ и своеволю, съ какими они будто бы вопреки всякой справедливости возвышаютъ гонораръ съ своихъ слушателей, каковымъ злоупотребленіямъ будто бы пора положить конецъ. Между тѣмъ ни о какомъ своеволю и произволѣ не можетъ быть тутъ и рѣчи, и профессора, назначая тотъ или другой гонораръ за свои лекціи, оставались вполнѣ въ предѣлахъ предоставленнаго ими статутами права, при чемъ въ профессорскихъ кругахъ никто и не думаетъ отрицать права министерства установить какія-либо общія правила относительно размѣра гонорара, но для этого необходимо измѣнить дѣйствующіе нынѣ статуты. Что касается до фактической стороны дѣла, то въ бюджетной комиссіи комиссаръ правительства только еще обѣщаль представить статистическія данныя, которыя дадутъ возможность обозрѣть, какъ профессора возвышали свои гонорары. Профессора очень заинтересованы познакомиться съ этими данными, ибо бывшія до сихъ поръ вычисленія по этому предмету не были основаны на правильныхъ математическихъ приемахъ, а именно бралась совокупность всѣхъ гонораровъ за какой-либо годъ и сравнивалась съ таковою же ихъ суммою по прошествіи извѣстнаго промежутка времени, и излишекъ послѣдней суммы признавался слѣдствіемъ того, что профессора будто бы увеличили размѣры требуемыхъ ими за свои лекціи гонораровъ, тогда какъ къ этому заключенію можно было бы прійти только тогда, когда бы изъ списковъ квестуры оказалось, что профессора за тѣ же курсы при томъ же числѣ лекцій въ недѣлю требуютъ съ каждаго отдѣльнаго слушателя большую сумму денегъ. Этого однако же вовсе нѣтъ и не было, за исключеніемъ лишь одного очень небольшого возвышенія гонорара въ пору перехода отъ прежней монетной системы талеровъ и фридрихсдоровъ къ новой системѣ марокъ: тогда по взаимному соглашенію факультетовъ была установлена новая общая норма гонораровъ. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Берлинскомъ университетѣ. Что профессора такъ дурно поступали съ своими слушателями, какъ ихъ обвиняютъ въ бюджетной комиссіи, это пока не болѣе какъ неправильное статистическое умозаключеніе, выведенное изъ сравненія за различные годы всей валовой совокупности гонорарныхъ взносовъ въ пользу профессоровъ. Вирховъ указалъ при этомъ на то, что съ нимъ самимъ было: число участниковъ въ научно-практическихъ работахъ, которыми онъ постоянно руководилъ *privatissime*, увеличилось на столько, что пришлось открыть параллельный курсъ, и эти два отдѣльные курса, удвоивъ число

участниковъ въ нихъ, удвоили и общую сумму гонорара, при чемъ никто изъ нихъ не платилъ болѣе прежняго. Измѣнять университетскіе уставы мимоходомъ, при установленіи бюджета расходовъ на какой-либо годъ, представляется дѣломъ далеко не безопаснымъ: такимъ образомъ можно дойти до того, что университеты не будутъ вовсе имѣть законной почвы подъ собою, или же вмѣсто испытанной германской системы университетской получится французская Наполеоновская. „Уже правительство зашло на этомъ пути такъ далеко, что обнаружило наклонность изъ подѣленныхъ профессорскихъ гонораровъ образовать одинъ общій для всѣхъ университетовъ гонорарный фондъ, чтобы изъ него питать нуждающихся профессоровъ. Это то же что сдѣлалъ Наполеонъ I въ свое время, уничтоживъ всѣ университеты Франціи и образовавъ одинъ *Université de France*, которому передалъ всѣ суммы отдѣльныхъ университетовъ для дальнѣйшаго распредѣленія ихъ по усмотрѣнію. Система эта нынѣ находитъ себѣ общее осужденіе во Франціи: во всякомъ случаѣ она не принесла тѣхъ плодовъ, какихъ можно ожидать отъ хорошей системы, и учебное дѣло во Франціи стоитъ много ниже чѣмъ въ Германіи и принесло недобрые плоды“... Для меня, продолжалъ Вирховъ, несомнѣнно, что предлагаемая теперь перемѣна повлечетъ за собою общее пониженіе нашего университетскаго дѣла. Университетъ въ германскомъ смыслѣ можетъ существовать, только имѣя такъ сказать извѣстную особую личность и будучи въ силахъ охранять ее. Корпоративное чувство должно быть развито въ университетѣ; съ его исчезновеніемъ исчезаетъ и всякое побужденіе занять выдающееся положеніе въ конкуренціи съ сотоварищами. Если нѣкоторые здѣсь сомнѣваются, чтобы система гонорара имѣла въ этомъ отношеніи какое-либо значеніе, то я долженъ замѣтить, что нельзя же требовать отъ профессоровъ, чтобы они только ради славы и честолюбія выдерживали тяжелую, требующую напряженія всѣхъ силъ, конкуренцію. Каждому понятно, что профессору должна быть дана возможность достигнуть своею дѣятельностью на учебно-ученомъ поприщѣ значительнаго дохода и что, если онъ его получаетъ, то онъ вполне достойно занимаетъ свое мѣсто. Между тѣмъ какъ въ Англійскомъ уставѣ каждой отдѣльной школы, коллегіи или университета представляетъ собою нѣчто неприкосновенное и потребна большая парламентская агитація, чтобы въ любомъ изъ этихъ уставовъ произвести какую-либо перемѣну, въ Пруссіи, по мнѣнію Вирхова, отъ каждаго отдѣльнаго министра зависитъ не только измѣнить статутъ, но и безъ подобной перемѣны

дѣлать несогласныя съ уставомъ распоряженія, которыя становятся какъ бы новымъ уставомъ. „Нынѣшняя же агитація усвоила себѣ отчасти духъ современности: она отзывается нѣкоторымъ антисемитическимъ духомъ противъ лицъ, имѣющихъ деньги, которыя предполагается отобрать у нихъ подъ предлогомъ общаго блага“. Въ заключеніе Вирховъ просилъ подумать объ улучшеніи положенія университетскихъ педеллей, которые, получая въ годъ отъ 1 т. до 1½ т. м. содержанія, поставлены хуже канцелярскихъ служителей въ правленіяхъ, а между тѣмъ они имѣютъ не малое значеніе для всего университета и должны способствовать возвышенію между студентами уваженія къ закону и охраненію традиціонныхъ формъ быта.

Депутатъ д-ръ *Бёттингеръ* высказался въ томъ смыслѣ, что если дѣло идетъ о средствахъ для улучшенія положенія нуждающихся профессоровъ, то было бы и справедливѣе, и достойнѣе за этими средствами обратиться прямо къ государственному казначейству, а не брать ихъ изъ кармана наиболѣе выдающихся профессоровъ, которые имѣютъ наибольшее число слушателей, тѣмъ болѣе, что именно этою мѣрою можно отклонить отличнѣйшихъ профессоровъ отъ службы въ прусскихъ университетахъ. Въ южно-германскихъ университетахъ очень рады этой мѣрѣ въ надеждѣ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ изъ прусскихъ профессоровъ. Хотя въ высшихъ техническихъ школахъ Баваріи $\frac{1}{4}$ всѣхъ гонорарныхъ сборовъ дѣйствительно вычитается, но часть эта идетъ не на жалованье профессорамъ, не въ пособіе государственному казначейству, а на стипендіи бѣднѣйшимъ питомцамъ той же школы, гдѣ производятся вычеты: это имѣетъ видъ нѣкотораго благотворенія профессоровъ ихъ слушателямъ. Если же предполагаемые гонорарные вычеты направлены противъ чрезмѣрно-большихъ доходовъ нѣкоторыхъ выдающихся профессоровъ, то, по мнѣнію Бёттингера, отъ этихъ большихъ доходовъ никому никакого худа нѣтъ, и даже напротивъ они клонятся къ пользѣ всего университета, всѣхъ профессоровъ, ибо привлекаемые въ какой-либо университетъ какою-либо знаменитостью студенты отнюдь не ограничиваются слушаніемъ только его лекцій, а съ тѣмъ вмѣстѣ слушаютъ лекціи и другихъ профессоровъ и тѣмъ увеличиваютъ ихъ доходъ.

Правительственный комиссаръ докладчикъ министра по университетскимъ дѣламъ д-ръ *Алгофъ* самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ, чтобы въ вопросѣ о гонорарныхъ вычетахъ имѣлись въ виду какія бы то ни были финансовыя соображенія. Дѣло разсматривалось главнѣйше съ корпоративной точки зрѣнія, именно съ той, что не-

желательно и неудобно, чтобы между равноправными членами одной и той же корпорации были такія большія различія въ матеріальномъ положеніи, какія оказываются вслѣдствіе различія суммы гонораровъ различныхъ профессоровъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ университетскихъ дѣлъ въ Германіи проф. *Paulsen* въ „*Deutsche Rundschau*“ за 1894 г.: „Не безъ боязни касаюсь я. наконецъ, одного пункта, о которомъ недавно шла рѣчь въ баварской палатѣ: жаловались на то, что и въ университеты проникаетъ капитализмъ, ... и что съ этой стороны германскимъ университетамъ грозитъ опасность; это, по моему, вѣрно. Что доходъ отдѣльныхъ профессоровъ достигъ въ настоящее время высоты, далеко превосходящей все, что было въ этомъ отношеніи прежде, это несомнѣнный фактъ. Скопленіе студентовъ въ большихъ университетахъ повлекло за собою для нѣкоторыхъ профессоровъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ, а также и для представителей нѣкоторыхъ отраслей естествовѣдѣнія, необыкновенно значительные гонорары, къ коимъ присоединяются иногда не менѣе значительные доходы отъ практики, также зависящей отъ служебнаго положенія профессора. Такимъ образомъ рядомъ съ лицами, имѣющими болѣею частью очень ограниченный доходъ, въ той же академической учебной службѣ оказываются лица съ доходомъ милліонеровъ. Мнѣ кажется, продолжаетъ проф. Паульсенъ, что это явленіе имѣетъ неблагопріятныя послѣдствія для университета какъ учебнаго заведенія. Большой доходъ естественно ставитъ на болѣе высокій уровень весь образъ жизни, а профессоръ, который устраивается на большую ногу, который держитъ знатный домъ, чрезъ то прямо удаляется отъ студентовъ и вѣшнимъ, и внутреннимъ образомъ. И его домъ, и онъ самъ лично замыкается отъ студентовъ. Представьте себѣ, съ какимъ чувствомъ отнеслись бы теперь весьма многіе изъ профессоровъ къ предложенію принять къ себѣ въ домъ студентовъ въ качествѣ пансіонеровъ, какъ то еще въ прошломъ столѣтіи было въ такомъ ходу. Но и преподавательская дѣятельность едва ли окажется при этомъ совсѣмъ не затронутою. Доходъ милліонера, съ этимъ очень мало вяжется скромная дѣятельность преподавателя, хотя бы и университетскаго. Гёте какъ-то высказался о себѣ, что онъ не можетъ работать среди богатой обстановки: недостаетъ творческаго настроенія. Подобнымъ же образомъ. думается мнѣ. дѣйствуетъ очень большой доходъ и блестящая обстановка на преподавательскую дѣятельность: пропадаетъ надлежащее для нея настроеніе, и большой

человѣкъ представляется самъ себѣ слишкомъ большимъ для такого малаго дѣла какъ обученіе студентовъ элементамъ науки⁴. Подобные мотивы,—продолжалъ д-ръ Альтгофъ, по прочтеніи этого отрывка,—побудили и министерство народнаго просвѣщенія, по соглашеніи съ министромъ финансовъ, предложить опредѣленные вычеты изъ гонораровъ. Дѣло было серьезно и добросовѣстно взвѣшено со всѣхъ сторонъ, и мѣра эта предложена какъ вполне соотвѣтственная важному значенію корпоративнаго характера университетовъ и для нихъ полезная. Д-ръ Альтгофъ вполне сочувствуетъ тому, что сказано д-ромъ Вирховымъ объ охраненіи корпоративнаго характера университетовъ и старинныхъ о нихъ постановленій; но и новыя постановленія будутъ направляемы къ усиленію корпоративнаго духа. Къ этому клонится и нынѣ предлагаемая мѣра, а равно и та, которая недавно была возвѣщена министромъ народнаго просвѣщенія въ Бреславлѣ, а именно учрежденіе конференціи университетскихъ ректоровъ, что дастъ университетамъ возможность въ непосредственномъ общеніи съ министромъ заявлять свои воззрѣнія и содѣйствовать ихъ осуществленію. Въ заботливости о сохраненіи и усиленіи корпоративнаго характера университетовъ учебное вѣдомство едва ли можетъ быть кѣмъ-либо превзойдено.

Съ своей стороны министръ народнаго просвѣщенія д-ръ *Боссе* въ засѣданіи 4-го мая 1897 г. заявилъ, что онъ за свое пятилѣтнее управленіе министерствомъ не знаетъ ни одного случая измѣненія университетскихъ уставовъ распоряженіями учебнаго вѣдомства и что, по его мнѣнію, измѣненіе уставовъ этой важнѣйшей въ странѣ корпорации не должно быть дѣлаемо мимоходомъ, при случаѣ, а по возможности по выслушаніи самой корпорации, въ предписанномъ закономъ порядкѣ и съ опубликованіемъ во всеобщее свѣдѣніе послѣдовавшихъ измѣненій, и въ этомъ онъ совершенно согласенъ съ Вирховымъ и Бѣттингеромъ.

Изъ послѣдующихъ ораторовъ *Кириш* возражалъ противъ опасенія, что южно-германскіе университеты будутъ въ состояніи отвлечь студентовъ отъ прусскихъ университетовъ; но если бы и случилось, что прусскіе подданные посѣщали бы не одни прусскіе университеты, а также и южно-германскіе, то никакого худа въ этомъ не было бы, а была бы польза въ томъ, что молодежь знакомилась бы съ особенностями южной Германіи сравнительно съ сѣвѣрною. Поэтому желательно было бы, чтобы между сѣверомъ и югомъ Германіи не было слишкомъ большой разницы относительно вознагражденія ихъ университетскихъ

профессоровъ. Едва ли слѣдовало бы также предоставлять слишкомъ большія преимущества Берлинскимъ профессорамъ сравнительно съ ихъ провинціальными товарищами и въ жалованьи, и относительно гонорара, ибо подобныя преимущества дѣйствительно могутъ привлечь къ Берлину наилучшихъ профессоровъ, а чрезъ то еще болѣе увеличить число студентовъ Берлинскаго университета, которое въ настоящее время достигло уже крайнихъ предѣловъ. Конечно, желательно, чтобы Берлинскій университетъ былъ выдающимся по сравненію даже съ выдающимися университетами другихъ государствъ, но чрезмѣрное скопленіе въ немъ студентовъ можетъ и для него стать большимъ бременемъ, тѣмъ болѣе что жизнь въ Берлинѣ представляетъ не малая опасности для учащейся молодежи. Впрочемъ, все это дѣло о профессорскомъ жалованьи и гонорарѣ имѣетъ пока мѣсто характеръ только опыта, и черезъ два года, когда министръ народнаго просвѣщенія долженъ будетъ представить палатѣ подробный отчетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ этого опыта съ указаніемъ на тѣ соображенія, коими онъ руководился при опредѣленіи профессоровъ и назначеніи имъ жалованья, а равно и при производствѣ имъ прибавокъ, въ нынѣшнихъ постановленіяхъ могутъ быть сдѣланы значительныя измѣненія.

Докладчикъ бюджетной комиссіи д-ръ *Диттрихъ* нападалъ на Вирхова за то, что онъ, человекъ прогресса, современной науки и образованія, отстаиваетъ такое средневѣковое учрежденіе, какъ профессорскіе гонорары, возникшіе въ то время, когда университеты были учебными корпораціями на подобіе ремесленныхъ цеховъ и должны были сами содержать себя, при чемъ профессора брали плату съ своихъ учениковъ такъ же, какъ ремесленные мастера съ обучающихся у нихъ мастерству. Гонорары прекратились, когда владѣтельные князья и государи взяли университеты въ свои руки и обратили ихъ профессоровъ въ должностныя лица, назначивъ имъ обильное жалованье, и затѣмъ снова возродились, когда съ оскуднѣніемъ финансовыхъ средствъ государей пришлось въ половинѣ XVIII столѣтія позволить профессорамъ пополнять свое жалованье гонорарами по ихъ собственному усмотрѣнію. Что съ теченіемъ времени изъ этого произошли многія неудобства, едва-ли въ настоящее время можно серьезно отрицать, и прежде всего обремененіе для студентовъ, которые, кромѣ гонорара, еще платятъ за мѣсто въ аудиторіи (*Auditoriengelder*), сборъ въ пользу учебно-вспомогательныхъ установленій (*Institutsgebühren*) университета и наконецъ, за всѣ принадлежности научно-

практическихъ занятій при изученіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ, а затѣмъ крайнее неравенство матеріальнаго положенія различныхъ профессоровъ. Хорошую же сторону системы гонораровъ хотѣть видѣть въ томъ, что она побуждаетъ профессоровъ къ напряженію всѣхъ ихъ силъ въ дѣлѣ преподаванія видами на весьма значительный денежный доходъ. Но не заключается ли чрезвычайная опасность въ томъ, чтобы своекорыстіе принималось какъ движущая сила на службу наукъ? Не имѣются ли гораздо благороднѣйшіе мотивы для возбужденія рвенія профессоромъ въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій и въ дѣлѣ преподаванія, какъ то: чувство долга и чувство внутренняго вознагражденія, заключающагося въ изслѣдованіи и раскрытіи истины и въ сообщеніи ея другимъ? Развѣ филологи и всѣ тѣ профессора, которые по существу своихъ предметовъ не могутъ рассчитывать на значительные гонорары, отличаются меньшимъ рвеніемъ въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій и преподаванія? Это едва-ли кто рѣшится утверждать.

По мнѣнію д-ра *Фридберга*, приводимыя противъ гонорара историческія соображенія едва-ли могутъ имѣть какое-либо значеніе при рѣшеніи вопроса о системѣ гонорара; въ высшей степени важно то, что ея пригодности и цѣлесообразности и для настоящаго времени не отрицаетъ и само правительство: психологически система эта представляется единственно правильною и потому несомнѣнно должна быть сохранена. Совершенно вѣрно указывается на чувство долга, которое должно воодушевлять профессоромъ; но затѣмъ профессоръ не слѣдуетъ, какъ учитель, за успѣхами своихъ слушателей, развѣ что въ такъ называемыхъ семинаріяхъ, и онъ не имѣетъ того внутренняго удовлетворенія, той радости отъ своего преподаванія, какія достаются на долю учителя. Въ этомъ именно и лежитъ нѣкоторая опасность, что лекціи, если съ ними не связана никакая другая выгода, могутъ оказаться довольно обременительною обязанностью, и профессоръ, соединяя въ своемъ лицѣ дѣятеля науки и преподавателя, можетъ легко перенести центръ своей дѣятельности на поприще научныхъ изслѣдованій и научно-литературныхъ трудовъ. Точно также очень значительные гонорары нѣкоторыхъ профессоромъ едва-ли могутъ причинить какой-либо ущербъ коллегіальности: иначе пришлось бы вообще ни въ какую коллегію, на примѣръ хотя бы судебную, не назначать богатыхъ людей. Профессоромъ нельзя упрекнуть ни въ произволѣ при назначеніи размѣровъ гонорара, ибо они имѣютъ на то право по закону, ни въ томъ, чтобы размѣры эти были слишкомъ высоки или

были часто возвышаемы, и лучше было бы отказаться отъ гонорарныхъ вычетовъ, которые никакого иного значенія имѣть не могутъ кромѣ пособія государственному казначейству на улучшеніе положенія профессоровъ, не имѣющихъ почти никакихъ другихъ отъ своей должности доходовъ кромѣ жалованья. ибо и за этими вычетами гонорары нѣкоторыхъ профессоровъ останутся все-таки весьма значительными, равенство между членами коллегіи далеко не будетъ достигнуто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и должность профессора въ болѣе многочисленныхъ прусскихъ университетахъ останется на столько привлекательною, что не встрѣтится затрудненій къ замѣщенію каедръ профессорами другихъ университетовъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Въ цѣломъ вся эта система вознагражденія профессоровъ, какъ она установлена въ бюджетной комиссіи, не причинитъ ущерба университетамъ и скорѣе окажется для нихъ благотворною. Въ заключеніе ораторъ обратилъ вниманіе правительства на то, что было бы дѣломъ справедливости, безусловно необходимымъ, возвысить пенсію, получаемую вдовами и сиротами профессоровъ, въ той же мѣрѣ, въ какой это сдѣлано для всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ, то-есть, на 20%. Правда, профессора въ этомъ отношеніи пользуются однимъ великимъ преимуществомъ, именно тѣмъ, что ихъ вдовамъ и сиротамъ предоставляются пенсіи независимо отъ числа лѣтъ службы умершаго профессора; но за то размѣръ этихъ пенсій чрезмѣрно малъ сравнительно съ тѣми, какія нынѣ предоставлены семействамъ всѣхъ другихъ чиновниковъ. И точно также положеніе педделей должно быть улучшено. Прежде оно было много лучше, ибо они пользовались извѣстными доходами отъ возведенія въ докторскую степень и при иныхъ подобныхъ университетскихъ актахъ, и совершенно справедливо, ибо они должны доставлять диссертациі ординарнымъ профессорамъ и добывать ихъ подписи. Но теперь министерство финансовъ вообще стремится упразднить всѣ подобные побочные доходы и должно по крайней мѣрѣ озаботиться увеличеніемъ казеннаго жалованья лицамъ, которыя прежде пользовались этими доходами. Педделъ есть прямое исполнительное должностное лицо для всѣхъ полицейскихъ цѣлей внутри университета, находящееся въ постоянномъ соприкосновеніи со студентами, и не долженъ оставаться въ нынѣшнемъ своемъ уничиженномъ положеніи.

Правительственный комиссаръ *д-ръ Алътиофъ* еще разъ заявилъ, что правительство считаетъ систему гонорара по самому существу ея вполне правильною и признаетъ ее существеннымъ въ интересахъ

университетовъ установленіемъ, и вводя гонорарные вычеты, имѣть въ виду лишь противодѣйствовать чрезмѣрности въ этомъ отношеніи и тѣмъ оградить систему гонораровъ отъ опасности, которая могла бы ей грозить въ будущемъ, и упрочить самое ея существованіе. Что же касается до увеличенія пенсій семействамъ умершихъ профессоровъ на 20%, то министръ народнаго просвѣщенія принимаетъ это дѣло очень близко къ сердцу и ведетъ о немъ переговоры съ министромъ финансовъ, дѣлаются различныя по этому предмету вычисления, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти переговоры приведутъ къ результатамъ, вполне благоприятнымъ, и точно также положеніе педагоговъ будетъ по возможности улучшено. Къ первому изъ этихъ заявленій вполне присоединился и представитель министерства финансовъ тайный совѣтникъ *д-ръ Гермаръ*, присовокупляя, что и финансовое управленіе въ высшей степени цѣнитъ университеты въ ихъ высокомъ значеніи для всей государственной жизни и доказываетъ это на самомъ дѣлѣ. Оно ни одной минуты не остановилось на мысли обратить въ казну гонорарные вычеты и напротивъ какъ нельзя болѣе сочувствуетъ ихъ употребленію на дальнѣйшее улучшеніе положенія профессоровъ, не имѣющихъ сколько-нибудь значительныхъ доходовъ отъ своей службы кромѣ жалованья. Развѣ только изъ желанія пропагандировать антисемитизмъ,—замѣтилъ онъ иронически,—можно вмѣстѣ съ Верховымъ усмотрѣть въ этой мѣрѣ проявленіе духа антисемитизма: такой чрезвычайной чести антисемитизмъ вовсе не заслуживаетъ. Какъ много вообще дѣлается въ Пруссіи для университетовъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что съ 1890—1891 по 1897—1898 г. ежегодные государственные расходы на университеты увеличивались въ среднемъ выводѣ на 115 т. марокъ, при чемъ въ послѣдній изъ названныхъ годовъ эта прибавка дошла до 146 т. м., не считая 300 т. м., назначенныхъ на улучшеніе жалованья профессоровъ въ качествѣ также постояннаго ежегоднаго расхода. Что же касается до чрезвычайныхъ расходовъ на университеты. то они за тотъ же періодъ времени простирались до 10.800.000 марокъ, и на 1897—1898 г. предположенъ чрезвычайный расходъ на университеты въ 2.225.000 марокъ, не считая весьма значительнаго расхода на преобразование берлинской больницы *Charité*, служащей также для клиническаго университетскаго преподаванія. Для библиотекъ университетскихъ и королевской въ Берлинѣ дѣлается также очень много: съ 1885 по 1896 г.—число штатныхъ ученыхъ чиновниковъ при этихъ бібліотекахъ увеличилось съ 56 до 83, а суммы на ежегодное попол-

неніе ихъ книгами возросли съ 284 т. м. до 370 т. м., и послѣднія еще болѣе будутъ увеличены въ 1898 г.

Профессоръ *Вирховъ* еще разъ обратилъ вниманіе палаты на необходимость всячески охранять уставы университетовъ и сообразоваться съ ними во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, пока уставы эти существуютъ, и такъ какъ ими узаконено право профессоровъ назначать гонорары за ихъ лекціи, то право это не должно быть нарушаемо до измѣненія самихъ уставовъ. Система гонораровъ имѣетъ громадное значеніе для всего существованія и дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія университетовъ. Безъ системы гонораровъ, между прочимъ, былъ бы вовсе невозможенъ и институтъ приватъ-доцентовъ въ качествѣ постоянного и неизсякаемаго разсадника профессоровъ. „Мы, профессора, всегда и во все времена смотрѣли на этотъ институтъ какъ на дѣйствительное ручательство дальнѣйшаго развитія университетовъ въ національномъ духѣ, какъ на ручательство, что они останутся свободны отъ всякихъ постороннихъ иноземныхъ вліяній и что правительство всегда будетъ имѣть въ нашихъ приватъ-доцентахъ достаточный и уже испытанный запасъ готовыхъ научныхъ силъ для пополненія пробѣловъ, возникающихъ вслѣдствіе смерти или какихъ либо другихъ причинъ. Наше правительство можетъ быть только благодарно университетамъ за обиліе тѣхъ молодыхъ, свѣжихъ силъ, которыя ими воспитаны, ими привлечены къ академической преподавательской дѣятельности при помощи системы гонораровъ и выдержали свой искусь, имѣя своихъ платящихъ имъ гонораръ слушателей. Процвѣтаніе науки, которое насъ такъ радуетъ, успѣхи, которые въ этомъ отношеніи достигнуты, должны быть въ значительной мѣрѣ приписаны тому обстоятельству, что университеты не были стѣсняемы въ свободѣ допущенія приватъ-доцентовъ. Поэтому мы придаемъ очень большое значеніе этому институту, и когда иной разъ не безъ удивленія видимъ, какъ тотъ или другой изъ этихъ молодыхъ людей быстро идетъ въ гору, то никто изъ насъ не завидуетъ тѣмъ гонорарамъ, которые онъ получаетъ. Безъ гонорара приватъ-доцентъ могъ бы существовать лишь при совершенно особенныхъ условіяхъ, а именно принадлежа къ очень состоятельной семьѣ, каковыми главнымъ образомъ оказываются приватъ-доценты еврейскаго вѣроисповѣданія. Другіе приватъ-доценты, которые должны стоять на собственныхъ ногахъ въ борьбѣ съ лишеніями, могутъ существовать только съ помощью гонораровъ. Нашъ институтъ приватъ-доцентовъ, продолжалъ *Вирховъ*, составляетъ предметъ зависти для всѣхъ иностранныхъ университе-

товъ. Еще недавно я имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ выдающимися государственными людьми французскими и итальянскими, которые желали удостовѣриться отъ меня, дѣйствительно ли институтъ приватъ-доцентовъ представляетъ собою такое сильное ручательство за развитіе науки въ германскихъ университетахъ, и я долженъ былъ это вполне подтвердить... Отсутствие этого института во Франціи есть одна изъ причинъ, почему науки въ ней временно находятся какъ бы въ застоѣ. Что мы въ Германіи такъ далеко пошли въ этомъ отношеніи, этимъ мы обязаны тому обстоятельству, что мы находимъ все болѣе и болѣе многочисленныхъ работниковъ, которые выходятъ изъ молодыхъ учащихся поколѣній въ качествѣ представителей свободной науки. Если бы вы захотѣли слишкомъ много отрѣзать отъ права полученія гонораровъ, то этимъ вы существенно повредили бы одной изъ самыхъ полезныхъ и плодоносящихъ вѣтвей нашего университетскаго древа и даже лишили бы ее возможности дальнѣйшаго существованія и развитія... Этимъ я нисколько не отрицаю права государства устанавливать, какимъ образомъ и въ какихъ размѣрахъ гонораръ долженъ быть взимаемъ съ отдѣльныхъ студентовъ. Но во всемъ правительственномъ проектѣ нигдѣ не проглядываетъ забота о самихъ студентахъ. Даже публичныя, бесплатныя лекціи профессоровъ студенты могутъ слушать не иначе, какъ заплативъ въ казну деньги за аудиторію; точно также установлена особая плата въ казну за пользованіе учебно-вспомогательными институтами и лабораторіями, и если теперь хотять ввести освобожденіе студентовъ вполне или отчасти отъ платы профессорамъ, то объ освобожденіи ихъ отъ платы въ казну нѣтъ и рѣчи. Не профессора избрѣли отсрочку гонораровъ: она введена подъ вліяніемъ правительства. Профессора вообще стѣснены относительно освобожденія студентовъ отъ платы: отдѣльный профессоръ не имѣетъ на это права; это должно быть рѣшено особою гонорарною комиссіей, и коль скоро студентъ внесъ свой гонораръ въ квестуру и затѣмъ проситъ профессора освободить его отъ этой платы, профессоръ не имѣетъ права потребовать отъ квестуры возвращенія этихъ денегъ студенту, а можетъ только возвратитъ ему ту же сумму изъ собственнаго кармана, а потомъ уже получить ее изъ квестуры за вычетомъ извѣстнаго процента на дѣлопроизводство. Все это установлено правительствомъ и имъ же можетъ быть отмѣнено; изъ профессоровъ же едва-ли кто-либо будетъ стоять за право отсрочки гонораровъ“.

Правительственный комиссаръ д-ръ *Альтгофъ* замѣтилъ, что онъ

готовъ отъ слова до слова повторить все то, что высказано Вирховымъ о великомъ значеніи института привать-доцентовъ для университетовъ; но онъ-де забылъ одно, что мѣра о гонорарныхъ вычетахъ нисколько не касается привать-доцентовъ, а только получающихъ отъ казны жалованье профессоровъ. Определить наибольшій предѣлъ гонорара со студентовъ предложилъ въ бюджетной комиссіи членъ ея графъ Лимбургъ-Стирумъ, и когда будетъ идти рѣчь объ этой мѣрѣ, тогда наступитъ пора говорить и вообще объ облегченіяхъ для студентовъ. Университетскіе статуты въ Пруссіи состоялись не въ законодательномъ порядкѣ и представляютъ собою личное королевское повелѣніе. Само собою разумѣется, что коль скоро палата одобрить нынѣшнія предположенія правительства, въ соотвѣтствіи съ ними будутъ измѣнены и самые статуты тѣмъ же порядкомъ, какимъ они состоялись, то-есть, административнымъ.

Въ засѣданіи 10-го мая 1897 г. проф. *Вирховъ* пытался достигнуть по крайней мѣрѣ того, чтобы дѣло о гонорарныхъ вычетахъ было отсрочено, такъ какъ статистическія данныя, представленныя по этому предмету, оказались неидущими къ дѣлу, а новыхъ данныхъ еще нѣтъ подъ рукою, и такимъ образомъ приходится рѣшать дѣло, которое не выяснено даже въ статистическомъ отношеніи. „Я нападаю, продолжалъ Вирховъ, на идею брать деньги съ однихъ профессоровъ, чтобы потомъ распредѣлять ихъ между другими единственно по усмотрѣнію самого правительства, такъ что отъ него будетъ зависѣть однихъ профессоровъ больше награждать, другихъ меньше или же оставлять безъ всякой прибавки. Такое положеніе съ теченіемъ времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, неминуемо поведетъ къ деморализаціи цѣлаго сословія и положить конецъ свободѣ преподаванія“. Вопросъ объ опредѣленіи наибольшаго размѣра гонорара справедливо отложенъ до будущаго времени, ибо онъ также представляетъ свои особенности: съ измѣненіемъ методовъ преподаванія, съ увеличеніемъ затраты времени и силъ на такое преподаваніе, можетъ оказаться необходимость допустить увеличеніе и самого гонорара. Но въ настоящее время желательно, чтобы весь этотъ вопросъ о гонорарахъ былъ отсроченъ до времени, когда будутъ собраны всѣ данныя для его разъясненія. Дѣло вѣдь дѣйствительно идетъ о томъ, чѣмъ должна стать внутренняя организація нашихъ университетовъ, должны ли они остаться отдѣльными корпораціями или же должно образовать изъ гонорарныхъ вычетовъ общій фондъ и съ его помощью устроить совершенно новую пагубную систему. Тѣ данныя, которыя бюджетная комиссія считаетъ

достаточными для рѣшенія такого существеннаго вопроса, въ профессорскихъ кругахъ признаются совершенно недостаточными. „Все чѣмъ мы до сихъ поръ гордились, независимость и самобытность нашихъ университетовъ, подвергается опасности, коль скоро въ университеты будетъ введена ваша произвольная финансовая система“. Депутаты *Диттрихъ*, а затѣмъ и *Заттлеръ* заявили, что по полученнымъ ими сообщеніямъ профессора вообще довольны тѣми рѣшеніями, которыя были приняты въ бюджетной комиссіи, менѣе всего въ Берлинѣ и въ Боннѣ, откуда идетъ наиболѣе возраженій, тогда какъ въ другихъ университетахъ профессора особенно цѣнятъ установленіе наименьшихъ окладовъ жалованья и прибавокъ къ нимъ черезъ каждые 4 года. Затѣмъ весь правительственный проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ бюджетною комиссіей, былъ принятъ палатой.

А. Г.

исполнилъ приказаніе Миноса достать это кольцо съ морскаго дна. *Афинскій герой можетъ блестяще, лучше, чѣмъ хочетъ Миносъ, доказать свое божественное происхожденіе, но приказаній варварскаго царя не исполняетъ. Такова основная мысль мифа въ V вѣкѣ до Р. Хр.*

Легко понять, конечно, какъ легенда V вѣка приняла тотъ видъ, въ которомъ мы ее видимъ у Павсанія, особенно если принять во вниманіе, что Павсаній скорѣе всего пересказываетъ ее со словъ проводниковъ.

Содержаніе картинъ Микона и на Болонскомъ кратирѣ — одно и то же: то же мѣсто дѣйствія, тотъ же моментъ, тѣ же дѣйствующія лица въ главной группѣ.

Дальнѣйшихъ подробностей о картинѣ Микона изъ Павсанія мы не знаемъ.

По аналогіи съ Дельфійскими картинами Полигнота, которыя подробно описаны Павсаніемъ, надо думать, что и картины Микона, ближайшаго сотрудника и ученика Полигнота, были велики и на нихъ было много фигуръ.

Какъ были расположены фигуры на картинахъ Полигнота, блестяще показалъ Робертъ ¹⁾. Это именно такое расположеніе, которое мы видимъ на картинѣ Болонскаго кратира ²⁾. Характерно для Микона изображеніе удаляющагося корабля, восходящаго Гелиоса, одного изъ треножниковъ на колоннахъ: только части ихъ изображены на картинѣ ³⁾.

Мало того, самый ритмъ композиціи, соотвѣтствіе въ ней группъ, все это на картинѣ Болонской вазы—таково же, какъ было на картинахъ Полигнота ⁴⁾.

Что касается отдѣльныхъ группъ на Болонской вазѣ, то и здѣсь

¹⁾ *Robert, Annali, 1882, 274, 281; Arch. Anz, ук. м.; Nekyia, Nüpergis, Marathonenschlacht in der Poikile, passim.* Возраженія, которыя Роберту дѣлались Шене, Шрейберомъ, Гирандина, Гаузеромъ и др., на нашъ взглядъ, всѣ слабы.

²⁾ Ср. схемы композицій Болонскаго кратира съ кратиромъ изъ Орвіето въ Луврѣ. *Schreiber, 137, 127.* О композиціи послѣдняго Шрейберъ самъ выражается такъ: „Robert hatte wohl Recht darin die Einwirkung polygnotischer Kunst zu erkennen“ (125).

³⁾ Ср. *Overbeck, Schriftquellen, 1085.*

⁴⁾ Ср съ нашею картиной картины Полигнота по лучшей изъ ихъ реставраціи Вейцзеккера (*Weissäcker, Polygnots Gemälde in d. Lesche d. Knidier zu Delphi*).

вліяніе Полигнотовой школы можно замѣтить: группа двухъ стоящихъ Нерейдъ — чисто Полигнотова¹⁾; то же можно предполагать для сидящихъ Нерейдъ²⁾ и т. д. Весьма вѣроятно, что центральная группа копируетъ группу съ картины Микона. У Микона вполне понятны и отголоски стараго аттического искусства, такъ какъ онъ съ Полигнотомъ непосредственно слѣдовали за мастерами архаическаго времени³⁾. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, картина Микона имѣла гораздо больше фигуръ, чѣмъ кратиръ Болонскій, то въ послѣднемъ нельзя усматривать точную копію съ картины въ Оисіонѣ. *Мастеръ вазы зналъ картину, подражалъ ей въ композиціи, группахъ, но не копировалъ, а создалъ, пользуясь фигурами, мотивами и т. д. Микона, самостоятельную прекрасную композицію, которая рассчитана строю для вазы⁴⁾.* Искусство V вѣка стояло и у вазовыхъ мастеровъ такъ высоко, что они рабски никогда не копировали. Ихъ произведенія показываютъ лишь то, что они знали произведенія монументальнаго искусства и, пользуясь ими, какъ образцами, старались создавать свое.

Принимая въ расчетъ все сказанное о картинѣ Микона, мы должны признать, что Миконъ писалъ картину подъ вліяніемъ Вакхилида или во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду версію мѣна, къ Вакхилидовой весьма близкую. При этомъ, онъ кое-что (напримѣръ, Тритона) беретъ и изъ картинъ, явившихся еще до Вакхилида.

Гирардини (Rendiconti, ук. м.) старался показать, что композиція Болонской вазы находится подъ вліяніемъ Еврипидова „Оисея“, который явился въ 440—430 гг. Въ виду того, что ваза относится къ тому же времени, какъ и трагедія Еврипида, и на другихъ вазахъ этой же эпохи вліяніе Еврипида весьма замѣтно⁵⁾, возможно,

¹⁾ Ср. *Milchhöfer*, Jahrb. d. Inst., IX, 1894, 73.

²⁾ Ср. *Furtwängler*, Collection Sabouroff, pl. 55, текстъ къ ней и введене, стр. 4 сл.

³⁾ Ср. наши замѣчаніе о Миконѣ въ *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, 1896, 98 сл.

⁴⁾ Ср. *Ghirardini*, Mus. Ital., III, 29 *Schreiber*, Wandb. d. Polygnotos, 133. Робертъ (*Marathonschlacht*, 51 сл.) правильно возражаетъ противъ Гирардини Mus. Ital., III, 32—35; (*Rendiconti*, IV, 1895, 86 сл.), который отрицалъ вліяніе Микона на композицію Болонской вазы. Противъ Роберта можно сказать только то, что вазовая картина не является копіей съ части картины Микона. Ср. *Schreiber*, ук. с., 132. Кромѣ Роберта, вліяніе Микона на мастера вазы въ Боловѣ признаетъ и Фуртвенглеръ, *Arch. Anz.*, 1887.

⁵⁾ Ср. Jahrb. d. Inst., XI, 1896, 292 сл. (*Bethe*). Ср. Jahrb. VI, 1891, 273 (*Winter*).

что Гиравдини правъ. Можетъ быть, тѣ чрезвычайно пестро раскрашенные костюмы, которые мы видимъ на Болонской вазѣ и на вазахъ, ей родственныхъ, у дѣйствующихъ лицъ въ изображенныхъ на вазахъ картинахъ, представляютъ копія или подражанія богатымъ костюмамъ героев трагедіи¹⁾.

Если бы, дѣйствительно, ваза въ Болонѣ иллюстрировала трагедію Еврипида, то относительно этого поэта надо было бы признать, что онъ слѣдовалъ въ своемъ „Оисей“ въ общемъ Ваххилидовой версии мѣта, контаминируя ее со старою аттическою, то-есть, поступалъ, какъ Миконъ.

Изъ пластическихъ памятниковъ, иллюстрирующихъ нашъ мѣтъ, клякъ Евфронія—самый ранній. Кеніонъ совершенно невѣрно вмѣстѣ съ ванъ-Брантегомъ (v. Branteghem) видятъ изображеніе этого мѣта на относящейся къ началу VI вѣка до Р. X. знаменитой вазѣ François²⁾. Съ одной стороны ея, по верхнему краю, изображена такая сцена. Семь паръ юношей и дѣвушекъ взялись за руки въ хоръводѣ (только послѣдній бѣжитъ еще присоединиться къ цѣпи). Первый юноша — съ лирой, это—Оисей, какъ гласитъ о немъ надпись. Надписи называютъ и всѣхъ другихъ участниковъ въ танцѣ. Хоръводъ встрѣчаетъ Ариадна съ своею кормилицей. Налѣво отъ хоръвода изображенъ корабль, стоящій въ водѣ. На кораблѣ масса народу; большая часть изъ людей на кораблѣ выражаетъ жестаи изумленіе. Въ водѣ плыветъ къ берегу какой-то бородатой мужчина.

Кеніонъ (157) утверждаетъ, что здѣсь изображено двѣ сцены. Противъ этого говорятъ всѣ другія картины на вазѣ François: на ней въ каждомъ отдѣльномъ горизонтальномъ поясѣ изображается всегда одна сцена; нѣтъ ни одного примѣра, чтобъ двѣ разныя сцены были расположены рядомъ въ одномъ такомъ горизонтальномъ фризѣ. Далѣе, на вазѣ всегда мало-мальски имѣющій самостоятельное значеніе предметъ сопровождается надписью. У Кеніона въ первой сценѣ не было бы ни одной надписи. Уже изъ этого видно, что вся лѣвая сторона верхняго фриза—часть большой композиціи и при томъ такая, гдѣ—

¹⁾ Ср. *Baummeister*, Denkmäler, I, Taf. V, 422 (картины вазы въ Неаполитанскомъ музеѣ. *Heydemann*, Vasensammlungen des Museo Nazionale zu Neapel, Museo Borbonico, 3240).

²⁾ Ваза находится въ Museo Archeologico въ Флоренціи (по 223). *Amelung*, Führer durch die Antiken in Florenz, 202 слл. (описание нашей сцены, 220 слл.). *Monumenti*, IV, 54—57; *Wiener Vorlegeblätter*, 1888, Taf. II—IV, 1-e. *Baummeister*, Denkmäler, III, Taf. LXXIV. *Rayet-Collignon*, Céramique, 86 слл.

лишь второстепенныя фигуры. Плывущаго человѣка Кеніонъ считаетъ появляющимся изъ воды Оисеемъ. Почему же у такой важной фигуры нѣтъ надписи? Кромѣ того, человѣкъ этотъ плыветъ *отъ корабля* къ берегу. По Вакхилиду Оисей долженъ плыть *къ кораблю* (ст. 119; ср. ст. 87 сл.). Вторая сцена по Кеніону—прибытіе Оисея съ его спутниками на Критъ. Но какой же смыслъ имѣетъ ликованіе аеинянъ тотчасъ по прибытіи на Критъ? Присутствіе Аріадны и ликованіе аеинянъ ясно показываютъ, что здѣсь изображена сцена послѣ побѣды Оисея надъ Минотавромъ. Люди на кораблѣ - аеинскіе моряки, которые привезли молодыхъ людей на Критъ и которые должны были съ Оисеемъ или безъ него вернуться въ Аеины. Теперь они видятъ, что Минотавръ побѣжденъ, что Оисей съ другими юношами и дѣвушками торжествуетъ побѣду; они выражаютъ бурно радость. Одинъ изъ нихъ не утерпѣлъ, бросился въ воду и слѣзнуть на берегъ присоединиться къ торжествующимъ ¹⁾.

Мы видимъ, что на вазѣ François изображается совсѣмъ другой мифъ. У Вакхилида Миносъ самъ везетъ изъ Аттики аеинскихъ дѣтей ²⁾. На вазѣ François видимъ другую версію мифа о путешествіи Оисея на Критъ: по ней *аеинскій корабль увозитъ жертвы*.

Мифъ о томъ, какъ Оисей побывалъ на днѣ моря и получилъ тамъ доказательства своего божественнаго происхожденія, существовалъ въ Аеинахъ уже около 485 года. Евфроній изобразилъ этотъ подвигъ Оисея. Древнѣйшая версія разказывала, вѣроятно, мифъ нѣсколько иначе, чѣмъ его разказываетъ Вакхилидъ. Судя по картинѣ Евфронія, въ до

¹⁾ Эту сцену никто до сихъ поръ, по нашему, не объяснилъ удовлетворительно. Нѣкоторые (ср. *Gädchens* Glaukos der Meergott, 153; *Weissäcker*, Rhein. Mus., 1878, XXXIII, 381; *Baumeister*, Denkmäler, стр. 1801; *Amelung*, 221 и др.) считали невозможнымъ за мѣсто дѣйствія изображенной сцены признавать Критъ, ссылаясь на схолиі къ Одиссеѣ, XI, 321. Всякій, кто занимался исторіей вазовой живописи, знаетъ, что отъ вазовыхъ мастеровъ нельзя ожидать точной характеристики мѣстности. Скорѣе всего Клитій, росписавшій вазу François, вовсе не задавалъ себѣ вопроса, было ли время Оисею устроить хороводъ на Критѣ, какъ занимаютъ этимъ вопросомъ Вейцзеккеръ и др. Вазовый мастеръ хотѣлъ въ картинѣ изобразить радость аеинянъ и Оисея послѣ побѣды, а вовсе не желалъ написать картину какого-нибудь извѣстнаго торжества, устроеннаго Оисеемъ на Критѣ. У Вейцзеккера см. всѣ мнѣнія на счетъ того, кто такой плывущій въ водѣ человѣкъ. Къ литературѣ, которую приводитъ Вейцзеккеръ, надо еще прибавить *Rayet-Collignon*, 85 сл., и *Amelung*, ук. с.

²⁾ Ср. *Jakobi*, Handwörterbuch d. gr. u. röm. Mythologie, 856, пр. 2 (s. v. Theseus).

вахилидовой версіи говорилось, что Оисей, при помощи Аѳины, побывалъ на днѣ моря и получилъ тамъ чудесный вѣнокъ отъ своей пріемной матери, богини Амфитриты; Тритонъ принесъ Оисея къ Амфитритѣ; съ помощью вѣнка Амфитриты Оисей спасся изъ лабиринта и побѣдилъ Минотавра.

Приблизительно въ 480 году явился пѣанъ Вахилида. Судя по радостному, торжественному тону стихотворенія Вахилида, оно написано послѣ пораженія персовъ при Саламинѣ. Можетъ быть, хоръ кеосцевъ исполнялъ этотъ пѣанъ на одномъ изъ праздниковъ въ честь Аполлона по случаю спасенія Эллады отъ варваровъ¹⁾. Прославленіе Оисея тѣсно связано съ прославленіемъ Аѳинъ, спасшихъ Грецію.

Непосредственно подъ вліяніемъ Вахилида явились картины на кратирѣ Парижской Національной бібліотеки и на келебѣ принцессы Триказз.

Миконъ (въ 469—465 гг.) пишетъ свою картину въ Оисіонѣ: онъ слѣдуетъ версіи миеа Вахилида, но, подъ вліяніемъ пластической традиціи, удерживаетъ кое-какіе элементы и староаттической версіи легенды. Еврипидъ въ „Оисеѣ“, вѣроятно, также контаминировалъ старую легенду съ новою версіей Вахилида, находясь подъ вліяніемъ Миконовой картины. Подъ вліяніемъ Миконовой картины и, можетъ быть, не безъ вліянія трагедіи Еврипида, явилась картина на кратирѣ Болонскаго музея. Это лучшее и наиболѣе полное пластическое изображеніе миеа по версіи Вахилида. Наоборотъ совѣмъ не касаются версіи Вахилида картины на киликѣ Евфронія и на вазѣ François (картины, которыя Кеніонъ считаетъ единственными двумя иллюстраціями къ разказу Вахилида).

Нашъ миеъ, весьма популярный въ V вѣкѣ до Р. Х., во II вѣкѣ по Р. Х. уже не былъ общезвѣстенъ.

Б. Фармаковский.

¹⁾ Любопытно, что пѣснь, прославляющая Оисея, пѣлась на праздникѣ Аполлона. Это былъ скорѣе всего Ἰσχυρὸν Δελφίνος, культъ котораго въ Аѳинахъ былъ тѣсно связанъ съ культомъ Оисея, какъ это видно изъ Павсанія (I, 19, 1) и Плутарха (Оисей, 18). Ср. *Hitsig-Blümner*, I, 1, 218.

„ЮНЫЯ ЖЕРТВЫ, ИЛИ ТЕСЕЙ“ ВАХИЛИДА.

Строфа I.

- Волны грудью синей разсѣкая,
Море критское трізра пробѣгала,
А на ней къ угрозамъ равнодушный
Плыль Тесей и свѣтлые краскою
5. Семь юницъ, семь юныхъ іонійцевъ...
И пока въ угоду Дѣвѣ браней
На сіявшій парусъ Бореады
Налегали дѣвы, Афродита,
Что таить соблазны въ діадемѣ,
10. Межь даровъ ужасныхъ жало выбравъ,
Въ сердце Міносу царю его вонзила.
И подъ игомъ страсти обезволенъ,
Царь рукой ланить лилейныхъ дѣвы.
Эрибен съ ласкою коснулся...
15. Но въ отвѣтъ къ потомку Пандіона
„Защити“ юница завопила...
Обернулся витязь и, сверкая,
Заметались темныя зѣнцы;
Жало скорби грудь ему пронзило
20. Подъ ея блистающимъ покровомъ,
И уста промолвили: „О, чадо
„Изъ боговъ сильнѣйшаго—Кронида:
„У тебя бушуютъ страсти въ сердцахъ,
„Да рулемъ не править совѣсть. видно,
25. „Что герой надъ слабыми глумится.

Антистрофа I.

- „Если жребій намъ метали боги,
 „И его къ Анду Правда клонить,
 „Отъ судьбы мы не уйдемъ. Но съ игомъ
 „Произвола царскаго помедли.
30. „Вспомни, царь, что если властелиномъ
 „Зачать ты на ложѣ Зевса дшерью
 „Финикса, столь дивно нареченной,
 „Тамъ, на склонахъ Иды, то рожденьемъ
 „И Өесей не жалокъ: Посейдону
35. „Дочь меня Питеева родила,
 „Чтò въ чертогѣ выросла богатомъ.
 „А на пирѣ брачномъ у невѣсты
 „Золотое было покрывало,
 „Неревдѣ подарокъ темнокосыхъ.
40. „Говорю-жъ тебѣ и повторяю,
 „О Кноссійскихъ ратей повелитель,
 „Или ты сейчасъ же бросишь, воинъ,
 „Надъ ребенкомъ плачущимъ глумиться,
 „Иль пускай немеркнушей денницы
45. „Мнѣ сиянья милаго не видѣть,
 „Если я сорвать тебѣ позволю
 „Хоть одну изъ этихъ нѣжныхъ вѣтокъ.
 „Силу рукъ моихъ извѣдай раньше,—
 „А чему потомъ случиться надо,
50. „Это, царь, безъ насъ разсудятъ боги“.

Эподъ I.

- Такъ доблестный витязь сказалъ и умолкъ;
 И замерли юныя жертвы
 Предъ этой отвагою дерзкой..
 Но Гелиевъ зять, въ разгнѣванномъ сердцѣ
55. Узоръ небывалый выводить,
 И такъ говорить онъ: „О, Зевсъ, о, отецъ
 „Могучій, коль точно женою
 „Рожденъ я тебѣ бѣлорукой,
 „Съ небесъ своихъ молнію сыну
60. „Пошли ты, и людямъ на диво
 „Пусть огненной сыплется гривой!

- „Ты-жъ, витязь, коль точно Эера
 „Тебя колебателью суши
 „Дала Посейдону въ Трезенѣ,
 65. „Вотъ эту златую красу,
 „Которой десница сіяла,
 „Отважно въ отцовскій чертогъ снизойдя,
 „Вернешь намъ изъ дальней пучины.
 „А внемлетъ-ли Кроній сыновней мольбѣ,
 70. „Царь молній, увидишь не медля“...

Строфа II.

- И внялъ горделивой молитвѣ Кронидъ
 И сыну безъ мѣры могучій
 И людямъ на диво почетъ онъ родить:
 Онъ мелней брызнулъ изъ тучи,—
 75. И славою полный воспрянулъ герой,
 Надменное сердце възгало,
 И мощную руку въ зениръ голубой
 Воздѣлъ онъ, а рѣчь зазвучала;
 Вѣщаль онъ: „Ты нынѣ узрѣлъ, о Эесеи,
 30. „Какъ взысканъ дарами отца я,
 „Спускайся же смѣло за долей своей
 „Къ властителю тяжко гремящихъ морей,
 „И славою Эесея бряцаю,
 „Заросшая лѣсомъ земля загудитъ;
 85. „Коль такъ ей отецъ твой державный велитъ“.
 Но ужасъ осилить Эесея не смогъ:
 Онъ на-борть, онъ въ море шагаетъ.—
 И съ лаской приѣмлетъ героя чертогъ,
 А въ Миносѣ мужество таетъ:
 90. Триэру велитъ онъ на веслахъ держать,—
 Тебѣ-ли, о смертный, судьбы избѣжать?

Антистрофа II.

- И снова по волнамъ помчалась ладья
 Покорна устамъ Бореады...
 Да въ страхѣ тѣснилась аеинянъ семья,
 95. Бросая печальные взгляды
 На пѣну, въ которой сокрылся герой;
 И въ волны съ сіяющихъ лилій

- Горячія слезы сбѣгали порой
 Въ предчувствіи тяжкихъ насилій...
 100. Ѳесея-жъ дельфины, питомцы морей,
 Въ чертогъ Посейдоновъ примчали,—
 Ступилъ за порогъ.—и отпрянулъ Ѳесей,
 Златаго Нерее узрѣвъ дочерей:
 Тѣла ихъ, какъ пламя сіяли...
 105. И локоны въ пляскѣ у дѣвъ развились,
 Съ нихъ ленты златыя каскадомъ лились...
 И, мѣрнымъ движеньемъ чаруя сердца,
 Сребрились ихъ гибкія ноги.
 Но гордыя очи супруга отца
 110. Героя плѣнили въ чертогъ...
 И Герѣ подобаясь, царица межъ дѣвъ
 Почтила Ѳесея, въ порфиру одѣвъ.

Эподъ II.

- И кудри герою опуталь вѣнецъ,..
 Его темнорозовой гущей
 115. Когда то для брачнаго шира
 Ей косы самой вѣнчала Киприда,
 Чаруя, златыя увила...
 И чудо свершилось... для бога оно—
 Желанье, для смертнаго чудо:
 120. У острой груди корабельной,—
 На горе и думы Кносійцу,—
 Ѳесей невредимъ появился...
 И дивно дарами сіялъ онъ...
 А дѣвы, что краше денницы,
 125. Восторгомъ объаты нежданнмъ,
 Веселые клики подъяли,
 А море гудѣло, пзанъ
 Товарищей ихъ повторяя,
 Что лвлся свободно изъ усть молодыхъ...
 130. Тебѣ, о Делосецъ блаженный,
 Да будешь ты спутникомъ добрыхъ.
 О, царь хороводовъ родимыхъ.

И. Анненскій.

КЪ ВАКХИЛИДУ ¹⁾.

Vacchylid. V 6 sqq. Прося о благосклонномъ вниманіи къ своей пѣснѣ, поэтъ, если вѣрить англійскому издателю, говорить Герону:

φρένα δ' εὐθούδιx[ο]ν
ἀτρέμ' ἀμπαύσας μεριμᾶν,
δεῦρ' ἄθρησον <σὺν> νόφ.

Но дополненіе εὐθούδιx[ο]ν было бы такъ же возможно, а существительному μεριμᾶν эпитетъ, какъ кажется, нужнѣе, чѣмъ существительному φρένα: μέριμναι могутъ быть разныя, могутъ быть κοοφώταται μέριμναι (I 40 sq.), которыя не приносятъ чести тому, ὅτινα θυμὸν δονέουσι. Говоря о заботахъ правителя, поэтъ, по требованію литературнаго этикета, скорѣе всего долженъ былъ характеризовать ихъ какъ заботы о справедливости и правосудіи: этой цѣли вполне пригодно служить выраженіе εὐθούδιxων ²⁾ μεριμᾶν.

Vacchylid. XVIII 31 sq. Послѣ того, какъ Эгей разказалъ что слышалъ отъ вѣстника о подвигахъ необыкновеннаго богатыря, приближающагося къ Атикѣ, безымянный собесѣдникъ спрашиваетъ царя:

¹⁾ The poems of Bacchylides from a papyrus in the British Museum, edited by F. G. Kenyon. 1897.

²⁾ О правописаніи перваго слога можно быть, конечно, различнаго мнѣнія. εὐθούче Вакхилидовскій папирусъ даетъ XII 2. Въ пользу ореографіи εὐθούδιxων говорятъ *Vacchyl.* XV 54 Δίxων ἰθείων, извѣстныя эпическія параллели этого послѣдняго выраженія и *Vacchyl.* X 51 ἰθούσας. Ср. *Nauck Mél. gr.-rom.* V 171 sqq.

τίνα δ' ἔμμεν πόθεν ἄνδρα τοῦτον
 λάγει; τίνα τε στολὰν ἔχοντα;
 πότερα σὺν πολεμηῖοις ὀ-
 πλοῖσι στρατιῶν ἄγοντι πολλὰν,
 35 ἢ μόνον* τ' ἄνοπλόν τε νιν*
 στείχειν, ἔμπορον οἱ' ἀλάταν,
 ἐπ' ἄλλοδαμίαν.

Такой видъ имѣеть эта часть вопросительной рѣчи въ изданіи Кеніона. Но 35 стихъ на папирусѣ читается такъ:

ΗΜΟΥΝΟΝΣΥΝΟΠΛΟΙΣΙΝ.

Поправка Кеніона удовлетворяетъ, безъ сомнѣнія, требованіямъ и размѣра, и смысла. Мѣстоименіе *νιν* можетъ, правда, показаться излишнимъ ¹⁾, но—признаемся — будь оно прочитано въ рукописи, намъ не пришло бы въ голову сомнѣваться въ его подлинности. Позволительно однако попытаться найти другую поправку, при которой легче бы объяснялось поврежденіе. Невозможное и въ метрическомъ, и въ стилистическомъ отношеніи *ΣΥΝΟΠΛΟΙΣΙΝ* очень похоже на *σὺν ὀπάσειν*. Возстановивъ это чтеніе ²⁾, мы возстановимъ размѣръ; чтобы возстановить смыслъ, придется, какъ кажется, придать цѣлому стиху такой видъ:

ἢ μούνοισι σὺν ὀπάσειν ³⁾.

Если не ошибаемся, многочисленному вооруженному войску пра-

¹⁾ Поправку Артура Людвика ἢ μούνον συνόπλοιο νιν мы не рѣшаемся принять не только изъ-за этого излишества, но—еще болѣе—изъ-за синтактической изысканности, которая, насколько можемъ судить, мало подходит къ характеру Вакхилидовскаго изложенія.

²⁾ Буквы α и λ при тѣхъ начертаніяхъ, какія употребляются для нихъ на Вакхилидовскомъ папирусѣ, иногда довольно мало разнятся другъ отъ друга: на-примѣръ, въ словѣ πολλὰν въ 34 стихѣ этого стихотворенія буква α почти не отличается отъ λ. А въ стихѣ 35-мъ, разъ альфа была принята за ламбду, переписчикъ, только что копировавшій слова σὺν πολεμηῖοις ὀπλοῖσι, долженъ былъ—можно сказать, неизбежно—превратить сочетаніе буквъ ΣΥΝΟΠΛΟΙΣΙΝ въ ΣΥΝΟΠΛΟΙΣΙΝ.

³⁾ ΜΟΥΝΟΙΣ предъ словомъ σὺν легко могло исказиться въ ΜΟΥΝΟΙ, а неудачная попытка исправить это незначительное поврежденіе могла привести къ болѣе сильному искаженію: ΜΟΥΝΟΝ. Что Вакхилидъ не могъ сказать μόνον или μούνοισι, а долженъ былъ сказать μόνον или μούνοισι, этого пока доказать нельзя.

вильно могли быть противопоставлены ὀπάωνες, то-есть такой кортежъ, безъ котораго ни одинъ знатный и богатый человекъ не пускался въ путешествія. Какъ Діонисъ не могъ путешествовать безъ Ксанеія, такъ, по всей вѣроятности, часто и странствующаго купца сопровождали одинъ или нѣсколько слугъ, носившихъ на себѣ его багажъ и его товары ¹⁾. Но—возразить намъ нашъ читатель—вѣдь встрѣчались же въ Греціи времямъ Вакхилида и совершенно одинокіе путешественники, а поэтому не естественнѣ ли былъ со стороны собесѣдника царя Эгея такой двойной вопросъ, какой получается при поправкѣ Кеніона?

Естественнѣ — можетъ быть; но естественность не всегда въ одной и той же мѣрѣ была обязательна для поэтического искусства. Послушаемъ, какъ отвѣчаетъ на вопросъ въ ст. 46 сл. самъ Эгей:

δύο οἱ φῶτε μόνους ὀμαρτεῖν
λέγεις.

¹⁾ Уже въ гимнѣ къ Деметрѣ ст. 440 (441) слово ὀπάων сопоставляется со словомъ πρόπολος „прислужница“, какъ однородное съ однороднымъ. Въ трагедіи ὀπάωνες обыкновенно обозначаетъ дворцовую челядь, въ томъ числѣ иногда, конечно, и вооруженный царскій конвой. δουρφόρος ὀπάωνες приказываетъ Эгисеу привести Клитеместра *Aesch. Choeph.* 769. Такъ же нужно понимать это слово *Soph.* OC. 1103 αἶδε γὰρ χερὲς Θησέως ἔφασαν φίλάτων τ' ὀπαίωνων. Тутъ ὀπαίωνες обозначаетъ не все аттическое ополченіе, участвовавшее въ освобожденіи дочерей Эдипа, а ту свиту, съ которой равнѣе (897) являлся Тесею и тутъ возвращается; αἶδε можетъ относиться не только къ нему самому, а и къ этимъ его спутникамъ, которые и послѣ (1553. 1589. 1645 sqq. 1667) отъ него не отлучаются. Въ ст. 1103 они называются φίλατοι и 1496 φίλοι, по видному, по отношенію къ Тесею, но ихъ же и хоръ Колонцевъ можетъ называть въ ст. 1667 φίλοι по отношенію къ самому себѣ. Вмѣстѣ съ названіемъ ὀπάωνες имъ усвоится и названіе πρόπολοι: Эдипъ въ ст. 1553, обращаясь къ Тесею, называетъ ихъ πρόπολοι σοί, и тѣмъ же словомъ называетъ ихъ Тесею въ ст. 897. *Aesch. Suppl.* 492 ὀπάωνες—люди изъ свиты царя Аргоса, а въ той же трагедіи ст. 954 по самому вѣроятному чтенію и толкованію φίλοι ὀπάωνες—служанки Данаидъ, то же что 977 φίλοι δμῶιδες. Фригійскіе рабы Еврипидовской Елены, парфюмеры и парикмахеры (Or. 1112), называются то ἀμφίπολοι (1417), то πρόπολοι (1380), то ὀπαοί (1126), то ὀπάωνες (1110). Во времена Вакхилида въ его родномъ діалектѣ слово ὀπάων—или, скорѣе, въ ионической формѣ ὀπέων—было, по всей вѣроятности, еще живымъ словомъ, употребительнымъ и въ обыденной, но поэтической рѣчи. Оно является въ ионической прозѣ V вѣка, какъ у Геродота, такъ и у Фереклида генеалога: послѣдній употребилъ это слово, говоря (fr. 33) о слугахъ Вусириса, которыхъ убилъ Гераклъ.

Оказывается, что неизвѣстный герой, въ которомъ слушатель Вакхилидовъ давно угадалъ Тесея, не имѣетъ при себѣ войска, но и не одинокъ, а, дѣйствительно, *μόνος οὐν ὀκείσιν σταίχει*. Съ тою наивностью древняго искусства, которую такъ часто приходится наблюдать въ стихоміеіяхъ трагиковъ, и здѣсь вопросъ напередъ прилаженъ, приспособленъ къ отвѣту.

Vacchylid. fr. 62 Ken. Въ одномъ изъ тѣхъ прежде извѣстныхъ фрагментовъ Вакхилида, которые на папирусѣ не найдены, именно въ томъ, который у Бергка отмѣченъ номеромъ 36, а у Кеніона—62, издатели печатаютъ:

θνατοῖσι δ' οὐκ αὐθαίρατοι
οὐτ' ὄλβος οὐτ' ἄχαμπτος "Αρης οὔτε πάμφθεραῖς στάσις.

Я не вижу, какими аналогіями можно было бы оправдать образованіе такого эпитета, какъ *πάμφθεραῖς*. Насколько мы знаемъ, никогда не существовало чего либо подобнаго словамъ *πάγχερος* *πάμμιξ* *πάμπησις* *πάμφθις* *πανάλωσις* *πάνοψις* *πάρρησις*. Поэтому очень трудно вѣрить, что древній поэтъ могъ сочинить слово *πάμφθεραῖς*, которое ни для размѣра, ни для смысла не представляетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ правильно образованнымъ прилагательнымъ *πάμφθατος*. Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется намъ предположеніе, что Вакхилидъ употребилъ здѣсь эпитетъ *πανθαρός*, но только не въ этой самой формѣ, а въ формѣ, если угодно, „гиперэолической“—*πανθεραῖς*¹⁾).

Къ чтенію, нами предположенному, довольно близко подходит то, которое дается парижскою рукописью Стовея, сохранившаго этотъ отрывокъ: *πάνφεραῖς*. Что эпитетъ со значеніемъ „полный дерзости“

¹⁾ Форма *πανθεραῖς* была бы такимъ же дублетомъ для формы *πανθαρός*, какъ *εὐτρεφής* для *εὐτραφής*, (*πλο*)*βενθής* для (*μελαμ*)*βαθής*. Въ собственныхъ именахъ корень *θερσ* съ этимъ качествомъ гласнаго являлся и у іонанъ; встрѣчались у нихъ, по видимому, имена и такого устройства, какъ ессалійское *Δαμοθέραῖς*. См. *O. Hoffmann Die Griech. Dialekte. Bd. 3. стр. 245.* У Вакхилида неоднократно встрѣчаемъ *θίρρος* *θράσος* и т. п. Но XIII 166 сл. Кеніонъ читаетъ *θερσ[α]πής* [*φ*]θόνος. Такое образованіе прилагательнаго также довольно трудно было бы подгадывать аналогіями изъ древнихъ періодовъ греческаго языка. Но, насколько мы можемъ судить по факсимиле, ди начертаній, сохранившихся на папирусѣ, возможно было бы дополненіе *θερα[α]πής*, въ которомъ мы опять имѣли бы „гиперэолизмъ“, а типъ сложенія былъ бы тотъ же, что въ *θερασιμήδης* и т. п.

годится для понятія „междоусобіе“—это и само по себѣ очевидно, и подтверждается такими примѣрами, какъ *Aesch. Eum.* 861 sqq.:

μήτ' ἐκζέουσ' ὡς καρδίαν ἀλεκτόρων
 ἐν τοῖς ἐμοῖς ἀστοῖσιν ἰδρύσης Ἄρη
 ἐμφύλιόν τε καὶ πρὸς ἀλλήλους θρασούν.

III. НИКИТТИСЪ.

* *
 *

Ваххилидъ XVII 71 слл. въ изданіи Кеніона читаются такъ:

ὁ δὲ θυμάρμενον
 ἰδὼν τέρας χεῖρε πέτασε
 κλυτὰν ἐς αἰθέρα μενεπτόλεμος,
 εἰρὴν τε Ἰθησῶ, (σὺ) τάδε
 75. μὲν βλέπεις σαφῆ Διὸς
 δῶρα· σὺ δ' ὄρνυ' ἐς βα-
 ρύβρομον πέλαγος κτλ.

Въ ст. 72 издатель „на метрическихъ основаніяхъ“ напечаталъ χεῖρε πέτασε, тогда какъ въ рукописи, по его свидѣтельству, читается ΧΕΙΡΑΣ ΠΕΤΑΣΣΕ. Судя по снимку, въ папирусѣ написано, быть можетъ, ΧΕΙΡΑΣ ΠΕΤΑΣΣΕ, но, конечно, съ очевидцемъ можетъ спорить только очевидецъ. Зато поправка Кеніона навѣрное неудачна: 1) κλυτὰν не годится въ эпитеты къ αἰθέρα (ст. 73), 2) и въ древности по такому поводу, надо думать, простирали одну руку, а не обѣ руки. Другими словами, должно быть: χεῖρα πέτασε | κλυτὰν. Ср. Pind. Pyth. IX 36: ὁσία κλυτὰν χεῖρα φοι προσνεγχεῖν.

V. J.

ДВА ЭПИКИЯ ПИНДАРА.

Олимпійскій П эпикій въ честь Фирона Акрагантскаго, побѣдившаго въ состязаніи на колесницахъ.

Пѣсни, ведущія лиру, какого бога, какого героя, какого (смертнаго) мужа станемъ мы воспѣвать? Зевсово достояніе—Пиза; Олимпійскія игры установилъ Иракль, какъ завершеніе побѣды; Фирона же подобаеъ пѣть за его побѣдоносную колесницу, его, справедливаго покровителя чужестранцевъ, опоры Акраганта, цвѣтущей отпрыскъ предковъ славныхъ именемъ, его, къ благу ведущаго свой городъ!

Много предки эти пострадали сердцемъ и основались на берегу священной рѣки, стали окомъ Сициліи, но за ними по слѣдамъ шель неизбѣжный рокъ, увлекавшій ихъ къ благу и побѣдѣ за ихъ истинныя доблести, и счастье стало ихъ удѣломъ. Но ты, о сынъ Крона и Реи, царящій на высяхъ Олимпа и надъ потокомъ Алфея, дарующій высшія побѣды, преклонясь на мои пѣсни, благосклонно и впредь сохрани имъ родную землю для грядущаго рода!

То, что совершенно—праведно ли, или неправедно,—того несовершенство не сдѣлать и время, отецъ всего, но при благополучіи забвеніе (пережитыхъ несчастій) можетъ наступить. Подъ вліяніемъ радостей умираетъ горе, укрощенное въ своей злобѣ, когда судьба посылаетъ его во слѣдъ за блаженствомъ.

Эта мысль пріятна и къ царственнымъ дочерямъ Кадма, которыя испытали великія горести, но тяжелое горе пало, сраженное еще большимъ благомъ: живетъ среди Олимпійцевъ умершая въ громъ и молніи Семела съ роскошными волосами. Навѣки возлюбили ее и Паллада, и отецъ Зевсъ; горячо любить ее и увѣнчанный плочемъ сынъ.

Говорятъ, что и въ морѣ, среди морскихъ царевнъ, дочерей Нирея, безсмертная жизнь досталась въ удѣлъ Ино на все грядущее время. Да, для смертныхъ неопредѣленъ день кончины; неизвѣстно даже и то, когда мы въ добромъ покоѣ окончимъ день, чадо солнца. Потокъ, одинъ смѣняясь другимъ, ведутъ насъ то къ радостямъ, то къ горю.

Такъ и судьба, искони управляющая ихъ счастливымъ удѣломъ, наряду съ благоденствіемъ въ иное время приводитъ и къ снова возвращающемуся горю. Съ тѣхъ поръ злополучный сынъ, въ случайной встрѣчѣ на дорогѣ убивъ Лая, этимъ исполнилъ издревле изреченное въ Пивейскомъ храмѣ пророчество.

Увидѣвъ это, зоркая Эринія въ междоусобной брани истребила его воинственное потомство; послѣ поверженнаго Полиника остался Церсандръ, почитаемый среди (дотогѣ) небывалыхъ состязаній, на поляхъ брани въ битвахъ, отпрыскъ и опора дома Адраста, и мы въ пѣсняхъ при звукахъ лиръ прославляемъ потомка Энисидама, отъ этого сѣмени ведущаго свой родъ.

Самъ онъ стяжалъ награду въ Олимпіи, а въ Пивонѣ и на Исѣмѣ благосклонныя Хариты возложили вѣнецъ, за двѣнадцатикратный бѣгъ колесницы, на брата его, ему равнаго счастьемъ. Пытаться и успѣть— вотъ то, что снимаетъ съ насъ уныніе. Конечно, богатство въ красотѣ доблестей открываетъ доступъ ко многому, внушая глубокое и живое усердіе.

Богатство ярко блестящая звѣзда, истинный свѣтъ мужу,—если кто имъ владѣетъ и знаетъ грядущее, знаетъ, что грѣшныя души умершихъ здѣсь въ послѣдствіи тернятъ наказанія, знаетъ, что грѣхи этого Зевсова царства подъ землею судить нѣкто, провознося свой приговоръ съ суровою неумолимостью.

Тамъ, какъ ночью, такъ и днемъ у праведныхъ вѣчное солнце; они приѣмлютъ безмятежную жизнь, не тревожа силою своихъ рукъ ни земли, ни морской влаги для убогаго пропитанія; но у чтимыхъ боговъ тѣ, которые честно блюли свой долгъ, бесслезно проводятъ вѣкъ; тѣ же (другіе) несутъ наказаніе, ужасъ котораго нестерпимъ.

Наконецъ тѣ, кто до трехъ разъ могли совершенно удержать свою душу отъ беззаконія, проживъ и тамъ, и здѣсь, восходятъ по Зевсову пути къ чертогамъ Крона. Тамъ островъ блаженныхъ лелѣютъ дуновенія океана; тамъ горятъ золотыя цвѣты—одни на землѣ на блестящихъ деревьяхъ, другихъ же питаетъ вода.

Гирляндами и вѣнками блаженные обвиваютъ себѣ руки, по праведному рѣшенію Радаманеа, усерднаго помощника великаго отца, супруга Реи, возсѣдающей на высочайшемъ изъ всѣхъ тронѣ. Въ числѣ блаженныхъ находятся и Пелей, и Кадмъ.

Туда же мать, мольбами склонивъ сердце Зевса, перенесла Ахилла, который сразилъ Гектора, непоколебимый, неустрашимый столпъ Трои; онъ же предалъ смерти Кикна и Эвѳіона, сына Эосъ. Много у меня за плечами быстрыхъ стрѣлъ внутри моего кочана, звучащихъ для понимающихъ, но для толпы нужны толкователи. Мудръ тотъ, кого природа одарила многими знаніями. Бойкіе же на языкъ, какъ вороны, зря каркаютъ противъ божественной птицы Зевса.

Теперь же, мой духъ, направь свой лукъ къ цѣли. Кого же поражаемъ теперь, пуская наши славныя стрѣлы отъ кроткаго на сей разъ сердца? Направивъ лукъ къ Акраганту, я возвѣщу правдивое слово отъ искренняго сердца: ни одинъ городъ въ теченіе ста лѣтъ не породилъ мужа, болѣе готоваго къ добру для друзей, съ болѣе щедрою рукою, чѣмъ Фиронъ.

Но противъ хвалы выступаетъ наглость, несогласная съ справедливостью, исходящая отъ безумныхъ людей, стремящаяся клеветою затмить прекрасныя дѣла благородныхъ. Песокъ нельзя сосчитать, такъ и Фиронъ, — сколько радостей доставилъ другимъ, кто же ихъ всѣхъ перескажетъ?

Олимпійскій XIV эпипикій Асопиху Орхоменцу, побѣдителю на бѣгѣ мальчиковъ.

Вы, получившія въ удѣлъ Кефисійскія воды, вы, живущія въ славной конями землѣ, славныя въ пѣсняхъ Хариты, царицы блестящаго Орхомена, покровительницы древнихъ родомъ Минійцевъ, внимайте: я къ вамъ взываю! Лишь съ вами люди наслаждаются всѣмъ радостнымъ и чарующимъ: отъ васъ для человѣка и мудрость, и красота, и блескъ! Сами боги безъ чистыхъ Харитъ не устраиваютъ ни хороводовъ, ни пиршествъ. Но вы, устрояющія всякія дѣла на небѣ, поставившія сѣдалища близъ златолукаго Аполлона Пивѳійскаго, всегда воздаете почетъ отцу Олимпійцу.

О священная Аглая и ты, любящая пѣснь Евфросина, вы, дочери могущественнѣйшаго изъ боговъ, внимайте нынѣ, и ты, Талія, страстная къ звукамъ и къ пляскѣ, видя легкіе шаги этого шествія въ честь благой судьбы. Я пришелъ, воспѣвая пѣснями на

Лидійскій ладъ Асопиха (т. е. тебя, о Асопихъ!), такъ какъ благодаря тебѣ Минійская страна вѣнчалась побѣдою въ Олимпіи. Снизойди же, Эхо, въ черные чертоги Персефоны, неся отцу громкую вѣсть и, увидавъ Клеодама, скажи ему про сына, что въ знаменитой равнинѣ Пизы онъ увѣнчалъ свои кудри крылами славной побѣды!

Вал. Майковъ.

ПОСМЕРТНАЯ „ИФИГЕНИЯ“ ЕВРИПИДА¹⁾.

I.

Посмертная „Ифигения“ Еврипида дошла до насъ подъ заглавіемъ „Ифигенія Авлидской“²⁾, хотя едва-ли самъ поэтъ опредѣлялъ точнѣе въ заглавіяхъ своихъ Ифигеній, Ипполитовъ и Алкмеоновъ. Эта пьеса создала вокругъ себя цѣлую литературу, и можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ античной трагедіи, о происхожденіи и эстетическихъ достоинствахъ которой возникало бы въ нашъ вѣкъ больше споровъ и разнорѣчій. Напомню для первой половины столѣтія имена: Porson³⁾ (1797 и 1802), Boeckh (1808), Gottfr. Hermann (1819, 1831), L. Dindorf (1825), Gruppe (1834), Lindemann (1836), Bartsch (1837), Kieffer (*Darlegung des Gedankenzusammenhangs in der Aulischen Iph.* 1837. Nürnberg.) Greverus (*Eurip. Iph. in Aul. besond. in ästhet. Hinsicht, 1 Hälfte.* 1837. Oldenburg), Zirndorfer (1838), W. Dindorf (1839); Firnhaber (1841), Vater (*Mosquae*, 1845), Monkius (*Captabrig. a.* 1840) и Fix (*Paris.* 1844). Послѣ 50-го года надъ той-же трагедіей работали Paley (*London* 1857, 1860), R. Klotz (1860), Vitzius (*De Iph. Aul. auctore et factis. Torgau. Pars I a.* 1862; *pars II a.* 1863), Herm. Hennig (*De Iphigeniae Aulidensis forma et conditione. Berolini. a.* 1870); Henri Weil (*Sept tragédies d' Euripide. Paris* 1869, 1879; *ed min.* 1895); Wecklein (1878), Jacobssohn (*De fabu-*

¹⁾ *Послѣсловіе* къ переводу „Ифигенія—жертвы“. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Сходясть въ примѣчаніи къ 67 ст. Аристофановыхъ „Лягушекъ“ называется ее „Авлидскою“, ссылаясь при этомъ на дидаскаліи. Странно, что при этомъ, однако, Алкмеонъ не названъ „Коринскимъ“.

³⁾ Болѣе точныя указанія въ книгѣ Firnhaber'a: *Euripides Iphig. in Aulis.* 1841.

lis ad Iph. pertinent. 1888); Gidel (Paris 1885), Stievenart (Paris. 1890), A. Swoboda (Beiträge z. Beurtheil. des unechten Schlusses v. Eur. Iphig. in Aulis. Karlsbad. 1893, 1894).

Если „Вакханки“. появившіяся на афинской сценѣ одновременно съ „Ифигеніей“, были и остаются для читателей загадкой, вслѣдствіи нѣкоторой двойственности воззрѣній, лежащихъ въ основѣ трагедіи. то „Ифигенія“ издавна останавливала на себѣ вниманіе исследователей двумя особенностями: во-первыхъ, необычнымъ началомъ, гдѣ прологъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова (v. 49 sqq.) вставленъ въ первую сцену, написанную анапестами, и во-вторыхъ, подозрительнымъ исходомъ, вѣроятно подновленнымъ по языку.

Въ общемъ текстъ „Ифигенія“ сильно потерпѣлъ отъ времени ¹⁾. но насколько Еврипидъ младшій наложилъ на него свой отпечатокъ, этотъ вопросъ остается открытымъ. Особеннымъ нападкамъ подвергался исходъ трагедіи (1532 — 1629 vv.) Еще Rich. Porson ²⁾ заподозрилъ его подлинность. Въ настоящее же время можно отмѣтить въ литературѣ три точки зрѣнія на этотъ вопросъ: *консервативную*, *отрицательную* и *умѣренную*. Представителемъ первой является Henri Weil, который считаетъ, что, помимо обычныхъ вставокъ, опущеній и измѣненій текста, „Ифигенія“ читается нами и теперь въ томъ видѣ, въ которомъ ее читали Аристотель, Энній и вообще древніе ³⁾.

Отрицательную представляетъ A. Swoboda, который въ двухъ своихъ Карлсбадскихъ программахъ (1893, 1894) очень убѣдительно доказываетъ, что весь эпилогъ долженъ быть отнесенъ къ эпохѣ *византийской*. Наконецъ, посредствующую точку зрѣнію отстаиваетъ Hennig ⁴⁾, который, главнымъ образомъ на основаніи метрическихъ соображеній, допускаетъ *сравнительную* древность для первой части исхода (a v. 1568) ⁵⁾. Кромѣ ритмическихъ несовершенствъ и подбора словъ, возводящихъ читателя къ эпохѣ позднѣйшей, подлинность исхода заподозривается еще на основаніи одной цитаты у Эліана ⁶⁾:

¹⁾ Cf. Firnhaber l. l. p. XI; H. Weil; l. l.³ p. 314.

²⁾ Suppl. ad praef. Hec. a. 1802 pp. XXI, XXII, XXVIII etc. cf. Hennig l. l. p. 172 sq.

³⁾ l. l. 314.

⁴⁾ l. l. p. 173 sqq.

⁵⁾ Cp. Wecklein. Zeitschr. f. öst. Gymn. 1878, s. 729; Sittl. Litteraturgesch. III, S. 345.

⁶⁾ N. A. VII, 39.

ЭТОТЪ ПИСАТЕЛЬ ПРИВОДИТЬ ДВА СЪ ПОЛОВИНОЮ СТИХА И ГОВОРИТЬ ПРИ ЭТОМЪ, ЧТО ОНИ ВЪЯТЫ ИЗЪ ИФИГЕНИИ ЕВРИПИДА:

ἔλαφον ἔ' Ἀχαιῶν χερσὶν ἐνθήσω φίλαις
 χερούσασιν ἢν σφάζοντες αὐχῆσοῦσι σὴν
 σφάζειν θυγατέρα.

ТАКЪ КАКЪ ЭТИХЪ ТРИМЕТРОВЪ ВЪ НАШЕМЪ ТЕКСТѢ „ИФИГЕНИИ АВЛИДСКОЙ“ НѢТЬ, И ТАКЪ КАКЪ, ПО СОДЕРЖАНІЮ, ОНИ НЕ МОГУТЪ ОТНОСИТЬСЯ КЪ ИФИГЕНИИ ВЪ ТАВРИДѢ, ТО НАДО ПРЕДПОЛОЖИТЬ ОДНО ИЗЪ ДВУХЪ: 1) или въ текстѣ нашемъ не достаесть сцены (въ которой ихъ должна произносить Артемиды) 2) или память измѣнила Эліану, и онъ приписалъ Еврипиду трагедію, написанную на тотъ же сюжетъ другимъ драматургомъ. Въ прологѣ къ „ИФИГЕНИИ АВЛИДСКОЙ“ ЭТИХЪ ДВУХЪ СЪ ПОЛОВИНОЮ СТИХОВЪ НЕ БЫЛО: ЭТО ЯСНО ИЗЪ ТОГО, ЧТО АРИСТОТЕЛЬ ЦИТУЕТЪ ИЗЪ НЕГО ОДНУ СТРОКУ ¹⁾). ЗНАЧИТЬ ПРОЛОГЪ, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ВЪ ТОМЪ ВИДѢ, ВЪ КАКОМЪ МЫ ИМѢЕМЪ ЕГО ТЕПЕРЬ, СУЩЕСТВОВАЛЪ ВЪ IV ВѢКѢ ДО Р. Х. Слѣдовательно, если богиня являлась въ „Авлидской Ифигеніи“ Еврипида, то она являлась только въ исходѣ.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ ЕВРИПИДА, Johannes Minckwitz, исходя изъ этого послѣдняго соображенія, и не желая при этомъ жертвовать традиціоннымъ заключеніемъ „Ифигеніи“, передъ послѣднею сценой вставлялъ въ свой переводъ вольную композицію, въ которой 2½ стиха принадлежать Эліановскому Еврипиду.

МЫ НЕ РѢШИЛИСЬ ПОСЛѢДОВАТЬ ПО ЭТОМУ ПУТИ ЗА НАШИМЪ СМѢЛЫМЪ СОБРАТОМЪ И ПРЕДПОЧЛИ ИДТИ ПО СЛѢДАМЪ КЛАССИЧЕСКАГО ИЗДАТЕЛЯ „СЕМИ ЕВРИПИДОВСКИХЪ ТРАГЕДІЙ“ (I. I. p. 313 s.): ПОЧЕМУ ВЪ САМОМЪ ДѢЛѢ НЕ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ЭЛІАНУ ИЗМѢНИЛА ПАМЯТЬ И ПРИТОМЪ НЕ ВЪ САМОМЪ ТЕКСТѢ ЦИТАТЫ, А ВЪ ЕЯ ОПРЕДѢЛЕНІИ?

ПЕРЕВОДА „ИФИГЕНИЮ“, Я ПОЛЬЗОВАЛСЯ ТЕКСТОМЪ ИЗДАНИЙ: Диндорфа, Наука ²⁾, Клотца (Vol. III, sect. III, Gothae et Erfordiae a. 1860) и Вейля, но, кромѣ того, имѣлъ подъ рукою Гартунга (1852) съ его нерѣдко тонкими и остроумными догадками, Kirchhoff'a (1867) и Hennig'a (1870). Изъ переводчиковъ мнѣ давали полезныя указанія: Доннеръ (1845) Гартунгъ (1852), Минквицъ и Брухъ, а также Hin-
 stin (прозаяч.).

¹⁾ Rhet., III, 11.

²⁾ I. I. pp. 311, 325.

Но при передачѣ и воспроизведеніи поэтическихъ впечатлѣній текста, я не могъ, конечно, быть вполне свободнымъ и отъ субъективныхъ критеріевъ, которые устанавливаются поэтическимъ чувствомъ.

Такъ, исходъ представляется мнѣ вполне гармонирующимъ съ самою трагедіей, и я не считалъ нужнымъ ни дополнять его, въ угоду Эліану, ни вовсе его отбрасывать, обрывая трагедію на уходѣ Ифигеніи (Гартунгъ) или замыкая ее на этомъ уходѣ (Брухъ).

Въ нижеслѣдующей главѣ я постараюсь выяснитъ на анализѣ пьесы тѣ субъективныя эстетическія основанія, которыя заставили меня перевести текстъ до послѣдней традиціонной строки. Теперь же добавлю, что въ пародѣ я ограничился первою строфическою триадой. При этомъ мною руководили не столько соображенія о позднѣйшемъ происхожденіи этого каталога въ лирической формѣ, который кажется сомнительнымъ даже Вейлю, не смотря на весь его консерватизмъ²⁾, сколько соображенія субъективно-эстетическія: я не могъ почувствовать ни художественной связи трехъ послѣднихъ строфическихъ паръ съ предшествующею частью парода, ни поэтической ихъ цѣли или идеи. Въ подобномъ же положеніи находился Минквицъ, но онъ былъ счастливѣе меня, такъ какъ могъ вмѣсто этихъ паръ перепечатать нѣсколько десятковъ звучныхъ и рифмованныхъ стиховъ Шиллера.

II.

Если утреннее солнце освѣщаетъ начало „Иполита“, „Иона“ и „Финикіянокъ“, то „Ифигенія—жертва“¹⁾, подобно „Электрѣ“ и (вѣроятно) „Гекубѣ“, начинается позднею ночью, передъ разсвѣтомъ, въ то тревожно-мечтательное время, музыку котораго такъ превосходно далъ почувствовать читателямъ авторъ „Реса“. Это предразсвѣтное начало создавало настроеніе зрителей „Электры“ и „Ифигеніи“.

Агамемнонъ пережилъ тревожную ночь, одинъ на одинъ, за ширмомъ къ женѣ. Онъ выходитъ изъ палатки измученнымъ и точно прячется отъ своихъ сомнѣній и воспоминаній. На зовъ его приходитъ старый рабъ. Старикъ выбранъ не случайно: во-первыхъ, дѣло требуетъ не столько молодыхъ ногъ, сколько опытности, такта; во-вторыхъ онъ преданъ Клитемнестрѣ и ея дѣтямъ, такъ какъ попалъ въ Ми-

¹⁾ Такъ позволялъ я себѣ назвать эту пьесу Еврипида, для отличія отъ „Ифигеніи—жрицы“.

кены съ приданнымъ невѣсты, на что самъ указываетъ царицѣ (въ сценѣ третьяго дѣйствія). Какъ ни дороги Атриду послѣднія минуты ночи, но разговоръ о дѣлѣ начинается не сразу: изъ душевной палатки царь вышелъ подъ вольный небесный шатеръ, и поэтъ превосходно подмѣтилъ у него при этомъ неизбежный перебой настроенія: отъ неотвязныхъ думъ о себѣ, отъ душевнаго анализа и тревожныхъ недоумѣній—Агамемнонъ незамѣтно для себя переходитъ къ созерцанію: въ первыя минуты, подъ чарующимъ вліяніемъ тишины, простора и этого спокойнаго звѣзднаго неба, онъ долженъ поневолѣ изъ психолога стать метафизикомъ—первое слово его о звѣздахъ, а не о томъ порученіи, которое онъ намѣревается дать рабу. Между тѣмъ онъ вовсе не думаетъ объ искусномъ подходѣ къ щекотливому разговору—это дѣлается само собою, и мы лишній разъ чувствуемъ въ Еврипидѣ несравненнаго мастера и любителя художественныхъ контрастовъ между объективнымъ и субъективнымъ моментомъ изображенія.

Агамемнонъ ничего не таятъ отъ раба, и въ этомъ сразу-же обнаруживается передъ нами истинно царственное величіе его души: искренность признанія своихъ ошибокъ, колебаній, даже обмановъ и тяжкаго положенія дѣлъ передъ рабомъ, да еще такимъ, который никогда не былъ къ нему особенно расположенъ, и гордится тѣмъ, что онъ „Тиндаровъ“, указываетъ намъ вовсе не на безвыходность состоянія, а только на высокую душу, которой страшень и ненавистень самый порокъ, а не людское осужденіе этого порока.

Но вотъ въ драмѣ происходитъ первая *перипетія*. Менелай перехватываетъ письмо: между братьями возникаетъ объясненіе и затѣмъ разрывъ. Упреки Менелая слишкомъ пристрастны, чтобы по нимъ мы стали дополнять характеристику Агамемнона, но они превосходно иллюстрируютъ намъ трудное положеніе гегемона среди интригъ и завистниковъ. Такъ какъ письмо въ Аргосъ перехвачено, то Агамемнону остается только оставить гегемонію и уйти изъ Авлиды: объ этомъ онъ и заявляетъ брату, но, очевидно, не отдавая еще себѣ яснаго отчета во всѣхъ осложненіяхъ, которыми долженъ сопровождаться открытый уходъ. Тогда въ драматическихъ положеніяхъ братьевъ происходитъ *вторая перипетія*: Менелай изъ нападающаго становится жертвой. Въ Агамемнонѣ же, когда онъ заявляетъ о своемъ рѣшеніи, говорить просто *отвращеніе* ко всей этой цѣпи обмановъ, въ которую онъ далъ себя запутать. Неумолимый логическій процессъ наступаетъ вскорѣ послѣ этого, вслѣдъ за третью *перипетіей*, то есть приходомъ вѣстника. Веселый тонъ разказа, которымъ тотъ

искренно думаетъ обрадовать царя, превосходно отъѣняетъ намъ тяжкій душевный процессъ, которымъ начинаются драматическія зловічія Атрида. Опять на сцену является чисто Еврипидовскій контрастъ, бьющій на нервы. Въ разказѣ вѣстника надо различать три момента: первый—Ифигенія пріѣхала съ матерью; второй—о ея пріѣздѣ знаетъ уже весь лагерь; третій—въ войскѣ ходятъ толки о свадьбѣ ея и о томъ, что она вызвана сюда отцомъ.

И такъ, вмѣсто гордаго и окончательнаго разрыва съ прошлымъ, Агамемнону предстоитъ пережить новый рядъ обмановъ, ему придется усыплять бдительность жены, вытерпѣть всю жестокость нѣжной ласки отъ дочери, которая ничего не подозреваетъ, и наконецъ участвовать въ ея убійствѣ. Логическій процессъ, который начался въ Атридѣ съ того самаго момента, какъ онъ заявилъ брату о своемъ уходѣ, завершается къ концу ихъ втораго разговора. Въ душѣ героя возникаетъ страшная трагическая коллизія между *сознаніемъ святости* принятаго на себя обязательства и *отвращеніемъ отъ обмана*. Слушая разказъ вѣстника, а затѣмъ сочувственную рѣчь раскаявающагося брата, Атридъ убѣждается въ томъ, что его уходъ будетъ бесполезенъ для Ифигеніи: участники тайны, пользуясь возбужденіемъ толпы, которая и такъ давно уже недовольна медлительностью Атридовъ, придутъ и въ Аргосъ, гдѣ царю и семьѣ царской не укрыться отъ нихъ за старыми бѣлокаменными стѣнами. Стихотворческая беседа съ братомъ даетъ Агамемнону возможность высказать результаты пережитаго имъ сложнаго логическаго процесса и, можетъ быть, закрѣпить его, но въ душѣ онъ, несомнѣнно, закончился ранѣе, пока говорили вѣстникъ и Менелай.

Еврипидъ любилъ намѣчать эти сложные душевные процессы, которые совершаются въ героѣ, пока онъ молчитъ, а говорятъ другіе. Если въ замѣчательномъ по психологической тонкости исходѣ „Геракла“ герой молча переживаетъ свою ужасную драму, подъ аккомпаниментъ рѣчей Амфитріона и Тесея, созвучныхъ его настроенію, то въ „Ифигенія“ мы встрѣчаемся съ явленіемъ нѣсколько болѣе сложнымъ: дружеская нѣжность Менелая скользитъ по Агамемноновой кольчугѣ также бесполезно, какъ ранѣе ея не могли пробить его колкости. Различіе опредѣляется главнымъ образомъ моментомъ драмы: у Геракла пережитая катастрофа вымотала душевную энергію: у Агамемнона наоборотъ, эта энергія накапливается и растетъ въ инстинктивномъ ожиданіи предстоящей ему борьбы.

Менѣе интересна въ психологическомъ отношеніи *перипетія* въ

настроеніи *Менелая*. Менелай—натура впечатлительная, но не глубокая: мягкій и краснорѣчивый, поклонникъ женщинъ и неустойчивый сангвиникъ, ребенокъ до старости, онъ можетъ быть почти одновременно и мелочно завистливъ, и обидчивъ, и безразлично великодушень, и безумно смѣль, и дѣтски слабволюенъ, потому что его чувства не коренятся въ душевной почвѣ, а висятъ въ воздухѣ въ измѣнчивой атмосферѣ его настроеній.

Интересно, что у Еврипида это особенный Менелай, не тотъ, съ которымъ мы встрѣчались въ „Троянкахъ“, „Орестѣ“, „Андромахѣ“, „Еленѣ“. Въ первомъ дѣйствіи „Ифигеніи“ спартанскій царь является отмѣченный слѣдующими тремя *особыми* чертами: *искренностью, краснорѣчіемъ*, напоминающимъ традицію Гомера; кромѣ того, онъ кажется мнѣ *моложе*, чѣмъ имѣлъ привычку изображать его Еврипидъ.

Въ отношеніи драматургическомъ стихомеіа въ концѣ перваго акта любопытна тѣмъ, что мы узнаемъ изъ нея о полной безвыходности положенія Агамемнона. Второй актъ открывается торжественнымъ вѣздомъ Клитемнестры. Мы знаемъ у Еврипида двухъ Клитемнестръ—молодую и увядающую,—въ „Ифигеніи“ и въ „Электрѣ“. Какъ представлялъ себѣ Еврипидъ Клитемнестру — мстительницу, убійцу, намъ неизвѣстно. Красота Клитемнестры вызываетъ восторженный отзывъ даже изъ строгихъ устъ питомца „ледяной“ школы Кентавра. Въ „Электрѣ“ дочь Леды тоже возбуждаетъ зависть дочери не однимъ блескомъ нарядовъ, но и божественною красотой, которую Электра ставитъ на ряду съ красотой ея младшей сестры. Другая черта Клитемнестры—это *властность*: Агамемнонъ женился на вдовѣ, убивъ ея мужа. У Клитемнестры такимъ образомъ есть прошлое—у нея былъ и ребенокъ отъ перваго брака, но Атридъ продалъ его въ рабство: все это, выѣстѣ съ воспоминаніемъ о томъ, что только старій отецъ ея Тиндаръ защитилъ Агамемнона отъ рукъ ея, „бѣлоконныхъ“ братьевъ, и что только онъ *отдалъ* ему *непобѣжденную* Клитемнестру, создаетъ ей извѣстныя права и авторитетъ въ домѣ мужа, а гордая безупречность поведенія увеличиваетъ эту *властность* темперамента ея царственной природы. Въ „Электрѣ“ дочь освѣщаетъ намъ вопросъ о ея вѣрности съ нѣсколько иной и менѣе выгодной для матери стороны, но въ „Ифигеніи—жертвѣ“ нѣтъ никакихъ намековъ на неискренность или неосновательность словъ Клитемнестры. Не слѣдуетъ забывать также, что Клитемнестра съ давнихъ поръ таитъ въ душѣ недоброжелательство противъ мужа, и что это—искра,

которая всегда готова вспыхнуть, при чемъ въ самомъ характерѣ Клитемнестры болѣе матеріала для рѣзкихъ, страстныхъ и злобныхъ движеній, чѣмъ для нѣжности и прощенія. Въ первомъ же разговорѣ съ Агамемнономъ, въ концѣ 2-го дѣйствія, царица создаетъ новую *перипетию* въ положеніи Атриды: она не соглашается уѣхать и создаетъ такимъ образомъ новыя осложненія. Агамемнонъ не можетъ теперь-же перейти къ роли жреца надъ собственнымъ ребенкомъ: ему надо продолжать тяжкую роль нѣжнаго отца. Первая сцена его съ дочерью въ высшей степени патетична, особенно конецъ ея—прощаніе. Попытавшись въ началѣ говорить съ Ифигеніей въ обычномъ спокойно-ласковомъ тонѣ, царь скоро сбивается на темную рѣчь пророческихъ намековъ—жалкая и наивная попытка, не унижая себя ложью, избѣжать откровенности; впрочемъ ее надо отнести скорѣй на долю сценической традиции и драматурга. Но ни Клитемнестра, ни Ифигенія покуда ничего не подозреваютъ—автору нуженъ дальше сильный эффектъ, и онъ не позволяетъ своимъ гречанкамъ быть подогадливѣе.

Ифигенія—это олицетворенная искренность: почти ребенокъ еще, но съ горячимъ и нѣжнымъ, глубоко чувствующимъ сердцемъ она до обожанія любитъ своего отца. Ни одна античная трагедія не дала намъ изображенія дѣвичьей мечты чище и дѣвственнѣй, чѣмъ мечта Ифигеніи: ея лучшее желаніе — вернуться домой, къ сестрамъ, и вмѣстѣ съ отцомъ при этомъ; ея радости — танцовать около алтаря съ подругами; красивѣйшее изъ лицъ для нея — это лицо отца; а бракъ—это особый домъ, который ей выстроитъ ея отецъ; завѣтною мечтой было-бы для нея не разлучаться съ отцомъ и уплыть съ нимъ теперь-же далеко-далеко въ тотъ фригійскій городъ, который иначе долженъ разлучить ихъ на цѣлые годы. Ея воображенія ни на мигъ не коснулся образъ жениха, героя и моложе, и прекраснѣе, чѣмъ ея отецъ, и напрасно Атридъ прерываетъ ея наивные распросы: она предлагаетъ ихъ лишь для того, чтобы долѣе насладиться музыкой его голоса. — Но если сердце Ифигеніи чисто, какъ только можетъ быть оно чисто у будущей жрицы Артемиды, то это вовсе не ледяная чистота Іона, Ипполита или Ахилла — сердце Ифигеніи глубоко женственно, и съ дѣтства въ немъ поселилась нѣжность материнства. Когда въ четвертомъ дѣйствіи Ифигенія уже все знаетъ и молить отца сохранить ей жизнь, то напоминаетъ ему дѣтскую сцену, какъ она, Ифигенія, еще совсѣмъ маленькая, мечтала о тѣхъ заботахъ, которыми когда нибудь будетъ окружать своего стараго, без-

помощнаго отца. Инстинктъ материнства живетъ и въ ея отношеніяхъ къ маленькому Оресту — поэтъ точно заставляетъ молодую дѣвушку предчувствовать, что этотъ Орестъ скоро, еще ребенкомъ, будетъ изгнанъ матерью изъ дома, лишится матери и кончить тѣмъ, что ее убьетъ.

Еврипидъ любилъ изображать соединеніе этой дѣвичьей чистоты съ глубокою нѣжностью материнства: такова Антигона въ его „Финикіянкахъ“, столь отличная отъ Антигоны Софокла, въ которой пылкая любовница уживается съ мужественною героиней и гордою жрицей долга; такова и его Электра, у которой чисто-материнская любовь къ Оресту соединяется съ равнодушіемъ къ вопросу о будущемъ бракѣ и къ памяти астральнаго жениха. Не даромъ же паѳосъ материнства въ „Гекубѣ“, Меланиппѣ, а особенно въ „Андромахѣ“ и Иокастѣ, проведъ въ творчествѣ Еврипида такую яркую полосу. Но вернемся къ дальнѣйшей экспозиціи нашей трагедіи.

Агамемнонь не появляется въ третьемъ актѣ, въ четвертомъ онъ говоритъ мало въ исходѣ, мелькнетъ тѣмъ въ разказѣ вѣстника, да появится чтобы заключить трагедію десяткомъ строкъ; тѣмъ не менѣе четвертый актъ есть истинный центръ его трагедіи, и до конца онъ остается центральнымъ лицомъ пьесы. Появленіе Ахилла и его гнѣвъ на Агамемнона не создаютъ въ положеніи этого послѣдняго новаго осложненія — оно было бы впрочемъ излишнимъ и въ драматургическомъ, и въ психологическомъ отношеніи, и Ахилла съ Агамемнономъ могъ свободно играть одинъ триагонистъ — они не встрѣтятся. Но для трагедіи Клитемнестры и ея дочери Пелидѣ необходимъ, вообще-же трагедія наша замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ эпизодическихъ, ненужныхъ для хода дѣйствія лицъ.

Третій актъ принадлежитъ Клитемнестрѣ и создаетъ для нея двѣ перипетіи: первая является вслѣдъ за объясненіемъ съ Ахилломъ, вторую порождаютъ слова стараго раба. Какъ это ни странно, но впечатлѣніе отъ перваго удара сильнѣе, и не только отъ того, что онъ — первый. Клитемнестрѣ, какъ женщинѣ, которая вынесла родовыя муки, не можетъ быть, разумѣется, вполнѣ чуждъ паѳосъ материнства, но онъ никогда не создастъ ея трагедіи — онъ ее только „завяжетъ“. А первый ударъ приходится по самому большому мѣсту: гордая красавица, которая только что самодовольно любовалась смущеніемъ Ахилла должна покраснѣть, точно дѣвочка, пойманная за кражей лакомства: въ Клитемнестрѣ оскорбленъ самый центръ ея нравственнаго существа — *властность*. Она, всегда спокойная, теряетъ

голову, у нея, стойкой и гордой, уходитъ изъ подъ ногъ почва; она, Клитемнестра, не находитъ словъ.

Второй ударъ легче уже потому, что онъ нанесенъ рукой Агамемнона: страданіе, которое имъ возбуждается, есть уже знакомое траданіе обиды отъ нелюбимаго, насильно навязаннаго ей человѣка, и должно вызвать успокоительную реакцію злости: а сердца, какъ у Клитемнестры, не разрушаются, а, напротивъ, крѣпнута отъ злости. Послѣ страшнаго открытія Клитемнестра обрѣтаетъ и слезы, и мольбы, и всю кошачью гибкость лъстивой женской натуры.

Ахиллъ наиболѣе блѣдное изъ лицъ пьесы, самъ Менелай живѣе и законченнѣе его. Воспитанникъ Кентавра, онъ играетъ въ трагедіи самую невыгодную роль резонера, который выдуманъ драматургомъ, а не выросъ изъ поэтического замысла. Обѣ попытки поэта придать ему жизненность, заставивъ почувствовать сначала гнѣвъ, потомъ любовь, оказались неудачными. Гнѣвъ, въ смыслѣ Гомеровскомъ, вообще не давался Еврипиду: у него гнѣвъ—это болѣзнь, безуміе; онъ влечетъ за собою реакцію раскаянія или смерти; гнѣвъ Гекубы—это ея *грѣхъ*, это — паденіе ея человѣчности. Что касается до романтическаго признанія Ахилла, то эта необычная вещь заставляетъ невольно подозрѣвать чужое авторство: можетъ быть, младшаго Еврипида или кого изъ позднѣйшихъ. Резонированіе Ахилла и его мораль не имѣютъ никакого отношенія къ драмѣ, и ихъ анализъ увлекъ-бы меня слишкомъ далеко. Пришлось бы говорить и объ Іонѣ, и объ Ипполитѣ, пришлось бы собирать слѣды орфическихъ традицій по отрывкамъ поэзіи Еврипида—я оставляю все это въ сторонѣ. Но я не могу не коснуться роли Ахилла въ концѣ пьесы и не защититъ при этомъ Еврипида отъ упрека въ непослѣдовательности.

Ахиллъ произнесъ въ третьемъ дѣйствіи страшное заклятіе, а между тѣмъ Ифигенію все-таки убиваютъ или, по крайней мѣрѣ, для ея спасенія необходимо чудесное вмѣшательство богини; а самъ Ахиллъ прислуживаетъ при жертвоприношеніи. Думаю, что Ахиллъ, который бы кинулся спасать Ифигенію, идущую на казнь добровольно, разыгралъ бы роль, болѣе пригодную для комедіи. Что-же касается обѣщанія, то онъ соблюдъ его, какъ истый джентльменъ ¹⁾, въ точности: до послѣдней минуты онъ былъ на глазахъ у Ифигеніи, и ей стоило только подать знакъ, чтобы Ахиллъ съ дружиной, спрятанною тутъ-же, по уговору, кинулся на ея спасеніе.

¹⁾ Счастливое выраженіе Магаффа.

Трагикъ не изобразилъ намъ, какъ Ифигенія приняла страшную вѣсть, и это обнаруживаетъ въ немъ большой поэтической тактъ. Натуры, какъ Ифигенія, не живутъ моментами, толчками, порывами. какъ Менелай или Клитемнестра (сколь ни мало ихъ сходство): это—натуры, если такъ можно выразиться, органическія: чувства и рѣшенія вырастаютъ у нихъ незамѣтно, какъ распускаются на деревьяхъ почки. Мы знаемъ изъ словъ Клитемнестры только, что Ифигенія, когда ей сообщили ожидающую ее участь, заплакала, и этого намъ довольно.

Четвертый актъ самый патетическій. Ахиллъ, уходя, приказалъ Клитемнестрѣ умолять мужа и плакать передъ нимъ, и она, конечно, помнить это, но передъ мужемъ, котораго она такъ глубоко ненавидитъ, это уже не та растерявшаяся отъ горя мать, которую только что оставилъ Ахиллъ — она не можетъ ни плакать, ни умолять: она готова упрекать Атрида, глумиться надъ нимъ, доказывать всю несправедливость, всю безнравственность, всю безтактность и всю опасность его плана, но только не умолять. Злоба ускоряетъ теченіе ея мысли, придаетъ ей находчивости и мѣткости выражений. Но даже въ ту минуту, когда мысль доводитъ ее до изображенія пустаго гнѣзда, смотрѣть на которое осуждаетъ ее сегодня мужъ, она не поддается нѣжности, и слезы не звучатъ въ ея голосѣ, а окрыленная злобой фантазія быстро замѣняетъ эту картину, расслабляющую душу, другою—радостной: въ осиротѣломъ гнѣздѣ Агамемнона ждетъ расплата, которой онъ вполне достоинъ по своимъ гнуснымъ дѣламъ.

У Ифигеніи нѣтъ доводовъ: ея единственное искусство — это слезы; себя же она сравниваетъ съ безпомощною и оторванною отъ роднаго дерева вѣткой молящихъ. Всѣ права ея на жизнь сводятся, по ея словамъ, 1) къ тому, что она рождена, и 2) къ тому, что на землю свѣтитъ солнце, а подъ землею темно и страшно; но съ этими несложными мотивами она произноситъ рѣчь гораздо болѣе глубокую и значительную, чѣмъ рѣчь Клитемнестры: дѣло въ томъ, что въ словахъ Ифигеніи нѣтъ „личнаго одушевленія“, то-есть, ни мелочности, ни пристрастія, ни полемики: она даже не порицаетъ отца и готова ему простить заранѣе. Существовъ, какъ Ифигенія, въ жизни не бываетъ, но если-бы искусство не заставляло насъ хоть на минуту повѣрить въ ихъ возможность, жизнь потеряла-бы для насъ половину прелести. Но что же привлекаетъ насъ къ Ифигеніи, что заставляетъ такъ упиваться простою и трогательною мелодіей ея словъ? Развѣ страхъ смерти и жалобы на безпомощность несправед-

ливо обижаемаго ребенка, развѣ это они создаютъ ту идеальную оболочку, которая неотразимо плѣняетъ читателя? Нѣтъ, когда Ифигенія говорить, что боится смерти, она изъ благородной гордости открываетъ намъ только наружный слой своей души; не *право жизни* защищаетъ она для себя, а другое право, болѣе священное и дорогое—*право быть любимой*. „Посмотри на меня“, молятъ она отца, „и подари мнѣ взглядъ и поцѣлуй, чтобы я унесла память о тебѣ въ могилу“. Развѣ самая смерть такъ пугаетъ ее? Нѣтъ, ей страшно, что *отецъ* пересталъ ее *любить*, что это *отецъ* ищетъ ея *смерти*.

Но обратимся къ Агамемнону: онъ даетъ намъ ключъ къ пониманію *главной перипетіи*, которая произойдетъ въ его дочери, во время сцены между нею, Клитемнестрой и Ахилломъ.

Агамемнонъ цѣлый актъ провелъ внѣ сцены. Тамъ въ лагерь онъ былъ всецѣло погруженъ въ свои внѣшнія, общественныя обязанности, и теперь является за дочерью уже болѣе твердымъ и закаленнымъ человѣкомъ. Неожиданность, которую ему приготовила Клитемнестра, заставляетъ его, правда, пережить минуту остраго и жгучаго стыда, но ни язвительно-гнѣвная рѣчь жены, ни ласки и слезы дочери не могутъ уже ни измѣнить, ни даже поколебать его рѣшенія. То, что онъ скажетъ, выслушавъ ихъ обѣихъ, столь несоизмѣримо съ ихъ доводами и жалобами, что его словъ нельзя даже счесть отвѣтомъ, частью діалога. Агамемнонъ выдвигаетъ требованія идеальнаго порядка; онъ указываетъ на критерій, который не только безусловно выше всѣхъ личныхъ счетовъ, слезъ и нѣжныхъ движеній сердца, но даже выше жизни и смерти каждаго человѣка—этотъ критерій есть *польза, слава и честь Эллады*. Передъ Элладю нѣтъ *желаній* и *сожалній*, а есть только *требованія* и *обязанности*. Эллада не различаетъ любимыхъ и не любимыхъ; для нея есть только двѣ категоріи лицъ: благородные и низкіе, а для Атрида и его дочери нѣтъ вопроса о выборѣ между этими категоріями.

Но эти высокія и мужественныя слова — отчего же Агамемнонъ не сказалъ ихъ раньше? развѣ онъ только что ихъ придумалъ? Нѣтъ, они давно созрѣвали въ его душѣ, но ихъ надо было *выстрадать*, чтобы они не оказались общимъ мѣстомъ, а прозвучали глубокоимъ и сильнымъ убѣжденіемъ. Никому не придетъ въ голову теперь, послѣ всѣхъ пытокъ, вынесенныхъ Агамемнономъ, упрекнуть его въ жестокой сентенціозности, которая слышалась бы намъ въ тѣхъ же словахъ, выросли они не на почвѣ такихъ жестокихъ страданій.

Агамемнонъ уходитъ, не оборачиваясь. Начинается, такъ сказать, обрядовая часть трагедіи — „плачь“ Ифигеніи. Пусть среди этого плача слышатся упреки отцу (v. 1314), пусть называется онъ даже „забывшимъ бога“ (*ἀπόστος*), но его слова глубоко запечатались въ сердцѣ Ифигеніи и она поняла, что это не *приговоръ*, а нравственный кодексъ. Чистымъ сердцамъ Менекеевъ и Ифигеній легче почувствовать общественный, идеальный элементъ жизни, чѣмъ сердцамъ Медей, Электръ и Гекубъ, которыя обросли житейскимъ горемъ, сознаниемъ утратъ и обидъ, или жаждой мести. Для Ифигеніи, можетъ быть, не выяснилось только вполне конкретно, что смерти ея дѣйствительно требуютъ греки. И вотъ на помощь ея сознанию, уже работающему въ этомъ направленіи, подоспѣла сцена между матерью и Ахилломъ: въ прерывистомъ, послѣшномъ чередованіи полустрокъ передъ ней нарисовалась та страшная картина, которую слова отца только неясно намѣтили. Она кляла Елену, а сама здѣсь, въ Авлидѣ, готова продолжить ея гнусное дѣло, нѣтъ—превзойти ее: вѣдь Елена собрала ахейцевъ противъ врага, гдѣ можно найти славу и добычу, а она, Ифигенія, готовитъ междоусобную распрю, да еще такую, гдѣ гибель грозитъ самымъ благороднымъ мужамъ Эллады. И вотъ Ифигенія прерываетъ разговоръ матери съ своимъ будущимъ защитникомъ. Теперь у нея найдутся и доводы, и краснорѣчіе, и убѣдительность: отецъ своими словами открылъ въ ея сердцѣ тѣ силы, которымъ бы не суждено было проявиться подъ душною кровлей терема. Беспомощная, когда приходилось защищать себя, какъ сильна Ифигенія, когда надо собою жертвовать, когда можно любить и заслужить любовь!

Интересна параллель между отцомъ и дочерью, невольно возникающая въ нашемъ сознаніи, по прочтеніи монолога Ифигеніи.

Три общихъ черты сближаютъ эти родственные образы, этихъ людей, которые такъ любятъ и такъ понимаютъ другъ друга, и которые при этомъ стоятъ на одной и той же почвѣ общественныхъ интересовъ.

Первая—это *благородное славолубіе*. Истинное величіе было неразрывно для грека со славой, съ похвалою и съ памятью, оставляемою въ потомствѣ.

Вторая черта — это *гордость*. Агамемнонъ, который не стыдился открывать душу передъ рабомъ, пренебрегъ Ахилломъ и отвергъ помощь Менелая. Только для дочери открылъ онъ свой нравственный кодексъ, только ее и только въ послѣднюю минуту онъ ввелъ въ

святая святых своей души. Ифигенія тоже горда—ей тягостна и даже противна мысль о посторонней защитѣ: ту жизнь, которую она не могла получить изъ рукъ отца, она не возьметъ изъ рукъ Ахилла: она не хочетъ, чтобы онъ *умиралъ* или *убивалъ изъ-за нея* (v. 1420).

Третья общая черта, отца и дочери — *свобода рѣшенія*. Развѣ Атридъ, который спѣшить въ Трою для отчаянной борьбы, этотъ воинъ и царь, этотъ любящій отецъ, отступилъ бы передъ борьбой за жизнь дочери здѣсь, въ Авлидѣ? И развѣ Ифигеніи не должна бы была смерть показаться еще страшнѣе послѣ того, какъ она выслушала изъ устъ Ахилла такіа ужасныя подробности своей будущей казни. Очевидно, что не внѣшнія обстоятельства, а *внутренній волея* властно опредѣлялъ ихъ выборъ, и у отца, и у дочери.

Но какъ различны точки зрѣнія, на которыхъ стоятъ Атридъ и Ифигенія, и какъ мало схожи открывающіеся передъ ними горизонты.

Ифигеніи видятся тысячи людей, которые имѣютъ такое же какъ она право на жизнь и которые должны умереть или осиротѣть, если она не отдастъ за нихъ свою жизнь. Ея личность исчезаетъ въ этой массѣ страданій. Агамемнону видится битва, напряженные мускулы, гнѣвные взоры, слышатся боевые клики и запахъ крови — если онъ не будетъ убивать, его убьютъ, но чтобы убивать, защищая честь Эллады, онъ долженъ *дерзнуть*, онъ долженъ убить въ себѣ отца, заноса руку на дочь: съ одной стороны, передъ нами встаетъ *великая въ своей пассивности жертва любви*; съ другой—*страшная жертва дерзанія*. Но какъ же идти на жертву Ифигенія и ея отецъ? Агамемнонъ до самаго чуда остался тѣмъ же, какимъ застало его начало трагедіи. Четырьмя прекрасными строками рисуетъ нашъ вѣстникъ его мрачный обликъ на полѣ казни: „Когда царь Агамемнонъ увидѣлъ, что дочь подвигается къ рошѣ, на закланіе, онъ застоналъ и отвернулся, а чтобы скрыть слезы, краемъ одежды онъ закрываетъ лицо“. Въ рѣшительный моментъ, когда ножъ вотъ-вотъ скользнетъ по голой груди Ифигенія, отецъ опускаетъ глаза... Таковъ Агамемнонъ до чуда. Онъ могъ вдохновить Ифигенію и изъ жертвеннаго мяса сдѣлать ее героиней, но его философія слаба, чтобы сберечь ему хладнокровіе передъ этою безвинною мукой.

А Ифигенія? Мы видимъ ее преображенною до неузнаваемости. Нѣсколько минутъ,—и что осталось отъ „безпомощной вѣтки“, отъ нѣжнаго, довѣрчиваго ребенка? Въ ней чувствуется замкнутость, и если не холодная, то суровая сдержанность. Матери она совѣтуетъ,

приказывает; еле прощается съ Орестомъ, а съ Ахилломъ, отъ котораго только что готова была убѣжать, говорить спокойно и просто. Если отъ прежней Ифигеніи что и хранится, то развѣ самое сильное, что было въ ея сердцѣ—„прости отца“—завѣщаетъ она матери: она все еще его любитъ. Откуда же эта боязнь „смягчиться и ослабѣть душою“ (v. 1436)? Откуда пляски и торжественное настроеніе? Зачѣмъ ей цвѣты и пѣсни?—Надъ душой Ифигеніи проявилъ силу религиозный экстазъ: дѣвственная богиня точно магнитомъ влечетъ къ себѣ молодую душу: попробуйте вынуть изъ трагедіи Ифигеніи живую вѣру, любовь къ этой холодной и чистой Артемидѣ, и не лишая ея подвига нравственной силы и патріотическаго одушевленія, вы отнимете отъ него всю его красоту и поэзію. Только религія оправдываетъ и освящаетъ жертву.

Агамемнонъ же только на полѣ битвы найдетъ для своего *дерзкія* оправданіе и забвеніе.

III.

Исходъ нашей трагедіи не представляетъ ничего необычнаго по формѣ: это разказъ вѣстника, который отводилъ Ифигенію къ жрецу. Его нельзя, конечно, сравнить, по красотѣ и пластичности, съ разказомъ Талтибія въ „Гекубѣ“, но вѣдь и классическій герольдъ не идетъ вровень съ первымъ подвернувшимся подъ руку рабомъ. Во всякомъ случаѣ, наивный тонъ чловѣка, который воображаетъ, что его чувства интересны слушателямъ не менѣе, чѣмъ передаваемые событія, замѣчательно выдержанъ въ разказѣ. Слова Ифигеніи очень напоминаютъ, конечно, рѣчь Поликсены (въ передачѣ герольда); слова Παρέξω γὰρ δέρην εὐχαρίως (Hes. 549. Iph. 1560) повторяются даже буквально (слѣдъ, очевидно, позднѣйшаго „остроумнаго“ приравниванія), но, принимая во вниманіе близость ситуаций, оправдывающую повторенія, нельзя не признать, что Еврипидъ сдѣлалъ это въ данномъ случаѣ съ большимъ тактомъ и умѣренностью.

Вообще же параллели и поэтическія реминисценціи неизбѣжны у всякаго поэта, много писавшаго, и особенно, конечно, у древняго трагика: вспомнимъ, какъ тѣсно сплелись межъ собою мѣны, и какъ ограничено было число драматическихъ ситуаций. Во всякомъ случаѣ, если говорить о реминисценціяхъ, то тутъ мало одной „Гекубы“; сравн. Iph. Aul. 1534—1537 и Phoen. 1072, 1271; Iph. Aul. 1387 sqq. и Phoen. 999 sqq., чтобы не выходить изъ сферы исхода.

Я уже говорилъ выше о появленіи Ахилла, которое кажется нѣ-которымъ филологамъ безвкуснымъ перенесеніемъ на него роли его сына изъ „Гекубы“. Но достаточно хоть мелькомъ оживить въ памяти объ картины жертвы, чтобы увидѣть рѣзкую разницу между положеніями героевъ и полную художественную умѣстность появленія и того, и другаго.

Неоптолемъ, если не инициаторъ, то во всякомъ случаѣ центральное лицо жертвоприношенія. Ахиллъ является въ неясной, служебной роли, можетъ быть даже фиктивной: дѣло въ томъ, что, согласно своему обѣщанію, онъ долженъ былъ оставаться на глазахъ у Ифигеніи до того момента, какъ ножъ коснется ея шеи; вѣдь желаніе жить можетъ заговорить въ жертвѣ въ послѣднюю минуту ¹⁾).

Не менѣе смущалъ критиковъ исхода и тотъ фактъ, что Агамемнонъ прислалъ вѣстника, а вслѣдъ за тѣмъ пришелъ и самъ. Отчего же, молъ, ему самому было не взять на себя роли разказчика? Но появленіе вѣстника—это такой излюбленный и такой естественный приемъ, что онъ едва ли нуждается въ особомъ оправданіи. И неужели же кому-нибудь покажется, напримѣръ, страннымъ разказъ втораго вѣстника въ „Финикійкахъ“ лишь на томъ основаніи, что слѣдомъ за нимъ приходитъ Антигона, которая повторяетъ его вкратцѣ для Эдипа. Неужели было бы художественнѣе и сильнѣе въ смыслѣ драматургическомъ появленіе богини? Впрочемъ, на сколько мнѣ извѣстно, роль вѣстниковъ и не возлагалась Еврипидомъ на боговъ: они только указывали будущее и изрекали свой судъ: таковы Касторъ въ „Электрѣ“, Артемида въ „Ипполитѣ“ и Діонисъ въ „Вакханкахъ“; такова и муза въ „Ресѣ“, хотя она и упоминаетъ о прошедшемъ.

Но самое важное соображеніе въ защиту исхода въ формѣ разказа вѣстника заключается, какъ мнѣ кажется, въ слѣдующемъ.

Онъ ведется для Клитемнестры, чтобы не оставлять ее въ неизвѣстности относительно судьбы дочери, но и не заставлятъ ее *безуслбно повѣрять чуду*. Для Клитемнестры же судьба дочери и виновность Агамемнона—это опредѣлители ея будущей судьбы и узлы будущихъ трагедій. А въ смыслѣ драматургическомъ было весьма

¹⁾ Мнѣ отнюдь не убѣдительными повтому кажутся слова Hennig l. 1. p. 180: quis enim quaeso nisi imitando prorsus deditus Byzantinus homo eo procedere poterat perversitatis ut Achillem juvenem, quem Euripides defensorem atque amatorem Iphigeniae descriperat, ad Neoptolemi exemplum crudelem virginisque morti intentum fingeret...?

важно связать одну трагедию съ другою, намѣчаемою или уже существующею, какъ сдѣлано это Еврипидомъ хотя бы въ концѣ „Электры“ или въ концѣ „Финикянокъ“.

Если мы не хотимъ лишать Еврипида славы драматурга-психолога, то конечно отвергнемъ мысль, что Агамемнонъ могъ самъ быть вѣстникомъ происшедшаго съ дочерью. Разказы вѣстниковъ въ трагедіяхъ Еврипида избаловали слушателей рельефною передачей событій и объективностью изложенія и требовали усть посторонняго наблюдателя, чтобы дать поэту возможность показать всю силу несравненнаго рисовальщика. Съ другой стороны, неизбѣжное обиліе словъ въ разказѣ вѣстника шло бы въ разрѣзъ и съ саномъ Атрида, и съ его ситуацией.

Простоватость вѣстника въ исходѣ „Ифигеніи“ какъ нельзя лучше оттъняеть впечатлѣніе чуда на толпу, а нѣкоторая спутанность его изложенія въ концѣ разказа предоставляетъ Клитемнестрѣ большій просторъ: вѣрить или не вѣрить.

Самый конецъ трагедіи представляется мнѣ задуманнымъ и выполненнымъ весьма художественно. Клитемнестра не создана для религиозныхъ иллюзій и притомъ еще недовѣрчива по природѣ. Вспомните, въ параллель, Электру съ ея недовѣрчивымъ отношеніемъ къ старику и къ вѣстнику Орестовой побѣды: дочь, видимо, уродилась въ мать и гнѣвомъ, и пытливостью. Клитемнестра не только не повѣрила чуду, но готова даже объяснить цѣль всей этой выдумки— для Агамемнона вѣдь далеко не безопасенъ ея *λοῦτρον κένθος*.

Наивное замѣчаніе корифея, что приближающійся царь долженъ разъяснить дѣло, не вызываетъ царицу даже на отвѣдъ. Словами Агамемнона мастерски заключается исходъ. Первые, почти надменные, слова гегемона останавливаются у него на губахъ, а въ концѣ его рѣчи звучитъ уже мрачная нота предчувствій. Клитемнестра точно не замѣчаетъ мужа: она не встаетъ ему навстрѣчу и не отвѣчаетъ на его „прости“; въ душѣ ея назрѣваетъ жажда возмездія за то, что Агамемнонъ заставилъ ее пережить въ Авлидѣ,—ея отвѣтомъ будетъ кровавая Микенская баня.

И. Анисимій.

V A R I A ¹⁾.

XVII.

„Единственно правильное исправление“ одного „испорченного“ мѣста у Лукіана (Φιλοφειδ. с. 18).

Μῶν τὸν διακούμεντα, ἦν δ' ἐγὼ, φῆς τὸν ἐπίσκοφόντα ²⁾ κατὰ τὸ ³⁾ σχῆμα τῆς ἀφέσεως, ἀπεστραμμένον ⁴⁾ εἰς ⁵⁾ τὴν ⁶⁾ διακοφόρον, ἡρέμα ⁷⁾ ὀκλάζοντα τῷ ἑτάρῳ, εὐκρίτα ξυναναστησομένον ⁸⁾ μετὰ τῆς βολῆς;—Такъ читали это известное мѣсто Лукіана до сихъ поръ, полагаясь, съ одной стороны, на рукописное преданіе ⁹⁾—съ другою на впечатлѣніе, про-

¹⁾ Продолженіе. См. июньскую кн. Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г.

²⁾ ἐπίσκοφόντα *D* (см. ниже прим. 9).

³⁾ κατὰ τὸ *ADEMQ* (in *gasura*): ἐς (om. τὸ) *BCFPQ pr.*

⁴⁾ ἀπεστραμμένον *ADEMQ corr.*: ἐπεστραμμένον *CFPQ pr.*, ἐπεστραμμένον *B.*

⁵⁾ εἰς *AEM*: ἐς *BCDFPQ.*

⁶⁾ τὸν *DPQ.*

⁷⁾ ἡρέμα *C.*

⁸⁾ ξυναναστησομένον *BCF* (στ. ex corr.) *MPQ pr.*: συναντησομένω *A*, συναντισομένω *E*, ξυναντησομένω *DQ corr.*, συναντησομένω *Φ.*

⁹⁾ *A*=cod. Vaticanus 90, пергаменн., XII вѣка; *B*=Vatican. 87, XIII вѣка; *C*=Vatican. 1325, бумажн., конца XIV или начала XV вѣка; *D*=Vatican. 86, бумажн., XV вѣка; *E*=Vatican. 89, бумажн., XIV—XV вѣка; *F*=Vatican. 76, бумажн., XIV—XV вѣка; *M*=Marcianus 434 (cf. *Sommerbrodt*, *Lucianea* p. 78); *P*=Vatican. Palatin. 174, бумажн., XIV вѣка; *Q*=Vatican. Palatin. 213, бумажн., XV вѣка; *Φ*—флорентійская (77), пергаменн., XII вѣка (ср. *Sommerbrodt*,

изводимое на зрителей копіями мирновскаго дискобола, которыя, къ счастью, дошли до нашего времени. Въ сравнительно недавнее однако время,—а именно, когда вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ X тома „Филологическаго Обозрѣнія“ (1896 г., стр. 102) — оказалось, что, „несмотря на эту извѣстность и на то, что слова Лукіана вошли даже въ археологическія руководства и Schriftquellen, одна явная описка въ нихъ все еще не исправлена“.

Почтенному ученому, додумавшемуся до означеннаго открытія,— „непонятно, какимъ образомъ про стоящаго уже человѣка можно сказать, что онъ „встанетъ“, ἀναστήσεται; непонятно, какимъ образомъ про человѣка, который собирается бросить дискъ, можно сказать, что онъ „встанетъ вмѣстѣ съ нимъ“ (ἔναναστήσεται)“.

Казалось бы, что для разрѣшенія подобнаго недоумѣнія всего проще и естественнѣе было бы обратиться за помощью къ какому нибудь *греческому словарю* и навести въ немъ справку, не употребляется ли глаголъ ἀνίστασθαι въ какомъ либо иномъ значеніи, кромѣ „вставать“. Нашъ ученый однако заблагоразсудилъ отвернуться отъ этой торной дороги и предпочелъ путь собственныхъ „соображеній“.

„Но послѣднее *соображеніе*¹⁾ наводитъ насъ также и на *единственно правильное исправленіе испорченнаго мѣста*“, —продолжаетъ онъ съ ученою скромностью.— „Какъ видно изъ приставки ἐν-, требуется глаголъ одинаково примѣнимый и къ диску, и къ дискоболу: дискъ, когда его бросать, „полетитъ вверхъ“; *влядя на дискобола, мы воображаемъ [NB], что и онъ собирается вмѣстѣ съ дискомъ полетѣть по намѣченному направленію [!!!]*—до того легко и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично его движеніе. Нечего распространяться о томъ, насколько такое представленіе *изящнѣе [!]* и *выразительнѣе [!]* того, которое даетъ рукописное чтеніе“.

Въ результатѣ упомянутыхъ „соображеній“ получается безподоб-

Rhein. Mus. 1881 p. 314 sq.).—Изъ вышеуказанныхъ рукописей всѣ ватиканскія были сличены (въ разбираемой главѣ Филофеод.) нами, а варианты *Φ* мы замѣтили въ изданіи Фрише (I, 2, Rostochii 1862). По вопросу о рукописномъ преданіи Лукіана можно указать, между прочимъ, *E. Rohde* въ Philol. Anzeiger IV, 1872, p. 489—491; *Sommerbrodt* Ueber den Werth der Vaticanischen Lucianhandschrift 87 въ Philologus 1892 p. 72—83; *Fritzsche* De codicibus Luciani Vaticanis въ Prolegomena къ III, 1 тому его изданія (Rostochii 1874) p. IX—XVIII; *Siemson* Quaestiones Lucianae, 1866; *Maass* въ Mélanges Graux p. 759 sqq.

¹⁾ Курсивъ какъ здѣсь, такъ и ниже принадлежитъ намъ.

ное „единственно правильное исправленіе“ этого „испорченнаго“ мѣста:

...ὄχιότα ζυγαναπτησομένω μετὰ τῆς βολῆς.

Несмотря на всю „изящность“ и „выразительность“ новаго „представленія“, — быть можетъ, навѣяннаго смутною реминисценціей похождения барона Мюнхгаузена, который, какъ извѣстно, неоднократно леталъ вмѣстѣ съ пушечными ядрами въ непріятельскій лагерь, — вышеупомянутому „единственно правильному исправленію“, на нашъ взглядъ, едва ли суждено вытѣснить изъ критическихъ изданій, археологическихъ руководствъ и *Schriftquellen* „испорченное“ традиціонное чтеніе.

По „соображенію“ почтеннаго автора этого „единственно правильнаго исправленія“ выходитъ, что его предшественники, имѣвшіе дѣло съ разбираемымъ лукіановскимъ мѣстомъ, переводили ζυγαναπτησομένω—„(вотъ вотъ) *встанетъ вмѣстѣ съ дискомъ*“. Если бы это было дѣйствительно такъ, то нельзя было бы не причислить этого перевода къ самымъ отиѣннымъ перламъ quasi—филологической „сообразительности“. На самомъ дѣлѣ однако оказывается, что такой переводъ является исключительною собственностью самого автора „единственно правильнаго исправленія“, и что предшественники его тутъ ровно не при чемъ: по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного перевода, который бы заставлялъ мироновскаго дискобола „*вставать вмѣстѣ съ дискомъ*“¹⁾, а самъ авторъ „исправленія“ счелъ излишнимъ приводить примѣры въ подтвержденіе своего соображенія, вѣроятно, потому, что былъ слишкомъ увѣренъ въ невозможности для ἀνίστασθαι имѣть какое либо иное значеніе кромѣ „вставать“.

Кто обратитъ вниманіе на позу мироновскаго дискобола (τὸν ἐπιχεχοφότα κατὰ τὸ οὐχῆμα τῆς ἀφέσεως), тотъ безъ труда пойметъ, что „испорченное“ традиціонное чтеніе въ данномъ случаѣ является единственно правильнымъ и возможнымъ: ἀνίστασθαι здѣсь значитъ „выпрямляться“²⁾.

¹⁾ Не мѣшаетъ впрочемъ отиѣтить любопытный переводъ нѣкоего Луджи Сеттембрини, являющагося въ данномъ мѣстѣ серьезнымъ соперникомъ почтеннаго автора „единственно правильнаго исправленія“. „Forse dici quell' atleta, soggiunsi, переводитъ Сеттембрини, chinato in atto di lanciare il disco, che si guarda la mano in cui lo tiene, e piega un po' il ginocchio di dietro *per dare più forza alla gittata?*“ (Opere di Luciano voltate in italiano da Luigi Settembrini, vol III, Firenze 1862 p. 66; курсивъ нашъ).

²⁾ Ср. *Pape Griech.—deutsches Handwörterbuch*, s. v.

Авторъ „единственно правильного исправленія“—г. Зблянскій.

XVIII.

Adamnani, Arculfi relat. de locis sanctis. prologus.

Въ Arculfi relatio de locis sanctis scripta ab Adamnano (памятникъ VII вѣка), по посмертному изданію Тоблера ¹⁾, prologus начинается слѣдующею фразой:

In nomine Patris et Filii et Spiritus sancte terre caraxare librum de locis incipio sanctis,

при чемъ въ критическомъ аппаратѣ сообщается, что вмѣсто caraxare нѣкоторыя рукописи даютъ texere.

Единственно правильнымъ исправленіемъ вышеприведенной фразы—разумѣется, не въ духѣ „исправленія“ только что рассмотрѣннаго нами въ предыдущей главѣ,—на нашъ взглядъ, будетъ чтеніе *sancti* вмѣсто *sancte* и изгнаніе изъ текста *terre*, какъ интерполяціоннаго искаженія (или, если угодно, исправленія) интерполяціонной глоссы *texere*, нѣкогда надписанной въ архетипѣ надъ *caraxare* какимъ-нибудь читателемъ, не понимавшимъ значенія этого послѣдняго слова или же вообще сомнѣвавшимся въ возможности существованія такого глагола ²⁾.

Итакъ предлагаемъ читать:

In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti caraxare librum de locis incipio sanctis.

XIX.

Suidas s. v. Σοφοκλῆς (gl. 1).

Καὶ αὐτὸς ἦρξε τῷ δράμα ἀγωνίζεσθαι ἀλλὰ μὴ τετραλογία—таково традиціонное чтеніе этого мѣста со временъ Кюстера, который изгналъ изъ текста прежнюю совершенно бессмысленную вульгату *στρατολογία*, принявъ въ свое изданіе (Cantabrig. 1705) *τετραλογία*, рекомендованное Меурзіемъ и Джонсомъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдова-

¹⁾ Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora et latina lingua exarata... ediderunt T. Tobler et A. Molinier, I, Genevae 1879, p. 141.

²⁾ Не мѣшаетъ упомянуть, что въ томъ же прологѣ ниже нѣсколькими строками вмѣсто правильного чтенія *caraxanda* нѣкоторыя рукописи даютъ интерполяціонное *exaranda*.

телей, сколько намъ извѣстно, отъ теперешней вульгаты отстываетъ или, правильнѣе выразиться, полуотстываетъ (въ пользу конъектуры Нэке) только фонъ-Кристь, приводя конецъ данной фразы въ слѣдующемъ видѣ: „ἀλλὰ μὴ τετραλογεῖσθαι (v. l. τετραλογία)* 1).

Въ критическомъ аппаратѣ Бернгарди (р. 883) сообщаются такіе варианты: *στρατολογεῖσθαι* изъ одной парижской рукописи (Parisin. 2625) и изъ лейденской (Vossianus gr. F 2), *στρατολο* изъ брюссельской и *στρατολογία* изъ другой парижской (В у Бернгарди); ex silentio слѣдуетъ заключить, что въ остальныхъ рукописяхъ извѣстныхъ Бернгарди читается: *τετραλογία*. „Тετραλογεῖσθαι vel, quod magis etiam miror, διὰ τετραλογία Naekius de Choerilo p. 9. Itaque debet vulgata scriptura in dubitationem vocari“, присовокупляетъ въ примѣчаніи тотъ же издатель.

Мы предложили бы читать:

ἀλλὰ μὴ (τετραλογία πρὸς τετραλογία).

Несложный механизмъ порчи текста въ данномъ случаѣ такъ ясенъ самъ по себѣ, что не нуждается, надѣмся, въ специальномъ объясненіи.

XX.

Suidas s. v. Γλώνος.

Γλώνος. ὄνομα κόριον—читается въ изданіяхъ Свиды. „Nomen suspexitum“, замѣчаетъ Бернгарди, приводя рукописные варианты Γλώνος, Γλώνες, Γλώνε.

Нужно читать —

Γλώνης. ὄνομα κόριον.

Γλώνην ἄνδρα Πέρσην называетъ Прокопій въ 7-й и 9-ой главахъ первой книги „ὑπὲρ τῶν πολέμων“—р. 38, 20 и р. 48--46 ed. Bonn. (vol. I). Въ словарѣ Папе-Бензелера этого имени нѣтъ.

XXI.

Catull. ad Cornel. vs. 9.

Quoi dono lepidum novum libellum
Arida modo pumice expolitum?

1) W. v. Christ Gesch. der griech. Litteratur 1, p. 198.

- Cornell, tibi: namque tu solebas
 Meas esse aliquid putare nugas
5. Iam tum, cum ausus es unus Italorum
 Omne aevum tribus explicare cartis
 Doctis, Jupiter, et laboriosis.
 Quare habe tibi quicquid hoc libelli
 Quaecumque; quod, <o> patrona virgo,
10. Plus uno maneat perenne saeclo.

Такъ читается это стихотвореніе громаднымъ большинствомъ издателей, которые дополняютъ 9 стихъ вставкой междометія *o*, отсутствующаго во всѣхъ рукописяхъ, и успокаиваются на традиціонномъ чтеніи *patrona virgo*, разноглася однако между собою по вопросу, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ послѣднею. Не останавливаясь на несомнѣнно превратныхъ толкованіяхъ старинныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ, Партенія (Parthenius), который видѣлъ въ этой *patrona virgo* Лезбію, или Сабеллика, видѣвшаго въ ней Діану, или Фосса, относившаго это обозначеніе къ Вестѣ (!),—мы коснемся лишь болѣе устойчивыхъ толкованій этихъ спорныхъ словъ. Такихъ толкованій—два: одни ислѣдователи, начиная съ Скалигера, видятъ въ *patrona virgo* Минерву, другіе—Музу.

Самымъ остроумнымъ и въ то же время самымъ активнымъ защитникомъ втораго толкованія, безспорно, является проф. И. В. Нетушилъ, которому въ „Экзегетическихъ замѣткахъ къ Катуллу“¹⁾ удалось не только совершенно обезоружить отрицательные доводы противниковъ,—главнымъ образомъ Бэренса²⁾,—но и доставить отстаиваемому имъ объясненію весьма солидную опору путемъ сопоставленія даннаго мѣста съ *caem.* 68, 41 (68b,1) sqq. Эта краснорѣчивая аналогія какъ нельзя лучше опровергаетъ разсужденія Джери, одного изъ самыхъ послѣднихъ по времени поборниковъ перваго толкованія: „Musa“, говоритъ онъ³⁾, „est ab hac quaestione, ut arbitror, aliena. Quamquam scriptores ac poetae sub clientela Musarum sunt (Suet. Gramm. 6), tamen Catullus ad immortalitatem consequendam Musam

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889, декабрь, отдѣлъ классич. филологіи, стр. 33, прим. 1.

²⁾ Catulli Veronensis liber. Recens. et interpretatus est Aem. Baehrens, II, Lps. 1885, p. 72.

³⁾ De locis qui sunt aut habentur corrupti in Catulli carminibus, scripsit Jacobus Giry, vol. I, Augustae Taurinorum 1894, p. 47.

rogavit nullam. Cum scripturus erat et conscribemat libellum, tum ille quidem rogare debebat, non post conscriptum et in lucem prolatum. Ne cui desint roganti, facere sane possunt Musae, ut is perfectum quiddam atque absolutum litteris mandet; qui, libro confecto, earum opem petit nequicquam. Num id est Musarum praesidium, ut qui homo, qui liber dignus sit qui oblivione obruatur, idem vindicetur ab oblivione? Quapropter quod defendit Pleitnerus (Studien zu Catullus) p. 101, homines, adiuvantibus Musis, immortalitatem adipisci, id nihil ad rem. По поводу аргумента, извлекаемаго изъ сарм. 68, 41 sqq., онъ ограничивается бѣглою замѣткою: „Catullus quidem Musas quodammodo precatur, ne suum de Allii laudibus carmen ex hominum memoria excidere patiantur (cf. LXVIII 46), sed tamen in exordio“. — въ сущности повторяя слова Бэренса (l. c. p. 72): „intellegimus pluralem... LXVIIIb 1 deae in sollemni exordii inuocatione“, и, подобно Бэренсу, упуская изъ виду, что само посвятельное стихотвореніе, открывающее собою весь *lepidum novum libellum*, является какъ бы *exordium* послѣдняго.

При всемъ томъ, и аналогія сарм. 68, 41 sqq. не устраняетъ *положительнаго* аргумента („Минерва—покровительница книгъ“), приводимаго поборниками перваго толкованія, и такимъ образомъ приходится признать данный вопросъ все еще открытымъ. Мы лично предпочитаемъ примкнуть ко второму толкованію словъ *patrona virgo*, — но лишь подъ условіемъ, что эти слова являются подлиннымъ, неинтерполированнымъ чтеніемъ.

Дѣйствительно ли однако ихъ можно такъ квалифицировать? Это уже иной вопросъ, на который мы склонны отвѣтить *отрицательно*.

У одного изъ новѣйшихъ издателей, Бернгарда Шмидта, находимъ краснорѣчивый и тщательно составленный обвинительный актъ, направленный противъ традиціоннаго чтенія: „*qualecumque quod patrona virgo V* (то-есть утраченная веронская рукопись, съ которой были списаны обѣ лучшія рукописи Катуллы—оксфордская и парижская 14137), *quod signo crucis adposito retinuit Hauptius. qualecumque quod, o patrona virgo vulgo de coniectura Itolorum. sed cave ne eo modo manum Catulli restitutam putes. quae enim ista patrona virgo intellegenda sit plane obscurum est, nulliusque deae invocatio ab huius carminis ratione non abhorret. nam quod Schwabius ann. philol. CXVII 258 s. dixit ioco, non serio Minervam invocari, ea explicatio ex istis est quibus defendere omnia liceat. certe si constare sibi*

quam ineptire malebat poeta, non poterat non hanc efferre sententiam: tu, Corneli, nugas meas iam diu in pretio habuisti. quare nunc accipe hunc libellum, qui quamvis levis sit, tuo, clarissimi rerum scriptoris, patrocinio adiutus ad posteritatem perveniat.' huius sententiae necessitatem etiam alii perspexerunt, velut Handius quaest. Catull. [p. 3 s., qui Raph. Eglinnum secutus scripsit *qualecumque quidem, patrono, per te*, et Bergkiius philog. XII 581 *qu. quidem est, patroni ut ergo legendum censens. verum hae conjecturae in interpolatae libri D(atani) scriptura quidem nituntur. ceterum non de deae alicuius, sed de Nepotis praesidio hic locutum esse poetam etiam imitatores eius produunt*¹⁾.

Изъ этихъ подражаній особеннаго вниманія заслуживаютъ отмѣченныя самимъ Пиндотомъ (l. c. p. CIX), а именно Auson. 23 p. 120 ed. Schenkl.:

- 'Cui dono lepidum novum libellum?'
Veronensis ait poeta quondam
inventoque dedit statim Nepoti.
at nos inlepidum, rudem libellum,
5. burras quisquillas ineptiasque,
credemus gremio cui fovendum?
inveni. trepidae silete nugae,
nec doctum minus et magis benignum,
quam quem Gallia praebuit Catullo.
10. hoc nullus mihi carior meorum,
quem pluris faciunt novem sorores,
quam cunctos alios, Marone dempto.
Pacatum haut dubie, poeta, dicis?
ipse est. intrepide volate, versus,
15. et nidum in gremio fovete tuto,
hic vos diligere, hic volet tueri:
ignoscenda teget, probata tradet:
post hunc iudicium timete nullum,

■ Auson. 26,1 p. 127: dein cogitans mecum non illud Catullianum 'Cui dono lepidum novum libellum', set ἀμοιβώτερον et verius 'Cui dono inlepidum, rudem libellum', non diu quaesivi. tu enim occurristi quem

¹⁾ C. Valeri Catulli carmina, recogn. Bernh. Schmidt, ed. maior, Lps. 1887, p. CVIII.

ego, si mihi potestas sit ex omnibus deligendi, unum semper elegerim. nisi itaque ad te haec frivola gerris Siculis vaniora, ut, cum agis nihil, haec legas et, ne nihil agas, defendas. igitur iste nugator libellus, iam diu secreta quidem, sed vulgi lectione laceratus, perveniet tandem in manus tuas, quem tu aut ut Aesculapius redintegrabis ad vitam aut ut Plato iuvante Vulcano liberabis infamia, si pervenire non debet ad famam.

Изъ указанныхъ Мёнро ¹⁾ стоить отмѣтить *вольное* подражаніе Марціала 3,2:

- Cuius vis fieri, libelle, munus?
 festina tibi vindicem parare,
 ne nigram cito raptus in culinam
 cordylas madida tegas papyro
 5. vel turis piperisve sis cucullus.
 Faustini fugis in sinum?—sapisti.
 cedro nunc licet ambules perunctus
 et frontis gemino decens honore
 pictis luxurieris umbilicis
 10. et te purpura delicata velet
 et cocco rubeat superbus index.
 illo vindice nec Probum timeto,

и конецъ предисловія Стация ко 2-й книгѣ его *Silvarum* (p. 37,28 ed. Baehrens.): Haec qualiacumque sunt, Melior carissime, si tibi non displicuerint, a te publicum accipiant; впрочемъ, эта фраза, очевидно, звучить уже не столько подражаніемъ, сколько смутной реминисценціей.

Выступая въ качествѣ адвоката заподозрѣнной вульгаты, Джери пытается отвести только что указанныхъ свидѣтелей. „Nunc illud dico“, говоритъ онъ p. 45 sq. „quae Munro... et Schmidtius ex quibusdam poematis excerpta attulerunt (Mart. III, 2, praef. lib. VIII ad Domit., Stat. Silv. praef. lib. II, Auson. XXIII, XXVI, XXVII, Schenkl), ea nullo pacto ad id demonstrandum valere, quod illi volunt demonstrare, Catullum „non de deae alicuius, sed de Nepotis praesidio locutum esse“. Inter hunc enim ceterosque poetas, qui non semper versibus, sed soluta oratione saepius utuntur (nam ne id quidem neglegi debet) magnum esse discrimen praeclare intellegitur.

¹⁾ *Munro*, Criticisms and elucidations of Catullus, Cambridge 1878, p. 5.

Ille immortalitatem apertissime exposcit, quam nemo umquam patronus concessit: Martialis (III 2) et Ausonius (XXIII, XXVII) hoc volunt cavere, ne ipsi reprehendantur in praesens, neve sua carmina statim oblivione deleantur. Statius enim omnino est ab hoc sermone removendus Itaque Martialis et Ausonius hac certe in re a Catulli carmine oculos deiecerunt. Quod maxime cernitur in Ausonio, qui cum primum Catulli versum sumpsisset versusque, ut ita dicam, Catullianos facere conaretur, in extremo tamen carmine non Catulli imitatore se praebuit, sed Martialis“ (въ доказательство этого сопоставляется Auson. 23, 16 — 18 съ Martial. 3,2, 6 — 12, при чемъ подчеркивается послѣдній стихъ). Сокрушивъ такими солидными аргументами противное мнѣніе и совершенно обѣливъ подсудимую (вульгату), итальянскій ученый съ не меньшимъ остроуміемъ и убѣдительною разрѣшаетъ (р. 47 sq.) другой спорный вопросъ— о толкованіи загадочной *patrona virgo*—и въ заключеніе побѣдоносно замѣчаетъ (р. 48): „Itaque, eo enim iam revertor, unde profectus sum, quoniam „*patrona virgo*“ nullam habet reprehensionem, ne verbum quidem est de patrono faciendum. Nihil obstat, ut vidimus, quominus a Cornelio amico ad Minervam patronam Catullus commode transeat: sed si quaerere volumus, quam ad eam transeundi possit causam habere, equidem hanc ego (esse?) puto, quod, cum ex altera parte modeste et verecunde libellum donet Cornelio, ex altera intellegi velit, eundem, quippe qui talis sit, quem Minerva suscipiat et tueatur, aliquid esse. Itaque de huius versiculi verbis si verissime iudicaverunt, qui nihil aliud faciendum esse duxerunt, nisi „o“, quod iam habet codex Cutaecianus, post „quod“ addendum“.

Противъ этихъ разсужденій мы замѣтимъ слѣдующее.

Во-первыхъ, непредубѣжденный читатель неминуемо долженъ будетъ заключить, что, если въ первыхъ 8 стихахъ разбираемаго посвященія веронскій поэтъ оказывается достаточно „*modestus et verecundus*“ по отношенію къ своимъ „*pugae*“ (vs. 4), то въ заключительной парѣ стиховъ (vs. 9 sq.) онъ вдругъ становится не только *immodestus*, но даже прямо *impudens*, если для тѣхъ же самыхъ *pugae* онъ, по выраженію Джирри, „*immortalitatem apertissime exposcit*“—отъ почтенной *patrona virgo*. Чѣмъ обусловливается такая внезапная и рѣзкая перемена въ Катуллѣ, этого итальянскій ученый, къ сожалѣнію, не поясняетъ; намъ кажется, что она вызвана *превратнымъ толкованіемъ, какое даетъ Джирри послѣднему стиху, не разсудивъ, что „нѣсколько вѣковъ“ (plus uno saeclo) еще вовсе*

не являются синонимомъ вѣчности, предполагаемой безсмертіемъ ¹⁾. Если же это такъ, то, очевидно, падаетъ и основной аргументъ Джери, направленный противъ аналогизаціи разбираемыхъ стиховъ Катулла концу Auson. 26 (ср. именно *redintegrabis ad vitam* [не *ad immortalitatem!*]) и Martial. 3, 2, 2, — (*festina tibi vindicem parare*).

Во-вторыхъ,—если даже допустить, что только что рассмотрѣнное нами толкованіе Джери является совершенно правильнымъ, то и все же остается крайне сомнительною аксіоматичность его категорическаго утвержденія, будто „*immortalitatem... nemo unquam patronus concessit*“ (р. 46): намъ кажется, наоборотъ, не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *безсмертный* патронъ, находясь на высотѣ своихъ обязанностей по отношенію къ протежируемому имъ произведенію, ео ipso дѣлаетъ безсмертнымъ и это послѣднее.

Въ-третьихъ,—если правда, что Авзоній въ концѣ 23-го стихотворенія подражаетъ именно Марціалу, то это обстоятельство ничуть не доказываетъ неправильности аналогизаціи и авзоніева произведенія катулловскому, — именно въ силу того несомнѣннаго факта, что самъ то Марціалъ въ данномъ мѣстѣ является подражателемъ Катулла.

Полагаемъ, что приведенныхъ аргументовъ вполне достаточно, чтобы показать бесплодность усилій Джери отстоять традиціонное мнѣніе путемъ отвода важнѣйшихъ свидѣтелей, дающихъ неблагопріятныя для вульгаты показанія. Но и помимо этихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, — если кто потрудится вникнуть въ самый *tenor* разбираемаго стихотворенія, тому не можетъ не рѣзаться уха это внезапное вторженіе какой-то неопредѣленной *patrona virgo*, нарушающей внутреннее единство всего посвященія и цѣлостность впечатлѣнія, производимаго имъ на читателей.

¹⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что не совсѣмъ правильно толкуетъ данное мѣсто и Беренсъ (I. с. р. 73);—независимо отъ вопроса, кого слѣдуетъ разумѣть подъ пресловутой *patrona virgo*: *fortasse igitur, говорить онъ, similiter atque Horatius sibi satis superque beatus videtur, si Maecenatis iudicium eum inseret lyricorum uatum ordini siue хаvоvи, Catullus quoque sibi exoptat, ut receptus inter probatos scriptores etiam post mortem uitam uiuat diuturnam, ut libellus hic tam nitidus (u. 2) non in plebis perueniat manus inlotas laxasque scombris det tunicas, sed duce Minerva in bibliothecis seruatus a canis saeculis peruoluatur (XCV 6 et 8), de huius autem poti nerbis, qualia praefert u. 10, cf. Callimachi fr. 121 ποῦλδ' μένωσιν ἔτος; Cinnae fr. 4 saecula permaneat nostri Dictynna Catonis; Hor. od. I 32,2 carmen quod et hunc in annum uiuat et plures; Sueton. uita Hor. scripta... probauit mansuraque perpetua (sic recte codd.) opinatus est; Ciris 100 atque nouum aeterno praetexite honore uolumen. Все дѣло портятъ неумѣстныя цитаты изъ Ciris (неумѣстна вслѣдствіе aeterno) и Светонія (*perpetua*).*

Въ возникающемъ такимъ образомъ конфликтѣ между высшею критикою и традиціоннымъ толкованіемъ, опирающимся на рукописное преданіе, полной побѣдѣ первой—помимо извѣстнаго обаянія традиціи вообще и вульгаты въ частности—до сихъ поръ мѣшала, главнымъ образомъ, по видимому, палеографическая неудовлетворительность большей части конъектуръ, изгонявшихъ *patrona virgo* съ насиженнаго мѣстечка. Съ двумя конъектурами читатель уже познакомился чрезъ посредство Шмидта, который въ то же время явился и критикомъ обѣихъ этихъ догадокъ ¹⁾: *qualescumque quidem, patrone, per te* Эглина и Ганда, равно какъ и *qual. quidem est, patroni ut ergo* Бергка невозможны потому, что вводятъ въ текстъ чтеніе интерполированной датанской рукописи. То же самое слѣдуетъ сказать и о *qualescumque quidem ora per virorum*, какъ читается въ нѣкоторыхъ старинныхъ изданіяхъ, видоизмѣнившихъ слишкомъ отважную конъектуру Понтана: *qualescumque per ora quod virorum* („tamquam si manendi verbum idem esset quod volandi“, резонно замѣчаетъ Джирри р. 45). По стопамъ Понтана пошелъ и Лука Фрутерій, предложившій *qualescumque quidem per ora vulgi*. Изъ новѣйшихъ критиковъ только Сумпфе сохраняетъ рукописное *quod*, предлагая читать *qualescumque, quod, o patrone vere*—въ *Listy philolog. a paedagog. 1883* ²⁾; всѣ другіе приносятъ это *quod* въ жертву своего конъектуральнаго остроумія. Такъ, Фрэнеръ (Frœhner) предложилъ *qualescumque tuo, patrone. verbo*, и Шмидтъ ввелъ эту конъектуру въ текстъ своего изданія. Гарнеккеръ видоизмѣнилъ это чтеніе, предложивъ *qualescumque tua, patrone, voce*, при чемъ скорѣе отдалился отъ рукописнаго преданія, чѣмъ приблизился къ нему. Наконецъ, еще дальше шагнулъ отъ рукописнаго преданія Ризе, предлагая читать *qualescumque tua, patrone, cura*.

Сравнивая между собою всѣ только что перечисленныя конъектуры, нельзя не отдать предпочтенія чтенію, предложенному Бергкомъ,—но не цѣликомъ, а только второй его половиной. Въ самомъ дѣлѣ, это *patroni ut ergo* какъ палеографически стоитъ ближе всѣхъ своихъ конкурентовъ къ чертамъ преданія, такъ и съ внутренней стороны, является наиболѣе подходящимъ къ данному контексту. Что же касается первой части этой конъектуры, то уже Мёнро отчасти исправилъ ее, выбрасывая *est*, которое Бергкъ напрасно считалъ необходимымъ въ силу грамматическихъ соображеній. Остается слѣдовательно

¹⁾ См. выше стр. 91.

²⁾ О существованіи этой конъектуры мы узнали изъ книги Джирри р. 45.

довершить исправление, замѣняя интерполяціонное чтеніе датанской рукописи (*quidem*) какимъ нибудь другимъ словомъ, которое подходило бы къ данному контексту и въ то же время, по возможности, такъ или иначе было бы выводимо изъ рукописнаго *quod*. Обоиъ этимъ требованіямъ удовлетворяетъ, на нашъ взглядъ, слово *sui*. Генетическую связь этого чтенія съ рукописнымъ *quod* мы представляемъ себѣ слѣдующимъ образомъ: *SUI* было принято переписчикомъ за *QUI*, а это *qui* уже рукой интерполятора было передѣлано въ *quod* подъ влияніемъ непосредственно предшествующихъ словъ *quicquid hoc libelli qualecumque*.

Итакъ, принимая часть конъектуры Бергка, мы предложили бы читать конецъ разбираемаго стихотворенія (vs. 8—10) слѣдующимъ образомъ:

quare habe tibi quicquid hoc libelli
qualecumque.—*sui patroni ut ergo*
plus uno maneat perenne saeclo.

Надо полагать, что въ архетипѣ *ut*—въ палеографическомъ отношеніи почти не отличающееся отъ конца предшествующаго слова—было первоначально пропущено переписчикомъ, который затѣмъ, замѣтивъ пропускъ, надписалъ это *ut* надъ строкой. При дальнѣйшихъ перепискахъ *ergo* съ надписаннымъ надъ первой буквой *ut* естественно превратилось въ *uirgo*, а *patroni uirgo* еще естественнѣе повлекло за собою, при благосклонномъ участіи интерполяціи, возникновеніе пресловутой *patrona virgo*. Такъ мы представляемъ себѣ процессъ порчи подлиннаго текста великаго веронскаго поэта.

XXII.

Cass. Dion. 40,9,4 p. 506,31 ed. Boissevain.

‘Ο δ’ οὖν ἰκπαὺς ἦλθε μὲν πρὸς τὸ τῶν Ῥωμαίων στρατόπεδον, μὴ δυνήθεις δ’ ἐγγύθεν αὐτῷ προσμῖξαι συνέδησε τὰ γράμματα ἀκοντίφ. καὶ ᾧσας αὐτὸ ἐς τοὺς πολεμίους πρὸς κύργον ἐξελίττης προσέπηξε—такъ читается это мѣсто въ новѣйшемъ изданіи Буассевэна, но слова, отмѣченныя въ нашей выпискѣ разрядкой, съ давнихъ поръ служатъ мишенью конъектуральнаго остроумія критиковъ и между прочимъ возбуждаютъ подозрѣніе и въ Буассевэнѣ: „31 ᾧσας—πολεμίους] suspectum“. говоритъ онъ въ критическомъ аппаратѣ. „ᾧσας αὐτὸν ἐς τοὺς πολεμίους Reiskius speciose (cf. Herod. 7,167), ὡς ᾧσας αὐτὸ ἐς

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ,

подъ редакціею академика **В. В. СУСЛОВА.**

I выпускъ—26 листовъ рисунковъ; цѣна 16 руб., II выпускъ—14 листовъ, 9 руб., III выпускъ—15 листовъ, 11 руб., IV выпускъ—15 листовъ, 12 руб.

Рисунки исполнены геліографіею и хромолитографіею.

Въ изданіе входятъ памятники архитектуры, живописи и художественно-промышленнаго древняго производства, съ пояснительнымъ текстомъ.

Покупающимъ въ академіи художествъ—уступка 15³/₁₀; иногородніе за пересылку не платятъ.

Къ концу года поступитъ въ продажу V выпускъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

(9-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе апрѣльской книжки, имѣющей выйдти около 10-го мая, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Нравоучительная и педагогическая литература въ Россіи XVIII вѣка. М. М. Деміова; 3) Воспоминанія казеннаго пансіонера о Третьей С.-Петербургской гимназій. М. М. Сентъ-Илера; 4) Бѣлинскій какъ педагогъ. (Окончаніе). С. Ашевскаго; 5) Гигіена, какъ общеобразовательный предметъ преподаванія. М. С. Уварова; 6) Два враждебныхъ взгляда въ области нравственнаго воспитанія. А. Е. Оболенскаго; 7) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). М. П. Яновскаго; 8) Письма о народной школѣ. II. М. М. Ларионова; 9) Продолжительность курса обученія въ земскихъ школахъ. В. Наменской; 10) Положеніе народныхъ учителей въ Ярославской губерніи. Е. С.; 11) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1897 года. (Продолженіе). М. П. Бѣлоусова; 12) Чему учать теперь крестьянскихъ ребятъ. С. М-вой; 13) Воззрѣнія профессора Грабера на преподаваніе зоологій въ средней школѣ. П. Фрейберга; 14) Критика и библиографія (около 10 рецензій); 15) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ. Е. Р.; б) Хроника народнаго образованія и народныхъ библиотекъ. Я. В. Абрамова; в) Хроника воскресныхъ школъ. М. Н. Салтыковой и Х. Д. Алчевской; д) Хроника профессиональнаго образованія. В. Б—ча; е) Изъ хроники санитарнаго состоянія народныхъ школъ. Д-ра Г. М. Герценштейна; ф) Родительскій кружокъ. Е. М.; г) Двадцатилѣтіе русскаго дѣтскаго сада въ Гельсингфорсѣ. М. Бородинна и мн. др. (всего около двадцати статей и замѣтокъ); 16) Разныя извѣстія и сообщенія; 17) Объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ съ доставкою: 6 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою СЕМЬ р.; за границу—9 руб.

Земства, выписывающія не менѣ 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 10%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются скидкою въ одинъ рубль.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, № 1/2, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“.

За предыдущіе годы, кромѣ 1890 г. имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХVII.

1898.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1898.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(28-го апрѣля 1898 года). „Директору департамента народнаго просвѣщенія, ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Латышеву* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его академикомъ“.

(28-го апрѣля 1898 года). „Правителю канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, статскому совѣтнику *Рагманову* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ департамента народнаго просвѣщенія“.

(2-го мая 1898 года). „Декану физико-математическаго факультета и ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, доктору минералогіи и геогнозіи *Лаюріо* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть временно, впредь до утвержденья положенія и штатовъ Варшавскаго, Имени Нашего, политехническаго института, директоромъ сего института, съ утвержденіемъ его, по ученой степени, въ чинѣ коллежскаго ассессора, со старшинствомъ съ 30-го мая 1880 года, и съ присвоеніемъ ему IV класса по должности, IV же разряда по шитью на мундирѣ и права на пенсію по учебной службѣ“.

II. ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (22-го января 1898 года). *Объ учрежденіи при Островской Александровской женской прогимназіи одной стипендіи и мѣстномъ городскомъ училищѣ двухъ стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу временноуправляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 22-й день января 1898 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Островской Александровской женской прогимназіи одной стипендіи и мѣстномъ городскомъ училищѣ двухъ стипендіи имени Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

7. (22-го января 1898 года). *О наименованіи студенческаго общежитія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Именемъ Ею Императорскаго Величества.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу временноуправляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 22-й день января 1898 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на наименованіе строящагося студенческаго общежитія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ общежитіемъ Имени Императора Николая II.

8. (29-го января 1898 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Шавляхъ женской гимназіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу временноуправляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 29-й день января 1898 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ городѣ Шавляхъ женской гимназіи въ память Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, съ примѣненіемъ къ ней Высочайше утвержденнаго 26-го мая 1869 года положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской.

9. (16-го марта 1898 года). *О кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Кологривовскомъ, Гдовскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Кологривовскомъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Кологривовскомъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Открыть при Кологривовскомъ, Гдовскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи, одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія классъ ручнаго труда.

II. На содержаніе означеннаго класса отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1899 г., изъ средствъ государственнаго казначейства по *сто сорока* рублей; въ текущемъ же году расходъ этотъ отнести на могущіе оказаться остатки отъ кредита, ассигнованнаго по § 7 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (16-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ для Черноморской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ для Черноморской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи долж-

ности инспектора народныхъ училищъ для Черноморской губерніи, мнѣніемъ положили:

1) Учредить должность инспектора народныхъ училищъ Черноморской губерніи, съ присвоеніемъ оной оклада содержанія, а также правъ по чиновпроизводству и на пенсію, наравнѣ съ другими такими же должностями въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.

2) Вызываемый означенною мѣрою новый расходъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ* рублей въ годъ, отнести на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (27-го января 1898 года). *Объ учрежденіи при Русскомъ Астрономическомъ обществѣ золотой медали имени профессора С. П. Глазенапа.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу временно-управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 22-й день января 1898 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Русскомъ Астрономическомъ обществѣ золотой медали имени профессора С. П. Глазенапа, для выдачи таковой за лучшія работы по астрономіи и высшей геодезіи.

О такой Высочайшей волѣ временно-управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 27-го января 1898 г., донесъ правительствующему сенату, съ приложеніемъ копій съ Высочайше утвержденного рисунка означенной медали.

12. (16-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ при Московской первой гимназій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ при Московской первой гимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства

народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ при Московской первой гимназій, мнѣніемъ положили:

I. Учредить при Московской первой гимназій четвертую должность помощника классныхъ наставниковъ, съ служебными правами и преимуществами, предоставленными другимъ такимъ-же должностямъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 30-го іюля 1871 г., устава и штата гимназій.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутой должности (по триста рублей въ годъ при казенной квартирѣ) отнести на счетъ суммъ сбора за ученіе въ Московской первой гимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (21-го марта 1898 года). *Объ утвержденіи проекта рисунка медали для рецензентовъ сочиненій, представляемыхъ въ Императорскій Харьковскій университетъ на соисканіе преміи въ память 25-лѣтія Царствованія Императора Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день марта 1898 года, Высочайше соизволилъ утвердить проектъ рисунка медали для рецензентовъ сочиненій, представляемыхъ въ Императорскій Харьковскій университетъ на соисканіе преміи въ память 25-лѣтія Царствованія Императора Александра Николаевича.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(25-го апрѣля 1898 года). *Назначаются:* экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Червинскій*—и Новороссійскаго, докторъ русской исторіи *Линиченко*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ: первый по кафедрѣ фармакологіи, дѣтетики и исторіи медицины, а второй—по кафедрѣ русской исторіи.

(28-го апрѣля 1898 года). *Назначаются:* директоръ департамента народнаго просвѣщенія, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ греческой словесности, дѣйствительный стат-

скій совѣтникъ *Латмиевъ*—членомъ совѣта министра, съ оставленіемъ его академикомъ; правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Рахмановъ*—директоромъ департамента народнаго просвѣщенія; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Ушинскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ общей патологіи; привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ славянской филологіи *Лауровъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ славянской филологіи.

Утверждается отставной штабсъ-капитанъ гвардіи *Пуцинъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Тульской гимназіи, согласно избранію, на три года, съ 22-го апрѣля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ русскаго языка и словесности *Будде*—съ 7-го ноября 1895 г. и Варшавскаго, докторъ зоологіи *Насоновъ*—съ 20-го октября 1897 г., директоръ Гельсингфорской Александровской гимназіи *Семеновъ*—съ 22-го апрѣля 1897 г.; инспекторъ чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа *Яковлевъ*—съ 27-го марта 1896 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ физики *Гольдгаммеръ*—съ 25-го іюня 1897 г., Новороссійскаго, докторъ русской словесности *Мочульскій*—съ 1-го августа 1891 г., Московскаго: докторъ медицины *Крюковъ*—съ 13-го апрѣля 1897 г. и сверхштатные: доктора медицины: *Ротъ*—съ 16-го ноября 1894 г., *Голубовъ*—съ 15-го ноября 1897 г. и *Митропольскій*—съ 19-го мая 1897 г., Варшавскаго, магистръ химіи *Бевадъ*—съ 20-го апрѣля 1896 г., доктора медицины: *Васильевъ*—съ 7-го мая 1897 г. и *Зынецъ*—съ 7-го іюня 1897 г., Юрьевскаго, магистръ римскаго права *Пассекъ*—съ 30-го мая 1897 г.; экстраординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: докторъ всеобщей исторіи *Форстенъ*—со 2-го сентября 1897 г. и *Холоднякъ*—со 2-го октября 1897 г.; адъютантъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Реницъ*—съ 24-го марта 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Каменеуцкій*—съ 7-го ноября 1897 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета магистръ русской словесности *Созоновичъ*—съ 26-го іюня

1897 г.; причисленный къ министерству *Малининъ*—съ 12-го марта 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: адъюнктъ-профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Новой Александріи: магистръ минералогіи и геогнозіи *Глинка*—съ 1-го октября 1896 г. и *Орловъ*—съ 1-го декабря 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: адъюнктъ-профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: исправляющій должность *Бараковъ*—съ 1-го января 1892 г., *Буртъ*—съ 12-го сентября 1894 г. и *Дейчъ*—съ 21-го сентября 1894 г.; причисленные къ министерству: *Евангуловъ*—съ 12-го іюля 1897 г. и *Фелькнеръ*—съ 29-го ноября 1897 года.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ князь *Арутинскій-Долгоруковъ*—съ 1-го января 1897 г. и Юрьевского, докторъ, богословія коллежскій совѣтникъ *Зеберъ*—съ 9-го іюля 1897 г.; старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ *Ковальскій*—съ 15-го января 1897 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ римскаго права, титулярный совѣтникъ *Соколовскій*—съ 18-го мая 1895 г.; директоръ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ *Ламе*—съ 1-го іюня 1888 г.; *коллежскаго совѣтника*: сверхштатные экстраординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета: докторъ химіи, надворный совѣтникъ *Фаворскій*—съ 23-го октября 1896 г. и докторъ зоологіи, титулярный совѣтникъ *Шевяковъ*—съ 23-го іюля 1896 г.; *титулярнаго совѣтника*: причисленный къ министерству *Придикъ*—съ 20-го августа 1897 г., по степени магистра древне-классической филологіи; *коллежскаго секретаря*: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета *Вяховъ*—съ 22-го января 1881 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Горбъ-Ромашкевичъ*—съ 30-го мая 1881 г., оба по степени кандидата Императорскихъ университетовъ; причисленный къ министерству *Ширяевъ*—съ 27-го октября 1896 г., по степени кандидата Демидовскаго юридическаго лица; *губернскаго секретаря*: причисленный къ министерству *Берентъ*—съ 13-го февраля 1897 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета.

(2-го мая 1898 года). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ чистой

математики, статскій совѣтникъ *Слешинскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ чистой математики, съ 1-го января; Могилевскій уѣздный предворитель дворянства и председатель уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, статскій совѣтникъ *Василевскій*—вновь почетнымъ попечителемъ Могилевской мужской гимназіи, на три года.

Утверждаются: въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Себряковъ*. отставной войсковой старшина *Мироновъ* и отставной есаулъ *Пышкинъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—вновь Усть-Медвѣдцкаго, второй—Урюпинскаго, а третій—Новочеркасскаго, всѣ трое—согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ Себрякова въ придворномъ званіи; коллежскій регистраторъ *Ефремовъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Новочеркасскаго гимназіи, согласно избранію, на три года; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милотинъ* и отставной подъесаулъ *Леоновъ*—почетными попечителями учительскихъ семинарій: Милотинъ—вновь Череповецкой, а Леоновъ—Новочеркасскаго, оба—согласно избранію, на три года.

Уволяется отъ службы, согласно прошенію, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Лаутеръ*, съ 1-го мая, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миллеръ*, съ 12-го апрѣля, и Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Даневскій*, съ 25-го марта.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: учитель, исполняющій обязанности инспектора частнаго реального училища воскресенскаго въ Москвѣ *Воиновъ*—съ 1-го августа 1897 г.; учителя: Александровской Серпуховской шестиклассной прогимназіи, *Ващенко*—съ 1-го октября 1897 г., реальныхъ училищъ: Московскаго: *Дюкоммюнъ*—съ 3-го іюня 1897 г. и *Греве*—съ 17-го іюня 1894 г., при реформатской церкви въ Москвѣ, *Фридрихсонъ*—съ 10-го марта 1897 г.; наставникъ Рязанской Александровской учительской семинаріи *Святославскій*—съ 20-го іюля 1897 г.; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта дворянства Московской губерніи *Александровъ*—съ 5-го декабря 1897 г.; почетный членъ по-

печительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища *Брадкѣ*— съ 23-го ноября 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Бѣлоцерковской гимназій, *Юровъ*—съ 27-го марта 1895 г. и Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины: *Левенбергъ*—съ 9-го іюля 1892 г. и *Христіани*—съ 1-го января 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Костромской губерніи: *Микифоровъ*—съ 20-го ноября 1896 г. и *Веселовскій* — съ 1-го апрѣля 1897 г.; учителя гимназій: Московской 3-й, *Ивакинъ*—съ 19-го ноября 1895 г., Московской 5-й, сверхштатный *Гіацинтовъ*—съ 1-го февраля 1892 г., Московской 7-й, *Герасимовъ*—съ 13-го мая 1897 г. и *Ялчукъ*—съ 31-го марта 1897 г.; Рязанской, *Грунау*—съ 1-го августа 1897 г., реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ: *Беръ* — съ 1-го августа 1897 г. и *Швырковъ*—съ 4-го октября 1897 г.; наставникъ Алферовской учительской семинаріи *Плетнеръ* — съ 15-го августа 1897 г.; учителя: частныхъ женскихъ гимназій въ Москвѣ: Перепелкиной, *Щепкинъ*—съ 6-го января 1894 г. и Пуссель, *Алферовъ*—съ 16-го марта 1895 г., бывшей Остерридь, нынѣ Гиттерманъ въ Орлѣ, *Педдеръ*—съ 5-го сентября 1897 г.; почетный членъ попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища *Рубановскій*—съ 27-го января 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учитель Житомирской 2-й гимназій *Фуксъ*—съ 17-го сентября 1894 г., врачъ Бердичевского двухкласснаго городского училища *Баумольцъ*—съ 8-го августа 1892 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому учебному округу: учителя гимназій: Московской 3-й, *Данювой*—съ 1-го сентября 1894 г. и Московской 5-й *Козаковъ* — съ 1-го декабря 1896 г., реальныхъ училищъ: Иваново Вознесенскаго: *Вейнеръ*—съ 15-го января 1897 г. и *Богодаровъ*—съ 1-го октября 1896 г., при реформатской церкви въ Москвѣ, сверхштатный *Алексѣевъ*—съ 22-го октября 1896 г.; врачъ Рославльской мужской и женской прогимназій *Чепелкинъ*—съ 8-го іюня 1897 г., наставники учительскихъ семинарій: Киржачской, *Андреевъ*—съ 1-го августа 1893 г., Новоторжской, *Лебедевъ* — съ 9-го декабря 1895 г., Поливановской, сверхштатный *Андреевъ* — съ 8-го августа 1894 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Верейскаго, *Мещериновъ*—съ 3-го августа 1897 г., Мценскаго, *Томашевскій* — съ 11-го октября 1891 г., Одоевского трехкласснаго, *Зетрѣвъ* — съ 1-го іюля 1897 г., учителя частной женской гимназій Бессъ въ Москвѣ *Самсоновъ* — съ 30-го сентября 1895 г. и *Высотскій* — съ 18-го

ноября 1895 г.; младшій надзиратель Комиссаровскаго технического училища *Огаревъ* — съ 20-го октября 1892 г.; учителя городскихъ училищъ: Московскаго Солодовниковскаго, *Заломаевъ* — съ 1-го августа 1896 г., Рославльскаго, *Сосуновъ* — съ 1-го августа 1890 г., Тульскаго, *Львовъ* — съ 3-го сентября 1897 г.; учитель-завѣдывающій Калязинскимъ городскимъ училищемъ *Полетаевъ* — съ 1-го сентября 1897 г.; по Киевскому учебному округу, врачъ Барскаго двухкласснаго городского училища *Герцманъ* — съ 18-го апрѣля 1897 г.; по Варшавскому учебному округу, штатный учитель Томашовскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Монзолевскій* — съ 1-го августа 1893 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому учебному округу: младшій надзиратель Императорскаго лицей въ память Цесаревича Николая *Гравесъ* — съ 20-го марта 1897 г.; врачи: частной женской гимназій Калайдовичъ въ Москвѣ, *Гриневскій* — съ 25-го февраля 1896 г., городскихъ училищъ: Верейскаго, *Сербскій* — съ 25-го ноября 1895 г. и Суздальскаго, *Зетревъ* — со 2-го апрѣля 1894 г.; учитель-завѣдывающій Можайскимъ городскимъ училищемъ *Науменковъ* — съ 18-го августа 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ *Боссе* — съ 1-го октября 1894 г.; учителя: городскихъ училищъ: Богородскаго, *Смирновъ* — съ 1-го августа 1897 г., Александровскаго въ Княгининѣ, *Вознесенскій* — съ 5-го сентября 1897 г., Мценскаго: *Шеланутинъ* — съ 1-го іюля 1896 г., и *Пацевичъ* — съ 18-го января 1897 г., Ветлужскаго уѣзднаго училища, *Батуевъ* — съ 13-го августа 1896 г. и Дѣдиновскаго мужскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія *Чистосердовъ* — съ 12-го октября 1894 г.; членъ соребнователь попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища *Живаго* — со 2-го января 1898 г.; штатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета при заразныхъ баракахъ, лѣкаръ *Поліевктовъ* — съ 1-го іюня 1890 г.; по Киевскому учебному округу, врачъ житомирскаго двухкласснаго городского училища *Бинштокъ* — съ 21-го декабря 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Московскому учебному округу: домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ *Михайловичъ* — съ 22-го апрѣля 1891 г.; почетный смотритель казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы *Миндеръ* — съ 21-го марта 1893 г.; письмоводитель Елецкой гимназій *Лукашовъ* — съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ: гимназій: Коломенской, *Каплицъ* — съ

10-го ноября 1895 г.; Нижегородской, *Поздняковъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и Тульского реального училища, *Краснопольцевъ*—съ 11-го іюля 1895 г.; младшіе надзиратели Коммиссаровскаго технического училища: *Наумовъ*—съ 12-го ноября 1890 г. и *Александровскій*—съ 28-го ноября 1890 г.; учителя: городскихъ училищъ: Костромскаго, сверхштатный *Смирновъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; 1-го Московскаго, *Дмитріевъ*—съ 11-го марта 1895 г., Бронницкаго, *Глыбинъ*—съ 1-го августа 1895 г., Коломенскаго, *Каринъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Макарьевскаго, *Виноградовъ*—съ 1-го января 1895 г., Брянскаго: *Каретниковъ*—съ 1-го августа 1890 г. и *Лопиновъ*—съ 8-го іюля 1891 г., Тульского, *Кузьминъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Солигаличскаго уѣзднаго училища: *Тихомировъ*—съ 3-го іюня 1893 г. и *Николаевскій*—съ 12-го октября 1897 г. и Новоторжской женской прогимназіи, *Курятниковъ*—съ 1-го февраля 1896 г.; инспекторъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея *Половцевъ*—съ 17-го февраля 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Гельсингфорской Александровской гимназіи *Стратовъ*—съ 29-го апрѣля 1895 г.; по Московскому учебному округу: экономъ и смотритель зданій Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Елоровъ*—съ 3-го мая 1894 г.; младшій надзиратель пансіона при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая баронъ *Черкасозъ*—съ 9-го марта 1884 г.; учителя Плесскаго городского училища, *Ильинскій*—съ 1-го іюля 1896 г., уѣздныхъ училищъ: Кологривскаго *Мухинъ*—съ 7-го марта 1895 г., Новосильскаго, *Зуевъ*—съ 23-го марта 1893 г.; помощникъ учителя Александровскаго городского училища въ гор. Княгининѣ *Быстрицкій*—со 2-го ноября 1890 г.; по Харьковскому учебному округу, сверхштатный учитель Воронежскаго уѣзднаго училища *Назаровъ*—со 2-го мая 1888 г.; по Кіевскому учебному округу, бывший писмоводитель Кіевской 4-й гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Яновскій*—съ 27-го января 1882 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: бывшаго Судогодскаго, оставленный за штатомъ *Сергіевскій*—съ 12-го сентября 1892 г.; Жиздринскаго *Макаровъ*—съ 1-го августа 1897 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Бронницкаго, *Стрежневъ*—съ 18-го декабря 1895 г., Клинскаго, *Владимірскій*—съ 29-го сентября 1895 г.; учитель Касимовскаго 1-го мужскаго городского приходскаго училища *Крулянский*—съ 4-го ноября 1891 г.; почетный членъ попечительнаго

совѣта Комиссаровскаго технического училища *Губонинъ* — съ 17-го января 1887 г.; по Одесскому учебному округу. помощникъ клас-
сныхъ наставниковъ Ялтвнской Александровской гимназіи *Балковой* —
съ 1-го сентября 1892 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Москов-
скому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ:
Ковровскаго *Предтеченскій* — съ 28-го февраля 1891 г., Переяславль-
Залѣскаго *Бизяевъ* — съ 1-го октября 1897 г., Трубчевскаго *Понтря-
нинъ* — съ 1-го января 1898 г.; бывший фельдшеръ нервной клиники
Императорскаго Московскаго университета *Александровъ* — съ 15-го
октября 1884 г.

Производятся: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, по Мо-
сковскому учебному округу, бывший учитель 3-го Московскаго город-
скаго училища, нынѣ въ отставкѣ *Владиміровъ*, на основаніи ст. 794
уст. служб. пр., изд. 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *над-
ворные совѣтники*, по Рижскому учебному округу, бывший препода-
ватель аналитической химіи Рижскаго политехническаго училища
фонъ-Беръ на основаніи п. 4 ст. 792 уст. служб. пр., изд. 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣт-
ника*, по Московскому учебному округу, исполняющій обязанности
инспектора, учитель частнаго реального училища Мазинга *Горячевъ* —
съ 1-го декабря 1893 г.; *надворнаго совѣтника*, по Московскому
учебному округу, преподаватель Императорскаго Московскаго техни-
ческаго училища *Астровъ* — съ 19-го сентября 1897 г.; *коллежскаго ас-
сессора*: по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель архан-
гельскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Петра I
Флоринскій — съ 1-го августа 1893 г.: по Московскому учебному ок-
ругу: сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго универ-
ситета при кафедрѣ физиологіи *Самойловъ* — съ 1-го января 1893 г., по
степени доктора медицины; учителя: гимназій: Вяземской Императора
Александра III, *Пичинскій* — со 2-го мая 1889 г., Рязанской *Тере-
ховъ* — съ 12-го сентября 1892 г., прогимназій: Сергіевской, въ Сер-
гіевскомъ посадѣ, титулярный совѣтникъ *Богородскій* — съ 9-го апрѣля
1893 г., Серпуховской Александровской, *Добрынинъ* — съ 11-го сен-
тября 1893 г., Карачевской, *Поповъ* — съ 11-го августа 1893 г.,
реальныхъ училищъ: частнаго Воскресенскаго, *Ляцкій* — съ 10-го сен-
тября 1893 г., Скопинскаго: *Эльмановичъ* — съ 1-го января 1894 г.
и *Мурашевъ* — съ 1-го декабря 1893 г. и при евангелическо-лютеран-
ской церкви св. Михаила *Лебертъ* — съ 26-го октября 1893 г.; по
Одесскому учебному округу, учитель Ялтвнской гимназіи, коллежскій

секретарь *Монкевичъ*—съ 1-го августа 1892 г.; *титularнаго советника*: по С.-Петербургскому учебному округу, врачъ Нарвскаго городского училища *Кретцеръ*—съ 1-го октября 1892 г., по степени лѣкаря; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: ассистенты: штатный при факультетской терапевтической клиникѣ, *Поляковъ*—съ 19-го августа 1892 г., сверхштатные: при фармакологическомъ институтѣ, коллежскій секретарь *Греймъ*—съ 18-го января 1890 г., при неврологическомъ музеѣ имени Кожевникова, *Прибытковъ*—съ 20-го ноября 1890 г., при кафедрѣ частной патологии и терапіи, *Лавровскій*—съ 10-го мая 1893 г., при факультетской терапевтической клиникѣ *Ерофеевъ*—съ 10-го іюля 1892 г., при психіатрической клиникѣ, *Сухановъ*—съ 10-го декабря 1892 г., при терапевтическомъ отдѣленіи клиникъ, *Комаровъ*—съ 16-го марта 1893 г., при госпитальной хирургической клиникѣ, *Зыковъ*—съ 17-го ноября 1892 г., при гинекологической клиникѣ. *Благоволинъ*—съ 23-го іюня 1892 г., при хирургическомъ клиническомъ отдѣленіи, *Мартыновъ*—съ 28-го апрѣля 1893 г., при клиникѣ мочеполовыхъ болѣзней. *Вашиновъ*—съ 30-го марта 1891 г., при кафедрѣ частной патологии и терапіи, *Домановъ*—съ 16-го августа 1891 г., при клиникахъ дѣтскихъ болѣзней, *Виддеръ*—съ 8-го февраля 1889 г., ассистенты вторые сверхштатные: при терапевтическомъ клиническомъ отдѣленіи, *Меньшовъ*—съ 1-го декабря 1892 г. и при пропедевтической клиникѣ, *Малютинъ*—съ 1-го декабря 1892 г., штатный ординаторъ при той же клиникѣ, *Махотинъ*—съ 1-го апрѣля 1888 г., сверхштатные лаборанты: при патолого-анатомическомъ институтѣ, *Шамшинъ*—съ 28-го ноября 1892 г., при институтѣ судебной медицины. *Заборовскій*—съ 25-го іюня 1893 г., секретарь по студенческимъ дѣламъ *Преображенскій*—съ 10-го февраля 1897 г., врачъ частнаго реальнаго училища Мазинга, *Григорьевъ*—съ 25-го мая 1891 г., всѣ двадцать по степени лѣкаря; сверхштатный лаборантъ при ботаническомъ кабинетѣ Императорскаго Московскаго университета *Голенкинъ*—съ 23-го мая 1896 г., по степени магистра: учитель частной женской гимназіи Бессѣ, *Власовъ*—съ 5-го августа 1892 г.; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ инспектора студентовъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I-го *Высокоостровскій*—съ 24-го ноября 1895 г.; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты: при кабинетѣ анатоміи и физиологіи растений, *Крашенинниковъ*—со 2-го но-

ября 1896 г., зоологическаго музея, *Шелановцевъ*—съ 24-го марта 1897 г., при кафедрѣ геологін *Павловъ*—съ 4-го февраля 1897 г., при астрономической обсерваторіи *Модестовъ*—съ 7-го октября 1895 г., сверхштатный лаборантъ при агрономической лабораторіи, *Сабанинъ*—съ 29-го февраля 1898 г., первые четыре по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета и послѣдній по степени кандидата Императорскаго университета; управляющій аптекою при Императорской Екатерининской больницѣ, коллежскій регистраторъ *Исаевъ*—съ 1-го октября 1893 г., по степени провизора; младшій надзиратель Комиссаровскаго техническаго училища *Архангельскій*—съ 15-го августа 1889 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Владимірскаго гимназіи, *Остроумовъ*—съ 1-го сентября 1893 г. и Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, *Яншинъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Киржачскаго двухкласснаго, *Вашлавинъ*—съ 30-го іюля 1893 г., Московскаго 3-го, *Зеленинъ*, Звенигородскаго (бывшій), *Ивановъ*, оба—съ 1-го іюля 1893 г., Клинскаго трехкласснаго, *Оловянишниковъ*—съ 1-го августа 1893 г., Арзамаскаго четырехкласснаго, *Козыревъ*—съ 15-го октября 1892 г., Александровскаго въ г. Книгининѣ, трехкласснаго, *Богомоловъ*—съ 1-го октября 1893 г., Карачевскаго, *Подшиваловъ*—съ 10-го сентября 1892 г., Брянскаго, *Гопоновъ*—съ 1-го апрѣля 1893 г. и Вышневолоцкаго, сверхштатный *Бажановъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; *губернскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: учитель Салигалічскаго уѣзднаго училища *Раевскій*—съ 11-го сентября 1893 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Таращанскаго, *Чернышъ*—съ 26-го октября 1894 г. и Бердичевскаго, *Давидовскій*—съ 1-го іюля 1892 г., по Рижскому учебному округу: сверхштатный учитель Митавскаго Александровскаго трехкласснаго городского училища *Щоръ*—съ 1-го ноября 1890 г.; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу: помощники учителей городскихъ училищъ: 3-го Московскаго, *Страховъ*—съ 1-го февраля 1893 г., Коломенскаго, *Картелевъ*—съ 7-го сентября 1893 г. и Дорогобужскаго (бывшій) *Александровъ*—съ 14-го апрѣля 1889 г.; учитель Вязниковскаго городского приходскаго училища *Скинетровъ*—съ 30-го сентября 1894 г., по званію студента духовной семинаріи; домашніе учителя дирекціи народныхъ училищъ Орловской губерніи: *Александровъ*—съ 31-го декабря 1891 г. и *Браунъ*—съ 1-го іюля 1894 года; по Харьковскому учебному округу: домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ *Селиховъ*—съ 16-го марта 1894 года; по

Кіевскому учебному округу: помощникъ учителя Полтавскаго трех-класснаго городского училища *Паиковскій*—съ 24-го февраля 1892 г.

Переименоывается: въ коллежскіе секретари: по Кіевскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Винницкаго реальнаго училища, поручикъ арміи въ отставкѣ *Териховъ*.

(6-го мая 1898 года). *Производится* за отличіе изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники: причисленный къ министерству, профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины Стефанъ-Станиславъ *Залтскій*.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя *Владимира 3-й степени*, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Василій Смирновъ*.

(11-го мая 1898 года). *Назначаются*: директоръ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, заслуженный профессоръ того же института, докторъ-медицины, тайный совѣтникъ *Склифосовскій* — предсѣдателемъ попечительнаго комитета означеннаго института, съ оставленіемъ его въ должности директора; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ-медицины, коллежскій совѣтникъ *Колосовъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи.

Увольняется, согласно прошенію, членъ совѣта министра, директоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, предсѣдатель попечительнаго комитета Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, докторъ-медицины дѣйствительный статскій совѣтникъ *фонъ-Анренъ* — отъ послѣдней изъ означенныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бобровскій*, съ 1-го мая, за выслугою срокѣ.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 6-го сего мая, нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами:

святаго равноапостольнаго князя Владимира четвертой степени—члена попечительнаго совѣта новгородской Николаевской женской гимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина Якова *Журавлева*; *святая Анна второй степени*—члена отъ земства Московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отставнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана *Шаховскаго*, и *святаго Станислава второй степени*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго смотрителя Камбарской школы ремесленныхъ учениковъ Гавріила *Кондюринна* и члена совѣта бесплатной двухклассной школы имени Комисарова-Костромскаго, въ С.-Петербургѣ, Алексѣя *Картаева* и почетнаго попечителя Тифлисскаго второй женской Великой княгини Ольги Феодоровны гимназіи, первой гильдіи Григорія *Арафелова*.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, 6-го мая сего года, *медалями, съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на шею: *золотыми, на лентахъ: Андреевской*—попечитель Ростовскаго-на-Дону 5-го городского мужскаго начальнаго училища, Донской области, первой гильдіи купецъ Николай *Токаревъ; Аннинской*: членъ попечительнаго совѣта Кавнской женской прогимназіи, второй гильдіи купецъ Иродіонъ *Волковъ* и мѣщанинъ Яковъ *Кронштадтъ*, и *Станиславской*: Бирскій городской голова, второй гильдіи купецъ Александръ *Гашевъ* и почетный блюститель Карлыганскаго для вотяковъ училища, Уржумскаго уѣзда, купецъ Иванъ *Анисимовъ* и *серебряными, на лентахъ: Аннинской*—первый учитель Серпецкаго городского двухкласснаго начальнаго мужскаго и Воскресно-ремесленнаго училищъ, Плоцкой губерніи, Генрихъ *Олежничъ* и *Станиславской*: почетный блюститель Острожскаго еврейскаго начальнаго училища, Волинской губерніи, первой гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Моисей *Зусманъ*; старшій учитель Оренбургскаго 5-го мужскаго приходскаго училища Егоръ *Серебряковъ*; учителя училищъ: Имангуловскаго русско-башкирскаго начальнаго, Оренбургскаго уѣзда, Садыкъ *Мухамедіевъ* и приходскихъ: Александровскаго Петровско-посадскаго въ городѣ Псковѣ Модестъ *Брадись* и Великолуцкаго городского мужскаго Гавріиль *Кужелевъ*; старшій учитель 6-го Варшавскаго двухкласснаго городского начальнаго мужскаго и учитель 1-го Варшавскаго четырехкласснаго Воскресно-ремесленнаго училищъ Михаилъ *Козикъ*; старшій учитель Новодворскаго двухкласснаго городского начальнаго училища Варшавской губерніи, Иванъ *Миланчъ*; первые учителя двухклассныхъ

училищъ: Плоцкой губерніи: Добржинскаго гминнаго начальнаго общаго и Воскресно-ремесленнаго Игнатій *Гутовскій* и Раціонжскаго сельскаго начальнаго общаго Осипъ *Копера* и Варшавской губерніи: городскихъ начальныхъ: Скерневицкаго мужскаго Станиславъ *Янковскій* и Ловичскаго Іосифъ *Гаевничекъ* и Пултускаго еврейскаго общаго начальнаго Маеръ-Хацкель *Энновичъ*; учителя училищъ: Варшавскихъ: 19-го городского мужскаго и 5-го Воскресно-ремесленнаго Іосифъ *Пенжерскій*; Варшавской губерніи: Влоцлавскаго 2-хъ класснаго общаго городского начальнаго Ипполитъ-Евстафій *Копкъ* — Жирардовскаго 2-го Генрихъ *Куртъ*, Закрогимскаго мужскаго городского Александръ *Сатрчевскій*, Гроецкаго 1-го мужскаго начальнаго Казиміръ-Осипъ *Дзержбицкій*, Обритскаго сельскаго начальнаго — Адольфъ *Шиллеръ*, Сорочкаго общаго начальнаго — Адамъ *Юркунъ* и сельскихъ одноклассныхъ общихъ начальныхъ: Жирардовскаго 1-го—Франць *Фабіанскій* и Горно-Кальварійскаго—Александръ *Ходоровскій* и Черниковскаго однокласснаго гминнаго, начальнаго общаго. Плоцкой губерніи — Сигизмундъ *Солтыкевичъ*, служитель при библиотекѣ Императорскаго университета св. Владимира, личный почетный гражданинъ Петръ *Троицкій*, личный почетный гражданинъ Вильгельмъ *Бехманъ*, почетный блюститель Радзивиловскаго еврейскаго начальнаго училища. изъ купцовъ, Яковъ *Вейцеръ*, служитель кievской 1-й гимназіи, отставной фельдфебель Максимъ *Бедренецъ*, курьеръ при вице-президентѣ Императорской академіи наукъ, запасный фельдфебель Владиміръ *Чернухинъ*; отставные младшіе фейерверкеры: служители: при акушерско-гинекологической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета Егоръ *Михайловъ* и Астраханскаго реальнаго училища Иванъ *Шестеркинъ*; отставные старшіе унтеръ-офицеры: служитель Сумской Александровской гимназіи. Петръ *Зайченко* и смотритель дома Оренбургской гимназіи Арсеній *Жидкихъ*; служители: патологоанатомическаго института Императорскаго Казанскаго университета, старшій запасный унтеръ-офицеръ Діомидъ *Никитинъ* и отставные унтеръ-офицеры: Киевской 1-й гимназіи Маркъ *Побережнюкъ* и при церкви той же гимназіи Артемія *Шевкунъ*; писецъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, отставной писарь унтеръ-офицерскаго званія Яковъ *Стенановъ* и почетные блюстители училищъ: Сѣкачевскаго приходскаго, Донской области, казакъ торговаго общества Семень *Скачковъ* и Емецкаго 2-хъ-класснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Холмогорскаго уѣзда, торгующій по купеческому свидѣтель-

ству, крестьянинъ Михаилъ *Вальневъ*, и для ношенія на груди: золотыми, на лентахъ: *Аннинской*: учительница Долматовскаго начальнаго женскаго училища Шадринскаго уѣзда, Павла *Черемухина* и *Станиславской*: почетный блюститель Государевскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ Матвѣй *Нефедовъ* и серебряными, на лентахъ: *Аннинской*: служитель при Азіатскомъ музеѣ Императорской академіи наукъ, старшій унтеръ-офицеръ Дмитрій *Брядовъ*; вахтеръ типографіи той же академіи, запасный старшій унтеръ-офицеръ Кузьма *Карповъ*; служитель Сумской Александровской гимназіи, отставной ефрейторъ Иванъ *Коваленко*; почетные блюстители училищъ: Кустанайскаго 1-го однокласснаго русскаго, временный второй гильдіи купецъ Петръ *Степановъ* и Усть-Бѣлокалитвенскаго приходскаго, Донской области, казакъ Тимошей *Северюговъ*; и попечитель Колпаковскаго начальнаго народнаго училища, той же области, крестьянинъ Никифоръ *Яковенко* и *Станиславской*: почетный смотритель Мамадыскаго городского трехкласснаго училища, временный второй гильдіи купецъ Козьма *Савиновъ*; служители: при домѣ Императорской академіи наукъ, изъ придворно-кониюшенныхъ служителей: Иванъ *Толмасъ* и при библиотекѣ Императорскаго университета Св. Владимира, мѣщанинъ Николай *Оришетченко*; попечитель Портъ-Катоновскаго начальнаго народнаго училища, Донской области, мѣщанинъ Дмитрій *Ильишовъ*; служитель при I отдѣленіи библиотеки Императорской академіи наукъ, запасный рядовой Илья *Грузновъ*, сторожъ Кіевскаго центрального архива при Императорскомъ университетѣ Св. Владимира, отставной рядовой Романъ *Емельяновъ*; швейцаръ при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ, мѣщанинъ Евфимій *Безыменный*; служители: при I отдѣленіи библиотеки Императорской академіи наукъ, крестьянинъ Петръ *Гаврилинъ* и при химической лабораторіи той же академіи, крестьянинъ Василій *Петровъ*; помощникъ вахтера главнаго зданія Императорской академіи наукъ, крестьянинъ Станиславъ *Барковский*, служитель при особой зоологической лабораторіи той же академіи, крестьянинъ Михаилъ *Орловъ*; экспедиторъ типографіи Императорской академіи наукъ, крестьянинъ Дмитрій *Малининъ*; швейцаръ при Ташкентской мужской гимназіи, изъ татаръ гор. Ауліэта Сеитъ *Ашурбаевъ*; содержатель Акчійской аульной школы киргизъ втораго аула, Иргизскаго уѣзда, Тургайской области, Утегенъ *Жанкучуковъ*, волостной старшина Алексѣевской волости, Хвалынскаго уѣзда, крестьянинъ Юсифъ *Власовъ*; волостные писари волостныхъ правленій: мотовиловскаго, Житомирскаго уѣзда, крестья-

нинъ Дмитрій *Гуменюкъ* и киселинскаго, Владиміръ-Волинскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Матвѣй *Паздерко* и крестьянинъ Калужской губерніи Михаилъ *Васюточкинъ*.

(21-го мая 1898 года). По Императорскому клиническому институту великой княгини Елены Павловны. *Награждаются* орденами: *св. Анны 3-й степени*, техникъ (архитекторъ) коллежскій ассессоръ Петръ *Балинскій*; *св. Станислава 2-й степени*, профессоръ патологической анатоміи, статскій совѣтникъ Николай *Петровъ*; *св. Станислава 3-й степени*, сверхштатный ассистентъ, коллежскій ассессоръ Владиміръ *Калашиковъ*.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

22. (26-го апрѣля 1898 года). *Циркуляръ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Министерствомъ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, въ видахъ устраненія фактической передачи денегъ въ учрежденія государственнаго банка изъ казначействъ, находящихся въ тѣхъ же городахъ, сдѣлано по главному казначейству и казеннымъ палатамъ циркулярное распоряженіе о томъ, чтобы въ случаяхъ, когда распорядительному управленію приходится передавать деньги изъ казначействъ въ учрежденія банка, главное казначейство и тѣ губернскія и уѣздныя казначейства, которыя находятся въ городахъ, гдѣ есть банковыя учрежденія, по полученіи отъ распорядительнаго управленія ассигновки съ неотрѣзаннымъ талономъ на передачу въ мѣстное банковое учрежденіе суммы изъ смѣтныхъ кредитовъ, депозитовъ или специальныхъ средствъ, выписывали указанную къ ассигновкѣ сумму въ расходъ по расходному реестру и подлежащимъ бухгалтерскимъ книгамъ и записывали ее на приходъ въ наличность государственнаго банка по приходорасходной книгѣ для банковыхъ операций. Въ указанныхъ случаяхъ къ ассигновкѣ распорядительнаго управленія, примѣнительно къ ст. 104-й кассовыхъ правилъ, должно быть приложено отношеніе на имя банкаго учрежденія, съ указаніемъ въ немъ, на какой именно предметъ деньги передаются, каковое отношеніе казначейство, по запискѣ денегъ въ наличность государственнаго банка, должно передать въ банковое

учрежденіе въ числѣ прочихъ приходныхъ документовъ за тотъ-же день.

Сообщая объ этомъ, министерство финансовъ просило сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить начальникамъ учреждений и учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа отправлять въ казначейства ассигновки на передачу денегъ въ мѣстныя банковыя учрежденія не иначе какъ при отношеніяхъ на имя этихъ банковыхъ учреждений, съ указаніемъ въ нихъ суммы денегъ и другихъ свѣдѣній, необходимыхъ для исполненія порученія распорядительнаго управленія.

23. (30-го августа 1897 года). *Положеніе объ учреждаемыхъ дворянствомъ Нижегородской губерніи, при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II-го, шести стипендіяхъ имени Высочайшихъ особъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Императорскими Величествами въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексѣя Александровича 18-го іюля 1896 года дома дворянскаго собранія учреждаются при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II-го на счетъ суммъ Нижегородскаго Александровскаго губернскаго банка въ количествѣ *двухъ тысячъ четырехсотъ* руб. ежегодно шесть стипендій, а именно: двѣ стипендіи имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, двѣ стипендіи имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, одна стипендія имени Ея Императорскаго Высочества великой княжны Ольги Николаевны и одна стипендія имени Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексѣя Александровича.

§ 2. Выборъ стипендіатовъ изъ дворянъ Нижегородской губерніи предоставляется нижегородскому губернскому предводителю дворянства.

§ 3. Стипендіаты, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и не оказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ, лишаются стипендіи по распоряженію губернскаго предводителя дворянства и затѣмъ имъ же избираются новые кандидаты для замѣщенія стипендій.

§ 4. Стипендіаты, окончившіе полный курсъ въ институтѣ и поступившіе въ университетъ или другія высшія учебныя заведенія, содержатся во время ученія въ этихъ заведеніяхъ на счетъ нижегородскаго дворянства (§ 138 утвержденного министерствомъ народнаго просвѣщенія 23-го апрѣля 1884 года устава Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II-го).

§ 5. Стипендіатамъ, окончившимъ курсъ, предоставляется на ихъ добрую волю, по мѣрѣ средствъ и возможности, возвращать затраченные на ихъ воспитаніе и образованіе суммы, такъ какъ пользованіе стипендіями не обязываетъ ихъ срочной выслугою дворянству.

§ 6. Суммы эти вносятся въ Нижегородскій Александровскій губернскій дворянскій банкъ и употребляются исключительно на выдачу стипендій, независимо отъ существующихъ уже въ институтѣ.

24. (24-го сентября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени чиновъ Сарapulьскаго удѣльнаго округа при Сарapulьскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *семьсотъ* руб., пожертвованнаго чинами Сарapulьскаго удѣльнаго округа, въ ознаменованіе исполнившагося 5-го апрѣля 1897 г. столѣтія со дня учрежденія удѣловъ, учреждается при Сарapulьскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени чиновъ Сарapulьскаго удѣльнаго округа.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ Сарapulьскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность этого заведенія и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, или на выдачу ему пособія для пріобрѣтенія платья, обуви и учебныхъ пособій.

§ 4. Право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Сарapulьскаго реальнаго училища.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ и дѣйствительно нуждающихся учениковъ названнаго училища безъ различія классовъ.

§ 6. Въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія. стипендіатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть лишенъ стипендіи. Равнымъ образомъ можетъ быть лишенъ стипендіи также и стипендіатъ, оставшійся по неуспѣхамъ въ наукахъ на другой годъ въ одномъ и томъ же классѣ, если только малоуспѣшность его произошла не отъ болѣзни или не по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 7. Если съ теченіемъ времени, плата за содержаніе воспитанниковъ будетъ увеличена на столько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется поступить по его усмотрѣнію: или прекратить выдачу стипендіи до тѣхъ поръ, когда капиталъ пополнится въ достаточной степени, или дополнять недостающую сумму изъ спеціальныхъ средствъ реального училища, или же, наконецъ, предложить стипендіату доплачивать эту сумму самому.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ упраздненія или преобразованія реального училища, означенный капиталъ долженъ составлять собственность того учрежденія, которое находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ или замѣнять Сарапульское реальное училище, или вообще соответствовать образовательному характеру и типу сего заведенія.

25. (29-го октября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Филиппа Степановича Степанова при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованныхъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Филиппомъ Степановичемъ Степановымъ, учреждается при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Кронштадтскаго реального училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% подоходнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ уче-

никовъ училища православнаго вѣроисповѣданія, преимущественно изъ мѣщанскаго сословія. Но такъ какъ съ капитала въ 1000 р. получается всего 40 р. процентныхъ денегъ, а плата за ученіе составляетъ 50 р. въ годъ, то недостающіе 10 р. вносятся самимъ стипендіатомъ.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа предложенныхъ педагогическимъ совѣтомъ бѣднѣйшихъ учениковъ, отличающихся прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, принадлежитъ пожизненно учредителю стипендіи, по смерти его—женѣ его, а затѣмъ педагогическому совѣту.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведения и неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ, если только малоуспѣшность произошла не отъ болѣзни или не по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

26. (29-го октября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Николая Григорьевича Сидорова при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу двести рублей, собранныхъ по подпискѣ почитателями покойнаго кронштадскаго 1-й гильдіи купца Николая Григорьевича Сидорова, учреждается при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Н. Г. Сидорова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 2-хъ свидѣльствахъ государственной 4% ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Кронштадтскаго реальнаго училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% подоходнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, оказывающаго при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ кандидатовъ, предложенныхъ педагогическимъ совѣтомъ, принадлежитъ пожизненно соборному діакону Зрѣлову, а по смерти его, педагогическому совѣту училища.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи за неодобрительное поведе-

ніе неудовлетворительныя успѣхи въ наукахъ, если только малоуспѣшность произошла не отъ болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

27. (12-го ноября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Александра Степановича Чеботарева при Курской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи* рублей, пожертвованнаго дворяниномъ Александромъ Степановичемъ Чеботаревымъ, учреждается при Курской мужской гимназій одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ свѣдѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ; проценты же съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ налога по закону 20-го мая 1885 года, употребляются ежегодно на выдачу стипендіи одному изъ учениковъ названной гимназій изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ Тимскаго уѣзда.

§ 3. Право выбора стипендіата предоставляется Тимскому уѣздному предводителю дворянства.

§ 4. Избранный кандидатъ пользуется стипендіею, начиная съ VI класса, доколѣ не утратитъ на то права или чрезъ улучшеніе матеріальнаго положенія его родителей или его самого, или же по причинѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 5. Въ этомъ случаѣ начальство гимназій, на основаніи существующихъ правилъ, лишая ученика стипендіи, сообщаетъ предводителю дворянства о назначеніи кандидата.

§ 6. При оставленіи стипендіата въ томъ же классѣ на другой годъ, по безуспѣшности въ наукахъ продолженіе ему стипендіи зависитъ отъ согласія на то предводителя дворянства.

§ 7. Если стипендіатъ, по окончаніи курса наукъ въ гимназій, поступитъ для дальнѣйшаго образованія въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе, то сохраняетъ за собою право на полученіе той же стипендіи, но не болѣе какъ на пять лѣтъ.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

28. (27-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика VIII класса Макса Шполянскаго при Одесской 2-й гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго Одесскимъ 1-ой гильдіи купцомъ Ф. О. Шполянскимъ учреждается въ Одесской 2-й гимназій стипендія въ память сына его, бывшаго ученика VIII класса названной гимназій Макса Шполянскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ одномъ закладномъ листѣ Государственнаго Дворянскаго земельного банка, составляетъ собственность Одесской 2-й гимназій и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ ея.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора, выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій, начиная со 2-го класса, безъ различія вѣроясповѣданія и національности, заслуживающему того по своему отличному поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

Примѣчаніе. Стипендія выдается на руки стипендіату, его родителямъ или заступающимъ ихъ мѣсто, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 4. Выборъ стипендіата изъ числа учениковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ § 3-го сего положенія, предоставляется педагогическому совѣту Одесской 2-й гимназій.

§ 5. Право на пользованіе стипендіей прекращается: а) по выбитіи стипендіата изъ Одесской 2-й гимназій и б) по не удовлетворительности успѣховъ и поведенія.

Если же малоуспѣшность произошла отъ болѣзни, или если стипендіатъ по той же причинѣ остался на 2-й годъ въ классѣ, то отъ педагогическаго совѣта зависитъ—продолжать или прекратить выдачу стипендіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ стипендіи, присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Ученикъ, получающій стипендію имени М. Шполянскаго вибѣсть съ тѣмъ не лишается права на освобожденіе отъ платы за ученіе.

29. (27-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Мариупольской Александровской гимназій въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-ю мая 1896 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго Обществомъ для пособія нуждающимся воспитанникамъ Мариупольской Александровской гимназій учреждается при сей гимназій стипендія въ память Священнаго Корованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и составляетъ неотъемлемую ея собственность, оставаясь навсегда не прикосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога въ доходъ казны, составляютъ стипендію для взноса платы за ученіе одного изъ учениковъ гимназій.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ Мариупольской гимназій безъ различія вѣроисповѣданія и сословія и утверждается Правленіемъ упомянутаго въ § 1 общества; при неуспѣшности въ наукахъ или неодобрительномъ поведеніи ученикъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

Примѣчаніе. Въ случаѣ закрытія Общества, окончательное рѣшеніе объ избраніи стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

30. (29-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Григорія Кириловича и Анны Ивановны Кузнецовыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовой потомственнаго почетнаго гражданина Анной Ивановной Кузнецовой, учре-

ждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ четыре стипендіи имени Григорія Кириловича Кузнецова и одна стипендія имени Анны Ивановны Кузнецовой, по *сто* рублей каждая.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ тринадцати свидѣтельствъ 4% государственной ренты по *тысячъ* рублей каждое и одного свидѣтельства на *двѣсти* рублей, а всего на *тринадцать тысячъ двѣсти* рублей, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за право слушанія лекцій пяти студентовъ въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ или на взносъ за содержаніе ихъ въ домѣ студенческаго общежитія, или выдаются имъ на руки въ видѣ ежемѣсячнаго пособия.

§ 4. Стипендіи предоставляются по усмотрѣнію Правленія университета бѣднѣйшимъ студентамъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, преимущественно сиротамъ, безъ различія сословій и факультетовъ. При этомъ принимается во вниманіе кандидатура студента заявленная самою жертвовательницею. Пользованіе стипендіею не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ по выbitіи ихъ изъ университета.

§ 5. Право на полученіе стипендіи прекращается съ выходомъ изъ университета, или вслѣдствіе малоуспѣшности стипендіата въ его учебныхъ занятіяхъ; за стипендіатомъ оставшимся на второй годъ на томъ же курсѣ, стипендія оставляется лишь въ томъ случаѣ, если онъ остался на второй годъ вслѣдствіе болѣзни, или уважительныхъ, по мнѣнію Правленія, обстоятельствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по какимъ либо другимъ причинамъ, остатки обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

31. (5-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени представителя торговаго дома „Никона Гарелина Сыновей“ мануфактуръ советника Меодія Никоновича Гарелина въ Иваново-Вознесенскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *четыре*ста рублей, пожертво-

ваннаго служащими торговаго дома „Никона Гарелина Сыновей“. въ память исполнившагося 9-го марта 1898 года пятидесятилѣтія бумагопрядильной фабрики, учреждается при Иваново-Вознесенскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ одна стипендія имени Мееродія Никоновича Гарелина.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 4% государственныхъ бумагахъ, хранится въ числѣ другихъ специальныхъ средствъ училища въ Шуйскомъ уѣздномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., назначаются въ стипендію одному ученику техническаго училища изъ дѣтей лицъ, работающихъ или работавшихъ на фабрикахъ торговаго дома, причѣмъ часть стипендіи идетъ на уплату за право ученія стипендіата въ училищѣ, остальные же деньги выдаются ему на руки.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ учениковъ Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища принадлежитъ торговому дому „Никона Гарелина Сыновья“, а въ случаѣ прекращенія существованія фирмы переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по какимъ либо другимъ причинамъ, остатки присоединяются къ капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

32. (16-го мая 1898 года). *Положеніе о „клинической“ стипендіи при университетѣ св. Владиміра.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 3.000 руб., собранныхъ по подпискѣ между профессорами, студентами и бывшими воспитанниками университета Св. Владиміра (разрѣшенной г. министромъ народнаго просвѣщенія по ходатайству студентовъ 7 и 8 семестровъ медицинскаго факультета), учреждается при названномъ университетѣ въ память 50-ти-лѣтняго существованія факультетскихъ клиникъ стипендія, называемая „клиническою“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ (3.000 р.), заключающійся въ 4% государственной рентѣ, составляетъ неприкосновенную собственность университета и долженъ храниться въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, получаемыхъ ежегодно со стипендіальнаго капитала.

§ 4. Стипендія назначается Правленіемъ университета, по представленію медицинскаго факультета, бѣднѣйшему студенту-медику 7 и 8 семестровъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 5. Могущіе по какимъ либо причинамъ образоваться остатки отъ процентныхъ денегъ со стипендіальнаго капитала должны быть присоединены къ самому капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на счетъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исправляющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Брошюру: „*Rud Menge*“. Иеака. Переводъ съ нѣмецкаго *August Vetnik*. Съ картою о. Иеаки. Изданіе ж. „Гимназія“. Ревель. 1898. 34. Цѣна 25 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русскій рыболовъ-удильщикъ. Наставленіе къ ужению рыбы для начинающихъ и справочное руководство въ разныхъ случаяхъ рыболовнаго спорта для занимающихся уженіемъ рыбы. Составлено по Аксакову, Веньяминову, Виноградову, Висковатову, Домбровскому, Львову, Радкевичу, Сабанѣеву и другимъ русскимъ ихтиологамъ *Ф. Оршниковымъ*. Съ 485 иллюстраціями въ текстѣ. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1895. 26 стр. in folio. Цѣна 50 коп.“—одобрить для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книжку: „*Д. Мёнро*. Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Переводъ съ англійскаго. („Популярно-научная бібліотека“. Изданіе А. С. Суворина). С.-Пб. 1898. 194. Цѣна не обозначена“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ учи-

тельскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Иллюстрированный словарь общепользныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей *Эльме*. Съ 1708 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. V+1634. Цѣна 3 р.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Прямолинейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Составилъ *А. Воиновъ*, исправляющій обязанности инспектора Корочанской гимназіи. 2-е изданіе. М. 1897. 100. Цѣна 70 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Фотогеліотипію: „Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ 14-го мая 1896 г.“ (Цѣна въ частной продажѣ 15 р., для лицъ и учреждений вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, выписывающихъ черезъ книжный и географическій магазинъ Главнаго Штаба—10 р. безъ пересылки)“—допустить къ приобрѣтенію тѣми учебными заведеніями, коихъ средства дозволяютъ этотъ расходъ.

— Книгу: „*А. Пеліканъ*. Прогрессирующая Японія. С.-Пб. 1895. VII+295. Цѣна 2 р.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Изданіе: „Письма *Иннокентія*, митрополита Московскаго и Коломенскаго. 1828—1855. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*. Книга первая. С.-Пб. 1897. XIV+480. Цѣна 2 р. 50 коп. Книга вторая. С.-Пб. 1898. VI+496. Цѣна 2 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Д. И. Шрейдеръ*. Страна восходящаго солнца. Разказы о японцахъ. С.-Пб. 1898. 60. Цѣна 20 коп. (Изданіе *О. Н. Поповой*. „Разказы о разныхъ странахъ и народахъ“)“—одобрить для ученическихъ, средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Изданіе: „*М. Вилькомъ*. Ботаническій атласъ. Текстъ подъ редакціей *Н. Раевскаю*. Съ 124 раскрашенными таблицами. С.-Пб. Изданіе *Ф. А. Битпажа*. 1898. XII+180+124 табл. Цѣна 7 р.“—

одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, а также для употребленія въ качествѣ класснаго учебнаго пособия въ реальныхъ и городскихъ училищахъ, для каковой цѣли названное изданіе должно быть приобретаемо не учениками, а самими училищами на спеціальныя средства.

— Книгу: „Нашъ дальній Востокъ. (Три года въ Уссурійскомъ краѣ). Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. *Д. И. Шрейдера*. С.-Пб. Изданіе А. Девріена. 1897. XI+468. Цѣна 3 р. 50 коп.“ — рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. Управляющимъ министерствомъ, постановлено.

— Книжку: „*Л. Филе*. Пять виѣшнихъ чувствъ. Перевелъ и дополнилъ д-ръ *Ю. Малисъ*. Съ 20 рисунками. („Полезная библіотека“. Изданіе П. П. Сойкина). С.-Пб. 1894. 149+II. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исправляющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книги, составленныя преподавателемъ С.-Петербургскаго Патриотическаго института и Земской учительской школы *П. К. Соколовымъ*: 1) „Методика ариметики съ приложеніемъ сборника задачъ въ предѣлахъ первой сотни. С.-Пб. 1898. IV+136. Цѣна 60 коп. безъ приложенія“.—2) „Задачи по ариметикѣ въ предѣлахъ первой сотни. Приложение къ методикѣ ариметики. С.-Пб. 1898. IV+208. 40 коп.“—одобрить первую для учительскихъ семинарій, вторую для всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ пособия.

— Книжку: „Свѣтлый Христовъ Праздникъ Пасха. Сборникъ ста-

тей. (Съ рисункомъ — „Воскресеніе Христово“). Изданіе *Ив. Преображенскаго*. С.-Пб. 1898. 104. Цѣна 30 коп., въ переплетѣ 35 коп.“ — одобрить для учительскихъ библиотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальня и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Периодическое изданіе: „Городской и сельскій учитель, педагогическій журналъ, издаваемый *А. И. Анастасіевымъ*. Годъ IV-й. 1897. Казань. Выпуски 1 — 6. Цѣна съ пересылкою и доставкою 3 р.“ — допустить въ учительскія библиотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и городскихъ училищъ.

— Книжку: „*А. Анастасіевъ*. Русская начальная народная школа. (Изъ бесѣдъ съ начальными учителями). Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Городской и сельскій учитель“. Казань. 1897. 65. 25 коп.“ — допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы авторомъ, при слѣдующемъ изданіи брошюры, были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Учебникъ: „Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка (новаго періода). Для низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и высшихъ классовъ церковно-приходскихъ школъ. Составилъ *М. Григорьевскій*. Изданіе второе. С.-Пб. 1898. 45. 25 коп.“ — одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: „Пчеловодный атласъ. Томъ I. Медоносныя растенія, ихъ время цвѣтенія, мѣстонахожденіе, польза, размноженіе и краткое ботаническое описаніе. 100 раскрашенныхъ рисунковъ въ 50-ти таблицахъ. Выпускъ I-й. Составилъ *Г. В. Парадѣевъ*. Ставрополь. 1896. XVII + 90 + 50 таблицъ“ — одобрить для библиотекъ тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ ведутся занятія по пчеловодству, а равно допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Составилъ инспекторъ народныхъ училищъ *В. Раевскій*. Нижній-Новгородъ. 1896. 112. Цѣна не обозначена“ — одобрить для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ.

— Сочиненія *Клавдіи Лукашевичъ*, изданныя М. М. Ледерле: 1) „Изъ деревни. (Акуля). Повѣсти для дѣтей. Рисунки *Т. И. Никитина*. 61. Цѣна 40 коп.“ — 2) „Босоногая команда. Повѣсть изъ недавняго прошлаго. Рисунки *Т. И. Никитина*. С.-Пб. 1896. 82.

Цѣна 75 коп.—3) „Няня. Повѣсть для дѣтей. Рисунки Т. И. Накятина. С.-Пб. 1894. 47. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ школь.

— Книжку: „Природа и люди. Разказы о землѣ и о небѣ *Александра Иванова (Стронина)*. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе пятое, исправленное. С.-Пб. Изданіе книжнаго склада А. М. Калмыковой. 1894. 68. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Зима. Новыя повѣсти и разказы преимущественно изъ русскаго быта. *В. Чистякова*. Изд. 3-е. М. О. Вольфа. С.-Пб. Стр. 403. Цѣна 2 р. 50 коп.—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя-же младшаго возраста, библіотеки зрѣлыхъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Полное собраніе басенъ *Ивана Андреевича Крылова*. Въ восьми систематически распредѣленныхъ отдѣлахъ, съ алфавитнымъ указателемъ басенъ. Съ приложеніемъ краткаго очерка жизни и литературной дѣятельности И. А. Крылова. Басни иллюстрированы 40 политипажными рисунками. Собрано и составлено подъ редакціей *К. Ѳ. Грязнова*. Изданіе 2-е, книгопродавца Г. Бриллиантова. М. 1897. VIII + 128. Цѣна 12 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія^а библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (3-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета и цѣна ея (12 коп.) была напечатана на обложкѣ.

— Брошюру: „Очерки изъ жизни растений. *В. Карабинова*. Изд. 1-е. М. 1897. 35. Цѣна 5 коп. (Изданіе Общества распр. полезн. книгъ № 739)“—одобрить для ученическихъ библіотекъ городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и для бесплатныхъ читаленъ.

— Брошюру: „Докторъ Дженнеръ, изобрѣтатель оспопрививанія. Біографическій очеркъ *В. Коровина*. Изданіе второе. М. 1896. 64. Цѣна 10 коп. (Изданіе Общества распр. полезн. книгъ № 707)“.—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для публичныхъ народныхъ чтеній и бесплатныхъ библіотекъ-читаленъ.

— Книгу: „Какъ поживешь—такъ и прослывешь. Повѣсти и раз-

казы *В. Самойловичъ*. Изданіе 3-е, Товар. М. О. Вольфъ. С.-Пб. 449. Цѣна 2 р. 50 коп.—допустить въ ученическія бібліотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданіе: „Бетъ-Микра. Руководство къ изученію древне-еврейской грамоты по наглядно-звуковой методѣ съ рисунками въ текстѣ. Составилъ *М. Б. Шнейдеръ*. Выпускъ I. Букварь. Варшава. 1897. XXI + 53. Выпускъ II. Варшава. 1898. 90. Цѣна за оба выпуска 60 коп.“ — допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ его изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *К. В. Бллевича*: „Лѣсное хозяйство. О сбереженіи лѣса и разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, Москва, 1894 г., 132 стр., цѣна 10 коп.“—допустить въ школы министерства народнаго просвѣщенія, а равно въ сельскія и городскія бібліотеки и читальни.

— Книгу, составленную *М. В. Рытовимъ*, подъ заглавіемъ: „Краткій учебникъ огородничества и плодоводства, въ 2-хъ частяхъ. Часть I—Огородничество—С.-Пб., 1896 г., 114 стр., въ 8-ку; часть II—Плодоводство—С.-Пб. 1896 г., 140 стр., въ 8-ку. Цѣна за обѣ части 1 р.“—одобрить для бібліотекъ учебныхъ заведеній министерствъ: народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ и земледѣлія, при чемъ въ тѣхъ изъ заведеній, въ коихъ проходитъ специальный курсъ садоводства и огородничества, книга эта могла бы быть употребляема въ качествѣ учебнаго пособія.

— Составленное преподавателемъ чистописанія *Печинскимъ*: „Руководство для изученія англійскаго курсивнаго шрифта, состоящее изъ 10-ти тетрадей, С.-Пб. 1897 г., изданіе картографическаго заведенія Ильина, цѣна каждой тетради 10 коп.“—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

I.

Для соисканія въ текущемъ 1898 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, были назначены: а) по разряду гимназій — группа „языки латинскій и греческій, съ преимущественнымъ правомъ на премию русско-греческаго словаря“, и б) по разряду реальныхъ училищъ — „математическая географія, проекционное черченіе и геометрическое черченіе“. Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку, въ ученый комитетъ поступили 16 сочиненій (14 печатныхъ и 2 печатныхъ съ рукописными исправленіями) по разряду гимназій и 13 сочиненій (10 печатныхъ и 3 рукописныхъ) по разряду реальныхъ училищъ. Для разсмотрѣнія означенныхъ сочиненій, при ученомъ комитетѣ были образованы двѣ особыя комиссіи: по разряду гимназій — подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемониуса, и по разряду реальныхъ училищъ — подъ предсѣдательствомъ члена того же комитета Н. И. Библина. Въ составъ первой комиссіи вошли: бывшій профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института А. Д. Вейсманъ, профессора: Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ф. Зѣлинскій и Императорскаго историко-филологическаго института И. И. Холоднякъ, и инспекторъ 2-й С.-Петербургской прогимназій Г. В. Фарникъ; въ составъ второй комиссіи вошли: профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета А. М. Ждановъ, приватъ-доцентъ того же университета Б. М. Кояловичъ и преподаватели: С.-Петербургскаго учительскаго института В. И. Соллертинскій и исправляющій должность инспектора 2-го С.-Петербургскаго реальнаго училища Ѳ. Г. Мышковскій.

По обсужденіи представленныхъ комиссіями подробныхъ отзывовъ о вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ, ученый комитетъ опредѣлилъ: 1) признать, согласно съ заключеніями комиссіи, что ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій не можетъ быть удостоено преміи Императора Петра Великаго; и 2) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателей и членовъ особыхъ комиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать симъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали. Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

II.

Для представленія сочиненія на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія министерства, слѣдующій порядокъ.

I. *По разряду гимназій:* на преміи 1899 года — группа „исторія и географія, всеобщая и русская“; на преміи 1900 года — группа „математика, математическая географія и физика“; на преміи 1901 года — группа „языки французскій и нѣмецкій“; на преміи 1902 года — группа „русскій языкъ со словесностію и логика“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ; на преміи 1903 года — группа „языки греческій и латинскій“, съ преимущественнымъ правомъ на премію за русско-греческій словарь.

II. *По разряду реальныхъ училищъ:* на преміи 1900 года — „коммерческая географія“ и „сравнительная географія для VI класса реальныхъ училищъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сравнительную географію.

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія:* — на премію 1899 года — 1) книга для народнаго чтенія на тему „Исторія Россіи для народа“, согласно съ требованіями и примѣрною программю, объявленными во всеобщее свѣдѣніе въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ, и 2) книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія учащихся въ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, согласно съ требованіями, обнародованными въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за сентябрь мѣсяць 1896 года.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіи года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособия, равно какъ и книги для народнаго чтенія, принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожителство.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 7-го мая сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе подписки, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добровольныхъ пожертвованій въ средѣ ученыхъ обществъ и учрежденій, имѣющихъ соприкосновеніе съ тѣми областями знанія, въ которыхъ работалъ знаменитый метеорологъ Бейсъ-Балло, на сооруженіе ему памятника въ городѣ Утрехтѣ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемая суммы, для отсылки по назначенію, были передаваемы директору главной физической обсерваторіи, академику Рыкачеву, а о результатахъ подписки, по истеченіи годичнаго срока, былъ представленъ отчетъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденного 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлю содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Премій—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемая на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первые должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непримированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ комитета.

ИЗЪ ИСТОРИИ XVII ВѢКА.

ОЧИЩЕНІЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

„Ему, государю, быти на Московскомъ государствѣ государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси, а вамъ и намъ есмь и всею Московскою государства всѣхъ чиновъ людямъ ему государю служить и править, а быти есмь въ любви и въ соединеніи и столать, и битися противъ недруговъ Московскаго государства, польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, которые государю не учнутъ служить“.
Дворц. Разряды, т. I, стр. 1163.

Походъ Черкасъ ¹⁾.

Уже былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ. Точка опоры для русскихъ людей была найдена. Именемъ его должно было довершиться все остальное.

¹⁾ Для исторіи смутнаго времени имѣется нѣсколько спеціальныхъ работъ; но онѣ не идутъ далѣе воцаренія Михаила Ѳеодоровича и оставляютъ недосказаннымъ окончательное очищеніе Русской земли. Между тѣмъ, событія, излагаемые въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи, при внимательномъ взглядѣ, часто представляются *отрывочными*, безъ должной связи, кроющейся въ общемъ движеніи ихъ, и *смутными*, безъ той свойственной имъ фізіономіи, которая должна обрисовываться подробностями ихъ развитія. Сжатая, нерѣдко въ двухъ-трехъ фразахъ (охлапка въ горсть, какъ сжимають хлопокъ на индійскихъ корабляхъ, по выраженію Погодина), событія эти представляются иногда и *неточными*. Въ данномъ случаѣ походъ черкасъ на сѣверъ изложенъ такъ у *Соловьева* (VIII, 491). Когда дѣла уладились подъ Москвою, „пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: малороссійскіе казаки, или черкасы, отдѣлившись отъ Хоткевича, подошли нечаянно (неожиданно?) къ Вологдѣ и взяли ее... (Приводится отписка архиман-

Надлежало прежде всего очистить Русскую землю отъ недруговъ Московскаго государства: польскихъ и отъ литовскихъ, и отъ нѣмецкихъ людей, и отъ казаковъ волжскихъ, донскихъ и отъ малороссійскихъ, черкасъ, и отъ русскихъ воровъ, которые въ разныхъ мѣстахъ землю пустошили, города воевали, церкви Божіи оскверняли, людей мучили всякими муками и на смерть побивали и по лѣсамъ разгоняли, всякій животъ грабили, дворы и деревни жгли и скотъ выбивали и все до конца разоряли.

дрта Сильвестра о взятіи Вологды). Съ тою же чудесною быстротою (?), какъ Лисовскій, дѣйствовали на отдаленномъ сѣверѣ казаки малороссійскіе: такой войны, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало, — не понимали русскіе люди, куда и какъ пробрались черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ Поморскіе города (?), воевали Вагу и Тотемскія мѣста и Устюжскія (?), потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю (?), шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ, гдѣ они не были (!), — и вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли (?) остановить ихъ; только въ Заонежскихъ погостахъ побили ихъ много, а олончане (?) добили и послѣднихъ. Воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ (слѣдовало — подъ волостями) нигдѣ не стояли (?), земли много пустошили, но и сами всѣ пропали же“ (тамъ же, т. IX, стр. 43). Послѣ раскрытія подробностей похода черкасъ, едва ли походъ этотъ можетъ быть сжатъ такимъ образомъ: самое движеніе очерчено неправильно; совершенно пропущены въ немъ такія крупныя станціи, какъ Тихвинъ, Бѣлозерскъ, Кирилловъ монастырь и Каргополь; наконецъ, въ общей характеристикѣ сравненіе съ наѣзникомъ Лисовскимъ не совсѣмъ подходяще, потому что въ полкахъ у черкасъ были не одни конные, но и пѣшіе люди, и о „чудесной быстротѣ“ можетъ идти рѣчь только съ оговорками, тѣмъ болѣе, что походъ ихъ продолжался цѣлыхъ полтора года. За то у Соловьева (у него одного только) этотъ походъ черкасъ до Олонца поставленъ въ связь со взятіемъ Вологды отрядомъ, отдѣлившимся отъ Ходкевича, изъ-подъ Москвы еще въ сентябрѣ 1612 года, и такимъ образомъ вѣрно опредѣлены начало его и конецъ.—Такъ у *Голицева* этотъ походъ черкасъ ошибочно связанъ съ иными походами: Голицевъ „сихъ (какъ онъ выражается) блудящихъ безъ памяти злодѣевъ“ заставляетъ побывать до Вологды въ Торопцѣ, Новгородскомъ, Углицкомъ и Помехонскомъ уѣздахъ (Дѣян. Петра В., Дополн., т. II, стр. 419).—*Берсъ*, назвавъ ихъ „шайкою разбойниковъ, состоявшею изъ польскихъ бродягъ, казаковъ и сподвижниковъ Тушинскаго-Самованца“, выводитъ непосредственно съ Ваги и ведетъ къ Холмогорамъ; встрѣтивъ ихъ затѣмъ „скитающимися“ около Романова, Углича и Торопца, проводитъ ихъ „пространными пустынями“ и „едва проходимыми мѣстами“ до Олонца. Характеризуя „сихъ изверговъ“ указаніемъ на совершаемыя ими жестокости, Берсъ прямо смѣшиваетъ ихъ съ ворами-казаками. (Царств. царя Мих. Фед., ч. 1, стр. 93—94).—То же смѣшеніе допускаетъ и *Дрицъ*; только у него, вслѣдствіе стремленія къ точности, выражено оно еще сильнѣе. Во главѣ отряда онъ прямо ставитъ атамана Баловня, и вся „шайка“ этихъ „разбойниковъ“, на-

Черкасы, эти малороссійскіе казаки, цѣлыми полками устремились въ Сѣверную Россію. Жители юга, одни кіяне родомъ, другіе изъ за Кіева, бѣлоцерковцы, и изъ иныхъ приднѣпровскихъ мѣстъ, зайдя за Москву, описали большой кругъ по сѣвернымъ путямъ: были на Двинѣ, достигли до Архангельска, прошли поморскія страны до Со-

чавъ Пошехоньемъ, Бѣжецкомъ, Кашинимъ, Новгородскимъ, Бѣлозерскимъ и Каргопольскимъ уѣздамъ, приходятъ въ Важскій уѣздъ, въ числѣ 7000 (1) человекъ, и затѣмъ, побывавъ подъ Холмогорамъ и Архангельскомъ, черезъ Поморье достигаетъ до Олонца. Такимъ образомъ Баловень у него находитъ свою судьбу, вмѣсто московской висѣлицы, въ побойщѣ подъ Олонцомъ.—Все это объясняется отчасти отсутствіемъ матеріаловъ для даннаго вопроса, отчасти ихъ неразработанностью. Для возстановленія подробностей и обстановки похода черкасъ я воспользовался архивными столбцами Разряднаго приказа по Московскому столу, а отчасти столбцами же Бѣлозерскаго уѣднаго суда и книгами разряднаго приказа, а также нѣкоторыми писцовыми книгами, въ которыхъ заключаются важныя хронологическія и топографическія указанія, въ архивѣ министерства юстиціи. Что касается печатнаго матеріала, то я старался собрать все, что только было можно изъ лѣтописныхъ сборниковъ, собраній актовъ и мѣстныхъ изданій сѣверныхъ губерній.

Столб. Разряд. прик., Моск. стол., перепл. № 3, столбцы 4, лл. 32—41, 42—50, 82—95, 99—100, 118, 147—150, 151, 152, 153—155, 156, 177—181, 187—188, 218, 221—225, 238—239 (нѣкоторые документы напечатаны въ „Акты Моск. госуд.“).—Столб. Бѣлозерск. уѣдн. суд., связк. № 2 (не описаны, не разобраны и не переимѣнены).—„Кн. разн. гор.“ Разрядн. прик., № 1, лл. 1—22; № 18, лл. 506—513 (выдержки напечатаны у Н. Н. Оглобина въ „Обозр. историко-геогр. матер. Разр. прик.“, напечатанномъ въ IV кн. „Опис. док. М. А. М. Ю.“, стр. 194—196 и 417).—Писцов. кн. по Архангельску 1622 г., кн. № 9, лл. 1—43, 109, 144—329. Дозорн. кн. по Тотмѣ 1619 г., № 479, лл. 1—39, 85, 97—281, 297 и др.; № 480, лл. 613, 633 и др. Приправочн. кн. по Сольвычегодску 1613 г.

„Акты Моск. госуд.“, изданинъ въ 1890 г. академ. наукъ подъ ред. Н. А. Попова, т. I, №№ 46, 47, 56, 59, 70. — Акты археограф. экспед., т. II, №№ 200, 206, 218, 217, 218; т. III, № 15.—Доп. къ акт. истор., т. I, №№ 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 178; т. II, №№ 6, 7, 8, 10, 17, 36; т. III, №№ 15, 69.—Акты юрид., т. I, № 342; т. II, № 193. — Русск. ист. библ., т. II, № 190, ст. 4.—Грам. Пермск. губ., собранн. Беркомъ, №№ XXIV, XXV, XXVI. — Дворц. разр., т. I, лл. 95, 150, 1053, 1163. — Лѣтописецъ двинск. напечатанъ въ „Вѣствованіи“, ч. XVIII, стр. 19—22.—Русск. лѣтоп. по Ник. сп., т. VIII, стр. 195 (Лѣтоп. о мат. мног., стр. 203. Нов. лѣтописецъ во „Временн.“, ч. XVII, стр. 157).—Новгор. лѣт., т. в. 2-я и 3-я, стр. 363—364, 370, 420—Воронова: „Вельскъ, у. г. Волог. г.“ въ „Вѣстникѣ имп. геогр. общ.“, 1859 г., № 2.—Пр. Шеврева: „Повѣдк. въ Кир.-Бѣлоз. мон.“, ч. II, стр. 6—7. — Варлаамъ, архим.: „Древн. Кир.-Бѣлоз. мон.“, стр. 2.—Савваитова: „Опис. Сп.-Прилуцк. мон.“, стр. 9, 48—49, 53—54.—Арханг. Сборн. 1868 г., статья Соколова: „Опис. г. Холмогоръ съ очерк. др. ист. Двинск. кр.“, стр. 389—390).

ловецкаго монастыря, тонули въ олонецкихъ снѣгахъ... Что ихъ туда завело? Непримируемая ли ненависть къ великорусскому племени или погоня за золотомъ и серебромъ, за дорогими камками и всякими узорочьями торговыхъ городовъ? Ненасытная ли жажда крови и истребленія, или призывъ и посулы Якова Пунтусова, „новгородскаго сидѣльца?“ Манилъ ли буйную волю широкой просторъ беззащитнаго края, или гнало ихъ отчаяніе затравленнаго звѣря?..

Это было въ 1612 году. Августа въ 21-й день приходилъ подъ Москву гетманъ Карлъ Ходкѣвъ съ польскими и литовскими людьми и съ венграми, да Наливайко со многими черкасами, и хотѣли проходить въ Москву, чтобы „московскихъ сидѣльцевъ“ запасами укрѣпить. Бояре и воеводы князь Д. М. Пожарскій и князь Д. Т. Трубецкой съ товарищами и всякихъ чиновъ ратные люди, прося у Бога милости, съ гетманомъ бились и польскихъ, и литовскихъ людей, и гайдуковъ, и черкасъ, и нѣмцевъ побили и живыхъ многихъ поймали, и отъ Москвы отогнали, и запасы у нихъ у всѣхъ отгромили. Гетманъ съ того побою побѣжалъ въ Польшу, съ великимъ страхованьемъ. Черкасы же, которые съ гетманскаго побою было разбѣжались, сошлись вмѣстѣ и отъ гетмана отворотили. Пошли они отъ Москвы по большой сѣверной дорогѣ прямо на Вологду.

Путь лежалъ имъ открытый. Отовсюду ратныя силы были стянуты къ нижегородскому ополченію, только что прошедшему подъ Москву изъ Суздаля и Владиміра съ воеводами Артемьемъ Измаиловымъ да съ Андреемъ Просовецкимъ, изъ Галича и Суздаля—съ воеводами Петромъ Мансуровымъ да княземъ Ѳедоромъ Волконскимъ, изъ-подъ Ярославля и Романова — съ воеводами княземъ Василюемъ Пронскимъ да княземъ Ѳедоромъ Козловскимъ, изъ Вологды и отъ поморскихъ городовъ—съ воеводою Ѳедоромъ Нащокинымъ.

Вологда было крѣпкое мѣсто. Какъ былъ царь Иванъ Васильевичъ на Вологдѣ лѣта 1565, повелѣлъ заложить каменный городъ и указалъ стѣны и башни дѣлать каменнымъ мастерамъ, а ровъ копать и валъ обводить казанскими татарами. И по тому повелѣнію поставили десять каменныхъ башенъ и стѣны провели 350 сажень, поперегъ—отъ двухъ сажень до полтретьи сажени, въ вышину—отъ полторы до полчетверты сажени. Начавъ каменную стѣну, на томъ ее и оставили, а докончили ее деревянною стѣной съ деревянными же башнями и по каменному городу поставили рубленый деревянный городъ, а на каменныхъ башняхъ рубленыя же деревянные башни. Въ 1610 году, для смутнаго времени, воевода Никита Михайловичъ Пуш-

кинь съ вологжанами два острога на Вологдѣ сдѣлали и городъ укрѣпили, и башни по городу и по острогамъ подѣлали, и нарядъ по башнямъ большой поставили, и зачали около острогу ровъ копать да на долбы дѣлать. Кругомъ того городу было съ полтретья версты, а по городу было башенъ, глухихъ и съ воротами, 21 башня. Подъ стѣной, что къ рѣкѣ Вологдѣ, были для осаднаго времени выведены два тайника до воды.

Въ 1611 году, какъ взяли шведы Новгородъ, и въ Новгородскомъ уѣздѣ, Тихвинѣ и Бѣлозерскомъ уѣздѣ шведскому королю крестъ цѣловали, были слухи на Вологдѣ, что нѣмцы, собрався, идутъ къ нимъ на Вологду. Воеводы князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій меньшей и Семень Гавриловичъ Коробинъ да дьякъ Петръ Никитичъ Новокшеновъ и вологодскіе посадскіе и уѣздные старосты, и всякіе жилецкіе люди писали на Устюгъ Великій воеводѣ Гаврилу Пушкину да дьяку Потапу Внукову и били челомъ, чтобы они Вологды не подали нѣмецкимъ и литовскимъ людямъ на разоренье и помогали-бъ имъ ратными людьми вскорѣ. Устюжане отпускали къ нимъ ратныхъ людей съ посаду и съ уѣзда и писали о томъ же въ Великую Пермь. Но не съ той стороны нашла гроза на Вологду.

Въ 1612 году съ вологжанами сидѣли въ осадѣ воеводы князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій Меньшой и князь Григорій Григорьевичъ Долгорукой да дьякъ Истома Карташовъ. Сентября въ 22-й день, съ понедѣльника на вторникъ, на остаточномъ часу ночи, „разорители православной вѣры и креста Христова ругатели“, польскіе и литовскіе люди и черкасы, и казаки, и русскіе воры пришли на Вологду безвѣстно, изгономъ, и городъ Вологду взяли и людей всякихъ поѣкли, и церкви Божіи внутри города и на посадѣ выжгли и опоругали, и городъ, и посадъ выжгли до основанія, и казну городовую взяли. Стольникъ и воевода князь Одоевскій Меньшой ушелъ, а околичаго и воеводу Григорія Долгорукаго и дьяка Истома Карташова убили, а Сильвестра, архіепископа вологодскаго и велико-пермскаго, взяли въ полонъ и держали у себя четыре ночи, и многожды приводили къ казни, и едва живаго отпустили. А случилось это такъ. Какъ польскіе и литовскіе люди и черкасы, и казаки, и русскіе воры пришли къ Вологдѣ, и воеводскимъ нерадѣніемъ и оплошествомъ отъ города отѣзжихъ карауловъ и сторожей на башняхъ, и на острогѣ и на городской стѣнѣ головъ и сотниковъ съ стрѣльцами, и у наряду пушкарей и затинщиковъ не было, а были у воротъ на караулѣ немногіе люди, и тѣ не слышали, какъ литовскіе люди и черкасы въ

городъ вошли, а большія ворота были не замкнуты. „И нынѣ городъ Вологда, писалъ въ Москву боярамъ и воеводамъ князю Д. М. Пожарскому и князю Д. Т. Трубецкому архіепископъ Сильвестръ, жезное мѣсто: окрѣпить для осады и нарядъ поставить некому; а которые вологжане, жилацкіе люди, — „утеклецы“, и тѣ въ городъ сходятся не смѣютъ... А все, господа, заключалъ свою отписку Сильвестръ, дѣлалось хмѣлемъ: пропили Вологду воеводы“.

Въ то вологодское разоренье черкасы пришли и въ Спасо-Прилуцкій монастырь ¹⁾. И мы,—били челомъ государю послѣ вологодскаго разоренья игумень Кириллъ съ братією, нищіе твои государевы богомольцы, разбѣжались, и тѣ воры, пришедъ въ монастырь, братью и служекъ, и крестьянецъ многихъ посѣкли и въ церкви Божія милосердія образы ободрали, и казну монастырскую безъ остатковъ понимали.

Жилъ подь Вологдой въ уединенной кельѣ подвижникъ Галактіонъ. Пришли къ нему „мучители“, взяли преподобнаго живаго въ веригахъ и начали его бить нещадно и за цѣпъ влacity по землѣ, и мечами сѣкли, и „деревомъ“ ударили по головѣ, и оставили еле живаго. И былъ живъ онъ три дня и преставился сентября въ 24-й день. На томъ мѣстѣ и погребли его вологжане ²⁾.

Черезъ три дня, того же сентября въ 25-й день, черкасы пошли прочь съ Вологды.

Съ Вологды черкасы пошли въ тотемскія мѣста. На Тотъмѣ былъ „острогъ стоячій“ ³⁾, а межъ стѣнъ 8 башенъ. Въ острогѣ для осады поставлено было до ста осадныхъ избъ и дворовъ стрѣлцкихъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей. Тотъмичи, уѣздные и посадскіе люди, сидѣли съ стрѣльцами въ осадѣ. Литовскіе люди и черкасы шли по волостямъ, деревни жгли и людей побивали, а пришедъ на посадъ, дворы, лавки и церкви пожгли и людей посадскихъ и уѣздныхъ посѣкли. Восемь лѣтъ послѣ того разоренья, было въ Тотъмѣ одно мѣсто церковное пустое. — Климентя папы Римскаго храмъ сожгли литовскіе люди, да 18 мѣстъ дворовыхъ послѣ убитыхъ жильцовъ было

¹⁾ Въ 5-ти верстахъ отъ города и въ 2-хъ отъ посада.

²⁾ На мѣстѣ его кельи впоследствии была построена церковь, и основанъ монастырь, названный по имени преподобнаго Галактіоновою пустынью, а послѣ того переименованный въ Спасо-Каменскій Духовъ монастырь.

³⁾ „Острогъ стоячій“, то-есть, стѣна, сдѣланная изъ „стоячихъ острожнихъ“, или вертикально утвержденныхъ въ землѣ бревенъ, обыкновенно дубовыхъ, которые иногда ставились еще „на яглахъ“.

пустыхъ, косили на тѣхъ мѣстахъ сѣна по три и по четыре копны, да на площади было 30 мѣстъ лавочныхъ пустыхъ, запусѣли отъ литовскаго разоренья.

Съ Тотмы литовскіе люди и черкасы пошли на рѣку Вагу. Пришли на Вельскій погостъ того жъ сѣнтября и погостъ разорили, крестьянъ посѣкли, въ храмѣ Ивана Милостиваго кадила и книги, колокола и образа пограбили и сосуды церковные прибили, и благословенныя и „храмосвятныя“ грамоты взяли.

На Вагѣ же приходили войною черкасы на Важескій Богословскій монастырь и стояли тамъ и многихъ въ монастырѣ старцевъ и бѣльцовъ посѣкли, а иныхъ многихъ мучили и монастырскую казну денежную и платье, и церковные сосуды, и паникадила, и свѣчи мѣстныя, и ризы камчатыя и поручи съ жемчуги—то все пограбили, и съ образцовъ серебряные оклады и гривны поимали, и кельи въ монастырѣ, и въ волостяхъ дворы пожгли, и хлѣбъ въ монастырѣ и въ деревняхъ коньми окормили, а досталь въ погранье подъ ноги сыпали и рогатой скоть побили и лошади обводили. Пришли въ то время вѣсти въ Москву, что черкасы, которые съ гетманскаго побоеу разбѣжались, собрався, пришли на Вологду изгономъ и пришедъ посады пожгли и людей посѣкли. И по тѣмъ вѣстямъ бояре и воеводы князь Д. М. Пожарскій и князь Д. Т. Трубецкой съ товарищами октября въ 4-й день писали грамоту на Вымь, въ Яренскій городокъ, воеводѣ Ѳедору Осиповичу Янову и посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и всякимъ жилецкимъ людямъ, чтобъ жили съ великимъ береженіемъ, городъ и острогъ укрѣпили, а которыя худыя мѣста, и тѣ бы подѣлали посадскими и уѣздными людьми, чтобъ черкасы безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городомъ не учили, и вымьскихъ мѣсть не повоевали. А грамота пришла въ Яренскъ ноября въ 27-й день.

Черкасы жъ съ Вельска пошли въ устюжскія мѣста и пришли къ Соли Вычегодской. На рѣкѣ Вычегдѣ, у устья рѣчки Усолки, стоялъ посадъ большой. Около посаду на осыпи ставленъ острогъ, тынъ стоячій на иглахъ; подлѣ тыну въ острогѣ были рубленые тарасы мыслетми и насыпаны землею, скрѣплены сѣпнами, а на сѣпнахъ были катки; верхніе бои мощены полатями; около острогу былъ ровъ, изорву къ острогу—осынь; на острогѣ было 6 башенъ съ воротами да 36 башенъ глухихъ и съ нарядомъ. И пришли черкасы на Соль Вычегодскую изгономъ и посадъ разорили, и дворы посадскіе пожгли, а которые люди были на посадѣ, и тѣхъ побили съ женами и съ дѣтьми.

Повоевавъ устюжскія мѣста, поворотили къ Новгороду и пришедъ стали на зиму въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

На Бѣлозерѣ былъ воевода Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ да съ нимъ дьякъ Шестакъ (шестой) Мелентьевичъ Кошнинъ.

Еще по веснѣ 1612 года писалъ воевода боярамъ къ Москвѣ о „городовомъ дѣлѣ“, что на Бѣлозерѣ городъ старъ и развалился, и билъ челомъ, чтобъ въ нынѣшнее время, для приходу литовскихъ и нѣмецкихъ людей, сдѣлать городъ новыи, въ чемъ бы въ приходѣ ратныхъ людей было сидѣть безстрашно. И велѣно было имъ городъ дѣлать всѣми земскими людьми: посадскими и уѣздными, дворцовыми и черными, и язовыми, и ловецкими волостями, и монастырскими, и всѣмъ Бѣлозерскимъ уѣздомъ. А послѣ того посадскіе и уѣздные люди писали боярамъ, что иные съ ними въ „городовое“ не пособляютъ и воеводу не слушаютъ: Шушболенской волости Вешнячко Тимоеевъ, Череповецкой волости Семейко Бунинъ да Архипко Чоглоковъ; и говорили тѣ люди воровское измѣнное слово, что де имъ городъ на Бѣлозерѣ ненадобенъ, да они жъ, умысля воровствомъ, присылали челобитную за руками волостныхъ людей. И мая въ 5-й день, бояре и воеводы князь Пожарскій и князь Трубецкой съ Ярославля послали грамоту на Бѣлозеро: по приговору всей земли, вкнутъ тѣхъ воровъ въ тюрьму на мѣсяць, чтобы впередъ тѣ воры да и иные волостные крестьяне воровства и непослушанья, и розни межъ посадскихъ и уѣздныхъ волостныхъ людей не чинили; а городъ бы на Бѣлозерѣ, по всей земли указу, тотчасъ почали дѣлать всѣми людьми, и посадомъ, и уѣздомъ, безъ выбору; да иныя крѣпости около посаду сдѣлали бѣ неоплошно, чтобъ пришедши какіе воинскіе люди, литовскіе и нѣмецкіе и русскіе воры-казаки, взятъемъ не взяли Бѣлозера и до конца не разорили, и не сожгли. Да писалъ воевода Чепчуговъ о зельѣ и о свинцѣ, и бояре, и воеводы велѣли къ нимъ зелья 35 пудъ да свинцу 17 пудъ съ полупудомъ отпустить съ Вологды на Бѣлозеро тотчасъ, не мѣшкая.

Вскорѣ пришла на Бѣлозеро литва, іюля въ 10-й день, въ четвертокъ, и Бѣлозеро выжгли и высѣкли. А было то до вологодскаго разоренья.

И черкасы, пришедъ въ Бѣлозерскій уѣздъ, на Бѣлозерѣ были жъ.

Въ то же время съ Ярославля бояре и воеводы князь Пожарскій и князь Трубецкой послали на Бѣлозеро воеводу Григорья Ѳедоровича Образцова, велѣли идти, собрався съ ратными людьми, съ атаманами Иваномъ Анисимовымъ, Иваномъ Микулинымъ, Добрыней Сте-

пановымъ, Ѳеодоромъ Аршиннымъ и ихъ станицъ есаулами и казаками, съ стрѣльцами и съ иноземцами, съ сотникомъ Иваномъ Бобровскимъ. Да по боярскому жъ указу было велѣно быть съ нимъ на Бѣлозерѣ съ Вологды головѣ Ивану Маматову съ сотней стрѣльцовъ.

Сентября въ 29-й день, воевода Григорій Образцовъ съ своимъ полкомъ пришелъ и сѣлъ на Вологдѣ, по вологодскомъ разореньи. И вологжане били челомъ ему, чтобъ побыть на Вологдѣ съ ратными людьми для обереганья вологодскихъ мѣстъ отъ литовскихъ людей; но того воеводу никто не слушали: другъ друга грабили. Какъ литовскіе люди пошли отъ Вологды въ отходъ далече, воевода Образцовъ шель на Бѣлозеро къ своему дѣлу. А его полку ратные люди, иноземцы, ротмистръ Бобровскій съ своею ротою на Бѣлозеро не пошли, остались отъ него на Вологдѣ не по боярскому указу, своимъ произволеньемъ, и отъ атамановъ, и отъ сотниковъ стрѣлецкихъ остались многіе стрѣльцы и казаки, которые по боярскому указу поняли земское жалованье, а голова Иванъ Маматовъ съ вологодскими стрѣльцами боярскаго указа не послушали: ни одинъ человекъ на Бѣлозерѣ не объявлялись.

Октября въ первыхъ числахъ, пришелъ Образцовъ на Бѣлозеро и сталъ на Бѣлозерѣ, послѣ литовскаго разоренья, на старой „осыпи“ (насыпи) новый острогъ ставить. А вышина той осыпи была съ лица 20 сажень (по откосу) да извнутри города вышина осыпи—10 сажень; всего кругомъ той осыпи извнутри—537 сажень. Многихъ волостей крестьяне въ ту пору къ острожному дѣлу съ лѣсомъ не успѣли, а литовскіе люди ходили около Бѣлозера, близко, а городовныя крѣпости были не укрѣплены; и посадскіе люди съ суслянаго и съ квасного кабака избу свезли на городъ, на катки¹⁾, а поваренной замѣтъ развезли ратные люди, казаки и иноземцы, на караулы на дрова и кабацкую клѣтку свезли и поставили на острогъ.

Укрѣпивъ острогъ, воевода Образцовъ посылалъ въ уѣздъ засѣки засѣкать и караулы ставить по дорогамъ. Озадской (Азатской) волости крестьянамъ Первушкѣ Ѳомину да Михалкѣ Матвѣеву было велѣно по наказамъ отъ большой Надпорожской дороги Межиловскимъ сорокомъ въ Озадской волости по дорогамъ засѣки, засѣчь и караулы поставить той же волости крестьянами поголовно. Декабря въ 12-й день писали воеводѣ съ засѣкъ, что онъ, Первушка, по дорогѣ три

¹⁾ „Катки“—бревна, приготовлявшіяся на укрѣпленіяхъ для скатыванія во время приступовъ на непріятеля.

засѣки засѣкъ на пяти верстахъ и по карауламъ ѣздить днемъ и ночью на своихъ лошадяхъ, а Михалко засѣку засѣкъ на Ондозерской дорогѣ, и стоять на тѣхъ засѣкахъ крестьяне и бобыли всѣ поголовно безпрестани; а деревни Костинской крестьяне Ивашко Юринъ съ дѣтьми, самъ шесть, засѣкъ съ крестьянами не засѣкали и на караулѣ не стоятъ, и лошадей для подѣзду ¹⁾ не даютъ, и боярскаго указа и земскаго приговора не слушаютъ. По боярскому наказу велѣно было засѣкъ досмотрѣть воеводѣ Образцову самому. И воевода Образцовъ писалъ къ боярамъ къ Москвѣ объ указѣ, кого оставить на свое мѣсто на Бѣлозерѣ, и билъ челомъ, что ему на Бѣлозерѣ головы добраго выбрать не мзъ кого, и острогу оставить не на кого, людей у него мало, только съ нимъ два атамана съ казаками—200 человекъ—да сотникъ стрѣлецкій съ стрѣльцами—80 человекъ; да и тѣ стрѣльцы на Бѣлозерѣ оставаться не хотятъ, и казаки, приходя, безпрестанно просятъ отпущныя, хотятъ ийти съ Бѣлозера...

Между тѣмъ, черкасы пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ, и декабря въ первыхъ числахъ приступали къ Кириллову монастырю, но монастыря не взяли. Изъ-подъ Кириллова монастыря пошли прямо къ Каргополю мимо Бѣлозера.

Декабря въ 9-й день, пришли черкасы подъ Коротецкую волость и засѣку у нихъ Фефилевскую проломилы, и многихъ людей у нихъ на засѣкѣ побили на смерть, и, пришедъ въ Коротецкую волость, людей многихъ посѣкли, и животы пограбили, и стояли у нихъ въ волости до вечера. Съ Коротецкой волости пошли на Вещеозеро и на Вещеозерѣ ничѣмъ не вредили. Пошли къ Чарондѣ на станъ и на Чарондѣ многихъ людей посѣкли. И пришли на Свидь рѣку, и воеводу Константина Ртищева съ сыномъ Иваномъ Ртищевымъ сѣкли, а жену его и дочерей взяли въ полонъ.

Въ Каргополѣ былъ воевода Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ да дьякъ Богданъ Ильичъ Губинъ, а съ нимъ служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, стрѣльцы и казаки, и каргопольскіе посадскіе и уѣздные люди съ своими старостами и цѣловальниками. Послыша приходъ черкасъ на Каргополь, они съ немногими людьми заперлись въ осадѣ безъ запасовъ, пометавъ дома и дворы свои на посадѣ и въ уѣздѣ.

Это было декабря въ 12-й день, съ пятницы противъ субботы въ ночи, за два часа до свѣту. Черкасы пришли въ Каргополь на по-

¹⁾ Въ „подѣзды“ посылались одинъ или нѣсколько человекъ конныхъ, для провѣдыванія „вѣстей“ о непріятелѣ.

садъ. И которые посадскіе люди въ ту пору были на посадѣ, для своихъ хлѣбныхъ нуждъ, а въ острогъ не поспѣли, и тѣхъ людей они всѣхъ посѣкли, а иныхъ въ половъ поймали. А на свѣту приступали съ щитами ¹⁾ къ острогу накрѣпко и на приступѣ тѣхъ воровскихъ людей многихъ побили и языковъ поймали. Языки съ пытки въ разпросѣ сказали, что тѣмъ вораѣмъ приступать подѣ острогъ накрѣпко и, взявъ острогъ, людей посѣчи, и весь Каргопольскій уѣздъ до конца разорить. А черкасы стали подѣ Каргополемъ у Спаса на монастырѣ за Оувѣгою; а иные стояли на Тихманѣ и на Чарондѣ. По тѣмъ рѣчамъ, на другой день, въ воскресенье, тѣ жъ воры приступали подѣ острогъ накрѣпко. И каргопольцы противъ тѣхъ людей высылали вылазку—голову Ивана Радилова съ конными и съ пѣшими людьми, и на вылазкѣ многихъ воровъ побили и языковъ поймали, „а наши люди, писали воеводы, съ того бою сошли, далъ Богъ, здорово“. На третій день, въ понедѣльникъ, тѣ жъ воры, по своему воровскому умыслу, приступали къ острогу накрѣпко съ нарядными щитами ²⁾, съ огнемъ и зельемъ, и смолою ³⁾. На томъ приступѣ каргопольскіе сидѣльцы отъ щитовъ воровъ отбили, а щиты поймали и сожгли, и многихъ же людей у нихъ побили, и языковъ поймали.

Да тѣ жъ воры, какъ пришла подѣ Каргополь писали, къ каргопольцамъ, послали полковникъ Григорій Васильевичъ (сотникъ Григорій Черкашенинъ?) съ товарищами „воровскую грамотку“, что ихъ послалъ „государь Владиславъ Жигимонтовичъ“ со многою ратью въ Каргополь и въ поморскіе города, за ихъ выслугу, воевать, потому что каргопольцы „государю, крестъ цѣловавъ, измѣнили“, и они бѣ съ Каргополя, съ посаду и съ Турчасова, и со всего Каргопольскаго уѣзда за прошлые годы, 1611 и 1612, „данныя и оброчныя деньги и мелкіе всякіе денежныя доходы“ имъ заплатили сполна попрежнему. „А только вы намъ денежныя доходы заплатите сполна попрежнему, и мы, писали они, на томъ присягаемъ и крестъ цѣлуемъ, что вашихъ храмовъ и дворовъ на посадѣ и въ уѣздѣ не будемъ палить и гра-

¹⁾ „Щиты“, служившіе для защиты нападавшихъ отъ выстрѣловъ, устраивались на саняхъ и во время приступа подкатывались къ укрѣпленію.

²⁾ Выраженіе „нарядныя“ щиты едва ли можетъ указывать на то, что они были рассчитаны на выстрѣлы изъ „наряду“, то-есть, артиллеріи; скорѣе оно объясняется дальнѣйшимъ указаніемъ на „огонь, зелье и смола“, которыя подводили подѣ укрѣпленія, прикрываясь щитами.

³⁾ Это—такъ называемыя „примѣты“, то-есть, воза съ горючими матеріалами, при помощи которыхъ старались поджечь укрѣпленіе.

бить и крестьянъ сѣчь; а будетъ въ денежныхъ доходахъ сполна не заплатите, и мы хотимъ надъ вами промышленяты и посады ваши и уѣзды всѣ до основанья разоримъ, и выжжемъ, а васъ посѣчемъ и жевъ и дѣтей вашихъ въ полонъ поемлемъ; а того вы всѣ не думайте, чтобы вамъ въ осадѣ отсидѣться: тотчасъ надъ вами подыскъ учинимъ!“

Изъ-подъ Каргополя жъ черкасы послали крестьянина съ грамотами къ пану Песоцкому подъ Кирилловъ монастырь, чтобъ Песоцкій съ людьми шель къ нимъ на сходъ, и спешись имъ вмѣстѣ всѣми людьми подступать къ Каргополю, и, взявъ Каргополь и изъ Каргополя взявъ нарядъ, всѣми людьми съ нарядомъ ийти къ Кириллову монастырю. Того крестьянина каргопольцы понимали и грамоту у него перехватили.

Послѣ трехъ приступовъ воры-черкасы, зажегни Каргопольскій посады, во вторникъ, декабря въ 13-й день, поутру, пошли на низъ въ Каргопольскій уѣздъ и, отшедъ версты съ 7 и Онѣгу рѣку перешедъ, объявились въ Шальской волости. Утеклцы отъ нихъ, полонянники, приходя въ Каргополь, сказывали, что воры межъ собой говорятъ, ийти де имъ на Двину къ „великому посаду, что на Двинѣ рѣкѣ близко моря“, а другіе де говорятъ, что ийти назадъ въ Бѣлозерскій уѣздъ и подъ Кирилловъ монастырь.

Въ ту-жъ пору пришелъ подъ Кирилловъ монастырь панъ Песоцкій съ черкасами и съ ними панъ Лаврикъ да панъ Марко (Маркъ Поздяковъ, есаулъ?).

Декабря въ 6 день, пришли въ Петунскую Кулигу отъ Устюжны Желѣзнопольской, отъ Шелохоцкаго и отъ Лентьева 200 человекъ—передовые люди; а голова у нихъ былъ Иванъ Ильинъ. Декабря въ 9 день, прибѣжали къ нимъ въ Кирилловъ монастырь крестьяне многіе со Взвозу ¹⁾ и съ иныхъ деревень, утеклцы отъ черкасъ и въ разспросѣ сказали: сего-де числа за часъ до вечера пришли къ нимъ на Взвозъ и въ инныя деревни многіе люди и стали въ тѣхъ деревняхъ становиться, и учили крестьянъ сѣчь. Того-жъ числа въ ночи противъ 10 числа, прибѣжалъ къ нимъ въ монастырь выходецъ изъ полону отъ воровскихъ людей со Взвозу никольскій пошъ Павелъ Семеновъ и въ разспросѣ сказалъ, что пришелъ Песоцкій панъ, и его де попа, Павла, самъ Песоцкій бѣючи разспрашивалъ про монастыр-

¹⁾ Взвозъ—деревня, бывшая близъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

скую казну ¹⁾ и про всякую городовую крѣпость и про нарядъ; а съ нимъ де съ Песочнымъ паномъ многіе люди пришли, а хотятъ приступать съ лѣстницами къ Кириллову монастырю; а за тѣми де людьми, которые прежде того приступали къ монастырю и пошли подъ Каргополь, Песочкій послалъ, велѣлъ ихъ воротить къ себѣ, чтобъ имъ виѣстѣ подъ Кирилловымъ монастыремъ промыслять.

И декабря-жь въ 10 день, въ 12 часу дня, пришли къ Кириллову монастырю многіе воровскіе литовскіе люди и черкасы и стали подъ монастыремъ въ капустныхъ огородахъ, съ обѣихъ сторонъ монастыря, съ вологодской и съ бѣлозерской дороги, всѣми людьми.

И въ ночи противъ 11 числа, за 2 часа до свѣта, пришли тѣ воровскіе литовскіе люди и черкасы съ обѣихъ сторонъ монастыря, съ огородовъ, съ вологодской и съ бѣлозерской дороги, многими приступами пѣшими людьми, съ крикомъ и шумомъ; шли къ городу съ лѣстницами, а на озеро къ бороздѣ ²⁾ съ тесомъ и съ соломой для переходу; и къ городу многими мѣстами злымъ, жестокимъ приступомъ приступали и лѣстницы къ городу прислонили, и на городѣ на стѣнахъ по людямъ изъ самопаловъ и нарядными стрѣлами ³⁾ для зажегу стрѣляли. Старцы и служки, дворяне и дѣти боярскіе и стрѣльцы, и всякіе служилые люди съ ними бились съ города накрѣпко два часа и „Божією милостію и Пречистой Богородицы помощію и преподобнаго чудотворца Кирилла молитвами,—отписывали игуменъ Матеей и осадный голова Семень Вандобольскій, на приступахъ многихъ людей у нихъ воровскихъ на смерть побили и поранили, и въ озерѣ въ бороздѣ многихъ потопили, и отъ города ихъ отбили“.

¹⁾ Это былъ богатый монастырь. Ризница его считалась едва ли не богатѣйшей изъ великорусскихъ монастырей и, можетъ быть, уступала драгоценностью только знаменитой Троице-Сергіевой лаврѣ; тамъ, на примѣръ, было 17 ризъ священническихъ и 8 стихарей съ прочими принадлежностями, плотно усыянныхъ сверху до низу крупнымъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ изумрудами, яхонтами, лазами, алмазными искрами, топазами въ золотыхъ гнѣздахъ и серебряныхъ вызолоченныхъ дробницахъ.

²⁾ Рѣка или озеро, на берегу которыхъ обыкновенно ставились остроги и укрѣпленія, для того, чтобы осажденнымъ имѣть возможность всегда пользоваться водой черезъ подземный ходъ—„тайникъ“, въ то же время служила естественнымъ укрѣпленіемъ. Чтобы и зимой они не утрачивали значенія, разбивали полосу льда—„борозду“, въ случаѣ нужды.

³⁾ Выраженіе „нарядныя“ стрѣлы достаточно опредѣляется ихъ назначеніемъ „для зажегу“: это были, вѣроятно, стрѣлы, сдѣланныя такъ или иначе съ горючими матеріалами, сѣрой, смолой, берестой, которыя металсь зажженными.

Утеклцы, поломяники, сказывали въ разспросѣ, что подъ Кирилловымъ монастыремъ убили челоѣкъ со сто, и изъ-подъ Кириллова монастыря пошло черкасъ челоѣкъ съ 600 и меньше, а было ихъ съ 700 челоѣкъ. Да они же сказывали, что на приступѣ пана Песоцкаго съ города изъ пушки убили; то они подлинно видѣли, какъ его убитаго везли, а съ нимъ многихъ пановъ, двоюроднаго брата его пана Лаврика, и сожгли ихъ въ Горскомъ монастырѣ на дворѣ во всемъ, въ чемъ убили.

Не удалось подъ Кирилловымъ монастыремъ черкасамъ, и они пошли прочь отъ монастыря. А говорили, что хотятъ сходиться съ тѣми людьми, которые прежь сего въ декабрѣ же приходили къ Кириллову монастырю приступомъ, и сошедшисъ имъ вмѣстѣ олять приходятъ приступомъ къ Кириллову монастырю: не устояли де отъ насъ (!) Москва и Великій Новгородъ и иные многіе города, а Кириллову монастырю отъ насъ не устоять.

А отъ Кириллова монастыря тѣ черкасы пошли по Вологодской дорогѣ на Рукину слободку да къ Сямѣ, да къ Кубенскому озеру. Съ Вологды на нихъ посылали подѣзды, и въ подѣздахъ вологжане, дѣти боярскіе, взяли на Сямѣ у черкасъ языковъ: Лаврикову жену да дѣтину паходка. Въ разспросѣ тѣ языки сказывали, что имъ идти за озеро (то-есть, Кубенское) къ Шуйскому городку по волостямъ...

Того-жъ декабра въ 13 день, пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ въ Комоневскую волость изъ Обонежской пятины Наливайкова полку литовскіе люди и черкасы, и русскіе воры челоѣкъ съ 500 и многихъ крестьянъ посябли, и пошли по Бѣлозерскому уѣзду въ заозерскія волости. Изъ заозерья съ Ковжи прибѣжали на Бѣлозеро посадскіе люди и въ разспросѣ сказывали, что изъ Ломенской и Шольской волости на Ковжу и въ монастырскую вотчину въ село Мегру прибѣжала „бѣжъ многая“, а иные люди и ранены...

По всему Бѣлозерскому уѣзду и по Каргопольскому, и по сторонамъ въ разныхъ мѣстахъ ходили черкасы, большіе и малые люди. Всюду носились всполошныя вѣсти. Крестьяне бѣжали по острогамъ, иные разбѣгались по дѣсамъ. Всѣ города сѣли въ осадѣ. Отъ городовъ по уѣздамъ воеводы и осадные головы, и волостные люди посылали посланки и подѣзды провѣдывать вѣстей на засѣки и въ острожки къ головамъ. Каргополь, Бѣлозеро, Кирилловъ монастырь. Вологда и другіе города (Устюжна Желѣзнопольская) всякими вѣстями ссылались между собою почасту, чтобъ всякія вѣсти были вѣдомы, чтобы жить имъ въ соединеньи, другъ друга не подать и ратныхъ людей на помощь посылать по вѣстямъ.

Декабря въ 11 день, кирилловскій игумень Матеей и осадный голова Семень Вандобольскій, послѣ отхода черкасъ, по слухамъ о сборѣ многихъ людей для прихода къ тому-жъ монастырю, блии челомъ воеводѣ Григорью Образцову, дьяку Вогдану Губину и гололовамъ стрѣлецкимъ, и атаманамъ казачьимъ, и бѣлозерскимъ посадскимъ и уѣзднымъ, выборнымъ и земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, чтобъ дому Пречистой Богородицы не подать и прислать къ нимъ ратныхъ людей вскорѣ, и отъ воровскихъ людей оберегать ихъ.

Да они-жъ писали къ Москвѣ къ боярамъ, блии челомъ о ратныхъ людяхъ. И декабря въ 21 день, писали кирилловскому игумену Матеею и осадному головѣ Вандобольскому съ Вологды, что по ихъ прежнимъ отпискамъ съ Вологды къ нимъ, подѣ Кирилловъ монастырь, ратные люди посланы, а изъ Ярославля къ Вологдѣ ждуть съ большими людьми воеводу Ивана Петровича Шереметева, а съ нимъ дворяне и дѣти боярскіе, ярославцы и костромичи, и галичане, да сл. Романова Барай-мурзу Алѣевича Кутюмова съ татарами и пошехонцами, дворянами и дѣтьми боярскими; иди де имъ велѣно, по боярскому указу, подѣ Кирилловъ монастырь всеми людьми на спѣхъ.

Были послѣднія числа декабря 1612 года, наступалъ 1613 годъ. Во всемъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ ходили войною литва и черкасы, и русскіе воры.

Декабря въ 29 день, пріѣхалъ на Бѣлозеро бѣлозерецъ, посадскій человекъ, Онкудинко Малѣевъ, и въ разпросѣ сказалъ: былъ де онъ въ Новгородскомъ уѣздѣ на „Вытергѣ“ (Вытегра), для товару, и поѣхалъ съ Вытегры въ Рождество Христово, и ночевалъ въ селѣ на Ковжѣ, и какъ онъ съ Ковжи поѣхалъ и пріѣхалъ Бѣлымъ озеромъ въ Кустово сельцо, отъ города 20 верстъ, и тутъ наѣхали его „литовскіе люди“ (= черкасы), и онъ отъ нихъ уѣхалъ въ лѣсъ и стоялъ въ лѣсу отъ утренней зари до обѣда; и напередъ де литовскихъ людей ѣхалъ полчекъ, человекъ съ 30, а затѣмъ ѣхалъ полкъ, поперегъ 10 конь, а шли густо, а за тѣми литовскими людьми шли въ два конь верстахъ на десяти, а всѣхъ де литовскихъ людей и русскихъ воровъ тысячи съ двѣ; а пошли тѣ люди въ Кирилловскую вотчину въ село Мегру...

Въ то-жъ время пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ смольняне, дворяне и дѣти боярскіе съ отдѣльщикомъ ²⁾ Михайломъ Кайсаровымъ

²⁾ „Отдѣльщикъ“ — лицо, посланное для отвода, или „отдѣла“, участковъ земли, пожалованныхъ въ помѣстье, обыкновенно—дворянинъ или сынъ боярскій.

да съ подъячимъ Михайломъ Клементьевымъ. Декабря въ 29 день писали они съ Озадской волости на Бѣлозеро, извѣщали бѣлозерцовъ, что велѣно было имъ по боярскому указу ѣхать въ Бѣлозерскій уѣздъ въ дворцовыя села, а въ тѣхъ селахъ велѣно исполнить смольнянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ; и декабря въ 28 день пришли они въ Бѣлозерскій уѣздъ въ Озадскую волость съ смольнянами, дворянами и дѣтьми боярскими.

И какъ крестьянинъ Озадской волости Иванко, который былъ посланъ съ отпискою отъ смольнянъ, пріѣхалъ на Бѣлозеро и отдалъ ту отписку воеводѣ, и въ ту пору къ Бѣлозеру пришли литовскіе люди, и воевода, и дьякъ людей поставили по острогу по мѣстамъ, а Иванка отпустили,—отписки написать не успѣли, а приказывали словомъ, чтобы смольнянамъ ихъ не подать. И сказывалъ Иванко: какъ де отѣхалъ отъ Бѣлозера недалеко, и съ острогу и изъ наряду учали стрѣлять. Послѣ того на Озадкахъ декабря въ 30 день въ ночи видѣли по сторонѣ Бѣлозера зарево, чаяли, что жгли литовскіе люди, и послали подѣздчиковъ...

Января въ 3 день, пріѣхалъ къ нимъ же на Озадки бѣлозерскій стрѣлецъ и сказывалъ, посланъ де онъ былъ съ Бѣлозера на Устюжну съ „грамотами“ (отписками), и, января въ 1 день, съ четверга на пятницу, въ ночи ѣхалъ онъ съ Устюжны къ Бѣлозеру и пріѣхалъ Андожской волости въ село Липиловское, и въ томъ селѣ крестьяне разбѣжались; а заѣхалъ онъ въ томъ селѣ одного старосту Сеньку, и староста Сенька ему сказывалъ, что пришли литовскіе люди (черкасы) Андожской волости въ деревню Красную, а та деревня отъ села Липилова верстъ съ 20. И Михайло Кайсаровъ да Михайло Клементьевъ послали въ подѣздъ смольнянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ...

По боярскому указу, въ Каргополь былъ посланъ воевода Иванъ Андреевичъ Дашковъ на мѣсто Алексѣя Ивановича Зюзина. И жилъ онъ долгое время на Вологдѣ, для того что въ Каргопольскомъ уѣздѣ воевали литовскіе люди, а каргопольцы сидѣли въ осадѣ: пробхать было не мочно. Поѣхалъ съ Вологды воевода Дашковъ января въ 30-й день и встрѣтилъ на дорогѣ каргопольскихъ гонцовъ. Ѣхали тѣ гонцы къ Москвѣ и къ Вологдѣ бить челомъ о ратныхъ людяхъ: въ Каргополѣ ратныхъ людей нѣтъ, сидѣтъ въ осадѣ не съ кѣмъ, а литовскіе люди, которые пошли прочь отъ Каргополя, чаютъ имъ приходу опять къ Каргополю. Воевода Дашковъ просилъ ратныхъ людей у сибирскаго царевича Араслана Алѣевича, который былъ

съ своимъ полкомъ подъ Вологдой, но онъ ратныхъ людей ему не послалъ. И о томъ писалъ воевода Дашковъ боярамъ и воеводамъ, боярину князю Д. Т. Трубецкому и стольнику князю Д. М. Пожарскому, билъ челомъ, чтобы имъ Каргополя не подать, прислать въ Каргополь ратныхъ людей, съ кѣмъ бы ему было въ осадѣ сидѣть, чтобъ земскому дѣлу порухи не было.

На Бѣлозерѣ воеводы съ бѣлозерцами писали къ боярамъ, били челомъ о посылкѣ зелья и свинцу къ нимъ для осаднаго времени. По боярской грамотѣ велѣно было прислать имъ съ Вологды 20 пудъ зелья да 10 пудъ свинцу. И декабря въ 31 день, съ Вологды отпустили имъ въ то число пять пудъ пороху да 5 пудъ свинцу, а достальнаго пороху и свинцу не послали, для того, что на Вологдѣ въ казнѣ пороху и свинцу было мало: вся зеленая казна отпущена къ Москвѣ къ боярамъ, а иная, по боярскимъ грамотамъ, разослана по городамъ и по засѣкамъ, а съ Холмогоръ зеленая казна на Вологду еще не бывала. „А какъ, Богъ дастъ, съ Холмогоръ зелье и свинець на Вологду придетъ, писали съ посольнымъ вологодскіе воеводы, и мы къ вамъ, по боярской грамотѣ, достальнаго зелья и свинцу пошлемъ...

На Бѣлозерѣ стрѣльцовъ прибыло. Осадный воевода Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ да дьякъ Богданъ Ильичъ Губинъ для осаднаго времени дали наказъ стрѣлецкимъ сотникамъ всѣхъ бѣлозерскихъ сотенъ: Игнату Клопову, Ѳомѣ Григорьеву, Василью Карпову, Бажену Злыгостеву, Истомѣ Удину, Дружинѣ Горохову, Кондратью Локтеву, Епимаху Рулеву и Артемью Быкову. А въ наказной памяти велѣли имъ смотрѣть въ своихъ сотняхъ, чтобъ всѣмъ земскимъ людямъ въ городѣ на Бѣлозерѣ, для литовскихъ и воровскихъ людей приходу, въ день ходить и въ ночь быть всѣмъ готовымъ: съ оружіемъ, съ пищальми и съ кольями, по именному списку, кто съ чѣмъ въ списокѣ написанъ, а безъ оружія бѣ никто, никакоевъ человекъ у нихъ въ сотняхъ въ день не ходилъ, и въ ночь бы, для всполошнаго времени, со всѣмъ оружіемъ всѣ были готовы.

Бѣлозерскіе посадскіе земскіе старосты Иванъ Бабинъ да Омвросъ Кузькинъ да выборные земскіе люди Гаврилъ Поспѣловъ и Осипъ Семеновъ съ товарищами, и земскіе цѣловальники Григорій Кондратьевъ съ товарищами, вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками, и выборными совѣтными людьми Бѣлозерскаго уѣзда всѣхъ волостей, прибирали изъ волостныхъ охочихъ людей новоприборныхъ стрѣльцовъ на мірское и земское жалованье, съ своимъ самопаломъ и со

всякимъ оружьемъ. А брали по нихъ поручныя записи, чтобъ имъ быть на Бѣлозерѣ у головъ и у сотниковъ въ приказѣ, кого имъ голову и сотниковъ миромъ выберуть, въ городѣ, на Бѣлозерѣ въ осадѣ, и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ государевы и мірскія земскія службы служить и въ походы подъ города ходить, и съ польскими, и съ литовскими, и съ нѣмецкими, и иныхъ государствъ съ воинскими людьми и съ русскими ворами биться до смерти, и не измѣнить, и въ литву, и въ нѣмцы, и въ воровскіе полки, и въ измѣнничьи города не отъѣхать, и съ литовскими, и съ нѣмецкими людьми и съ русскими ворами не знаться, и письмомъ, и словомъ не приказывать и не ссылаться, и не лазутчить. А земскаго жалованья, по земскому приговору, имъ было въ годъ—денежнаго, на стрѣлцкое платье цвѣтное, по 4 рубля да хлѣбнаго жалованья по 6 четей ржи и по 6 четей овса...

Въ то жъ время атаманы казачья Еремей Порошинъ, Яковъ Гротъ, Ѳеодоръ Бронниковъ, Никита Маматовъ, Александръ Трусовъ, Василей Булатовъ, Михайло Титовъ и Иванъ Бритва, которые были посланы съ Ярославля подъ Псковъ съ воеводами Семеномъ Прозоровскимъ да Леонтьемъ Вельяминовымъ, приходили по вѣстямъ съ ихъ станицъ казаками въ Бѣлозерскій уѣздъ и ходили за литовскими людьми...

Лѣтомъ того жъ 1613 года объявились черкасы и литовскіе люди въ Новгородскомъ уѣздѣ.

Тихвинцы, игумень Онуфрій съ братьею и голова Дмитрій Воейковъ, съ дворянами и дѣтьми боярскими, и казаками, отъ нѣмцевъ отстали и людей ихъ, которые были съ ними въ острогѣ, побили. Яковъ Пунтусовъ послалъ на нихъ, по вѣстямъ, многихъ ратныхъ людей. Нѣмецкіе люди, собрався, стали въ Грузинѣ, отъ Тихвина за 120 верстъ. И съ Грузина послали посылку къ черкасамъ въ полки на сговоръ. По ссылкѣ черкасы пошли къ нимъ въ сходъ и сошлись вскорѣ съ нѣмецкими людьми. И къ Тихвину монастырю пришедъ, всѣми людьми, іюля въ первыхъ числахъ приступали жестокими приступами.

А въ сходѣ съ нѣмецкими людьми было черкасъ съ полтретья или съ три тысячи; полковники у нихъ были: большой полковникъ Барышполець (Баршполець) да полковникъ Сидорко. Да съ ними жъ были литовскіе люди, три конныя роты, а у нихъ ротмистры Халаймъ Ивановъ да Шпиколовскій, да Яницкій; всѣхъ ихъ съ 500 человекъ.

Къ тихвинскимъ сидѣльцамъ, по государеву указу, посланъ былъ съ Москвы, на выручку, на проходъ воевода Исакъ Сунбуловъ, и его

на проходѣ нѣмецкіе люди и черкасы погромили: какъ пришелъ подѣ Тихвину Исакъ Сунбуловъ съ ратными людьми и хотѣлъ пройти въ тихвинскій острогъ, и его нѣмецкіе люди и черкасы побили. Да взяли нѣмецкіе люди съ черкасами подѣ Тихвинымъ монастыремъ меньшей острогъ, гдѣ былъ Введенскій дѣвичій монастырь; и на приступѣ взяли черкасы въ монастырѣ въ полоняникахъ князя Тимоея Ивановича Оболенскаго. А большаго острога и Тихвина монастыря взять не могли.

Во время того стоянья подѣ Тихвинымъ монастыремъ у черкасъ была съ Яковомъ Пунтусовымъ ссылка. Полковники ихъ Барышполець и Сидорко ѣздили въ Новгородъ къ Якову Пунтусову. И Яковъ Пунтусовъ въ Новгородѣ литовскимъ людямъ и черкасамъ давалъ сукна и камки и собралъ съ міру (съ новгородцевъ) деньга, и давалъ имъ; а велѣлъ литовскимъ людямъ и черкасамъ идти на Двину и къ Архангельскому городу. И полковники, по сказкамъ, денегъ взять не захотѣли, потому что Яковъ де ихъ заневолить себѣ служить, и суконъ, и камокъ, ничего у Якова не имали.

Съ Петрова поста до осени стояли черкасы съ нѣмецкими людьми подѣ Тихвинымъ монастыремъ, отѣзжали отъ монастыря для однихъ кормовъ. И какъ пришла осень, и у нихъ кормовъ не стало, и они съ нѣмцами разстались. А сказывали выходцы-полоняники, что у черкасъ съ нѣмцами была ссора, и черкасы пошли изъ-подѣ Тихвина, для того, что имъ король (шведскій) гроши не далъ, и отошли отъ Якова Пунтусова, все браняся. Литовскіе жъ люди съ Халаймомъ Ивановымъ и съ иными ротмистрами пошли въ Новгородъ къ Якову Пунтусову.

Первые люди отъ Тихвина отошли сентября до 7 дня и пошли бѣлозерскія мѣста воевать. Сентября жъ въ 12 день, пошли прочь отъ монастыря полковники Барышполець и Сидорко со всѣми людьми и изъ Новгородскаго уѣзда прошли въ Бѣлозерскій уѣздъ.

На Бѣлозерѣ о томъ были вѣсти. Сентября въ 18 день, воевода Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ да дьякъ Шестой Мелентьевичъ Копнинъ посылали бѣлозерскихъ стрѣльцовъ съ наказною памятью въ Бѣлозерскій станъ и въ порубежныя съ Новгородскимъ уѣздомъ волости, въ Чужбойскую волость. А староста Леонтій Карповъ съ Чужбойской волости посылалъ въ Новгородскій уѣздъ для вѣстей крестьянина Оедьку. И тотъ Оедька, пришедъ, сказалъ, ходилъ де онъ до Ребувскаго погоста и видѣлъ сѣченыхъ людей отъ черкасъ, и самихъ ихъ видѣлъ же, да отъ нихъ ушелъ.

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ стояли въ ту пору по волостямъ иноземцы-помѣщики, а съ ними „отдѣльщики“ дворянинъ Гурій Волинцовъ да подьячій Иванъ Никитинъ и другой отдѣльщикъ Константинъ Даниловъ. Велѣно было имъ испомѣстить тѣхъ иноземцевъ въ дворцовыхъ волостяхъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Константинъ Даниловъ сталъ въ Судской волости, на рѣкѣ Судѣ, а Гурій Волинцовъ въ Чужбойской волости.

Сентября въ 22 день, въ среду противъ четверга въ полночь, вѣсть пришла съ Колашмы къ Гурью Волинцову на Суду, что у нихъ въ Колашемской волости появились черкасы. И отъ Гурья Волинцова ѣздили подѣздчики въ Колашемскую волость, сентября въ 23 день, въ четвергъ, и, прѣхавъ, сказали, въ Колашемской де волости воровскіе люди на погостѣ двухъ человекъ сѣкли да двухъ человекъ взяли живыхъ. И Гурій съ тѣми вѣстями послалъ къ Константину, и свѣщались они межъ собой, чтобъ имъ обонимъ, собрався со всѣми людьми и съ тутошними крестьянами волостными, надъ тѣми воровскими людьми промыслять. Да послалъ Гурій Волинцовъ въ подѣздъ на Колашму 13 человекъ иноземцевъ, Марка Гриманскаго да Михайлу Угрянина съ товарищами, и въ томъ подѣздѣ черкасы подѣздчиковъ Гурьевыхъ поимали. А Гриманскій да Угрянинъ въ пятницу на зарѣ по утру у нихъ ушли и, прибѣжавъ къ Гурью, сказали, черкасъ де съ 500 человекъ и идутъ на нихъ наспѣхъ. И за тѣми подѣздчиками черкасы на нихъ пришли въ седьмомъ часу утра. Гурій Волинцовъ со своими людьми учали объ рѣку объ Суду съ ними драться, а черкасы обошли ихъ сзади и иныхъ побили, иныхъ разгоняли, а подьячаго Ивана Никитина взяли въ полонъ живаго.

Съ того побою прибѣжали иноземцы изъ Судской волости въ Мондру и сказывали, что на Судѣ побили ихъ невѣдомо литовскіе люди, невѣдомо казаки; а про Гурья Волинцова сказали, что не вѣдаютъ, живъ ли, или убитъ, какъ де ихъ расшибли, и они другъ друга не узнали; про черкасъ сказали, что прибыло ихъ съ полторы тысячи, стоятъ въ Чужбойской и Колашемской волости, а Колашемская волость отъ Бѣлозера 120 верстъ.

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ пошли черкасы по разнымъ мѣстамъ; водили ихъ отъ волости до волости мужики, гдѣ кого сведутъ. Къ Покрову дню, одни изъ нихъ перевезлись за Шексну рѣку на пошехонскую сторону. Перелѣзши Шексну рѣку, шли мимо Ферапонтовской вотчины и тутъ стояли. И крестьяне монастырскіе слышали, что го-

ворять между собой, идетъ де государева казна зеленая отъ Холмогорь, и имъ бы перенять ее, а перенявъ, идти подъ Кирилловъ монастырь и къ Бѣлозеру.

Иные люди ночевали въ Покровъ день въ Засудьѣ (за р. Судой) и стояли на Пѣтухѣ. И пришла вѣсти въ Андожскую волость (Андога): въ Дубровѣ съѣкли черкасы 170 человекъ да въ Танищахъ и въ Тырнычѣ посѣкли многихъ людей и, на Судѣ учали острогъ ставить, отъ Бѣлозера за 100 верстъ. Крестьяне Андожской волости разбѣжались все по лѣсамъ. Посланъ былъ въ Андожскую волость бѣлозерскій „разсылщикъ“ и прѣхавъ по деревнямъ никого крестьянъ не извѣхалъ: были все на лѣсу; старосту, двухъ поповъ и трохъ крестьянъ—и тѣхъ собралъ съ лѣсу. А къ Устюжнѣ бѣлозерскаго розсылщика не пропустили ѣхать де; и пѣшему пройти не можно: на Пѣтухѣ и за Судой, и въ Сухачѣ, и на Сивсѣ стоятъ воровскіе люди.

И стояли черкасы въ ту пору въ трехъ мѣстахъ: 1) въ Судской волости, отъ Бѣлозера за 100 верстъ, да 2) въ Чужбойской волости, да 3) въ Колашемской волости, отъ Бѣлозера за 120 верстъ, и въ стояныи крестьянъ и всякихъ людей побивали, и животь грабили, и изгономъ въ подѣзды ѣздили отъ Бѣлозера за 50 верстъ и меньше; а сказывали, въ Бѣлозерскомъ де уѣздѣ лошадей имъ кормить, изжидать зимняго пути. Октября же въ 1 день объявились черкасы въ Куйской волости (р. Кіуйка).

На Бѣлозеро приходили отъ черкасъ выходцы—полоняники. Октября въ 4 день, пришелъ въ разрядную избу къ воеводѣ Петру Ивановичу Чихачеву полоняникъ-выходецъ, нѣмчинъ Анцъ Шваркъ, раненъ, и въ разпросѣ сказалъ, спрашиваютъ де черкасы про Бѣлозеро и про Кирилловъ монастырь, и имъ сказали, что на Бѣлозерѣ смольнянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и ратныхъ людей много, и въ Кирилловѣ монастырѣ ратныхъ людей много же, а Бѣлозерскій острогъ и Кирилловъ монастырь крѣпокъ; и они де черкасы говорили, что про Бѣлозеро вѣдаютъ—поймали мужика—и на Бѣлозерѣ стрѣльцы есть, только все „мужики“, а смольнянъ (то-есть, дворянъ и дѣтей боярскихъ) немного, и тѣ де бѣлозерскіе мужики поставили на свою голову острогъ.

По тѣмъ вѣстямъ, бѣлозерскій воевода Петръ Ивановичъ Чихачевъ писалъ въ Каргополь и на Чаронду и посылалъ наказы въ ближнія волости для „городоваго дѣла“. А о ратныхъ людяхъ билъ челомъ къ воеводамъ на Вологду, къ Михайлу Григорьевичу Пушкину-Сулемшѣ да къ дьяку Ивану Яковлевичу Ефанову, чтобъ ихъ, бѣ-

лозерцевъ, черкасамъ на разоренье не подать и прислать на помощь ратныхъ людей. Да, по тѣмъ же вѣстямъ, послали они отъ себя къ государю къ Москвѣ нарочнаго гонца.

Октября 7 дня вѣсти на Бѣлозерѣ поновились. Въ разрядную избу къ воеводѣ приходили полоняники, выходцы отъ черкасъ, и сказывали новыя вѣсти. Были черкасы на Пяшезерѣ и пошли въ Новгородскій уѣздъ на Вытегру, а иные въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ пошли въ кемскія села (р. Кема); а въ Чужбойской де и Колашемской волости нынѣ никого нѣтъ. И спрашивали черкасы у полоняниковъ все про Бѣлозеро и про Кирилловъ монастырь, крѣпокъ ли Бѣлозерскій острогъ и Кирилловъ монастырь; а сказывали имъ, что на Бѣлозерѣ поставили новый острогъ, крѣпокъ, и людей въ немъ много, а въ Кирилловомъ монастырѣ сдѣлали новую каменную стѣну, и людей много жъ. Черкасы промежъ себя учали говорить: идти намъ нынѣ на Бѣлозеро, только де людей намъ потерять; были мы и прежь сего на Бѣлозерѣ да ничего не взяли, мѣсто де убогое; а къ Кириллову монастырю зимусь и лѣтось приступали съ лѣстницами, да Богъ ихъ помиловалъ; а пытаться намъ нынѣ еще къ Кириллову монастырю, не будетъ ли путь. Сходиться имъ было на Вытегрѣ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ да тутъ стоять до зимы, какъ озера стануть, и снѣгъ падеть, и собрався имъ въ тѣхъ волостяхъ, идти изгономъ къ Кириллову монастырю. Тѣ черкасы, 200 человекъ, которые шли изъ Ваксолова и Шушболень на Суду да на Кую, пришли на Шолу на казаковъ и, стоявъ на Полѣ, пошли на Вытегру жъ. Другіе 200 человекъ пошли къ Кириллову монастырю и пришли въ Сиземскую волость (р. Сизьма), изъ Сиземской волости—въ кемскія села, а изъ кемскихъ сель октября въ 10 день пошли въ Бадожскую волость и стали въ Бадогахъ. А иные воры были въ Вологодскомъ уѣздѣ на Сямѣ въ монастырѣ и монастырь разгромили, образа поругали, оклады посрывали; и въ кирилловскихъ монастырскихъ вотчинахъ на Сямѣ были да въ селѣ Рукниѣ были, и въ слободкѣ на Волоку, и на походѣ дома пожгли, и людей, какого гдѣ человекъ найдутъ, сѣкли всякаго на смерть. На Кемѣ патриаршія села Ильинскія и деревни раззорили да князя Матвѣя Васильевича Прозоровскаго взяли въ полонъ, а людей, которые съ нимъ шли, 100 человекъ, побил; а черкасъ и съ полоняниками было съ 400 человекъ.

И стали черкасы въ ту пору на трое: въ Новгородскомъ уѣздѣ, на Вытегрѣ, и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, на Судѣ, и въ Бадогахъ. На Судѣ черкасы острогъ поставили и на Вытегрѣ обострожились.

Октября въ 10 день, пришли на Бѣлозеро выходцы отъ черкасъ, полоняники изъ бѣлозерскихъ помѣщиковъ-иноземцевъ, и въ разспросѣ воеводѣ сказывали, что литовскихъ людей и черкасъ, и всякихъ людей, которые пришли изъ, подѣ Тихвина, съ три тысячи, а говорятъ въ кругу межъ себя и съ пахолниками ¹⁾, стоятъ де имъ въ Новгородскомъ уѣздѣ на Вытегрѣ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ волостяхъ и къ Каргополю и на Вагу, и на Двину доходить кормиться; а стоять имъ въ острогахъ, докуда рѣки стануть, и снѣгъ падеть, и какъ снѣгъ падеть, приступать имъ къ Кириллову монастырю и къ Каргополю, и къ Бѣлозеру, а говорятъ, де воры, либо мы Кириловъ монастырь возьмемъ, либо свои головы приклядемъ.

Черкасы опять близко стали къ Каргополю. Въ Каргополѣ сидѣли воеводы Иванъ Андреевичъ Дашковъ да Степанъ Пустошкинъ. И писали къ нимъ, октября въ 19 день, съ Кириллова монастыря игуменъ Матеей да воевода Нелюбъ Суколѣновъ о вѣстяхъ про черкасъ, которые отѣхали отъ Тихвина, что хотять идти къ нимъ въ Каргополь. Да къ нимъ же писали изъ заонежскихъ погостовъ, что литовскіе люди стоятъ обострожась въ заонежскихъ погостахъ и стоячи пріѣзжали въ Никольскій Андомскій погостъ многожды, и многихъ людей поѣкли, и дворы пожгли.

И съ Каргополя воеводы писали на Вагу воеводѣ Григорію Игнатьевичу Татищеву да дьяку Потапу Внукову и Важскаго уѣзда старостамъ и цѣловальникамъ, и всякимъ жилацкимъ людямъ, чтобъ на „разорителей христіанской вѣры“ стоять имъ вмѣстѣ заодно, и ихъ бы на разореніе не подать, и ратныхъ людей прислать со всякимъ ратнымъ оружіемъ, и тѣхъ воровъ въ свои порѣчья, станы и волости не пропустить, и собрався надъ ними поискъ чинить.

Съ Ваги, октября въ 28 день, писали воеводы въ Подвиньѣ Подвинской чети старостамъ и цѣловальникамъ, и всѣмъ крестьянамъ на Пудогу грамоту, чтобъ сейчасъ съ Подвинья къ нимъ на Вагу въ Шенкурскій городокъ прислать ратныхъ людей съ огненнымъ боемъ и со всякимъ ратнымъ оружіемъ, 200 человекъ, наспѣхъ, и засѣки бѣ покрѣпить съ иными волостными людьми, совѣтъ учиня межъ собой и подумавъ, гдѣ пригоже засѣки крѣпить, и людей съ ратнымъ оружіемъ поставить у засѣкъ.

Съ Подвинья старосты и цѣловальники, и всѣ крестьяне Пудож-

¹⁾ „Пахолкъ“, или „пахолкъ“ — отрокъ, прислужникъ, въ отрядѣ же обозначаетъ вообще нестроевыхъ людей.

скаго уѣзда писали въ Кеврольскій станъ (Кегроль или Кевроль) Михайлу Ивановичу Спѣшневу и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ жилецкимъ волостнымъ людямъ, что велѣно было имъ засѣки крѣпить на Двинѣ, и у нихъ засѣку хотятъ крѣпить на Двинѣ въ Сестринскомъ плесѣ (р. Сестрь),—а плесо то на много версть,—и чтобъ ему, Михайлу Спѣшневу, по совѣту съ своими крестьянами, указъ учинить, свои ли засѣки велить крѣпить, или къ нимъ людей на заставу пошлетъ. И ноября въ 11 день, висали жъ они въ Каргополь, били челомъ воеводѣ Ивану Дашкову и всѣмъ каргопольцамъ, чтобъ ихъ ворами не подать и стоять бы вмѣстѣ на „литовскихъ людей“, и засѣки крѣпить, гдѣ пригоже, а воровъ бы въ порѣчья не пропустить.

Воеводы и старосты, и цѣловальники посылали разсылщиковъ, сносились грамотами, наказными памятями и вѣстовыми отписками; гончики погоняли на подводахъ отъ городовъ по станамъ и по волостямъ и къ городамъ.

Съ Кевроля, по тѣмъ вѣстовымъ отпискамъ и грамотамъ, ноября въ 15 день, наказныя памяти, за рукою Спѣшнева, посланы были въ Чакольскій станъ и на Периское, и на Пили Горы, и на Немьюшку (Немнюжскій погостъ), и на Мезень и въ Юромскій станъ, для прочету и для разсылки списковъ по всѣмъ станамъ и волостямъ. По той памяти, велѣно было собрать ратныхъ людей по человѣку съ сошки со всякимъ ратнымъ оружіемъ противъ „литовскихъ людей“, и самимъ всѣмъ крестьянамъ своими головами съ половниками и съ казачками быть готовымъ со всякимъ ратнымъ оружіемъ...

Въ ту пору пришелъ въ Подвинье воевода Богданъ Ивановичъ Чулковъ. По государеву указу, было велѣно ему быть въ заонежскихъ погостахъ и собрать ратныхъ людей, и идти на Волховское устье, что надъ Ладожскимъ озеромъ, и поставить острожокъ, и изъ того острожка промыслять надъ нѣмецкими и надъ литовскими людьми. Ноября въ 10 день, пріѣхалъ Богданъ Чулковъ въ заонежскій погостъ, въ Пудогу. А черкасы стояли въ заонежскихъ же погостахъ на Вытегрѣ, Мегрѣ и Палтегрѣ и во многихъ заонежскихъ погостахъ. Въ Никольскомъ Андомскомъ погостѣ стояли государевы ратные люди, атаманъ казачій Томило Антипьевъ да есаулъ Савка Никитинъ съ вольными казаками, 118 человѣкъ.

Богданъ Чулковъ, собравъ даточныхъ людей съ Пудожскаго и съ Шальскаго и съ Андомскаго погостовъ, 86 человѣкъ, пошелъ въ сходъ, по вѣстямъ, въ Андомскій острожекъ къ казакамъ. Ноября въ 21 день, пришли на нихъ черкасы и къ Андомскому острожку при-

ступали съ щитами и съ примѣтомъ, и съ штурмами, поставя клѣтки на сани; и „Божіею милостію и твоимъ государевымъ счастіемъ, полохи твои, отписывалъ въ Москву Богданъ Чулковъ, въ острожкѣ отъ черкасъ отсидѣлись и многихъ людей на приступѣ побили и щиты поотымали“. Выходцы, полоняники и языки сказывали, что побито и поранено черкасъ подъ острожомъ человекъ 200 и болѣе.

Изъ-подъ Андомскаго острожка идти было черкасамъ къ Каргополю изгономъ. И ноября въ 23 день, пошли черкасы изъ-подъ острожка къ Каргополю; а „андомскіе сидѣльцы“ Богданъ Чулковъ съ атаманомъ и съ казаками, и съ даточными людьми пошли за черкасами слѣдомъ.

Прийти подъ Каргополь безвѣстно изгономъ черкасамъ не удалось: въ Каргополь о нихъ вѣсть пала. Ушелъ у нихъ съ дороги въ Каргополь полоняникъ попъ, да въ Каргополь же взяли у нихъ языка. И по тѣмъ языкамъ въ Каргополь они не пошли. Да про засѣку сказали имъ, что на засѣкѣ людно; а про Холмогорскій острогъ сказали, что острогъ не додѣланъ, и людей въ немъ служилыхъ съ огненнымъ боемъ всего съ 50 человекъ, а иныхъ нѣтъ, и заморскаго узорочнаго товару много. И по тѣмъ вѣстямъ черкасы пошли прямо на Двину, мимо Каргополя посторонь, и пересѣкли Онѣгу рѣку у Турчасова.

И какъ пришли на Турчасово, хотѣли идти подъ Суму (Сумской острогъ Соловецкаго монастыря); но турчасовцы имъ сказали, что на Холмогорахъ три посадца, а крѣпости нѣтъ. Полковники, учиня раду, пошли къ Холмогорамъ; а говорили полчаномъ своимъ, что де имъ тамъ будетъ золота и серебра и бархатовъ и камокъ, и суконъ дорогихъ много, а людей де служилыхъ мало, всего съ 50 человекъ, да и острогъ не додѣланъ. И взяли они купецкаго человека для провожанья, и вель ихъ до Емецкаго; а на Емецкомъ взяли мужика, а турчасовца отпустили.

Еще прежнимъ двинскимъ воеводою Никитою Михайловичемъ Пушкинымъ, по государеву указу, въ 1613 г. былъ заложенъ острогъ вновь, а прежде того острога въ Холмогорахъ не бывало. За Никитою Пушкинымъ были воеводы на Двинѣ князь Петръ Ивановичъ Пронскій и Моисей Ѳедоровичъ Глѣбовъ, а съ ними дьякъ Василій Яковлевичъ Ларионовъ. И услышавъ, воеводы и двинскіе жители, что въ Важскій уѣздъ набѣжали многіе воры-черкасы, и на Вагѣ многихъ людей мучать и убиваютъ, и животы ихъ грабятъ, и проѣзду, и проходу изъ города въ городъ не даютъ, велѣли ставить тотъ острогъ наспѣхъ.

Да поставили воеводы другой острогъ на Емцѣ, отъ Холмогоръ 105 верстъ. Для острогу воевода князь Пронскій велѣлъ разобрать Ивановскій Емецкій монастырь и старицъ изъ него перевести въ каменный Емецкій же Покровскій монастырь, а старцевъ и служекъ Покровскаго монастыря послалъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Къ Архангельскому городу воевода князь Пронскій послалъ товарища своего воеводу Глѣбова для осаднаго времени. А въ Холмогорахъ острогъ довершили: острогъ ставленъ стоячій въ одинъ тынъ, съ башнями, къ Двинѣ рѣкѣ, съ тайникомъ, а на острогѣ церковь Рождества Христова да осадные дворы посадскихъ и уѣздныхъ, и монастырскихъ людей, да ставлены для осаднаго времени лавки и анбары торговыхъ людей. Изъ Архангельскаго города привезли пушки и зелье, да пришелъ съ Архангельскаго города на помощь холмогорскимъ посадскимъ людямъ сотникъ стрѣлецкій Смирной Чертовской, съ его сотней стрѣльцовъ.

Пришли вскорѣ вѣсти, что воры тѣ въѣхали въ Двинскій уѣздъ въ Емецкій станъ, и многихъ крестьянъ побиваютъ и грабятъ и хотятъ приходить къ Холмогорамъ безвѣстно и двинянъ побить иivotы ихъ пограбить. И воевода князь Пронскій послалъ съ Холмогоръ на Емецкое въ подѣздъ сотника стрѣлецкаго Смирнаго Чертовскаго, а съ нимъ стрѣльцовъ сто человекъ.

На Емецкомъ ратные люди стали въ острогѣ и какъ пришли воры, изъ осады и изъ дворовъ многихъ воровъ побили и три знамени отняли и двухъ языковъ поймали и пришли назадъ къ Холмогорамъ. Языки воеводѣ въ разспросѣ сказали: на Вагѣ де есть въ приходѣ войною воровъ съ семь тысячь (?), а на Холмогоры имъ быть вскорѣ, потому что на Холмогорахъ острогу не чають.

Декабря въ 6 день въ вечеру черкасы пришли войною къ Холмогорамъ. Воевода и дьякъ съ холмогорскими людьми выслали высылку изъ острога сотника стрѣлецкаго Смирнаго Чертовскаго, а съ нимъ архангелогородскихъ стрѣльцовъ и холмогорскихъ охотниковъ. И сошлись ратные люди съ ворами на холмогорскомъ посадѣ, въ Ерзовкѣ, и воры хотѣли ихъ отъ острогу отлучить: почали лошадыми объѣзжать и людьми обходить. Сотникъ съ ратными людьми, видя тотъ ихъ воровской обходъ, шелъ къ острогу „отводнымъ боемъ“ и посадъ Глинкинской противъ острогу и церковь Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, велѣли зажечь огнемъ, чтобы черкасамъ близъ острогу не засѣсть. Сотникъ пришелъ въ острогъ съ ратными людьми „далъ Богъ, здорово“. А черкасы стали подъ Холмогорскими

острогомъ съ двухъ сторонъ: Барышпольцова полку люди стали въ посадахъ Глинкинскомъ и Ерзовкѣ передъ острожкомъ, а Сидоркова полку стали, перешедъ по другую сторону острога, отъ Архангельскаго города, въ посадцѣ за Падрокурьей (Курополье, Курцовъ п.).

Декабря въ 8-й день вышелъ изъ воровскихъ полковъ въ Холмогоры полоняникъ казакъ,—посыланъ былъ по государеву указу съ Исакомъ Сунбуловымъ, и взяли черкасы его подъ Тихвиннымъ монастыремъ, какъ Исака Сунбулова погромили,—а въ разпросѣ сказалъ: слышалъ де онъ, что одному полковнику Барышпольцу приходить приступомъ къ острогу, къ наугольной башнѣ, въ штурмахъ и съ возами соломенными и смоляными; а другому полковнику, Сидорку, приходить изъ-за Падрокурьи къ Ильинской и къ проходной башнѣ.

Декабря въ 8-й же день, въ приступъ, была вылазка изъ острогу на посады съ примѣтами, и въ тѣхъ посадахъ стрѣльцы примѣты зажгли и людей побили и взяли въ языкахъ подъ Холмогорскимъ острогомъ за Падрокурью въ приступъ на вылазкѣ черкашенина Павелка Арчимова. Въ разпросѣ и съ пытки языкъ Павликъ сказалъ, что на томъ приступѣ къ посадамъ государевы люди убили у нихъ 4 человекъ черкасъ да полковника Сидорку (?) да знаменщика Андришку. И сошлись послѣ бою черкасы въ одно мѣсто къ Барышпольцу.

День и ночь ждали въ острогѣ приступа. Декабря въ 9-й день въ ночи къ 10-му числу вышелъ изъ воровскихъ полковъ отъ черкасъ казакъ, сказался москвитинъ, зовутъ Смиркою Ивановымъ, взяли его вору подъ Тихвиннымъ монастыремъ. А вѣстей тотъ казакъ сказалъ: было-де нынѣ у воровскихъ людей коло ¹⁾, и присягали всѣ на томъ, что имъ всѣмъ подъ Холмогорами помереть, и сдѣлали де приступныхъ хитростей 16 штурмъ ²⁾ да 16 возовъ соломы и бересты обливаны смолою да вѣники обливаны смолою жъ да сало; а дѣлали де штурмы и возы готовили по двѣ штурмы да по два воза съ сотни; а полковникъ большой у нихъ — Барышпольецъ, есаулы — Марко Поздяковъ, черкашенинъ да Вышенской, а Сидорка де отставили, что онъ за Падрокурью на бою раненъ по ногѣ въ колѣно; а всѣхъ де ихъ въ полку человекъ съ

¹⁾ „Коло“—кругъ, круговой, общій совѣтъ.

²⁾ Штурмы или „штурьмы“—„приступныя хитрости“, назначеніе которыхъ было то же, что и „щитовъ“—охранять нападающихъ отъ выстрѣловъ.

600, а „бойца“ (съ огненнымъ боемъ) человекъ съ 300,—и тѣмъ де на приступѣ быть по сторонамъ отъ штурмъ и отъ воевъ, въ отводѣ (засадѣ), чтобъ не дать штурмъ и воевъ отнимать; а иные 300 человекъ съ малыми бугаками и въ саадакахъ — мелкіе пахолки, а ставятъ ихъ въ полку, чтобъ людѣе казалось; а штурмы де дѣлали—и избы разбирали, сажени по три по четыре, гѣсь большой; а будетъ имъ въ первомъ приступѣ не удастся, и имъ отходить прочь и поставить людей въ отводѣ, а самимъ побыть день или два: ожидать на себя людей изъ острогу, или которые придуть за ними шляху смотрѣть, и тѣхъ людей имать и приходить къ острогу изгономъ.

Той же ночи въ 4 часу, вышелъ изъ воровскихъ полковъ выходець, черкашенинъ Сидоркова полку, а сказалъ воеводѣ въ разспросѣ тѣ же вѣсти, что воры-черкасы хотять приводить къ Холмогорскому острогу съ штурмами приступомъ сей же ночи; а всѣхъ де ихъ нынеча 1200 человекъ, а „бойца“, „отрадныхъ людей“ ¹⁾ съ долгими пицальми на литовскихъ баматахъ ²⁾—300 человекъ.

Тревожная ночь прошла тихо. Декабря въ 10-й день съ утра стали приходить успокоительныя вѣсти. Выѣхалъ къ холмогорцамъ изъ воровскихъ полковъ черкашенинъ, а вѣстей сказалъ, что воровскіе люди хотять идти отъ Холмогоръ прочь; а сѣзжались на думу ихъ сотники, и онъ спрашивалъ своего сотника, и сотникъ ему сказалъ: идти де имъ Двиною внизъ къ морю и прониматься въ Новгородъ къ Якову Пунтусову; а всякихъ людей, черкасъ и русскихъ людей съ пахолками съ тысячу съ двѣсти человекъ да въ томъ же числѣ у нихъ донцовъ-казаковъ со сто, да новгородскихъ татаръ человекъ съ тридцать, да нѣмцевъ, новгородскихъ сидѣльцевъ три человекъ.

Того же дня вышелъ изъ воровскихъ полковъ ляхъ Станиславъ Ясинскій, а вѣстей сказалъ: воры де ихъ черкасы хотѣли приступать къ острогу съ приметами и, убоявся, пошли прочь; а хотять бѣжать „муравскимъ шляхомъ“ ³⁾ на Лихвинъ (къ Заруцкому) или къ морю и къ Великому Новгороду. Пришелъ вслѣдъ за нимъ отъ черкасъ выходець полоняникъ изъ тихвинскихъ сидѣльцевъ и ска-

¹⁾ „Отрадные люди“—лучшіе люди, бойцы.

²⁾ „Литовскіе баматы“—особая порода лошадей.

³⁾ „Муравскій шляхъ“—„дорога изъ Крыму въ Русь мимо Ливны“, шедшая отъ Москвы, мимо Тулы и Ливенъ до Перекопа.

зываетъ вѣстей, что черкасы отъ Холмогоръ идутъ прочь; а казаковъ де у нихъ русскихъ человекъ съ 10—взяты въ полонъ подъ Тихвиною.

Въ Холмогорскомъ острогѣ не знали, пошли ли черкасы „въ отходъ“, или имъ было стать „въ отводѣ“. Ждали новыхъ вѣстей. И декабря въ 11-й день вышелъ изъ воровскихъ полковъ полоняникъ, а вѣстей сказалъ, что черкасы пошли внизъ Двиною рѣкою, а идти имъ 20 верстъ, и тутъ быть у нихъ стану; а того де онъ не вѣдаетъ къ городу ли (то-есть, Архангельскому) идти имъ или назадъ повернуться. Да вышелъ отъ черкасъ бѣлозерскій помѣщикъ Индрикъ Смитъ—взяли его Барышполець да Сидорко въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ на Судѣ—а вѣстей сказала, что воры-черкасы пошли къ Архангельскому городу. Того жъ дня вышелъ съ Матигоръ изъ воровскихъ полковъ казакъ, взять подъ Тихвиной, а вѣстей сказалъ, что воры-черкасы пошли къ Архангельскому городу изгономъ; а буде подъ городомъ не удастся, и имъ идти подъ Сумской острогъ.

Тѣ черкасы Барышпольцова полку пошли внизъ Двиною къ морю. А прежде того изъ-подъ Холмогорскаго жъ острогу пошли изъ черкасскихъ полковъ назадъ вверхъ по Двинѣ и на Вагу сотникъ Фетко (Федоръ), а съ нимъ пошло литвы и черкасъ 300 человекъ. А сходиться имъ было, по уговору, всемъ вмѣстѣ подъ Каргополомъ.

Въ Архангельскомъ городѣ посадскіе, торговые и монастырскіе люди и стрѣльцы, побросавъ дворы свои, амбары и лавки, сѣли въ осадѣ на городѣ. А городъ Архангельской деревянный на рѣкѣ на Двинѣ, рубленъ въ двѣ стѣны, мазанъ глиною, мѣрою 417 сажень. а въ немъ 204 „городни“¹⁾; на городѣ и на воротахъ 7 башенъ, а на башняхъ и по городу пицалей мѣдяныхъ и желѣзныхъ и пушечекъ скорострѣльныхъ 31; около городу крѣпостей съ трехъ сторонъ остроги на иглахъ, мѣрою 312 сажень, а около острогу ровъ, шириною 4 сажени съ полусаженью, глубиною 2 сажени, во рву ставленъ тынъ, около рва надолбы; а съ четвертой стороны города рѣка Двина и по берегу рубленъ „обрубъ“ въ пять стѣнъ, мѣрою 128 сажень. Въ городѣ былъ монастырь Архангельской, а въ немъ 2 церкви, келья игумена и братскія кельи, изба стѣзжая-воеводская, 5 житницъ, тюрьма, дворъ зеленой, дворъ воеводской, дворы монастырскіе Корельскаго и Сійскаго монастыря; 100 осадныхъ избушекъ

¹⁾ „Городни“—звено двойной стѣны, наполненной внутри землей или мелкими камнями.

жилецкихъ и уѣздныхъ и всякихъ людей да анбары монастырскіе, 5 анбаровъ и 11 анбарцевъ, — ставлены для осаднаго времени. На посадѣхъ подь городомъ были большіе гостинные дворы: дворъ гостинный русскихихъ гостей да дворъ гостинный нѣмецкій нѣмецкихъ, голанской земли и аглинскихъ людей; а въ нихъ многіе анбары, верхніе и нижніе, и торговыя лавки.

Пришли черкасы къ Архангельскому городу на спѣхъ, умысля взять изгономъ, чтобы прійдти въ нѣмецкой дворъ безвѣстно. И архангелогородцы, не допусая черкасъ до нѣмецкихъ дворовъ, заняли все подворье со всѣми лавками и анбарамы. За тѣмъ черкасы къ городу не приступали, а стали посторонь отъ города.

Декабря въ 14-й день прибѣжалъ въ Архангельской городъ отъ черкасъ князь Тимошей Ивановичъ Оболенскій, что взять подь Тихвиной въ Царицыномъ монастырѣ, а вѣстей сказалъ: черкасамъ де стоять подь Архангельскимъ городомъ 4 дни и ийти въ Никольскій Корельскій монастырь и въ Ненокоцкое и въ Сунское усолья и на Онежское устье и ийти въ Новгородъ къ Якову Пунтусову, а идучи де хотять приступать къ Каргополю.

Того жъ числа ночью прибѣжалъ архангельскій крестьянинъ, а въ разспросѣ сказалъ: пришли де черкасы на Вагинъ островъ и стали во многихъ мѣстахъ, и его поимали въ побѣгѣ, да съ нимъ двухъ крестьянъ, а просятъ за нихъ выкупу 50 рублей; и они де посулили отъ себя выкупу 50 рублей, а его послали черкасы въ Архангельскій городъ по тѣ выкупныя деньги, за крестнымъ цѣлованьемъ, и велѣли ему быть къ себѣ изъ Архангельскаго города на станъ той же ночи; и слышалъ де онъ у черкасъ: говорятъ межъ себя, хотять приступать изгономъ и всякимъ промысломъ промышлять надъ Архангельскимъ городомъ.

Изъ Архангельскаго города посылали подѣзды и послыаки на черкасъ и на тѣхъ послыакахъ воровскихъ людей побивали, а побили съ 50 человекъ, и языковъ поимали. Декабря въ 19-й день пріѣхали изъ подѣзда вологжане, дѣти боярскіе, Василій Скорбѣевъ да Томилло Кочкаровъ и привели съ собою черкашенина Илейку, а взяли его въ Ненокоцкомъ усольѣ на походѣ черкасъ. И черкашенинъ Илейка былъ распрашиванъ и въ разспросѣ сказалъ про черкасъ, что ийти имъ отъ Архангельскаго города на Онегу и сходиться съ сотникомъ Оеткомъ, который пошелъ вверхъ по Двинѣ, и будетъ де не услышать про русскихихъ людей, и имъ ийти въ Новгородъ къ Якову Пунтусову, а буде прослышать московскихъ людей на себя

приходъ, и они хотять проходить около Ивана Города на рубежъ да въ свою землю.

На томъ походѣ черкасы подъ Архангельскимъ городомъ не были съ приступами: пробѣжали мимо. А отъ Архангельскаго города пошли внизъ Двиною къ „Студеному морю“ и пришли въ Никольскій Корельскій монастырь. Монастырь и монастырскіе соляные промыслы и вотчины повоевали и разорили до основанія, и казну монастырскую взяли, и въ монастырѣ кельи и за монастыремъ дворъ и въ вотчинѣ 13 дворовъ крестьянскихъ съ животиною и со всѣмъ животомъ сожгли, и людей посѣкли, а иныхъ жгли и мучили.

Отъ Никольскаго Корельскаго монастыря пошли берегомъ моря по зимней проѣзжей дорогѣ въ Ненокоцкій посадъ и на посадѣ крестьянскіе дворы, анбары и лавки пожгли. Тою же дорогой пришли въ посадъ на Луду и дворы пожгли жъ. Были въ посадѣ на Унѣ и церкви пограбили, дворы пожгли, варницы соляныя разорили и людей иныхъ побили. И вышли къ Сумскому острогу Соловецкаго монастыря, и подъ Сумскимъ острогомъ стрѣльцы многихъ черкасъ побили. А къ Соловецкому монастырю, къ каменному городу, не приходили и приступами не приступали.

Отъ Сумскаго острога пошли черкасы въ Заонежскіе погосты.

Въ Заонежскихъ погостахъ стоялъ воевода Богданъ Ивановичъ Чулковъ съ ратными людьми. По государеву указу, пріѣхалъ онъ въ Толвуйскую волость и сталъ въ Егорьевскомъ погостѣ. Да съ нимъ же пришелъ атаманъ Томило Антипьевъ съ прежними „андомскими сидѣльцами“.

По вѣстямъ они поставили острогъ въ Егорьевскомъ Толвуйскомъ погостѣ, для приходу нѣмецкихъ и „литовскихъ людей“: острогъ рубленъ въ тарасы ¹⁾, а насыпаны тарасы каменьемъ мелкимъ, да по тѣмъ же тарасамъ ставленъ тынъ стоячій; а въ острогѣ семь башенъ рубленныхъ, а башни осыпаны каменьемъ; да въ острогѣ же ставлены для осаднаго времени дворы осадные и избы крестьянскія и монастырскіе, Вяжицкаго Никольскаго монастыря, Палеостровскаго монастыря и Хутынскаго монастыря, всего 23 двора да 14 избъ. Да въ острогѣ жъ были церкви: церковь Троицкая да церковь Георгія Великомученика. Ставили тотъ острогъ Вяжицкаго монастыря крестьяне Толвуйской же волости.

¹⁾ „Тарасы“—ящичи, срубленные изъ бревенъ, трехугольной или квадратной формы, наполнявшіеся землей или мелкими камнями.

Къ Богдану Чулкову и къ атаману Томилу Антипову пришелъ въ сходъ съ нѣмецкаго рубежа атаманъ казачій Ермолай Поскочинъ съ ратными казаками. Въ Шунгинской волости собралъ онъ, по государеву указу, ратныхъ людей. И острогъ въ Никольскомъ Шунгинскомъ погостѣ поставили. И приказалъ Богданъ Чулковъ тотъ острогъ атаману Богдану Грязному да „волостному человѣку“ Власу Котову.

Января во 2 день пришли съ моря черкасы, Барышполець съ полкомъ да Сидорко въ Шунгинскую и Толвуйскую волость двумя дорогами. И къ Шунгинскому острожку приступали съ пятами и съ примѣтами жестокимъ приступомъ; и въ Шунгинскомъ острожкѣ атаманъ Богданъ Грязной и волостные люди отсиѣлись и многихъ черкасъ подъ острожкомъ на приступѣ побили.

Изъ Толвуйскаго острожка воевода Богданъ Чулковъ посылалъ на черкасъ посылки, пѣшія и конныя, безпрестанныя; и въ тѣхъ посылкахъ государевы ратные казаки и охочіе люди черкасъ побивали и въ полонъ имали. Января въ 8 день посылалъ въ посылку на черкасъ шестьдесятъ человѣкъ казаковъ всѣхъ станицъ. И того же числа сошлись казаки съ черкасами въ Толвуйской же волости на Падозерѣ, отъ острогу за 6 верстъ, и съ черкасами бой былъ. На томъ бою иныхъ черкасъ побили, иныхъ въ языкахъ поймали да русскихъ пахолковъ взяли изъ полона. Полоняниниковъ, взятыхъ изъ полона, допрашивали, а языковъ въ разспросѣ пытали смертно. А въ разспросѣ и съ пытокъ воеводѣ сказали: у полковника Сидорка въ полку людей съ 700 человѣкъ, а у Барышпольца въ полку съ 800 человѣкъ; здѣсь имъ стоять въ Толвуѣ и Шунгѣ подъ острожками три недѣли и больше, и къ острожкамъ де имъ приступать жестокими приступами, и будетъ они не смогутъ острожковъ приступомъ взять, и имъ де въ острожкахъ людей голодомъ морить, а не смогутъ голодомъ выморить остроговъ, и имъ де идти подъ Великій Новгородъ къ Якову Пунтусову. Да января въ 13 день посылалъ посылку, 30 человѣкъ, и съ черкасами сошлись подъ Шунгинской волостью и тутъ съ черкасами бой былъ, и на томъ бою взяли пахолковъ русскихъ двухъ человѣкъ да литвина да черкашенина. А вѣсти отъ нихъ были тѣ же.

Подъ Шунгинскимъ и Толвуйскимъ острожками черкасы стояли двѣ недѣли и три дня, и, не взявъ острожковъ, пошли изъ Шунгинской и Толвуйской волости.

А идти имъ было, съ совѣту нѣмецкихъ людей, на государевыхъ

людей подъ Ладогою и подъ Новгородъ, и на томъ у нихъ рота ¹⁾ была.

А сосланыя черкасы съ нѣмецкими людьми въ Шунгинской же волости. Нѣмецкихъ людей было въ Лопскихъ погостахъ конныхъ 400 человекъ да пѣшихъ солдатъ 1.200 человекъ да корелянъ мужиковъ у солдатъ 700 человекъ, а воевода у нихъ былъ Анцмукъ. Полковникъ Сидоръ поѣхалъ на сговоръ къ нѣмецкимъ людямъ къ Анцмуку; и какъ съѣхались, и на ѣздѣ стрѣлялись: нѣмцы начались русскихъ людей. И какъ Анцмукъ позналъ, что — черкасы, и онъ грамоты послалъ къ Сидору королевскія отъ Якова Пунтусова, чтобы нѣмцамъ и черкасамъ сослаться и соединиться въ одно на русскихъ людей. По той ссылкѣ черкасамъ было идти на Олоонецъ и на Олонцѣ ожидать нѣмецкихъ людей.

Января въ 29 день пришли на Олоонецъ изгономъ черкасы и нѣмцы, передовые люди, 800 человекъ. А на Олонцѣ въ острожкѣ стояли голова Захарей Страховъ да атаманы и есаулы и казаки, Михайло Титовъ да Михайло Рячинъ съ товарищами. Съ черкасами и съ нѣмецкими людьми бой у нихъ былъ, и „Божію милостію и твоимъ, государевымъ счастьемъ“, писали въ Москву воеводы, на томъ бою черкасъ и нѣмецкихъ людей многихъ побили и знамена взяли и многихъ языковъ поимали.

Вскорѣ, слышавъ приходъ многихъ нѣмецкихъ людей и черкасъ, голова, атаманы и казаки изъ Олонца, изъ острожка, отошли и, отшедъ, стали на Свири рѣкѣ въ деревнѣ Наглинской. А на Олоонецъ пришли черкасы и нѣмецкіе люди.

Въ то же время государевы люди подъ Ладогою извѣстились о приходѣ черкасъ на Олоонецъ. И по тѣмъ вѣстямъ Барай-мурза Алѣевичъ Кутюмовъ съ ратными людьми и казаки, „тихвинскіе сидѣльцы“, отшедъ отъ Ладогои, стали въ Рождественскомъ погостѣ на Пашѣ и на Сермакскомъ погостѣ. Января въ 31 день пришелъ на Сермакъ голова Илья Васильевичъ Наумовъ съ Ѳедоромъ Ослоповскимъ, есауломъ станицы атамана Ермолая Терентьева: слухъ до него дошелъ подлинной отъ его подъѣздчиковъ, что черкасы стоятъ на Олонцѣ, а хотятъ идти стоять въ Александрову пустынь. Да января въ 31 день пріѣхали къ нимъ въ полки съ деревни Наглинской на Свири атаманы Михайло Титовъ да Александръ Трусовъ съ казаками, и привели они съ собой нѣмецкихъ языковъ 13 человекъ да 5 человекъ

¹⁾ „Рота“ — клятва, присяга.

черкасъ. Да февраля въ 1 день пришелъ къ нимъ отъ черкасъ изъ полону казакъ, взятъ на Тихвинѣ.

И февраля въ 3 день Илья Наумовъ, прося у Бога милости и извѣстия съ Барай Мурзой и съ головами, Захарьемъ Страховымъ, посылалъ въ посылку на черкасъ подъ Олонецъ двухъ атамановъ Ѳедора Бронникова да Ермолу Терентьева съ станицами. И февраля въ 4 день государевы люди сошлись съ черкасами на Олонцѣ и черкасъ многихъ побили и языковъ поймали, и привели къ Ильѣ въ языкахъ 15 человекъ черкасъ. И онъ, разспрося тѣхъ языковъ, шесть человекъ послалъ на Тихвину, а иныхъ языковъ велѣлъ у себя вершить ¹⁾, потому что больно ранены.

Да февраля въ 6 день писалъ Илья Наумовъ на Тихвину къ воеводѣ Ѳедору Кирилловичу Плещееву о вѣстяхъ и о ратныхъ дѣлахъ подъ Олонцомъ. И воевода Ѳедоръ Плещеевъ посылалъ въ Москву отписки въ Разрядъ.

По тѣмъ отпискамъ февраля въ 20 день посланы изъ Разряда съ Москвы государевы грамоты къ мурзамъ и къ казакамъ, чтобъ идти имъ въ сходъ и надъ черкасами и нѣмецкими людьми промыслять.

А въ тѣхъ грамотахъ писано, въ грамотѣ къ Барай-мурзѣ Алѣвичу Кутюмову въ Рождественскомъ погостѣ на Пашѣ: „какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ со всеми людьми шолъ на тѣхъ черкасъ и на нѣмецкихъ людей и, прося у Бога милости, надъ ними нашимъ дѣломъ промыслялъ и поискъ чинилъ, сколь Богъ помочи подастъ, смотря по тамошнему дѣлу“. Таковы жѣ грамоты были посланы къ инымъ мурзамъ, къ Сююшъ-мурзѣ и къ Иль-мурзѣ.

Атаману Михаилу Титову да Михаилу Рячину и всемъ атаманамъ, и есауламъ, и казакамъ, которые стояли на государственной службѣ на Олонцѣ, похваляя ихъ „радѣнье“ и „службу“, писали жѣ: „и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ впередъ намъ служили и нашимъ дѣломъ промысляли, а нынѣ бы есте шли въ сходъ къ Барай-мурзѣ Кутюмову, и шодчися съ Барай-мурзою и свѣстия съ атаманы и съ казаки, шли на черкасъ и на нѣмецкихъ людей и надъ черкасы и надъ нѣмецкими людьми промысляли, сколь вамъ милосердый Богъ помочи подастъ, чтобъ вашимъ радѣньемъ и службою надъ черкасами и надъ нѣмецкими людьми поискъ учинить..., а мы васъ за вашу прямую намъ службу и радѣнье пожалуемъ нашимъ царскимъ жалованьемъ и службу вашу учинимъ памяту“.

¹⁾ „Вершить“—казнить.

Да писали въ грамотѣ атаманамъ и есауламъ и казакамъ, которые были на государевой службѣ подъ Ладогой съ Барай-мурзою: „и вы бѣ съ Барай-мурзою Кутюмовымъ шли на тѣхъ черкасъ и на нѣмецкихъ людей и, прося у Бога милости, надъ нами нашимъ дѣломъ промышляли и поискъ чинили, смотря по тамошнему дѣлу, а мы васъ за вашу службу пожалуемъ по вашей службѣ“.

По тѣмъ грамотамъ сошлись государевы ратные люди: мурзы и головы съ татарами и съ дворянами и дѣтьми боярскими и атаманы и есаулы съ станицами казаковъ всѣ вмѣстѣ и съ черкасами у нихъ большой бой былъ на Олонцѣ, и на томъ бою государевы люди черкасъ въ конецъ побили и взяли въ полонъ сотника Ѳетку и послали того сотника къ Москвѣ. А нѣмецкіе люди, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ „на лѣжѣ“¹⁾, пѣшихъ 100 человекъ да 200 конныхъ, приходили къ намъ на помощь—послѣ бою на другой день.

А было то марта въ первыхъ числахъ. И послѣ олонецкаго побоя стали выходить на государево имя выходцы отъ черкасъ, и сказывали всякія вѣсти. Полторы недѣли спустя послѣ олонецкаго бою вышли три черкашенина Сидоркова полку къ казакамъ въ Тюнки, отъ Олонца за 90 верстъ. А вѣстей черкашане сказали: всего де съ Сидоркомъ осталось черкасъ съ 300 человекъ да пахолковъ съ 200 человекъ, и лучшіе люди у нихъ всѣ побиты на Олонцѣ, а побито де ихъ больше 1.000 человекъ; а Барышполець де нынѣ съ черкасами жъ въ ряду, а не полковникомъ, потому что его полкъ весь побить на Олонцѣ.

Да они жъ сказали, что послѣ Олонецкаго побоя у нихъ была рада, и полковникъ и черкасы приговорили, чтобъ отдать на сотника на Ѳетку, — а тотъ Ѳетко у нихъ честенъ, умѣетъ многимъ языкамъ, а прежь сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ — полонянника князя Матвѣя Прозоровскаго. И хотѣли де черкасы писать на Тихвину къ воеводамъ о розмѣнѣ, да имъ сказалъ корельской казакъ, взять въ языкахъ подъ Александровымъ монастыремъ, что сотникъ Ѳетко посланъ къ Москвѣ, и черкасы де потому на Тихвину о розмѣнѣ на князя Матвѣя не писали. А про князя Матвѣя Прозоровскаго сказали, что онъ былъ у Барышпольца, а послѣ Олонецкаго побоя у Барышпольца взялъ князя Матвѣя полковникъ Сидоръ; а нужи де ему нынѣ некоторыя нѣтъ: „ходить за сторожи и

¹⁾ Стоять „на лѣжѣ“—стоять на зимнихъ квартирахъ.

на прости“, съ чловѣкомъ своимъ, а на походѣ — его въ ночи ковали, а въ дни—на лошади ноги подвизывали.

Послѣ того побоя иришли на Олонецъ Яковлевы грамоты къ черкасамъ, чтобъ они съ Олонца шли къ нему, Якову, въ Новгородъ. И черкасы, по тѣмъ грамотамъ, Якову Пунтусову отказали, что имъ въ Новгородъ въ осаду не ийти, и писали къ Якову Пунтусову отъ себя: что онъ, Яковъ Пунтусовъ, за ихъ службу, что они ему служили подъ Тихвиною, велѣлъ имъ „лежать“ въ Корельскомъ уѣздѣ до травы!

И въ Новгородъ къ Якову Пунтусову черкасы не пошли. А пошли съ полковникомъ Сидоркомъ въ Соломенскую волость, для того что боялись государевыхъ людей приходу. И говорили межъ себя черкасы: только де въ Соломенской волости людскаго и конскаго корму не будетъ, и имъ въ той волости не стоять, а ийти подъ Корелу (г. Кексгольмъ) въ Корельскія волости и стоять въ Корельскихъ волостяхъ до травы, и изъ подъ Корелы ийти имъ въ Литву, а проищаться имъ нѣмецкимъ рубежемъ на Лифлянты.

Только черкасы въ Литву не пошли, для того что государевы люди вездѣ дороги залегли, и пройди было не можно, да и снѣги были велики. Поворотивъ съ Олонца назадъ, шли 120 верстъ и прошли за Онегу въ Шуйскую волость и марта въ 10 день иришла изгономъ въ Никольскій Шуйскій погостъ, — попа и многихъ крестьянъ побили.

А посылали черкасы въ Корелу ссылались съ нѣмецкими людьми, и по ихъ ссылкѣ нѣмецкіе люди съ нарядомъ, воевода Анцмукъ Михайловъ и съ нимъ 200 чловѣкъ иришли въ острожокъ на Тулмозеро (Тулום-озеро). И черкасы съ ними сошлись на Тулмозерѣ.

И вышли изъ полону отъ черкасъ выходцы къ воеводѣ Богдану Чулкову и сказывали вѣсти. И по тѣмъ вѣстямъ Богданъ Чулковъ писалъ марта въ 17 день изъ Заонежскихъ погостовъ въ Каргополь воеводамъ, что черкасы съ нѣмецкими людьми соиначились и стоятъ на Тулмозерѣ, а ийти де имъ съ нарядомъ подъ Бѣлозеро, подъ Кирилловъ монастырь и подъ Каргополь.

И каргопольскіе воеводы Иванъ Дашковъ да Степанъ Пустошкинъ, по тѣмъ вѣстямъ, писали на Холмогоры, на Бѣлозеро и на Вологду, чтобъ прислали въ помощь ратныхъ людей. Да писали жъ къ Москвѣ къ государю воеводы...

500 человекъ черкасъ да нѣмецкихъ людей 200 человекъ съ „нарядомъ“ составляли опять значительную силу, опять угрожали городамъ походомъ. Но послѣ олонецкаго побойща черкасы утратили самостоятельное значеніе: роль ихъ была сыграна, и самыя имена ихъ вожаковъ Барышпольца и Сидорка, наводившія страхъ на цѣлый край, исчезаютъ навсегда. На театрѣ военныхъ дѣйствій остаются „нѣмецкіе люди“ Якова Пунтусова, на которыхъ прежде всего пришлось опереться черкасамъ; а скоро соберутся на сѣверѣ людныя толпы воровъ-казаковъ, которые увлекутъ ихъ съ собою. И, можетъ быть, этихъ самыхъ черкасъ мы въ слѣдующемъ 1615 году встрѣтимъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ у Кенозера, встрѣтимъ въ лицѣ отряда изъ 300 человекъ черкасъ, которые все еще мечтали, отдѣлившись отъ „русскихъ людей“, идти въ Поморье воевать двинскія мѣста.

Такъ черкасы прошли почти всю сѣверную Россію вдоль и поперекъ, ходили съ сентября 1612 года до апрѣля 1614 года и въ эти полтора года обошли многіе города и посады: Вологду, Тотму, Вельскъ, Сольвычегодскъ (и Устюгъ?) по одному направленію; оттуда круто повернули невидными намъ путями къ Бѣлозеру, были подъ Кирилловымъ монастыремъ и Каргополемъ, стояли подъ Тихвинскимъ монастыремъ цѣлое лѣто; оттуда Бѣлозерскимъ уѣздомъ прошли на Вытегру и, обойдя Турчасовъ, Емецкое, Холмогоры, Архангельскъ, Неноксу, Уну и Луду, черезъ заонежскіе погосты достигли Олонца. Вотъ главныя станціи этого похода, не считая движенія отряда съ сотникомъ Ѳеткомъ, отдѣлившагося отъ своего полка подъ Холмогорами и неизвѣстно какими путями шедшаго до соединенія съ своимъ полкомъ въ заонежскихъ погостахъ. На походѣ черкасы подъ города и подъ острожки приходили „изгономъ“ и приступами приступали и „стоянѣмъ“ морили острожки, и по уѣздамъ „войной“ ходили, иные города и остроги взяли и посады разорили, подъ иными ихъ самихъ побили, въ уѣздахъ сотни деревень пожгли и не одну тысячу людей поѣкли.

Сдѣлали это все безъ какой либо одной опредѣленной цѣли, безъ выдержаннаго плана: кинулись, увлекаемые жаждой легкой добычи и наживы, не думая заходить слишкомъ далеко, и все собирались съ первою награбленной добычей повернуть къ Заруцкому; застоялись подъ крѣпкими городами и богатыми монастырями, не желая отказаться отъ надежды взять ихъ; при первомъ же случаѣ отвлеклись совершенно въ другую сторону и пошли подъ Тихвинъ — служить Якову Пунтусову; не поступивши къ нему дѣйствительно на службу,

но поддавшись его вліянію, а также возбуждаемые хищническими инстинктами, оборотились въ Двинскую землю и прошли Поморскія страны, но заморскихъ товаровъ, золота и серебра и всякаго „узорочья“ изъ-за крѣпкихъ стѣнъ не добыли; тогда изъ Поморья пошли подь Новгородъ къ Якову Пунтусову: ждали радушнаго приѣма, отдыха и награды за вынесенныя трудности и опасности далекаго похода, но, вмѣсто приглашенія въ Новгородъ, получили отъ него за „службу“, которую они ему „служили“, совѣтъ—„лежать въ Корелѣ до травы“. Оставалось имъ безцѣльное и томительное выжиданіе—въ виду очевидной опасности. А тутъ еще такой ударъ, какъ олонцекое побойще, уложившее большинство ихъ въ могилу! Нужды нѣтъ, что послѣ того къ остальнымъ пришли Яковлевы призывныя грамоты, чтобъ съ Олонца шли къ нему въ Новгородъ „въ осаду“; они не пошли. Поняли ль они тутъ, что были простымъ орудіемъ въ рукахъ шведскаго воеводы, преслѣдовавшаго свои интересы; только они, оскорбленные, отвернулись отъ него и составили самостоятельный планъ обойтись безъ Якова Пунтусова: приниматься нѣмецкимъ рубежемъ на Лифляндію да въ „свою землю“. Сгоряча составленный планъ оказался, однако, невыполнимымъ: черкасамъ пройти не удалось, такъ какъ „государевы люди“ всѣ дороги залегли, и пришлось имъ, отказавшись отъ всякихъ надеждъ, позаботиться о собственной безопасности. Тутъ черкасы сошлись съ ворами-казаками изъ русскихъ людей—и вмѣстѣ съ ними погибли не столько боевой, сколько воровской смертью ¹⁾.

Н. Ардашевъ.

¹⁾ Очищеніе Русской земли отъ воровъ-казаковъ можетъ служить предметомъ слѣдующаго очерка, который нуждается въ такой же разработкѣ, чтобы наглядно показать, какъ въ это исключительное для Московскаго государства время, когда, выражаясь нашимъ языкомъ, дѣйствовало „большое осадное положеніе“, какъ тогда работалъ Большой Разрядъ на Москвѣ и воеводскіе разряды и приказныя избы по городамъ, осуществлявшіе собою военно-полевую судъ.

Другой театръ военныхъ дѣйствій лежалъ къ западу отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поднимались черкасы. Средоточіе его было въ Новгородѣ, гдѣ сидѣлъ Яковъ Пунтусовъ съ нѣмецкими людьми, то-есть, шведами, Псковѣ и на Вейнѣ, куда приходъ съ Москвы воевода кн. Дм. Мих. Трубецкой со многими государевыми людьми. Интересной подробностью здѣсь является осада Тихвинскаго и Печерскаго монастырей. Наши историки, въ томъ числѣ и Соловьевъ, довольствуются о томъ свѣдѣніями изъ лѣтописныхъ источниковъ, то-есть, изъ вторыхъ рукъ, когда имѣются официальные донесенія дѣйствующихъ лицъ. Вотъ еще эпизодъ изъ исторіи очищенія Русской земли для документальной разработки.

ОБЪ ОРХОНСКИХЪ И ЕНИСЕЙСКИХЪ НАДГРОБНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ СЪ НАДПИСЯМИ.

Въ концѣ 1893 года копенгагенскій профессоръ В. Томсеяъ открылъ ключъ къ чтенію надписей, которыя давно уже были находимы на камняхъ въ бассейнѣ верхняго Енисея и къ которымъ весьма близки оказались и надписи на двухъ большихъ памятникахъ, открытыхъ въ 1889 году Н. М. Ядринцевымъ на Орхонѣ при осмотрѣ развалинъ Хара Балгасуна въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ монастыря Эрдэни-цзу. Въ началѣ 1894 года академикъ В. В. Радловъ далъ уже первую транскрипцію и переводъ надписей съ одного изъ орхонскихъ памятниковъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin“ v. W. W. Radloff. На основаніи этой брошюры Н. И. Веселовскій помѣстилъ предварительный отчетъ о результатахъ дешифровки орхонскихъ надписей въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 г. № 4, отд. 4, снабдивъ его небольшимъ введеніемъ объ енисейско-орхонскихъ надписяхъ вообще и объ открытіяхъ Н. М. Ядринцева и В. Томсена. Съ того времени разборъ и истолкованіе орхонскихъ надписей значительно подвинулись впередъ благодаря новымъ трудамъ В. Томсена (*Inscriptions de l'Orkhon, déchiffrées par Vilh. Thomsen, Helsingfors 1896*), В. В. Радлова (*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei v. W. W. Radloff, St.-Petersburg 1895* и то же *Neue Folge, St.-Petersburg 1897 nebst einer Abhandlung v. W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*)¹⁾ и отчасти

¹⁾ Эта брошюра В. Бартольда заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся собственно историческою стороною двухъ большихъ орхонскихъ надписей. Ниже мы многое заимствуемъ изъ этой статьи.

W. Bang'a (Zu den Kōk-Türk Inschriften der Mongolei, Leiden 1896 и Über die Kōk-Türkische Inschrift auf der Südseite des Kül Tāgin-Denkmal). На основаніи всѣхъ этихъ трудовъ мы постараемся сообщить въ нижеслѣдующихъ строкахъ историческія, географическія и этнографическія свѣдѣнія о странахъ и народахъ Средней Азіи въ VII, VIII вѣкахъ нашей эры, содержащіяся главнымъ образомъ въ надписяхъ на двухъ большихъ орхонскихъ памятникахъ, то-есть, на памятникѣ Билге-хана и брата его Кюль Тегина. Предварительно напомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ исторію народа, которому принадлежатъ эти памятники, то-есть исторію Турокъ, носящихъ въ китайскихъ источникахъ имя „Ту-гю“. „Ту-гю“ появляются на исторической аренѣ въ началѣ VI вѣка по Р. Х.; китайцы считаютъ ихъ потомками Хунну. Родиной ихъ называются „Золотыя Горы“ („Алтунь-йышъ“ надписей); тамъ они жили подъ предводительствомъ рода Ашина (Assepa) ¹⁾ и занимались добываніемъ металловъ на службѣ у Жужанъ, тогдашнихъ властителей Средней Азіи, народа по всей вѣроятности тунгузскаго племени. Вскорѣ они не только свергли жужанское иго, но и покорили сначала своихъ сосѣдей, а потомъ втеченіе того же столѣтія всѣ страны отъ Тихаго океана до Чернаго моря. Центромъ ихъ въ это время были горы Ду-гинь (Tukin). Около 600 года тугю'йское государство раздѣлилось на двѣ части—восточную и западную. Въ 630 году восточные „Ту-гю“ подпали подъ власть китайцевъ, которые однако предоставили внутреннее управленіе мѣстнымъ бегамъ, давъ имъ только китайскіе титулы. Около 680 года нѣкто Ильтэрэсъ ²⁾, выдававшій себя за отпрыска древней династіи, сталъ во главѣ недовольныхъ такимъ порядкомъ турокъ, отложился отъ Китая и возстановилъ независимое ту-гю'йское царство, которое однако простиралось уже только отъ горнаго хребта Хинганъ до прохода Талки. Ильтэрэсъ умеръ въ 690 или 691 году;

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что транскрипціи съ китайскаго собственныхъ именъ нѣсколько расходятся у русскихъ и западно-европейскихъ синологовъ, а иногда даже и у отдѣльныхъ ученыхъ. По незнанію китайскаго языка мы всегда будемъ слѣдовать прямо за нашимъ непосредственнымъ источникомъ, давая кое-гдѣ и двойную транскрипцію.

²⁾ Такъ онъ называется въ надписяхъ, китайцы же называютъ его Гу-ду-лу (то-есть Кутлугъ, *счастливый*). Вообще турецкіе ханы называютъ себя въ надписяхъ повидимому исключительно по титуламъ, тогда какъ у китайцевъ сохранились въ большинствѣ случаевъ другіе ихъ прозвища и титулы (или можетъ быть иногда собственныя имена?); вслѣдствіе этого имена хановъ по надписямъ и по китайскимъ источникамъ почти ни въ одномъ случаѣ не совпадаютъ.

преемникомъ его былъ его братъ, котораго китайцы называютъ Мочжо (Me-tch'oue), а надписи „Капаганъ“ (такъ напримѣръ, на Онгинскомъ памятникѣ, см. Die alttürk. Inschr. S. 243) или просто „мой дядя-ханъ“ (такъ на двухъ орхонскихъ памятникахъ); онъ былъ убитъ въ 716 году. Послѣ этого воцарился было сынъ его, но младшій сынъ Ильтэрэса (Гу-ду-лу), Кюль-Тегинъ (Кюз Дэлэ), убилъ его и посадилъ на царство своего старшаго брата Могилая (по надписямъ Бильге-хана). Кюль-Тегинъ умеръ въ 731 году, а Бильгеханъ въ 734; его преемникомъ китайцы называютъ Ижань-хана. Послѣ смерти послѣдняго ту-гю'йское государство видимо стало клониться къ упадку и около 750 года было разрушено Уйгурами, которые въ свою очередь получили на известное время преобладающее значеніе въ Средней Азіи ¹⁾. Надписи составлены отъ лица именно Бильге-хана и посвящены—одна его брату Кюль-Тегину, другая ему самому. Впрочемъ въ значительныхъ частяхъ эти надписи почти буквально совпадаютъ другъ съ другомъ. Содержаніе ихъ составляютъ главнымъ образомъ разказы о многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ отца и дяди Бильге-хана и его самого, а также о подвигахъ самого Бильге-хана и особенно его брата Кюль-Тегина. Однако нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи, политическомъ устройствѣ и бытѣ турецкаго народа, а также объ окружающихъ его странахъ можно почерпнуть изъ различныхъ мѣстъ надписей, которыя станутъ еще понятнѣе, если сопоставить ихъ съ китайскими и другими известіями того же характера.

Несомнѣнно, что турки, жившіе въ VIII вѣкѣ на Орхонѣ, были еще шаманисты и высшимъ божествомъ считали „небо“ („тенгри“). Съ этого слова начинаются между прочимъ „малыя надписи“ на обоихъ памятникахъ, которыя служатъ какъ бы введеніемъ къ „большимъ“. Слово это обозначаетъ какъ матеріальное небо, такъ и „бога“. Божествомъ для турокъ была несомнѣнно и „земля („Ирѣ-субъ“ собственно „земля и вода“), но, кажется, это божество имѣло сравнительно

¹⁾ Подробнѣе исторія „Ту-гю“ по китайскимъ источникамъ разказывается у В. Томсена (1. с. стр. 57—79); тамъ же приводятся и главнѣйшіе европейскіе переводы или обработки китайскихъ лѣтописей. Мы можемъ прибавить еще: 1) „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи“ соч. монаха Іакимава, 1851, часть I. 2) A thousand years of the Tartars, Shanghai 1895 by M. Parker. Въ послѣднемъ сочиненіи М. Паркера восстанавливаетъ турецкіе титулы и имена по китайской транскрипціи; восстановленія эти по большей части неудачны.

съ „тенгри“ мѣньшее значеніе; за побѣды ханъ благодарить только „небо“, слово „йеръ-субъ“ не входитъ въ титулъ хана, который называетъ себя: „Подобный небу, на небѣ (или „изъ неба“) возникшій турецкій мудрый Каганъ“ и т. п. Эпитетъ „священный“ (ыдукъ), который ставится при словѣ „йеръ-субъ“, а также при названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей, указываетъ, что у турокъ VIII вѣка были „священныя“ мѣста, — это ихъ „родныя“ лѣса и горы, быть можетъ освященные жертвоприношеніями, хотя на послѣднее въ надписяхъ и нѣтъ указаний. Весьма характерно, что у турокъ было понятіе о своихъ національныхъ „турецкихъ богахъ“, что конечно свидѣтельствуетъ о весьма развитомъ чувствѣ національности. Изъ другихъ столь многочисленныхъ обыкновенно у шаманистовъ божествъ въ надписяхъ называется только „Умай“, женское божество, извѣстное до сихъ поръ на Алтаѣ у шорцевъ; теперь Умай считается покровительницей дѣтей. О шаманахъ или камахъ въ надписяхъ вовсе не упоминается, хотя конечно они существовали и въ тѣ времена. Въ енисейскихъ надписяхъ неоднократно встрѣчается слово „бэль“ которое надо толковать какъ „домашній идолъ“¹⁾. Равнымъ образомъ туркамъ VIII вѣка была вѣроятно неизвѣстна и та довольно сложная и подробная космогонія, которую теперь разказываютъ напримѣръ на Алтаѣ (см. *Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme v. D.-g. W. W. Radloff, I*, стр. 175), и которая образовалась не безъ участія иноземныхъ мифовъ. „Вверху возникло голубое небо, внизу темная (или „бурая“) земля, между ними обонми возникли сыны человѣческіе“, вотъ въ какихъ короткихъ словахъ повѣствуется въ надписяхъ о „началѣ міра“. Даже если переводить вмѣсто „возникли“ „были сотворены“, что грамматически возможно, то все-же „творецъ“ міра не называется во всякомъ случаѣ. Непосредственно послѣ вышеприведенныхъ словъ о мірозданіи говорятся о царствованіи легендарнаго хана Бумына или Истеми. Однако мѣсто объ этомъ ханѣ не вполне ясно. В. Томсенъ видитъ здѣсь двухъ лицъ, которыхъ онъ склоненъ сближать съ двумя первыми историческими ту-гю’йскими (то-есть турецкими) ханами, о которыхъ говорятъ китайскіе источники, а именно съ Тумын’омъ и Исиги-ханомъ. Хотя такое толкованіе грамматически возможно и даже по нѣкоторымъ соображеніямъ весьма вѣроятно, но весь дальнѣйшій разказъ объ этихъ ханахъ поневолѣ заставляетъ думать что дѣло идетъ объ одномъ лицѣ: оба хана не только дѣйствуютъ все время

¹⁾ Обь отношеніи енисейскихъ надписей къ орхонскимъ см. ниже.

вмѣстѣ, но ихъ даже хоронятъ одновременно. Чтобы объяснить какъ нибудь ихъ исторію, пришлось-бы предположить существованіе своего рода „діоскуровъ“, но ни въ китайскихъ, ни въ мусульманскихъ источникахъ намъ о подобной легендѣ у турокъ читать не приходилось. Возможно поэтому, что подъ Бумын'омъ надо разумѣть легендарнаго китайскаго Вен-шун'а, основателя китайской династіи Ниа (Ся) и въ то-же время прародителя хунну'скихъ, а слѣдовательно и ту-гю'йскихъ ордъ. Предкомъ Бильге-хана въ китайской надписи называется именно этотъ Вен-шун, предкомъ брата его, Кюль-Тегина—*I-ti-shi-schi-fu*; возможно, что эти лица тождественны другъ съ другомъ а также съ Бумын'омъ и Истеми орхонскихъ надписей. Свѣдѣній объ отдаленномъ прошломъ въ надписяхъ немного, что впрочемъ понятно; такъ напримѣръ и у современныхъ киргизовъ считается необходимымъ для каждаго „правовѣрнаго“ умѣть назвать „семерыхъ отцовъ“ (то-есть отца, дѣда, прадѣда и т. д. до седьмаго колѣна), и въ народѣ живутъ разказы—конечно не вполне точные и полные—о событіяхъ, случившихся даже за 150—200 лѣтъ до нашего времени, но все-таки разумѣется свѣдѣнія кочевниковъ о ихъ прошломъ всегда довольно скудны и сбивчивы. Въ нашихъ надписяхъ не говорится уже правильно даже о границахъ славнаго ту-гю'йскаго царства VI вѣка, когда власть ту-гю'йскаго хана простиралась надъ всѣми землями и народами отъ Тихаго Океана до Чернаго моря; нѣтъ. по надписямъ, даже и въ древнія времена турецкое царство граничило на востокѣ съ теперешнею Манчжуріею, или горною цѣпью Хинганъ, носящею въ надписяхъ названіе Кадырканъ. Границею на западѣ служили „Желѣзные Ворота“ (темиръ-капыгъ); такъ назывались у турокъ всегда весьма многіе горные проходы, въ данномъ случаѣ это—проходъ Талки, ведущій изъ Монголіи въ Илійскую долину. Итакъ вотъ все, что говорятъ надписи о богахъ, началѣ міра и древнѣйшихъ временахъ жизни турецкаго народа ¹⁾.

Нѣсколько болѣе узнаемъ мы о погребальныхъ обрядахъ, такъ какъ и самые памятники—надгробные. Душу древніе турки представляли себѣ вѣроятно въ видѣ птицы или можетъ быть мухи (ср. киргизское выраженіе: шыбынъ-джанъ, *муха-душа*), такъ какъ о смерти хановъ говорится всегда „улетѣлъ“. Это выраженіе напоминаетъ также и позднѣйшее „сталъ соколомъ“, весьма употребительное

¹⁾ Возможно, что сохранилось еще воспоминаніе о народѣ, называемомъ у кытайцевъ *Fu-fu-ю*, въ надписяхъ Парь-Шурумъ или Апарь-Апурымъ, который упоминается только въ разказѣ о похоронахъ Бумына-Истеми.

въ джагатайскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Послѣ смерти душа попадаетъ, кажется, на небо; на это указываютъ слова: „вы улетѣли и находитесь на небѣ, какъ бы будучи между живыми“ (см. книгу В. Томсена, стр. 120). Тѣло предавалось землѣ; по китайскимъ источникамъ погребеніе лицъ умершихъ весною совершалось осенью, а умершіе осенью погребались весной. Существованіе этого обычая подтверждается и въ одной изъ коротенькихъ надписей ¹⁾ на памятникѣ Кюль-Тегина, изъ которой видно, что Кюль-Тегинъ, умершій въ мартѣ, былъ похороненъ въ октябрѣ (см. В. Томсенъ стр. 119, 120). Эти похороны носили названіе „йогъ“ или „йугъ“ и совершались въ избранные заранѣе дни; такъ напримѣръ всѣ три погребальныя торжества, о которыхъ говорится въ надписяхъ, были устроены въ 37-й день (считая по извѣстнымъ китайскимъ шестидесятидневнымъ цикламъ). Ко дню похоронъ ²⁾ изъ различныхъ странъ приходили посольства для выраженія соболѣзнованія, при чемъ эти послы должны были вмѣстѣ съ соплеменниками покойнаго лить слезы, обрѣзывать или вырывать волосы и нарѣзывать себѣ лицо (по надписямъ: „щеки и уши“). Особенно важную роль играло при похоронахъ Бильге-хана и Кюль-Тегина китайское посольство благодаря „отеческо-сыновнему“ союзу, связывавшему Бильге-хана съ китайскимъ императоромъ. Китайцы приносили богатые подарки, состоявшіе изъ золота, серебра, шелка и т. д.; среди нихъ находились также мастера и рѣзчики, которые и устраивали всѣ надгробныя сооруженія, украшали ихъ рѣзьбою и рисунками и вырѣзывали на камнѣ самыя надписи. Китайская надпись на памятникѣ Кюль-Тегина была даже сочинена и собственноручно въ знакъ особаго благоволенія нанесена на бумагу самимъ китайскимъ императоромъ. Конечно такого рода дружественныя отношенія не всегда существовали, такъ что, напримѣръ, памятникъ Онгинскій ³⁾.

¹⁾ Напомнимъ, что на усѣченной пирамидѣ, служащей памятникомъ Кюль-Тегину, находятся слѣдующія турецкія надписи: малая надпись, покрывающая одну изъ болѣе узкихъ граней, большая, занимающая одну изъ широкихъ граней и другую болѣе узкую (на остающейся болѣе большой грани находится китайская надпись). Кромѣ того ребра пирамиды нѣсколько стесаны и на образованныхъ такимъ образомъ длинныхъ но узкихъ площадкахъ помѣщены еще три маленькія надписи. Одну изъ нихъ мы имѣемъ тутъ въ виду. Наконецъ есть еще маленькая надпись на большой грани справа отъ китайской.

²⁾ Разумѣется все нижеслѣдующее относится лишь къ погребенію лицъ ханскаго рода.

³⁾ Найдень Н. М. Ядринцевымъ въ 1891 году на Тарамелѣ къ югу отъ Кюшинъ Орхона, см. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 243.

воздвигнутый по всей вѣроятности въ честь отца Бильге-хана, Ильтэрэса, былъ, надо думать, устроенъ китайскими военно-плѣнными. По остаткамъ надгробныхъ построекъ, сохранившимся до нашего времени, а также по китайскимъ свѣдѣніямъ о подобнаго рода памятникахъ мы можемъ заключить, изъ какихъ сооружений они первоначально состояли ¹⁾. Въ западномъ концѣ всей группы построекъ находится большая кубическая гранитная глыба съ круглымъ углубленіемъ на верхнемъ основаніи; по предположенію В. В. Радлова, это — жертвенникъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея къ востоку въ настоящее время виденъ только холмикъ, возлѣ котораго стоятъ нѣсколько плохо сохранившихся статуй; онѣ изображаютъ вѣроятно хана, ханшу и ихъ слугъ. Самый-же холмикъ образовался изъ остатковъ обрушившагося надгробнаго храма, стѣны котораго, по словамъ китайцевъ, были покрыты рисунками, изображавшими сраженія. На разстояніи 20—25 сажень отъ жертвенника по направленію къ востоку находится самый „битигъ-ташъ“, то-есть камень съ надписью, имѣющій видъ четырехсторонней усѣченной пирамиды; нижнее основаніе ея впрочемъ почти равно по площади верхнему, такъ что суженіе ея кверху очень незначительно. Первоначально этотъ „битигъ-ташъ“ былъ укрѣпленъ въ стоячемъ положеніи посредствомъ шипа въ спицѣ мраморной черепахи, служившей ему фундаментомъ. Въ вышину „битигъ-ташъ“ Бильге-хана былъ приблизительно 3 метра 45 сантим., въ ширину въ среднемъ 1 м. 74 сантим., въ толщину 72 сантим.; „битигъ-ташъ“ Кюль-Тегина нѣсколько меньше. Верхушки обонхъ памятниковъ обдѣланы въ видѣ заглавныхъ пятиугольныхъ щитовъ, украшенныхъ китайскими изображеніями драконовъ; на одной сторонѣ этихъ щитовъ находятся крупныя письма, изображающія ханскую тамгу, какъ думаетъ В. В. Радловъ, или написанное орхонскою вязью слово „каганъ“, — таково мнѣніе В. Томсена. Оба памятника были найдены уже въ лежачемъ положеніи ²⁾, такъ что съ увѣренностью нельзя сказать въ какія страны свѣта были первоначально обращены ихъ грани. Гг. Гейкель и Томсенъ предполагаютъ, что грань съ началомъ большой орхонской надписи была обращена на востокъ ³⁾ и

¹⁾ Подробное описаніе наружнаго вида этихъ памятниковъ можно найти въ атласѣ „Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'expédition finnoise 1890, Helsingfors 1892“ и въ „Сборникѣ трудовъ орхонской экспедиціи“, IV. Древне-тюркскіе памятники въ Кошо Цайдамѣ В. В. Радлова и П. М. Мелюранскаго.

²⁾ Памятникъ Бильге-хана кромѣ того развалился на три куска.

³⁾ На востокъ обращена всегда дверь въ шатрѣ турка-кочевника, съ запада

по ней называютъ другія надписи западной, южной и т. д. Это, конечно, представляетъ большое удобство при обозначеніяхъ различныхъ частей надписи вообще, но самое предположеніе нельзя не назвать нѣсколько произвольнымъ. Въ четырехъ сажняхъ къ востоку отъ „битигъ-таша“ Бильге-хана были найдены въ землѣ статуи двухъ животныхъ (повидимому оленей); еще дальше на востокъ идетъ рядъ грубо-вытесанныхъ фигуръ, расположенныхъ вереницею съ промежутками отъ 3 до 5 сажень. При памятникѣ Бильге-хана эта вереница тянется версты на три, при памятникѣ Кюль-Тегина даже около четырехъ съ половиною верстъ. На первой такой фигурѣ при памятникѣ Бильге-хана есть надпись: „Это каменный балбалъ шада Тблесовъ“. Такія каменные фигуры, балбалы, разставлялись при надгробныхъ памятникахъ знатныхъ лицъ въ память людей, убитыхъ покойнымъ на войнѣ. При памятникѣ Кюль-Тегина ихъ особенно много, такъ какъ онъ, судя по надписямъ, собственноручно перебилъ множество враговъ. Самыя могилы Бильге-хана и Кюль-Тегина находятся не среди всѣхъ описанныхъ сооружений, а по всей вѣроятности въ одной верстѣ къ сѣверу отъ нихъ, гдѣ есть два четырехугольных кургана, на западныхъ концахъ которыхъ стоятъ каменные саркофаги; каждый изъ нихъ сложенъ изъ четырехъ мраморныхъ плитъ. При этихъ курганахъ съ саркофагами были также найдены статуи животныхъ и ряды „балбаловъ“, тянущіеся въ восточномъ направленіи на протяженіи нѣсколькихъ сотъ сажень.

Коренною родиною турокъ и, такъ сказать, резиденціею хана является въ надписяхъ Утүкенъ-йышь, то-есть утүкенская чернь¹⁾. Мѣстность эта лежала навѣрное въ бассейнѣ Орхона къ сѣверу отъ великой пустыни, а названіе ея можно сблизить съ U-te-kep или Tu-kin китайскихъ источниковъ, а также съ названіемъ одного изъ истоковъ Орхона „ўтикәнъ“, встрѣчающимся у Рашидъ-эд-Дина (персидскаго историка монголо-турокъ начала XIV вѣка); по В. В. Радлову этимъ именемъ называлась даже вся горная страна къ сѣверу отъ истоковъ Орхона вплоть до озера Косогола. По словамъ хана только въ утүкенской черни турецкій „эль“, то-есть со-

на востокъ идутъ всѣ описываемыя надгробныя сооружения, къ востоку обращается лицомъ авторъ надписей при обозначеніи странъ свѣта, вообще востокъ—священная сторона, что находится, конечно, въ связи съ культомъ солнца. О послѣднемъ, впрочемъ, надписи не даютъ никакихъ свѣдѣній.

¹⁾ „Чернь“—лѣсъ на горахъ или горы, покрытыя лѣсомъ; сибирское слово, вполне равносильное турецкому „йышь“.

юзъ племень, имѣющій извѣстную государственную организацию ¹⁾, можетъ существовать и благоденствовать, не подпадая подъ чужеземное иго, или подъ растлѣвающее вліяніе китайской цивилизаціи. Во главѣ эл'я стоитъ, „каганъ“ то-есть ханъ, который „держитъ“ его (тут), то-есть, старается поддержать связь между племенами и сохранить свою власть надъ ними, и „устраиваетъ“ его (ет), то-есть, старается усовершенствовать существующій порядокъ, разбираетъ и улаживаетъ распри и тяжбы и т. п. Но этого мало, ханъ стремится кромѣ того къ расширенію своего могущества и обогащенію своихъ подданныхъ. Для этого имъ предпринимаются походы какъ съ цѣлью грабежа, такъ и съ цѣлью покоренія и включенія въ свой племенной союзъ другихъ народовъ или эл'ей. Эта дѣятельность хана называется „казган“ (пріобрѣтать, добывать); награбленнымъ добромъ ханъ поднимаетъ благосостояніе своего народа, — это обозначается словомъ „егид“ (поднимать, возвышать). Наконецъ, въ случаѣ большихъ раздоровъ среди эл'я или входящаго въ его составъ племени, въ случаѣ появленія измѣнника и т. п., ханъ является съ войскомъ, наказываетъ виновныхъ, восстанавливаетъ благодѣтельный порядокъ и даетъ опять почувствовать свою власть,—это называется въ надписяхъ „ярат“ (улаживать). Въ эл'ѣ всѣ правовыя отношенія регулируются такъ называемымъ „төрү“ то-есть совокупностью завѣтовъ старины, установлений, дѣйствующихъ въ силу обычая, которыми руководится и самъ ханъ, и его подданные. По обычаю власть принадлежитъ хану, такъ что „төрү“ хана можно весьма часто переводить „власть хана“; „дѣлать власть“ (төрүг ет)—оборотъ также встрѣчающійся въ надписяхъ,—значить, конечно „проявлять власть“, что выражается главнымъ образомъ въ постановленіи рѣшеній на судѣ; „төрү“ и въ позднѣйшемъ языкѣ часто употребляется въ значеніи „ханскаго рѣшенія на судѣ“. Ханъ рисуется въ надписяхъ поставленнымъ Небомъ владыкою, мудрымъ (билге), то-есть, понимающимъ, въ чемъ состоитъ истинное благо его народа; поэтому его предпріятія, его политика въ высшей степени разумны и ведутъ къ обогащенію и славѣ турецкаго эл'я; тѣ, которые не хотятъ ему повиноваться или возмущаются противъ него, впадаютъ въ этотъ „грѣхъ“ или „преступленіе“ по „не-

¹⁾ Здѣсь не мѣсто распространяться вообще объ устройствѣ кочеваго государства. Что такое „эл“, выяснено между прочимъ В. В. Радловымъ въ книгѣ „Къ вопросу объ уйгурахъ“, стр. 65—75. См. также „Внутреннее устройство улуса Джучіева“ *И. Березина* и статью *В. Бартольда* „Образованіе имперіи Чингизъ-хана“ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ. Томъ X, 105.

разумію“ и бываютъ поэтому сами причиною своей гибели. Такимъ образомъ хану предоставляется, какъ и слѣдовало ожидать, первенствующее мѣсто въ эл'ѣ; но несмотря на высоту его положенія нельзя сказать, чтобы народъ стоялъ по надписямъ очень низко. Повидимому Бильге-ханъ не забылъ, что его отецъ сталъ ханомъ благодаря именно „всему черному (то-есть, простому) турецкому народу“, которому не нравилось китайское владычество и въ особенности, конечно, хозяйничанье въ странѣ окитаившихся беговъ. Ильтэрэсъ, отецъ Бильге-хана, по всей вѣроятности, только претендуетъ на родство съ древней турецкой династіей, послѣдній ханъ которой былъ отведенъ въ плѣнъ китайцами въ 630 году, а на дѣлѣ онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ именно народу, да своимъ личнымъ доблестямъ; надписи, указывая на это весьма ясно, все таки, конечно, говорятъ, что онъ былъ возвышенъ „Небомъ, дарующимъ государства“. Какъ бы то ни было, но нѣкоторый „демократизмъ“ несомнѣнно замѣчается во взглядахъ Бильге-хана. На ряду съ указаніемъ на свои счастливые походы, онъ хвалится и тѣмъ, что „одѣлъ нагой народъ, обогатилъ нищій народъ, умножилъ немногочисленный народъ“. Чтобы достичь этихъ результатовъ и прославить народъ своихъ предковъ, онъ, облеченный, „властью, причиняющею столько трудовъ и заботъ“, не спитъ ночей, не имѣетъ отдыха днемъ и „добываетъ“ (см. выше) „погибая-умирая“, то-есть, трудясь до полного изнеможенія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ надписяхъ можно даже заключить, что самое „поддерживаніе“ племеннаго союза и „добываніе“ новыхъ владѣній исходить не только отъ хана, но и отъ эл'я. Знать несомнѣнно существовала во времена Бильге-хана и его непосредственныхъ предшественниковъ, но въ легендарный „золотой вѣкъ“ турецкаго народа ея, по словамъ надписей, не было; обращаясь къ народу, ханъ никогда не забываетъ упомянуть рядомъ съ бегами и народъ (будун), для назиданія котораго въ значительной степени и составлены надписи. Главной заботой хана было прежде всего внушить народу безусловное довѣріе, вѣрность и послушаніе хану и правильный взглядъ на отношенія къ китайцамъ. Вполнѣ признавая пользу сношеній съ китайцами, Бильге-ханъ тѣмъ не менѣе отлично понималъ, что турки, которые поселяются въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними подвергаются двойной опасности: во-первыхъ „изнѣживающіе дары“ китайцевъ губительно дѣйствуютъ на грубаго, но крѣпкаго тѣломъ кочевника, во-вторыхъ „сладкія рѣчи“ китайцевъ вовлекаютъ турокъ, какъ мы знаемъ и изъ дру-

гихъ источниковъ, въ опасныя и имъ лично часто совершенно бесполезныя войны съ другими врагами китайцевъ, которые всегда старались загребать жаръ чужими руками, натравляя своихъ кочевыхъ сосѣдей другъ на друга и такимъ образомъ ослабляя обоихъ противниковъ. Въ случаѣ возмущенія со стороны турокъ задача китайцевъ также весьма облегчалась: имъ не надо было предпринимать длиннаго, утомительнаго похода, и они безъ труда подавляли численностью своихъ оторванныхъ отъ главной массы турецкаго народа сосѣдей кочевниковъ. Тѣмъ не менѣе притягательная сила китайцевъ всегда была очень значительна, такъ что переселенія отдѣльныхъ частей турецкаго эл'я къ китайскимъ предѣламъ неоднократно повторялись и вели всегда къ упадку и гибели отложившихся отъ турецкаго хана племенъ. Бильгеханъ настойчиво предостерегаетъ отъ такихъ переселеній свой народъ и ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ вошелъ въ соглашеніе съ китайцами, т. е., какъ извѣстно изъ китайскихъ источниковъ, заключилъ договоръ, по которому призналъ себя сыномъ китайскаго императора, и благодаря которому получалъ отъ китайцевъ богатые подарки въ видѣ золота, серебра, шелка и спирта ¹⁾. Можно догадываться, что изложенный здѣсь взглядъ принадлежалъ первоначально знаменитому совѣтнику Бильге-хана, тестю его, Тоньюкуку, о которомъ много говорятъ китайскіе источники и надгробный памятникъ котораго открытъ г-жею Клеменцъ въ концѣ 1897 года въ шести-десяти верстахъ отъ Урги. Длинная надпись на двухъ колоннахъ, прославляющая дѣятельность этого лица, пока еще не издана, но изъ предварительнаго отчета о ней В. В. Радлова (см. „Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1898. Январь. Томъ VIII, № 1), видно, что Тоньюкукъ (или Тоюкукъ) находился на службѣ у китайцевъ еще во время знаменитаго пятидесятилѣтняго китайскаго ига, что онъ былъ ближайшимъ сподвижникомъ и совѣтникомъ самого основателя новой династіи, Ильтэрэса, и, достигнувъ глубокой старости, занималъ также очень высокое положеніе при Бильге-ханѣ. Онъ по опыту зналъ китайцевъ и ихъ пагубное вліяніе на турецкій народъ и, надо думать, умѣлъ внушить свои мысли хану. Китайцы рассказываютъ между прочимъ, (Іакинѣзъ I, стр. 332—333), что Бильгеханъ хотѣлъ одно время воздвигнуть въ своей странѣ храмы Буддѣ

¹⁾ Последнее не совсѣмъ достоверно, но по всей вѣроятности именно это слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „исигти“ въ особенности потому, что къ нему прилагается въ одномъ мѣстѣ эпитетъ „екинлигъ“ (хлѣбный).

и Лао-цзы, но Тоньюкукъ отсовѣтовалъ ему это, сказавъ, что ученіе Будды и Лао-цзы „дѣлаеть людей челоѣколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными“, тогда какъ турки именно и сильны своей воинственностью и грубымъ первобытнымъ образомъ жизни. Ближайшими помощниками хана были часто упоминаемые въ надписяхъ „два Шада“, изъ которыхъ старшій назывался также „Ябгу“, а младшій, по китайскимъ источникамъ, носилъ званіе „малаго Ча“, то-есть, вѣроятно по турецки „кичигъ шадъ“. Оба эти титула извѣстны и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ; такъ, напримѣръ, въ лѣтописи Табари говорится о „Шадѣ“ и „Джабгуйе“ (=Ябгу) у тохаристанскихъ турокъ VII-го вѣка; Джабгуйе также назывался и князь Карлуковъ (см. de Goeje, *Bibl. geogr. arabic.* VI, 12) и т. д. Оба Шада назначались ханомъ изъ числа его ближайшихъ родственниковъ; при Ильтэрэсѣ ими были, какъ сообщаютъ китайцы (Іакинѣ I, 323) два его брата; самъ Бильге-ханъ былъ Шадомъ народа Тардушъ во время царствованія своего дяди Мочжо-Капагана. Кромѣ того по видимому нерѣдко назначалось ханомъ лицо, занимавшее положеніе еще болѣе высокое, чѣмъ вышеназванные Шады; такъ при Мочжо сынъ его Фугуй назывался „малымъ ханомъ“ (кюси-ханъ) (вѣроятно = „кичигъ-каганъ“) и былъ „выше обояхъ Ча“ (Іак. I, 328); при Бильге-ханѣ подобное положеніе занималъ братъ его Кюль-Тегинъ, называвшійся „восточнымъ Чжуки-княземъ“ (Іак. I, 332). Народъ раздѣлялся на знать и простой народъ. Къ знати причислялись прежде всего всѣ сородичи хана („инийягунъ“ и „огланъ“), затѣмъ Шаданыты и Таркаты-буюруки¹⁾; эти послѣдніе носили также и общее названіе „беговъ“ (беглеръ). Надписи говорятъ о Шаданытахъ изъ племени Тардушъ, во главѣ которыхъ при Бильге-ханѣ былъ нѣкто Кюль-Чуръ, и о Шаданытахъ изъ племени Тблесъ во главѣ съ Апа-Тарканомъ. По видимому и Буюруки раздѣлялись также на двѣ группы, но къ сожалѣнію подробности о нихъ неизвѣстны, такъ какъ надпись въ томъ мѣстѣ, гдѣ они перечисляются, испорчена. Судя по тому, что Шаданыты занимаютъ мѣсто справа отъ хана, можно думать, что они считались важнѣе „Таркаты-буюруковъ“. Если вѣрно, что „Таркаты“ есть множественное число отъ „тарканъ“, что, однако не можетъ считаться внѣ всякихъ сомнѣній, то можно думать,

¹⁾ Намъ кажется, что раздѣлять этотъ сложный титулъ на два самостоятельныхъ, какъ дѣлаеть В. В. Радловъ, нельзя. Еще менѣе возможно раздѣлять слово „шаданыты“ на „шадъ“ и „аныты“, какъ хотѣлъ В. Бангъ.

что и эти „тарканы“ были люди, выдвинувшіеся изъ народа благодаря своимъ личнымъ доблестямъ и заслугамъ и получившіе извѣстныя льготы, подобно позднѣйшимъ тарханамъ монгольскаго времени, то-есть начала XIII вѣка, которые между прочимъ были освобождены отъ всякихъ податей. Повидимому изъ Таркановъ назначались и Буюруки буквально „тѣ, которымъ приказываютъ или даютъ порученія“,—такъ назывались лица, командовавшіе отдѣльными отрядами, управлявшіе по порученію хана, отдѣльными племенами и т. п. Въ одномъ мѣстѣ говорится о внутреннихъ (ичреки) Буюрукахъ, что показываетъ, что нѣкоторые изъ нихъ состояли при особѣ самого хана, вѣроятно, въ качествѣ, такъ сказать, адъютантовъ. Значеніе Буюруковъ было, вообще, чрезвычайно велико; надписи, говоря о „золотомъ вѣкѣ“ турецкаго народа приписываютъ именно имъ тѣ же качества, какими отличается и идеальный ханъ, то есть мудрость (см. выше) и мужество (то-есть счастливую предпримчивость на войнѣ), тогда какъ отъ народа и даже другихъ беговъ ожидается только „прямота“ (то-есть вѣрность хану). Такъ какъ Шадапты какъ бы противопоставляются Таркаты-буюрукамъ, то есть нѣкоторыя основанія думать, что это были люди знатные своимъ происхожденіемъ, хотя ясныхъ указаній на это ни въ надписяхъ, ни у китайцевъ не находится. Ядро турецкаго эл'я въ VII и VIII вѣкахъ составляли два „колѣна“ или такъ называемыхъ „отдѣленія“ могущественнаго и игравшаго, вообще, огромную роль въ исторіи турецкаго народа племени „Огузъ“, а именно Тѣлеса и Тардуши, при чемъ первые, кажется, считались выше вторыхъ; это были тѣ „отдѣленія“—которыя первыя примкнули къ Гудулу-Ильтэрэсу, отцу Бильге-хана; кочевки Тардушей находились, кажется, къ западу, кочевки Тѣлесовъ къ востоку отъ орды самого хана. Этихъ Тѣлесовъ и надо разумѣть подъ Ту-ли китайскихъ истсчниковъ; народецъ съ этимъ же именемъ до сихъ поръ живетъ на Алтаѣ. Что же касается слова „Тардушъ“, то, какъ имя народа, оно нигдѣ кромѣ надписей не встрѣчается. „Шады“ стояли именно во главѣ этихъ двухъ „колѣнъ“ или „отдѣленій“.

О бытѣ и степени культуры турокъ VIII вѣка свѣдѣнія, какъ уже и выше замѣчено, вообще довольно скудны, но несомнѣнно, что у нихъ господствовалъ „родовой бытъ“, и что они были кочевники, промышлявшіе главнымъ образомъ скотоводствомъ, да грабежемъ сосѣдей. Родственныя связи были очень живы и въ самомъ ханскомъ родѣ, что видно напр. изъ выраженій неподдѣльной, глубокой скорби Бильге-хана по смерти его брата и сына Бильге-хана, когда онъ го-

ворить о смерти своего отца. Родъ вообще великая вещь въ жизни первобытнаго кочевника, онъ—защита его личности, его семья и имущество, и связь съ нимъ необходимо сохранять всѣми силами особенно въ тяжелыя времена голодовокъ и усобицъ. Съ другой стороны ничто такъ не указываетъ на блестящее экономическое состояніе кочеваго народа, какъ то обстоятельство, что младшіе братья такъ далеко забираются со своими стадами, что теряютъ изъ вида старшихъ, а сыновья перестаютъ поддерживать связь со своими отцами. Именно въ такомъ смыслѣ и нужно по моему понимать слова въ одномъ мѣстѣ надписи Бильге-хана (см. В. Томсенъ, стр. 105) „младшіе братья не знали старшихъ, а сыновья не знали своихъ отцовъ“. Положеніе женщины у азиатскихъ кочевниковъ, какъ извѣстно, вообще нѣсколько болѣе самостоятелно, чѣмъ у осѣдлаго мусульманскаго населенія, особенно въ зажиточномъ классѣ, гдѣ женщина нерѣдко разсматривается только какъ производительница дѣтей, и какъ бы часть домашней обстановки хозяина мужчины: правда она ведетъ за то безпечную и почти совершенно бездѣятельную, замкнутую жизнь, что ей возможно благодаря трудамъ мужа или отца и многочисленной домашней челяди. У кочевниковъ на женщинахъ лежатъ весьма сложныя и трудныя заботы о хозяйствѣ, о кормленіи, доеніи и отчасти пастбѣ скота и утилизованіи его продуктовъ, свиманіи и установки всего „дома“ (то-есть шатра) при перекочевкахъ и т. п., тогда какъ мужчины занимаются почти исключительно военными упражненіями и охотой, или предпринимаютъ набѣги на сосѣдей. Выполненіе разнообразныхъ работъ даетъ женѣ и дочери кочевника извѣстную физическую крѣпость, развиваетъ въ нихъ сметку и самостоятельность. Въ надписяхъ также есть кое-какія указанія на такое сравнительно высокое положеніе женщины; такъ напр. говорится, что небо подняло ханомъ не только Ильтэрэса, но и его жену-Ильбилгэ-катунъ, раздѣлявшую, надо думать, съ нимъ труды и опасности его предпріятія; ей-же повидимому предоставлено было послѣ смерти Ильтэрэса и воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ-сыновей. Однако вообще о женщинахъ даже ханскаго рода говорится въ надписяхъ очень мало; мы узнаемъ между прочимъ, что онѣ носили титулъ „кунчуй“, заимствованный турками изъ китайскаго языка. Въ енисейскихъ надписяхъ нерѣдко встрѣчается еще слово „куй“ со значеніемъ „женскій шатеръ“; это указываетъ на то, что женщинамъ предоставлялось, какъ и теперь у болѣе зажиточныхъ „хозяевъ“, отдѣльное помѣщеніе. Изъ домашняго скота въ надписяхъ встрѣчается

только названіе овецъ (кой) и много разъ названія лошадей (атъ, лошадь, адгыръ, жеребеузъ, йылкы, табунъ); конечно это можетъ быть и случайность, но стоитъ все-таки отмѣтить, что именно эти два рода скота особенно охотно и успѣшно разводятся турками-кочевниками и до настоящаго времени. Особенно много говорится въ надписяхъ о лошадяхъ, этомъ богатствѣ и гордости кочевника, — добываемая лошадѣй, ханъ „поднимаетъ“ свой „голодный народъ“ (см. В. Томсень, стр. 127), всѣ боевые кони Кюль-Тегина, на которыхъ выѣзжаетъ онъ въ различныхъ сраженіяхъ называются по именамъ ¹⁾ и о ихъ судьбѣ въ сраженіи сообщаются непремѣнно свѣдѣнія. Есть, кажется, нѣкоторое основаніе думать, что и хлѣбопашество было въ зачаткѣ у турокъ VIII вѣка, какъ и у большинства кочевниковъ; на это указываетъ встрѣчающееся въ надписяхъ чисто-турецкое слово „екинлягъ“ отъ „екинъ“ букв. „посѣвъ“, а отсюда „поле, пашня“. Кроме того, говорится о существованіи въ теперешней Монголіи вообще городковъ („балыкъ“) и даже „крѣпостей“ (курганъ), а мы знаемъ, что обыкновенно въ окрестностяхъ такихъ городковъ, довольно жалкихъ конечно съ европейской точки зрѣнія, въ странахъ, занятыхъ кочевниками, устраиваются и небольшія пашни. О сношеніяхъ съ Китаемъ и получавшихся оттуда товарахъ мы уже упоминали; добавимъ еще, что китайцы доставили при похоронахъ Бильге-хана также благовонія и дерево „чынданъ“ (сандальное дерево); мѣха соболей и бѣличья („черные соболя“ и „голубыя бѣлки“, см. В. Томсень, стр. 130 и 132) служили и въ тѣ времена для подарковъ и конечно для платежа дани.

Признакомъ довольно высокой культурности турокъ VIII вѣка является и сама орхонская письменность. Известно, что въ громадномъ большинствѣ турецкихъ нарѣчій въ одномъ словѣ могутъ встрѣчаться или только гортанныя, или только небныя гласныя; таковъ же былъ и діалектъ орхонскихъ турокъ VIII вѣка. Эта особенность замѣчательно полно отразилась и на орхонской письменности: въ письмѣ у нихъ употреблялись почти для cadaго согласнаго звука два начертанія, изъ которыхъ одно соединялось только съ гортанными, другое — только съ небными гласными ²⁾; ошибки противъ этого правила

¹⁾ Впрочемъ собственныя имена эти неполнѣ объяснены; можетъ быть имѣются въ виду иногда и „породы“ этихъ лошадей, и ихъ происхожденіе изъ какой-нибудь страны, (напр. говорится о лошадяхъ Азовъ, Байырку'евцевъ и т. д. см. ниже).

²⁾ Нѣкоторые особенности въ этомъ отношеніи замѣчаются только въ употребленіи двухъ-трехъ знавовъ, о чемъ подробнѣе см. у В. Томсена.

такъ удивительно рѣдки, что должны быть объяснены случайностями. Мало того вся вообще ороографія двухъ большихъ орхонскихъ памятниковъ, какъ это выяснилось благодаря кропотливымъ и точнымъ изысканіямъ В. Томсена, отличается необыкновенной послѣдовательностью и выдержанностью. На нашъ взглядъ развѣ только современная османская письменность можетъ соперничать съ нею въ этомъ отношеніи, а современнымъ сартамъ, татарамъ, киргизамъ и др. до нея очень далеко; кромѣ того и самъ орхонскій алфавитъ гораздо пригоднѣе для изображенія любого турецкаго языка, чѣмъ принятый турками нѣсколько позже уйгурскій или господствующій теперь у большинства ихъ арабскій. Поэтому между прочимъ чисто-лингвистическій интересъ орхонскихъ надписей, написанныхъ совершенно чистымъ турецкимъ языкомъ, весьма точнымъ алфавитомъ съ весьма выдержанной ороографіей—громадный, но не объ этомъ рѣчь,—намъ бы хотѣлось здѣсь просто указать на ту высокую степень, такъ сказать, „грамотности“ турокъ VШ вѣка, о которой свидѣлствуютъ двѣ важнѣйшія орхонскія надписи. Такой алфавитъ и такая ороографія создаются не сразу, а слѣдовательно письмо было извѣстно туркамъ уже сравнительно давно, и они довольно усердно упражнялись въ немъ. Въ надписяхъ почти тѣми же письменами, находимыхъ въ бассейнѣ верхняго Енисея и принадлежащихъ другому турецкому племени, кыргызамъ, мы видимъ гораздо болѣе сбивчивую ороографію и гораздо болѣе небрежное начертаніе самихъ письменъ, имѣющихъ также и болѣе архаическую форму. Все это заставляетъ насъ думать, что въ бассейнѣ Енисея это письмо было извѣстно раньше, чѣмъ на Орхонѣ, и что слѣдовательно шло оно съ запада на востокъ. Уже В. Томсенъ (см. его книгу, стр. 44 — 54) указалъ, что источникъ орхонско-енисейскаго алфавита нужно искать въ пехлевійскомъ и согдійскомъ вариантахъ алфавита арамейскаго. Мысли В. Томсена были развиты О. Доннеромъ въ книгѣ „Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie, 1896“. О. Доннеръ нашелъ, что знаки орхонскаго письма имѣютъ наибольшее сходство со знаками легендъ на арсакидскихъ монетахъ. Однако вопросъ о происхожденіи орхонскаго алфавита выясненъ не вполнѣ, такъ какъ не хватаетъ промежуточныхъ звеньевъ между нимъ и его предполагаемыми арамейскими „предками“¹⁾.

¹⁾ Если даже мы отнесемъ древнѣйшія енисейскія надписи къ VI вѣку, все же между ними и арсакидскими монетами окажется промежутокъ по крайней мѣрѣ въ 250 — 300 лѣтъ.

Можно надѣяться, что вопросъ этотъ болѣе разъяснится впоследствии, когда будутъ найдены новыя надписи въ западномъ Туркестанѣ, а также можетъ быть и Семирѣчьи. Одна такая надпись уже найдена въ 1896 году В. А. Каллауромъ на урочищѣ Аиртамъ-ой въ Дуліеатинскомъ уѣздѣ. (См. „Камень съ древне-тюркской надписью“, отд. оттискъ изъ невышедшаго еще XI тома Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.). Копія съ нея однако снята такимъ примитивнымъ способомъ, что не позволяетъ пока судить о подробностяхъ самого письма; нѣкоторыя буквы (н², нд и др.) во всякомъ случаѣ ближе къ енисейскимъ, чѣмъ къ орхонскимъ начертаніямъ¹⁾. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что орхонское письмо было извѣстно и западнымъ ту-гу, такъ что тѣ *σολλαβαί, ἐπιστολαί, γράμμα σχοδικόν*, о которыхъ говорится у Менандра (см. В. Томсенъ, стр. 52), были написаны именно этими же орхонско-енисейскими письменами, идущими изъ арамейскаго алфавита. Напрасно Н. Аристовъ пытался объяснить орхонское письмо тюркскими тамгами, повторяя правда въ нѣсколько иномъ направленномъ видѣ старую ошибку Г. Вамбери (см. Живая Старина, вып. III и IV за 1894 г., стр. 410, 418 и 420 и Н. Vambergy, *das TÜRkenvolk*, стр. 34—36).

Но не только ореографія надписей, а и самое изложеніе ихъ, ихъ планъ и слогъ свидѣтельствуютъ какъ о личномъ дарованіи писавшаго²⁾, такъ и о значительной выработанности языка и стиля. Нѣкоторая хронологическая беспорядочность и извѣстная сухость и краткость въ изложеніи замѣчается въ длинныхъ перечисленіяхъ по-

¹⁾ По поводу разбора этой надписи, принадлежащаго В. В. Радлову, позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее: первыя двѣ строки на снимкѣ, который и мы имѣли въ рукахъ, совершенно неудобочитаемы, относительно ясны только слова „будунъ“ и „тулмъ“, такъ что, хотя В. В. Радловъ и самъ не послушался на вопросительные знаки, но ихъ смѣло можно поставить и больше; переводить слова „теп-ер-ат“ черезъ „имѣющій геройское имя“ и по грамматикѣ, и по смыслу едва ли возможно; „пегъ“ — болѣе чѣмъ странно. Въ четвертой строкѣ *на снимкѣ нтъ никакихъ слѣдовъ* заключительнаго слова „адырлымъш“,—интересно, есть ли что-нибудь на камнѣ? На третьей строкѣ предпоследнее слово очень сомнительно. Если допустить, слѣды что „адырлымъш“ есть на камнѣ, то двѣ послѣднія строки слѣдуетъ перевести: „Онъ разлучился (умирая) со своими младшими братьями Кара-барсомъ и (?-барсомъ и находившимися) при немъ товарищами“. Вообще слѣдуетъ еще подождать болѣе ясныхъ эстампажей или фотографическихъ снимковъ.

²⁾ Авторомъ надписей былъ, какъ мы знаемъ изъ самихъ же надписей, кѣто Йолымг-Тегинъ, родственникъ Билге-хана, который вездѣ говоритъ прямо отъ имени хана, (я, мы, мой младшій братъ и т. д.).

ходовъ и сраженій, но въ другихъ мѣстахъ разъ принятый планъ не нарушается, рассказы о многихъ однородныхъ событіяхъ видимо отличались уже въ стереотипную форму, кое-гдѣ слышится какъ будто пословица... Особенно характерною чертою стиля надписей является такъ называемый параллелизмъ, при чемъ другъ другу соотвѣтствуютъ не только отдѣльныя части предложеній или періодовъ, но даже отдѣльныя части надписей, гдѣ говорится напримѣръ о разложеніи и возстановленіи турецкаго эл'я и т. п. Кое-гдѣ замѣчается и аллитерація. Что же касается до сравненій и метафорическихъ выраженій, то нельзя не подивиться ихъ устойчивости и прочности въ турецкой народной литературѣ: почти всѣ они употребляются дониндѣ на Алтаѣ, у киргизовъ и т. д. и навѣрное безъ труда были бы поняты и оцѣнены нашимъ современнымъ „инородцемъ“ турецкаго племени.

Въ надписяхъ нѣсколько разъ перечисляются народы, жившіе въ VIII вѣкѣ вокругъ владѣній турецкаго эл'я, при чемъ благодаря обозначенію странъ свѣта ¹⁾ можно довольно точно уяснить себѣ тогдашнее разселеніе этихъ народовъ въ современной Монголіи, Манчжуріи и части Сибири (между верхнимъ Енисеемъ и прибайкальскимъ краемъ), особенно если сопоставить свѣдѣнія въ надписяхъ съ китайскими извѣстіями объ этихъ народахъ. Народы, жившіе на востокѣ. Кытай (Кытай) и Татабійцы (Татабы) принадлежали къ тунгусскому племени и занимали нынѣшнюю Манчжурію. По всей вѣроятности эти народы носятъ въ китайскихъ лѣтописяхъ имена Кидань и Хи, и есть основаніе думать, что Хи или Татабы занимали западную или юго-западную часть Манчжуріи, а Кытай жили далѣе на востокѣ. Къ тунгусскому же племени принадлежалъ вѣроятно и „эль“ степи Ббкли, жившій тоже на востокъ отъ турокъ и упоминаемый въ надписяхъ только одинъ разъ—при похоронахъ Бумынъ-Истеми кагана. Китайцы, жившіе къ юго-востоку и къ югу отъ турокъ, называются въ надписяхъ вездѣ „табгачъ“. О ихъ роли по отношенію къ турецкому эл'ю и Бильге-хану достаточно говорилось выше. Затѣмъ слѣдуетъ лежавшій къ югу же Тибетъ, до котораго лишь „немного не доходилъ“ со своими войсками Бильге-ханъ; границею своего вліянія на югѣ онъ называетъ неизвѣстный вообще народъ Токузъ Эрсинновъ или—Эрсэновъ; вообще границы турецкихъ владѣній на югѣ и на сѣверѣ точно опредѣлить невозможно. Въ надписяхъ сохраниено, какъ кажется (см.

¹⁾ „Передъ“—востокъ, „задъ“—западъ, „правая сторона“—югъ, „лѣвая сторона“—сѣверъ.

В. Томсенъ стр. 198), одно тибетское слово „бблбнъ“ (blon) (чиновникъ, офицеръ, дворянинъ), которое въ позднѣйшемъ языкѣ произносилось безъ начальнаго „б“. Къ сѣверо-востоку отъ турокъ за горами Тангну-ола и Саянскимъ хребтомъ (вѣроятно первыя изъ нихъ нужно понимать подъ Кбгмен'омъ надписей) въ бассейнѣ верхняго Енисея обитали кыркызы. Антропологически они въ тѣ времена, по китайскимъ и мусульманскимъ источникамъ, принадлежали не къ турко-монгольской, а скорѣе къ арийской (или можетъ быть „енисейской“ расѣ); по легендарнымъ сказаніямъ они были близки по происхожденію къ славянамъ. Имъ принадлежатъ конечно и енисейскія надписи, о которыхъ неоднократно говорилось выше; эти надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ тѣ времена кыркызы были въ отношеніи языка отуречены. Енисейскія надписи изданы во-первыхъ по фотографіямъ и бумажнымъ эстампажамъ въ атласѣ Финляндскаго археологическаго общества, во-вторыхъ по каленковымъ эстампажамъ въ „Атласѣ Древностей Монголіи“ В. В. Радлова. Онѣ транскрибированы и переведены В. В. Радловымъ („Die alttürkischen Inschriften der Mongolei“ 1895, стр. 299—346), который обнаружилъ при ихъ разборѣ недюжинную проникательность и свою обычную богатую эрудицію. Тѣмъ не менѣе эти надписи, представляющія весьма значительныя трудности по начертанію самихъ знаковъ, по сбивчивой орфографіи и по языку, по всей вѣроятности будутъ еще служить предметомъ дальнѣйшихъ изысканій и, надо думать, что и транскрипція, и переводъ ихъ подвергнутся довольно значительнымъ измѣненіямъ и поправкамъ. Поэтому не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ только, что все это надписи надгробныя, въ которыхъ говорится, что умершій „разлучился“ со своими женами, сыновьями, товарищами, со своимъ народомъ, что онъ не можетъ болѣе служить богу, своему „пенату“-бэл'ю и своему хану. Часто сообщается возрастъ похороненнаго и его званіе; есть извѣстія о томъ, что изъ киргизской страны ходили посольства въ Китай и Тибетъ. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ говорится о подвигахъ умершаго на войнѣ и на охотѣ. Весьма много встрѣчается собственныхъ именъ лицъ, племенъ и мѣстностей, но подробно останавливаться на нихъ было бы пока преждевременно.

Курыкан'ы жили на востокъ отъ Кыркызовъ къ сѣверу отъ Байкальскаго озера, занимая приблизительно теперешнюю Иркутскую губернію. Въ разказѣ о похоронахъ Бумынъ-Истеми Кагана называются Ёчь Курыканъ, то-есть „Три Курыкана“; подобныя названія всегда указываютъ на „эль“, составившійся изъ нѣсколькихъ пле-

мень, державшихся прежде особнякомъ, ср. напримѣръ „Девять Окuzовъ“, „Тридцать Татаръ“ и т. п. Мы въ точности не знаемъ, къ какому племени или къ какой расѣ принадлежали курыканы орхонскихъ надписей, но нужно отмѣтить, что самое слово „курыканъ“ повидимому монгольское ¹⁾ и значить буквально „овца“. Намъ лично кажется весьма вѣроятнымъ, что это были или монголы, или по крайней мѣрѣ смѣшанный „элъ“ съ сильнымъ монгольскимъ элементомъ. Огузь-Татары (то-есть Тридцать Татаръ) обитали къ востоку и юго-востоку отъ Байкала. Весьма интересно, что въ надписяхъ мы находимъ древнѣйшее упоминаніе объ этомъ народѣ, такъ какъ китайскія извѣстія о немъ начинаются только съ IX вѣка. Ничто не мѣшаетъ думать, что эти татары суть предки того самаго народа, изъ котораго вышелъ знаменитый завоеватель Чингизъ-ханъ и возможно, что уже и въ VIII вѣкѣ они занимали между прочимъ окрестности озера Буиръ-нора. На это слѣдуетъ указать особенно потому, что у нѣкоторыхъ видныхъ изслѣдователей Востока въ послѣднее время замѣчается нѣсколько странная тенденція до крайности умалять численность монголовъ въ такъ называемой до-монгольской періодъ исторіи Средней Азій, то-есть до конца XII столѣтія. Такая тенденція замѣчается напримѣръ во многихъ мѣстахъ весьма интересной и дѣльной статьи Н. Аристовъ „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“ (см. *Живая Старина*, вып. III и IV, 1896 г. стр. 277—456). Монголовъ первоначально оказывается по этой статьѣ очень мало, но они тѣмъ не менѣе успѣшно омонголиваютъ значительныя массы тюрковъ ²⁾ и такимъ образомъ усиливаются и приобретаютъ впослѣдствіи огромное значеніе. Этотъ взглядъ почтеннаго изслѣдователя представляется намъ завершеніемъ законной во многихъ отношеніяхъ реакціи противъ своеобразнаго „панмонголизма“, представителемъ котораго былъ напримѣръ знаменитый переводчикъ китайскихъ лѣтописей монахъ Іакинѣъ (Бичуринъ), стяжавшій себѣ заслуженную славу за свои прекрасные переводы, но проводившій нѣкоторыя далекія отъ истины историческія теоріи. Однако Н. Аристовъ, по нашему мнѣнію, впалъ въ другую крайность; невѣроятно что монголовъ первоначально было такъ мало, какъ онъ думаетъ и еще невѣроятнѣе, чтобы омонголеніе тюрковъ тѣмъ не менѣе шло

¹⁾ По монгольски „хураганъ“.

²⁾ Н. Аристовъ объявляетъ и Огузь-Татаръ орхонскихъ надписей первоначально „тюрками“ (I. с. стр. 295).

такъ успѣшно. Мы поэтому считаемъ излишнимъ повторить, что Огузь-Татары всего вѣроятнѣе и были монголы и что вѣроятно у Учь-Курыкановъ былъ значительный монгольскій элементъ. Кромѣ Огузь-Татаръ въ надписи Бильге-хана (см. В. Томсенъ, стр. 126) упоминаются и Токузь-Татары („Девять-Татаръ“), надо думать, что это другая часть или другая орда того же племени.

Намъ остается теперь еще нѣсколько подробнѣе остановиться на тѣхъ событіяхъ, о которыхъ повѣствуется въ надписяхъ. Послѣ разказа о „началѣ міра“ и „золотомъ вѣкѣ“ царствованія Бумына-Истеми, при которомъ „Голубые Турки“¹⁾ жили независимо и счастливо, въ надписяхъ говорится, что наступило худое время: преемники Бумына не были похожи на своего славнаго предка, „воцарились неразумные, трусливые ханы; всѣ ихъ буюруки были неразумны и трусливы“. Народъ не былъ вѣренъ хану, а китайцы искусно воспользовались возникшими смутами и турецкій „эль“ разстроился, а ханы были перебиты. Турки попали въ рабство къ китайцамъ и пятьдесятъ лѣтъ служили имъ, воюя съ окрестными народами. Наконецъ „весь простой турецкій народъ“ сказалъ: „я составляя племенной союзъ,—гдѣ онъ? я имѣлъ собственнаго хана,—гдѣ онъ? кому отдаю я свои силы?“ Во главѣ возставшихъ сталъ отецъ Бильге-хана, Ильтэрэсъ, со своей женой, Ильбилге; вначалѣ на его сторонѣ было только 27 человекъ, потомъ число его сторонниковъ дошло до 70-ти и наконецъ до 700²⁾. Тогда Ильтэрэсъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что основалъ свой собственный „эль“, ядро котораго составили Тѣлесы и Тардуши, и назначилъ Ябгу и Шада. Послѣ сверженія китайскаго ига Ильтэрэсъ долженъ былъ вынести упорную борьбу съ Токузь-Огузами, во главѣ которыхъ стоялъ Базъ-каганъ, а также съ другими окрестными племенами (см. о нихъ выше). Онъ предпринялъ сорокъ семь походовъ, далъ двадцать сраженій и всѣ склонились подъ его власть. Послѣ его смерти³⁾ престолъ перешелъ, какъ говоритъ Бильгеханъ, къ „моему дядѣ-хану“, такъ какъ ему самому было тогда

¹⁾ Въ торжественной рѣчи туркамъ дается эпитетъ „голубой“; такъ же называются и монголы у Сананъ Сэцэна.

²⁾ Насколько „историчны“ эти цифры, судить мудрено. Изъ частной бесѣды съ В. В. Радловымъ мнѣ извѣстно, что и въ надписи Товьюкука (см. выше) говорится о 700 приверженцахъ Ильтэрэса, при чемъ указывается, что двѣ трети ихъ были конные, а одна треть пѣшіе. В. Томсенъ и В. Бартольдъ думаютъ, что числа эти легендарны, чѣмъ объясняется и то, что во всѣхъ ихъ входитъ цифра „семь“.

³⁾ Какъ мы видѣли выше, онъ умеръ въ 690 или 691 г.

только восемь лѣтъ. „Мой дядя-ханъ“ (онъ же „Мочжо“ или „Капаганъ“) продолжалъ завоеванія Ильтэрэса, при чемъ доходилъ къ востоку до Шандунга, равнины Зеленой Рѣки (теперь „Голубая Рѣка“), къ западу до Желѣзныхъ Воротъ (то-есть прохода Талки) и проникъ даже въ страну Кыркызовъ. Въ 708 году Могилянъ (будущій Бильге-ханъ) былъ назначенъ Шадомъ надъ племенемъ „Тардушъ“ и, надо полагать, съ этого же времени началъ принимать дѣятельное участіе въ походахъ своего „дяди-хана“; всего было ими предпринято тридцать пять походовъ и дано двадцать три сраженія. Отдѣльно упоминается о слѣдующихъ походахъ ¹⁾:

1) Походъ Могиляна на Тангутъ, предпринятый въ 711 году.

2) Походъ на западъ противъ согдаковъ съ участіемъ Могиляна и Кюль-Тегина, предпринятый въ 712 году. Подъ согдаками невозможно понимать собственно согдійцевъ, такъ какъ Согдіана была какъ разъ въ 712 году окончательно занята арабами подъ предводительствомъ Кутейбы (см. Tabari, Annales II, 1245). Съ другой стороны однако согдійцы были торговый народъ, основавшій несомнѣнно нѣсколько колоній, лежавшихъ значительно восточнѣе собственно Согдіаны; такъ напримѣръ извѣстно, что въ странѣ тогузгузовъ ²⁾ было селеніе, принадлежавшее согдійцамъ, въ которомъ жили христіане, огнепоклонники и сабейцы ³⁾. Несомнѣнно согдійскою колоніею былъ и Самаркандъ, не извѣстный туркестанскій, а лежавшій въ семи дняхъ пути отъ теперешняго Урумчи по дорогѣ изъ Каракорума въ Имиль (Имиль находился близъ теперешняго Чугучака); въ этомъ Самаркандѣ между прочимъ умеръ монгольскій ханъ Гуюкъ въ 1248 году. Поэтому возможно, что подъ согдаками разумѣются въ надписяхъ согдійскіе колонисты. Передъ словомъ „Согданъ“ стоитъ еще въ надписяхъ слово „Алты-Чубъ“, которое толкуется различно: В. В. Радловъ думаетъ, что это слово составляетъ, такъ сказать, одно цѣлое съ „Согдакъ“. В. Томсенъ полагаетъ, что это—названіе страны, черезъ которую должны были пройти турки, прежде чѣмъ дойдти до согдаковъ, которыхъ кстати онъ помѣщаетъ слишкомъ далеко на за-

¹⁾ Отсюда ниже съ небольшими отступленіями по вышеупомянутой статьѣ В. Бартольда.

²⁾ Этотъ народъ обиталъ приблизительно въ сѣверо-восточной части теперешняго китайскаго Туркестана и въ юго-восточной Джунгаріи.

³⁾ Это извѣстіе находится у одного персидскаго географа IV вѣка Гиджры, сочиненіе котораго найдено г-мъ Туманскимъ въ Бухарѣ въ 1892 году, см. Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. X, стр. 121.

падъ; всего вѣроятнѣе, кажется, это просто названіе другаго народа, жившаго по сосѣдству съ согдаками или бывшаго даже съ ними въ союзѣ.

3) Походъ противъ басмыл'овъ (или „басмал'овъ“), относящійся къ 713 году. Этотъ народъ называется у китайцевъ Па-си-ми, при чемъ онъ часто является союзникомъ карлуковъ. Глава ихъ носилъ, какъ кажется, титуль „Бѣдукуть“ повидному тождественный съ позднѣйшимъ уйгурскимъ „идикут'-омъ“. „Бѣдукуть“ басмыл'овъ называется вассаломъ и подданнымъ турецкаго хана; самый походъ предпринимается, чтобы наказать его за неплатежъ дани.

4) Въ 714 году Могилянъ предпринимаетъ походъ на Бешъ-Балыкъ. Объ этомъ походѣ говорятъ и китайцы, но по ихъ словамъ во главѣ турецкаго войска стоялъ сынъ Мочжо. Бешъ-Балыкъ въ то время назывался Бэй-тинъ ¹⁾ и въ немъ сидѣлъ китайскій комендантъ, который долженъ былъ охранять границу отъ кочевниковъ; онъ отбилъ нападеніе турокъ, такъ что даже одинъ изъ генераловъ турецкихъ Но-ра не осмѣлился возвратиться къ хану, а предпочелъ переселиться со своей семьей въ Китай. По надписямъ выходитъ также, что турки шесть разъ атаковали городъ, но не могли его взять; подробности этихъ боевъ неясны, такъ какъ надпись въ этомъ мѣстѣ довольно сильно испорчена.

5) Походъ на карлуковъ (715). По китайскимъ источникамъ этотъ народъ турецкаго племени жилъ къ югу-западу отъ кыркызовъ, то-есть вѣроятно на Алтаѣ и въ теперешней Семипалатинской области. Во-второй половинѣ VIII столѣтія они распространили свою власть далѣе на югъ и основали могущественное государство, центръ котораго находился на верховьяхъ рѣки Чу. Карлуки хорошо извѣстны арабскимъ географамъ XI и X вѣковъ нашей эры. Князь ихъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, носилъ вѣроятно позже титуль „Джабгуызъ“ (=Ябгу) но въ нашихъ надписяхъ говорится, что во главѣ карлуковъ стоитъ Эльтэбэръ; этотъ послѣдній титуль встрѣчается по надписямъ еще у уйгуровъ и у Аз'овъ. Въ 715 году карлуки были разбиты турками на горѣ или при источникѣ ²⁾ Тамагъ; въ походѣ участвовали и Могилянъ и Кюль-Тегинъ. По китайскимъ извѣстіямъ подобныхъ походовъ было нѣсколько, при чемъ китайцы поддерживали карлуковъ.

¹⁾ Теперь „Урумчи“.

²⁾ Турецкое слово „башъ“ можетъ имѣть оба значенія.

6) Походъ противъ кыркызовъ; годъ его точно неизвѣстенъ. Кыркызскій бегъ Барсъ, такъ говорятъ надписи, получилъ отъ Мочжо-Капагана титулъ „Кагана“, младшая сестра Могиляна была дана ему въ супружество, но онъ возмутился и былъ убитъ. Народъ его былъ покоренъ и страна была занята и „устроена“ турками. Борьба съ Барсомъ была вѣроятно весьма упорная, такъ какъ „балбалъ“ его былъ поставленъ во главѣ вереницы „балбаловъ“ при надгробномъ памятникѣ Мочжо-Капагана.

7) Въ надписяхъ говорится, что часть турецкаго народа была при Мочжо поселена „по-за Кадырканомъ“, изъ чего можно заключить, что турки побѣдоносно воевали и съ кытаями. Это подтверждается китайскими извѣстіями.

8) Сравнительно мало говорится о походахъ на Китай; вообще ханъ доходилъ со своимъ войскомъ до равнины Шандунгской, какъ мы видѣли выше, но изъ битвъ упоминается только одна, а именно имѣвшая мѣсто въ 712 году. Мочжо, Могилянъ и Кюль-Тегинъ разбили пятидесятитысячное китайское войско подъ начальствомъ Онгъ-Тутука. Онгъ-Тутукъ есть по всей вѣроятности китайскій титулъ „ван-ту-ту“; первая часть этого титула ван, князь, и въ позднѣйшія времена передавалась у мусульманскихъ историковъ черезъ „онгъ“, „ту-ту“ есть также китайскій титулъ весьма близкій по звуку къ турецкому „тутукъ“, съ которымъ его вѣроятно и смѣшали въ надписяхъ. Вполнѣ отождествить только что разсмотрѣнный походъ съ какимъ нибудь изъ тѣхъ, о которыхъ говорится у китайцевъ, не удалось.

Въ 716 году Мочжо былъ убитъ на возвратномъ пути съ похода противъ народа Байырку (у китайцевъ Ра-уе-ки). Этотъ походъ былъ вызванъ вспыхнувшимъ на сѣверѣ возстаніемъ противъ Мочжо среди „деяти племенъ“, какъ говорится у китайцевъ, то-есть Токузь-Огузовъ. Голова Мочжо была доставлена убійцами китайцамъ; въ то-же время часть турецкаго эл'я отложились и откочевала въ китайскіе предѣлы. По китайскимъ извѣстіямъ возмущенія противъ Мочжо были вызваны его собственной жестокостью, но въ надписяхъ разумѣется во всемъ обвиняется неблагодарный, неразумный и вѣроломный народъ. Послѣ смерти Мочжо воцарился было на короткое время сынъ его. Фугюй, (такъ называютъ его китайскіе источники), но былъ вскорѣ свергнутъ и убитъ Кюль-Тегинюмъ; по всей вѣроятности именно объ этомъ Фугюй упоминается въ 35-й строкѣ большой надписи Бильге-хана (см. В. Томсенъ, стр. 126), но мѣсто это очень испорчено и потому никакихъ подробностей объ этомъ событіи не даетъ.

Царствованіе самого Бильге-хана началось, по китайскимъ источникамъ, при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ: на западѣ отложились Тургеши ¹⁾, на востокѣ и на югѣ продолжались непріязненные дѣйствія со стороны китайцевъ, на сѣверѣ не хотѣли подчиняться новому хану огузы. Такимъ образомъ борьба за власть и походы съ цѣлью поднять благосостояніе обѣднѣвшаго и пришедшаго въ упадокъ турецкаго эл'я должны были занимать первое мѣсто въ дѣйствіяхъ Бильге-хана и его сподвижника Кюль-Тегина. Онъ говоритъ, что всего имъ было предпринято двадцать два похода и съ теченіемъ времени ему удалось смирить своихъ враговъ, заключить договоръ съ Китаемъ и „поднять“ свой народъ. Племена, отложившіяся въ концѣ царствованія Мочжо-Капагана, вскорѣ однако раскаялись въ своемъ поступкѣ: доведенные до крайности притѣсненіями китайскихъ чиновниковъ они возвратились въ жалкомъ состояніи къ своему хану, что впрочемъ не помѣшало части народа попытаться опять выслѣдиться въ Китай уже въ 718 году.

Изъ походовъ и сраженій болѣе подробно говорится въ надписяхъ о слѣдующихъ:

1) Въ 716 году Бильге-ханъ и Кюль-Тегинъ разбили восьмидесяти тысячное китайское войско подъ начальствомъ Чача-сенгүна. Китайцы однако ничего не говорятъ объ этомъ сраженіи, но за то отмѣчаютъ два пораженія, понесенныя Чача-сенгүномъ гораздо раньше, а именно въ 706 и 707 годахъ.

2) Въ томъ-же году Йерь-Байырку (вѣроятно часть народа Байырку) подъ предводительствомъ нѣкоего Улугъ-Эркина были разбиты при озерѣ Тургя-Ярагунъ. Это сраженіе произошло послѣ похода на Китай, но изъ надписей не видно, принималъ ли въ немъ участіе Мочжо, или оно случилось уже послѣ его смерти.

3) Въ 717 году, (этотъ годъ Бильге-ханъ считаетъ между прочимъ повидимому годомъ своего вступленія на престолъ), былъ предпринятъ походъ по Селенгѣ противъ огузовъ. Тамъ-же кажется столкнулся Бильге-ханъ и съ уйгурами, во главѣ которыхъ стоялъ тогда „Эльтэбэръ“ (ср. выше). Можно думать, что добыча съ этихъ походовъ была весьма значительна, такъ какъ ханъ говоритъ что онъ „поднялъ“ свой „голодный“ народъ отбитыми у враговъ табунами.

4) Въ 718 году Бильге-ханъ воюетъ съ огузами, ушедшими въ Китай и съ двумя народами, во главѣ которыхъ стоятъ эльтэберы

¹⁾ Подъ Тургеш'ами надо разумѣть „западныхъ ту-гю“ китайскихъ чиновниковъ.

(или можетъ быть „съ народомъ, во главѣ котораго стоятъ два эль-тэбэра“¹⁾). Затѣмъ упоминается о походѣ противъ татабйцевъ, бывшихъ тогда въ подданствѣ у китайцевъ; въ то-же время нѣкто Тудунъ Яитаръ (или „Яматаръ“) выступаетъ по приказанію хана противъ карлуковъ. Непосредственно послѣ этихъ походовъ упоминается о новомъ сраженіи съ китайцами, при чемъ въ первый день турки разбиваютъ китайскую конницу въ 17.000 чел., а на второй истребляютъ пѣшее войско. Если всѣ только что упомянутые походы и сраженія стоятъ въ связи другъ съ другомъ, то можетъ быть это есть разказъ о борьбѣ турокъ съ цѣлой коалиціей, о которой говорятъ и китайскіе источники; разница заключается однако въ томъ, что китайцы помѣщаютъ разказъ о подобной коалиціи подъ 720 годомъ и вмѣсто карлуковъ называютъ басмы'овъ; душою этой коалиціи былъ китайскій генералъ Wang-tsun.

Наконецъ въ 721 году Бильге-хану удается заключить миръ и договоръ съ китайцами, о которомъ мы знаемъ и изъ китайскихъ источниковъ и даже изъ китайской надписи на памятникѣ Кюль-Тегина. Бильге-ханъ призналъ себя сыномъ китайскаго императора и получилъ даже обѣщаніе, что ему дадутъ въ супружество китайскую принцессу, честь, которой кочевые ханы вообще всегда усердно добивались. Китайцы однако сзумѣли до самой смерти Бильге-хана отдѣлываться на этотъ счетъ одними обѣщаніями, а самой принцессой онъ такъ и не получилъ. Отношенія съ Китаемъ продолжали оставаться весьма дружественными до самой смерти Кюль-Тегина и Бильге-хана, хотя турки еще нѣсколько разъ сталкивались съ кытаями, пользовавшимися покровительствомъ китайцевъ. О бояхъ въ Манчжуріи говорится подъ 722, 723 и 734 годами; въ 734 году ханъ разбилъ сорокатысячное войско подъ предводительствомъ Ку (или „Кугъ“) Сенгүна. Балбалъ этого послѣдняго былъ поставленъ у надгробнаго памятника старшаго сына Бильге-хана, который вѣроятно убилъ этого Ку-Сенгүна, но самъ умеръ отъ раны, полученной въ этомъ сраженіи, еще при жизни отца. Изъ всѣхъ враговъ Бильге-хана самыми упорными оказались его единоплеменники огузы, съ которыми ему пришлось сражаться и послѣ того, какъ съ китайцами былъ заключенъ договоръ и вообще для турецкаго зл'я началось счастливое время благодаря миролюбію и мягкому характеру самого хана, энергіи и

¹⁾ Грамматически возможно и то, и другое, но я думаю, что предпочтительно первое толкованіе.

храбрости его брата Кюль-Тегина и мудрости ихъ престарѣлаго родственника и совѣтника Тоньюкука. Втеченіе одного года произошло пять сраженій: при городѣ Тогу (близъ рѣки Толы), при Кушлагакѣ (съ однимъ изъ „отдѣленій“ огузовъ, эдизами) и при Андаргу. Изъ этихъ трехъ битвъ турки вышли побѣдителями; повидимому во второй самъ ханъ не участвовалъ, такъ какъ о ней ничего не говорится въ его надписи. При четвертой стычкѣ на вершинѣ горы Чушь (или при истокѣ ручья или рѣки Чушь), „нога турецкаго народа ослабѣла и онъ готовъ былъ оробѣть“. Разказъ объ этой битвѣ намѣренно излагается не совсѣмъ ясно и толкуется переводчиками надписей различно; въ противоположность В. Бартольду я думаю, что врагамъ Бильге-хана удалось заблаговременно занять сильную позицію, и Кюль-Тегинъ, видя въ своемъ войскѣ упадокъ духа, просто уклонился отъ рѣшительной атаки. Зато туркамъ вскорѣ послѣ этого удалось совершить удачное нападеніе на родъ Тонгра (у китайцевъ Тун-ло?), воспользовавшись торжественными похоронами (или по моему даже вѣрнѣе „поминками“) нѣкоего „алпагу“ (знатнаго лица) изъ этого рода по имени „Тонга-Тегинъ“. Такое нападеніе шло собственно въ разрѣзъ съ предписаніями религіи и можетъ быть поэтому разказъ о немъ излагается нѣсколько темно. Въ пятый разъ враждебные огузы были разбиты братьями при Эзгэнти-Кадазѣ. Затѣмъ турки расположились зимовать въ Магы-Курганѣ (или „Амгы-Курганѣ“) и весьма пострадали отъ гололедицы и ея непремѣннаго слѣдствія, сильнаго падежа скота. Весною при возобновленіи военныхъ дѣйствій ханъ могъ (вѣроятно вслѣдствіе этого) выступить только съ частью своего войска, а враги настолько воспрянули духомъ, что осадили самую „орду“, то-есть, становище хана, гдѣ оставались его мать, мачехи, тетки, жены и невѣстки. Однако Кюль-Тегинъ успѣлъ во время прибыть къ ордѣ, такъ что попытка враговъ овладѣть ею не увѣчалась успѣхомъ. В. Бартольдъ доказалъ, на нашъ взглядъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній думать, будто Кюль-Тегинъ погибъ именно при этой защитѣ орды, какъ это полагали В. Томсенъ и В. В. Радловъ; между прочимъ ни въ надписяхъ этого прямо не сказано, ни у китайцевъ мы не имѣемъ на это никакихъ указаній. Въ надписи Бильге-хана уже послѣ разказа о борьбѣ за орду говорится еще о двойномъ сраженіи при Агу, въ которомъ враждебные огузы были разбиты съ соединившимися съ ними токузь-татарами; послѣ этой побѣды огузы окончательно признали надъ собою власть Бильге-хана.

Түргеши или западные турки ¹⁾, отложившіеся отъ Бильге-хана въ началѣ его царствованія, пользовались независимостью довольно долгое время, пока Бильге-ханъ долженъ былъ сражаться съ другими болѣе близкими врагами. О походахъ турокъ на западъ китайцы не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній, такъ что надписи служатъ въ этомъ случаѣ единственнымъ источникомъ. Между 715 и 720 годомъ слѣдуетъ помѣстить походъ на западъ противъ изгил'ей, быть можетъ, тождественныхъ съ „ишкүл'ями“, уйгурскимъ племенемъ, упоминаемымъ у Рашидъ эд-Дина. Въ 720 году ханъ предпринялъ походъ противъ чик'овъ и кыркызовъ и побѣдилъ ихъ при Орпенѣ по ту сторону отъ Кеми (то-есть, Енисея); подъ чик'ами надо понимать турецкое племя называемое у китайцевъ „Сы-гъ“ или можетъ быть (такъ думаетъ англійскій синологъ М. Паркеръ) народъ *Sih*, бывший въ союзѣ съ басмылами. Въ слѣдующемъ году Бильге-ханъ въ сопровожденіи Кюль-Тегина перевалилъ черезъ Кюгменъ, при чемъ пришлось пробивать дорогу сквозь снѣгъ высотой въ копье, и напалъ на кыркызовъ; въ черни Сунга (на Алтаѣ) этотъ народъ былъ побѣжденъ и его ханъ убитъ. Въ томъ же году турки перешли черезъ Алгунъ-йышъ и, переправясь черезъ Иртышъ, проникли въ страну түргешей. При Болчу произошло сраженіе, түргеши были разбиты, ихъ ханъ, Ябгу и Шадъ—всѣ погибли въ бою. Одинъ изъ буюруковъ ихъ хана, Тутукъ народа азовъ, былъ взятъ въ плѣнъ Кюль-Тегиномъ ²⁾. Послѣ этой побѣды турки переправились черезъ рѣку Йенчү (то-есть, Урунгу), прошли черезъ горный проходъ Талки (въ надписяхъ Темиръ-Капыгъ) и покорили также и согдаковъ. Однако часть түргешей, кара-түргеши, продолжали сопротивляться напору турокъ; они отступили къ кенгересамъ, которые тоже вступили во враждебныя отношенія съ турками; войско турецкое стало страдать отъ недостатка подножнаго корма для лошадей и попало въ довольно затруднительное положеніе тѣмъ болѣе, что враги отличались храбростью, чего не скрываетъ и авторъ надписей. Ханъ послалъ Кюль-Тегина съ отрядомъ войска и ему удалось одержать рѣшительную побѣду надъ кара-түргешами; на возвратномъ пути онъ еще побѣдилъ нѣкоего Кошу-Ту-тука, котораго не удалось исполнѣ отожествить съ какою нибудь извѣстною по другимъ источникамъ историческою личностью.

¹⁾ Напомнимъ, что уже около 600 года „ту-гю“ раздѣлились на восточныхъ и западныхъ.

²⁾ Мы принимаемъ здѣсь толкованіе В. Бартольда; иначе думаютъ В. Томсенъ и В. В. Радловъ.

Мы имѣемъ однако нѣкоторыя причины сомнѣваться въ томъ, что побѣда Кюль-Тегина была настолько рѣшительна, какъ объ этомъ говорится въ надписяхъ. Дѣло въ томъ, что по китайскимъ извѣстіямъ ханъ тѣргешей, Сулу, возстановившій послѣ смерти Мочжо независимое западно-турецкое государство, правилъ до 738 года, то-есть, пережилъ обоихъ братьевъ; китайцы разказываютъ, что при одномъ приемѣ у императора посоль тѣргешскій „тягался о мѣстахъ“ съ посломъ Бильге-хана; наконецъ даже въ надписяхъ Бильге-ханъ говоритъ о томъ, что онъ далъ хану тѣргешей въ супружество свою дочь и называетъ его „мой милый сынъ“ (унукъ оглымъ); при похоронахъ Кюль Тегина между другими посольствами называется и посольство отъ тѣргешей—все это показываетъ, что тѣргеши не вполне утратили свою самостоятельность, а самое большее, что считались вассалами Бильге-хана. Кара-тѣргешами называлась и по китайскимъ извѣстіямъ, та часть народа, которая обнаружила въ самыя смутныя послѣднія времена царствованія хана Сулу полную преданность ему; конечно и въ борьбѣ съ Бильге-ханомъ эта часть оказала ему наибольшую поддержку.

Въ 722 г. былъ предпринятъ походъ на карлуковъ, о которомъ однако нѣтъ никакихъ подробностей въ надписяхъ. Въ 726 году Кюль-Тегинъ выступилъ противъ аз'овъ, во главѣ которыхъ стоялъ „Эльтэбэръ“; при Кара-кѳлѣ¹⁾ они были разбиты. В. В. Радловъ полагаетъ, что подъ этими аз'ами надо понимать вымершее теперь племя „енисейцевъ“, ассановъ, обитавшихъ приблизительно тамъ же, гдѣ по надписямъ находились аз'ы²⁾; однако кромѣ нѣкотораго созвучія именъ ничто такого предположенія не оправдываетъ, а титулы „Тутукъ“ и „Эльтэбэръ“ говорятъ скорѣе въ пользу турецкаго происхожденія этого народа.

Въ заключеніе упомянемъ еще, что послѣ смерти Кюль-Тегина ко двору Бильге-хана явились посольства отъ весьма многихъ народовъ, въ числѣ которыхъ упоминается въ надписи нѣсколько такихъ, о которыхъ мы не имѣли случая говорить выше. Къ сожалѣнію, самый текстъ въ этомъ мѣстѣ надписей не вполне сохранился, такъ что эти имена читаются и толкуются различно. Несомнѣнно, однако, что толкованія В. Томсена на этотъ разъ неудачны: едва ли въ Мон-

¹⁾ В. В. Радловъ думаетъ, что это то самое озеро къ юго-востоку отъ Телецкаго озера, которое и теперь называется Кара-кѳлѣ.

²⁾ См. напр. *W. Radloff, Aus Sibirien I, 189—190*: ассаны живутъ въ Сойонской степи (по Кастрену).

голю могло явиться въ 731 г. посольство изъ Бухары, еще менѣе возможно посольство изъ Персіи. Болѣе вѣроятными кажутся намъ сближенія В. Бартольда, который отождествляетъ, хотя и не безъ колебаній „согдь“ съ Су-ду у китайцевъ (городъ въ области Ташкента), „берчекеръ“ съ Басайгань, а „кулысь“ съ Хэлоши китайскихъ источниковъ. Въ такомъ случаѣ и два послѣднія имени указываютъ на два турецкихъ же племени.

И. Меліоранскій.

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКІЕ ШАГИ БОРИСА ГОДУНОВА (1584—1594).

(Отрывокъ).

Обыкновенно принято думать, что тотчасъ послѣ смерти Грознаго началась въ Москвѣ „борьба боярскихъ партій“. Виднѣйшіе боярскіе роды, пользуясь личною слабостью царя Феодора и предвидя конецъ династіи, открыли борьбу за вліяніе и власть, стремились стать ближе къ престолу, чтобы въ удобную минуту совсѣмъ захватить его въ свой родъ. За могущественнѣйшими родами стояли ихъ „партіи“— ихъ родня и сторонники, и такимъ образомъ все боярство втянулось въ борьбу, въ которой должны были „выставиться будущія династіи“.

Но мы думаемъ, что боярство, старый правительственный и землевладѣльческій классъ, было раздавлено опричниною и потеряло свое прежнее положеніе у власти. Въ государевой думѣ его замѣнили новые люди. Конечно, трудно точно указать кругъ лицъ, который имѣлъ правительственное значеніе въ послѣдніе годы жизни Грознаго. Однако можно настаивать на томъ, что царь не искалъ себѣ совѣтниковъ и исполнителей далѣе очень тѣснаго кружка приближенныхъ бояръ и „возлюбленниковъ“. Бояре „изъ земскаго“ И. Ѳ. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ, „изъ двора“ или опричнины Б. Я. Бѣльскій и Годуновы, дьяки Щелкаловы и А. Шереединовъ—вотъ замѣтнѣйшіе изъ приближенныхъ Грознаго. За ними стоятъ князья, служившіе въ опричномъ государевѣ дворѣ: нѣсколько Шуйскихъ, В. Ѳ. Скопинъ-Шуйскій и Ѳ. М. Трубецкой. Наконецъ, со времени свадьбы Грознаго

съ Марьею Нагою начинаютъ пользоваться значеніемъ Нагіе ¹⁾. Всѣ эти люди представляютъ собою новый слой московской знати, возникшій именно въ эпоху опричнины, какъ первый обрашкъ служалой и дворцовой аристократіи. Ихъ положеніе у дѣлъ создано не ихъ „отечествомъ“, а личною службою и выслугою, или же отношеніями родства и свойства. Князь И. Ѳ. Мстиславскій былъ племянникомъ царя Ивана, сыномъ его двоюродной сестры Анастасіи Юрьевы, Годуновы и Нагіе—это царскіе „шурья“. братья государевыхъ женъ. Какъ они сами, такъ и ихъ родня, получили придворное значеніе по брачнымъ союзамъ московскихъ государей и держались главнымъ образомъ родственными связями. Богданъ Бѣльскій въ послѣднія лѣта Грознаго былъ временщикомъ по личному расположенію къ нему царя. Всѣ прочіе, названные выше, стояли на первыхъ мѣстахъ въ администраціи и войскѣ не по породѣ, а потому, что казались Грозному, въ большей или меньшей степени, надежными слугами. Изъ нихъ одна лишь семья Шуйскихъ вызывала въ царѣ нѣкоторое сомнѣніе. Въ 1569 году царь „велѣлъ князя Ивана Андреевича Шуйскаго изъ Смоленска (съ воеводства) свести для того, что отъ него человекъ сбѣжалъ въ Литву“; а въ 1583 году царь взялъ поручную запись со всѣхъ сыновей князя Ивана Андреевича по ихъ братѣ, князѣ Васильѣ. Трудно сказать, на чемъ основаны были подозрѣнія противъ этой семьи; во всякомъ случаѣ родъ Шуйскихъ былъ единственнымъ изъ замѣтнѣйшихъ восточно-русскихъ княжескихъ родовъ, всѣ вѣтви котораго преуспѣвали въ эпоху опричнины. Только вѣрною службою въ новомъ „дворѣ“ могли Шуйскіе держаться при Грозномъ въ то время, когда другіе большіе московскіе роды гибли въ опалахъ. Наконецъ, о дьякахъ и думныхъ дворянахъ, Щелкаловыхъ, Шереединовѣ, Р. В. Олферьевѣ, Р. М. Пивовѣ, М. П. Татищевѣ и имъ подобныхъ, нечего и говорить: только служба и личная послуга давали имъ значеніе ²⁾.

Такимъ образомъ во время кончины Грознаго у московскаго трона, вопреки обычнымъ нашимъ представленіямъ, стоялъ не аристократическій кругъ государственныхъ чиновъ, а „могущественнѣйшіе роды

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, II, 535.—Др. Р. Вивл. XX, стр. 59 и слѣд.—Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 38, стр. 103—104, 127 (перечни думныхъ людей).—Башмаковская разрядная, *passim*.—О значеніи опричнины мы уже говорили въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 г., октябрь.

²⁾ Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 316—317.—Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 71, стр. 605.—*Н. П. Лихачевъ*, Библіотека и архивъ Московскихъ государей (С.-Пб. 1894), Приложение, стр. 57.

боярскіе“, какъ говорилъ С. М. Соловьевъ, а случайный кружокъ приближенныхъ царскихъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ. Этому кружку и завѣщаль Грозный (если только онъ успѣлъ что-либо завѣщать) охрану своихъ дѣтей. Разумѣется, онъ и не думалъ устраивать формальную опеку надъ своимъ сыномъ Феодоромъ въ видѣ „новой пентархїи или верховной думы“, какъ выражался Карамзинъ. Не было ни малѣйшей нужды въ экстренномъ государственномъ учрежденїи, когда въ обычной „ближней думѣ“ могли сойтись ближайшіе родственники молодого царя: его родной дядя Н. Р. Юрьевъ, его троюродный братъ И. Ѡ Мстиславскій и его шуринъ Б. Ѡ Годуновъ. Къ этому интимному совѣту Феодора примыкали и Шуйскіе, потому что Юрьевы, Годуновы и Шуйскіе были между собою во многократномъ свойствѣ; именно: дочь Н. Р. Юрьева была за Ив. Ив. Годуновымъ; Б. Ѡ Годуновъ и князь Д. И. Шуйскій были женаты на родныхъ сестрахъ; на родныхъ же сестрахъ изъ семьи Горбатовъ-Шуйскихъ, Ирина и Евдокиа, были женаты князь И. Ѡ Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ. Князь В. И. Шуйскій въ первомъ бракѣ своемъ имѣлъ женою княжну Е. М. Репнину, родные которой были „братья и великіе другы“ семьѣ „Никитичей“ Романовыхъ. Вокругъ царя Феодора было столько „своихъ“ людей, и притомъ думныхъ, что и безъ всякой „пентархїи“ было кому опекать неспособнаго монарха и „поддерживать подъ нимъ царство“. И около другаго сына Грознаго, царевича Дмитрія, была своя родня—Нагіе. Къ нимъ, кажется, примыкала и оружничей царскій Б. Я. Бѣльскій, котораго иногда называютъ „дядькою“ или воспитателемъ маленькаго царевича. Изъ бояръ перваго кружка Бѣльскій дружилъ, какъ видно, съ однимъ только Б. Годуновымъ, съ которымъ находился въ свойствѣ по женѣ Бориса. Остальные бояре были далеки отъ него. И Бѣльскій и Нагіе не принадлежали къ коренной московской знати. Несмотря на то, что Бѣльскій, находясь въ большомъ приближенїи у Грознаго, былъ при немъ „первоближенъ и началосовѣтенъ“, Грозный ему не сказалъ боярства, и Бѣльскій не былъ „вѣнчанъ славою совершеннаго имени чиновска“, пока при Борисѣ не сталъ окольнымъ, а при Дмитріи бояриномъ. Нагіе же, рѣдко выслуживаясь до боярства, бывали и въ думныхъ дворянахъ. Въ „отечествѣ“ своемъ и въ службѣ родня Дмитрія и вообще люди его круга были гораздо пониже тѣхъ, кто держался около старшаго его брата Феодора ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россїи*, II, 535.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, *Обзоръ событїй и т. д. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенїя, 1887, августъ)*,

Ограничивая составъ правительственной среды немногочисленнымъ кругомъ царской родни и довѣренныхъ слугъ, мы тѣмъ самымъ уже устанавливаемъ опредѣленный взглядъ на придворныя смуты въ первые годы царствованія царя Θεодора Ивановича. Эти смуты не были борьбою за власть и за будущій престолъ „могущественнѣйшихъ“ родовъ московской аристократіи, за которыми стояли бы цѣлыя партіи боярства; это были простыя столкновенія за дворцовое вліяніе и положеніе между людьми, причитавшими себя въ родство съ царемъ. Политическое значеніе этой борьбѣ придали не тѣ цѣли, которыми первоначально руководились борцы, не тѣ средства, которыми они дѣйствовали, а тѣ результаты, къ какимъ привела эта борьба, — формальное признаніе Б. Годунова регентомъ государства. Только тогда, когда Б. Годуновъ сталъ „властодержавнымъ правителемъ“ всего Россійскаго царства и тѣмъ самымъ открыто, хотя и косвенно, заявлена была неспособность царя къ правденію, придворное первенство Бориса обратилось въ политическое. Передача правленія въ руки Бориса и смерть царевны Θεодосіи совершили важный переломъ въ развитіи боярской смуты. Когда обнаружился вполнѣ физическій упадокъ бездѣтнаго царя и исчезли надежды на царское „плодородіе“, то стало очевидно, что дворцовый временщикъ черезъ полномочія регента можетъ приблизиться къ обладанію престоломъ. Тогда только и могли возникнуть династическія притязанія и мечтанія какъ въ боярскомъ потомствѣ Рюрика, такъ и въ тѣхъ не княжескихъ семьяхъ стараго боярства, которыя считали себя честиѣ Годуновыхъ. До тѣхъ же поръ мы можемъ наблюдать лишь простыя придворныя ссоры.

Но прежде чѣмъ начались такія ссоры, въ Москвѣ произошелъ рядъ событій, не имѣвшихъ прямого отношенія къ боярской смутѣ послѣдующихъ лѣтъ, однако тревожныхъ и смутныхъ. Эти событія были вызваны необычнымъ состояніемъ царской семьи, въ которой старшій ея представитель, Θεодоръ, не былъ дѣеспособенъ, а младшій, Дмитрій, не былъ правоспособенъ. Одинаковая непригодность ихъ къ личной дѣятельности какъ бы равняла ихъ въ отношеніи правъ на престолъ, и можно было опасаться, что найдутся люди,

стр. 50 — 51. — С. Платоновъ, статья въ томъ-же *Журналѣ*, 1883, октябрь, стр. 367—368. — *Архибишевъ*, Пов. о Россіи, кн. IV, стр. 81 и примѣч. 621. — *Карамзинъ*, Исторія Гос. Рос., т. X, прим. 366, т. XI, прим. 146, 151. — Башмаковск. разрядн., лл. 601 — 602. — Д. В. Цоттаевъ, Царь В. Шуйскій въ Польшѣ, стр. 3—4. — Рус. Ист. Библ., XIII, стр. 317.

желающіе передать власть отъ Θεодора Димитрію. По крайней мѣрѣ этого опасались приближенные Θεодора. Поэтому тотчасъ по смерти Грознаго было признано необходимымъ удалить изъ Москвы Димитрія и его родню. Царевича съ матерью, дядями и нѣкоторыми другими болѣе далекими родными отправили на его удѣлъ въ Угличъ. Коекого изъ Нагихъ послали въ Низовые города на воеводства. Выслали и Б. Бѣльскаго изъ Москвы послѣ какого-то уличнаго безпорядка, направленного противъ него. Но эта высылка людей, признанныхъ неудобными въ столицѣ, не имѣла вида суровой опалы. Съ Угличкимъ удѣльнымъ дворомъ Московскій дворъ сохранялъ доброжелательныя отношенія. Въ Москву съ именинъ царевича 19-го октября, на память мученика Уара („ангелъ его молить въ той день“. „прямое-жъ ему имя бысть Уаръ“, поясняли лѣтописцы о царевичѣ Димитріи) присылали государю „пирогъ“, а государь отдаривалъ царицу Марью Θεодоровну мѣхами, а ея посланца А. А. Нагаго камками и деньгами. Также и Бѣльскій, удаленный изъ Москвы „отъ молвъ міра“ въ Нижній-Новгородъ, былъ тамъ не ссыльнымъ и заключеннымъ, а воеводою и сохранилъ санъ оруженнаго. Годуновъ такъ заботился о немъ, что онъ пребывалъ тамъ „во обиліи и многомъ покоѣ“¹⁾. Каковы бы ни были въ частности поводы къ высылкѣ Нагихъ и Бѣльскаго, смыслъ этой мѣры внѣ спора: ни Нагіе, ни Бѣльскій на самомъ дѣлѣ не поднимали крамолы противъ Θεодора, но пребываніе въ Москвѣ какъ ихъ самихъ, такъ и питомца ихъ, маленькаго Димитрія, показалось опаснымъ для старшаго царевича, хотя и нареченнаго царемъ, но неспособнаго къ правленію. Руководители Θεодора испугались не открытаго покушенія, не дѣйствительно наступившей опасности, а только возможности интриги противъ старшаго брата въ пользу младшаго. Поэтому быстрое удаленіе отъ двора того круга придворныхъ, изъ котораго могла выйдти интрига, было не послѣдствіемъ уже происшедшей въ правительствѣ смуты, а предварительною мѣрою для ея предупрежденія. Что же касается до уличнаго движенія противъ Бѣльскаго, то по всѣмъ признакамъ въ немъ не было элементовъ противогосударственныхъ и противодинастическихъ. Направленное противъ отдѣльнаго правительственнаго лица, оно представляло собою, кажется, одну изъ тѣхъ площадныхъ слу-

¹⁾ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Обзоръ событій и пр., стр. 51.—Башмаковская разрядная, л. 662.—Рус. Ист. Библ. XIII, стр. 95, 317—318. — Др. Рос. Вивл. III, стр. 107.—Доп. А. И. I, стр. 191.

чайностей, какія были знакомы Москвѣ и въ XVII вѣкѣ. Оба эти эпизода: и выѣзд Нагихъ и Бѣльскаго изъ Москвы, и волненіе толпы противъ Бѣльскаго—въ развитіи смуты играютъ случайную роль. Изложеніе боярскихъ смуть и борьбы за престолъ слѣдуетъ начинать не съ нихъ, а съ тѣхъ столкновеній, которыя произошли позднѣе между приближенными царя Θεодора, въ самомъ тѣсномъ правительственномъ кругѣ, державшемъ власть именовъ слабого царя.

Въ центрѣ этого круга, какъ мы уже видѣли, стояли бояре кн. И. Θ. Мстиславскій, Н. Р. Юрьевъ и Б. Θ. Годуновъ. Къ этому же центру были близки и князья Шуйскіе: кромѣ Ивана Петровича Шуйскаго и Вас. Θед. Скопина-Шуйскаго, которымъ боярство дано было еще Грознымъ въ 1584 году, боярами были сказаны братья Василій и Андрей Ивановичи Шуйскіе. Среди остальнаго боярства не было князей равныхъ имъ по значенію. Ни одна вѣтвь Рюриковичей при воцареніи Θεодора не имѣла представителей въ думѣ, если не считать *окольничаю* Θ. М. Троекурова изъ невеликихъ ярославскихъ князей. Изъ князей же литовскаго корня состоялъ въ думѣ и доживалъ свой вѣкъ старѣйшій въ родѣ Булгаковыхъ князь Вас. Юрьев. Голицынъ, умершій воеводою въ Смоленскѣ въ 7093 (1584—1585) году; а остальные Булгаковы, какъ Голицыны, такъ и Куракины, по молодости еще не дошли до боярства и даже старшіе изъ нихъ были возводимы въ боярскій санъ уже при царѣ Θεодорѣ. Старшій изъ Трубецкихъ, бояринъ Θедоръ Михайловичъ, стоялъ высоко въ служебномъ отношеніи, но не по отечеству, а по службѣ въ опричиннѣ. И самъ старикъ И. Θ. Мстиславскій пользовался внѣшнимъ первенствомъ среди бояръ не столько по происхожденію своему, сколько потому, что Грозный по родству его „жаловалъ и учинилъ его велика“. Это бояре говорили Мстиславскимъ въ глаза. Такимъ образомъ рядомъ съ царскою роднею, Юрьевыми и Годуновыми, не Мстиславскіе, а именно Шуйскіе были виднѣйшими представителями коренной московской знати, и въ этомъ смыслѣ Горсей могъ съ полнымъ основаніемъ назвать Ивана Шуйскаго „первымъ принцемъ королевской крови“ (prime prince of the blood royal) среди московскаго боярства. Но именно на Шуйскихъ и видно, какъ мало значила порода въ московскомъ дворцѣ, только что пережившемъ опричину. Въ то время, какъ Никита Романовичъ Юрьевъ и Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, оставаясь въ Москвѣ, распоряжались дѣлами и всѣмъ государствомъ, Шуйскіе были на воеводствахъ въ большихъ порубежныхъ городахъ. Въ 1584—1585 году Вас. Θед. Скопинъ-Шуйскій былъ воеводою въ

Новгородъ, Ив. Петр. Шуйскій—во Псковъ, а Вас. Ивановичъ—въ Смоленскъ. На ходъ дѣлъ при дворѣ могли они вліять очень мало. по крайней мѣрѣ до возвращенія въ Москву. Но и во время пребыванія ихъ при самомъ дворѣ не имъ принадлежало первое мѣсто. При воцареніи Теодора его занималъ, по единогласному указанію современниковъ, Никита Романовичъ, изъ той самой семьи Захарьинныхъ, которымъ князья-бояре не хотѣли „служить“ въ 1553 году. Друзьями его были Б. Ѳ. Годуновъ и дьяки Щелкаловы. Это и было настоящее правительство, а Мстиславскіе и Шуйскіе были только первыми чинами двора, говоря языкомъ нашей эпохи. Узы родства и свойства до поры, до времени связывали всѣхъ этихъ людей въ одинъ кружокъ; но эти узы были очень непрочны и разорвались при первомъ же толчкѣ¹⁾.

Толчкомъ послужила болѣзнь Никиты Романовича: уже въ августѣ 1584 г. она лишила его силъ, а въ апрѣлѣ 1585 г. свела въ могилу. Пока онъ принималъ участіе въ дѣлахъ, онъ сохранялъ за собою безспорное первенство; когда же онъ сошелъ со сцены, за первое мѣсто могли поспорить всѣ остальные члены правившаго кружка, а въ особенности Мстиславскій и Годуновъ. За Мстиславскаго была порода, титулъ и родство съ царемъ, хотя и дальнее. За Годунова была близость къ государю черезъ сестру-государыню и тѣсная связь съ Романовыми и Щелкаловыми. Объ этой связи имѣемъ много свидѣтельствъ со стороны людей, хорошо осведомленныхъ. Палицынъ опредѣленно другихъ говорить, что Борисъ далъ клятву Никитѣ Романовичу „соблюдать“ его дѣтей, попеченіе о которыхъ „ввѣрилъ“ ему старый бояринъ. Что могло значить это „соблюденіе“, разъясняетъ другой авторъ XVII вѣка, говоря о Борисѣ и Романовыхъ, что Борисъ „клятву страшну тѣмъ сотвори яко братію и царствію помогателя имѣти“. Принадлежавшій къ семьѣ Романовыхъ, зять Никиты Романовича, кн. И. М. Катывевъ подтверждаетъ эти слова короткою фразою, что Годуновъ имѣлъ Романовыхъ „въ завѣщательномъ союзѣ дружбы“. Союзъ ихъ былъ „завѣщательнымъ“, конечно, потому, что начался еще при Никитѣ Романовичѣ и представлялъ семейную тра-

¹⁾ *С. М. Середонинъ*, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 102.—Флетчеръ, глава IX.—*А. И. Марковичъ*, О мѣстничествѣ, стр. 328; Ист. мѣстничества, стр. 297.—Горсей (ed. Bond), стр. 219.—Башмакъ, разр., лл. 662 об., 681, 685, 686 об., 690.—Др. Росс. Вивл., XIV, разряды 1584—1585 гг.—*Толстой*, Россія и Англія, № 52.

дипцію, завѣщанную старикомъ. Замѣтимъ, что эта традиція держалась долго, черезо все царствованіе Θεодора, до его смерти, когда старшій изъ Никитичей оказался соперникомъ Борису въ дѣлѣ царскаго избранія 1598 года. Такъ же тѣсна и продолжительна была и дружба Бориса съ Щелкаловыми, особенно же со старшимъ изъ нихъ съ Андреемъ. По одному русскому извѣстію, Годуновъ даже называлъ Андрея Яковлевича Щелкалова себѣ „отцемъ“. О дружескихъ отношеніяхъ царскаго шурина и „великихъ“ дьяковъ, кромѣ извѣстій нѣкоторыхъ иностранцевъ, очень опредѣленно говоритъ Ив. Тимоѣевъ. Онъ называетъ Андрея Щелкалова „наставникомъ и учителемъ“ Бориса, отъ котораго Борисъ впервые научился, какъ ему „одождать благородныхъ“ и достигать власти. Между Щелкаловыми и Годуновымъ существовала, по мнѣнію Тимоѣева, „крестоключенная клятва“ чтобы втроемъ утвердить за собою царство. Въ исполненіе этой клятвы Щелкаловы воцарили Бориса, возвели его какъ бы на небо, а онъ преступилъ свое цѣлованіе и отблагодарилъ имъ зломъ за благодаренія. Каковы бы ни были тайныя отношенія Бориса и знаменитыхъ дьяковъ, А. Щелкаловъ имѣлъ громадное значеніе при царѣ Θεодорѣ до 1594 года, а Вас. Щелкаловъ сохранилъ его и въ первые годы царствованія Бориса: оба брата были люди „сильные“ и на нихъ нельзя было найдти управы ¹⁾). Съ такими связями, какъ Романовы и Щелкаловы, Борису можно было не бояться соперничества даже Мстиславскихъ. Пока первенство давалось дворцовыми отношеніями и близостью къ лицу государя, Годуновъ „долженъ былъ имъ владѣть, потому что по сестрѣ царицѣ онъ былъ очень близокъ къ царю, а въ остальной государевой роднѣ, среди „Никитичей“, находилъ не вражду и противодѣйствіе, а „завѣщательный союзъ дружбы“.

Еще до кончины Н. Р. Юрьева произошла первая ссора бояръ за первенство. Что ее вызвало, мы не знаемъ. Лѣтописецъ, составленный въ XVII вѣкѣ при дворѣ царя Михаила и патріарха Филарета Романовыхъ, очень сдержанно относясь къ событіямъ 1584—1585 годовъ, замѣчаетъ, что тогда вообще бояре „раздѣлялись на двое“: одну сторону составили Борисъ Феодоровичъ и прочіе Годуновы, а съ ними

¹⁾ С. Платоновъ въ „Отчетѣ о 34-мъ присуд. наградѣ гр. Уварова“, стр. 67—68.—С. Платоновъ, Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени, стр. 218, 276.—Авр. Палицынъ, изд. 1822 г., стр. 8.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 478, 567.—Доп. А. И. II, № 76.—Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 715, 852—354; срвн. 343.—С. Платоновъ, Древне-русск. повѣсти, стр. 150.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 55.—Акты Феодотова-Чеховскаго, I, стр. 293.

„иные бояре“ (лѣтописецъ не называетъ здѣсь по имени Никитичей Романовыхъ, хотя именно ихъ прежде всего здѣсь слѣдуетъ разумѣть); другую сторону представлялъ кн. И. Ѳ. Мстиславскій, а съ нимъ были Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, Колычовы. Годуновъ „осиливалъ“ противниковъ, надѣясь „на царское присвоеніе“, то-есть, на родство или свойство съ царемъ. Борьба окончилась высылкою И. Ѳ. Мстиславскаго въ Кирилловъ монастырь, гдѣ старикъ скоро и умеръ, постриженный въ иночество съ именемъ Іосифа. Съ нимъ вмѣстѣ пострадали, по словамъ лѣтописца, князья Воротынскіе и Головины. Но, какъ кажется, лѣтописецъ смѣшалъ здѣсь послѣдовательность и подробности событій, хотя ихъ общій смыслъ уловилъ достаточно вѣрно. Есть данныя думать, что столкновеніе боярскихъ кружковъ разрѣшилось не сразу, не однимъ ударомъ со стороны Годунова, а исподволь. Сперва пострадали Головины. Въ самый рождественскій сочельникъ 1584 года былъ отставленъ отъ должности казначея окольничій Владиміръ Васильевичъ Головинъ. Его двоюродный братъ Петръ Ивановичъ, который съ 1578 года также назывался казначеемъ, былъ заточенъ и, какъ говорятъ, въ тюрьмѣ умеръ. Младшій братъ Петра Ивановича Михайло Ивановичъ, который послѣ своей Псковской службы жилъ въ Медынской вотчинѣ, „послышалъ такое разореніе“ надъ своими родственниками и, опасаясь и на себя опалы, отъѣхалъ въ Литву. Тамъ въ февралѣ 1585 года его застали у Баторія московскіе послы князья Троекуровъ и Безининъ. Они объясняли полякамъ опалу государеву на Головиныхъ тѣмъ, что Головины „покрали казну государеву“. Горсей же говоритъ, что Петръ Головинъ пострадалъ за дерзость и заносчивость въ отношеніи Бориса. Какъ бы то ни было, Головины уже потерпѣли опалу, а Мстиславскіе еще были цѣлы: въ то самое время, когда Троекуровъ интриговалъ предъ Баторіемъ противъ Михаила Головина, въ февралѣ 1585 года въ Москвѣ князь Ив. Ѳ. Мстиславскій занималъ первое мѣсто среди бояръ на приѣмѣ Баторіева посла Луки Сапѣги. Затѣмъ, вѣроятно, лѣтомъ 1585 года, пришелъ чередъ и И. Ѳ. Мстиславскому испытать государеву опалу за царскаго шурина. Старикъ навсегда ушелъ изъ московскаго дворца, въ которомъ ему пришлось столько жить и видѣть съ 1541 года, когда онъ сталъ государевымъ кравчимъ. Его удаленіе однако не повело за собою униженій для его сына князя Ѳедора Ивановича. Князь Ѳедоръ, получившій боярскій санъ еще въ 1577 году, теперь послѣ постриженія отца наследовалъ его первенство въ боярскомъ спискѣ. Изъ Шуйскихъ также никто не пострадалъ, и

вообще никакихъ рѣзкихъ гоненій за это время не было, если не считать опалы П. Головина ¹⁾).

Лѣтописецъ разказываетъ такъ, какъ будто послѣ удаленія И. Ѳ. Мстиславскаго боярская вражда не погасла: Шуйскіе продолжали „противиться“ Годунову и „никакоже ему поддавахуся ни въ чемъ“. Хотя виднѣйшіе представители Шуйскихъ, князья Василій Ивановичъ и Иванъ Петровичъ, въ то время (1585—1587 г.) „годовали“ на воеводствахъ, первый въ Смоленскѣ, а второй во Псковѣ, однако въ Москвѣ оставались ихъ братья, съ Андреемъ Ивановичемъ во главѣ; они и „стали измѣну дѣлать—на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками“. Въ точности неизвѣстно, что такое они умышляли и какъ противились Борису; во всякомъ случаѣ глухая ссора и скрытая вражда тянулись долго, болѣе года и разразились открытымъ столкновеніемъ только въ 1587 году. Къ сожалѣнію, и объ этомъ столкновеніи мы знаемъ очень мало, и сколько бы мы ни повторяли извѣстнѣйшіе разказы о томъ, какъ мирился и снова ссорился съ Шуйскими Годуновъ, мы не уразумѣемъ совсѣмъ точно сути дѣла и не разяснимъ съ полною достовѣрностью смысла участія въ этомъ дѣлѣ „земскихъ посадскихъ людей“. Очень важно то обстоятельство, что на этотъ разъ, въ 1587 году, боярская ссора была вынесена изъ дворца. Московское правительство желало скрыть отъ постороннихъ людей, что во время этой ссоры „въ Кремль-городѣ въ осады сидѣли и стражу крѣпкую поставили“; но вѣдь и Грозный въ свое время желалъ скрыть свою опричнину. Это было простое запирательство, въ которомъ видѣли лучшей способъ прекращать неудобные разговоры. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ 1587 году въ Москвѣ произошло уличное движеніе, направленное противъ господства Годуновыхъ. Это движеніе не удалось и повлекло за собою большой розыскъ. Главными виновниками смуты были признаны Иванъ Петровичъ и Андрей Ивановичъ Шуйскіе. Какъ ихъ, такъ и братьевъ ихъ, разослали въ ссылку, а имущество конфисковали. Сообщниковъ ихъ, Колычовыхъ, Татевыхъ, Быкасовыхъ и другихъ, разослали по городамъ. Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ постригся въ монахи не безъ связи съ этимъ

¹⁾ Никон. Лѣт., VIII, стр. 7.—Кормовая книга Кир.-Бѣлозерск. монастыря въ *Запискахъ Русск. Отд. Русск. Археол. Общ.*, I, стр. 67.—Доп. А. И. I, стр. 195.—Др. Росс. Вивл. XX, стр. 56, 59, 61.—Флетчеръ и Горсей въ изданіи Bond'а, стр. 35, 218—219.—Др. Росс. Вивл. XIV, 447.—*Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. X, прим. 65, 66, 67.—Др. Росс. Вивл., XIV, 483, и Башмак. Разрядная, л. 677 об.—Др. Росс. Вивл., XX, 31.

же дѣломъ. Простыхъ „измѣнниковъ“, участвовавшихъ въ движеніи „мужиковъ-воровъ“, пытали и шесть или семь человекъ казнили на Красной площади. Наконецъ, московскій митрополитъ „премудрый грамматикъ“ Діонисій и архіепископъ Варлаамъ Крутицкій были сосланы въ Новгородскіе монастыри¹⁾. Это было очень крупное дѣло, захватившее всѣ слои московскаго населенія, отъ митрополита и знатнаго боярина до простыхъ служилыхъ людей, государевыхъ и боярскихъ и до торговаго посадскаго люда. Одинъ ранній и цѣнный хронографъ (не считая иностранныхъ или позднѣйшихъ извѣстій) сохранилъ намъ интересное указаніе на то, что именно могло соединить въ одномъ движеніи столь разнородные общественные слои. Хронографъ разказываетъ, что митрополитъ Діонисій, кн. Ив. П. Шуйскій и другіе вельможи „царевы полаты“ вмѣстѣ съ московскими гостями и купецкими людьми „учинили совѣтъ и укрѣпились „между собѣ рукописаніемъ бити челомъ государю“, иначе говоря, составили коллективное челобитье о томъ, „чтобы ему, государю, вся земля державы царскія своя пожаловати: пріяти бы ему второй бракъ, а царицу перваго брака Ирину Феодоровну пожаловати отпустить въ иноческій уинъ; и бракъ учинити ему царскаго ради чадородія“. Шуйскіе съ Діонисіемъ возбудили мірское челобитье о царскомъ чадородіи съ тонкимъ расчетомъ разорвать родственную связь Бориса съ царемъ и тѣмъ лишить Бориса его главной опоры. Забота о благополучіи династии должна была оправдывать ихъ обращеніе къ московскому населенію и придавать видъ благонамѣренности земскому челобитью. Однако они ошиблись. Если бы Ирина была дѣйствительно бесплодна, челобитье имѣло бы смыслъ; но царица нѣсколько разъ перенесла несчастные роды до тѣхъ поръ, пока не родилась у нея въ 1592 г. дочка Феодосія. Какъ разъ въ то время, когда зрѣло это земское челобитье, направленное на сохраненіе династии и на погибель Бориса, царская семья сама искала средствъ помочь своему несчастью не только дома, но даже и въ Англіи, откуда въ 1586 году послали царицѣ Иринѣ доктора и опытную акушерку (*obstetricem expertam et peritam, quae partus dolores scientia leniat*). Невозможно допустить, чтобы надежды царской четы имѣть потомство были утрачены уже въ 1587 году; по-

¹⁾ Башмаковск. Разрядная, лл. 697, 698, 710, 711 об.—*Соловьевъ*, Ист. Рос-сія, II, 543.—*Карамзинъ*, X, прим. 148.—Сборникъ Ист. Общ., т. 71, стр. 585, 665, 666.—О главной роли И. П. и А. И. Шуйскихъ въ движеніи 1587 г. срвн. *Соловьева* II, 542—543, Никон. Лѣт. XIII, стр. 8—9 и Русск. Ист. Библ. XIII, 716.—*А. П. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, II, стр. 8, 14—15, 21, 26.

спѣшное челобитье о разводѣ могло только оскорбить царя и непременно должно было показаться неумѣстнымъ по своей преждевременности. Составители челобитья и зачинщики движенія были отданы подъ слѣдствіе и обвинены въ „измѣнѣ“ — терминъ, которымъ московскіе люди означали всѣ степени непослушанія властямъ. Первобытныя формы тогдашняго розыска и суда охотно допускали доносы въ число судебныхъ доказательствъ, и потому отъ холопей Шуйскихъ принимали всякіе доводы на господь. Такъ создалось это дѣло объ „измѣнѣ“ князя Ив. П. Шуйскаго. Съ разныхъ сторонъ мы слышимъ разказы объ участіи въ этомъ дѣлѣ уличной толпы. Одни разказываютъ, что эта толпа хотѣла „безъ милости побити каменьемъ“ Бориса, когда узнала о его покушеніяхъ на Шуйскихъ; другіе говорятъ о народномъ сборищѣ около Грановитой палаты въ тѣ самыя часы, когда бояре перекорялись у патріарха, призвавшаго ихъ съ цѣлью примирить. Если эта толпа и не покушалась на открытое насиліе, если даже и не грозила имъ, то уже одно скопленіе народа на Кремлевской площади могло испугать московское правительство, всегда подозрительное и осторожное. Въ Кремль сѣли въ осаду, а когда убѣдились, что опасность прошла, то жестоко наказали коноводовъ толпы. За что московскій бояринъ раздѣлывался ссылкой, за то простые „мужики воры“ платились своими головами ¹⁾.

Къ лѣту 1587 года въ Москвѣ уже не было опасныхъ соперниковъ Бориса. Старшій Мстиславскій, старшіе Шуйскіе окончили свое земное поприще въ опалѣ и ссылкѣ; они недолго жили въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ бросилъ царскій гнѣвъ, и ихъ скорая кончина подала поводъ къ такой молвѣ, будто ихъ убили по наущенію Бориса. Младшіе же родичи сосланныхъ и умершихъ бояръ, Ѳ. И. Мстиславскій, В. И. Шуйскій съ братьями (скоро возвращенные въ Москву), наконецъ, молодые Никитичи не могли стать наравнѣ съ Борисомъ Годуновымъ, который былъ на дѣлѣ и титуловался на словахъ „начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества“. Не могли отнять у него первенства и тѣ, которыхъ возвышали взаменъ удаленныхъ. Не говоря о людяхъ второстепенной родовой и служилой чести, напримѣръ, о князьяхъ И. В. Сицкомъ, Б. П. Засѣкинѣ, Хво-

¹⁾ „Изборникъ“ *А. Н. Полова*, стр. 187.—*Гамель*, Англичане въ Россіи, стр. 114—115.—*Горсей* въ изд. Bond'a, стр. 215.—*Толстой*, Россія и Англія, № 59.—Сборн. Р. Ист. Общ. т. 38, стр. 175.—Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 4, и Никон. Лѣт. VIII, стр. 8; также *Соловьевъ*, Ист. Россія, II, 542—543 и *Карамзинъ*, X, прим. 148 (извлечено изъ „Дѣлъ Польскихъ“ № 18—іюнь 1587 года).

ростяниныхъ, о такихъ дѣльцахъ, какъ князя Ѳ. М. Троекуровъ и Ѳ. А. Писемскій,—даже любимый дядька царя Ѳедора Андрей Петровичъ Клешнинъ и знаменитые братья Щелкаловы, даже знатный родственникъ царскій князь Иванъ Мих. Глинскій уступали первое мѣсто Борису. Если „ближній“ думець Клешнинъ, быстро возвышенный до околичества, былъ слишкомъ незнатенъ по сравненію съ Борисомъ, и потому не могъ съ нимъ соперничать, какъ и „большіе ближніе дьяки“ Щелкаловы, то И. М. Глинскій безспорно превосходилъ отечествомъ Бориса. Но, будучи женатъ на сестрѣ Борисовой жены, онъ вполне подпалъ влиянію Бориса, какъ свидѣтельствуешь его духовная 1586 года. Современники говорили о Глинскомъ, что онъ былъ малоумень и простъ ¹⁾).

Однако начальный бояринъ и совѣтникъ не могъ чувствовать себя спокойно, пока его положеніе у власти не было оформлено и закрѣплено. Къ этому Борисъ шелъ осторожно, съ большою постепенностью, пока не добился гласнаго признанія за нимъ правъ и положенія правителя, регента. Случилось это такимъ образомъ.

Съ болѣзнью и смертью Н. Р. Юрьева, когда не стало никакого авторитета въ Москвѣ, предъ которымъ бы склонялся и стѣснялся Борисъ, онъ упорно стремится къ тому, чтобы занять при дворѣ исключительное положеніе царскаго родственника и помощника и чтобы править дѣлами, „имѣя,—по выраженію Карамзина,—совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей“. Очень рано черезъ различныхъ своихъ агентовъ сталъ онъ проводить именно такой взглядъ на себя. Извѣстный Горсей былъ однимъ изъ дѣятельныхъ распространителей этого взгляда. Въ 1586 году, когда еще не развязались у Бориса отношенія съ Шуйскими, Горсей уже доставилъ Борису отъ королевы англійской грамоту, въ которой Борисъ названъ былъ „кровнымъ пріятелемъ“ и „княземъ“. Говоря о Борисѣ въ своемъ „описаніи коронаціи“ 1584 года (напечатанномъ уже въ 1589 году), Горсей также называетъ его княземъ („the Prince“) и правителемъ государства („livetenant of the empire“). Англичане, черезъ Горсея узнававшіе о русскихъ дѣлахъ, въ томъ же 1586 году именовали

¹⁾ Памят. Дипл. Сношеній, I, 1169.—Др. Р. Вивл. XX, 61—63.—О Клешнинѣ *Карамзинъ*, т. X (по Указателю въ Ключѣ *Строева*) и Башмаковск. Разр., лл. 696, 696 об., 709 об.—О Щелкаловыхъ *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки“, глава II, и „Библиотека и архивъ Моск. государей“, стр. 110 и слѣд.; также *А. Э.* I, № 280, и *А. И.* I, № 180.—О Глинскомъ *Н. П. Лихачевъ* „Сборникъ актовъ“, стр. 63—67, и Флетчеръ, гл. IX.

Бориса лордомъ—протекторомъ Русскаго государства („Prince Boris Fed. Lord Protector of Russia“). Такъ проводилась въ англійскомъ обществѣ мысль о томъ, что Московскимъ государствомъ править не одинъ царь, но и родственникъ его „большой бояринъ“. И русскіе люди въ официальныхъ разговорахъ также рано, съ самаго начала 1585 года, стали усваивать Борису значеніе правящаго лица,— конечно, по инструкціямъ если не отъ самого Бориса, то отъ его „великихъ“ и „ближнихъ“ дьяковъ. Въ 1585 году московскій посланникъ Лукьянъ Новосильцевъ, на дорогѣ въ Вѣну, бесѣдовалъ со Станиславомъ Карниковскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, между прочимъ о Борисѣ Ѳеодоровичѣ. Архіепископъ, называя Бориса „правителемъ земли и милостивцемъ великимъ“, сравнивалъ его съ Алексѣемъ Адашевымъ. „Прежь сего, сказалъ онъ, былъ у прежняго государя Алексѣй Адашевъ, и онъ государство Московское таково жъ правилъ; а нынѣ на Москвѣ Богъ вамъ далъ такого жъ человѣка просужаго (то-есть, разумнаго, способнаго)“. На это Новосильцевъ возразилъ, что „Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста: то великой человѣкъ—бояринъ и конюшій, а се государю нашему шуриный, а государынь нашей братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ и о землѣ великій печальникъ“. Эти слова въ отчетѣ посланника должны были дойти до царя и въ думѣ были выслушаны боярами¹⁾. Пока такія рѣчи о „правительствѣ“ Бориса, какъ и его переписка съ владѣтельными особами, представлялись случайными успѣхами его личной притязательности, онѣ должны были возбуждать въ боярахъ неудовольствіе и раздражать ихъ. Въ такомъ чувствѣ раздраженія лежалъ, конечно, источникъ вражды къ Борису и противленія Шуйскихъ. Необходимо было утвердить и узаконить положеніе правителя, чтобы уничтожить всякаго противленія. Этому Борисъ достигалъ многими мѣрами. Во-первыхъ, онъ

¹⁾ Карамзинъ, X, стр. 14.—Сб. Ист. Общ., т. 38, стр. 173—174.—Горсей въ изд. Bond'a, стр. 274 и др. (С. М. Середонинъ, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 25).—Гамель, Англичане въ Россіи, стр. 123.—Наклуиъ's Collection, т. I, L, 1809, p. 573—574.—Карамзинъ, X, прим. 82 и 431.—Пам. Дилл. Снош. I, 934.—Н. И. Веселовскій, Памятники сношеній Моск. Руси съ Персіей (въ „Трудахъ Восточн. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. XX и слѣд.), I, стр. 245, 263.—Не останавливаемся на разказахъ, подобныхъ разказу Буссова и Петрея (Regum Rossicarum Scriptores Exteri, pp. 3, 149), о торжественномъ провозглашеніи Бориса правителемъ („Gubernator des Reussischen Monarchiae“): въ нихъ благодарно усумнился уже Карамзинъ (X, прим. 27).

постепенно усвоилъ себѣ „государевымъ словомъ“ исключительный титулъ. Бояринъ съ 1581 года, онъ съ 1584 года сталъ „конюшимъ и бояриномъ“, а затѣмъ мало по малу присоединилъ къ этому основному титулу званіе „слуги“, „двороваго воеводы“, „намѣстника Казанскаго и Астраханскаго“, наконецъ, „содержателя царствъ Казанскаго и Астраханскаго“ и „правителя“. Въ 1595 году этотъ титулъ устами Вас. Щелкалова былъ сказанъ, напримѣръ, въ такихъ словахъ: „великій государь нашъ царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи самодержецъ, Богъ его государя сотворилъ дородна и храбра, и счастлива, а по его государеву милосердію Богъ ему государю далъ такова жъ дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшаго боярина и двороваго воеводу и содержателя великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго, Бориса Ѳеодоровича“. Что этотъ титулъ не былъ простымъ наборомъ словъ, видно изъ того, какъ русскіе послы должны были о немъ говорить, напримѣръ, въ Персіи. Имъ предписывалось при разговорахъ о царскомъ титулѣ и о покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго объяснять между прочимъ, что „въ титлѣ описуется Борисъ Ѳеодоровичъ Казанскимъ и Астраханскимъ содержателемъ“ по той причинѣ, что „тѣ великія государства большіе орды, Астараханъ и царство Казанское, даны во обдержанье царского величества шюрину“. О самомъ же Борисѣ послы должны были говорить, какъ объ особѣ исключительнаго государственнаго положенія. Въ 1594 году посоль къ персидскому шаху князь А. Д. Звенигородскій обязанъ былъ объяснять при случаѣ, что государевъ шуринъ „Борисъ Ѳеодоровичъ не образецъ никому“; что „у великаго государя нашего... многіе цари и царевичи и королевичи и государьскіе дѣти служатъ, а у Бориса Ѳеодоровича всякой царь и царевичи и королевичи любви и печалованья къ государю просятъ; а Борисъ Ѳеодоровичъ всеми ими по нихъ челобитью у государя объ нихъ печалуетца и промышляетъ ими всеми, (потому) что онъ государю нашему... шуринъ, а великой государынѣ нашей... братъ родной и потому въ такой чести у государя живетъ“¹⁾.

Выражая титуломъ и словесными объясненіями мысль о томъ, что Борисъ стоитъ внѣ обычнаго порядка московскихъ служебныхъ отношеній и руководитъ имъ сверху, какъ правитель,—московское правительство, руководимое Борисомъ, позаботилось выразить ту же мысль

¹⁾ Карамзинъ, X, прим. 27.—Н. И. Веселовскій, Памятники, т. I, стр. 48, 63, 117, 159, 296; также 365; также 245 и 263.—Пам. Дипл. Снош., II, 614.

и дѣломъ. Съ 1586 года иностранныя правительства, бывшія въ сношеніяхъ съ Москвою, не разъ присылали Борису „любительныя“ грамоты, потому что знали—по сообщеніямъ изъ Москвы—о его силѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ. Получить случайно такую грамоту и съ царскаго позволенія на нее отвѣтить было, разумѣется, очень лестно и важно; но это еще не давало Борису постояннаго права участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами въ качествѣ высшаго правительственнаго лица. А между тѣмъ подобное право всего скорѣе возвысило бы его до значенія царскаго соправителя. И Борисъ съумѣлъ добиться этого права формальнымъ порядкомъ. Докладывая государю о томъ, что онъ получаетъ на свое имя грамоты отъ чужеземныхъ государей, и спрашивая, долженъ ли онъ на нихъ отвѣчать, Борисъ въ 1588—1589 гг. побудилъ царя постановить съ боярами рядъ приговоровъ, для него чрезвычайно важныхъ. Царь „приговорилъ съ бояры“, что Борису слѣдуетъ отвѣчать на грамоты владѣтельныхъ лицъ: „отъ конюшаго и боярина отъ Б. Ѳ. Годунова грамоты писати пригоже нынѣ и впередъ: то его царскому имени къ чести и къ прибавленью, что его государевъ конюшей и бояринъ ближій Б. Ѳ. Годуновъ ссылатись учнетъ съ великими государи“. Въ августѣ 1588 года такое постановленіе было сдѣлано по поводу сношеній съ крымскимъ ханомъ, въ маѣ 1589 года по поводу сношеній съ цезаремъ. И въ обоихъ этихъ случаяхъ постановленію приданъ общій характеръ: „да и къ инымъ ко всѣмъ государемъ, которые учнутъ къ Борису Ѳеодоровичю грамоты присылати... приговорилъ государь съ бояры противъ ихъ грамотъ отъ боярина и конюшаго отъ Бориса Ѳеодоровича писати грамоты въ Посольскомъ приказѣ, и въ книги то писати особно, и въ посольскихъ книгахъ подъ государевыми грамотами“. И дѣйствительно въ дѣлахъ Посольскаго приказа уцѣлѣли особыя „книги, а въ нихъ писаны ссылки царскаго величества шурина“ съ иностранными правительствами ¹⁾.

Право постояннаго личнаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ государства было для Бориса, послѣ выразительнаго титула, вторымъ и еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ укрѣпить высокое положеніе правителя. Третьимъ же къ тому средствомъ служилъ старательно обдуманнй этикетъ, тонкости котораго были направлены

¹⁾ Нам. Дипл. Снош. I, 1174—1175.—Дѣла Крымскія въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д., книга № 18, л. 18 об.—Книги сношеній Бориса тамъ же, напримѣръ, въ дѣлахъ Цесарскихъ № 7, въ дѣлахъ Польскихъ № 19.

къ тому, чтобы сообщить особѣ Бориса значеніе не простаго государева слуги, а соправителя. Во время посольскихъ приемовъ во дворцѣ Годуновъ стоялъ „выше рындѣ“ у государева трона, тогда какъ прочіе бояре сидѣли „въ лавкахъ“ поодаль. Въ послѣдніе годы Феодора онъ даже держалъ при этомъ „царскаго чину яблоко золотое“, что служило символомъ его „властодержавнаго правительства“. За его здоровье иногда „пили чашу слуги и конюшаго боярина Бориса Феодоровича“ вмѣстѣ съ государевою чашею и чашею цесаря. Послы, пріѣзжавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою торжественностью. Церемонія ихъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, представленія Борису, отпуска и посылки отъ Бориса „кормовъ“ посламъ была точною копіею царскихъ приемовъ. Борису „являли“ пословъ его люди: встрѣчалъ на лѣстницѣ „дворецкой“ Богданъ Ивановъ, въ комнату вводилъ „казначей“ Девятой Аванасевъ, въ комнатѣ сидѣли Борисовы дворяне „отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чѣпяхъ золотыхъ“; остальные же стояли „отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по сѣнѣмъ и въ передней избѣ“. Послы приносили Борису поминки и величали его „пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ“ и „пресвѣтлымъ величествомъ“. Самый способъ объясненія съ послами былъ таковъ, что не оставлялъ въ послахъ сомнѣній на счетъ силы и власти „царскаго шурина“. Такъ Борисъ говорилъ цесарскому послу о персидскомъ шахѣ, что „шахъ во всей государевѣ волѣ“: „не токмо государева повелѣнья не ослушается, и меня шахъ въ томъ не ослушается, для того что онъ ко мнѣ всегда съ послы своими любительно приказываетъ и просить того у меня, чтобъ я о всѣхъ дѣлѣхъ у царскаго величества печаловался“. Всѣ дѣла въ государствѣ, по словамъ Бориса, дѣлались „за его печалованіемъ“ и „его промысломъ“. Самое обращеніе пословъ къ Борису официально разсматривалось какъ челобитье „съ великимъ прошеніемъ“, чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, и дѣло это дѣлалось „по повелѣнью великаго государя, а по приказу царскаго величества шурина“. Словомъ, всѣмъ давалось понять, что Борисъ есть истинный носитель власти въ Москвѣ. Очень интересно одно позднѣйшее осложненіе этикета при „дворѣ“ царскаго шурина. Если не ошибаемся, не позднѣе 1595 года рядомъ съ именемъ Бориса начинается упоминаться имя его сына, и самъ Феодоръ Борисовичъ показывается, какъ дѣйствующее лицо въ церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарки шаху, Феодоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Феодоръ Борисовичъ встрѣчаетъ цесар-

скаго посла „среди сѣней“, даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ привлеченіи мальчика въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова и доказательство того, что всѣ мелочи его поступковъ и словъ, приведенныя выше, были обдуманы и соображены. Въ своемъ сынѣ онъ задолго до воцаренія уже намѣренъ былъ видѣть преемника своего положенія и власти ¹⁾.

Такъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ, взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ лѣтъ, совершенно ясно, что въ исторіи возвышенія Бориса очень малую роль играли Углицкія происшествія 1591 года. Смерть царевича Дмитрія не ведетъ Бориса къ какимъ либо замѣтнымъ мѣропріятіямъ, не мѣняетъ его позиціи. За то смерть царевны Феодосіи (въ самомъ началѣ 1594 года), отнявшая у царской четы послѣднюю надежду имѣть потомство, оказала замѣтное вліяніе на придворныя отношенія въ Москвѣ. Въ другое время мы надѣемся показать, что именно въ дни болѣзни и кончины царевны возникла въ Москвѣ идея противопоставить Борису, какъ возможному государю, эрцгерцога Максимилиана и что опала Андрея Щелкалова совпадающая по времени съ кончиною Феодосіи, можетъ быть поставлена въ связь съ возникновеніемъ разговоровъ о Максимилианѣ. Смерть царской дочери ставила уже прямо вопросъ о престолонаслѣдіи, и Борисъ слышалъ, какъ бы на смѣну покойной царевны, выдвинуть своего мальчика, намекая, что въ немъ можно видѣть продолжателя „царскаго корене“. Съ 1594 года, не ранѣе, предъ Борисомъ открылся путь къ престолу, и для него было вопросомъ лишь поведеніе его сестры царицы Ирины. Она могла послѣ мужа остаться на „государствахъ Россійскаго царствія“, но могла и отречься отъ власти. Въ 1598 году она выбрала послѣднее, открывъ брату ступени царскаго трона.

С. Платоновъ.

¹⁾ Пам. Дипл. Снош., т. I, 1266; также 1168 и слѣд.; т. II, 92, 486, 556; также 319, 336, 363; также 123 и слѣд., 510 и слѣд.; также 125, 126, 132.—Сборн. Ист. Общ., т. 38, стр. 184 (срвн. Пам. Дипл. Снош., II, 131, 383, 514).—*Н. Е. Веселовскій*, Памятники, I, 131—134, 183, 348—349 (срвн. Пам. Дипл. Снош. II, 510—511).—У Варкоча (*Sammlung Kleiner Schriften etc., von B. von Wichmann*, 1820, p. 189) упоминается дворецкій (Hofmaister) Бориса Michael Ково; но Михайло Ковоъ (а не „Козовъ“, какъ передано въ „Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др.“ 1874, IV, стр. 31) былъ простой „дворянинъ Бориса Федоровича“ (Пам. Дипл. Снош. II, 518, 621).

СНОШЕНИЯ ШВЕЦИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА (1648—1700) ¹⁾.

Въ іюнь (1663) московское великое посольство двинулось къ шведскимъ границамъ, не получивъ, однако, никакой опредѣленной инструкціи; услышавъ о „претензіяхъ“ и требованіяхъ шведовъ, они дали тотчасъ знать о нихъ царю. Одно было лишь предписано посламъ — настоять на возвращеніи тѣхъ плѣнныхъ, которые успѣли принять православіе и скрыться за шведскими границами ²⁾). Если съ шведской стороны укажутъ на разнаго рода торговыя стѣсненія, практикуемыя въ Россіи, послы могутъ отмѣтить подобное же въ Швеции, откуда запрещено вывозить мѣдь. Эберсъ изъ разныхъ источниковъ узналъ и о томъ, что русскіе не признаютъ болѣе нужнымъ особаго шведскаго комиссара въ Москвѣ и факторовъ въ Новгородѣ и Псковѣ; послѣдніе, говорили русскіе, занимаются лишь шпионствомъ, да развѣдываніемъ всякихъ государственныхъ тайнъ. Да къ тому же сами русскіе не имѣютъ въ Швеции ни тѣхъ, ни другихъ ³⁾).

Въ поведеніи русскихъ пословъ шведскій резидентъ отмѣтилъ еще одну черту—они старались какъ можно дольше протянуть время пе-

¹⁾ *Продолженіе*. См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

²⁾ *Sondern haben order dahin kommende erst von Schwedischer seiten die beschwehr zu vernehmen, was man vohr praetensiones werde machen vndt solches cito cito an den Zahren wissen lassen, jedoch auch Ihr beschwer vohrbringen, als dass sie hart darauff solten stehn, dass man Ihnen die umbgetauffte gefangenen, so sie an vns aussgeliefert wieder soll herraus vndt zurucke geben.*

³⁾ *Sollen auch order haben hart dâhrgegen zu stehen dass kein commissarius hier in Moscau, noch einige factors in Naugrodt vndt Pleakau solten gehalten werden, weilen sie meinen wier Ihr ganztes Reichszustandt dadurch erfahren.*

переговоръ со шведами, интересуясь гораздо больше польскими дѣлами; постоянно оглядываясь назадъ на ходъ мирныхъ переговоровъ съ Польшей, они съ послѣдними сообразовали и свою шведскую миссію.

Прошло 14 дней съ отъѣзда пословъ изъ Москвы, какъ изъ посольскаго приказа отправлена была имъ слѣдующая инструкція отъ царя: 1) настоять на выдачѣ перебѣжчиковъ или насильно уведенныхъ шведами во время войны русскихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ; 2) на всѣ жалобы шведовъ о торговлѣ отвѣтить, что какъ въ Швеции существуютъ регаліи, такъ онѣ существуютъ и въ Россіи, что часть товаровъ отнесены къ царской казнѣ, какъ желѣзо и мѣдъ въ Швецію; затѣмъ указать и на то, что многіе шведскіе товары сдѣлались жертвою пожара. Если бы шведы стали настаивать на возмѣщеніи всѣхъ торговыхъ убытковъ, послы должны испросить ихъ согласія снестись съ своимъ правительствомъ и добиться особаго по этому дѣлу полномочія. Третій пунктъ касался шведскихъ плѣнныхъ, принявшихъ православіе ¹⁾).

Съ этою инструкціей изъ приказа тайныхъ дѣлъ царя отправлена

¹⁾ I. Dass sie hart vmb die überleuffer oder die jenigen so sie im krieg von vns entfürdt oder von vns entlauffen vndt nun wieder nach der schwedischen seiten sich haben begeben, sollen anhalten, dass dieselbe mit allem was sie entfürdt, Ihnen wieder heraus gegeben werden; vndt da man würde von uuser seiten die jenigen so vom krieg her, bey Ihnen verblieben wehren, fordern, solten sie hart dargegen stehn, vohrwendent dasselbe überleuffer wehren, wesswegen sie auch starcke untersuchung auff der grentzen solten halten lassen.

II. Von wegen der Handlung von unser seiten würde beschwer gemacht werden, sollen sie antworten, dass einige güter verbrandt wehren, dass wehre durch Gottes verhengniss vndt zulass gescheen, dass auch Ihr Z. M. viel wahren in Ihren schatz genommen oder angehalten, dass hetten die Königen in Schweden auch oft getahn, dass sie kupfer vndt eisen gehemmet vndt nicht auss ihrem reich nach russlandt gelassen, die schiffe die wegen dess gutes abzuholen wehren gekommen, wehren derwegen woll nicht ledig, sondern voll beladen wieder zurücke gelauffen, vndt wie sie sie bestes könten sich hier von stehn zu excusiren, dafern aber die Königl. Schwedische gesandten harren würden auff wieder erlegung dess schadens stehn, vndt sich davon nicht wolten abbringen lassen, so solten die rusche gesandten unter zeit anhalten, dass sie dessfals erst an Ihr Z. M. wolten schreiben, weilen sie desswegen kein order oder vollenkommen macht hetten etwas zu tuhn.

III. Wegen der umbgetaufften gefangenen haben sie order eben als an Ihr K. M. von Ihr Z. M. ist geschrieben worden, vohrzubringen, vndt sollen sich beyderseits H. Gesandten bey Ihren gewissen desswegen vergleichen, jedoch sollen sie hart vohr die gefangenen stehn. Mehr haben sie nicht in dieser Ihrer ersten Instruktion die sie aus der posolschen pricas empfangen, wie ie von hier gereist damahls mit bekommen.

была и другая на имя Волынскаго; въ ней царь разрѣшалъ посламъ предложить шведамъ въ вознагражденіе за торговые убытки сначала 60.000 рублей, затѣмъ сто тысячъ, а если шведы и этимъ не удовлетворятся—написать царю и въ ожиданіи отвѣта затягивать переговоры¹⁾).

Эберсу стоило не мало труда ознакомиться съ обѣими инструкціями русскихъ пословъ. Пришлось обратиться даже къ подкупу; нашелся одинъ изъ близкихъ къ дѣлу людей—*gut schwedisch*, который за сто дукатовъ открылъ ему содержаніе инструкцій и въ будущемъ обѣщалъ обо всемъ доносить Эберсу. Послѣдній въ письмахъ къ своему правительству неоднократно просилъ присылать ему спеціальныя суммы для подкуповъ, подарковъ, пенсій и пр.

Подвигались русскіе послы къ шведскимъ границамъ очень медленно; то жаловались они на дурныя дороги, то на недостатокъ подводу. На самомъ же дѣлѣ замедленіе было чисто дипломатическое. Въ Польшѣ былъ Нащокинъ, ждали его возвращенія, желали сообразовать свои переговоры съ тѣмъ, что будетъ достигнуто въ Польшѣ. Нащокинъ возвратился въ Москву 9-го іюля, ничего не добившись отъ поляковъ: послѣдніе соглашались на миръ, если русскіе возвратятъ имъ всѣ завоеванныя земли.

Съ возвращеніемъ Нащокина Эберсъ старается ближе узнать его, внимательно всматривается во всѣ его распоряженія и дѣйствія, точно боится его, сознавая его крупныя дипломатическія дарованія; то онъ завскакиваетъ передъ нимъ, то въ донесеніяхъ о немъ разражается колкостями и нападками. *Dieser Naschokin ist gross bey dem Zaaren, wirt viehl betrawt vndt hatt sehr viehl zu sagen.*

1-го августа, читаемъ мы въ одномъ донесеніи Эберса, русскіе

¹⁾ Ein 14 tage nach der Gesandten abreise, haben Ihr Z. M. aus Ihrer geheimen pricas, da fast niemandt von seinen rähten von gewust, nachfolgende instruction nach gesandt vndt dass an den vohrnehmsten gesandten Wolinskoj allein dass von er würde sehn dass von vnser seiten wegen dess handels verhinderung vndt schaden hart würde gepraetendiret werden, soll er nebest seinen mit collegien macht haben, vohr den schaden an ihr K. M. grosse H. Gesandten abzutretten vndt zuzahlen 60.000 rubell silber geldt vndt da als dan die vnstrigen noch damit nicht zufrieden würden sein, solten sie noch 40.000 rubell darzu verbessern, dass es 100.000 rubell voll würde, vndt dafern man von schwedischer seiten damit auch noch nicht zu frieden wehre, solten die Gesandten desswegen cito an dem Zaaren schreiben, vnterdessen aber so lange mit villen vmbzeit zu gewinnen, biss man bescheidt vmb des geldes summe bekomt, hart vmb der vmb getauffene gefangenen vndt die im Krieg bey Ihnen geblieben dispotiren, vndt dorin nichts consentiren bis die Post zurucke komt.

послы получили новую инструкцію, въ которой имъ предписывалось спѣшить къ границамъ: опасались враждебныхъ дѣйствій со стороны шведовъ. „Изъ Гамбурга отъ купцовъ получены донесенія о сильныхъ вооруженіяхъ шведовъ и о „grosse Correspondentz“ ихъ съ поляками; изъ Помераніи и Бремена идутъ вооруженныя силы въ Ригу. Предостереженія такого рода приходятъ и изъ Англіи“. Новгородскій воевода разослалъ къ границамъ шпионовъ для рекогносцировки. Они одѣты, какъ купцы.

Опасенія шведско-польской коалиціи разсѣялись уже къ половинѣ августа. Нарочный царя вернулся 20-го августа изъ Стокгольма съ письмомъ короля, въ которомъ опровергались всѣ слухи о вооруженіяхъ шведовъ противъ русскихъ. Какъ скоро страхъ шведско-польской униіи разсѣялся, русскіе послы снова получаютъ предписаніе не спѣшить и въ переговорахъ съ шведами твердо стоять на всѣхъ своихъ требованіяхъ.

Въ Москву между тѣмъ приходили тревожные слухи о ходѣ польской войны; Эберсъ внимательно прислушивается къ нимъ, дѣлится ими съ шведскими комиссарами, ожидавшими русскихъ пословъ, убѣждаетъ ихъ ничего не уступать русскимъ; положеніе дѣлъ послѣднихъ отчаянное, все ихъ вниманіе сосредоточено на Польшѣ. Эберсъ прежде всего констатируетъ незавидное финансовое положеніе Россіи; для увеличенія доходовъ по всему государству открываются новые кабаки, серебряная утварь идетъ на чеканку монетъ ¹⁾. Не утѣшительны вѣсти и съ театра польской войны: шотландскій генерал-лейтенантъ Дришмутъ разбитъ поляками; послѣдніе въ Красномъ въ 8-ми миляхъ отъ Смоленска; часть польскаго войска идетъ къ Полоцку: *dass also alhier itzundt allgem in allen gassen ist.*—Стрѣльцы и иностранные вояки получили предписаніе идти къ Смоленску, Пскову и Великимъ Лукамъ. Шведамъ ли теперь бояться русскихъ; нѣтъ — комиссары короля должны забыть объ уступкахъ и твердо и стойко отстаивать интересы своего государя. *Wir erlangen alles, заключаетъ свое донесеніе Эберсъ, vndt werden (русскіе) noch woll Ewer K. M. zum Mediatorn ersuchen.*

Привезшій въ Москву королевскую грамоту, русскій гонецъ Iwan

¹⁾ Es sollen hier wieder jm gantzen lande vndt in allen statten viehl Krüge oder kabacken aufgesetzt werden, welches alles geschiet vmb dess Zaaren schatz zu vermehren, vndt geldt mitteln an die handt zu schaffen, all dass alte silber geschier was nuhr am hofe vndt im schatz gewesen hat man alles zu vermüntzen gegeben.

Ostafief сдѣлалъ интересное донесеніе о своемъ пребываніи въ Стокгольмѣ ¹⁾.

Совѣтники короля, характеризуя взаимныя отношенія Россіи къ Швеціи, отмѣтили слѣдующіе четыре пункта, по которымъ необходимо добиться соглашенія: о плѣнныхъ, о торговлѣ, о перебѣжчикахъ, о крѣпостяхъ и земляхъ, задерживаемыхъ русскими въ ихъ рукахъ вопреки договорамъ ²⁾.

Если царь уступить королю по всѣмъ этимъ пунктамъ, король охотно выдастъ ему всѣхъ плѣнниковъ, перешедшихъ въ православіе. Н. Вагнер, вернувшись изъ Москвы въ Стокгольмъ, увѣрялъ короля, что царь обѣщаль дать ему полное удовлетвореніе по вопросамъ о торговлѣ и плѣнныхъ, во-первыхъ, въ виду того, что у нихъ одинъ общій врагъ—Польша, а затѣмъ и въ виду сильныхъ движеній, начавшихся противъ Москвы въ Казани и Астрахани. Такому заявленію Барнера король, однако, вѣры не придавалъ. Недоволенъ король и Бенгтъ Горномъ за его переговоры въ Москвѣ о военноплѣнныхъ и за поддѣлку королевской грамоты. Барнеръ много распространялся въ Стокгольмѣ о томъ, какъ въ Москвѣ желали склонить его къ подкупу, но онъ отвергъ предложенные ему 2.000 дукатовъ.

Затѣмъ въ донесеніи русскаго гонца говорится объ интригахъ въ Швеціи польскаго шпіона, склонившаго шведское правительство дѣйствовать съ Польшей заодно противъ Москвы, о недовѣрїи правительства къ Данїи, о миролюбивыхъ намѣреніяхъ короля, совершенно не помышляющаго о войнѣ съ Россїей. Эберсъ успѣшилъ поддѣлиться съ шведскими комиссарами и этою политическою новостью. Проходитъ нѣсколько дней — и энергичный агентъ шведскаго короля узнаетъ о новыхъ подробностяхъ миролюбиваго настроенія своего короля: послѣдній будто бы предложилъ царю свое посредничество для примиренія съ Польшей, обѣщаль даже вступить съ нимъ въ союзъ противъ послѣдней; все это произвело на царя самое прїятное впечатлѣніе ³⁾.

¹⁾ Des ruschen Postes Iwan Ostafief in der hiesigen Cantzeley eingegebene schriftliche zeitung so er durch Spendation im hinreisen nach Schweden vndt wieder zurück erfahren vndt auss geforschet lautet wie folget.

²⁾ Zum ersten wehre ihm berichtet wegen der gefangenen, dass solches ein schwerer punct wehre. 2. Wegen dess handels verhinderung vndt schaden. 3. Wegen der jm krieg verwichenen vnterthanen vndt bauren welche die Russen vohr über laufer nennen. 4. Dass sie die vestungen vndt lender so lange eingehabt vndt nicht zu rechter zeit abgetreten.

³⁾ Also wehre Ihm berichtet wen I. Z. M. einen freyen handel zu lassen vndt den Schaden so wohl wegen der handelung als wegen vohrenthaltung der lender

Въ Москвѣ начались усиленные приготовления къ войнѣ съ Польшей; къ сожалѣнію царь находилъ мало поддержки и готовности въ дворянствѣ и духовенствѣ. Общіе интересы государства мало кого вдохновляютъ, и царь остается одинокимъ: es geht bei ihnen hier langsam zu vndt ist niemandt der sich hier wechst dem Zaren dass reich recht annimt.

bezahlen, vndt die von Ihr K. M. gewichenen vnterthanen vndt bauren im Kriege übergangen, wieder geben, so würden Ihr K. M. auch woll die vmbgetaufte gefangene so gutwillich bleiben wolten, auch dargegen abtreten,—wehre ihm noch weiter berichtet wie H. Barner in Stockholm aus Moscou wieder zuruck wehre gekommen, hette er Ihr K. M. versichert dass Ihr Z. M. würden Ihr K. M. allen Schaden des handels guttuhn, vndt die gefangene ansgeben, weilen sie viel feinde hetten, vndt dass Astrakan vndt Kasan von Ihnen abgefallen vndt die basskircken gegen Ihnen auff wehren, Ihr K. M. hetten Ihm aber keinen glauben zu gestettet, er hette auch vernommen, dass gedachter Barner mit bey der Commission würde sein, H. Bengt Horn würde auff die Commission nicht kommen, vrsachen, weilen sie dass nicht gehalten wass in Moscou wegen des gefangenen geschlossen worden, sondern man hernacher nicht rechtmessig ein schreiben von Ihr K. M. desswegen aussgewürcket hette, welches Ihnen schwer zu verantworten stünde, vndt Ihnen solches wieder zu hause solte gebracht werden. Auch ihm berichtet, als wen H. Barner sich in Schweden berühmet dass Ihm in Moscou 2.000 Ducaten wehren geboten, dass er alles solte helfen befodern vndt keine verhinderung mache, welches gelt er aber nicht hette nehmen wollen, sondern das gelt von sich geworffen.

Ist ihm auch berichtet dass ein polnischer Abgesandter jedoch unvermerckt als wan er ein Kaufman wehre, in Schweden wehre gewesen, mit welchen Ihr K. M. hingeschrieben, dass der König in Pohlen mit Moscou keinen frieden solte schliessen, Ihr K. M. zu Schweden wolte sich auch nicht mit Moscou vertragen, ehe vndt bevohr Ihnen beiderseits satisfaction geschee.

Wegen der Stücken wehre ihm gesagt, so länge von Zarischer seiten Ihr K. M. nicht vergnügt würden, würden sie auch die Stücken nicht bekommen, auch wehre ihm berichtet, dass Ihr K. M. dem Könige in Dennemarcken nicht trawete, weilen man so viel von Ihm letzte Krieg erobert.—Noch hette er erfahret, dass keine zurüstung in Schweden wehre, sondern man nicht mehr Kriegsvolck auff die Beine hette, als man ordinarj bei friedens zeiten pflegte zu haben. In Finlandt solte auch nicht über 6.000 man sein. Dieses alles ist mir gahr in geheime vertrachtet worden, vnd habe es von gewisser handt, hierauff wirt cito ein Post an die Gesandten abgefertiget. — Noch wehre ihm vohr gewiss berichtet, wen die commissarien wohllobliche vndt Ihr K. M. mit Ihr Z. M. gantz vereinigt wehren, wolten Ihr K. M. Mediator zwischen Moscou vndt Polen sein, vnd wann der K. in Pohlen solches auch zulassen würde, wolten Ihr K. M. mit Ihr Z. M. ein Alliance schliessen vnd zugleich mit dem Zaren auf die Polen helfen loss schlagen. Dieses soll dem Zaren zu hören sehr angenehm sein gewesen, vnd deswegen sich wieder bedacht den Post an die Gesanten auch fortzusenden, sondern will erst erwarten wass die Gesanten von dar schreiben werden, dieses ist mir ein tag 3 nach dehm vorigen berichtet worden.

Первый пограничный съѣздъ русскихъ и шведскихъ пословъ состоялся 7-го октября; первый и второй день съѣзда прошелъ, по обычаю, въ спорахъ изъ-за титуловъ и разнаго рода формальностей. 15-го октября шведы передали русскимъ перечень жалобъ, за удовлетвореніемъ которыхъ они и явились на съѣздъ; они держали себя очень стойко и настаивали на скорѣйшей резолюціи ¹⁾.

Эберсъ съ своей стороны старался поддержать въ шведскихъ послахъ такое настроеніе, сообщая имъ рядъ подробностей о неудачахъ русскихъ въ войнѣ съ поляками, о разнаго рода внутреннихъ смутахъ и беспорядкахъ, о финансовыхъ затрудненіяхъ и т. д. Въ октябрѣ шведскіе послы узнали отъ Эберса объ осадѣ поляками Дорогобужа, о соженіи ими всѣхъ предмѣстій (*die Vorstätte ausgehauen*), о занятіи ими путей между Смоленскомъ и Москвою и, наконецъ, о появленіи ихъ подъ Вязьмой. Въ Москвѣ общественное настроеніе дурное (*malcontent*), тамъ недовольны новыми налогами, въ казнѣ денегъ мало, слышится повсемѣстно ропотъ; одинъ царь проявляетъ дѣятельность, но его военныхъ силъ недостаточно для прикрытія обширныхъ границъ его царства. Въ виду такого настроенія въ Москвѣ и критическаго оборота, принятаго войною, Эберсъ склоняетъ шведовъ не дѣлать никакихъ уступокъ, ручается, что они всего добьются.

Шведскіе послы благодарили Эберса за доставляемые свѣдѣнія, съ своей стороны указывали на медленный ходъ переговоровъ и выставляли Прончичева главнымъ виновникомъ всѣхъ неудачъ. Король, прослышавъ о послѣднемъ, рѣшительно не желалъ, чтобы онъ участвовалъ въ составленіи окончательнаго трактата ²⁾. Эберсъ хлопоталъ въ Москвѣ объ отзывѣ Прончичева, но безуспѣшно.

11-го ноября въ Москвѣ получили перечень жалобъ, представленныхъ шведскими послами на съѣздъ, и очень изумились, когда узнали, что шведы требуютъ себѣ денежнаго удовлетворенія въ размѣрѣ 2.500.000 риксдалеровъ. Царь велѣлъ написать своимъ посламъ, чтобы они ждали новыхъ полномочій, а самъ съ своими совѣтниками рѣшилъ предоставить шведамъ всѣ прежнія торговыя привилегіи, т. е. исполнѣ безпрепятственную свободную торговлю по всему госу-

¹⁾ Welche Punkten sie auch anhero gesandt... Schreiben auch, dass die K. Gesandten Sich hielten vndt wollten kurtze resolution haben.

²⁾ Dass von jhm (Prontziosof alle missverstandt herkehme, vndt dass E. K. M. nicht zu lassen würden, das er bey den tractaten verbleiben solte, den es würde keine freundschaft so lange er darbey wehre, können gestiftet werden.

дарству, по старинѣ. Послы должны были съ своей стороны твердо стоять на требованіи выдачи плѣнныхъ. О денежной сатисфакціи посламъ предписано было отказать въ удовлетвореніи убытковъ, понесенныхъ шведами во время войны и перемирія; съ заключеніемъ вѣчнаго мира всѣ такія притязанія сами собою уже уничтожены ¹⁾).

Съѣздъ шведскихъ и русскихъ пословъ принималъ, между тѣмъ, все болѣе и болѣе страстный характеръ. Въ началѣ 1664 года къ царю прибылъ нарочный отъ пословъ, съ жалобой на упорство шведовъ—*dass die K. Schwedische Gesandten hart auff Ihre Pretension stunden*. Онъ просилъ у царя указаній, какъ дальше дѣйствовать. Царь отвѣчалъ, что послы должны держаться полученныхъ инструкцій и отъ нихъ не отступать; если же шведы стануть слишкомъ упорствовать, посламъ всего лучше вернуться въ Москву: неудача съѣзда падеть на шведовъ. Останется тогда отправить въ Швецію великое посольство и такое же потребовать въ Москву. Пусть послы наблюдаютъ большую осторожность, чтобы не попасться въ руки шведовъ ²⁾).

Эберсъ прибавляетъ къ этому, что какъ скоро послы вернутся въ Москву, въ виду имѣется отправить нарочнаго къ королю—въ маѣ или іюнѣ—и снова просить его согласія на пограничный съѣздъ, и такимъ путемъ предупредить всякія враждебныя дѣйствія со стороны шведовъ.

17-го января русскіе послы вернулись въ Москву. Пограничный съѣздъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ.

¹⁾ Письмо Эберса отъ 12-го декабря: *Der Zaar hat unterschiedliche tagen nacheinander mit seinen Râthen Rath gehalten wohrinn beschlossen worden. dass kauffhandel nach dehm vohrigen solte frey sein und das die Gefangenen solten loos gelassen werden, jedoch mit dehm bedingung, dass die da bleiben wolten sie solten bleiben... dass ein vollkommener unverhinderte freye kaufhandel soll zu gelassen werden, wie es von alters allezeit gewesen, im gantzen Reich solte gute Order gestellt werden. Wegen Ausslieferung der gefangenen solten sie hart stehn. Aber wen die Schwedischen gesandten sich dar gantz nicht von wolten abbringen lassen, so solte man ihnen die gefangenen auch zusagen, jedoch dass die jenigen, so in Krieg vohr Ihre Waffen nach russcher seiten verwichen oder durch krieg an zareschen seiten verblieben, vndt geschworen, dass die darunter nicht mit solten gerechnet werden, sondern die selbe sehr (?) zu behalten. O вознагражденіи: dass alles mit dem ewigen frieden vndt mid den darüber geleisteten eide alles aufgehoben wehre.*

²⁾ *Dass die Gesandten sich aufs höchste solten vohrsehen, damit sie nicht in der Schweden händen gieten, sonst ist das des Zaaren letzte order gewesen.*

Неудачу пограничнаго сѣзда шведскіе и русскіе послы сваливали другъ на друга.

Эберсъ въ новомъ письмѣ къ шведскимъ посламъ подтверждаетъ извѣстіе, что русскіе послы, тотчасъ же по своемъ возвращеніи въ Москву, будутъ писать королю и просить новаго сѣзда; имъ важно сохранить дружескія отношенія въ виду войны съ Польшей. Русскіе надѣются еще и на содѣйствіе англійскаго посла, который къ 20-му января ожидается въ Москву и вернется домой чрезъ Стокгольмъ: онъ навѣрно уладитъ всякія могущія возникнуть недоразумѣнія ¹⁾).

17-го января въ Москву вернулись послы, ведшіе переговоры со шведами на границѣ, около Плюсы. Эберсъ не могъ всего узнать о ихъ миссіи, о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и пр., такъ какъ его довѣренный корреспондентъ — *id est spion*, сообщавшій ему о всѣхъ дѣлахъ, ухкалъ. Тѣмъ не менѣе онъ отправился въ посольскій приказъ, гдѣ засталъ Алмаза Ивановича. Когда всѣ вышли изъ приказа, и Эберсъ остался вдвоемъ съ Алмазовымъ, онъ началъ съ нимъ разговоръ о возвращеніи пословъ и о бесплодности послѣдняго пограничнаго сѣзда. Алмазь утверждалъ, что вся вина неудачи переговоровъ въ шведскихъ комиссарахъ, предъявившихъ рѣшительно невыполнимыя требованія и не желавшихъ ими поступиться. Замѣтивъ такое упорство шведовъ, и русскіе рѣшились ничего имъ не уступать. Впрочемъ они разѣхались въ полной дружбѣ. Русскіе просили даже о новомъ сѣздѣ, на что шведы не могли согласиться.

Эберсъ отвѣтилъ Алмазову, что изъ письма Спарре, одного изъ шведскихъ комиссаровъ, имѣеть совершенно другія свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ и о причинахъ ихъ неудачи. Русскіе, писалъ Спарре, сразу же отвергли всѣ предложенія шведовъ, ссылаясь на инструкцію царя, вслѣдствіе чего мудрено было прійти къ какому-нибудь соглашенію. Алмазь значенія этому заявленію не придалъ, онъ вѣрилъ

¹⁾ Ebers 8 января 1664: *Wie ich in meinen vohrigen den 12 dec. unterthänigst kundt gemacht, wie ich vernehme so baldt Ihre gesandten hier ankommen, so wollen sie cito einen post an Euer K. M. ablassen umb zeit bis maij oder Junj zuerhalten, dass sie als dan beyderseiten wieder könten zusahmen kommen, auch bey Euer K. M. vohrbawen dass der uhrsachen halben kein krieg angefangen würde, welches Ihnen nicht woll zu pass würde sein, weilen sie mit den Pohlen genug zu thun werden haben; sie verlassen sich auch viehl auf den Engl. Gesandten, welcher den 20 dieses wirt hier sein, dass durch ihn, wern mach schweden eht, alles könne beygelegen werden.*

больше показаніямъ русскихъ пословъ. Его въ особенности удивило, даже возмутило требованіе шведовъ о контрибуціи въ размѣрѣ 2.500.000 риксдалеровъ.

Эберсъ просилъ Алмаза передать царю содержаніе письма Спарре, Алмазь обѣщалъ.

Въ концѣ разговора Алмазь предложилъ Эберсу лично съѣздить въ Стокгольмъ и тамъ уладить дѣло; онъ могъ бы передать королю и письмо отъ царя. Не имѣя разрѣшенія короля на это, Эберсъ долженъ былъ отказаться отъ проекта Алмаза. Послѣдній, однако, нашелъ, что Эберсу и въ Москвѣ больше нечего оставаться: его миссія касалась плѣнныхъ, разъ она выполнена—онъ можетъ спокойно уѣхать, постоянного комиссара шведскаго короля въ Москвѣ по договору и не полагалось. Эберсъ отстаивалъ законность своихъ функций какъ представителя шведскаго правительства, но соглашался съ необходимостью тотчасъ же послать въ Стокгольмъ надежнаго человѣка, *der es ehrlich undt treu zwischen beyden potentaten meine*, русскаго или нѣмца—безразлично. *Eu, wass geussen*, отвѣтилъ Алмазь, *ess muss den ein teutscher sein, wen es gescheen solte, damit er die sprache kan*.

Довося объ этомъ разговорѣ въ Стокгольмѣ¹⁾, Эберсъ высказывалъ отъ себя увѣренность въ томъ, что русскіе тѣмъ или другимъ путемъ непремѣнно постараются уладить свои отношенія съ Швеціей въ виду Польши.

¹⁾ Ebers 26-go января 1664: wir grüßten einen den andern, fragte (Алмазь mir was sagstu gutes, ich discorirte mit ihm, erliess all dass volck ausgehn, vndt sagte ihm, ich höre dass Euer gesanten von der Schwedischen grentzen zurück gekommen, ja sagte er, ich vermeine so, wie ich höre so haben sie nicht viehl ausgerichtet, ja sagte er, dar seint Euers Königs Gesandten schuldig an, den wie der termin von den 4 wochen verflossen waren, kahmen die gesanten zusahmen, vndt fragten die rusche gesandten den Schwedischen Gesandten, ob sie von Ihrer forderung vndt pretension nicht wolten abstehn, darauff hetten die Schwedische gesandten geantwortet, Nein sie könnten von keinen punct weichen noch abgeben, also hetten die Zaarische gesandten auch geantwortet, weilen die Königl. gesandten so hart auf alle Ihre übergebene puncten gestanden vndt nicht davon abgehen wollen, dass sie kein order hetten auff übergebene schwedische puncten etwas zu resolviren, oder einzuwilligen, wohrauff die Schwedischen Gesandten von Ihnen Ihren abscheidt in freundschaft genommen, sagende weilen diese grosse Sachen jtz nicht hetten können beygelegt werden, so müsse es einer ander glücklicher Zeit hingestellt werden, vndt wehren also freundlich von einander geschieden. Jedoch ehe sie schieden, hetten die rusche gesandten von den schwedischen ge-

Послѣ того, какъ Кардискій мирный договоръ былъ торжественно подтвержденъ крестнымъ цѣлованіемъ въ Москвѣ и Стокгольмѣ, отношенія между обоими государствами должны были стать вполне дружественными. На дѣлѣ же множество мелкихъ недоразумѣній продолжали существовать и вызывали необходимость новыхъ дипломатическихъ сношеній.

Въ 1665 году въ Москву отправленъ былъ президентъ Іоаннъ фонъ-Дилленталь, оставшійся тамъ цѣлыхъ два года; ему поручено

sandten begehrt, dass zwischen Ihnen etwa ein versicherungsschrift wegen der künftigen wiederzusahmenkunft möchte auffgerichtet werden, welches die schwedischen gesandten nicht haben eingeben wollen, sondern haben von einander freundlich abscheidt genommen vndt davon gereist. Hierauff antwortete ich, dass ich schreiben von den Königl. gesandten herrn Sparren hete, wohrin er schriebe dass in der letzten Conferentz die Zaarische gesandten laut des Zaaren order, wie sie vohrgaben den Kön. Schw. Gesandten auf keine von Ihnen eingegebene puncten etwas haben resoluiren oder einwilligen wollen, sondern sich hart wieder alle puncten gesetzt, dass also durch ihre proceduren vndt halstarigkeit die tractaten gantz zerachlagen vndt zu nichte gegangen vndt wehren also in freundschaft von einander geschieden vndt solches Ihr K. M. nuhn auffnehmen werden vndt was Ihr K. M. hierauff weiter resolviren, wirt die Zeit eröffnen, Ja sagte Almas die Schwedischen Gesandten hetten so hart auff alle Ihre puncten gestanden, vndt von dehnen selbigen nicht einen eintzigen abstehn wollen, jn sonderheit den punct von 2500 m. Reichstahl welches eine wunderliche pretension wehre, dass man dass jehnige pretendiret, wass bey angehenden Kriege gescheen oder wass vohr einkomsten Ihr K. M. jährlich in wehrenden Stillstandt hetten von den lendern haben können, dass man solches zahlen solte, welche doch alle mit den Ewiegen frieden wehren geloben worden; Ja, antwortete ich, es wehre billich, dass solches Ihr K. M. von Zaarischen seiten solte gut getahn werden, weilen der frieden von Euer seiten nicht gehalten, sondern gebrochen worden... Ob nun ewer gesandten solch order vor Ihr Z. M. gehabt, dass sie so unverrichter sachen die Kön. Schwedischen Gesandten von sich gelassen, werdet Ihr best wissen. Almas: wen du die reise auff dich nimmest, vndt mit einen Zaarischen schreiben an Ihr K. M. abgingest, so würde von allem mit dier als mit des Kön. Commissarij können aussführlichen geschrieben, vndt Ihr Z. M. resolution vndt rechte meinung zu erkennen gegeben werden. Wohrumb, sagte er, du bist hier als ein commissarius vmb die gefangenen entgegen zu nehmen gelassen, vndt nicht dass du oder ein ander Commissarius hier continuirlich sein solte, den solches werk zwischen beyden reichen jn der Moscouischen Conferentz nicht anders beschlossen, als dass du als commissarius wegen entgegennehmung der gefangene verbleiben soltest. Ich antwortete nicht allein wegen der gefangenen entgegen zu nehmen, sondern alle andere Reichsachen wehren mier Ihr K. M. laut Ihr K. M. allergnädigste order wie auch von derer letzmähligen hier gewesenenen grossen H. gesandten hinterlassenen Memoriall anbefohlen, beym Zaarischen Hoff anzubringen vndt zu verrichten.

было съ одной стороны хлопотать объ освобожденіи послѣднихъ шведскихъ плѣнныхъ, а затѣмъ быть представителемъ шведскаго двора, резидентомъ Швеціи по торговымъ дѣламъ съ Москвою¹⁾.

Въ маѣ Лиліенталь прибылъ въ Новгородъ и отсюда отправилъ первое донесеніе своему правительству. Кромѣ любопытныхъ путешествій замѣтокъ, оно содержитъ въ себѣ и нѣкоторыя указанія на положеніе шведскихъ плѣнныхъ. Лиліенталь видѣлъ многихъ шведскихъ плѣнниковъ между Нарвою и Новгородомъ вдоль рѣки Луга; всѣ они выражали желаніе вернуться къ себѣ домой въ Ливонію и Ингерманландію²⁾.

Въ Москвѣ Лиліенталь узналъ о смерти Польской королевы. Этотъ фактъ имѣлъ огромное политическое значеніе, такъ какъ съ ея смертью французская партія теряла всякія надежды на избраніе своего кандидата—герцога Энгіенскаго—въ наслѣдники Іоанну Казимиру. Передавая въ письмѣ отъ 21-го іюня это извѣстіе своему правительству, Лиліенталь говоритъ: *hoc sane Gallis ingratum esset gallicinium*. Въ связи съ этою новостью стоитъ и рядъ замѣчаній о польско-русскихъ отношеніяхъ. Къ Швеціи у русскихъ нѣтъ искренняго довѣрія³⁾.

Лиліенталь былъ прекрасно принятъ въ Москвѣ; онъ самъ хвалилъ и приемъ и содержаніе, какое ему даютъ. Его переводчикъ—Роберти былъ даже удивленъ предупредительностью приставовъ.

13-го іюня Лиліенталь былъ удостоенъ торжественной аудіенціи у царя. Онъ оставилъ подробное описаніе этой аудіенціи и всей обстановки, среди которой она происходила. Царь имѣлъ особенно величественный видъ,

На слѣдующій день Лиліенталь былъ принятъ въ посольскомъ приказѣ Проничевымъ, Алмазовымъ и Ефимомъ Юрьевымъ. Онъ началъ свою рѣчь къ нимъ съ заявленія, что государь его желаетъ

¹⁾ *Muscovitica*. Presidenten Johan von Lilienthals bref till Kongl. Majt. 1665—1667.

²⁾ Derer zwischen Narva und Nowogorod lengst dem flus Luga gar viele wohnen vnd gerne wieder in lieff und Ingermanland sein wolten.

³⁾ Man hatts dem Pöbell gantzlich eingebildet, dass Ihr K. M. wieder Russland schon etliche Regimente zu felde hetten. Ihre Legaten aber halten sie keiner ursachen halber anders auff, als wegen des diaken, welchen sie naher Pohlen abgeschicket haben, Ihnen nun mehr aber stundtlich erwahrten, wass er ihnen guttes mitbringen werde. Ich erachte demnach dass der russen zustand bey gegenwertiger zeit zimlich schlecht sein muss; alldieweill sie vor E. K. M. waffen sehr bange sein vnd dennoch sich dabey kecher anstellen als ihnen vmb hertz ist.

какъ можно скорѣе уладить всѣ существующія между шведами и русскими недоразумѣнія и назначилъ ему остаться въ Москвѣ въ качествѣ „envoyé ordinarî“ до новаго его королевскаго величества приказанія ¹⁾).

Вторая аудіенція Лиліенталя у царя происходила 28-го іюня. Лиліенталь оставилъ восторженное описаніе ея. Царь передалъ ему письмо къ королю „in gothen taft“ и спросилъ Лиліенталя, чрезъ кого онъ перешлетъ его Карлу. „Чрезъ Эберса“. — „Добро“ — отвѣчалъ царь.

Алексѣй Михайловичъ, какъ и Карлъ XI, искренно желалъ упрочить свои отношенія съ сосѣдней державой въ виду войны съ Польшей и съ этою цѣлью рѣшилъ снарядить въ Стокгольмъ посольство. Отъѣздъ пословъ долженъ былъ состояться 20-го іюля. Лиліенталь 26-го іюня пишетъ королю, что вопросъ о посольствѣ въ Швецію рѣшенъ ²⁾; съ послами ѣдутъ четыре переводчика—Лазарь Цицмерманъ, Іоachimъ Мейснеръ, Филать и еврей „Gerge“. Послѣдній добрый малый, къ которому можно имѣть полное довѣріе, чего нельзя сказать о другихъ трехъ ³⁾. Особенно слѣдуетъ соблюдать осторожность съ Филатомъ. Послы—изъ партіи Нащокина и, слѣдовательно, расположенія къ шведамъ не имѣютъ ⁴⁾. Въ заключеніи Лиліенталь совѣтуетъ королю „ein solches temperamentum sonderlich in puncto satisfactionis fassen, damit hoc illorum statu der bogen nicht zu hoch gespannt werden möchte“.

Положеніе Россіи Лиліенталь находилъ очень ненадежнымъ: война съ Польшей идетъ очень неудачно, пограничныя области подвергаются нападѣніямъ татаръ; внутреннее состояніе не лучше: всѣ утомлены отъ продолжительной войны, царю негдѣ вербовать новыхъ вои-

¹⁾ Dass ich immittelst allhie bey dem schwedischen handels hause biss zu Ihr K. M. weiterer order verbleiben und das, wass etwa vorkommen und I. K. M. mir gnädigst committiren möchten, bei Ihr Z. M. verrichten mochte.

²⁾ 21-го іюня Л. писалъ королю, что думаетъ: ob sie (русские) mit Pohlen zum tractaten kommen konten—so werden sie ihre Legaten schwerlich nach schweden gehen lassen, geschichts aber nicht, so werden sie woll bald fortgehen.

³⁾ 1) Lasar Zimmerman, 2) Iochim Meisner translatores, so auch, 3) Philat, 4) Gerge ein Jude, dieser letzte ist ein gutter ehrlicher Kerll, welchem woll zutrawen; aber der penultimus foenum in cornu gerit, mit den andern ist woll zutradeln, doch auch rufae barbae Zimmerman nicht viell zutrawen.

⁴⁾ Proncissow ist ein hochhertziger, der Rodiwanowitz (Помодановичъ) ein inlistiger verborgener Kerll und gar nicht gutt schwedisch, ist eine creatur von Nassokin.

новъ, положиться онъ можетъ лишь на своихъ стрѣльцовъ; иностран-ные офицеры, раньше съ честью служившіе Россіи противъ шведовъ и другихъ враговъ, теперь такъ недовольны, что только выжидаютъ случая покинуть службу и уѣхать. Къ Швеции не питаютъ никакого довѣрія. Боятся, что война съ ней возобновится, что король вмѣшается въ польско-русскую войну, что войска его уже собираются у Пскова. Лилянталю стоило большихъ трудовъ разубѣдить русскихъ и доказать имъ противное, то-есть, искреннее миролюбіе своего правительства. Московскіе послы, отправившіеся въ Швецію, выражали опасеніе, какъ бы ихъ не подвергли такимъ же стѣсненіямъ, какія пришлось испытать шведскимъ посламъ въ 1655—1658 годахъ. Къ Лилянталю то и дѣло приходятъ пристава и бояре съ разспросами ¹⁾).

Всего болѣе въ милости въ настоящее время англичане. Все, что приходитъ изъ Англии, какъ бы оно дурно ни было, вызываетъ здѣсь восторги и удовольствія. Русскій енвоуэ былъ прекрасно принятъ въ Лондонѣ; правительство поручило ему привезти съ собою медика, такъ какъ служившій здѣсь въ продолженіе десяти лѣтъ докторъ Энгельгартъ получилъ отставку ²⁾).

Въ Архангельской торговлѣ произошли значительныя перемѣны. Всѣ иностранцы, которые не имѣютъ при себѣ царской привилегіи съ большою красною печатью, подвергаются новымъ поборамъ въ ко-

¹⁾ ... Wegen der Russen zustande, so woll ausser als inner Landes dass selbiger sehr schlecht ist... Inner landes ist es auch schlecht gnug; die leuthe sind mehrentheils des Krieges müde und satt und an denen orten, wor der Czar seine beste kriegsleuthe vor diesem heraus genohmen hatt, ist nichts mehr zum kriege dichtig übrig, ohne allein seine streltzen, so er zu seiner guardie helt: selbe werden tag teglich gedrillet. Die teutschen officire als welche gutte alte soldaten und ehrliche Cavellieur sein, so vor diesem der Cronne Schweden und andern Potentaten vor hohe officier gedienet haben, sind über die massen mall content und sehen gerne dass von andern orten hierauff was angehen möchte. Einige Bojaren sind allhie der gantzlichen meynung dass unter Pleakow auch schwedischen trouppen sein und die meisten parteien thuen sollen; jhnen nun solche thorheit aus dem sinne bringen zulassen, habe ich grosse mühe anwenden müssen. Die legaten sind auch in der furcht gestanden, als dass die in schweden auch also solten tractiret werden, wie sie dem seel Bielk und seinen herren Collegen gethan haben. Wesshalber ich offers bin sondiret worden.

²⁾ Alles wass nur aus Engelland gekommen, es sey so schlecht wie es wolle, so ist es bey hofe allhie sehr gutt und herlich, darumb auch der Envoyé einen medicum aus dem orte mitbringen müssen. Der in 10 Jahren allhie gewesener Doctor Engelhart bekommt seinen Abschied.

личествѣ 2^о/. Такъ какъ у весьма немногихъ имѣются такія привилегіи, то новое стѣсненіе коснулось всѣхъ почти иностранцевъ, и они охотно бы перенесли торговлю изъ Бѣлаго моря въ Балтійское, пріѣзжали бы въ Нарву, которая и сдѣлалась бы главнымъ stapleльнымъ пунктомъ при сношеніяхъ съ Россіей ¹⁾.

Въ заключеніе своего любопытнаго донесенія Лиліенталь говорить о секретной перепискѣ герцога курляндскаго съ царемъ. Русскіе шпіоны пріѣзжаютъ въ Ригу и служатъ посредниками при этой корреспонденціи. Шведскому правительству слѣдовало бы внимательно слѣдить за русскими ²⁾.

Въ виду сильнаго недовѣрія къ Швеціи отправленіе пословъ въ Стокгольмъ задержалось. Говорили о внезапной болѣзни Василія Семеновича Волинскаго, но Лиліенталь этой вѣсти не придаетъ вѣры: *exitus acta illorum probabit*; одинъ изъ пословъ жалуется на голову, другой на ногу.

Новое доказательство недовѣрія Россіи къ Швеціи Лиліенталь видитъ въ томъ пунктѣ инструкціи русскому послу въ Англію, въ которомъ ему предписывается узнать, не было ли въ договорѣ, заключенномъ между Англіей и Швеціей, чего-либо враждебнаго противъ Россіи.

¹⁾ Dass nemlich die jenigen frembde welche Ihr Z. M. privilegium mit dem grossen rothen siegell nicht haben, 2 procento mehr im Zolle zahlen sollen, dieses machet den frembden Kauffleuhten welche fast alle der gleichen brieffe nicht haben, den Archanglischen handell zimlich zu wieder und dass sie gerne ihre handlung nach der Ostsee wünschen möchten. Wan sie nicht, wie ich newlich von jeglichen verstanden habe die zwei procento zu Narwe sie abschreibeten, ich halte darumb dafür wan die Zolle zur Narwe auff ein halbes procento könnten ohne Ihr K. M. Schaden vorgeringert werden, würden sie ihre fahrt bald wenden; alldieweill auch die fahrt auff Archangel $\frac{1}{3}$ procento mehr machet als die fahrt durch die Ostsee, hiervon soll mit gottes hülffe hernechts E. K. M. etwas umständtlicher unterthänigst unterleget werden.

²⁾ Wie dass Ihr Z. M. ein Tolcken in ihren diensten haben, welcher allerley sprachen kundig ist, selbigen senden sie oftmahl naher Riga auff die kuntschafft und zweiffele nicht dass er von dannen auch woll nach Churlandt gehe mit einigen brieffen, weill der Hertzog in Churlandt gut russisch ist, und seine Correspondence durch gemelten Kerll also heimlich treibet; dieser Kerll hatt nemlich in Riga mit dem ruschen Envoyé so auss Engelland kommen ist, in einem logement gestanden, were also woll nöthig dass auff der Rigischen ein theil gutte acht gegeben werden möchte. Оказывается, что человекъ, называвшій себя Бранденбургскимъ посломъ и пріѣхавшій въ Москву, ist kein ander gewesen als gemelter Spion so auss Preussen über Churlandt durch Riga in kurtzer zeit hin und her soll kommen sein.

Удивительно, что недовѣріе къ Швеціи все росло, несмотря на въ высшей степени предупредительное поведеніе шведскаго правительства. Но дѣло въ томъ, что Ордынъ-Нащокинъ и другіе царскіе совѣтники не могли примириться съ пораженіемъ, какимъ окончилась попытка царя Алексѣя вернуть себѣ балтійское побережье; они считали войну съ Швеціей рѣшительно необходимой и не переставали въ своемъ государствѣ поддерживать недовѣріе къ Карлу XI. Оттого замедлялось и посольство въ Швецію, оттого оно и двигалось такъ медленно и, въ концѣ концовъ, не вышло за границы московскаго государства. 3-го августа послы представлялись въ послѣдній разъ царю, чтобы получить отъ него новыя инструкціи къ отъѣзду. Докторъ освидѣтельствовалъ Волинскаго и долженъ былъ дать царю письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ здоровъ, и препятствій къ отъѣзду нѣтъ ¹⁾.

9-го августа во вторникъ послы выѣхали изъ Москвы.

Лиліенталь старался узнать всѣ пункты инструкцій, какія были даны русскимъ посламъ; онъ съ большимъ искусствомъ наводилъ справки, развѣдывалъ, ставилъ неожиданные вопросы, имѣлъ своихъ шпионовъ. Тонъ его донесеній становится все самоувѣреннѣе. Неудачи его раздражали, и въ такихъ случаяхъ онъ раздражается цѣлымъ потокомъ бранныхъ эпитетовъ на русскихъ: это народъ лживый, хитрый, трусливый и пр.

Изъ переговоровъ, которые онъ велъ въ Москвѣ въ качествѣ представителя Швеціи, большая часть касалась торговыхъ сношеній обоихъ народовъ. Русскіе желали добиться въ Швеціи такихъ же привилегій, какія шведы имѣли въ Россіи. Онъ предупреждалъ своего государя, что русскіе будутъ просить себѣ права имѣть своего резидента въ Стокгольмѣ и своихъ факторовъ въ Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ и Выборгѣ. Такое требованіе русскихъ Лиліенталь считаетъ вполне законнымъ и, доводя его до свѣдѣнія своего правительства, прибавляетъ: русскихъ факторовъ можно помѣщать за городомъ и вообще установить для нихъ тѣ же порядки, какіе въ Россіи практикуются относительно шведовъ.

Вступалъ Лиліенталь и въ сношенія съ иностранными резидентами, бывшими въ Москвѣ; съ ними поднималъ онъ вопросъ о вели-

¹⁾ Umb zusehen ob der schade den er (W.) hatte auch infectivus were, so aber nich sollte er ihr Z. M. desshalber schriftliche versicherung von sich geben adeo non tantum foris in bello, sed etiam domi in foro martem metuunt.

кой пользѣ для западныхъ народовъ отъ перенесенія стапеля изъ Архангельска въ какую-нибудь Балтійскую гавань. И англичане, и голландцы соглашались съ нимъ, что это было бы выгоднѣе, какъ въ виду краткости пути—вмѣсто одного рейса въ Бѣлое море имъ окажется возможнымъ совершить два или три въ Нарву, такъ и въ виду меньшихъ торговыхъ пошлинъ. „Нѣтъ сомнѣннй, что какъ англичане, такъ и голландцы тотчасъ же дадутъ свое согласіе на измѣненіе торговаго пути, если шведское правительство гарантируетъ имъ неизмѣняемость пошлинныхъ сборовъ въ Нарвѣ, Ніенѣ и др. городахъ, установивъ напимѣръ $1\frac{1}{2}\%$ “⁴. Швеція быстро поднялась бы въ экономическомъ отношеніи, въ особенности еслибы русское правительство разрѣшило шведамъ ѣздить черезъ свои владѣнія въ Персію¹⁾.

На перенесеніе стапеля согласились бы и ганзейскіе города, для которыхъ поѣздки въ Бѣлое море также затруднительны.

Многіе изъ русскихъ одобряли проектъ Лиліенталя; но впередъ дѣло все-таки не шло. Правительство совершенно все поглощено польскими дѣлами. Видя на окончательный миръ съ поляками еще очень шатки, пишетъ Лиліенталь 24-го августа; русскій посланникъ, вернувшійся изъ Польши, ничего утѣшительнаго съ собою не привезъ.

¹⁾ Bey dem puncto commerciorum wegen des Archanglischen Handlung welcher wegen woll nöthiger sein dörfte mit den Engellendern und Hollendern zu handeln undt sich zu vergleichen, welche sich endtlich woll darzu bringen lassen würden, wann im zoll zue Narva, Nien etc. eine versicherung der bestendigkeit desselben geschehen und selbiger wegen der Kauffleutte, so die Waaren zu Lande naher Ingermanlandh bringen würden auff $1\frac{1}{2}\%$ procento ohne E. K. M. schaden könnte reduciret werden; dan sie vorseerste alhie in Moscow die waren mit zwey procento zu Plesckow und Naugorod wiederumb mit zwey procento verzollen müssen. Endlich an E. K. M. Plaetzen auch so viel so können die ruschen wahren am zoll nach E. K. M. orten zwey procento hoher als wan sie selbe nacher Archangell bringen. Die Engelländer und Holländer aber gewinnen auff der Fahrt nach Ostsee gegen der Archanglischen $\frac{1}{2}\%$ procento und dan können sie dess jahres eine reyse auch woll zwey mehr thuen. Welches vor sich schon eine grosse avantage in der handelung were und bey zunehmung der schiffahrt an E. K. M. orten würde das reducirte an dem zoll die menge der Schiffe und Waaren auch wieder einbringen, ohne was sonsten die consumption E. K. M. lande viel nutzen und profit geben würde, dan wo viell schiffen ankommen, da kommen ziellte(?) mit selbe zehren viel dadurch kommet das geldt ins land und E. K. M. unterthane werden dadurch gebessert in ihre nahrung wan diesem nechst mit den Reussen auch wegen der Persischen Handelung könnte tractiret werden, dass denen jenigen E. K. M. unterthanen so lust hetten, in selbe Lande zu reisen und zu handeln selbiger nicht weigert, sondern sie dabey manuteniret und geschützet werden möchten

„А если бы были какія-нибудь прочныя надежды, то во всей Москвѣ объ этомъ уже говорили бы“¹⁾.

Лиліенталь свелъ въ Москвѣ знакомство съ польскимъ епвоуэ Комаровскимъ; послѣдній во время переговоровъ съ царскими совѣтниками въ посольскомъ приказѣ упрекалъ русскихъ въ томъ, что они насильно обращаютъ плѣнныхъ въ православіе, что они жестоко обращаются съ ними; своимъ союзомъ съ варварами казаками они также навлекли на себя всеобщее недовольство: *quod cognoscatur ex socio seu confoederato qui non cognoscitur ex se*. Русскіе внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ иностранцевъ не проникалъ въ помѣщеніе польскаго посла въ промежутокъ времени между первою и второю аудіенціей его. Вторая конференція его съ русскими была еще болѣе бурной. Приставъ долженъ былъ даже остановить его и просить быть воздержнѣе „*dass er sich nicht umb den hals rede*“. Комаровскій, какъ узналъ Лиліенталь, выражалъ сожалѣніе, что шведскій король заключилъ съ Москвою миръ. Съ соединенною Польшей — Швеціей Москвѣ бы не выдержать было борьбы. 19-го октября польскій посолъ оставилъ Москву.

Русскіе послы, покинувшіе въ началѣ августа Москву, снова застряли въ Новгородѣ. Оттуда пришла вѣсть, что одинъ изъ членовъ посольства снова захворалъ. Вѣсть, очевидно, вымышленная, прибавляетъ Лиліенталь. Вся болѣзнь въ недоброжелательствѣ нѣсколькихъ руководящихъ людей „*aber die Malitie derienigen so sie auffhalten ist die grosseste krankheit*“. Въ Москву пришло письмо отъ русскаго фактора въ Любекѣ, Иоанна фонъ Горена, который извѣщаетъ о новой коалиціи, составленной противъ Швеціи изъ Даніи, Австріи, Саксоніи и Бранденбурга. Швеція въ большемъ затрудненіи²⁾. Опасаться ея нечего—такое заключеніе выводили изъ письма царскіе совѣтники,

¹⁾ Hette er etwas favorables vor sie mitgebracht, so were schon gantz Moscau davon voll.

²⁾ 8-го ноября: sind dieser tage brieffe von Lübeck von J. Z. M. Factoren Johan von Goren (Joren) allhie in die Prikase einkommen, welcher berichtet, dass, die Crone Schweden in teutschland in die 30/m man überbringen lassen, und würden daselbst mit den Churf. von Sachsen und Brandenburgh anch den Kayser sonder zweyffel auch mit Dennemarchen mehr zu thuen bekommen, dan sie im vorigen kriege gehabt haben... Welches (то-есть, извѣстія) diese Nation vor ein Evangelium annimmt und also nur mit eytel betrug, lügen und Schelmstücken umgeben, wie dan auch die aussendung Ihrer Post kein ander absehen hatt, als nur die zeit zu gewinnen und einige kundschaft von der Crone Schweden zustande zu nehmen, welcher den 31 Passati von Linnen abgeritten.

наиболѣе враждебно настроенные къ Швеціи, а поэтому пусть послы не сѣшутъ съ своею миссіей, пусть выжидаютъ еще дальнѣйшаго хода событій въ Новгородѣ. Лидіенталь напрасно старался разувѣрить русскихъ, напрасно приводилъ имъ факты, опровергающіе вѣсть о коалиціи. Русскіе вѣрили всѣмъ вѣстямъ, приходившимъ изъ Любека, какъ Евангелію.

Въ началѣ ноября въ Москву доставленъ былъ голландскій „курантъ“, въ которомъ говорилось, что шведы сосредоточиваютъ огромныя военныя силы въ Пруссіи на помощь Любомірскому противъ русскихъ. Курантъ показали Лидіенталю. Онъ разсмѣялся. „Отчего же не въ Римъ, сказалъ онъ, отчего Любомірскому, а не королю? Должно быть, авторъ куранта прекрасный путеводитель. И всему этому здѣсь вѣрять, какъ Евангелію“¹⁾.

Лживый народъ, замѣчаетъ снова раздраженный резидентъ о русскихъ: *es ist ein volk, das nicht zu ergrunden, trotzig, grob, stoltz und von thorichten Concepten; die wahrheit in diesen leuten unbekant, sie bleiben des lugemeisters kinder in ewigkeit, von jhnen ist nictes beständiges zu berichten. Sie sind ritones heupter, so morgen anders, sie lassen alles auf eusserste ankommen, aestimiren keinen potentaten noch republicuen*“.

Отъ переводчика, сопровождавшаго Марсілія Старшаго въ Данію, Лидіенталь узналъ, что русскіе искали сближенія съ Любомірскимъ, надѣялись, что имѣя его на своей сторонѣ, имъ легче будетъ добиться мира съ польскимъ королемъ. Но надежды русскихъ напрасны:

¹⁾ A son Excellence Monseigneur le Baron Jacques Jean Taube du Royaume de Suede general gouverneur d'Ingrie et Kexholm. P. S. Es hatt dieser tage in der Prikase ein Diak einen liefflender auff die seite genohmmen, und gesaget Du bist ein Schwed, will dein könig wieder uns krieg anfangen? Selbiger hatt geantwortet dass were nicht war, er wolte es nicht glauben. Sie haben den leuthen auch officirer eingebildet als wen die unsrigen die grosse Legaten nicht wolten über die grenze lassen. Sind etliche von officiren zu mir kommen und von weiten nachgefraget, wie ich ihuen das contrarium erwiesen, haben sie sich hohlich verwundert. Es ist nictes anders als dass sich die legaten furchten nach Schweden zu geben. Conscia mens mali etc. In dem ich dieses endige bringet ein gutt freund eine holländische courante in welcher geschrieben stund, dass die schweden viel volckes nach Preussen hinüber führeten vmb dem Lubomirskem wieder die Russen zu assistiren. Ich lachete darüber und sagete warumb nicht nach Rom, das wäre fast näher wieder die Russen volck zu führen, und warumb zum Lubomirski nicht zum könige? Es scheint, sagete ich, dass der solcher geschrieben ein gutter wegweyser sein muss, und dergleichen fabel zeitung werden allhie vor Evangelia gehalten, und geben derselben die Lubecker viele von sich.

aber ist Lubomirsky sein tage so gutt rusch gewesen, wie der hund gut kattisch. Отъ того же переводчика Лиліенталя узналъ о цѣли отправки Маршля въ Европу: послѣдній долженъ былъ склонить Данию, Бранденбургъ и императора взять на себя посредничество для примиренія царя съ Іоанномъ Казиміромъ.

1665 годъ приходилъ къ концу, а отношенія къ Швеціи все еще оставались не выясненными; шведскіе плѣнные оставались въ Россіи, многіе изъ нихъ совершенно натурализовались здѣсь ¹⁾, всѣ хлопоты о ихъ возвращеніи были напрасны.

Торговля недоразумѣнія все усиливались. Хотя многіе русскіе и одобряли предложеніе шведовъ относительно перенесенія стапеля изъ Архангельска въ Нарву или Ніенъ, — въ концѣ декабря нѣсколько русскихъ купцовъ прибыли въ Нарву съ большою партией конопли и поташу—, но и этотъ вопросъ еще оставался однимъ мечтаніемъ ²⁾.

Въ началѣ января 1666 года московскіе послы, находившіеся въ Новгородѣ, получили предписаніе въ Стокгольмъ вовсе не ѣздить; имѣлось въ виду устроить пограничный съѣздъ съ представителями Швеціи. Въ январѣ въ Москвѣ шли переговоры между Лиліенталемъ и царскими совѣтниками о взаимныхъ отношеніяхъ шведовъ и русскихъ; обѣ стороны сыпали другъ на друга обвиненіями, къ соглашенію прійти не могли. Нащокинъ—*der arglistige Fuchs*, какъ его величалъ шведскій резидентъ, разоблачалъ передъ Лиліенталемъ рядъ продѣлокъ шведскихъ купцовъ: такъ они контрабандою провозили табакъ, скрывая его на днѣ рыбьихъ кадокъ, *Strömlingstoppen*, стѣсняли русскихъ, пріѣзжавшихъ къ шведскимъ границамъ, ихъ паспортовъ не принимали и прочее. И говорить нечего, что у Лиліенталя всегда имѣлся въ запасѣ рядъ обвиненій противъ русскихъ.

Лѣтомъ 1666 начались переговоры московскихъ и шведскихъ пословъ на Плюсѣ. Раньше, чѣмъ говорить о нихъ, слѣдуетъ отмѣтить

¹⁾ Лиліенталь объясняетъ это такъ: *so behaget jhnen doch der müssigang und dass wan sie gefressen haben sich niederlegen nach belieben schlaffen und faulenzten mögen.*

²⁾ *...haben sich etliche russische Kauffleuthe resoluiret bey diesem winter wege eine zimliche Partey im Hempf und Potasche naher Narva zuführen, und haben schon zu laden angefangen; ich bemühe mich durch einige gutte schweedische gönner als sonderlich durch Martin Büchling noch andere mehr darzu zu persuadiren.*

рядъ данныхъ въ письмахъ Лвліенталя, рисующихъ культурную сторону московской придворной и общественной жизни; они довольно разнообразны: то рѣчь идетъ о расправѣ правительства съ лихоимцами и взяточниками, то о ссорѣ царскихъ совѣтниковъ въ московскомъ приказѣ, то о придворныхъ интригахъ, о религиозныхъ преслѣдованіяхъ, о жизни русскаго общества на масляной недѣлѣ и т. д. Во взяточничествѣ обвинялись двое воеводъ — Хилковъ Путивльскій (des Zaren Vetter) и Schweder Kosczynin Украинскій, близкій родственникъ Ильи Даниловича Морозова. Ихъ полунагихъ обвѣшали мѣшками золота и соболями и вели по улицамъ не взирая на большой холодъ; сзади слѣдовалъ палачъ, наносившій имъ удары кнута. Слуги обоихъ воеводъ громко плакали и вмѣсто своихъ господъ готовы были нести наказаніе. Понеся достойное наказаніе и выздоровѣвъ отъ ранъ, оба воеводы являются снова къ царю, благодарятъ его за милостивое обращеніе и снова служатъ ему столь же честно, какъ раньше ¹⁾. Жестокая нація, говоритъ Лвліенталь; своего слова русскіе не держатъ, полагаются на нихъ нельзя.

Ссоры царскихъ совѣтниковъ — самое обычное явленіе. 18-го января въ посольскомъ приказѣ сильно столкнулись Алмазь Ивановичъ съ Нащоквинымъ; они другъ друга называли измѣнникомъ, мужикомъ и пр. Споръ, а затѣмъ и брань, возникъ по вопросу объ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи ²⁾. Лучшими товарищами Алмаза были Дол-

¹⁾ Sie sind vor der siemskie Prikase halb abgezogen und ihnen uor der Brust herunter ein sack mit geld und zu beyden seiten der achseln vor auch herunter zobelln angehencket worden, damit haben sie fortgehen müssen: und hinter iedem ein Bütell, die haben sie von der Pricase abe in der grosse kälte durch die stadt biss in ihre Palate dicht mit knute schlagen müssen, dass ihnen das fleisch vom leib herunter gangen; ihre Diener sind ihnen häufig gefolget worden, last mir das edele tractamente sein vor Bojaren und knesen! Sei dignum apella operculum! Die Unbahrnhertzigen haben unbahrnhertzigen lohn! Wann die nun wieder heyll sein, kommen sie strax wieder vor den Zaren zur auffwahrtung, dancken ihme vor die gnadige tractamente und sind so ehrlich nach wie vor.—Eine tyranni—barbarische und cruelen nation; bey ihnen auch kein paroll ist, den was sie heute zusagen, verleugnen sie des andern tages wiederumb. Auch ihre examina in allen so civilibus als criminalibus indifferenter strax ab immani et horrenda corporum tortura angefangen werden.

²⁾ Schliesslich kan E. K. M. ich hiebey auch nicht bergen, wie dass Almas Iwanowitz undt Nassokin den 18 dito in der Pricas mit einander mächtig gestritten, also das iener diesen vor einen verräther, dieser ienen vor einen Musik gescholten. Dieser hat vorgegeben, die Crohn Schweden würde bey Ihrer Königes minoritet keinen krieg mit iemanden aufangen; item die russen hetten sich vor sie

горукиі и Морозовъ, совсѣмъ уже изъума выжившіи: Sein sammergathe ist Dolgoruka und Iia, der nunmehr seines verstandes beraubet ist.

Лиліенталь пользуется каждымъ случаемъ, чтобы обнаружить свое нерасположеніе къ Нащокину: „онъ — главный врагъ Швеции, онъ виновникъ замедлившихся переговоровъ шведовъ съ русскими, онъ наиболѣе честолюбивый изъ всѣхъ царскихъ бояръ“.

Кромѣ столкновения съ Алмазомъ Ивановичемъ Лиліенталь приводитъ случай „крупнаго разговора“ Нащокина съ сыномъ Хованскаго. Дѣло возникло вслѣдствіе жалобы герцога курляндскаго на вторженіе въ его границы Хованскаго. Такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ большой дружбѣ съ герцогомъ, называлъ его своимъ сыномъ, то и понятно, какъ близко къ сердцу принялъ онъ его жалобу. Нащокинъ утверждалъ, что вторженіе Хованскаго въ курляндскія земли сдѣлано было безъ его вѣдома. За Хованскаго вступился его сынъ. Нащокинъ грубо остановилъ его; отецъ самъ за себя отвѣтитъ, сказалъ Нащокинъ, сыну же надо раньше поучиться, чѣмъ говорить съ старыми совѣтниками ¹⁾. Царь, какъ извѣстно, обѣщаль вознаграждать герцога за причиненные ему убытки.

Въ связи съ этимъ сообщеніемъ стоятъ другое: 28-го февраля къ царю явился гонецъ отъ герцога курляндскаго; онъ ѣхалъ безъ остановокъ — день и ночь. Онъ долженъ былъ отъ имени своего государя просить царя о защитѣ, о „протекціи“ противъ шведовъ и поляковъ ²⁾. Желая быть вассаломъ царя, герцогъ готовъ съ 2000 отрядомъ прійдти на помощь противъ царскихъ враговъ.

Вопросъ о вассалитетѣ Курляндіи поднимался неоднократно; искреннимъ это предложеніе герцога не было, ему нужно было добиться нейтралитета во время борьбы трехъ сосѣднихъ державъ, что и достигнуто было имъ къ началу апрѣля.

nicht zufürchten viell mehr müsten sich die schweden vor den russen fürchten, dan wan die schweden mit russland etwas anfiengen, würde der König in Denemark sie von hinten wiederumb überfallen und attaquieren. Und wass er der unbessonnen und thörichten discurse mehr geführt hats.

¹⁾ Der eine sohn des Chowansky so allhie zur stelle ist, hatt seinen vater gegen den Nassokyn entschuldigen wollen. Er ist aber von Nassokyn gar schimpflich abgewiesen worden; als dass er erstlich noch etwas mehr lernen solte, bis er gegen hohe ministern zureden capabel werden möchte: sein vater were alt genug, er würde sich woll selber verantworten können.

²⁾ Weill er nirgents schutz haben könnte, die Pohlen hetten ihn ruiniret und thätens auch noch, die schweden hetten ihn und sein gantzes Haus vor diesem gefänglichlich genohmmen.

20-го февраля въ Москву вернулся Марсилій. Онъ донесъ царскимъ совѣтникамъ о большихъ вооруженіяхъ, дѣлаемыхъ въ Даніи, говорилъ о дружескихъ отношеніяхъ датчанъ къ полякамъ, о желаніи датскаго правительства вызвать новую войну Россіи съ Швеціей. Сообщая обо всемъ этомъ Лиліенталю, Марсилій поспѣшилъ увѣрить его въ миролюбивомъ настроеніи царя, „*wan nur keine unruhige surranten weren die dem Herren mit ungegründeten dingen die Ohren anfülleten*“.

25-го мая молодой Нащокинъ привезъ съ собою письмо изъ Гамбурга, въ которомъ сообщалось о воинственномъ настроеніи шведовъ. Король стягиваетъ къ ливонскимъ границамъ большія силы „*und wolte mit den russen sub clureo tractiren*“. Лиліенталь напрасно опровергалъ подобныя слухи. Попутно съ донесеніями о такихъ дипломатическихъ мелочахъ, Лиліенталь отъ себя „сильнымъ“ словомъ характеризуетъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. По ихъ винѣ и вся государственная машина такъ туго двигается впередъ. Медлительность и колебаніе—вотъ черты, отличающія ихъ ¹⁾.

Послѣдняя, дипломатическая новость, которою Лиліенталь дѣлится съ своимъ государемъ, это извѣстіе объ отправленіи въ Англію Гордона (письмо 28-го мая). Гордонъ долженъ былъ передать англичанамъ милостивое разрѣшеніе царя—открывающаго имъ снова торговлю съ своими подданными. Пусть они только воздержатся пріѣзжать въ Архангельскъ во время чумы: русскіе очень боятся всякихъ заразныхъ болѣзней ²⁾. Англичане, прочтя письмо царя, высказались о немъ такъ: при огромныхъ размѣрахъ письма оно удивительно бѣдно содержаніемъ ³⁾.

Рядомъ съ этими чисто дипломатическими новостями сообщаются военныя и культурныя. Очень мѣтко охарактеризованъ Брюховецкій. щедро награжденный царемъ и все-таки не желавшій идти на войну:

¹⁾ Въ письмѣ отъ 6-го іюня 1666 года: *Es ist-allergnedigster König und Herr, nach dem alten sprüchwort: der Hoffleuthe sitten, frühe gesattelt und späte geritten, welches sonderlich bey dieser nation sehr üblich; solches dan die legaten mit ihrer abreyse gnugsam andeuten und bezeugen wollen, dass sie keine Eilenburger seyn.*

²⁾ *Dan die Russen sich nicht wenig befürchten, damit Ihnen über Archangel dermahleines nicht eine Masquerade möchte gebracht werden, darumb sie den Köning in Engelland beizuhalten sich höchlich bemühen.*

³⁾ *Sie hetten newlich nicht so einen grossen Brieff gesehen, in welchem aber weniger zur Sachen geschrieben, als in demselben; weren dess halber übell zufriednen, vermuthete (Gordon) also eine gar schlechte antwort.*

пусть, сказалъ онъ, съ него лучше снять голову въ Москвѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ понять, что царь для того только и наградилъ его такъ милостиво, чтобы онъ служилъ ему противъ казаковъ. „Er wete ja ein cavallieur und Soldat, warum er sich ins feld zugehen fürchten wolte?“ Въ концѣ концовъ царь обѣщалъ дать Брюховецкому нѣсколько отрядовъ русскихъ, и „тогда уже ему нечего бояться“. Лиліенталь иронически прибавляетъ: кролики должны внушить мужество зайцу ¹⁾).

Судьба Брюховецкаго оказалась очень печальной: не подалеку отъ Москвы онъ былъ изловленъ казаками: „dargestalt ist abermahl eine russche thorheit belohnet worden“.

Рядъ подробностей сообщаетъ Лиліенталь и о религиозныхъ движеніяхъ, начавшихся въ Россіи. Всѣхъ „religions rebeller“ насчитывается до 6.000 человекъ; расправа съ ними самая жестокая. Сектанты гдѣ могли уничтожали образа, свозили ихъ въ лѣсъ и тамъ сжигали; въ особенности сильно буйствовали они у Казани. Противъ нихъ былъ высланъ князь Семень Прозоровскій. Лиліенталь считаетъ начавшееся движеніе дурнымъ предзнаменованіемъ, но, прибавляетъ онъ тотчасъ, русскіе такъ глупы и легкомысленны, что ни на что не обращаютъ вниманіе, имъ все смѣшно ²⁾).

Иностранца долженъ былъ сильно поразить разгулъ русскихъ на маслянной недѣлѣ; Лиліенталь съ ужасомъ описываетъ поведеніе русскихъ; много было убитыхъ и побитыхъ. Не смотря на строгій указъ царя о томъ, чтобы послѣ четырехъ часовъ никто не выходилъ на улицу съ оружіемъ, не смотря на то, что на улицахъ шли патрули, безобразія не прекращались. Полиція патруль не всегда отличала виновныхъ отъ невиновныхъ, нерѣдко забирала въ приказъ и совсѣмъ мирныхъ жителей. Такъ было съ шведскимъ посломъ Эберсомъ, прибывшимъ какъ разъ въ это время въ Москву. 21-го февраля, когда онъ возвращался отъ Лиліентала домой, онъ былъ

¹⁾ Er wolte ihm von seinen russen etliche Regimente mitgeben, die Kaninchen sollen den Hasen hertzhaft machen.

²⁾ Um Kostum naher Casan hinauff haben sich etliche hundert man zusammen gezogen und alle die Bilder und Götzen aus den Cirkwen oder Kirchen genommen, selbe in die wälder getragen und durch den Vulcanum denn Faunis aufgeopfert, die Poppen oder Pfaffen übel tractiret vorgebende sie wolten die stummen Götzen nicht ehren und anbeten. Ist also Knes Semene Prozorowskoj mit einigen völkern aussgeschicket umb selbige Religionsrebelln zustillen. Dieses sind vor Russland schlechte anzeigungh, sie sind aber so dumm und thöricht, dass sie alles verlachen und nichts achten.

остановленъ патрулемъ. Завязалась ссора, за нею слѣдовала схватка, шведы поранили нѣсколькихъ русскихъ ¹⁾. Послѣдніе требовали вознагражденія по 15 рублей каждый. Эберсъ отклонилъ всѣ притязанія русскихъ; довольно, сказалъ онъ, по полтинѣ на брата. Когда Алмазь Ивановичъ и другіе продолжали шумѣть и требовать большаго вознагражденія, Лиліенталь пригрозилъ обо всемъ донести царю. Алмазь поблѣднѣлъ отъ страха, самъ взялся довести объ этомъ до свѣдѣнія царя, и этимъ все дѣло уладилось.

Послѣднія донесенія Лиліенталья отъ конца 1666 года менѣе обстоятельны. Въ сентябрѣ онъ пишетъ, что въ Москвѣ все тихо и спокойно, но опасается, не была бы только эта тишина предвѣстницей сильной непогоды и бури ²⁾. Всѣ отчаялись въ Москвѣ въ мирномъ разрѣшеніи польскихъ отношеній, а продолжать войну не желаютъ.

Во внутреннемъ строѣ государства также нѣтъ крупныхъ пере-

¹⁾ In der russischen dolle Butte: Woche — anfangе strax die erste nacht 23 seelen ermordet und die Cörper hin und wieder nackend liegende gefunden worden. Darauff haben Ihr Z. M. ein scharffes und ernstliches verbott publiciren lassen: dass sich niemand des abends nach 4 uhren russischen Horologii, er sey so hoch und vornehm als er wolle, noch die Cannalie mitt messern und tödtlichen Gewehren auff der Strassen sollen finden lassen; haben auch umb solches zu exequiren hin und wieder starcke patrollen verordenet, welche sothane leuthe, die sie nach bemelter zeit auf den Strassen finden und antreffen würden, indifferenter ohne respect nach der Prikase führen und biss zu Ihr Z. M. fernern ukas festhalten solten. Ungeachtet solches harten verbotthes und starcken wachte, sind in selbiger woche 180 menschen, so in der Poselsky Prikase angegeben, ohne die unters eyss gesteckt capputiret und öffentlich gefunden worden. Ein vornehmer Cantzler ist des Abends mit seiner Frauen so woll ausgeputzet gewesen, von gutten freunden nach hause fahrenden von der Patrolle angetastet und nach der Prikase gebracht worden, woselbst sie bis an den Morgen verbleiben und ausruhen müssen. Dergleichen were dem commissario Adolph Ehberts den 21 Passati auch bald begegnet, dan wie er nebenst seinen leuthen denselben abend von mir nach seinem quartier abfuhr, gerieten sie also strax, so bald sie nur die grosse strasse erreichten, an des zarren patrolle, welche bald gefraget, wer sie weren? Haben die Streltzen so Adolph Ehberts folgeten geantwortet, dass er der Schwedische Poslanik were, darauff hatt die patrolle wieder ihre Order geruffen, Czisz Czisz na kuku, in dem ist auch des Ehberts hoffmeister aus dem schlitten gefallen, welches die folgenden Cammeraten sehende vermeynet, das er von der patrolle heraus geschleppt were, haben strax aus ihren schlitten springende zu ihrem seyten gewehr gegrieffen и т. д.

²⁾ Es pfliget ins gemeine auf eine Stille see ein unvermuheter sturm und Ungewitter zuerfolgen. Also befurchtet man sich auch dieses ortes, auf diese Stille etwas ungehewres: sintemall die grossen die köpfe zimlich zusammen strecken.

мѣтъ, кромѣ только передачи Никитѣ Ивановичу Одоевскому мѣста начальника надъ нѣмецкою милиціей. 12-го сентября онъ дѣлалъ смотръ всѣмъ иностранцамъ, которые приносили ему поздравленія. Послѣдніе были очень довольны новымъ назначеніемъ, такъ дакъ Одоевскій слылъ за расположеннаго къ нѣмцамъ человѣка. На смотру Одоевскій просилъ офицеровъ письменно изложить ему свои желанія, говоря, что искренно желаетъ помочь имъ ¹⁾).

15-го сентября Лилянталь пишетъ, что въ Москвѣ получены новыя письма изъ Любека, которыя опять чуть не вызвали измѣненія въ настроеніи московскаго двора къ шведамъ. Изъ Любека писали, что шведскій король съ своими силами далеко углубился въ предѣлы Германіи, опасаться его нечего и нечего, стало быть, дѣлать шведамъ уступокъ на Плюсѣ. Къ счастью, на этотъ разъ этимъ „нелѣпнымъ слухамъ“ вѣры не придали. Всѣ желаютъ полнаго и искренняго мира съ Швеціей въ особенности въ виду малыхъ надеждъ на благопріятный исходъ переговоровъ съ Польшей. Вернувшася въ Москву, 21-го сентября, Марсілія младшаго отправили въ Польшу, съ тѣмъ чтобы онъ тамъ incognito присутствовалъ на сеймѣ. Войну съ Польшею рѣшено возобновить съ прежнею силою.

Царь предполагалъ поставить во главѣ войска Долгорукаго; но послѣдній отказался, ссылаясь на свою старость и нездоровье, что, однако, не помѣшало ему чрезъ шесть недѣль послѣ смерти жены вторично жениться на молодой вдовѣ Шереметева. Ясно, что Долгорукіе охотнѣе служатъ Венерѣ, чѣмъ Марсу ²⁾).

Въ Январѣ 1666 года Эберсъ вернулся въ Россію; въ началѣ февраля онъ былъ въ Москвѣ. 7-го числа онъ имѣлъ аудіенцію у царя. Для переговоровъ съ нимъ назначены были Осипъ Ивановичъ

¹⁾ Ist Mikyta Iwanowic Adoiowskoi über die teutsche Militie bestellet welcher den 12 dieses munstrung gehalten, woselbsten ihme alle obristen und officirer gratuliret und seynd sehr frohe dass sei selbigen herren bekommen haben, weill er ein sehr gutter freund der teutschen seyn soll. Er hatt auch bey gedachter Munsterung zu den officiren gesaget, dass sie ihme ihre desideria schriftlich eingeben solten, er wolte ihnen ehrlich helfen.

²⁾ Nicht desto weniger hat er nachdem seine abgestorbene Fraw nur 6 wochen tod gewesen, er ihme neulich des jungen Szermetows witbe, so nur 16 jahr alt seyn soll, wieder zutrauen lassen, und also der Veneri zu dienen mehr dan dem Marti sich capabeler befindet.

Suckin, думный дѣякъ Алмазь Ивановичъ и дѣякъ Лукьянъ Тимофеевъ, знавшіе нѣсколько по латыни.

Эберсъ началъ свой докладъ указаніемъ на нарушеніе и неисполненіе русскими постановленій Кардисскаго мира: продолжаются торговыя стѣсненія, не всѣ плѣнные возвращены; назначенный королемъ пограничный съѣздъ по винѣ русскихъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Теперь, сказалъ Эберсъ, король тщетно ждетъ великихъ пословъ царя, о пріѣздѣ которыхъ въ Стокгольмъ давно уже говорилось. Король, однако, не допускаетъ и мысли, чтобы царь не захотѣлъ привести къ полному соглашенію всѣ оставшіяся неразъясненными недоразумѣнія, просилъ царя не медлить, снабдить своихъ новыхъ пословъ болѣе обстоятельными полномочіями, чтобы будущій съѣздъ не прошелъ такъ же бесплодно, какъ раньше созывавшіеся ¹⁾).

Алмазь отвѣтилъ на это донесеніе Эберса указаніемъ на торговыя стѣсненія, перетерпѣваемые русскими въ Швеціи: они уравниваются стѣсненіями шведовъ въ Россіи; наибольшій вредъ терпѣли русскіе отъ запрещенія вывоза изъ Швеціи мѣди, дукатовъ, рейхсталеровъ и др. Эту и другія свои жалобы русскіе могли бы изложить на новомъ пограничномъ съѣздѣ, замѣтилъ Эберсъ, „all dahr könnte alles gefunden vndt geremediret werden“. Дѣло вполне поправимо: пусть только новые комиссары спѣшатъ къ границѣ, гдѣ найдутъ шведовъ съ новыми полномочіями и инструкціями. Плюса всего удобнѣе для съѣзда, такъ какъ тамъ имѣется въ достаточномъ количествѣ провіантъ, овесъ, сѣно. Если же русскіе станутъ еще медлить; король сочтетъ это намѣренною проволочкою, съ цѣлью выиграть время. Алмазь перебилъ эти слова Эберса и сталъ увѣрять его въ искреннемъ миролюбіи царя: „но раньше іюня царскимъ комиссарамъ не собраться въ путь“. Затѣмъ онъ указалъ на неудобство Плюсы; мѣстность эта выгодна только для шведовъ, такъ какъ лежитъ близко Нарвы, для русскихъ же она слишкомъ отдалена: не-

¹⁾ Auch weil es der ursachen halben nicht dienete dass die sachen solten in sollicher Ungewissheit lenger stehen, sonndern Ihr K. M. müste umb Ihre Sicherheit halben solches lassen kommen zum schluss vndt Entschafft, also begehren Ihr K. M. laut Ihr K. M. schreiben an Ihr Z. M. dass beyderseites gesandten je lieber auff der grentzen mögen zusammen kommen vndt mit sollichen Vollmachten vndt Instructionen versehen damit alle die zwischen Ihr K. M. vndt Ihr Z. M. erwachsene streitigkeit könnte ausser einigen weiten auffenthalt beygelegt vndt abgeholfen werden.

удобно везти съ собою такъ далеко вооруженныхъ людей, которыхъ число превыситъ 200, провіантъ и пр.

Эберсъ настаивалъ на томъ, чтобы новый съѣздъ собрался не позже марта. Если, сказалъ онъ, этого срока не примутъ, то онъ до новаго полномочія отъ своего короля, ни на какіе другіе сроки не согласится.

Предъ разставаніемъ Алмазъ и другіе русскіе стали говорить о стѣсненіяхъ, какимъ подвергался въ Стокгольмѣ русскій гонецъ—*abgeschickter*: его никуда не пускали, надъ нимъ былъ строгій надзоръ. Эберсъ и тутъ нашелся: это было на Рождествѣ, когда на улицахъ много праздничной гуляющей публики; у гонца легко могли возникнуть раздоры, драка и пр. Разумѣется, съ гонцомъ обошлись бы вѣжливѣе, если бы сами русскіе относились вѣжливѣе къ шведскимъ посламъ въ Москвѣ.

Эберсъ до новой конференціи съ Алмазовымъ долженъ былъ обѣщать письменно изложить всю свою просьбу, что онъ и исполнилъ.

13-го февраля Алмазовъ объявилъ Эберсу, что царь установилъ 15-е іюня для начала переговоровъ на Плюсѣ. На возраженіе Эберса и Лиаленталя русскіе отвѣчали: *es wehre schon so beschlossēn, es mūste nun so bleiben*. Царь обѣщалъ самъ написать объ этомъ королю. 16-го февраля царская грамота была передана Эберсу.

13-го іюня шведскіе комиссары—*Simon Grundel Helmfelt, Gustav Klot, Gustav von Mengden* и *Andreas Wallwik*—прибыли на Плюсу; 5-го іюля явились сюда изъ Новгорода и русскіе послы. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ о томъ, начать ли переговоры съ вопроса о торговлѣ и съ вопроса о военно-плѣнныхъ, рѣшили разсматривать дѣла въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены были въ инструкціи пословъ. 19-го іюля шведскіе комиссары послали къ русскимъ Христиана Штрауса, чтобы рѣшить съ ними дѣло о постройкѣ на рѣкѣ моста и о томъ, сколько вояновъ должно присутствовать при переговорахъ съ той и другой стороны. Кромѣ прислуги, отвѣчали русскіе, сто человекъ конныхъ и 200 пѣшихъ. 23-го іюля происходилъ обмѣнъ копій съ полномочій; съ шведской стороны явились секретарь Петръ Тѣрнросъ и переводчикъ Томасъ Афлекъ. Русскій депутатъ—дьякъ и переводчикъ Мейснеръ отказались принять шведскую копию, такъ какъ въ ней передъ титуломъ царя опущены были слова „Божьей милостью“. Долго спорили изъ за этого; въ концѣ же концовъ шведамъ удалось убѣдить русскихъ, что пропущенныя въ копіи слова въ оригиналѣ имѣются, и полномочія были взаимно переданы.

Первая конференція шведскихъ и русскихъ пословъ происходила 24-го іюля.

Послѣ отказа шведовъ войти въ палатки русскихъ и такого же отказа русскихъ посѣтить шведовъ, секретари сошлись на мосту и тамъ показали другъ другу инструкціи. Русскіе заявили протестъ на рядъ вставокъ и помарокъ въ шведской инструкціи; шведы говорили, что это сдѣлано въ канцеляріи—они за это не отвѣтственны; черезъ 6 недѣль они доставятъ новый экземпляръ начисто переписанный. Русскіе находили срокъ этотъ слишкомъ продолжительнымъ: четыре недѣли они подождутъ—не долѣе. Указавъ и русскимъ на такія же поправки въ ихъ инструкціи, шведы пробовали упорствовать, долго спорили, но въ концѣ концовъ уступили.

Послѣ такой прелюдіи послы стали сѣзжаться; они торжественно и медленно подвигались другъ къ другу. Остановившись на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, они обнажили головы. Рѣчь началъ Волинскій—*caput legati* русскихъ: онъ вспомнилъ подробности десятаго засѣданія кардисской конференціи и выдвинулъ рядъ фактовъ, обнаруживавшихъ нарушеніе шведами кардисскихъ параграфовъ. Послѣ краткаго отвѣта Гельмфельта, оба посла протянули другъ другу руки. Волинскій заявилъ, что давно уже жаждалъ сѣзжаться для переговоровъ со шведами, чтобы мирно и дружески покончить всякія недоразумѣнія. Попросивъ свиту удалиться, послы сѣли за столъ ¹⁾ и обмѣнялись полномочіями (*att omwexla fullmaktterne*).

Инструкція шведскихъ пословъ была отмѣчена 22-го декабря 1665 года и подписана Гедвигю Элеонорою, Сванте Банеромъ (*i R. Drozpens Stelle*), фонъ Линде (*i R. Marschens Stelle*), Густавомъ Оттономъ Стенбокомъ (*S. R. Admiral*), Магнусомъ Делагарди (*S. R. Santszler*) и Густавомъ Бонде (*S. R. Skattmästare*), а инструкція русскихъ пословъ отмѣчена $\frac{7174}{1666}$ дня 21-го мая.

Такъ какъ русскіе послы жаловались на усталость, то конференція этимъ и закончилась; вечеромъ они передали чрезъ своего переводчика Циммермана шведамъ свои предложенія—*proposition*.

27-го іюня состоялась вторая конференція. И ее хотѣлъ начать Волинскій, но его предупредилъ Гельмфельтъ, приступивши прямо къ чтенію пунктовъ своей пропозиціи. Пропозиціи шведовъ и рус-

¹⁾ Som woro fogade emot hwarandra af lyka hög och stoorheet.

скихъ тожественны; въ той и другой рядъ обвиненій, въ которыхъ объ стороны спѣшили оправдаться. Усѣвшись за столъ ¹⁾, Гельмфельтъ прибавилъ: мы должны добиться возстановленія кардисскаго договора во всѣхъ его частяхъ. Кардисскій договоръ долженъ служить фундаментомъ всѣхъ нашихъ переговоровъ.

Переговоры начались съ вопроса о плѣнныхъ. Въ этомъ вопросѣ, сказалъ Волынский, мы стоимъ на рѣшеніи Кардисскаго мира. По этому миру, возразилъ Гельмфельтъ, всѣ наши плѣнники должны быть выданы намъ безъ всякой задержки. Пусть прочтутъ 20 § Кардисскаго мира, заключающій въ себѣ этотъ вопросъ. Такъ какъ § этотъ разно читается въ договорныхъ грамотахъ, то намъ слѣдуетъ этотъ вопросъ прежде другихъ выяснить ²⁾.

Прочли § 20 по русской редакціи договора: выдаются всѣ плѣнные за исключеніемъ тѣхъ, кто въ Россіи принялъ православіе. Волынский спросилъ, уступите ли вы намъ тѣхъ, кто добровольно перешелъ въ нашу вѣру ³⁾. Гельмфельтъ: рѣшительно нѣтъ; русскіе однихъ насильно перекрещивали, что шведы брались доказать цѣлымъ рядомъ примѣровъ, а другихъ склоняли къ переходу подарками, деньгами и пр.; бывали случаи перекрещиванія дѣтей.

Такой протестъ Гельмфельда вызвалъ горячіе споры съ русскими; послѣдніе говорили, что шведамъ уже выданы всѣ плѣнные, что дальнѣйшія разсужденія на эту тему окажутся совершенно излишними. Вторая конференція вся прошла въ дебатахъ по вопросу о плѣнныхъ.

30-го іюля — третья конференція. На ней Менгденъ поднялъ весьма любопытный вопросъ, а именно: когда царь цѣловалъ крестъ въ подтвержденіе мирнаго договора съ Швеціей, имѣлъ ли онъ предъ собою самый текстъ договора или только собственную грамоту къ своимъ посламъ въ Швецію, въ которой шла рѣчь о мирѣ. Если по-

¹⁾ Ryssarne satte sigh på et owanliget sätt, så att Wolinsky kom mit emot H. Helmfelt som satt på högre sidan och H. Klot mit uti, hwarmedh hwarderas secundus, tertius och quartus komma emot huarannan, blifwandes Wolinsky på vänster handen om Pronsisoff och Yeffim geent emot H. Wallwik på deras högre handh och Garassim på den vänstra, geent emot Herr Mengden på wär högra sida.

²⁾ Derefter tillkomma oss alle fångar, der wille man föreläsa den punchten, uthur deres Exemplar, och låta höra om dee hade rätt till att behålla några, derom är nu disputerat efter wære Exemplar äre olyka lydende, hwarom wy wele medh hwarandra i werklighet handla, huru som dätta kan reconcilieras.

³⁾ Om wy eftergåfwo dem som godwilligen woro omdöpte. Helmfelt: heelt och hållet intet. — Ryssarne begiärade at weta hvadh för slags fångar wy begiärade igen, och hwarest woro till finnandes.

слѣднее имѣло мѣсто, то царь, по мнѣнію Менгдена, совсѣмъ и не подтверждалъ клятвенно договора. Царь долженъ былъ, однако, знать, что онъ дѣлаеть. Не уменъ тотъ, сказалъ въ раздраженіи Менгденъ, кто клянеться, не зная, чего ради онъ это дѣлаеть. Въ шведской редакціи договорнаго акта вопросъ о плѣнныхъ изложенъ вполне ясно, и царь, поклявшись выполнять актъ, этимъ самымъ предурѣшилъ всякіе споры о немъ ¹⁾.

На рѣзкій запросъ и заявленіе Менгдена, Волинскій отвѣчалъ, что царь давалъ клятву, имѣя передъ собою шведскую редакцію мирнаго трактата, королевскую ратификацію его ²⁾. А развѣ не зналъ онъ о разнорѣчїи въ § 20, спросилъ Гельмфельтъ. Русскіе комиссары заявили, что царь зналъ объ этомъ.

Услышавъ это, шведскіе послы велѣли своему секретарю внести эту замѣтку въ протоколъ; русскіе возстали противъ этого и стали отпираться отъ своихъ словъ ³⁾.

Любопытнѣйшій моментъ третьяго сѣзда! Нечаянно проронивши истину, русскіе послы всякими увертками старались потомъ отказать отъ сказаннаго ими и твердо стояли на томъ, что царь, если бы зналъ о существующемъ разнорѣчїи въ редакціяхъ, никогда бы не давалъ клятвы.

Рѣчь перешла къ вопросу о плѣнныхъ. Категорически потребовавши не только выдачи всѣхъ плѣнныхъ безъ различія вѣроисповѣданія, но и снабженія ихъ подводами и провіантомъ до границъ, Гельмфельтъ раздѣлялъ плѣнныхъ на три категорїи: 1) тѣ, которые уже подъ шведскимъ владычествомъ исповѣдывали православіе, 2) добровольно принявшіе православіе и выразившіе желаніе остаться на

¹⁾ Om Zaren hade swurit på det honom förelagde instrumentet eller på det bref, som han hade skickat till sine där i Sverige warande gesanter, si posterius så hade Zaren intet beswurit den på Kardis beslutna freden... efter han deropå swurit, så är klart, at han som een förnuftigh herre, hafwer swurit på een wiss och ingen främmande och owiss sak, warandes ingen klook, som swär förrän han weet hwadh han swär, och först efter eeden ransakar efter wissheeten, således måste iu det som Zaren hafwer swurit i Muscow, wara gilt, nembl. at wela efter det swenscka Instrumentets lydelse läta uthlefwerera alla fångar, hwarwedh wy oss och holle, och förmode at sådant af Zaren skall blifwa fast hållet.

²⁾ På K. M. Ratification som lägt under korset hafwer Z. M. swurit.

³⁾ Helmfelt: hafwer då Zaren intet wetat af den åtskillnaden i den 20 punkten då han swor. Pronsisoff: ja han hafwer det wettat. — Hwilcket K. M. gesandter befalte secretararen at protocollera, men rysserne förnekade och revocerade deres ord in continenti.

царской службѣ и, наконецъ, 3) по принужденію перекрещенные въ православіе.

Спорамъ не предвидѣлось конца. Шведскіе послы заявили, что продолжать переговоры съ русскими не желаютъ, пока русскіе не дадутъ категорическаго отвѣта — будутъ они стоять за свою редакцію 20 § или нѣтъ.

Русскіе упорно отстаивали законность своихъ требованій ¹⁾. Желаніе ихъ временно оставить вопросъ о плѣнныхъ и перейти къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ было отвергнуто шведами.

Съѣздъ 31-го іюля прошелъ весь въ безплодныхъ спорахъ по вопросу о плѣнныхъ. Въ концѣ съѣзда этого дня русскіе просили у шведовъ согласія отписать о спорномъ 20 § „столь темномъ и неясномъ“ царю и по полученіи отвѣта отъ него уже продолжать разсмотрѣніе его. Шведы согласились, спросивъ предварительно, сколько времени потребуется для извѣщенія царя и когда, по ихъ расчетамъ, можно будетъ ожидать отвѣта. Русскіе послы предполагали, что отвѣтъ можетъ быть имъ доставленъ черезъ три недѣли.

Волинскій предложилъ перейти къ разсмотрѣнію 5 §—объ оружіи, какое шведы обязаны были выдать русскимъ „om styckerne“. Онъ желалъ знать, вслѣдствіе какихъ причинъ оно до сихъ поръ не выдано русскимъ, несмотря на ясное требованіе этого въ договорномъ актѣ. Пусть шведы теперь же скажутъ, есть ли надежда получить пушки и другіе военные снаряды, взятые русскими въ войнѣ, или нѣтъ, чтобъ и объ этомъ они могли написать царю ²⁾.

Гельмфельтъ былъ, по видимому, удивленъ этимъ запросомъ Волинскаго. Онъ утверждалъ, что по просьбѣ одного изъ Новгородскихъ воеводъ—Долгорукова или Ромодановскаго (точно не знаетъ) помочь перевезти пушки изъ Риги въ Нарву (какъ того желалъ царь), онъ—Гельмфельтъ—сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для перевозки орудій черезъ водопадъ на Псковскія лодки и увѣренъ, что все уже

¹⁾ föran wy höra eder förklaring, om j wela hålla den 20 punkten efter det ryska instrumentets lydelse. Wolynsky: Wy wela den så hålla. Helmfelt: Heremot at j således förklaren Eder, at den 20 punkten skall blafuh efterlefwrät, så är och K. Ms willia, at des i Stockholm gifna skrift skall wara gildigh och således medh dee uthlätné ordens, uthi det swenscha instrumentet tilläggjande bägge instrumenterne lyka lydande.

²⁾ ...och begiärade K. Ms Gesandters swar och förklaringh, för hwadh orsak dee äre emot det Kardische fredssluet dem förenthäldne och om dee dem igen bekomma kunde eller intet, på det dee kunde derom tillyka medh det andra gjöra berättelse till Zaren.

сдѣлано и пушки въ Нарвѣ. Изготовленные имъ для этого двѣ пушечныхъ медвѣдки могутъ и сейчасъ подтвердить истину его словъ¹⁾.

Изъ дальнѣйшихъ словъ Волынскаго видно, что царь нѣсколько разъ обращался по этому вопросу къ шведскому губернатору въ Ригѣ.

Гельмфельтъ обѣщаль написать объ этомъ королю и съ своей стороны ручался, что теперь, лѣтомъ же, оружіе будетъ доставлено русскимъ.

Предъ разставаніемъ шведы просили русскихъ дворянъ и съ своей стороны оказать содѣйствіе къ тому, чтобы съ обѣихъ сторонъ не распространяли разныхъ ложныхъ и недѣльныхъ слуховъ, вызывающихъ только неудовольствіе въ обонхъ народахъ и мѣшающихъ полному миру между ними. Изъ многихъ такихъ ложныхъ слуховъ приводятся между прочимъ и слѣдующій: одинъ псковитянинъ распустилъ среди шведовъ слухъ о вторженіи Хованскаго въ шведскія владѣнія: слухъ этотъ заставилъ многихъ жителей бѣжать, бросивъ дѣтей и жилища. Такихъ распространителей ложныхъ вѣстей слѣдовало бы „exemplariter“ наказывать.

На сѣздѣ 7-го августа впервые на очередь поставленъ былъ вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ шведовъ и русскихъ. Шведы представили русскимъ свой новый торговый проектъ²⁾. Вотъ его содержаніе: 1) Между обонми государствами должна существовать полная свобода торговли, такъ чтобы шведы могли торговать во всѣхъ земляхъ московскаго царя, а русскіе во всѣхъ владѣніяхъ шведскаго короля, затѣмъ—чтобы всѣ товары были свободны, то-есть, чтобы не было регалій. Силу должны имѣть всѣ прежнія постановленія о торговлѣ—въ тязинскомъ, выборгскомъ и столбовскомъ трактатахъ.

2) 10-ти-процентный налогъ съ товаровъ, покупаемыхъ у подданныхъ московскаго царя, долженъ быть отмѣненъ.

¹⁾ Woiwoden i Nougarden Dolgoruka eller Romodanofskoj (een af dee bägge), hafwer till migh een gångh widlöftigen skrifwit, at H. Z. M. hafwer giordt den anstalt, at styckerne skulle bringas ifrån Riga till Narwen och af migh begiärat det iagh wille medt släpor läta bringa dem ifrån skeppen öfwer fallet, hwarest dee kunde blifwa lagde uthi Pleschowische lodior. Hwarpå iagh wenligen swarat hafwer, at när dee komma hyt, woro här uthi tyghuset sådanne redskap för handen, hwarmedh dee kunde på det begiärade sättet blifwa forthielpte, hafwer och intet annat wettat, än at dee schulle komma, eftersom iagh till den ändan dä lät förfärdiga twenne stoora bläckwagnar, som kunne draga stycken af 60 skep-pundh, hwilke än äre för handen till wittnesbördh. at det sigh sä i sannigh förhåller.

²⁾ Project om Commercier. öfuergifvit till Ryss. d. 7 Aug. 1666.

3) Должны быть отиѣнены всѣ транзитныя таможи; пошлина на товаръ должна взиматься въ такихъ же размѣрахъ, какъ она взималась до послѣдней войны, то-есть, $4\frac{1}{2}\%$ съ крупнаго товара, $3\frac{1}{2}\%$ съ мелкаго; выплачиваться она должна только одинъ разъ.

4) Пошлины выплачиваются риксдалерами. У кого риксдалеровъ не окажется, можетъ въ Швеціи заплатить другою монетою, но по курсу, установленному въ королевствѣ; въ Россіи уплата совершается „деньгою“ (denningen)—также по курсу, Московскимъ правительствомъ утвержденному. При взиманіи пошлинъ товары должны быть правильно оцѣниваемы, но не выше ихъ стоимости.

5) Риксдалеры принимаются не по вѣсу, а поштучно.

6) Относительно паспортовъ—держаться постановленія кардисскаго договора; при требованіи паспортовъ на границахъ—ни шведы, ни русскіе не должны быть задерживаемы. Такса на паспорта не должна превышать прежде практиковавшейся.

7) Торговые двory имѣть въ установленныхъ кардисскимъ договоромъ городахъ; въ Псковѣ—въ силу рецесса 1618 года.

8) Судъ чинять губернаторы и воеводы; торговцы пользуются свободнымъ доступомъ къ магистратамъ.

9) Въ силу дружественнаго расположенія короля къ царю, подданнымъ послѣдняго разрѣшается въ большемъ количествѣ пріѣзжать въ его земли и свободно торговать даже дальше установленныхъ договоромъ границъ. Король будетъ всѣми мѣрами покровительствовать царскимъ подданнымъ.

10) Торговля на Двинѣ должна быть свободною независимо отъ того, миръ или война у Россіи съ Польшей.

11) Всѣ требованія и желанія какъ русскихъ, такъ и шведовъ будутъ по мѣрѣ возможности выполняемы.

Русскіе послы отвѣчали отдѣльно на каждый пунктъ ¹⁾.

Относительно перваго пункта—русскіе утверждаютъ за шведами право торговать въ Москвѣ и другихъ городахъ московскаго государства, съ тѣмъ чтобы и русскимъ открыта была свободная торговля въ Швеціи согласно съ кардисскимъ мирнымъ договоромъ. 2) Шведы будутъ гарантированы отъ всякихъ стѣсненій и препятствій въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими. Настоящіе налоги вызваны обстоятельствомъ—война съ Польшей; царь въ правѣ распорядиться

¹⁾ Z. M. Stoore och Fulmyndige Gesandters swar oppå K. M. Stoore och Fulmyndige Gesandters öfvergifna Puncter den 7 Aug. ^{686.} 174.

въ своемъ государствѣ по своему усмотрѣнію и другимъ государямъ не предписывать же ему законовъ и правилъ. Налоги будутъ взиматься согласно кардисскому постановленію безъ всякихъ повышеній. 3) Въ городахъ московскаго царства торговыя пошлины также взимаются безъ надбавокъ, такъ что и съ шведской стороны не должно допускать никакихъ измѣненій. 4) Пошлины уплачиваются деньгами или риксдалерами; цѣны на товаръ не должны превышать ихъ настоящей стоимости. Пусть и русскимъ разрѣшать производить уплату по ихъ желанію русскою или шведскою монетою. Шведы должны помнить, что всѣ привилегіи касаются ихъ однихъ, а не будутъ простираться на иностранцевъ, которыхъ они привезутъ съ собою; пусть послѣднихъ и не выдаютъ за шведовъ. 5) Риксдалеръ замѣняется 17-ю алтынами серебра. 6) Не задерживать при выдачѣ паспортовъ русскихъ, какъ не задерживаются и шведы. 7) Согласно кардисскому договору шведы сохраняютъ свои дворы въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ; въ Переяславлѣ же имъ будетъ уступлено мѣсто для новаго двора. Что же касается до желанія шведовъ перенести свой дворъ во Псковъ внутрь городскихъ стѣнъ, то объ этомъ не было рѣчи ни въ одномъ изъ прежнихъ договоровъ; и въ кардисскомъ договорѣ объ этомъ нѣтъ никакихъ постановленій, по этому ходатайства шведовъ по этому вопросу отклоняются.

Русскимъ торговцамъ до сихъ поръ еще не отведены дворы ни въ одномъ изъ городовъ шведскаго королевства, мало того—не назначено и мѣсть для постройки ихъ. Русскихъ помѣщаютъ въ частныхъ домахъ, гдѣ платить приходится очень дорого. Все это противно кардисскому договору. 8) Въ случаѣ какихъ либо несогласій, недоразумѣній или жалобъ, царь повелѣлъ своимъ боярамъ и воеводамъ тотчасъ же выслушивать шведовъ и давать имъ удовлетвореніе; пусть король повелитъ и своимъ губернаторамъ выслушивать жалобы русскихъ торговцевъ безъ задержки. 9) Русскіе торговцы терпѣли много несправедливостей отъ шведовъ на шведской территоріи, ихъ подвергали пыткамъ, правезу и другимъ стѣсненіямъ. Все это, согласно кардисскому миру, должно бы быть отиѣнено. 10) Что касается торговли на Двинѣ съ рижскими купцами, то рѣшено держаться постановленій, сдѣланныхъ въ Валесари и Кардисѣ. 11) О долгахъ шведскихъ торговцевъ силу сохраняютъ постановленія кардисскаго договора; они же должны касаться русскихъ торговцевъ въ Швеціи.

1-го августа шведскіе послы отправили своему государю обстоятельное донесеніе о переговорахъ съ русскими. На послѣдующихъ

собраніяхъ преимущественно толковали о торговлѣ и торговыхъ стѣсненіяхъ. Шведы жаловались на высокія пошлины, русскіе отвѣчали, что царь воленъ понижать или возвышать тарифы, а затѣмъ стали повторять старое о запрещеніи вывоза изъ Швеціи мѣди. Тѣмъ не менѣе русскіе приняли проектъ шведовъ о торговлѣ и обѣщали дать на него отвѣтъ. При разсмотрѣніи 10 § Кардисскаго мира о торговлѣ Волинскій отиѣтилъ рядъ стѣсненій, какими русскіе подвергались со стороны шведовъ въ Лапландіи: шведы захватывали земли, стѣсняли торговлю, овладѣвали товарами, богохульствовали, оскорбляли святыхъ. Такихъ *transgressores* — множество, и ихъ то Волинскій просилъ подвергнуть строгому наказанію. Онъ просилъ „сатисфакціи“ и „реституціи“. Затѣмъ Волинскій вообще констатировалъ, что шведы не выдаютъ перебѣжчиковъ (онъ назвалъ какого то Никиту). Шведы отвергали такого рода обвиненія; расходясь съ сѣзда, они просили русскихъ дать письменный перечень всѣхъ своихъ жалобъ, что послѣдніе и обѣщали.

Во время пренія русскіе, повторивъ прежнія жалобы свои, указали на одно очень любопытное стѣсненіе: русскими купцамъ запрещали вывозъ изъ Нарвы соли, куда она доставлена была по просьбѣ русскихъ изъ Ревеля. Когда шведы стали добиваться подтвержденія всѣхъ прежнихъ трактатовъ и тѣхъ именно, гдѣ торговля пользовалась наибольшою свободой, русскіе сказали, что они уполномочены лишь говорить о подтвержденіи кардисскаго. Русскіе возстали противъ словъ „*aldrig friast*“, настаивали на его замѣнѣ.

На просьбу шведовъ объ отиѣнѣ 10%, взимаемыхъ со всѣхъ товаровъ, покупаемыхъ у подданныхъ царя, русскіе указывали на полное право царя назначать какія ему угодно пошлины; въ настоящее время такія высокія пошлины вызваны и войною; по прекращеніи ея они могутъ быть отиѣнены. Письменно удостовѣрить послѣднія слова свои русскіе отказались; это значило бы, сказали они, связать свободу своего государя. Они увѣрены, что царь сбавитъ пошлины, коль скоро прекратится война съ Польшей, это ихъ личное мнѣніе ¹⁾).

Шведы просили еще уничтожить и транзитныя пошлины, введенныя въ послѣдней войнѣ Англии съ Голландцами, сильно стѣсняющія шведовъ. Такою пошлиною облагаются напр., товары, идущіе въ

¹⁾ Sade sig intet töras igenom någon skriftligh försäkring betaga zaren dess frija disposition, förmehnade likwell, att han därtill samtyckiandes wordo, så snart kriget med Poland woro bylagdt, hwilket dee formente innan kärt skola kunna skeep.

Архангельскъ ¹⁾). Русскіе отвѣтили, что въ ближайшемъ будущемъ проектируется уравниеніе пошлинъ на Архангельскъ и на другіе пункты. Какъ только заговорили объ Архангельскѣ, шведы выступили съ своимъ излюбленнымъ проектомъ о перенесеніи Архангельской торговли въ Балтійскія гавани. На этотъ разъ проектъ этотъ не вызвалъ со стороны русскихъ никакого протеста, напротивъ того, они какъ будто и сами готовы были признать всѣ выгоды отъ такого перенесенія торговли; мало того, изъ ихъ словъ видно было, что царь Алексѣй Михайловичъ самъ сознавалъ всю пользу шведскаго проекта, еслибы только онъ могъ быть вполне увѣренъ, что за русскими будетъ гарантирована полная свобода въ балтійскихъ гаваняхъ ²⁾).

4 и 5 §§ о монетахъ споровъ не вызвали; относительно паспортовъ (§ 6) рѣшено было установить на нихъ извѣстную таксу, чтобы уже предупредить всякія жалобы и нареканія. Когда шведы, обратившись къ 7 §, стали требовать, чтобы имъ во Псковѣ былъ отведенъ торговый домъ (*handelshuset*) внутри стѣнъ города (*inom statsmuren*), русскіе, хотя и обѣщали исполнить это, указали, что ни въ Ригѣ, ни въ Нарвѣ до сихъ поръ не отведено мѣста для русскихъ торговыхъ дворовъ. § 8 о судебныхъ функціяхъ—*om Justitie wäsen-det*—рѣшенъ былъ согласно съ проектомъ.

20-го апрѣля происходила 8-я конференція, на которой снова былъ выдвинутъ вопросъ о титулахъ; не обошлось безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ ³⁾. Тогда же получена была и резолюція царя относительно

¹⁾ Wid den 3-de puncten om dee många durchfartstullarne, urgerade K. M. gesanter, att dee samma säsom ett nytt och introducerat, wid det förra, Engel=och hällendske kriget, K. M. wid desse gränser traffiquerande undersäthare till stoor last, måtte afskaffas, hafwandes man intet hört, dee wahrur som gå ät Archangel med sådan tull beswäras.

²⁾ Rysserne syntes intet wara här emoth, uthan bekendhe det Tzaren hade förnummit sine undersäthare för wägens kärtheeth skull hafwa större lust at bringa deras warur på desse orter ähn Archangel, hwilked och wisserligen woro skeedes, så framt Tzarens vnderäthare kunde blifwa försäkrade om den uti det Kardiske fredsfördraget för acorderare friheter uti handelen, att dem all godh rätt måtte wederfaras, som dee här tils intet kunnat haft, in för Borgmestare och Rådih i städerne, säsom dee där warandhe af borgerlig condition, hällandes med dheras medhbröder bärgarne.

³⁾ Dhe tzariske gesanterne uttydde tractaten säsom den onda Psaltaren, hwad dem inthet tienar gää de förby, och hwad dee wele hafwa, det säya dhee.—Rysserne togo denne liknelse heftigt upp, sade sig der med wara beskymfadhe, och intet hafwa förmodat at höra sädanna ordh af H. Helmfelts nyen mun, hafwandes

20 § кардисскаго мира, трактовавшаго о плѣнныхъ. Начинается резолюція съ положенія о томъ, что слѣдуетъ держаться ратификаціи короля, данной и подтвержденной имъ въ Стокгольмѣ. Затѣмъ говорится, что насильно крещенныхъ въ православіе нѣтъ, а что касается до тѣхъ, кто еще до мира принялъ православіе, то царь рѣшилъ, что они должны остаться на вѣки въ его подданствѣ; захваченные же въ войнѣ должны быть выданы, если таковые имѣются на лицо. Вообще, читаемъ мы въ шведскомъ протоколѣ, вопросъ о § 20 и на этотъ разъ былъ изложенъ очень темно и неясно¹⁾). Когда шведы попросили повторить сказанное въ заключеніи резолюціи—русскіе отказались. Шведы отвѣчали на резолюцію царя, что случаи насильственнаго обращенія были; они снова просили русскихъ дать имъ письменное изложеніе того, что они передали имъ относительно царской резолюціи. Русскіе отказались; тогда шведы и этотъ отказъ ихъ желали получить на бумагѣ, чтобы въ будущемъ имѣть въ рукахъ документальный матеріалъ. Русскіе обѣщали исполнить это ихъ желаніе, когда всѣ другіе вопросы будутъ улажены.

9-я конференція (29-го августа) прошла вся въ взаимныхъ упрекахъ въ нежеланіи прійти къ какому-нибудь опредѣленному соглашенію. Менгденъ указывалъ русскимъ на ихъ мелочность и придирчивость; все, что они говорятъ, къ дѣлу мало относится²⁾).

10 и 11 конференціи ничего не прибавили къ выясненію спорныхъ вопросовъ; шведы настаивали на томъ, чтобы, обращаясь другъ къ другу, государи употребляли тѣ титулы, которые каждымъ изъ нихъ себѣ

dhe förre gesanterne af store slechter intet således talt. Ryssarne bodo, att K. M. gesanter wille inthet mera fälla sådanne ordh, uthan heller bruka någre andra liknelser af gudsordh.

²⁾ ...uthi Stockholm öfwer be—te punctt gifne skriftlige försäkring under dess hand och segel... Anlangandhe dee som den graekiske Religionen hafwa haft till förrendhe, så åhr Tz. Ms. resolution, att sådanne och dee som af den Religionen för det Wall—och Kardiske slutet åhre öfwerkomne, skole på H. Z. Ms sida ewärdelig förblifwa, men dee andra som i kriget åhre fångne, skole uthantwardas, så framt någre kunne wara för handen, hwilket war så mörcktt att man det intet förstå kundhe, och då dee ändå ehn gäng frägades, sadhe dee att sådanne inthet bordhe utlefreras.

³⁾ *Wolinski*: det wore ändan på wisau, att dhe omöyeligen kunde där om skrifwa till Tzaren, kundhe dhet inthet giöra, wille inthet, worde inthet och torde ey heller det giöra. *Mengden*: Eller i försäkren oss med edra händer, att i willen det tillwåga bringa hos Tzaren. Ryssarne swaradhe, att dhe hadhe inga händer där till, och tordes dhet inthet giöra. *Mengden*: Hwad hafwen i gifwit? *Wolinski*: Een hoop. *Mengden*: Ja, en hop lumpen beswär, som inthet höra till tractaten, såsom om en säck pipar, hwilket inthet wärdt åhr att talas om.

присвоенъ ¹⁾. Русскіе просили совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о титулахъ; въ концѣ 10 конференціи они выразили эту мысль еще рѣзче: они будутъ продолжать переговоры со шведами, только при условіи не касаться титуловъ ²⁾. На это шведы заявляли, что снесутъ съ своимъ королемъ, безъ согласія котораго они не могутъ оставить вопросъ о титулахъ. Вопросъ о титулахъ, сказали русскіе, это громадный ровъ, мѣшающій намъ сблизиться. Вы же его и выкопали, возразилъ Менгденъ. Волинскій: стыдно вамъ говорить это ³⁾.

На двѣнадцатой конференціи (27-го сентября) разсматривались вопросы о торговлѣ и о плѣнныхъ. Гельмфельтъ упрекнулъ Нащокина въ томъ, что онъ нарушилъ кардисскій трактатъ, сдѣлавъ попытку ограничить шведскую торговлю извѣстнымъ временемъ, а именно временемъ ярмарокъ, а въ другое время не разрѣшать имъ торговли. Волинскій отвѣчалъ, что не къ чему говорить о томъ, что уже царемъ отмѣнено ⁴⁾.

Относительно плѣнныхъ, русскіе сдѣлали нѣкоторую уступку, а именно: тѣ изъ шведскихъ подданныхъ, которые до прибытія въ Россію уже исповѣдывали православіе и сами пожелаютъ вернуться въ Швецію, могутъ сдѣлать это, если только такіе окажутся на лицо. Тѣ же, кто въ Россіи уже по собственному желанію принялъ православіе, не могутъ покинуть ее ⁵⁾.

¹⁾ Fredsfördraget lyder, att den ene Potentaten skall skrifwa och titulera den andra som han sig sielf skrifwer.

²⁾ Att gå frampt K. M. gesandter wille alldeles sluta denne Quaestionen om titulen uthur denne tractaten, så wille dhe derom widh dheras tillbakarkombst till Muscou, så frampt det här eliest kunde komma till sluth, giöra H. Z. M. en mundtlig berättelse. De tuiflade och intet, att när dhe derhos worde giörandes dheras bästa (som de det giöra wille), och K. M. sielf derom skrifwandes. Huilket wore det yttersta, som dhe dristade att upå sigh taga, så man icke måtte skillias äth medh oförrättade saker.

³⁾ Wy ähre alltidh willige till att tractera, men denne stridigheten om titulen ähr en graf som ähr tractaten i wägen. *Mengden*. Den grafwen hafwen i sielf gräfwit. *Wolinski*: Det ähr skam att tala derom.

⁴⁾ Helmfelt: Naschokin hafuer handlat emot den Kardiska fredhen, i det han hafwer welat adstringera handelen till wisse Marknadstydher, och uthom dhe tyder intet tilläta K. M. vnderäthare att blifwa uthi landet. *Wolinski*: Hans afseende hafwa warit alt derigenom att man på sådane tydher finge handla tulfritt befordra commercierne. Huilcket H. Z. M. dock strax hade casset, efter det befans wara emot den Kardiske fredhen.

⁵⁾ Wår store Herre hafwer till att bewisa sin wänskap emot K. M. huadh den 20 puncten om fångarne anbelangar sigh resolverat, att alla dhe som på K. M. sida hafwa haft den Graekiske Religionen för än dhe ähre brachte in i Rysslandh, och godhwilligen wille tillbakar, skole lööse gifwas, så frampt nägre

На 15-ой конференціи (13-я и 14-я прошли въ безплодныхъ спорахъ) русскіе обѣщали сдѣлать шведамъ уступку въ вопросѣ о титулѣ, если послѣдніе сдѣлаютъ уступку въ вопросѣ о православныхъ плѣнныхъ. — Къ 16-ой конференціи шведы уже получили отвѣтъ отъ короля относительно спорнаго вопроса о титулахъ; король категорически требовалъ отъ своихъ уполномоченныхъ, чтобъ до полного удовлетворенія въ требованіяхъ относительно титуловъ, они ни на что не давали своего согласія.

На послѣдней 17-й конференціи 6-го октября пришли, наконецъ, къ временному соглашенію ¹⁾. Вопросъ о плѣнныхъ рѣшенъ былъ въ той редакціи, которая предложена была русскими на 12-й конференціи; въ вопросѣ о титулѣ шведы достигли своего, то-есть, русскіе соглашались титуловать короля „Stoormeckti gste höghborne Förste och Herre, Könung Carlh och Herre jfwer Ingermanlandh“. Русскіе и шведскіе комиссары поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ конференцій и удовлетворяющимъ обѣ стороны разрѣшеніемъ остальныхъ вопросовъ о титулѣ и плѣнныхъ ²⁾.

11-го октября послы передали другъ другу экземпляры мирныхъ договоровъ съ соотвѣтствующими измѣненіями.

Г. Фюрстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

sådane finnas wara förhanden. Men dhee som den Religionen där godwilligen emottagit hafwa, skole förblifwa der qwar.

На 15-ой конференціи: att alle fångar skole uthlefwereras, undantagandhes dhe som dhen graekiske Religionen godhwilligen hafwa antagit. Dhe andre måge efter dheres egen willia blifwa eller gå sin wāgh.

¹⁾ Hwaremoth dhem tillstältes K. Ms gesandters Project om Tituln såsom och den tredie puncten om fångarne, något modererat.

²⁾ Änteligen eftergofwe Ryssarne den sorten af fångarne, som medh dhen graekiske Religionen hadhe i sidste kryget kommit till Rysslandh, och där icke förblifwa wille, samt alla andra fongar, undantagandhes dhe som dhen graekiske Religionen godhwilligen antagit hafwe, utan att nempna dhe som oomdöpte wore eller medh twāngh dertill brackte, seyandhes sigh för dheres kyrckje constitutioner skall det omöjneligen kunna giöra. Hwarwydh och K. Mts Gesandter änteligen måste acquiescera, sådhan dhe hadhe giort dheres yttersta flyt., såsom och i betractandhe att Ryssarne hadhe gifwit efter dhe som medh dhen Graekiske Religionen hadhe kommit till Rysslandh och der icke blifwa wille, såsom och att dhe ingen praetension giordhe på dhe fongar, som sigh sielfwe hafwe lööse giordt och begifwit till K. Ms sydha igen. Hwarmedh och den disputen om titula tillyka bekom een ånda, ratione praedicati at stormecktigst, nembligen att K. Ms titul skall skrifwas den stoormecktigste höghborne förste och herre, H. Carlh och Herre öfwer Ingermanlandh.

ИВАНЪ ЕВСѢВИЧЪ СРЕЗНЕВСКІЙ.

Біографическій очеркъ.

1.

Имя Ивана Евсѣевича Срезневскаго въ настоящее время обыкновенно соединяется съ именемъ его сына Измаила Ивановича: онъ извѣстенъ большинству, какъ отецъ одного изъ ученыхъ нашего вѣка и только благодаря этому обращаетъ на себя вниманіе. Между тѣмъ въ свое время онъ былъ не послѣднимъ труженикомъ науки и литературы, профессоромъ, ораторомъ, поэтомъ и переводчикомъ, дѣятельность его была замѣтна и проходила не безъ почета, а жизнь примыкала къ жизни многихъ людей, сохранившихъ въ потомствѣ свое имя. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ придаетъ извѣстный интересъ личности И. Е. Срезневскаго и, смѣю думать, оправдываетъ появленіе очерка его жизни. Матеріалами для настоящей работы послужили: біографическая записка объ И. Е. Срезневскомъ, составленная его современникомъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ его смерти. очеркъ его жизни, составленный И. И. Срезневскимъ, формулярный списокъ, печатныя его произведенія, собственноручныя тетради, наконецъ данныя, почерпнутыя изъ обзорнѣй лекцій тѣхъ учреждений, гдѣ онъ былъ профессоромъ.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій родился въ селѣ Срезневѣ, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи 20-го февраля 1770 года. Его отецъ. мѣстный священникъ, человекъ очень бѣдный, къ тому же обремененный большою семьей (у него было 6 сыновей¹⁾ и одна дочь), не смѣлъ

¹⁾ Одинъ изъ нихъ Іоакимъ Евсѣевичъ занялъ послѣ смерти отца мѣсто священника села Срезнева; его родъ носилъ фамилію Срезневыхъ.

и помышлять объ отдачѣ сына въ какое-нибудь училище или семинарію; онъ думалъ, оставивъ сына при себѣ, научить его собственными стараніями тому, что необходимо знать для занятія какой-нибудь низшей духовной должности. Желанія отца, однако, не совпали съ желаніями сына: Иванъ Евсеѣвичъ почему то очень заинтересовался ученьемъ; удовлетвориться тѣмъ, что онъ могъ узнать въ селѣ отъ отца, ему казалось слишкомъ малымъ и онъ, не смотря на свои двѣнадцать лѣтъ, рѣшился уйдти учиться за 70 верстъ, въ губернский городъ въ семинарію (1782). Священнику Евсеію Ивановичу пришлось оставить сына въ Рязани, гдѣ, къ счастью, нашлись добрые люди, поддержавшіе своими средствами юношу до выхода изъ семинаріа ¹⁾. По окончаніи курса въ 1792 году, не удовлетворившись семинарскимъ образованіемъ, Иванъ Евсеѣвичъ рѣшилъ продолжать свое ученіе въ университетѣ. Поступленіе въ университетъ для лицъ духовнаго званія въ тѣ годы было сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ требовалось предварительно получить увольненіе изъ духовнаго состоянія; но молодого человѣка это не удержало, не удержало и полное отсутствіе средствъ. Получивъ отъ отца на дорогу серебряный рубль, онъ отправился пѣшкомъ въ Москву, гдѣ и поступилъ 29-го апрѣля 1792 года въ Императорскаго Московскаго университета разночинскую гимназію, а 30-го іюля того же года въ число студентовъ университета. Первые шесть мѣсяцевъ его жизни въ Москвѣ, какъ говоритъ современная біографическая записка, „были самымъ великимъ искусомъ при вступленіи въ свѣтъ“; онъ жилъ „безъ денегъ, безъ покровительства, съ одною только страстью къ наукѣ“, „едва имѣя уголь въ бѣдной хижинѣ и то изъ милости, а не изъ платы“ и „не рѣдко цѣлыя сутки безъ куска хлѣба“. Эти шесть мѣсяцевъ, начавшихъ его университетскую жизнь, онъ провелъ въ усиленномъ изученіи классиковъ и работахъ надъ переводомъ „Tristia“ Овидія. Переводъ этотъ сыгралъ въ жизни Ивана Евсеѣвича немаловажную роль: представленный переводчикомъ куратору Московскаго университета М. М. Хераскову онъ обратилъ на себя вниманіе и Иванъ Евсеѣвичъ „нашелъ въ Херасковѣ себѣ Мецената“ ²⁾. „Плачь Публия Овидія Назона“, какъ назвалъ свой переводъ Срезневскій, былъ изданъ въ 1795 году съ посвященіемъ Хераскову. „Вся цѣль

¹⁾ Здѣсь, вѣроятно, онъ получилъ фамилію Срезневскаго.

²⁾ Записка, о которой я упоминалъ выше, вѣроятно, ошибочно говоритъ, что только послѣ этого событія Ив. Евс. Срезневскій былъ принятъ въ число студентовъ: это показаніе расходится съ датами формулярнаго списка.

изданія сего Назонова творенія“, говоритъ переводчикъ въ своемъ обращеніи къ читателю. „состояла въ томъ, чтобы удовлетворить или по крайней мѣрѣ вспомошествовать сколько-нибудь россійскому учащемуся юношеству. Близкій изъ стиха въ стихъ переводъ освободить молодого читателя отъ того труда, чтобъ долго доискиваться настоящей мысли стихотворцевой. Присовокупленный къ переводу латинской подлинникъ избавить его отъ той заботы, чтобъ покупать двѣ книги. Ключъ, прибавленный къ концу сей книги, отворить дверь къ повятію трудныхъ мѣстъ, въ оной находящихся. Общія мысли и нравоучительныя мнѣнія, напечатанныя кривыми буквами, тотчасъ встрѣчаясь глазамъ его, могутъ иногда служить его школьнымъ упражненіямъ, а иногда его сердцу и нравамъ. Для сего то послѣдняго издатель съ своей стороны присовокупляетъ еще отроческое наставленіе одного новѣйшаго, однако жъ по чистотѣ латинскаго языка не безъизвѣстнаго автора“ (Institutio puerilis Марка Антонія Мурета, писателя XVI в.). Въ видѣ предисловія къ сочиненію Овидія и отчасти посвященія Хераскову переводчикъ представилъ стихотворное введеніе:

Се слезы вѣжнаго Назона,
 Которыхъ гордый Августъ съ трона
 Принять и слушать не хотѣлъ,
 Отвергъ, оставилъ и презрѣлъ!
 Оставилъ славнаго поэта
 Несчастну кончить жизнь край свѣта
 (Почто тогда пространный свѣтъ
 Во дни Назоновой судьбины
 Не могъ имѣть Екатерины?
 Сихъ слезъ не пролилъ бы поэтъ!)
 Се слезы вѣжнаго Назона,
 Отверженны безъ правъ, закона,
 Херасковъ, льются предъ тобой!
 Прими хоть ты подъ кровь ихъ свой,
 Прими Назоновъ гласъ плачевный
 Не такъ, какъ принялъ Августъ гнѣвный;
 Прими,—и томный вздохъ по немъ
 Изъ груди вѣжной испущая,
 Его вину ему прощая,
 Блудящу тѣнь утѣши тѣмъ!
 Конечно, тѣнь его съ Дуная,
 Отъ странъ несносныхъ отлетая,
 Направила сюда полеть.
 Сихъ странъ блаженнѣй не найдетъ:
 Она довольно разумѣть,

Кто нынѣ Россамъ владѣть,
И въ вѣкъ отсель не отлетитъ.
Колико будетъ ей отрады,
Когда преславной Россіяды
Творецъ слезой ее почтитъ!
Изгнанномъ слезы проліяны,
Стихомъ російскимъ начертанны,
Хоть нѣжны столь не могутъ быть,
Съ поэтомъ римскимъ чтобъ сравнить,
Но слабости творца младова,
Некрасный слогъ російска слова
Твой духъ великій замѣнитъ.
Прими!.. Твое благоволенье,
Твое едино ободренье
Духъ творческій во мнѣ родить.

Приложенный въ концѣ книги „Ключъ къ Плачу Публія Овидія Назона или довольнѣйшій показатель всѣхъ собственныхъ именъ и главныхъ матерій“ составленъ чрезвычайно тщательно; онъ сообщаетъ много полезныхъ свѣдѣній изъ исторіи, мифологіи, географіи, исторіи литературы греческой и римской, представляетъ много выписокъ изъ латинскихъ писателей въ стихотворномъ переводѣ и разнообразныхъ указаній, относящихся къ теоріи краснорѣчія. „Плачь“ Овидія долгое время служилъ въ семинаріяхъ пособіемъ для изученія латинскаго языка; по словамъ современной записки о жизни И. Е. Срезневскаго, послѣдній незадолго передъ смертью предпринялъ второе изданіе „Плача“ по порученію Харьковскаго университета, гдѣ онъ тогда служилъ; онъ приступилъ къ исправленію перевода, перевелъ вновь нѣсколько первыхъ элегій, но болѣзнь остановила его трудъ и, какъ говоритъ записка, „лишила Россію удовольствія видѣть классическій переводъ Назона“¹⁾. Переводъ „Плача“ Овидія помимо услуги по отношенію къ знакомству съ Херасковымъ сослужилъ переводчику и другую службу: вмѣстѣ съ незадолго передъ тѣмъ изданной И. Е. Срезневскимъ безъ его подписи „Одой пчелиной маткѣ“ (М. 1794) онъ способствовалъ его сближенію съ кружкомъ московскихъ литераторовъ и открылъ ему право участія въ изданіяхъ Московскаго универ-

¹⁾ У Сопикова значится книга: „Овидій, Плачь, писанный имъ во время его изгнанія въ Тавридѣ, переведенный стихами съ приобщеніемъ латинскаго подлинника“ (М. 1797). То же ли это изданіе, что и 1795 года или другое, разъяснить мнѣ не удалось, такъ какъ въ Имп. Публичной библиотекѣ его не оказалось; очень можетъ быть, что у Сопикова заглавіе списано не съ книги, а по памяти.

ситета ¹⁾. Иванъ Евсѣевичъ кончилъ курсъ университета въ 1796 году (6-го ноября), причемъ за отличные успѣхи былъ награжденъ серебряною медалью и похвальнымъ листомъ ²⁾. Вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ на частную службу къ одному сенатору въ качествѣ его домашняго секретаря. Фамиліи этого сенатора записка о жизни И. Е. Срезневскаго, изъ которой мы почерпнули настоящее свѣдѣніе, не сохранила, но съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно предположить, что это былъ сенаторъ князь Гавріиль Петровичъ Гагаринъ ³⁾. Къ такимъ домысламъ приводитъ рядъ упоминаній въ относящихся къ этому времени тетрадяхъ Ивана Евсѣевича и о самомъ Гагаринѣ, и о его сынѣ, и о его имѣніѣ Богословскомъ „холмѣ Богословскомъ“ ⁴⁾, какъ говоритъ Срезневскій въ своемъ письмѣ кн. Павлу Гавриловичу, гдѣ „въ саду британскомъ“ „раненько на равнѣ съ зарей“, „стакавшись съ музами“, онъ „маралъ“ что нибудь на досугѣ. Съ именемъ князя Гагарина отца соединяется нѣсколько стихотвореній Срезневскаго. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить оду на день Іоанна Богослова, написанную Иваномъ Евсѣевичемъ во время жизни въ селѣ Богословскомъ и посвященную Г. П. Гагарину. Ода заканчивается такими стихами, характеризующими отношенія автора къ Гагарину:

Но чье перо писать способно
Тебя, святой евангелистъ?
Чьему уму вмѣстить удобно,
Колико былъ ты въ вѣрѣ чистъ?
Колико ею пріобрѣлъ
Ты въ жизнь свою великихъ дѣлъ?
Прости! мнѣ духъ мой измѣняетъ
Я слабъ писать твои дѣла;

¹⁾ Къ сожалѣнію, надо добавить, ни одно изъ стихотвореній, напечатанныхъ Срезневскимъ въ этихъ изданіяхъ, не было подписано авторомъ, такъ что до насъ не дошло свѣдѣній о характерѣ его участія въ нихъ; замѣтка о его жизни говоритъ, что участіе это относится къ 1795—1796 годамъ.

²⁾ *Головицкова*, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославѣ училища (1803—1806). Ярославль, 1887, стр. 56.

³⁾ Гагаринъ род. 1745 г., ум. въ 1808 г. Съ 1781 г. былъ оберъ-прокуроромъ сената; въ 1786 г. пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы; при императорѣ Александрѣ I былъ министромъ коммерціи. Онъ былъ человекъ чрезвычайно образованный; много путешествовалъ по Европѣ.

⁴⁾ Названіе „Богословское“ упомянуто въ сочиненіи Гагарина „Забавы уединенія моего въ селѣ Богословскомъ, оставшееся твореніе князя Гавріила Петровича Гагарина“ (П. 1813).

Моя нечистая хвала
 Твоя доброты потемняетъ.
 И что хвала моя предъ тою,
 Вторую тебѣ воспѣлъ
 Съ чистѣйшею чѣмъ я душою
 Владѣтель вроткѣй здѣшнихъ сель?
 Что стоитъ капля въ морѣ дѣломъ?
 Что мала искра въ солнцѣ свѣтомъ?
 Что грубый съ золотомъ металлъ?
 Я трудъ въ началѣ прекращаю
 И слабу лиру посвящаю
 Тебѣ, пѣвецъ его похвалъ! ¹⁾.

Въ этихъ строкахъ И. Е. Срезневскій намекаетъ на сочиненный кн. Гагаринымъ акаеистъ Іоанну Богослову, впоследствии помещенный въ изданныхъ имъ въ 1798 г. „Акаеистахъ“. Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ Гагарину— старику, можетъ быть интересно изображеніе его семьи, жившей въ уединенномъ Богословскомъ, гдѣ князь, по словамъ поэта, „хотѣлъ избѣгнуть отъ градскихъ шумовъ и суетъ“:

„Живи, Гагаринъ“, восклицаетъ авторъ, долги годы!
 Будь счастливъ, веселъ и здоровъ,
 Покойся въ тишинѣ природы,
 Покойся ты въ сердцахъ рабовъ!
 Твоя супруга дорогая
 Съ тобой счастливо да живетъ,
 Тебя любя и утѣшая,
 На грудь твою покой прольетъ!
 И ты, воспитанникъ героя
 Непобѣдимаго въ войнѣ,
 Сюда пришедшій для покоя,
 Живи щастливо въ тишинѣ!
 И вы, о нимфы молодья,
 Отъ рѣдкихъ корней рѣдкій плодъ,
 Вкушайте щастья дни златыя,
 Вкушайте Творчихъ тѣмы щедротъ! ²⁾.

„Супруга дорогая“, то-есть, княгиня Прасковья Федоровна Гагарина, рожденная Воейкова (р. 1745, ум. 1808 ³⁾) была предметомъ

¹⁾ Рукописный сборникъ сочиненій Ив. Е. Срезневскаго „Моя лира“, стр. 60. Напечатано не было.

²⁾ Рукописный сборникъ сочиненій И. Е. Срезневскаго, № 1, стр. 2.

³⁾ *Долгоруковъ*: Россійская родословная книга, т. I, 246.

большого почитанія Срезневскаго, насколько это видно изъ его стихотворенія „На день рожденія ея сїятельства княгини Прасковьи Федоровны“. При ея рожденіи, по словамъ поэта, Судьба созвала на совѣтъ всѣхъ богинь, чтобъ порѣшить, какъ соединить въ ней одной, въ „божественной Прелестѣ“ всѣ совершенства. И вотъ Киприда дала ей „тѣлесны красоты“, Паллада послала ей „кроткаго Жени“, наказавъ ему „черезъ кроткое свое ученье внушить Прелестѣ просвѣщеніе“. Затѣмъ, когда Прелеста подросла, „богиня чувствій нѣжныхъ“ снова является ей покровительницей и съ помощью Эроса и Гименея сближаетъ ее съ Доброномъ: „Добронъ нечаянно находить Прелесту у ея родни“ и бракъ ихъ рѣшается. Юнона благословляетъ этотъ союзъ плодами любви и вѣрности, сначала „Адонисомъ“, затѣмъ прекрасными граціями. „Адонисъ“, въ первомъ стихотвореніи названный „воспитанникомъ героя“, былъ первенецъ Г. П. и П. О. Гагариныхъ, впоследствии генералъ-маіоръ князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ (род. 1777, ум. 1850 г. ¹). „Граціи“ или „нимфы“, о которыхъ упоминаетъ Срезневскій въ своихъ стихотвореніяхъ, были дочери Гагариныхъ (Марія ²), Елена ³), Анна ⁴), Екатерина ⁵) и Варвара ⁶).

Ко времени жизни И. Е. Срезневскаго въ Богословскомъ относится много его стихотвореній, описывающихъ его увлеченіе „нимфой черноглазой“, поразившей сердце поэта, но не отвѣтившей ему взаимностью. Эта „черноглазая нимфа“, „Милана“ или „Плѣнира“, вѣроятно, была одна изъ двухъ старшихъ дочерей Гагарина; поэтъ сокрушается въ своихъ стихахъ, что онъ воспылалъ нѣжной страстью не

¹) *Сайтозъ*: Петербургскій некрополь, стр. 31. Ср. *Долгоруковъ*, указ. соч., т. 1, 247. П. Г. Гагарину Срезневскій посвятилъ свой переводъ Соломоновой Пѣсни пѣсней.

²) Марія Гавриловна Гагарина (р. 1778, ум. 1835), впоследствии была замужемъ за Александромъ Никитичемъ Висленевымъ. См. *Долгоруковъ*, указ. соч., 1, 247.

³) Елена Гавриловна Гагарина род. 1780 г., ум. 1842 г. См. *Долгоруковъ*, ук. соч., 1, 247.

⁴) Анна Гавриловна Гагарина (р. 1782, ум. 1856); была замужемъ за П. В. Головиннымъ (род. 1770, ум. 1836); въ монашествѣ Іоанна. См. *Долгоруковъ*, ук. соч., т. 3, с. 111, т. 1, стр. 247, *Свѣ. Пчела*, 1856, № 148.

⁵) Годовъ жизни Ев. Гавр. Гагариной у Долгорукова не отмѣчено (т. 1, 247). Замужемъ была за кн. Никитой Сергѣевичемъ Долгоруковымъ (р. 1768, ум. 1842). *Долгоруковъ*, ук. соч., т. 1, 99.

⁶) В. Г. Гагарина (род. 1784 г., ум. 1808 г.) замужемъ была за Елгуновымъ. *Долгоруковъ*, ук. соч., т. 1, 247.

къ ровнѣ ¹⁾): „Мнѣ и мыслить то ужасно“, восклицаетъ онъ, „кто Милана; я наступѣхъ“...

„Свѣтамъ терены высоки
Вотъ сужденный ей предѣлъ!...
Но воля, луга широки
И шалашь есть мой удѣлъ“... ²⁾

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что рожденъ въ свѣтъ „подъ различными звѣздами съ Миланой“, и что осужденъ небесами несть различный съ ней жребій; онъ только страшится, чтобъ какъ нибудь не дошелъ до нея его страстный вздохъ, чтобы вѣтеръ или лѣсъ какъ нибудь не рассказали Миланѣ о его любви.

„Сей послѣднія отрады“,
восклицаетъ поэтъ,
„Не лишите вы меня,
Чтобъ ея мнѣ видѣть взгляды
Тщетнымъ жаромъ духъ мала“.

Наконецъ одно изъ ряда этихъ стихотвореній „Поѣздъ изъ села Б.“ описываетъ отъѣздъ поэта изъ Богословскаго и разлуку съ его „нимфой“ ³⁾.

У знатнаго сенатора (если вѣрно мое предположеніе, Г. П. Гагарина) И. Е. Срезневскій прослужилъ всего годъ; недовольный этою жизнью, видя, какъ говоритъ біографическая записка, что „хотятъ только извлекать изъ него пользу и не доставляютъ ему взаимно никакой“, онъ оставилъ частное мѣсто. „Друзья“, говоритъ онъ въ своей баснѣ „Бабочка“, впоследствии напечатанной въ иной редакціи,

„Не льстите на красну рѣчь вельможъ,
Въ ихъ блестящихъ словахъ бываетъ часто ложь

¹⁾ Пѣсня „Красно солнышко бросаетъ“.

²⁾ Пѣсня „Отчего ты, мильмъ высокій“.

³⁾ Напечатано въ приложеніяхъ вѣстѣ съ другими стихотвореніями этого рода. Жизнь въ Богословскомъ вспоминается еще въ прозаическомъ сочиненіи И. Е. Срезневскаго „Осенней прогулкѣ“; здѣсь онъ такъ отзывается объ этомъ селѣ: „мѣста прекрасныя, мѣста, нѣкогда меня прохлаждавшія и увеселявшія, мѣста прекрасныя, питавшія нѣкогда мое воображеніе непонятнымъ очаровательнымъ восторгомъ“. Заключительныя слова этой пьесы имѣютъ біографическій интересъ: „Пора оставить жизнь деревенскую, пора убраться въ городъ М.; тамъ между любезныхъ пріятелей въ комнатѣ сердечныхъ друзей моихъ буду я разбивать грудь свою! Они знаютъ мою душу, они знаютъ все мое положеніе, и конечно не откажутся меня утѣшить“.

И вмѣсто участи счастливой
Ихъ духъ кичливый

Лишить послѣднихъ въ щастью силъ:

Тогда вы будете, какъ бабочка безъ крыль! ¹⁾.

И. Е. Срезневскій обратился въ университетъ. „Viri amplissimi“, писалъ онъ, „quanquam multo plus debet gratissimus animus meus institutionibus atque patrocinio vestro quam ut ad maiora a vobis expetenda audere potuissem, nisi persuasus essem de bonitate et de perpetuo nisu vestro ad bona cuique praestanda: hac sola spe fretus audacior evado atque novas gratias expetere molior. Scitis enim, viri doctissimi, me per aliquot annos sub vestris institutionibus bonarum artium studiis incubuisse et ad vitae huius felicitate[m] facilius (ut opinatus sum) in alio vitae statu comparandam ex vestris sacratissimis museis demigrasse scitis. At quoniam mea me opinio fefellit et ipsa experientia edocuit me minus esse aptum ad alias conditiones hominum, quam ad pacificum domicilium musarum, proinde oro vos atque obtestor, duplicetis super me gratias vestras, neve recusetis hominem, qui se absque ullo periurio obstringit ad perseverandas artes elegantiores in vestro instituto poedagogico, ut aliquando litteris prodesse et musis ipsis iucunditatem afferre potuisset“ ²⁾. Въ 1797 году (7-го сентября), какъ значится въ послужномъ спискѣ И. Е. Срезневскаго, онъ былъ принятъ бакалавромъ въ Учительскій институтъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Поэтическимъ отголоскомъ этихъ событій является латинское стихотвореніе „Reditus ad universitatem“, въ которомъ поэтъ сравниваетъ себя съ Леандромъ, погибшимъ изъ за любви къ Геро; „его обманула льстивая Венера, меня моя судьба“, восклицаетъ поэтъ; „но онъ, твердый въ своей страсти, лежитъ на днѣ моря: я, наученный его примѣромъ, стремлюсь къ роднымъ берегамъ“; „прими своего Леандра“, заканчивается стихотвореніе, прими, прежнее пристанище, чтобъ не носиться ему бодше на кораблѣ по бурному и шумному морю“ ³⁾. Черезъ полъ года послѣ переѣзда въ Москву (9-го марта 1798 года) И. Е. Срезневскій получилъ мѣсто учителя при университетской гимназій; прежде чѣмъ занять мѣсто учителя Иваномъ Евсѣевичемъ было произнесено на латинскомъ языкѣ передъ профессорами университета „Разсужденіе о главныхъ свойствахъ и обязанностяхъ образцоваго учителя“ (Dissertatio de praecipuis characteribus

¹⁾ Сборникъ № 1, стр. 122, „Моя лира“, стр. 102.

²⁾ Сборникъ № 1, стр. 124.

³⁾ Ibid., стр. 123. См. приложенія (латинскій подлинникъ).

et officis optimi praeseptoris). Въ гимназіи, какъ значится въ Обзорѣннѣ преподаванія, „по изъясненіи земного шара по всеобщимъ ландкартамъ и введеніи въ древнюю исторію“ онъ долженъ былъ преподавать „географію и исторію европейскую, приравнивая къ понятію учащихся“¹⁾.

На службѣ въ гимназіи Иванъ Евсѣевичъ оставался до 1804 года. Отъ этого московскаго періода его дѣятельности въ печати сохранилось съ его именемъ два переводныхъ труда, одна компиляція и одно стихотворное произведеніе—„Надгробная пѣснь Екатерины Великой, сочиненная въ 1796 году при первомъ извѣстїи о кончинѣ ея“. „Надгробная пѣснь“ была напечатана въ видѣ приложенія къ переводной работѣ Ивана Евсѣевича „Жизнь Екатерины Великой, императрицы и самодержицы всероссійской“ (Москва, 1801). Вторая переводная работа Ивана Евсѣевича „Протекшій вѣкъ или историческій взглядъ на важнѣйшія происшествія осьмаго на десять столѣтїя“ вышла въ 1801—1803 годахъ и состоитъ изъ четырехъ томовъ: первые три суть переводъ съ нѣмецкаго, четвертый представляетъ собою извлеченіе „большою частію изъ Сегюра“, какъ сказано на заглавномъ листѣ этого тома²⁾. Наконецъ къ этому періоду надо отнести одно оригинальное сочиненіе, явившееся въ печати безъ подписи автора, но, какъ мнѣ кажется, несомнѣнно принадлежащее перу И. Е. Срезневскаго; я говорю про „Рѣчь о любви къ отечеству“, напечатанную въ изданіи „Рѣчь и стихи, читанные въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ декабря 21-го дня 1799 года“ (М.); къ заключенію о принадлежности рѣчи Срезневскому приводитъ нѣкоторое сходство этой рѣчи съ его рѣчью о любви къ отечеству, сказанной имъ впоследствии въ Ярославлѣ (1805), сходство, замѣчаемое, правда, только при внимательномъ сличеніи; тоже предположеніе можетъ подтвердить и способъ приведенія цитатъ изъ первой рѣчи въ рѣчи 1805 года: выписывая отрывокъ изъ рѣчи 1799 г., Срезневскій не указывалъ имени автора, а говоритъ, „какъ нѣкто

¹⁾ Имѣлъ въ рукахъ „Объявленіе о публичныхъ ученїяхъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ и обѣихъ гимназіяхъ онаго“ (Catalogus lectionum et exercitationum publicarum in universitate Caesarea Mosquensi et in utroque eius gymnasio... habendarum) только за годы 1799—1800 и 1801—1802.

²⁾ Вѣроятно, И. Е. Срезневскій говоритъ про сочиненіе Сегюра, вышедшее въ Парижѣ въ 1801 г. и озаглавленное такъ: „Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI augmentée de notes et commentaires par L. G. Ségur ex-ambassadeur“.

сказалъ“, въ то время какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ не только называется по имени автора, но подъ строкой точно приводитъ указаніе цитуемаго сочиненія.

Изъ числа московскихъ друзей И. Е. Срезневскаго сохранившіяся тетради его сообщаютъ имена лишь А. Ѳ. Мерзлякова, Андрея Тургенева и А. Ѳ. Воейкова. Первому изъ нихъ посвящено стихотвореніе Ивана Евсѣевича подъ названіемъ „Акrostихъ. Изъ царства мертвыхъ отъ А[ндрея] Т[ургенева] къ М[ерзлякову]“; привожу это стихотвореніе:

Ты, Мерзляковъ, всегда былъ для меня любезенъ;
 Въ нещастьи, въ щастьи твой совѣтъ мнѣ былъ полезенъ:
 Онъ грусть развеселялъ, онъ радость умѣрялъ
 И бальзамъ щастія на грудь мнѣ изливалъ.
 Дражайшій другъ! Теперь все то уже минуло,
 Рука Сатурнова глаза мои сомкнула,
 Ужь бесполезенъ твой мнѣ дружескій совѣтъ,
 Гласъ дружества меня съ небесъ не призоветъ.
 А мнѣ пришла пора давать тебѣ совѣты:
 Не лестно колы меня любилъ ты на землѣ,
 Драгой мой другъ, не плачь и не тужи о мнѣ.
 Рѣшенны Промысломъ всякъ проживаетъ лѣты,
 Его премудростью дается жизнь всему.
 И что досталось знать тутъ смертнаго уму?
 Тѣ слезы, что у васъ зовутся состраданьемъ,
 У насъ на небесахъ слывуть къ Творцу роптаньемъ.
 Разстался съ жизнью я? Мнѣ Богомъ жизнь дана,
 Готовъ колы жертвенникъ—и жертва часть должна.
 Еще послѣднія слова тебѣ вѣщаю:
 Не оставляй въ скорбяхъ родителей моихъ!
 Единъ ты за меня утѣшить можешь ихъ.
 Въ чертогахъ Господа я веселъ пребываю.

Тв[ой] др[угъ] А[ндрей] Т[ургеневъ] ¹⁾.

Это стихотвореніе, интересное какъ характеристика дружескихъ отношеній Мерзлякова съ Тургеньевымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намекъ на то, что и самъ И. Е. Срезневскій былъ близкимъ человѣкомъ къ нимъ обоимъ; написано оно, вѣроятно, скоро послѣ смерти Тургенева и до выѣзда Ивана Евсѣевича изъ Москвы, то-есть, между юлемъ 1803 года и лѣтомъ (?) 1804 г.

Отъ сношеній съ А. Ѳ. Воейковымъ въ бумагахъ И. Е. Срезнев-

¹⁾ Изъ рукописнаго сборника „Моя лира“, с. 128—129. Андрей Ивановичъ Тургеньевъ р. 1781 г. † 8-го іюля 1803 г.; похороненъ въ Петербургѣ (см. *Самозель*, „Петербургскій некрополь“, стр. 134).

скаго осталось его стихотворное письмо къ Воейкову, въ которомъ онъ вспоминаеть совмѣстную съ нимъ жизнь въ Москвѣ, сѣтуеть на неудачи:

...Бывало за стихомъ въ минуту стихъ родится,
Теперь же какъ не ладъ, все что-то не клеится.
Бывало мы въ стихахъ sublime и naturelle
Naïf и pathétique бросали будто хмель;
А нынѣ у меня такая неудача,
Что какъ ни понукай, Пегасъ мой будто кляча,
Ни шагу напередъ и съ самой той поры,
Какъ ты лизнулъ въ Рязань, везеть меня съ горы;
Какъ Фебу ни молюсь и какъ на музъ ни плачусь,
А все-то ракомъ въ низъ съ горы Парнасской пачусь.
Ты удивляешься, какъ это стало такъ,
Что изъ Парнаскаго питомца вышелъ ракъ?
Такое чудное природы превращенье
Назону не могло прийти въ воображенье.
Я думалъ, размышлялъ, раздумывалъ трикратно,
Зачѣмъ я не могу писать, какъ прежде складно
И сколько ни тружусь, нѣтъ сноснаго стишка?
Неужли у меня не та теперь башка?
Но вотъ, мнѣ кажется, попалъ я на причину,
Которая въ меня вселила грусть-вручину;
А отъ кручины той пропалъ мой стопной умъ;
И музѣ не куми и Фебъ мнѣ сталъ не кумъ.
Бывало весело мы съ вами поживали
Sublime и naturelle цимлянскимъ запивали
Naïf и pathétique вареньемъ заѣдали;
Отъ этого у насъ по маслу все текло
И всякой былъ изъ насъ не меньше Буало.
Теперь безъ денегъ я и безъ друзей остался... ¹⁾

Далѣе въ этомъ посланіи Срезневскій просить позаботиться о братѣ, вѣроятно, Осипѣ Евсѣевичѣ, бывшемъ впоследствии профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ и преподавателемъ въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ училищѣ ²⁾:

Здорово ли живутъ индѣйки поросята?
Да кстати не забудь мого родного брата!
Хоть не хотѣлось мнѣ, чтобъ близко поросять

¹⁾ Рукописный сборникъ „Моя лира“, с. 130—131.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ помѣщены въ соч. Булича „Изъ первыхъ лѣтъ И. Казанскаго университета“ и въ книгѣ М. И. Сухомятина: „Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. 1.

Стоялъ родной мой братъ,
 Но прѣма, какъ на зло попалась прѣбогата.
 Такъ можно-ль, чтобъ прѣмачъ жалѣлъ для прѣмы брата?

Со стороны А. Ѳ. Воейкова осталось воспоминаніе объ И. Е. Срезневскомъ совсѣмъ иного рода, правда относящееся къ гораздо болѣе позднему времени (1818 — 1819 годы); я говорю о его сатирѣ „Парнасскій календарь“, гдѣ авторъ такъ характеризуетъ дѣятельность Ивана Евсѣевича: „И. Е. Срезневскій употребленъ по части народнаго просвѣщенія; сочиняетъ историческое похвальное слово покойному Ерофенчу и исчисляетъ, сколько азовъ употребилъ въ сочиненіяхъ своихъ Аристотель“¹⁾).

Въ 1804 году (февраля 12-го) И. Е. Срезневскій совѣтомъ Московскаго университета былъ „произведенъ въ магистра философіи и свободныхъ наукъ“ и вскорѣ затѣмъ получилъ отъ Павла Григорьевича Демидова приглашеніе занять въ открывавшемся тогда Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ кафедру „словесности древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія“ (1-го мая 1804 г.). Изъ этого факта, если припомнить, что Демидовъ выбиралъ профессоровъ для своего училища съ большою осторожностью, слѣдуетъ заключить, что И. Е. Срезневскій занималъ въ ряду современныхъ молодыхъ ученыхъ замѣтное мѣсто²⁾; помимо разнообразныхъ научныхъ познаній, для насъ очевидныхъ по его ключу къ Овидію, за нимъ было рѣдкое для того времени преимущество — основательное знакомство съ языками древними и новыми—греческимъ, латинскимъ, французскимъ, итальянскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и, кажется, еврейскимъ. И. Е. Срезневскій былъ посланъ въ Ярославль еще въ теченіи 1804 года³⁾; на торжественномъ актѣ по случаю открытія училища 29-го апрѣля 1805 года онъ сказалъ рѣчь о любви къ отечеству вслѣдъ за проректоромъ Янишемъ⁴⁾, напечатанную впоследствии въ „Украинскомъ вѣстникѣ“ 1816 года. Профессоромъ Демидовскаго училища И. Е. Срезневскій оставался до 1812 года. Въ

¹⁾ *Русская Старина*, 1874 г., т. 9, стр. 614.

²⁾ „Демидовъ, лично испытывая каждого изъ избираемыхъ имъ наставниковъ, пригласилъ и Срезневскаго на нѣсколько ученыхъ бесѣдъ и по испытаніи предложилъ ему мѣсто профессора“. Записка объ И. Е. Срезневскомъ И. И. Срезневскаго. Въ ней же читаемъ, что Демидовъ „заботился о снабженіи открываемаго имъ... училища дѣльными профессорами“.

³⁾ *Головицковъ*, указ. соч., стр. 56—57.

⁴⁾ *Ibid.*, с. 45.

этотъ періодъ времени кромѣ профессорскихъ обязанностей и соединеннаго съ его кафедрой наблюденія за бібліотекой училища онъ исполнялъ въ 1805—1806 годахъ обязанности инспектора надъ поведеніемъ казенныхъ питомцевъ (онъ былъ первый инспекторъ училища ¹⁾), въ 1806—1808 годахъ—обязанности секретаря совѣта, въ 1808—1809 годахъ—главнаго смотрителя учрежденнаго при училищѣ благороднаго пансіона, наконецъ одно время онъ занималъ должность проректора училища ²⁾). Изъ „Объявленій о предметахъ ученія въ Ярославскомъ Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ преподаваемыхъ“ видно, что И. Е. Срезневскій въ 1806—1807 академическомъ году ³⁾ долженъ былъ объяснять своимъ слушателямъ эстетику по руководству Мейнера, преподавать „правила о порядкѣ и расположеніи прозаическихъ сочиненій, также и о родахъ ихъ“, читать съ воспитанниками Овидія и сочиненіе Иеронима Види о поэзіи и, наконецъ, преподавать исторію еврейской и греческой литературы; въ нижнемъ классѣ въ томъ же году Срезневскій долженъ былъ читать Аннея Флора и Корнелия Непота, преподавать правила о сочиненіи періодовъ, изъяснять русскію и латинскую просодію и упражнять въ переводахъ съ русскаго на латинскій ⁴⁾). Изъ обзорѣній слѣдующихъ 1807—1808 и 1808—1809 годовъ видно, что Срезневскій по прежнему преподавалъ эстетику, читалъ лучшихъ латинскихъ писателей, а вновь прибывшихъ знакомилъ съ правилами риторики и поэзіи, занимая „каждаго по склонности стихосложеніемъ и сочиненіями прозаическими“; съ менѣе успѣвшими онъ изучалъ синтаксисъ русскій и латинскій и просодію ⁵⁾). Въ 1810—1811 г. къ этой программѣ было прибавлено предположеніе сдѣлать „опытъ въ изъясненіи идеологіи по руководству Доба“ ⁶⁾), отиѣненное въ программѣ на слѣдующій годъ ⁷⁾). Наконецъ, программа 1811—1812 г. сообщаетъ, что Срезневскій „будетъ препода-

¹⁾ Головицкоеъ, указ. соч., стр. 55.

²⁾ Ibid., стр. 177; формулярный списокъ).

³⁾ Болѣе равныхъ обзорѣній преподаванія я не видѣлъ.

⁴⁾ Объявленіе о предметахъ ученія въ Ярославскомъ Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ преподаваемыхъ съ 17-го августа 1806 г. по 28-е іюня 1807 года (М.), 2—5.

⁵⁾ Расположеніе предметовъ ученія въ Ярославскомъ вышнихъ наукъ училищѣ преподаваемыхъ съ 17-го августа 1807 года къ 28-му іюня 1808 г. (М. 1807), 4—5. „Расположеніе“ и пр. 1808—1809 г., с. 25.

⁶⁾ Ibid., 1809—1810, стр. 9.

⁷⁾ Ibid., 1810—1811, стр. 9—10.

давать логику на отечественномъ языкѣ, дабы своекоштные студенты и другіе въ латинскомъ языкѣ мало успѣвшіе не лишались надлежащей пользы“, затѣмъ „по собственной методѣ покажетъ общія правила критики или о точномъ и безпристрастномъ сужденіи эстетическихъ произведеній, приравливаясь къ образцамъ древнихъ и новѣйшихъ отличныхъ писателей и подъ тѣ же правила подводя собственные произведенія учащихся, дабы чрезъ то сдѣлать ихъ впредь осторожнѣе и основательнѣе въ сочиненіи“; наконецъ, Срезневскій „будеть изъяснять практическую часть эстетики по руководству Мейнера и Бутервека“¹⁾. Къ этому перечисленію учебныхъ занятій Срезневскаго надо добавить, что въ 1808—1809 году, занимая должность главнаго смотрителя благороднаго пансіона при Демидовскомъ училищѣ, онъ долженъ былъ помимо училища преподавать и въ пансіонѣ: съ воспитанниками пансіона онъ занимался логикой въ связи съ литературою, съ студентами „критическимъ разбираниемъ сочиненій и переводовъ, до литературы касающихся“, „приглашая въ присутствіе и учителей, знающихъ російскую словесность“²⁾.

Ученныя работы И. Е. Срезневскаго въ теченіи его жизни въ Ярославлѣ, по словамъ И. И. Срезневскаго, направлялись по преимуществу на собраніе и обработку матеріаловъ для всеобщей исторіи литературы. Первые мысли объ этомъ трудѣ были высказаны И. Е. Срезневскимъ въ его рѣчи „О странствованіи музъ или о нѣкоторыхъ промежуткахъ временъ, въ которые художества и науки изящныя у разныхъ народовъ процвѣтали и о причинахъ, служащихъ для оныхъ поощреніемъ“. Эта рѣчь затрогиваетъ главнымъ образомъ исторію древняго просвѣщенія; авторъ особенно подробно останавливается на Римѣ, о среднихъ вѣкахъ и новомъ времени говоритъ въ нѣсколькихъ строкахъ и заканчиваетъ свою рѣчь краткимъ обзоромъ исторіи просвѣщенія въ Россіи, начиная съ Петра Великаго; въ этомъ обзорѣ онъ перечисляетъ на ряду съ писателями, учеными, ораторами и имена лучшихъ живописцевъ, граверовъ, архитекторовъ и „виртуозовъ“, то-есть, музыкантовъ того времени. „Нынѣ“, заканчивается рѣчь, „великій народъ російскій, подъ покровительствомъ августѣйшаго монарха Александра I, утѣшается полнымъ

¹⁾ Ibid., 1811—1812, стр. 3—4.

²⁾ Объявленіе о предметахъ ученія, о преподающихъ оные и о времени преподаванія въ благородномъ пансіонѣ при Ярославскомъ Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ съ 1-го августа 1808 г. по 27-е іюня 1809 г., стр. 8.

свѣтомъ наукъ и по справедливости блаженнѣйшимъ себя почитаетъ на всемъ земномъ шарѣ. Чего еще недостаетъ къ усовершенствованію нашего благополучія? Мы наслаждаемся всякаго рода просвѣщеніемъ; мы прославляемся славою всѣхъ вѣдшихъ народовъ; мы пользуемся внутреннимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ. Наши благодѣтельные меценаты всячески намъ помогаютъ и покровительствуютъ въ прохожденіи поприща наукъ; наши герои, увѣнчанные лаврами побѣдъ, блескъ имперіи повсюду и всегда распространяютъ.

Когда гремитъ война, когда весь свѣтъ во брани,
 Великій росскій царь, возвысивъ мощи длаи,
 При Вислѣ молніи бросаетъ на враговъ;
 Народамъ, жаждущимъ всегда его покровъ,
 Уставы мудрости даетъ съ пресвѣтла трона,
 Во славу съ славою равняется боговъ.

Въ то время мы, бывъ удалены отъ всѣхъ бѣдствій войны, безтрепетны, безопасны, —

Въ довольствѣ, въ полнотѣ блаженства чашу пьемъ,
 Готовимъ сердце, умъ, ликуемъ и поемъ.
 Насталъ Сатурновъ вѣкъ—златой, благословенной,
 Возсталъ, возсталъ народъ великій во вселенной,
 Надъ конемъ царствуетъ богъ кроткій Аполлонъ;
 Народы всей земли спасетъ отъ страха онъ;
 И будетъ жизнь его, равно какъ жизнь безсмертныхъ.
 Во славу зря своихъ героевъ безпримѣрныхъ,
 Самъ славою вѣчной онъ, какъ богъ, ихъ озаритъ
 И мирнымъ скипетромъ вселенну удивитъ“.

По словамъ И. И. Срезневскаго курсъ исторіи всеобщей литературы былъ близокъ по плану къ рѣчи о странствованіи музъ и заключалъ въ себѣ „не одну изящную словестность, а всѣ науки, выражающіяся художественнымъ словомъ“. Изъ другихъ литературныхъ работъ И. Е. Срезневскаго за ярославскій періодъ его жизни съ именемъ автора сохранились слѣдующія: Рѣчь о любви къ отечеству. Рѣчь о возрѣніи мыслящаго человѣка на благотворительныя заведенія (читана 29-го апрѣля 1808 г.), Гимнъ благодворенію (читанъ 29-го апрѣля 1810 г.), „Ода ихъ императорскимъ высочествамъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и супругу ея свѣтлѣйшему принцу Георгу Голштейнъ-Олденбургскому..., которую... подноситъ Ярославское Демидовское вышнихъ наукъ училище при вождѣлѣнномъ оваго посѣщеніи (12-го января 1810 г.).

Въ семейной жизни И. Е. Срезневскаго за это время произошла важная переѣна: въ 1805 или 1806 году онъ женился на дочери Ив. Петр. Кускова, учителя танцовальнаго искусства при Демидовскомъ училищѣ ¹⁾, Еленѣ Ивановнѣ (род. 1792 г. † 1856 г.); отъ этого брака 1-го іюня 1812 года родился Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Въ 1812 году послѣ смерти харьковскаго профессора російскаго краснорѣчія и поэзіи Рижскаго изъ числа конкурентовъ, желавшихъ занять свободную кафедру, совѣтомъ университета былъ избранъ Ив. Евс. Срезневскій ²⁾. Изъ официальныхъ данныхъ, помѣщавшихся въ ежегодныхъ „*Conspectus lectionum... in caesarea universitate Charscovienſi publice habendarum*“, иначе въ „Обозрѣніяхъ публичныхъ чтеній“, можно получить лишь самыя краткія свѣдѣнія о дѣятельности Срезневскаго въ университетѣ. Эти данныя сообщаютъ, что въ 1813 — 1814 академическомъ году ³⁾ „п[рофессоръ] п[убличный] о[рдинарный] Срезневскій преподавать будетъ второй курсъ російской словесности; также изъяснить основанія эстетики и критики теоретически и практически“ ⁴⁾; какъ видимъ изъ тѣхъ же данныхъ, въ 1814 — 1815 году Срезневскій долженъ былъ преподавать „російскую словесность, эстетику и начала критики теоретически и практически“ ⁵⁾, далѣе въ Обзорѣніяхъ 1815—1816 и 1816 — 1817 гг. обѣщалось, что онъ „преподастъ эстетику теоретическую и практическую и общую критику и, есть-ли время позволить, аналитическую исторію изящныхъ наукъ и искусствъ“ ⁶⁾; въ Обзорѣніи 1817—1818 сообщается, что Срезневскій „будетъ читать на русскомъ языкѣ эстетику, какъ теоретическую, такъ и практическую, также всеобщую критику“ ⁷⁾; въ Обзорѣніи 1818—1819 года говорится, что онъ „бу-

¹⁾ Формулярный списокъ губернскаго секретаря И. П. Кускова.

²⁾ О Ив. Ст. Рижскомъ см. Антоновскій „Мысли при кончинѣ Ив. Ст. Рижскаго (X. 1811), „Извѣстіе о жизни и смерти проф. Ив. Ст. Рижскаго (X. 1811); М. И. Сухомятовъ: Исслѣдованія, т. 1, 72—83 (перепечатано въ Харьковскомъ сборникѣ, т. 3); Багалъй; „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“ (Записки И. Х. ун. 1897, кн. 4; 1898, кн. 1.

³⁾ 1812—1813 г. мнѣ не удалось видѣть.

⁴⁾ „Обозрѣніе публичныхъ чтеній, кои въ Имп. Харьковскомъ университетѣ отъ 17-го августа 1818 по 30-ое іюня 1814 года имѣютъ быть преподаваемы“, стр. 18.

⁵⁾ Ibid. 1814—1815, стр. 16.

⁶⁾ Обзорѣніе 1815—1816 г., стр. 15; Обзорѣніе 1816—1817, стр. 13.

⁷⁾ Обзорѣніе 1817—1818 г., стр. 15.

детъ изъяснять во-первыхъ эстетику теоретическую, примѣняя ее, сколько возможно къ практической; потомъ практическую съ примѣненіемъ къ теоретической, наконецъ преподасть основанія аналитическаго и синтетическаго разбора по правиламъ и примѣрамъ, рассматривая вмѣстѣ собственныя слушателей своихъ сочиненія“¹⁾; въ 1819—1820 году, послѣднемъ для И. Е. Срезневскаго, къ курсу его прибавился совершенно новый предметъ — преподаваніе славянскаго языка“²⁾. Что касается до содержанія и сущности лекцій И. Е. Срезневскаго, то, по словамъ И. И. Срезневскаго, И. Е. Срезневскій въ своемъ курсѣ рассматривалъ русскую словесность, какъ одно изъ продолженій словесности древней; поэтому онъ соединялъ „ея преподаваніе съ критикой писателей греческихъ и римскихъ, находя тамъ образцы, а въ нашей дѣятельности только успѣхи въ умѣнны подражать“; „онъ понималъ, впрочемъ“, продолжаетъ И. И. Срезневскій, „необходимость оригинальности русской и возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ сочувствіе къ ней оцѣнкой Державина, Карамзина, Крылова и между прочимъ тогда еще молодого писателя Жуковскаго“³⁾.

Помимо профессорской службы въ Харьковскомъ университетѣ И. Е. Срезневскій въ теченіи этого періода своей жизни занималъ должности члена училищнаго комитета (1813, 1814, 1815, 1816, 1818, 1819)⁴⁾, члена комитета испытаній или испытательнаго (1815, 1816, 1817, 1818, 1819 г.)⁵⁾, визитатора для осмотра гимназій въ Курской губерніи, гимназій и училищъ въ Воронежской губерніи (1813⁶⁾), наконецъ въ самомъ университетѣ кромѣ ученыхъ и учебныхъ обязанностей исполнялъ роль администратора, занимая съ 1815 по 1817 г. должность инспектора студентовъ⁷⁾.

Положеніе И. Е. Срезневскаго въ отношеніи къ профессорамъ университета почти ни изъ чего не выясняется. Нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архивныхъ данныхъ и занесенныя Д. И. Багалъемъ въ его „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, указываютъ на

¹⁾ Обзорѣніе 1818—1819, стр. 15.

²⁾ Обзорѣніе 1819—1820, стр. 18.

³⁾ Рукописная записка И. И. Срезневскаго.

⁴⁾ Обзорѣнія публичныхъ чтеній.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Изъ формуляра.

⁷⁾ Изъ Обзорѣній публичныхъ чтеній.

принадлежность Срезневскаго къ русской партіи. Наиболѣе рѣзко проявилась его дѣятельность во время разбирательства дѣла ректора университета А. И. Стойковича, который, какъ извѣстно, былъ уличенъ въ злоупотребленія правомъ профессоровъ на безплатный провозъ заграничныхъ товаровъ и въ противозаконной торговлѣ. Срезневскій былъ избранъ университетскимъ совѣтомъ въ председатели правленія для суда надъ ректоромъ, чѣмъ крайне возбудилъ неудовольствіе Стойковича, видѣвшаго въ немъ одного изъ главныхъ своихъ враговъ. „Трудно въ настоящее время“, по словамъ Д. И. Багалѣя, „судить о мотивахъ, побудившихъ тѣхъ или иныхъ профессоровъ выступить противъ ректора...; одни искренно возмущались поведеніемъ главы университета, другимъ не нравилось, что это былъ не русскій челевѣкъ, а пришелецъ, третьи и раньше знали о его продѣлкахъ, но относились къ нимъ совершенно спокойно, равнодушно, а теперь подѣ влияніемъ личныхъ отношеній, стали возмущаться ими“... „Во всякомъ случаѣ“, говоритъ ниже историкъ университета, „у насъ нѣтъ данныхъ заподозрить чистоту побужденій тѣхъ пяти русскихъ профессоровъ, которые довели дѣло до конца — Осиповскаго, Срезневскаго. Книгина, Шумлянскаго, Каменскаго и шестого иностранца Роммея. а если можно заподозрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ какой нибудь задней мысли, то только въ желаніи, чтобы во главѣ университета стоялъ профессоръ русскаго происхожденія — желаніи исполнѣ законномъ тѣмъ болѣе, что въ составѣ русской партіи числился такой достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ дѣятель, какъ Осиповскій“¹⁾.

Отношенія между И. Е. Срезневскимъ и студентами могутъ быть нѣсколько выяснены изъ немногихъ намековъ, которые даютъ памятные замѣтки его сына. И. И. Срезневскій вспоминаетъ обычные воскресные обѣды студентовъ по очереди у И. Е. Срезневскаго, бывшаго тогда инспекторомъ, про искреннія, сыновнія отношенія ихъ къ его женѣ Еленѣ Ивановнѣ, у которой они искали совѣта и наставленія, къ которой обращались и съ просьбой и съ жалобой; Елена Ивановна, по словамъ И. И. Срезневскаго, каждого успокаивала, обнадеживала и, сколько могла, всѣмъ помогала; „она сдѣлалась посредницей между студентами и инспекторомъ, другомъ ихъ и, благодаря ей, улаживалось многое такое, что въ прежнее время возбу-

¹⁾ *Багалѣй*: Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1, в. 2, с. 319 и слѣд. О дѣлѣ Стойковича см. въ статьѣ Н. А. *Лазровскаго*: Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета. I. Стойковичъ (Чтенія въ Имп. общ. ист. и др. рос. 1873. 2).

ждало сильныя волненія молодежи“. До Срезневскаго должность инспектора считалась безпокойною и даже опасною; бывало прежде, въ комнату инспектора по вечерамъ влетали камни, что заставляло принимать разныя мѣры предосторожности; Иванъ Евсеѣвичъ не слѣдовалъ въ этомъ примѣру своихъ предшественниковъ и ни разу не подвергся ихъ участи ¹⁾).

Учено-литературная дѣятельность Ив. Евс. Срезневскаго за годы его харьковской жизни помимо университетскихъ лекцій выразилась во-первыхъ участіемъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ университета, гдѣ онъ выступалъ ораторомъ и стихотворцемъ, во-вторыхъ, занятіями въ Обществѣ наукъ при Харьковскомъ университетѣ, въ третьихъ сотрудничествомъ въ повременныхъ изданіяхъ.

Участіе И. Е. Срезневскаго въ торжественныхъ засѣданіяхъ университета замѣтно только въ первые годы его службы въ Харьковѣ; потомъ, отъ торжественной каеэды его отвлекали частью, вѣроятно, болѣзни, частью административныя заботы. Первую свою рѣчь „О происхожденіи и причинахъ различія дарованія въ людяхъ“ онъ сказалъ въ 1812 году. Второй разъ Срезневскій выступилъ въ 1814 году на засѣданіи 25-го декабря, праздновавшемъ избавленіе отъ французовъ; здѣсь онъ прочелъ „Слово о благодѣяніяхъ промысла Божія, въ царствованіе благословеннаго племени Романова на Россію ниспосланныхъ“; въ томъ же засѣданіи была исполнена его ораторія на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, положенная на музыку магистромъ Шуманомъ. Этимъ и ограничилась вся дѣятельность И. Е. Срезневскаго на торжественныхъ собраніяхъ университета.

Въ число членовъ Харьковскаго общества наукъ И. Е. Срезневскій вступилъ при самомъ учрежденіи общества въ 1813 году; оно составилось тогда изъ десяти членовъ; кромѣ Срезневскаго въ него входили: А. И. Стойковичъ (ректоръ университета), профессора Т. Ф. Осиповскій, И. Е. Шадъ, Ф. И. Гизе, Х. Ф. Роммель, И. Д. Книгинъ, И. П. Каменскій, І. М. Лангъ, Н. Н. Швейхардъ ²⁾). Первое

¹⁾ См. Путевыя письма И. И. Срезневскаго (П. 1895). Предисловіе, стр. IX.

²⁾ Труды общества наукъ, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ (1817), т. 1, стр. XIII. Здѣсь напечатана „Исторія Харьковскаго общества наукъ“, въ которой помѣщенъ и уставъ общества (отдѣльно былъ напечатанъ въ Харьковѣ въ 1813 г. 20 стр. in 8°). Объ обществѣ см. еще у Д. Багалъя въ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета (Записки Харьковскаго университета, 1897, т. I, 82—95).

засѣданіе общества имѣло мѣсто 19-го марта 1813 года; въ немъ были произведены выборы администраціи, причѣмъ мѣсто предсѣдательствующаго занялъ Стойковичъ, директоровъ двухъ отдѣленій общества—естественныхъ наукъ и наукъ словесныхъ—Осиповскій и Срезневскій; въ томъ же году Срезневскому пришлось взять на себя и обязанности секретаря общества, вслѣдствіе того, что Каменскій, избранный секретаремъ естественнаго отдѣленія, отказался отъ должности, а Лангъ—секретарь отдѣленія словесныхъ наукъ—вышелъ изъ общества ¹⁾). Литературная дѣятельность И. Е. Срезневскаго въ обществѣ наукъ, равно какъ и другихъ членовъ, сколько мы знаемъ, не была обширна. Въ исторіи общества сообщается, что въ 1814 году онъ представилъ въ засѣданіяхъ общества „преложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, переводъ двухъ одъ Горация (Quo, quo, scelesti ruitis ²⁾) и изъ книги II, ода X (Rectius vives, Licini ³⁾) и нѣкоторыя другія стихотворенія“ ⁴⁾, что въ 1815 году читалъ свою поэму „Иванъ Сусанинъ или освобожденный царь“ ⁵⁾, наконецъ, что въ томъ же году ему было поручено приготовить „историческое донесеніе о занятіяхъ общества“ ⁶⁾; кромѣ этого, можно думать, И. Е. Срезневскій на равнѣ съ другими членами общества участвовалъ въ разсмотрѣніи трудовъ, представленныхъ въ общество сочленами, такъ какъ (приводимъ слова историка общества) „дабы облегчить разсматриваніе представляемыхъ сочиненій и дабы основательнѣе можно было судить объ ихъ достоинствѣ, общество положило каждое сочиненіе препоручать для разсмотрѣнія одному или двумъ изъ членовъ съ тѣмъ, чтобы они по разсмотрѣніи онаго представили обществу вкратцѣ его содержаніе съ присовокупленіемъ своего мнѣнія о его достоинствѣ“ ⁷⁾. Говоря о дѣятельности И. Е. Срезневскаго въ Харьковскомъ обществѣ наукъ—нельзя не упомянуть объ его участіи въ другихъ подобныхъ обществахъ—обществѣ любителей россійской словесности въ Ярославлѣ, гдѣ онъ былъ почетнымъ членомъ ⁸⁾, и Казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности, гдѣ онъ былъ дѣйствительнымъ чле-

¹⁾ Труды общества наукъ, стр. XIV.

²⁾ Напечатана въ Украинскомъ Вѣстникѣ, 1818, I, 317—318.

³⁾ Напечатана тамъ же, 1816, авг. 208—209.

⁴⁾ Труды общества наукъ, стр. XVI.

⁵⁾ Ibid. XXI.

⁶⁾ Ibid. XXIII.

⁷⁾ Ibid. XXIV.

⁸⁾ Труды Казанскаго общества любителей Россійской словесности, т. I, 2, 113.

номъ (съ 17-го декабря 1812 г. ¹⁾). Въ чемъ заключалось участие Ивана Евсеѣвича въ трудахъ Ярославскаго общества, свѣдѣній не сохранилось; относительно участія въ Казанскомъ обществѣ извѣстно, что Иванъ Евсеѣвичъ представилъ ему переводъ трехъ одъ Горация, которыя и были напечатаны въ трудахъ общества ²⁾.

Наконецъ, какъ сказано выше, литературная дѣятельность И. Е. Срезневскаго выразилась въ видѣ сотрудничества въ харьковскихъ повременныхъ изданіяхъ—„Украинскомъ Вѣстникѣ“ и „Харьковскомъ Демокритѣ“. „Украинскій Вѣстникъ“ былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ представителей русской періодической печати ³⁾. Имъ руководили Гонорскій, Филомафицкій и Квитка; первые двое были люди близкіе И. Е. Срезневскому—оба его ученики по Харьковскому университету; Филомафицкій былъ даже, кажется воспитанъ И. Е. Срезневскимъ съ дѣтства ⁴⁾, и находился въ числѣ студентовъ Ярославскаго училища, когда Иванъ Евсеѣвичъ былъ тамъ профессоромъ ⁵⁾. Какъ говорить И. И. Срезневскій, самая инициатива изданія Украинскаго Вѣстника принадлежала Ивану Евсеѣвичу; онъ руководилъ трудами редакторовъ, „дѣлилъ съ ними заботы редакціи и сообразно съ нуждами изданія располагалъ литературные труды студентовъ“ ⁶⁾. Въ Украинскомъ Вѣстникѣ было помѣщено не мало стихотвореній И. Е. Срезневскаго—оды, переложенія псалмовъ, переводы съ латинскаго и греческаго, прозаическія сочиненія, именно знаменитая его рѣчь о любви къ отечеству и единственная его научная статья, касающаяся славянской мнѣологіи. Въ другомъ харьковскомъ журналѣ того времени „Харьковскомъ Демокритѣ“, издававшемся В. Масловичемъ и нисколько не походившемъ на серьезный „Украинскій Вѣстникъ“, И. Е. Срезневскій принималъ участіе мелкими стихотвореніями—эпиграммами, сатирами, пѣснями; въ немъ онъ подписывался буквами *Срз.*

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о харьковскомъ періодѣ жизни И. Е. Срезневскаго надо упомянуть, что въ эти годы онъ удостоился отъ

¹⁾ Труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности, I, 1, 55.

²⁾ Ibid. в. 1, с. 96—100.

³⁾ См. о немъ: *Кіевская Старина*, 1892, т. 38, стр. 184—191.

⁴⁾ Изъ записки И. И. Срезневскаго о И. Е. Срезневскомъ.

⁵⁾ См. брошюру, въ которой напечатана Ода И. Е. Срезневскаго в. к. Екатеринѣ Павловнѣ, а вслѣдъ за ней „хоръ“, подписанный: „студентъ Евграфъ Филомафицкій“.

⁶⁾ Записка И. И. Срезневскаго о жизни И. Е. Срезневскаго.

университета почетнаго званія доктора свободныхъ (иначе изящны хъ наукъ; это произошло въ 1813—1814 академическомъ году.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій умеръ 12-го сентября 1819 года. По словамъ его жены Елены Ивановны болѣзнь его была истощеніе силъ: онъ лежалъ всего пять дней и докторъ, ѣздившій къ нему каждый день, „лекарствъ ему не давалъ, потому что натура сама собою истощилась“¹⁾. Иванъ Евсѣевичъ былъ похороненъ „въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ университета“ (какъ говорится въ его некрологѣ) 14-го сентября на такъ называемомъ старомъ, нынѣ упраздненномъ кладбищѣ²⁾. Кроме краткаго извѣстія о его смерти, помѣщеннаго въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“³⁾, памяти покойнаго были посвящены стихи одного изъ его учениковъ Райдоровскаго „Мысли при гробѣ наставника моего Ивана Евсѣевича Срезневскаго“. Представляю здѣсь это стихотвореніе, могущее служить характеристикой покойнаго, конечно, нѣсколько пристрастной, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ произведеніяхъ, но тѣмъ не менѣе не безынтересной:

Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ
Я приближаюсь ко гробу твоему;
Въ мольбѣ души моей, чтобъ ты предъ Безконечнымъ,
Тамъ, гдѣ печаль и стонъ невѣдомъ никому,
Тамъ вспомнилъ обо мнѣ, страдалецъ неприютномъ,
Которому ужъ гробъ другихъ завидѣвъ сталъ,
Который въ бѣдствіи почти ежеминутномъ
Надежду самую на счастье потерялъ!..
Кто жъ призритъ сихъ сиротъ, жену, о Боже силы,
Коль воззвуть къ нему они въ скорбяхъ своихъ
И воплемъ возмутятъ покой его могилы?..
Уже ли въ воздухѣ исчезнуть силы ихъ?
Наставникъ мой, кому въ удѣлъ свое смиренье,
Кому оставилъ ты духъ братства и любви?
Вѣщай, другъ ангеловъ, вѣщай мнѣ въ утѣшенье—
И симъ себя хотя въ послѣдній разъ яви!..
Когда жъ душа моя падеть въ изнеможенье,
Посли мнѣ своего ты ангела съ небесъ.
Въ усладу горести, въ мое успокоенье,
Посли, чтобъ я свой крестъ съ терпѣніемъ понесъ!..

¹⁾ Письмо Е. И. Срезневской къ К. А. Кусковой 10-го октября 1819 г.

²⁾ На Нѣмецкой улицѣ у церкви Каплуновской Божьей Матери. Могила его не сохранилась.

³⁾ *Украинскій Вѣстникъ*, 1819, сентябрь, 350; здѣсь сказано, что „смерть его была слѣдствіемъ продолжительной болѣзни“.

Быть можетъ, я дождусь еще весны любезной
(Есть Богъ: Онъ можетъ насъ одинъ лишь утѣшать),
Тогда опять пойду къ тебѣ на домъ твой тѣсной
И буду я его цвѣтами осыпать¹⁾.

Короткая записка о жизни И. Е. Срезневскаго, составленная скоро послѣ его смерти, изъ которой мы черпали и выше нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ характеризуетъ его жизнь и дѣятельность: „И. Е. Срезневскій образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей нежели по долгу и потому многихъ содѣялъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ. Онъ, однако жъ, доказалъ собою истину, превосходно изложенную въ его грамматической критикѣ и рѣчи о различіи дарованій въ людяхъ, что здоровое состояніе тѣла есть необходимое условіе для совершенства душевныхъ талантовъ. Неумѣренныя занятія при самомъ началѣ его образованія посѣяли въ немъ сѣмя болѣзни, неудачная потомъ служба и разныя огорченія въ жизни своей произростили это сѣмя до того, что онъ при концѣ жизни своей еще почти въ предѣлахъ мужества не только не могъ упражнять ума своего, но въ самыхъ приверженныхъ къ нему рождалъ горестное желаніе, чтобы разстроенное и изможденное тѣло его освободило отъ тяжкихъ узъ своихъ безсмертный духъ“.

2.

При разсмотрѣніи учено-литературной дѣятельности И. Е. Срезневскаго, можно выдѣлить двѣ ея части: дѣятельность его, какъ оратора и какъ поэта. Несомнѣнно первенствующее мѣсто въ его литературныхъ работахъ занимаютъ его рѣчи. Произносившіяся большею частью по обязанности, на разныхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣе не заключаютъ въ себѣ казеннаго, напыщенно-холоднаго характера; напротивъ, онѣ видимо близко касаются автора, излагаютъ его искреннія убѣжденія. Благодаря такому характеру помимо литературныхъ достоинствъ онѣ важны для его біографа также тѣмъ, что даютъ обрисовку его взглядовъ, изображеніе его внутренняго міра. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно наиболѣе богатый матеріалъ даетъ рѣчь „О любви къ отечеству“, по мнѣнію самого автора

¹⁾ *Украинскій Вѣстникъ*, 1819, сентябрь, с. 336—338.

лучшее его литературное произведение ¹⁾). Въ этой рѣчи И. Е. Срезневскій разбираетъ два вопроса: что такое отечество? и что такое любовь къ отечеству? „На сія вопросы“, говоритъ ораторъ, „много было разныхъ истолкованій и по большей части нелѣпныхъ. Одинъ говорить: отечество есть то мѣсто, гдѣ жить хорошо. Отвѣтъ довольно острый, но обманчивый: всякъ по своему вѣситъ и мѣряетъ, что значить жить хорошо. Разбойникъ думаетъ, что тамъ для него жизнь счастливая, гдѣ грабежъ и убійство не почитаются важными злодѣяніями; тайный хищникъ тѣ мѣста почитаетъ раемъ, гдѣ простота златого вѣка, увѣренная въ добросердечіи собратій своихъ, нимало не беретъ предосторожности о сохраненіи своей собственности...; неправедный судья ту страну почитаетъ блаженною, гдѣ гражданскіе законы можно всегда изъяснять въ свою выгоду и гдѣ справедливость не находитъ себѣ защиты...; кичащійся древностію происхожденія своего то мѣсто почитаетъ не достойнымъ своего пребыванія, гдѣ въ уваженіи личныя достоинства, а не порода...; словомъ: сколько недѣлимыхъ въ родѣ человѣческомъ, сколько разныхъ понятій о счастіи жизни, столько разныхъ мнѣній объ отечествѣ. Но поставь разбойника въ царствѣ разбойниковъ, гдѣ бы онъ, грабя и убивая своихъ собратій, самъ долженъ былъ ежеминутно ожидать подобнаго жребія,—и онъ будетъ проклинать свое отечество; поставь хищника въ царствѣ хищниковъ, гдѣ бы онъ, производя свои хищенія, равномѣрно и самъ могъ терять собственность отъ хищенія другихъ,—и онъ будетъ проклинать свое отечество; поставь неправеднаго судію на мѣсто того, кто обвиненъ имъ неправедно,—и онъ будетъ проклинать законы, неправый судъ на него изрекшіе... И такъ, если

¹⁾ Рѣчь эту И. Е. Срезневскій долго не хотѣлъ печатать (онъ сказалъ ее въ 1805 г.) и только въ 1816 г., уступивъ уговорамъ Гонорскаго и Филомафидцаго, далъ ее для *Украинскаго Вѣстника*. При рѣчи издатели напечатали примѣчаніе, въ которомъ между прочимъ говорятъ: „Рѣчь сія до сихъ поръ нигдѣ еще не была напечатана, потому что сочинитель предполагалъ въ ней сдѣлать поправки. Издатели, выпросивъ у него позволеніе напечатать ее въ томъ точно видѣ, какъ она говорена была, не находятъ даже мѣсть, какія бы требовали поправленія и смѣютъ надѣяться, что ихъ читатели при всей строгости въ сужденіи больше припишутъ скромности сочинителя, а не необходимости въ поправкамъ, почему онъ такъ долго лишалъ ученыя свѣтъ, скажемъ, образцоваго произведенія въ семь родѣ“. Первоначальная редакція рѣчи была, впрочемъ, напечатана, но безъ подписи автора (см. выше). Различіе редакцій объясняется частью мѣстомъ произнесенія и лицемъ произносившимъ (въ первомъ случаѣ воспитанникъ пансіона), частью политическими условіями царствованій.

мы по своимъ страстямъ и склонностямъ станемъ почитать отечествомъ то мѣсто, гдѣ намъ жить хорошо, то ни одно общество устоять не можетъ, и понимать въ такомъ смыслѣ слово отечество—значить пользоваться правомъ сильнѣйшаго“. Далѣе ораторъ опровергаетъ мнѣніе „суетумудраго космополита“, который, „не привержень будучи ни къ какому мѣсту, ни къ какому народу, забывъ колыбель своего младенчества, забывъ сосцы его питавшіе, скажетъ: цѣлый свѣтъ мое отечество“. „Ты величественно судишь, хладнокровный мудрецъ“, говоритъ ораторъ, „какая мысль можетъ быть лестнѣе сей для ума человѣческаго? Но посели тебя на необитаемомъ островѣ, гдѣ нѣтъ человека, который бы защищалъ тебя отъ челюстей звѣриныхъ; поставь между дикихъ народовъ, гдѣ нѣтъ состраждающаго ни гладу, ни жаждѣ твоей, гдѣ нѣтъ людей, которые бы вняли словамъ твоимъ, которые бы почтили таланты твои, гдѣ нѣтъ руки охраняющей цѣлость твою, и ты скажешь: тутъ нѣтъ моего отечества. И такъ признайся, хитрый обитатель цѣлаго свѣта, ты это говоришь только отъ того, что считаешь себя обиженнымъ или недостойно принятымъ въ твоей землѣ; признайся, ты не любишь никакого народа, ты самъ себя обманываешь и любишь только тѣхъ, которые жертвуютъ твоему самолюбію или ты любишь только самого себя. Ты ищешь тамъ своего отечества, гдѣ можно тебѣ быть властелиномъ, а не подвластнымъ, гдѣ можешь давать законы, а не повиноваться имъ... Идеаль всемірнаго отечества не есть ли произведеніе сумасброднаго воображенія? Надобно избрать мѣсто, которое бы можно было назвать своимъ мѣстомъ; надобно избрать народъ, который бы можно было назвать своимъ народомъ; надобно избрать главу, которую бы можно было назвать своею главою; надобно поклясться исполнять законы, которые бы можно было назвать своими законами!“ Опровергнувъ мнѣніе простолюдина, называющаго отечествомъ мѣсто рожденія, ораторъ ставитъ вопросъ: „что представляетъ себѣ подъ именемъ отечества здравомыслящій гражданинъ, который не ограничиваетъ онаго кругомъ зрѣнія своего, который думаетъ не о себѣ только самомъ, но о великомъ цѣломъ, коего часть онъ составляетъ?“ На этотъ вопросъ И. Е. Срезневскій отвѣчаетъ словами своей рѣчи 1799 г.: Для истиннаго гражданина имя отечества „свято и вождѣнно“, „оно изображаетъ ему отца, дѣтей, семейство, изображаетъ власть и подчиненность, но вмѣстѣ безопасность и свободу; порядокъ, строгость, труды и пожертвованія, но вмѣстѣ счастье и спокойствіе. Отечество намъ даетъ жизнь и хранитъ ее... Оно изрекаетъ законы и ввѣряетъ стражу надъ ними архонтамъ, ке-

сарямъ или царямъ, но само бодрствуетъ надъ сими стражами и строгимъ окомъ назираетъ ихъ дѣянія. Это мать нѣжнѣйшая; это власть священнѣйшая, современная началу обществъ; это божество неотвергающее ничьихъ моленій и для того только приëмлющее дары и приношенія, чтобы раздѣлять ихъ приносящимъ“... Дойдя такимъ образомъ до отвѣта на первый вопросъ, что такое отечество, авторъ переходитъ къ разрѣшенію второго, что такое любовь къ отечеству. Приведа опредѣленіе этого понятія изъ вышеупомянутой рѣчи, въ которой, любовью къ отечеству названа любовь къ порядку, къ устройству, къ законамъ, къ добродѣтели, къ общему и собственному благу, Срезневскій отвергаетъ свое прежнее опредѣленіе: „Очень хорошо объяснена любовь къ отечеству“, говоритъ онъ, „но это любовь хладнокровная, ибо она съ условіями. Кто любитъ отечество потому только, что видитъ въ немъ порядокъ, устройство, благо общее и собственное, тотъ почтетъ себя въ правѣ сдѣлаться измѣнникомъ своему отечеству, какъ скоро примѣтитъ въ немъ недостатокъ сихъ качествъ... Нѣтъ, любовь есть страсть, любовь къ отечеству есть страсть сильнѣйшая и счастливѣйшая для государства; она всегда юна, никогда не погашаетъ пламени своего! Кто прямо любитъ свое отечество, тотъ не судитъ о причинахъ любви своей: онъ видитъ въ немъ неустройства, видитъ злоупотребленія и, вздыхая втайнѣ, не престаетъ еще любить тотъ народъ, которому одинъ разъ поклялся быть сочленомъ. Онъ всѣ силы, всѣ способности приноситъ въ жертву отечеству и не измѣряетъ заслугъ своихъ цѣною награды. Ему и горькій дымъ своего отечества пріятенъ“¹⁾! Далѣе ораторъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ выписки изъ древнихъ мыслителей, свидѣтельства исторіи римской и русской о патриотической дѣятельности государей, о военныхъ подвигахъ. „Но не въ однихъ только подвигахъ геройскихъ оказывается любовь къ отечеству: и въ мирѣ, и въ тишинѣ, внутри стѣнъ своихъ истинный гражданинъ также можетъ жертвовать оному, какъ и ратникъ на Марсовомъ полѣ. Любовь есть пламень; она, какъ молнія, перелетаетъ во всѣ состоянія людей: сила, искусство, промышленность, просвѣщеніе, дарованія, добродѣтели—все можетъ служить, все можетъ приносить дань отечеству; Сократы, Фокіоны, Цицероны, Меценаты, Сюлли и Колберты

¹⁾ Выраженіе, взятое изъ латинской поговорки „et fumus patriae dulcis“, вошедшей во всеобщее употребленіе черезъ Державина и Грибоѣдова. См. примѣчанія И. К. Грота къ стихотворенію Державина „Арфа“ (т. 2, 192—194).

не въ рыцарскихъ доспѣхахъ, но въ мирныхъ тогахъ до сихъ поръ удивляютъ свѣтъ ревностью своею къ общему благу. Представимъ министра или монархова наперсника, которой бы истинно любилъ свое отечество: онъ долженъ быть не иной, какъ человѣкъ просвѣщенный, трудолюбивый, всегда равно удобоприступный, преданный отечеству и государю; онъ забываетъ самого себя и ничего не видитъ кромѣ блага общественнаго; онъ для собственной пользы не станетъ удовлетворять порочнымъ прихотямъ монарха своего. Онъ почитаетъ себя защитникомъ истины и безъ содроганія духа говоритъ ее предъ трономъ. Никакое лицепріятіе, никакое корыстолюбіе не поколебаютъ сердца его; никакой гнѣвъ, ниже самое низверженіе не ужасаетъ его; онъ боится только того, что не будетъ въ состояніи сдѣлать столько добра отечеству, сколько его способности позволяютъ. Онъ въ глазахъ государя, въ глазахъ народа, въ глазахъ мудраго, въ глазахъ самой зависти можетъ смѣло показаться такимъ, каковъ онъ есть. Ему не нужно прикрывать себя пышностью породы; такія помпы приличны только тѣмъ, которые не имѣютъ личныхъ достоинствъ и хотятъ заслѣпить глаза зрителей, чтобъ не примѣтили ихъ недостатковъ. Почтеніе его само предваряетъ, уваженіе его окружаетъ, его добродѣтель покрываетъ его всего,—она его свита и великолѣпіе! Что сказано о министрѣ и любимцѣ трона, тѣ же обязанности принимаютъ на себя всѣ тѣ, которые удостоиваются полной довѣренности монаршей въ правленіи областей, которымъ ввѣряется попеченіе о благоденствіи цѣлыхъ провинцій, которымъ вручаются вѣсы правосудія. Не скажетъ ли кто, что нѣтъ опытовъ такой строгой добродѣтели?.. А Сократы, а Аристиды, а Бруты, а Регулы, а Фабриціи, а Катоны, а Долгорукіе развѣ не доказали примѣромъ своимъ возможности таковыхъ свойствъ? Признаться надобно, мы часто потому считаемъ инныя дѣянія несбыточными въ человѣчествѣ, что хотимъ сколько-нибудь защитить тѣмъ или утѣшить слабость собственнаго духа". Рѣчь заканчивается воспоминаніемъ о заслугахъ Демидова: „наконецъ, какая пріятная, какая разительная картина представляется взорамъ нашимъ, когда видимъ, что честный человѣкъ, неимѣющій никакого участія въ правленіи, неимѣющій никакихъ почестей, никакого вознагражденія, а единственно изъ сильнаго желанія содѣлать существенную пользу отечеству, содѣлать неизмѣняемое и всегда ощутительное благо согражданамъ жертвуетъ отечеству всѣмъ своимъ имѣніемъ, трудами и бережливостью цѣлой жизни своей, отказывая самому себѣ не только во введенныхъ прихотяхъ, но и въ нужныхъ

издержкахъ!..“ Вслѣдъ за этимъ воспоминаемъ ораторъ обращается къ питомцамъ училища: „Любезныя дѣти“, говоритъ онъ, „вы—юны, но вы вѣрно чувствуете, что любовь отечества пріяла васъ въ нѣдра свои, что любовь отечества будетъ васъ лелѣять и нѣжно назирать за дѣянїями вашими, стараясь сдѣлать изъ васъ полезныхъ сыновъ. Да зрѣть болѣе и болѣе сіе чувство въ нѣжныхъ сердцахъ вашихъ! Да будетъ во всю жизнь вашимъ лозунгомъ: любовь къ отечеству и имя Демидова! Это послужитъ для васъ волшебнымъ талисманомъ предохраняющимъ васъ отъ всѣхъ неправедныхъ покушенїй. Тогда, на сраженїи ли вы будете защищать отечество или отмщать честь государя, вы почувствуете въ сердцахъ своихъ силу львиную. мужество Алкидово. Тогда, въ совѣтѣ ли судей будете рѣшить судьбу правыхъ и виновныхъ, никакая мзда, никакое лицепрїятїе не соблазнить сердца вашего. Тогда никакое счастье, никакія почести не приведутъ въ надменїе духа вашего. Тогда никакое несчастье не отягчить души вашей отчаянїемъ. Тогда не вы чести, не вы награды искать будете: васъ честь, васъ награда повсюду сопровождать и искать будетъ. Тогда не наследственное титло благородства, но истинное благородство ума и сердца будетъ украшать имена ваши. Тогда не вамъ предки, вы предкамъ своимъ честїю и украшенїемъ служить будете“. Я остановился такъ долго на этой рѣчи и привелъ такъ много изъ нея выдержекъ потому, что она, являясь однимъ изъ лучшихъ произведенїй И. Е. Срезневскаго въ литературномъ отношенїи, въ то же время даетъ прекрасную характеристику самого автора; по словамъ И. И. Срезневскаго въ ней „выразилось вполне то чувство русской души Ивана Евсѣевича, которое было ея постоянной, жизненной силой, руководившей всѣми его дѣйствїями“; она является, если можно такъ выразиться, исповѣдью, задушевною, смѣлою и чисто-сердечною. Не даромъ Иванъ Евсѣевичъ такъ долго не хотѣлъ ее печатать: онъ дорожилъ ею, точно частицей самого себя, и боялся открыться весь въ печатномъ словѣ. Мысли, высказанныя въ рѣчи, авторъ ея не разъ повторялъ въ послѣдствїи и въ стихотворенїяхъ, писанныхъ на разные случаи, и въ поэмѣ „Иванъ Сусанинъ“, оставшейся въ рукописи, долгое время занимавшей его досуги; но нигдѣ взгляды его не выразились такъ отчетливо и такъ хорошо, какъ въ его любимой рѣчи.

Изъ другихъ рѣчей И. Е. Срезневскаго слѣдуетъ отмѣтить его рѣчь „О происхожденїи и причинахъ различїя дарованїй въ людяхъ“ и „О странствованїи музъ“. О послѣдней я уже упоминалъ выше:

она любопытна главнымъ образомъ, какъ краткое изложене взглядовъ автора на содержаніе его курса изящной словесности. Первой, къ крайнему сожалѣнію, не сохранилось ни одного печатнаго экземпляра¹⁾.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на оставшееся въ рукописи разсужденіе И. Е. Срезневскаго „De graecis characteribus et officiis optimi graecceptoris“²⁾, о которомъ уже было упомянуто выше, и на сохранившееся въ видѣ тезисовъ разсужденіе „О преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ“³⁾. Разсужденіе объ обязанностяхъ учителя для біографа И. Е. Срезневскаго интересно съ одной стороны, какъ первый опытъ его въ ораторскомъ искусствѣ⁴⁾ (1798 г.), съ другой — какъ характеристика его взглядовъ на сущность и цѣли той дѣятельности, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Эти обстоятельства, на мой взглядъ, позволяютъ коснуться первой рѣчи Срезневскаго, болѣе или менѣе подробно. Значеніе учителя въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества И. Е. Срезневскому казалось громаднымъ. „Несчастенъ тотъ“, говоритъ онъ въ своей рѣчи, „мать котораго — развратница, еще болѣе несчастенъ, котораго вскормила своимъ нездоровымъ молокомъ невѣрующая женщина (*improba nutritrix*), но болѣе всего несчастенъ тотъ, котораго воспиталъ неспособный, необразованный и безнравственный наставникъ. Отъ первыхъ двухъ бѣдъ избавиться легко: по выраженію Овидія, *puerorum aetas mollis et apta regi...*, но все худое, запавшее въ душу, уже нѣсколько окрѣпшую и возмужавшую, вкореняется въ человѣкѣ на всю его жизнь. Изъ этого ясно, какъ съ одной стороны много значитъ воспитаніе юношества для подготовленія его къ жизни и какъ важна роль наставника, съ другой стороны, — съ какимъ вниманіемъ

¹⁾ Справки наводилъ въ бібліотекѣ Императорской Академіи наукъ, Имп. Публичной бібліотекѣ, въ бібліотекахъ Имп. С.-Пб. университета, Московскаго Публичнаго музея и Имп. Харьковскаго университета.

²⁾ Сборникъ произведеній И. Е. Срезневскаго № 2, стр. 185—200.

³⁾ *Ibid.*, стр. 179—183.

⁴⁾ Разсужденіе это было произнесено въ 1798 г., какъ видно изъ словъ его автора, свидѣтельствующихъ, что онъ является въ роли наставника впервые: „мое желаніе и мои наклонности“, говоритъ ораторъ, „а ваше, милостивые государи лестное соизволеніе, призываетъ меня приготовить къ важной обязанности наставника, съ тѣмъ чтобы стать впоследствии полезнымъ юношеству въ дѣлѣ воспитанія и образованія; поэтому я разсмотрю, какими свойствами долженъ обладать образцовый наставникъ и каковы должны быть его обязанности“ (Сборникъ № 2, стр. 186—187).

и осторожностью надо выбирать людей, которымъ поручается юношество. Дѣятель, избравшій это поприще, забывъ про собственныя выгоды, долженъ помнить лишь о пользѣ отечества, онъ долженъ внимательно и безпристрастно вникнуть въ свой характеръ, въ свои способности, чтобъ не быть повтореніемъ Эпикура, не очутиться волкомъ-пастухомъ въ стадѣ овецъ"... Какими же свойствами долженъ обладать наставникъ, чтобъ быть достойнымъ своего званія? Первое необходимое его свойство, по мнѣнію Срезневскаго, это даровитость (*ingeniositas sive acumen ingenii*). „Обязанность наставника“, говоритъ ораторъ, „заключается въ совершенствованіи способностей воспитанника; отсюда слѣдуетъ, что и самъ онъ долженъ быть чловѣкомъ даровитымъ... Юноша недаровитый, достигшій того, чего можно добиться лишь усидчивостью и старательностью, изучившій только правила своей науки, не будетъ хорошимъ наставникомъ. Хорошо учиться — одно, хорошо учить — другое; большая разница понимать правила или передавать ихъ ученику. Безплодная земля при тщательной обработкѣ дастъ хорошій урожай, если жъ ее оставлять, заростетъ бурьяномъ. Такъ точно плохъ будетъ преподаватель, съ успѣхомъ учившійся въ свое время, но неодаренный и неспособный. Узнанное съ чужою помощью легко забывается, понятое самостоятельно, переработанное, благодаря своимъ способностямъ, никогда не испарится; поэтому бездарный наставникъ постепенно опускается, даровитый — съ каждымъ днемъ совершенствуется... Второе природное качество, которымъ долженъ быть украшенъ каждый наставникъ, — это легкая и свободная рѣчь (*liber et facilis sermo*); ясный голосъ и свободный языкъ необходимы, чтобы можно было ясно и понятно излагать правила: что толку въ живописцѣ, который отлично зная свое искусство въ теоріи, отъ дрожи въ рукахъ не въ состояніи держать кисти, провести вѣрной черты?.. На него похожъ учитель, и даровитый, и образованный, но не владѣющій словомъ, заикающійся, картавящій; трудно напиться изъ ручья, который бѣжитъ въ крутыхъ берегахъ: его чистая и свѣтлая струя течетъ мимо, не утоляя жажды путника“. Минуя качество, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ необходимое для учителя, именно пристойную наружность, ораторъ переходитъ къ разбору нравственныхъ его свойствъ. „Какая цѣль“, восклицаетъ онъ, „какая мысль всегда была и есть въ учрежденіи школъ, гимназій, академій и университетовъ, къ чему поощрять занятія науками, какъ не для того, чтобы при помощи ихъ все болѣе и болѣе распространялась, крѣпла и росла нравственность (*bonum morale*)?“

Безъ этой святой цѣли теряетъ смыслъ вся наука, становится безплодной вся ученость... Мы твердо вѣримъ, что цѣль нашего образованія не только въ украшеніи и изощреніи нашего ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что еще важнѣе, въ усовершенствованіи нашего нравственнаго существа (*in vita morali instituenda*). Кто, успѣвая въ наукахъ, въ отношеніи нравственности падаетъ, тотъ приноситъ себѣ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Какимъ же образомъ происходитъ, что мальчикъ, богато одаренный природой, заслуживающій похвалы своими научными успѣхами, оказывается хуже другихъ въ нравственномъ отношеніи? Неужели можно усумниться въ пользѣ науки? Нѣтъ: изъ чистаго ключа никогда не потечетъ мутная вода, если только не загрязнить ее тинистый берегъ, и чистое золото, хорошо отдѣланное, будетъ блестѣть всегда... Такъ и въ юношѣ причина испорченности кроется въ постороннемъ обстоятельствѣ, въ томъ, что, слыша научныя лекціи, онъ не слышитъ ни о какихъ правилахъ нравственности... Внушить эти правила—обязанность тѣхъ, которые воспитываютъ его умъ, а лучший способъ внушенія — собственный ихъ примѣръ, собственные ихъ нравственные достоинства, собственная честность. Надо, какъ сказалъ Квинтиліанъ, чтобъ въ нѣжномъ возрастѣ юношу остерегало отъ нечестныхъ поступковъ довѣріе къ наставнику, потомъ, когда онъ станетъ болѣе пылкимъ, чтобы твердость воспитателя обуздывала его увлеченія. Надо, чтобъ юношѣ какъ можно больше говорилось о добрѣ и честности, ибо чѣмъ чаще наставникъ будетъ внушать добро, тѣмъ рѣже ему придется наказывать питомца. Часто гнететъ и губитъ какъ умъ, такъ и сердце юноши суровость и запальчивость наставника: юноши даровитые мало по малу тупѣютъ и ослабѣваютъ, какъ нѣжныя розы, лишенная дождя и росы, является скука, отчаянье и наконецъ ненависть къ занятіямъ... Итакъ, не грознымъ и суровымъ долженъ быть наставникъ, а ласковымъ; горькое лѣкарство онъ долженъ умѣть смягчать добрымъ словомъ. Чѣмъ же можно ободрить робкаго ученика? Позволять себя разспрашивать, отвѣчать на вопросы, наводить на разговоры, иногда хвалить, чтобъ дѣти радовались своимъ успѣхамъ; и тогда они полюбятъ наставника, полюбятъ самыя занятія и повѣрятъ въ свои силы. Конечно, не всѣхъ дѣтей можно одинаково вести; каждый наставникъ долженъ обладать не малою опытностью, чтобы сумѣть выбрать наилучшій способъ для привлеченія къ научнымъ занятіямъ cadaго изъ воспитанниковъ. Не всегда одинаково пригодны розга и выговоры или снисходительность и кротость; не рѣдко отъ

перваго средства мальчикъ дѣлается угрюмымъ и невнимательнымъ, отъ второго лѣнливымъ и вялымъ. Опытный врачъ, угадавъ, отчего произошла болѣзнь, принимаетъ въ соображеніе и личныя свойства больного; онъ назначаетъ лѣкарство по совокупности этихъ данныхъ. Также долженъ дѣйствовать и воспитатель: онъ тотъ же врачъ, но только врачъ не тѣла, а духа... Разсмотримъ теперь, что обязанъ соблюдать наставникъ, чтобы честно выполнить свой долгъ. Прежде всего учителю необходимо основательно знать тотъ предметъ, который онъ берется преподавать, ибо по словамъ Овидія: *qui ragum novit, nemo docere potest*. Не смотря на это, довольно распространено мнѣніе, будто бы преподавателемъ можетъ быть всякій, если онъ только не глупецъ, не полный невѣжда, будто знать предметъ, быть хорошо подготовленнымъ къ обученію для учителя лишняя роскошь, ибо мы *docendo discimus*—уча учимся. Я думаю, что ничто не можетъ такъ сильно повредить учащимся въ общественныхъ заведеніяхъ, какъ эти самоучки: во-первыхъ дѣти, порученныя такимъ наставникамъ, должны долгое время безплодно тратить силы, во-вторыхъ, рѣдко встрѣчаются люди, одаренные такимъ умомъ, чтобы быть въ состояніи безъ посторонней помощи, въ короткое время основательно изучить какую нибудь науку... Поэтому, если хочешь, чтобы ученики, какъ можно меньше времени тратили по напрасну, чтобы обществу была польза, нужно искать наставниковъ, знающихъ свой предметъ возможно основательнѣе. Вторая обязанность преподавателя заключается въ томъ, чтобы онъ любилъ свое дѣло, чтобы преподаваніе для него самого было удовольствіемъ. Въ противномъ случаѣ учитель будетъ исполнять свою обязанность кое какъ, опаздывать на уроки, оставлять необъясненнымъ непонятое, приходить на урокъ неподготовленнымъ, съ нетерпѣніемъ ждать конца урока: онъ тотъ же наемный пастухъ, не заботящійся объ овцахъ потому, что только нанятъ къ нимъ... Но довольствоваться знаніемъ своего предмета учителю недостаточно; всѣ науки и искусства имѣютъ между собою связь, идутъ рука объ руку, помогаютъ однѣ другимъ и ученикъ нерѣдко при изученіи одного предмета нуждается въ объясненіи изъ другаго. Это налагаетъ на учителя обязанность хорошо знать всѣ тѣ науки, которыя могутъ оказаться полезными при преподаваніи избранной имъ специальности: если во время урока дѣло коснется другой отрасли знанія, дѣти не должны отойти отъ него неудовлетворенными, безъ отвѣта. Такъ вотъ какамъ мнѣ представляется идеальный наставникъ; онъ долженъ быть человѣкомъ даровитымъ (in-

geniosus), съ ясною, свободною рѣчью (libero ore gaudens), честнымъ и нравственнымъ, добродушнымъ и веселымъ, умнымъ и благоразумнымъ (sapientis); онъ долженъ основательно знать свое дѣло, долженъ его любить, наконецъ, долженъ знать вспомогательныя науки. Но все это ни къ чему не приведетъ, если не будетъ строя и порядка въ преподаваніи. Лѣкарства вредятъ, если ихъ принимать не во время и не правильно: такъ точно и наставникъ долженъ заботиться не только о томъ, чему онъ учить, но и о томъ, какъ онъ учить. Всякая ошибка въ преподаваніи можетъ сбить съ толку неокрѣпшаго умомъ ученика, ослабить его дарованія, отяготить память; при такомъ ученіи юноша уходитъ съ урока, не понимая, на что онъ долженъ обратить больше вниманія, на что меньше, и приходитъ на урокъ, не зная, что отвѣчать. Изъ этого ясно, что умѣнье выбрать методъ преподаванія важно до чрезвычайности и что въ этомъ заключается главнѣйшая и послѣдняя обязанность преподавателя⁴. Таковы главныя мысли рѣчи И. Е. Срезневскаго „De praeceptoribus et officiis optimi praeseptoris“. Какъ и самъ авторъ скромно сознается въ своемъ сочиненіи, мысли его не были новы его судьямъ; незабытыя и теперь, онѣ, повторяю, представляютъ интересъ не сами по себѣ, а какъ характеристика ихъ выразителя. То же самое заставляетъ обратить вниманіе и на сохранившееся въ тезисахъ разсужденіе И. Е. Срезневскаго „О преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ“¹⁾. Изложеніе мыслей, проводимыхъ этими тезисами, въ свое время имѣвшихъ право гражданства, теперь давно оставленныхъ, является необходимымъ дополненіемъ къ очерку воззрѣній Срезневскаго, насколько они выразились въ его произведеніяхъ. При общественномъ воспитаніи „отъ обхожденія соревновенія“, говоритъ онъ, „быстрѣ развиваются дѣтскія понятія“, „изъ сравненія дитя можетъ болѣе знать цѣну успѣховъ и слѣдственно тѣмъ болѣе будетъ стараться преодолѣвать недостатокъ оныхъ“, да-дѣе можетъ приобрести болѣе познаній, чѣмъ при домашнемъ воспитаніи. Послѣднее можетъ быть полезно дѣтямъ до десяти, до двѣнадцати лѣтъ; но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ искать такого учителя, который не столько былъ бы извѣстенъ своими знаніями, сколько „добронравіемъ, примѣтною способностью приноравливаться къ дѣтскимъ понятіямъ и заботливостью, а особливо приверженностью къ дѣтямъ“; къ такому учителю со стороны родителей „должна быть

¹⁾ Сборникъ № 2, стр. 179—183.

полная довѣренность: безъ нея учитель становится менѣ печнымъ и менѣ ласковымъ, а дѣти, презирая или не уважая учителя, начинаютъ портиться, приучаются къ гордости, ко лжи. Къ недостаткамъ домашняго воспитанія авторъ относитъ далѣе частую перемѣну учителей, которая сильно препятствуетъ, по его мнѣнію, успѣхамъ дѣтей, затѣмъ трудность найти хорошаго учителя, всегда предпочитающаго казенное мѣсто частному, наконецъ, плохой присмотръ за учащими. Все перечисленное представляетъ преимущества общественнаго воспитанія, непосредственно касающіяся дѣтей. Но авторъ придаетъ болѣе широкое значеніе этому вопросу: для общества публичное воспитаніе важно, какъ средство сближенія различныхъ семействъ, прекращенія фамиліальныхъ распрей, для государства, какъ помощь къ возрожденію „духа общественности“; общественное воспитаніе приучаетъ къ порядку и повиновенію, тогда какъ домашнее возбуждаетъ „гордость господствованія“ и слѣдующую за ней неспособность нести „государственныя должности, гдѣ нужно повиновеніе“. Всего этого мало: „кто не хочетъ воспитывать дѣтей своихъ въ общественныхъ училищахъ, говоритъ Срезневскій, тотъ или не довѣряетъ правительству въ хорошемъ распоряженіи заведеній такого рода, или не довѣряетъ дѣтямъ своимъ, что они отличать себя успѣхами, или хочетъ быть самъ пристрастнымъ аттестаторомъ ихъ, или хочетъ рекомендовать ихъ купленными аттестатами, или думаетъ, что самъ все знаетъ лучше, нежели испытанные правительствомъ учителя и профессора“; „кто боится испортить нравственность дѣтей своихъ чрезъ общественное воспитаніе“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Срезневскій, „тотъ слишкомъ самолюбивъ и почитаетъ себя единственнымъ образцомъ нравственности, а того не примѣчаетъ, что иногда отъ минутной домашней разстройкѣ погибаетъ навсегда нравственность дѣтей, потому что всякое домашнее обстоятельство много дѣйствуетъ на сердце дѣтское; напротивъ того чужія обстоятельства мало оставляютъ впечатлѣнія, которое легко и совсѣмъ искорениться можетъ“. Мысли, высказанныя въ этомъ наброскѣ разсужденія, повторены И. Е. Срезневскимъ и въ его рѣчи о любви къ отечеству, въ той ея части, гдѣ говорится о значеніи общественнаго воспитанія: „Юный ввукъ (Екатерины), одушевленный великимъ духомъ мудрой бабки своей, шествующій нынѣ по стопамъ ея со славою, обозрѣвъ планъ заведеній сего рода (то-есть, образовательныхъ учрежденій), увидѣлъ, что народныя училища по недостатку нужнѣйшихъ частей просвѣщенія не могли производить людей отечеству

совершенно полезныхъ, что бѣдные не имѣли способовъ къ воспитанію дѣтей своихъ, что богатые, введши въ обычай домашнее изнѣженное воспитаніе, но не имѣя средствъ смысливать достойныхъ и опытныхъ во всѣхъ частяхъ наставниковъ, по большей части воспитывали превратнымъ образомъ и не только безъ пользы, но часто со вредомъ для отечества, что иностранные воспитатели часто безъ дальнихъ свѣдѣній, часто безъ образованнаго сердца, ищущіе куска хлѣба въ Россіи, не только не внушали въ своихъ воспитанниковъ любви къ отечеству, но нерѣдко развращали мягкія сердца, вкореняя отвращеніе къ добродѣтели и отечеству; увидѣлъ — и нашель необходимостію основать многіе университеты, въ которыхъ бы благородное юношество могло быть воспитываемо съ надлежащею цѣлію для отечества“... ¹⁾). Эта тирада, не приведенная мною при изложеніи содержанія „рѣчи о любви къ отечеству“, какъ не относящаяся къ главному вопросу рѣчи, чрезвычайно любопытна. Продолженіе ея, которое я рѣшаюсь привести здѣсь, ясно рисуетъ воззрѣнія автора на важность просвѣщенія, на необходимость увеличенія значенія лицъ, посвятившихъ себя преподавательской дѣятельности; обо всѣхъ недостаткахъ авторъ говоритъ, какъ о несуществующихъ уже, устранившихся уже императоромъ Александромъ; Александръ увидѣлъ, говоритъ онъ, „что люди, посвятившіе себя наукамъ, утѣсненные бѣдностью, не могли имѣть способовъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ познаній,—увидѣлъ — и излилъ на нихъ высокомоуаршія щедроты свои; увидѣлъ, что гражданскія власти часто во зло употребляли права свои надъ симъ родомъ людей и, сжимая, такъ сказать, таланты ихъ, не воздавали достойной цѣны трудамъ ихъ,—увидѣлъ, что такое униженіе учащихся унижало самый образъ воспитанія, и оградилъ ихъ крѣпкою десницею своею, утвердивъ неизмѣняемо права и преимущества ихъ и препоручивъ попеченію мужей, знаніями и благоразуміемъ извѣстныхъ, благородными чувствованіями украшенныхъ и достойную цѣну ученымъ упражненіямъ воздавать умѣющихъ“ ²⁾). Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь отрывковъ видно, что необходимость развитія народнаго просвѣщенія была одной изъ любимыхъ идей И. Е. Срезневскаго; онъ здраво смотрѣлъ на неудовлетворительное его состояніе въ то время и желалъ усовершенствованій; если онъ говорилъ объ этихъ усовершенствованіяхъ

¹⁾ Рѣчь о любви къ отечеству, стр. 5—7.

²⁾ Ibid., 7.

какъ о сбывшихся уже, то, можно думать, только изъ нѣкоторой осторожности: нѣтъ сомнѣнія, успѣхи ощущались, но они не предупреждали желаній оратора; ему не нужно было бы такъ горячо опровергать противныя мнѣнія, если бы они были уже совершенно сданы въ архивъ.

Самостоятельное мѣсто въ ряду разсужденій И. Е. Срезневскаго занимаетъ его неоконченная статья „Славянская мѣологія или о богослуженіи русскіяхъ въ язычествѣ“, въ которой коротко описаны божества славянъ сравнительно съ греко-римскими.

Поэтическая дѣятельность И. Е. Срезневскаго шла по двумъ направленіямъ, представляя собою работы оригинальныя и переводныя. Любимыми авторами И. Е. Срезневскаго, произведенія которыхъ онъ перелагалъ на русскіе стихи, были Овидій и Горацій. Изъ сочиненій перваго, какъ сказано выше, онъ перевелъ его знаменитыя *Tristia*—Плачь, единственный полный переводъ на русскій языкъ до 1893 года, когда появилась работа Фета ¹⁾. Горація И. Е. Срезневскій очень цѣнилъ; про свою „приверженность“ къ нему онъ самъ сказалъ въ стихотвореніи къ Гагарину („Привержень будучи я къ Флакку, не подражать ему не могъ“). Произведенія его, впрочемъ, онъ переводилъ отрывками болѣе или менѣе случайно. Изъ нихъ напечатаны были: Ода 31-я изъ книги 1-й (*Quid dedicatum poscit Apollinem...*), Ода 32-я изъ той же книги („*Poscimus si quid vacui sub umbra...*“), Ода 10-я книги 2-й „Къ Лицінію“ (*Rectius vives, Licini...*), Ода 29-я книги 3-й „Къ Меценату“ („*Turghena regum progenies...*“), эпода 7-я „Къ Римлянамъ во время междоусобныхъ браней Октавія, Антонія и Лепида съ Брутомъ и Кассіемъ (*Quo, quo scelesti ruitis?...*“). Ненапечатанными остались переводы Оды 9-й книги 1-й (*Vides, ut alta stet nive candidum...* „Ты видишь, Талиархъ любезный...“), Оды 35-й изъ книги 1-й („*O diva, gratum quae regis Antium...*“ „Богиня, въ Анти прелестной имѣющая свѣтлый храмъ...“), Оды 6-й изъ книги 3-й („*Delecta maiorum immeritus lues...*“ „Постраждешь, римлянинъ, безвинно за беззаконья предковъ...“), Оды 7-й изъ 4-й книги (*Diffugere nives. redeunt iam gramina campis...* „Растаяли снѣга, въ поляхъ растеть

¹⁾ По каталогу Имп. Публичной бібліотеки видно, что кромѣ перевода Срезневскаго въ русской литературѣ того вѣка былъ переводъ нѣкоторыхъ элегій Ф. Колоколова: „Избраннѣйшія печальныя элегіи предложены прозою Ѳдрмъ Клевмъ“ (Смоленскъ, 1796). У Сопикова еще значатся: „Елегія, пер. съ французскаго Александра Тинкавъ“ (чит. Тиньковъ), С.-Пб. 1778.

трава, зеленымъ листвіемъ украсились древа“...). Изъ другихъ латинскихъ поэтовъ въ переводахъ И. Е. Срезневскаго встрѣчаются Вергилій, Авзоній (поэтъ IV-го вѣка); къ числу ихъ надо прибавить француза Muret, писавшаго по латыни подъ именемъ Марка Антонія Мурета (1526—1585). Изъ сочиненій послѣдняго И. Е. Срезневскій перевелъ „Отроческое наставленіе“—*Institutio puerilis*, которое, какъ сказано выше, напечаталъ при изданіи „Плача“ Овидія Назона вмѣстѣ съ своимъ переводомъ ¹⁾. Изъ произведеній Вергилія въ рукописяхъ И. Е. Срезневскаго сохранился переводъ эпиграммъ „Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane...“ и „Sic vos non vobis“; вѣроятно И. Е. Срезневскому принадлежитъ и переводъ первой эклоги Вергилія, списанной въ тетрадь произведеній Ивана Евсѣевича рукою И. И. Срезневскаго въ 1828 году. Переводы произведеній Авзонія — эпиграммъ и эпитафій разбѣяны по ключу къ переводу Овидія для характеристики упоминаемыхъ Овидіемъ лицъ, объясненія мифовъ и описанія событій ²⁾. Съ греческаго И. Е. Срезневскій переводилъ очень немного; въ печати извѣстенъ только переводъ стихотворенія Феокрита „Эротъ и пчелы“; кромѣ этого въ тетрадяхъ есть переводъ начала Одиссея:

Повѣдай, Муза, мнѣ всѣ странствія героя,
Кой много лѣтъ блуждалъ, какъ пала Троя,
Народы многіе и грады онъ прошелъ
По безднѣ водъ морскихъ премоного золь терпѣлъ
Когда межъ спутниковъ въ отечество стремился... ³⁾

и далѣе до 131 стиха. Въ переводахъ И. Е. Срезневскаго съ латинскаго и греческаго нельзя не отмѣтить одной особенности—стремленія къ римованію, не смотря на отсутствіе римовъ въ подлинникѣ: и *Tristia* Овидія и Оды Горация, и отрывки изъ Гомера, Авзонія и др. пере-

¹⁾ Полное заглавіе наставленія Мурета „*Institutio puerilis comprehensa versibus ad captum puerulorum, qui primis litteris imbuuntur, accommodatis; ad Marcum Antonium fratris filium*“ (см. *M. Antonii Mureti presbyteri, i. e. et civis Romani oratoris ac poetae clariss. orationes, epistolae, hymnique sacri* (Lipsiae, 1660), р. 497—500. Это самое наставленіе въ 1770 г. было переведено и напечатано В. Рубаномъ: Марка Антонія пресвитера, юрисконсульта и гражданина римскаго, отроческое наставленіе, данное племяннику его М. Антонію Мурету въ 1578 г. Перевелъ съ латинскихъ стиховъ на російскіе переводчикъ Василей Рубанъ (С.-Пб. 1770). Переводы Срезневскаго и Рубана ничего общаго не имѣютъ; первый гораздо точнѣе.

²⁾ См. Плачъ Публія Овидія Назона, с. 262, 292, 294, 296, 297, 304, 308.

³⁾ Сборникъ № 2, стр. 85—91.

ведены съ приемами; недаромъ Иванъ Евсѣевичъ называетъ себя „ри-
емачемъ“ въ посланіи къ Воейкову.

Къ переводнымъ пьесамъ И. Е. Срезневскаго надо еще отнести переложенія псалмовъ. Изъ этихъ произведеній его были напечатаны: псаломъ 3-й (Господи, что ся умножиша стужающіе ми...), псаломъ 20-й (Господи, силою твоею...), псаломъ 43-й (Боже, ушима нашими слышахомъ...), псаломъ 45-й (Богъ намъ прибѣжище и сила...), псаломъ 58-й (Изми мя отъ врагъ моихъ, Боже...), псаломъ 145-й (Хвали, душе моя, Господа...). Ненапечатанными остались „Парафраза на псаломъ 36-й. Не ревнуй лукавнующимъ“ („Не поревнуй сердцамъ лукавымъ и зло творящимъ не завидь...“) и „Преложеніе псалма 126. Аще не Господь созиждетъ домъ“ („Коль помогать Господь не станеть, кто можетъ домъ себѣ создать?...“). Далѣе къ числу переводныхъ произведеній И. Е. Срезневскаго можно присоединить его „Бракъ Соломоновъ или Пѣсни пѣсней царя Соломона“, представляющій собою распространенное переложеніе стихами книги Пѣсни пѣсней. Это произведеніе Срезневскій поднесъ П. Г. Гагарину на его свадьбу съ кн. Лопухиной; въ письмѣ, посланномъ тогда же Гагарину, онъ такъ говоритъ объ этомъ произведеніи: „сей эпиграммъ непонятнымъ языкомъ написанный въ нашемъ священномъ писаніи, представляетъ седмидневное торжествованіе Соломонова бракосочетанія съ дочерью фараоновою и, кажется, можетъ подать намъ идею о еврейскихъ представленіяхъ“¹⁾.

Наконецъ, въ числѣ переводныхъ произведеній И. Е. Срезневскаго слѣдуетъ помѣстить отрывокъ перевода изъ *L'art poétique* Буало („Высоко-ль хочешь что иль просто написать...“), пьесу „Характеры народовъ“, переведенную изъ стиха въ стихъ съ нѣмецкаго оригинала (нач. „Французы любятъ танцовать“), эпиграмму нѣмецкаго поэта XVII вѣка Логау и элегію, переведенную съ англійскаго („Когда прогнало свѣгъ весеннихъ дней свѣтило и теплотой своей природы видъ открыло...“).

Оригинальныя произведенія И. Е. Срезневскаго весьма разнообразны и по стилю и по содержанію. Въ числѣ ихъ находится нѣсколько одъ, гимновъ, поэмъ, пѣсни, басни, эпиграммы, эпиграфия и пр.; большинство ихъ осталось подъ слудомъ въ его тетрадахъ и лишь небольшая часть увидѣла свѣтъ. Первое явившееся въ печати произведеніе Ивана Евсѣевича была „Ода пчелиной маткѣ“. Главный

¹⁾ Сборникъ № 2, с. 153—159.]

интересъ этой оды заключался въ томъ, что она затрогивала жгучіе вопросы того времени, воспѣвая въ лицѣ пчелиной матки императрицу Екатерину Великую. Для насъ особенно любопытна рѣчь императрицы, излагающая ея взгляды (вѣрнѣе взгляды автора) на порядокъ управленія, на отношенія между властью и подданными, мнѣніе о польскомъ вопросѣ, французской революціи и пр. Пчелиное гнѣздо, гдѣ правила царица-матка, представляетъ собою государство съ идеальнымъ строемъ. Существованіе такого строя авторъ объясняетъ тѣмъ, что пчелы-граждане живутъ въ согласіи, работаютъ со своей маткой вмѣстѣ, всякая по своимъ способностямъ, что онѣ подъ ея рукой пользуются свободой, но не чрезмѣрной, а умѣренной. „Разно жить“ пчеламъ, по словамъ пчелы-матки, „никакъ не можно“, нельзя жить и безъ матки; доказательство справедливости этого положенія пчела видитъ въ возвращеніи въ улей нѣкихъ пчелъ, которыя „ушли изъ нашего улья, чтобъ ими не владѣла я“; испытавъ зимой стужу, понявъ свои погрѣшности, они вернулись въ улей. Давній примѣръ, должно быть, напоминающій Малороссію, подтверждается и новымъ, случившимся въ ульѣ „что къ западу стоитъ, осами вздорными набить“.

„Тамъ пчелъ, говоритъ пчела, была несмѣтна сила,
 Несмѣтна сила трутней тамъ;
 О славѣ ихъ молва трубила
 Въ семь пчельникѣ по всѣмъ ульямъ.
 Какъ всѣ ихъ прежде уважали,
 Какъ всѣ ихъ голосомъ жужжали
 Узу вязали всѣ по ихъ,
 Учились дѣлать медъ отъ нихъ.
 По часту ихъ у насъ бродяги
 Всему учили пчелъ младыхъ
 И наши старыя смиряги
 Пускали къ нимъ дѣтей своихъ.
 Ихъ трутни честию сей взгордились
 Отъ гордости своей вздурились,
 Не захотѣли матки чтить,
 Не захотѣли ей служить;
 Всѣхъ пчелъ они подговорили,
 Свою чтобъ матку зарубить;
 Безвинну матку зарубили,
 Дабы безъ ней по волѣ жить.
 Такого гнуснаго ихъ дѣла
 Судьба всемошна не стерпѣла,
 Всѣхъ пчелъ она и трутней всѣхъ

Своею силой безъ помѣхъ
 Въ другихъ животныхъ превратила,
 А именно въ беззужныхъ ось,
 Приятный нравъ ихъ премѣнила
 Въ неистовство, въ свирѣпство, въ злость.
 Теперь всѣ, вольностью такую
 Одна гордясь передъ другою,
 Не слушаютъ одна другой,
 Чтобъ быть начальницей самой;
 Оставили свои работы,
 Взялись за промыслъ—за грабежъ.
 Въ сей вольности труды, заботы,
 И свой наскучилъ имъ рубежъ.
 Наскучать дѣти по невогѣ,
 Коль пусто въ ихъ ульѣ и въ полѣ;
 Голодну смерть не любить всякъ;
 Пришло себя кормить кой какъ.
 Въ неистовствѣ своемъ и гладѣ
 Въ чужіе ульи всѣ летать
 И, сердцемъ мучась, какъ во адѣ,
 Свою вину на прочихъ мстать.
 Другъ друга рвутъ, тиранятъ, жалать,
 Число своихъ союзницъ малять;
 Иныя прочь оттолъ летать
 И къ намъ въ подданство всѣ хотять.—
 И что со временемъ тамъ будетъ?
 Падеть несчастный улей сей;
 Весь пчельникъ нашъ его забудеть,
 Повѣрите вѣсти вы моей!“

Приведенный пчелою маткою „новый сей примѣръ“, взволновавшій въ свое время всю Европу, явно по мнѣнію автора указываетъ на необходимость власти монархической и на непрочность республики: Россія крѣпка только своею пчелою-маткою Екатериною, свобода ея въ вольномъ общемъ трудѣ. Отдѣлавшись отъ мятежнаго трутня, смежнаго Россіи съ запада разбойника, который, взявъ власть надъ маткой, „тщетно мнилъ набѣсться меду изъ нашего улья“ (намекъ на Польшу), всѣ трудятся свободно всякій по своему влеченію. Однѣ пчелы, „имѣя силы здравы“ защищаютъ улей „дабы злодѣевъ не пущать“, другія „въ старости маститой“ учатъ молодыхъ пчелъ, ободряютъ за трудъ, журятъ за слабость, третьи, не умѣя летать за медомъ, работаютъ дома, созидаютъ узу, вкладываютъ медъ. Трутней, шершней и шмелей сонливыхъ нѣтъ; всѣ „имѣютъ дѣло“, „никто поджавшись не сидитъ“. И среди всѣхъ „упражнений“ пчелъ присут-

ствуетъ сама царица, „блистая важностью ума“; она ходитъ по всѣмъ сотамъ, смотритъ на работы и приводитъ всѣхъ въ восторгъ своими рѣчами:

„Одну, трудами изнуренну
И силъ своихъ почти лишенну,
Ты взоромъ матернихъ очей
Живишь, вливаешь силы ей;
Другую, медомъ отягченну,
Узрѣвъ летящую съ полей,
Трудомъ и зноемъ утомленну,
Ведишь снимать ты бремя съ ней.
...Какъ солнце за лѣсъ закатится,
Какъ тьма ночная воцарится,
Всѣ пчелы оставляютъ трудъ
И на спокойствіе текутъ.
Всѣ спать—а ты, не засыпая,
Печешься и тогда о насъ.
Какъ встанетъ лишь заря златая,
Ты будишь насъ чрезъ трубный гласъ.
Речешь—и все тебѣ послушно,
Речешь—и всѣ единодушно
Пріемлемъ мудрый голосъ твой,
Склонясь и тѣломъ и душой.

Таково было первое произведение И. Е. Срезневскаго, послужившее, кажется, къ началу его литературной извѣстности. Изъ приведенныхъ отрывковъ мы видимъ, что ода пчелиной маткѣ въ свое время могла обратить нѣкоторое вниманіе на автора. Это произведение молодыхъ лѣтъ осталось одинокимъ: за исключеніемъ напечатанной въ 1801 году Надгробной пѣсни императрицѣ Екатерицѣ Великой, другихъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній того времени авторъ не напечаталъ и отдался сначала переводнымъ работамъ, потомъ лекціямъ и ораторскимъ произведеніямъ. Новая серія стихотвореній Срезневскаго явилась значительно позже, съ 1810 года: это были оды, ораторіи, гимны, писанные по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ, читанные на публичныхъ собраніяхъ Харьковскаго университета и Демидовскаго лицея, по большей части произведенія тяжелыя, напыщенные. Такова, напримѣръ, „Побѣдная пѣснь Россовъ“ (1812), гдѣ описывается, какъ „Всесильный“ приказываетъ архистратигу помочь русскимъ противъ Наполеона,

„Да движетъ русскимъ ополченемъ
И дастъ всѣмъ бѣдствіямъ предѣлъ,

Да сопостатовъ всѣхъ низложить
И славу Россю тѣмъ умножить,
Да разумѣютъ души злыхъ,
Коль дивенъ Богъ нашъ во святыхъ“.

и далѣе повѣствуется, какъ ниспалъ „богопротивный духъ“, „везлобный наперсникъ дьявола“, „несытое исчадье ада, чудовище Наполеонъ“. Подобные высокопарные стихи и тяжеловѣсные образы наполняютъ и другія стихотворныя произведенія И. Е. Срезневскаго, къ которымъ слѣдуетъ отнести также упомянутую выше „Надгробную пѣснь Екатеринѣ Великой“. Неудачными вышли и непечатанныя поэмы И. Е. Срезневскаго, написанныя имъ во второй періодъ его поэтической дѣятельности, — „Иванъ Сусанинъ“, много лѣтъ увлекавшій автора и оставшійся неоконченнымъ, и „Вдовствующая Милада“. То же можно сказать и о сатирическихъ произведеніяхъ Ивана Евсѣевича, частью печатавшихся въ „Харьковскомъ Демокритѣ“, частью оставшихся въ рукописи; они мало остроумны, хотя и претендуютъ на остроту. Значительно лучше другихъ оригинальныхъ стихотвореній Срезневскаго являются его пѣсни въ псевдо-народномъ стилѣ, о которыхъ уже упоминалось выше при описаніи его жизни и которыя приводятся въ приложеніяхъ, частью, какъ біографическій матеріалъ, частью, какъ образецъ его стихотворства.

Что касается до языка произведеній И. Е. Срезневскаго, то въ этомъ отношеніи за нимъ нельзя не признать нѣкоторыхъ достоинствъ; Срезневскій по видимости хорошо зналъ русскій языкъ, искусно имъ владѣлъ. Въ торжественныхъ рѣчахъ онъ выражался красиво, ясно и правильно, въ стихотвореніяхъ, касающихся ежедневной жизни, рѣшался вводить простыя слова, оригинальныя выраженія и обороты. Но лишь только предметомъ его произведенія являлось нѣчто высокое, поэтъ спѣшилъ настроить свою лиру въ величавомъ тонѣ и не допускалъ себя обычнымъ языкомъ говорить важныя вещи.

В. Срезневскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Списокъ напечатанныхъ сочиненій И. Е. Срезневскаго¹⁾.

1.* Ода пчелиной маткѣ отъ вѣрной подданной ея молодой пчелы С... М. 1794. 8°. 24 стр.

2.* Плачь Публія Овидія Назона. М. 1795. 8°. 320 нум. стр., 1 нум. Кроме перевода „Плача“ здѣсь помѣщенъ переводъ „Отроческаго наставленія“ М. Ант. Мурета, стихотворное введеніе (подписанное „Иванъ Срезневскій“) и „Ключъ къ Плачу Публія Овидія Назона или довольноѣйшій показатель всѣхъ собственныхъ именъ и главныхъ матерій“.

3.* Рѣчь о любви къ отечеству. „Рѣчь и стихи, читанные въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, декабря 21-го дня 1799 года“ (М. в. а.), стр. 3—13; „Утренняя Заря“, т. I (М. 1800), стр. 193—211; „Избранныя сочиненія изъ Утренней Зари“ (М. 1809), ч. 2, стр. 117—131.

4.* Жизнь Екатерины Великой, императрицы и самодержицы Всероссийской. М. 1801. 8°. 4 нум., 271 нум. стр. На стр. 258—271 помѣщена „Надгробная пѣснь Екатеринѣ Второй, сочиненная въ 1796 году при первомъ извѣстіи о кончинѣ Ея“ (подписанная „Иванъ Срезневскій“).

5.* Протекшій вѣкъ или исторической взглядъ на важнѣйшія произшествія осьмагонадесять столѣтій. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. I, М. 1801, 8°, XXIV+291 стр.; т. II, М. 1802, 8°, 419 стр.; т. III, М. 1802, 8°, 259 стр.; т. IV, М. 1803, 251 стр. (озаглавленъ такъ: Протекшій вѣкъ или исторической взглядъ на важнѣйшія произшествія осьмагонадесять столѣтій, выбранныя большею частію изъ Сегюра).

6.* Торжественное слово о странствованіи музъ или о нѣкоторыхъ промежуткахъ временъ, въ которые художества и науки изящныя у разныхъ народовъ процвѣтали, и о причинахъ, служащихъ для оныхъ поощреніемъ, 29-го апрѣля 1807 года древней и новѣйшей литера-

¹⁾ * обозначены сочиненія, заглавія которыхъ проверены по подлинникамъ.

туры профессоромъ и секретаремъ совѣта Иваномъ Срезневскимъ на латинскомъ языкѣ говоренное и имъ же на російскій языкъ переведенное. М. s. a. 4°. 15 стр.

7.* Гимнъ благотворенію на день годовичнаго торжества въ Ярославскомъ Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ. 29-го апрѣля 1810 года. М. s. a. 4°. 7 стр. Подписано: Иванъ Срезневскій.

8.* Ода ихъ императорскимъ высочествамъ государынѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и супругу ея свѣтлѣйшему принцу Георгу Голштейнъ-Олденбургскому, новгородскому, тверскому и ярославскому генераль-губернатору и главному директору путей сообщенія въ Россіи, которую съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія подноситъ Ярославское Демидовское вышнихъ наукъ училище при вожделѣнномъ онаго посѣщеніи. М. 1810. 4°, 6 стр. Подписано: профессоръ Иванъ Срезневскій.

9. О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ. Рѣчь профессора Срезневскаго. Харьковъ, 1812.

10.* Побѣдная пѣснь Россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта, сочиненная для музыки надворнымъ совѣтникомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ краснорѣчія и поэзіи п. о. профессоромъ Иваномъ Срезневскимъ. Въ Харьковѣ, 1812. 8°. 16 стр.

11. Ораторія на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ празднованіе 25-го декабря 1814 года. Соч. проф. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1814. 4°. 9 стр. Ср. № 13.

12.* Слово о благодѣянιάхъ Промысла Божія, въ царствованіе благословеннаго племени Романова на Россію низпосланныхъ, въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 25-го декабря 1814 года говоренное надворнымъ совѣтникомъ, казеннокоштныхъ студентовъ инспекторомъ, казанскаго общества любителей отечественной словесности членомъ и харьковскаго общества наукъ членомъ и директоромъ, училищнаго комитета членомъ, пуб. орд. профессоромъ російскаго краснорѣчія и поэзіи Иваномъ Срезневскимъ. „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 25-го декабря 1814 года въ память избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага. Къ коимъ присоединяются сочиненныя для сего торжества ораторія и разсужденіе“. Въ Харьковѣ. 4°, 1815, стр. 3—25. Былъ и отдѣльный оттискъ, видѣть который мнѣ не удалось.

13.* Ораторія на случай того же торжества сочиненная. Ibid., стр. 27—35). Подписано: профессоръ Иванъ Срезневскій. Вѣроятно это то же, что № 11.

14.* Переводъ трехъ одъ Горация: 1) *Quid dedicatum poscit Apollinem*. Кн. I, од. XXXI. 2) *Rectius vives, Licini, neque altum...* Кн. II, од. X. 3) *Poscimus, si quid vasui sub umbra...* Книга I, од. XXXII. „Труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности“, кн. I (Казань, 1815), стр. 96—100.

15.* Къ Меценату (Горац., кн. III, од. 29). *Turghena regum progenies, etc.* Подписано: Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, янв., стр. 70—73.

16.* Псаломъ 20-й. Господи силою Твоею и проч. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, январь, стр. 68—69.

17.* Испорченный соловей. Безъ подписи. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, янв., стр. 22—23.

18.* На худыхъ стихотворцевъ. Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, янв., стр. 23.

19.* Карриатура. Рыцарь. Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, янв., стр. 25—29.

20.* Псаломъ 43-й. Боже ушима нашими слышахомъ. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, февр., стр. 220—223. Примѣчаніе издателя къ строфѣ „Теперь ты, Боже, насъ отринувъ“ и пр. сообщаетъ слѣд.: „Русской поэтъ раздѣлялъ чувства свои съ пѣснопѣвцемъ Израилевымъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ: псаломъ сей писанъ во время брани Израиля съ иноплеменными языками; переведенъ на русской языкъ 1812 въ сентябрѣ мѣсяцѣ“.

21.* Неудовольствіе Минервы на Бахуса и Венеру (сатира моего вкуса). Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, февр., стр. 67—75.

22.* На стрижку дамъ. Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, февр., стр. 79.

23.* На гробѣ К. Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, февр., стр. 81.

24.* Пѣсня. Первые чувства любви. Подписано: Срз. „Харьковскій Демокритъ“, 1816, февр., стр. 117—119.

25.* Рѣчь о любви къ отечеству. Въ примѣчаніи отъ издателя читаемъ между прочимъ: „Говоренная при первомъ торжественномъ (1805 апрѣля 29-го) открытіи Демидовскаго вышнихъ наукъ училища въ Ярославлѣ древней и новой литературы и російскаго краснорѣчія

профессоромъ тамъ бывшимъ Иваномъ Срезневскимъ“, и пр. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, мартъ, стр. 273—303. Былъ и отдѣльный оттискъ (Харьковъ, 1816).

26.* Въ честь побѣдоноснаго россійскаго воинства. Подписано: Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, апр., стр. 76—77.

27.* Ода на приѣздъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Николая Павловича въ Харьковъ, поднесенная Императорскаго Харьковскаго университета профессоромъ Иваномъ Срезневскимъ. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, июнь, стр. 331—334. Было и отдѣльное изданіе (въ заглавіи измѣнено: Ода... въ Харьковъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ подносить Императорскаго Харьковскаго университета профессоръ Иванъ Срезневскій (въ Харьковъ, 4°, 1816).

28.* Псаломъ 3-й (Господи, что ся умножиша стужающіи ми). Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, июль, стр. 71—72.

29.* Къ Лицинію. Горац. кн. II, Ода 10-я. Rectius vires, Licini et saet. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, авг., стр. 208—209. См. выше подъ № 14.

30.* Эротъ и пчелы (изъ Теоокрита). „Украинскій Вѣстникъ“, 1816, августъ, стр. 210—211. Подписано: Ив. Срезневскій.

31.* Стихотворческая забава. Въ Харьковѣ, 1816 [Таблица]. Подписано: И. Срз.

32.* Псаломъ 45-й. Богъ намъ прибѣжище и сила. Подписано: Ив. Срезневскій. Подъ строкой примѣчаніе о словѣ sela. „Украинскій Вѣстникъ“, 1817, мартъ, стр. 334—335.

33.* Псаломъ 58-й. Изми мя отъ врагъ моихъ, Боже. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1817, мартъ, стр. 336—338.

34.* Славянская мѣология или о богослуженіи русскомъ въ язычествѣ. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1817, апрѣль, 3—24, май, стр. 141—151.

35.* Бабочка. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1817, ноябрь, стр. 200—202.

36.* Къ Римлянамъ во время междоусобныхъ браней Октавія, Антонія и Лепида съ Брутомъ и Кассіемъ. Erod. Hog. VII, Quo, quo, scelesti, ruitis? et saet. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1818, мартъ, 317—318.

37.* Псаломъ 145. Хвали, душе моя, Господа. Подписано: Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1819, июнь, стр. 351—352.

38.* Гораціева ода XXXII книги 1-й. *Postumus, si quid vacui umbra*. Подписано: Ив. Срезневскій. „Украинскій Вѣстникъ“, 1819, июнь, стр. 362—363. См. № 14.

2.

**Списокъ ненапечатанныхъ оригинальныхъ стихотвореній
И. Е. Срезневскаго ¹⁾.**

1. „Акrostихъ изъ царства мертвыхъ отъ А. Т. къ М.“. Моя лира, стр. 128—129.
2. „Ахъ почто ты, рокъ злощастный“... Моя лира, стр. 109—110.
3. „Бабочка“. Нач. „Вечернею порой, вокругъ горящей свѣчки“... (совершенно иная редакция этого стихотворенія напечатана, см. № 35). Сбор. 1, стр. 122 (нач.: „Не рано вечеромъ“...), Моя лира, стр. 102 (исправленный списокъ).
4. „Благодарственные стихи отъ питомцевъ народнаго Рязанскаго училища его пр[евосходительству] Силифонтову“. Моя лира, стр. 122—124.
5. „Вечернее изліаніе души“. Нач. „Ужь солнце дневный бѣгъ склоняеть“... Сбор. 1, стр. 81—82.
6. „Вдовствующая Милада. Лирическая поэма“. Сбор. 1, стр. 33—58 (черновикъ), Моя лира, стр. 3 — 41, Сбор. 3, стр. 13 — 51 (списокъ съ дополненіями).
7. „Все подвержено премѣнѣ“. Сбор. 2, стр. 29—31.
8. „Въ день тезоименитства князя Павла Гавриловича Г...“ (кн. Гагарина). Нач. „Тебя, молодой князь, поздравляютъ“... Сбор. 1, стр. 64—67.
9. „Давно ль я въ тѣсномъ кабинетѣ“... Сбор. 1, стр. 3—5.
10. „Дворянинъ разночинцу“. Моя лира, стр. 164.
11. „Для Ел. Я. Люминарскаго на гробъ Николая Ѳедоровича Булыгина“. Нач.: „Тутъ прахъ Булыгина сей мраморъ сокрываетъ“... Сбор. 1, стр. 59.
12. „Лизетинъ портретъ“. Нач. „Оставь, Анакреонъ, Плутоновъ

¹⁾ Составленъ на основаніи подлинныхъ рукописей И. Е. Срезневскаго — „Моя Лира“ и сборниковъ безъ заглавій (сокращенно означаемыхъ: Сбор. 1, Сбор. 2, Сбор. 3). Произведенія расположены въ алфавитномъ порядкѣ по первому слову.

ты предѣль"... Сбор. 1, стр. 68—71 (черновикъ), Моя лира, стр. 67—72 (нѣсколько передѣлано).

13. „На возшествіе на престолъ Его Императорскаго Величества Павла Петровича, самодержца Всероссійскаго“. Нач.: „Когда прохладный сынъ Латоны“... Сбор. 1, стр. 107—112.

14. „Надгробная надпись седмилѣтней дѣвушкѣ сгорѣвшей отъ печки“. Нач.: „Я не великому герою“... Сбор. 1, стр. 58—60 (черновикъ), Моя лира, стр. 113—115 (списокъ; уничтожена первая строфа).

15. „Надгробное рыданіе его высокопревосходительству Шувалову“. Нач.: „Давно ли, музы, вы слетали“... Сбор. 2, стр. 95—98.

16. „На день рожденія ея сят[ельству] кн. Пр. Оед. [Гагаринной]“. Сбор. 1, стр. 93—98. Въ другой рукописи подъ заглавіемъ: „На рожденіе Прелесты“. Нач.: „Когда судьба опредѣляла Прелесту произвестъ на свѣтъ“... Моя лира, стр. 79—87.

17. „На день рожденія молодому кн. Д.“. Нач.: „Различно всякъ воспоминаетъ“... Моя лира, стр. 125—127.

18. „Народъ ученый вѣдь причудливъ“... (отрывокъ). Сбор. 3, стр. 183.

19. „На рожденіе красавицы“. Нач.: „Когда во время дней весеннихъ“... Сбор. 2, стр. 112.

20. „На смерть покойнаго Ив. Ив. Мелиссино“ († 1795 г.). Нач.: „Небесна дѣва, что вливаешь“... Сбор. 1, стр. 91—93.

21. „На стрижку волосъ“. Моя лира, стр. 163.

22. „Нобилу“ (эпиграмма). Моя лира, стр. 164.

23. „Ода въ день тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Екатерины Павловны“. Нач.: „Боянь, дай персты мнѣ игривы“... Моя лира, стр. 155—162.

24. „Ода двумъ пожилымъ имянницамъ“. Нач.: „Тезоимениты дорогія!“... Моя лира, стр. 117—119.

25. „Ода на день Іоанна Богослова“. Нач.: „Молчите, баснословны музы“... Сбор. 1, стр. 5—10 (черновой набросокъ), Моя лира, стр. 51—60 (полный списокъ).

26. „Отвѣтъ на Державина піесу къ самому себѣ“. Нач.: „Для чего не суетиться“... Сбор. 2, стр. 109—111. (См. Держ., т. 2, стр. 176—178.

27. „Письмо къ Ал. Оед. Воейкову“. Нач.: „О ты, великій мужъ и дворянинъ Воейковъ“... Моя лира, стр. 130—131.

28. „Потомокъ Буцефаловъ въ Яр.“. Нач.: „Зачѣмъ съ меня кони достойна почестъ спала?“... Моя лира, стр. 153.

29. „Потомокъ коня Калигулова“. Нач.: „Мой предокъ нѣкогда Калигулу возилъ“... Моя лира, стр. 154.

30. „Поѣздъ изъ села Б[огословскаго]“. Сбор. 1, стр. 12, Моя лира, стр. 111—112 (списокъ съ небольшими измѣненіями).

31. „Пѣсня“. Нач.: „Вы, зефиры, повѣвайте“... Моя лира, стр. 98—99.

32. „Пѣсня“. Нач.: „Для чего ты, вильмъ высокій“... Моя лира, стр. 107—108.

33. „Пѣсня“. Нач.: „Красно солнышко бросаетъ“... Моя лира, стр. 104—106.

34. „Пѣсня“. Нач.: „Напрасно погасить стараюсь“... Сборн. 1, стр. 87—89.

35. „Пѣсня“. Нач.: „Не вѣжна горлица порхаетъ“... Моя лира, стр. 65—66.

36. „Пѣсня“. Нач.: „Свѣчка гаснетъ, догараетъ“... Моя лира, стр. 103 и 102.

37. „Пѣсня ямбическая“. Нач.: „Перебирая мыслями“. Сбор. 2, стр. 107—109.

38. „Розанъ“. Нач.: „Алой розанъ, цвѣтъ прекрасный“... Сбор. 1, стр. 10—11, Моя лира, стр. 100—101 (списокъ).

39. „Стихи“. Нач.: „Кто нѣжнымъ пѣнемъ, кто словами“. Сбор. 1, стр. 1—2.

40. „Сусанинъ. Поэма лирическая“. Сбор. 3, стр. 63—151.

41. „Ты, Паша, мнѣ твердишь, что я люблю тебя“... (отрывокъ). Моя лира, стр. 103.

42. „Эпиграмма красавицѣ, мастерицѣ играть на фортепіано и пѣть“. Моя лира, стр. 163.

43. „Эпитафія“: 1) Нач.: „Супруга, отпустивъ супружню душу къ Богу“... 2) Нач.: „Прохожіи! прекрати на время трудный путь“... 3) Нач.: „Мать у меня отняла въ моемъ младенствѣ Бога“... 4) Нач.: „Се жертву поздую сынъ матери свершаетъ“... Моя лира, 115—116; 1-я и 2-я есть въ Сбор. 2, стр. 59; 2-я здѣсь озаглавлена: „Для Василія Тар. Шутова на смерть Якима Матвѣева“.

44. „Эпитафія Гриневу“. Нач.: „Въ могилѣ сей лежитъ зарытый другъ друзьями“... Сбор. 3, стр. 181.

45. „Эпитафія Елисаветѣ Александровнѣ Шишковой“. Нач.: „Коль узришь, странникъ, ты гдѣ сына моего“. Моя лира, стр. 128.

46. „Reditus ad Universitatem“. Сбор. 1, стр. 123.

3.

Изъ сочиненій и переводовъ И. Е. Срезневскаго.

1.

Элегія VII-я 4-ой книги Плача Публія Овидія Назона ¹⁾.

(Bis me sol adiit gelidae post frigola brumae...).

Ужъ дважды видѣлъ я послѣ зимы свѣтило,
И дважды оное Зодіакъ проходило.
Почто жъ еще досель отъ твоея руки
Нѣтъ ни одной ко мнѣ написанной строки?
Почто ты измѣнилъ, коль тѣ ко мнѣ писали,
Которые со мной во дружбу не вступали?
Почто, со всякаго письма сорвавъ печать,
Я чаялъ имя тамъ твое, о другъ, сыскать?
О естля бъ было что написано тобою,
Но изъ того ничто не получено мною!
Да, точно такъ: и мнѣ вѣрнѣе во сто разъ,
Что у Медузы суть змѣи на мѣсто власть,
Что въ чревѣ Скиллы псы; что Химерійско диво
Съ дракономъ, съ пламенемъ, съ главою льва, правдиво;
Что къ груди человѣкъ у лошади приросъ,
Что есть третрूपной мужъ; что есть треглавной піосъ
Что Сфинга, Гарпіи, Гиганты суть возможны;
Сторукой что Гигень, и Минотавръ не ложны.
Любезный другъ! изъ сихъ повѣрю я всему;
Чтобъ ты меня забылъ, не вѣрю я тому.
Безчисленны межъ насъ и горы, и дороги,
И рѣки, и поля, и заливы премноги:
Такъ письма, что ко мнѣ тобою посланы,
Быть могутъ тысячью препятствъ воспящены.
Однакъ, презрѣвъ все то, пиши ты безпрестани,
Чтобъ миновать моихъ всегдашнихъ упреканій.

¹⁾ Напечатано въ 1795 г. см. „Плачь“, стр. 185—187.

Часть СССХУП (1838, № 6), отд. 2.

Объясненія 1).

1) Зодіакъ, кругъ воображаемый надъ сферою, содержащій въ себѣ двѣнадцать слѣдующихъ знаковъ:

Sunt Aries, Taurus, Gemini, Cancer, Leo, Virgo;
Libraque, Scorpius, Arcitenens, Capre, Amphora, Pisces.

То-есть:

Овенъ, Телець и Близнецы, Ракъ, Левъ и образъ Дѣвы красны;
Вѣсы, Скорпионъ и Стрѣлецъ, Козель, Ведро и Рыбы ясны.

Солнце въ каждой изъ сихъ знаковъ входитъ каждой мѣсяць, откуда стихотворцы выдумали описывать теченіе солнца чрезъ знаки, въ которыхъ находится оно и времена года раздѣляютъ по онѣмъ же знакамъ:

Aestas, a Geminis, Autumnus Virgine surgit,
Bruma Sagittifero, Ver Piscibus incipit esse.

То-есть:

Лѣтній зной отъ Близнецовъ, Осень съ Дѣвы наступаетъ,
Холодъ зимній отъ Стрѣльца, съ Рыбъ Весна быть начинается.

2) Химера, огнедышущая часть горы Краги въ Ликии, на верху которой обитаютъ львы, въ срединѣ козы, при подошвѣ змѣи, отъ чего стихотворцы имѣли случай вымыслить, что Химера есть чудовище, которое имѣетъ львиную голову, трупъ козливою, а хвостъ драконовъ. Но по елику Беллерофонтъ сію гору сдѣлалъ способною къ жительству, то говорятъ, что онъ убилъ Химеру.

2.

Пѣсня 2).

Для чего ты, ильмъ высокой,
Въ низъ вершину преклонилъ?
Вѣтръ бурливый, вѣтръ жестокой
Знать вершину ту сломилъ.

¹⁾ Взяты изъ „Ключа къ Плачу П. Овидія Назова“, составленнаго И. Е. Срезневскимъ; приводимъ только нѣкоторыя для образца.

²⁾ Напечатана не была; написана, вѣроятно, въ 1797 году.

Отъ чего ты унываешь,
 Мой удалой пастушокъ,
 И головушку склоняешь
 На свой бѣлой локотокъ?
 Отъ болѣзни ли жестокой
 Голова твоя болить?
 Или сонъ ее глубокой
 Къ низу съ крѣпкихъ плечъ валить?
 Не съ болѣзни со жестокой
 Голова моя болить;
 И не сонъ ее глубокой
 Къ низу съ крѣпкихъ плечъ валить.
 Я отъ думушки глубокой
 Въ низъ головушку склонилъ.
 Отъ любви—любви жестокой
 Доброй молодець унылъ.
 Мнѣ Миланинъ взоръ прекрасной
 Сердце нѣжное зажогъ,
 Дышетъ въ сердцѣ пламень страстной
 И летить за вздохомъ вздохъ.
 Вздохи мучать;—но напрасно
 Мой томится ими духъ;
 Мнѣ и мыслить то ужасно,
 Кто Милана!... Я—пастухъ!..
 Свѣтлы теремы высоки —
 Вотъ сужденный ей предѣлъ!..
 Но поля, луга широки
 И шалашъ есть мой удѣлъ...

3.

Пѣсня ¹⁾).

Ахъ! почто ты, рокъ злощастный,
 Чтобъ нарушить мой покой,
 Мнѣ представилъ взоръ прекрасный —
 Взоръ Пльниры дорогой?
 Ахъ! Куды ты, сердце нѣжно,

¹⁾ Напечатана не была; написана, вѣроятно, въ 1797 году.

Вонъ со вздохами летишь?
 Таишь страстью безнадежно
 И себя мечтою льстишь?
 Тщетно, сердце, мысли тянешь
 Къ той, гдѣ милая, странѣ;
 Вижу, ты меня обманешь:
 Тамъ не думаютъ о мнѣ!
 Тамъ, гдѣ тысяча плѣниться
 Могутъ лучшіе меня,
 Мнѣ какой надеждой льститься
 И крушиться день отъ дня?
 Безъ уловки, безъ искусства
 Можно ли пріятнымъ быть?
 И простаго сердца чувства
 Могутъ ли кого плѣнить?
 Я ласкаться не умѣю,
 Я не модной человѣкъ;
 И сказалъ бы что—не смѣю:
 Мнѣ амуръ языкъ подсѣкъ...
 Чтожъ мнѣ дѣлать? Я не воленъ
 Чувства сердца премѣнить;
 Я и въ томъ судьбой доволенъ,
 Что умѣлъ—кого любить.
 Что умѣлъ избрать плѣниться
 Безподобной красотой,
 Коей свѣтъ весь удивится,
 Коей равной нѣтъ другой.
 Ты жъ, Плѣнира, страсть узная,
 Пожалѣй мнѣ грудь терзать
 И позволь себя, драгая,
 Безъ надежды обожать.

4.

Пѣсня ¹⁾.

Красно солнышко бросаетъ
 Всюду знойные лучи;

¹⁾ Напечатана не была; написана, вѣроятно, въ 1797 году.

Нѣжна липка преклоняетъ
Съ жару мягкіе листки.
Тяжко, тяжело липкѣ нѣжной!
Тяжко сердцу моему!
Жаръ любви безнадежной
Есть мученіемъ ему.
Страстью нѣжной пламенѣю
Я къ Миланѣ дорогой.
Ахъ! но страсть открыть не смѣю
Я, Милана, предъ тобой.
Подъ различными звѣздами
Я съ Миланой въ свѣтъ рожденъ;
И различный небесами
Съ нею жребій несть сужденъ!—
Ахъ! почто, судьбина злая,
Родила ты такъ меня,
Чтобъ всечасно я, вадыхая,
Тщетно мучился, стена!
Ахъ! почто сей страстью нѣжной
Я не къ ровнѣ воспылалъ!
Я бы въ жизни безмятежной
Плодъ любви своей вкушалъ.
Но увы! нельзя предѣла
Злой судьбы перемѣнить!
Что она сносить велѣла,
Стану вѣчно то сносить.
Тайно страстью таять стану,
Сердце вздохами томить;
Пусть изсохну, пусть увяну, —
Но боюсь любовь открыть.
Тише! тише! вздохъ мой страстной,
Вылетай изъ сердца вонъ,
До Миланы чтобъ прекрасной
Не дошелъ мой горькой стонъ.
Чтобъ Милана дорогая
Не примѣтила сего
И, отъ взоровъ убѣгая,
Не лишила бы всего!
Ахъ! почто ты, лѣсъ тѣнистый,

Не колеблешься—молчишь?
 Ахъ! почто ты, вѣтеръ быстрый,
 Здѣсь листковъ не шевелишь?
 Вы хотите тутъ конечно
 Тайну сердца всю узнать,
 Чтобъ мученіе сердечно
 Все Миланъ разказать?
 Помолчите, вѣтры быстры.
 О мученіи моемъ!
 Не скажи, о лѣсъ тѣнистый.
 Ты Миланъ обо всемъ.
 Сей послѣднія отрады
 Не лишите вы меня,
 Чтобъ ея мнѣ видѣть взгляды.
 Тщетнымъ жаромъ духъ маня.

5.

Поездъ изъ села Б. ¹⁾

Куда вы, кони бурны,
 Несетесь со мной
 Оттоль, гдѣ лукъ амурный
 Пронзилъ мнѣ грудь стрѣлой?
 Оттоль, гдѣ зараза
 Любви меня зажгла,
 Гдѣ нимфа черноглаза
 По мысли мнѣ пришла.
 Ахъ! вотъ и провожаетъ
 Глазенками она;
 Она конечно знаетъ,
 Кѣмъ грудь моя полна.
 Постойте, кони рѣзвы!
 Ты, кучеръ, ихъ не нудь!
 На глазки мнѣ любезны
 Дай разъ еще взглянуть,
 Въ послѣдній дай проститься.

¹⁾ Напечатано не было; написано, вѣроятно, въ 1797 году.

Послать ей поцѣлуй,
 Вздохнуть и поклониться
 Съ потокомъ слезныхъ струй.
 Прощай съ моею милой,
 Прекрасное село!
 Знать мнѣ съ душой унылой
 Оставить васъ пришло.
 Летите, кони рѣзвы!
 Ты, кучеръ, поспѣши!
 Прости, предметъ любезный,
 Владычица души.

6.

Reditus ad Universitatem ¹⁾).

Vecta ratis rediit vasti per devia ponti
 Navem, o portus! quaeso, resume tuam.
 Navem, quae fallax ventis agitata per aequor,
 Iam supplex placidum nunc orat ipsa locum;
 Navem, quae sentit se plus non posse vagari,
 Neve alios nisi te portus adire potest;
 Fac, optate locus, fac sim tibi utilis ipsi;
 Haec praestare etenim spes mea posse tuum est.
 Scilicet ut flagrans Herus ardore Leander
 Littora Abydenae si revocasset aquae;
 Littora, non dubito, movissent ipsa clamores,
 Hostiaque undarum non foret ille miser.
 Fingite me audacem, viri, nunc esse Leandrum
 Cui Fortuna dolum lampada falsa ferat.
 Et tamen haec pellex extinxit perfida facem
 Cum primum metam me tetigisse rear.
 Illum blanda Venus, mea me Fortuna fefellit:
 Non ego dissimilis. Sed tamen ille iacet,
 Ut suo in affectu constans, sub Thethyde mersus:
 Doctus ab exempla, littoro nostra peto.
 Accipe, quaeso, tuum, mea pristina ripa, Leandrum,
 Neve per undisonum nave patere mare!

¹⁾ Написано въ 1797 г.; напечатано не было.

7.

Надѣробное рыданіе Ею Высокопревосходительству Шувалову ¹⁾.

Давно ли, музы, вы сплетали
 Шувалову вѣнецъ лавровъ
 И въ воображеніи украшали
 Имъ сѣдину его власовъ?
 Давно ли ваши юны длани
 Плескали въ знакъ благихъ желаній?
 Давно-ль? — И се его ужъ нѣтъ.
 Померкъ очесъ дражайшихъ свѣтъ!
 Сожкнулись ласковыя вѣжды,
 Изшелъ богоподобный духъ,
 Какъ молній блескъ прошли надежды,
 Рыданій гласъ пронзаетъ слухъ!
 Осталась только персть почтенна,
 Слезами смертныхъ орошенна.
 Надъ ней воздвигнуть мавзолей
 Для памяти грядущихъ дней.
 И что же будутъ гробы пышны?
 Что будутъ мавзолей тѣхъ,
 Коль чьи дѣянія неслышны
 Забвенью преданы отъ всѣхъ.
 Гдѣ горды зданія Дориды?—
 Распались тщетной славы виды:
 Все въ прахъ земной превращено,
 Осталось имя лишь одно!
 Осталось—и едва мелькаетъ
 Въ бытописаніи тѣхъ дней.—
 Такъ слава пышныхъ умолкаетъ,
 Неславныхъ по дѣламъ людей.
 А ты, другъ вѣрный человѣковъ,
 Останешься у позднихъ вѣковъ;
 Ты будешь жить и чады чадъ
 Твой паки гробъ возобновятъ.

¹⁾ Ив. Ив. Шуваловъ, кураторъ Московскаго университета, умеръ 14-го сентября 1797 г.

Межъ Силліевъ и Цицероновъ,
 Между вельможей чуждыхъ зла;
 Межъ Меценатовъ и Солоновъ
 Напишутся твои дѣла.
 Ты будешь жить,—и слава міра
 Твоихъ дѣяній будетъ лира.
 Любители всеобщихъ благъ
 Слезами окропятъ твой прахъ.

Ты будешь жить,—и голосъ сирыхъ,
 Причастныхъ благостей твоихъ,
 Сильнѣе пѣснопѣній лирныхъ
 Обворожитъ сердца другихъ.
 И музъ питомецъ благодарный
 Придетъ надъ гробъ твой лучезарный;
 Тамъ—тамъ, гдѣ персть твоя гниетъ,
 Благодареній гласъ прольетъ.

Такъ, юны музы, я увѣренъ
 Въ движеньяхъ вашихъ нѣжныхъ душъ!
 Вашъ жаръ всегда къ нему безмѣренъ
 И духъ вашъ подлой лести чуждъ.
 Когда угодно вышней волѣ
 Вамъ быть въ великомъ Петрополѣ
 Тамъ будетъ дѣлъ главнѣйшихъ часть—
 Кто гробу Мецената пастъ.

И тамъ, гдѣ въ Финъ стремятся воды,
 Вы спросите сыновъ Невы:
 Гдѣ спитъ другъ смертныхъ, другъ природы?
 Гдѣ лавроносный прахъ главы?—
 „Тамъ—тамъ, гдѣ древній рыцарь Невскій
 „Каралъ полки злодѣевъ дерзки,
 „Гдѣ въ славу подвиговъ благихъ
 „Стоять обители святыхъ.

„Тамъ узрите вы сонмъ великій
 „Безчадныхъ старцевъ и сиротъ;
 „Ихъ плачь, рыданія и крики
 „Трясутъ священныхъ храмовъ сводъ.
 „Тутъ подъ слезами сирыхъ, бѣдныхъ
 „Почіетъ другъ царей, другъ смертныхъ.
 „Тутъ персть его приметъ васъ

„И тѣнь его познаеть васъ.

О суетность воображеній!

Усердныхъ нашихъ чувствъ мечта!

Мы тонемъ въ бездну заблужденій,

Межь тѣмъ какъ милая душа

Оставивъ суету мірскую.

Оставивъ персть въ землѣ гнилую

На тонкихъ ангельскихъ крылахъ

Парить далеко—въ небесахъ.

Парить—и предъ всевышнимъ трономъ,

Гдѣ Царь сидитъ царей земныхъ

И творческииъ своимъ глаголомъ

Рѣшитъ... ¹⁾ дѣянья ихъ,

Тамъ ликовствуетъ тѣнь блаженна,

Въ собратство праведныхъ причтена;

И предъ очами трехъ царей

Блится свѣтлою зарей.

О вы, боговѣнчанны тѣни,

Которыхъ Творчая судьба

Сподобила святыхъ селеній,

Вы зрите своего раба

И ваши очи просвѣщенны

Его зрятъ мысли обнаженны.

Для васъ—для Россовъ жилъ онъ вѣкъ;

Днесъ къ вамъ спокoitься притекъ!

8.

Переводъ Горациевой оды.

L. IV, od. VII²⁾.

Diffugere nives, redeunt iam gramina campis.

Растаяли снѣга, въ поляхъ растеть трава,

Зеленыиъ листьвемъ украсились древа.

Уже весь шаръ земной свой жребій премѣняетъ.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Напечатано не было (Моя лира, стр. 120—121, Сбор. 1, стр. 82—83).

И, истощавъ, вода въ брега свои втекаетъ.
Хариты красоты тѣлесны обнаживъ,
Гуляютъ, рѣзвятся въ собраньи красныхъ нимфъ.
Тебѣ напомнилъ годъ, что въ свѣтѣ все не вѣчно.
И часъ, который дни проводить скоротечно.
Весенни вѣтерки смягчаютъ зимній хладъ,
Зной лѣтній насъ лишитъ весеннихъ всѣхъ прохладъ;
А осень зрѣлая и лѣтній зной прогонитъ;
Тогда опять зима холодная приходитъ.
Но время всѣ небесъ невыгоды прерветъ,
А мы, гдѣ славный Тулль, Эней и Анкъ живеть,
Какъ скоро въ тѣ мѣста отселѣ преселимся,
Всѣ въ прахъ земной тогда и въ тѣнь преобразимся.
Кто вѣдаетъ о томъ, угодно ли богамъ
Грядущій день еще прибавитъ къ жизни намъ?
Все то изъ алчныхъ рукъ наслѣдныхъ исхитится,
Чѣмъ ты на свѣтѣ семъ ни будешь веселиться;
Коль кончишь разъ одинъ теченіе минутъ,
Коль надъ тобой Миносъ свершитъ послѣдній судъ.
Ни вѣра ужъ тогда, ни красной слогъ, ни слава,
Не премѣнять, Торкватъ, судьбы твоей устава.
Ни безпорочнаго Гипполита Луна
Изъ Ада возвратитъ на свѣтъ сей не сильна,
Не можетъ и Тезей оковы смертны стерти
Чтобъ друга своего освободить отъ смерти.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Политика, какъ самостоятельная наука въ области государственныхъ знаній.

Въ концѣ 1897 года Б. Н. Чичеринъ издалъ 3-ю часть своего курса „Государственной Науки“—„Политику“ и такимъ образомъ, выполнилъ задуманный имъ планъ.

По общему плану почтеннаго автора полный курсъ государственной науки состоитъ изъ трехъ областей: а) юридическая организація государства, опредѣляющая законами и учрежденіями народную жизнь и управляющая совокупными интересами народа для общаго блага; эта область составляетъ содержаніе общаго государственнаго права и изложена въ 1-ой части труда г. Чичерина. б) Но юридическая сторона далеко не исчерпываетъ всей государственной жизни; содержаніемъ ея служатъ жизненныя основы и интересы частныхъ лицъ, общественныхъ союзовъ и всего общества. {Подчиняясь съ юридической стороны государству, какъ высшему цѣлому, общество въ своей внутренней жизни остается свободнымъ, самоопредѣляющимся лицомъ; вся дѣятельность людей и общественныхъ союзовъ въ области матеріальной, духовной, наукъ, искусствъ, промысловъ, не ограничиваясь предѣлами своего государства, состоитъ въ общеніи со всѣми странами земли. Государство и общество, отличаясь по содержанію и объему своему, находятся въ постоянной связи и взаимномъ воздѣйствіи. Государство хранитъ и управляетъ жизнью цѣлаго, общество даетъ направленіе государственному порядку. Исслѣдованіе общества въ его составныхъ элементахъ, въ его вліяніи на государство со-

ставляет предметъ науки объ обществѣ или социологии, которая и вошла во 2-ую часть курса г. Чичерина. в) Государство опредѣляетъ и руководитъ общество въ достиженіи общественныхъ цѣлей для общаго блага. Благо это осуществляется только постепенно, сообразно съ мѣстными и временными условіями, степенью развитія народа; въ каждый данный моментъ возникаютъ извѣстныя частныя задачи, имѣющія свои условія и требующія своихъ средствъ. Правильное пониманіе и руководство какъ общими цѣлями, такъ и частными задачами, составляетъ основаніе и содержаніе „Политики, которая есть наука о способахъ достиженія государственныхъ цѣлей“. Политика, такимъ образомъ, вытекаетъ съ одной стороны изъ ученія о государствѣ, а съ другой стороны должна слѣдовать за социологіею, такъ какъ политическая дѣятельность государства зависитъ существенно отъ состоянія общества. Ученію о Политикѣ г. Чичеринъ посвящаетъ обширную (552 стр.) 3-ю часть своего курса.

Въ свое время мы представили научный отчетъ о первыхъ двухъ томахъ курса Б. Н. Чичерина (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, статья 1-я 1895 г. за августъ, статья 2-ая *Журналъ междунагоднаго и государственнаго права*, т. I, № I, январь—февраль 1897 г.); займемся теперь ученіемъ его о Политикѣ. Но предварительно остановимся на общемъ планѣ почтеннаго автора. Мысль о разработкѣ государственной науки въ трехъ отдѣльныхъ областяхъ, — государственное право, ученіе объ обществѣ и политика, — развилось во 2-ой четверти XIX вѣка и привлекла къ себѣ первоклассныхъ западно-европейскихъ публицистовъ, каковы Штейнъ, Р. Моль, Эшеръ, Аренсъ, Глазеръ, Спенсеръ, Пасси и др. Мысль эта возникла и утвердилась съ одной стороны подъ вліяніемъ чрезвычайнаго развитія въ XIX вѣкѣ общественныхъ элементовъ — сильныхъ союзовъ экономическихъ, духовныхъ, политическихъ, которые стали оказывать глубокое, а нерѣдко подавляющее дѣйствіе на государственный строй; а съ другой, вслѣдствіе усложненія и расширенія задачъ и способовъ исполненія государственныхъ цѣлей. Нынѣшнія правительства, стоящія лицомъ къ лицу съ полноправными гражданами, съ громаднымъ развитіемъ производительныхъ силъ народа, ищущихъ сбыта своего труда во всѣхъ странахъ свѣта, ограниченныя внутри парламентскими порядками, а внѣ — международнымъ соперничествомъ и борьбою, уже не могутъ довольствоваться скудными правилами Макіавелевскаго *Del principe* (1520 г.), достаточными для средневѣковыхъ династій, дѣйствовавшихъ неограниченно въ небольшихъ областяхъ. Для ны-

нѣшнихъ правительствъ требуется болѣе широкая, многообразная и отвѣтственная политика, а слѣдовательно и болѣе специальная разработка и изученіе этого предмета.

Несмотря однако на серьезныя современныя причины, требующія изученія государственнаго права въ широкихъ условіяхъ общественныхъ силъ и политическихъ приѣмовъ, разработка государственной науки въ трехъ отдѣльныхъ областяхъ сдѣлала очень слабыя успѣхи; до сихъ поръ не установился ни общій планъ, ни содержаніе, ни взаимное отношеніе этихъ областей. Особенно слабы попытки самостоятельной разработки ученія объ обществѣ. Одни (Эшеръ) ограничиваютъ его экономическими отношеніями; другіе, какъ Штейнъ, разумѣютъ подъ обществомъ распредѣленіе общественныхъ благъ—власти и чести подъ вліяніемъ экономическихъ условій; Р. Моль понимаетъ общество какъ совокупность постоянныхъ союзовъ, стоящихъ между государствомъ и частными лицами; наконецъ социалисты каеедры (Шефле, Вагнеръ) признаютъ общество высшимъ организмомъ, обнимающимъ и само государство, которое предназначено служить орудіемъ для подчиненія обществу и частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ. Также неудачна и соціологія г. Чичерина, о чемъ мы подробно излагали въ разборѣ II-ой части труда автора (*Журналъ международнаго и государственнаго права*, т. I, № 1 1897 г.). Самъ г. Чичеринъ признаетъ (предисловіе къ I-ой ч.), что до сихъ поръ „соціологія есть въ сущности ничто иное какъ хаотическая смѣсь всякихъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ свѣдѣній и взглядовъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на наименованіе науки“. Г. Чичеринъ не вывелъ своей науки изъ хаоса и безъ сомнѣнія его ученіе о государствѣ выиграло бы весьма много, если бы онъ разработалъ его въ связи съ обществомъ. Причина малоуспѣшности соціологовъ заключается не въ новизнѣ предмета, не въ недостаткѣ дарованій и труда авторовъ, а въ ложности самой мысли изслѣдовать раздѣльно ученіе о государствѣ и обществѣ. Невозможно выдѣлить и уяснить государственную организацію, если всѣ силы и строй государства порождаются и живутъ общественными элементами; и съ другой стороны немислимо представить и понять общество безъ государства, въ которомъ первое находитъ свое единство, руководство, охрану и способы выполненія высшихъ задачъ. Безъ сомнѣнія наша точка зрѣнія не устраняетъ необходимости и пользы специальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ въ области государства и общества; специализація можетъ быть безконечна, и новѣйшіе труды

статистики, экономіи, исторіи, общественной психологіи пролили много свѣта на вліяніе общественныхъ элементовъ на строй государства. Мы отрицаемъ только пользу и научность разработки системъ государства и общества въ ихъ отдѣльномъ видѣ.

Перейдемъ къ ближайшему предмету — политикѣ, составляющей III-ю заключительную часть ученія г. Чичерина. Прежде всего остановимся на развитіи понятія о политикѣ, какъ самостоятельной отрасли государственныхъ наукъ. Название политика (πολιτικά отъ πόλις—государство) принадлежитъ греческимъ мыслителямъ, хотя имѣло у нихъ иной, болѣе обширный смыслъ. Подъ нею разумѣлось, вообще, ученіе о государствѣ, и такъ какъ государство, по взгляду грековъ, обнимало всѣ стороны человѣческой жизни, то въ нихъ политику входили всѣ вопросы, касавшіеся жизни гражданъ и государства. Такъ политика Аристотеля содержитъ въ себѣ ученіе объ этикѣ, правѣ, государствѣ, семьѣ, экономикѣ и педагогикѣ; въ своемъ знаменитомъ трактатѣ Аристотель особенно занимается вопросомъ о томъ, какое политическое устройство есть наилучшее, могущее наиболѣе обезпечить человѣку добродѣтель и благо; съ этою цѣлью онъ изслѣдуетъ какъ существовавшія въ Греціи формы государственной жизни, такъ и проекты, предлагавшіеся греческими законодателями и философами (особенно устройство Спарты, Крита, законодательство Солона, Драконта, Питтака, Филолая Фивскаго, планы Платона, Фалеса и др.). Подобное же соединеніе ученія о государствѣ и политикѣ господствовало у римлянъ, отъ нихъ перешло въ средневѣковыя юридическія школы.

Въ новое время съ XVII вѣка, стали отдѣлять отъ ученія о государствѣ политику, подъ которою разумѣли, однако, не особенную научную область, а практическую дѣятельность, искусство управлять государствомъ, находить средства для достиженія государственныхъ цѣлей; это искусство почиталось особенно важнымъ для управления внѣшними дѣлами государства, а потому лицъ, занимавшихся внѣшними сношеніями, называли по преимуществу политиками. Но когда въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ государственныя задачи усложнились и расширились, когда внутреннее управленіе подверглось кореннымъ преобразованіямъ, развился конституціонный порядокъ, когда общество стало предъявлять къ правительству многостороннія требованія, одна практическая мудрость и руководство здраваго смысла оказались недостаточными для управленія государствомъ; потребовались общія правила для изысканія вѣрныхъ и лучшихъ способовъ

осуществлять государственныя задачи. Въ это то время возникло довольно много трудовъ, въ которыхъ излагали общія начала и правила политики, какъ искусство управленія. На первомъ мѣстѣ должно указать на трактаты Бентама, издавшаго въ 1791 г. опытъ политической тактики (*Essay on political tactics*) и Шлецера (*Staatsrecht und Staatsverfassungslehre*, 1793), который поставлялъ задачу политики въ обработкѣ статистическихъ свѣдѣній о государственныхъ силахъ и изысканіи средствъ къ цѣлесообразному управленію государствомъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка обратили особое вниманіе на разработку политики, какъ искусства управленія въ конституціонномъ порядкѣ и международныхъ сношеніяхъ; наиболѣе извѣстные труды въ этомъ направленіи принадлежатъ: Бенжаменъ Констану (*Cours de politique constitutionnelle*, 1820), Захарія (*Vierzig Bücher v. Staate* 1821—1832), Фольграфу (*Systeme d. practischen Politik im Abendlande* 1828), Дальману (*Die Politik auf den Grund und das Mass der gegebenen Zustände zurückgeföhrt*, 1835), Вайцу и мн. др.

Во второй половинѣ XIX вѣка, когда накопилось довольно много правилъ практической цѣлесообразности и благоразумія, когда раскрылось, что практика также подчиняется общему закону связи причинъ и послѣдствій, возникла мысль объ обработкѣ политики не только какъ искусства, но и какъ науки, которая должна опредѣлять общія основанія и условія для практической государственной дѣятельности и должна занимать параллельное мѣсто съ наукою государственнаго права. Главнѣйшими представителями такого направленія были Роб. ф.-Моль, Блунчли и Гольцендорфъ, успѣвшіе осуществить свою мысль и предложить цѣнные трактаты политики, въ смыслѣ самостоятельной науки (*Politik R. v. Mohl*. 1862—1869; *Die Principien d. Politik Fr. v. Holtzendorf*—1869; *Politik als Wissenschaft v. J. Bluntschli*—1876). Трактаты Гольцендорфа и Блунчли суть вполнѣ систематическіе научные курсы. Независимо отъ того въ послѣднія десятилѣтія вышло много монографическихъ трудовъ по отдѣльнымъ вопросамъ политики: о національности, политическихъ партіяхъ, объ отношеніи государства къ церкви, о положеніи рабочихъ, о капитализмѣ, выборныхъ системахъ и др.

Р. ф.-Моль опредѣляетъ (въ своей *Encyklop. d. Staatswissenschaften*, 1872) политику какъ науку о средствахъ, при помощи которыхъ цѣли государства могутъ быть осуществлены наиболѣе полно и успѣшно. Государство, говоритъ онъ, какъ соединеніе весьма разнообразныхъ силъ и учреждений, нуждается гораздо болѣе въ надле-

жащемъ выборѣ цѣлесообразныхъ средствъ, чѣмъ какая либо иная организація человѣческой жизни. Чѣмъ сложнѣе организація, чѣмъ выше цѣли и цивилизація народа, чѣмъ могущественнѣе относится государство къ внѣшнему міру, — тѣмъ разнообразнѣе пути и средства для достиженія цѣлей. Неудачный или несвоевременный выборъ средствъ ведетъ къ потерѣ силъ, времени и можетъ принести одинъ вредъ. Поэтому человѣческая мудрость и наука должны указать наилучшія средства для лучшихъ цѣлей. Въ настоящее время выборъ этотъ не можетъ быть предоставленъ однимъ индивидуальнымъ внушеніямъ знанія, опыта и склонностей. Хотя здравый смыслъ и счастливая предусмотрительность нерѣдко удачно разрѣшаютъ отдѣльные случаи и средства, не обращаясь къ научнымъ основамъ и доказательствамъ, но для общей политической системы этого очень недостаточно. Необходима наука, которая изслѣдовала бы всевозможныя политическія средства, указала бы различныя условія, порождаемыя родомъ и видомъ государствъ, ихъ богатствомъ, численностью, характеромъ народа, которая разъяснила бы разнообразныя препятствія, порождаемыя недостатками человѣческой природы, большою денежною стоимостью учреждений, опасностью взаимной парализаціи и противорѣчій между государственными и общественными силами. Словомъ нужна полная система политической науки, которая обняла бы предметъ во всемъ его объемѣ и опредѣлила общія свойства и послѣдствія политическихъ средствъ и способовъ дѣйствія. „Совершенно непонятно“, заключаетъ Р. Моль, „современное (1860—1870 гг.) пренебреженіе всякою теоретическою политикою. Конечно, научныя изслѣдованія и теоретическое знаніе никогда не могутъ замѣнить здраваго смысла и практическаго умѣнія, но одно индивидуальное разумѣніе и благоразуміе не въ состояніи возвыситься до руководящихъ общихъ началъ и послѣдовательной системы дѣйствій. Справедливо, что правители государствъ весьма часто обходятся безъ науки, но вопросъ въ томъ, не обнаруживается ли это столь же часто въ ихъ дѣйствіяхъ“ (Енсykl. § 86). Политика, какъ наука о средствахъ государственной дѣятельности, по мнѣнію Моля, должна обнять всю область государственнаго общежитія; все, что входитъ въ государственное право, должно принадлежать и политикѣ; разница заключается только въ условіяхъ и задачахъ обработки. Поэтому въ общую политику должны входить: политика государственнаго устройства, внутренняго управленія (администрація); административную политику Моль раздѣляетъ на отрасли по числу главнѣйшихъ цѣлей

администраціи, откуда возникаютъ отдѣлы административной политики въ области суда, полиціи, государственнаго хозяйства; нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ — каковы финансы, полиція, успѣли развиться въ особія науки, но общая система политики не должна опустать ни одного отдѣла.

Обширную программу политики Р. Моля пожелалъ выполнить въ двухъ томахъ своего многолѣтняго труда (Politik); но этотъ замѣчательный опытъ не имѣетъ значенія выработанной системы. Оба тома составляютъ сборникъ изслѣдованій автора о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, не связанныхъ въ одно стройное цѣлое; статьи касаются политическихъ партій, представительныхъ собраній, положенія королей, бюрократіи, отношеній государства къ церкви, законодательства, права помилованія, народнаго просвѣщенія, рабочихъ классовъ, путей сообщенія и мн. др.

Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ Encyclop. d. Staats-wissenschaften Р. Моля пополняетъ пробѣлы систематизаціи политики, предлагая систематическое обзорѣніе содержанія политики и отношенія ея къ другимъ отраслямъ социальныхъ наукъ. Оставаясь при первоначальномъ взглядѣ на объемъ политики, Р. Моля особенно останавливается на уясненіи отношеній политики къ праву и морали. „Не должно быть“, говоритъ онъ, „противорѣчія между требованіями права и морали относительно средствъ, предлагаемыхъ политикою. Подобное противорѣчіе ослабило бы государство въ его основахъ и повело бы къ замѣнѣ вѣчнаго порядка системою взаимнаго обмана и разбоя. Высшіе законы справедливости обязательны и для человѣческаго общежитія; недозволенное отдѣльнымъ лицамъ непозволительно и для многихъ. Къ государству, какъ высшему человѣческому союзу, должны быть предъявляемы и высшія начала права и нравственности. Совершенно невѣрно и несообразно возрѣніе Лудена, допускающее въ государственномъ человѣкѣ раздвоеніе личности, изъ которыхъ одна частная—должна подчиняться нравственному закону, а другая политическая, руководящая государственными интересами, можетъ быть свободна отъ него. По общему порядку выполненіе нравственныхъ обязанностей должно быть предпочтительно, вопреки Макиавелли, успѣхамъ политическаго благоразумія, кромѣ, конечно, крайнихъ случаевъ самозащиты, средствъ войны, необходимости диктатуры и подоб.“ (Enc. d. Staats W. § 87, 88).

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на возрѣніяхъ Р. Моля, потому что они послужили основаніемъ для дальнѣйшей обработки

политики, какъ самостоятельной науки; послѣдующіе публицисты предлагали только поправки и дополненія. Между тѣмъ политика, какъ отдѣльная наука, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Съ одной стороны современныя культурныя государства выработали такую сложную и разнообразную систему средствъ и мѣръ для осуществленія государственныхъ задачъ, что овладѣть и пользоваться ими возможно лишь послѣ спеціальнаго изученія. Съ другой стороны, если государство и общество, по своему предмету, совпадаютъ другъ съ другомъ, если формы одного коренятся въ основахъ другого, то содержаніе государственнаго права и политики не тождественно, составляетъ особые порядки явленій. Первое изслѣдуетъ государственныя отношенія въ ихъ организаціи и общественныхъ элементахъ, вторая изучаетъ свойства, образъ и послѣдствія дѣйствій государственныхъ средствъ и мѣръ, то-есть изучаетъ не только техническую, но и реальную сторону государственнаго управленія.

Главнѣйшіе изъ послѣдующихъ публицистовъ, разрабатывавшихъ политику какъ особую науку, Блунчли и Гольцендорфъ опредѣляютъ отношеніе политики къ праву и нравственности сходно съ Молемъ, но нѣсколько иначе, и притомъ точнѣе, устанавливаютъ содержаніе ея и связь съ государственнымъ правомъ. Блунчли находятъ, вообще, опредѣленіе Моля политики слишкомъ узкимъ; по его мнѣнію она должна изслѣдовать не только средства, но и цѣли государственной жизни, такъ какъ отдѣленіе одного отъ другого лишено логическаго и пракческаго основанія. Все движеніе политической жизни государствъ направляется къ выбору цѣлей и средствъ; средства опредѣляются цѣлями, и выборъ первыхъ зависитъ отъ свойствъ послѣднихъ. Такимъ образомъ политика, по мнѣнію Блунчли, „изслѣдуетъ цѣли и средства государства и есть наука о государственной жизни“. Развивая подробнѣе отношеніе государственнаго права къ политикѣ, Блунчли находятъ, что первое изслѣдуетъ государство въ его организаціи, учрежденіяхъ, законахъ, въ его установленномъ порядкѣ; политика же изслѣдуетъ государство въ его движеніи, развитіи, въ его нуждахъ и трудѣ; такимъ образомъ политика относится къ государственному праву какъ движеніе къ покою. Задачи политики направлены къ достиженію покоя, а съ другой стороны покой государственнаго порядка заключаетъ въ себѣ основы и побужденія для дальнѣйшаго движенія. Поэтому государственное право и политика суть двѣ стороны одного цѣлаго, и каждая должна быть изслѣдована

отдѣльно для лучшаго уразумѣнія цѣлаго (Staats-wörterbuch B. 8; Politik. Cap. I—IV).

Гольцендорфъ, также признавая опредѣленіе Моля политики недостаточнымъ, находитъ, что и понятие Блунчли слишкомъ неопредѣленно, онъ смѣшиваетъ политику съ исторіею.

Главное содержаніе политики, какъ науки, заключаются, по его мнѣнію „въ правильномъ выборѣ и примѣненіи располагаемыхъ правительствомъ средствъ къ исполненію государственныхъ цѣлей; основную точку политики составляетъ идея соотвѣтственнаго дѣйствія въ исполненіи цѣлей государства“ (Die Prinz. d. Politik. Cap. 1).

Что касается границъ политики, то Гольцендорфъ справедливо замѣчаетъ, „что въ научной литературѣ, особенно нѣмецкой, нѣтъ двухъ курсовъ, которыхъ содержаніе было бы тождественно: происходитъ это какъ отъ новизны предмета, такъ и отъ различія во взглядахъ на существо и задачи политики“. Мы указывали уже выше, что Моль простираетъ содержаніе политики на всѣ области государства и общества; въ томъ же родѣ высказывается и Гольцендорфъ; Блунчли, хотя даетъ опредѣленіе политики довольно шаткое, устанавливаетъ границы ея наиболѣе реально и отчетливо. Политика, по воззрѣнію Блунчли, должна изслѣдовать основныя силы и законы государственной жизни, и потому въ свой курсъ онъ вводитъ: I) ученіе объ основныхъ политическихъ принципахъ новаго времени (свободѣ, равенствѣ, цивилизаціи, національности); II) о человѣческой природѣ, какъ основаніи политики (различіе индивидуумовъ, расъ, количество населенія и др.), III) о средствахъ государства духовныхъ и физическихъ (могущество правительства, имущество и власть, могущество народа, пресса, ассоціаціи и др.); IV) объ отношеніяхъ государства къ религіи, наукѣ и искусству; V) о политикѣ государственнаго устройства, различныя формы устройства, различіе въ образѣ дѣйствія и задачъ каждой формы; VI) народное представительство и законодательство; VII) политика управленія; VIII) политическія партіи.

Нельзя не признать, что предложенное Блунчли очертаніе политики имѣетъ довольно характеристическія особенности, отличающія ее отъ государственнаго права. Всѣ поставленные отдѣлы политика изслѣдуетъ не во внѣшней организаціи государства, а въ дѣйствіи природы, въ свойствѣ и вліяніи физическихъ и духовныхъ силъ челоука и общества, развивающихся самостоятельно, опредѣляющихъ направленіе самаго государства. Правитель, желающій осуществлять успѣшно государственныйя цѣли, долженъ искать средствъ и способовъ

не столько въ правительственномъ механизмѣ и могуществѣ власти, сколько въ указанномъ внутреннемъ источникѣ, который составляетъ область политики.

Уяснивши современное понятіе о политикѣ, какъ наукѣ, обратимся къ III тому государственной науки г. Чичерина. Теперь будетъ легче указать на отношеніе этого почтеннаго труда къ западно-европейскимъ ученіямъ и опредѣлить научное значеніе его въ нашей небогатой публицистической наукѣ.

Г. Чичеринъ опредѣляетъ политику „наукою о способахъ достиженія государственныхъ цѣлей“. Понятіе это совершенно сходно съ тѣми, которыя предложили германскіе публицисты; но надо отдать справедливость въ томъ, что нашъ высокоуважаемый ученый развилъ свое понятіе гораздо обширнѣе, полнѣе и методичнѣе.

Политика, поясняетъ русскій авторъ, какъ искусство, какъ умѣніе пользоваться общественными элементами и интересами для осуществленія государственныхъ цѣлей, существовала задолго до появленія какой бы то ни было науки; практика въ этомъ случаѣ предшествовала теоріи. Каждый государственный человѣкъ изыскивалъ наилучшіе средства и пути для управленія государствомъ; въ этомъ и заключалась политическая мудрость, отъ которой зависѣло правильное и успѣшное теченіе государственной жизни. Пока народъ замкнутъ въ себѣ, идетъ по одной колѣѣ, практическаго смысла достаточно; но когда онъ выступаетъ на поприще всемірной исторіи, вступаетъ въ многообразныя связи съ другими, когда его собственная жизнь подвергается быстрому развитію и переломамъ, одинъ здравый смыслъ недостаточенъ. Въ этомъ случаѣ уже нельзя сослаться на то, что каждый народъ идетъ своимъ путемъ, что государственный человѣкъ долженъ лишь практически знать свое родное, не обращая вниманія на другихъ; такой узко-національный взглядъ можетъ служить лишь прикрытіемъ невѣжества, за которое государству приходится расплачиваться дорогою цѣною. Необходимо общее политическое образованіе, нужна наука, которая изслѣдовала бы государственныя и общественныя явленія въ ихъ общихъ законахъ, въ преемственной связи причинъ и послѣдствій, уяснила бы смыслъ существующаго, указала бы, какъ мѣрку для оцѣнки политическихъ отношеній, такъ и руководство для будущаго направленія.

„Но существуетъ ли подобная наука въ области политики“, спрашиваетъ г. Чичеринъ? „Можетъ ли политика подчиняться постояннымъ теоретическимъ правиламъ? При безконечномъ разнообразіи жиз-

ненныхъ условий, непрерывно измѣняющихся факторахъ общественныхъ отношеній, есть ли возможность вывести какіе либо общіе теоретическіе правила и законы, опредѣляющіе способы дѣйствія, необходимые по обстоятельствамъ мѣста, времени, дѣятелей? Такого рода практическая дѣятельность не должна ли руководствоваться исключительно практическимъ смысломъ, умѣющимъ распознавать желательное и возможное, угадывать послѣдствія будущаго?" (стр. 1—6).

„Такого рода возраженія“, говоритъ г. Чичеринъ, „относятся равно ко всѣмъ областямъ человѣческой дѣятельности, и это не мѣшаетъ однако научному ихъ изслѣдованію. Гдѣ есть рядъ повторяющихся однородныхъ явленій, тамъ есть и предметъ для изученія, есть и законы, есть и наука. Конечно эти законы иного рода, нежели тѣ, которые изслѣдуются математикою и физикою. Политика имѣетъ дѣло со свободными человѣческими дѣйствіями; о чисто механической необходимости въ ней не можетъ быть рѣчи. Но самая человѣческая свобода подчиняется общимъ законамъ; исторія человѣчества представляетъ законотѣрное движеніе, въ которомъ человѣческая свобода является не только важнѣйшимъ факторомъ, но и орудіемъ сознательнымъ или безсознательнымъ высшихъ началъ, лежащихъ въ глубинѣ человѣческаго духа.

Лишь тѣ стремленія и дѣйствія человѣка достигаютъ успѣха, которыя согласны съ законами физической природы, условіями окружающей среды и съ отношеніями къ другимъ людямъ. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ законовъ и отношеній составляетъ задачу науки и руководящее начало для практики. Оно не замѣняетъ конечно, практическаго смысла, живаго разумѣнія, которое одно способно рѣшить, что именно нужно въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, но оно даетъ ему высшее освѣщеніе и опору.—И въ области физическихъ наукъ, механика не учитъ, какъ нужно построить новую машину: это дѣло изобрѣтательности, но она указываетъ тѣ общіе законы, съ которыми механикъ долженъ сообразоваться, для того чтобы его машина могла дѣйствовать... Истинно научное пониманіе политическихъ явленій состоитъ не въ отрицательномъ къ нимъ отношеніи и не въ подведеніи ихъ къ отвлеченной теоретической мѣркѣ, а въ постиженіи положительнаго ихъ смысла и въ опредѣленіи значенія ихъ въ цѣломъ... Въ политикѣ, имѣющей дѣло съ практическимъ приложеніемъ общихъ началъ, такой реальный взглядъ въ особенности плодотворенъ. Политика, по существу своему, есть наука *относительнаго*. Для того, чтобы это относительное получило истинно-научное значеніе, оно

должно быть изслѣдовано со всѣхъ сторонъ, во взаимной связи“ (стр. 7—8).

При этомъ обнаружится, что полезное въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ можетъ быть вредно въ другое время и въ другомъ мѣстѣ,—что соответственное понятіямъ, правамъ и стремленіямъ одного народа можетъ быть вовсе не годится для другого. Даже въ одно и то-же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ учрежденія и мѣры, выгодныя для одной части населенія, могутъ быть губельны для другой. Во всѣхъ такихъ вопросахъ политика должна ограничиться указаніемъ полезныхъ и вредныхъ послѣдствій тѣхъ или другихъ мѣръ и учреждений, а равно и тѣхъ условій, которыя имъ благопріятствуютъ или противодѣйствуютъ. Отъ практическаго смысла правителей зависить въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса (14—15).

Составъ предмета политики и общія границы его, предлагаемыя г. Чичеринымъ, очень близки къ системѣ Блунчли; различіе замѣчается только въ распредѣленіи второстепенныхъ отдѣловъ и вопросовъ.

Политику вообще г. Чичеринъ раздѣляетъ на виѣшнюю и внутреннюю. Первая предполагаетъ международное право и составляетъ отдѣлъ его. Политика внутренняя, которая одна входитъ въ курсъ г. Чичерина, обнимаетъ: а) политику государственнаго устройства, изслѣдующую элементы, созидающіе государство и различные образы правленія: ихъ выгоды и недостатки, равно и средства, которыми они держатся (кн. II—III); б) политику законодательства, уясняющую главные факторы и элементы законодательной дѣятельности, способы проведенія законовъ въ жизнь, преданія и прогрессъ, реформы и революціи, законодательство общее и мѣстное (кн. IV); в) политика управленія изслѣдуетъ всѣ главнѣйшія внутреннія цѣли государства и указываетъ на способы ихъ осуществленія (кн. V); г) наконецъ 4-ый отдѣлъ посвящается изученію политическихъ партій (кн. VI), которыя оказываютъ столь значительное вліяніе на ходъ новѣйшей государственной жизни.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ г. Чичеринъ предлагаетъ очень содержательные очерки, съ практическимъ объясненіемъ какъ теорій, такъ и положительныхъ явленій; очерки эти съ избыткомъ могутъ каждаго познакомить съ предметомъ и не лишены интереса и для спеціалистовъ.

Конечно при вѣковой и богатой иностранной литературѣ государ-

ственного права и управленія авторъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ предложить новыя положенія и выводы; но съ другой стороны этотъ трудъ его вовсе не есть компиляція или выборка изъ массы существующихъ монографій и курсовъ. Авторъ самостоятельно и съ чрезвычайною послѣдовательностью разрабатываетъ подлежащіе вопросы и даетъ вполне цѣльную и стройную политическую систему. Относительно фактической стороны трудъ г. Чичерина значительно свѣжѣе и новѣе курсовъ политики Р. Ф. Моля, Гольцендорфа и Блунчли, вышедшихъ въ періодъ 1860—1876 г.; авторъ вводитъ въ свое изложеніе и факты позднѣйшіе, обнаружившіеся въ 80—90-хъ годахъ. Для русскаго правовѣда трудъ г. Чичерина особенно интересенъ, такъ какъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ онъ останавливается на явленіяхъ внутренней русской жизни и подвергаетъ ихъ самостоятельному анализу, такъ особенно на способахъ управленія, централизаци, бюрократіи, земствъ, землевладѣніи, сословіяхъ, церкви, общинъ, о экономической свободѣ, прессѣ, партіяхъ.

Мы не имѣемъ въ виду знакомить читателя съ подробностями содержанія труда г. Чичерина; это заняло бы слишкомъ много мѣста. Остановимся лишь на болѣе выдающихся воззрѣніяхъ автора и особенно на указаніяхъ его изъ русской политической жизни.

Изслѣдуя вопросъ о территоріи государства, значеніи объема и границъ государствъ, г. Чичеринъ говоритъ, что малыя государства представляютъ болѣе благоприятныя условія для политической свободы, нежели большія, и что въ малыхъ государствахъ человѣкъ можетъ лучше устроить свой общественный бытъ. Но зато въ большихъ государствахъ интересы, цѣли, способы крупнѣе, возвышеннѣе; сознаніе принадлежности къ великому цѣлому, призванному играть историческую роль, поднимаетъ духъ народа на высоту недосыгаемую даже для образованной жизни въ тѣсномъ кругѣ. „Въ настоящее время“, замѣчаетъ авторъ, „въ особенности всюду является стремленіе къ образованію крупныхъ соединеній, которыя одни въ состояніи дать народу подобающее ему мѣсто на политическомъ поприщѣ. Многіе видятъ въ этомъ даже общій историческій законъ, ведущій къ поглощенію малыхъ государствъ большими. Спенсеръ возводитъ интеграцію, то-есть соединеніе раздѣленныхъ массъ въ болѣе крупныя цѣлыя, на степень міроваго закона, обнимающаго какъ матеріальную, такъ и духовную сферу. Съ этимъ взглядомъ, однако, невозможно согласиться; для подобнаго вывода нѣтъ достаточно данныхъ.

Проявляющееся въ извѣстное время стремленіе къ объединенію

вовсе не означаетъ, что оно будетъ идти все возрастая, не встрѣчая противодѣйствія въ другихъ силахъ. Исторія представляетъ столько же примѣровъ раздробленія, какъ и соединенія государствъ; это зависитъ отъ характера силъ, временно выступающихъ на первый планъ.

Нынѣшнее расшатанное положеніе Европы, потерявшей прежнее равновѣсіе, заставляетъ европейскіе народы соединяться въ болѣе или менѣе обширные политическіе союзы, которые даютъ имъ возможность отстаивать свою самостоятельность. Но такія соединенія имѣютъ и свой предѣлъ. Для сохраненія равновѣсія малыя государства столь же необходимы, какъ и большія. Завоеванія должны быть соразмѣрены съ внутреннею силою государства, а во всякомъ случаѣ могутъ быть предпринимаемы лишь тогда, если прежнія владѣнія упрочены. Безиѣрное расширеніе территоріи всегда приноситъ существенныя невыгоды; властвующая въ такомъ составѣ народность растворяется въ другихъ. Но въ этомъ отношеніи существенную важность имѣетъ характеръ приобретаемыхъ земель. Присоединеніе пустынныхъ пространствъ, заселенныхъ дикими племенами, мало вліяетъ на внутренній бытъ завоевателей и полезно въ культурномъ отношеніи. Таковы наши завоеванія на Востокъ... Но если бы Россіи удалось завоевать Константинополь, то удержаніе этого міроваго пункта не только потребовало бы неисчислимыя жертвы, но и отразилось бы на всемъ ея государственномъ и общественномъ строѣ; чрезъ это измѣнились бы всѣ задачи ея внѣшней и внутренней политики. Центръ тяжести Русской земли передвинулся бы на югъ. Россія перестала бы быть тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлала исторія, и самый складъ русскаго народа сталъ бы инымъ“ (стр. 67—73).

Какъ и всѣ новѣйшіе публицисты, г. Чичеринъ признаетъ народность главнымъ основаніемъ государства; она даетъ ему внутреннее живое единство. Главными дѣятелями въ собираніи разсѣянной народности въ одно государственное тѣло являлись монархи; преслѣдуя часто политическія цѣли—увеличеніе своего могущества, уничтоженіе мелкихъ мѣстныхъ союзовъ, присоединеніе сосѣднихъ владѣній, князья и короли руководствовались вѣрнымъ инстинктомъ; они соединяли области и племена, которыя были естественно связаны другъ съ другомъ родствомъ крови, языка, вѣрованій и слѣдовательно легче могли сплотиться въ одно цѣлое и подчиниться единой власти. Живущее въ населеніи сознаніе народности шло на встрѣчу такимъ стремленіямъ монарховъ. Типическими представителями такого развитія можно считать Францію и Россію.

Новѣйшее пробужденіе сознанія народности находится въ связи съ французской революціей, провозгласившей общее начало, что всякій народъ имѣетъ право самъ устроявать свою судьбу; и хотя подвиги республики мало соответствовали ея теоретическому ученію, но сѣмена его глубоко запали въ западно-европейскія общества, и повсюду возрасло сознаніе самостоятельности народнаго духа и народныхъ потребностей.

„Ни въ чемъ можетъ быть“, замѣчаетъ г. Чичеринъ, „прогрессивное развитіе человѣчества не высказалось такъ ясно, какъ въ появленіи на иностранномъ поприщѣ народнаго сознанія въ самыхъ различныхъ племенахъ; Греція, Италия, Германія, славянскія народности возродились въ теченіи нынѣшняго столѣтія“ (83).

Давая столь высокое значеніе народности въ жизни государствъ, г. Чичеринъ однако признаетъ, на основаніи исторіи, что не всякое племя способно образовать изъ себя государство. Чтобы занимать самостоятельное мѣсто, въ ряду другихъ, надобно имѣть достаточныя внутреннія и внѣшнія силы; одного національнаго стремленія мало. Особенно важное условіе заключается въ способности образовать у себя прочное правительство, выработать твердую власть, которая соединила бы вокругъ себя лучшія живыя силы народа и умѣла отстаивать свои права собственными средствами.

Съ другой стороны г. Чичеринъ высказывается противъ безмѣрнаго объединенія и расширенія одной національности. „Въ древности“, говоритъ онъ, „одно государство могло получить перевѣсъ надъ остальными и сдѣлаться владычествующею силою въ человѣческихъ обществахъ; въ новой исторіи, при разнообразіи и сложности элементовъ, силы человѣчества распределяются между многими народами. имѣющими каждый свое призваніе. Политическое развитіе происходитъ совокупною дѣятельностью всѣхъ“ (стр. 97). Особенно возстаетъ г. Чичеринъ противъ современнаго политическаго могущества Германіи и упрекаетъ Россію, которая за ничтожную услугу—отмѣну постановленій Парижскаго трактата о Черномъ морѣ, допустила Пруссію образовать въ срединѣ Европы столь грозную для сосѣдей силу. Достигши неожиданно преобладающаго положенія, германская имперія старается удержать его и съ этою цѣлью превращаетъ себя въ колоссальную батарею, которая вынуждаетъ всѣ сосѣднія государства напрягать свои военныя силы и истощать благосостояніе народовъ. Подобный порядокъ невозможенъ; въ центрѣ Европы нуженъ буферъ, а не батарея; равновѣсіе

должно быть восстановлено, могущество германской империи должно быть ослаблено... (стр. 96, 98). „Это послужитъ къ пользѣ не только человѣчества, но и самого нѣмецкаго народа, котораго высокія духовныя дарованія страдаютъ отъ неестественнаго преобладанія политическихъ интересовъ: умы тупѣютъ, нравы дичаютъ подѣ гнетомъ чрезмѣрнаго милитаризма. Съ точки зрѣнія общечеловѣческаго развитія нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы вздохнуть свободнѣе, когда нѣмцы будутъ побиты, и гнетъ этотъ будетъ съ нихъ снятъ. Рѣчь идетъ не объ уничтоженіи германскаго единства, которое коренится глубоко въ народномъ духѣ германцевъ, но о созданіи такого союза, который былъ бы основанъ не на преобладаніи военной силы, а на удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ силъ разнообразнаго населенія, входящаго въ составъ германской имперіи“ (97—98).

Въ такомъ же духѣ высказывается г. Чичеринъ и относительно славянскихъ племенъ, которыя стремятся къ самостоятельной жизни и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ разрѣшенія своего вопроса. „Можно навѣрно сказать“, говоритъ авторъ, „что ни славянскіе ручьи не сольются въ безъ того уже слишкомъ обширномъ русскомъ морѣ, ни оно не изсякнетъ. Славянскія племена разсѣяны по огромному пространству, на сѣверѣ и югѣ; они перемѣшаны съ другими столь же, если не болѣе крѣпкими и не поддающимися чужому вліянію. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой характеръ, свой языкъ, свою историческую судьбу; они раздѣлены и религіозными вѣрованіями. Стремясь къ самостоятельности, они вовсе не желаютъ быть поглощенными даже сроднымъ племенемъ и такимъ образомъ лишиться своей личности. Сознаніе духовнаго сродства не влечетъ за собою политическаго единства. Въ политическомъ отношеніи славянскій вопросъ вовсе не означаетъ созданіе единаго, безмѣрнаго великаго государства, а образованіе среднихъ, самоуправляющихся единицъ, связанныхъ болѣе или менѣе тѣсною федеративною связью и состоящихъ подѣ защитою и покровительствомъ крупной державы. Но какая это держава: сродная ли имъ Россія или иноплеменная Австрія?“ Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только исторіею и находится въ полной зависимости отъ тѣхъ условій, которыя найдутъ славянскія племена въ будущемъ Россіи и Австріи (99—104).

Вслѣдъ за указанными вопросами г. Чичеринъ говоритъ, въ отдѣльныхъ главахъ, о лучшихъ политическихъ основаніяхъ и способахъ для осуществленія государственныхъ цѣлей въ монархіяхъ, аристократіяхъ, демократіяхъ, смѣшанной республикѣ и союзныхъ госу-

дарствахъ; въ каждой онъ указываетъ, съ большою правдою и мѣткостью, выгоды и невыгоды тѣхъ или другихъ условий и средствъ, приводя достаточныя доказательства изъ исторіи государствъ. Съ такою же основательностью онъ изслѣдуетъ политику законодательства: объясняетъ различіе и послѣдствія пріемовъ реформаторскихъ и революціонныхъ и свои положенія поясняетъ вѣрною характеристикою законодательнаго развитія Англии, Франціи, Пруссіи и Россіи, находя близкую аналогію между двумя послѣдними. Придавая особую важность прочности и обеспеченности закона, авторъ посвящаетъ особую главу способамъ утвержденія законнаго порядка.

„Кромѣ силы власти“, говоритъ г. Чичеринъ, „необходимъ и прочный законный порядокъ“, который въ значительной мѣрѣ облегчаетъ самую дѣятельность власти, утверждаетъ ея нравственное значеніе, облегчая и самое повиновеніе, такъ какъ люди охотно повинуются законамъ лишь въ томъ случаѣ, если одновременно законы ограждаютъ ихъ отъ произвола и притѣсненій. Для утвержденія законнаго порядка прежде всего нужно, чтобы уваженіе къ праву утвердилось въ нравахъ, убѣжденіяхъ общества; это достигается долгимъ историческимъ воспитаніемъ: охраною человѣческой личности, прочностью ея правъ, обеспеченностью ея будущаго. На этомъ основаны личныя, семейныя и общественныя добродѣтели; „откуда же рождается и привязанность къ законному порядку; люди дорожатъ имъ, когда видятъ въ немъ охраненіе своихъ правъ и интересовъ“ (стр. 400—405).

Столь же важно, чтобы законы были согласованы съ характеромъ, нуждами и наклонностями общества. Это требуется не только въ республикахъ и конституціонныхъ государствахъ, но и въ неограниченныхъ монархіяхъ. Правда — „задача въ послѣднихъ упрощается, ибо устраняется всякая явная оппозиція. Но чрезъ это отношенія власти къ подданнымъ могутъ потерять характеръ искренности и правды, а законный порядокъ — устойчивость и силу. Независимые люди молчатъ, а глашатаями общества являются тѣ, которые ищутъ милостей у власти; образуется официальный міръ, съ особыми правами, особымъ языкомъ, міръ, рассчитанный на показъ и не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью. Поэтому и сила такого законнаго порядка является призрачною, миражемъ“ (стр. 398).

„Макиавелли могъ совѣтовать своему князю опираться преимущественно на войско; въ то время это была единственная сила, среди броженія средне-вѣковыхъ стихій. Но римская республика, ко-

торой удивлялся Макіавелли, отличалась строгимъ уваженіемъ къ закону и стала разрушаться лишь тогда, когда развитіе законнаго порядка было нарушено революціонными дѣйствіями Граковъ. Въ новое время образецъ строго законнаго развитія представляетъ Англія; въ ней самыя революціи совершались во имя закона, нарушеннаго королями; политическое развитіе ея совершилось постепеннымъ измѣненіемъ и приспособленіемъ къ новымъ потребностямъ; оттого она избѣжала тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ новое время государства европейскаго материка“ (402—403).

Россія новаго времени развивалась неровно, постоянно колебалась между застоємъ и крутыми ломками. Это отчасти коренится въ ея историческихъ условіяхъ. Центральною основою и оплотомъ русскаго государственнаго строя служилъ искони не законъ, а власть; происходило это оттого, что Россія, при своихъ огромныхъ пространствахъ, при скудости, разсѣянности населенія, при отсутствіи мѣръ благоустройства и безопасности, представляла хаотическую бродячую массу, которую можно было сдерживать только силою. Недостатокъ внутренней связи замѣнялся строгимъ подчиненіемъ, вѣшнымъ порядкомъ. Оттого во главѣ всего стояла всегда администрація, которая держала въ своихъ рукахъ и судъ — и дѣйствовала по своему усмотрѣнію. Законъ обходилъ и правящіе и подчиненные; безпорядочность и произвольность русскаго управленія сдѣлались общими мѣстамъ... Такое положеніе вещей не могло не отразиться и на обществѣ; вмѣсто уваженія къ закону, въ немъ искони господствовали своеволие и рабство. Бунты крестьянъ и беспощадное ихъ подавленіе, лихоимство и произволъ правителей были постояннымъ бѣдствіемъ, котораго не могло побороть всемогущее правительство. Отсюда необъятное значеніе судебной реформы Александра II, которая занимаетъ мѣсто на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ. Это былъ первый въ русскои землѣ судъ самостоятельный, законный, который поставилъ должные предѣлы самой администраціи и положилъ начало для водворенія въ русскомъ обществѣ уваженія къ законности... Но когда русское правительство вступило на путь, который одинъ могъ обѣщать прочные успѣхи, когда оно совершало величайшія преобразованія, въ обществѣ, вскормленномъ прежнимъ порядкомъ, обнаружались и прорвались темныя своевольныя силы, выросшія въ тиши подъ предшествующимъ гнетомъ и грозившія разрушить весь съ такимъ трудомъ воздвигнутый государственный строй... Реакція была неизбѣжна, и общество и правительство видѣли спасеніе въ дисцип-

линѣ стараго времени. Законный порядокъ былъ замѣненъ усиленіемъ административной власти; но на почвѣ совершенныхъ преобразований—общегражданской свободы и законности, реакціонное направленіе менѣе всего можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ... „Можно предвидѣть, что оно, въ свою очередь, вызоветъ реакцію и опять, какъ водится, въ крайнемъ направленіи. Колебанія между своеволіемъ и легальнымъ развитіемъ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство и общество не убѣдятся, что лишь на почвѣ законнаго порядка возможно разумное и прочное устройство государственнаго быта“ (стр. 318, 320, 400—416).

Вполнѣ самостоятельны и весьма интересны воззрѣнія г. Чичерина на цѣли и способы политики относительно благосостоянія народа. „Въ какой мѣрѣ“, спрашиваетъ авторъ, „государство должно заботиться о матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ общества и какихъ результатовъ можетъ оно достигнуть“? ¹⁾ и даетъ отвѣтъ въ духѣ ученій такъ называемой классической политической экономіи, отвергая всѣ мѣры, предлагаемыя новѣйшею *соціальною политикою*. „Можно признать непреложной и непоколебимой истиною, что свобода есть коренное начало экономической дѣятельности человѣка и общества“ ²⁾. Но свобода можетъ быть плодотворнымъ источникомъ лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ достигъ извѣстнаго развитія; поэтому политика государства въ области экономическихъ отношеній зависитъ отъ состоянія общества, отъ уровня его экономическаго и юридическаго развитія. Отсюда происходили рабство, крѣпостное состояніе. Однако принудительная организація экономическаго быта не идетъ далѣе извѣстной ступени. По мѣрѣ развитія въ народѣ внутреннихъ общественныхъ силъ, съ паденіемъ крѣпостнаго и сословно-цеховаго порядка, съ утвержденіемъ въ людяхъ самодѣятельности, всѣ экономическія стѣсненія, вся правительственная опека становятся вредными, и свобода отдѣльныхъ лицъ является нормою и идеаломъ экономической дѣятельности. Этимъ путемъ государственная забота не упраздняется; напротивъ, чѣмъ живѣе и сложнѣе экономическая жизнь, тѣмъ задачи государства получаютъ большее развитіе. Но задачи эти заключаются не въ опеку и руководство, а въ установленіи твердыхъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, и въ охраненіи нормъ. Съ этой точки зрѣнія г. Чичеринъ

¹⁾ Стр. 416.

²⁾ Стр. 416.

разрѣшаетъ вопросы объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ. объ опредѣленіи максимальнаго рабочаго дня, объ установленіи протекціонныхъ пошлинъ, о вмѣшательствѣ государства и власти въ распредѣленіе богатства опредѣленіемъ *minimum'a* заработной платы, облегченіемъ податнаго бремени, лежащаго на маломущихъ, общимъ страхованіемъ рабочихъ, насильственнымъ охраненіемъ общиннаго владѣнія, воспрещеніемъ отчужденія крестьянскихъ земель въ постороннія руки, воспособленіемъ упадающимъ классамъ—дворянству и т. п. Всѣ эти мѣры суть или остатки прежняго крѣпостнаго состоянія; когда люди жили на помочахъ и всего ожидали отъ властей, или же происходятъ изъ неправильнаго пониманія задачъ государства. Помогать можно только тѣмъ, которые сами умѣютъ стоять на ногахъ, а съ другой стороны государство не въ силахъ обезпечивать всѣхъ и cadaго, а тѣмъ болѣе надѣлять всѣхъ землею, открывать пониженный кредитъ. Подобная система есть благотвореніе на чужой счетъ или ограбленіе имущихъ неимущими и обнаруживаетъ, что населеніе неспособно къ самостоятельной дѣятельности и готово возвратиться въ младенческой періодъ правительственной опеки и гнета.

При быстромъ современномъ развитіи общественныхъ силъ нѣкоторые классы общества подвергаются большимъ лишеніямъ и страданіямъ. Чувство человѣколюбія и христіанскій долгъ, конечно, обязываютъ помогать страждущимъ; но благотвореніе есть дѣло нравственное, личная обязанность cadaго, которая не должна быть вынуждаема, а исходить изъ свободныхъ побужденій совѣсти. Государство можетъ вступаться въ дѣло помощи и охраны лишь тогда, если бѣдствіе принимаетъ обширные размѣры, грозитъ общественному порядку и общему благосостоянію.

Въ особенности г. Чичеринъ нападаетъ на опытъ германской имперіи учрежденія страховыхъ каскъ для рабочихъ; онъ объясняетъ этотъ опытъ стремленіемъ германскаго правительства привязать рабочіе массы къ новосозданному государству и отвлечь ихъ отъ соціаль-демократіи. Авторъ не признаетъ оснований, по которымъ государство возложило на казну участіе въ составленіи страховой преміи и совершенно отвергаетъ право возлагать на фабрикантовъ уплату извѣстной доли страховыхъ взносовъ. Отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, по мнѣнію автора, вполне свободны и случайны; послѣдніе работаютъ тамъ, гдѣ имъ выгодноѣ. За что же заставлять фабриканта участвовать въ обезпеченіи судьбы рабочаго, съ которымъ онъ связанъ договорною платою и взаимностью выгодъ? Опытъ германской

имперія доказаль, что съ учрежденіемъ страховыхъ кассъ благотворительность увеличивается, ибо требованія со стороны бѣдныхъ растутъ. Съ другой стороны со времени изданія страховыхъ законовъ социаль-демократія усиливается; рабочіе начинаютъ смотрѣть на оказанную имъ помощь, какъ на свое право, всего ожидаютъ отъ государства и хотятъ достигнуть обезпеченія, не становясь подъ опеку государства, а напротивъ подчинивъ его себѣ (стр. 416—451).

Признавая вѣрными основныя положенія автора, мы не раздѣляемъ его крайнихъ выводовъ относительно условій содѣйствія государства.

Здравая политика должна входить въ положеніе слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ не только тогда, когда оно превратится въ общее зло, въ общественное бѣдствіе, но и предпринимать заранѣе предупредительныя мѣры для охраны тѣхъ, которые сами оградить себя не могутъ.

Вѣковой опытъ ясно убѣждаетъ, что общественное развитіе, облегчая способы для дѣятельности, не уравниваетъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ силъ людей. На самыхъ высокихъ ступеняхъ культуры остаются многочисленные классы народа, которые, по существу своего положенія, находятся въ зависимости отъ сильнѣйшихъ, обременены тягостями жизни. Капиталисты, хозяева, фабриканты всегда будутъ сильнѣе и независимѣе, потому что могутъ ожидать и выбирать; для рабочихъ трудъ есть неотложная необходимость, и поэтому они большею частью вынуждены принимать самыя тяжелыя, невыгодныя условія. Съ другой стороны связь между хозяевами и рабочими не есть, говоря вообще, свободная и случайная; если хозяева и вынуждены нанимать рабочихъ для исполненія своихъ предпріятій, — то рабочіе, связанные условіями семьи, навыкомъ профессій и ремесла, далеко не могутъ свободно двигаться съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за выгодною работою; будучи свободны юридически, они зачастую прикрѣплены къ данной мѣстности или фабрикѣ силою нужды.

Поэтому огражденіе такихъ слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ мѣрами предупрежденія есть прямая обязанность государства и политики; къ числу такихъ мѣръ можно справедливо отнести: опредѣленіе максимальныхъ часовъ работы, огражденіе дѣтей и женщинъ отъ тягостей труда, облегченіе отъ бремени фиска, учрежденіе страховыхъ кассъ на случай болѣзней и дряхлости рабочихъ, обязательство для фабрикантовъ и заводчиковъ охранять здоровье своихъ рабочихъ, содержать школы для дѣтей рабочихъ и т. п.

Установленіе подобныхъ мѣръ вовсе не равносильно устройству государственныхъ мастерскихъ, равному распредѣленію народнаго богатства, ограбленію имущихъ въ пользу неимущихъ. Мѣры эти, не устраняя личной предусмотрительности, бережливости, обязанности каждаго добывать свой хлѣбъ, имѣютъ значеніе лишь пособія, поддержки слабѣйшихъ, и мудрость политики всегда найдетъ должную границу между притязаніями массъ на общее тунеядство и благосостояніе—и правомъ рабочихъ на охрану и поддержку со стороны государства въ тѣхъ случаяхъ, когда они подвергаются тягостной эксплуатаціи сильнѣйшихъ и лишаются способовъ для самостоятельнаго труда.

Едва-ли также правъ г. Чичеринъ, полагая, что государство не имѣетъ основанія и обязанности участвовать въ страховыхъ взносахъ въ пользу рабочихъ. Рабочіе, отдавая свой трудъ, свои силы для производства фабрикъ, заводовъ, служить не только себѣ, не только хозяевамъ и фабрикантамъ, но и общей народной экономіи. Государственный фискъ черпаетъ свои средства изъ общаго народнаго труда, и потому вполне справедливо, чтобы въ нужныхъ случаяхъ онъ поддерживалъ свою страховую долею одряхлѣвшихъ и ослабѣвшихъ участниковъ этого труда.

Политика духовныхъ интересовъ общества имѣетъ свои особые задачи и способы. Сущность просвѣщенія основана на свободномъ и самостоятельномъ движеніи человѣческой мысли, ищущей истины и открывающей все новые пути и орудія. Въ виду такого свойства просвѣщенія нѣкоторые публицисты относятся враждебно ко всякому вмѣшательству государства въ эту область и въ подтвержденіе своего взгляда ссылаются на Англію, которая представляетъ самобытное развитіе просвѣщенія, безъ вмѣшательства правительства. Но такой взглядъ г. Чичеринъ справедливо признаетъ одностороннимъ и указываетъ на Россію, гдѣ все развитіе просвѣщенія совершалось по инициативѣ правительства. Все зависитъ отъ условій общества и положенія правительства, которое можетъ стоять ниже и выше уровня общественныхъ требованій

Въ послѣднемъ, однако, случаѣ правительство должно не упускать изъ виду, что просвѣщеніе есть сила свободная, не закованная въ неизмѣнные догматы; оно можетъ насаждать просвѣщеніе, но не въ состояніи господствовать надъ нимъ; съ нимъ можно обращаться какъ съ ребенкомъ, пока оно само еще ребенокъ. Но коль-скоро оно пришло къ самосознанію и почувствовало свою самостоятельность, къ нему

должно относиться съ уваженіемъ, признать въ немъ самостоятельнаго союзника, котораго нельзя превращать въ орудіе произвольныхъ цѣлей и направленій. „Нѣтъ болѣе превратной политики, какъ та, которая ставитъ для просвѣщенія свои рамки и считаетъ всякую самостоятельную мысль явленіемъ вреднымъ, революціоннымъ, подлежащимъ запрещенію“¹⁾).

Германія, особенно Пруссія, показала въ первой половинѣ настоящаго столѣтія назидательный примѣръ подобнаго отношенія къ умственному развитію страны. „Еще назидательнѣе результаты стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ Россіи послѣ великихъ войнъ и печальнаго волненія 1825 г.; реакція приняла у насъ размѣры несравненно ббльшіе, нежели въ з. Европѣ; цензура на всѣ произведенія человѣческаго ума приняла такіе формы и способы, которые были бы невѣроятны, если бы не были точно удостовѣрены современниками. Къ чему же привела эта политика? Непосредственнымъ результатомъ было то, что все способное мыслить и чувствовать, безъ различія направленій, умѣренные и крайніе, славянофилы и западники, даже склонные къ консерватизму, обратились противъ правительства. Но мысли задержать нельзя; она пробивалась всѣми путями; подъ всеподавляющимъ гнетомъ происходила тайная работа ума, накоплялись стѣмена недовѣрія, раздраженія, и когда наконецъ этотъ гнетъ былъ снятъ, и долго подавленная мысль ринулась на открытое поприще, умѣренное направленіе скоро было перегнано крайнимъ. Общество, привыкшее къ оппозиціи, смотрѣло съ недовѣріемъ даже на самыя благія начинанія правительства. Всякое слово въ пользу власти разомъ лишало писателя популярности; крайнія направленія пріобрѣтали все больше и больше вліянія. Скоро они перешли отъ словъ къ дѣлу. Когда же злодѣянія вызвали наконецъ реакцію и въ обществѣ и въ правительствѣ, то умѣренное направленіе опять оказалось въ потерѣ, среди разгара страстей голосъ благоразумія не имѣлъ успѣха; здоровая середина потерялась подъ напоромъ противоположныхъ теченій“ (стр. 472—474).

Особенно въ высшихъ школахъ важно свободное развитіе науки. Университеты призваны быть не только учебными заведеніями, но и разсадниками науки, центрами умственной дѣятельности. Для достиженія этой цѣли требуется независимое положеніе ученаго личнаго состава; поэтому задача политики состоитъ въ образованіи въ немъ

¹⁾ Стр. 474.

самостоятельной корпораціи, одаренной внутренними силами и способной имѣть умственный и нравственный авторитетъ какъ надъ учащимися, такъ и въ самомъ обществѣ ¹⁾).

Обращаясь къ вопросамъ о централизаціи и мѣстномъ самоуправленіи и указавъ очень обстоятельно и вѣрно на условія ихъ развитія и правильного соотношенія, г. Чичеринъ обращаетъ особое вниманіе на положеніе бюрократіи. Государство есть не только внѣшняя организація, но и совокупность свободныхъ лицъ, разнообразныхъ общественныхъ группъ. Задача политики состоитъ въ томъ, чтобы каждая изъ нихъ занимала должное мѣсто и не переходила своего назначенія. Непосредственное орудіе государства есть бюрократія, которая имѣетъ во всѣхъ странахъ присущіе ей недостатки. Чѣмъ больше и сложнѣе государство, чѣмъ болѣе живетъ оно дѣйствіемъ сверху, тѣмъ сильнѣе значеніе чиновничества и опаснѣе развитіе его недостатковъ. Бюрократія прусская, занимающая одно изъ первыхъ мѣстъ по своему трудолюбію, честности и образованію, подвергалась въ свое время жестокимъ укорамъ барона Штейна. „Истинное бѣдствіе для Германіи“, писалъ онъ Нибуру, архіепископу Шпигелю и Гагерну, „составляетъ безчисленная армія чиновниковъ, оторванныхъ отъ почвы, книжныхъ, наемныхъ, которымъ неизвѣстна внутренняя жизнь государства... Прусскіе чиновники все пишутъ, пишутъ, пишутъ въ уединенныхъ, запертыхъ канцеляріяхъ и воспитываютъ своихъ дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины... Я видѣлъ, какъ 14-го октября 1806 г. пала одна машина, военная; можетъ быть и пишущая машина будетъ имѣть свое 14-го октября“ (ст. 311—312).

Не имѣя общественныхъ интересовъ, бюрократія создаетъ свой собственный, исполненный чиновлюбія, угодничества и мелкихъ стремленій канцелярской среды. „Вообще бюрократія желаетъ господствовать безъ препятствій и для своего спокойствія и авторитета старается представить положеніе вещей въ самомъ пріятномъ видѣ. Вслѣдствіе этого всѣ дѣйствія и результаты управления выставляются въ благопріятномъ свѣтѣ, а все нарушающее общую картину тщательно сглаживается. Такимъ образомъ, при крайнемъ преобладаніи бюрократіи и отсутствіи самостоятельнаго голоса общества, въ государственной жизни образуется два противоположныхъ міра, бумажный и дѣйствительный, мало имѣющіе между собою общаго“.

¹⁾ Стр. 477—478.

Въ виду всего указаннаго политика государства должна особенно заботиться объ устраненіи или по крайней мѣрѣ ослабленіи этихъ недостатковъ. Наиболее вѣрные способы заключаются: въ возвышеніи уровня образованія чиновниковъ, въ установленіи общихъ условий для правильнаго восхожденія по служебной лѣстницѣ; достаточное и притомъ болѣе правильное распрежденіе окладовъ между высшими и низшими служащими; огражденіе нравственнаго достоинства чиновниковъ предоставленіемъ имъ необходимыхъ гарантій противъ произвола начальствующихъ. Самое же главное средство состоитъ въ томъ, чтобы все управленіе не сосредоточивалось въ рукахъ бюрократіи, но чтобы одновременно пользовались извѣстною самостоятельностью общественныя учрежденія; только этимъ путемъ будутъ положены серьезныя преграды для самовластія бюрократіи, и правительство будутъ знать истинныя нужды общества. „Большая ошибка думать, что расширяя власть и предѣлы дѣйствія подчиненныхъ органовъ, правительство увеличиваетъ свою силу; въ дѣйствительности оно ее уменьшаетъ, ибо теряетъ свои настоящіе корни и опоры“. Контроль отдаленной центральной власти всегда оказывается запоздавшимъ и недостаточнымъ (стр. 480—504).

Послѣдній отдѣлъ своей политики г. Чичеринъ посвящаетъ вопросу о политическихъ партіяхъ и подробно (505 — 552) излагаетъ ихъ основанія, значеніе, организацію и способы дѣйствія. Вопросъ этотъ разработанъ авторомъ на основаніи явленій западно-европейской политической жизни и трудовъ публицистовъ, которые издавна обратили вниманіе на этотъ важный факторъ конституціоннаго порядка.

Но такъ какъ политическія организованная партіи составляютъ принадлежность лишь парламентскихъ государствъ и такъ какъ въ нашемъ обществѣ существуютъ не партіи, а направленія, и то болѣе литературныя и измѣнчивыя, то для насъ настоящій вопросъ имѣетъ интересъ скорѣе теоретическій, а потому мы не будемъ останавливаться на немъ, предлагая желающимъ ознакомиться съ нимъ непосредственно изъ почтеннаго и серьезнаго труда г. Чичерина.

В. Ренненкампфъ.

Западно-Европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ перекладахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ *О. Петерсонъ* и *Е. Балабановой*. Томъ второй. *Скандинавія*. С.-Пб. 1898. XVI+308, 2 руб.

Второй томъ изданія, предпринятаго г-жами Петерсонъ и Балабановой, посвященъ Скандинавіи, и составленъ по такому же плану, въ томъ же духѣ и съ такимъ же преимущественно педагогическимъ назначеніемъ, какъ и первый, посвященный романскимъ народамъ — Франціи и Испаніи. Книга содержитъ въ себѣ краткое введеніе, въ которомъ говорится о происхожденіи скандинавскаго эпоса и о скандинавской средневѣковой литературѣ, сохранившихся по преимуществу въ Исландіи; сообщаются необходимыя данныя изъ исторіи Исландіи, указываются изданія текстовъ, которыми пользовались составительницы, нужно замѣтить, обладающія способностью и возможностью непосредственнаго знакомства съ подлинниками, такъ какъ онѣ, какъ извѣстно, при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія, лично изучали на мѣстѣ положеніе школьнаго дѣла въ Швеціи, предварительно изучивъ скандинавскіе языки въ современномъ ихъ употребленіи, за тѣмъ слѣдуетъ текстъ, раздѣленный на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ заключаются отрывки изъ Эдды прозаической и стихотворной, долженствующіе ввести читателей въ кругъ миеологическихъ представленій сѣверныхъ германцевъ. Во второмъ отдѣлѣ (стр. 71—308) удѣлено мѣсто героическимъ и историческимъ сагамъ: наиболѣе значительное мѣсто занимаетъ сага о Вельзунгахъ, какъ представительница перваго рода, и сага о Гретти, сынѣ Асмунда, какъ представительница втораго; послѣдняя есть самая крупная по объему пьеса цѣлой книги, такъ какъ занимаетъ мѣсто отъ 125 стр. по 308-ю, нѣсколько менѣе половины и болѣе трети цѣлаго тома.

О предисловіи мы можемъ сказать, что оно несовсѣмъ насъ удовлетворило, такъ какъ вслѣдствіе своей краткости мало подготавливаетъ и вводитъ читателя въ разумнѣе своеобразной поэзіи скандинавскаго сѣвера и даже лишено—въ библиографическихъ сообщеніяхъ—указаній на русскую литературу, самостоятельную и переводную, хотя въ той и другой можно найти и отличные опыты воспроизведенія стихотворныхъ и прозаическихъ памятниковъ сѣвернаго эпоса и объяснительныя ученныя изслѣдованія. — Припоминаемъ труды Я. К. Грота и въ особенности статью Грановскаго. „Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ“, которая именно начинается указаніемъ на то, что поэтическіе памятники исландской литературы принадлежатъ къ числу

произведеній, наслажденіе которыми достается читателю „можно сказать съ бою, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія, что стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ причудливой формы, приданной своенравіемъ художника или особеннымъ складомъ народной мысли“. Правда, что составительницы, имѣя въ виду популяризацию и доступность, приняли всѣ мѣры къ упрощенію подлиннаго текста, передаваемого большею частью въ сокращеніи и переклазѣ, всегда прозаическомъ. Выстѣ съ тѣмъ достигаются и педагогическія цѣли, которыя, не смотря „на стыдливую красоту“ произведеній сѣверной поэзіи, все-таки не были чужды осторожнымъ даже до щепетильности соображеніямъ г-жъ Петерсонъ и Балабановой. Въ сагѣ о Вельзунгахъ, какъ она изложена въ статьѣ Грановскаго, сохранена извѣстная черта о трехъ ночахъ, которыя Сигурдъ, занимавшій мѣсто Гуннара, провелъ съ Брингильдой, при чемъ онъ каждый разъ клалъ между ею и собою обнаруженный мечъ, чтобы передать ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару. Въ передачѣ Петерсонъ и Балабановой (стр. 106) говорится только, что Сигурдъ провелъ три дня въ замкѣ Брингильды и вручилъ ей кольцо изъ наслѣдія Фафнира... Такимъ изложеніемъ, конечно, устранялась необходимость излишняго обилія объясненій и толкованій въ текстѣ, но по крайней мѣрѣ во введеніи слѣдовало дать болѣе полную характеристику разныхъ родовъ исландской литературы, а также сдѣлать указанія полезныя для желающихъ ближе познакомиться къ относящимся къ ней вопросамъ. И объ отношеніи сагъ къ русской исторіи ничего не сказано, кромѣ мимоходнаго замѣчанія, что сага объ Эддѣ-стрѣлкѣ напоминаетъ сказаніе нашей лѣтописи о смерти Олега. Въ сагѣ о Гретти, кажется, опущена находящаяся въ подлинникѣ замѣтка о варягахъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія варяго-русскаго вопроса у насъ много писали о сагахъ, начиная съ Сенковскаго... Что касается выбора статей, вошедшихъ въ составъ обоихъ отдѣловъ, то тутъ большаго спора и важныхъ возраженій не будетъ нами сдѣлано. Сага о Вельзунгахъ по справедливости занимаетъ видное мѣсто, ей отведенное. Сага о Гретти, о которой мы уже упомянули, дѣйствительно очень интересна, хотя есть и другія, болѣе къ намъ близкія, а высокія достоинства саги о Ніалѣ законодатель и по сознанію самихъ составительницъ сборника, давали бы ей преимущество предъ всѣми другими. Къ сожалѣнію, объясняютъ намъ въ введеніи, Ніалова сага такъ тѣсно связана съ специальною юридическою стороною Исландскаго быта и требуетъ столько комментарій, что оказалось невозможнымъ

дать ей мѣсто въ сборникѣ... Но по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы указать на французскій переводъ этой саги, сдѣланный знатокомъ юристомъ Дарестомъ для общедоступной библиотеки музея Гиме: *La Saga de Nial, traduite par Darest: Bibliothèque de vulgarisation: Annales de musée Guimet, 1896.* Для дальнѣйшихъ разъясненій можно было бы адресовать къ сочиненію Жеффруа „*L'Islande avant le christianisme*“, Paris, 1897, правда появившемуся въ доступномъ изданіи почти одновременно со вторымъ томомъ *Западно-европейскаго эпоса.* Не настаиваемъ на томъ, что при пособіи двухъ означенныхъ очень хорошихъ трудовъ Ніалова сага могла быть обработана и для русской публики безъ особенныхъ затрудненій и что знакомство съ бытомъ Исландіи и Норвегіи не слѣдовало считать излишнею задачею сборника. Кромѣ того въ русской литературѣ уже былъ готовый переводъ другой очень важной саги, снабженной надлежащимъ введеніемъ, облачающимъ специалиста и знатока. Разумѣемъ трудъ О. Д. Батюшкова: „Сага о Финнбогѣ Сильномъ“, С.-Петербургъ 1885 г. Издательницы какъ будто и не слыхали объ его существованіи. Издательницы стремились главнымъ образомъ къ ознакомленію читателей съ сюжетами, и по этому ихъ нельзя упрекать за то что онѣ въ первомъ отдѣлѣ—миеологическомъ—пользовались безразлично какъ стихотворною, такъ и прозаическою Эддой. Но опять намъ представляется вопросъ, а развѣ не хорошо знакомить насъ съ нѣкоторыми изъ этихъ сюжетовъ наши русскіе поэты, хотя бы, напримѣръ, такой довольно-таки извѣстный, какъ А. Н. Майковъ, у котораго мы находимъ и „Бальдура“ и „Брингильду“. Если это не буквальные переводы, то во всякомъ случаѣ такія мастерскія переложенія, которыя несравненно лучше передаютъ самый духъ древне-скандинавской поэзіи, чѣмъ „изложенія“ нашихъ издательницъ. А онѣ даже нигдѣ не упомянули ни о той пьесѣ, ни о другой; по нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы прямо помѣстить въ сборникѣ. Но довольно упрековъ, обращенныхъ въ сторону недостающаго. Въ похвалу тому, что есть, слѣдуетъ сказать, что сборникъ составленъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, что никакихъ грубыхъ погрѣшностей въ немъ не встрѣчается, что если изложеніе иногда и обезцвѣчиваетъ и ослабляетъ красоту и силу подлинника, какъ это становится яснымъ даже при сличеніи съ другими переводами, то всегда отличается яснымъ и правильнымъ языкомъ, что возвышаетъ другія педагогическія качества изданія, обнаруживающіяся и во второмъ выпускѣ.

В.

Курсъ физики. *О. Д. Хвольсона*. Томъ второй. Съ 597 рисунками въ текстѣ. 701 стр. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риквера.

Во второмъ томѣ курса физики *О. Д. Хвольсонъ* изложилъ сравнительно довольно кратко (на 111 стр.) ученіе о звукѣ (акустику) и всю остальную часть книги посвятилъ лучистой энергіи.

Въ первой главѣ ученія о звукѣ авторъ дополняетъ рассмотрѣнное имъ въ 5-й главѣ второго отдѣла 1-го тома ученіе о лучистомъ распространеніи колебательныхъ движеній изложеніемъ ученія о скорости распространенія этихъ колебаній. Подобное распредѣленіе предмета въ курсѣ физики нельзя считать особенно удачнымъ, намъ кажется, что ученіе о колебательныхъ движеніяхъ много выиграло бы въ ясности и послѣдовательности, если оно было изложено полностью въ одной части курса.

Акустика съ механической точки зрѣнія составляетъ, конечно, отдѣлъ ученія объ упругости, именно ученіе о распространеніи колебательныхъ движеній въ упругой средѣ. Но эти колебательныя движенія, звуковыя явленія, составляющія предметъ физической акустики, представляютъ огромный интересъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они производятъ на нашъ органъ слуха и по той способности анализа этихъ звуковыхъ впечатлѣній, которою обладаетъ нашъ органъ слуха, поэтому, конечно, въ каждомъ курсѣ физикѣ, говоря о звуковыхъ явленіяхъ неизбѣжно приходится излагать и физиологическую акустику.

Въ этой части курса, то-есть, въ изложеніи какъ физическаго, такъ и физиологическаго ученія о звукѣ, авторъ какъ въ самомъ способѣ изложенія, такъ и по сообщаемымъ въ немъ фактамъ ничего оригинальнаго, самостоятельнаго, выдѣляющаго его изъ прочихъ извѣстныхъ курсовъ физики, не представилъ, напротивъ, какъ уже было замѣчено, изложилъ этотъ отдѣлъ несоразмѣрно съ другими отдѣлами весьма кратко.

Напротивъ того отдѣлъ о лучистой энергіи какъ по самому изложенію, такъ и по обработкѣ собраннаго въ немъ матеріала представляетъ много оригинальнаго и самостоятельнаго.

Какъ извѣстно современная физика принимаетъ кромѣ матеріи состоящей изъ простыхъ элементовъ и ихъ химическихъ соединеній, проявляющихся въ твердомъ, жидкомъ и газообразныхъ состояніяхъ, существованіе еще міроваго вещества, эфира. На основаніи многихъ явленій, изученіе и установленіе законовъ которыхъ составляетъ до-

стояніе нашего времени, физика принимаетъ, что въ эфирѣ происходятъ двоякаго рода измѣненія: 1) статическія измѣненія, заключающіяся въ различнаго рода внутреннихъ перемѣщеніяхъ, деформацияхъ вещества, болѣе или менѣе аналогичныхъ съ деформациями, происходящими въ твердыхъ тѣлахъ и 2) динамическія измѣненія, представляющія движенія, происходящія въ эфирѣ. Эти движенія имѣютъ весьма разнообразный характеръ, ихъ обыкновенно обозначаютъ общимъ терминомъ возмущеній и пертурбацій. Этими деформациями и пертурбаціями въ эфирѣ современная физика объясняетъ безконечно разнообразныя свѣтовые и электрическія явленія. На основаніи изученія этихъ явленій физика принимаетъ, что свойства эфира должны существенно отличаться отъ извѣстныхъ намъ свойствъ матеріи, твердой, жидкой и газообразной. Эфиръ при весьма малой своей плотности обладаетъ громадной упругостью по сравненію съ упругостью извѣстныхъ намъ твердыхъ тѣлъ, на основаніи чего слѣдуетъ принять, что всякая пертурбація въ эфирѣ распространяется съ необычайною скоростью, приблизительно равною скорости 300.000 километрамъ въ секунду. Пертурбація, распространяющіяся лучеобразно въ эфирѣ съ этою скоростью имѣютъ характеръ поперечныхъ къ лучу движеній. Кромѣ того мы знаемъ, что всякое движеніе въ эфирѣ есть проявленіе особой формы энергіи, эквивалентной другимъ ея формамъ и могущей изъ нихъ произойти или въ одну изъ нихъ преобразоваться. Такъ энергія видимаго или невидимаго (молекулярнаго) движенія матеріи можетъ перейти въ энергію движенія и обратно. Съ такимъ представленіемъ объ эфирѣ мы связываемъ понятіе о присутствіи ему массѣ. Въ этой упругой средѣ эфира мы представляемъ себѣ лучеобразное распространеніе различныхъ формъ энергіи съ выше означенной скоростью. Различныя формы или случаи этой лучистой энергіи будутъ существенно отличаться другъ отъ друга только длиною волны и быстротою колебанія.

Ученіе о лучистой энергіи возникло еще въ концѣ 17-го столѣтія, когда *Гюгенсъ* (въ 1690 г.) предложилъ теорію колебательнаго движенія эфира для объясненій явленій свѣта. За тѣмъ благодаря главнымъ образомъ трудамъ гениальнаго *Френеля* эта теорія выработалась въ прочное и изящное ученіе о свѣтѣ. Дѣйствительно, ученіе о свѣтѣ, оптика, составляетъ въ настоящее время безусловно одинъ изъ лучше обработанныхъ отдѣловъ физики.

Лучистая энергія періодическаго движенія въ эфирѣ согласно основному закону сохраненія энергіи должна возникать или преобра-

получаться изъ какой-нибудь другой формы энергіи, напримеръ изъ молекулярныхъ движеній, вызванныхъ конвекціей тепловаго состоянія тѣла. Такъ напримеръ, когда мы гальваническій токонтъ накалываемъ проволоку, то въ началѣ, когда накалываніе проволоки слабо, то-есть температура ея низка, то движенія молекулъ сравнительно медленны, въ эфирѣ вызываются сравнительно медленныя колебанія, распространяющіяся лучами, имѣющими большую длину волны. Эти колебанія не замѣтны для нашего глаза, но мы ихъ ощущаемъ какъ тепловые лучи. По мѣрѣ увеличенія накалыванія проволоки, температура повышается, возникаютъ новыя болѣе быстрыя движенія молекулъ, появляется лучистая энергія съ болѣе короткой волной, уже дѣйствующая на нашъ глазъ, вызывая впечатлѣніе краснаго свѣта, — эта температура — темно-краснаго каленія. При еще болѣе накалываніи проволоки, температура ея еще болѣе повышается и мы замѣчаемъ появленіе лучей съ еще болѣе короткой волной — лучей оранжевыхъ, желтыхъ, зеленыхъ, голубыхъ, синихъ и фіолетовыхъ, то-есть мы достигаемъ температуры бѣлаго каленія. Наконецъ увеличивая еще болѣе накалываніе проволоки, то-есть, еще болѣе возвышая ея температуру, мы вызовемъ появленіе лучистой энергіи, опять не дѣйствующей на нашъ глазъ, но присутствіе которой мы можемъ обнаружить и показать, что длина волны этихъ ультра-фіолетовыхъ лучей еще болѣе короткая, чѣмъ прежде появившихся, свѣтовыхъ лучей.

Если мы свѣтъ этой накаленной до бѣлаго каленія проволоки разложимъ призмой изъ прозрачнаго вещества, то мы получимъ цвѣтную полосу (спектръ), въ которой расположены въ непрерывномъ рядѣ, но убывающей длинѣ волны, свѣтовые лучи, производящіе различное свѣтовое впечатлѣніе на нашъ глазъ. Наибольшую длину волны имѣетъ красный конецъ спектра, а наименьшую длину волны — фіолетовый. Но кромѣ этихъ воспринимаемыхъ глазомъ лучей спектра, за красный конецъ послѣдняго, распространяется довольно длинная полоса, такъ-называемая ультра-красная часть спектра, то-есть тепловые лучи, присутствіе которыхъ легко можетъ быть обнаружено чувствительнымъ термометромъ или другими термическими инструментами; но другую часть спектра, за фіолетовый конецъ его, лежитъ также невидимая при обыкновенныхъ условіяхъ ультра-фіолетовая часть, ультра-фіолетовые лучи, отличающіеся болѣе короткою длиною волны.

Какъ самое возникновеніе этихъ трехъ видовъ лучистой энергіи

при постоянномъ накаливаніи тѣла, такъ и самый спектръ накаленнаго тѣла указываютъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать различное происхожденіе этихъ трехъ видовъ лучей: тепловыхъ, свѣтовыхъ и химическихъ лучей, какъ ихъ прежде дѣляли, основываясь на чисто внѣшнихъ признакахъ, но напротивъ, что всѣ эти лучи должны быть разсматриваемы, какъ одно физическое явленіе, и что всѣ эти лучи различаются другъ отъ друга только длиною волны и числомъ колебаній.

Кромѣ этихъ трехъ формъ лучистой энергіи надо отнести сюда также электрическіе лучи Герца, вызываемые также пертурбаціями эфира и распространяющіеся со скоростью свѣта.

Поэтому авторъ разсматриваемаго нами курса физики совершенно основательно поступаетъ, не дѣлая никакого другаго различія между различными формами лучистой энергіи какъ только величину длины волны ихъ, разсматриваетъ ихъ въ общемъ ученіи о лучистой энергіи.

При этомъ изложеніи авторъ держится слѣдующей терминологіи, раздѣляя *лучистую энергію* по длинѣ волны лучей на:

1) *Электрическіе лучи* Герца, пока (1897) отъ $\lambda = 6$ мм. до λ произвольно большаго;

Темные или невидимые лучи инфракрасные: отъ $\lambda = 0,76\mu$ до $\lambda = 0,05$ мм. $= 50\mu$ приблизительно;

3) *Видимые, световые лучи*, лучи свѣта или просто свѣтъ отъ $\lambda = 0,4\mu =$ до $\lambda = 0,76\mu$.

4) *Темные или невидимые, ультра-фіолетовые лучи*: $\lambda < 0,4\mu$, гдѣ $\mu = 0,001$ мм.

Это изложеніе ученія о лучистой энергіи и составляетъ особенность второго тома курса физики г. Хвольсона.

Что же касается изложенія отдѣльных главъ оптики, то мы полагаемъ, что авторъ совершенно напрасно описываетъ много отдѣльныхъ измѣрительныхъ приборовъ, служащихъ для одной и той же цѣли. Какъ примѣръ позволимъ указать на описаніе фотометровъ. Фотометръ принадлежитъ къ числу такихъ приборовъ, надъ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ которыхъ дѣлало попытки большинство лицъ, занимающихся физикой, но къ сожалѣнію большинство этихъ попытокъ не увѣнчалось успѣхомъ, такъ что о большинствѣ существующихъ фотометровъ можно сказать, что они отличаются больше недостатками, чѣмъ достоинствами. Въ курсѣ физики, вмѣсто описанія многочисленныхъ фотометровъ, желательно найти строгое изложеніе принциповъ фотометріи и раздѣленіе существующихъ фо-

тометровъ согласно этимъ принципамъ. Описание отдѣльныхъ фотометровъ, сдѣланное авторомъ, не всегда достаточно полное, позволяющее оцѣнить достоинство прибора. Къ сожалѣнію, этому неполному, отрывистому описанію подверглись лучшіе фотометры. Какъ примѣръ можно указать на описаніе фотометра *Луммера* и *Бродхуна*, въ которомъ вовсе не указывается на приспособленіе (*Contrastphotometer*), позволяющее не только вообще болѣе точное сравненіе источниковъ свѣта, чѣмъ при другихъ фотометрахъ, но также сравненіе между собою различнаго цвѣта источниковъ свѣта.

Второй томъ содержитъ въ текстѣ значительно больше рисунковъ (597), чѣмъ первый; нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ (364, 373) имѣютъ характеръ иллюстрацій, помѣщаемыхъ въ популярныхъ журналахъ.

С. Л.

Руководство къ самообразованію. Основной курсъ общаго языкованія. (Происхожденіе, развитіе и распространеніе языка). *А. Погодина*, приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1897. I немум. + 117 + III немум. Цѣна 80 коп.

Авторъ сочиненія, заглавіе котораго я выписалъ, пишетъ въ предисловіи: „Эта книга предназначена для цѣлей самообразованія, а также для преподаванія въ высшихъ спеціальныхъ классахъ женскихъ гимназій; кромѣ того, по мнѣнію автора, она, можетъ быть, пригодится въ видѣ пособія и студентамъ первыхъ курсовъ историко-филологическаго факультета. Цѣль книги пріучить читателей сознательно относиться къ своей и чужой рѣчи“... Не претендуя на новостъ и оригинальность своихъ выводовъ, онъ хотѣлъ только познакомить читателей съ данными, добытыми современной наукой; однако опытный глазъ замѣтитъ въ разныхъ отдѣлахъ книги и кое-что новое. Итакъ, предлагаемая книга предназначена прежде всего для цѣлей самообразованія. затѣмъ для преподаванія въ высшихъ спеціальныхъ классахъ женскихъ гимназій, наконецъ, по мнѣнію автора, она можетъ быть пособіемъ для студентовъ-филологовъ первыхъ курсовъ. Задача, которую поставилъ себѣ г. Погодинъ очень почтенна и заслуживаетъ полного сочувствія; посмотримъ теперь, какъ онъ ее выполнилъ.

Прежде всего я долженъ отмѣтить, что въ трудѣ г. Погодина мы находимъ рядъ ошибокъ въ фактахъ, въ большинствѣ случаевъ очень элементарныхъ. Такъ, ошибками, а также различными неточностями

изобилуетъ описаніе состава индоевропейской семьи языковъ (стр. 58 сл.). Въ первой, „арійской“ группѣ языковъ нашей семьи авторъ различаетъ слѣдующія вѣтви: „персидскую¹⁾ (древнеперсидскую, извѣстную изъ клинообразныхъ надписей на скалахъ въ Средней Азій. изъ религіознаго сборника Авесты, и новоперсидскую), индійскую (съ литературнымъ языкомъ санскритомъ, на которомъ составлены сборники священныхъ гимновъ, употреблявшихся при жертвоприношеніяхъ, заклинаніяхъ и т. д., извѣстные подъ названіемъ *Ведъ* и являющіеся древнѣйшимъ памятникомъ литературъ индоевропейскихъ народовъ) и скиескую (извѣстную только изъ собственныхъ именъ, сохранившихся на надписяхъ въ южной Россіи и у древнихъ греческихъ писателей, да изъ осетинскаго языка, потомка скиескаго)“. Однако, во-первыхъ, языкъ Авесты не древнеперсидскій языкъ, а другой, отличающійся отъ него, древнеиранскій языкъ; во-вторыхъ, осетинскій языкъ, каковы бы ни были его родственныя отношенія „къ скиескому“ языку (терминъ „скиескій языкъ“ неудобенъ и неточенъ потому, что древніе объединяли подъ однимъ общимъ названіемъ „скиевъ“ цѣлый рядъ различныхъ этнографическихъ единицъ), нельзя отдѣлять отъ другихъ новоиранскихъ языковъ и считать его вмѣстѣ съ скиескимъ языкомъ самостоятельную вѣтвь арійской группы, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности осетинскій языкъ, образуя вмѣстѣ съ языками новоперсидскимъ, курдскимъ, афганскимъ и нѣкоторыми другими группу новоиранскихъ языковъ, входитъ въ составъ иранской вѣтви, въ которой по времени существованія различаются языки древнеиранскіе (языкъ Авесты и древнеперсидскій языкъ), языкъ среднеиранскій (пехлеви) и языки новоиранскіе; въ-третьихъ, языкъ Ведъ не можетъ быть отождествляемъ съ санскритомъ; въ-четвертыхъ, нельзя забывать того, что санскритъ не единственный литературный языкъ индійской вѣтви; въ-пятыхъ, не сдѣлано никакихъ указаній на то, что намъ извѣстны среднеиндійскія и многочисленныя новоиндійскія нарѣчія; наконецъ, авторъ, соединяя въ одну группу индійскую и иранскую вѣтви индоевропейской семьи языковъ, долженъ былъ бы соединить въ одну группу „литовскую“ и славянскую вѣтви, ближайшее родство которыхъ между собою составляетъ несомнѣнный фактъ. Третья, по счету автора, группа индоевропейской семьи языковъ „латинская съ діалектомъ умбрійскимъ“. Это положительно невѣрно: языки умбровъ и осковъ (языкъ осковъ, не упоминается авторомъ)

¹⁾ Здѣсь (какъ и дагѣе) курсивъ подлинника.

не діалекты латинскаго языка, а восходятъ, конечно, вмѣстѣ съ нимъ къ языку общенталійскому. Замѣчу еще, что слѣдовало бы сдѣлать указаніе на языки романскіе, потомки языка латинскаго. Далѣе г. Погодинъ напрасно думаетъ, что кельтскіе языки извѣстны только по собственнымъ именамъ у древнихъ писателей, но средневѣковыми словарикамъ и глоссамъ, наконецъ, по остаткамъ кельтовъ, живущихъ въ Ирландіи. Мы имѣемъ на различныхъ кельтскихъ языкахъ надписи и литературные памятники, да и понынѣ кельтскій языкъ существуетъ не только въ Ирландіи, а, кромѣ того, въ Валлисѣ. Бретани, Шотландіи и на островѣ Мэнѣ; въ Корнваллисѣ онъ существовалъ до сравнительно очень недавняго времени (конецъ XVIII, даже начало XIX вѣка). По отношенію къ германской вѣтви авторъ впасть въ совершенно непонятное заблужденіе, а именно онъ различаетъ здѣсь слѣдующія вѣтви: *готскую, скандинавскую, древне-германскую*, извѣстную съ VIII вѣка, и какія-то еще другія вѣтви. Прежде всего, помимо всего прочаго, терминъ „древне-германская вѣтвь“ могъ бы быть примѣненъ для обозначенія извѣстной группы германскихъ языковъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы мы имѣли въ виду отличить этимъ названіемъ извѣстную группу языковъ отъ другихъ, которые по времени существованія являлись бы по отношенію къ нимъ новогерманскими; но въ данномъ случаѣ этого, конечно, нѣтъ: никакой древне-германской группы мы не знаемъ, а знаемъ лишь извѣстные древніе и новые германскіе языки, которые, по ближайшимъ родственнымъ отношеніямъ, образуютъ три группы: готскую, скандинавскую и западно-германскую, при чемъ готская группа уже не существуетъ въ настоящее время, а группы скандинавская и западно-германская имѣютъ различныхъ представителей и въ настоящее время. Вслѣдъ за „древне-германской“ группой, извѣстной, по автору, съ VIII вѣка, мы находимъ упоминаніе о какихъ-то другихъ, вѣтвяхъ, которыхъ, однако, наука не знаетъ. На шестомъ мѣстѣ стоитъ у г. Погодина группа *литовская*, которую гораздо точнѣе называть, какъ это и принято, *балтійскою*, такъ какъ терминъ „литовская“ группа можетъ возбудить у читателя ложное представленіе о взаимныхъ родственныхъ отношеніяхъ литовскаго, латышскаго и прусскаго языковъ, которые нельзя представлять себѣ такимъ образомъ, будто латышскій и прусскій языки восходятъ къ языку литовскому; терминъ „древне-прусскій“ также неточенъ, такъ какъ никакого другаго прусскаго языка мы не знаемъ. О непослѣдовательности г. Погодина, соединившаго въ одну группу индійскую и иранскую вѣтви и не сдѣлавшаго

того же по отношенію къ вѣтвямъ балтійской и славянской, я уже говорилъ. Перехожу теперь къ славянской вѣтви. На седьмомъ мѣстѣ находится группа „славянская, раздѣлившаяся на македонскую (извѣстную подъ именемъ *церковнославянскаго языка съ XI вѣка*), *сербскую...*, *болгарскую* (составившуюся изъ туземнаго славянскаго населенія и изъ пришельцевъ съ береговъ Волги, тюркскаго племени болгаръ, близко родственнаго теперешнимъ *чувашиамъ*, и извѣстную намъ съ XII вѣка подъ именемъ *средне-болгарскаго языка*, тогда какъ *македонская* группа называется иногда *древне-болгарскимъ языкомъ*, хотя, по всей вѣроятности, она была лишь *діалектомъ* его, и притомъ значительно уже отдѣлившимся отъ роднаго языка), *польскую...*, *чешскую...*, *русскую* (...раздѣлившуюся уже къ XVI вѣку на великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія съ ихъ характерными признаками), немногочисленную *лужицкую* (въ Саксоніи) и вымершую *поморскую*“.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что авторъ, говоря о болгарскомъ языкѣ, привелъ историческую справку, которыхъ онъ вообще не приводитъ, и къ тому же крайне неудачно: выходитъ, что болгарская группа славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ, то-есть, во всякомъ случаѣ языкъ, составилаь изъ туземнаго славянскаго населенія и изъ пришельцевъ съ береговъ Волги. Конечно, это *lapsus*, но при этомъ возникаетъ другой, болѣе серьезный вопросъ, что хотѣлъ сказать авторъ, то-есть, считаетъ ли онъ дѣйствительно болгарскій языкъ образовавшимся вслѣдствіе смѣшенія языка туземнаго населенія съ языкомъ пришельцевъ съ береговъ Волги, а это совершенно невѣрно, или онъ приводитъ въ видѣ справки фактъ изъ исторіи Болгарскаго царства, и тогда это совершенно неумѣстное замѣчаніе, еслибы оно было даже изложено въ такой формѣ, которая не могла бы сбить съ толку читателя. Во-вторыхъ, отказываясь отъ соответствующаго дѣйствительному положенію дѣла дѣленія славянскихъ языковъ на три группы: южную, западную и восточную, и вообще не давая вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе подробнаго опредѣленія принимаемыхъ имъ группъ, то-есть, не перечисляя входящихъ въ ихъ составъ, по его мнѣнію, языковъ, г. Погодинъ даетъ поводъ къ различнымъ недоумѣніямъ, такъ какъ читатель уже имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о славянскихъ языкахъ, вынесенныя имъ, на примѣръ, изъ школьнаго преподаванія. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе и то, что старославянскій языкъ, то-есть, тотъ языкъ, на которомъ былъ сдѣланъ въ IX вѣкѣ переводъ Священнаго Писанія и богослужбныхъ книгъ, опредѣляется, какъ македонская группа, составляющая

давать древнеболгарскому языку, при томъ уже незначительны отличия отъ языка славянского. Однако, если старославянский языкъ считать дамокловымъ мечомъ древнеболгарскаго языка, то ему нельзя идти къ помощи гурзугу, да в помощь этому термину „индоевропейская группа“ лучше бы оставить, такъ какъ онъ даетъ слишкомъ широкія предѣлы, а помочь о ближайшемъ родственничествѣ отношеніи в роднѣ старославянскаго языка вода представляется неумѣстнымъ излишествомъ; въ виду этого самымъ подходящимъ для того языка является условное названіе „старославянский“, при чемъ терминъ „чернославянский“ будетъ служить для обозначенія восточнаго чернаго языка.

Далѣ, авторъ волею однимъ обобщилъ именемъ „сербская группа“ соединяетъ, очевидно, языки сербо-хорватскій и словинскій, что во всякомъ случаѣ неправильно; такое соединеніе можно бы допустить лишь въ томъ случаѣ, еслибы было доказано существованіе сербо-хорватско-словинскаго праязыка, выдѣливагося тѣмъ или инымъ путемъ изъ общаго южнославянскаго праязыка. Не входя въ подробности по вопросу о томъ, что, по мнѣнію автора, русская группа уже къ XVI вѣку раздѣлилась на великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія (а это во всякомъ случаѣ невѣрно, такъ какъ типическія особенности русскіихъ нарѣчій выработались гораздо ранѣе), я долженъ еще указать, что лужичане живутъ не только въ Саксоніи, а это утверждаетъ авторъ, но и въ предѣлахъ Пруссіи. Характеризуя поморскую группу, какъ вымершую, и не упоминая отдѣльно о кашубскомъ языкѣ, авторъ относить его, надо думать, какъ это дѣлали и нѣкоторые другіе ученые, къ польской группѣ, что во всякомъ случаѣ невѣрно: кашубскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ полабскимъ языкомъ.

Теперь я приведу для примѣра нѣсколько ошибокъ другаго рода, а именно ошибокъ въ опредѣленіи и объясненіи фактовъ языка.

На стр. 60, вслѣдъ за опредѣленіемъ состава индоевропейской семьи языковъ, мы находимъ слѣдующее утвержденіе: „Такъ, слово *тыцъ* (дат. пад. ед. ч.) состоитъ изъ корня *рѣ* (что и въ *рѣсть*), суффикса *к*, другаго суффикса *-а* и окончанія *і*, причемъ *а* и *і* слились въ одно *аі*, а это послѣднее въ славянскомъ языкѣ перешло въ *ѣ*, передъ которымъ *к* смягчается въ *ц*“. Здѣсь прежде всего невѣрно выставляется для индоевропейскаго праязыка суффиксомъ дательнаго единственнаго числа именъ *і*: въ дѣйствительности такимъ суффиксомъ былъ дифтонгъ *аі*, гдѣ слоговою гласною было или *ѣа*, или не-

опредѣленная гласная (o, а сама форма дат. ед. отъ основъ ж. рода на ā^a имѣла въ окончаніи āi); суффиксъ *ka*. въ данномъ случаѣ съ гласною ā^a, мы не имѣемъ никакихъ основаній разлагать на суффиксъ *k* + суффиксъ *a*. — На стр. 60 латинское *amaverat* разлагается на *ama* + *fuera*t, а латинское *amavissem* на *ama* + *fuissem*. Это совершенно невозможная вещь. Не входя въ подробности по вопросу объ образованіи этихъ формъ, замѣчу лишь только, что приведенныя г. Погодинымъ формы *plusquamperfecti* въ латинскомъ языкѣ новообразованія, возникшія на почвѣ старыхъ формъ сигматическаго аориста; за подробностями отсылаю къ Grundriss'у Бруглана, грамматикѣ Штольца.—На стр. 62 о русскомъ суффиксѣ—*ство* говорится: „наше—*ство* въ словахъ качество, свойство и т. д. значить прежде всего только состояніе (= *stva* въ санскр. яз.)“⁴. Помимо всего прочаго, это сопоставленіе невозможно уже по одному тому, что *stva* въ древнеиндійскомъ языкѣ намъ неизвѣстно; мы знаемъ здѣсь дѣйствительно суффиксъ—*tva*, съ которымъ и родственно русское—*ство*.

На той же страницѣ мы находимъ указаніе на родство русскаго суффикса *тел* съ греческимъ глаголомъ *teleo* (совершать); на самомъ дѣлѣ суффиксъ *тел* стоитъ въ связи съ греческимъ суффиксомъ *nom. ag.* τηρ и тер (τηρ и тер различные звуковые виды), греческое же τέλος и производный глаголъ τέλω имѣютъ τ изъ индоевропейскаго к задненебнаго лабиализованнаго (ср. греческое τάλαι, гдѣ другой звуковой видъ корня по отношенію къ гласной, и гдѣ π изъ индоевропейскаго к задненебнаго лабиализованнаго въ положеніи передъ гласной не небной; въ древнеиндійскомъ языкѣ родственна основа *śaramá*—; см., напримѣръ, словарь Фикка, 1⁴, 387).—На стр. 78 г. Погодинъ, приводитъ въ связь числительное *пять* съ существительными *пята* и *пять*; автору слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что славянская основа *пять*- тождественна съ древнеиндійскою основою *pañkti*- и родственна съ другимъ инд. *pañca*, лит. *penki*, греч. πέντε „пять“ и т. д.; что же касается славянскаго *пята*, то это слово родственно съ литовскимъ *pėntis*; итакъ, славянская основа *пять*— непосредственно изъ **penkti*—и ни въ какомъ случаѣ, на основаніи звуковыхъ законовъ, не можетъ быть связываема съ *пята* изъ **penta* и съ *пять*, какова бы ни была этимологія этого послѣдняго слова.

Въ главѣ II, посвященной физиологіи звуковъ рѣчи, обзоръ гласныхъ изложенъ не въ томъ видѣ, какой этотъ отдѣлъ получилъ, благодаря работамъ англійскихъ изслѣдователей, а согласно съ старыми воззрѣніями, критическую оцѣнку которыхъ можно найти въ цитируе-

мой авторомъ книгѣ Stevers'a „Grundzüge der Phonetik“, 4-е изданіе. Что касается обзора согласныхъ, то, не останавливаясь на подробностяхъ, я отмѣчу лишь слѣдующее: во-первыхъ, здѣсь отсутствуютъ указанія на существованіе двухъ большихъ классовъ согласныхъ звуковъ—сонорныя и шумныя согласныя; во-вторыхъ, г. Погодинъ ошибочно причисляетъ звукъ *й* (то-есть, звукъ *j*) къ согласнымъ задне-небнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности это согласныя средне-небныя; въ-третьихъ, при перечисленіи согласныхъ по разрядамъ по отношенію къ мѣсту образованія пропущена въ разрядѣ задне-небныхъ звонкая фрикативная согласная *з*, существующая въ русскомъ языкѣ, какъ то выше (стр. 20) указалъ самъ авторъ; наконецъ, вообще недостаточно опредѣлены условія образованія отдѣльныхъ звуковъ, не указано точно взаимное отношеніе гласныхъ и согласныхъ (авторъ говоритъ только: „При изученіи гласныхъ слѣдуетъ помнить, что твердой границы между гласными и согласными нѣтъ: если при произношеніи *а* отодвинуть корень языка къ мягкому небу, то получится французское гортанное *г*; если придвинуть языкъ къ альвеоламъ, получится наше *з*“), и невѣрно опредѣляются нѣкоторыя согласныя русскаго языка (напримѣръ, губныя согласныя *н*, *б* и *м*, являющіяся въ русскомъ языкѣ чистогубными, опредѣляются г. Погодинымъ, какъ зубногубныя). Что касается § 10, гдѣ говорится объ удареніи, то и здѣсь является крупное недоразумѣніе: нельзя опредѣлять удареніе слова, какъ повышеніе голоса на словѣ въ предложеніи, и развивать это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: „Въ нѣкоторыхъ языкахъ (напримѣръ, въ русскомъ) удареніе зависитъ только отъ силы дыханія, а потому называется *экспираторнымъ*... Но, кромѣ повышенія голоса, есть и другой способъ выраженія ударенія: именно, посредствомъ повышенія звука, извѣстнаго во многихъ языкахъ“. Удареніемъ въ словѣ называется выдѣленіе извѣстнаго слога въ сочетаніи слоговъ въ словѣ или по силѣ голоса, или по высотѣ голоса, или по тому и другому вмѣстѣ. Нельзя не замѣтить и того, что слѣдовало бы сказать и объ удареніи предложеній, а также опредѣленно и о различіи голосовыхъ звуковъ между собою въ отношеніяхъ экспираторномъ и тоническомъ.

Полагая, что приведенныхъ мною примѣровъ вполне достаточно для подтвержденія высказаннаго мною выше сужденія о фактической сторонѣ книги г. Погодина, я перехожу къ второму и послѣднему пункту, къ разсмотрѣнію тѣхъ ея частей, гдѣ обсуждаются общіе вопросы нашей науки: о происхожденіи языка, о происхожденіи и значеніи грамматическихъ формъ и т. п.

Книга г. Погодина начинается слѣдующимъ опредѣленіемъ языка: „Подъ языкомъ въ наукѣ принято разумѣть выраженіе или сообщеніе мысли при помощи членораздѣльныхъ звуковъ. Членораздѣльными называются такіе звуки, которые производятся человѣкомъ и могутъ быть переданы буквами. Звуки, издаваемые животными, изобразить на письмѣ невозможно“. Нѣсколько ниже говорится: „... это опредѣленіе (языка) допускаетъ и ту возможность, что выраженіе мысли не всегда связано съ рѣчью; напротивъ, возможно сообщать свою мысль извѣстными звуками или зрительными образами“. Наконецъ, § 2 озаглавленъ: „Духовная жизнь до языка и языкъ животныхъ“. Здѣсь, по моему мнѣнію, кроется нѣсколько недоразумѣній. Опредѣляя языкъ, какъ выраженіе или сообщеніе мысли при помощи членораздѣльныхъ звуковъ, и признавая этими послѣдними лишь такіе звуки, которые производятся человѣкомъ и могутъ быть переданы буквами, г. Погодинъ не долженъ былъ бы говорить безъ дальнѣйшихъ оговорокъ о *языкѣ жестовъ* (стр. 4) и *языкѣ животныхъ* и считать началомъ языка, напримѣръ, рычаніе собаки при извѣстной обстановкѣ (см. стр. 2); далѣе, сообщеніе мысли извѣстными звуками (см. выше) не есть, по г. Погодину, языкъ. Вся эта путаница происходитъ отъ того, что терминъ „языкъ“ получаетъ одно опредѣленіе въ началѣ, а въ послѣдующихъ строкахъ является безъ всякихъ оговорокъ уже не съ тѣмъ значеніемъ, да и первоначальное опредѣленіе недостаточно. Дѣло въ томъ, что языкомъ въ общемъ значеніи этого термина является совокупность такихъ знаковъ для мышленія, которые мы по волѣ обнаруживаемъ, проявляемъ въ движеніи, но въ виду особаго значенія языка словъ, матеріаломъ для котораго служатъ звуки рѣчи, и который играетъ въ духовномъ развитіи человѣка выдающуюся роль сравнительно съ языкомъ жестовъ и мимики, этотъ языкъ словъ является для насъ языкомъ *κατ' ἔξοχην*, называется языкомъ безъ дальнѣйшихъ поясненій. Какъ мы видѣли, г. Погодинъ языкомъ считаетъ въ началѣ книги лишь такой языкъ словъ, матеріаломъ для котораго служатъ членораздѣльные звуки. Терминъ „членораздѣльные звуки“ — наслѣдіе старыхъ грамматическихъ построеній, когда физиологія звуковъ рѣчи была совершенно неразработана; какъ членораздѣльная, характеризовалась исключительно человѣческая рѣчь, то-есть, такая рѣчь, которая распадается на извѣстные члены—*articuli* и получаетъ отъ этого ясность и опредѣленность. Г. Погодинъ всѣ другіе, нечленораздѣльные звуки, служащіе для выраженія мыслей, не называетъ языкомъ. На стр. 4 онъ говоритъ объ этомъ подробнѣе: „... еще

въ языкѣ дикарей мы находимъ настолько неопредѣленное произношеніе звуковъ, что миссіонеры не могутъ рѣшить его въ пользу *k* или *m* и т. под., и рядомъ съ членораздѣльными звуками видимъ равноправное употребленіе разныхъ прищелкиваній, всасывающихъ звуковъ и т. д.⁴. Гдѣ же, однако, критеріи членораздѣльности и нечленораздѣльности? Возможность передачи на письмѣ, но, мнѣ кажется, здѣсь можетъ быть вопросомъ лишь та или другая система обозначенія звуковъ на письмѣ. О такомъ ненадежномъ критеріи, какъ слухъ миссіонеровъ, нельзя и говорить серьезно. Такого критерія нѣтъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ г. Погодинъ, нѣтъ и не можетъ быть, но есть, конечно, другой критерій, съ помощью котораго мы можемъ опредѣленно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ языкомъ, или нѣтъ, а именно всякій звукъ или сочетаніе звуковъ, какковы бы ни были условія ихъ образованія, являющіеся такимъ знакомъ для мышленія, который мы можемъ по волѣ обнаружить, не могутъ быть отдѣлены отъ языка.

Въ тѣхъ отдѣлахъ книги, гдѣ говорится о формахъ языка, фактахъ грамматическихъ, не дано опредѣленія того, что мы называемъ формою, а между тѣмъ это слово и прилагательное „формальный“ употребляется не одинъ разъ. Разъясненіе понятія „форма“ было бы не только въ интересахъ читателя, но и въ интересахъ самого автора. Дѣло въ томъ, что безъ яснаго и точнаго представленія о грамматическихъ фактахъ, а съ другой стороны о томъ, что именно принадлежитъ данному слову независимо отъ формы, и что вносится въ него формою, невозможно разобраться въ относящихся сюда вопросахъ. Тѣ опредѣленія, которыя даетъ г. Погодинъ, напримѣръ, частямъ рѣчи, оставляютъ совершенно неразъясненнымъ значеніе этихъ категорій, какъ грамматическихъ классовъ словъ, образованныхъ присутствіемъ въ языкѣ формъ. Категорія „предметъ“, „качество“ (или „свойство“) и „дѣятельности“ (или „состоянія“) не представляютъ собою, конечно, грамматическихъ категорій. Грамматическіе классы словъ, части рѣчи, нельзя смѣшивать съ тѣми неграмматическими классами, которые образуются различіями въ значеніи словъ, тогда какъ грамматическіе классы словъ образуются, понятно, извѣстными сходствами и различіями по отношенію къ образованію формъ. Опредѣливъ на основаніи сходства и различія по отношенію къ образованію формъ грамматическіе классы отдѣльныхъ полныхъ словъ, мы можемъ поставить вопросъ о значеніи найденныхъ нами классовъ, какъ знаковъ классовъ предметовъ мысли. Г. Погодинъ поступаетъ не такъ:

указавъ приведенныя мною выше логическія категоріи, онъ на основаніи ихъ даетъ свои опредѣленія „частей рѣчи“, но на самомъ дѣлѣ это опредѣленія не частей рѣчи, а извѣстныхъ неграмматическихъ классовъ словъ: „имя существительное“, говоритъ авторъ, „означаетъ предметъ или же свойство и дѣятельность, понятія, какъ предметъ. тогда какъ имя прилагательное и глаголъ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ означаютъ только дѣятельность предмета, только качество его; слѣдовательно, служатъ только для описанія предмета“ (стр. 73). Правда, г. Погодинъ на стр. 71 высказываетъ слѣдующую мысль: „Только въ языкахъ агглютинирующихъ и флексирующихъ, благодаря суффиксамъ и окончаніямъ, части рѣчи начинаютъ различаться съ формальной стороны“. Однако, это замѣчаніе, которое, помимо всей своей недостаточности (вѣдь формы словъ образуются не только аффиксами, но и извѣстными формальными видоизмѣненіями основы, напримѣръ, формальнымъ видоизмѣненіемъ звуковъ основы, да и части рѣчи, какъ грамматическіе классы словъ, только и образуются присутствіемъ въ языкѣ формъ), могло бы навести автора на вѣрный путь при опредѣленіи грамматическихъ классовъ словъ, проходить безслѣдно для послѣдующаго изложенія, и, какъ я уже замѣтилъ, никакихъ грамматическихъ классовъ словъ онъ не опредѣляетъ, да и опредѣленія неграмматическихъ классовъ могли бы быть точнѣе.

Итакъ, и по отношенію къ общимъ вопросамъ нашей науки г. Погодинъ не разрѣшилъ удовлетворительнымъ образомъ поставленной себѣ задачи.

Въ заключеніе настоящаго разбора книги г. Погодина я долженъ отмѣтить еще и то обстоятельство, что онъ не всегда даетъ себѣ трудъ иллюстрировать свои положенія примѣрами, взятыми изъ русскаго языка, ограничиваясь примѣрами на другихъ европейскихъ языкахъ, вообще заимствованными преимущественно изъ извѣстной книги Пауля *Principien der Sprachgeschichte*; въ другихъ случаяхъ значительное количество примѣровъ на иностранныхъ языкахъ совершенно подавляетъ одинъ-два примѣра на русскомъ языкѣ.

В. К. Норвезинскій.

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ). „У снѣга моря“. Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автографіями, исполненными по фотографическимъ снимкамъ Его Свѣтлости Князя Мирко Черногорскаго, В. А. Хрщоновича, А. П. Матвѣевскаго и др. С.-Пб. 1892. Стр. 163, in 4. Цѣна 6 рублей. (Для библіотекъ учебныхъ заведеній, при выпискѣ книги непосредственно изъ Конторы Государственной Типографіи въ С.-Петербургѣ, цѣна 5 р. съ пересылкою).

На стр. 154 авторъ говоритъ: „Цѣль этой книги—дать общую картину условій, которыми сопровождается путешествіе по Далмаціи и Черногоріи и, по возможности, доказать русскому читателю, что посѣщеніе этихъ родственныхъ намъ странъ вовсе не сопряжено ни съ какими затрудненіями“. А ниже читаемъ: „Моя книга—путевые наброски съ картинками, не болѣе. Если она вызоветъ въ читателѣ желаніе ознакомиться съ Черногоріей ближе, нежели это возможно при перелистываніи сборника бѣглыхъ очерковъ, я буду считать свою цѣль достигнутою“.

Послѣ краткаго очерка пути по желѣзной дорогѣ отъ Будапешта до Фіуме авторъ описываетъ города и мѣстности Далмаціи, именно: Задаръ (Зара), Сплѣту (Сполато), развалины Салоны, Дубровникъ (Рагуза), Бокку Которскую и Которъ (Катаро). Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что онъ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ, Швейцарію, Ривьеру, Тироль, Сирію, горы Атласа, Босфоръ, Корфу и почти всю Италію, но нигдѣ не видѣлъ такой красоты, какъ въ Далмаціи и на Черной горѣ; поэтому въ своихъ очеркахъ князь удѣляетъ весьма много мѣста впечатлѣніямъ, вызывавшимся созерцаніемъ природы. Впрочемъ, такіе физическіе очерки не всегда оставляютъ въ читателѣ какой-либо образъ и часто состоятъ только въ восхваленіяхъ, перемѣшанныхъ съ чувствомъ негодованія, вызываемымъ въ путешественникѣ пригнетеннымъ состояніемъ населенія. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: „Которская Бокка... столь прекрасная, что вызываемыя ею впечатлѣнія не находятъ себѣ перевода на человѣческій языкъ. Здѣсь—рай для художника, для поэта. Здѣсь всякимъ атомомъ бытія прославляется сила прекраснаго, здѣсь всѣ проявленія природы слагаются въ гимнъ вѣчной красотѣ. И тутъ же, на берегахъ, нѣтъ ни одной пяди земли, которая бы не была обогрена кровью, пролитою славянствомъ въ его борьбѣ съ врагами. Каждый камень можетъ служить памятникомъ геройскихъ защитъ и удалыхъ нападеній, всякая скала помнить чью-либо мучительную смерть. Въ эту прекрасную Бокку дипломатія трактатовъ и кабинетныхъ измышленій опрокинула

необъятное количество горя, незаслуженных разочарований, жи. траура и проклятій“ (стр. 41—42).

Послѣ описаній природы авторъ много останавливается на виѣшнемъ видѣ городовъ, на монументальныхъ постройкахъ, связывая настоящее ихъ съ прежнею судьбою; особенно вниманіе сосредоточивается на описаніи развалинъ дворца Діоклетіана у Сплѣты. Кромѣ того, авторъ, хотя и слегка, касается современнаго экономическаго быта жителей; но наиболѣе отгѣняетъ то удрученное состояніе, въ которомъ находятся нынѣ далматинскіе славяне. „Въ своемъ болѣзненномъ страхѣ“, читаемъ мы на стр. 28, „передъ возможностью полнаго возрожденія южнаго славянства, Австрія готова даже на самоистязаніе и не отступаетъ предъ искусственнымъ обѣднѣніемъ одной изъ наилучшихъ своихъ провинцій. Признается политически мудрымъ держать Далмацію въ экономическомъ загонѣ, задерживать въ ней волну торговаго оборота, лишать ее правительственной поддержки въ промышленномъ дѣлѣ, не давать ей тѣхъ путей сообщенія, которые поставили бы ее въ связь съ торговыми центрами Европы... Швабо-мадьярскіе политики полагають, что голодовка—прекрасное средство противъ патриотическихъ вспышекъ“...

Большая часть книги, именно около 30 главъ, посвящаются Черногоріи. Сюда вошли нѣкоторыя историческія свѣдѣнія изъ исторіи Черногоріи, изъ исторіи отношеній Россіи къ Черногоріи съ Петра I по настоящее время и затѣмъ весь матеріалъ, касающійся княжества, приурочивается къ городамъ, монастырямъ и разнымъ достопримѣчательнымъ мѣстностямъ, посѣщеннымъ княземъ. Какихъ-либо большихъ, обстоятельныхъ подробностей о Черногоріи въ этихъ путевыхъ очеркахъ читатель не найдетъ. Напримѣръ, не дано даже свѣдѣній о числѣ жителей въ столицѣ Черногоріи. Но, во всякомъ случаѣ, очерки нужно признать интересными. Во многихъ мѣстахъ авторъ высказываетъ глубокое почтеніе къ князю Николаю, считая его не только мудрымъ политикомъ, но и замѣчательнымъ современнымъ поэтомъ; предъ нравственными же свойствами черногорцевъ онъ благоговѣетъ до того, что высказываетъ мнѣніе, что, пока Черногорія не освободитъ славянства отъ Австро-Венгріи, она не должна заботиться о просвѣщеніи изъ опасенія, чтобы населеніе ея не потеряло храбрости. „Когда задачи славянства будутъ достигнуты“, говорится въ книгѣ, „пусть книжка замѣнитъ Черногоріи ружье“. Эти чувства и посядѣйствсвали князю сообщить въ своихъ очеркахъ много такихъ свѣтлыхъ чертъ о черногорской странѣ, на которыхъ другой туристъ можетъ быть не остановился бы.

Главный интересъ очерковъ составляютъ описанія путешествія на лошадахъ и пѣшкомъ въ города Рѣку, Никшичь и главный черногорскій монастырь—Острожскій. Въ нихъ, между прочимъ, рисуется патриархальность и простота нравовъ черногорцевъ, религиозность ихъ, особенности и убожество ихъ монастырей, дешевизна, отсутствие разбоевъ и т. п.; кромѣ того, представляется свидѣтельство о способности черногорцевъ къ культурѣ, выразившейся, между прочимъ, въ проведеніи прекрасной дороги къ Никшичу и въ возведеніи грандіознаго храма на 9.000 человекъ, хотя жителей въ Никшичь—5.000.

Много страницъ въ книгѣ необходимо назвать публицистическими, такъ какъ въ нихъ затрогиваются съ разныхъ сторонъ современное отношеніе австро-венгерцевъ къ Черногоріи. Главы 2-я, 3-я, 4-я и 5-я исключительно посвящены двумъ предметамъ публицистическаго характера. Во-первыхъ, съ одной стороны, указывается на заботы нынѣшняго намѣстника Босніи и Герцоговины, Каллая, ослабить въ управляемыхъ провинціяхъ православіе, подавить сербскую самобытность; съ другой—освѣщается та показная сторона, къ которой прибѣгаетъ Каллай, чтобы доказать туристамъ, что Боснія и Герцеговина благоденствуютъ подъ временнымъ владычествомъ Австріи. Во-вторыхъ, освѣщаются чувства и симпатіи сербовъ герцеговинскихъ и далматинскихъ къ Россіи и къ Черной горѣ, какъ „къ осколку“ русской мощи, по выраженію автора. Симпатіи эти не уменьшаются въ своей силѣ отъ мѣропріятій Каллая, направленныхъ къ уничтоженію всякихъ сношеній между сербами и русскими, мѣропріятій до того мелочныхъ, что къ князю Голицыну приставленъ былъ шпіонъ, который не отставалъ отъ него во все время путешествія. „Любовь къ Россіи и русскимъ“, читаемъ мы на стр. 10, „можетъ понять только тотъ, кто побывалъ въ австрійскихъ славянскихъ странахъ. Ея сила заключается въ томъ, что она ни мало не исчерпывается надеждами на помощь. Нѣтъ, тутъ приходится наблюдать совершенно безкорыстную преданность, какъ бы младшаго брата по отношенію къ старшему, преданность, основанную на тщательномъ изученіи всего того, что насъ касается. Наша литература—имъ родная, наши огорченія и радости волнуютъ ихъ. Здѣсь не приходится сталкиваться съ тѣмъ, въ силу чего опротивѣла намъ Болгарія. Любовь къ Россіи для австрійскихъ сербовъ—не политическое орудіе, а искреннее влеченіе, доходящее почти до размѣровъ стихійнаго. Много разъ мнѣ случилось видѣть въ хижинахъ самыхъ глухихъ деревень портреты нашихъ государей (портретовъ австрійскаго императора я въ этихъ хижинахъ

не видѣлъ). Крестьянинъ, горець, рыбакъ, узнавъ въ васъ русскаго, искренно радуется и засыпаетъ васъ вопросами о Царѣ, о Россіи. Изъ встрѣчъ и знакомства съ образованными славянскими дѣятелями въ Далмаціи и Герцеговинѣ, вы убѣждаетесь въ чистосердечности ихъ отношеній къ намъ“.

Далѣе, на тѣхъ же публицистическихъ страницахъ отмѣчается роль, которую занимаетъ въ настоящее время Черногорія среди сербскаго племени и которую она будетъ занимать въ могущемъ въ ближайшемъ времени совершиться раздѣленіи Австро-Венгрии на федераціи по народностямъ, а можетъ быть и при окончательномъ распаденіи Австріи и при образованіи изъ славянскихъ земель ѳя великой сербской державы.

Точно также намѣчаются задачи, которыя должна преслѣдовать Россія въ настоящее время въ отношеніи Черногоріи, какъ къ главному славянскому борцу противъ Австріи и опредѣляетъ, чего должна держаться и чего остерегаться Россія въ томъ случаѣ, когда или начнутся смуты на Балканскомъ полуостровѣ, или совершится распаденіе Австро-Венгрии.

Совѣты по этому вопросу нашъ авторъ формулируетъ такъ: „Не нужно ни добровольцевъ, ни подстрекательства къ возстанію, ни пламенныхъ воззваній. Требуется лишь дружественно-братское отношеніе къ братьямъ по вѣрѣ и крови, близкое ознакомленіе съ ними, приобщеніе ихъ къ нашей семьѣ путемъ установленія духовнаго единства съ нами“ (стр. 157). А въ случаѣ распаденія Австріи дается совѣтъ дипломатамъ предоставить австрійскимъ сербамъ „полную самостоятельность въ созданіи настоящей Сербіи взамѣнъ нынѣшней, родившейся въ Берлинѣ и прошедшей курсъ ученія въ Вѣнѣ. Сердцемъ этого государства были бы Боснія и Герцеговина, окраинами его—Черногорія, Далмація, нынѣшнее Королевство“ (стр. 161). Касаясь общихъ политическихъ вопросовъ славянскихъ и Австро-Венгрии, авторъ мѣстами вдается въ нѣкоторыя частности, какъ, напримеръ, шлетъ упрекъ тѣмъ нашимъ политиканствующимъ публицистамъ, которые въ переходѣ княжны Елены въ католичество видятъ измѣну православію, но въ то же время не видятъ ослабленія православной церкви тамъ, гдѣ оно дѣйствительно совершается, именно въ усиленіи уніи среди славянъ, надъ которою неустанно работаетъ Римъ. Еще болѣе сильный упрекъ на равнодушіе къ православію направляется противъ Москвы: „Москва“, говоритъ авторъ, „безучастно смотритъ на то, какъ черногорскія церкви разрушаются отъ

ветхости и какъ иконостасы въ черногорскихъ деревенскихъ храмахъ все чаще и чаще покрываются иконами уніатскаго характера, сфабрикованными въ Варшавѣ. Москва лезть у себя дома избыточные колокола-великаны, гудящіе славой для жертвователей. Москва заливаетъ тройнымъ слоємъ золота свои купола. Это, понятно, очень хорошо, но одно другому не мѣшаетъ, и слѣдовало бы вспомнить, что звоницы черногорскихъ церквей убого пустуютъ, иконостасы разваливаются. Не правительству же о всемъ думать, что происходитъ тамъ далеко“ (стр. 61).

Въ другихъ мѣстахъ авторъ предостерегаетъ жителей Босніи и Герцеговины не вѣрять лживымъ слухамъ о томъ, что Россія даетъ согласіе Австріи на закрѣпленіе этихъ областей. „Мы не поступаемъ“, говоритъ онъ по этому поводу, какъ тѣ, которые показываютъ свою силу стукомъ кулака по столу; но всякій знаетъ, что въ нашемъ спокойствіи таится терпѣніе сильнаго и что, будучи въ состояніи презирать гаденкій обманъ и ползучую хитрость, мы, когда понадобится, не допустимъ разбоя“ (стр. 46). Обнадеживая сербовъ и босняковъ въ этой помощи, нашъ авторъ, однако же, совѣтуетъ имъ только черпать въ этой надеждѣ силу и спокойствіе, а въ общественной жизни оставаться вѣрными Габсбургскому дому.

Если исключить изъ этихъ статей разныя политическія предположенія и гаданія автора, что, напримѣръ, ключъ для разрѣшенія восточнаго вопроса находится не на Босфорѣ, а на славянскомъ побережѣ Адриатики, или же нѣсколько одностороннее мнѣніе автора на счетъ современной политической слабости Австріи и на счетъ безсилія современнаго латинства окрѣплять общественныя узы, повторяемъ, за исключеніемъ всего этого публицистическія главы содержатъ въ себѣ много хорошаго, назидательнаго и патріотическаго.

Книга изложена вообще хорошо, читается легко, но чистота рѣчи мѣстами нарушается только вставками, совершенно ненужными, иностранныхъ словъ, какъ напримѣръ: „дунціальный“, „эксплораторъ“, „детальная вексація“ и т. п.

Книга богато и роскошно снабжена автотипіями, служащими прекрасными иллюстраціями къ тексту. Сверхъ того, приложены 2 маленькихъ карточки: Далматинскаго побережья и Черногоріи и Бокки Которской, которыя хотя и не особенно изящны, но лишними считаться не могутъ.

М. Б.

Исторія Переяславської землі съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Монографія *Василія Ляскоронскаго*. Кіевъ. 1897.

По исторіи Переяславской земли въ русской исторической литературѣ сочиненій не было; книга г. Ляскоронскаго и восполняетъ этотъ недостатокъ. Она составлена по тому же плану, какъ и другіе однородные труды по исторіи древнихъ русскихъ княжествъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными самымъ предметомъ. Такъ какъ территория Переяславской земли близко подходила къ мѣстностямъ, описываемымъ Геродотомъ и другими древними писателями, то за первую главой, заключающею въ себѣ географическій обзоръ Переяславской земли, находится описаніе территории земли въ древнѣйшій періодъ своего историческаго существованія, составляющее вторую главу; третья глава занята обзорѣніемъ славянъ въ бассейнѣ средняго Днѣпра, четвертая—промышленности и торговли; пятая изображаетъ судьбу Переяславской земли до выдѣленія ея въ отдѣльное княжество; шестая и седьмая главы заняты политической исторіей княжества и послѣдняя—восьмая—изображеніемъ внутренняго быта въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Авторъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ; перечиталъ и воспользовался, повидимому, всѣмъ, что только могло служить ему для успѣшнаго выполненія своей работы; изъ находящагося въ концѣ книги списка трудовъ, которыми онъ пользовался, видно, что въ его распоряженіи было 218 отдѣльныхъ названій на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ; кромѣ печатныхъ трудовъ, авторъ пользовался и рукописями; но списокъ этотъ еще не полонъ; въ текстѣ мы видимъ ссылки на трудъ Домонтовича „Матеріалы для географіи и статистики Черниговской губерніи“, на труды Падалки и Василенка, на *Пензенскія Губернскія Вѣдомости* и даже газеты. Мало того, что авторъ много перечиталъ о Переяславской землѣ, онъ самъ побывалъ во многихъ историческихъ ея пунктахъ, производилъ даже нѣкоторыя раскопки, такъ что, повидимому, сдѣлалъ все возможное, чтобы трудъ его вышелъ полнымъ. Но все-таки г. Ляскоронскаго можно упрекнуть за пренебреженіе мѣстными изданіями: въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ трудахъ Полтавскаго статистическаго комитета онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы для себя много полезнаго матеріала.

Воздавая должное трудолюбію автора, мы все-таки не можемъ умалчать о нѣкоторыхъ недостаткахъ его книги.

Первый и весьма существенный недостаток—это большія отклоненія въ сторону отъ своего главнаго предмета, обиліе излишнихъ подробностей, прямо къ темъ не относящихся. Читая книгу, иногда просто не понимаешь, для чего то или другое говоритъ авторъ; такъ, говоря объ устройствѣ поверхности Переяславльскаго княжества, онъ впадаетъ въ описаніе разныхъ геологическихъ процессовъ, происходившихъ въ отдаленнѣйшія времена; тутъ появляются различные геологическіе термины: дилувій и аллювій, палеогенъ и неогенъ, миоценъ, эпоха плейстоценовая, палеолитическій и неолитическій періоды и т. п.

Все это, можетъ быть, необходимо для геолога, а для историка, который, по словамъ самого автора, долженъ „пользоваться главными, существенными выводами геологіи“, важно констатировать, въ какомъ положеніи нашель территорию бывшаго княжества человекъ, и какое вліяніе оказала на него природа; такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, все изложенное на 14—37 страницъ, для дѣла безъ ущерба могло бы быть выпущено. Отмѣтимъ остальные излишнія свѣдѣнія, находящіяся въ книгѣ: указывая на важныя торговыя сношенія средняго поднѣпровья до Р. Хр., авторъ постоянно подтверждаетъ положеніе находками праваго побережья Днѣпра и, такимъ образомъ, свое все на 223—230 стр. совершенно излишне для выясненія вопроса о торговомъ движеніи, существовавшемъ собственно на территории Переяславльскаго княжества; но и перешедши на лѣвый берегъ Днѣпра, авторъ не соблюдаетъ мѣры: онъ уже не ограничивается интересующимъ его райономъ, но трактуеть о находкахъ римскихъ монетъ и въ Ярославской губерніи, и въ Мокшанскомъ и Саранскомъ уѣздахъ Пензенской, и даже Пермской. Совершенно излишни указанія на находки на правой сторонѣ Днѣпра при выясненіи вопроса о торговлѣ съ Византіей и арабами (234, 235, 237, 238 стр.). На 240—246 стр. авторъ пространно разсуждаетъ о судоходствѣ на Руси въ древности какъ до созданія Русскаго государства, такъ и послѣ; приводитъ названія различныхъ типовъ судовъ, описываетъ ихъ форму, величину и устройство. Ожидаешь, что судоходствомъ занимались жители Переяславльскаго княжества; они-то именно и совершали отважные походы въ Италію и Африку, они-то опустошили Пафлагонію и взяли Амастриду. Но ожиданія прерываются полнѣйшимъ разочарованіемъ: оказывается, по новѣйшимъ изслѣдованіемъ, что рѣки прежняго Переяславльскаго княжества были до того незначительны, что на нихъ не могло существовать никакого судоходства; если и дѣлались суда, то только для сплава, и читателю остается утѣшаться только тѣмъ,

что среди жителей было развито плотничье искусство, существовали „торговля и оживленные сношения съ отдаленными странами, куда собственно и плавали такіа суда, отправляясь отъ крупныхъ рѣкъ“. И зачѣмъ, подумаешь, было огородъ городить! Особенно много излишнихъ подробностей, не относящихся къ исторіи Переяславльської земли, находится въ 4 и 5 главахъ, изображающихъ политическую жизнь княжества; таковы нѣкоторыя подробности объ отношеніяхъ Изяслава Ярославича къ кіевлянамъ (295, 296 стр.), о нападеніи половцевъ на Черниговъ (300 стр.), о борьбѣ Святополка II Изяславича съ половцами (303—306 стр.), въ которой до Переяславльської земли только и относится, что князь ея Ростиславъ Всеволодовичъ утонулъ въ рѣкѣ Стугвѣ, о нападеніи Олега Черниговскаго на Ростовско-Суздальскую область (312 стр.), о черниговскихъ событіяхъ послѣ смерти Давида Святославича (325.326), о нападеніи половцевъ на Кіевскую землю въ 1136 г. (332 стр.), объ изгнаніи Всеволода изъ Кіева (335 стр.), о борьбѣ за велико-княжескій столъ Изяслава Мстиславича съ Ольговичами, Юріемъ Долгорукимъ (346, 348—354, 357—360, 362—366, 370—372, 377, 378 стр.) и Владимиркомъ (373, 374, 381 стр.), о событіяхъ послѣ смерти Изяслава II (387 — 389 стр.), о борьбѣ Давида съ Ростиславомъ и Юріемъ (392, 393 стр.), о княженіи Юрія въ Кіевѣ (393 — 397 стр.) и о событіяхъ послѣ его смерти (397 — 402 стр.), о княженіи Мстислава Изяславича (403 — 405 стр.), объ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго къ Ростиславу (408 — 414), о событіяхъ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго (417 стр.), о походѣ на половцевъ черниговскихъ князей (424 стр.), объ отношеніи южно-русскихъ князей къ половцамъ (429, 430 стр.), о событіяхъ при Рюрикѣ Ростиславичѣ (432 — 434 стр.), объ отношеніяхъ Рюрика Кіевскаго къ Роману Галицкому (435—437), о дѣлахъ Галицкихъ и Всеволодѣ Черномъ (438—441 стр.), объ отношеніяхъ его къ Всеволоду III (442 стр.), о событіяхъ послѣ смерти послѣдняго (443 стр.), о кіевскихъ князьяхъ послѣ Калкской битвы (447 стр.). Въ большинствѣ междоусобицъ переяславльскіе князья или совсѣмъ не принимали участія, или принимали участіе страдательное, какъ союзники того или другаго князя, чаще великаго князя кіевскаго. Но эти отступленія до того часты и иногда обширны, что, читая ихъ, просто приходится изумляться, зачѣмъ они попали на страницы исторіи Переяславльської земли, а не какой либо другой, напримѣръ, Кіевской или Черниговской. Кромѣ своей бесполезности, эти отступленія положительно вредны для дѣла: безъ нихъ значеніе и роль Пере-

яславльской земли выступили бы рельефнѣе, а теперь все ступевано, затемнено, и за описаніями кіевскихъ событій мы почти не видимъ событій Переяславльскихъ.

Другой важный недостатокъ—это частое повтореніе одного и того же; авторъ какъ будто не вполне уяснилъ себѣ тотъ планъ, которому онъ былъ намѣренъ слѣдовать при исполненіи своей работы; такъ, напримѣръ, о животныхъ, водившихся на территоріи Переяславльской земли, говорится на 44, 48, 69 70, 204—207 стр., о церквахъ и монастыряхъ на 161 и 479 стр., о положеніи и устройствѣ городовъ на 137, 468 — 470 стр., особенно много повтореній въ главѣ о торговлѣ и промышленности.

Замѣчаются и противорѣчія; такъ на 159 и 161 стр. окончаніе постройки церкви во имя св. Михаила отнесено къ епископу Ефрему (при чемъ въ первомъ случаѣ показанъ 1089 г., а во второмъ 1090 г.), а въ примѣчаніи 1 на 476 стр. авторъ начинаетъ сомнѣваться, чтобы извѣстіе о постройкѣ подъ 1090 г. относилось къ Переяславию, и относить его къ Кіеву, основываясь на послѣднихъ словахъ извѣстія: „и въкраси городъ Переяславський“¹⁾, и относя слово „Переяславський“ къ имени епископа Ефрема. Но это сомнѣніе совершенно напрасно: слово „Переяславський“ обязательно слѣдуетъ относить къ городу. (Замѣтимъ кстати: въ указанномъ мѣстѣ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Переяславскій храмъ былъ больше кіевской Десятинной или Софійской церкви; сказано только, что епископъ Ефремъ создалъ церковь „велику сущу“; а потому и замѣчаніе на 479 стр., что размѣры этого храма были малы, не подтверждается ссылкой на соответствующее мѣсто лѣтописи). На 455 и 466 стр. тысяцкій называется представителемъ Переяславльской земли, на 462 стр. онъ уже является представителемъ центральной власти, хотя и избирается княземъ съ участіемъ земства. На 53 стр. рѣка Самара отождествляется съ Снопородомъ, а на 402 стр. это двѣ отдѣльныхъ рѣки²⁾.

Эти недостатки слѣдуетъ отнести на счетъ автора; но есть другіе, въ которыхъ онъ совершенно не повиненъ. Дѣло въ томъ, что извѣстій о Переяславльской землѣ вообще очень мало въ источникахъ, и эта скудость должна была угнетающимъ образомъ дѣйствовать на автора. Желая представить, насколько возможно, всестороннее обо-

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп., 146 стр.

²⁾ Отождествлять Самару съ Снопородомъ нельзя въ виду 6 прим. на 53 стр., въ которомъ сказано, что „уходы“ начались по Слѣпороду... Самарѣ и др. р.

зрѣніе жизни Переяславльскаго княжества и не имѣя въ источникахъ никакихъ указаній на многія стороны этой жизни, онъ, по необходимости, долженъ былъ прибѣгать къ аналогіи; извѣстное относительно другихъ княжествъ переносить на Переяславльское княжество. Нигдѣ этотъ недостатокъ источниковъ такъ не отражается, какъ на послѣдней главѣ, въ которой рисуется общественное устройство и бытъ Переяславльскаго княжества въ удѣльный періодъ, и которая въ значительной степени построена не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ; таковы свѣдѣнія о вѣчѣ, о населеніи, о функціяхъ и доходахъ князя, о дружинѣ, о значеніи христіанства и духовенства, о религіозно-нравственномъ міросозерцаніи жителей. Но аналогія не всегда бываетъ удобна, и ею слѣдуетъ пользоваться съ разборомъ. Пояснимъ это примѣромъ. Въ числѣ преимуществъ епископа упомянуто, что онъ своею печатью скрѣплялъ княжескіе договоры, при чемъ дѣлается соответствующая ссылка на исторію Смоленскаго княжества г. Голубовскаго. Относительно послѣдней это вѣрно. Но было ли то же и въ Переяславльскомъ княжествѣ? На это, по нашему мнѣнію, можно дать только отрицательный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что Переяславльскіе князья если и заключали договоры, то только съ-половцами, и скорѣе устные, чѣмъ письменные. Недостатокъ источниковъ заставляетъ автора погрѣшати и въ другомъ отношеніи — дѣлать обобщенія и относить къ Переяславльскому княжеству, что собственно къ ней не относится; такъ въ числѣ функцій князя указывается, что онъ заботился объ охранѣ торговыхъ путей; но въ указанныхъ лѣтописяхъ¹⁾ случаяхъ Переяславльскіе князья являлись только въ качествѣ союзниковъ кievскаго князя; другая функція князя — сношенія съ иностранными государствами, въ подтвержденіе дѣлаются ссылки на 139, 143, 157 и 158 Ипат. л. и 211, 406 Лавр. Но въ означенныхъ мѣстахъ приводятся извѣстія не о Переяславльскихъ князьяхъ; тѣмъ не менѣе, конечно, были и у послѣднихъ; но ссылка на 274 стр. Ипат. л. неудачна, такъ какъ въ ней говорится о тѣмъ Изяславѣ Мстиславичѣ, не бывшаго въ то время Переяславльскимъ княземъ. Вообще, по нашему мнѣнію, напрасно авторъ въ ногонѣ за подробнымъ изображеніемъ политической бытовой жизни княжества собираетъ извѣстія, относящіяся къ другимъ княжествамъ; было бы лучше, еслибы онъ ограничился сводомъ извѣстій, касающихся непосредственно до Переяславльскаго княжества.

¹⁾ Лѣт. по Ип. св., 360, 361, 388—370; въ первомъ случаѣ извѣстіе относится только къ кievскому князю.

Картина вышла бы, безъ сомнѣнія, не полная, но за то видно было бы, какой матеріалъ находится въ источникахъ по интересующему вопросу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній. Сѣверную границу княжества едва ли не рискованно отодвигать до Новосіа, какъ это дѣлаетъ авторъ на 74 стр., хотя Курскъ иногда входилъ въ составъ Переяславльскаго княжества. Западную границу тоже нѣтъ основанія проводить по рѣкѣ Корани; ссылка на лѣтопись нисколько не говоритъ въ пользу этого мнѣнія (76 стр.). Соображенія автора (118 — 120 стр.) о поселеніяхъ тиверцевъ и уличей на территоріи бывшаго Переяславльскаго княжества не основательны. Вся аргументація построена на слѣдующемъ умозаключеніи: тиверцы и уличи были многочисленныя племена, жившія отъ нижняго Дуная до праваго берега Днѣпра; если они жили на правомъ берегу, то могли жить и на лѣвомъ. Въ виду недостатка прямыхъ доказательствъ, напрасно авторъ не обратился за помощію къ современной номенклатурѣ; можетъ быть, она дала бы нѣкоторый отвѣтъ какъ на этотъ вопросъ, такъ равно и относительно поселеній инородческихъ — козарскихъ, торкскихъ и др. — въ предѣлахъ того же княжества. Этотъ вопросъ разработать авторомъ тоже слабо.

Невыяснено, на какомъ основаніи авторъ полагаетъ, что часть золотыхъ вещей, находимыхъ въ курганахъ, мѣтнаго происхожденія (218 стр.). Едва ли можно объяснить распространеніе христіанства между хозаръ соперничествомъ Византіи съ арабами въ торговлѣ (239 стр.). Отожествленіе рѣки Эрдана съ Днѣпромъ и Дономъ (253 стр.) не выдерживаетъ критики. Греки, по договору съ Игоремъ, запрещали покупать русскимъ паволокъ болѣе чѣмъ на 50 златницъ (или солидовъ = $\frac{1}{74}$ ф.), а „не дороже 50 золотниковъ штука“ (264 стр.), то-есть, все количество купленнаго товара не должно превышать стоимости 50 солидовъ, а не одна паволока. На 266 стр. не вѣрно объяснено слово „бѣль“ въ смыслѣ серебряной монеты, „которая, будучи чистою, новою, дѣйствительно отличается своей бѣлизною“. Въ лѣтописяхъ бѣль и серебро стоятъ отдѣльно; такъ въ Лавр. сп. подъ 6576 г. „дворъ же князь разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью“¹⁾; въ Ипат. сп. подъ 6623 г.: „повелѣ Володимиръ рѣжючи паволокы, орници, бѣль, разметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ“; въ 1279 г. ятвяги

¹⁾ 167 стр.

предлагали Владиміру: „воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, серебра ль“¹⁾).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что подѣ бѣлю слѣдуетъ разумѣть бѣльчьи шкурки, которыя употреблялись, какъ деньги. Слово залотный (260 стр.) едва ли можно объяснить, какъ испорченное заволозный, то-есть, заволжскій. Не образовано ли это прилагательное на подобіе словъ: зарѣчный, запольскій, залѣскій и т. п. Въ такомъ случаѣ залотный путь обозначалъ бы дорогу, которая проходила за кустарниками, за лозами; и теперь на югѣ станція Лозовая. Не вѣрно объяснено нападеніе половцевъ на Переяславльское княжество въ 1215 г. тѣмъ, что имъ не нравилась политика Владиміра Всеволодовича (444 стр.), завязавшаго дружественныя отношенія съ черниговскими князьями. Слово засада невѣрно толкуется, какъ мѣсто, окруженное частоколомъ и валомъ (468 стр.); засадою назывзется отрядъ, находящійся въ городѣ для его защиты. Городницами назывались не башни, а части городской стѣны²⁾. Должно быть отвергнуто мнѣніе, приводимое авторомъ на 289 стр., что выдѣленіе Переяславльской земли въ отдѣльное княжество имѣло цѣлью, помимо защиты окраинъ отъ враговъ, не давать возможности усилиться Чернигову и тѣмъ способствовать укрѣпленію мира въ странѣ.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить еще, что авторъ сторонникъ теоріи федеративнаго строя въ древней Руси; но эта теорія, по своей неосновательности, не раздѣляется серьезными учеными. Кромѣ того, нельзя не поставить автору въ вину нѣкоторой сбивчивости въ изложеніи. Дѣлая какіе либо выводы, онъ совершенно позабываетъ о своемъ главномъ предметѣ и говоритъ то о южной Руси, то о среднемъ поднѣпровьѣ, то о сѣверскихъ земляхъ; даже дѣятельность и значеніе князей Владиміра Мономаха и Изяслава оцѣнивается съ точки зрѣнія южно-русской вообще, и ничего не говорится объ ихъ значеніи собственно для Переяславльской земли. Является какая-то спутанность. Между тѣмъ задача автора была самая легкая — собрать матеріалъ, касающійся Переяславльской земли, и на основаніи его выяснитъ значеніе ея среди другихъ южно-русскихъ княжествъ. Мѣшаютъ дѣлу и нѣкоторыя предвзятая идеи автора—всюду онъ старается отмѣтить торговое значеніе Переяславльской земли; но если она въ этомъ отношеніи и значила что нибудь, то только въ древ-

¹⁾ 202, 580 стр.

²⁾ 468 стр. См. Матеріалы для словаря Срезневскаго.

нѣйшій періодъ русской исторіи — до появленія печенѣговъ и въ особенности половцевъ; послѣ появленія въ степяхъ послѣднихъ кочевниковъ роль княжества суживается — оно является только передовою стѣной противъ степняковъ.

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ свою рецензію. Несмотря на многіе недостатки, разбираемая книга все же заслуживаетъ вниманія, какъ первый сводъ всего существующаго въ исторической литературѣ о Переяславльскои землѣ. Полагаемъ, что этотъ сводъ долго будетъ и единственнымъ, такъ какъ, несмотря на все стараніе автора возвысить значеніе княжества, все-таки роль его въ русской исторіи была довольно незначительна.

Ив. Тихомировъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

В. И. Манюковъ. Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ. Съ приложеніемъ карты и таблицъ. Изданіе книжнаго магазина *М. Г. Шапковской.* Архангельскъ 1897. 191. 1 р. 25 коп.—Судя по предисловію, авторъ предполагаетъ издать серію книжекъ, имѣющихъ цѣлью познакомить читающую публику съ оригинальной и мало извѣстной жизнью нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Прежде всего авторъ останавливается на Мурманѣ.—Къ концу книги приложенъ списокъ литературныхъ пособій, которыми пользовался авторъ; списокъ этотъ довольно длиненъ и заключаетъ всѣ наши извѣстныя монографіи и путешествія по сѣверу Россіи, нѣсколько важнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ Архангельской губерніи, отчеты Архангельскаго статистическаго комитета за 20 лѣтъ, нѣкоторыя мелкія статьи въ журналахъ, въ „*Архангельская Губернскія Ведомостя*“ и проч. Кромѣ предисловія, заключенія, приложеній, книга г. Манюкова содержитъ въ себѣ 6 слѣдующихъ главъ: Природа и климатъ Мурмана.—Прошлое Мурмана и его промысловъ.—Богатства Мурманскаго моря. Тресковый промыселъ. Исторія акуляго и китобойнаго промысловъ.—Техническая организація промысловъ, ихъ обстановка, промысловыя суда и приготовленіе продуктовъ промысла.—Организація промысловаго труда и экономическая сторона промысловаго дѣятельности.—Колонизація Мурмана и бытовыя условія жизни промышленниковъ и колонистовъ.—Во всѣхъ главахъ г. Манюковъ представляетъ иногда съ цѣлыми выписками мнѣнія прежнихъ изслѣдователей, сопоставляетъ ихъ между собою, подвергаетъ критикѣ, дополняетъ ихъ свѣдѣніями тѣхъ или другихъ официальныхъ лицъ и затѣмъ уже высказываетъ свои соображенія по каждому предмету. Такимъ образомъ въ вопросѣ о климатѣ авторъ представляетъ мнѣнія писавшихъ объ этомъ краѣ Максимова, Гулевица, Верещагина, Клауза, судебного слѣдователя Комповскаго, а равно мнѣнія архангель-

скаго генераль-губернатора, Софронова маркиза Траверса, архангельскаго вице-губернатора и ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ, часто противорѣчивымъ, присоединяетъ еще мнѣніе двухъ норвежскихъ профессоровъ — Вульфсберга, Кнлау, и мнѣніе промышленника мурманскаго берега, Оскерко. Далѣе, въ вопросѣ о естественныхъ богатствахъ мурманскаго берега авторъ извлекаетъ, главнымъ образомъ, данныя изъ классическаго труда по изслѣдованію промысловъ нашего сѣвера Данилевскаго и затѣмъ изъ Дергачева, давшаго наиболѣе обстоятельный очеркъ китовыхъ промысловъ. Или же, на примѣръ, въ главѣ объ организаціи промысловаго труда даются въ большихъ размѣрахъ извлеченія изъ книги Книповича: „Положеніе морскихъ и рыбныхъ промысловъ Архангельской губерніи“. Наибольшія по объему и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющія наибольшій интересъ для современности—это 4-я и 5-я главы, касающіяся технической и экономической сторонъ промысловой дѣятельности на Мурманѣ. Здѣсь авторъ прежде всего наглядно и ярко очерчиваетъ скорбный, тяжелый путь, совершаемый нашими промышленниками отъ ихъ постояннаго мѣста жительства до рыболовныхъ становищъ; затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя на описаніяхъ съ мелкими подробностями рыболовныхъ судовъ—шняка, карбаса, рыболовныхъ инструментовъ, своихъ и иностранныхъ, способы ловли такъ-называемой „наживки“ и, наконецъ, ловлю рыбы яруснымъ и удобнымъ способами. При вопросѣ объ организаціи труда авторъ особенно много останавливается на покрутѣ, представляя всѣ существующія мнѣнія въ литературѣ за и противъ него, о капиталистической и объ артельныхъ формахъ труда, о самостоятельныхъ ловцахъ, о темныхъ экономическихъ сторонахъ ихъ труда и т. д. и т. д. Въ общемъ же, какъ способы промысла, такъ и экономическая сторона его, представляются въ книгѣ въ мрачныхъ краскахъ, которыя усиливаются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ попутно, въ видѣ сравненія, отмѣчаетъ характеръ тѣхъ же промысловъ у норвежцевъ, у которыхъ они оказываются въ цвѣтущемъ состояніи и годъ отъ году обогащающими жителей Финмаркена, отчасти на счетъ неурядицъ, господствующихъ на нашемъ мурманскомъ берегу. 6-я послѣдняя глава посвящена вопросу колонизаціи Мурманскаго края. Отмѣтивъ блестящую эпоху русской промышленности на Мурманѣ, совпадающую съ основаніемъ и существованіемъ Печенгскаго монастыря въ XVI вѣкѣ, нашъ авторъ обходитъ неблагоприятное время для русской колонизаціи XVII и XVIII вѣковъ и останавливается на XIX вѣкѣ. Здѣсь г. Маноцковъ тщательно подбираетъ свидѣтельства почти всѣхъ бытописателей Мурманскаго края, особенно Книповича, Максимова, Таратина и Подгаецкаго, относительно двухъ категорій поселенцевъ: съ одной стороны—чисто русскихъ, а съ другой—финляндцевъ и норвежцевъ, и рядомъ убѣдительныхъ фактовъ, статистическихъ данныхъ приводитъ къ уязвляющему русскаго читателя заключенію, что финляндскіе и отчасти норвежскіе колонисты неизмѣримо превосходятъ всѣхъ русскихъ колонистовъ, хотя поселеніе первыхъ на Мурманѣ официально затрудняется, а послѣднимъ предоставляются разныя льготы. Въ общемъ же, книгу г. Маноцкова нужно признать весьма полезною въ нашей географической литературѣ. Очерчивая довольно многосторонне современное положеніе нашего сѣвернаго края, г. Маноцковъ даетъ такимъ обра-

зою для будущаго историко-статистическаго изслѣдованія Мурмана хорошую основу, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ отъ забвенія довольно богатый, но разбросанный литературный матеріалъ по отношенію къ этому краю.

Джонъ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина. Москва. 1899. XVI + 736 стр. Цѣна 3 р. изданіе Куммерова.—Знаменитое сочиненіе Локка давно переведено на главнѣйшіе европейскіе языки, и нужно удивляться, что только теперь нашелся переводчикъ, взявшій на себя нелегкую задачу передачи на русскій языкъ „Опыта о человѣческомъ разумѣниі“. Не зачѣмъ говорить о содержаніи книги; оно слишкомъ извѣстно и всесторонне разобрано; къ тому же недавно проф. В. Серебренниковъ („Ученіе Локка о прирочденныхъ началахъ знанія и дѣятельности“. С.-Пб. 1892 г.) представилъ превосходный анализъ книги Локка. Итакъ, слѣдуетъ сказать лишь нѣсколько словъ о самомъ переводѣ. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что онъ „старался соединить точность передачи съ безусловною правильностью и возможною легкостью языка. Объ изыществѣ въ примѣненіи къ Локку, къ сожалѣнію, не могло быть рѣчи“—и это потому, что стиль Локка не отличается вовсе красотой, „изложеніе его сухо и блѣдно запасъ словъ слишкомъ скуденъ“ (стр. XIV). Сравнивъ болѣе ста страницъ перевода съ соотвѣтственными страницами текста, я пришелъ къ заключенію, что переводчикъ достигъ въ значительной степени намѣченной имъ цѣли: переводъ его чрезвычайно точенъ; только легкость языка я не замѣтилъ. Не удивительно, что въ такомъ большомъ трудѣ встрѣчаются неудачныя обороты; въ общемъ переводъ слѣдуетъ назвать весьма удовлетворительнымъ. Укажу, однако, на нѣкоторые, замѣченные мною недостатки: на стр. 158—159 переводчикъ передаетъ терминъ Локка *train of ideas* четырьмя различными способами, а именно: *ходъ идей, рядъ идей, теченіе смѣняющихся идей и потокъ идей*; можетъ быть правильнѣе было бы терминъ всегда переводить однимъ и тѣмъ же выраженіемъ, хотя и это иногда вызываетъ затрудненія. Переводчикъ терминъ *proposition* всюду переводитъ словомъ предложеніе—и это, конечно, вполне правильно; однако на стр. 48 благодаря такому повидимому правильному и точному переводу получается нѣкоторая неловкость. „Правило“ говорится въ переводѣ „родители, берегите и любите своихъ дѣтей“—не только не врожденная истина, но даже вовсе не истина. Это предписаніе, а не предложеніе“. Несомнѣнно, что приведенное правило есть въ тоже время и предложеніе; слово предложеніе почти во всей книгѣ употребляется въ смыслѣ грамматическомъ и логическомъ, въ данномъ мѣстѣ лучше было бы поставить слово „положеніе“. На стр. 62 говорится, что идея *богослуженія* не врожденна; слово богослуженіе очень неудачно, ибо очевидно, что никто не будетъ имѣть смѣлости защищать врожденность богослуженія; рѣчь можетъ идти только о почитаніи божества, *adoration* какъ перевелъ Coste англійское слово *worship*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикъ дозволяетъ себѣ вносить въ свой переводъ современные намъ термины; хотя по существу дѣла эти термины и вполне соотвѣтствуютъ мысли Локка, однако, такое модернизированіе текста врядъ ли позволительно. Такъ авторъ защитниковъ теоріи врожденности вездѣ называетъ *натуралистами*, между тѣмъ у Локка этого термина нѣтъ и онъ о защитникахъ этой теоріи говоритъ „these

шен“ или какъ-нибудь въ этомъ родѣ (напримѣръ, на стр. 56, 55, 38 et passim). Къ числу мѣстъ неудачно переведенныхъ я отношу слѣдующее, въ которомъ трудно найти смыслъ: стр. 44. „Но нарушение этого правила грѣшно не болѣе, чѣмъ безумно и противно интересу, которому люди жертвуютъ, когда нарушаютъ его сами, внушеніе другимъ того, что оно не есть ни нравственное, ни обязательное правило“. Нужно, впрочемъ, сказать, что у Локка эта фраза выражена столь хитро, что я напрасно потратилъ время, стараясь вразумительно перевести ее. На той же стр. (44): переводчикъ невѣрно перевелъ слова Локка „same to the same mind“ слѣдующимъ образомъ. „И у другихъ людей можетъ быть одинаковая душа, подъ вліяніемъ одинаковаго воспитанія, общества, обычаевъ родной страны“. Слѣдовало сказать такъ что „однообразный образъ мыслей у людей образуется подъ вліяніемъ одинаковаго воспитанія“ и т. д. Сдѣлаю еще одно замѣчаніе: Слово *maxim* переводчикъ оставляетъ безъ перевода, въ иныхъ же мѣстахъ переводитъ словомъ „принципъ“, „начало“. Слово „максима“ вообще рѣдко употребляется въ русскомъ языкѣ, и то лишь съ ограниченіемъ, котораго у Локка нѣтъ. Локкъ пользуется этимъ терминомъ для обозначенія какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ принциповъ, между тѣмъ въ русскомъ языкѣ установилась кантовская терминологія, по которой терминъ максима обозначаетъ лишь практической принципъ, поэтому лучше бы переводчикъ поступилъ, еслибъ всюду слово *maxim* переводилъ терминомъ „принципъ“ или „начало“.

„Полезная бібліотека: 1) „Въ странѣ черныхъ христіанъ“ (Очерки Абиссиніи). Ф. Волина. Стр. 126, въ 16-ю д. л. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп. 2) *E. Lebasquier*. Чудеса полярнаго міра. Переводъ *E. Костко*. С.-Пб. 1895. Стр. 166 въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп. 3) *V. Foncielle*. Южный полюсъ. Переводъ *E. Костко*. С.-Пб. 1896. Стр. 149 въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп. — Первая книжка, именно „Въ странѣ черныхъ христіанъ“, представляетъ географическое, этнографическое и историческое описаніе Абиссиніи, но въ краткомъ видѣ по сравненію съ вышедшею ранѣе книгою Долганева „Страна эзіоповъ“. На основаніи какихъ источниковъ составлена книжка, авторъ ничего не говоритъ, и только въ текстѣ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ путешественниковъ и писателей какъ-то: Ратцеля, Рюппеля и др., свидѣтельства которыхъ и представляются имъ. По серьезности и обстоятельности матеріала, касающагося собственно Абиссиніи, разсматриваемая книжка, конечно, уступаетъ труду Долганева, но превосходитъ послѣдній тѣмъ, что половина брошюры, начиная съ 6-й главы и до 10-й включительно, посвящена описанію русскихъ экспедицій и путешествій въ Абиссинію, какъ-то: Ашинова, Машкова, Звягина, Леонтьева и Елисева. Подробности объ экспедиціи Ашинова сообщаются на основаніи показаній участниковъ ея, а объ остальныхъ на основаніи статей—газетныхъ и журнальныхъ. Изложены эти главы довольно интересно, а наблюденія Машкова прибавляютъ кое-что къ картинѣ нравовъ абиссинцевъ. Книжка снабжена сносными рисунками взъ домашняго и религіознаго быта абиссинцевъ, а равно портретами негусовъ и нѣкоторыхъ участниковъ русскихъ экспедицій; но приложенная карта Абиссиніи очень плоха. Напечатана книга шрифтомъ, неудобнымъ для чтенія. — Вторая книжка „Чудеса полярнаго міра“—

переводная, и заключаетъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ описаніе природы сѣверныхъ полярныхъ странъ, ихъ флору, фауну, обитателей, а также наиболѣе замѣчательныя экспедиціи, предпринимавшіяся въ эти страны. Эта прекрасная книжка, не смотря на небольшой объемъ, содержитъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній и можетъ быть прочитана весьма охотно, даже въ томъ случаѣ, если читателю кое-что извѣстно о полярныхъ странахъ. Снабжена она 35-ю рисунками, довольно хорошо выполненными, но печать, какъ и въ предшествующей книжкѣ, очень мелка.—Третья книжка „Южный полюсъ“, также переводная, представляетъ прежде всего изложеніе взглядовъ греческихъ философовъ и вообще древнихъ ученыхъ на форму и природу земли, а затѣмъ въ историческомъ видѣ представляются мнѣнія и взгляды христіанскихъ ученыхъ о южномъ полюсѣ земли, а равно предпринимавшіяся туда экспедиціи, какъ-то: Кука, Вилькса, Дюмонъ-Дюрвиля, Росса и Борнгревина. Книжка эта для завятаго географа, можетъ быть, и представить какой-нибудь интересъ, но для ученическаго чтенія она не пригодна по сухости, отвлеченности и по обилію разныхъ предположеній и догадокъ.

Проф. *Овсянко-Куликовскій*, Д. Языкъ и искусство. („Русская бібліотека“ № 8). Изданіе *І. Юровскаго*. Цѣна 20 коп. С.-Пб. 1895. 71 стр.

Небольшая книжка проф. Овсянко-Куликовскаго дѣлится на 10 главъ, въ которыхъ онъ излагаетъ соображенія, основанныя частью на данныхъ психологическихъ, частью же на данныхъ, заимствованныхъ изъ области языковеденія. Цѣль своего очерка проф. Овсянко-Куликовскій опредѣляетъ въ 1-й главѣ слѣдующимъ образомъ: „Сложныя движенія мысли и чувства, осуществляющіяся въ искусствѣ, должны быть сведены къ возможно простѣйшимъ процессамъ психики, какъ къ своему первоисточнику. Это и составитъ задачу настоящаго очерка. Первоисточникъ искусства мы видимъ, вслѣдъ за А. А. Потебнею, въ языкѣ“.

Не только основная мысль, но и главнѣйшіе фактическіе доводы, психологическаго и языковѣднаго характера, заимствованы, какъ видно изъ ссылокъ почтеннаго профессора, изъ сочиненій А. А. Потебни. Проф. Овсянко-Куликовскому принадлежитъ такимъ образомъ только самый путь, которымъ онъ доказываетъ вышеприведенное положеніе.

Передадимъ вкратцѣ содержаніе очерка.

Во второй главѣ („Художественный образъ и понятіе“) авторъ доказываетъ „что каждый отдѣльный актъ мышленія понятій есть какъ бы актъ маленькаго художественнаго творчества“.

Въ третьей главѣ („Участіе языка въ подготовленіи понятій“) авторъ излагаетъ извѣстную теорію Штейнтала, Лацаруса и Потебни объ апперцепціи воспріятій при посредствѣ представленій и о той роли, которую при этомъ играетъ языкъ.

Четвертая глава („Понятіе. Предложеніе. Художественный образъ и идея“) посвящена развитію положенія, „что первый толчокъ къ образованію понятія дается художественной апперцепціей новаго образа въ словѣ, дальнѣйшее же движеніе обуславливается устраненіемъ этой художественности, забвеніемъ того представленія, которое помогло обладать новыми впечатлѣніями“ (стр. 21—22). Слова, имѣющіе не только значеніе знака, а содержащія въ себѣ

художественный образъ, проф. Овсяннико-Куликовскій называетъ „словами съ внутреннею формою“ (стр. 23).

Пятая глава посвящена разсмотрѣнiю грамматической формы словъ. На формально грамматическiя явленiя въ языкѣ нашъ авторъ смотритъ, какъ на „различные способы аперценции впечатлѣнiй, различными точки зрѣнiя на вещи и ихъ признаки“ (стр. 38).

Въ шестой главѣ („Слово и сознание“) слово разсматривается какъ психологическiй процессъ, въ коемъ авторъ различаетъ четыре элемента: 1) звуковую форму, 2) значенiе, 3) образъ и 4) грамматическую форму.

Въ 7-й главѣ („Языкъ первобытной древности“) авторъ старается воспроизвести ту стадiю развитiя языка, когда живая внутренняя форма слова еще не утрачена. Слово первобытной древности „медлительно и неповоротливо, оно требуетъ больше времени и задаетъ сознанию гораздо больше работы, чѣмъ наше современное слово. Его ужъ никакъ нельзя принять за простой знакъ понятiя; оно—скорѣе картина, умственный рисунокъ понятiя, маленькое повѣствованiе о немъ. Оно именно—художественное произведенiе“ стр. 48.

VIII глава („Внѣшняя форма въ языкѣ и въ искусствѣ“). Въ художественномъ процессѣ неизбежно воспрiятiе самой внѣшней формы; въ музыкѣ и лирикѣ, гдѣ внѣшняя форма нераздѣльно слита съ содержанiемъ, на ея воспрiятiе тратится столько же энергiи, сколько идетъ на воспрiятiе содержанiя. Внѣшняя форма въ первобытномъ словѣ сводилась къ благозвучiю языка, которое состоитъ изъ членимости, акцентуацiи, количества (то-есть, догматы и краткости гласныхъ) и законовъ фонетики, то-есть, спеціальныхъ условiй благозвучiя въ каждомъ языкѣ.

Въ IX главѣ („Грамматическая форма и пра-искусство“) авторъ старается опредѣлить вкладъ, вносимый въ художественную природу языка грамматической формой.

Наконецъ въ X главѣ („Отъ пра-языка къ искусству“) авторъ рисуетъ переходъ отъ искусства, заключающагося въ языкѣ, къ настоящему искусству, какъ самостоятельной функцiи духа. Искусство есть прежде всего известная работа мысли; первоначально она тратилась на созданiе языка, позднѣе языкъ низведенъ на степень материала или орудiя. На первыхъ порахъ новая дѣятельность еще хранитъ живые слѣды своего происхожденiя. Какъ языкъ—до искусства—былъ искусствомъ наивно-реалистическимъ, такъ и примитивная поэзiя проникнута тѣмъ же духомъ.

Таково содержанiе книжки г. Овсяннико-Куликовскаго; оно интересно и способно навести читателя на самостоятельное размышленiе по поводу сложныхъ явленiй рѣчи. Однако, не всѣ части книжки г. Овсяннико-Куликовскаго достаточно хорошо обоснованы; нѣкоторые вызываютъ возраженiя. Филологическая и психологическая часть, вообще говоря, лучше и яснѣе, чѣмъ эстетико-философская.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчанiй относящихся къ философской части книги:

На стр. 5 авторъ говоритъ „Ключа къ объясненiю художественныхъ образовъ, кромѣ лирическихъ, музыкальныхъ и архитектурныхъ нужно искать въ психологiи мысли, для истолкованiя образовъ лирическихъ, музыкальныхъ и архитектурныхъ этого недостаточно нужно еще (и даже въ особенности) имѣть въ виду психологiю чувствованiй“. Это дѣленiе искусствъ врядъ ли

основательно, какъ неосновательно и противоположеніе психологій мысли—психологій чувствъ. Неужели авторъ думаетъ, что живописецъ не имѣетъ дѣла съ чувствомъ. Стоило автору только вспомнить о настроеніи, которое выражается картиной, чтобы убѣдиться въ невозможности такого дѣленія. Авторъ имѣетъ довольно своеобразное представленіе о томъ, что слѣдуетъ понимать, подъ эстетическимъ наслажденіемъ. На стр. 18 и (стр. 35) авторъ говоритъ „Задача того, кто слышитъ такое одногласное предложеніе, и того, кто воспринимаетъ художественный образъ, состоитъ въ томъ, чтобы правильно понять отношеніе представленія къ значенію, образа къ идеѣ. Въ сферѣ обыкновенной утилизациі рѣчи—этого архаическаго типа—это будетъ пониманіемъ, въ сферѣ искусства—тѣмъ, что не совсѣмъ точно называется эстетическимъ наслажденіемъ. Дѣло—не въ наслажденіи, а именно въ пониманіи того, что хотѣлъ сказать художникъ созданнымъ имъ образомъ....“. Кажется, незачѣмъ подробно объяснять, что пониманіе того, что желалъ сказать художникъ и эстетическое наслажденіе—двѣ вещи совершенно различны, въ противномъ случаѣ замысловатая загадка, надъ разрѣшеніемъ которыхъ приходится ломать себѣ голову, производила бы наибольшее эстетическое наслажденіе. Главная мысль всей работы г. Овсяннико-Куликовскаго, которую онъ, впрочемъ, заимствуетъ у г. Потемни, намъ кажется весьма проблематичной. Не языкъ есть первоисточникъ искусства, а творчество, то-есть, тотъ духовный процессъ, который составляетъ истинную сущность человѣка и однимъ изъ результатовъ коего является языкъ; само собой разумѣется, что, благодаря тѣсной связи мышленія съ языкомъ, творчество въ сферѣ мышленія почти всегда пользуется языкомъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ и г. Овсяннико-Куликовскій этого не доказалъ, чтобы языкъ былъ первоисточникомъ искусства. Укажемъ еще на одну мысль общаго характера въ работѣ почтеннаго профессора, которая намъ не понравилась; на стр. 11 онъ говоритъ: „Высшей степени достигаетъ этотъ типъ мысли въ самой совершенной изъ наукъ—въ математикѣ, гдѣ сопутствующіе образы доведены до минимума и могутъ считаться равными нулю, гдѣ мысль паритъ въ безплотной сферѣ чистыхъ абстракцій. Это идеалъ, къ которому стремятся всѣ прочія науки“. Допустимъ, что г. Овсяннико-Куликовскій считаетъ математику самой совершенной наукой, потому что она отличается точностью и полною прозрачностью, но пусть онъ попробуетъ свести свою науку, то-есть, языкованіе къ этому идеалу и онъ тотчасъ увидитъ, что реальнаго содержанія нельзя замѣнить „безплотными абстракціями“.

Хотя психологическія соображенія, то-есть, апперцепціонная теорія, излагаемая г. Овсяннико-Куликовскимъ, въ общемъ любопытна и очень плодотворна. Но встрѣчаются въ изложеніи автора нѣкоторые промахи: напримѣръ, на стр. 15 авторъ, разсуждая о разницѣ между мышленіемъ ребенка и животнаго, говоритъ ... „ребенокъ вспоминаетъ образъ перваго стола. Собака также можетъ вспомнить. Но только собака къ этому воспоминанію отнесется совершенно пассивно, между тѣмъ какъ ребенокъ скажетъ: „это столъ“ и въ этомъ актѣ рѣчи проявится особая—человѣческая—энергія мысли; это будетъ родъ открытія, сопровождаемый специфической радостью познанія,—это будетъ актъ сознанія, пробуждающейся энергіи мысли. Слово здѣсь подвернулось раньше мысли; это оно привело къ тому, что ребенокъ узналъ

вещь, что онъ ее апперцепировалъ“. Не знаемъ, что авторъ хотѣлъ сказать о собацѣ, что она отнесется къ воспоминанію пассивно, несомнѣнно только, что процессъ въ душѣ ребенка описать невѣрно; какимъ образомъ слово „столь“ могло помочь процессу апперцепировать? Только однимъ, а именно ребенкомъ рабѣ воспоминанія о словѣ долженъ былъ замѣтить сходство воспринимаемаго имъ въ дѣйствительности предмета съ образами, уже хранищимися у него въ душѣ; замѣтивъ это сходство, онъ могъ и дѣйствительное воспріятіе и прежнее подвести подъ одно представленіе, обозначаемое словомъ столь, итакъ не слово навело на мысль, а наоборотъ мысль вызвала самое слово.

Укажемъ еще на одно психологическое замѣчаніе автора, которое мнѣ кажется весьма сомнительнымъ: на стр. 55 онъ утверждаетъ, что рѣчь всякаго человѣка, когда онъ находится въ состояніи экстаза, непременно обнаруживаетъ явное стремленіе къ стихотворному складу. Проверить это сомнительное утвержденіе чрезвычайно трудно.

Заключимъ свои замѣчанія краткой выпиской съ стран. 69. „Если наконецъ“, говоритъ авторъ, „художникъ не обладаетъ никакимъ специальнымъ талантомъ и нивакою „техникою“, то онъ ничего не напишетъ, не нарисуетъ, не выгѣптитъ, но это не мѣшаетъ ему оставаться художникомъ, даже великимъ для себя и для тѣхъ, которые его лично знаютъ и имѣютъ возможность заглянуть во внутреннюю работу его ума“. Конечно, всякому весьма лестно быть великимъ художникомъ, но, кажется, что мысль почтеннаго профессора, заключающая великое утѣшеніе для всякаго, заключаетъ въ себѣ еще и великое злоупотребленіе словомъ „художникъ“.

А. К. Марковъ. Каталогъ джелаиридскихъ монетъ. Съ 4 цинкографическими и 15 цинкографическими рисунками въ текстѣ, 9 фототипическими таблицами, 1 географическою картою и 1 генеалогическою таблицей. С.-Пб. 1897.—Подъ скромнымъ заглавіемъ „Каталогъ джелаиридскихъ монетъ“, авторъ сообщаетъ, во-первыхъ, „историческій очеркъ династій Джелаиридовъ“ изъ рода Хасана Бюзюрга, составленный на основаніи сочиненій европейскихъ ориенталистовъ, печатныхъ арабскихъ хроникъ и неизданныхъ: лѣтописи Абу-Мухаммеда-Мустафы Эль Дженнаби, хронологическаго указателя Шехра-Заде и большой хроники Бедръ-ед-Динъ Махмуда Эль Айни, и наконецъ, на основаніи монетъ джелаиридовъ. Затѣмъ за этимъ очеркомъ идетъ нумизматическій комментарий: „О монетахъ Джелаиридовъ“, и въ концѣ на 61 стр. помѣщенъ самый каталогъ. Самымъ богатѣйшимъ хранилищемъ этихъ монетъ, относящихся къ XIV вѣку по Р. Хр., является нашъ Императорскій Эрмитажъ; въ немъ 224 монеты, тогда какъ въ Британскомъ музеѣ, наиболѣе богатомъ среди европейскихъ монетъ-кабинетовъ джелаиридами, всего 66. Такое богатое собраніе ихъ въ нашемъ Эрмитажѣ возникло преимущественно благодаря находкѣ около озера Гокчи въ Ордубадѣ въ 1858 г. Г. Марковымъ было выдѣлено для Эрмитажа 196 экземпляровъ разновидностей и 258 въ дублиеты. Богаче также Эрмитажъ и количествомъ имѣющихся въ немъ золотыхъ джелаиридовъ (всего 7 экз.) Благодаря уже тому, что г. Марковымъ описаны не только всѣ эрмитажные джелаириды, и упомянуты уже описанные изъ не находящихся въ Эрмитажѣ, но и дано опи-

саніе и изображеніе тѣхъ изъ нихъ, которые до сего времени еще не были нигдѣ изданы, настоящій „Каталогъ“ по мимо исторической наиболѣе полной монографіи династии Джеларидовъ даетъ еще полнѣйшую монографію джеларидской нумизматики. „Каталогъ“ изданъ Императорскимъ Эрмитажемъ и съ вѣншей стороны даже роскошно, съ рисунками, таблицами и картою, которые, несомнѣнно, и заставили поднять цѣну изданія до 5 рублей.

Сборникъ трудовъ членовъ Псковскаго археологическаго общества за 1896 г. Изданіе Псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1897.—Начинается названный сборникъ статью гг. И. И. Василева и Н. В. Кирпичникова: „Псковская судная грамота“. Въ краткомъ предисловіи къ ней авторы излагаютъ исторію „грамоты и литературу по ея изслѣдованію, далеко, конечно, неполную и нелишенную опечатокъ даже, напримѣръ, въ написаніи имени проф. В. И. Сергѣевича—„В. И. Сергіевичъ“; въ алфавитномъ спискѣ, стр. 57 тотъ же проф. Сергѣевичъ названъ „А. И. Сергіевичъ“. За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ „Подлинная грамота въ текстѣ изданномъ Муракевичемъ“, съ переводомъ на русскій современный языкъ, который не можетъ вездѣ считаться безукоризненнымъ; далѣе—„Сводъ мѣстныхъ и соображеній по установленію переводнаго текста Псковской судной грамоты“ и краткій „Алфавитный списокъ словъ мало употребляемыхъ нынѣ или вышедшихъ изъ употребленія“. Несмотря на краткость, нѣкоторую неполноту въ литературныхъ указаніяхъ и мелкіе промахи, эта статья однако можетъ послужить далеко не лишнимъ пособіемъ для всякаго желающаго ознакомиться съ знаменитой Псковской судной грамотой. Второю статью помѣщена статья г. Ушакова „Погость Камно, Псковской губерніи, Логазовской волости и старый при немъ могильникъ“, въ которой авторъ знакомитъ съ исторіей и топографіей Погоста Камно и результатами своихъ раскопокъ громаднаго могильника при немъ. „Судя по найденнымъ остаткамъ“, говоритъ г. Ушаковъ, „этотъ могильникъ представляеть могилу кривичей въ первые годы поселенія ихъ въ этихъ мѣстахъ, а не чудскаго племени“ (стр. 12). Тому же г. Ушакову принадлежить другая статья въ „Сборникѣ“—„Владычныя палаты архіепископа Макарія“, представляющая собою топографическій очеркъ стараго Пскова. Довольно любопытны далѣе „Свѣдѣнія о числѣ ревизскихъ душъ въ Псковской губерніи, числившихся за разными сословіями и учрежденіями, по переписи 1756 г.“, сообщенныя И. И. Василевымъ. Наконецъ, четвертому автору, дѣятелю Псковскаго археологическаго общества, г. Сондовскому принадлежатъ двѣ статьи: „Погость и село Бардово Новоржевскаго уѣзда“ (историко-статистическія замѣтки этого древнѣйшаго погоста, упоминаемаго впервые въ лѣтописи подъ 1435 г.) и „Къ біографіи Ганнибалъ, предковъ А. С. Пушкина“, гдѣ на основаніи мѣстныхъ духовныхъ данныхъ вводятся кой-какія новыя подробности въ біографіи предковъ знаменитаго поэта. Нѣкоторыя изъ названныхъ статей появились въ печати отдѣльными оттисками ранѣ выхода настоящаго „Сборника“, законченнаго издателями приложеніемъ „Журнала засѣданія Псковскаго археологическаго общества 13-го марта 1896 года“ и „Списка“ вещей, приобретенныхъ музеемъ общества въ 1895 г.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Фабръ*. Истиннѣтъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Переводъ съ французскаго *Е. И. Шевревой*, подъ редакціей ученаго секретаря русскаго энтомологическаго общества *Ив. Шеврева*, съ 213 рисунками. С.-Пб. изд. *Маркса*. 1898. 590 стр. цѣна 3 рубля.

— Свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. 1898.

— *Барановскій*, Еп. *Антоній*. Записка о литовскомъ языкѣ и словарь. С.-Пб. 1898.

— Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Февраль, 1898. С.-Пб.

— *Н. Карпезъ*. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ I. Выпускъ I-й. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ консульскихъ донесеній, выпускъ II. С.-Пб. 1898.

— Юбилейное изданіе (1848—26-го мая—1898). Семь статей *В. Г. Блинскаго*.

— Возможно ли русско-польское сближеніе. Письма и статьи наблюдателя. С.-Пб. 1898.

— *Талко-Гримцевичъ*. Къ антропологии великороссовъ. Томскъ. 1898.

— *Балталотъ*. Принципы критики *В. Г. Блинскаго*. Москва. 1898.]

— Труды сѣверной комисси. (Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера) 1897—1898. С.-Пб. 1898.

— *Пятуховъ*, *Е. В.* Лужичкіе сервы. Юрьевъ. 1898.

— *Янковскій*, *Д. П.* Къ вопросу о преподаваніи церковно-славянскаго русскаго и польскаго языковъ. Варшава. 1898.

— Отчетъ комисси по народному образованію за 1897 годъ. С.-Пб. (С.-Петербургскія начальныя училища 1898).

— *Matuszewski, Boleslaw*. UNE NOUVELLE SOURCE DE L'HISTOIRE. Paris. 1898.

— Годовой отчетъ по русской публичной библиотекѣ въ городѣ Юрьевѣ за 1897 годъ. Юрьевъ. 1898.

— Журналъ общества счетоводовъ. Подъ редакціей *Езерскаго* январь—іюнь. 1898.

— Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи за 1897 годъ. Нижній-Новгородъ. 1898.

— *Бриллантовъ, Александръ.* Вліяніе восточнаго Богословія на западныхъ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. С.-Пб. 1898.

— *Коркуновъ, Н. М.* Исторія философіи права. Изданіе второе. С.-Пб. 1898.

— Памяти русскаго философа В. Н. Карпова, по случаю столѣтія со дня его рожденія. С.-Пб. 1898.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. Составилъ *Н. Ливановъ*. Симбирскъ. 1897. Стр. VIII+206+11+VIII. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

Книга г. Ливанова состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) предисловія подъ заглавіемъ „Отъ составителя“ (стр. III—VIII), 2) введенія (1—20), 3) теории словесности (21—206), 4) приложения (1—11) и 5) оглавленія (I—VIII).

Въ началѣ предисловія авторъ, между прочимъ, проситъ читателя смотрѣть на составленный имъ „учебный курсъ теории словесности“ такъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на каждое новое руководство, а именно: „какъ на подготовительную, такъ сказать, черновую работу, которой когда нибудь воспользуется наиболѣе талантливый составитель“, причемъ онъ „съ благодарностію относился къ каждому составителю, если въ его руководствѣ хоть одинъ вопросъ былъ разработанъ и раскрытъ, сравнительно съ другими, обстоятельно, просто и ясно“. Указавъ эту точку зрѣнія на свой трудъ, авторъ считаетъ необходимымъ заявить, что его „руководство изложено методомъ *синтетическимъ*“; такъ какъ, по его мнѣнію „вопросъ о методѣ изложенія „учебнаго руководства“ по теории словесности до сихъ поръ—вопросъ открытый“. Онъ справедливо говоритъ, что слѣдуетъ различать методъ преподаванія отъ метода изложенія учебнаго курса въ руководствѣ, и объясняетъ, почему „*преподаваніе теории словесности безусловно необходимо вести по методу аналитическому*“, а „*учебное руководство по теории словесности непременно должно быть изложено*“

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

методомъ синтетическимъ“. Далѣе авторъ ведетъ рѣчь о введеніи, которое онъ считаетъ нужнымъ предпослать курсу теоріи словесности и объясняетъ цѣль или назначеніе каждой главы введенія. Здѣсь замѣчательно то, что онъ говоритъ о назначеніи третьей главы, въ которой излагается связь теоріи словесности съ грамматикою. Вотъ его слова: „назначеніе этой главы — показать воспитанникамъ, что теорія словесности есть только продолженіе грамматики, что она, какъ и грамматика, занимается изученіемъ *словесныхъ формъ*, но только не элементарныхъ, а высшихъ и сложныхъ, носящихъ названіе *сочиненій*“. Эта мысль заслуживаетъ полнаго одобренія: она показываетъ что авторъ ясно понимаетъ главную мысль учебныхъ плановъ и программъ 1890 года. Въ концѣ предисловія авторъ, указавъ на цѣль, къ которой онъ стремился въ самомъ изложеніи учебнаго матеріала, заключаетъ его слѣдующими словами: „цѣль эта будетъ достигнута преподавателемъ *только тогда, когда урокамъ „по руководству“ онъ будетъ предпосылать основательный анализъ образцовъ словесныхъ произведеній. Изученіе образцовъ — сущность теоріи словесности, а „учебное руководство“ — только справочная книга*“.

Введеніе имѣетъ три главы. Въ *первой* излагаются „элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи и логики“; въ *второй* — „словесныя формы выраженія душевныхъ явленій — представленій, понятій и сужденій (слово, предложеніе и періодъ)“. Въ этой главѣ преимущественно излагается ученіе о періодѣ. Въ *третьей* указывается на связь грамматики съ теоріей словесности. — Нѣкоторыя мѣста первой главы вызываютъ противъ себя кое-какія замѣчанія: напр., на стр. 5-й въ опредѣленіи родовыхъ и видовыхъ понятій есть неточность. Г. Ливановъ говоритъ: „по отношенію объема одного понятія къ другому понятія дѣлятся на *родовыя* и *видовыя*. *Родовымъ* называется понятіе бѣльшаго объема по отношенію къ меньшему по объему. *Видовымъ* — понятіе мѣньшаго объема по отношенію къ бѣльшему“. Спрашивается: къ чему же „къ *меньшему* по объему“ и „къ *бѣльшему*“? къ понятію? Но вѣдь понятія по объему бывають не *бѣльшія* и *мѣньшія*, а *родовыя* и *видовыя*. На страницѣ 6-й въ параграфѣ подѣ заглавіемъ „*Образованіе сужденій изъ понятій*“ въ концѣ читаемъ: „подлежащее со сказуемымъ въ сужденіи соединяются *связкой* (есть)“. Связка „есть“ принадлежитъ грамматическому предложенію, а не логическому сужденію. Притомъ и самое опредѣленіе сужденія, предложенное выше г. Ливановымъ, представляется одностороннимъ. Онъ говоритъ: „*сужденіемъ называется соединеніе двухъ понятій, изъ которыхъ одно слу-*

жить признакомъ другою“. Это опредѣленіе вѣрно относительно только сужденія утвердительнаго. А что же такое—*сужденіе отрицательное*? Вѣрнѣе было бы сказать: *сужденіемъ* называется соединеніе двухъ понятій, изъ которыхъ одно утверждается, или отрицается, какъ признакъ другого. Не совсѣмъ удовлетворительно и нижеслѣдующее опредѣленіе *умозаключенія*: „*Умозаключеніемъ называется выводъ изъ двухъ сопоставленныхъ сужденій, какъ основанія, третьяго сужденія, какъ необходимаго слѣдствія*“. А что же такое „выводъ“, какъ не тоже умозаключеніе? Не лучше ли сказать, что *умозаключеніемъ называется приведеніе двухъ или трехъ сужденій въ такую взаимную связь между собою, по которой одно изъ сужденій необходимо становится справедливымъ, если справедливы остальные*? На страницѣ 8-й *мотивы дѣятельности человека* опредѣляются, какъ его желанія. „Такъ какъ желанія *побуждаютъ* человѣка къ дѣятельности, то они и называются *побужденіями* или *мотивами* (шочео—двигать, побуждать)“. Съ этимъ трудно согласиться. Можно желать и ничего не дѣлать. Мотивомъ можетъ быть всякая представляемая впереди дѣль. побуждающая человѣка къ дѣйствію для ея достиженія. Къ этимъ замѣчаніямъ позволю себѣ прибавить еще два, менѣе важныя, а именно: на страницѣ 2-й въ положеніи: „*стремленіе человека къ изученію явленій внѣшняго и внутренняго міра называется любознательностью*“ вмѣсто „къ изученію“ точнѣе было бы сказать „къ *познанию*“, а на страницѣ 3-й примѣръ для ассоціаціи по сходству: „Воспоминаніе объ одномъ убійствѣ вызываетъ воспоминаніе о многихъ другихъ“ необходимо замѣнить другимъ. болѣе пригоднымъ для учебника. Остальныя двѣ главы введенія изложены настолько удовлетворительно, что не вызываютъ никакихъ особенно важныхъ возраженій.

Теорія словесности дѣлится на двѣ части: въ первой излагается *общая теорія словесности*, заключающая въ себѣ ученіе о сочиненіяхъ вообще, объ ихъ общихъ свойствахъ, о слогѣ и о стихосложеніи; во второй—*частная теорія словесности*, которая въ свою очередь распадается на два главныхъ отдѣла: на *теорію прозы* и *теорію поэзій*. Въ первомъ отдѣлѣ излагается ученіе о родахъ, видахъ и формахъ прозаическихъ сочиненій; во второмъ— о родахъ, видахъ и формахъ поэтическихъ произведеній. Въ этомъ отдѣлѣ книги г. Ливанова, то-есть, въ теоріи словесности, встрѣчаются довольно значительныя промахи, на которые теперь и обратимъ наше вниманіе; о менѣе важныхъ промахахъ скажемъ нѣсколько замѣчаній послѣ. Существеннымъ и самымъ важнымъ промахомъ, по нашему мнѣнію, является, съ одной

стороны, смѣшеніе или даже отождествленіе различныхъ между собою понятій; съ другой, различеніе такихъ понятій, которыя могутъ находиться въ тѣсной внутренней связи между собою. Такъ, на стран. 32-й въ параграфѣ подъ заглавіемъ „виды слога“ г. Ливановъ говоритъ: „По свойствамъ словъ и оборотовъ слога дѣлится: 1) на *простой* (прозаическій) и 2) *художественный* (поэтический)“. Здѣсь во 1-хъ, смѣшивается *понятіе о словѣ* съ понятіемъ о *формѣ рѣчи*, то-есть, личное съ общимъ; потому что слогъ есть личный языкъ писателя, а прозаическая форма рѣчи есть общее достояніе всѣхъ писателей. Самъ же авторъ, говоря на стран. 31-й о различіи между языкомъ и слогомъ, признаетъ послѣдній личнымъ складомъ рѣчи писателя, а именно, онъ говоритъ: „Языкъ есть только *матеріалъ*, изъ котораго писатель вырабатываетъ *свойственный только ему складъ рѣчи или слога*“. (Замѣтимъ мимоходомъ, что языкъ не есть матеріалъ для писателя, а есть средство, которымъ писатель пользуется для выраженія своихъ мыслей). Во 2-хъ, смѣшивается понятіе о простомъ съ понятіемъ о прозаическомъ, или о прозѣ, а понятіе о художественномъ съ понятіемъ о поэтическомъ, или о поэзіи. Сочиненіе называется простымъ, если оно въ цѣломъ и въ частяхъ доступно пониманію большинства людей грамотныхъ, или получившихъ среднее образованіе. Простымъ можетъ быть и прозаическое сочиненіе и поэтическое произведеніе; послѣднее можетъ быть простымъ и въ прозаической формѣ и въ стихотворной. Простота сочиненія есть преимущественно достоинство *ею изложенія*, а не складъ рѣчи, не слогъ писателя. *Прозаическимъ* можетъ быть сочиненіе или по содержанію, или по формѣ рѣчи, или потому и по другому. Сочиненіе и въ стихотворной формѣ можетъ быть по содержанію прозаическимъ. Очевидно, что понятіе о простомъ не тождественно съ понятіемъ о прозаическомъ, и что ни то, ни другое понятіе не подходитъ къ понятію о слогѣ, какъ о личномъ языкѣ писателя. Точно также художественнымъ называется такое словесное произведеніе, въ которомъ ясно видно соответствіе между идеею произведенія и его формою, соединенное съ соразмѣрностію всѣхъ частей въ произведеніи съ цѣлымъ и между собою. Художественнымъ можетъ быть какъ поэтическое произведеніе, такъ и прозаическое. И описаніе, и повѣствованіе, и разсужденіе, и ораторская рѣчь могутъ быть художественными, какъ и лирическое небольшое стихотвореніе, и цѣлая поэма, и драма и т. п. О поэтическомъ, или о поэзіи рѣчь впереди. Слѣдовательно, и понятіе о художественномъ нельзя смѣшивать съ понятіемъ о поэтическомъ, причемъ ни то, ни

другое понятіе не могутъ служить признакомъ понятія о слогѣ, какъ о личномъ языкѣ писателя. Художественнымъ можетъ быть произведеніе, но не складъ рѣчи. Съ другой стороны, простота изложенія находится въ тѣсной внутренней связи съ художественностью словеснаго произведенія; слѣдовательно, простота не можетъ быть противоположаема художественности,—и дѣленіе слога на *простой* (прозаическій) и *художественный* (поэтический) представляетъ собою весьма неудачное положеніе въ теоріи словесности г. Ливанова. Въ основаніе этого дѣленія авторъ полагаетъ „*свойства словъ и оборотовъ*“. По его мнѣнію, главнымъ, существеннымъ свойствомъ простаго или прозаическаго слога служить *понятность*; а существенными свойствами художественнаго или поэтическаго слога служатъ: *живописность*, или *картинность*, и *музыкальность*. Онъ говоритъ: „слогъ, состоящій изъ словъ и оборотовъ, дѣйствующихъ *только* на умъ читателя, вызывающихъ въ его умѣ именно тѣ понятія, какія хотѣлъ выразить писатель, и называется *простымъ* или *прозаическимъ*. Главное свойство прозаическаго слога — *понятность*“ (стр. 32). И далѣе: „Свойство рѣчи вызывать наглядныя представленія предметовъ, явленій и дѣйствій называется *живописностью* или *картинностью*, а слогъ, состоящій изъ картинныхъ выраженій, называется живописнымъ, картиннымъ и *художественнымъ*. *Картинность* или *живописность* и составляетъ *существенную отличительную черту художественнаго слога отъ простаго*... Приятность рѣчи для слуха называется *благозвучіемъ* рѣчи или *музыкальностью*. *Музыкальность* — *второе существенное свойство художественнаго слога*“ (стр. 32—33). Нельзя не замѣтить, что здѣсь, при опредѣленіи художественнаго слога и его свойствъ, авторъ не называетъ его *поэтическимъ*; тѣмъ не менѣе отождествленіе художественнаго слога съ поэтическимъ въ теоріи словесности г. Ливанова—несомнѣнно. Оно ясно видно, между прочимъ, изъ того, что, по мнѣнію автора, художественнымъ слогомъ отличаются поэтическія произведенія отъ прозаическихъ. Такъ, отличая прозу отъ поэзіи „*по способу выраженія мыслей*“ (стр. 57—58), г. Ливановъ говоритъ: „Въ *прозаическихъ* сочиненіяхъ при выраженіи мыслей употребляются слова и обороты, точно и ясно передающіе понятія и сужденія автора, то-есть, мысли выражаются *словомъ простымъ* или *прозаическимъ*. Въ *поэтическихъ* произведеніяхъ встрѣчается обиліе словъ и оборотовъ, способствующихъ возбужденію нагляднаго представленія предмета (*эпитеты, сравненія и тропы*) и оборотовъ, производящихъ сильное впечатлѣніе на душу человѣка (*фигуры*), то-есть,

мысли выражаются *словомъ художественнымъ*“. Опять безъ прибавки „или поэтическимъ“. Какъ будто бы, съ одной стороны, *понятность* есть такой отличительный признакъ словъ и оборотовъ, или вообще языка, *прозаическихъ сочиненій*, какого нѣтъ въ произведеніяхъ поэтическихъ: а, съ другой стороны, *живописность* или *картинность* и *музыкальность* (то-есть тропы, фигуры и благозвучіе) суть такія отличительные признаки языка *поэтическихъ произведеній*, какихъ нѣтъ въ сочиненіяхъ прозаическихъ! Какъ будто бы въ прозаическихъ сочиненіяхъ не употребляются ни тропы, ни фигуры, и какъ будто бы прозаическая рѣчь не можетъ быть благозвучною, или, по выраженію г. Ливанова, музыкальною! Прежде, чѣмъ вводить въ теорію словесности такія положенія, не мѣшало бы принять во вниманіе хотя одни только сочиненія ораторскаго краснорѣчія. Это смѣшеніе понятій повело далѣе къ смѣшенію теоріи прозы съ теоріею поэзіи въ изложеніи курса. Такъ, на страницѣ 60-й въ отдѣлѣ теоріи прозы планъ описанія, какъ одного изъ видовъ прозаическихъ сочиненій, объясняется на стихотвореніи Пушкина, „Кавказъ“. На стр. 63-й въ томъ же отдѣлѣ теоріи прозы читаемъ слѣдующее опредѣленіе *художественнаго описанія*: „художественное описаніе имѣетъ своей цѣлью доставить человеку духовное (эстетическое) наслажденіе чрезъ живое, наглядное изображеніе предмета въ связи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое предметъ произвелъ на писателя при его наблюденіи“, то-есть, въ теоріи прозы читаемъ опредѣленіе *художественнаго описанія*, какъ *произведенія поэтическаго*; потому что, по ученію г. Ливанова, только поэтическія произведенія имѣютъ цѣль—*доставлять человеку духовное эстетическое наслажденіе* (см. стр. 57). Подобнымъ образомъ на стр. 74-й въ параграфѣ подъ заглавіемъ „Виды исторіи по способу изложенія“ находимъ опредѣленіе *художественной исторіи*, изложенное также въ отдѣлѣ теоріи прозы, въ ученіи объ исторіи, какъ объ одномъ изъ видовъ прозаическихъ сочиненій, а именно: „По способу изложенія“, говоритъ г. Ливановъ, „исторія раздѣляется на *художественную*, въ которой авторъ заботится главнымъ образомъ о *наглядномъ изображеніи* историческихъ событій, о *живой характеристикѣ* историческихъ дѣятелей, и *призматическую* (ученую, философскую) и проч.“. Очевидно, что *художественная исторія* должна быть написана *художественнымъ слоюзомъ*; а художественнымъ слоюзомъ излагаются мысли только въ поэтическихъ произведеніяхъ; слѣдовательно, художественная исторія должна относиться къ произведеніямъ поэтическимъ! „Образцомъ *художественной исторіи* можетъ служить

„Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина“ (стр. 74), говоритъ г. Ливановъ. Такимъ образомъ выходитъ, что „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, по теоріи словесности г. Ливанова, должна быть признана произведеніемъ поэтическимъ, не смотря на то, что г. Ливановъ не говоритъ этого и сказать этого не можетъ. Ясно, что въ изложеніе теоріи словесности авторъ невольно внесъ смѣшеніе теоріи прозы съ теоріею поэзіи, благодаря вышеуказанному смѣшенію понятій о простомъ и прозаическомъ, художественномъ и поэтическомъ.

По той же причинѣ г. Ливановъ не могъ надлежащимъ образомъ выяснитъ и различіе между прозою и поэзіею, не смотря на то, что на страницѣ 56—58 старается опредѣлитъ его и „вообще“ и „въ частности“. „Отличіе прозы отъ поэзіи“ вообще опредѣляется авторомъ такимъ образомъ: „Прозаическія сочиненія удовлетворяютъ стремленію человѣка къ *знанію*, къ *истинѣ*; поэтическія — стремленію къ *прекрасному*“. Стало быть, въ поэтическихъ произведеніяхъ можетъ выражаться *ложь*, а въ прозаическихъ—*безобразіе* безъ всякаго ущерба для достоинства самихъ произведеній?.. Далѣе: „Въ частности, прозаическія сочиненія отличаются отъ поэтическихъ: а) по *предмету*, б) *цѣли*, в) *способу изображенія предмета*. г) по *способу выраженія мыслей*. По *предмету*. Прозаическія сочиненія изображаютъ только то, что существовало и существуетъ на самомъ дѣлѣ, иначе — міръ *дѣйствительный*... Въ поэтическихъ произведеніяхъ изображается и то, что на самомъ дѣлѣ существовало и существуетъ. („Дняпръ“—Гоголя, „Кавказъ“—Пушкина. „Полтавскій бой“—его же). и виѣстѣ съ тѣмъ поэзія представляетъ и *вымышленное* (чего на самомъ дѣлѣ не было), *какъ дѣйствительное существующее* (міръ идеальный). („Воздушный корабль“ — Лермонтова, „Утопленникъ“ — Пушкина, „Пимень“ (въ „Борисѣ Годуновѣ“) — его же. „Плюшкинъ“ (въ „Мертвыхъ душахъ“) у Гоголя)“. И такъ, предметомъ прозы служитъ *міръ дѣйствительный*, а предметомъ поэзіи — *міръ дѣйствительный и идеальный*; а если и для прозы, и для поэзіи міръ дѣйствительный равно служитъ предметомъ, то, значить, по предмету собственно проза не отличается отъ поэзіи. Пойдемъ далѣе: б) По *цѣли*. „Цѣль всѣхъ прозаическихъ сочиненій“, говоритъ г. Ливановъ, „сообщеніе *знаній* о дѣйствительномъ мірѣ. Главная *цѣль поэтическихъ произведеній*—*доставлять человеку духовное, эстетическое наслажденіе, пробуждать въ немъ стремленіе ко всему доброму и прекрасному*“. Да такъ ли? Вѣдь и проповѣди духовныхъ пастырей народа имѣютъ цѣлю пробуждать въ людяхъ стремленіе ко всему до-

бромъ и прекрасному и могутъ доставлять человѣку духовное эстетическое наслажденіе, если онѣ отличаются художественностью изложенія. Да и вообще прозаическое сочиненіе, художественно написанное, можетъ достигать той же цѣли. „в) *По способу изображенія предмета. Прозаическія сочиненія*“, говоритъ г. Ливановъ, „имѣя цѣль сообщеніе знаній, *представляютъ* въ своемъ содержаніи *рядъ отвлеченныхъ понятій и сужденій*“ вполне соответствующихъ дѣйствительнымъ свойствамъ предмета, и воспринимаемыхъ *умомъ* читателя. *Поэтическія произведенія*, преслѣдуя цѣль доставлять человѣку духовное наслажденіе, *все дѣйствительное и вымышленное изображаютъ въ живыхъ, наглядныхъ картинахъ, дѣйствующихъ на воображеніе и чувства читателя*“. Но вотъ извѣстное всѣмъ описаніе Рейнскаго водопада въ письмахъ Карамзина: оно, безспорно, принадлежитъ къ *прозаическимъ сочиненіямъ*: однако, „*по способу изображенія предмета*“, оно не „*представляетъ* въ своемъ содержаніи *ряда отвлеченныхъ понятій и сужденій*, воспринимаемыхъ (только) *умомъ* читателя“, а изображаетъ дѣйствительное явленіе природы, то-есть, Рейнскій водопадъ, *въ живой, наглядной картинѣ, дѣйствующей на воображеніе* и все-таки остается сочиненіемъ прозаическимъ. Ясно, что г. Ливановъ недостаточно выяснилъ отличіе прозы отъ поэзіи по способу изображенія предмета. Что же касается до отличія прозы отъ поэзіи по способу выраженія мыслей, то несостоятельность теоретическихъ положеній, опредѣляющихъ это отличіе была уже указана выше. И такъ, всѣ вышеприведенныя изъ теоріи словесности г. Ливанова отличія прозы отъ поэзіи оказываются неудовлетворительными; потому что они не выясняютъ сущности поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій, благодаря тому смѣшенію понятій, о которомъ было говорено выше. Правда, авторъ за болѣе подробными свѣдѣніями о свойствахъ поэтическихъ произведеній отсылаетъ читателя къ отдѣлу теоріи поэзіи; но во-первыхъ, болѣе подробныя свѣдѣнія — не тоже, что болѣе вѣрныя; во-вторыхъ, вся сущность вопроса о различіи между прозою и поэзіею и вся трудность его сосредоточивается около опредѣленія поэзіи, около пониманія того, въ чемъ заключается ея сущность. Г. Ливановъ такъ опредѣляетъ поэзію на стран. 98-й: „*Подъ поэзіею*“ говоритъ онъ, „*разумѣется воплощеніе силою творческаго воображенія или фантазіи мыслей или идей поэта въ прекрасныхъ образахъ, очерченныхъ при помощи слова человеческого (!) съ цѣлю доставить читателю духовное наслажденіе и пробудить въ немъ стремленіе ко всему доброму и пре-*

красному". Въ этомъ опредѣленіи приписываемая поэзіи цѣль не представляетъ собою существеннаго, или отличительнаго ея признака, какъ мы видѣли выше; кромѣ того, въ немъ нѣтъ родоваго признака поэзіи, сообщающаго опредѣленію болѣе правильную форму. На стр. 104-й г. Ливановъ указываетъ на этотъ родовый признакъ въ слѣдующемъ положеніи: „Созданіе *художественныхъ образовъ* для выраженія *идеальныхъ представленій* называется *искусствомъ*, поэтому поэзія называется еще (?) *изящнымъ искусствомъ*". Мы предложили бы такое опредѣленіе: *Поэзія есть изящное искусство выразить посредствомъ слова возникающія въ душѣ поэта по поводу явленій міра внѣшняго и внутренняго, или независимо отъ нихъ, идеи и мысли въ образахъ, создаваемыхъ фантазією, или творческимъ воображеніемъ, изъ живыхъ впечатлѣній и представленій*. Создаваемые фантазією поэта изъ живыхъ впечатлѣній и представленій образы, облекающіе собою идеи правды, добра и красоты, и составляютъ тотъ идеальный міръ, или *міръ возможнаго*, который выражается въ поэзіи. Отсюда понятно, различіе между поэзією и прозою. Въ послѣдней возникающія въ душѣ писателя идеи и мысли непосредственно переходятъ въ соотвѣтствующія имъ словесныя выраженія, то-есть въ какомъ видѣ возникаютъ онѣ помимо участія въ нихъ творческаго воображенія, въ такомъ видѣ и выражаются въ словесныхъ формахъ. Будучи же плодомъ умственной дѣятельности, возникающей на почвѣ дѣятельности, эти идеи и мысли представляются какъ бы отраженіемъ явленій міра реальнаго; поэтому и полагаютъ, что предметомъ прозы, или прозаическихъ сочиненій служитъ *міръ действительный*, или *реальный*. Что же касается до языка прозаическихъ сочиненій. то ему, какъ и языку произведеній поэтическихъ равно свойственны: и *правильность*, и *ясность*, и *точность*, и *благозвучіе*, и *изобразительность*, то-есть, такъ называемые, *тропы* и *фигуры*.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу менѣе важныхъ промаховъ въ книгѣ г. Ливанова. Въ ней, наприимѣръ, часто встрѣчаются термины: „живописность“, „картинность“ и „музыкальность“ вмѣсто терминовъ: *изобразительность* и *благозвучіе*. Такъ, кромѣ указанныхъ выше выраженій, встрѣчающихся на страницѣ 33-й, мы читаемъ на стр. 157-й: „Лирическими называются поэтическія произведенія, въ которыхъ поэтъ въ *животисной* и *музыкальной* формѣ выражаетъ свои мысли, чувства и желанія въ связи съ причинами, пробудившими ихъ“. На стр. 160-й: „Внѣшнія условія художественности лирическихъ произведеній: а) *живописность* выраженія чувства,

б) краткость и в) *музыкальность* формы лирическаго произведенія“. На стр. 163-й: „*Особенности внѣшней стороны народныхъ пѣсень—образность и живописность*“ и др. Чѣмъ же различаются *образность* и *живописность*? Слово и рѣчь могутъ быть изобразительными и благозвучными, но не живописными, или картинными и музыкальными. На стр. 33-й разсматривая „свойства простаго слога“, г. Ливановъ ставитъ въ скобкахъ слова: „логическія свойства слога“ и подъ № 1 относить къ нимъ „*правильность рѣчи*“, которую опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Правильною называется рѣчь, согласная съ законами роднаго языка, или правилами грамматики“. Очевидно, что правильность рѣчи относится къ грамматическимъ, а не къ логическимъ свойствамъ слога. На стр. 37-й подъ заглавіемъ „Слова народныя“ читаемъ: „Языкъ съ появленіемъ письменности распался на *народный и литературный*, который выработали лучшіе писатели“. Точнѣе было бы сказать: языкъ съ появленіемъ письменности распался на *устный и книжный*. Что же касается до того, что „Литературный языкъ“, какъ говоритъ г. Ливановъ, „благодаря различнымъ условіямъ, сдѣлался богаче народнаго количествомъ словъ, разнообразіемъ оборотами и благозвучіемъ по общему строю“, то это—еще вопросъ, и притомъ далеко нерѣшенный. Если устранить изъ современнаго русскаго литературнаго языка все заимствованное изъ другихъ языковъ, то едва ли онъ окажется богаче устнаго народнаго языка по количеству словъ и разнообразіемъ оборотами, или благозвучіемъ по общему строю. Пѣсни, былины, сказки, пословицы, заговоры, причитанья и т. п. по разнымъ говорамъ даютъ такъ много матеріала лексическаго, этимологическаго и синтаксическаго, что онъ до сихъ поръ еще недостаточно разработанъ научнымъ образомъ. Нельзя упускать изъ виду и того, что все развитіе книжнаго или литературнаго языка имѣетъ своимъ неизсякаемымъ источникомъ языкъ устный народный. На страницѣ 42-й примѣръ *метониміи*, въ которой „*причина* вмѣсто *слѣдствій*: жить своимъ *трудомъ*“—неудаченъ: непонятно, какимъ образомъ „*трудъ*“ можетъ быть причиною дѣйствія „*жить*“ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить слѣдствіемъ того же дѣйствія. „*Трудъ*“ можетъ быть средствомъ для удовлетворенія потребностей жизни, но ни причиною, ни слѣдствіемъ ея ¹⁾). На страницѣ 49-й статья подъ заглавіемъ „Стихотворное удареніе“ страннымъ образомъ

¹⁾ Притомъ *причина* находится въ логической связи съ *дѣйствіемъ*, а не съ *слѣдствіемъ*; съ послѣднимъ въ логической связи находится *основаніе*.

начинается союзомъ „но“: „Но нужно замѣтить, что необходимость соблюдать правильность и пр.“. На страницѣ 55-й въ примѣчаніи читаемъ: „Сжатая и, въ тоже время, сильная выраженія называются *лаконизмами* (отъ *Лаконія*—названія *Спарты*)“. Спарта никогда не называлась *Лаконією* потому что такого слова нѣтъ въ древнемъ греческомъ языкѣ. Спарта называлась *Лакедемономъ* (греч. *Λακεδαίμων*), а область, гдѣ находилась Спарта. — *Лаконикою* (*Δαχωνική γῆ*). На страницѣ 72-й въ скобкахъ заключена слѣдующая мысль: „Курбскій въ своихъ запискахъ стремился къ одной цѣли — объяснить, почему Іоаннъ В., бывший прежде милостивымъ, сдѣлался потомъ жестокимъ тираномъ“. Устряловъ (см. Сказанія князя Курбскаго, изданіе 3-е, С.-Пб. 1868 г., стран. XXXIII) объясняетъ цѣль записокъ кн. Курбскаго иначе. Онъ говоритъ: „Чтобы облегчить растерзанную душу и хотя нѣсколько оправдать себя въ глазахъ современниковъ и предъ строгимъ судомъ потомства, онъ (Курбскій) взялся за перо и написалъ „*Исторію князя великаго Московскаго о дѣльхъ, также слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и также видѣхомъ очима нашими*“. На стран. 79-й читаемъ: „При прямомъ способѣ доказательства достовѣрность какого-либо сужденія непосредственно подтверждается: а) *Общимъ сужденіемъ*, б) *Примѣръ* (вм. *примѣромъ*), в) *Свидѣтельство* (вм. *свидѣтельствомъ*) и г) *Сравненіе* (вм. *сравненіемъ*). Передъ заглавіемъ параграфа „*Косвенное доказательство*“ опущена цифра 2. На стран. 90-й въ примѣчаніи: „Лучшія сочиненія объ ораторскомъ искусствѣ Цицерона: „Объ ораторіи и пр.“. Вѣроятно, опечаткою „объ ораторіи“ вмѣсто „объ ораторѣ“ (*De oratore*). На стран. 93-й г. Ливановъ относитъ къ политическимъ рѣчамъ „*воззванія полководцевъ* къ воинамъ предъ сраженіемъ съ цѣлію побудить ихъ храбро сражаться за вѣру, царя и отечество“ и приводитъ въ примѣръ рѣчь князя Святослава къ дружинѣ. Едва ли подобныя рѣчи можно считать *политическими*; вѣрнѣе назвать ихъ *военными*. Правда, онѣ побуждаютъ солдатъ храбро сражаться, честно исполнить свой долгъ, но не заключаютъ въ себѣ ничего, относящагося къ политической жизни народа. Еще менѣе можно относить къ политическимъ рѣчамъ „*передовыя статьи газетъ и журнальныя статьи*, которыя касаются вопросовъ внѣшней и внутренней политики“. Приводимое авторомъ основаніе представляется неубѣдительнымъ. Онъ говоритъ: „Положимъ, эти статьи печатаются для прочтенія, а не произносятся устно предъ слушателями, но цѣль у этихъ статей общая съ ораторскими произведеніями, то-есть, *дѣйствовать на умъ, чувство и воображеніе*“.

Мало ли печатается статей въ газетахъ и журналахъ съ цѣлю дѣйствовать на умъ, чувство и воображеніе! Одна эта цѣль недостаточна для того, чтобы относить ихъ къ произведеніямъ ораторскаго краснорѣчія. На стран. 136-й положеніе: „*Вымыслъ въ поэмѣ новаго времени естественный, а не фантастическій*“ — непонятно: для древнихъ грековъ вымыслъ въ Илиадѣ, въ Одиссеѣ былъ такъ же естественъ, какъ для насъ вымыслъ въ поэмахъ нашего времени. На стр. 165-й въ опредѣленіи оды: „*Одою называется лирическое произведение, въ которомъ возвышеннымъ и торжественнымъ тономъ выражается чувство восторга, возбужденное какимъ нибудь важнымъ предметомъ — заслугами великихъ людей, или выдающимися событіями въ жизни народа*“ слова „*возвышеннымъ и торжественнымъ тономъ*“ лучше было бы или выпустить, или замѣнить словами „*соответствующимъ тономъ*“. Самъ авторъ приводитъ въ примѣръ оду Лермонтова „Бородино“, которая написана далеко не возвышеннымъ и торжественнымъ тономъ. Лучшія оды Державина не выдерживаютъ также возвышеннаго и торжественнаго тона. Г. Ливановъ указываетъ еще на оду Пушкина „Ко гробу Кутузова“ (?). Вѣроятно, подъ нею онъ разумѣетъ оду подъ заглавіемъ „Къ тѣни полководца“. На стр. 170-й ода Державина „На рожденіе въ сѣверѣ (а не „на сѣверѣ“) порфиророднаго отрока“, быть можетъ, подъ вліяніемъ разбора г. Стоюнина, понята и разобрана невѣрно.

Въ книгѣ нерѣдки неправильныя толкованія терминовъ съ греческаго языка; на примѣръ: на стран. 24-й въ заглавіи „*Главная мысль или идея*“ терминъ „*идея*“ толкуется съ греческаго εἶδος—видъ, мысль. εἶδος не значить „*мысль*“, терминъ „*идея*“—отъ греческаго ἰδέα. На стр. 42-й „*ἀντωνομασία—проименованіе*“, ἀντωνομασία—значить не „*проименованіе*“, а „*замѣна одного имени другимъ*“; на стр. 43-й вмѣсто „*εἰρωνεία*“ должно быть εἰρηνεία. Тамъ же слово „*σαρκασμός*“ значить „*язвительная насмѣшка*“, а не „*тѣлесное истязаніе*“, хотя и стоитъ въ этимологической связи съ σάρξ—мясо, тѣло, плоть и σαρκάζω—рву, терзаю и прочее. На стр. 80-й: „*Примѣчаніе, понятіе о хриі (χρέος—долгъ, польза, задача, урокъ)*“. Терминъ хриі отъ греческаго χρέια, а не отъ χρέος. На стр. 81-й „*μέθοδος—путь, дорога*“; слово μέθοδος значить: *способъ изложенія*, а не „*путь, дорога*“; ἀνάλω не значить „*дроблю*“, а значить: *развязываю, разрываю*. На стр. 84-й слово критикъ отъ греческаго κριτικός, а не отъ κριτής; критика чрезъ ἡ κριτική (подразумѣвается τέχνη). Слово „*рецензія*“ отъ латинскаго *recensio*—*разсмотрѣніе*, а не отъ „*recenseo*—*обсуждаю*,

разсматриваю". На стр. 93-й „панеирикъ (πάς—весь, ἀγίρω—собираю)". Изъ этихъ словъ не объясняется значеніе термина „панеирикъ" греческаго πανήγυρις отъ πανήγυρις (πάς и ἄγορις, ἀγορά) собственно значить: *относящийся къ народному собранію, къ празднеству, къ торжеству, слѣдовательно, праздничный, торжественный: тишій, хвалебный*. На стр. 172-й „олеія (ἔλεγος—скорбь, печаль)". Греческое ἔλεγος не значить: „скорбь, печаль", а значить: *траурная, печальная пѣсня*.

За теорією словесности слѣдуетъ „приложеніе", содержащее въ себѣ одиннадцать небольшихъ произведеній, изъ которыхъ три въ прозаической формѣ, остальные въ стихотворной. Необходимость этого приложенія не объяснена авторомъ. Для пользованія его книгою необходимо имѣть подъ рукою хрестоматіи: Филонова и Галахова. Книга заканчивается подробнымъ оглавленіемъ. Опечатокъ сравнительно съ ея объемомъ, можно сказать, встрѣчается мало: самимъ авторомъ замѣчено 23; намъ удалось замѣтить еще 25; въ книгѣ же болѣе 230 страницъ.

Не смотря на всѣ вышензложенныя замѣчанія, книга г. Ливанова, подъ заглавіемъ „Учебный курсъ теоріи словесности" содержитъ въ себѣ много полезныхъ *теоритическихъ* свѣдѣній по разнымъ отдѣламъ курса и *историческихъ* относительно родовъ и видовъ поэтическихъ произведеній.

Учебникъ Всевѣщей географіи. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка.

Составилъ, примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ, преподаватель Кіевскаго реального училища *И. П. Матченко*. Кіевъ 1897 г. Стр. 88 въ 8—ку. Цѣна 40 к.

Неоспоримыя достоинства учебника—хорошая разгонистая печать и отсутствіе мелкаго шрифта, за исключеніемъ вопросовъ, впрочемъ, немногочисленныхъ. На внутреннее безусловное достоинство указываетъ самъ авторъ въ предисловіи, говоря, что „количество матеріала рассчитано такъ, чтобы учебникъ легко могъ быть пройденъ безъ такъ называемыхъ „размѣтокъ". Подразумѣваемыя здѣсь г. Матченко „размѣтки", дѣйствительно, являются необходимыми въ нашихъ учебникахъ, и что всего страннѣе такія размѣтки особенно многочисленны въ учебникѣ наиболѣе распространенномъ и существующемъ около 40 лѣтъ. Нашъ авторъ старался избѣжать этого недостатка, ограничиваясь только главными географическими данными и вдаваясь только въ небольшія описанія племенъ или же какихъ-либо

замѣчательныхъ особей изъ царствъ растительнаго и животнаго. Но есть въ книгѣ и другія особенности, на которыя г. Матченко также указываетъ въ своемъ предисловіи; эти особенности не составляютъ никакого преимущества передъ другими учебниками. Такъ при обзорѣ частей свѣта составитель распредѣляетъ матеріалъ физическій, этнографическій и политическій по особымъ главамъ, такъ что при политическомъ обзорѣ данныя двухъ первыхъ категорій или вовсе не упоминаются или упоминаются только вскользь. Но такое разграниченіе неминуемо вредитъ, съ одной стороны, легкости обзорѣ предмета, а съ другой—пониманію его, разобщая въ сознаніи учениковъ такіе факты, которые могли бы быть усвоены ими одновременно и по ассоціаціямъ, облегчающимъ память. Укажемъ на слѣдующій рѣзкій примѣръ: Америка разсматривается въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ вся за-разъ, на 14 страницахъ, затѣмъ почти на 5 страницахъ идетъ политическое обзорѣ государствъ Южной Америки и Средней, а послѣ того идутъ Соединенные Штаты, составляющіе и по существу дѣла и на основаніи официальной программы главный предметъ въ отдѣлѣ Америки. Такимъ образомъ выходитъ, что къ политическому обзорѣ Соединенныхъ Штатовъ ученики приступаютъ недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ они ознакомились съ природою страны, климатомъ и населеніемъ, а этого времени достаточно, чтобы они могли кое-что позабыть; для повторенія же у нихъ можетъ не случиться досуга.

Слѣдующая особенность учебника состоитъ въ томъ, что г. Матченко разсматриваетъ, какъ онъ самъ говоритъ, по возможности, географическій матеріалъ сравнительно. Хотя въ элементарномъ курсѣ географіи сравненія не могутъ имѣть много мѣста, но есть не мало такихъ географическихъ данныхъ, которыя сами напрашиваются на сравненія и, конечно, такого рода сравненія при преподаваніи дѣлаются; слѣдовательно, вполне отрицательно къ этой особенности учебника относиться нельзя; вопросъ только въ способѣ выполненія этого.

На страницѣ 13-й мы читаемъ: „Подобно австраійскому матеріку, Африка отличается очень мало извилистой береговой линіей“. Ниже: „Берега Африки, какъ и матеріка Австраійскаго, такъ же мало доступны“... Или, на страницѣ 15-й: „По устройству поверхности Африка имѣетъ сходство съ Австраійскимъ матерікомъ. Сходство заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что оба матеріка ограничены по окраинамъ горами, что наибольшія возвышенности находятся на восточной и юго-восточной сторонѣ, что по бережьямъ обонхъ ма-

териковъ расположены узкой полосой низменности, а внутри находятся глубокия впадины“. Сравненія, находящіяся здѣсь, весьма естественны, не заключаютъ въ себѣ ничего обременительнаго для пониманія учениковъ 11 — 12-тилѣтняго возраста, но съ другой стороны, зачѣмъ вносить въ учебникъ это, когда передъ глазами учениковъ находятся стѣнныя физическія карты, или же атласъ, и когда все это можетъ быть сдѣлано при классной разработкѣ путемъ бесѣды между учениками и учителемъ. Матеріала такой категоріи опытный преподаватель не потерпитъ, какъ разъединяющаго ученика съ картою.

Но мѣстами г. Матченко допускаетъ сравненія съ данными, которыя еще ученикамъ неизвѣстны и которыхъ сообщить имъ при помощи карты нельзя. Такъ, при обзорѣнн Америки составитель иногда ссылается не только вообще на Европу, но и на отдѣльныя государства, хотя Европа еще не проходила въ учениками и, слѣдовательно, приходится сравнивать извѣстные предметы съ незвѣстными. Такимъ образомъ опытному преподавателю придется многое вычеркивать изъ книги г. Матченко, какъ это дѣлается съ книгами Смирнова и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ.

Наконецъ, послѣдняя особенность учебника, на которую также ссылается авторъ, это вопросы, прилагаемые то къ концу, то къ срединѣ §§. Судя по тому, что вопросы эти преподавателя стѣснить не могутъ, а ученикамъ иногда могутъ быть полезны, противъ помѣщенія ихъ ничего нельзя сказать, но по редакціи не всѣ вопросы можно назвать удачными. Такъ, на примѣръ:

Страница 50. „Сравнить населеніе Кантона съ населеніемъ Каира и Мельбурна?“ Вопросъ двусмысленный: можно разумѣть и составъ населенія и количество его; но о составѣ населенія ученики на основаніи учебника не могутъ дать отвѣта.

Страница 62. „Какое значеніе Азія имѣетъ для другихъ частей свѣта въ отношеніи растений, животныхъ и людей?“ Вопросъ неясенъ.

Обращаясь къ другимъ сторонамъ учебника, необходимо отмѣтить, что матеріалъ, вошедшій въ него, не вполне проверенъ.

Такъ статистическія данныя даже въ отношеніи материковъ не проверены по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, и такимъ образомъ у нашего автора, по сравненію съ географико-статистическими таблицами Отто-Гюбнера по изданію 1896 г. выходитъ слѣдующая разница въ количествѣ населенія: въ Африкѣ на 36 мил. болѣе, въ Азіи на 25¹/₂

мл. болѣе, въ Америкѣ же почти на 8 мл. менѣе, чѣмъ по таблицѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поименовываются статистическія данныя тамъ, гдѣ это вовсе не важно, какъ напримѣръ: численность дикарей въ средней Африкѣ; но о количествѣ населенія Абессиніи и Кореи ничего не сказано.

Страница 5. „Главную здѣсь (въ Австраліи) растительность составляютъ колючіе и безлистные кустарники акацій и эвкалиптовъ, называемые скрубомъ, и сухія колючія травы“. Опредѣленіе скруба невѣрно.

Тамъ же говорится: изъ травоядныхъ въ Австраліи „самое большое — кенгуру не болѣе нашей овцы“. Есть кенгуру и до сажени длиною.

Тамъ же: „Ехидна или муравьѣдъ — вродѣ нашего ежа“. Но ехидна и муравьѣдъ два животныхъ совершенно различныхъ.

Страница. 24. „Египетъ—плодороднѣйшая страна Африки и одна изъ богатѣйшихъ странъ земнаго шара“. И далѣе: „Египетъ... имѣетъ и всемірное торговое значеніе“... Все это было вѣрно въ давнопрошедшія времена, но не теперь.

Страница 60. „Аравійскія пустыни составляютъ продолженіе сѣдной Сахары и имѣютъ съ ней большое сходство: та же въ нихъ песчано-каменистая почва, тѣ же оазы съ финиковой пальмой“ и т. д. Все это невѣрно: Аравія составляетъ не продолженіе Сахары, а Сирійской пустыни. Многочисленные оазы Аравіи съ пастбищами далеко оставляютъ за собою оазы Сахары.

Страница 76. „Господствующая религія въ Америкѣ — христіанская“. Но терминъ „господствующая религія“ въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ, напримѣръ, не примѣнимъ, такъ какъ тамъ есть религія преобладающая, но господствующей нѣтъ.

На страницѣ 82-й говорится, что Соединенные Штаты по образованности стоятъ на ряду „съ Англіею, Франціею и Германіею“. Это не вѣрно.

Къ неточнымъ мѣстамъ отнесемъ и тѣ, въ которыхъ упоминается несущественное, а существенное опускается, или же вообще сдѣланы важныя опущенія. Таковы для примѣра:

Страница 26. Объ Алжирѣ есть подробности, могущія ускользнуть отъ вниманія учениковъ, но ничего не сказано объ артезианскихъ колодцахъ, прорытыхъ французами и измѣнившихъ видъ края.

Тамъ же: о Тунисѣ и Марокко занесены свѣдѣнія, которыя могли

бы быть почерпнуты изъ картъ, а о предметахъ торговли этихъ странъ ничего не сказано.

Страница 52. Въ Индостанѣ названа пустыня Тарръ, что для элементарнаго курса не важно, но не названо ни одной крѣпости, даже Пешавера.

Страница 58. При обзорѣннн Арменіи не упоминаются курды, хотя ихъ обойти нельзя; точно также они опущены и при этнографическомъ обзорѣннн.

Страница 60. О растеніяхъ Аравіи, даже не особенно важныхъ, говорится, а о ловлѣ жемчуга по берегамъ, составляющемъ, какъ извѣстно, основу господства англичанъ на Персидскомъ заливѣ, ничего не говорится.

Изложеніе не всегда гладкое и нерѣдко встрѣчаются лишнія не только слова, но и цѣлыя фразы. Отмѣтимъ наиболѣе краткіе примѣры:

Страница 23. „Собственно Египетъ *расположенъ въ углу между Средиземнымъ и Чернымъ морями*“.

Страница 58. „Палестина — это та самая *„Обътованная земля*“, въ которой находились... и проч.

Страница 60. „*Собразно съ природою*, по оазамъ пустынь живутъ арабы—кочевники“ и проч.

Страница 13. „Черезъ середину Африки проходитъ экваторъ и, слѣдовательно, *въ отличіе отъ Австраліискаго материка* она расположена въ сѣверномъ и южномъ полушаріи“.—Странно встрѣчать въ учебникѣ нововозобрѣтенное слово *какразъ* вмѣсто какъ-разъ.

Опечатки показаны, но не всѣ; напримѣръ, не отмѣчена австралійская гора Тоунслендъ вмѣсто Тоунсендъ.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адрианова. Томъ V-й. Книги XXXI—XXXV. Изданіе наслед. А. Г. Кузнецова. Москва. 1897. Стр. IV+317+V. Ц. 1 р. 50 к.

Не такъ давно мы имѣли случай давать отчетъ о четвертомъ томѣ предпріятія г. П. Адрианова. Теперь передъ нами пятый томъ, свидѣтельствующій о томъ, что энергія почтеннаго переводчика нисколько не уменьшилась, и что мы имѣемъ полное основаніе надѣяться на то, что онъ подаритъ русской читающей публикѣ полный переводъ римскаго историка. Г. Адрианову принадлежитъ общая его редакція; въ частности же вошедшія въ составъ пятаго тома книги

переведены: XXXI и XXXIII бывшимъ преподавателемъ Екатеринбургской, нынѣ Тобольской гимназіи Н. И. Никольскимъ, XXXII — преподавателемъ Екатеринбургской гимназіи Я. Н. Владимировымъ, XXXIV и XXXV бывшимъ преподавателемъ Екатеринбургской, нынѣ Троицкой гимназіи К. А. Секундовымъ. Томъ этотъ, подобно предыдущимъ, напечатанъ на средства наследниковъ А. Г. Кузнецова и, подобно предыдущимъ, имѣеть много достоинствъ: онъ близокъ къ подлиннику и передаетъ его съ большою точностью; мѣсть, переведенныхъ неправильно мы не замѣтили. Изъ замѣчаній болѣе или менѣе случайныхъ, которымъ мы не придаемъ особаго значенія, считаемъ нелишнимъ отмѣтить слѣдующія:

Книга XXXI. глава 13, фразу: „Данныхъ имъ займообразно консуламъ М. Валерію и М. Клавдію“ мы передали бы черезъ: „Въ консульство М. Валерія и М. Клавдія“, ибо по-латыни стоитъ фраза безъ предлога: „M. Valerio M. Claudio consulibus“.

Глава 17 той-же книги: „эти послѣдніе, помня о богахъ, сражались такъ упорно, что, когда ночь должна была прервать сраженіе, царь первый прекратилъ его, испуганный ихъ изступленіемъ“. Слово „rabie“ мы перевели-бы выраженіемъ „неистовство“ или „бѣшенство“.

Глава 23 той-же книги: выраженіе „рыскаютъ повсюду“, соответствующее: „vagari passim“, вносить въ текстъ Ливія несоответствующее его характеру выраженіе.

Глава 24 той-же книги: „стремясь къ тому, что ближе всего къ помощи, именно къ мщенію“. Выраженіе не совсѣмъ понятное; въ въ подлинникѣ: „Quae proxima auxilio est, ultionem petens“.

Точно также представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ переводъ фразы изъ главы 25-й той же книги: „И, когда было сдѣлано постановленіе о приготовленіи войска противъ Набиса, распустилъ собрание, проведенное смѣло и свободно, хотя раньше этого времени онъ считался въ числѣ царскихъ льстецовъ. Лишенный важной надежды Филиппъ“ и т. д.

Глава 29 той-же книги: намъ думается, что было-бы не худо сдѣлать хотя бы и небольшое пояснительное примѣчаніе къ словамъ: „И какъ платящую дань провинцію подчинили своимъ топорамъ и пучкамъ“.

Глава 30 той-же книги: неудачнымъ представляется намъ переводъ слѣдующей фразы: „Не на то-де они жалуются, что отъ врага потерпѣли вражескіе поступки: существуютъ нѣкоторыя права войны, на основаніи которыхъ“ и т. д.

Глава 33 той-же книги: „это сдѣлалось извѣстнымъ черезъ перебѣжчиковъ, которые по легкомыслию во всѣхъ войнахъ даютъ возможность узнавать о положеніи дѣлъ у непріятелей“. Мы передали бы выраженіе: „*Levitas ingeniorum*“ словомъ „непоследовательность“.

Въ главѣ 35 той-же книги: слѣдовало бы объяснить неоднократно встрѣчающійся терминъ „Велиты“, а въ главѣ 36 замѣнить терминъ: „валъ“ терминомъ „частоколь“ или „палисадъ“.

Глава 41 той-же книги: „тамъ они взяли силою и зазорно разграбили городъ Киретинъ“; терминъ „зазорно“ врядъ ли съ достаточною точностью передаетъ латинское „*Foede*“; точно также врядъ ли точенъ переводъ въ главѣ 45: слова „*ager*“ черезъ русское „поле“.

Глава 49 той-же книги: не отмѣчена опечатка: „Ясно было, что все, кромѣ побѣды, *находился* во власти консула“.

Въ книгѣ XXXII мы сдѣлали для себя слѣдующія отмѣтки тѣхъ мѣстъ, которыя намъ почему либо не понравились и которыя представляемъ на благоусмотрѣніе переводчика: глава 9: „итакъ, *во что-бы то ни стало*, рѣшено было напасть на непріятеля“.

Глава 13: затѣмъ, напавъ на Каллиеору, они выдержали тверже (*perlinacius*) подобное-же нападеніе гражданъ“.

Глава 17: „то именно тутъ-то и начались какъ бы новые и непочатые (*integri*) труды“.

Тамъ же слѣдующая фраза представляется какъ-бы неоконченной: „Но сообразно съ тѣсною мѣстою, такъ какъ отверстіе въ разрушенной стѣнѣ было не широко, и родъ оружія и битва были удобнѣе для непріятеля“.

Глава 19: ошибочно напечатано „Кенреяхъ“ вмѣсто: Кенхреяхъ.

Глава 25: „около 500 отборныхъ *молодцовъ* (*juvenes*) изъ всѣхъ государствъ“.

Глава 26: „Итакъ въ Римѣ по кварталамъ были разставлены караулы, при чемъ *начальникамъ меньшаго рата* (*minores magistratus*) приказано было обходить ихъ“.

Глава 39: Врядъ ли употребителенъ по-русски терминъ „безоруженный“.

Книга XXXIII, глава 2: „на нѣкоторое время, пока выносили разбитаго *частнымъ параличемъ* (*parte membrorum cartum*) и относили домой, совѣщаніе было прервано“.

Глава 17: „И равнина состоитъ не изъ *юртихъ породъ* (*terrenis omnis*) и удобна для осадныхъ работъ“.

Глава 18 ошибочно дважды напечатано: „Писветы“.

Глава 32: „Вслѣдствіе врожденной греческому народу любви къ зрѣлищу“.

Глава 33: „Толпа валомъ валила“.

Глава 37: „Онъ праздновалъ триумфъ во время отправленія должности надъ инсубрами и жителями Комо“.

Глава 42: напрасно переводчикъ транскрибируетъ латинское слово „Cethegus“ русскимъ „Цееегъ“ вмѣсто „Цетегъ“.

Глава 48: „Поднялись наконецъ на другой день съ чадомъ въ яловь“.

Не смотря на сдѣланныя замѣчанія, незначительность которыхъ мы признаемъ охотно, и 5-й томъ перевода Ливія, сдѣланный г. Адриановымъ вполне заслуживаетъ вниманія читателей.

PRÉCIS DE GRAMMAIRE FRANÇAISE À L'USAGE DES ÉCOLES RUSSES, par A. Pashalery.
Troisième édition (Texte français correspondant au texte russe de la 2-
édition). Odessa. 1898. Стран. X + 156. Цѣна 90 к.

Французская грамматика г. Пашалери первоначально была написана на русскомъ языкѣ, примѣнительно къ примѣрнымъ программамъ средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, и назначена для употребленія въ мужскихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ. При второмъ изданіи она подверглась нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ какъ въ научномъ, такъ и въ редакціонномъ отношеніяхъ и заняла видное мѣсто въ числѣ учебныхъ грамматикъ, удобныхъ для употребленія въ старшихъ классахъ. Въ настоящее время г. Пашалери издалъ эту же грамматику на французскомъ языкѣ, назначая ее для женскихъ гимназій и институтовъ и для учениковъ, которые при поступленіи въ гимназіи и реальныя училища имѣли домашнюю практическую подготовку въ разговорномъ французскомъ языкѣ. Но это третье изданіе не есть однако точный переводъ со втораго, а, напротивъ, значительно увеличенное въ количествѣ детальныхъ правилъ, исключеній и особенностей выраженія, знаніе которыхъ необходимо при владѣніи разговорнымъ языкомъ. Всѣ такія добавленныя подробности обозначены звѣздочкой и могутъ быть пропускаемы при повтореніи или прохожденіи курса теоретической грамматики. Съ особенной обстоятельностью рассмотрѣны въ трудѣ г. Пашалери вопросы о правильномъ употребленіи членовъ, мѣстоименныхъ дополненій, обоихъ причастій и отрицательныхъ нарѣчій. Нужно при этомъ замѣтить, что при разработкѣ указанныхъ синтаксическихъ вопросовъ, а также при изложеніи правилъ для надлежа-

щаго употребленія французскихъ временъ и наклоненій и для правильного соотвѣтствія ихъ между собою, г. Пашалери пользовался новѣйшими трудами г. И. Бастэна — его монографіями о глаголѣ, о причастіяхъ и объ отрицаніяхъ, авторитетность которыхъ въ области французской филологіи признается не только въ Россіи, но также во Франціи и Германіи, такъ что наиболѣе выдающіеся новѣйшіе грамматисты, какъ Clédat, Lucking, Stier и др., въ своихъ трудахъ часто опираются на результаты изслѣдованій нашего почтеннаго филолога. Во всей своей совокупности третье изданіе грамматки г. Пашалери составлено очень хорошо: правила изложены послѣдовательно, вразумительно, совершенно правильнымъ языкомъ и въ этомъ отношеніи не вызываютъ никакихъ серьезныхъ замѣчаній. Напечатанъ трудъ этотъ хотя не достаточно крупнымъ для учебной книги шрифтомъ, но совершенно свѣжимъ и четкимъ; въ примѣрахъ къ правиламъ и вообще въ обозначеніи фактовъ, о которыхъ говорится въ текстѣ соблюдена полная наглядность. Съ внѣшней стороны, по отношенію къ качеству бумаги и къ типографской исправности печати, разсматриваемая книга имѣетъ видъ щеголеватый; въ корректурномъ же отношеніи она менѣе удовлетворительна: хотя въ эрратѣ на страницѣ X помѣчено не особенно много буквенныхъ ошибокъ, допущенныхъ пропусковъ и требующихся добавленій необходимыхъ словъ, но въ числѣ ихъ есть такія, которыя совершенно измѣняютъ смыслъ нѣкоторыхъ правилъ и неизбежно будутъ спутывать учащихся, которыхъ едва ли прійдетъ въ голову при чтеніи текста справляться съ эрратой. Кромѣ погрѣшностей, замѣченныхъ самимъ авторомъ, намъ встрѣтилось еще нѣсколько такихъ, исчезновеніе которыхъ при слѣдующемъ воспроизведеніи книги было бы желательнымъ. На страницѣ 12 въ правилѣ № 4-й слова *beau sexe* переведены въ скобкахъ словами *женское поле* вмѣсто *женскій полъ*. На страницѣ 28-й, въ 12-й строкѣ сверху (Cas II) во фразѣ — „l'adjectif peut *ne* s'accorder qu'avec le dernier nom *seulement*“, это послѣднее нарѣчіе намъ кажется излишнимъ при употребленіи перефразы *ne—que*. На страницѣ 29-й, въ предпослѣдней строкѣ снизу, во фразѣ—*cette horloge sonne les demies* множественное число *les demies* переведено въ скобкахъ словомъ *полчаса*, что не точно и въ данномъ случаѣ измѣняетъ смыслъ фразы. На страницѣ 33-й, въ правилѣ № 4-й въ выраженіи — „ou *devant* un nom propre“ слово *devant* взято не вѣрно и противорѣчитъ какъ правилу, такъ и данному для него примѣру „Louis *seize* или Louis *les seizième* du nom, изъ которыхъ видно, что

числительное, сопровождающее имя собственное ставится не *передъ* (*devant*) нимъ, а послѣ него (*après*). На страницѣ 37-й, въ 18-й строкѣ сверху (*Remarque V*) во фразѣ— „*et, contrairement au russe. la terminaison ième qui est celle des nombres ordinaux, ne porte que sur le dernier des adjectifs énoncés*“, замѣчаніе *contrairement au russe*, сдѣлано не вѣрно, такъ какъ въ русскомъ языкѣ совершенно такъ же, какъ и во французскомъ, въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только послѣднее берется порядковое, остальные же должны быть количественныя, такъ что данный авторомъ примѣръ „*trois cent quatre-vingt-onzième*“ совершенно по составу совпадаетъ съ русскимъ порядковымъ — „триста девяносто *первый*“. Кромѣ этихъ случаевъ, попавшіяся намъ на глаза нѣкоторыя немногія обмолвки до того мелочны, что не заслуживаютъ упоминанія: мы увѣрены, что при доказанной авторомъ внимательности при усовершенствованіи втораго изданія его грамматики на русскомъ языкѣ, онъ приметъ мѣры. при повтореніи печатанія ея на языкѣ французскомъ, чтобы всѣ помѣченные въ зрратѣ, а равно и указанные выше недостатки, изъ нея исчезли.

Независимо отъ тѣхъ незначительныхъ погрѣшностей, которыя почти не избѣжны при первомъ изданіи какого нибудь серьезнаго научнаго труда, грамматика г. Пашалери, изложенная на французскомъ языкѣ. составляетъ хорошее, надежное учебное руководство и вполне отвѣчаетъ намѣченной авторомъ цѣли.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1897 Г. ¹⁾.

1897 г. останется памятнымъ въ исторіи русскихъ археологическихъ сѣздовъ. 13-го апрѣля 1897 года, Его Императорское Величество Государь Императоръ, покровитель Московскаго археологическаго общества, по всеподданнѣйшему ходатайству о томъ предсѣдателя общества гр. П. С. Уваровой, Всемилостивѣйше соизволилъ на ежегодный отпускъ, начиная съ 1897 года, въ распоряженіе общества, на нужды сѣздовъ, его подготовительныхъ работъ и изданій, по 5.000 рублей. Этотъ новый знакъ высокомиловиднаго вниманія Государя Императора обезпечивая, существованіе сѣздовъ и изданіе ихъ трудовъ, является могучимъ стимуломъ въ дѣлѣ изученія и разработки русской археологій.

Но Всемилостивѣйше принято было и другое ходатайство общества, а именно ходатайство о строгомъ разсмотрѣніи положенія Митавскихъ и Рижскихъ архивовъ, уже предназначенныхъ къ расчлененію и распредѣленію, въ нѣкоторыхъ частяхъ, между установленіями разныхъ вѣдомствъ. Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ назначить особую комиссію изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ при обязательномъ участіи мѣстныхъ научныхъ силъ, дворянства и городскихъ управленій для рѣшенія вопроса о сохраненіи

¹⁾ Извлеченія изъ отчета, составленнаго секретаремъ общества В. К. Трутовскимъ.

архивовъ этихъ на мѣстѣ и приведенія ихъ въ порядокъ при участіи тамошнихъ ученыхъ обществъ, дворянства и городовъ. Комиссія эта работаетъ, и есть надежда, что архивы останутся на мѣстѣ и будутъ сдѣланы доступными для ученыхъ, безъ расчлененія.

Высочайшее пожалованіе ежегодной субсидіи сѣздамъ особенно оживило труды предварительнаго комитета по устройству въ Кіевѣ въ 1899 году XI археологическаго сѣзда. Правила и программа сѣзда были утверждены въ минувшемъ году, и это дало возможность сейчасъ же образовать Кіевское отдѣленіе комитета, которое и составилось изъ предсѣдателя профессора В. Б. Антоновича, секретаря профессора М. Н. Ясинскаго и представителей мѣстныхъ: университета, духовной академіи и ученыхъ обществъ и учреждений. Субсидія за 1897 годъ позволила ассигновать въ распоряженіе отдѣленія 1.000 рублей на работы и раскопки и изслѣдованія лѣтомъ минувшаго года профессора В. Б. Антоновича, Е. Н. Мельника и Н. Ѳ. Балишевскаго, главнымъ образомъ въ Волинской землѣ, уже дали массу цѣннаго матеріала для будущаго сѣзда и его выставки. Кромѣ этихъ раскопокъ, Кіевское отдѣленіе уже выяснило размѣры, планъ и составъ выставки при сѣздѣ, заручилось обѣщаніемъ принять участіе въ ней отъ многихъ частныхъ владѣльцевъ коллекцій и музеевъ и отъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, приступило къ составленію каталога выставки, на что ему ассигновано изъ субсидіи 1898 года также 1.000 рублей, издало программу для собранія археологическихъ свѣдѣній къ сѣзду и вообще настолько энергично начало свою дѣятельность, что надо надѣяться на полный успѣхъ созываемаго сѣзда. Московскій комитетъ, съ своей стороны, продолжалъ сношенія съ учеными учреждениями, обществами и лицами въ интересахъ сѣзда, а также командировалъ нынѣ покойнаго дѣйствительнаго члена академика А. М. Павлинова въ Черниговъ и Черниговскую губернію, для обслѣдованія, изученія, обмѣра и фотографированія мѣстныхъ памятниковъ церковнаго зодчества. Исполнить задачу г. Павлиновъ успѣлъ, но неожиданная кончина его оставила весь собранный имъ матеріалъ неразработаннымъ.

Экспедицій общества въ отчетномъ году было 7, а именно:

На Кавказѣ чл.-корр. В. М. Сысоевъ продолжалъ изслѣдованія предгорья Кавказскаго хребта, и всѣ его отчеты о командировкахъ вошли въ печатающійся нынѣ VI томъ матеріаловъ по археологін Кавказа; Е. Козубскій произвелъ раскопки въ сѣверномъ Дагестанѣ, близъ г. Темиръ-Ханъ-Шуры.

Въ центральной Россіи В. А. Городцовъ попрежнему энергично работалъ надъ доисторическими поселеніями по бассейну р. Оки; Н. В. Теплоу продолжалъ изслѣдовать городище Дуна близъ г. Лихвина, Калужской губерніи; Ф. Д. Нефедовъ работалъ надъ могильниками Прикамья, А. А. Тихомировъ — въ Ярославской губерніи и, наконецъ, В. И. Сизовъ, С. К. Богоявленскій и другіе произвели раскопки въ могильникѣ у с. Спасъ-Тушина подъ Москвой, а М. В. Фурсовъ—въ Могилевской губерніи.

За границей по порученію общества работаютъ чл.-корр. А. Е. Крымскій въ Бейрутѣ и кн. А. А. Гагаринъ—сперва также въ Бейрутѣ, а теперь въ Марокко. Кромѣ того, общество обращалось къ нашимъ консуламъ на Востокѣ съ запросами о мѣстныхъ древностяхъ, и отъ многихъ изъ нихъ уже поступили отвѣты.

Общество участвовало адресами и привѣтствіями въ празднованіи 30-лѣтія дѣятельности Московскаго архитектурнаго общества (30-го октября), въ чествованіи 25-лѣтія управленія Артиллерійскимъ историческимъ музеемъ дѣйствительнаго члена общества Н. Е. Бранденбурга и телеграммой — въ торжествѣ перенесенія изъ Вѣны въ Бѣлградъ праха Вука Стефановича Караджича (28—30-го сентября 1897 г.).

Внутренняя дѣятельность общества за минувшій годъ выразилась, главнымъ образомъ, въ засѣданіяхъ какъ общества, такъ и его комиссій.

Засѣданій общества было всѣхъ 16, а именно: 1 годовое, 1 посвященное памяти академика Ф. И. Буслаева и В. Е. Румянцева, 7 обыкновенныхъ, 6 распорядительныхъ и 1 редакціоннаго комитета.

Въ засѣданіяхъ обыкновенныхъ и посвященномъ памяти Ф. И. Буслаева и В. Е. Румянцева доложено было 27 рефератовъ, а именно:

А. Аванасьева—„О формѣ погребальныхъ удочекъ у обитателей неолитической эпохи въ Иркутской губерніи, на основаніи раскопокъ Н. И. Витковскаго“; Д. В. Айналова—„Поѣздка на Аюнь въ 1896 г.“ и „Византійскія эмали. Разборъ сочиненія Франца Бока Die Byzantinischen Zellenschmelze“; К. М. Быковскаго—„Памяти А. М. Павлинова“; А. А. Ивановскаго—„Поѣздка въ Закавказье въ 1896 г.“; А. И. Кирпичникова—„Одинъ изъ Византійскихъ Дантовъ (Тимаріонъ)“; Е. Козубскаго—„Раскопка кургана у г. Темиръ-Ханъ-Шуры въ 1897 г.“; Д. И. Кучукъ-Юаннесова — „Мѣдный ковшъ съ армянскою надписью изъ Тульскаго древлеохранилища“; И. А. Линиченко—„Раскопки В. В. Хвойко въ Кіевской губерніи и С. А. Ма-

зараки въ Полтавской губерніи въ 1897 г.“; В. О. Миллера—„Памяти О. И. Буслаева“; А. М. Миронova—„Къ вопросу объ истинной композиціи и значеніи статуи, такъ называемой, Венеры Милосской“; Г. А. Муркоса—„Неизвѣстное доселѣ описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ половины XVII вѣка“; М. В. Никольскаго—„О двухъ глиняныхъ конусахъ съ клинообразными надписями, принадлежащихъ кн. А. А. Гагарину“ и „О предметахъ халдейской эпохи изъ экспедиціи А. А. Ивановскаго въ Закавказье въ 1896 г.“; В. М. Сысоева—„Раскопки кургана близъ ст. Курджинской“, „Раскопки кургана въ Пятигорскѣ“ и „Отчетъ о поѣздкѣ на Сѣверный Кавказъ въ 1896 г.“; В. И. Сизова—„О топорикѣ, подаренномъ Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ Историческому музею“ и „Памяти В. Е. Румянцева“; С. С. Слуцкаго—„О могильныхъ мусульманскихъ надписяхъ изъ Ферганской области“; А. А. Тихомирова—„Раскопки въ Ярославской губерніи 1897 г.“; Н. В. Теплоva—„Урочище Дуна, близъ г. Лихвина, Калужской губерніи“; В. А. Уляницкаго—„О смоленскихъ вислыхъ печатяхъ“; гр. П. С. Уваровой—„Сванетія и ея древности“ и „Памяти гр. И. Д. Делянова“; О. И. Успенскаго—„Замѣчательная находка близъ Салоникъ“; В. Н. Щепкина—„Новыя приобрѣтенія Историческаго музея по отдѣлу рукописей“.

Изъ состоящихъ при обществѣ комиссій комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ понесла тяжелую утрату, въ лицѣ члена ея, академика архитектуры Андрея Михайловича Павлинова. Дѣятельность комиссій въ отчетномъ году была особенно усиленною сравнительно съ предшествующими годами. Комиссія имѣла 22 засѣданія, на которыхъ разсмотрѣно 117 дѣлъ. Члены комиссіи производили очень часто осмотры различныхъ памятниковъ русскаго искусства на мѣстѣ, для рѣшенія вопросовъ, касающихся ихъ реставраціи или исправленія. Дѣла въ комиссію, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, поступали не только изъ Московской и сосѣднихъ съ ней губерній, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, изъ Архангельской и другихъ губерній. Характеръ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ комиссіею, ничѣмъ не отличался отъ дѣлъ, поступавшихъ въ предшествующіе года.

Какъ объ особенно выдающихся дѣлахъ, изъ разсмотрѣнныхъ комиссіею въ истекшемъ отчетномъ году, можно упомянуть о трехъ нижеслѣдующихъ: 1) по реставраціи Сухаревой башни, 2) по осмотру стѣны Китай-города и 3) по реставраціи и ремонту Покровскаго Василія Блаженнаго собора. Московское городское общественное упра-

вление отнеслось къ реставраціи Сухаревой башни съ особеннымъ вниманіемъ, что, къ сожалѣнію, весьма нечасто встрѣчается у насъ при восстановленіи и ремонтѣ древнихъ памятниковъ русскаго искусства. Всѣ указанія комиссіи, касающіяся археологическихъ вопросовъ, были приняты городской управою во вниманіе и исполнены.

Комиссія посвятила нѣсколько засѣданій разсмотрѣнію вопроса по сохраненію стѣны Китай-города. Этотъ памятникъ русской старины найденъ во многихъ мѣстахъ въ обветшаломъ состояніи. Кромѣ того, стѣна частію застроена позднѣйшими постройками и мѣстами разобрана. Комиссія высказала свое мнѣніе, какія можно было бы принять мѣры для сохраненія стѣны, которая все болѣе и болѣе разрушается.

Реставрація Покровскаго Василя Блаженнаго собора производилась подъ наблюденіемъ покойнаго А. М. Павлинова. На мѣсто его избранъ комиссіею академикъ архитектуры С. У. Соловьевъ. Прошлымъ лѣтомъ произведены весьма важныя работы по исправленію главъ храма и замѣна обопрѣвшаго кирпича новымъ въ наружной облицовкѣ храма. Комиссіею произведенъ былъ осмотръ храма съ лѣсовъ, при этомъ члены ознакомились съ открытымъ при реставраціи изразчатымъ покрытіемъ главнаго шатра собора. Въ нижнемъ этажѣ собора исправлены и задѣланы трещины въ сводахъ, а также открытъ древній входъ въ храмъ. Осмотръ произведенныхъ работъ по реставраціи показалъ, что все исполненное по указаніямъ А. М. Павлинова способствуетъ возстановленію храма въ его болѣе или менѣе древнемъ видѣ. Текущимъ лѣтомъ предстоитъ приступить къ реставраціи наружной окраски собора.

Въ отчетномъ году избраны въ члены комиссіи классные художники архитекторы: Зиновій Ивановичъ Ивановъ и Алексѣй Александровичъ Потаповъ.

Восточная комиссія въ истекшемъ отчетномъ году имѣла 6 засѣданій, въ коихъ прочтено 18 докладовъ. Докладывали:

Архим. Арсень — „О курганахъ и историческихъ памятникахъ Эриванской губерніи и Карской области“; М. О. Аттая — „Сказаніе о мудромъ Хакирѣ“ (полный переводъ сказанія) и „Арабскія надгробныя надписи XII—XIV вѣка изъ Ферганской области“ (на одномъ изъ кладбищъ оказались могилы конца XIII вѣка: сельджукскаго хана, извѣстнаго проповѣдника Мухамеда Аз-Зузаны и знаменитаго сектанта и повстанца Хаджи-Баба“); О. Е. Коршъ — „Двѣ этимологическія замѣтки“ (множественное число отъименныхъ существительныхъ въ арабскомъ языкѣ, образуемое съ отпаденіемъ корневого конечнаго

б; словопроизводство персидскаго *vatā*)“, „О сборникѣ „Восточныя Замѣтки“ изданія историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ и „Крымская жалованная грамота конца XVII вѣка“; Д. И. Кучукъ-Іоаннесова—„Г. Басмаджанъ о клинообразной надписи въ Малазкеттѣ“ и „Древнія армянскія рукописи изъ собранія г. Абгаза Іоннессіана“; В. О. Миллера—„Литературная исторія повѣсти о мудромъ Хайкарѣ“, „Матеріалы по эскимосскимъ нарѣчіямъ Анадырскаго округа, присланные Н. Л. Гондатти“ и „Легендарные походы Тимура на Россію по персидской рукописи Вамбери“; М. В. Никольскій—„О статьяяхъ по восточной археологіи въ сборникѣ *Христѣриа*“ и „О древнемъ названіи Ванскаго озера“; С. С. Слуцкій—„Обзоръ десятилѣтней дѣятельности комиссіи“; Г. А. Халатъянцъ—„Армянскій изводъ повѣсти объ Іосифѣ и Асенеѣ въ переводѣ Эмина“; А. С. Хахановъ—„Одиннадцатый международный съѣздъ ориенталистовъ въ Парижѣ въ 1897 г.“; бар. Р. Р. Штакельбергъ—„Персидское вліяніе на языческую религію древнихъ армянъ“.

На мѣсто О. Е. Корша, не пожелавшаго вновь быть избраннымъ въ предсѣдателя комиссіи, избранъ въ предсѣдателя комиссіи В. О. Миллеръ, въ товарищи предсѣдателя избранъ М. В. Никольскій, въ секретари приглашенъ предсѣдателемъ С. С. Слуцкій.

Изъ лицъ, не состоящихъ членами общества, къ участію въ трудахъ комиссіи, на основаніи § 3 устава, приглашенъ въ отчетномъ году архимандритъ Арсенъ Клытчанъ.

Нынѣ приступлено къ печатанію 2-го выпуска II тома „Древностей Восточныхъ“.

Въ истекшемъ отчетномъ году исполнилось десять лѣтъ существованія Восточной комиссіи общества.

За десять лѣтъ комиссія по мѣрѣ возможности вступила на пути, намѣченные при ея созданіи 24-го апрѣля 1887 г. Ею изслѣдованы клинообразныя надписи Закавказья, армянскія надписи Юга Россіи, рядъ мусульманскихъ надписей: арабскихъ, татарскихъ, турецкихъ и персидскихъ изъ Средней Россіи, съ Кавказа и изъ Туркестана (среди первыхъ — надписи Касимовской текіе), грузинскія надписи Гелатскаго монастыря и другихъ древнихъ грузинскихъ храмовъ, сирскія несторіанскія надписи Семирѣченской области, осетинская надпись—*unicum*, отдѣльныя надписи еврейскія и пальмирскія; матеріалъ для ученыхъ работъ комиссіи былъ представленъ также: отдѣльными предметами и снимками, добытыми въ кавказскихъ экспе-

двѣдцать общества; месопотамской коллекціей Блау съ ея ассиро-вавилонскими, древне-персидскими и вавилоно-еврейскими памятниками; предметами изъ собраній Румянцевскаго Музея, Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и частныхъ собраній: кн. А. А. Гагарина, М. М. Ковалевскаго, В. О. Миллера, кн. П. А. Путятина, гр. И. И. Толстого, гр. П. С. Уваровой. Разсмотрѣны, описаны и изслѣдованы рукописи и акты на языкахъ: арабскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, персидскомъ, сирскомъ, татарскомъ, турецкомъ—въ томъ числѣ части трехъ сирскихъ евангелій: одно VII, другія два VIII—IX вѣковъ (даръ кн. Гагарина), армянское евангеліе IX вѣка (собственность Лазаревскаго института) и рукопись грузинской „Барсовой Кожі“ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Отмѣтимъ также переводы большихъ текстовъ: съ грузинскаго языка — у А. С. Хаханова въ его сводѣ „Источниковъ по введенію христіанства въ Грузію“, съ арабскаго—М. О. Атаея: „Житіе св. Георгія“ изъ Ат-Табари и „Сказаніе о мудромъ Хакирѣ“ и обширный и драгоцѣнный для русской исторіографіи и археологіи трудъ, совершаемый въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Г. А. Муркосомъ — полный переводъ составленнаго Павломъ Алепскимъ арабскаго описанія путешествія въ Россію, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Макарія, патріарха Антиохійскаго.

Независимо отъ докладовъ по изслѣдованнымъ вещественнымъ памятникамъ читались и другіе доклады по языкамъ и древностямъ Востока: ассиро-вавилонскимъ, еврейскимъ, арабскимъ, сирскимъ, грузинскимъ, армянскимъ, татарскимъ, турецкимъ, финскимъ, персидскимъ, индійскимъ, египетскимъ, по народнымъ литературамъ и мѣологіи, по древней этнографіи. Изъ этого ряда упомянемъ доклады: О. Е. Корша—„О древне-индійскомъ размѣрѣ śloka“, В. И. Соловейчика—„О надписи Меші“ и „Объ имени“ этого царя, К. И. Дадаева и А. С. Хаханова по грузинскому языку, Л. З. Мсерянца и Г. А. Халатьянца по армянскому языку, бар. Р. Р. Штакельберга по языку персидскому, В. А. Грингмута по древностямъ египетскимъ, А. А. Крымскаго по исторіи суффизма, В. О. Миллера, Н. В. Рябинина, С. Н. Теръ-Сарксянца и бар. Р. Р. Штакельберга по народнымъ литературамъ и вѣрованіямъ востока.

Членами комиссіи совершены четыре экспедиціи на Кавказъ: А. С. Хахановымъ въ 1890 и 1892 г. и М. В. Никольскимъ и А. А. Ивановскимъ въ 1893 и 1894 гг., доставившія цѣнное собраніе грузинскихъ гуджаровъ и давшія богатый результатъ какъ по собранію

клинообразныхъ надписей, такъ и по раскопкамъ, коими открыта новая и весьма замѣчательная культура, повидимому, ванскаго періода.

Изъ числа работъ, совершенныхъ комиссіей по запросамъ извнѣ, должно отмѣтить, что въ 1887 году она, по просьбѣ А. С. Павлова, обсуждала вопросъ, направленный къ нему російскимъ посломъ при Портѣ, объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго ученаго института. Далѣе комиссія принимала дѣятельное участіе въ Московскомъ археологическомъ съѣздѣ 1890 г. и въ выставкѣ при ономъ и участвовала въ международныхъ съѣздахъ ориенталистовъ: въ Лондонѣ, Женевѣ и Парижѣ (1891—1897 гг.).

Труды комиссіи печатались въ основанныхъ для нея обществомъ „Древностяхъ Восточныхъ“, которыхъ съ 1889 г. вышло четыре обширныхъ выпуска, сочувственно встрѣченныхъ въ Россіи и за границей; далѣе въ III томѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ нѣсколько статей принадлежатъ къ трудамъ комиссіи, а V томъ этихъ „Матеріаловъ“ посвященъ изслѣдованію М. В. Никольскаго „Клинообразныя надписи Закавказья“—трудъ, удостоенный большой золотой медали отъ Императорскаго русскаго археологическаго общества.

Комиссія имѣла въ теченіе 10 лѣтъ 54 засѣданія. Во главѣ ея дѣятельности стояли: въ качествѣ предсѣдателей Ѳ. Е. Коршъ и В. Ѳ. Миллеръ, а въ качествѣ секретарей М. В. Никольскій и въ послѣднее время Г. А. Халатьянцъ. Кромѣ сочувствующихъ случайныхъ гостей изъ членовъ общества и кромѣ пріѣзжихъ сотрудниковъ, комиссія состояла изъ 47 членовъ-москвичей, постоянно работавшихъ въ комиссіи. Понесены и горестныя утраты, въ лицѣ скончавшихся: Д. З. Бакрадзе, А. А. Гатцука, Г. И. Кананова, И. И. Козловскаго, В. Е. Румянцева и Н. И. Холмогорова, къ которымъ въ послѣднее время присоединились А. М. Павлиновъ и И. Л. Окромчеловъ-Серебряковъ.

Славянская комиссія имѣла въ отчетномъ году 5 засѣданій, на которыхъ были прочитаны доклады слѣдующими лицами: Н. М. Вторыхъ—два: 1) „Апокрифическое откровеніе Авраама“ и 2) „Лѣтвнца Іакова“; М. В. Довнаръ-Запольскимъ—одинъ: „Вопросъ о польско-литовской униі на сеймахъ до 1569 г.“; В. М. Истринымъ—одинъ: „Златая матрица и Толковая Палея“; П. А. Лавровымъ—три: 1) „Трудъ Вондрака о языкѣ Іоанна, экзарха болгарскаго“, 2) „Планъ преподаванія славяновѣдѣнія, предложенный Венелинымъ въ 1834 г.“, 3) „Новоболгарскіе сборники XVII—XIX вѣковъ“, извѣстные подъ именемъ „Дамаскивъ“; В. А. Погорѣловымъ—одинъ: „Замѣчанія о

составъ рукописныхъ псалтырей Типографской библиотеки“; В. Н. Щепкинымъ—одинъ: „Эпическій элементъ въ византійско-славянской иконографіи“ и А. И. Яцимирскимъ—одинъ: „Греко-славянская нотная рукопись XVI вѣка съ глаголическою и иною тайнописью“.

Въ истекшемъ году печатался второй томъ трудовъ Славянской комиссіи, въ который вошли въ отдѣлѣ изслѣдованій статьи: Р. Ө. Брандта—„Павелъ Іосифъ Шафарикъ, какъ изслѣдователь славянскихъ языковъ и письменъ“. П. А. Лаврова—„Жизнь и ученая дѣятельность Павла Іосифа Шафарика“, М. В. Довнара-Запольскаго—„Польско-литовская унія на сеймахъ до 1569 г.“ и М. В. Истрина—„Апокрифъ объ Іосифѣ и Асенеѣ“; въ отдѣлѣ матеріаловъ—„Славянскія рукописи Нямецкаго монастыря Молдавіи“, трудъ А. И. Яцимирскаго и „Планъ преподаванія славяновѣдѣнія, предложенный въ 1834 г. Венелинымъ“ съ введеніемъ П. А. Лаврова; въ концѣ тома помѣщены протоколы засѣданій Славянской комиссіи, начиная съ 16-го и оканчивая 31-мъ.

Археографическая комиссія имѣла въ минувшемъ году 11 засѣданій съ 26 докладами, а именно: М. М. Богословскаго—„Смоленское шляхетство XVIII вѣка“ и „Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI вѣка“; С. К. Богоявленскаго—„Статистическіе матеріалы для исторіи посадскаго населенія XVII вѣка“; М. А. Венеитинова—„Политическіе намеки въ бумажныхъ украшеніяхъ“; Ю. В. Готье—„Шведскій государственный архивъ“ и „Документы шведскаго государственнаго архива, касающіеся осады Смоленска 1609—1611 гг.“; Довнаръ-Запольскаго—„Обзоръ новыхъ трудовъ по археографіи и палеографіи“; П. А. Кожевникова—„Московскій губернский архивъ старыхъ дѣлъ“ и „Объ архивахъ въ Германіи и Австріи“; Ө. Е. Корша—„Нѣсколько словъ о задачахъ русской палеографіи“; П. А. Лаврова—„Палеографическія наблюденія надъ евангельскими листками Ундольскаго (XI вѣка)“ и „Палеографическіе матеріалы юго-славянскихъ библиотекъ“; Л. С. Мацѣвича—„Рукописный сборникъ XVII вѣка, содержащій списокъ Архангелогородскаго лѣтописца“; В. М. Михайловскаго—„Основные вопросы дипломатики“ и „Первые годы Парижской школы хартій“; П. П. Никольскаго—„Обзоръ рукописныхъ источниковъ Вертограда Многоцвѣтнаго Симеона Полоцкаго“ и „Рукописный сборникъ XVII вѣка“; Н. А. Рожкова—„Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ“; Д. Я. Самоквасова—„Значеніе, форма и изданіе архивныхъ описей“; В. Р. Фохта—„Объ одной надписи Берлинскаго музея“; В. И. Холмогорова—

„О потомкахъ Сусанина XVIII вѣка и о документахъ Московскаго архива юстиціи“ и „Къ вопросу о времени составленія писцовыхъ книгъ“; Н. П. Чулкова—„Архивныя данныя о Е. П. Хабаровѣ“; гр. Н. С. Шереметева—„Архивы и собранія рукописей г. Пскова“; В. О. Эйнгорна—„Одинъ изъ случаевъ намѣреннаго искаженія актовъ при ихъ изданіи“; А. И. Яцимирскаго—„Славянскія рукописи Немецкаго монастыря въ Румыніи“.

Избраны въ члены комиссіи: Арсеньевъ С. В., Вержбовскій пр., Вестманъ С. А., Лиске Ксаверій проф., Никольскій П. П., Рогожинъ В. Н., Рожковъ Н. А., Шмелевъ.

Командированы были обществомъ по предложенію комиссіи слѣдующіе члены: Ю. В. Готье въ Стокгольмъ, М. В. Довнаръ-Запольскій въ Варшаву, П. А. Кожевниковъ въ Германію и Австрію, В. Н. Перетцъ, гр. П. С. Шереметевъ въ Псковъ, В. О. Эйнгорнъ — для осмотра и изученія мѣстныхъ архивовъ какъ въ научномъ, такъ и въ административномъ и организаціонномъ отношеніяхъ.

Приступлено къ систематическому составленію снимковъ и руководства по русской палеографіи. Въ составъ подкомиссіи вошли: В. Н. Щепкинъ, С. О. Долговъ, А. И. Станкевичъ, П. А. Лавровъ, Довнаръ-Запольскій. Подкомиссія имѣла 3 засѣданія, на которыхъ были выработаны общій планъ изданія и подробный планъ изданія снимковъ рукописей XI—XII вѣковъ.

Личный составъ общества за истекшій годъ понесъ рядъ тяжелыхъ незамѣнимыхъ утратъ въ лицѣ скончавшихся своихъ почетныхъ членовъ—академика Ф. И. Буслаева († 31-го іюля 1897), гр. И. Д. Деянова († 29-го декабря 1897) и В. Е. Румянцева († 2-го сентября 1897), дѣйствительнаго—академика архитектуры А. М. Павлинова († 13-го ноября 1897), членовъ-корреспондентовъ—В. Г. Апфельрота († 23-го августа 1897) и Г. И. Кананова († 8-го іюля 1897) и заграничныхъ членовъ—Генр. Ванкеля († 22-го марта въ Ольмюцѣ) и Г. О. Оссовскаго († 16-го апрѣля въ Томскѣ). Общество по мѣрѣ силъ и возможности почтило память почившихъ.

За то же время были избраны: въ дѣйствительные члены 10 лицъ; въ члены-корреспонденты 6 лицъ и въ члены заграничные—д-ръ Карль Салеговичъ Крумбахеръ, въ Мюнхенѣ.

Гр. П. С. Уварова и академикъ Д. Н. Анучинъ по единодушной просьбѣ общества остались и на новое трехлѣтіе безъ баллотировки въ званіи пресѣдателя и товарища пресѣдателя общества.

Изъ изданій въ отчетномъ году были выпущены въ свѣтъ II т

Трудовъ Виленскаго съѣзда и III т. Трудовъ Московскаго (VIII) съѣзда—оба подъ редакціей гр. П. С. Уваровой. Въ настоящее время печатаются: вып. VI и VII Матеріаловъ по археологiи Кавказа, IV т. Трудовъ Московскаго (VIII) съѣзда и I т. Трудовъ Рижскаго (X) Археологическаго съѣзда—подъ редакціей гр. Уваровой; II т. Трудовъ Рижскаго съѣзда, въ Ригѣ,—подъ редакціей Общества Ист. и Др. Прибалтійскихъ губерній; III вып. Матеріаловъ по Археологiи Восточной губерніи—подъ редакціей акад. Д. Н. Анучина; II вып. Трудовъ Славянской комиссіи — подъ редакціей секретаря комиссіи П. А. Лаврова; I т. Трудовъ Археографической комиссіи — подъ редакціей секретаря комиссіи М. В. Довнаръ-Запольскаго, 2 вып. II тома Древностей Восточныхъ — подъ редакціей тов. председателя Восточной комиссіи М. В. Никольскаго и XVI т. Древностей — подъ редакціей секретаря общества В. К. Трутовскаго.

Археологическія Извѣстія и Забѣтки издавались въ минувшемъ году по прежней программѣ. Редакторы дѣйствительный членъ А. В. Орѣшниковъ и членъ комиссіи С. К. Богоявленскій сложили съ себя, къ искреннему сожалѣнію общества, редакторство, и редакторами выбрали любезное согласіе быть акад. Д. Н. Анучинъ и проф. А. И. Кирпичниковъ.

Музей общества пополнялся попрежнему данными экспедицій общества и частными пожертвованіями. По обыкновенію, большая часть этихъ поступленій жертвовалась въ Императорскій Россійскій историческій музей.

Поступившія въ періодъ 1897—1898 гг. въ бібліотеку общества книги записаны въ инвентарь подъ №№ 6563 — 6882; въ отдѣльности число томовъ, выпусковъ, номеровъ, брошюръ, альбомовъ и проч. равняется 531-му экземпляру. Какъ и прежде, бібліотека пополнялась главнымъ образомъ путемъ обмѣна изданій и пожертвованіями.

Израсходовано въ 1897 — 1898 гг. на переплетъ книгъ и за карточки для каталога до 190 рублей.

τοὺς πολέμιους Reimarus, ὥσας αὐτὸ ὡς ἐς τοὺς πολέμιους Davistius, sed valde dubito num ὄθειν ἀκόντιον dici possit, ὡς ἰεὶς κ. τ. λ. Polakius“.

Мы вполне раздѣляемъ сомнѣніе Буассевена, зная, что ὄθειν предполагается *рукопашную* схватку, дѣйствіе *comminus*, а не *eminus*; къ подтверждающимъ это примѣрамъ, которые указываются въ разныхъ греческихъ словаряхъ, мы можемъ присоединить слѣдующіе изъ Ἰπὲρ τῶν πολέμων Прокопія: 8, 35 p. 640, 7 (ed. Bonn., vol. II) τὰ δόρατα ἐς αὐτὸν ἅπαντες οἱ μὲν ὄθουον, οἱ δὲ ἰσηκόντιζον; 7, 4 p. 297, 5 ἀμφω τοῖνον τῷ ἱππῳ κατ' ἀλλήλων ἐλάσαντες, ἐπειδὴ ἄγχιστα ἴκοντο, τὰ δόρατα ὄθουον и *ibid.* p. 297, 10 ὁ δὲ Ἀρταβάζης ἐνέχευτο ἔτι μᾶλλον τὸ δόρου ἐς τὰ τοῦ ἀνδρὸς ὄθων ἔγκατα; 4, 28 p. 531, 12 (ed. Bonn., vol. I) ἀναθρώσκοντα δὲ Γόνθαριν Ἀρταβάνης ἰδὼν (ἐγγύθει γὰρ κατεκλίνετο) μάχαιραν ἀμφήκη σπασάμενος.... ἐς τὴν ἀριστερὰν τοῦ τυράννου πλευρὰν ἄχρι ἐς τὴν λαβὴν ἐμπάσαν ὥσας ἐναυθα μεθήκεν.

Что же касается разбираемаго діоновскаго мѣста, то первоначально мы думали о чтеніи καὶ (ἐλ)άσας αὐτὸ ἐς τοὺς πολέμιος, но за неимѣніемъ соответствующихъ фразеологическихъ аналогій внѣ поэтическаго (преимущественно гомеровскаго) языка теперь предпочитаемъ другую конъектуру, а именно: καὶ ρίψας αὐτὸ ὡς ἐς τοὺς πολέμιος. Процессъ порчи восстанавлиаемаго такимъ образомъ текста мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: ὡς, первоначально пропущенное переписчикомъ (вслѣдствіе палеографическаго сходства съ стоящимъ тутъ же рядомъ ἐς), было надписано надъ строкой, но попало—быть можетъ, по винѣ позднѣйшихъ переписчиковъ—не на свое мѣсто ^{ὡς} 1) и eo ipso содѣйствовало превращенію ρίψας (ρίψας) въ ὥσας.

Менѣ правдоподобнымъ кажется намъ чтеніе καὶ ὡς ρίψας αὐτὸ ἐς τοὺς πολέμιος, хотя оно и избавляетъ отъ необходимости предполагать, что надписанное надъ строкой ὡς попало не на свое мѣсто.

XXIII.

Stat. Silv. 4 praef. p. 96, 41 sq. ed. Bachrens.

Hunc tamen librum tu, Marcelle, defendes, si videtur, set haecenus, si nimis reprehendemur—такъ читается это мѣсто въ изданіи Беренса (Lps. 1876), который ввелъ въ текстъ свою конъектуру (*si videtur, set* вмѣсто *et si videtur*) и конъектуру Мадвига

1) Кому приходилось имѣть дѣло съ греческими или латинскими рукописями, тотъ знаетъ, что подобные случаи вовсе не рѣдкость.

(*si nimis* вмѣсто *sin minus*). Чтеніе самого Мадвига—*defende, sed. si videtur, hactenus, si nimis repr.*—нѣсколько ближе къ рукописному преданію: *defendes et si videtur hactenus, sin (sim ed. princeps) minus, reprehendemur*,—представителями котораго являются „*libri Sangallensis arographum medio saec. XV factum, unde codices novicli fluxerunt*“ и *editio princeps*, съ которымъ была сличена древнѣйшая, нынѣ утраченная, сангалленская рукопись.

Старинныя изданія воспроизводили это рукописное преданіе, но обезображивали его странной интерпункціей (*defendes. Et*), унаследованной между прочимъ и Квеккомъ ¹⁾. На странность такой интерпункціи обратилъ вниманіе уже Бартъ, попутно сообщая свой исправленіе и интерпретацію даннаго мѣста: „*Vitiata distinctio est*“, говорить онъ ²⁾, „*sed facillis corrigi. Scribe: Hunc tamen Librum tu, Marcelle, defendes, si sic videtur, hactenus. Sin minus reprehendemur. Si defendes, bene habet. Sin, [sic] minus tamen obnoxii erimus reprehensionis, qui titulum tuum praescripsimus*“.

Намъ не совсѣмъ ясенъ смыслъ разбираемой фразы Стація въ перелѣкахъ Мадвига и Беренса, но совершенно ясно, что Бартъ видитъ въ ней нѣсколько больше того, что хотѣлъ сказать поэтъ.

Придерживаясь рукописнаго преданія, мы предложили бы читать слѣдующимъ образомъ:

Hunc tamen librum tu, Marcelle, defende ³⁾, *ut hactenus, si videtur; sin minus, reprehendemur.*

Ut hactenus—*ut adhuc*, то-есть „какъ (ты поступалъ) до сихъ поръ“. *Hactenus* въ смыслѣ *adhuc* нерѣдко употребляется у поэтовъ (Вергилій, Овидій, Силій Италикъ), а также и у прозаиковъ серебряной латыни, начиная съ Ливія VII 26, 6 (Тацитъ, Флоръ).

Процессъ порчи подлиннаго текста мы представляеть себѣ въ слѣдующемъ видѣ: первоначально пропущенное переписчикомъ архетипа и затѣмъ надписанное имъ надъ строкой *hactenus* переселилось по винѣ послѣдующихъ переписчиковъ на другое мѣсто, а разединенное съ нимъ *ut* превратилось въ *et* не безъ участія интерполяціи.

Конъектура Маркланда *reprehendamur*, принятая между прочимъ Квеккомъ, намъ кажется совершенно ненужной.

¹⁾ *Recogn. G. Queck, Lps. 1854.*

²⁾ *Publii Papinii Statii quae exstant. Caspar Barthius recensuit etc. Cusanae 1664 p. 352.*

³⁾ Это чтеніе, на нашъ взглядъ, вѣроятнѣе нежели *defendas*; можно впрочемъ удержать и рукописное *defendes*.

XXIV.

Hygin. Astronom. 2, 16 p. 56, 7. 11. 12. 14. ed. Bunte.

Nonnulli etiam dixerunt Mercurium, alii autem *Anapladem* pulchritudine Veneris inductum in amorem incidisse; et cum ei copia non fieret, animo, ut contumelia accepta, defecisse. Iovem autem misertum eius, cum Venus in Acheloo flumine corpus ablueret, misisse aquilam. quae saccum eius in *Amythaoniam Aegyptiorum* delatum Mercurio traderet, quem persequens Venus ad cupientem sui pervenit. qui copia facta pro beneficio aquilam in mundo locavit,—такъ читается въ изданіи Бунте (р. 56, 7 sqq.), который замѣчаетъ по поводу *Anapladem* (v. 7), что „huis alii non meminerunt“, по поводу *Amythaoniam* (vs. 10): „fortasse legendum est Ammoniam“, по поводу *quem* (vs. 12): „fortasse legendum est 'quam' ita ut ad aquilam referatur“, и эта послѣдняя конъектура (*quam*) намъ кажется безусловно правильной.

Затѣмъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Бурзіана, который объявилъ испорченными („natürlich corrump“) чтенія *Anapladen*¹⁾ и *amythonea* (*amithonea*), превращенное въ *Amythaoniam*²⁾. Первое имя онъ предлагаетъ исправить въ *Anubin* или *Anubidem*, а для второго не успѣлъ подыскать болѣе или менѣе удовлетворительной конъектуры и ограничился указаніемъ египетскаго города Абида, имя котораго ему показалось ближе всего подходящимъ въ палеографическомъ отношеніи къ чертамъ рукописнаго преданія: „für den zweiten (Namen) ist es mir nicht gelungen“, говоритъ онъ, „aus dem mir bekannten Vorrathe von Namen ägyptischer Oerthlichkeiten eine plausible Emendation zu finden; am nächsten kommt noch der Ueberlieferung der Name der Stadt *Abydos* in Oberägypten“³⁾.

Исправленіе *anapladen* (*anaplade*, *anapladem*) въ *Anubin* (*Anu-*

¹⁾ Такъ читается это слово въ лучшихъ рукописяхъ—дрезденской (*D* у Бунте), ватиканской (Vatic. Reg. 1260; *R* у Бурзіана) и Montpellier'ской (*M* у Бурзіана); въ послѣдней это *anapladen* переправлено изъ *anaphaden*. Въ другихъ известныхъ намъ рукописяхъ, относящихся по большей части къ позднѣйшему времени, находимъ кромѣ *anapladem* варианты *anaplade* и *anafalden*.

²⁾ *amithonea DR*, *amythonea M*; изъ другихъ рукописей мы знаемъ варианты *amitenea*, *aminetenea*, *amithenea*, *amitenea*, *amyhteonea* *amythoea*.

³⁾ *Bursian* Zur Texteskritik der Astrologie des Hyginus (въ Sitzungsber. der philos.-philol. und histor. Classe der k. b. Akad. der Wiss. zu München, 1876) p. 20.

bidem) мы признаемъ въ высшей степени вѣроятнымъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны оно не оставляетъ желать ничего лучшаго,—если не считать легкой поправки *Anubim* вмѣсто *Anubin* ¹⁾). Въ архетипѣ, къ которому восходятъ дошедшія до нашего времени рукописи Гигина, по всей вѣроятности, было написано *amurbidem* съ экспунгированными *p* и *de* или же *amuridem* съ экспунгированными *de*, а отъ этихъ чтеній (черезъ посредство *amurhidē*) уже совсѣмъ недалеко до *anaphaden* (*M*¹; см. стр. 99, прим. 1) и затѣмъ до общетрадиціоннаго *anapladen*. Что же касается реального обоснованія этой эмендаціи, то ея сторонники, быть можетъ, признали бы таковымъ общеизвѣстный фактъ, что „Анубиса смѣшивали съ Гермесомъ“ ²⁾),—подчеркивая въ то же время начальныя слова разбираемаго гигиновскаго мѣста: *nonnulli etiam dixerunt Mercurium...* Мы лично, однако воздерживаемся отъ реального обоснованія этой конъектуры Бурзіана по причинѣ, о которой будетъ рѣчь ниже.

Но, принимая первое исправленіе Бурзіана, мы въ то же время рѣшительно высказываемся противъ предложеннаго имъ же превращенія загадочнаго „*amithonea*“ въ верхне-египетскій Абидъ, — и не только потому, что между рукописнымъ *amithonea* (*amithonea*) и этимъ *Abydos* лежитъ цѣлая палеографическая пропасть.

Производя критическій разборъ даннаго мѣста съ большею методичностью, мы должны разсматривать *amithonea* (*amithonea*) въ связи съ непосредственно слѣдующимъ словомъ *aegyptiorum*,—должны принять въ соображеніе, что никакихъ специальныхъ гарантій въ *несомнѣнной* подлинности этого *aegyptiorum* у насъ нѣтъ, а слѣдовательно и нѣтъ безусловной необходимости искать загадочное *amithonea* (*amithonea*) непременно въ *Египтѣ*.

Если *aegyptiorum* на самомъ дѣлѣ является подлиннымъ чтеніемъ, то, на нашъ взглядъ, изъ названій египетскихъ городовъ, мѣстечекъ и мѣстностей трудно подыскать какое-либо другое имя, которое было бы серьезнымъ конкурентомъ конъектуры Бунте *Ammoniam* по части палеографической близости къ рукописному *amithonea* (*amitonea*, *amithonea*). Говоря объ Аммоніи, Бунте, по всей вѣроятности, имѣеть въ виду извѣстную мѣстность Ливіи (*Steph. Byzant. p. 86, 1 Mein.*

¹⁾ Формѣ *Anubim* мы отдаемъ предпочтеніе предъ *Anubin*, принимая въ соображеніе usus Гигина (ср. *G. Kauffmann. De Hugini memoria scholiis in Cicero-nis Aratum Harleianis servata, Vratislaviae, 1888, p. XXXVIII.*

²⁾ Ср. напр., *Pietschmann* въ *Pauhy-Wissowa Real-Encycl. I, Sp. 2649, 2C.*

'Αμμωνία, ἡ μεσόγειος Λιβύη), но можно думать и о городѣ Паретоніа, который назывался также и 'Αμμωνία (Strab. 17,1,14 χαλοῦσα δ' οἱ μὲν Παρατόμιον τὴν πόλιν, οἱ δ' 'Αμμωνίαν); въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, придется изгнать изъ текста предлогъ *in*. Правда, въ одной ватиканской рукописи (cod. Vatican. Palatin. 1363) находимъ чтение *in amithenea civitate egyptiorum*, но было бы слишкомъ неблагоуразумно—ради спасенія *in*—думать о восстановленіи разбираемаго мѣста въ такомъ напр. въ видѣ: *in Ammoniam civitatem Aegyptiorum*; дѣло въ томъ, что упомянутая рукопись принадлежитъ къ разряду интерполированныхъ ¹⁾, и ея *civitate*, несомнѣнно, является интерполяціей.

Если же—вопреки молчаливому согласію всѣхъ нашихъ предшественниковъ—мы рѣшимся заподозрѣть подлинность 'рукописнаго *aegyptiorum* и признаемъ это чтеніе вольною или невольною интерполяціей, восходящей къ самому архетипу нашихъ рукописей Гигина и навѣянной, напримѣръ, именемъ *Анубиса*,—въ такомъ случаѣ нельзя игнорировать конъектуры Микілла *Amythaoniam* уже въ силу ея необыкновенной близости къ рукописному *amythonea* (*amithonea*). Остановившаяся на этой конъектурѣ, мы eo ipso должны вмѣсто *aegyptiorum* читать *Eleorum* или *Eliorum*, зная, что Амиваоніей называлась часть Элиды ²⁾. Искаженіе *eleorum* (*eliorum*) въ *aegyptiorum* естественнѣе всего объяснить вольною или невольною интерполяціей, навѣянной близкимъ сосѣдствомъ имени *египетскаго* божества (*Anubidem* vs. 7).

Если сравнить теперь оба эти чтенія — [*in*] *Ammoniam Aegyptiorum* и *in Amythaoniam Eleorum* — одно съ другимъ, то трудно рѣшить, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе: шансы того и другого намъ кажутся совершенно равными въ палеографическомъ отношеніи, и даже ббольшая близость Амиваоніи къ Ахелою, въ которомъ омывалась Венера, не перетягиваетъ чашки вѣсовъ въ пользу второй конъектуры.

Мы оставимъ однако этотъ вопросъ открытымъ и поищемъ истины

¹⁾ Такъ, между прочимъ, послѣ словъ *exinde uniuscuiusque signi historias causamque ad sidera perlationis ostendimus* (Astron. I, praef. p. 20, 5 sq. B.), въ ней одной находимъ фразу: *diximus quid prius in terra egerint, deinde qua de causa interposita sint caelo*,—очевидно, являющуюся интерполяціонной перифразой предшествующихъ словъ. Въ Astron. 2,18 p. 58, 10 послѣ *regis* эта рукопись вставляетъ *proethi*; p. 58, 15 послѣ *antihie* вставляетъ *regine* (ср. ниже гл. XXVI).

²⁾ Steph. Byzant. p. 87, 14 Mein. 'Αμυθαονία, μοῖρα τῆς Ἠλίδος, ἀπὸ 'Αμυθαόνος τοῦ Κρηθίως, ὡς Ῥιανός.

въ серединѣ... между Амазоніей и Египтомъ. Дорогъ предъ нами многое множество и расходятся онѣ въ разныя стороны, но у насъ есть нѣчто въ родѣ ариадниной нити—въ видѣ ремешка отъ венери-наго башмака или, если угодно, ботинки, утащенной орломъ.

Этотъ то ремешекъ и приводитъ насъ на Кипръ въ городъ Амаунтъ—

[in] *Amathunta Cypriorum.*

Читатель, безъ сомнѣнія, находится въ сильномъ недоумѣніи, не понимая, откуда намъ удалось раздобыться этимъ удивительнымъ ремешкомъ, обладающимъ свойствами ариадниной нити, — и нельзя сказать, чтобы такое недоумѣніе было неосновательнымъ: объ этомъ ремешкѣ, сколько намъ извѣстно, не упоминается ни у одного автора, да и у гигиновскаго *soccus* (vs. 11) — по крайней мѣрѣ непосредственно — имъ позаимствоваться нельзя, такъ какъ извѣстно, что у *socci* ремней не было ¹⁾; если же допустить, что въ *soccus* Гигинъ превратилъ при переводѣ греческаго источника названіе какой-либо женской обуви, при которой ремни полагались, то все же для читателя останется не совсѣмъ яснымъ, почему эти ремни могли бы при случаѣ играть роль ариадниной нити.

Спѣшимъ разсѣять эти недоумѣнія. Вышеупомянутый ремешекъ мы извлекли изъ сопоставленія гигиновскаго *soccus* (*Veneris*) съ глоссою Гесихія ὄρμοι· ἰμάντας ὑποδημάτων и съ замѣткой Павсанія IX, 41, 2 sq.: ἔστι δὲ Ἀμαθῶς ἐν Κύπρῳ πόλις· Ἀδώνιδος ἐν αὐτῇ καὶ Ἀφροδίτης ἱερόν ἐστιν ἀρχαῖον· ἀνακείσθαι δὲ ἐνταῦθα λέγουσιν ὄρμον Ἀρμονίαν μὲν δοθέντα ἐξ ἀρχῆς, καλούμενον δὲ Ἐριφύλης, ὅτι αὐτῇ δῶρον ἔλαβεν ἐπὶ τῷ ἀνδρὶ· ὃν ἀνέθεσαν μὲν οἱ παῖδες ἐς Δελφοὺς οἱ Φηγέως, τρόπον δὲ ὄντινα ἐκτίσαντο αὐτὸν ἐδήλωσεν ἤδη μοι τὰ ἐς Ἀρχάδας ἔχοντα, ἐσολήθη δὲ ὑπὸ τυράννων τῶν ἐν Φωκεῦσιν. (3) Οὐ μὴν παρὰ Ἀμαθουσίως γε ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἀδώνιδος, ἐμοὶ δοκεῖν, ἐστὶν ἐν Ἀμαθούντῃ μὲν γὰρ ἐστὶ λίθοι χλωροὶ συνδέοντες χρυσοῦ σφᾶς ὁ ὄρμος· τὸν δὲ τῇ Ἐριφύλῃ δοθέντα Ὀμηρὸς φησὶν ἐν Ὀδυσσεΐᾳ πεποιῆσθαι χρυσοῦ, καὶ οὕτως ἔχει·

Ἦ χρυσοῦ φίλου ἀνδρὸς ἐδέξατο τιμήντα·

οὐ μὴν οὐδὲ ἡγνόει τοὺς ὄρμους τοὺς ποικίλους.

Иными словами, взаимное сопоставление трехъ этихъ мѣстъ заставляетъ насъ предположить существованіе генетической связи между

¹⁾ Ср. напримѣръ, *Cagnat-Goygau Lexique des Antiquités Rom.*, Paris 1896, p. 262.

миномъ, разказаннымъ у Гигина, и фактомъ нахождения въ амаеунтскомъ святилищѣ Адониса и Афродиты драгоцѣннаго ожерелья или запястья: почти тождественность именъ ὄριος „ремень обуви“ и ὄριος „ожерелье“¹⁾, очевидно, повлекла за собою превращеніе ожерелья Афродиты сперва въ *ремень ея башмака*, а затѣмъ и въ цѣлый *башмакъ* (*soccus*) при пересказахъ или переводахъ того самаго миеа, съ которымъ знакомитъ насъ Гигинъ. Обратное предположеніе — то есть что въ первоначальной версіи миеа была рѣчь о похищеніи орломъ не ожерелья, а ремня отъ башмака Афродиты — намъ кажется несравненно менѣе вѣроятнымъ: изъ за ремня, пожалуй, Афродита и не погналась бы за орломъ; иное дѣло, если, тотъ утащилъ драгоцѣнное ожерелье; наконецъ и амаеунтское ожерелье говоритъ именно въ пользу перваго предположенія.

Въ разказѣ Павсанія при сопоставленіи его съ Гесихіемъ и Гигиномъ мы находимъ такимъ образомъ реальное обоснованіе нашей конъектуры, превращающей рукописное *in amithonea (amythonea) aegyptiorum* въ *Amathunta Cypriorum*. Что же касается ея палеографической близости къ рукописному преданію, то эта близость такъ очевидна, что не нуждается въ спеціальныхъ разъясненіяхъ; замѣтимъ только, что превращенію *cypriorum* въ *aegyptiorum* могли, между прочимъ, поспособствовать и конецъ предшествующаго слова; тутъ же попутно отмѣтимъ до извѣстной степени аналогичные варианты въ рукописяхъ и изданіяхъ Проперція 2, 1, 31.

Дальнѣйшимъ реальнымъ обоснованіемъ нашей конъектуры, повидимому, могутъ быть признаны и слова Стефана Византійскаго (р. 82, 9 Meib.): Ἄραβοῦς, πόλις Κύπρου ἀρχαιοτάτη, ἐν ἣ Ἰδωνίς Ὀσίρις ἀπατάτο, ἐν Αἰγύπτῳ ὄντα Κύπριον καὶ Φοίνικας ἰδιοποιοῦνται, причемъ не мѣшаетъ припомнить и начало вышеприведенной цитаты изъ Павсанія.

Доставляя нашей конъектурѣ болѣе или менѣе прочный реальный фундаментъ, вышеприведенныя цитаты изъ Стефана и Павсанія въ то же время проливаютъ свѣтъ и на прототипъ полузагадочнаго *anapladen*: не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ прототипомъ является Адонисъ.

Спѣшимъ оговориться: этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что вмѣсто *anapladen* слѣдуетъ читать *Adoni(de)m*, а не *Anubi(de)m*, въ

¹⁾ Ср. *Pape* в. ч. ὄριος въ самомъ концѣ.

пользу котораго мы уже высказались выше; мы хотим только сказать, что въ томъ экземплярѣ греческаго источника, которымъ пользовался Гигинъ, могло находиться имя Ἄνυβις (Ἄνυβιν). лишь какъ искаженіе подлиннаго чтенія Ἄδωνις (Ἄδωνιν). Такая погрѣшка могла быть вызвана либо просто фактомъ созвучія обоихъ этихъ именъ, либо являлась плодомъ интерполяціи, по своему „исправившей“ описку Ἄνυβιν¹⁾. По крайней мѣрѣ, намъ не кажется особенно вѣроятнымъ предположеніе специальной версии разбираемаго мѣста — напри- мѣръ на почвѣ замѣтки Ioann. Lud. de mens. 4, 44 p. 79, 2 (ed. Bonn.) τρίτην (Ἀφροδίτην) τὴν συντροφίστην Ἐρμῆ ἢ τοῦ Ναίλοιο, ἧς ἦς καὶ ὁ δεύτερος Ἐρμῆς ὁ ὀκτάτηρος.

По поводу замѣны этого Адониса-Анубиса Меркуриемъ (Гермесомъ) въ другой версии того же мѣста не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію особый мѣстъ объ Адонисѣ сообщенный Сервіемъ (schol. Daniel.) ad Verg. Buc. 10, 18²⁾.

Остается заключить нашъ критическій разборъ указаніемъ, что вмѣсто *locavit* (vs. 14) слѣдуетъ возстановить прежнюю вульгату *collocavit*, которую даютъ почти всѣ рукописи. Эта поправка уже была сдѣлана Кауфманомъ, который замѣчаетъ, что Бунте въ данномъ случаѣ „codices DN se sequi testatur, sed N (вольфенбюттельской рукописи XV вѣка) quid habeat nihil interest, in D manus secunda vocis *collocavit* primam syllabam exrupxit“³⁾.

Итакъ предлагаемъ читать данное мѣсто Гигина слѣдующимъ образомъ:

nonnulli etiam dixerunt Mercurium, alii autem Anubim pulchritudine Veneris inductum in amorem incidisse et, eum ei copia non fieret, animo, ut contumelia accepta, defecisse. Iovem autem misertum eius, cum Venus in Acheloo flumine corpus ablueret, misisse aquilam, quae soccum eius [in] Amathunta Cypriorum delatum Mercurio traderet; quam persequens Venus ad cupientem sui pervenit. qui copia facta pro beneficio aquilam in mundo collocavit.

¹⁾ Ср. аналогичныя описки въ лучшей рукописи Проконія (V=Vatican. 1690)— по второму тому изданія Компаретти (Roma 1896) — p. 227, 3 Βοζάντιον] ζο | βάντιον V pr. (не βοζάντιον, какъ сообщаетъ Компаретти); p. 248, 6 Φάζας] ζόφος V; p. 223, 14 ιουττίγιδι V (не ούττίγιδι, какъ сообщаетъ Компаретти), и т. д.

²⁾ Разбору этого мѣста сервіевскихъ схолій мы посвятимъ особую главу ниже.

³⁾ Kauffmann l. c. p. 47, not. 6.

XXV.

Procor. Anecd. p. 10, 1 ed. Bonn.

*Ὅσα μὲν οὖν Ῥωμαίων τῷ γένει ἐν τα πολέμοις ἄχρι δεῦρο ἐκονηθήσονται γενέσθαι, τῆδέ μοι δεδιήγηται, ἤπερ δυνατὸν ἐγαγόναι τῶν πράξεων τὰς δηλώσεις ἀπάσας ἐπὶ χαρῶν τε καὶ χωρίων ἐπιτηθείων ἀρμοσαμένω, κ. τ. λ.— такъ читается въ боннскомъ изданіи и такъ читалось во всѣхъ предъидущихъ, приче́мъ издатели не обращали вниманія на то, что те (р. 10, 1) не имѣеть себѣ соотвѣтствія въ дальнѣйшемъ текстѣ. Эта ненормальность была впервые отмѣчена лишь въ сравнительно недавнее время Брауномъ ¹⁾, который предложилъ и поправку: ἐν τοῖς πολέμοις. Конъектура Брауна весьма близка къ рукописному преданію и весьма удачно устраняеть его вышеупомянутую аномальность, но мы предпочли бы читать:

ἐν γε πολέμοις.

Частица γε не только ближе чѣмъ брауновское τοῖς къ рукописному преданію, но и сообщаетъ данной фразѣ такой отгѣнокъ, какой, по всей вѣроятности, и былъ приданъ ей самимъ Прокопіемъ: „...событія изъ римской исторіи,—*по крайней мѣрѣ*, военной“...

Изъ массы аналогичныхъ примѣровъ приведемъ три слѣдующихъ изъ „ὑπὲρ τῶν πολέμων“: 8, 17 p. 550, 1 sq. (ed Bonn.) καὶ ἀπ’ αὐτοῦ πολέμιον Ῥωμαίους οὐδὲν ὑπὸ τοῦτον τὸν χρόνον ἐν γε ²⁾ Διβύη ἐγένετο,— 7, 10 p. 318, 23 sq. ἐν οἷς ³⁾ καὶ Κάτελλος ⁴⁾ ἀπόλατο ἐν γε ⁵⁾ Ἰταλιώταις ἀνὴρ δόκιμος,— 1, 8 p. 41, 22 ῥήτορε μὲν ἦσθη καὶ λίαν ἐν γε Неаπολίταις λογιμῶ.

¹⁾ Byzant. Zeitschrift, II, 1893, p. 109.

²⁾ τε L (=cod. Laurent. 69, 8).

³⁾ Принимаемъ это чтеніе изъ V (cod. Vatican. 1690) вмѣсто τοῖς L и вульгата).

⁴⁾ Такова вульгата, слѣдующая чтенію L, κάτελλος V (въ концѣ строки); быть можетъ, слѣдуетъ читать Κάτοουλος.

⁵⁾ Принимаемъ это чтеніе изъ V вмѣсто вульгаты ἐν τοῖς, восходящей къ L, гдѣ этими словами начинается fol. 141^v. Компаретти, слѣдую вульгатѣ (vol. II p. 269, 1) цитуетъ ἐν γε только изъ Wv (то-есть изъ cod. Vatican. 1801 и 152), какъ будто въ V стоитъ тоже ἐν τοῖς.

XXVI.

Huglin. *Astronom.* 2,18 p. 58,14 sq. ed. Bunte.

Аргосская царица Антиа, влюбившись въ Беллерофонта, гостившаго въ то время у ея мужа Пройта, и не добившись взаимности, оклеветала цѣломудреннаго гостя предъ своимъ супругомъ: eum sibi vim adferre voluisse Proeto dicit. Qui quod eum dilexerat, noluit ipse supplicium sumere, sed quod ei Pegasus equum esse sciebat, mittit eum ad Iobatem, Antiae patrem, quam alii Sthenoboeam dixerunt, ut ille filiae pudicitiam defendens, Bellerophonem obiceret Chimaerae (p. 58,13).

„14 vulg. quod aequum esse. emendavi ex N. in G est 'quod equum esse' et superscriptum est 'iustum'. in D equum corr. in 'eum'“, — поясняетъ Бунте въ критическомъ комментарий.

„Эмendaція“ Бунте, который замѣнилъ вульгату явно интерполированнымъ чтеніемъ совсѣмъ дрянной рукописи, несомнѣнно, относится къ тому разряду исправленій, которому нѣмцы дали удачное названіе Schlimmbesserungen. Но слѣдуетъ замѣтить, что и вульгату было бы довольно трудно признать вполнѣ безукоризненнымъ чтеніемъ ¹⁾, несмотря на то, что за нее стоитъ лучшее рукописное преданіе: въ данномъ контекстѣ намъ кажется рѣшительно неумѣстнымъ *sciebat*,— вмѣсто этого „зналъ“ мы ожидали бы „считалъ (полагалъ)“.

Въ виду только что указаннаго соображенія мы предложили бы читать, напримѣръ,

quod aequum esse dicebat.

Въ палеографическомъ отношеніи это *dicebat* очень 'близко подходит къ рукописному *sciebat* (съ предшествующимъ *e*); не такъ близко подходило бы *credebat*.

¹⁾ Ср. Бурзианъ I. с. р. 21: „Die ... Worte 'sed quod aequum (equum *M*; ei equum *M* т. 2 *P*) esse sciebat' bedürfen noch der Verbesserung“ (*P*—парижская рукопись п. 8663, писанная на пергаментѣ, XI-го вѣка). Къ вариантамъ, которые сообщил Бурзианъ, считаемъ не лишнимъ добавить (на основаніи собственнаго сличенія), что въ *R* первоначально было написано *equum*, но, повидимому, та же рука превратила это *equum* въ *aequum*.

XXVII.

Corp. Inscr. Latin. IV 1891.

Въ Помпеяхъ была найдена въ базиликѣ надпись

*Littera Theorianis semper dictura salutem
nomine nunc Dextri tempus in omne manet,*

смыслъ которой остается очень темнымъ для ученыхъ, посвящавшихъ свои досуги ея истолкованію.

„Sententia admodum obscura“, замѣчаетъ Бюхелеръ (*Carmina latina epigraphica*, n. 926). „*Theorianis* necesse est ut dativum suspendi ex *dictura s., Theorus* in eadem basilica commemoratus est n. 1917, *Dexter* in aedibus Pompeianis n. 1563 s. litteram significari theta Wordsworth sibi persuasit, sed salutis dicendae munere epistula arguitur aut destinata Theorianis scriptura, quam poetae ut Ovidius in heroidum principiis etiam singulariter *litteram* nominant. num Dexter sua artis fama meritisque ad talem Pompeianos provocarat? an Pompeianus is ipse honorifica in Theorianos verba incidenda curarat?“

На нашъ взглядъ, ларчикъ открывается довольно просто. Авторъ даннаго двустияша задаетъ загадку: „*съ имени* ¹⁾ DEXTER есть буква, желающая здравствовать домочадцамъ Теора (или коллегіи, основанной Теоромъ, и т. п.); что это за буква?“ — Разгадка: *буква X*, то-есть, χ(αίρετε).

Если придать слову *littera* смыслъ „scriptura“ вообще, то изъ DEXTER можно извлечь даже ХЕРЕТ, то-есть, χ[αί]ρετ(ε), или ХЕРТЕ, χαίρ(ε)τε, — но это уже излишнія тонкости, отзывающіяся натяжкой. Проще остаться при первомъ объясненіи.

Разбираемая надпись пополняетъ такимъ образомъ (весьма скудный) запасъ подобныхъ загадокъ, которыя были извѣстны изъ античной

¹⁾ По поводу *nomine = in nomine* можно сопоставить напр. Bücheler l. c. 1170,2=Cholodniak *Carmin. sepulcr. lat.* 603,2 *marmoreisque meis hic iaceo tumulis*. Мыслимо впрочемъ, что предлогъ былъ опущенъ нарочно, — ради большей трудности загадки вслѣдствіе получающейся такимъ образомъ двусмысленности выраженія.

литературы до сихъ поръ; ср. о нихъ статью Олерта (*K. Ohlert, Zur antiken Räthseldichtung*), недавно появившуюся въ *Philologus* (1897, p. 612—615), а также и „*Rätsel und Gesellschaftsspiele der alten Griechen. Berlin 1886*“ того же автора.

Мимоходомъ упомянемъ, что словарь Георгеса (VII изд.) не мѣшало бы обогатить словомъ *chaere* (χαῖρε): намъ извѣстны два примѣра: 1) *Pers. prolog.* 8 quis expedivit psittaco suum chaere? 2) *Bücheler l. c.* 610 = *Cholodniak* 367,2 *Aeoni, chaere!* (ср. *ibid. vs.* 4 *Aionii, salve!*).

XXVIII.

Applan. Syr. 55 p. 425,22 ed. Mendelssohn.

Ἦρε (ὁ Σέλευκος) Μεσοποταμίας καὶ Ἀρμενίας καὶ Καππαδοκίας τῆς Σελευκίδος λεγομένης καὶ Περσῶν καὶ Παρθαίων καὶ Βακτρίων καὶ Ἀράβων καὶ Ταπύρων καὶ τῆς Σογδιανῆς καὶ Ἀραχωσίας καὶ Ὑркανίας κтл. — читается въ изданіи Мендельсона (p. 425,20), который говоритъ въ примѣчаніи, что vs. 22 онъ замѣнилъ рукописное чтеніе ἀραβίων своей конъектурой Ἀράβων „propter constantem Applanii usum“.

Арабовъ считаетъ здѣсь неумѣстными Марквартъ (*J. Marquart*) и предлагаетъ читать Ἀραίων: „Mendelssohn“, говоритъ онъ ¹⁾, „ändert schlankweg das Ἀραβίων der Hss. in Ἀραίων. und Droysen, *Gesch. des Hellenismus II*² 2,224 nimmt an diesen sonderbaren chorasantschen Arabern nicht den geringsten Anstoss. Es kann aber selbstverständlich nur die Landschaft Herät gemeint sein. Der Archetypus hatte Ἀραίων, wo also ein Korrektor die genaue Form Ἀραίων = *Haraiwa* durch die gewöhnliche Ἀραίων ersetzt wissen wollte“.

Мы предпочли бы возстановить форму Ἀραίων: такое чтеніе не только было бы ближе къ рукописному преданію (въ архетипѣ могло быть ἀραίων^β), но и точнѣе, чѣмъ марквартовское Ἀραίων, передавало бы подлинное имя *Haraiwa*. Объ ἀραίων, то-есть, Ἀραίων, едва ли слѣдуетъ думать.

¹⁾ *Philol.* 1896, p. 240.

XXIX.

Corp. Inscr. Lat. V 7542 — Buecheler Carm. Lat. epigr. 924.

Въ бумагахъ Эннiо Квирино Висконти была найдена слѣдующая весьма любопытная надпись:

C V · R M · E S I M · M · I M
 C A S T A M · F I D E S · C A S T A M
 C V S · T O D I A M · N O B I S · S A C V L V S
 H O C M · D I C E T M · D O M I N A · M A D A
 5. T A M · P R O E T A I M · H A D · M I
 E F · D O M I N A I M P R O T I N V S
 A D A F M · M E T A I M · A D A M V S
 D O M I N A I M · T V M S A C V L E
 M · C A S T V S · A B I T O M · N O M
 10. P O S V M · S O L V S · O M I N I B V S
 A R C O E R E M ·

За точность копiя ручается самъ Висконти. Намъ же, отсылая за деталями къ Согриус'у, слѣдуетъ пояснить, что вторая буква въ 6 строкѣ похожа на F со стершейся нижней горизонтальной черточкой; въ послѣднемъ словѣ 7 строки буквы AM образуютъ монограмму, какъ и CO въ 11 строкѣ; въ послѣднемъ словѣ 9 строки вторая буква, которую Бюхелеръ принимаетъ за O, походить на нижнюю половину O, пересѣченнаго наклонною линiей, идущей отъ верхняго конца N до нижняго конца M, — иными словами, эта буква отчасти напоминаетъ a, написанное вкось, съ наклономъ влѣво.

Бюхелеръ восстанавливаетъ стихотворенiе въ слѣдующемъ видѣ:

Curaest casta fides, casta custodia nobis:
 sacculus hoc dicet. domina mandata poeta
 admittet: 'dominae protinus adde meae,
 addamus dominae, tum saccule castus abito;
 non possum solus omnibus arguere',

поясняя: „carmen restituere conatus sum *m* totiens inculcatum ex aliquo ornamento ductuve lapidario provenisse ratus, *sacculus hadmitet* similia non expressi ad lapidem ne obsessent perspicuitati verborum satis involutorum cura pudoris“. При этомъ онъ не безъ основанiя

остаётся не вполне удовлетворённымъ возстановленіемъ начала перваго стиха, замѣчая: „*! incertissimum principium, fortasse est mihi casta. tum prima extra numerum*“.

Это „*incertissimum principium*“, на нашъ взглядъ, довольно просто превратить въ *certissimum*, ничего не оставляя *extra metrum*. Мы предлагаемъ читать:

*Cur sint casta fides, casta custodia nobis.
sacculus hoc dicet.*

возстановляя въ началѣ разбираемаго стиха CV · RM · ESIM · NTM · и по поводу *esint* сопоставляя *epoetain* въ 5 строкѣ данной надписи.

Въ 3 стихѣ изъ ADAFM Бюхелеръ весьма удачно извлекъ ADAEM. то-есть, *adae* (*adde*). Въ слѣдующемъ стихѣ TVM могло бы означать и *tu*, но *tum* гораздо вѣроятнѣе. Наконецъ въ началѣ 5 стиха вмѣсто *non* мы предпочли бы возстановить *nam*. Правда, а имѣетъ въ данной надписи специальную форму Δ (кромѣ однако 7 строки въ словѣ *theain*), но ничто не мѣшаетъ предположить, что въ разбираемомъ словѣ эту букву рѣзчикъ по разсѣянности написалъ минускулой. Въ виду непосредственно предшествующей фразы: *tum, saccule, castus abito*, намъ кажется *nam* въ разбираемомъ мѣстѣ болѣе уместнымъ чѣмъ *non*.

Присоединяясь къ бюхелеровскому толкованію *arcoere* = *arguere*. то-есть, „*argutari aut argumenta loqui*“¹⁾), мы, замѣняя его *non* своимъ чтеніемъ *nam*, естественно, расходимся въ объясненіи всего 5 стиха²⁾), а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего стихотворенія.

„*Cur sint casta fides, casta custodia nobis*“, объ этомъ, говоритъ поэтъ, скажетъ мѣшочекъ (то-есть, его содержимое,—записка). Моя возлюбленная приметъ посланіе поэта. Ты, мѣшочекъ, поскорѣй отдай (эту записку) моей возлюбленной, а самъ ступай прочь: я — посредствомъ записки — могу и одинъ (безъ лишнихъ свидѣтелей) дать нужныя объясненія возлюбленной по всемъ вопросамъ, которые интересуютъ насъ въ данный моментъ.

Фраза: *cur sint casta fides, casta custodia nobis*, разумѣется, допускаетъ различныя толкованія; если не видѣть въ ней какихъ-либо

¹⁾ „*Sprevi adicere, arrigere* nec prosunt graeca εις πασιν ἀρχαίαι“, резонно замѣчаетъ онъ въ концѣ примѣчанія.

²⁾ „*Ὁὐ λόγῳν γάρ ἡ ἀγορὴ δεῖται, χαλκῶν δέ*“, присовокупляетъ Бюхелеръ къ вышеприведеннымъ (въ текстѣ) словамъ, повидимому, намѣчая посредствомъ этой цитаты контуры своей интерпретаціи.

особыхъ условныхъ терминовъ или выражений,—въ родѣ тѣхъ, что попадаются въ любовной корреспонденціи, наполняющей въ отдѣлѣ объявленій послѣдніе столбцы заграничныхъ газетъ,—то она можетъ въ переводѣ на обычный языкъ значить напримѣръ: „почему я принимаю такія мѣры предосторожности (по отношенію къ передачѣ своей записки)“.

По поводу *adde* и *addamus* Бухелеръ весьма удачно сопоставилъ *Donat. in Terent. Phorm. 1, 1, 8: mire non dent, sed addant.*

Изъ вышеприведенной транскрипціи Бухелера можно заключить, что онъ принимаетъ vv. 3—5 *dominae protinus—omnibus arguere* за самыя *mandata poetae*; это намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Предположеніе того же ученаго, что приставное *m*, сопровождающее болшую часть словъ разбираемаго стихотворенія, „*ex aliquo ornamento ductive lapidario provenisse*“—очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ категорическимъ завѣщеніемъ Висконти, что надпись списана съ величайшею тщательностію ¹⁾; поэтому мы предпочли бы дать упомянутымъ *m* нѣсколько иное объясненіе. Въ разбираемомъ стихотвореніи мы имѣемъ, очевидно, образчикъ *тайной* любовной переписки, а потому всего естественнѣе предположить въ вышеупомянутомъ *m* элементъ *тайнописи* ²⁾. Первая строка разбираемой надписи *si. gm. esim. m. im* ³⁾—дѣлаетъ довольно вѣроятнымъ предположеніе, что авторъ любовнаго посланія первоначально хотѣлъ написать такимъ же способомъ и остальные строки (т. е. приблизительно такъ: *cam. sm. tam. fm. dm. esm. sam. sm. tam. cum. sm. tom. dm. iam. pom. bim. sm.* и т. д.), чтобы сдѣлать и ихъ непонятными для лицъ, не посвященныхъ въ тайны его шифра,—а что шифръ этотъ былъ придуманъ искусно и удачно, это, конечно, не откажется подтвердить и самъ Бухелеръ съ его „*incertissimum principium*“. Отказаться отъ первоначальнаго намѣренія могло заставить автора, напримѣръ, то простое соображеніе, что въ его пятистишіи ничего нѣтъ такого, что нуждалось бы въ полномъ покровѣ тайнописи. Что же касается того прозрачнаго покрова, въ которомъ видимъ болшую часть разбираемаго стихотворенія теперъ, то наивность такой „*тайнописи*“ невольнo за-

¹⁾ „Fu copiata questa iscrizione colla maggiore esattezza“.

²⁾ Являлось ли такимъ же элементомъ и *e* въ *esim* и *epoetaim*, это—вопросъ открытый, но мы склоняемся въ пользу отрицательнаго отвѣта.

³⁾ Въ оригиналѣ, вѣроятно, было: *CV. RM. ESIM. N. TM.*

ставляет припомнить не безызвестный анекдотъ о томъ, какъ одинъ паренъ говорилъ „по херамъ“.

Въ заключение приведемъ разбираемое стихотвореніе въ его оригинальной ореографіи, но безъ элементовъ тайнописи.

Cur esi[nt] casta fides, casta custódia nobis,
 Saculus hoc dicet. Domina ma(n)data eroetai
 Hadmi[t]et,—domina[] protinus ada[e] meai.
 Adamus domina[]; tum, sacule, castus abito,
 Nam posum solus om(1)nibus arcoere.

XXX.

Catull. c. 2.

„Sed quanta est opinionum varietas!“
Giri l. c. p. 49.

5. Passer deliciae meae puellae
 quicum ludere quem in sinu tenere
 quoi ¹⁾ primum digitum dare atpetenti
 et acris solet incitare morsus
 cum desiderio meo nitenti
 carum nescio quid libet iocari
 et solatiolum sui doloris
 credo ut cum gravis acquiescet ardor
 tecum ludere sicut ipsa possem
10. et tristis animi levare curas
 tam gratum est mihi quam ferunt puellae
 pernici aureolum fuisse malum
 quod zonam solvit diu ligatam ²⁾).

Таково лучшее рукописное преданіе этого стихотворенія, которому выпала на долю не особенно завидная честь служить мишенью конъектуральнаго и экзегетическаго остроумія цѣлаго ряда ученыхъ, начинаая съ XVI вѣка ³⁾),—et adhuc sub indice lis est...

¹⁾ Такъ даютъ двѣ (позднихъ) рукописи (*Cb* у Эллиса), cui *al* и *O marg.*, qui—остальныя (между прочимъ и *O* въ текстѣ). Въ архетипѣ могло быть qui.

²⁾ negatam *OG*.

³⁾ Ср. кромѣ критическихъ изданій Катулла *Giri* l. c. p. 49 sqq. и *Will. Meyer* (aus *Speyer*) *Zu Catull's Gedichten* (въ *Sitzungsberichte der philoa.-philol. und histor. Classe der k. b. Akad. der Wiss. zu München*, 1889, II) p. 245 sq.

Центрами этой критико-эзегетической дѣятельности нашихъ предшественниковъ ¹⁾ являются 7-й и 8-й стихи. Въ 7-мъ стихѣ *одни ученые отстаиваютъ et*, другіе замѣняютъ это слово разными конъектурами. Въ качествѣ представителей перваго направленія видимъ съ одной стороны—Лакманна, который разсматриваетъ *iocari et solaciolum*, какъ два самостоятельныхъ подлежащихъ къ *libet* ²⁾, и находить себѣ послѣдователя въ лицѣ Мориза Гаупта; съ другой стороны—проф. И. В. Нетушила, видящаго здѣсь зевматическое сочетаніе ³⁾; съ третьей стороны—Шпенгеля, который предполагаетъ лауну послѣ 7-го стиха, и Россбаха, принимающаго лауну послѣ 8-го стиха; наконецъ, съ четвертой стороны—Беренса, который превращаетъ *iocari* въ *iocique* („*karum nescio quid lubet, iocique et solaciolum sui doloris*“, hoc est, cum puellae placet res aliqua grata, quae ei sit et loco et solacio, germanice: 'als Zeitvertreib und Troestelein für ihren Liebesharm'“, l. c. p. 77).

Изъ тѣхъ ученыхъ, которымъ *et* оказывается не по сердцу или не по мысли, одни превращаютъ это слово въ *ut* (такъ дѣлаютъ—кромѣ *margo edit. Vicetinae* 1481 г. и перваго изданія Альда—тоже на полѣ,—А. Гуарини, Муреть, Стацій ⁴⁾, Скалигеръ, Марцилій ⁵⁾,

¹⁾ Въ основу нижеслѣдующаго обзора этой дѣятельности нашихъ предшественниковъ нами положенъ обстоятельный обзоръ, сдѣланный *Джирри* p. 49 sq. Приблѣгнуть къ посредству книги этого ученаго насъ заставила главнымъ образомъ невозможность достать здѣсь, въ Римѣ, многихъ изданій Катутла и разныхъ диссертацій, относящихся къ его произведеніямъ. Обзоръ Джирри мы дополнили указаніями объясненій и конъектуръ проф. И. В. Нетушила, Беренса, Бергарда Шмидта и Постгата (*I. P. Postgate, Catulliana* въ *Mnemovune* N. S. XIV, 1886 p. 433 sq.), а также видоизмѣнили группировку критическаго матеріала, сообщеннаго итальянскимъ ученымъ.

²⁾ Ср. по этому поводу основательныя возраженія *Беренса* *Catull. vol. II. p. 76.*

³⁾ „На основаніи рукописныхъ данныхъ въ 7-мъ стихѣ можно оставить чтеніе *et* въ значеніи объяснительной координаціи къ слову *carum*, такъ что „*cum libet carum nescioquid (=aliquid) iocari et solaciolum sui doloris*“=всякій разъ, когда захочется ей имѣть какую-либо милую забаву (развлеченіе) и притомъ утѣшеніе въ своей печали, то-есть забаву, которая доставила бы утѣшеніе *carum iocari et solaciolum=zeugma*); далѣе же въ словахъ: *credo ut tum (?) gravis acquiescat ardor* заключается лишь болѣе пространное изложеніе того же, что выражено передъ тѣмъ словами: *solaciolum doloris*, такъ что *dolor* замѣняется выраженіемъ *gravis ardor*, а *solaciolum* истолковывается глаголомъ *acquiescere*“ (*Журн. Минист. Нар. Просв.* 1889, декабрь, отд. класс. филол., стр. 38 прим. 1).

⁴⁾ *A. Statius*, издавшій Катутла въ Венеціи въ 1566 году. Онъ же предлагаетъ поставить 7-й стихъ послѣ 1-го, что совершенно неправильно.

⁵⁾ Сверхъ того вмѣсто *sui* этотъ ученый предлагаетъ читать *sicut*.

Дерингъ (см. ниже), Л. Миллеръ и Ризе),—другіе высказываются въ пользу *in*—конъектуры старинныхъ итальянскихъ ученыхъ: въ рядахъ сторонниковъ этой конъектуры видимъ Гушке, Плейтнера, Гартару („*cui et etiam placet*“ замѣчаетъ Джери р. 49), Бернгарда Шмидта ¹⁾; Дѣрингъ, повидному, самостоятельно додумавшійся до *in*, впоследствии измѣнилъ этой конъектурѣ для *ut* ²⁾. Третьи читаютъ *es* вмѣсто *et* (Якобсъ, Гарнеккеръ); четвертые предлагаютъ *est* (Гандъ, Россбергъ, Шѣльль); *te* предложилъ Вильгельмъ Мейеръ (aus Spreyer), къ толкованію котораго мы еще вернемся; *tu*, предвосхищенное Николаемъ Гейнзиемъ,—Гермесъ, который сверхъ того желаетъ читать *mei* вмѣсто *mi*; и наконецъ *sit* (вмѣсто *et*)—Мѣнро, который ставитъ 7-й стихъ послѣ 8-го, что тоже было предвосхищено Гейнзиемъ (но послѣдній въ этомъ 8-мъ стихѣ предлагалъ замѣнить *credo* своею конъектурой *corde*).

Начало 8-го стиха подвергается конъектуральному насилию со стороны и другихъ ученыхъ: вмѣсто *credo ut* Скалигеръ предлагалъ читать *credunt*, Постгэтъ (Mnemosyne N. S. XIV, 1886 р. 433 sq.) — *credit*, Пальмеръ — *cordi est*, приближаясь къ Гейнзию, наконецъ Эллисъ — *utcumque est* вмѣсто *credo ut cum*. Большинство ученыхъ однако, оставляя въ покоѣ *credo*, устремлялось противъ словъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ глаголомъ: вмѣсто *ut cum* (оставляемого напримѣръ Мейеромъ) очень многіе читали *ut tum* вслѣдъ за Б. Гуарини (Муретъ, Стацій, Дѣрингъ, Гандъ, Гейзе, Россбергъ, Гарнеккеръ, Ризе, Швабе), *ut iam* Л. Миллеръ, *et cum* Джери (р. 51), *et tum* Шѣльль, *tum* (выбрасывая *ut*) Вестфаль и Бэрэнсъ ³⁾, *dum* Вербургъ и Гушке, *ut* Фоссъ и Вульпій, *uti* Шрадеръ, Морницъ Гауптъ, Фаленъ, Шмидтъ, Якоби, *iam* Гермесъ, *et quo* Постгэтъ. Въ связи съ этими конъектурами большинство превращало вслѣдъ за Б. Гуарини и *acquiescet* въ *acquiescat* (рукописное *acquiescet* удержали изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ

¹⁾ Этотъ ученый въ текстѣ своего изданія оставляетъ *et* (но съ слух philologica) а въ примѣчаніи говоритъ: „*in solatiolum Itali fortasse recte*“.

²⁾ „*In... Doeringius qui ad non minus probat*“, ошибочно замѣчаетъ Джери р. 49; ср. С. Valerii Catulli Veronensis carmina annotatione perpetua illustr. F. Guil. Doering, Altonae 1834, р. 2: „*Equidem iam olim pro Ut solatiolum tentaveram: In solatiolum. Necdum poenituit me huius emendationis propositae; magis tamen nunc mihi placet: Ut (tanquam id sit) doloris sui, ut mihi videtur (credo), solatiolum*“ и проч.

³⁾ Къ этой конъектурѣ мы еще вернемся ниже.

только Вестфаль, Гарнеккеръ, Шёлль, Бэреньс и Гермесъ; Джири (р. 51) остановился на чтении: *credo, et cum gravis adquiescit ardor*. Не желая долѣе злоупотреблять терпѣніемъ читателя, мы оставимъ безъ упоминанія различные способы интерпункціи, которымъ подвергалось все это стихотвореніе вообще и злополучные 7 и 8 стихи въ частности. Равнымъ образомъ оставимъ въ сторонѣ и 11—13 стихи. о связи которыхъ съ предшествующими было высказано тоже не мало болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній и предположеній: по этому вопросу можемъ указать изъ области русской филологической литературы на превосходную статью проф. *И. В. Нетушила*, уже неоднократно цитованную нами выше: „Экзегетическія замѣтки къ Катуллу. I. Ad. с. 2, 11—13“, и помѣщенную въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889, декабрь, отд. классич. филологін, стр. 33—39.

Вернемся къ предыдущимъ стихамъ многострадальнаго стихотворенія и, прежде чѣмъ сообщить свою собственную попытку его восстановления и экзегезы, познакомимъ читателей съ оригинальнымъ и не лишеннымъ извѣстной пикантности толкованіемъ, которое предложилъ Вильгельмъ Мейеръ aus Spreuer ¹⁾.

„Прежде всего“—разсуждаетъ этотъ почтенный ученый— „ясно, что словомъ *iocari* предложеніе еще не кончается; ожидается еще главный глаголь (отъ котораго зависить все это предложеніе). Мнѣ всегда казались очень странными 5 и 6 стихи. Почти для каждаго изъ вышеприведенныхъ толкованій и конъектуръ было бы гораздо лучше, чтобы обоихъ этихъ стиховъ совсѣмъ не было. Въ 1—4 стихахъ ясно и со всѣми деталями сказано, что дѣлаетъ дѣвушка съ воробьемъ, — къ чему же тогда еще это '*sciam nescio quid iocari*'? Что дѣлаетъ дѣвушка, это вѣдь ужъ ясно сказано; къ чему въ такомъ случаѣ еще загадочное описательное обозначеніе (*die mysteriöse Umschreibung*) этого? Оба этихъ стиха — безвкусны, если поставить ихъ въ ближайшую связь съ послѣдующими 7 и 8 стихами, — загадочная тавтологія, если ихъ соединять съ предшествующими 1—4 стихами. Изъ этихъ 4 первыхъ и 2 послѣдующихъ стиховъ видно, что puella играетъ со своимъ воробьемъ и при этомъ находитъ облегченіе отъ любовной тоски. Это — фактъ. О немъ Катулль не можетъ сказать въ 7 стихѣ '*credo*'. Это слово указываетъ на какое то особенное, выходящее изъ ряду вонъ утвержденіе (*eine auffallende*

¹⁾ *Zu Catull's Gedichten*, I. c., p. 245—248.

Behauptung). Намекъ на послѣднее, конечно, заключается и въ словахъ 'carum nescio quid'. Это особенное утверждение, вѣроятно, является собственною цѣлью всего стихотворенія. Отношенія дѣвушки къ воробью должны навѣвать мысль о какой-то сладкой тайнѣ, которая столь замѣтно утишаетъ любовный пылъ этой puella. Что при этомъ дѣлаетъ дѣвушка, это ясно сказано въ 4 первыхъ стихахъ; это—не 'carum nescio quid iocari'. Послѣднее скорѣе исходитъ отъ воробья. Онъ является тутъ очарователемъ. Въ чемъ состояли его чары, это видно изъ 3, 9. 10 'circumsiliens modo huc modo illuc ad solam dominam usque ripiabat'. Cum такимъ образомъ должно быть предлогомъ, и (слова) cum desiderio meo nitenti слѣдуетъ соединять съ iocari. Этотъ инфинитивъ зависить отъ credo; теперь у насъ нѣтъ еще главнаго, — подлежащаго, винительнаго надежа къ инфинитиву. Этимъ подлежащимъ долженъ быть воробей. Мы находимъ подлежащее, читая 'te' вмѣсто 'et'. Слова 'carum nescio quid libet' являются такимъ образомъ дополненіемъ къ 'iocari'. Обыкновенно употребляются выраженія короче—'carum nescio quid' или 'carum quid libet'. Для такой плеонастичности выраженія, какъ 'carum nescio quid libet', я не могу теперь привести другихъ примѣровъ; но для предполагаемой мною здѣсь мысли эта полнота выраженія такъ живописна, что мнѣ, пожалуй, даже пріятнѣе, если аналогичныхъ примѣровъ не найдется совсѣмъ или найдется ихъ очень мало'). 'Solaciolum sui doloris' (ср. с. 50, 17) является такимъ образомъ приложеніемъ къ te, и слѣдовательно употребляется почти лично, какъ deliciae и desiderium. Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ это слово встрѣчается еще разъ, въ одной надписи позднѣйшаго времени, тоже какой-то супругъ [n. b.!] называетъ свою супругу 'dulce solaciolum vitae'. Слова 'dass mit meinem reizenden Lieb trauten Scherz du pflegest, du süsßer Leidens-trost, das glaub' ich' Катюль, по рукописному преданію, дополняетъ словами 'ut cum gravis acquiescet ardor'. Если Катюль высказалъ особенное утверждение и заключилъ его словомъ 'credo', то ему естественно указать и причину, которая привела его къ этому мнѣнію. Такъ какъ ut qui употребляется въ смыслѣ utpote qui, quippe qui, то не вижу основанія, почему бы нельзя было употребить и ut cum=quippe cum. У Квинтиліана встрѣчается такое сочетаніе неоднократно: X, 1, 76 sequitur oratorum ingens manus, ut cum decem simul Athenis una aetas tulerit; 6, 3, 9 risus saepe rerum maxima-

¹⁾ Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ намъ.

tum momenta vertit, ut cum odium iramque frequentissime frangat; (приводятся еще три примѣра: 5, 10, 44. 6, 1, 52. 9, 1, 3). Правда, я астрѣчаю примѣры такого употребленія только у Квинтилиана. Однако, что позволилъ себѣ осмотнительный грамматикъ, то еще скорѣе могъ позволить себѣ Катуллъ. При 'ut cum' будущее acquiescet, сообщаемое рукописями, натурально, не имѣетъ смысла. Quippe съ относительнымъ мѣстоименіемъ или съ cum соединяется въ архаической латыни и съ изъявительнымъ наклоненіемъ; но конъектура 'acquiescat' естественнѣе и такъ же легка какъ 'acquiescit'. Кому кажется слишкомъ искусственнымъ (gelehrt) такое объясненіе ut cum, тотъ можетъ получить легкую и подходящую мысль посредствомъ легкаго измѣненія преданія—ut tum gr. acquiescat ardor: tum, пожалуй, излишне, но все же не невозможно. Итакъ, я пишу и интерпунгирую слѣдующимъ образомъ:

Passer, deliciae meae puellae,
 quicum ludere quem in sinu tenere
 quoi primum digitum dare adpetenti
 et acris solet incitare morsus:
 cum desiderio meo nitenti
 carum nescio quid libet iocari
 te, solaciolum sui doloris,
 credo, ut cum gravis acquiescat ardor.

Такимъ образомъ поэту почти само собою навязывалось въ заключеніе желаніе:

Tecum ludere sicut ipsa possem
 et tristis animi levare curas!"

Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за столь длинную выписку: познакомить ихъ съ оригинальнымъ и замѣчательнымъ въ многихъ отношеніяхъ толкованіемъ Мейера изъ Шпейера мы считали небезполезнымъ какъ потому, что оно является весьма характернымъ завершеніемъ той критико-экзегетической катавасіи, съ отдѣльными моментами которой мы имѣли дѣло выше,—такъ и потому, что въ этомъ толкованіи мы имѣемъ въ высшей степени поучительный примѣръ или образецъ того, какъ не слѣдуетъ относиться къ тексту древнихъ авторовъ.

Въ специальныхъ опроверженіяхъ разсужденія Мейера изъ Шпейера, очевидно, не нуждаются: почтенный ученый былъ такъ любе-

зень, что самъ обнаружилъ слабыя стороны своего толкованія ¹⁾). „Живописность“ выражений въ родѣ *carum nescio quid libet* или скачки отъ „осмотрительныхъ грамматиковъ“ серебрянаго ѣѣка римской литературы къ Катуту невольна воскрешаютъ въ памяти старинныя этимологіи въ родѣ „*lucus a non lucendo*“... При помощи такихъ аргументовъ, разумѣется, можно доказать все, что угодно, — но прибѣгать къ нимъ врядъ ли позволительно серьезнымъ ученымъ.

Мы предложили бы возстановить разбираемое стихотвореніе, безъ особенныхъ насилій надъ рукописнымъ его текстомъ, слѣдующимъ образомъ:

- Passer, deliciae meae puellae
 (quicum ludere, quem in sinu tenere,
 quoi primum digitum dare adpetenti
 et acris solet incitare morsus,
 5. cum desiderio meo nitenti
 carum nescio quid libet iocari)
 7. et solaciolum sui doloris!
 9. tecum ludere sicut ipsa possem
 10. et tristis animi levare curas:
 8. credo, tum gravis acquiesset ardor,
 11. tam gratus mihi, quam ferunt puellae
 pernici aureolum fuisse malum,
 quod zonam soluit diu ligatam.

Поэтъ обращается къ воробью своей возлюбленной, называя его „*deliciae meae puellae et solaciolum sui doloris*“, при чемъ поясняетъ первый эпитетъ 2—6 стихами, которые мы поставили въ скобки ради удобства ориентировки. Въ минуты грусти дѣвушка могла развлекать себя точно такимъ же обхожденіемъ съ своимъ воробьемъ, и потому нѣтъ основаній предполагать какую либо лакуну послѣ 7 стиха.

Мы переставляемъ 8 стихъ послѣ 10-го, не считая возможнымъ допустить паратактическое сочетаніе: *credo, tum gravis acquiesset ardor, (si) tecum ludere sicut ipsa possem* и проч. На второмъ аргументѣ, которымъ является непосредственная и тѣсная связь 8 и 11 стиховъ при чтеніи *gratus* вмѣсто *gratum est*, мы предпочитаемъ не настаивать, такъ какъ предложили эту послѣднюю конъектуру лишь для примѣра, считая вопросъ объ отношеніи 11—13 стиховъ къ 1—10

¹⁾ Мы отмѣтили эти мѣста въ вышеприведенной выпискѣ курсивами.

все еще открытымъ. Нельзя однако умолчать объ одномъ внѣшнемъ обстоятельстве, на которое можетъ опереться предлагаемая нами перестановка 8 стиха: одинаковое начало 7 и 10 стиховъ (*et*) раскрываетъ намъ весьма естественную, механическую причину переселенія 8 стиха на не подобающее ему мѣсто. Писецъ архетипа, написавъ 7 стихъ, могъ машинально пропустить непосредственно слѣдовавшіе за нимъ 9 и 10 и только по написаніи 8 стиха могъ замѣтить свою ошибку; не желая прибѣгать къ перечеркиванію 8 стиха, онъ оставилъ его на томъ же мѣстѣ и только на полѣ или надъ строкой сдѣлалъ знакъ, водворяющій этотъ 8 стихъ на его законное мѣсто. Позднѣйшіе же переписчики, какъ это нерѣдко случается и случилось, оставили этотъ знакъ безъ вниманія.

Въ томъ же 8 стихѣ мы, слѣдуя Вестфалу и Бэренсу, читаемъ *tum* вмѣсто рукописнаго *ut cum*, которое нашло себѣ столь неудачнаго — и къ тому не вполне надежнаго — защитника въ лицѣ Мейера изъ Шнейера. Какъ объяснял себѣ процессъ порчи *tum* въ *ut cum* Вестфаль, мы не знаемъ, а съ бэренсовымъ объясненіемъ не вполне соглашаемся, находя послѣднее довольно натянутымъ. „Pro ‘ut cum’, говоритъ Бэренсъ l. c. p. 77, — *restituamus ‘tum’; pro quo cum corruptela omnium vulgatissima exaratum esset ‘cum’, supra ‘c’ corrector scripsit ‘u. t’; etsi enim plerumque per ‘ut’, tamen interdum etiam per ‘ū’ uel ‘u.’ indicatur varia quaedam lectio; quas varias lectiones non intellectas hic illic in ipsum uerborum contextum inrepsisse, norunt qui codices multos manibus triverunt*“. Мы думаемъ, что вслѣдствіе крайней незначительности размѣровъ слова *cum* корректоръ врядъ ли ограничился надписаніемъ только *t* надъ *c*: скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что онъ надъ ошибочнымъ чтеніемъ *cum* прямо надписалъ вѣрное *tum*, но изъ этого *cum*, принятаго послѣдующими переписчиками за *cum*, и получилось теперешнее *ut cum*.

По поводу превращенія рукописнаго *acquiescet.* въ *acquiesset* можемъ сопоставить съ одной стороны Hugin. *Astronom* p. 56, 5 ed. Bunte, гдѣ вмѣсто *laccessere* двѣ рукописи даютъ *laccescere* (именно cod. Vatican. Regin. 1260, IX вѣка и Vatican Regin. 1207, XIII—XIV вѣка), — съ другой, *ibid.*, p. 35, 21, гдѣ вмѣсто *quiescere*, какъ даютъ лучшія рукописи, въ нѣкоторыхъ позднихъ и интерполированныхъ — какъ, на примѣръ, въ cod. Vatican. 3110 (первая часть), XV вѣка, — читается *quiesse*, принятое Бунте. Впрочемъ и безъ такихъ аналогій вполне ясна и понятна возможность смѣшенія буквъ *S* и *C*.

Превращеніемъ своимъ въ *gratum est* возстановляемое нами *gratus* скорѣе всего могло быть обязано интерполяціи: переселеніе 8 стиха на другое мѣсто оставило это *gratus* безъ существеннаго, что и подало поводъ интерполлятору „исправить“ *gratus* въ *gratum est*. Повторяемъ однако, что на этомъ возстановленіи мы не считаемъ возможнымъ настаивать, признавая вопросъ объ отношеніи 11 — 13 стиховъ къ 1 — 10 еще открытымъ и отсылая по этому поводу къ вышеупомянутой статьѣ проф. И. В. Негушила, а также къ Баренсу I. c., p. 79—81.

Остается замѣтить, что противъ приравненія *gravis ardor* нашего поэта извѣстному *augustin malum* Аталанты врядъ ли найдутся серьезныя возраженія.

М. Крашенинниковъ.

PROCOPIANA.

I.

БЪ КРИТИКИ ТЕКСТА V КНИГИ „Ἰπὲρ τῶν πολέμων“ ПРОКОПІА КЕСАРІЙСКАГО.

Намѣреваясь подвергнуть подробному критическому разбору вторую тетраду „Ἰπὲρ τῶν πολέμων“, то-есть, такъ называемую *Bellum Gotthicum* II. I—IV, въ другомъ мѣстѣ, мы находимъ не безполезнымъ сообщить здѣсь рядъ *собственныхъ конъектуръ*, по большей части безъ мотивировокъ, то-есть почти такъ же, какъ это было сдѣлано по отношенію къ разнымъ сочиненіямъ того же историка Брауномъ ¹⁾.

Текстъ Прокопіа мы будемъ цитовать по страницамъ и строкамъ перваго тома новѣйшаго изданія—Компаратти ²⁾.

4,8 ἀναίδην] читай ἀνέδην.

6,6 τοῦτοις δὲ (δῆ?) οἱ ἀμφὶ Ὀδοάκρον ὑπαντίασαντες μάχαις τε ἠσσηθέντες (κατὰ κράτος) πολλαῖς κτλ. Послѣ ἠσσηθέντες въ L ³⁾ оставленъ пробѣлъ въ 10 — 12 буквъ, который мы и заполнили для примѣра (вмѣсто κατὰ κράτος могло быть тамъ, конечно, и что-нибудь въ родѣ καρτεραις τε καὶ).

¹⁾ *H. Braun. Zum Texte des Procop. — вѣ Byzant. Zeitschr.* II, 1893, p. 106—109.

²⁾ *La guerra Gotica di Procopio di Cesarea, testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di Domenico Comparetti, Vol. I, Roma. 1895.*

³⁾ L=cod. Laurent. 69,8, пергаменный, XIV вѣка. Компаратти обозначаетъ эту рукопись буквой M.

- 10,1 κατηκίων τῶν αὐτοῦ (ВМѢСТО αὐτοῦ)?
 10,8 τοῖς στασιώταις τοῖς αὐτοῦ?
 13,4 τελευτήσαντος δὲ (ВМѢСТО τε) αὐτοῦ.
 15,1 ὅπως <δὴ> αὐτῆ;
 17,5 καὶ (ВМѢСТО καὶ) τῶν βασιλείων ἀναχωρεῖν.
 18,12 ἐφ' ᾧ τοὺς τρεῖς ἀποκτενοῦσιν, ὧν ἄρτι ἐμνήσθη, ἅτε τῆς στά-
 σεως αἰτιωτάτων αὐτῆ γενομένων (ВМѢСТО αἰτιωτάτους—γενομένους).
 19,4 ἐν τῇ ταύτῃ (ВМѢСТО ταύτης) λιμένι.
 22,2 ὅτι ἀγαθός τε παντάπασιν εἶη καὶ ξύμπαντα ἐν τῇ ἐξουσίᾳ τῇ αὐ-
 τοῦ ἔχοι (ВМѢСТО ἔχει).
 24,10 βασιλέα <μὲν?>μέγαν, ср. 25,1 οὐ δὲ.
 25,4 ἀλλ' ἐνθυμοῦ μὲν ὡς (ВМѢСТО ἐνθυμούμενος) κτλ.; ср. между
 прочимъ и 25,10 ἐκλογίζου δὲ ὡς κтл.
 28,4.5 ὅτι δὴ ἀμαρτάνειν (ВМѢСТО διαμαρτάνειν) τε καὶ βιάζεσθαι
 ἀδύνατος <ἢ δὴ?> ἦν.

29,7.8 εἰ γε προσταίη, τοὺς ἠδικῆσθαι πρὸς αὐτοῦ ἤδη αἰτιω-
 μένους (ВМѢСТО προσταίη τοῖς — αἰτιωμένοις) οὐκ ἔχειν μὲν <ἄν> ὅσα
 τὰ ζυμπεσόντα σφίσιν ἀγγεῖλωσι, κтл. Можно впрочемъ думать и о чтеніи
 προϊσταίη (scil. Θεοδάτου ἢ Ἀμαλασοῦνθα), хотя προσταίη намъ кажется
 болѣе вѣроятнымъ. Затѣмъ, въ виду чтенія *L*¹ ὡς ἦδη ¹⁾, представ-
 ляется возможность воспользоваться этимъ ὡς для превращенія αἰτιω-
 μένους въ αἰτιασάμενους (въ архетипѣ могло быть αἰτιαμένοις), но
 настаивать на этой конъектурѣ мы не стали бы ²⁾.

34,10 ἐν τῇ τε καὶ σπουδῇ πολλῇ ἔχων или же ἐν τῇ τε
 πολλῇ καὶ σπουδῇ ἔχων слѣдуетъ читать, комбинируя чтенія *W* ³⁾
 и *L*, изъ которыхъ первая рукопись пропускаетъ πολλῇ, а вторая
 καὶ σπουδῇ ⁴⁾. Компаратти слѣдуетъ чтенію *W*, пропуская πολλῇ, а

¹⁾ Болѣе поздняя рука (*L*¹) экзспунгировала это ὡς, о чемъ молчитъ крити-
 ческій комментарий Компаратти. Она же дополнила 29,9 δεσπότην въ лакунѣ,
 оставленной первою рукою (*L*¹),—о чемъ тоже не упоминаетъ Компаратти.

²⁾ Можно было бы и другими способами утилизовать это ὡς, наприѣръ,
 превратить его въ ἄν (см. выше) или помѣстить передъ εἰ γε, но все это не осо-
 бенно вѣроятно, какъ и конъектура Мальтра <λέγουσιν> ὡς ἦδη, принятая Дин-
 дорфомъ.

³⁾ *W*=cod. Vatican. 152, XIV вѣка.

⁴⁾ Невѣрно сообщеніе Компаратти, что *MCD* (по нашимъ обозначеніямъ
*L*ϩ^ϩ) даютъ τῇ τε ἔχων (безъ πολλῇ): въ этихъ рукописяхъ читается τῇ τε
 πολλῇ ἔχων. — *C* (у насъ ϩ) = cod. Ambrosianus A 182 sup., bombycin., XIV
 вѣка, списана съ *L*; *D* (у насъ ϩ) = cod. Ambrosian. A 52—55 sup., бумажн.,
 XVI вѣка; тоже списана съ *L*.

Диндорфъ, которому было неизвѣстно чтеніе ватиканской рукописи (*W*), выбросилъ изъ текста *те*, читая *ἐν τῆ ἑκτῇ κολλῇ ἔχων*. Изъ двухъ разстановокъ, предложенныхъ выше, мы лично отдаемъ предпочтеніе первой (κολλῇ послѣ σπουδῆ), такъ какъ κολλῇ писецъ архетипа скорѣе могъ пропустить послѣ σπουδῆ, нежели послѣ τῆ *те*. Приписать κολλῇ интерполятору *L*, повидимому, нѣтъ основаній. Скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что пропущенное κολλῇ въ архетипѣ было приписано надъ строкой, а именно надъ *καὶ σπουδῆ*: писецъ *W* (или, точнѣе, *V*—cod. Vatican. 1690, съ которой списана *W*) по разбѣянности пропустилъ эту надстрочную приписку, а писецъ *L* принялъ послѣднюю за поправку корректора вмѣсто словъ *καὶ σπουδῆ*, почему и пропустилъ это *καὶ σπουδῆ*.

35, 5 *καὶ Σαλώνων ἀποπειράσασθαι ἐκέλευσεν*. Въ *W* читается *ἐκέλευθεν*¹⁾, а въ *L*—*ἐκέλευεν*, что и принято всѣми издателями.

35, 6 *ἦν δὲ ὁ Μοῦνδος γένος μὲν βάρβαρος, διαφερόντως δὲ τοῖς τε (вмѣсто *τε τοῖς τοῦ*) βασιλέως πράγμασιν εὖνος καὶ ἀγαθὸς τὰ πολέμια*. При вульгатѣ *τε τοῖς τοῦ (WL)* для *μὲν* въ вышеприведенной фразѣ не было соотвѣтственнаго *δὲ (Βελισάριον δὲ vs. 7)* соотвѣтствуетъ, очевидно, словамъ *Μοῦνδον μὲν vs. 4*). Полагаемъ, что въ архетипѣ было *δὲ τοῖς τοῦ βασιλέως*, но *τε*, по винѣ переписчиковъ, перекочевало влѣво,—надъ *δὲ*, и такимъ образомъ успѣло вытѣснить его собою изъ текста.

36, 7 *νέος μὲν ὦν ἔτι καὶ πρῶτον ὑπηγήτης, ξυνετώτατος δὲ (вмѣсто *τε*) καὶ φύσεως ἰσχυρὸν ὑπὲρ τὴν ἡλικίαν δηλώσας*.

40, 9 *ἦν δὲ γε τῶν ὑπάρχων τινὰς ἐς τὸ τῶν πατριχίων ἢ ἄλλο βουλήτης ἀξίωμα Θεοδάτος ἀγαγεῖν βούληται, τοῦτο δὲ (вмѣсто *δὲ*) οὐκ αὐτὸν δώσειν, ἀλλὰ βασιλέα αἰτήσας διδόναι*. Не мѣшаетъ упомянуть, что *δὲ* читается кромѣ *V*²⁾ *L* еще и въ *G*³⁾.

41, 5. 6 *ἦν γε Βασιλέα οὐδαμῆ ἀρέσχη (такъ *G*, ἀρέσχειν *V pr.*, ἀρέσχει *V corr.* *L* и вульгата) τὰ τε αὐτῷ καὶ Πέτρῳ ζυχαίμενα*. Вмѣсто

¹⁾ Компаретти сообщаетъ это чтеніе только изъ cod. Vatic. 1901 (эту рукопись онъ обозначаетъ буквой *W*, а мы будемъ обозначать буквой *W*),—какъ будто въ cod. Vatic. 152 (= *u* у Компаретти, *W*—у насъ) тоже стоятъ *ἐκέλευεν*, какъ въ *L*.

²⁾ *V*=cod. Vaticanus 1690, пергаменный, XIII вѣка.

³⁾ *G*=cod. Ambrosianus N 135 sup., бумажный, XVI вѣка. Содержитъ Константиновскія excerpta de legatis gentium ad Romanos и является архетипомъ всѣхъ дошедшихъ до нашего времени рукописей того же содержанія.

возстановленнаго нами ἦν въ *G* читается ἦν, а издатели читають εἶ, какъ даютъ *VL*, но въ послѣдней рукописи εἶ исправлено изъ η, чего Компаратти не упоминаеть. По поводу ἀρέσκειν *V pr.* можно замѣтить, что въ архетипѣ, вѣроятно, было написано ἀρέσ^κ, что нетрудно было принять за ἀρέσ^κ (то-есть ἀρέσκειν).

42, 1. 2 καὶ πῶς οὐ δίκαιον, ὃ ἀγαθὲ (ὃ ᾿γαθὲ?), εἶπε, τὰ ἐπιτηδεύματα ἑκάστου (ἴδια) τῇ ψυχῇ ἑκάστῃ φυλάσσεσθαι; такъ предложили бы мы возстановить это мѣсто. Въ первой строкѣ *G* даетъ δίκαια, ἀγαθὲ, пропуская ὃ; мы думаемъ, что въ общемъ архетипѣ рукописей *VLG* могло быть приблизительно δίκαιον ἀγαθὲ, приче^μ ὃ было надписано, какъ поправка, а не какъ дополнение,—то-есть надо было читать δίκαιον, ὃ ᾿γαθὲ; *VL* приняли ὃ за дополнение пропущеннаго слова и написали δίκαιον, ὃ ἀγαθὲ, а *G* нашелъ въ своемъ подлинникѣ уже δίκαιον ἀγαθὲ (ω по винѣ переписчиковъ успѣло превратиться въ α и перекочевать влѣво), почему и даетъ δίκαια ἀγαθὲ. Далѣе Диндорфъ и Компаратти, подобно своимъ предшественникамъ, читають вслѣдъ за *L* τὰ ἐπιτηδεύματα ἑκάστου ψυχῇ φυλάσσεσθαι; *VG* пропускаютъ ἑκάστου, но въ *G* оставленъ пробѣлъ приблизительно въ 11 буквѣ; мы заполняемъ этотъ пробѣлъ словами ἑκάστου ἴδια; подъ влияниемъ ΕΠΙΤΗΔΕΥΜΑΤΑ слова ΕΚΑΣΤΟΥ ΙΔΙΑ могли быть легко пропущены. Затѣмъ мы принимаемъ въ текстъ τῇ и ἑκάστῃ изъ *VG*. Вмѣсто ἑκάστου врядъ ли стояло бы читать ἑκαστον, но можно было бы, — предла^{гая} полагая, что въ архетипѣ было ἑκάστῃ,—легко ограничиться однимъ ἑκάστου, читая τὰ ἐπιτηδεύματα (ἴδια) ¹⁾ τῇ ψυχῇ ἑκάστου ²⁾ φυλάσσεσθαι; и на этомъ чтении мы даже предпочли бы и остановиться (ср. Thusyd. 6, 69, 3 οἱ δ' ἐχώρου, Σοραχόσιοι μὲν περὶ τε πατρίδος μαχόμενοι καὶ τῆς ἰδίας ἑκαστος τὸ μὲν αὐτίκα σωτηρίας, τὸ δὲ μέλλον ἐλευθερίας), хотя и противъ двойнаго употребленія ἑκαστος въ сущности нельзя подыскивать серьезныхъ возраженій, ср. на примѣръ Platon. *Gorg.* 506, E : κόσμος τις ἐγγεγόμενος ἐν ἑκάστῳ ὁ ἑκάστου οἰκίτης ἀγαθὸν παρέχει ἑκαστον τῶν ὄντων.

¹⁾ Обширностью пробѣла, оставленнаго въ *G*, смущаться нечего, такъ какъ изъ другихъ мѣстъ намъ достовѣрно извѣстно, что *G* очень щедръ въ данномъ отношеніи: ср. на примѣръ fol. 510^r "Ὅτι βασιλεύω ἐ[σημερή]σαντι, гдѣ для шести буквѣвъ, заключенныхъ нами въ скобки, оставленъ пробѣлъ въ 12 буквѣвъ.

²⁾ Объ ἑκάστου; врядъ ли слѣдуетъ думать.

46, 6 Γότθων μὲν οἱ <τε> πρῶτοι καὶ ἄριστοι ἔπεσον—скорѣе чѣмъ оἱ πρῶτοι <τε> καὶ ἄριστοι. Мимоходомъ замѣтимъ, что 46, 7 Ῥωμαῖοι δὲ συχεδὸν ἅπαντες καὶ Μαυρίκιος ὁ στρατηγός—не стоитъ измѣнять Ῥωμαῖοι въ Ῥωμαίων, такъ какъ Прокопій любитъ variatio.

47, 2 τότε <δῆ?> Ῥωμαῖοι κτλ.

47, 8. 9 λέγει γὰρ ὧδε:

AFRICA CAPTA MVNDVS CVM NATO PERIBIT.

ἀλλ' ἐπεὶ κόσμον τῇ Λατίνων φωνῇ μοῦνδος δύνатаι, φοντο ἀμφὶ τῷ κόσμῳ τὸ λόγιον εἶναι. Компаретти читаетъ: Africa capta *Mundus* cum nato *peribunt*. ἐπεὶ δὲ κόσμον τ. Λ. φ. Моῦνδος δύνатаι κтл. Въ виду двусмысленности выраженія оракула мы предпочли передать его прописными буквами, при которыхъ MVNDVS можетъ значить какъ mundus, такъ и Mundus. *Peribit* предложилъ читать Браунъ, но, по-видимому, эта эмендація предвосхищена была Мальтрэ. Далѣе ἀλλ' мы извлекли изъ конца оракула въ передачѣ V (PERICTAL', то-есть PERIBIT' ἀλλ'), и потому изгнали изъ текста интерполяціонное δὲ, вставленное L послѣ ἐπεὶ и принятое всѣми издателями (въ V этого δὲ нѣтъ). Затѣмъ мы написали μοῦνδος, не видя никакого основанія писать Моῦνδος, какъ это дѣлаютъ наши предшественники.

49, 1 ἐς δὲ <δῆ?> τῇ σφετέρῃ ἐπιχειρία κтл.

51, 2 διὰ ταῦτα τοῖνον Ἀθανάσιόν τε καὶ Πέτρον ἐστάλαμεν (вмѣсто Ἀθανάσιός τε καὶ Πέτρος ἐστάλησαν)? Прежнюю вульгату τοῖνον (L) Компаретти напрасно мѣняетъ на чтеніе V νῶν: правда, это νῶν даютъ и рукописи Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς — BCD ¹⁾, но это совпаденіе, на нашъ взглядъ, объясняется лишь тѣмъ, что уже въ общемъ архетипѣ VBCD тои было пропущено писцомъ вслѣдствіе гаплографической ошибки (ср. послѣдній слогъ непосредственно предшествующаго слова ταῦτα).

52, 12 ἐπεὶ αὐτοῦ (scil. περιβόλου) τὰ πολλὰ ἤδη καταπεπτόχει (вмѣсто вульгаты καταπεπτόχει VL). Не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что въ V это слово переносится съ одной строки на другую (καταπεπτόχει).

¹⁾ B = cod. Bruxellensis 11301 — 16; C = cod. Vatican. Palatinus 413; D = cod. Monacensis 267. Всѣ эти три рукописи писаны на бумагѣ въ XVI вѣкѣ.

53, 10 Σιφίλαν ¹⁾ τε αὐτοῖς ἄρχοντα ἐπιστήσας, τῶν δορυφόρων τῶν αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) ἕνα.

54, 6 τὰ μὲν οὖν ἀμφὶ Δαλματίας (вмѣсто Δαλματίην) ταύτη πη ἔσχε.

55, 7 διὰ Βρυττίων τε καὶ Λευκανῶν:—бриттиών даетъ V, бρυτιών L, вульгата Врутиών.

58, 1 καὶ ἠσώμενοι φέρονται τι αὐτοῖς (вмѣсто αὐτοῖς) παραμύθιον?

58, 7 Γότθοις δὲ τοῖσδε τοῖς παροῦσιν αἴρεσιν δίδομεν. Компаративъ ввелъ въ текстъ тоῖσδε нзъ V, въ L (къ которой восходитъ вульгата) этого слова нѣтъ. Если оно не возникло чисто диттографическимъ путемъ—ср. Гότθοις δὲ,—то можно думать о чтеніи Гότθοις δὲ τοῖς τῆδε παροῦσιν.

58, 11 εἰ (ἦν?) μέντοι βουλομένοις ἤ Νεαπολίταις κτλ.

61, 5 ἄλλως τε ἦν αὐτόνομον τὴν περὶ τῶν ὄλων ποιήζωνται γνῶμην (вмѣсто γνῶσιν)?

61, 6 ἡμᾶς δὲ ἀνάγκη ἔν ὑμῖν ὅσον οὐκ ἀπολομένους (вмѣсто ἀπολούμενους) ὕστατον ἔρανον τῇ πατρίδι τήνδε παρέχεσθαι τὴν παραίσεις.

61, 9 πολλά τε ὑμᾶς ἀγαθὰ ἐπαγγελλομένην ἐργάζεσθαι (ἐργάσεσθαι?) καὶ ὄρκους δαινοτάτους ὑπὲρ τούτων ὁμαῖσθαι.

61, 11 οὐδεὶς (ἄν) ἀντίποι κτλ.

62, 9 ἐς πάντα τὸν αἰῶνα φρουρὰν πρὸς βασιλέως ὡς (ἐς V, κατὰ L и вульгата) τὸ εἶκός ἔξομεν. Полагаемъ, что въ архетипѣ ὡς было пропущено въ текстѣ (ср. βασιλέως) и добавлено надъ строкой; V принялъ его за ἐς (ср. между прочимъ и 62, 10 ἐς τὸ παραυτίκα), а L совсѣмъ не замѣтилъ и уже de consuetudine вставилъ κατὰ.

63, 9 οὐ Νεαπολίταις αὐτὸν δεδίσσεσθαι ἐχρῆν (χρῆν?)—въ архетипѣ ^{αι} могло быть δεδίσσεσθε χρῆν.

66, 2 ὅσοι μέντοι Ῥωμαῖοι ἐκλήθησαν, τούτοις δὴ (вмѣсто δὲ WL и вульгата) ἐνεβή ἀπορροῆναι μὲν τὰς τρίχας ἅπασι κтл.—Въ P ²⁾ это мѣсто передано слѣдующимъ образомъ: ὅσοι μέντοι P. ἐκλ., τούτοις ἐνεβή πᾶσι τὰς τρίχας ἀπορροῆναι ³⁾).

67, 3 ἦδη δὲ καὶ τῷ στρατῷ ἐπήγγαίε ξυσκευάζεσθαι (συσκευάζεσθαι W, ξυσκευάσασθαι L и vulgo), μέλλων ἐνθένδε ὅτι τάχιστα ἀπαλλάξ-

¹⁾ Отдаемъ предпочтенеі этой формѣ, сохраненной V, передъ вульгатою Σιφύλλαν (L). Равнымъ образомъ думаемъ, что выше слѣдуетъ предпочесть тоже орографию V Γρίπας;—вульгатѣ Γρίπας (L).

²⁾ P=cod. Parisin. Suppl. Graec. 607 A, пергаменный, X вѣка.

³⁾ Ср. Excerpta anonymi Byzantini ex codice Parisino Suppl. Gr. 607 A, edit. Max. Treu, Ohlau 1880 p. 28, 26.

σασθαι. Не думаемъ, чтобы чтеніе *W* συσκευάζεσθαι было порчею архетипнаго συσκευάζασθαι—черезъ посредство συσκευάζεσθαι.

69, 13 πάσχουσιν ἀνήκιστα τε καὶ ἐλάου (ἐλαίου *V*, ἐλέους *L* и vulgo) πολλοῦ ἄξια.

71, 1 ἦς (scil. ἐμφορᾶς) ὡς τὸ εἶδος ἐμπικτούσης ὑμῖν οὐ τὴν τύχην δικαίως, ἀλλὰ τὴν ὑμετέραν αἰτιάσεσθε γνώμην. Въ *V* читается αἰτιάσησθε, что врядь ли правильно удерживаетъ Компаретти; αἰτιάσθε *L* и прежніе издатели. Думать объ αἰτιάσαισθε (или αἰτιάσοισθε)—съ ἄν (послѣ ὑμετέραν или между τύχην и δικαίως) или безъ ἄν—на нашъ взглядъ, не стоитъ.

71, 9 καὶ τὸν [τῶν] Ἰσαύρων ἀρχηγὸν Ἐννην.

72, 9 αὐτὸς δὲ ξὺν τε (вмѣсто ξὺν τῷ) Βέσσα καὶ Φωτίφ αὐτοῦ ἔμενε καὶ ξὺν αὐτοῖς ἅπαντα ἔπρασε.

73, 1 οὐδ' ἐπεὶ Μάγνος ἔπασθαι οἱ, καίπερ πολλὰ παρανέσας, οὐκ ἔπεισε (вмѣсто ἐπαίθε), παρὰ τὸν στρατηγὸν ξὺν αὐτοῖς ἐπανήκx. Вмѣсто αὐτοῖς *V* даетъ 'αὐτοῖς, то-есть 'αὐτοῖς (не αὐτοῖς, какъ сообщаетъ Компаретти, не обратившій вниманія на подстрочную черточку, подтверждающую, что тутъ дѣло идетъ о лигатурѣ ea), какъ это и понялъ *W* (ἐαυτοῖς). Отсюда мы выводимъ заключеніе, что въ архетипѣ было написано ἔπειθε, но потомъ это перекочевало на другое мѣсто и, будучи приурочено къ αὐτοῖς,—полупревратилось въ e.

73, 2 τούτους δὲ (δὴ?) Βελισάριος κτλ.

75, 3 τῶν δὲ (τε?) στρατιωτῶν κтл. Кстати упомянемъ, что въ слѣдующей строкѣ и въ *L* читается ξονίωντων (вмѣсто ξονιόντων), чего не отмѣчаетъ Компаретти, сообщая это чтеніе только изъ амброзіанской *C* (N — по нашему), списанной, какъ мы уже замѣтили выше, съ *L*, и изъ мюнхенской *f*¹).

76, 1 ξὺν τε (вмѣсто ξὺν τῷ) Βέσσα καὶ Φωτίφ—какъ выше 72,9.

76, 11 ἀλλ' (вмѣсто ἀλλὰ) Ἰουδαῖοι?

76, 13 οἱ γὰρ Ἰουδαῖοι τοῖς πολεμίοις ἤδη προσχεκροσκότες, ἄτε ἐμπόδιοι (вмѣсто ἐμπόδιοι τε) γεγενημένοι, ὅπως μὴ τὴν πόλιν ἀμαχητὶ ἔλωσι?

76, 14 (продолжается вышеприведенная фраза) καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐλπίδα οὐδερμίαν ἔτι (ἀμφ') αὐτοῖς (вмѣсто ἐπ' αὐτοῖς *L* и vulgo, ἐπ' αὐτοῦς *V*) ἔχοντας. Передъ ἔχοντας *L* даетъ еще ὡσιν (*от. V*), на

¹) *f*=cod. Monacensis 513, бумажный, конца XVI вѣка. Эту рукопись мы будемъ обозначать буквой N; она списана съ \mathfrak{M} (у Компаретти *m*)—cod. Monacensis 87, бумажный XVI вѣка. Въ свою очередь \mathfrak{M} списана съ *L*.

основани чого Гроцій предложилъ читать <ῆν> ἐπ' αὐτοῖς ὄσιν. На мѣстѣ Гроція мы предпочли бы εἰ ὅκ' αὐτοῖς ὄσιν,—но думаемъ, что въ данномъ случаѣ нельзя питать особеннаго довѣрія къ чтенію интерполированной рукописи,—тѣмъ болѣе, что въ палеографическомъ отношеніи конъектура, предложенная нами выше, оказывается весьма легкой (въ архетипѣ могло быть ἀμφ'—съ ἔτι, пропущеннымъ въ текстѣ и потому надписаннымъ надъ строкой, а переписчикъ принялъ это ἔτι за ἐπ' и потому счелъ это слово поправкой вмѣсто ἀμφ') да и по смыслу отлично подходитъ къ данному контексту.—Прибѣгать къ большому насилію надъ текстомъ, читая напримѣръ οὐδαμίαν ἔτι σωτηρίας (σῆρας) ἔχοντας ^{ἔτι} ¹⁾, врядь ли стоитъ.

77, 11 ἄλλως τε καὶ ὄσοις ἀδελφόν τινα ἢ ζυγγενῇ ἀποθανεῖν τευχόμεχουντα τετόχηχε. Мы предпочли бы нѣсколько иную разстановку словъ—ἀδελφὸν ἢ τινα ζυγγενῇ или же ἀδελφὸν ἢ ζυγγενῇ τινα. При всей однако легкости этой конъектуры въ палеографическомъ отношеніи ²⁾, мы считаемъ болѣе благоразумнымъ не настаивать на ней.

79, 10. 11 ἐπεὶ αὐτῶν ὄσοι χροσόν ἢ ἄλλο τι τῶν τιμίων ἔχοντες ἔτυχον, οὗτοι δὲ τὰ πρότερα (δὴ ταπρότερα V, δῆτα πρότερον L и vulgo, въ томъ числѣ и Компаратти, который цитуетъ изъ V только πρότερα, какъ будто и въ этой рукописи стоитъ δῆτα) ἐς γῆν κατορούσαντες ἀπεκρούσαντο ταύτη (τε) ³⁾ τοὺς πολέμιους λαθεῖν ἰσχυσάν αὐτοῖς χρήμασι τὰς οἰκίας ἀπολαβόντες. Всѣ издатели слѣдуютъ чтенію L ἀπεκρούσαντο κατὰ ταύτη τοὺς πολ. Въ V καὶ нѣтъ, а таύτη стоитъ въ концѣ строки. Мы вставляемъ τε, полагая, что καὶ дополнено писцомъ L просто de consuetudine. По вопросу объ интерполяціяхъ L позволимъ себѣ отослать читателя къ нашей статьѣ „Къ рукописному преданію Ὑπὲρ τῶν πολέμων Προκοπία Κεσαρίησкаго“ въ „Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь проф. И. В. Помяловскаго“. С.-Пб. 1897, стр. 191—193.

80, 3 Γότθους δὲ τοὺς τῆδε ἀλόντας . . . Βελισάριος . . . οὐκ ἐλασιόωνως ἢ τοὺς στρατιώτας τοὺς αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) ἐν τιμῇ εἶχε.

81, 2 ἐπεὶ δὲ τὴν μὲν πόλιν βασιλεὺς εἶλε, σεσώσμεθα δὲ τῇ τοῦδε

¹⁾ Ср. напримѣръ Thucyd. 1, 65, 1 καὶ ἐλπίδα οὐδαμίαν ἔχων σωτηρίας или Aristoph. Thesm. 946 κοῦκ ἔστιν ἐπ' ἐλπίς οὐδεμία σωτηρίας.

²⁾ Въ подлинникѣ архетипа VL это тина могло быть приписано надъ строкой.

³⁾ Для примѣра сопоставимъ р. 334, 14 (vol. II ed. Comparatti) τὰ Χριστιανῶν λόγια ἐν ταῖς χερσὶ φέρων ταύτη τε (такъ слѣдуетъ читать вслѣдъ за cod. Vatic. 73 вмѣсто παντί τε .V, παντί τε τρόπῳ L и vulgo) τὴν ἱκετείαν προτεινόμενος.

τοῦ ἀνδρὸς ἀρετῇ, οὕτω δὲ ¹⁾ εἰσελθεῖν παρὰ τὸν στρατηγὸν ἀνεπισκέπτως τολμήσας (вмѣсто ἐτόλμησας), ἅτε οὐδὲν δεινὸν . . . διαπεπραγμένος . . . , ἀξίας τίσεις δίκας. Въ ἐτόλμησας (*IVL*) скорѣ всего слѣдуетъ видѣть интерполяционное „исправление“, вызванное первоначальнымъ пропускомъ въ текстѣ архетипа фразы ἀξίας τίσεις δίκας: послѣдней нѣтъ въ *Γ* ²⁾ *L*.

82, 10. 12—83, 1 Γότθοις (Γότθοι?—такъ *W*) δέ, ὅσοις ἀμφὶ τῆ Ῥώμην καὶ τὰ ἐκείνη χωρὶς ξυνέπεσεν εἶναι, καὶ πρότερον τὴν Θεοδάτου ἡσυχίαν ἐν θαύματι μεγάλῳ ποιουμένοις (ποιούμενοι?) . . . ἐν σφίσι τε αὐτοῖς ὑποψία πολλῇ ἐς αὐτὸν χρωμένοις (χρώμενοι?) . . . , ἐπειδὴ ἀλῶναι Νεάπολιν ἤκουσαν, ἅπαντά οἱ ταῦτα . . . ἐπικαλοῦντες ἐς χωρίον ξυνελέγησαν κτλ.

83, 7 ἐνταῦθα (такъ *V*, ἐνθένδε γὰρ *L*) ἐνοστρατοπεδεύσασθαι σφίσιιν ἔδοξεν ἄριστον εἶναι· πεδία γὰρ πολλὰ ἐνταῦθά ἐστιν ἰκπόβοτα. Быть можетъ, слѣдуетъ читать ἐνταῦθα δὲ ἐνοστρατοπεδεύσασθαι?

83, 11 ἀμφὶ πόλιν Ταρρακίνην (вмѣсто Тараκίνην).

85, 6 πολλῇ Θεοδάτου σπουδῇ τε καὶ προθυμίᾳ οὔτε νόχτα ἀνιείς (вмѣсто ἀνείς) οὔτε ἡμέραν ἐδίωκε.

86, 9 αὕτη τε (τὲ *L*, τῷ *V*, которому напрасно здѣсь слѣдуетъ Компаретти) Θεοδάτῳ καταστροφῇ τοῦ τε βίου καὶ τῆς ἡγεμονίας, τρίτον ἐχούσης (ἔχοντι?) ἔτος, ἐγένετο.

88, 7 καὶ ἦν (εἶ?) τι ὑποπτον αὐτοῖς ἐς ἡμᾶς ἔστιν.

89, 13 τῇ ἐς γένος τὸ (τῷ *V*, τοῦ *L* η vulgo) Θεοδερῖχου ἐπιμείξια.

94, 6 καὶ σχῆμα τὸ (вмѣсто τῶν) Ῥωμαίων ἐν τε τοῖς ἄλλοις ἅπασιν κὰν τοῖς ὑποδήμασι διασώζουσιν.

94, 10 τότε δὲ τοῦ τυράννου σφίσιιν ἐνδιδόντος ἐξυμπασαν Γαλλίαν Οὐσιγότθοι ἔσχον. Быть можетъ, слѣдуетъ предпочесть διδόντος или δόντος?

94, 13—95, 1 sq. πεσόντος δὲ Ὀδοάκρου Θόριγγοί τε καὶ Οὐσιγότθοι τὴν Γερμανῶν δύναμιν ἤδη ἀξομένην δειμαίνοντας (πολυάνθρωπός τε γὰρ ἰσχυρότατα ἐγεγόναι καὶ τοὺς αἰεὶ ἐν ποσὶν ὄντας ἐκ τοῦ ἐμφανοῦς ἐβιάζετο) κτλ. Такъ читаетъ Компаретти, слѣдую *W*; прежніе издатели, слѣдую (интерполяционному?) чтению *L*, имѣють πολυανθρωπία γὰρ ἰσχυροτάτη (om. τε). Мы предпочли бы πολυάνθρωπόν τε γὰρ ἰσχυρότατα (τὸ γέ-

¹⁾ δὲ *IL* и издатели до Компаретти, который сталъ читать вслѣдъ за „*V*“ δέ, но онъ (или, точнѣе, Ростаньо, слышавшій для него рукопаци) не замѣтилъ, что надъ δέ въ *V* поставлена точка, означающая сомнительность чтенія,—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ писца.

²⁾ *Γ*=cod. Vaticanus 73, пергаменный палимпсестъ X вѣка; содержитъ Константиновскія извлечения перὶ γυναικῶν.

νος) ἐγεγόναι κτλ. или же πολυάνθρωποι τε γὰρ ισχ. ἐγεγόνεσ(αν) και—ἐβιάζοντο.

95, 2 (продолжается вышеприведенная фраза) Γότθων δὴ καὶ Θεοδερίχου τὴν ξυμμαχίαν προσποιήσασθαι ἐν σπουδῇ εἶχον. Вмѣсто вульгаты δὴ (*L*)—ср. 95, 3 οὐς δὴ—*W* даетъ δέ, а мы предпочли бы те.

95, 11 ἐφ' ᾧ ἑκάτεροι μὲν στρατιὰν (στρατείαν *W*, которому слѣдуетъ Компаретти) ἐπ' αὐτοὺς πέμψωσιν. Въ *L* эта фраза пропущена.

95, 12 Βουργουζιῶνων (вмѣсто Βουργουζιόνων, какъ даетъ Компаретти, слѣдую *W*, хотя 95, 10 писать это слово правильно).

96, 1 ποιήν (μὲν) οἱ νενικηχότες παρὰ τῶν οὐ (такъ *W*, μὴ *L* и *vulgo*) ξοστρατεύσαντων ῥήτόν τι χρυσίον κομίζονται, κοινήν δὲ κтл.

96, 9 καὶ ἦν (такъ *W*, εἰ *L* и *vulgo*) μὲν Φράγγους νενικηχέναι ἀκούσωσι, τὸ λοιπὸν κατὰ τάχος ἰέναι· ἦν δὲ τι ἐναντίωμα ξομπεπωχέναι αὐτοῖς πύθονται, μηκέτι περαιτέρω πορεύεσθαι, ἀλλ' αὐτοῦ μένειν. Здѣсь мы предложили читать ἐναντίωμα¹⁾ вмѣсто рѣшительно не подходящаго къ данному контексту ἀξίωμα, которое, слѣдую *W*, удерживаетъ Компаретти, причемъ переводить слѣдующимъ образомъ: „se poi avessero notizia di alcun male a quelli avvenuto“. Прежние издатели читали вслѣдъ за *L*: καὶ εἰ μὲν Φράγγους νενικηχένους ἀκούσωσι, μηκέτι περαιτέρω (περιτέρω *L*) πορεύεσθαι· ἦν δὲ τι νίκης αὐτῶν ξομβάμα πύθονται, τὸ λοιπὸν κατὰ τάχος ἰέναι (om. ἀλλ' αὐτοῦ μένειν),—гдѣ нельзя не распознать руки интерполятора.

99, 7 Ἀμαλάριχου τοῦ τῆς (вмѣсто τῆς τοῦ *L* и *vulgo*, τῆς om. *W*) Θεοδερίχου θυγατρὸς παιδὸς ἔτι κομιδῇ ὄντος.

100, 5. 6. 7 ἄρχοντας τε αἰεὶ καὶ στρατιὰν Θεοδερίχος ἔς τε Γαλλίαν καὶ Ἰσπανίαν πέμπων αὐτὸς εἶχετο ἔργου τὸ τῆς ἀρχῆς (κρατυνόμενος) κράτος. προνοήσας τε, ὅπως βέβαιον αὐτὸ (αὐτῷ *W*, om. *L* и *vulgo*, αὐτῷ Компаретти) ἔς αἰεὶ ἔξει, φόρου τε (τε om. *W*) ἀπαγωγὴν ἔταξέν οἱ αὐτῷ ἀποφέρειν τοὺς ταύτη ἀρχοντας, δεχόμενός τε αὐτὴν κтл. Вуру дополнял vs. 5 κρατυνόμενος. Послѣ κράτος мы поставили точку, слѣдую *W*; въ изданияхъ тутъ нѣтъ никакого знака препинанія. Послѣ ἔξει vs. 6 и послѣ ἀρχοντας vs. 7 мы поставили запятая вмѣсто точекъ вульгаты.

100, 13 Θεῶδης (вмѣсто Θεῶδης *L* и *vulgo*, θεῶδιδος *W*).

101, 7. 8 δείσας τε, μὴ οἱ . . . ἀπαντήσωσιν (вмѣсто ἀπαντήσουσιν) ἢ . . . δράσωσιν (вмѣсто δράσουσιν)?

101, 11 ξονέσως τῆς αὐτοῦ (αὐτοῦ *W* и *vulgo*, αὐτῶν *L*).

103, 1 Ἀμαλάριχος τε (δὲ?)

¹⁾ πτόμα намъ важется менѣе удовлетворительнымъ.

103, 5 ἐντὸς Ῥοδανοῦ τοῦ (вмѣсто τοῦ Ῥοδανοῦ *L* и vulgo) ποταμοῦ. Въ *W* читаемъ ἐντὸς Ῥοδανοῦ | ποταμοῦ (безъ τοῦ), что также заслуживаетъ вниманія.

103, 12 πότερον γυναίκι ἔπεσθαι βούλοιοτο ἢ ἐκείνην ἐς γένος τὸ αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) ἄγεσθαι.

104, 4 δόξης γὰρ ὀρθῆς τὴν γυναίκα οὔσαν αἴρεσιν αὐτὸς τὴν Ἀρείου ἔχων οὐκ εἶα νομίμοις τοῖς εἰωθόσι χρῆσθαι οὐδὲ κατὰ τὰ ἔθη τὰ (это τὰ om. *W*, которому слѣдуетъ Компаретти) ἐς τὸ θεῖον ἐξοσιοῦσθαι, ἀλλὰ καὶ προχωρεῖν τοῖς αὐτοῦ ἔθεσιν (вмѣсто ἤθεσιν) οὐκ ἐθέλουσαν ἐν πολλῇ ἀτιμία εἶχεν.

105, 5 οὐπω τε (δὲ?) κτλ.

105, 13 ὅπως δὲ (вмѣсто δὲ) ἀκούσθητε κтл.

106, 1 τὸ μὴ πειθομένους τῇ (прибавляемъ это τῇ изъ *W*; om. *L* и vulgo) ἂν οὕτω τόχῃ (вмѣсто εἰ—такъ *W*; ἢ *L*—τόχῃ οὕτω) τὰ παρόντα διοικεῖσθαι (такъ *W*, διοκείσθαι *L*, διφκῆσθαι vulgo) ἀσύμφορον.

106, 3 τὰ μὲν οὖν ἄλλα ἡμῖν ὡς ἄριστα <τῆς> ἐς τὸν πόλεμον παρασκευῆς ἔχει.

112, 1 sq. Ῥώμη τε αὔθις ἐξήκοντα ἔτεσιν ὑστερον ὑπὸ (<Ῥωμαίοις γέγονεν ἐνάτῃ τοῦ τελευταίου> μηνός, ὃν <Δεκέμβριον καλοῦσι Ῥωμαῖοι>, δέκατον ¹⁾ ἔτος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος [ἦλω]. Уничтожаемъ явную интерполяцію *L* ἦλω (om. *W*) и дополняемъ это мѣсто, думается, удачнѣе, чѣмъ дѣлали это прежде ²⁾,—при помощи того же мѣста Евагрія IV, 19: καὶ γέγονεν ὑπὸ Ῥωμαίοις (Ῥωμαίους сличенныя нами флорентійскія рукописи—Laurent. 70, 23 и 69, 5) αὔθις ἢ Ῥώμη, ἐξήκοντα ἔτεσιν ὑστερον, ἐνάτῃ Ἀπελλαίου, πρὸς δὲ Ῥωμαίων προσαγορευομένου Δεκεμβρίου μηνός, ἐνδέκατον ἔτος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τὴν αὐτοκράτορα διέποντος ἀρχὴν, ср. и Procop. *De bellis* IV, 3 p. 423, 20 ed. Bonn. (vol. I): τοῦ τελευταίου μηνός, ὃν Δεκέμβριον Ῥωμαῖοι καλοῦσι. — Съ объясненіемъ, которое предложилъ Мальтрэ („ἐνάτῃ ἀπελλαίου μηνός videtur Procopius, vel librarius sic abbreviasset: θ' ἀπε. μηνός, ut fieri videmus quotidie. Hanc scripturam depravatam existimo sublata numeri nota θ' et ἀπε. mutato in ὑπό. Est autem Ἀπελλαῖος December, teste Evagrío, quem supra laudavi³⁾), мы не согласны ³⁾. Не согласны мы и съ конъектурой, предложен-

¹⁾ Читатъ δέκατον вмѣсто ἐνδέκατον было предложено еще Каннгиссеромъ.

²⁾ См. нашу рецензію на первый томъ изданія Компаретти въ *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія* 1895, ноябрь, отд. критики и библиографіи, стр. 156.

³⁾ Ср. вышеупомянутую рецензію, стр. 155 и слѣд.

ною Bury, на которой онъ, впрочемъ, не настаиваетъ: „Maltreto's conjecture θ' ἀπελλαίσο μηνός (based on Evagrius and Nicephorus Callistus) may be right. ὕστερον ἢ ἐπὶ Ζήνωνος (ср. I. i. ad. init.) occurred to me as a possibility“¹⁾; конъектура эта намъ кажется рѣшительно неудачною и даже не заслуживающею опроверженія. Остроумнѣе другая конъектура того же ученаго, касающаяся превращенія ἐνδέκατον въ δέκατον: „We must read δέκατον δὲ ἔτος“²⁾, говорить Bury I. c., which accounts for the corruption. ΙΑΕΤΟΣ was read as ΙΑΕΤΟΣ“³⁾,— но все же намъ кажется она менѣе удовлетворительною чѣмъ та, что предложена нами выше на основаніи текста Евагрія.

112, 5 αὐτὸς δὲ τοῦ περιβόλου πολλαχῆ διερρουχότος ἐπεμελεῖτο, ἐπαλξιν δὲ (τε?) ἐκάστην ἐγγώνιον ἐποίει κτλ.

113, 2 (Ῥώμη) τεῖχος (τεῖχος *W*, τεῖχη *L* и vulgo) περιβαλλομένη τοιοῦτον τι χρῆμα,—ср. *De bellis* VIII, 2 p. 465, 22 ed. Bonn. (vol. II) καὶ τεῖχος μὲν αὐτῇ (такъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ съ *V* вмѣсто τεῖχος μὲν αὐτὴν *L* и vulgo) περιέβαλε μέγα τι χρῆμα.

115, 7 καὶ γνώρισμα τῇ πόλει τοὺς ὁδόντας σοὺς τοῦ Καλοδωνίου ἐλίπετο (вмѣсто ἐλείπετο), οὓς οἱ (ὁ) θεῖος Μελέαχρος ἄθλα τοῦ κωνηγεῖου λαβῶν ἔτοχεν. Можно было бы ограничиться превращеніемъ οἱ въ ὁ, но мы предпочли вставить это послѣднее слово.

117, 10 ὁ τε γάρ Κρισάιος καλούμενος κόλπος ἀπολήγων ἐς τὸ Δέχαιον . . . ἐν μέτρῳ τεσσαράκοντα σταδίων μάλιστα ποιεῖται τὸν ταύτη ἰσθμὸν³⁾ καὶ ὁ ἀφ' Ἑλλησπόντου κόλπος, ὃν Μέλανα καλοῦσιν, οὐ πλέον, ἀλλὰ κατὰ τοῦτο (ταῦτό?) τὸ μέτρον ἀποτελεῖ τὸν ἐν Χερρονήσῳ ἰσθμὸν.

118, 5 Βρυόττιοί τε καὶ Λευκανοί,—(какъ выше 55, 7), а равно и 118, 9 Βροττίος. Въ *WM*⁴⁾ читается βριτίπιοί и βριττίος, а издатели, слѣдую Гроцію, даютъ Βρέττιοι и Βρεττίος, — тогда какъ въ 55, 7 остановились на Βροττίων⁵⁾.

118, 6 Ταρρακίνην (вмѣсто Таракίνην, такъ читаютъ издатели вслѣдъ за Гроциемъ; ταρρακίνην *W*, таракίνην *M*) — какъ выше 83, 11.

¹⁾ *J. B. Bury* *Nugae Procopianae* (въ *Hermathena* XXII, 1896) p. 359.

²⁾ На мѣстѣ Bury мы предпочли бы предложить δ' ἔτος (ср. ниже его ΙΑΕΤΟΣ).

³⁾ Компаратти, слѣдую прежнимъ издателямъ, ставятъ здѣсь точку и разъединяетъ такимъ образомъ τε (vs. 7) съ καὶ (vs. 9).

⁴⁾ *M*=cod. Laurent. 69, 8 (*L*) fol. 32^v и 33^r; эта часть рукописи *L* списана съ *V*.

⁵⁾ У Гёшеля въ текстѣ стоитъ βροττίων, а на поляхъ—βροττίων.

119, 7 Κάρνιοι τε καὶ Νωρικοὶ (вмѣсто Νοορικοὶ).

119, 11 ὑπὲρ δὲ Ῥαβέννης πόλεως . . . Διγούριοι φκηνται—не было ли въ архетипѣ ὑπερ(θεν) δὲ κтл. или же ὑπὲρ δὲ Ῥάβενναν πόλιν, чтò впрочемъ намъ менѣе нравится нежели первая конъектура. По поводу этой первой конъектуры можно сопоставить 119, 5 ὑπερθεν ¹⁾ δὲ αὐτῶν Σίσκιοὶ τε καὶ Σούαβοι ²⁾ . . . χώραν τὴν μεσόγειον ἔχουσι и 120, 2 τούτων τε ὑπερθεν ἔθνη τὰ Φράγγοις κατήκοά ἐστι, а по поводу второй—119, 6 καὶ ὑπὲρ τούτους Κάρνιοι . . . ἴδονται.

122, 1 οἷς Κωνσταντῖνος ὑπαντίσας ἐν τῇ Περουσίᾳ προαστείφ ἐς χεῖρας ἦλθε ³⁾, πλήθει τε (вмѣсто δὲ) τῶν βαρβάρων ὑπεραιρόντων ἀγχώματος μὲν τὰ πρῶτα ἐγεγόνει ἡ μάχη, μετὰ δὲ κтл.

122, 4 τοὺς πολεμίους ἐτρέψαντο, φεύγοντάς τε οὐδενὶ κόσμῳ σχεδόν τι ἄπαντας ἔκτεινον (ἔκτειναν?) καὶ ζῶντας ἐλόντες . . . παρὰ Βελισάριον ἔπεμψαν.

122, 7 Μαρκίας τε καὶ οἱ ξὺν αὐτῷ οὐπῶ ἐκ Γαλλίας ἦκοντες—Γαλλίας читаютъ Диндорфъ и Компаретти вслѣдъ за „cod. Regius“ Мальтрэ, то-есть вслѣдъ за cod. Parisin. 1699 ⁴⁾. Прежніе издатели удерживали чтение лучшихъ рукописей γαλλίων (такъ *WM*). Не слѣдуютъ ли читать Γαλλιῶν?

123, 6 ἐν χωρίῳ Σκαρδῶνῃ (вмѣсто Σκάρδων *WM* и vulgo).

124, 9 τὰ μὲν οὖν στρατόπεδα Ῥωμαίων τε καὶ Γότθων ἐν Δαλματία (вмѣсто Δαλματίας *WL* и vulgo) ἐφέρετο τῆδε. Выше въ этой же главѣ говорится о Δαλματία въ единственномъ числѣ (122, 8. 9. 11). Въ архетипѣ, по всей вѣроятности, было написано δαλματία или ΔΑΔΜΑΤΙΑΙ съ *iota adscriptum*, а сигма появилась диттографически (ср. слѣдующее слово ΕΦΕΡΕΤΟ).

125, 4 καὶ αὐτὸν γὰρ οἱ ἀναδέχεσθαι μήποτε Βελισάριον δρασμῶ χρήσεσθαι ἀλλ' αὐτοῦ μένειν (μενεῖν?). Вульгата χρήσασθαι (*VL*; въ *Γ* неясно, χρήσασθαι или χρήσεσθαι), повидимому, не подходитъ къ данному контексту.

126, 4 ξυνέπεσε τὴν διόδον ἐνθένδε (ἐνθάδε?) ποιομένων τῶν πολεμίων ἐμπλεα Γότθων τὰ ἐν τῇ προαστείφ πεδία εἶναι.

¹⁾ Такъ даютъ *WM*, которымъ мы и слѣдуемъ; ὑπερθε—вульгата.

²⁾ Слѣдуемъ и здѣсь чтенію *WM*; вульгата—Σούαβοι.

³⁾ Ставимъ запятую вмѣсто точки (вульгата).

⁴⁾ Эту рукопись мы будемъ обозначать буквою Ж. Она списана (въ XV вѣкѣ съ Ф=cod. Parisin. 1703, а эта рукопись въ первой своей половинѣ (Ф¹)—fol. 1—88, до νεῖπολιν (р. 328, 3 ed. Bonn. vol. II) включительно, списана была въ концѣ XIV вѣка съ *L*; вторая же ея половина (Ф²) списана въ XV вѣкѣ съ Ж.

126, 5 (непосредственно слѣдуетъ за вышеприведенной фразой) *πρίδρομοι δὲ οὗτοι πρὸ τῆς ἄλλης στρατιᾶς ἦσαν* — здѣсь *πρὸ* могло появиться диттографическимъ путемъ подъ вліяніемъ *πρόδρομοι* и *προαστείφ*.

126, 9 *ἐνταῦθα τε φροσρούς ἀπολιπὼν, καθάπερ οἱ ἐπέστελλε* ¹⁾ *Βελισάριος, ἐς Ῥώμην κατὰ τάχος ἤει παρέσεσθαι τε (παρέσεσθαι τότε V, καὶ παρέσεσθαι τότε L и vulgo) ὅσον οὕτω τοὺς πολεμίους ἀπήγγελλε* ²⁾. Въ τότε, повидимому, рѣшительно не нуждается данный контекстъ. Ду-

маемъ, что въ архетипѣ было написано ^{те} *παρέσεσθαΙ* и *Ὅσον*. Натурально, это *το* было принято за *τότε*, а услужливый интерполяторъ *L* не затруднился прибавить отъ себя союзъ *καί*. — Менѣе вѣроятнымъ намъ кажется чтеніе *ἤει παρέσεσθαι θ' ὅσον οὕτω κτλ.*

126, 12 *τά <τε> γὰρ χωρὶα ἐχουρά ὡς μάλιστα ἐστι καὶ τρίβεσθαι οἱ ἐνταῦθα τὸν χρόνον οὐδαμῇ ἤθελε*.

127, 1 *ἀλλὰ καὶ Нарвіαν ἔχεσθαι πρὸς τῶν πολεμίων* ³⁾ *μαθὼν οὐδ' ἐνταῦθα κινεῖν ἤθελε*. Издатели удерживаютъ рукописное чтеніе *οὐδὲν*; Герверденъ предложилъ читать *οὐδὲν <οὐδ'>*. Примѣры абсолютнаго употребленія *κινεῖν* (подразумѣвается *στρατὸν*) извѣстны изъ Полявія.

128, 9 *ἦν τε γὰρ ἐνθὲνδε ἀποκροσθέντες οἱ βάρβαροι, διαβαίνειν ἐγχειρήσωσιν ἐπὶ γεφύρας ἐτέρωθί πη (ἐτέρωθι μὴ V, ἐτέρωθι L и vulgo) οδοῦς*.

132, 5 *Βελισάριος δὲ αὐτὸς τε ἐπιστροφάδην τοὺς αἰεὶ ὑπαντιάζοντας ἔκτεινε καὶ τῶν αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) δορυφόρων τε καὶ ὑπασπιστῶν τῆς ἐς (εἰς L и vulgo, om. V) αὐτὸν (ἑαυτῶν V) εὐνοίας... ἀπέλαυσε*.

133, 12 *μόνος γὰρ ἐσπηδήσας ἐς τῶν* ⁴⁾ *πολεμίων τὸν* ⁵⁾ *ὄμιλον (n. b.!) ἐμπόδιός τε τῇ Γότθων ὀρμῇ ἐγεγόνει καὶ τοὺς ξὺν αὐτῷ (вмѣсто αὐτῷ) διεώσατο*.

134, 2 *δείσαντες δὲ (τε?) Ῥωμαῖοι κтл.*

136, 13 *καὶ αὐτὸν τῶν τις ἐταίρων φωνήν τινά οἱ ἀφείναι ἤξίου, ὁ δὲ (οὐ γὰρ ἐδόνατο, ἐπεὶ οἱ τὰ ἐντὸς... λίαν ἐχάετο) ὕδωρ οἱ ἔνευεν ἐς τὸ*

¹⁾ Такъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ съ *V*; *L* и *vulgo*—ἐπέστελλε.

²⁾ Такъ *V*; вульгата ἀπήγγειλε (*L*).

³⁾ τῶν Ῥώμης πολεμίων *V*, что страннымъ образомъ удерживаетъ Компаретти (переводя „nemici Romani"); τῶν ἐν Ῥώμῃ πολεμίων *L*. Это ἐν Ῥώμῃ — очевидно диттографію (ср. 126, 14 ἐν Ῥώμῃ εὐρέσθαι) — совершенно правильно выбросилъ изъ текста Мальтрэ.

⁴⁾ τὸν *V* *pr.*, чего не отмѣчено у Компаретти.

⁵⁾ Такъ *V*; τὸν τῶν πολεμίων *L* и *vulgo*.

στόμα ἐμβάλλεσθαι. Здѣсь мы, во-первыхъ, поставили скобки, во-вторыхъ предложили читать οὐ вмѣсто οὐδὲ (*VL* и *vulgo*), которое могло возникнуть диттографически — подъ влияніемъ предшествующихъ словъ ὁ δὲ, — въ-третьихъ предпочли чтенія *V* ἐδύνατο и ἐχάετο вульгатѣ (*L*) ἡδύνατο и ἐχάειτο. Не мѣшаетъ упомянуть, что въ концѣ вышеприведенной фразы имѣемъ весьма интересный образчикъ интерполированности *L*: вмѣсто ὕδωρ οἱ ἔνευεν въ *L* читается καὶ | ὕδωρ οἱ ἐνθένθεν ἐδέετο, то-есть не понявъ или не разобравъ толкомъ ἔνευεν почтенный интерполяторъ мигомъ „исправилъ“ это мѣсто, прибавивъ καὶ и ἐδέετο. Какъ видимъ, данное мѣсто является достойнымъ *repandant'*омъ тѣхъ, что сопоставлены нами въ вышеупомянутой статьѣ: „Къ рукописному преданію Ἵπὲρ τῶν πολέμων Προκοπία Κεσαρίησκαια“. А Гаури ухитрился признать *L* болѣе близкою къ общему архетипу чѣмъ *V*!...

138, 3 αὐτὸς μένοι οὐτε (οὐδὲ *V*, которому слѣдуетъ Компаретти, οὐδὲν *L* и прочіе издатели) κατωρρώθησεν οὐδὲ τὸν λόγον ὑγῖα ἰσχυρίζετο εἶναι. Οὐδὲ (послѣ κατωρρώθησεν) измѣнять въ οὐτε, повидимому, нѣтъ надобности, — ср. 150, 3. 6 μήτε μήδέ.

140, 12 — 141, 1 δεισαντες οὐν οἱ βάρβαροι, μὴ . . . οἱ πολέμοι . . . ἄβασα σφίσι ποιήσονται ἅπαντα καὶ ἀπ' αὐτοῦ αἰσθησιν τῶν ἐν πολιουρχία κακῶν ἥμισυ εἶχουσιν, χαρακμα δὴ ἔβδομον . . . ἐπήξαντο, ὅπως σφίσι τῆ γέφυρα τῶν στρατοπέδων ἐν μέσῳ εἶη. Въ *V* пропущено δὴ. Можно отсюда заключить, что въ архетипѣ это слово было приписано надъ строкой; мы предпочли бы поставить его послѣ ὅπως (141, 1).

142, 7 οἰκίας συχνάς ἐν χωρίῳ (χώρῳ?) τῷ ἀντιπέρας δευόμενοι.

143, 8 ἐς τοσοῦτον εὖρους (τε) καὶ βάθους διήκοντες.

143, 12 κατὰ ταύτας γὰρ ἐπιμαχώτατος (ἐπιμαχόμενος *V* въ концѣ строки, ἐπιμαχός *L* и *vulgo*) τε ἦν ὁ περίβολος ¹⁾ καὶ Ῥωμαῖοις ἐξιτητὰ ἐπὶ τοὺς πολεμίους ὄντα ἐτόγγανε, — ср. 167, 7 ἦν γὰρ ταύτη ἐπιμαχώτατον (такъ *L* и *vulgo*, ἐπιμαχόμενον *V*), scil. τὸ τεῖχος.

147, 4 τὰ μὲν οὐν ἐς τὴν πολιουρχίαν τῆδε Βελισάριος διψήσατο (вмѣсто Βελισαρίῳ διψήσατο). Рукописи (*VL*) даютъ βελισαρίῳ (βελισαρίῳ *L*) διψήσατο (διωκ. *L*), и издатели, удерживая *dativus*, вслѣдъ за Скалигеромъ измѣняютъ διψήσατο въ διώκητο. Мы предпочитаемъ обратный путь, находя, что ΒΕΛΙΣΑΡΙΟΣ (или βελισαρι) скорѣе могло превратиться въ ΒΕΛΙΣΑΡΙΩ (βελισαριω) чѣмъ διψήσατο въ διωκήσατο.

¹⁾ Слѣдуемъ разстановкѣ словъ, данной *V*; τε ὁ περίβολος ἦν *L* и *vulgo*.

147, 10 καὶ αὐτὸν ὁ τῶν παιδῶν ὄμιλος παίζοντες ἀπὸ δένδρου ἐκρίμνον (ἐκρήμων *V*, ἐκρήμωνον *L*; ἐκρέμων издатели вслѣдъ за Скалпгеромъ),—ср. Моег. р. 108 ed. Pierson. ἐκρεμάνουεν, 'Ἀττικῶς' ἐκρίμα, 'Ἑλληνικῶς, η *Kühner-Blass* Griech. Gramm. II р. 466.

147, 12 ὁ δὲ ἀπὸ τοῦ δένδρου ἠρτημένος Οὐίτιγис ¹⁾ χρόνου οἱ τριβέντος ἐν ταύτῃ δὴ τῇ τιμωρίᾳ (πολλοῦ *или* συχνοῦ) θνήσκει. Не мѣшается упомянуть, что θνήσκει въ *V* начинаеть собою строку (слѣдовательно, это πολλοῦ или συχνοῦ легко могло быть пропущено при переходѣ на другую строку), а въ *L* заканчиваетъ ее. Впрочемъ, естественнѣе всего отнести этотъ пропускъ уже къ архетипу. Въ палеографическомъ отношеніи πολλοῦ, повидимому, предпочтительнѣе — въ виду предшествующаго ΤΙΜΩΡΙΑΙ.

150, 9 τὸν δὲ ταύτης βασιλέα . . . τὰ τοῦ πολέμου κακὰ τοὺς αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) κατηκόους ἐργάζεσθαι.

155, 9 ἐπειδὰν οὖν τοὺς πολεμίους ἐνθένδε βάλλειν ἐθέλωσιν (вмѣсто ἐθέλουσιν) ἀνθρωποι.

157, 1 δοκοὺς δύο ἰσῆσιν ἐκ γῆς ἄχρι καὶ ἐς τὰς ἐπάλλξεις ἐξικνουμένας ξύλα τε εἰργασμένα ἐπάλληλα θέμενοι τὰ μὲν ὀρθὰ τὰ δὲ ἐγκάρσια ἐναρμόζουσιν ὡς τῶν ἐνέρσεων τὰ ἐν μέσῳ εἰς ἀλλήλας (εἰσαλλήλοισ *V*, εἰς ἀλλήλοισ *L*; εἰς ἀλλήλους издатели вслѣдъ за Гёшелемъ) τροπήματα φαίνεσθαι.

158, 8. 9 ἐπεὶ δὲ Γότθοι τῆς τάφρου ἐγγύτερον ²⁾ ἵκοντο, πρῶτος ὁ στρατηγὸς τὸ ³⁾ τόξον ἐντείνας τῶν (такъ *L*, τὸν *V*; (αὐ)τῶν издатели—кромѣ Гёшеля, который удержалъ τῶν,—вслѣдъ за Мальтрэ) τινα τεθωρακισμένων τε καὶ τῆς στρατιᾶς ἡγουμένων ἐς τὸν αὐχένα ἐπιτυγῶν βάλλει—вмѣсто вульгаты (*VL*) τεθωρακισμένον η ἡγούμενον.

158, 10 καὶ ὁ μὲν καιρίαν πληγῆς ἔπεσεν ὕπτως, ὁ δὲ Ῥωμαίων ⁴⁾ λεῶς ἅπας ἀνέκραγον (ἐνέ|κραγον *V*, гдѣ о исправлено изъ *только начатаю* e; ἀνέκραγεν *L* и vulgo) ἐξαισιῶν τε καὶ ἀκοῆς κρεῖσσον, ἄριστον οἰωνόν ξυνεγεθῆναι σφίσι οἰόμενοι.

159, 2 τοὺς δὲ ἀμφ' αὐτὸν (вмѣсто αὐτὸν) ἅπαντας ἐς μόνους τοὺς βόας ἐκέλευε βάλλειν.

159, 5 οὕτω δὴ (δὲ *V* и vulgo; τε *L*, пропуская τε послѣ βελισαρίου) Βελισαρίου τε ἢ πρόνοια ἐγνώσθη κτλ.

¹⁾ Слѣдуемъ правописанію *V*; вульгата—Οὐίτιγис (*L*).

²⁾ Слѣдуемъ чтенію *V*; вульгата—ἐγγυτέρω (*L*).

³⁾ τὸ *от. V*, которому напрасно слѣдуетъ Компаретти.

⁴⁾ Слѣдуемъ разстановкѣ *V*; вульгата—ὁ Ῥωμαίων δὲ (*L*).

162, 1 δεισας περι τῷ ἐκείνῃ (ἐκείνῃ *V*, ἐκείσε *L* и vulgo), αὐτὸς μὲν κατὰ τάχος ἐκείσε (п. b.!) ξὺν ὀλίγοις τισὶν ἐβοήθει, κτλ.—ср. 164, 4 τὸ ἐκείνῃ τείχισμα. Чтение вульгаты (*L*), очевидно, обязано своимъ происхождениемъ диттографіи.

162, 7 ῥᾶον ἔς τε ἀπορίαν¹⁾ καταστήσασθαι (καταστήσεσθαι?) τοὺς πολεμίους οἰόμενοι καὶ τοῦ ἐνταῦθα φυλακτηρίου κρατήσειν δι' ὀλιγανθρωπίαν οὐδενὶ πόνῳ.

162, 11 ὑπὸ γὰρ τῇ στοᾷ κροπτόμενοι ἤλθον, ἢ ἐς τὸν Πέτρου τοῦ ἀποστόλου νεῶν διήκει. ἔνθεν δὴ (ἐνθένδε *V*, ὅθεν δὴ *L* и издатели) φανέντες ἐξαπιναιῶς ἔργου εἶχοντο.

165, 7 τοῦτο δὴ (вмѣсто δὲ) τὸ μέρος κтл.

165, 11 ἀπέβη τε αὐτοῖς ἅπαντα ἐν τῷδε τῷ χωρίῳ (χώρῳ?). ἢ διεουδῶντό, <τв> καὶ προσεδόκων.

166, 1 καὶ ἐθαυμάζομεν γε, ὅτι (<δ>) ἢ οὐδὲ ἐς πεῖραν, ἐς (κατὰ?) μνήμην ἡμετέραν, τῶν πολεμίῶν αὐτῆ τοῦ περιβόλου ἢ μοῖρα περὶ πάντα τὸν χρόνον ἤλθεν κтл. Въ *V* читается ὅτι οὐδὲ ἐς μνήμην ἡμετέραν ἢ τῶν πολεμίῶν (от. ἐς πεῖραν) и этому чтению слѣдуютъ Мальтра съ Диндорфомъ; въ *L* дѣло не обходится безъ интерполяціи—ὅτι ἐς μνήμην ἡκιστα τῶν πολεμίῶν ἢ ἐς πεῖραν (от. οὐδὲ); этому чтению слѣдуетъ Гёшель, которому впрочемъ не были извѣстны ватиканскія рукописи.— По поводу κατὰ (или κατὰ γε?), на которомъ однако мы вовсе не настаиваемъ (и не выводимъ его изъ ἡκιστα *L*), можно было бы сопоставить Aelian. *V. H.* 6, 1 κατὰ γε τὴν ἐμὴν μνηίαν.

166, 7 ἐν δὲ Σαλαρία πόλῃ (такъ *V*, τῇ πόλῃ *L* и vulgo) Γότθος²⁾ ἀνὴρ εὐμήκης τε καὶ ἀγαθὸς τὰ πολέμια κтл. Въ членѣ при πόλῃ особенной нужды нѣтъ, ср. напримѣръ 159, 9 ἀμφὶ Σαλαρίαν πόλῃν; 170, 3 κατὰ πόλῃν Σαλαρίαν. Если въ *L* это τῇ не диттографія, то можно думать о δὴ или (что однако менѣе вѣроятно) о тис, написанномъ въ архетипѣ надъ строкой: иными словами, можно думать о чтении ἐν δὲ δὴ или ἐν δὲ Σαλαρία πόλῃ тис Γόтθος ἀνὴρ. Естественноѣ всего однако остановиться на вышеуказанномъ чтении *V*, считая τῇ диттографіей.

166, 10. 11 τοῦτον δὴ (вмѣсто δὲ) τὸν ἄνδρα μηχανή (<μὲν?>) ἐν πύργῳ κατὰ μέρος τὸ λαῖον οὖσα τύχη τινὶ ἔβαλε, διαβάν δὲ κтл.

166, 11 διαβάν δὲ τὸν τε θώρακα καὶ τὸ τοῦ ἀνθρώπου σῶμα τὸ βέλος κтл. Въ *V* нѣтъ καί, и потому можно думать о чтении τὸν τε θώρακα

¹⁾ Слѣдуемъ разстановкѣ *V*; ἔς τε ἀπορίαν ῥᾶον—вульгата (*L*).

²⁾ Прибавляемъ это Γόтθος изъ *VL*; Компаратти, слѣдя прежнему издателю, пропускаетъ это слово.

τό <τε> τοῦ ἀνθρ. σῶμα. Принимая однако во вниманіе, что между θῶραха и τὸ писецъ V могъ очень легко пропустить καί, — предпо- читаемъ остаться при чтеніи L.

167, 2 κατωρρωδήσαντες <τε?> καὶ βελῶν ἔω γενόμενοι. Въ L читается κατωρρωδήσαντες, чего не отмѣчено у Компаретти.

167, 3 (продолжается вышеприведенная фраза) ἔμενον μὲν ἔτι ἐν τάξει, τοὺς δὲ ἐν τῷ τείχει οὐκέτι ¹⁾ ἐλόπουον. Вмѣсто вульгаты ἔτι въ V читается ὅτι, а въ L ²⁾—ἔτι (ἔται L *pr.*); въ виду этихъ вариантовъ воз-

можно предположеніе, что въ общемъ архетипѣ читалось μὲν ἔτι (то- есть μὲν τοι); вмѣсто ἔτι писецъ V могъ найти въ своемъ подлинникѣ уже ἔτι, а писецъ L—ἔτι.

169, 5 καὶ οἱ μὲν [τῷ φόβῳ] τοὺς ἐσπεπτωχότας ἅπαντας ἔχτεινον, οὔτε ἀμνομένους καὶ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν διαφθειρομένους ἐν τῇ ἐς τὴν ἔξοδον στενοχωρίᾳ. Мы уничтожаемъ τῷ φόβῳ какъ явную интерполяцію L: въ этой рукописи сначала было написано τοὺς | πεπτωχότας (*sic!*), но потомъ,—очевидно, не понимая, что можетъ значить въ данномъ кон- текстѣ πεπτωχότας ³⁾,—тотъ же самый писецъ не постѣснился „испра- вить“ τοὺς въ τῷ и приписать на полѣ въ концѣ строки φόβῳ ⁴⁾. Впрочемъ, не мѣшаетъ оговориться, что, обвиняя въ интерполированіи L самого писца этой рукописи, мы, быть можетъ, обвиняемъ невин- наго: дѣло въ томъ, что хотя вышеупомянутыя „исправления“ сдѣ- ланы тою же самою (первою) рукою, которая написала сначала и τοὺς, всеже было бы нѣсколько рискованно считать интерполяторомъ именно писца L, а не того, кто писалъ рукопись, съ которой L была списана. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мыслимо предположеніе, что уже въ этой послѣдней рукописи стояло τῷ φόβῳ πεπτωχότας, и что писецъ L, *заканчивая строку*, по весьма естественной причинѣ написалъ τοὺς вмѣсто τῷ (подъ влияніемъ πεπτωχότας) и пропустилъ было φόβῳ, что нерѣдко бываетъ при переходахъ съ одной строки на другую. Намъ лично склониться скорѣе въ пользу предположенія, что былъ интерполированъ уже подлинникъ рукописи L, заставляетъ фактъ не-

¹⁾ Такъ V; οὐκ ἔτι L и vulgo.

²⁾ Вариантовъ L въ критическомъ комментарий не указано.

³⁾ Не сомнѣваемся, что ἐς въ (ἐς)πεπτωχότας было, по винѣ писца, пропу- щено уже въ подлинникѣ.

⁴⁾ Обо всемъ этомъ критическій аппаратъ Компаретти почему-то умалчи- ваетъ.

интерполированности рукописи *P*¹, писанной, судя по почерку, тѣмъ же самымъ писцомъ, который писалъ и *L*. Не слѣдуетъ, однако же, упускать изъ виду, что и при наличности только что указанного факта разбираемый вопросъ всеже остается открытымъ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ предположить, что, написавъ *P*¹, писецъ уже такъ возмнилъ о своемъ знаніи греческаго языка вообще и Прокопія въ частности, что, ничто же сумняся, приступилъ къ „исправленію“ текста подлинника рукописи *L*.

Возвращаясь къ разбираемому тексту, считаемъ не лишнимъ сообщить примѣчаніе Компаретти ad. l.: „4 — 5. οἱ μὲν τῷ φόβῳ *om.* *WvV*; *ma soltanto* τῷ φόβῳ *può escludersi qui e premettersi ad* οὔτε ἀρ.“. По поводу этого примѣчанія мы должны замѣтить, во-первыхъ, что слова οἱ μὲν преблагополучно стоятъ въ *V*; во-вторыхъ, что τῷ φόβῳ на мѣстѣ Компаретти, то-есть при условіи полного невѣдѣнія относительно сильной интерполированности *L*, мы поставили бы не передъ οὔτε, а послѣ ἀμονομένουσ, что было бы несравненно удобнѣе какъ съ чисто внѣшней стороны (пропущенное въ текстѣ τῷ φόβῳ было добавлено надъ строкой, но помѣщено по винѣ корректора надъ μὲν, а не надъ ἀμονομένουσ), такъ и съ внутренней.

170, 14 ἐτύχανον ἐς αὐτοὺς (εἰς αὐτοὺς *L* и *vulgo*, ἐαυτοὺς *V* безъ предлога) βάλλοντες.

173, 5 ἀλλά σε ¹⁾, ὃ βασιλεῦ, ἐκεῖνο (κακεῖνο?) εἰσίτω ἤν γάρ ²⁾ νῦν ἡμῶν οἱ βάρβαροι περιέσσονται, κτλ.

174, 3 καὶ τῷ μὴ ἐπιθαλασσίαν εἶναι τῶν ἀναγκαίων ἀποκλεισμένην ἀπάντων. Здѣсь τῷ даетъ *L*, а въ *Vabe* читаемъ τὸ. Въ архетипѣ могло быть <δὶα> τὸ. Между ΚΑΙ и ΤΩ нетрудно было бы пропустить ΔΙΑ. Не настаиваемъ однако на этой конъектурѣ — въ виду крайней легкости превращенія τω въ το, какъ и наоборотъ.

174, 4 sq. καὶ Ῥωμαῖοι νῦν μὲν (μὲν, νῦν | μὲν *V*, μὲν νῦν *Labe* и *vulgo*) εὐνοϊκῶς ἡμῖν ἔχουσι, τῶν δὲ κακῶν αὐτοῖς, ὡς τὸ εἶδος, μηκονομένων κтл. Врядъ ли слѣдуетъ ¹⁾остановиться на чтеніи *V* цѣликомъ.

177, 2 sq. χρῆναι γάρ τότε βασιλέα Ῥωμαίους καταστῆναί τινα ἐξ οὗ

¹⁾ Удерживаемъ рукописное чтеніе ἀλλά σε *VLa* (ἀλλά α *pg.*) *be*, предпочитая его вульгатѣ ἀλλὰ σέ. Изъ вышеупомянутыхъ рукописей *a* = *cod. Romanus Angelicus* 25, бумажный, XVI вѣка; *b* = *cod. Barberin.* II 2, бумажный, XVI вѣка; *c* = *cod. Vatican.* 1353, бумажный, XVI вѣка.

²⁾ Слѣдуемъ *V*; вульгата — εἰσίτω ὡς ἤν (*Labe*).

δὴ Γητικὸν οὐδὲν Ῥώμῃ το λοιπὸν δεῖσειε. (Γητικὸν γάρ φασιν ἔθνος ¹) τοὺς Γότθους εἶναι). εἶχε δὲ τὸ λόγιον ὡδε:

QVINTO MENSE SI RE<X QVISQVAM EXSTITERIT
ROMANIS).
NVMQVAM TVM NIHILV(M) GETICVM IA(M). <RO>
MA, TIMETO.

Такъ возстановляемъ мы это прорицаніе „сивиллы“ теперь ²). Кому не нравится спонданческое окончаніе перваго гексаметра, тотъ могъ бы обратиться къ редакціи, уже предложенной нами въ упомянутой рецензій (стр. 153):

Quinto mense si<bi> re<gem Romani creanto>,

но первая редакція, на нашъ взглядъ, предпочтительнѣе второй. такъ какъ, во-первыхъ, не требуетъ вставки *bi* въ уцѣлѣвшей части перваго гексаметра. а, во-вторыхъ, объясняетъ механическую причину лакуны (*quisquam—numquam*). Вопросъ о просодіи оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ законы просодіи писаны вовсе не для такихъ „сивиллъ“, что видно уже изъ перваго прорицанія, которымъ мы занимались выше.

Мальтрэ возстановилъ только: *Quintili mense* и *Roma nihil Geticum metuet*, благоразумно уклонившись отъ возстановленія середины прорицанія. Диндорфъ къ этому ровно ничего отъ себя не прибавилъ. Компаретти усмотрѣлъ здѣсь: *Quintili mense sub novo Romanus rege nihil Geticum iam metuet*,—какъ будто у „сивиллы“ не хватило стихотворнаго таланта на два полныхъ гексаметра. Такого возстановленія не одобряетъ и Вугу ³), но и его собственной попытки нельзя признать особенно удачной; къ тому же и онъ не даетъ намъ произведенія „сивиллы“ въ метрической формѣ. „Using the data furnished by these identifications, говорить онъ p. 360 sq., I read the two words after *mense* as unquestionably *si regnum*. Then follows, I

¹) Слѣдуемъ V; вульгата γάρ ἔθνος φασί (L).

²) Наши прежнія попытки возстановленія см. въ рецензій на первый томъ изданія Компаретти, I. с. стр. 151—154.

³) „Comparetti gives a facsimile (мимоходомъ замѣтимъ, что это факсимиле нельзя назвать особенно удачнымъ) of the reading in V of the famous oracle beginning *Quintili mense*, but he has perhaps not made as good use of it as he might for his text. He prints: *Quintili—metuet*. The words *Quintili mense* and *nihil Geticum iam* are certain and had long ago been made out, but the rest is demonstrably wrong“.

think, *stat* (the second letter has the form of μ) in *nrbe* (i. e. *urbe*). Between *nilil* and *Geticum* is the letter *u*: apparently *nihilu*; that is, *nihilum Geticum*, which is conceivably right if we suppose that the oracle was originally metrical. The last mysterious word is quite clear — *azmet*. It cannot be tortured either into *timet* or *metuet*, or any equivalent of the Greek paraphrase which Procopius gives: (ἐξ οὗ δὴ Γετικὸν οὐδὲν Ῥώμῃ τὸ λοιπὸν δαίσεια. It is perhaps safest to assume that *met* is an error for *me(tue)t*; but *az* remains unexplained¹⁾.

Обращаясь къ критическому разбору деталей, замѣтимъ, что противъ *Quintili*, — находящаго, какъ видимъ, себѣ защитника и въ лицѣ Вуру, — мы уже протестовали въ рецензiи на первый томъ изданiя Компаретти²⁾: „Прокопiй слишкомъ ясно говорить $\kappa\epsilon\rho\mu\tau\omicron\nu\ \mu\eta\nu\alpha$ 177,3, и къ тому же специально упоминаетъ, какъ нѣчто отдѣльное, обозначенiе Κοιντίλιος (или Κοντίλιος) 177,7³⁾, дѣлая ео ipso несомнѣннымъ — по крайней мѣрѣ, для людей, которые не слишкомъ поддаются обаянiю вульгаты, — предположенiе, что „сивилла“ говорила не о Quintilis (mensis), но просто о *quintus*; находишь въ ея прорицанiи это Quintilis, нечего было бы тогдашнимъ толкователямъ и „ $\iota\sigma\chi\omicron\rho\rho\iota\zeta\omicron\sigma\theta\alpha\iota$ “ или дѣлать разныя выкладки, — такъ какъ и безъ нихъ всякому было бы ясно, что дѣло идетъ именно объ iулѣ“. Правда, черты преданiя ($\eta\nu\ \tau\acute{\iota}\ \lambda\omicron\iota\ V$, $\eta\nu\ | \tau\acute{\iota}\ k\cdot i\ L$), на первый взглядъ, какъ будто благоприятствуютъ именно *Quintili*, а не *Quinto*, но при ближайшемъ рассмотрѣнiи это затрудненiе весьма удобно устраняется. Черты преданiя въ переводѣ ихъ на латинскiй шрифтъ, очевидно, даютъ

⟨Q⟩VINTILOI,,⁴⁾.

Отсюда мы выводимъ заключенiе, что въ архетипѣ было либо

QVINTILI^o

съ экспунгированной опиской *ILLI*, исправленной въ *O*, или же

QVINTO^{ИЛИ}

¹⁾ Мы сочли не лишнимъ привести разсужденiе Вуру in extenso — въ виду того, что журналъ *Neurmathena* не особенно распространенъ среди русскихъ филологовъ.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя* I. с. стр. 150.

³⁾ См. ниже британскiй разборъ этого мѣста.

⁴⁾ Прежде мы думали о [Q]uinto hoc, причѣмъ однако на этомъ hoc не настаивали (ср. рецензiю I. с. стр. 150 и 152 прим. 2).

съ интерполяціей, надписанной надъ правильнымъ чтеніемъ ¹⁾). Которое изъ этихъ двухъ объясненій правдоподобнѣе, предоставляемъ рѣшить самому читателю. Намъ лично кажется, что шансы ихъ почти одинаковы: съ чисто внѣшней, палеографической стороны правдоподобнѣе первое, съ внутренней — предпочтительнѣе второе. Какъ бы тамъ ни было однако, вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ не играетъ первостепенной роли: соображенія, указанныя нами выше, съ достаточною, надѣемся, убѣдительною приводятъ насъ къ чтенію *Quinto* вмѣсто вульгаты *Quintili*, а потому въ данномъ случаѣ намъ достаточно и одного того факта, что это *Quinto* выводимо изъ чертъ преданія. Остается добавить, что тѣ же вышеупомянутыя соображенія, въ связи съ специальной формой *Q* (*q* — въ *NUMqUAM*), дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ глазахъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ предположеніе, что $\langle Q \rangle$ VINTILOI получило изъ VINTILI чрезъ посредство VINTILI (ср. кромѣ того ниже разборъ 177,7). Но, если бы это предположеніе было несомнѣннымъ фактомъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что въ текстъ архетипа уже проникла интерполяція QVINTILI, вытѣснивъ правильное чтеніе *QVINTO*.

Въ началѣ втораго гексаметра, несомнѣнно, было *NUMqUAM*, а не *(reg)num stat i(n)*, какъ предложилъ читать Вугу: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно одного взгляда на сносное въ данномъ мѣстѣ факсимиле Компаретти.

Далѣе мы читаемъ *TVM* (вмѣсто *NN V*, *vn L*) и думаемъ, что *numquam tum* (вмѣстѣ съ *iam*, стоящимъ далѣе) достаточно близко передаетъ перифразу Проконія: ἐξ οὗ δὴ . . . τὸ λοιπὸν. Читать *tu* ²⁾ вмѣсто *tum*, считая конечное *m* въ послѣднемъ словѣ диттографіей ³⁾, вряд-ли стоитъ.

Послѣ *tum* архетипъ, очевидно, давалъ слѣдующее:

γρ(ἀφσ) GE NIHILV ETICVM IAMATMETO ⁴⁾,

что приводитъ насъ къ слѣдующему возстановленію

NIHILV ^{γρ} ^{GE} ETICVM IAM <ROM>A TIMETO.

¹⁾ По поводу интерполированности общаго архетипа *VL* ср. нашу замѣтку въ *Commentationes philologicae* (въ честь проф. И. В. Помяловскаго) стр. 192.

²⁾ Ср. извѣстную фразу Горация: *hunc tu, Romane, caveto*.

³⁾ Ср. сосѣдство *numquam* и *nilulum Geticum iam*.

⁴⁾ Скорѣе чѣмъ *T:METW* (см. ниже въ текстѣ).

⁵⁾ Это, какъ мы уже видѣли выше, впервые пояснилъ Вугу; мы прежде думали о *NIHIL γ | ETICVM*.

Буква *G* въ (G)ETICVM могла легко быть пропущена писцомъ въслѣдствіе большаго ея сходства съ непосредственно слѣдующей *E* или же была первоначально нарочно оставлена для рубрикователя ¹⁾. Поправка (или дополнение) гр. GE была, конечно, надписана надъ строкой, но затѣмъ, какъ это нерѣдко бываетъ, незамѣтно втерлась въ самый текстъ ²⁾, предварительно перекочевавъ влѣво.

Изъ IAMA мы извлекаемъ далѣе IAM <ROM>A; или же, что еще удобнѣе въ палеографическомъ отношеніи, — $\bar{I}A$ <RO>MA: механическая причина пропуска становится вполне понятной.

Дешифровать конецъ намъ удалось путемъ комбинаціи данныхъ *V* и *L*: послѣ <G>ETICVM первая рукопись даетъ IaMAZMET, а вторая акі е та ³⁾, то-есть $\bar{I}A$ <RO>MA TIMETO. Въ послѣднемъ словѣ *O*, повидимому, превратилось въ ватиканскомъ преданіи въ точку ⁴⁾, — быть можетъ, потому, что писецъ (*V* или ея подлинникъ) сначала пропустилъ въ текстѣ эту букву и уже потомъ вставилъ ее, понятно, уже въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ по незначительности свободнаго пространства между *T* и $\pi\epsilon\mu\lambda\tau\omicron\nu$. Флорентійское преданіе (*L*) скорѣе приводитъ къ чтенію $\tau\langle m \rangle\epsilon\tau\omicron$, но тутъ уже можно заподозрить руку интерполятора.

Итакъ, окончательно останавливаемся на чтеніи:

Quinto mense si re(x quisquam exstiterit Romanis),
Numquam tum nihilum Geticum iam, <Ro>ma, timeto.

Впрочемъ—еще одно маленькое замѣчаніе. Съ чего это „сивиллѣ“ вздумалось передѣлывать *итовъ* въ *итовъ*? Не слѣдуетъ-ли скорѣе допустить опіску GTICVM (вмѣсто GOTICVM) въ той копіи проріцанія, которою пользовался Прокопій. Изъ GTICVM, конечно, легко могло возникнуть ETICVM, а затѣмъ и GETICVM.—Отнести подобное превращеніе къ прегрѣшеніямъ прокопіева интерполятора мы не рѣшились бы; въ противномъ случаѣ нужно было бы читать 176, 14 Γοτθιχόν (вмѣсто Γετιχόν ⁵⁾); затѣмъ 177, 1 δεῖσαιεν ⁶⁾ [Γετιχόν

¹⁾ Въ *V* это ETICVM (а въ *L* \bar{e} τῖ σο πι) какъ разъ начинается собою строку.

²⁾ Ср. между прочимъ сказанное выше о <Q>VINTILOI.

³⁾ Указанія Компаратти неточны и въ достаточной степени сумбурны.

⁴⁾ Ср. написаніе <Q>VINTILOI въ *L*.

⁵⁾ τὸ γετιχόν *L*; это τὸ могло, конечно, появиться диттографически (ср. далѣе τὸ λοιπὸν), но можетъ также указывать и на интерполяцію въ подлинникѣ *L* γετιχόν.

⁶⁾ Именно такъ и читается въ *V*.

γάρ φασιν ἔθνος τοὺς Γότθους εἶναι]. εἶχε δὲ κτλ., — выбрасывая фразу Γετικὸν — εἶναι, какъ пояснительную интерполяцію; наконецъ и въ текстѣ прорицанія пришлось бы, разумѣется, читать *Goticum* вмѣсто *Geticum*.

177, 7 Ἰουλίος¹⁾ τε ἀπ' αὐτοῦ Κοιντίλιος (вмѣсто Кинтѳлїос, какъ читаютъ издатели, слѣдуя *L*) ὠνομάζεται. Въ *V* читается ἡντίλιος (не ἡττίλιος, какъ сообщаетъ Компаретти), то-есть <κ>οιντίλιος: здѣсь η, очевидно, является искаженіемъ лигатуры υι, какъ и въ началѣ перваго гексаметра прорицанія „сивиллы“, только что разсмотрѣннаго нами выше. Вульгата кинтѳлїος, по всей вѣроятности, получилась изъ

κιντίλιος чрезъ посредство κιντίλιος. Быть можетъ, и въ общемъ архетипѣ *VL* было это чтеніе κιντίλιος—съ υ, добавленнымъ надъ строкой: писецъ *V* (или, скорѣе той рукописи, съ которой списана *V*) принялъ это за κιντίλιος, то-есть подумалъ, что υ надписано какъ поправка вмѣсто κ, и такимъ образомъ получилось въ *V* ἡντίλιος.

177, 8 οὐδὲ (οὐτε?) γὰρ βασιλεὺς τότε Ῥωμαῖος κατέστη καὶ ἡ πολιорκία ἐναυτῶ ὕστερον διαλυθήσεσθαι ἔμελλε κтл. Вставлять τις послѣ Βασιλεὺς, конечно, не стоить.

177, 10 ἐπὶ Τουτίλα Γότθων ἀρχοντας. Вульгата — Τουτίλα, въ *V* читается τοῦ τίλλα, *L* даетъ τῷ λατι.

179, 1 ταύτη τε ἀδύνατά ἐστιν ἀνθρώπων ὄφρουν πρὸ ἔργου τῶν Σιβόλλης λογίων ξυνεῖναι²⁾, ἣν μὴ ὁ χρόνος αὐτὸς ἐκβάντος ἤδη τοῦ πράγματος καὶ τοῦ λογίου (вмѣсто λόγου) ἐς παῖραν ἐλθόντος ἀκριβῆς τοῦ ἔπους ἐρμηνεὺς γένηται. Не мѣшаетъ упомянуть объ аналогичной ошибкѣ писца *L* въ 178, 12: λόγων вмѣсто λογίων (*V*).

182, 6 νύκτα δὲ τακτὴν ἢ φολακὴ τοῦ περιβόλου ἐπέχειτο ξυμμορία ἐκάστη, ἐφόλασσόν τε αὐτὸν (αὐτὸ *V*, αὐτῶν *L* и *vulgo*) ἐκ περιτροπῆς ἅπαντες. Полагаемъ, что въ подлинникѣ *V* было написано αὐτῶν.

184, 5 τῶν ἀρχαίων θεῶν, οὓς δὴ Ῥωμαῖοι γλώσση τῇ σφετέρᾳ Πένατας ἐκάλουν. Въ *V* читается Πένατες, чему слѣдуютъ Компаретти.

¹⁾ Слѣдуемъ чтенію *V*; ὁ Ἰουλίος²—вульгата (ZF), ο (безъ придыханія) ἰουλίος *L* (быть можетъ, о слилось въ одно слово съ предшествующимъ ему ξυνίη: ξυνίηρ).

²⁾ Слѣдуемъ чтенію *VL*; ξυνεῖναι—издатели вслѣдъ за Гетелемъ, который однако въ текстѣ удерживаетъ рукописное чтеніе.

Диндорфъ; вульгатой служить чтеніе *L* *πένητας*, Диндорфъ (въ критическомъ аппаратѣ) предлагаетъ читать *πένητας*.

185, 9 *Ζήτησις τε* ¹⁾ τοῦ ἔργου οὐδεμία, ἅτε ἐν θορόβῳ μέγαλφ ἐγγόναι, ἐπαι οὐδὲ τοῖς ἄρχουσιν ἐγνώσθη οὐδὲ ἐς τὸ πλῆθος . . . ἦλθεν. Вмѣсто οὐδὲ—οὐδὲ (ср. въ предыдущей строкѣ οὐδεμία), быть можетъ, слѣдуетъ читать οὔτε—οὔτε.

186, 2 Βιργεντίνος ἦν καὶ Ῥεπάρατος. Въ *V* читается βηργεντίνος, въ *L*—γυρβεντίνος; вульгатой является конъектура Гроція Βεργεντίνος, только Гёшель, которому послѣдняя была неизвѣстна, слѣдуетъ чтенію *Ἡ γερβεντίνος*, являющемуся лишь искаженіемъ чтенія *L* (*Ἡ*).—Ср. *De bellis VI*, 21 p. 142, 5 ed. Comparetti (vol. II), p. 234, 13 ed. Вона. Βιργεντίνος δὲ (καὶ γὰρ ἐντὸς ὧν Μεδιολάνου ἔτοχεν) . . . ἐς Δαλματίαν κομίζεται καὶ παρὰ βασιλέα ἐνθένδε ἦλθε, гдѣ мы слѣдуемъ чтенію *V* (βιργентίνος), замѣняя имъ невозможную вульгату Κερβεντίνον (sic!), повидимому, обязанную своимъ происхожденіемъ опечаткѣ Гёшеля или Мальтрэ ²⁾; въ *L* читается βεργенτίνος, а вовсе не кергентίνον, какъ сообщаетъ Компаратти ³⁾.

186, 12 τὴν Ἰεράν (вмѣсто іεράν) νῆσον καλουμένην ἐνταῦθα ποιεῖ. Здѣсь же мы предпочли разстановку словъ, данную въ *V*, — νῆσον καλουμένην вульгатѣ καλουμένην νῆσον (*L*).

189, 2 ἐν τῷ Ἀντίφ (вмѣсто Ἀνθίφ) ὀρμίζοντο: не думаемъ, чтобы Прокопію была неизвѣстна правильная ореографія Antium. Сверхъ того мыслимо, что членъ τῷ возникъ изъ τ, надписаннаго надъ Ἀνθίφ,—(ἐν Ἀντίφ?).

189, 5. 6 Βελισάριος γὰρ . . . τὸν λιμένα κρατόνασθαι οὐδεμίᾳ φυλακῇ ἴσχυσεν. οἶμαι γὰρ (δ' ?) ἂν εἰ καὶ τριακόσιοι ἐνταῦθα ἐφύλασσον, οὔποτε ⁴⁾ τοὺς βαρβάρους ἀποπειράσασθαι (вмѣсто ἀποπειρᾶσθαι, см. ниже) τοῦ χωρίου. Въ 189, 5 γὰρ могло появиться диттографически (ср. γὰρ въ предыдущей строкѣ); не мѣшаетъ къ тому же отмѣтить палеографическую близость γὰρ (въ сокращеніи) и δ'. Въ 189, 6 вмѣсто вульгаты ἀποπειρᾶσθαι (*L*) въ *V* находимъ ἀποπειρᾶσθαι· καὶ, — о чемъ, кстати сказать, умалчиваетъ Компаратти; это καὶ, конечно, могло по-

¹⁾ Предпочитаемъ это чтеніе *V* вульгатѣ ζήτησις δὲ (*L*).

²⁾ По крайней мѣрѣ, это окончаніе -ον вмѣсто ос.

³⁾ Равнымъ образомъ и въ *Ἡ* (копія *L*) читается βεργенτίνος, а не кергентίνος, какъ сообщаетъ тотъ же итальянскій издатель.

⁴⁾ Предпочитаемъ это чтеніе вульгатѣ οὔποτε. Въ *V* неясно — οὔποτε или οὐ ποτε, какъ и въ *L* (οὐ πο τε).

явиться здѣсь диттографическимъ путемъ (ср. выше καὶ τριακόσιοι), но естественнѣе дать его происхожденію иное объясненіе и утилизовать его для превращенія ἀποπειράσθαι въ болѣе подходящее къ данному контексту ἀποπειράσασθαι: мы думаемъ, что въ архетипѣ было написано

/ca
ἀποπειρασθαι,

но по винѣ переписчиковъ это /ca превратилось въ κα(ι) и затѣмъ незамѣтно втерлось въ самый текстъ V, тогда какъ писецъ L (или его подлинникъ) по разбѣянности или по какой-либо иной причинѣ этого ca (или και), написаннаго надъ строкой не замѣтилъ. — Думать о чтеніи καὶ ἀποπειράσθαι или καὶ ἀποπειράσασθαι врядъ-ли стоитъ.

190, 2 τῶν δoroφόρων τῶν αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) ἔνα . . . ἐκάλωον εὐθὺς τῶν βαρβάρων ἰέναι.

190, 9 ἦνίκα τέ οἱ τήν φαρέτραν οὐδέν ἐντός ἔχουσαν ἴδοι, φεύγειν τε κατὰ κράτος οὐδέν ¹⁾ αἰδεσθάντα καὶ κтл. Въ V читается ἴδοιεν, въ L— ἴδει, причѣмъ e исправлено, повидимому, изъ o ²⁾; издатели читаютъ ἴδη, принимая конъектуру Гёшеля.

191, 11 Βασιάριος Μουνοίλαν τῶν δoroφόρων τῶν αὐτοῦ (вмѣсто αὐτοῦ) ἕταρον . . . στείλας κтл.

192, 2 καὶ οἱ μὲν κατὰ ταῦτα ἐποίουν, ὑπαντισσάντων δὲ τῶν πολεμίων ζυνηνέχθη κтл. Здѣсь мы слѣдуемъ чтенію V (δὲ | τῶν), полагая, что въ вульгатѣ δὲ καὶ τῶν (L) это каѣ обязано своимъ происхожденіемъ диттографической ошибкѣ писца (ср. vs. 1 καὶ οἱ μὲν, vs. 3 εἰ μὴ καὶ πλείους, vs. 4 πέμψας δὲ καὶ τρίτον). Впрочемъ можно, пожалуй, думать и о чтеніи ὑπαντισσάντων δὲ δὴ τῶν πολεμίων, превращая (K)AI (ср. слѣдующее TΩN) въ ΔH.

192, 5. 6 πέμψας δὲ καὶ τρίτον ζὺν ἰπεῦσι 'Οἶλαν (Οὐίλαν?) τὸν δoroφόρον, ἐφ' ᾧ τὰ ὁμοια τοὺς πολεμίους ἐργάσσονται ³⁾, ταῦτά (вмѣсто ταῦτα) ἔδρασε. По поводу собственнаго имени ср. *De bellis*, VII, 1 p. 219, 6. 11; 220, 3 ed. Comperetti (vol. II), гдѣ V даетъ οὐέλας, а L (которому слѣдуютъ издатели) οὐίλας.

192, 10 ῥᾶστα καὶ αὐτὸς ᾤετο τὰ ἀνήκαστα τοὺς πολεμίους ἐργάσασθαι (ἐργάσεσθαι?), ἦν γε στρατῷ ὀλίγῳ ἐπ' αὐτοὺς τήν ἐφοδὸν ποιῶη.

¹⁾ Такъ V, вульгата — μηδέν (L). Слѣдуемъ чтенію V, сопоставляя напри-
мѣръ 190, 7 ἦν δὲ οἱ πολεμίαι ἐπ' αὐτοὺς ἴσασιν, ἐκ χειρὸς μὲν τήν μάχην οὐκ εἶν
γενέσθαι, οὐ δὲ ξίφος ἢ δορατίου τινὸς ἀπτεσθαι.

²⁾ Ошибочно сообщеніе Компаретти: „ἴδοι M“.

³⁾ Предпочитаемъ это чтеніе V вульгатѣ ἐργάσσονται (L).

195, 6 οἱ τε οὖν ἵππεις, ἦν μὴ ἐκ χειρὸς ἢ ἐμβολῆ εἶη, εὐ-
πετῶς ἂν ¹⁾ βαλλόμενοι διαφθεῖροντο (διαφθεῖρονται *V*, διαφθείρονται *L*
и *vulgo*) καὶ οἱ πεζοὶ κατ' ἀνδρῶν ἵππέων ἐπακδρομάς ποιῆσθαι οὐκ ἂν ποτε
ἴκανοί εἴεν.

197, 11 ἐς πεῖραν ἀγωνίας (ἀγωνία *V*, ἀγῶνος *L* и *vulgo*) τὴν καθ'
ἡμέραν ἦκων — ср. 201, 11 φυγῇ καὶ πρὸ τῆς ἀγωνίας τὰ πολλὰ
χρῶμενοι. Зная склонность писца *L* (или, скорѣе, его подлинника)
къ интерполяціямъ, всего естественнѣе допустить, что ἀγωνία онъ не
задумался „исправить“ въ ἀγῶνος.

201, 10 οἱ τῶν πεζῶν ἄρχοντες τὴν αἰτίαν φέρεσθαι δίκαιοι, ἵπποις μὲν
ἐν τῇ παρατάξει μόνοι ὀχοούμενοι, κοινήν δὲ ἡγεῖσθαι οὐκ ἀξιούντας τὴν τοῦ
πολέμου τόχην, ἀλλὰ φυγῇ αὐτοὶ μόνοι καὶ πρὸ τῆς ἀγωνίας τὰ πολλὰ
χρῶμενοι Въ *V* читается αὐτῶ μόνῳ (не μόνῳ, какъ сообщаетъ Компа-
ретти), въ *L* — αὐτῶν μόνῃ ἕκαστος, что принято и издателями (нату-
рально, пишущими мόνῃ); ἕκαστος мы выбросили изъ текста, какъ ин-
терполяцію *L*, появленіе которой обусловилъ родительный падежъ
αὐτῶν.

202, 12 καὶ τῶν ἵππέων ἦν τίς ποτε μοῖρα τρέπειτο, ὡς μὴ ἀπωτάτω
χωρήσειεν (χωρήσοιεν?) ἀλλ' ἐς τοὺς πεζοὺς καταφεύγοντες τοὺς διώκοντας
οἰοί τε ὡς ξὺν ἐκείνοις ἀμόνεσθαι.

204, 11 ὁρᾶν μοι δοκῶ ἐμαυτὸν . . . ἀγόμενον καὶ τὴν τῆς
Θεοδωρίχου θυγατρὸς παῖδα, ὅπη ποτὲ τοὺς νῦν πολεμίου ἀρέσχη—въ *VL*
читается ἀρέσχειν, это чтение и удерживали въ текстѣ Гёшель и Маль-
трэ, причемъ послѣдній (на полѣ своего изданія) предлагалъ испра-
вить въ ἀρέσσει или ἀρέσχοι. Диндорфъ, которому слѣдуетъ и Компа-
ретти, помѣстилъ въ текстѣ свою конъектуру ἀρέσχει, — очевидно,
менѣе удачную нежели предложенныя Мальтрэ.

207, 8 sq. ἐν τούτῳ τῷ πόνῳ ἄνδρας Ῥωμαῖοι ἀγαθοὶ πάντων μάλιστα
ἐγένοντο τρεῖς, Ἀθηνόδωρος τε, ἀνὴρ Ἰσαυρος, ἐν τοῖς Βαλισαρίου δορυφόροις
εὐδόκιμος, καὶ Θεοδώρισκος ²⁾ τε καὶ Γεώργιος Μαρτίνου δορυφόροι, Καππα-
δόκαι γένος. Въмѣсто τρεῖς (*L*) въ *V* находимъ τέσσαρες (этимъ словомъ
начинается въ *V* новая строка), но отсюда, конечно, еще вовсе не
слѣдуетъ заключать о необходимости предположить послѣ εὐδόκιμος
лакуну въ которой пропало имя четвертаго римлянина, отличившагося

¹⁾ Принимаемъ въ текстъ это ἂν изъ *V*; въ *L* и изданіяхъ его нѣтъ.

²⁾ Такъ *V* (θεοδώρισκος); θεοδώριτός *L* (въ концѣ строки) и старинные из-
дателя (Гёшель, Мальтрэ), Θεοδώριτός Диндорфъ, которому слѣдуетъ Компаретти.
Ср. по поводу этого имени то, что говорится у насъ ниже въ текстѣ.

въ данномъ сраженіи: при всей нашей увѣренности, что рука интерполятора *L* не дрогнула бы, переправляя *τέσσαρες* въ *τρεῖς*, — ближайшее сосѣдство *ἐγένοντο* этого *τέσσαρες* дѣлаетъ весьма естественнымъ предположеніе, что не *τρεῖς* возникло изъ *τέσσαρες*, но скорѣе наоборотъ, — и въ такомъ случаѣ приходится обвинить въ безвредной, правда, и полупроизвольной, но все же интерполяціи уже писца *V* (или подлинника этой рукописи).

Не мѣшаетъ затѣмъ упомянуть еще о возможности одного обстоятельства, которое смягчаетъ вину *V* въ этомъ преступленіи: освобождаетъ конецъ предшествующаго слова (*ἐγένοντο*) отъ подозрѣнія въ соучастіи и, доставляя палеографическую опору варианту *V* *θεοδώρισκος*, въ то же время приводитъ насъ къ превращенію *εὐδόκιμος* *εὐδοκίμ(ώτατ)ος*. Комбинируя *τέσσαρες* *V* съ *θεοδώριτός* *L*, можно допустить, что въ архетипѣ вмѣсто *εὐδόκιμος* было *εὐδοκίμω*^{ττ}, но это надстрочное ^{ττ} въ подлинникѣ *V* перекочевало въ предыдущую строку и, усѣвшись на *τρεῖς*, содѣйствовало превращенію этого *τρεῖς* въ *τέσσαρες* (*τέτταρες*), а въ подлинникѣ *L* это ^{ττ} перекочевало поблизости влѣво и, усѣвшись на *θεοδώρισκος*, превратило *θεοδωρισκα* въ *θεοδοριτα* (*θεο-^{ττ}δωρισκος*, *θεοδωρισκος*^{ιτ}).

210, 1 *τέλος δὲ ἐυμφρονήσαντες θυμῷ τε πολλῷ καὶ κραυγῇ ἐχόμενοι ἐπὶ τοὺς ἐναντίους ἐχώρησαν* ¹⁾ *εὐρόντες τε* (вмѣсто *δὲ*) *ἀνθρώπους κόσμῳ οὐδενὶ τὰ σφέτερα ληζομένους ἔκτεινάν τε συχνούς καὶ κτλ.*

212, 3 *ἐπὶ τὸν περίβολον οὐδέτερον τῶν ἀκοντίων ἀποβαλὼν ἦεν, ποδώκης τε* (вмѣсто *δὲ*) *ὡν φύσει διαφυγεῖν ἴσχυσε κтл.*

III. Крашенинниковъ.

¹⁾ Выбрасываемъ точку вульгаты.

О НАЧАЛЪ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

ГЛАВА I.

Доисторическое письмо Греціи.

Среди открытій, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ области археологій, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ безспорно результаты производимыхъ съ 1881 года въ разныхъ мѣстахъ Египта раскопокъ англійскаго египтолога Флиндерса Петри¹⁾. Результаты эти оказываются въ высшей степени важными, не только для изученія египетскихъ древностей, но также и для греческой археологій и даже филологій. Выводы, къ которымъ приходитъ Петри на основаніи новооткрытаго матеріала, идутъ подѣ-часъ въ разрѣзъ съ общепринятыми научными положеніями, и поэтому неудивительно, если ученые относятся къ нимъ отчасти недовѣрчиво и даже враждебно.

Живѣйшій интересъ вызвали, между прочимъ, раскопки, произведенныя въ 1888—1889 годахъ въ Фаіумѣ и опубликованныя въ 1890 и 1891 годахъ²⁾. Среди найденныхъ здѣсь памятниковъ обращаютъ на себя особенное вниманіе черепки глиняныхъ горшковъ, характеръ которыхъ свидѣтельствуетъ о ихъ неегипетскомъ происхожденіи. На многихъ изъ этихъ черепковъ можно различить знаки, похожіе на знаки

¹⁾ Кампаніи 1881—1891 гг., между прочимъ, популярно изложены въ небольшой, но весьма содержательной книжкѣ „Ten years digging in Egypt“. 2-е ed. 1893. 4°.

²⁾ Kahun, Gurob and Hawara. London. 1890 fol. 4°. Illahun, Kahun and Gurob. London. 1891. fol. 4°.

то кипрсаго, то финикійско-греческаго письма. По мнѣнію Петри, они были наведены руками частью самихъ горшечниковъ, частью владѣльцевъ названныхъ сосудовъ и представляютъ собою прототипы домикенской письменности, изъ которыхъ позднѣе развился греческій алфавитъ. Гуробскіе черепки Петри относятъ приблизительно къ 1370 году до Р. Х., такъ какъ они найдены среди остатковъ времени XVIII египетской династіи. Кагунскіе черепки, въ свою очередь, найдены среди остатковъ времени XII египетской династіи и должны быть, по мнѣнію Петри, отнесены приблизительно къ 2500 году до Р. Х., представляя собою такимъ образомъ памятники древнѣйшей ливійско-греческой культуры ¹⁾.

„По всей вѣроятности“, говоритъ Петри ²⁾, „египтяне познакомились съ обитателями Средиземнаго моря во время войны С-анк-ка-ра, послѣдняго фараона XI династіи, съ Га-небу или „господами сѣвера“— имя, всегда означающее, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшія времена, народы Эгейскаго моря. Сначала, можетъ быть, чужеземцы служили имъ въ качествѣ плѣнниковъ при исполненіи общественныхъ работъ; безъ сомнѣнія, однако, возникли торговыя сношенія съ „обитателями сѣвера“, такъ какъ найденныя гири иноземнаго, а не египетскаго, происхожденія. Упомянутыя иноземныя рабочіе, по всей вѣроятности, не имѣли возможности ознакомиться съ сложной системой египетскаго письма, такъ какъ жили исключительно въ обществѣ египетскихъ каменщиковъ. Отъ послѣднихъ они могли позаимствовать такъ называемыя „мѣтки каменщиковъ (masons' marks)“, происшедшія изъ гіероглифовъ, и многіе изъ названныхъ знаковъ имѣютъ съ ними дѣйствительно большое сходство. Затѣмъ этимъ „мѣткамъ“ стали придавать звуковое значеніе, и въ концѣ концовъ были образованы изъ нихъ слова, каковыя, напримѣръ, находятся на деревянныхъ цилиндрахъ ³⁾. При распространявшихся все далѣе торговыхъ сношеніяхъ знаки эти вошли въ употребленіе въ области Средиземнаго моря. Наконецъ простыя условныя мѣтки рабочихъ развились въ особый родъ письма и легли такимъ образомъ въ основу алфавитной системы.— Подобную египетскимъ плѣнникамъ участь, очевидно, могли испытать кипряне и финикіяне въ Вавилоніи, и нѣкоторые изъ здѣсь изобрѣ-

¹⁾ Kahun, Gurob and Hawara, §§ 83—85; Illahun, Kahun and Gurob, pp. 10—11.

²⁾ Kahun, Gurob and Hawara, p. 44.

³⁾ Kahun, Gurob and Hawara, plate XXVIII, 85.

тенныхъ знаковъ могли развиваться въ алфавитную систему на основаніи такихъ же процессовъ.—Мы имѣемъ, стало быть, предъ собою задачу слѣдующаго рода. Съ одной стороны намъ извѣстны египетскіе іероглифы, іератическіе знаки и мѣтки египетскихъ каменщиковъ, а также клинообразное письмо и, можетъ быть, іероглифы хетеевъ, какъ прототипы (elements) названнаго письма; съ другой—кипрское силлабическое письмо, финикійскій, лкійскій, кельтиберскій, ливійскій и другіе алфавиты, какъ конечныя ступени его развитія: въ какомъ отношеніи находятся промежуточныя ступени письма (то-есть интересующіе насъ знаки XXVI и XIV вѣковъ до Р. X.) къ первоначальнымъ и конечнымъ его формамъ? и какимъ образомъ можно прослѣдить связь между начальными и конечными звеньями этой цѣпи развитія на основаніи здѣсь найденныхъ промежуточныхъ звеньевъ?“

Это заставляетъ естественно предположить существованіе письменности у грековъ въ столь отдаленную эпоху ихъ исторіи, о которой ученые едва осмѣливались высказывать мнѣнія. Даже время микенской культуры—какъ это ни странно въ виду высокой степени ея совершенства—было принято считать временемъ отсутствія у грековъ письменности ¹⁾. Мнѣніе Петри вызвало поэтому понятное изумленіе, но въ виду факта находенія упомянутыхъ черепковъ въ остаткахъ временъ XII и XVIII династій съ одной стороны и сходства находящихся на нихъ знаковъ съ знаками отчасти кипрскаго, отчасти финикійско-греческаго письма съ другой стороны—заключенія англійскаго археолога должны были показаться правдоподобными.

Особенно довѣрчиво отнеслись къ открытію Петри французскіе ученые Масперо и Рейнакъ. Первый написалъ двѣ статьи ²⁾, изъ которыхъ во второй приводитъ личное мнѣніе относительно упомянутыхъ черепковъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вопросъ, возбуждаемый присутствіемъ вазъ этого типа въ Кагунѣ, есть вопросъ первой важности. Онѣ найдены въ остаткахъ времени XII или XIII династіи, и нельзя не допустить, что онѣ восходятъ ко времени этихъ династій, то-есть приблизительно къ 3200—2500 гг. до Р. X. Археологи, за-

¹⁾ Въ послѣдній разъ такое сужденіе было высказано Перро: Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. VI [La Grèce primitive.] 1894. 8°, p. 985.

²⁾ Revue critique 1891, t. I pp. 317—323; 1892, t. I pp. 265—271.

нимающіеся греческой керамикой, мало подготовлены къ допущенію столь отдаленныхъ датъ: однако, имъ придется съ ними примириться, если дальнѣйшія раскопки подтвердятъ изслѣдованія Петри и докажутъ существованіе эгейскихъ глиняныхъ сосудовъ, современныхъ XII династіи, не только въ преддверіяхъ Фаіума, но и въ другихъ мѣстахъ¹⁾. Въ томъ же смыслѣ выражается Рейнакъ: „Большая часть датъ, приводимыхъ Петри по отношенію къ найденнымъ въ Египтѣ древностямъ, основана, повидимому, на догадкахъ, но совокупность представляемыхъ имъ синхронизмовъ кажется тѣмъ болѣе правдоподобною, что хронологія его согласуется съ тою, которую сохранили намъ преданія самихъ грековъ“²⁾.

Иначе отзываются о томъ-же предметѣ нѣмецкіе ученые Винтеръ и Штейндорфъ. Первый говоритъ слѣдующее: „Вмѣстѣ съ счастливымъ находчикомъ этихъ предметовъ слѣдуетъ признать, что здѣсь открыты остатки культуры, чуждой Египту и представляющей достояніе поселившихся въ Гуробѣ иноземцевъ; зато болѣе чѣмъ сомнительной остается сдѣланная имъ попытка опредѣлять національность этого чужого народа на основаніи найденныхъ гирь и начерченныхъ знаковъ, встрѣчающихся въ большомъ числѣ на нерасписанныхъ сосудахъ не только Гуроба, но и древнѣйшихъ словъ Кагуна, въ которыхъ Флиндерсъ Петри полагаетъ видѣть начатки финикійскаго алфавита“³⁾. Такъ-же думаетъ и Штейндорфъ: „Мѣстности, которыя изслѣдовалъ Петри, представляютъ двѣ груды развалинъ, лежація въ юго-восточномъ углу Фаіума. Онѣ извѣстны теперь подъ названіями Кагунъ и Гуробъ. Кагунъ — городъ XII династіи, основанный фараономъ Узертезеномъ II съ цѣлью дать мѣста для поселенія многочисленнымъ рабочимъ, занятымъ постройкой его пирамиды и принадлежащаго къ ней храма. Вскорѣ послѣ окончанія этихъ работъ городъ былъ покинутъ и опустѣлъ, такъ что населенъ онъ былъ приблизительно въ продолженіи одного столѣтія. Такимъ образомъ все, что здѣсь нашелъ Петри, должно быть съ полною увѣренностью отнесено къ этому столѣтію, около 2000 г. до Р. Хр. Здѣсь, вмѣстѣ съ египетской домашней утварью, горшками разныхъ формъ, инстру-

¹⁾ Rev. crit. 1892, t. I p. 269.

²⁾ Chronique d' Orient (Revue archéologique 1892, t. I) p. 95.

³⁾ Archäologischer Anzeiger (Jahrbücher des Archäologischen Instituts) 1891, S. 38.

ментами и предметами украшенія найдено, къ сожалѣнiю, лишь небольшое число черепковъ, которые обратятъ на себя ваше вниманiе. Они носятъ совершенно неегипетскiй характеръ, и Петри назвалъ ихъ по материалу и своеобразному украшенiю „древнеэгейскими“ или „домикенскими“. Насколько вѣрны основанiя, побудившiя его къ этому положенiю, я не могу судить. Во всякомъ случаѣ понятiе „древнеэгейскiй“ очень широкое и заключаетъ въ себѣ многое. Зато дальнѣйшiе выводы Петри, именно, что мы должны видѣть въ этихъ глиняныхъ черепкахъ произведенiя древнѣйшей, ливiйско-греческой цивилизации Эгейскаго моря и Италiи, прежде всего, мнѣ кажется, выходятъ далеко за предѣлы вѣроятности, не говоря уже совсѣмъ о другомъ, примыкающемъ сюда предположенiи, что этотъ союзъ эгейско-ливiйскихъ народовъ стоитъ въ связи съ вторженiемъ въ Египетъ гиксовъ. Въ пользу этой новой комбинацiи влетенiя гиксовъ едва-ли говорить что-либо другое, кромѣ прелести новизны ¹⁾. — На болѣе прочную почву ставятъ насъ раскопки Петри въ Гуробѣ. И здѣсь существенное преимущество его открытiй заключается въ достовѣрности относительнаго опредѣленiя ихъ эпохи, такъ-какъ и этотъ городъ имѣлъ сравнительно непродолжительное существованiе. Онъ стоитъ въ связи съ храмомъ, основаннымъ Тутмосисомъ III (въ первой половинѣ XV вѣка до Р. Хр. ²⁾). Святилище это среди политическихъ смуть, знаменующихъ конецъ XVIII династiи, пришло въ запустѣнiе, приблизительно 100 лѣтъ спустя послѣ его основанiя, и жители стали селиться также внутри его ограды. Когда же затѣмъ Рамзесъ II велѣлъ срыть стѣны ограды, чтобы воспользоваться ихъ камнями для новой постройки въ сосѣднемъ Анасѣ или Мединетъ-эль-Фаиумѣ, то бѣдныя хижины появились и на самыхъ развалинахъ храма, пока при фараонѣ Меренпта, преемникѣ Рамзеса II, весь городъ не былъ разрушенъ или опустѣлъ вслѣдствiе какихъ-либо другихъ обстоятельствъ. Систематически изслѣдуя этотъ городокъ, его храмъ и могилы, Петри нашелъ множество сосудовъ микенскаго времени, число которыхъ значительно превосходитъ все, что изъ произведенiй этого рода было до сихъ поръ извѣстно изъ Египта. И здѣсь на первомъ планѣ сто-

¹⁾ См. Petrie. *Journal of hellenic Studies* XI, p. 277.

²⁾ Время Тутмосиса III теперь съ точностью опредѣлилъ Карлъ Фридрихъ Леманъ: 1515—1462 (*Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung*. Leipzig. 1898. 8°. S. 158).

ять такъ называемыя „Vogelkappen“ съ украшеніями и безъ нихъ. Предѣлы времени, къ которому должны быть отнесены эти находки, можно означить съ полною точностію на основаніи открытыхъ вмѣстѣ съ ними египетскихъ памятниковъ извѣстной датировки. Время это—приблизительно съ половины XVIII династіи (около 1450 г.) до конца XIX и начала XX династіи (стало быть, приблизительно до 1250 г. до Р. Хр.“¹⁾.

Съ особеннымъ ожесточеніемъ напалъ на Петри англійскій археологъ Сесиль Торръ, который нашелъ въ показаніяхъ своего соотечественника противорѣчія и заключилъ изъ этого, что выводы Петри вовсе не заслуживаютъ довѣрія. Между обоими учеными возгорѣлась жаркая полемика²⁾. Торръ старается доказать, что фактъ нахождения кагунскихъ черепковъ среди остатковъ времени XII (или XIII, какъ также допускаетъ Петри) династіи не представляетъ еще достаточнаго основанія къ отнесенію этихъ предметовъ именно къ означенной эпохѣ. Петри, въ свою очередь, новыхъ вѣскихъ доказательствъ не приводитъ, напротивъ, даже, повидимому, уступаетъ своему противнику и подчасъ невольно впадаетъ въ противорѣчія, что даетъ Торру поводъ къ еще болѣе ожесточеннымъ нападкамъ. Въ концѣ концовъ споръ обихъ переходитъ просто въ придирки. Въ результатъ, однако, оказывается, что заключенія Петри, повидимому, нуждаются въ болѣе вѣскихъ доказательствахъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ основаны его положенія.

Что касается самихъ знаковъ, то ученые не видѣли необходимости признать въ нихъ характеръ письменности. Максъ Мюллеръ говоритъ о нихъ такъ: „Протоэгейское письмо“ Петри, повидимому, не что иное, какъ мѣтки горшечниковъ, состоящія изъ черточекъ“³⁾. Эдуардъ Мейеръ, говоря о распространеніи малоазіатско-хетейской культуры, правда, признаетъ эти мѣтки за письменные знаки: „Глиняные черепки съ письменными знаками, похожими на кипрскіе, встрѣчаются уже въ 3-мъ тысячелѣтіи до Р. Хр. въ поселеніи при входѣ

¹⁾ Читано на засѣданіи археологовъ въ Берлинѣ 9-го декабря 1891 года, въ день годовщины Винкельмана: *Wochenschr. f. cl. Phil.* 1892, № 9, Spalte 249; *Archäologischer Anzeiger vom Dezember 1891*, S. 12 (*Jahrbücher d. Arch. Inst.* 1892).

²⁾ *Classical Review* 1892, p. 126 f.; *Academy* 1892, vol. I pp. 476, 500, 621, vol. II pp. 18, 56, 77, 97, 117, 137, 157, 178, 198, 221, 245, 270, 292, 317, 341, 369, 417, 442.

³⁾ Max Müller. *Asien und Europa*. Lpz. 1893. 8°. S. 385, Anm. 1.

въ Фаумъ у пирамиды Узертезена II (XII дин.); они попадаются также въ остаткахъ времени XVIII династии. Подобные письменные знаки можно видѣть на „катушкахъ“ („Spinnwirtel“) 2-го города въ Троѣ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Мейеръ выражается о подобныхъ кагунскимъ гуробскихъ знакахъ слѣдующимъ образомъ: „Начерченные письменные знаки обнаруживаютъ большею частью приближеніе къ хетейскимъ; ниодня изъ нихъ не можетъ быть отнесенъ съ достовѣрностью къ финикійско-греческому алфавиту“²⁾. Однако, въ отдѣлѣ греческой письменности³⁾ тотъ-же авторъ говоритъ объ упомянутыхъ знакахъ такъ: „Опубликованные Петри кагунскіе черепки съ письменными знаками обнаруживаютъ рядомъ съ кипрско-хетейскими также такіе, которые *могутъ* быть финикійско-греческими, но въ такомъ случаѣ не представляютъ очень древнюю ступень развитія письма. Съ увѣренностью, однако, нигдѣ нельзя признать въ нихъ характеръ письменности; въ противномъ случаѣ можно, по моему мнѣнію, лишь вывести заключеніе, что черепки далеко не такъ стары, какъ принимаетъ Петри“⁴⁾. Если такимъ образомъ Мейеръ отрицаетъ характеръ письменности однихъ изъ этихъ знаковъ, то нѣтъ основанія видѣть, почему другіе знаки носятъ, по его мнѣнію, письменный характеръ.

Взглядъ на знаки Петри не могло измѣнить и открытіе Блисса, который въ началѣ 90-хъ годовъ нашель въ южной части Палестины на мѣстѣ древняго Лахиша (нынѣ Тель-эль-Гези) между прочимъ также черепки глиняныхъ сосудовъ со знаками, отчасти напоминающими фаумскіе⁵⁾. Блиссъ относитъ ихъ время приблизительно до 1500 года (кромѣ № 21, найденнаго въ одномъ изъ позднѣйшихъ слоевъ Лахиша) и видитъ въ своихъ находкахъ произведенія чужезем-

¹⁾ Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. II. (Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege). Stuttgart. 1893. 8°. S. 140.—Flinders Petrie. Kahun, Gurob and Hawara. 1890. Pl. 27. — Относительно троанскихъ „катушекъ“ см. Saucy въ книгѣ *Schliemann*. Илюз. Lpz. 1881. 8°. S. 766 ff. Ср. тамъ же, S. 463 f.

²⁾ Ed. Meyer II, S. 202. — Petrie. Ibid. pl. 28. Ср. Petrie въ Journ. of. hell. Studies XI p. 271 ff.

³⁾ Ed. Meyer II §§ 251—253.

⁴⁾ Ed. Meyer II S. 381.—Ср. W. Larfeld. Jahresberichte für Fortschritte der class. Alterthumswissenschaft von Bursian. Supplementband 1896. Griechische Epigraphik 1888—1894. S. 142.

⁵⁾ F. J. Bliss. Tell-el-Hesi. A Mound of Many Cities or Tell-el-Hesi excavated. (Palestine Exploration Fund). London. 1894. 8°, pp. 21, 23, 25, 28, 29, 30, 33 (№№ 1—68).

ной культуры, не похожей ни на финикійскую, ни на египетскую ¹⁾. Многие изъ открытыхъ здѣсь знаковъ представляютъ впрочемъ лишь группы черточекъ разной величины или даже точекъ и заставляютъ поэтому также и въ остальныхъ, повидимому, признать простыя мѣтки горшечниковъ, желавшихъ, можетъ быть, обозначить каждый свою собственность. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ приближаются къ знакамъ кипрскаго письма и финикійско-греческаго алфавита, однако вывести на основаніи ихъ какое-либо опредѣленное заключеніе насчетъ греческой письменности не представляется возможнымъ.

●. Видеманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid. p. 42, особенно на основаніи обломковъ №№ 83, 85, и 88.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(май и іюнь 1898 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему
Сенату.**

	СТРАН.
28-го апрѣля 1898 года	57
28-го апрѣля 1898 года	—
2-го мая 1898 года	—

Высочайшія повелѣнія.

1. (16-го февраля 1898 года). О закрытіи одного изъ существующихъ при Иркутской учительской семинаріи начальныхъ училищъ и объ учрежденіи взамѣнъ онаго приготовительнаго класса при этой семинаріи	3
2. (23-го декабря 1897 года). Объ учрежденіи при Маріинской Воронежской женской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Принцесы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской	4
3. (23-го декабря 1897 года). О включеніи въ составъ попечительскихъ совѣтовъ директоровъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ	—

4. (23-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи при Острогской женской прогимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны	5
5. (23-го декабря 1897 года). О прекращеніи дѣятельности Издательскаго общества при постоянной комисіи по устройству народных чтеній	—
6. (22-го января 1898 года). Обь учрежденіи при Островской Александровской женской прогимназіи одной стипендіи и мѣстномъ городскомъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ	58
7. (22-го января 1898 года). О наименованіи студенческаго общежитія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Именемъ Его Императорскаго Величества	—
8. (29-го января 1898 года). Обь учрежденіи въ городѣ Шавляхъ женской гимназіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ	—
9. (16-го марта 1898 года). О кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Кологривовскомъ, Гдовскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія	59
10. (16-го марта 1898 года). Обь учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ для Черноморской губерніи	—
11. (27-го января 1898 года). Обь учрежденіи при Русскомъ астрономическомъ обществѣ золотой медали имени профессора С. П. Глазенапа	60
12. (16-го марта 1898 года). Обь учрежденіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ при Московской первой гимназіи	—
13. (21-го марта 1898 года). Обь утвержденіи проекта рисунка медали для рецензентовъ сочиненій, представляемыхъ въ Императорскій Харьковскій университетъ на соисканіе преміи въ память 25-лѣтія Царствованія Императора Александра Николаевича	61

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

13-го марта 1898 года	6
17-го марта 1898 года	—
20-го марта 1898 года	—
27-го марта 1898 года	10
31-го марта 1898 года	11
3-го апрѣля 1898 года	12
11-го апрѣля 1898 года	—
25-го апрѣля 1898 года	61
28-го апрѣля 1898 года	—
2-го мая 1898 года	63
6-го мая 1898 года	71
11-го мая 1898 года	—

**ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО СТРАН.
ПРОСВѢЩЕНІЯ 13 и 71**

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го марта 1898 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ	23
2. (8-го юля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Константина и коллежскаго совѣтника Ивана Федоровичей Островидовыхъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	24
3. (18-го сентября 1897 года). Положеніе о пяти стипендіяхъ имени генераль-лейтенанта П. Ф. Унтербергера при Владивостокской мужской гимназій	26
4. (1-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Іоновича Тюменева при Рыбинской мужской гимназій	26
5. (1-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени Митрофана Ивановича Чуйкова-Оверина при Нижегородской мужской гимназій	27
6. (18-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Григорія Ивановича Иванова при Вѣрненской мужской гимназій	28
7. (29-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Московскаго реальнаго училища, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Алексѣевича Кривоносова, учреждаемой при томъ же училищѣ	29
8. (12-го ноября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго секретаря Лариссы Дмитриевны Даниловичъ при Курскомъ реальномъ училищѣ	30
9. (29-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіи имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III-го при Бѣгородской мужской гимназій	31
10. (4-го января 1897 года). Положеніе о стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской при Воронежской Маріинской женской гимназій	32
11. (4-го января 1898 года). Положеніе о стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны при Остроужской женской прогимназій	32
12. (6-го января 1898 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Антипьевича Пьянкова при Вятской Маріинской женской гимназій	34
13. (6-го января 1898 года). Положеніе о стипендіи имени Таисіи Николаевны Шульгиной при Троицкосавской женской графа Муравьева-Амурскаго гимназій	35

14. (14-го января 1898 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Павла Карловича Тубенталя при Опочецкой женской прогимназіи	36
15. (10-го февраля 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанки Ольги Гавриловны Васильевой при Конотоскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ	—
16. (27-го февраля 1898 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Юліана Ивановича Зубковича при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра	37
17. (6-го марта 1898 года). Положеніе о пользованіи капиталомъ имени вдовы профессора Юліи Ивановны Виноградовой на содержаніе за границею готовящихся на университетскую кафедру по медицинскому факультету Императорскаго Казанскаго университета	38
18. (6-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени ординарнаго профессора Николая Андреевича Виноградова при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	39
19. (6-го марта 1898 года). Положеніе о пользованіи капиталомъ имени вдовы профессора Юліи Ивановны Виноградовой на премію за лучшія сочиненія по медицинскому факультету Императорскаго Казанскаго университета	40
20. (25-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіи имени генерал-лейтенанта Павла Алексѣевича Зеленаго при Одесскомъ городскомъ 6-ти-классномъ училищѣ	41
21. (25-го марта 1898 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ подъ наименованіемъ „Константино-Варваринскихъ“ при Московскомъ учительскомъ институтѣ	42
22. (26-го апрѣля 1894 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ	75
23. (30-го августа 1897 года). Положеніе объ учреждаемыхъ дворянствомъ Нижегородской губерніи, при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II-го, шести стипендіяхъ имени Высочайшихъ особъ	76
24. (12-го сентября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени чиновъ Сарапульскаго удѣльнаго округа при Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ	77
25. (29-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени почетнаго гражданина Филиппа Степановича Степанова при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ	78
26. (29-го октября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Николая Григорьевича Сидорова при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ	79
27. (12-го ноября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Александра Степановича Чеботарева при Курской мужской гимназіи	80
28. (27-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіи имени быв-	

шаго ученика VIII класса Макса Шполянскаго при Одесской 2-й гимназiи	81
29. (27-го марта 1898 года). Положенiе о стипендiи при Мариупольской Александровской гимназiи въ память Священнаго Коронованiя Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая 1886 года	82
30. (29-го марта 1898 года). Положенiе о стипендiяхъ имени Григорiя Кириловича и Анны Ивановны Кузнецовыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	—
31. (5-го мая 1898 года). Положенiе о стипендiи имени представителя торговаго дома „Никона Гарелина Сыновей“ мануфактурь-совѣтника Меодiя Никонovichа Гарелина въ Иваново-Вознесенскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ	83
32. (16-го мая 1898 года). Положенiе о стипендiи при университетѣ Св. Владимiра	84

**ОПРЕДѢЛЕНIЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНIЯ 43 и 85**

**ОПРЕДѢЛЕНIЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ 46 и 87**

**Опредѣленiя отдѣленiя ученаго комитета министерства на-
роднаго просвѣщенiя по техническому образованiю 49 и 90,**

Открытiе училищъ 50 ✓

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскiй. Синтактичeskiя наблюденiя	1
Г. В. Форстенъ. Сношенiя Швеции и Россiи во второй половинѣ XVII вѣка (1648—1700) (<i>продолженiе</i>)	48 и 312
В. Н. Перетцъ. Изъ исторiи пословицы	104
В. О. Эйнгорнъ. Дипломатическiя сношенiя московскаго правительства съ правобережною Малороссiей въ 1673 году	118
С. Е. Савичъ. О математическxъ трудахъ Конта	152
Н. Н. Ардашевъ. Изъ исторiи XVII вѣка	225
П. М. Мелiorанскiй. Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями	263
С. Ѳ. Платоновъ. Первые политическiе шаги Бориса Годунова (1586—1594)	293
В. И. Срезневскiй. Иванъ Евсеvичъ Срезневскiй	351

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

	СТРАН.
С. О. Платоновъ. Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. С.-Пб. 1898	170
С. О. Платоновъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Николая Барсукова</i> . Книга двѣнадцатая. С.-Пб. 1898	176
Ю. П. Бартенева. <i>В. А. Кожеевниковъ</i> . Философія чувства и вѣра въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и критическая философія. Часть первая. Москва. 1897.	179
А. С. Архангельскій. Каталогъ собранія рукописей О. И. Буслаева, чинѣ принадлежащихъ Императорской Публичной библиотекѣ. Составилъ <i>И. А. Бичковъ</i> . С.-Пб. 1897	194
С. А. Жебелевъ. Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпуски I—IV. Составилъ академикъ <i>В. В. Суслевъ</i> . С.-Пб.	214
В. Н. Ренненкампафъ. Политика, какъ самостоятельная наука въ области государственныхъ знаній	412
В. Западно-Европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ <i>О. Петерсона</i> и <i>Е. Балабановой</i> . Томъ второй. Скандинавія. С.-Пб. 1898	437
С. Л. Курсь физики. <i>О. Д. Хвольсона</i> . Томъ второй. С.-Пб. Изданіе <i>К. Л. Риккера</i>	440
В. К. Поржезинскій. Руководство къ самообразованію. Основной курсъ общаго языкованія. (Происхожденіе, развитіе и распространеніе языка). <i>А. Погодина</i> , приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1896	444
<i>И. Б. Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ)</i> . „У синя моря“. Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автотипіями, исполненными по фотографическимъ снимкамъ Его Свѣтлости Князя Мирко Черногорскаго, <i>В. А. Хршоновича</i> , <i>А. П. Матвѣевскаго</i> и др. С.-Пб. 1898	454
<i>И. А. Тихомировъ</i> . Исторія Переяславльскаго земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Монографія <i>Василія Ласкоронскаго</i> . Кіевъ. 1897	459
Книжныя новости	218 и 466

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	1 и 23
---	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТРАН.

Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Казанскій университетъ въ 1896—1897 года	1
II. Императорскій Юрьевскій университетъ въ 1897 году	10
К. Нечаевъ. Порѣцкая учительская семинарія въ первые 25 лѣтъ ея существованія	16
А. Т. Письмо изъ Рима	39
Л. Л—ръ. Письмо изъ Париза	48
А. Г. Вопросъ о гонорарѣ и профессорскомъ жалованьи въ Прусской палатѣ депутатовъ въ 1897 году	60
Императорское Московское Археологическое Общество въ 1897 г.	103 ✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Б. Фармаковскій. Вакхлидъ и аттическое искусство V вѣка	49
И. О. Анненскій. „Юныя жертвы, или Тесей“ Вакхлида	54
П. В. Никитинъ. Къ Вакхлиду	58
В. В. Майковъ. Два эпитиміи Пиндара	63
И. О. Анненскій. Посмертная „Ифигенія“ Еврипида	67
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Vagia</i> (продолженіе)	84 и 98 ✓
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Procoriana</i>	121
О. О. Вульфъ. О началѣ греческой письменности	149 ✓

ОБЪЯВЛЕНІЯ. ✓

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ,

подъ редакціею академика **В. В. СУСЛОВА.**

I выпускъ—26 листовъ рисунковъ; цѣна 16 руб., II выпускъ—14 листовъ, 9 руб., III выпускъ—15 листовъ, 11 руб., IV выпускъ—15 листовъ, 12 руб.

Рисунки исполнены гелиографіею и хромофотографіею.

Въ изданіе входятъ памятники архитектуры, живописи и художественно-промышленнаго древняго производства, съ пояснительнымъ текстомъ.

Покупающимъ въ академіи художествъ—уступка 15⁰/₀; иногородніе за пересылку не платятъ.

Къ концу года поступитъ въ продажу V выпускъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

(9-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе вышедшихъ четырехъ книжекъ за текущій годъ (январь — апрѣль) слѣдующее: 1) Н. А. Вышнеградскій въ женскихъ гимназіяхъ. Е. О. Лихачевой; 2) Нравоучительная и педагогическая литература въ Россіи XVIII вѣка. М. И. Деміова; 3) Воспоминанія казеннаго пансіонера о третьей С.-Петербургской гимназіи. И. И. Сентъ-Илера; 4) Бѣлинскій, какъ педагогъ. С. Ашевскаго; 5) А. Н. Майковъ и педагогическое значеніе его поэзіи. М. Ф. Анненскаго; 6) Къ вопросу о переутомленіи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. С. Виренуса; 7) Гигіена, какъ общеобразовательный предметъ преподаванія. М. С. Уварова; 8) О природѣ дѣтей. П. Ф. Каптерева; 9) Два враждебныхъ взгляда въ области нравственнаго воспитанія. Л. Е. Оболенскаго; 10) Мысли о воспитаніи и обученіи. М. П. Яновскаго; 11) Индивидуализація, какъ основа образованія. Ф. С. Матвѣева; 12) Забытый вопросъ В. П. Вахтерова; 13) О значеніи реального образованія. И. А. Кричагина; 14) Къ вопросу о высшемъ техническомъ образованіи. Д. С. Зернова; 15) Къ вопросу о причинахъ упадка знанія русскаго языка въ нашей средней школѣ. Юрїя Галабушскаго; 16) Къ вопросу о надзорѣ за начальнымъ народнымъ образованіемъ. А. М. Тютрюмова; 17) Письма о народной школѣ. М. Н. Ларионова; 18) В. Я. Стоунинъ и воскресныя школы. Н. Ф. Ареньева; 19) Продолжительность курса обученія въ земскихъ школахъ. В. Каменской; 20) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній. М. П. Бѣлононскаго; 21) О положеніи учащихся въ народныхъ школахъ Курской губерніи. М. Тулуновой; 22) Народная школа и церковное пѣніе. И. И.; 23) Чему учать теперь крестьянскихъ дѣтей. С. И-вой; 24) Опытъ распредѣленія и переработки учебнаго матеріала по русскому языку въ городскихъ училищахъ по положенію 1872 г. В. Волоцкаго; 25) Нѣсколько словъ о преподаваніи отечественной географіи въ средней школѣ. А. Ф. Соколова; 26) Воззрѣнія профессора Грабера на преподаваніе зоологіи въ средней школѣ. П. Фрейберга; 27) Дѣйствительное положеніе естествовѣдѣнія въ женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. А. Негаворъ-Тура; 28) Критика и библиографія (около 50 рецензій). Л. Е. Оболенскаго, В. М. Гривоскаго, П. Ф. Каптерева, А. С. Виренуса, Я. И. Руднева, В. Шидловскаго, Н. П. Дружинина, А. П. Налимова и др.

Кромѣ того, въ каждой книжкѣ «Русской Школы», въ отдѣлѣ «Педагогическая хроника» печатались: а) Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ. *Е. Р.*; б) Хроника народнаго образованія и народныхъ библиотекъ. *Я. В. Абрамова*; в) Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакцію *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; г) Хроника профессиональнаго образованія. *В. Б—ча* и многія др. статьи.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою — **ШЕСТЬ руб. 50 коп.**, для иногородныхъ съ пересылкою — **СЕМЬ руб.**, за границу — **ДЕВЯТЬ руб.**

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз. пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. $\frac{1}{43}$, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.

За предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

APPROVED
UCHA
INTER-LIBRARY LOAN

STORAGE ANNEX

STORAGE ANNEX

23 AUG 61 EK
IN STACKS
AUG 10 1961

JAN 10 1973

IN STACKS

REC'D LD

SEP 17 1962

AUG 6 1962

7 Oct 1962

LD 21-95m-11, '50 (2877s16) 47

REC'D LD

LD 21A-50m-11, '62
(D3279s10) 476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C032013880

855880

L451
A4
v. 317

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

